

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

ORIENTAL DEPARTMENT OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY
INSTITUTE OF THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SANKT-PETERSBURG BRANCH OF THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**MEMOIRS
OF THE ORIENTAL DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL SOCIETY**

The Edition was founded by Academician Viktor R. Rosen in 1886

New Series
Volume II (XXVII)

St. Petersburg
2006

ВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

**ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(ЗВОРАО)**

Издание основано академиком В. Р. Розеном в 1886 г.

Новая серия
Том II (XXVII)

Санкт-Петербург
2006

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 05-01-16337д)*

Ответственный научный редактор тома:
В. П. Никоноров

Редакционная коллегия:
О. Ф. Акимускин, А. А. Иванов, А. И. Колесников, С. Г. Кляшторный,
В. М. Массон (председатель Восточного отделения Российского
археологического общества), И. Ф. Попова, И. В. Пьянков

Editor-in-Chief of the Volume:
Valery P. Nikonorov

Editorial Board:
Oleg F. Akimushkin, Anatoly A. Ivanov, Aliy I. Kolesnikov,
Sergey G. Klyashorny, Vadim M. Masson (President of the Oriental Department
of the Russian Archaeological Society), Irina F. Popova, Igor' V. P'iankov

**Записки Восточного отделения Российского археологического общества
(ЗВОРАО). Новая серия. Т. II (XXVII) — СПб.: Петербургское Восто-
коведение, 2006. — 636 с.**

Настоящий том ЗВОРАО, в полном соответствии с традициями этого авторитетнейшего издания отечественного востоковедения, основанного в 1886 г., включает в себя разработки российских ученых и их коллег из ближнего зарубежья не только в области собственно археологии, но и в других дисциплинах — истории, нумизматике, филологии и эпиграфике, что позволяет существенно углубить наши представления о цивилизациях древнего и средневекового Востока. Кроме того, том содержит разнообразные материалы информационного и справочного характера

**Исключительное право на распространение
настоящего издания в России и за ее пределами
принадлежит издательству «Петербургское
Востоковедение»**

© Восточное отделение Российского
археологического общества, 2006
© Институт истории материальной культуры РАН, 2006
© «Петербургское Востоковедение», 2006

Зарегистрированная торговая марка

СОДЕРЖАНИЕ

В ЧЕСТЬ 75-ЛЕТИЯ В. М. МАССОНА

От редакционной коллегии	12
<i>В. М. Массон</i> (Санкт-Петербург). Эпоха первых цивилизаций юга Центральной Азии	14
<i>Л. Б. Кирчо</i> (Санкт-Петербург). В. М. Массон: первооткрыватель, исследователь, организатор науки (опыт периодизации научной деятельности)	35
<u><i>Б. Я. Ставиский</i></u> (Москва). Академик Вадим Михайлович Массон в жизни и мифах	41
<i>Д. Абдуллоев</i> (Санкт-Петербург). Топонимия средневекового Афганистана по сочинению X в. «Худуд ал-алам» в свете археологических материалов и современных карт	46
<i>О. Ф. Акимушкин</i> (Санкт-Петербург). Автобиографические эссе двух персидских хронистов эпохи Сафавидов	60
<i>А. Ю. Борисенко, К. Ш. Табалдиев, Ю. С. Худяков</i> (Новосибирск и Бишкек, Кыргызстан). Сравнительный анализ изображений лучников на петроглифах Алтая и Тянь-Шаня	73
<i>Ю. А. Виноградов</i> (Санкт-Петербург). Керамические находки с вершины Хусн аль-Гураб — акрополя южноаравийского порта Кана	83
<i>А. Джумаев</i> (Ташкент, Узбекистан). Трактат о музыке «Кашф ал-автар» Касима ибн Дуста Али ал-Бухари (XVI в.) из коллекции Библиотеки Британского музея	91
<i>Джс. Я. Ильясов</i> (Ташкент, Узбекистан). Заметки о некоторых среднеазиатских тамгах	99
<i>М. Ш. Кдырнязов</i> (Нукус, Узбекистан). Люстровый кувшин из Миздакана	122
<i>В. А. Лившиц</i> (Санкт-Петербург). Предводитель чачского народа в согдийских надписях и монетных легендах	124
<i>Джс. М. Мустафаев</i> (Баку, Азербайджан). Город Шемаха в позднем Средневековье	132
<i>О. А. Папахристу</i> (Афины, Греция). Маркетинг в железопроизводящей промышленности Среднего Востока и опыт реконструкции черной тигельной металлургии Ахсикета IX—начала XIII в.	141
<i>И. Ф. Попова</i> (Санкт-Петербург). Конница в китайской армии начала Тан (VII в.).	210
<i>И. В. Пьянков</i> (Великий Новгород). Жуны и ди, аримаспы и амазонки (К вопросу о дальневосточном импульсе в истории евразийских степей конца II—I тыс. до н. э.)	215
<i>Н. Ф. Савониди</i> (Санкт-Петербург). Керамические маслобойки VII—VIII вв. из древнего Пенджикента	239
<i>С. А. Французов</i> (Санкт-Петербург). Первое упоминание древней хадрамаутской столицы Шабвы в райбунских надписях	247
<i>Ю. С. Худяков</i> (Новосибирск). Вооружение кыргызских воинов в VI—XIV вв.	254
<i>Д. А. Щеглов</i> (Санкт-Петербург). Кочевые народы Средней Азии по сведениям историков Александра Великого	276
<i>А. Я. Щетенко</i> (Санкт-Петербург). О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (К 100-летию организации экспедиции Р. Пампелли).	317

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>А. А. Амбарцумян</i> (Санкт-Петербург). О рукописях пехлевийского сочинения «Айадгар-и Зареран»	346
<i>А. С. Балахванцев</i> (Москва). К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов: источниковедческий аспект	365
<i>А. Г. Грушевой</i> (Санкт-Петербург). Виды и формы антииудейских настроений в языческой античности	376
<i>В. А. Дмитриев</i> (Псков). Армия и военное дело в сасанидском Иране по данным Аммиана Марцеллина	397
<i>Ю. А. Иоаннесян</i> (Санкт-Петербург). «Поток времени» и другие временные понятия, отраженные в эпитетах Бога	427
<i>Б. А. Литвинский</i> (Москва). Эллинские мелодии на берегах Окса — греческие флейты (<i>авлосы</i>) в Глубинной Азии	444
<i>Н. П. Петров</i> (Нижний Новгород). Бадахшан XIII—XIV вв. под властью монгольских ханов	496
<i>А. Д. Притула</i> (Санкт-Петербург). Фрагмент бронзовой ажурной лампы для мечети из раскопок Херсонеса	541
<i>А. В. Савченко</i> (Киев, Украина). По поводу христианского селения Ургут	551

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОРИЕНТАЛИСТЫ

<i>Н. Е. Васильева</i> (Санкт-Петербург). К 100-летию со дня рождения Константина Александровича Иностранцева (1876—1941)	556
<i>Н. Н. Нематов</i> (Душанбе, Таджикистан). А. Ю. Якубовский — зачинатель таджикской археологии XX в.	571
<i>И. Ф. Попова</i> (Санкт-Петербург). Об изучении научного наследия Н. Я. Бичурина (1777—1853) в XX в.	581

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Н. В. Александяниц</i> (Ашхабад, Туркменистан). Международный форум в Ашхабаде.	586
<i>Е. А. Бондарь</i> (Бишкек, Кыргызстан). Кыргызско-Российский институт исследований Центральной Азии	590
<i>Е. В. Носова</i> (Бишкек, Кыргызстан). 10 лет Кыргызско-Российскому Славянскому университету: итоги и перспективы	593

PERSONALIA

<i>И. Ф. Попова</i> (Санкт-Петербург). Лев Николаевич Меньшиков (1926—2005).	599
<i>В. П. Никоноров</i> (Санкт-Петербург). Памяти Бориса Яковлевича Ставиского (1926—2006)	604
<i>В. А. Алёкишин</i> (Санкт-Петербург). Памяти Эмиля Масимова (1940—2006).	608
<i>М. Б. Рысин</i> (Санкт-Петербург). Памяти Каринэ Христофоровны Кушнарёвой (1922—2006)	610

НОВЫЕ КНИГИ (РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ)

<i>А. А. Амбарцумян</i> (Санкт-Петербург). Новый зарубежный журнал по истории древнего Ирана	613
<i>Дж. Я. Ильясов</i> (Ташкент, Узбекистан). Важный вклад в изучение культуры античной Бактрии	616
<i>В. П. Никоноров</i> (Санкт-Петербург). Книга по истории вооружения античной эпохи, которую давно ждали	619
<i>А. И. Колесников</i> (Санкт-Петербург). Новый перевод сасанидской части «Истории» ат-Табари	623
<i>Т. Н. Лошакова</i> (Алматы, Казахстан). Новые издания института археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК	624
<i>Г. Мурадова</i> (Самарканд, Узбекистан). Новая монография о раннесредневековом Самарканде	626
Список сокращений	631

CONTENTS

IN HONOUR OF THE 75TH ANNIVERSARY OF VADIM M. MASSON

From the Editorial Board	12
<i>V. M. Masson</i> (St. Petersburg). The Epoch of the Earliest Civilizations in the South of Central Asia	14
<i>L. B. Kircho</i> (St. Petersburg). <i>V. M. Masson as the Pioneer, Explorer, Organizer of Science</i> (an Attempt of His Scholarly Activities Periodization).	35
<u><i>B. Ya. Stavisky</i></u> (Moscow). Academician Vadim Mikhailovich Masson in both Life and Myths	41
<i>D. Abdulloev</i> (St. Petersburg). The Toponymy of Medieval Afghanistan according to the 10th-century writing «Hudūd al-‘Ālam» in the Light of Archaeological Data and Modern Mapping	46
<i>O. F. Akimushkin</i> (St. Petersburg). Autobiographical Essays of Two Persian Chroniclers of the Safavid Epoch	60
<i>A. Yu. Borisenko, K. Sh. Tabaldiev, Yu. S. Khudiakov</i> (Novosibirsk and Bishkek, Kyrgyzstan). An Comparative Analysis of the Depictions of Archers on Petroglyphs of the Altai and the Tien Shan.	73
<i>Yu. A. Vinogradov</i> (St. Petersburg). Ceramic Finds from the Top of Husn al-Ghurab — the Acropolis of the South Arabian Port of Qana’	83
<i>A. Djumaev</i> (Tashkent, Uzbekistan). The Music Treatise «Kashf al-awtar» by Kasim ibn Dusta Ali al-Bukhārī (16th century) from the British Museum Library Collection	91
<i>J. Ya. Ilyasov</i> (Tashkent, Uzbekistan). Notes on Some Middle Asian Tamghas	99
<i>M-Sh. Kdymniiazov</i> (Nukus, Uzbekistan). A Luster Jug from Mizdākhqān	122
<i>V. A. Livshits</i> (St. Petersburg). The Head of the Chāch People in Sogdian Inscriptions and Coin Legends.	124
<i>J. M. Mustafaev</i> (<i>Baku, Azerbaijan</i>). The City of Shemakha in the Late Medieval Ages	132
<i>O. A. Papachristou</i> (Athens, Greece). Marketing in Iron-Making Industry of the Middle East and an Attempt to reconstruct Black Crucible Metallurgy of Akhsiket in the 9th—13th Centuries	141
<i>I. F. Popova</i> (St. Petersburg). Cavalry in the Chinese Army of the Early Tang Epoch (7th Century)	210
<i>I. V. P’iankov</i> (Velikiy Novgorod). The Jung and the Ti, the Arimaspoi and the Amazons (On the Far Eastern Impulse in the the History of the Euro-Asian Steppes within the Late 2nd—1st Millennia B.C.).	215
<i>N. F. Savvonidi</i> (St. Petersburg). Ceramic Churns of the 7th—8th Centuries from Ancient Panjikent.	239
<i>S. A. Frantsouzoff</i> (St. Petersburg). The Earliest Reference to the Ancient Capital of Ḥadramawt, Shabwa, in Raybūn Inscriptions	247
<i>Yu. S. Khudiakov</i> (Novosibirsk). Armament of the Kyrgyz Warriors in the 6th—14th Centuries	254
<i>A. A. Shcheglov</i> (St. Petersburg). Nomadic Peoples of Middle Asia as reported by the Historians of Alexander the Great.	276
<i>A. Ya. Shchetenko</i> (St. Petersburg). On the Periodization of the Late Bronze Age Cultures in the South of Middle Asia (To the Centenary of the Organization of R. Pumpelly’s Expedition).	317

ARTICLES AND NOTES

A. A. <i>Ambartsumian</i> (St. Petersburg). On the Manuscripts of the Pahlavi Writing «Aydgar-i Zareran»	346
A. S. <i>Balakhvantsev</i> (Moscow). On the Time of the Secession of Chorasmia from the Achaemenid Power: a Source Criticism Aspect	365
A. G. <i>Grushevoy</i> (St. Petersburg). Kinds and Forms of the Anti-Judaic Sentiments in Pagan Antiquity	376
V. A. <i>Dmitriev</i> (Pskov). The Army and Art of Warfare in Sasanian Iran as described by Ammianus Marcellinus	397
Yu. A. <i>Ioannesian</i> (St. Petersburg). «Stream of Time» and Other Notions of Time reflected in the Epithets of God.	427
B. A. <i>Litvinsky</i> (Moscow). Hellenic Melodies on the Banks of the Oxus — Greek Flutes (auloi) in the Remote Asia	444
N. P. <i>Petrov</i> (Nizhniy Novgorod). Badakhshan in the 13th—14th Centuries under the Mongol Khans' Rule.	496
A. D. <i>Pritula</i> (St. Petersburg). A Fragment of a Bronze Open-Work Lamp for the Mosque Use from Excavations at Chersonesus	541
A. V. <i>Savchenko</i> (Kiev, the Ukraine). On the Christian Settlement of Urgut	551

OUTSTANDING RUSSIAN ORIENTALISTS

N. Ye. <i>Vasil'eva</i> (St. Petersburg). The personal fund of Konstantin Aleksandrovich Inostrantsev and recollections of him by his contemporaries.	556
N. N. <i>Negmatov</i> (Dushanbe, Tajikistan). A. Yu. Yakubovsky as the Beginner of Tajik Archaeology in the 20th Century	571
I. F. <i>Popova</i> (St. Petersburg). About the Study of the Scientific Heritage of N. Ya. Bichurin (1777—1853) in the 20th Century	581

SCIENTIFIC LIFE

N. V. <i>Aleksaniants</i> (Ashkhabad, Turkmenistan). The International Forum in Ashkhabad	586
Ye. A. <i>Bondar'</i> (Bishkek, Kyrgyzstan). The Kyrgyz-Russian Institute of Explorations for Central Asia.	590
Ye. V. <i>Nosova</i> (Bishkek, Kyrgyzstan). The 10th Anniversary of the Kyrgyz-Russian Slavic University: Results and Perspectives	593

PERSONALIA

I. F. <i>Popova</i> (St. Petersburg). Lev Nikolaevich Men'shikov (1926—2005)	599
V. P. <i>Nikonov</i> (St. Petersburg). In Memory of Boris Yakovlevich Stavisky (1926—2006)	604
V. A. <i>Alyokshin</i> (St. Petersburg). In Memory of Emil Masimov (1940—2006) . .	608
M. B. <i>Rysin</i> (St. Petersburg). In Memory of Karine Khristoforovna Kushnaryova (1922—2006)	610

NEW BOOKS (REVIEWS AND ANNOTATIONS)

<i>A. A. Ambartsumian</i> (St. Petersburg). The New Foreign Journal on the History of Ancient Iran	613
<i>J. Ya. Ilyasov</i> (Tashkent, Uzbekistan). The Important Contribution to the Study of the Culure of Antique Bactria	616
<i>V. P. Nikonorov</i> (St. Petersburg). The Book on the History of Weaponry of the Antique Epoch, which was long being expected.	619
<i>A. I. Kolesnikov</i> (St. Petersburg). The New Translation of the Sasanian Part of al-Tabarī's «History».	623
<i>T. N. Loshakova</i> (Almaty, Kazakhstan). New Publications of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology	624
<i>G. Muradova</i> (Samarkand, Uzbekistan). The New Monograph concerning Early Medieval Samarkand.	626
List of Abbreviations	631

Вадим Михайлович Массон

В ЧЕСТЬ 75-ЛЕТИЯ В. М. МАССОНА

От редакционной коллегии

3 мая 2004 г. исполнилось 75 лет одному из крупнейших ученых-археологов современности — Вадиму Михайловичу Массону, которому мировая наука обязана блестящими открытиями эталонных памятников первых цивилизаций на юге Средней Азии, в пределах нынешнего Южного Туркменистана, таких как Джейтун, Алтын-депе и Йылгын-депе. Важнейшие результаты принесли раскопки, проводившиеся Вадимом Михайловичем на памятниках архаического Дахистана и Геоксюрского оазиса, а также на Кара-депе, Яз-депе и многих других. Его перу принадлежит более 500 научных книг и статей, в которых освещены проблемы археологии и древней истории Средней Азии, Ирана, Афганистана, Ближнего Востока и Кавказа.

Помимо выдающихся научных достижений, Вадим Михайлович Массон проводил огромную научно-организационную работу. В 1968—2003 гг. он заведовал Сектором Средней Азии и Кавказа (ныне Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа) Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (сейчас Институт истории материальной культуры РАН), а в 1981—1998 гг. возглавлял и само это учреждение. Прекрасно проявил он себя и на педагогическом поприще — как профессор исторического факультета Ленинградского государственного университета и Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, а также в качестве проректора Смольного университета. За годы своей исключительно плодотворной исследовательской, научно-организационной и преподавательской деятельности Вадим Михайлович подготовил более 40 кандидатов и докторов исторических наук.

Научные заслуги Вадима Михайловича Массона признаны во всем мире. Он является академиком Российской Академии естественных наук (РАЕН) и Российской Народной академии, академиком Туркменистана и академиком Народной Академии наук Кыргызстана, членом Датской Королевской академии наук и литературы, членом-корреспондентом Германского археологического института (Берлин) и Института Африки и Востока (Рим), почетным членом Королевского общества древностей (Лондон) и почетным профессором Института фракологии (Румыния).

В сентябре 1998 г. по инициативе Вадима Михайловича Массона в Санкт-Петербурге на базе Института истории материальной культуры

РАН, Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН и Государственного Эрмитажа было восстановлено Восточное отделение Российского археологического общества, которое объединило в своих рядах ведущих ориенталистов Санкт-Петербурга и других городов России и СНГ. Председателем Общества был избран В. М. Массон. В 2002 г. под его редакцией вышел в свет первый том новой серии восстановленного ЗВОРАО.

По решению Правления ВОРАО и Редакционного совета ЗВОРАО в первом разделе второго тома новой серии ЗВОРАО помещены статьи коллег, друзей и учеников Вадима Михайловича Массона, которые следует рассматривать как дань искреннего уважения их авторов к его выдающимся научным заслугам. Естественно, что первыми в этом ряду идут эссе Л. Б. Кирчо и Б. Я. Ставиского, касающиеся личности и жизненного пути Вадима Михайловича. Но открывает этот том статья самого юбиляра, которая представляет собой определенный итог его размышлений и наблюдений относительно феномена ранних цивилизаций Среднеазиатского (и — в широком смысле — Центральноазиатского) региона.

Пользуясь случаем, члены Редакционного совета ЗВОРАО от всей души поздравляют Вадима Михайловича Массона с юбилеем и желают ему творческого долголетия на благо отечественной исторической науки.

ЭПОХА ПЕРВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В. М. Массон (Санкт-Петербург)

В последние полтора десятилетия наша литература вернулась к традиционному наименованию «Центральная Азия» при характеристике истории Средней Азии. Сам термин «Средняя Азия» широко применялся в специальных изданиях для обозначения четырех республик — Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. При этом по не вполне понятным соображениям сюда не включался Казахстан и бытовал сложный термин «Средняя Азия и Казахстан». Само понятие «Центральная Азия» было заимствовано из географической литературы, где Ф. фон Рихтгофен предложил объединять страны, чьи водные протоки не достигали Мирового океана.

В этом отношении весьма удачно в Центральную Азию включались Северный Афганистан и области, тяготеющие с юга к Туркменистану. Исторически это было полностью оправданно, поскольку Бактрия издревле располагалась по обеим сторонам среднего течения великой Амударьи, а Южный Туркменистан составлял вместе с долинами южных водных артерий Гургена (Горгана) и Атрека географический регион, составлявший основу Парфянской державы, — области Парфии и Гиркании. Сложнее обстояло с северными границами. В сводном труде, издаваемом ЮНЕСКО, в Центральную Азию включены по политическим соображениям различные области на севере и юге. Само их историческое звучание не вполне ясно [Masson 1992: 29—44]. Если район озера Балхаш полностью попадает в географическую номенклатуру «за пределами Мирового океана», то далее довольно большая территория тяготеет к реке Ишим, а более восточные области ориентированы на одну из крупнейших северных артерий — реку Енисей. Между тем если смотреть исторически, то области Северного Казахстана и так называемая Южная Сибирь тяготели к кочевым просторам Северной Центральной Азии. Таким образом, исторически и культурологически вполне естественно включать в Центральную Азию и североказахстанские степи с примыкающими к ним областями и, уж во всяком случае, Южную Сибирь. Далее на восток в Центральную Азию и географически и исторически входят Восточный Туркестан, который сейчас по китайской традиции предпочитают именовать Синьцзянем, примыкающие к нему просторы пустынной Монголии

и далее весь сухопутный тракт вплоть до новых ответвлений рек, текущих в Тихий океан и составляющих естественный рубеж Китая и его цивилизации.

Все это определяет Центральную Азию как макрорегион, включающий на юге городские цивилизации, меняющейся по мере распространения на север и при контактах с миром степняков и кочевников. Далее на севере идет огромный пласт, который с древнего времени был основным центром степных культур и многочисленных кочевых обществ [Массон 2003]. Этот естественный контакт юга и севера, их постоянное взаимодействие и были определяющей особенностью истории всей центральноазиатской ойкумены, вплоть до резких перемен, наступивших в пору великих географических открытий.

В этой связи необходимо отметить одну важнейшую особенность культурогенеза Центральной Азии, игравшую ведущую роль на протяжении ее многовековой истории. Речь идет об особом направлении путей культурогенеза, который можно именовать культурным взаимодействием или процессом культурного синтеза [Массон 2005]. Этот вопрос был подробно рассмотрен на международной конференции в Кыргызстане в 2004 г., где обсуждалась большая проблема тюрко-согдийского культурного синтеза. История древнетюркского каганата является одним из ярких примеров подобных творческих взаимодействий. Тюркские каганы придерживались широкой линии толерантности в том, что подданные признавали верховную власть и платили положенные налоги, тогда как в остальных областях их полномочия были весьма широки. В стране были широко распространены буддизм и христианство, и сама ассимиляция шла постепенно, плавным путем. Недаром, как сообщают восточные источники, в городах Северного Кыргызстана в течение почти двух столетий после присоединения к Тюркской державе и невзирая на многочисленные политические перемены с тюркоязычным руководством оставалось два основных языка: согдийский и тюркский. Сохранение культуры местного населения при внешнем признании тюркского политического господства было характерной чертой местного культурогенеза, так же как и переход пришельцев к образцам высокой культуры местных городов. Эта двойная особенность встречного культурогенеза остается одной из характерных черт развития оседлых цивилизаций Центральной Азии на многие столетия. В знаменитом государстве Саманидов, где приоритет отдавался возрождению ираноязычных литературных традиций, огромную роль играли и тюркоязычные участники военных формирований. Тюркоязычные военачальники становились частью местной знатной среды, активно участвовали в делении частной собственности. Эта черта, при всех колебаниях, составляет характерную особенность развития городских цивилизаций Центральной Азии при тюркоязычном правлении вплоть до XIX в. и хорошо известна по средневековым письменным источникам.

Но это был лишь поздний, можно сказать, третий пласт местных цивилизаций. Уже отрывочные письменные источники доставляли многочисленные свидетельства о цивилизациях древнего мира, менявших свои

политические границы, но неизменно развивавших традиционные для Центральной Азии связи оседлых цивилизаций и кочевых обществ. Археологические открытия середины XX в. принесли в этом плане новые материалы. Ныне Центральная Азия вырисовывается не только как зона караванной торговли, но и как регион самостоятельных держав мировой значимости. Открытие огромного царского архива в парфянской Нисе и обнаружение царских мемориальных текстов в Бактрии позволили высоко оценить значение Парфии и Кушанской державы, чьи правители демонстративно восприняли древний титул царя царей. По существу, это были два крупных центральноазиатских царства, выступавших, наравне с Римом и ханьским Китаем, в ранге мировых держав. Они контролировали центральноазиатские составные части великой трассы древних цивилизаций, связывающей сухопутными путями культурные центры Атлантического и Тихого океанов. Показательно, что обе державы сохраняют один из признаков местного развития культуругенеза. Можно считать, что естественный союз вождей кочевых племен, принесших из глубин Азии мощные потоки пассионарности, способствовал их объединению с местной элитой. По существу, стало возможным создание крупных держав мирового класса на основе сравнительно небольших государств посталександровской эпохи. Такова была судьба и второй эпохи цивилизаций Центральной Азии.

Вместе с тем сейчас вырисовывается картина наличия здесь новой, по существу, первой эпохи местных цивилизаций, падающей на II тыс. до н. э.

Истоками здесь послужили оседло-земледельческие общества, которые лежали и в основании великих цивилизаций Древнего Востока — Шумера, Египта и Хараппы. На крайнем юго-западе Центральной Азии, в узкой полоске подгорной долины со сравнительно небольшими ручьями и речками, были открыты древние поселения неолитических земледельцев VI тыс. до н. э., известные под названием джейтунской культуры [Массон 1971]. В течение нескольких тысячелетий, с V по III тыс. до н. э., они продолжали развиваться по месопотамскому типу, но с некоторым отставанием [Массон 1964]. С середины III тыс. до н. э. в их среде идет активный процесс сложения поселений городского типа. Одно из таких поселений под названием Алтын-депе в течение 25 лет детально исследовалось археологами Петербурга и Туркменистана [Массон 1981; 1988]. Его площадь в 25 га, наличие храмового центра священного быка со строением, подражающим месопотамским зиккуратам, огромные ремесленные кварталы и выделение знати позволили говорить о нем как о центре протогородской или раннегородской цивилизации последней трети III тыс. до н. э. Археологически материалы раннегородского Алтын-депе относятся к комплексу времени Намазга V по эталонной периодизации древних памятников Южного Туркменистана. Отсутствие значительного числа оружия и явное преобладание жреческой элиты позволили говорить об этом центре как о своего рода храмовом городке одной из первых фаз политогенеза.

Вместе с тем между периодом расцвета Алтын-депе и началом формирования основы древних государств оставалась большая лакуна, на-

считывающая почти тысячу лет. В это время Алтын-депе уже прекратил свое существование, а культурные слои, выделяемые как комплекс Намазга VI другого крупнейшего центра на юге — Намазга-депе, носят явные черты упадка и запустения, в целом показывая замедленный ход постепенного развития на протяжении II тыс. до н. э. Новые исследования продемонстрировали неправомерность такой однозначной оценки. В Южном Туркменистане еще в 1954—1955 гг. в ходе небольших разведок в дельте относительно крупной реки Мургаб был открыт вытянутый вдоль одного из дельтовых протоков небольшой оазис, поселения которого (Аучин и Тахирбай 3) содержали бесспорные вещи типа Намазга VI и были отнесены к мургабскому варианту этой культуры [Массон 1959]. Предполагалось, что это памятники населения, покинувшего подгорную полосу в пору ее запустения, видимо, под влиянием природных катаклизмов.

Новые исследования, охватившие как зону древней дельты реки Мургаб, так и просторы Северного Афганистана и Юго-Восточного Узбекистана, привели к новым потрясающим открытиям. В настоящее время можно с полным правом говорить, что на юге Центральной Азии во II тыс. до н. э. процветали две местные цивилизации, которые вслед за античной географией можно именовать цивилизациями Маргианы и Бактрии. Они-то и составляют первый древнейший пласт истории данного макрорегиона. Подгорная полоса Южного Туркменистана, где с V по III тыс. до н. э. постепенно создавался фундамент новой культуры, во II тыс. до н. э. пришла в упадок и запустение. Новые центры цивилизации сложились на этой основе к востоку и достигли здесь полного расцвета.

С образованием двух новых цивилизаций замкнулась картина, опоясывающая юг Центральной Азии. На западном рубеже, у границ Каспия, сформировалась культура (цивилизация) Тюренг. Для нее характерна черноглиняная керамика, которую иногда украшали рельефные и лощеные орнаменты. Помимо долин Гургена (Горгана) и Атрека, она достигала Южного Туркменистана, где на западных предгорьях Копетдага, в долине Сумбара, был расположен местный центр Пархай. Далее на восток вдоль северной прикопетдагской равнины тянулся угасающий по линии развития фронт небольших селений с керамикой типа Намазга VI, отражающий упадок местной культуры в пору кризисной ситуации. Восточнее картина диаметрально менялась. Дельта крупной реки Мургаб была покрыта процветающими городками древней Маргианы, появившимися в пору позднего Намазга V. Далее расцвет переходил в Северный Афганистан и, через Среднюю Амударью, в правобережье Южного Узбекистана в районе Термеза. Это был второй, бактрийский очаг новых цивилизаций. Таким образом, весь юг Центральной Азии был покрыт новыми образованиями древневосточного типа.

Именно Маргиана в низовьях Мургаба и бактрийская земля составляли основной пласт цивилизаций, блестящие достижения которых открываются археологами.

Естественно, встает вопрос о датировке этих новаций. В низовьях Мургаба были обнаружены в ряде мест образцы яркой культуры позднего Намазга V — времени широкого освоения этого участка выходцами из

пустеющей подгорной равнины Южного Туркменистана. Имеются многочисленные данные радиоуглеродного анализа, порой дающие самые различные результаты [Кирчо, Попов 1999]. В принципе, они соответствуют датам, предложенным еще до широкого внедрения радиоуглерода. Так, при первой публикации древностей Намазга VI в дельте Мургаба более ранняя группа, названная Аучин, получила датировку 1700—1400 гг. до н. э. Более поздняя группа, названная по эталонному в начале работ памятнику Тахирбай 3, была отнесена к 1400—1100 гг. до н. э. [Массон 1959: 28]. Новые данные, включая многочисленные датировки по радиоуглероду, пожалуй, заставляют несколько углубить раннюю дату — до 1800 гг. до н. э. Такие же даты были предложены для Узбекистана, опять-таки, видимо, с недостаточным углублением нижних пределов. Наиболее ранний рубеж, знаменующий особый подъем древних цивилизаций, вероятно, следует выделять как местный вариант культуры позднего Намазга V по первому памятнику, именуемому комплексом типа Келлели [Масимов 1979; Массон 1981: 91; Удеумурадов 1993]. Вероятно, нижнюю дату этого комплекса можно опустить до 2100 г. до н. э., когда еще представлены материалы типа среднего Намазга V. Со временем могут быть предложены и более узкие датировки, особенно учитывая многочисленность памятников Маргианы. Пока, однако, лишь в узбекской группе предложено деление для времени позднего Намазга V—Намазга VI на четыре этапа, названные по именам соответствующих памятников Сапалли, Джаркутан, Моллали и Бустан.

Обратимся к характеристике материалов. Наиболее ранние из них представлены в долине Мургаба. Столь же ранние материалы ярко представлены и в Бактрии, но их происхождение носит случайный характер, что несколько затрудняет их использование. Маргиана, охватывающая древнюю дельту Мургаба, в этом отношении является подлинно уникальным районом. Так далеко на север поздние памятники практически не проникали, и перед нами вырисовывается картина эпохи бронзы. На юге район распространения памятников эпохи бронзы достаточно четко ограничен так называемой стеной Антиоха, возведенной здесь в III в. до н. э. Если южнее и располагались какие-либо памятники бронзового века, то они или полностью исчезли, или предельно малы. Основной массив памятников бронзового века лежит как бы на нетронутых рубежах и позволяет исследователям получать их четкую характеристику и разработку. Наиболее ранний материал представлен, помимо поселений Келлелинского оазиса [Масимов 1979], рядом других объектов, включая и столичный для всей области Гонур, на котором, видимо, также проходило становление комплекса новой цивилизации. Показательна находка на Гонуре двух уникальных предметов, косвенно определяющих предлагаемую дату. Это печать хараппского типа из раннего строительного комплекса Гонура (рис. 1, 2). Другая, цилиндрическая печать месопотамского типа, несколько потертая от длительного использования (рис. 1, 3), относится к XXII в. до н. э. [Козырева 2003]. Последняя попала сюда, скорее всего, как своего рода мемориальный экземпляр или раритет.

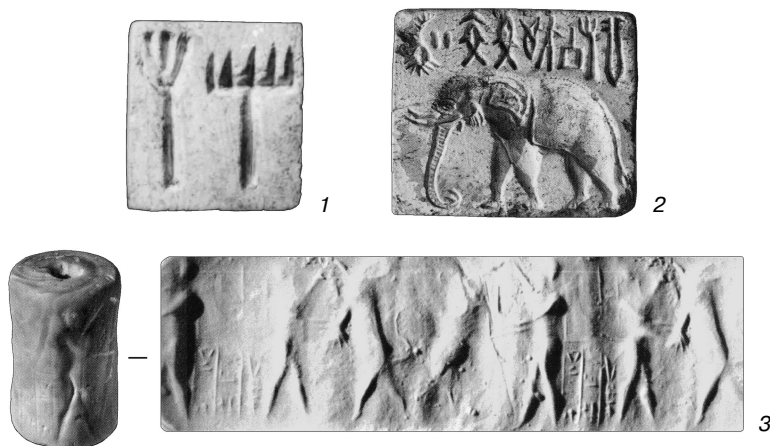

Рис. 1. Импортные печати, найденные в Южном Туркменистане:
 1 — харрапская печать, Алтын-депе; 2 — харрапская печать, городище Гонур;
 3 — печать Месопотамии времени династии Ур III, некрополь Гонура

Древняя дельта Мургаба, до настоящего времени лежащая как бы за пределами земель, успешно возделываемых земледельцами, стала поистине археологической сокровищницей. Памятники, детально изученные археологами, начиная с И. С. Масимова и, в первую очередь, В. И. Саррианиди, а также многочисленными специалистами из стран СНГ и дальнего зарубежья, стали символом разнообразных открытий. Всего здесь учтено не менее 50 объектов различной величины, включая довольно крупные города, заслуживающие оценки. Таковы Тоголок, Адам-Басан, Аджи-Куи, Келлели и некоторые другие. Все они были главными поселениями небольших оазисов, выступая в роли их центров, или, по месопотамской традиции, номов. Это была ранняя стадия подлинного расцвета городских, или, если говорить более осторожно, протогородских центров. Был обнаружен и более крупный центр, скорее всего какое-то время игравший роль столицы. Это поселение Гонур, занимавшее площадь, как и ранее упомянутый туркменистанский протогород Алтын-депе, около 25 га.

В дельте Мургаба находился и исходный пласт первых оседлых земледельцев, создавших комплекс типа Келлели. Здесь представлены типичные для комплекса Намазга V плоские статуэтки, керамика и другие достаточно характерные вещи. Такие предметы обнаружены на целом ряде других памятников и прежде всего на Гонуре, где эти материалы явно принадлежат к инвентарю древнейших погребений огромного могильника. Одновременно здесь происходила и частичная перестройка привычных стереотипов, видимо, приходящаяся на конец раннего этапа — времени существования комплекса типа Келлели.

К последнему относится и возведение монументальных строений. Укрепленный двойной стеной квадратный жилой комплекс обнаружен на Келлели, где занимал площадь около 30×30 м (рис. 2, 1). Это был типичный стандарт для архитектуры цивилизаций Маргианы и Бактрии. Архитек-

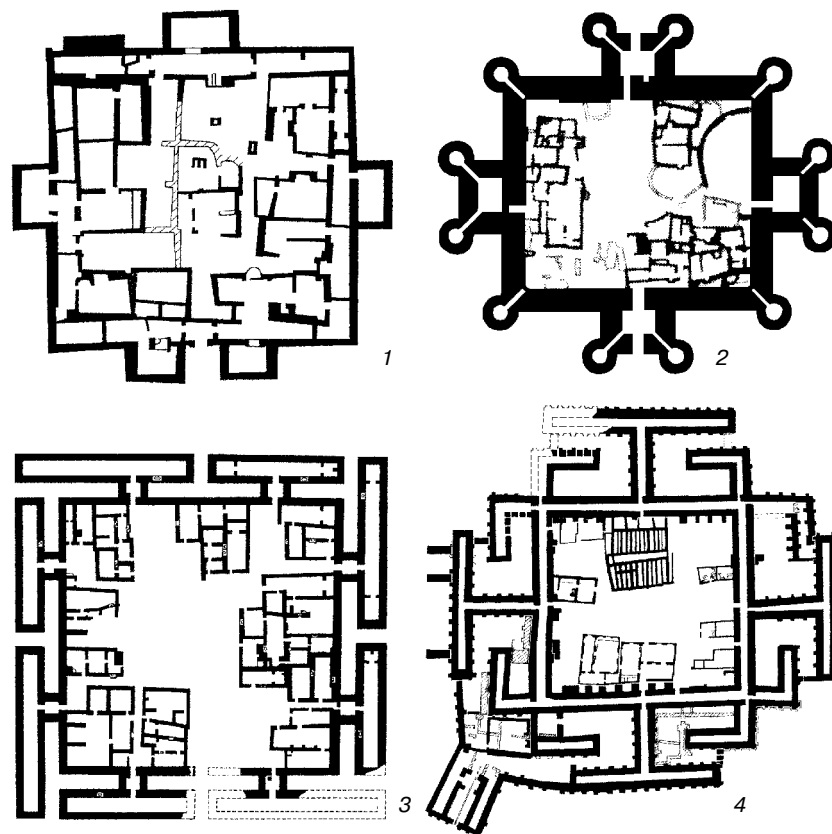

Рис. 2. Планы квадратных архитектурных сооружений:

1 — Келлели 4; 2 — храм Гонура; 3 — Сапалли; 4 — Дашлы 3

турное сооружение сходного плана размером почти 130×125 — 140 м открыто на Гонуре [Сарианиди 2002: 215]. Внутреннее заполнение позволяет считать его резиденцией городского суперлидера. Более позднее аналогичное сооружение, трижды перестраивавшееся за время своего существования, являлось культовым центром. Здесь внутри квадратного сооружения выделяется монументальный внутренний храм с круглыми башнями (рис. 2, 2). Важной чертой этого культового центра является наличие специальных круглых хранилищ-контейнеров для золы из священных очагов, а также огромного зольного холма за пределами построек [Сарианиди 2002: 190]. Аналогичные культовые центры меньших размеров отмечены и на других поселениях дельты Мургаба. Особенно выделяется массивный храм на поселении Тоголок 21, занимавший площадь почти 100×100 м. Наличие подобной монументальной архитектуры является характерной чертой данной цивилизации и находит прямые аналогии и в памятниках Бактрии.

На Гонуре раскопан также огромный некрополь (почти 3000 могил). Разнообразие погребальных сооружений позволит со временем более детально выделить различные их типы. Пока же мы ограничимся четырехчленным делением, предложенным В. И. Сарияниди [Сарияниди 2001; Дубова 2004: 254].

Основная масса могил данного кладбища, так же как большинство могил этого памятника, представляли собой прямоугольные ямы, которые имели углубления в боковой стене, обычно называемые подбоями (исследователи Гонура именуют такие погребальные сооружения шахтами). Погребенные снабжены сосудами, украшениями, иногда печатями и предметами из привезенных из Индостана материалов. Захоронения, как правило, сильно ограблены и лишены ценных вещей. Еще две группы захоронений, каждая из которых составляет около 2 % от общего числа могил, выделяются по устройству погребальных сооружений. Первую группу составляют однокамерные или двухкамерные сырцовые гробницы, часто использовавшиеся как семейные усыпальницы. Даже в ограбленных гробницах встречены ценные предметы, уверенно позволяющие отнести их к числу погребений знати [Сарияниди 2004]. Вторую группу составляют погребения в сырцовых цистах. Они, как правило, одиночные и, так же как и основная масса захоронений, ограблены. Лишь в одной были найдены золотые украшения и женская статуэтка. В. И. Сарияниди относит их к числу элитарных могил [Сарияниди 2004: 329]. Возможно, что погребения в гробницах и в цистах были захоронениями лиц, принадлежавших к разным слоям элитарной субкультуры. В целом по качеству самих погребальных сооружений в могильнике Гонура можно выделить по меньшей мере две группы населения: около 4 % его составляла элитарная часть и более 86 % — рядовые горожане, захороненные в рядовых могилах с подбоями. Правда, в некрополе имеются и необычные могилы (9 %), требующие особого объяснения. Это обожженные куски костей, едва присыпанных могильной землей. Социальное положение людей, погребенных таким образом, остается неясным, и едва ли справедливо высказанное предположение о наличии здесь больных.

На поселении Гонур, столичном городском центре Маргианы, выделяется и еще один тип могил, явно тяготеющих к суперэлитарному типу. Это были захоронения в небольших «домах мертвых», состоящих из четырех помещений. Н. А. Дубова достаточно убедительно показала, что здесь налицо своего рода семейные усыпальницы, где усопших довольно бесцеремонно передвигали по мере поступления новых покойных [Дубова 2004: 275]. Гробницы эти, как и основная масса могил некрополя Гонура, бесцеремонно ограблены. Однако даже сохранившиеся предметы и их части указывают на исключительность захоронений. В первую очередь, это остатки четырехколесных повозок со сплошными деревянными колесами. В повозки запрягали лошадей или верблюдов, чьи скелеты также встречены в гробницах. Имеются и первоклассные художественные вещи. Первоначально их даже именовали царскими, однако глубокий местный традиционализм самой манеры погребения позволяет более осторожно говорить о своего рода суперэлите. Показательно и применение в качест-

ве упряжного животного верблюда, бывшего в Южном Туркменистане наиболее распространенным упряжным домашним животным, как это видно по многочисленным моделям повозок из Алтын-депе, где предпочтению отдавалось именно этому животному. Как бы-то ни было, материал Гонура при всем своем многообразии позволяет говорить по меньшей мере о трех элитных группах в составе жителей столичного города Маргианы.

Нужно отметить, что поселение Гонур как столичный центр Маргианы приходит в упадок в пору позднего Намазга VI. Видимо, его место в роли маргианского центра заняло поселение Тоголок 1, располагавшееся ниже по течению этой протоки, уже начавшей частично сокращаться. Это сравнительно крупное поселение площадью в 10 га недаром имеет расположенный рядом храм, названный Тоголок 21 и являющийся на сегодня самым крупным строением в дельте Мургаба [Сарианиди 1990]. Запустевший Гонур, видимо, подвергался различным недружелюбным вторжениям, в частности от разместившегося неподалеку степного племени. Этим могут быть объяснены и многочисленные ограбления как всего могильного комплекса, так и отдельных усыпальниц суперлидеров, где довольно тщательно выбраны ценные вещи и предметы.

Материалы Бактрии, на первый взгляд, беднее маргианской палитры. Но в принципе это лишь внешнее впечатление. Здесь на территории левобережной Бактрии фактически исследован лишь один из сравнительно бедных оазисов, каждый из которых, вероятно, возглавлял в древности сравнительно невысокого ранга владыка. Более того, вскоре после прекращения раскопок современное местное население устремилось к добыче еще хранящихся в захоронениях всевозможных ценных предметов, которые к тому же были недостаточно хорошо укрыты в неглубоких могилах. Торговля этими предметами стала неотъемлемой частью восточных базаров даже за пределами Афганистана, вплоть до Дели. Эти материалы приобретены музеями Парижа (Лувр) и Нью-Йорка и частными коллекционерами. При всех вариантах здесь налицо изобилие предметов искусства, и они справедливо украшают музейные собрания и частично отражены в научной литературе. Среди них имеются многочисленные художественные печати и целые клады драгоценных предметов, найденных в Афганистане. В числе объектов нужно отметить прекрасный набор из двух бронзовых сосудов (видимо, инвентарь захоронения знатного лица), изображения на которых воспроизводят сельскохозяйственные работы (рис. 3). Можно только пожалеть, что «остались за кадром» замечательные монументальные здания и богатые погребения, содержавшие подобные приношения.

Пока, и, видимо, на долгое время, остается изученным небольшой участок южнобактрийских древностей, охватывающий четыре или пять оазисов вдоль Амударьи, где В. И. Сарианиди удалось провести раскопки. Важными центрами этих небольших оазисов были традиционные поселения, известные нам по Маргиане. Площадь их около 5 га [Сарианиди 1977]. Частично раскопанное Дашлы 3 показало, что застройка концентрировалась на отдельных всхолмлениях.

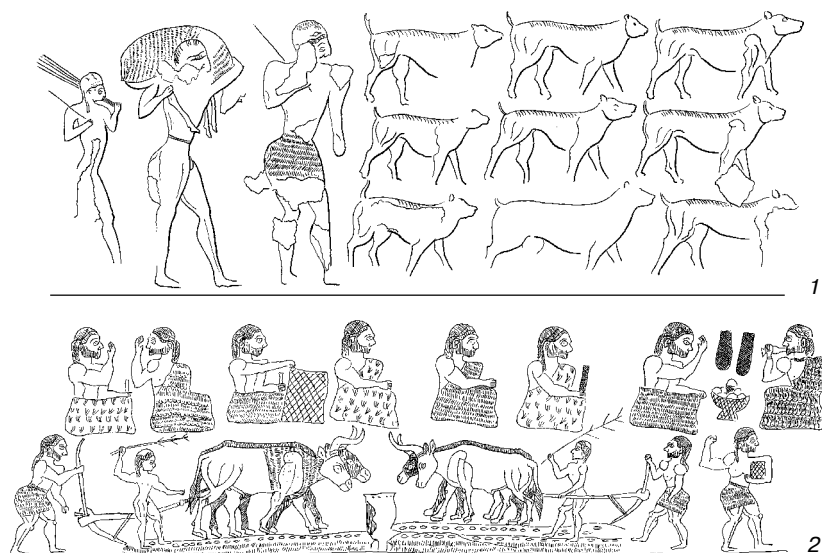

Рис. 3. Сцены скотоводства (1) и земледелия (2) на бронзовых сосудах из Северного Афганистана

На отдельном холме Дашлы 3 была расположена резиденция древнего правителя (рис. 2, 4). Квадратная центральная часть составляла в плане около 25×25 м и была окружена двойным рядом стен, образующих четырех коридора, от которых, в свою очередь, отходили Т-образные и Г-образные коридоры, ограничивавшие обширные помещения. Оригинально расположенные, в целом они образовывали яркий образец постройки, не известный в каких-либо памятниках соседней Маргианы. Интересно, что главный проход в здание был оформлен через угол, чтобы не нарушать общего плана. Среди внутренних построек выделяются две. Это прямоугольное строение, разделенное коридором на две части, состоящие из серии очень узких отсеков, явно предназначавшихся для хранения припасов, как это было установлено в южнотуркменистанских поселениях, начиная с поры Джейтуна. Второе, почти не сохранившееся строение, видимо, представляло собой местный центр, где, в частности, найдены фрагменты каменных мозаик.

Еще одно монументальное сооружение Дашлы 3 располагалось рядом и представляло собой в плане круг диаметром около 30 метров. Внутри были найдены остатки культового центра. Все здание окружали также располагавшиеся по кольцу постройки, которые в конечном итоге выходили на общую прямую стену [Сарианиди 1977: 34—39]. В целом это выглядело как храмовый комплекс, занимавший около 1 га общей площади.

Таким образом, поселение Дашлы 3 состояло из нескольких близко расположенных всхолмлений, не связанных общей планировкой, что обусловило и отдельные оборонительные сооружения двух основных центров.

Видимо, помимо этих сравнительно обособленных городков, в Южной Бактрии располагались и иные, более массивные сооружения, которые либо пока не обнаружены, либо перекрыты более поздними строениями. К сожалению, поиски и раскопки новых памятников в этой основной зоне Бактрии в нынешней политической ситуации малоперспективны.

Иное положение создается с небольшим участком Северной Бактрии, расположенным на правом берегу Амударьи. Здесь равнина крупного притока Амударьи — реки Сурхандарьи была освоена группой общин, выработавших своеобразную местную культуру, в принципе повторяющую основные бактрийские параметры, но в целом выглядевшую более провинциально. Памятники вытянуты вдоль речки Уланбулаксай и основаны, судя по всему, в пору раннего Намазга VI. Здесь на самом юге расположен центр Сапалли, прекрасно раскопанный под руководством А. Аскарлова. Это был типичный для Маргианы — Бактрии квадратный стандартный комплекс площадью около 70×70 м (рис. 2, 3). Крепостная стена была окаймлена Т-образными строениями (по два с каждой стороны). Внутри плотная застройка шла вокруг центрального двора, и здесь достаточно четко выделяются восемь отдельных строений, трижды перестраивавшихся за время существования всего комплекса. Это, бесспорно, была резиденция элитарной части жителей рядом расположенного поселка общей площадью ок. 4 га.

Позднее центр был, видимо, перенесен на север, в поселение, названное Джаркутан. Площадь главного центра невелика — ок. 4 га, но, к сожалению, в целом этот участок нарушен для регулярных раскопочных работ. Материал составляет в основном керамика следующих за Сапалли периодов. Рядом располагалось огромное кладбище, распространяющееся на многие гектары. В 1973 г. на нем вскрыто около 800 могил [Аскарлов, Абдуллаев 1983] (здесь не учтены результаты более поздних работ, еще не опубликованных). Детально проанализированные, погребения Джаркутана в целом достаточно однообразны по своим материалам и не представляют столь ярких вариантов, как могилы Гонура. Некрополь завершалось монументальное прямоугольное в плане здание, представлявшее собой местный храмовый центр. Внутри него значительная часть была незастроенной, тогда как в основной части был возведен храмовый комплекс и, что особенно важно, были устроены многочисленные хранилища для культовой золы. Особое расположение и масштабы монументального комплекса позволяют считать его основным центром всего северного участка Бактрии. Помимо указанных построек, здесь также найдены несколько менее значительных поселений, где находили убежище земледельцы и пастухи, трудившиеся на полях Северной Бактрии.

Относительная бедность погребений Северной Бактрии обращает на себя внимание, особенно по сравнению с богатыми находками в маргианской столице Гонуре. То же можно сказать о погребениях Сапалли, где все могилы, числом около 130, сосредоточены в одном месте — на территории квадратного архитектурного сооружения и не подвергались, в отличие от Гонура, особым разграблениям [Аскарлов 1977]. Учет, произведенный А. Аскарловым, позволяет около 40 % могил отнести к числу

состоятельных, особенно по значительному количеству сосудов. Многочисленны также находки бронзовых сосудов, предметов женского туалета и различных украшений. Показательно, что наиболее богатыми оказываются именно женские могилы.

Крайне редки печати, но зато представлены бронзовые зеркала с ручкой, оформленной в виде стоящей фигуры женщины так, что саму голову образовывало лицо смотрящейся в это овальное зеркало. Этот тип зеркал известен в западных районах хараппской цивилизации, но он отсутствует в погребениях Маргианы. В этом, так же как и в ряде других особенностей, включая оригинальное оформление (Т- и Г-образные коридоры) стандартного квадратного крепостного сооружения и круговую планировку храма, вырисовываются локальные особенности бактрийского центра древних цивилизаций.

Такова краткая характеристика памятников, изученных в последние три десятилетия на юге Центральной Азии. Открытие этих памятников стало подлинной сенсацией. Здесь долгие годы были известны сравнительно примитивные племена охотников и рыболовов, в то время как их соседи уже несколько тысячелетий шли к новым рубежам хозяйства и культурного прогресса. Тщательные исследования ясно показывают, что и в Бактрии, и в Маргиане до появления памятников типа древних цивилизаций архаически развивались или, скорее всего, сосуществовали древние культуры. Переход к новым рубежам принес качественное изменение всего образа жизни.

Важное значение имеет и возникновение новых городков и храмов. Ранее, после упадка процветающей раннегородской, или протогородской, цивилизации Алтын-депе, жизнь там, судя по обедневшим памятникам типа Намазга VI, рассматривали как медленное угасание традиций. Новые открытия показали, что на новом пространственном рубеже произошел качественный скачок в историческом развитии. Общины, покинувшие одна за другой пустеющие поля подгорной полосы Копетдага, где они трудились тысячелетиями, постепенно продвигаясь по пути прогресса, попали в новое место и освоили его огромное пространство. Многочисленные городки и поселения городского типа являлись центрами керамического и других производств, а ирригационное земледелие и развитие скотоводства на землях нового региона стали мощной основой экономического процветания. Переработанные идеологические представления и новые мифологические сюжеты, архитектурные каноны процветающих храмов показывают, что население Маргианы и Бактрии II тыс. до н. э. вышло на новые интеллектуальные рубежи. Укрепившиеся связи с передовыми цивилизациями Месопотамии и Индостана привели к изменениям в ряде областей художественной культуры. Есть все основания считать это важным этапом развития цивилизационного процесса, хотя и не преодолевшего рубеж массового использования письменности. Прямое заимствование прикопетдагских нормативов не вызывает особых сомнений. Так, великолепная глиняная посуда, изобиловавшая утонченными формами, прямо восходила к керамике типа Намазга V, проделавшей в подгорной полосе долгий путь развития. Далее на запад преобладала посуда черного

и серого цвета, на юге в районе Сеистана в городе Шахри-Сохте практиковались традиции расписной посуды. По существу, лишь Восточный Хорасан с памятниками типа Намазга III и IV, недавно открытыми археологами, вписываются в исходный пласт цивилизаций Бактрии и Маргианы. В полной мере это касается и прямоугольного сырцового кирпича, и уплощенных фигурок, использовавшихся на раннем этапе новых цивилизаций, и характерных плоских печатей-штампов с разнообразными орнаментами и отдельными рисунками животных.

При первоначальном открытии памятников в Маргиане было высказано предположение о значительном влиянии со стороны древних цивилизаций Месопотамии и Индии. Детальный анализ материалов показывает, что многие заимствования получали измененный характер.

Действительно, среди красивых предметов, находимых в местных гробницах Маргианы и Бактрии, немало образцов, следующих канонам соседних цивилизаций, а то и прямо доставленных из-за дальних рубежей. Однако налицо и чисто местные образы. Таковы, например, парные сосуды из гробницы, доставшейся кладоискателям Бактрии (рис. 3). Эти две вазы демонстрируют основные направления сельского хозяйства — земледелие и скотоводство. Земледельческие сцены пахоты на волах — явно местный сюжет, выполненный, видимо, местным художником (рис. 3, 2). Сюжет со скотоводством, где изображены три полосы пастушеских собак, явно напоминающих породу туркменистанских алабаев, по композиции фигур, возможно, месопотамского происхождения, но сами фигуры имеют явно местный характер (рис. 3, 1). Весьма специфичный сюжет отражают изображения священного быка — древнего образа многих земледельческо-скотоводческих обществ. Так, головка быка, найденная в храмовом сооружении Алтын-депе (рис. 4, 1), лишь в деталях использует месопотамские эталоны, в основном повторяя местный тип, восходящий в Южном Туркменистане к позднему энеолиту. Близкое изображение головы быка найдено и в Бактрии (рис. 4, 2), тогда как изображение коров на превосходном образце нагрудного украшения из богатой могилы в Гонуре явно месопотамского происхождения (рис. 4, 3).

Для комплексного понимания международных связей весьма существен тип печатей, установившийся в Бактрии и Маргиане в пору их расцвета. Основные виды печатей, бытовавшие в Южном Туркменистане, начиная с энеолита, сохраняются, хотя и приобретают более сложные сюжеты (рис. 5, 1; 2, 4, 5). Вместе с тем появляются и две новые формы. Одна из них — квадратные печати с двусторонним рисунком, имеющие сквозное поперечное отверстие. По форме это типичное следование плоским печатям Хараппы. Однако по стилю изображения они совершенно отличны от индийских образцов. Здесь изображены местные сцены и местные божества, мало общего имевшие с индоистанскими прототипами. Кроме того, знаки и персонажи на квадратных печатях Хараппы всегда нанесены только с одной стороны, и двусторонние изображения на них отсутствуют. Таким образом, заимствование касалось лишь формы, но отнюдь не самого стиля печати. Столь же характерна и смена изображений на печатях цилиндрической формы, бесспорно, заимствованных из Месопотамии

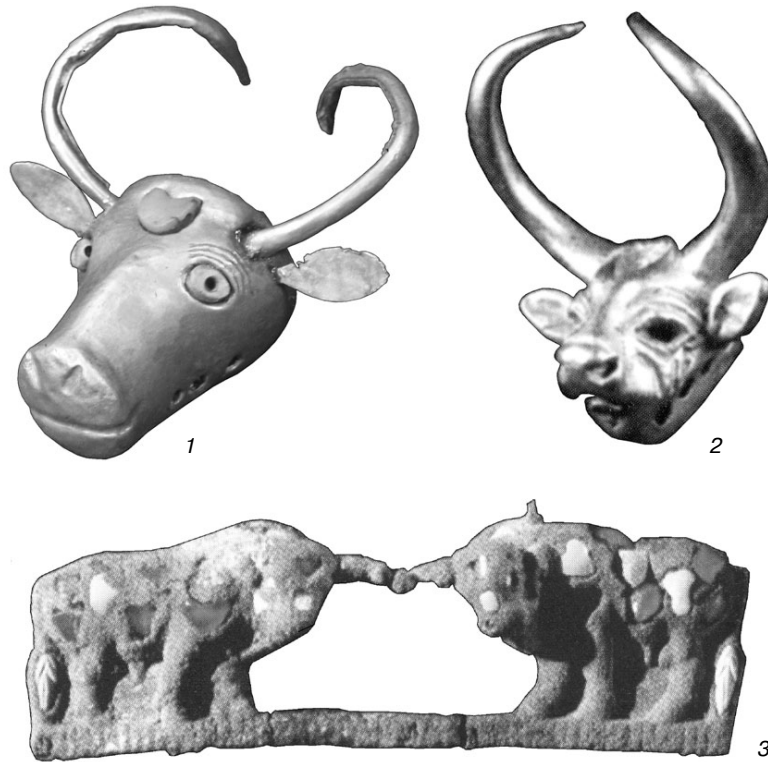

Рис. 4. Изображения священных быков:

1 — золотая голова, Алтын-депе; 2 — золотая голова, Северный Афганистан;
3 — серебряное нагрудное украшение, Гонур

и Элама. В Бактрии и Маргиане отсутствуют изображения стоящих персонажей царского или прицарского облика. Вся семантика здесь принципиально отлична и ориентирована на воспроизведение сцен с людьми и животными, видимо, повторяя многочисленные мифы и священные сказания, которые получили распространение в новых государствах. Люди здесь почти повсеместно вступают в схватки со зверями или звероподобными чудовищами. На стороне человекообразных персонажей выступают и птицы. Временами лица людей даже приобретают очертания птичьей или звериной головы (рис. 6, 1). Герои сидят на тронах, порой обрамленных спаренными змеиными торсами (рис. 5, 3). Показательно, что в одном случае главный персонаж воспроизведен в виде быка, которого убажуют угощением животные, напоминающие крупных млекопитающих (рис. 6, 2). Таким образом, здесь существует совершенно особый стиль, который с полным правом можно именовать мургабским.

Итак, в целом для Бактрии и Маргианы характерно измененное воздействие соседей, а в ряде случаев при элитарных погребениях представлены, вероятно, и импортные предметы.

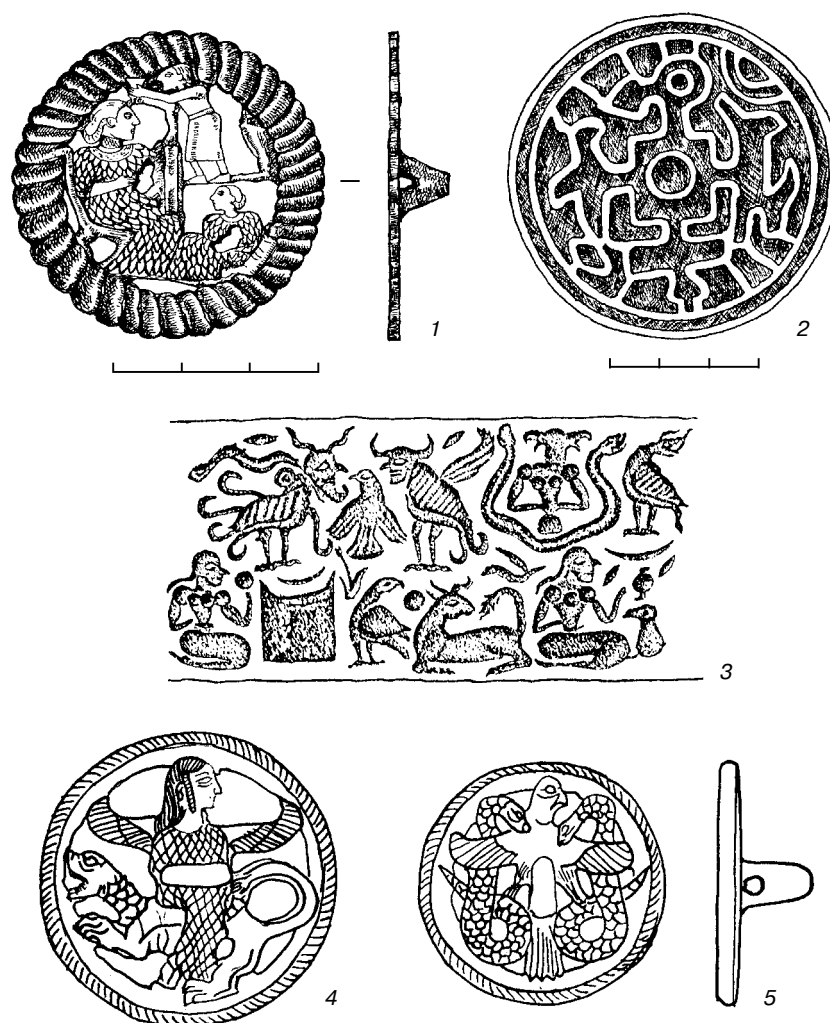

Рис. 5. Печати (1, 2, 4, 5) и оттиск цилиндрической печати (3) с мифологическими композициями из погребений Гонура

Связи с великими цивилизациями Месопотамии и Индостана, издревле то усиливавшиеся, то ослабевавшие, характерны в целом для всего блока южнотуркменистанских культур. Заметное усиление таких связей в пору расцвета местных цивилизаций может быть объяснено интенсификацией международных контактов в конце III—первой трети II тыс. до н. э. Следует иметь в виду системное усиление международных связей в период расцвета цивилизации Хараппы, падающий на 2500—1700 гг. до н. э. Эти связи активно шли морским путем, достигая далеких рубежей. Сухопутные связи уходили далеко на север. В Северном Афганистане

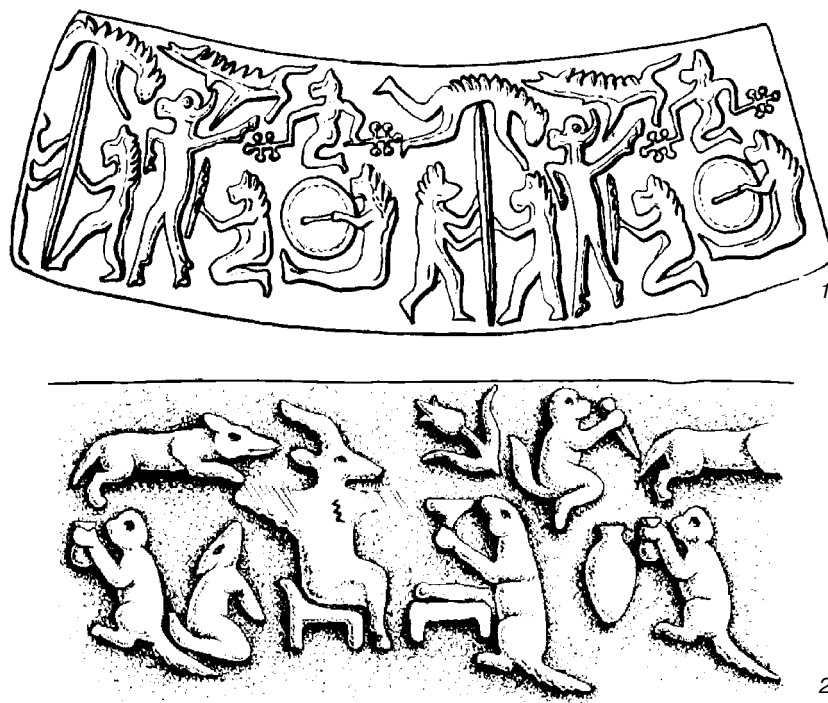

Рис. 6. Прорисовки изображений цилиндрических печатей:

1 — сцена противоборства двух сторон, Тоголок 21;
2 — сцена угощения быка, Южная Бактрия

была открыта специальная хараппская колония Шортугай, содержащая все хараппские изделия — от посуды до печатей. Естественно, торговые связи шли на Элам и Месопотамию, результатом чего явилось, в частности, широкое распространение в Передней Азии резных каменных сосудов из Шахри-Сохте в Иранском Сеистане. Нужно отметить, что, работая над изучением импортных вещей и их подобию, поступавших из Северного Афганистана в Элам и Месопотамию, П. Амье подчеркивал особое усиление импорта в начале II тыс. вплоть до XVII в. до н. э. [Amiet 1986].

В то же время важнейшим событием II тыс. до н. э. был постоянный и все усиливающийся контакт с обширным миром степной зоны, чьи подвижные племена, продвигаясь в Центральную Азию, входят в состав местного населения или заменяют его. Исследования этой проблемы связаны с изучением обнаруженного в Центральной Азии огромного материала культур степных племен, который был подробно рассмотрен в двух книгах, написанных еще в конце 80-х—начале 90-х гг. XX в. [Пьянкова 1989; Аванесова 1991]. В последние годы количество его заметно увеличилось [Пьянкова 1999; Аванесова 2003]. Некоторый общий обзор предложил и автор этих строк [Массон 1999], рассмотревший материалы Бак-

трии из хорошо изученной археологами Таджикистана северной правобережной амударьинской зоны.

Плохо сохраняющиеся памятники древних скотоводов, расположенные в зоне активных современных сельскохозяйственных работ, тем не менее выявлены в значительном количестве. Наиболее ранние памятники сконцентрированы в верхнем течении реки Зеравшан в районе согдийского центра Пенджикент. Таково прежде всего замечательное погребение Зардчахаалифа. Оно содержало два набора типичных синташтинских псалий, пять сосудов типа Сапалли, не считая ряда других вещей, в том числе булавки с фигурой коня. Это, судя по сосудам типа Сапалли, раннее погребение XVIII—XVII вв. до н. э. расположено на левом берегу реки. На правом берегу было открыто поселение Тугай, датированное второй четвертью II тыс. до н. э. и содержавшее, наряду с типичной для степной зоны посудой, явные следы работы с металлом.

Археологические материалы Юго-Западного Таджикистана, соответствующего Северной Бактрии, доставили новую информацию. Здесь учтено около 45 памятников степной бронзы. Материальная культура их населения показывает тесные связи с памятниками бактрийской цивилизации, освоившими долину р. Сурхандарьи. Их взаимодействие является ярким образцом культурных связей и взаимовлияний. Весьма показательны в этом отношении памятники вахшской культуры. Могильники здесь имеют типичный степной облик с курганными насыпями и каменными обкладками. Но сам инвентарь погребений двойного типа: лепные горшки сосуществуют с прекрасной гончарной посудой, следующей облику керамики оседлых соседей. Обратный характер связей выступает в таком памятнике бактрийской цивилизации как могильник Бустон [Аванесова 1995]. Здесь представлены погребения в традиционных для оседлых районов катакомбах, но в сопровождающем инвентаре и, особенно, в многочисленных дополнительных постройках, включая терракотовые гробики, введен культ огня, типичный для мира степных племен. Равным образом в погребениях оседлых культур представлены уже антропологические типы северного облика, а среди костей домашних животных третье место после крупного и мелкого рогатого скота занимает домашняя лошадь. Здесь налицо яркие признаки явления так называемой встречной ассимиляции, характеризующей взаимодействие различных культурогенетических принципов, свойственных многим культурам Центральной Азии. Оседлое население постепенно переходило к новому языку — языку своих соседей, а те активно заимствовали высококачественные достижения покоренных горожан. Во второй половине II тыс. до н. э. эти явления в Юго-Западном Таджикистане бесспорны, а их глубинные истоки явно уходят в значительную древность. Судя по многочисленным находкам степных сосудов на ряде памятников бишкентской культуры к югу от Амударьи, этот процесс в равной мере был характерен и для Южной Бактрии в целом. Недаром круглое сооружение храма Южной Бактрии на городище Дашлы 3 многими исследователями сопоставляется с круглопланными крепостями приуральских степняков. Шло активное взаимодействие культур и народов.

Судя по всему, аналогичные процессы происходили в соседней Маргиане, хотя здесь налицо определенные трудности, в частности из-за недоработки археологической периодизации и ее хронологии. В самой Маргиане первые находки степных черепков были отмечены еще в 50-х гг. XX в. [Массон 1959]. Помимо Маргианы, определенный интерес представляют памятники подгорной полосы Копетдага. Здесь надо прежде всего отметить Теккем-депе, расположенный неподалеку от базового памятника подгорной полосы Намазга-депе, до сих пор являющегося опорным пунктом всей южнотуркменской периодизации. На уровне верхних слоев Теккем-депе обнаружено большое число сосудов степного типа, а также изделия из бронзы [Щетенко 1999; Кутимов 1999]. По мнению В. С. Бочкарева, все они относятся к типу ранней валиковой керамики, вполне лежащей в середине II тыс. до н. э., скорее всего к рубежу XVI и XV вв. до н. э. Материал настолько многочислен, что поневоле возникает вопрос, не были ли это остатки целого поселения, которое располагалось поблизости от базового центра древней цивилизации, рядом с небольшим поселком на Намазга-депе, где были выявлены материалы Намазга VI.

Многочисленные данные имеются и в Маргиане, хотя исследование комплексов еще далеко не завершено. Материалы, изданные В. М. Массоном и В. И. Сарияниди [Массон 1959; Сарияниди 1975], происходят из нескольких поселений, вытянутых вдоль восточного рубежа прамургабской дельты. Это поселения Аучин под разными номерами и Тахирбай 3. Все это бесспорно поздние степные материалы второй половины II тыс. до н. э. Более того, нахождение керамики степного типа в глубине культурных слоев собственно мургабской оседлой культуры, как это было выявлено при раскопках в Тахирбае 3, свидетельствует, что перед нами сосуществующие памятники. В полной мере такая картина проявилась на поселении с аналогичной керамикой, расположенном всего в 25 км от столичного Гонура.

Определенный материал содержится и в самой столице Маргианы — древнем Гонуре. Здесь можно указать на два факта. Первый — это находка сосуда степного типа, выставленного в одной из комнат теменоса Гонура. В. И. Сарияниди вполне обоснованно допускает его происхождение от людей, уже проживающих в самом городе [Сарияниди 2002: 192]. Отмечается, что эти материалы предшествуют поздним наслоениям памятника, относящимся ориентировочно к 1700—1600 гг. до н. э. [Сарияниди 2005: 193]. Видимо, к столь же раннему этапу, ориентировочно первой трети II тыс. до н. э., можно относить и группу погребений из огромного могильника древнего города. Это типичные местные могилы с характерными подбоями, в них, однако, налицо некоторые особые признаки. В могилах встречены подсыпки из углей, и в верхней части обнаружены остатки небольших костров. Это признаки, не имеющие аналогий в блоке ранних культур юга, но находящие прямые аналогии в северных могилах.

В этой связи весьма характерно наличие около монументальных храмов целого ряда сооружений, служивших для хранения священной золы (Гонур, Тоголок 21, Джаркутан). В. И. Сарияниди отмечает даже остатки

обугленных горных трав. По облику это типичные предшественники храпилиц священной золы, которые спустя почти два тысячелетия будут широко представлены в комплексах Бактрии, Согда и Хорезма как часть ритуала священного поклонения огню. Аналогии в ближневосточных памятниках культового характера не известны. Не исключено, что поклонение священному очагу — традиционное для оседлых южных культур — в данном случае соединилось с культом огня, характерным для мира степняков, и дало своеобразный симбиоз двух традиций. Это один из ярких примеров сближения последних. Оседавшие скотоводы, включаясь в число жителей городов, воспринимали их богатую материальную культуру и даже погребальные обряды. Однако они привносили ряд своих элементов, в частности распространение в жреческой среде культа огня.

Во всяком случае, постепенное проникновение в дельту Мургаба первых степных канонов не вызывает сомнений. Вполне вероятен и процесс адаптации местного населения к новым порядкам.

Российские историки уже в 50-е гг. XX в., когда появились первые данные о проникновении степных племен в глубины Центральной Азии, предположили, что это были, в конечном итоге, предки тех племен, которые затем пришли в Индостан. И. М. Дьяконов в своей рецензии на книгу В. М. Массона писал, что, скорее всего, уже носители культуры Намазга VI, если не Намазга V, могли быть индо-иранцами по языковому признаку [Дьяконов 1960]. Позднее, изучая историю Центральной Азии и соседних Ирана с Афганистаном, он подчеркивал, что наличие индийских имен божеств в трактате XVI в. до н. э. в Митанни явно свидетельствует о том, что уже тогда центральноазиатские кочевники имели прямой доступ далеко на запад. Долина же Теджена — Герируда могла быть полностью заселена и освоена народом, уже сменившим свой язык на индо-иранский или прямо на иранский [Дьяконов 1989: 315].

Новые археологические материалы полностью подтверждают подобное заключение, хотя его конкретное проявление еще далеко не ясно. Скорее всего, здесь шел обычный для Древнего Востока процесс — когда степняки, осваивавшие древний центр, полностью включались в его культуру, привнося свой язык и некоторые небольшие культурные новации. Несомненно, что II тыс. до н. э. дало такую же картину и в Центральной Азии. Ясно, что уже в первой трети II тыс. до н. э. степняки, быть может, начиная с племен заманбабинцев, просачиваются на юг, хотя детали здесь еще не вполне ясны. Затем продвижение возрастает, и ко второй половине II тыс. мы уже имеем в южных районах Центральной Азии смешанные оседло-степные культуры со значительным количеством лошадей, постепенно вытесняющих привычных для пустынно-степных земледельцев верблюдов. Это был первый шаг в сложном процессе взаимодействия культур и цивилизаций, который затем много столетий определял историческое развитие Центральной Азии. И в этом как раз и заключается важный вклад первых цивилизаций в историю всего макрорегиона.

Продолжив тысячелетия, первые цивилизации Бактрии и Маргианы пришли в упадок, как бы символизируя тот процесс диалога цивилизаций, который столь характерен для всего Древнего Востока. Судя по

всему, в конце II тыс. до н. э. начинается продолжавшееся не одно столетие давление степных обществ, и земледельческая цивилизация постепенно перерождается. На ее основе формируется культура Яз-депе I, где уже нет пышных храмов и богатой художественной культуры, в частности, печатей с изображением сцен борьбы людей и животных. Видимо светская власть, чье оружие мы находим в археологических комплексах, меняет и ниспровергает предшественников. Теперь ее убежищами становятся уже монументальные строения, вознесенные на платформы многометровой высоты, возведенные, кстати, из того же кирпича, что и города древних цивилизаций. Частично сохраняется изготовление керамики с помощью гончарного круга, количество которой постепенно набирает силу. На исторической арене значатся правители и знаменитый Зороастр, который, ниспровергнув жрецов, полностью использовал внедренный, видимо, еще его далекими степными предками гончарный круг. История осуществляет новый поворот, небольшие владения вождей постепенно делают новый шаг по пути к цивилизации, на этот раз уже второго цикла.

Литература

- Аванесова 1991: *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.
- Аванесова 1995: *Аванесова Н. А.* Новое в погребальном обряде сапаллинской культуры // АВ. № 4. С. 63—72.
- Аванесова 2003: *Аванесова Н. А.* Степной пласт исторической Бактрии // Центральная Азия. Источники, история, культура. М. С. 3—6.
- Аскарлов 1973: *Аскарлов А.* Сапаллитепе. Ташкент.
- Аскарлов 1977: *Аскарлов А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент.
- Аскарлов, Абдуллаев 1983: *Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н.* Джаркутан. Ташкент.
- Гулямов и др. 1966: *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент.
- Дьяконов 1960: *Дьяконов И. М.* [Рецензия] // ВДИ. № 3. С. 196—123. Рец. на кн.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959.
- Ильин, Дьяконов 1989: *Ильин Г. Ф., Дьяконов И. М.* Индия, Средняя Азия и Иран в первой половине I тысячелетия до н. э. // История древнего мира. Ранняя древность. М.
- Кирчо, Попов 1999: *Кирчо Л. Б., Попов С. Г.* К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии // SPI. № 2. С. 350—361.
- Козырева 2003: *Козырева Н. В.* Месопотамская печать из Маргианы // Мирас. № 1. С. 88—91.
- Кутимов 1999: *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // SPI. № 2. С. 314—322.
- Масимов 1979: *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. № 1. С. 111—131.
- Масимов 1981: *Масимов И. С.* Новые находки печатей бронзового века с низовий Мургаба // СА. № 2. С. 132—150.
- Массон 1959: *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.
- Массон 1964: *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.

- Массон 1971: *Массон В. М.* Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. Л.
- Массон 1981: *Массон В. М.* Алтын-депе. Л.
- Массон 1999: *Массон В. М.* Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // SPI. № 2. С. 265—285.
- Массон 2003: *Массон В. М.* Древний Кыргызстан: вопросы культурогенеза и культурного наследия. Бишкек.
- Массон 2005: *Массон В. М.* Древние общества степей Евразии в структуре мировой истории // АВ. № 12. С. 172—178.
- Пьянкова 1989: *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе.
- Пьянкова 1999: *Пьянкова Л. Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // SPI. № 2. С. 286—297.
- Сарианиди 1975: *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. № 2. С. 20—29.
- Сарианиди 1977: *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.
- Сарианиди 1990: *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди 2001: *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.
- Сарианиди 2002: *Сарианиди В. И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат.
- Сарианиди 2004: *Сарианиди В. И.* Социальный и политический строй древневосточной цивилизации Маргуш // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М. С. 318—334.
- Сарианиди 2005: *Сарианиди В. И.* Гонур, Туркменистан. Город царей и богов. Ашгабат.
- Удемурадов 1993: *Удемурадов Б. Н.* Алтын-депе и Маргиана. Связи, хронология, происхождение. Ашхабад.
- Щетенко 1999: *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // SPI. № 2. С. 323—335.
- Amiet 1986: *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens 3500—1700 avant J.-C. Paris.
- Masson 1988: *Masson V. M.* Altyn-depe. Philadelphia.
- Masson 1992: *Masson V. M.* The Environment // History of Civilizations of Central Asia / Ed. by A. H. Dani, V. M. Masson. Vol. 1. Paris. P. 29—44.

**В. М. МАССОН:
ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ,
ОРГАНИЗАТОР НАУКИ
(Опыт периодизации научной деятельности)**

Л. Б. Кирчо (Санкт-Петербург)

3 мая 2004 г. Вадиму Михайловичу Массону, выдающемуся исследователю древних культур и цивилизаций Центральной Азии, исполнилось 75 лет. В юбилейных статьях принято перечислять регалии, поздравлять, желать и оценивать вклад. Однако представляется, что в данном случае и в данное время куда правильнее будет просто напомнить основные этапы научной биографии юбиляра. Развитие науки определяется тремя основными факторами: 1) открытие новых данных, их анализ и введение в научный оборот в обобщенном виде; 2) создание непротиворечивых гипотез и теорий, объясняющих полученные данные и 3) организация системы передачи знаний и методов. Научная деятельность В. М. Массона представляется классическим примером этого процесса¹.

Блестящий сын знаменитого отца, Михаила Евгеньевича Массона, одного из основателей древней и средневековой археологии Средней Азии, Вадим Михайлович получил разностороннюю историко-археологическую подготовку на отделении археологии исторического факультета Среднеазиатского Университета и в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). В 1946—1950 гг. В. М. Массон руководит раскопками Квадратного зала парфянской столицы Старая Ниса, а в 1949—1950 гг. проводит обследование средневековых городищ Ташкентского оазиса². Продолжив обучение в аспирантуре ЛОИИМК под руководством крупнейшего востоковеда М. М. Дьяконова, В. М. Массон в 1951—1953 гг. открыл и исследовал ранее неизвестную культуру

¹ См. также: *Березкин Ю. Е.* Краткий очерк жизни и научной деятельности В. М. Массона (к 70-летию со дня рождения и 55-летию с начала полевых археологических изысканий) // Вадим Михайлович Массон: Библиографический указатель / Сост. Л. М. Всевиов. СПб.: ИИМК РАН, 1999. С. 3—6; *Березкин Ю. Е.* В. М. Массон и социальная антропология XX века // Взаимодействие древних культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 32—45.

² Городище Ханабад // Сб. студ. работ САГУ. Вып. 3. Ташкент, 1951. С. 73—87. Здесь и далее в сносках называются основные работы В. М. Массона.

раннего железного века в Юго-Западном Туркменистане — культуру архаического Дахистана³.

После защиты кандидатской диссертации В. М. Массон становится сотрудником сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК и, возглавив Каракумский отряд (позднее преобразованный в экспедицию), в 1954—1956 гг. ведет изучение памятников эпохи поздней бронзы — раннего железа (Аучин-депе, Тахирбай 3, Яз-депе) в древней Маргиане⁴. Масштабные археологические исследования были продолжены в 1955—1963 гг. на неолитическом Джейтуне, энеолитических поселениях Геоксюрского оазиса и Кара-депе, где впервые в среднеазиатской археологии была применена методика раскопок широкими площадями⁵.

В результате в начале 1960-х гг. В. М. Массоном была воссоздана целостная картина становления и развития древнеземледельческих культур юга Средней Азии, формирующихся на основе производящей экономики переднеазиатского типа в процессе взаимодействия с раннеземледельческими памятниками месопотамского и иранского круга⁶. А выделение основных этапов развития памятников и культур Средней Азии VI—середины I тыс. до н. э.⁷ является базой периодизации эпохи древности региона и по сей день. Защита докторской диссертации, научное лидерство, огромная преподавательская и организационная работа естественно привели В. М. Массона в 1968 г. к руководству отделом Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР.

Новый этап в научной биографии В. М. Массона связан с исследованием проблемы урбанизации и исторического развития экономики древних обществ⁸. С 1965 г. разворачиваются многолетние раскопки одного из крупнейших памятников эпохи энеолита — бронзы Средней Азии — протогородского Алтын-депе⁹. Второй экспедиционный проект (1972—1986) — изучение Зар-тепе и других памятников в Южном Узбекистане —

³ Древняя культура Дахистана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л., 1954. 16 с. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // ТЮТАКЭ. Т. 7. Ашхабад, 1957. С. 385—458.

⁴ Древнеземледельческая культура Маргианы / МИА. 1959. № 73. 216 с.

⁵ Джейтунская культура // ТЮТАКЭ. Т. 10. Ашхабад, 1960. С. 37—109; Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении / Археология СССР. САИ. Вып. БЗ-8: Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 30 с., 20 отд. ил.; Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР. Археология СССР. Т. 4. М.: Наука, 1982. С. 9—92.

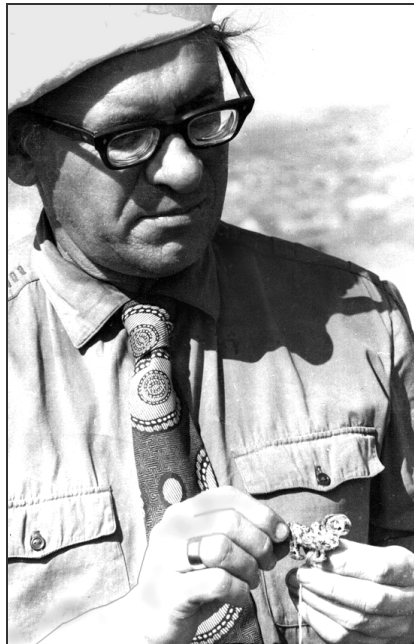
⁶ Древнейшее прошлое Средней Азии: (От возникновения земледелия до похода Александра Македонского): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. ЛГУ, 1962. 37 с.; Средняя Азия и Древний Восток. Л.: Наука, 1964. 467 с.; Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) / МИА. 1971. № 180. 208 с.

⁷ Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966. 290 с. (Совместно с М. П. Грязновым, Ю. А. Заднепровским, А. М. Мандельштамом, А. П. Окладниковым, И. Н. Хлопковым).

⁸ Экономика и социальный строй древних обществ: (В свете данных археологии). Л.: Наука. 1976. 192 с.

⁹ Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: (Опыт классификации и интерпретации) / Культура народов Востока: Материалы и исслед. М.: Наука, 1973. 209 с. (Совместно с В. И. Сарияниди); Алтын-депе / ТЮТАКЭ. Т. 18. Л.: Наука, 1981. 176 с.

был связан с проблемой кушанской цивилизации¹⁰. Бурное развитие археологических исследований в республиках Средней Азии и Казахстане в конце 1960—1970-х гг. во многом было обусловлено методическим и научно-организационным руководством Отдела Средней Азии и Кавказа и лично В. М. Массона, который основал серию изданий «Каракумские древности» (вып. I—VIII, 1968—1979 гг.) и возглавил Научный совет по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, издавший серию «Успехи среднеазиатской археологии» (вып. 1—4, 1972—1979 гг.) и сборники «Древняя Бактрия» (1974) и «Бактрийские древности» (1976). Важное значение имели также научные совещания и конференции, посвященные проблемам древнего города, жилища, обмена и торговли, раннесредневековой археологии Средней Азии, проводившиеся как в Ленинграде, так и в республиканских центрах (Фрунзе, Самарканд, Алма-Ата, Ашхабад).

Вадим Михайлович Массон

Особо необходимо отметить сводные публикации В. М. Массона по археологии древней Средней Азии на иностранных языках¹¹ и создание им «незримого коллектива» — системы обмена информацией с ведущими мировыми центрами и специалистами по археологии Переднего Востока и Южной Азии, в результате чего в конце 1970-х гг. исследования среднеазиатских памятников приобретают международную известность.

В 1980-е гг., возглавив ЛОИА АН СССР и продолжая экспедиционные изыскания на Алтын-депе и исторический анализ материалов первых цивилизаций¹², Вадим Михайлович много усилий приложил для выведения советской археологической науки на мировой уровень. Он выступает инициатором или одним из ведущих организаторов целой серии между-

¹⁰ Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана: (Вопросы периодизации и хронологии) // ОНУ. 1981. № 4. С. 30—38; Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана: (Вопросы типологии поселений и культурогенеза) // ОНУ. 1981. № 6. С. 36—43.

¹¹ Central Asia: Turkmenia before the Achaemenides / Ancient Peoples and Places. Vol. 79. London: Thames & Hudson, 1972. 219 с. (совместно с В. И. Сарияниди); Egy kokori telepules Kozer-Azsiaban: Dzejtun. Budapest, 1978. 198 с.; Das Land der tausend Stadte: Die Wiederentdeckung der altesten Kulturgebiete in Mitteleasien Munchen: Pflieger, 1982. 239 с.; и др.

¹² История древнего Востока. 2-е изд., перераб. и доп. (совместно с В. И. Кузищевым). М., 1988; Altyn-depe / Univ. Museum Monograph. 55. Philadelphia, 1988. 150 p.; Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 276 с.; Исторические реконструкции в археологии Фрунзе. 2-е изд., доп. Самара, 1996. 101 с.

народных обменов и симпозиумов по проблемам археологии Центральной Азии и Древнего Востока (симпозиум ЮНЕСКО 1982 г. в Душанбе, советско-индийские симпозиумы в 1982 г. в Ашхабаде и в 1986 г. в Аллахабаре; советско-американские симпозиумы 1981 и 1986 гг. в Бостоне и Вашингтоне, 1983 г. в Самарканде; советско-французские симпозиумы в Душанбе, Париже и Алма-Ате 1982—1987 гг.), результаты которых отражены в серии книг, а итоги подведены в «Истории цивилизаций Центральной Азии», изданной под эгидой ЮНЕСКО¹³. Одновременно Каракумская экспедиция под руководством В. М. Массона проводит мультидисциплинарные исследования поселения Джейтун (в рамках советско-английского проекта, 1986—1991 гг.)¹⁴ и на новом методическом уровне разворачивает раскопки среднеэнеолитического Илгынлы-депе (1986—1999 гг.).

В 1991 г. ЛОИА АН СССР, в значительной степени благодаря усилиям и авторитету В. М. Массона, преобразуется в самостоятельный институт — ИИМК РАН. В. М. Массон становится его директором. По его инициативе с 1992 г. начинает выходить ежегодник «Археологические вести» — главное периодическое издание Института, возобновляются полевые пленумы ИИМК, интенсифицируются международные научные связи (советско-американские симпозиумы в Ленинграде и Андовере по проблеме культурной адаптации в эпоху палеолита; российско-датские симпозиумы в Ленинграде и Орхусе по вопросам культурных взаимодействий в Балтийском регионе, российско-польское и российско-английское сотрудничество и др.), возрождаются старые направления работы ИИМК АН СССР — морская археология (работы в Выборге, серия сборников) и церковная археология (симпозиум во Пскове 1995 г.). Основным предметом теоретических исследований В. М. Массона в конце XX—начале XXI в. становятся проблемы культурогенеза и культурного наследия¹⁵, а основные усилия направлены на сохранение единого научного пространства в условиях распавшегося СССР. Здесь необходимо отметить три проекта в республиках Средней Азии — «Древний Мерв» (1990—1994), «Бухара и мировая культура» (1993—1995) и «Ош-3000» (1999—2001), в рамках которых проводились ежегодные международные конференции, экспедиционные исследования и издавались тематические сборники материалов. В результате международного проекта «Древний Мерв» крупнейший памятник истории и культуры Туркменистана был взят под охрану ЮНЕСКО. По инициативе и под руководством В. М. Массона в Туркменистане издается журнал «Мирас» («Наследие»), а в Кыргызстане — журнал «Диалог цивилизаций».

¹³ History of Civilisations of Central Asia. Paris, 1992.

¹⁴ Сборник «Новые исследования на поселении Джейтун» // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 4. Ашгабат: Ылым, 1992.

¹⁵ Ритмы культурогенеза — концепция ранних комплексных обществ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1998. № 3; Первые цивилизации и всемирная история. Уфа, 1999; Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие: (Историко-культурологические очерки). Бишкек: Илим, 2003. 158 с. Культурогенез Древней Средней Азии. СПб: Филол. фак. СПбГУ, 2005. 384 с.

Вся эта гигантская работа получила высочайшую научную и общественную оценку. Заслуженный деятель науки России, академик РАЕН Туркменистана и АН Кыргызстана, почетный член и член-корреспондент самых престижных международных академий и институтов, В. М. Массон награжден орденами Таджикистана и Кыргызстана и пользуется заслуженным авторитетом как патриарх евразийской археологии (по удачному выражению В. А. Дергачева)¹⁶.

За рамками этого краткого обзора остается еще множество направлений и аспектов трудов В. М. Массона, например, огромная научно-педагогическая работа — им прочитана целая серия курсов лекций в десятках университетов, подготовлены несколько сотен (без преувеличения!) специалистов, а влияние, которое оказали его теоретические разработки и широта культурно-исторического подхода к археологическим источникам трудно переоценить.

Фактически научная деятельность (как историко-археологическая, так и научно-организационная) и колоссальный масштаб личности В. М. Массона составляют целую эпоху в истории науки, в которой четко выделяются четыре периода:

1) середина 1940-х—середина 1960-х гг. — формирование научного лидера в области археологии древней Средней Азии — создание основы периодизации и разработка проблем становления и развития древних обществ на базе производящей экономики;

2) конец 1960-х—1970-е гг. — формирование под его руководством (как теоретически, так и организационно) современной среднеазиатской археологии на базе изучения проблемы урбанизации.

3) 1980-е гг. — формирование системы международных исследований в области археологии Юга СССР на основе изучения проблемы ранних цивилизаций;

4) 1990-е гг.—начало XXI в. — формирование национальных и международных структур на основе разработки проблем культурогенеза и культурного наследия.

Вадиму Михайловичу Массону повезло на старте жизни — не каждому дано родиться в семье одного из трех докторов археологии в СССР и определить свой научный путь уже в 16 лет. Однако, открывая целые эпохи в древней истории и возглавив ленинградско-петербургскую школу современной среднеазиатской археологии, сын превзошел отца. Второй раз В. М. Массону повезло в 1960-е гг., когда он встретил свою половину — блестящего специалиста-грассолога, верную соратницу и очаровательную женщину Галину Федоровну Коробкову. И этот союз не только оказался чрезвычайно удачным в личном плане, но и серьезно способствовал развитию приоритетного для нашей страны научного направления — изучению экономической базы древних культур и цивилизаций.

Но больше всего повезло нам, его ученикам и сотрудникам. В качестве пояснения приведу крохотный эпизод. В начале 1970-х. В. М. Массон

¹⁶ Дергачев В. А. Патриарху Евразийской археологии В. М. Массону — 70 лет. Взгляд из Молдовы // SPI. 1999. № 2.

дал мне поручение (честно говоря, я уже не помню, какое именно), и это поручение по объективным обстоятельствам выполнено не было. Начиная оправдываться и объяснять причины и слышу в ответ: «Меня не интересует, почему Вы не сделали. Скажите, когда Вы **сделаете**». Этот урок запомнился навсегда, потому что главное, чему учит нас В. М. Массон, по существу, сводится к формуле или девизу служения — «Делай, что должно, и будь что будет». Служение науке и составляет суть научной биографии Вадима Михайловича Массона.

АКАДЕМИК ВАДИМ МИХАЙЛОВИЧ МАССОН В ЖИЗНИ И МИФАХ*

Б. Я. Ставиский (Москва)

Несколько слов воспоминаний о моем современнике Вадиме Михайловиче Массоне, сыне «патриарха среднеазиатской археологии» Михаила Евгеньевича Массона (он любил, когда так его величали), замечательном советском и русском археологе и, конечно, коммунисте, иначе в советское время нельзя было удовлетворить свои амбиции, а Вадим Михайлович уже тогда был не только умелым организатором и крупным ученым, но и руководителем академического Института истории материальной культуры. Напомню, что и потомок декабриста известный советский историк Б. В. Лунин (и, следовательно, дворянин) в советское время был членом большевистской партии. Такова уж была эпоха, а ее, как писал тогда поэт, «не выбирают, в ней живут и умирают».

Как сын своего прославленного отца, Вадим Михайлович на всю свою жизнь, видимо, запомнил эпизод, о котором сообщила его столь же прославленная мачеха, Г. А. Пугаченкова [Пугаченкова 1995: 4]. По ее словам, после смерти деда Вадима Михайловича на участке, где он рассадил деревья и цветы, Михаил Евгеньевич Массон занимался прививками, выписывал из ботанических садов разные семена и посадочный материал, держал для ухода за садом чеха-садовника. В советские годы дом был реквизирован, а сад вырублен. «Это обстоятельство всегда с горечью вспоминал М. Е. Массон, который говорил, что он никогда не станет иметь и возделывать собственный участок, ибо придет злая пора, когда кто-то безжалостно все погубит». «Следует затронуть одну деталь его биографии. Будущий академик (Туркменистана. — Б. С.) так и не получил законченного высшего образования. И вот почему. В Восточный институт поступило анонимное сообщение, что М. Е. Массон — бывший владелец богатого жилого дома в Самарканде и, следовательно, классово чуждый элемент. Морально он был подавлен, не стал вступать в оправдание, а перестал посещать институт, о чем сожалела профессура, высоко ценившая талантливого студента» [Там же. С. 10]. «У него был очень сложный характер, характер взрывной, сочетавший самое благожелательное отношение к лю-

* К огромному сожалению, автор данной заметки, выдающийся российский археолог-востоковед Борис Яковлевич Ставиский скончался 8 января 2006 г. на восьмидесятом году жизни (см. некролог в разделе «Personalia» данного тома).

дям с резко отрицательным, вызванным причинами как объективными, так и чисто субъективными... Так, например, оборвалась его многолетняя дружба с достойным всяческого уважения А. Ю. Якубовским... он по-детски обижался... если на его труды не было сделано ссылки в чьей-либо статье по данному вопросу» [Там же. С. 12].

Я специально остановился на сложном характере М. Е. Массона, унаследованном в какой-то степени и Вадимом Михайловичем. В связи с первым из них напомним об одном из мифов о втором: говорили, к примеру, что когда, вопреки воле отца, Вадим Михайлович хотел заняться не археологией, а чем-то иным, ботаникой или биологией, в его сторону полетела чернильница. Но вернемся к нашему юбиляру. Родился он у Массона-старшего и его жены Ксении Ивановны не в самое лучшее для них время. Это позднее, когда Михаил Евгеньевич, будучи археологом-консультантом Узбекского комитета по охране памятников старины — Узкомстариса, раскопал в 1933 г. в Айртаме близ г. Термеза остатки буддийских построек кушанской эпохи и доложил об этом открытии на III Международном конгрессе иранского искусства и археологии в Государственном Эритаже в 1933 г., без защиты диссертации стал, по представлению академика И. А. Орбели, доктором археологии, начался его научный и административный взлет, включивший основание им в 1940 г. кафедры археологии Средней Азии в САГУ, создание в 1946 г. Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции и избрание его академиком только что образованной Академии наук Туркменской ССР. А тогда, после того как Массон-отец из-за строптивого характера был уволен из Ташкентского музея, его семья, состоявшая из трех взрослых и маленького Вадима, ютилась в одной комнате музейного флюгера бывшего дворца великого князя Николая Константиновича Романова. Правда, детство, а затем школьные годы Вадима Михайловича прошли в квартире, выделенной в 1934 г. семье Массона-старшего в престижном так называемом «доме специалистов» на улице 1 Мая в центральном районе тогдашнего Ташкента.

Уверен, что деспотический характер отца в значительной степени определил выбор Вадимом Михайловичем его будущей специальности, а пристрастия отца — интерес к живой природе и домашним животным — кошкам и собакам — любовь, которой Вадим Михайлович верен по сей день. Безусловно, от отца (и от деда и его предков) унаследовал наш юбиляр и бросающиеся в глаза всем, кто его знает, как немалые достоинства, так и некоторые недостатки... Мне довелось познакомиться с ним в 1951 г., когда, блестяще окончив САГУ, он поступил в аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии СССР. Нас познакомил научный руководитель Вадима Михайловича, Михаил Михайлович («Мих-мих») Дьяконов. Таким образом, мы знакомы более 50 лет, и я имел возможность следить за научными успехами своего чуть более молодого — (он моложе меня на два года и два месяца) коллеги. Его старт в науке был стремителен. Этому, конечно, способствовало то, что он был сыном Массона-старшего, возглавлявшего ЮТАКЭ, в которой Массон-младший, после трагической смерти Б. Н. Куфтина, изучал знаменитую «анаускую

культуру». Но, безусловно, в еще большей степени успешному научному старту способствовали его природный талант, замечательная целеустремленность и потрясающее трудолюбие. Первые его научные статьи увидели свет еще в его студенческие годы в Трудах САГУ (1950) и в Сборнике студенческих работ САГУ (1951). За ними последовали первоклассные публикации по раскопкам других памятников древнейшей эпохи в Южном Туркменистане (Яз-депе, Джейтун, Кара-депе, Геоксюр и т. п.), монография «Древнеземледельческая культура Маргианы» (М.; Л., 1959) и во многом основополагающая «Средняя Азия и Древний Восток» (М.; Л., 1964), высоко оцененная и у нас (например И. М. Дьяконовым), и за рубежом. А еще до выхода в свет этого монументального труда, в 1962 г., в возрасте 33 лет, В. М. Массон успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Хорошо была встречена мировой наукой также написанная Вадимом Михайловичем совместно с В. А. Ромодины фундаментальная 2-томная «История Афганистана» (М., 1964—1965). Правда, сейчас можно было бы, пожалуй, возразить против такого не исторического, а тем более не культурологического и не цивилизационного «территориального» подхода, при котором как бы забываются два немаловажных обстоятельства, а именно то, что при столь огромном хронологическом — «от палеолита до Горлита» — охвате материала, во-первых, нельзя учесть, что никто не знает, каков был этнос первобытных стад, бродивших по нашей планете в поисках еды, а во-вторых, как менялся сам характер этноса в силу ожидавших его переселений, ассимиляции, а то и физического уничтожения целых его поколений пришельцами. Так же хорошо была принята научно-популярная «Страна тысячи городов» (М., 1966), позднее переведенная на немецкий и японский языки.

В 1968 г. В. М. Массон возглавил сектор Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, что свидетельствовало о заслуженном признании большого научного потенциала молодого археолога и вере в его немалые организаторские способности. Эта ставка на Вадима Михайловича себя оправдала. Его научная активность продолжалась, так же как продолжали выходить все новые написанные им добротные книги — «Джейтун» (Л., 1971), «Экономика и социальная система древних обществ» (Л., 1976), статьи и т. п. В то же время, он активно занимается организационной деятельностью: руководит выпуском серии сборников «Каракумские древности», «Древняя Бактрия», «Бактрийские древности», «Успехи среднеазиатской археологии», создает Совет по среднеазиатской археологии. Продолжает он свою научную работу и после того, как в 1981 г., став директором Ленинградского отделения Института археологии, еще более значительно расширил круг своей организационной деятельности. Под его руководством или с его активным участием осуществляется ряд совместных международных проектов, в том числе советско-американских по археологии Средней Азии и Ближнего Востока в Бостоне (1981), Самарканде (1983), Вашингтоне (1986), по адаптации в периоды позднего палеолита Восточной Европы и палеоиндейских культур в Денвере (1991); советско-французских в Душанбе (1982), в Париже (1985), в Алма-Ате (1987); советско-датских в Санкт-Петербур-

ге (1980) и Орхусе (1990); проводится симпозиум ЮНЕСКО в Душанбе (1982); иницируется советско-английское сотрудничество по изучению палеолита, эпохи викингов, эпохе бронзы и восточной археологии (1988—1991), регулярное сотрудничество с Польшей по темам военной археологии и хронологии эпохи неолита (с 1991); проводится совещание по майкопской культуре в Новороссийске (1991).

Сфера кипучей деятельности Вадима Михайловича охватила и преподавание в ЛГУ (с 1957), чтение учебных и популярных лекций в МГУ им. М. В. Ломоносова, в Российском археологическом обществе, в Казани, на Украине, в республиках Средней Азии, в Дании, Великобритании, США, Франции, Германии, Норвегии. В. М. Массон воспитал плеяду учеников, работавших в России, СНГ, Вьетнаме, Сирии (более 40 из них защитили кандидатские диссертации). Впечатляет размах тематики его научных интересов. Это и вопросы палеолитических обществ Восточной Европы, и проблемы истории неолита, эпохи бронзы и железа Средней Азии, процессы ее урбанизации, время Саманидов, Караханидов, Сельджукидов и т. д. и т. п.

Поговаривали о возможном переезде В. М. Массона в столицу. Но, согласно очередному мифу, за ним числится «политический грех» — поговаривают, что в его полевом лагере на юге Туркмении к столетию со дня рождения В. И. Ленина появилась надпись: «здесь он никогда не был». Этого оказалось достаточно, чтобы переезд Вадима Михайловича в Москву не состоялся. Но при нем Ленинградское отделение Института (1991) получило статус самостоятельного Института истории материальной культуры, благодаря чему еще более вырос его научный престиж, а в нашей науке возродились или же появились впервые такие направления, как, например, церковная, морская и военная археология. Вадим Михайлович же возглавил программы РФФИ и РГНФ «От Северной Руси к Северной Пальмире», по которой ИИМК издал восемь публикаций, и «Культурная трансформация и ранние комплексные общества Восточной Европы», по которой подготовлены три выпуска, в том числе книга Вадима Михайловича «Палеолитическое общество Восточной Европы».

После образования ИИМК в его стенах стали проходить регулярные пленумы по итогам полевых исследований и выпускаться ежегодники «Археологические открытия», издано уже 10 томов сборников «Археологические вести». Уделял В. М. Массон внимание также вопросам методологии и процессу научных исследований, этим вопросам посвящена выпущенная во Фрунзе (теперь Бишкек) в 1990 г. и вторым дополненным изданием в Самаре книга Вадима Михайловича «Исторические реконструкции в археологии». Всего по сей день увидели свет более 500 его книг, брошюр, научных статей, заметок, обзоров и рецензий. И сейчас наш юбиляр, как мы видим, полон как научных задумок, так и амбициозных планов по возрождению Восточного отделения Российского (до 1918 г. — Императорского Русского) археологического общества. В 1999 г. в Санкт-Петербурге под эгидой ВОРАО прошла Международная научная конференция «Культурное наследие Востока (вопросы культурной преемственности и культурных традиций в развитии древних культур и цивилизаций)».

Заканчивая свою заметку, хочу пожелать нашему юбиляру, по-прежнему полному юношеского задора и энергии, крепкого здоровья, сил, долгих лет творческой жизни и дальнейших успехов на благо нашей отечественной и мировой археологической науки!

Литература

Пугаченкова 1995: *Пугаченкова Г. А.* Михаил Евгеньевич Массон — основатель среднеазиатской археологической школы. Ташкент.

**ТОПОНИМИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО АФГАНИСТАНА
ПО СОЧИНЕНИЮ X в. «ХУДУД АЛ-АЛАМ»
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
И СОВРЕМЕННЫХ КАРТ**

Д. Абдуллоев (Санкт-Петербург)

Персоязычное анонимное географическое сочинение с арабским заглавием «Худуд ал-алам мин ал машрик ила-л-магриб» («Пределы мира с востока до запада») было написано в 372 г. х. (982 г. н. э) и предназначалось одному из вассалов Саманидов — Гузгананскому правителю Абу-Харису Мухаммаду ибн Фаригуну. Этот источник сразу же после его обнаружения в 1892 г. оказался в центре внимания востоковедов и историков широкого профиля. Особую известность он приобрел, как у нас, так и за рубежом, после издания его академиком В. В. Бартольдом [Бартольд 1930]. В нашу задачу не входит перечисление всех публикаций «Худуд ал-алам» с момента его обнаружения до настоящего времени¹. Отметим лишь, что среди них наиболее ценными являются фототипическое издание текста этого сочинения с фундаментальным введением к нему В. В. Бартольда, прекрасный английский перевод с обширными комментариями В. Ф. Минорского [Minorsky 1937] и наборное издание оригинала этого источника, выполненное иранским ученым М. Сотуде [Sotoodih 1962]. Полный текст «Худуд ал-алам» был опубликован также в современной таджикской графике, со многими неточностями и ошибками [Косимов 1983]. Нелишним представляется упомянуть и об интересе к памятнику, проявленном со стороны историков-славистов [Рыбаков 1962: 186—234; Новосельцев 1985: 90—103].

При написании данной статьи мы пользовались публикацией персидского текста, осуществленной В. В. Бартольдом, сопоставляя в ряде случаев трудные для понимания слова и выражения с изданием М. Сотуде.

Хорасан в «Худуд ал-алам» — это северные нынешние провинции Афганистана, южные районы Туркмении, частично Северо-Восточный Иран². Цель нашей работы — выбрать материалы «Худуд ал-алам», относящиеся к территории, на которой в настоящее время располагается Республика Афганистан. Впервые предпринимается попытка сопоставить

¹ Об этом см.: [Мальцев 1983: 97—98].

² О них см.: [Материалы 1939: 209—217].

данные нашего источника с археологическими материалами, связать эти данные с современными географическими названиями.

Нужные нам сведения помещены автором «Худуд ал-алам» в двух разделах, посвященных области Хорасан и городам, там расположенным. Рубежи Хорасана очерчены в источнике следующим образом: «Эта область на востоке граничит с Хиндустаном, южные пределы ее составляют часть земли Хорасана, а часть — пустыня Каргас-кух, к западу от нее (области Хорасан) находится область Гурган и пределы Гурган, на севере от нее река Джайхун (Амударья)» (Худуд ал-Алам. Л. 19а).

В общем описании Хорасана автор «Худуд ал-алам» сообщает о природных ресурсах области, славившейся золотом, серебряными приисками и драгоценными камнями. В списке вывозимых оттуда товаров указаны кони, одежда, серебро, бирюза. В заключение дана краткая характеристика системы управления этой областью в доисламское время (до конца VII в.) и в конце X в. (Там же. Л. 19а).

В следующем разделе автор приступает к перечислению городов и селений Хорасана. При этом он различает города трех категорий: большие (шахр-и бузург), средние (шахр), малые (шахрак).

Перечисление городов и населенных пунктов в источнике следует в порядке с запада на восток. Первым назван город Герат (в тексте Хари). О нем говорится, что это «большой город с сильно укрепленным шахристаном, цитаделью и рабадом. В нем есть проточная вода. Соборная мечеть Герата самая посещаемая во всем Хорасане. Город лежит у подножия горы, в прекрасном месте. Здесь проживают много арабов. Большая река течет подле. Она берет начало в пограничном районе между Гуром и Гузгананом, а ее воды используют в окрестностях города (Герата). Там производят карбас (хлопчато-бумажную ткань), манну и виноградный сироп» (Там же. Л. 19б).

Город Герат существует на том же месте до настоящего времени. Он неоднократно был разрушен и заселялся вновь. Насколько известно, в Герате производились лишь археологические разведки, без раскопок, что затрудняет определение территории, которую занимал город в X в. [Ball 1982: 42, 103, 104, 202, 291]. О втором по размеру городе Гератской области в «Худуд ал-алам» говорится следующее: «Бушанг размером в половину Герата, он окружен рвом, там есть сильная крепость» (Худуд ал-Алам. Л. 19б). Автор особо отмечает, что в Бушанге растут деревья ар-ар и растение, сок которого используется в качестве противоядия в случае укуса змей или скорпионов (Там же. Л. 19б).

По поводу деревьев ар-ар заметим, что это одна из пород тополя, известная в Средней Азии под таким названием до настоящего времени и используемая как строительный материал³.

В статье Бушендж, предназначенной для Энциклопедии ислама, В. В. Бартольд на основании трудов арабских географов указал на значение этого города как центра торговли лесом [Бартольд 1965: 394—395].

³ В. Ф. Минорский называет ар-ар (под вопросом) *Juniperus Polycarpus* [Minorsky 1937: 104].

Вопрос о местонахождении Бушанга еще не решен окончательно. В. Ф. Минорский оставил его открытым. Мухаммад Риза Барнабади, гератский автор XIX в., упоминает Бушанг (в тексте Фушендж) наряду с Гурианом как центр административного округа [Барнабади 1984: 17, 35, 314].

К Герату автор причисляет также еще два небольших города — Шурмин и Малин. Характеризуя их с точки зрения производства продуктов, он пишет, что из Малина происходит прекрасный изюм (в тексте маиз) Тайфы (Худуд ал-Алам. Л. 20а). Очевидно, этот сорт винограда был завезен в VII—VIII вв. с Аравийского полуострова в Хорасан, а затем в Среднюю Азию, где и сейчас пользуется широкой популярностью как один из зимних сортов винограда [Абдуллоев 1985: 102—103].

Шурмин и Малин отсутствуют на картах В. Ф. Минорского и современного Афганистана. В настоящее время точное их местонахождение не удается установить из-за слабого археологического изучения этих местностей.

«Нужган (Нужаган у Минорского) небольшой благоустроенный и благодатный город, который расположен среди гор» (Худуд ал-Алам. Л. 20а).

Опираясь на сведения средневековых географов, В. Ф. Минорский писал, что Нужаган то же самое, что Бужган [Minorsky 1937: 327]. На современных картах Афганистана такая область не встречается.

«Бадгис (в тексте Базгис) — это благоустроенное место, и здесь имеется 300 деревень» (Худуд ал-Алам. Л. 20а). В. Ф. Минорский, возможно, был прав, считая, что сведения о численности селений наш автор заимствовал у ал-Истахри [Minorsky 1937: 327].

«Катун — небольшой город, его население пользуется колодезной и дождевой водой. Оттуда вывозят прекрасных лошадей» (Худуд ал-Алам. Л. 20а). Хотя автор «Худуд ал-алам» не локализует Катун, судя по порядку описания, который идет с запада на восток, он мог находиться в восточной части области Бадгиса.

Затем в источнике речь идет об области Гузганан. Сообщается, что на востоке она граничит с Балхом и Тохаристаном вплоть до Бамиана. На юге Гузганан соприкасается с конечными пределами Гура и Буста. На западе он граничит с Гарчистаном и городом Башин до границ Мерва, а с севера — с рекой Джайхун (Там же. Л. 20б.).

Область Гузганан В. Ф. Минорский поместил между Балхом и Мервом. Он считал, что на юге пределы Гузганана доходили до верхнего течения Мургаба, к востоку от Гарчистана до Рибат-и-карвана. Он сомневался, что границы Гузганана доходили до Бамиана [Minorsky 1937: 328—332].

Следует отметить, что область Гузганан сохранила свое название до настоящего времени в арабизированной форме — Джаузджан. Эта область представляет собой одну из северо-западных провинций Афганистана с центром в Шибиргане. Современная северная и частично южная границы Джаузджана почти соответствуют определению «Худуд ал-алам», восточная же и западная границы не совпадают с данными этого сочинения, так как на востоке Джаузджан граничит в настоящее время с про-

винциями Балх, Саманган, Тохар, а на западе — с провинциями Фарьяб, Бадгис, частично — с Гератом. Таким образом, современная область Джаузджан по своей территории уступает Гузганану X в.

Далее автор останавливается на характеристике округов, находившихся на территории этой области. Район Рабушаран автор относит к Гузгананскому Гарчистану, отмечая наличие там золотого рудника (Худуд ал-Алам. Л. 206).

Местонахождение Рабушарана В. Ф. Минорский определил в верхнем течении Мургаба и ниже Маншана, выше Гарчистана [Minorsky 1937: 332—333]. (О Маншане см. ниже.) На современных картах Рабушаран не отмечен.

«Дарманшан состоял из двух районов. Один принадлежал Бусту, другой — Гузганану и соединялся с Рабушараном» (Худуд ал-Алам. Л. 206).

По предположительному определению В. Ф. Минорского, северная часть Дарманшана проходила по бассейну Мургаба, а на юге граничила с Заминдаваром. Он писал, что часть Гузгананского Дарманшана, лежавшего в бассейне реки Мургаб, может быть помещена на юге или на западе Рабушарана, возможно на Сараге, связывающей этот район с долиной Шарака, ведущей в Ахангаран [Minorsky 1937: 333].

Дарманшан на карте современного Афганистана не засвидетельствован.

Тамран и Тамзан, по определению источника, — две местности на границе с Рибат-и карваном, расположенные среди гор и имеющие соответственных удельных правителей (Худуд ал-Алам. Л. 206). В. Ф. Минорский считал, что Тамран и Тамзан находились вблизи Рибат-и карвана, к югу от Маншана в долине Чирас и Аби-Ваджана. Тамран был более важным, как пишет В. Ф. Минорский, и занимал целый горный район между Балхом и Мургабом [Minorsky 1937: 334]. Эти местности не встречаются на карте современного Афганистана. Археологические работы в этой местности не проводились, поэтому трудно привязать наши топонимы к конкретным населенным пунктам.

Затем в источнике сообщается о местности Сарван, которая находится в горах (Худуд ал-Алам. Л. 206). Она, так же как и вышеупомянутые местности, на карте современного Афганистана не обозначена. В. Ф. Минорский предположительно поместил Сарван вблизи города Фархар [Minorsky 1937: 334]. Современный Фархар находится на восточной границе провинции Тохар, у подножия хребта Талукан.

«Маншан — местность, которая примыкает к Дар-и Андара и расположена в горах» (Худуд ал-Алам. Л. 206). Более точных сведений о ее локализации автор не сообщает. Его описание ограничивается краткой характеристикой системы правления, природных ресурсов (золото, серебро, медь, сурьма, купорос) и занятия населения (разведение крупного и мелкого рогатого скота — коров, овец) (Там же. Л. 206). На основе анализа письменных источников В. Ф. Минорский отождествил Маншан с долиной Мак [Minorsky 1937: 334]. Долины под таким названием на современной карте Афганистана не существует.

К Гузганану автор причисляет и пограничный город Талакан. В. Ф. Минорский отмечает, что этот Талакан нельзя путать с Талаканом в Тохари-

стане, так как названия обоих иногда произносятся как Таякан [Minorsky 1937: 335]. Его также нельзя отождествлять с современным Талуканом.

«Джахудан — город благоустроенный и изобилующий благами, расположен у подножия горы...» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). В. Ф. Минорский, ссылаясь на Йкута, считает, что Джахудан соответствует современному городу Меймене [Minorsky 1937: 335]. Археологические раскопки на территории Меймене не производились, а археологическая разведка не дает возможности подтвердить или опровергнуть отождествление с Меймене.

«Парьяб — город на главном караванном пути и обильный благами» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Парьяб В. Ф. Минорский отождествил с современным Даулатабадом [Minorsky 1937: 335]. Даулатабад находится в провинции Фарьяб, к северу от Меймене и к югу от Андхой. Археологические исследования на его территории не проводились, поэтому трудно сказать, какую площадь занимал средневековый Парьяб.

«Нариян — небольшой город, который расположен между Джахуданом и Парьябом, а протяженность его границ 2 фарсаха» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Этого города нет на карте В. Ф. Минорского [Minorsky 1937: 330] и современного Афганистана.

«Гурзиван — город, который находится в горах, обильный благами и с хорошим климатом. В древние времена местопребывание правителей Гузганана находилось там» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Гурзиван, также Курзман, пишет В. Ф. Минорский, — район, из которого реки Парьяб и Андхой берут свое начало. Он отмечает, что разрушенный город, существующий на его восточной окраине и занимающий территорию основного течения Парьяба, до сих пор имеет административное название Дарзаб ва-Гурзиван [Minorsky 1937: 335]. В настоящее время благодаря археологическим данным можно внести некоторые поправки в отождествление В. Ф. Минорского и отметить, что остатки города Гурзиван находятся в провинции Фарьяб, в 19 км к югу от современного Бильчирага, около Чари Мурда Гусфанда. Однако план его и размеры не установлены. Судя по керамическому материалу, памятник датируется X в. н. э. [Ball 1982: 115—11].

«Кундарм — небольшой процветающий город, оттуда вывозится в большом количестве вино» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Опираясь на сведения средневековых географов, В. Ф. Минорский поместил Кундарм в горах, в 1 мархале (т. е. на расстоянии 1 дня пути пешком) от Джахудана [Minorsky 1937: 335]. Если предположить, что Джахудан — это современное Меймене, то и Кундарм следует искать в этой области на расстоянии 1 дня пути.

Затем автор сообщает о главном городе Гузганана — Анбире. Он пишет, что город находится у подножия горы, и отмечает его важное торговое значение. Этот город славился производством гузгананской кожи, которую вывозили оттуда по всему миру (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Анбир В. Ф. Минорский отождествил с Сари Пулем [Minorsky 1937: 335]. Сари Пул находится в провинции Джаузджан в 70 км к югу от Шибиргана. Археологические работы в этой местности не производились, из-за чего невозможно привязать наш топоним к определенному В. Ф. Минорским населенному пункту.

За Анбиром в источнике упоминается небольшой город Клар (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Населенного пункта под таким названием нет на современных картах Афганистана. Он отсутствует и на картах В. Ф. Минорского [Minorsky 1937: 330].

«Ушбуркан находится на главной дороге, город благодатный и расположен в степи, в нем много проточной воды» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Ушбуркан В. Ф. Минорский считал Шибирганом [Minorsky 1937: 335—336]. В настоящее время средневековый Ушбуркан можно отождествить с руинами городища Шибирган, который находится в провинции Джазузджан, в 132 км к западу от современного города Мазари Шариф и 55 км к северу от Сари Пуль, вблизи г. Шибиргана. Городище состоит из шахристана и — к западу от него — высокого холма цитадели. По данным археологической разведки памятник датируется от кушано-сасанидского времени до монгольского завоевания [Ball 1982: 251].

«Антхуд — небольшой город, расположенный среди пустыни (видимо, речь идет об оазисе. — А. Д.), место многочисленных пашен и посевов, мало благ в нем» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). Антхуд (современный Андхой) находится в северной части провинции Фарьяб. Однако слабое археологическое изучение этой местности не позволяет нам пока установить точное местонахождение средневекового Андхоя.

«Сан — город с благоустроенной округой. Оттуда вывозят много овец» (Там же. Л. 21а). Этого города нет на картах В. Ф. Минорского [Minorsky 1937: 330]. Он также не встречается на современных картах Афганистана.

«Рибат-и карван — город, который находится на границе Гузганана. В его горах добывают золото» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). В. Ф. Минорский пишет, что, согласно Истахри, Рибат-и карван следует помещать в верхнем течении Герируда и, соответственно описанию автора «Худуд ал-Алам», даже на одном из притоков реки Балх. Он предположительно идентифицировал Рибат-и карван с Кушки Хана [Minorsky 1937: 336]. Кушки Хана на современных картах Афганистана не обозначена.

«Сангбун относится к Рабушарану, и его мечеть построили недавно» (Худуд ал-Алам. Л. 21а). В. Ф. Минорский отмечает, что если Рибат-и карван находился на юго-востоке Гузганана, то Сангбун являлся юго-западной окраиной Гузганана со стороны Гарчистана [Minorsky 1937: 336]. Мы не можем ни опровергнуть, определение В. Ф. Минорского, ни согласиться с ним, так как населенного пункта под названием Сангбун на современных картах Афганистана нет.

Завершая описание и перечисление городов Гузганана, автор упоминает о небольшом городе Азиве, который находился в конце владения Гузганана. Более точного местоположения города он не дает (Худуд ал-Алам. Л. 21а). В. Ф. Минорский воздержался от локализации Азива. Его нет и на современных картах Афганистана.

После Азива в источнике идет речь о большом селении Хуш, расположенном среди пустыни (Там же. Л. 21а). Возможно, здесь также имеется в виду оазис среди пустыни.

После описания городов и селений области Гузганан автор сообщает о городе Балхе. Вот что он пишет: «Балх — большой и цветущий благодат-

ный и благоустроенный город, который в древности являлся местопребыванием Хосроев (шахиншахов Ирана). В нем имеются развалины построек с удивительными росписями. Это место называют Наубахар. Балх — место сбора купцов и является местом склада индийских товаров. Там имеется большая река, которая протекает из Бамиана и вблизи Балха разделяется на 12 рукавов, которые орошают пашни и посевы Балха с его округой. Отсюда вывозят лимоны и апельсины, сахарный тростник и водяные лилии. В Балхе имеется шахристан, окруженной прочной стеной, и в его рабаде много рынков» (Там же. Л. 21а).

Средневековый Балх отождествляется с руинами городища Балх, которые находятся вблизи современного города Балх и включают в себя территорию в 11 км по периметру с остатками высокой городской стены и с дополнительной укрепленной территорией Бала Хисар. За городскими стенами расположены остатки буддийского монастыря Тахти Рустам, а также буддийской ступы — Тепаи Рустам. К востоку от Бала Хисар расположены остатки пригорода Балха. Он окружен стенами, и эта часть городища называется Шахри Хиндуван [Ball 1982: 42—244].

За Балхом автор сообщает о Хульме. О нем говорится, что он находится между Балхом и Тохаристаном и расположен в степи у подошвы горы. Там имеется река, и население платит подать за воду. Это место многочисленных пашен и посевов (Худуд ал-Алам. Л. 21а). В. Ф. Минорский отождествляет Хульм с современным Ташкурганом [Minorsky 1937: 337].

Средневековый Хульм можно отождествить с руинами городища Кухна Хульм, находящимися в 7 км от Ташкургана. Городище состоит из большого холма 600×350 м, высотой около 10 м и окружающих его холмиков. В западной части имеются развалины крепости. По археологическим данным городище датируется IV—XIII вв. н. э. [Ball 1982: 166]. Современный город с тем же названием находится в северо-восточной части провинции Саманган.

Далее дается описание области Тохаристан. О ней говорится: «Тохаристан — область, все ее богатство происходит из гор. На ее равнинах проживают тюрки карлуки. Из этой области вывозят коней, овец, большое количество зерна и разных фруктов» (Худуд ал-Алам. Л. 21б). Исходя из данных средневековых географов, В. Ф. Минорский относит к Тохаристану район к востоку от Балха и к югу от Амударьи [Minorsky 1937: 337—338]. Ныне Тохаристан можно отождествить с современной провинцией Тахар, расположенной в северо-восточной части Афганистана.

За Тохаристаном следует Саманган, о нем говорится: «Саманган — город, который находится среди гор. Там имеются горы из белого камня похожего на мрамор, в них вырублены комнаты и кушки (крепости), храмы идолов и залы для собраний. В храме идолов имеются изображения в индуистской манере. Из Самангана вывозят много фруктов и хорошее вино» (Худуд ал-Алам. Л. 21б).

В. Ф. Минорский считает, что средневековый Саманган соответствует современному Хайбаку. Описанные скальные жилища он отождествил с Калаи Нушерван и Духтари Нушерван, ссылаясь на французского архео-

лога Акена [Minorsky 1937: 338]. Нам представляется вполне возможным такое отождествление.

К городам Тохаристана автор причисляет Валвалидж и Таякан. Он сообщает: «Валвалидж — цветущий город с проточными водами и смешанным населением — является главным городом Тохаристана. Много благ в нем» (Худуд ал-Алам. Л. 216).

Валвалидж В. Ф. Минорский отождествил с Кундузом, который расположен у слияния рек Доши и Талукана [Minorsky 1937: 340]. Возможно, В. Ф. Минорский прав в своем отождествлении, так как в результате археологических раскопок (небольших разведывательных работ) на территории Бала Хисар в Кундузе были выявлены, наряду со слоями ранне-средневекового периода, также слои X—XIII вв. н. э. [Ball 1982: 222].

О Таякане автор пишет, что город находится между Тохаристаном и Хутталяном и расположен на склоне горы. Он отмечает, что это место многочисленных пашен и посевов (Худуд ал-Алам. Л. 216). В. Ф. Минорский считает, что Таякан — это хорошо известный Талукан [Minorsky 1937: 340]. Нам тоже представляется вполне возможным сблизить Таякан с названием города Талукан, являющегося в настоящее время центром провинции Тахар. Есть основания для отождествления средневекового Таякана и с руинами городища Талукан, которые находятся в 100 м к юго-западу от современного Талукана. Здесь, вблизи медресе Абдал-Масаида имеются два, в плане квадратных, холма, которые, судя по археологическим материалам, датируются мусульманским временем [Ball 1982: 267].

«Скалканд — небольшой город, который находится среди гор и представляет собой место многочисленных пашен и посевов» (Худуд ал-Алам. Л. 216). В. Ф. Минорский, анализируя сведения средневековых географов, идентифицирует Скалканд с Искар-Исканом и считает, что он лежал вверх по течению от Баглана [Minorsky 1937: 338]. Скалканд отсутствует на современных картах Афганистана. Археологические работы в этом районе не производились, поэтому мы воздерживаемся от локализации Скалканда.

«Баглан — такой же как и Скалканд» (Худуд ал-Алам. Л. 216). Автор здесь, очевидно, имел в виду их одинаковые размеры. В. Ф. Минорский локализует Баглан у среднего течения реки Доши [Minorsky 1937: 340]. Следует отметить, что Баглан сохранил свое название до настоящего времени и является центром одноименной провинции. Незначительные археологические работы, проведенные на территории «Старого Баглана», выявили слои кушано-сасанидского времени, поэтому трудно конкретно локализовать в настоящее время средневековый Баглан.

«Скимашт — район с многочисленными пашнями и посевами, там зерна в изобилии» (Худуд ал-Алам. Л. 216). Скимашт В. Ф. Минорский отождествил с Ишкамишем [Minorsky 1937: 40]. Он отмечен на карте современного Афганистана в провинции Тахар.

«Андараб — небольшой город, который находится среди гор, место многочисленных пашен и посевов, дает зерна в изобилии. Здесь протекают две реки. Из серебра, которое добывают в Панджшире и Джараяне в Андарабе, чеканят драхмы. Его правитель носит титул Шахрсалар» (Ху-

дуд ал-Алам. Л. 216). Андараб сохранил свое название до настоящего времени и находится в провинции Баглан. На расстоянии 2 км к юго-востоку от Андараба расположен холм квадратной формы, в северо-западных и юго-западных углах которого сохранились остатки стен, достигающие высоты 3 м. Нам представляется вполне возможным отождествить этот холм со средневековым Андарабом. По керамическому комплексу он датируется эфталитским, тюркским и исламским периодами, т. е. V—XIII вв. н. э. [Ball 1982: 36].

За Андарабом автор сообщает о Бамиане и дает не очень конкретную его локализацию. Он пишет, что город Бамиан расположен между приграничными районами Гузганан и Хорасан. К этому автор добавляет титул местных правителей Шир (лев), говорит о наличии памятников буддийской культуры и упоминает о большой реке в окрестности города (Худуд ал-Алам. Л. 216). Анализируя сведения средневековых географов, В. Ф. Минорский высказывает сомнение в том, что Бамиан находился между Гузгананом и Хорасаном [Minorsky 1937: 34]. Средневековый Бамиан в настоящее время можно отождествить с городищем Шахри-Гульгула, которое находится в 3 км к юго-востоку от города Бамиана. Вблизи от этого городища находятся 750 искусственных пещер, вместе образующих буддийский монастырь с двумя статуями стоящего Будды, вырубленными в скале. Высота одной достигает 53 м, другой — 35 м [Ball 1982: 49].

Далее в источнике упоминаются города Паджшер и Джараяна, говорится, что там добывается серебро и что между ними протекает река, которая доходит до Индии (Худуд ал-Алам. Л. 216). Из этих двух городов сохранил свое название лишь Панджшер. Он находится в провинции Парван. Упомянутая в источнике протекающая между ними река — это, возможно, современная река Панджшер. Археологические работы здесь почти не проводились, поэтому от локализации данных городов мы воздерживаемся.

Затем автор сообщает о двух небольших городах — Мадр и Муй, находившихся среди гор и относившихся к Андарабу (Там же. Л. 216). Мадр В. Ф. Минорский поместил в долине Сурхаб. Он отмечает, что Муй соответствовал Каху, который ныне называется Кахмард [Minorsky 1937: 342]. Мадра на современных картах Афганистана нет, что касается Кахмарда, то он находится в провинции Бамиан у одного из притоков реки Пули Хумри.

Переходя к описанию приграничных районов Хорасана, автор пишет: «Эта область на востоке граничит с Хиндустаном, на юге с пустынями Синда и Кирмана. Ее западную границу составляют земли Герата. С севера она граничит с Тохаристаном, Гарчиستانом и Гузгананом. Часть этой области с прохладным климатом, а часть с жарким» (Худуд ал-Алам. Л. 216). Эту область он определяет как место многочисленных пашен и посевов, отмечает ввоз сюда индийских товаров (Там же. Л. 216). В. Ф. Минорский считает, что здесь автор описывал приграничные земли к юго-востоку от Хорасана [Minorsky 1937: 342].

Первой областью в зоне «границ Хорасана» автор называет Гур. О ней говорится: «Гур — область, которая расположена среди гор и горных

ущелий. Ее правителя называют „гуршахом“. Он подчиняется эмиру Гузганана. В древности в области Гур проживали кафиры. Ныне большинство населения составляют мусульмане. В ней много маленьких городов и селений. Оттуда вывозятся полотно, шерстяная ткань, щиты, кольчуги, прекрасное вооружение. Люди здесь белоликие и смуглые. Они недоброжелательны и невежды» (Худуд ал-Алам. Л. 216). Область Гур В. Ф. Минорский, опираясь на сведения средневековых географов, поместил в верховьях Харируда [Minorsky 1937: 342—344]. Область Гур сохранила свое название до настоящего времени. С запада она граничит с провинцией Герат, с севера — частично с провинциями Фарьяб и Джаузджан, а с северо-востока — с Саманганом.

После Гура в источнике упоминается область Систан. При описании этой области автор главное внимание уделяет характеристике его административного центра — Заранга, отмечая наличие в нем крепости (*хисар*), окруженной рвом с водой, обилие проточной воды в городе. Судя по сведениям автора, город имел пять железных ворот, а рабад, окруженный стеной, — тринадцать ворот. Затем сообщает, что климат этой области жаркий и снега здесь не бывает. Жители этой области пользуются ветряными мельницами. К предметам экспорта из нее автор относит молитвенные коврики, в частности табаристанские, джахрамии, а также сушеные финики (Худуд ал-Алам. Л. 22а). Следует отметить, что хотя автор называет Заранг городом, однако использует такую же схему его описания, как при характеристике больших городов. Таким образом, Заранг, наряду с Балхом, Бустом и Гератом, можно считать большим городом. Ныне эта область называется Нимроз и является одной из южных провинций Афганистана. Ее столицей до настоящего времени остается город Заранг. Средневековый Заранг можно отождествить с руинами городища, находящимися в 6 км к северу от современного Заранджа. Городище окружено массивной стеной с остатками четырех ворот. Внутри городских стен кроме шахристана находится цитадель, остатки пятничной мечети и базар [Ball 1982: 189].

После описания Заранга автор перечисляет, видимо, небольшие города, относящиеся к Систану, хотя в источнике об этом ничего не сказано. Одним из таковых был Так с укрепленной крепостью (*хисар*) и многочисленным населением (Худуд ал-Алам. Л. 22а). В. Ф. Минорский его не локализует. Населенного пункта под таким названием нет и на современных картах Афганистана.

«Каш — город с благоустроенным районом, благодатное место с проточными водами и прекрасным воздухом. Находится на берегу реки Хизманд» (совр. Гильманд) (Там же. Л. 22а). В. Ф. Минорский отмечает, что у Истахри Каш упомянут как Касс, а у Макдиси — как Кашш [Minorsky 1937: 344]. Его тоже нет на современных картах Афганистана.

«Них — небольшой город, благоустроенный, это место, где имеются многочисленные пашни и посевы, и мух в нем нет» (Худуд ал-Алам. Л. 22а). У В. Ф. Минорского его отождествления нет. На современных картах Афганистана он не обозначен.

«Фарах — небольшой город с жарким климатом. Там растут финики и фрукты в большом количестве» (Там же. Л. 22а). Современный Фарах —

административный центр провинции Фарах на западе Афганистана. Средневековый Фарах можно отождествить с руинами Шар-и-Кухна, которые находятся в 10 км к северо-западу от современного Фараха [Ball 1982: 245].

«Хваш — город с проточными водами и кяризами (подземными колодцами), благодатное место» (Худуд ал-Алам. Л. 22а). В. Ф. Минорский не дает локализации Хваша, Хваш можно идентифицировать с городом Хуш, который в настоящее время находится в провинции Фарах.

После перечисления этих населенных пунктов автор сообщает о Бусте. Он пишет: «Буст — большой город с укрепленными стенами. Он расположен на берегу реки Хизманд, с многочисленными районами, и находится в Индии. Это место сбора купцов. Там проживают воинственные и смелые люди. Оттуда экспортируют сухофрукты, а также хлопковые ткани и мыло» (Там же. Л. 22а). В. Ф. Минорский поместил Буст на месте Кала-и Буст, который располагается при слиянии рек Гильменда и Аргандаба [Minorsky 1937: 344]. В настоящее время средневековый Буст можно отождествить с развалинами городища Буст, которые находятся на берегу реки Гильменд, в 7 км к югу от Лашкаргаха. Он состоит из цитадели, шахристана. Цитадель находится в его южной части и отделена от города глубоким рвом [Ball 1982: 6, 50].

«Халкан — небольшой город с проточной водой. Большинство его населения ткачи» (Худуд ал-Алам. Л. 22а). В. Ф. Минорский отмечает различия в названии этого города по другим источникам, но не делает попытки его отождествления [Minorsky 1937: 344]. Нет его и на современных картах Афганистана.

«Сарван — небольшой город с районом, который называется Алин. Это место с жарким климатом. Там растут финики. Сарван считается укрепленным местом» (Худуд ал-Алам. Л. 22а). В. Ф. Минорский воздержался от локализации этого города [Minorsky 1937: 335]. На современных картах Афганистана он не обозначен. Не исключено, что Халкан и Сарван относились к Бусту.

Затем автор сообщает о благоустроенной области Заминдавар, которая находилась на границе между Бустом и Гуром. Он отмечает, что в этой области имеются два города, такие как Так и Даргаш, расположенные на границе с Гуром, а Даргаш соединяется с районом Дарманшана — Буста. Автор специально подчеркивает, что в Даргаше растет много шафрана (Худуд ал-Алам. Л. 22а). В. Ф. Минорский отождествил Заминдавар с Забулом [Minorsky 1937: 345]. Область Заминдавар можно поместить в нижнем течении реки Гильменд в северной части провинции Гильменд.

Багни — город, который автор помещает недалеко от Гура (Худуд ал-Алам. Л. 22а).

К Гуру он относит также и город Башлинг с развитой сельскохозяйственной округой (Там же. Л. 22а). Багни и Башлинг, как и Заминдавар, в настоящее время находятся в северной части провинции Гильменд, а Башлинг является одним из больших населенных пунктов этой провинции. К сожалению, эти районы почти не исследованы археологически, поэтому точной локализации средневекового Багни и Башлинга в настоящее время сделать не удается.

Затем сообщается о населенном пункте Хванин. О нем говорится: «Хванин принадлежит Гуру. Там проживают 300 мужчин» (Там же. Л. 22а). Автор не определил статус этого населенного пункта (большой город, город или небольшой город), но, судя по числу мужчин, Хванин можно отнести к числу средних городов. Его нет на картах В. Ф. Минорского. Он не обозначен и на современных картах Афганистана.

После этих городов автор сообщает об области Рахз. О ней говорится, что это место благоустроенное и что Фиджвани является его главным городом (Там же. Л. 22а). В. Ф. Минорский не делает ее локализации. Отсутствует она и на картах современного Афганистана.

Следующая область, о которой упоминает источник, — Балас. О ней говорится: «Балас находится среди пустыни (видимо, оазис в пустыне) и в нем много пашен и посевов. Место не благодатное. В этой области имеются такие города, как Сафиджан, Кушк, Сви, а местопребыванием эмира является город Кушк» (Там же. Л. 22а). Эти города, так же как и вышеупомянутый город из области Рахз, отсутствуют на картах В. Ф. Минорского и картах современного Афганистана.

Затем автор переходит к описанию города Газни. О нем говорится: «Газни — город, который расположен у подножия горы и изобилует благами, находится в Индии, в древности Газни принадлежал Индии, ныне входит в состав мусульманских стран и является границей между мусульманами и кафирами. Это место сбора купцов» (Там же. Л. 22а).

В. Ф. Минорский указал, что, упомянутый Истахри Газни — это и есть тот Газни, что является торговым местом в Индии [Minorsky 1937: 346]. Следует отметить, что Газни сохранил свое название до настоящего времени. Он является центром одноименной провинции и находится в юго-восточной части Афганистана. Однако ввиду слабого археологического изучения этого города сейчас трудно сказать, какую площадь занимал средневековый Газни.

Далее в источнике речь идет о Кабуле. О нем говорится: «Кабул небольшой город, в котором имеется укрепленная крепость, известная своей недоступностью. В городе проживают мусульмане и индусы. Там находится храм идолов. Власть раджи Кинавадж простирается до этого города. Раджа совершает паломничество в эти храмы, и знамена (лива) его страны водружены на этих храмах» (Худуд ал-Алам. Л. 22а). Средневековый Кабул в настоящее время можно отождествить с остатками большого городища, характер и размеры которого трудно определить из-за современной застройки [Ball 1982: 45].

После Кабула источник сообщает о двух небольших городах — Истах и Сакаванд, которые находились у подножия горы. Автор отмечает, что в Сакаванде имелась очень укрепленная крепость (Худуд ал-Алам. Л. 22а). В. Ф. Минорский, опираясь на данные Бируни и Маркварта, помещает Сакаванд в Логаре. Что же касается Истаха, то В. Ф. Минорский, исходя из сведений средневековых географов, считает, что это Аснах, который находится в двух мархалах (расстояние двухдневного пешеходного пути) от Газни, к северу от Бамиана [Minorsky 1937: 347]. На современных картах Афганистана этих населенных пунктов нет. Нам представляется впол-

не возможным отождествить Сакаванд с остатками Саяванда, находящимися в горах, в провинции Логар, приблизительно в 15 км к югу от Барака. Здесь на седловине горы расположены огромная платформа и участки стен с узорчатой кладкой с сырцовыми конструкциями исламского времени [Ball 1982: 98].

Затем идет речь о благоустроенном городе Барван, служившем воротами в Индию и являвшемся местом сбора купцов (Худуд ал-Алам. Л. 226). Средневековое арабизированное название Барван сохранилось в названии современной провинции Парван. Она находится к северу от Кабульской провинции, в северо-восточной части Афганистана.

Далее автор сообщает о благоустроенном городе Бадахшан. Пишет, что из Тибета в Бадахшан привозили мускус и что это место сбора купцов, а также отмечает наличие там месторождений серебра, золота, лазурита и гранита (Там же. Л. 226). При этом Бадахшан он называет не городом, а областью. В то же время, в своем комментарии он пишет о городе и области Бадахшан [Minorsky 1937: 112, 349]. Средневековый Бадахшан в настоящее время можно отождествить с городищем Шахри Барбар, находящимся в провинции Бадахшан, к востоку от Барака на реке Кокча, у подножия горы. Это большое поселение с остатками массивных каменных стен, а также двух больших холмов под названием Кафыр-кала. Судя по археологическим материалам, памятник датируется X—XIII вв. н. э. [Ball 1982: 243].

После Бадахшана в источнике говорится о местности Дар-и Тазийан, которая находилась в Дербенде и располагалась между двух гор. Здесь находились ворота, через которые проходили караваны. Эти ворота были построены при халифе Мамуне (Худуд ал-Алам. Л. 226). В. Ф. Минорский считает, что Дар-и Тазийан находится около Джирма, к югу от современного Файзабада. Место ворот, пишет он, должно быть между Джирмом и Зайбаком, или в Бахараке вдоль Зардифа [Minorsky 1937: 350]. «Дар-и Тазийан (букв.: 'Ворота арабов') можно отождествлять с местностью Дербенд, которая находится в провинции Бамиан по дороге из Чарикара в Доши, а затем по ущелью Шибар в долину Сурхаб или Дарай Кахмард. Здесь при археологической разведке были выявлены остатки маленьких крепостей, замков, которые по архитектурным деталям датируются VII—XIII вв. н. э.» [Ball 1982: 25].

Автор завершает свое повествование о городах и селениях Хорасана сообщением о таких двух больших селениях, как Дих-и Санкас и Саклия. О Дих-и Санкасе он пишет: «Это благоустроенное селение, где проживают мусульмане. Поблизости от него проходит горная тропа, которая называется Санкас» (Худуд ал-Алам. Л. 226). Следует отметить, что этих населенных пунктов нет на картах В. Ф. Минорского и современного Афганистана.

Итак, судя по сведениям «Худуд ал-алам», на территории нынешнего Афганистана в X в. существовали 3 крупных, 25 средних и 24 небольших города, две большие деревни. Следует отметить, что автор, выделяя три категории городов (больших, средних, малых), специально не объясняет, по какому признаку он их определяет. Но, судя по их описанию, в каждой

из категорий городов можно выделить общие признаки. Для больших городов это наличие сильно укрепленного шахристана с цитаделью и рабадом (торгово-ремесленным предместьем). Средние города характеризуются как торгово-ремесленные центры. При характеристике малых городов упоминаются их пригороды с пашнями и посевами. В целом на территории Афганистана в X в. было 52 города. Из них нам удалось, опираясь на археологические данные, отождествить два крупных города — Балх и Буст, шесть средних городов: Гурзиван, Шибирган (в тексте Ушбуркан), Талукан (в тексте Таякан), Бамиан, Заранг (в тексте Зарандж) и Бадахшан, три небольших города: Андараб, Фарах, Кабул. Кроме того, отождествлены две местности: Хульм и Дар-и Тазийан.

Следует отметить, что из трех крупных городов лишь Герат не утратил своего прежнего значения. Он до настоящего времени является одним из главных городов Афганистана. Из 25 средних городов до настоящего времени сохранили старые названия лишь восемь: Талукан, Гурзиван, Шибирган, Бамиан, Заранг, Хуш, Газни и Саманган. Названия некоторых из них в настоящее время перешли на названия провинций: Бадахшан, Фарьяб. Из 24 небольших городов свои названия сохранили лишь шесть: Андараб, Андхой, Баглан, Фарах, Халакан, Кабул. Некоторые из них не утратили своего значения по сей день. Это Андараб и Халакан. А иные превратились в крупные города. К ним относятся Кабул, Фарах, Баглан.

Итак, как видим, географическое сочинение «Худуд-ал алам» дает ценные сведения по истории городов средневекового Афганистана.

Литература

Источники

- Бартольд 1930: *Бартольд В. В.* Худуд ал-Алам. Рукопись Туманского. Л.
Косимов 1983: *Косимов Н.* Худуд ул-Олам. Душанбе.
Материалы 1939: Материалы по истории туркмен и Туркменистана. Т. I. М.
Minorsky 1937: *Minorsky V.* Hudud al-'Ālam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H.—982 A. D. / Transl. by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold († 1930), transl. from the Russian. London.
Барнабади 1984: *Мухаммад Риза Барнабади.* Тазкире / Пер. с перс. Н. Н. Туманович.
Sotoodih 1962: *Sotoodih M.* Hudud al-Alam. Tehran.

Исследования

- Абдуллоев 1986: *Абдуллоев Д.* О древнем виноградарстве и виноделии в Средней Азии // Природа. № 1.
Бартольд 1965: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III. М.
Мальцев 1983: *Мальцев Ю. С.* Библиография публикаций русских и советских ученых, относящихся к памятнику «Худуд ал-Алам». Душанбе.
Новосельцев 1985: *Новосельцев А. П.* «Худуд ал-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. № 5.
Рыбаков 1982: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.
Ball 1982: *Ball W.* Archaeological gazetter of Afghanistan. Т. 1—2. Paris.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭССЕ ДВУХ ПЕРСИДСКИХ ХРОНИСТОВ ЭПОХИ САФАВИДОВ*

О. Ф. Акимушкин (Санкт-Петербург)

В грандиозной по своему объёму и исключительно разнообразной по своему содержанию и жанрам средневековой персидской классической литературе¹ весьма редки (если не единичны) случаи, когда автор не просто сообщает о себе те или иные факты, оставляя скудные автобиографические ремарки в различных местах своего труда, а выделяет для этой цели специальный раздел или главу, где он повествует о перипетиях своего жизненного пути, рассказывает о своей карьере, личных достижениях, успехах и неудачах. Иногда он жалуется на несправедливость властей, коварство судьбы и как бы стремится оправдать себя в глазах потенциальных читателей и тех лиц, которым он посвятил свое сочинение².

Ниже вниманию специалистов предлагаются в переводе на русский язык два автобиографических эссе, включенные двумя персидскими хронистами в свои летописи, первая из которых, «Джавāхир ал-ахбār», была составлена в 984/1576 г. Будаком мунши Казвини³, а вторая, «Хулāсар

* Работа выполнена по гранту РГНФ 03-01-00652А от 01.01.2002 г. «К проблеме адекватности прочтения и истолкования древних и средневековых рукописей».

¹ К сожалению, современные исследователи не располагают статистикой, которая дала бы в их распоряжение сравнительно точное общее число имен персидских авторов, внесших свой вклад в историю классической литературы Ирана. По всей видимости, это время наступит тогда, когда все (или почти все) коллекции персидских рукописей станут доступными специалистам благодаря работам археографов и каталогизаторов. Анализ только трех доступных нам в настоящее время справочников А. Хайямпура, А. Монзави и Ч. А. Стори, проведенный нами, дал относительно количества имен авторов цифру, близкую к 16 тысячам. С учетом же авторов религиозных сочинений и трудов, посвященных мусульманской мистике (суфизму), эта цифра значительно возрастет. См.: [Абд ар-Расул Хайямпур 1340; Ахмад Мозави 1348—1355; Стори 1972 (раздел «История Индии» не был включен); Storey 1927].

² Естественно, в данном случае мы не касаемся произведений автобиографического и мемуарного характера, таких, например, как сочинения Зайн ад-Дина Васифи (1485—после 1551) «Бадā'ий' ал-вақā'ий'» («Удивительные события»), Захир ад-Дина Бабура (ум. 1530) «Вāқи'āt» («Записки») или же Мухаммад-Ризы Барнабади (1751—1815) «Тазкира» («Памятные записки»), а также те исторические труды, многие главы которых представляют собой мемуары их авторов. В частности, это историческое произведение «Тāрих-и Рашидйи» («Рашидова история»), автор которого, Мухаммад-Хайдар Дуглат (1499—1551), в специально отведенных 14 главах рассказывает о перипетиях своей жизни и о судьбе своего рода.

³ При написании данной статьи был использован список из собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге под шифром Dom 288, автограф, л. 315а—

ас-сийар», была завершена, видимо, около 1056/1646—47 г. Мухаммад-Ма'сумом Хваджаги-йи Исфакани⁴.

I

Отставленный от дел государственный чиновник податного ведомства Будак мунши Казвини, завершив компендий по всеобщей истории, назвал его «Джавахир ал-ахбар» («Перлы известий»). Он преподнёс свое сочинение только что вступившему на престол шаху Исма'илу II (годы жизни: 940—985/1533—1577), связывая с этим шагом немалые надежды на то, что «зефир монаршей благосклонности повеет в его сторону». Но тому, на что столь уповал автор, видимо, не суждено было сбыться, и он так и остался сидеть «в углу невзгод и отчаяния» наедине со своими несбывшимися чаяниями [Dorn 1852: 288—289, N 303]⁵.

Будак мунши не был профессиональным историком либо литератором, равно как не был он и придворным летописцем-секретарем, имеющим доступ к официальным документам и актам общегосударственного значения. Он получил ту подготовку, которая позволяла ему занимать место секретаря-делопроизводителя (*мунши*) в различных государственных учреждениях сефевидской административной системы либо при ее высших представителях.

Как представляется, Будак мунши был дилетантом, вступившим на зыбкую почву литературного труда без специальной подготовки, необходимой эрудиции и знания предмета. Он придал своему компендию форму хроники, т. е. сочинения с погодной фиксацией происшедших событий. Но поскольку эти события он излагал в очень сжатой, конспективной и отрывочной форме, в которой их связанность и последовательность была нарушена (а иногда и искажена), поскольку он зачастую не представлял себе действие механизма, вызывавшего те или иные описываемые им политические акции, не видел их причинной связи, то его пояснения и заключения выглядят наивно, а иногда и путано.

При этом Будак мунши, не потрудился обозначить источники почерпнутых сведений, что не выходило за пределы принятой в ту эпоху нормы. Ко всему прочему, в переложении и пересказе заимствованных материалов он допустил массу неточностей и умудрился наделать много досадных ошибок.

«Джавāхир ал-ахбāр» — это сжатый компендий по всеобщей истории населенной части мира (как понимала ее мусульманская историческая традиция) с весьма сложной и дробной архитектурной построения, хотя основное композиционное деление памятника очень простое.

317а. См.: [Dorn 1852: 288—289, N 288]; также: [Петров 1956: 111—120; Акимушкин 1982: 90—95; Savory 1963: 343—352].

⁴К работе были привлечены два списка этого труда: 1. Список РНБ в Санкт-Петербурге, шифр Dorn 303, л. 120б—123а; 2. Список из собрания Библиотеки при святыни Имама Ризы в Машаде (Иран), шифр № 194 (tārīḫ), л. 179б—183а. См.: [Dorn 1852: 291—292, N 303]; также [Акимушкин 1976: 96—109; Павлова 1993: 15—18].

⁵См. также: [Стори 1972: 415—416].

В целом, говоря о «Джавāхир ал-ахбār» как о памятнике сефевидской историографии, можно прийти к заключению, что это сугубо компилятивный и маргинальный труд. Как исторический памятник, он не оставил сколько-нибудь заметного следа в историографии указанного периода.

**«Жизненные обстоятельства автора [сих строк] Будака мунши»
(рукопись РНБ, шифр Dogn 288, л. 315a—317a)**

«Сей бедняк, еще обучаясь в школе, писал несколькими почерковыми стилями, пока не выпал случай, и я в возрасте четырнадцати лет не вошел в августейшую канцелярию. Это произошло в начале царствования государя [Тахмаспа I], когда он прибыл в Казвин во время бунта⁶, поднятого людьми племени Текелю против [племени] Устаджлю, и провел там [всю] зиму. На следующий год я стал писцом, переписывающим набело бумаги, исходившие из канцелярии учета, хранения и выдачи наличными денежными сумм (*дафтар-и арбāб ат-тахāвил*); жалованье было положено в три тумана. Спустя четыре года главноуправляющий финансовым ведомством государства (*мустауфи ал-мамāлик*) хваджа Шах-Хусайн Каши⁷ увидел мой почерк и одобрил его. Он распорядился, чтобы тот экземпляр ведомости состояния поступлений налогов, который будет писаться для него лично, дабы он был [постоянно] при нем, исполнялся бы мною. Жалованье [мое] составило пять туманов. На шестой год [службы] была учреждена канцелярия докладов, в которой фиксировались поступления и расходы богохранимого государства, а мне поручали исправно вести ведомость и записывать в нее то, что заменяется и изменяется [по части выплаты и возмещения жалованья], пока на следующий год не появилась общая канцелярская книга, заменившая отдельно существовавшие прежде с тем, чтобы в ней находилось все то, что [ранее] вносилось бы в ведомости текущих налоговых поступлений, выплат по ассигновкам и налоговым чекам, учета и хранения денежных сумм. Жалованье мне положили в восемь туманов. Руководителем [этой] канцелярии был мой брат хваджа 'Изз ад-Дин.

В связи с тем, что мой дядя по матери Амир-бек Шаликани Казвини занимал должности *вазйра* и *вакйла* при Мухаммад-хане Текелю Шараф ад-Дине-Оглы, он, когда Багдад отдал в управление упомянутому Мухаммад-хану⁸, взял меня с собой, и пишущий эти строки стал секретарем

⁶ Этот мятеж, поднятый в 937/1530—31 г. амирами племени Текелю, был вызван их стремлением изменить в свою пользу ситуацию при дворе шаха Тахмаспа I (правил 930—984/1524—1576), когда наиболее влиятельные военные и административные посты находились в руках элиты племени Устаджлю. Мятеж потерпел полное фиаско, основных зачинщиков предали казни, а разбирательством дела занимался непосредственно восемнадцатилетний шах. Подробнее см.: [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 213—215; Искандар-бек Туркаман 1335, 1: 49].

⁷ Согласно сообщению Кази Ахмада [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 218], хваджа Шах-Хусайн мустауфи ал-мамалик был убит кызылбашами вместе со своими братьями в 938/1531—32 г.

⁸ Один из самых авторитетных и влиятельных амиров кызылбашского племени — Текелю, начавший свою карьеру еще при Исмаиле I Сафави (правил: 907—930/1501—

рем-письмоводителем (*мунши*) при администрации (*дйвāн*) Ирака арабского⁹. Исполняя эти приносящие наслаждение занятия, дошел я до источника юности и упоения жизнью; в ту пору возраст мой достиг двадцати лет. В течение трех лет, что я исполнял обязанности мунши, воздали должное моему служебному рвению. Хан (л. 315б) высоко оценил [его] и возложил на меня войсковое письмоводство, а жалованье, составлявшее двадцать туманов, достигло тридцати. В течение семи лет, включая два года после того, как мы оставили Багдад¹⁰, я состоял при Мухаммад-хане и шагал к рангу [его] вазира. Спустя [еще] два года, когда хану вверили управление Гератом¹¹, он поручил другому лицу вести войсковое письмоводство. Я был [крайне] уязвлен случившимся и, несмотря на то что хан сказал: „я дам тебе в Герате должность вазира своего личного имущества и канцелярское делопроизводство“, не согласился и в Кермане сбежал, покинув [его]. Столкнувшись с нуждой и оставшись без средств, я составил два поддельных документа, представил себя посланцем Султан-Мухаммад-мирзы¹² и Мухаммад-хана и получил сто туманов для

1524), занимал ответственные военно-административные посты, пользовался полным доверием шаха Тахмаспа. В 933/1526—27 г. назначен военным губернатором области Казвин, спустя два года (935/1528—29) он сопровождает шаха в походе на Хорасан, где при селении Джам отличается во время битвы с узбеками ‘Убайдаллах-хана. В том же году он получает пост губернатора Багдада и главного амира Арабского Ирака. Будучи в этой должности, он не поддержал мятеж своих соплеменников в Казвине в 937/1531 г., сохранил верность шаху и задержал в Багдаде отряд мятежников численностью в 1800 человек, стремившихся уйти к османским туркам, а двух их предводителей казнил. В 943/1536—37 г. он был назначен главным военным амиром Хорасана с резиденцией в Герате и опекуном (*лāла*) при наместнике этой провинции старшем сыне Тахмаспа Султан-Мухаммад-мирзе (р. 29 джумада I 938/8 января 1532 г., шах Ирана: 985—995/1578—87) и находился на этих постах до 962/1554—55 г., когда он сам и его подопечный были отозваны шахом в Казвин. Однако на следующий год (963/1555—56) он снова на прежних должностях в Хорасане, но уже при другом сыне шаха — Исма‘ил-мирзе. Как военный губернатор Герата и главнокомандующий кызылбашскими войсками в Хорасане, Мухаммад-хан Текелю принимал самое непосредственное участие в отражении набегов узбеков Шибанидов на Герат с 944/1537 г. по 964/1557 г. Он умер в конце месяца зу-л-хиджжа 964/конце октября 1557 г. См.: [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 172, 190, 215, 236, 266—267, 272, 286, 292, 303—304, 309, 335—336, 344—345, 379, 390—391; Искандар-бек Туркман 1335, 1: 49, 54, 65, 68, 95, 98, 125, 199, 331, 529; 2: 995; Китāб-и Шараф-нāма 1862: 177, 190—191].

⁹ Это произошло, видимо, в конце 935/1529 г. вскоре после того, как Мухаммад-хан получил пост военного губернатора Багдада.

¹⁰ Наш автор намекает на события 940/1533—34 г.: несмотря на помощь, высланную Тахмаспом, Мухаммад-хан не смог противостоять мощной османской армии Ибрахим-паши, поскольку почти весь гарнизон, состоявший из кызылбашей племени Текелю, перешел на сторону последнего. Согласно приказу шаха, хан уничтожил все склады в Багдаде, разрушил мосты через Тигр и с отрядом в 300 человек, сохранивших ему верность, оставил Багдад и ушел в Шираз ([Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 236; Искандар-бек Туркман 1335, 2: 529]. Искандар-бек клеймит его как предателя).

¹¹ Указ о назначении вышел в 943/1536 г., но Мухаммад-хан прибыл в Герат в начале 944/1537 г. вместе с Султан-Мухаммад-мирзой.

¹² Султан-Мухаммад-мирза — старший сын шаха Тахмаспа I, родился 29 джумада I 938/8 января 1532 г. В 943/1536 г. был назначен отцом-наместником Хорасана с резиденцией в Герате. На этом посту он пробыл до 980/1572—73 г. с перерывом около двух лет (962—963/1555—57). К этому времени он из-за болезни окончательно лишился зрения, а после его жесткой размовки с опекуном (*лāла*) Шах-Кули-

мирзы и хана и тридцать туманов для себя. В конце концов чиновники сообразили и то, что дали мне, не забрали, а то, что выдали для мирзы и хана, взяли обратно.

Когда я прибыл в Казвин, Бахрам-мирза¹³ уже вернулся из Гирана, а его мунши уже погиб. Он сделал меня [своим] мунши. Четырнадцать лет я состоял в этой должности. Мои дружеские и доверительные отношения [с мирзой] дошли до такой степени, что я денно и нощно находился в резиденции мирзы: днем я отправлял свою службу и коротал [с ним] время, а ночью спал в его ногах. Так что по сорок дней и по месяцу я не видел лиц моей жены и детей. Дело завершилось тем, что хваджа 'Инайат, вазир [Бахрам-мирзы]¹⁴, по злобе и зависти несколько раз облыжно оговорил меня, и государь [Тахмасп I] разгневался: [меня] схватили. С меня взыскали штраф в триста туманов и еще я заплатил сто туманов сборщику налогов (*тахсйл-дър*) и [некоторым] государственным сановникам, дабы сохранить жизнь. Шесть лет я просидел в углу одиночества и отчаяния, проведя все время за перепиской Корана. Так случилось, что высочайший наместник государь Тахмасп вошел в мое положение, и мне было доверено место главы администрации [волостей] Саухбулага, Шахрийара и Фаргилдаре с правом взимать пятидесятитуманную подать в свою пользу (*русъм*). Три года я отправлял сию должность до той поры, когда Мухаммад-хан [Шараф ад-Дин Текелю] пригласил [меня] к себе, прислав из Герата богатые одежды и содержание на путевые расходы. Я с удовольствием отправился в Герат, но в Сабзеваре верховный вазир Хорасана Ака Камали проведаль, что я отправляюсь в Герат, задержал меня противу моей воли и назначил на должность вазира (финансового контролера) волостей Бистам и Бийарджманд. В течение четырех лет я состоял при том деле, а затем он направил меня в хорасанский Турбат, определив на должности вазира и контролера: в сем краю, полном радости, я чувствовал себя привольно и покойно (л. 316а). Затем меня назначили контролером (*назир*) волости Джахан-Аргийан и распределителем (*кальдрав*) при ведомстве рудных копей.

султаном шах в том же (980/1572—73) году отправил его наместником Фарса в Шираз. Шах Ирана в 985—995/1578—87 гг., на престол вступил 5 зу-л-хиджа 985/13 февраля 1578 г. с прозвищем Худабанде ('Раб божий').

¹³Му'из ад-Дин Бахрам-мирза (25 ша'бана 923—19 рамазана 956/12 сентября 1517—11 октября 1549) — младший брат Тахмаспа I. В 936—39/1529—33 гг. был наместником Хорасана, опекуном при нем состоял Гази-хан Текелю, входивший в число «великих амиров». В 943/1536—37 г. после смерти от чумы правителя Гирана Султан-Хасана б. Кар-Кийа-хана Тахмасп даровал ему управление Гираном. Весной 944/1538 г. Бахрам-мирза пошел походом на Лахиджан и захватил эту область Гирана. Однако население Гирана восстало против него, и он был выбит из страны, после чего возвратился в Казвин. Как губернатор провинции Дайлам, а позднее и провинции Хамадан, принимал участие во всех военных операциях, вызванных вторжениями османских войск султана Сулаймана, а также в операциях против восставшего брата по отцу Алкас-мирзы (см.: [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 212, 226, 262, 289, 299, 307—308, 321, 340; Искандар-бек Туркаман 1335, 1: 58, 60, 67, 69, 72—74, 99, 100]).

¹⁴Кази Ахмад отмечает [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 299], что в 950/1543—44 г. Бахрам-мирза (см. примеч. 13) отправил из Дайлама «в набег на область Рустамдар [в Гиране] внушительный отряд во главе с хваджей Инайаталлахом, что был его вазиром».

Спустя десять лет, проведенных мною в дружеских и братских отношениях с тем именитым сановником Ака Камали, Мустафа-султан Варсак¹⁵ возложил на меня во всей полноте обязанности вазира и вакила, которые распространялись на Сабзевар и Туршиз, после чего поручили управление хозяйственными делами Исфараина. Я пробыл с Мустафа-султаном следующие десять лет. По сути, я не был его слугой, я был господином, а он — моим нукером, пока Ака Камали не оповестил: „Пусть поскорее приезжает, поскольку я готовлю для него высокие должности“.

В состоянии страстной надежды и душевного трепета я выехал из Хорасана, имея при себе средств и состояния на триста туманов. Едва я достиг Дамгана, [направляясь в Казвин], как пришло сообщение об аресте Ака Камали. Произошло поразительное и нагнетающее тоску событие. В голову пришла мысль: «А не лучше ли после сего отправиться в [дальнюю] поездку, подобную поездке в Хиджаз?» Когда я прибыл в Казвин, а на душе у меня скребли кошки, Ма'сум-бек¹⁶ грубо отчитал [меня]: дескать, ты, исполняя указание Ака Камали, прибыл сюда без разрешения на то Мустафа-султана. У меня отобрали сто пятьдесят туманов и отдали [их] Мурад-хану Устаджлу¹⁷. Все, чего я достиг, пошло прахом, и шесть последующих лет я сидел без работы.

Но вот вновь повеял ветерок милости со стороны государя, и мне дали должности вазира и контролёра волостей Дамган, Бийарджманд и 'Араб-

¹⁵ М у с т а ф а - с у л т а н В а р с а к — один из весьма влиятельных амиров Текелю при шахском дворе, Кази Ахмад замечает [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 488, 456], что он приходился братом Мухаммад-хану Текелю (см. примеч. 8) и что в 973/1565—66 г. он, возведенный в ранг султана, был назначен правителем южной части исторической области (ханства) Ширван. Искандар-бек сообщает только [Искандар-бек Туркман 1335, 1: 108], что он в числе прочих амиров Хорасана принял участие в карательной экспедиции (962/1554—55 г.) против астрабадских туркмен племени йаке.

¹⁶ М а ' с у м - б е к — один из самых влиятельных государственных деятелей времени Тахмаспа I, занимал многие высшие посты в государственном аппарате Сафавидов, входил в состав личной гвардии шаха (*кӯрчӣ*), в 956/1549 г. был возведен в ранг амира, получил должность *дйвāнбегӣ*, т. е. чиновника, который ставил шахскую печать на государевы рескрипты, в 961/1553—54 г. был назначен *амӣр-и дйвāн*, т. е. ведал финансовым обеспечением кызылбашского войска, а вслед за тем в том же году стал *вакйлом*, т. е. вице-регентом Тахмаспа. Ма'сум-бек пользовался полным доверием шаха, который назначил его *вазиром*, т. е. гражданским управителем страны, ответственным за всю финансовую политику в ней. Он принимал самое активное участие во всех значительных военных действиях против узбеков в Хорасане, туркмен в Астрабаде, и практически именно он покончил с независимостью Гилана, разбив, пленив и доставив ко двору Хан-Ахмада Гилани. Он погиб в 976/1568—69 г. во время паломничества. На караван, в котором он находился с сыном, напали османы и всех перебили (см.: [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 343, 344, 353, 366, 367, 408, 409, 447—449, 411—416, 553—561, 572; Искандар-бек Туркман 1335, 1: 70, 77, 101, 105, 112, 125, 132, 161, 163, 193, 418]).

¹⁷ Полное имя — Мурад-хāн Устаджлӯ б. Тимӯр-хāн Мāнташā-султāн. Входил в число главных амиров кызылбашского племени Устаджлӯ, принимал участие во многих военных походах и экспедициях (Хорасан, Гилан, Дарбанд, Азербайджан, Курдистан), в которые его направляли Тахмасп I, Исма'ил II, Мухаммад-Худабаде в 60—80-е гг. XVI в. Глава амиров суфийской ветви султанхай-дарийа, активный сторонник Исма'ила II, а затем Мухаммада (Худабанде) (см.: [Кази Ахмад б. Шараф 1359—1363, 1: 473, 475, 618, II, 778, 779; Искандар-бек Туркман 1335, 1: 119, 121, 139, 200, 503]).

‘Амари при правителе Искандар-беке Афшаре, жалованье которого насчиталось из [сумм] налога с этих местностей. Между нами установились тесные дружеские взаимоотношения, в результате чего я выдал ему шестьдесят туманов сверх причитающихся сумм содержания. Написали донос, будто бы я выдал [ему] пятьсот туманов вопреки официальному предписанию. Точная сумма выданного [впоследствии] была установлена, но меня уволили, так что долг и хлопоты по делу обошлись [мне] в тридцать туманов. После пяти лет, проведенных без работы, вышел высочайший указ, дабы я составил ведомость налогов, поступлений и расходов по Казвину за [последние] десять лет и при этом не взял бы ни единого тумана в оплату за её составление. В течение двух лет я был занят сим делом, пока не выявил шесть тысяч туманов [недостачи], которые полностью взыскали с каждого [виновного], и пока в результате не появился донос.

Ныне я, ничтожный раб, сижу в углу невзгод и отчаяния без работы и без занятия. А мой возраст в момент, когда я пишу сии строки, составляет 68 лет и таковы в 984/1576 г. были жизненные обстоятельства автора, что здесь изложены».

(Л. 317а) Будака Казвини, возвращаясь к событиям 950/1543—44 г., с горечью замечает: «...когда автор сих строк достиг на службе у [Бахрам-]мирзы положения и близости к патрону, хваджа ‘Инайат, вазир, впал в зависть и написал несколько оговорных доносов: меня, ничтожного, схватили и арестовали, и все, что я годами скопил наряду с недвижимостью и наследством, пошло прахом. Сорок дней пробыл я в окопах трудностей и бед, перенёс насилие и пытки. Господь, всевидящий и всезнающий, — свидетель [истинного] положения дел. Воистину, не водилось за мной абсолютно никакого прегрешения, чтобы с сего раба взыскали триста туманов [штрафа]. Кроме того, пропало сто туманов моего жалованья и побочных доходов»¹⁸.

II

В течение длительного времени среди специалистов было широко распространено мнение, что «Хулāсат ас-сиййар» — хроника правления сафавидского шаха Сафи I (1038—1052/1629—1642), составленная Му-

¹⁸ Следует заметить, что отмеченные Будаком мунши чередующиеся временные отрезки, когда он состоял на службе или когда находился не у дел, значительно расходятся в своей сумме с его возрастом. Если взять за отправную точку 936 г. л. х., т. е. считать от его двадцатилетия, то, при строгом следовании его собственным словам, сумма лет составит 74 (57 лет работы и 17 лет в отставках). А ежели проводить отсчёт от 930 г. л. х., когда в возрасте четырнадцати лет он приступил к самостоятельной работе, то получается, что при своих 68 годах в 984 г. л. х. он работал и был отстранён от службы в течение 80 лет. Где-то он сбился при подсчёте своих годов. Одну его ошибку мы можем установить. Будака мунши сообщает, что он в течение четырнадцати лет был секретарем (*мунши*) брата шаха Бахрам-мирзы. Это его утверждение в части сроков ошибочно, т. к. если он и поступил к Бахрам-мирзе на службу в том же самом году, когда тот вернулся в Казвин из Гилана, т. е. в 944 г. л. х., то не мог служить ему 14 лет, поскольку Бахрам-мирза умер в 956 г. л. х. К тому же из его собственных слов проистекает, что увольнение имело место еще при жизни патрона.

хаммад-Ма'сумом Хваджаги-йи Исфакхани, представляет собой простое продолжение труда знаменитого историка того времени Искандар-бека Туркамана, названного им «Зайл» («Продолжение»), в котором он подробно описал события пяти лет царствования Сафи I (последняя дата, приведенная в «Зайл», — 19 сафара 1044/14 августа 1634 г.)¹⁹. Дальнейшую работу над трудом прервала смерть Искандара мунши.

В настоящее время точно установлено, что «Зайл» Искандара мунши и сочинение Мухаммад-Ма'сума — это два самостоятельных сочинения, не имеющих между собой ничего общего, за исключением общей темы, на которую они написаны (история правления одного и того же династа), и сходства композиции (хроника, погодное изложение событий). Труд Мухаммад-Ма'сума отличается от «Зайл» Искандара мунши значительно меньшим вниманием к частностям и второстепенным фактам, к тому же автор крайне редко цитирует официальные документы и записи секретарей. О том, как Мухаммад-Ма'сум приступил к составлению хроники правления Сафи I, он сам рассказывает во введении, предваряющем основной текст сочинения: снедаемый желанием написать всеобщую историю со дня сотворения мира до времени правления Сафи I, наш автор страшился сказать об этом открыто, так как сомневался в своих возможностях написать книгу, даже отдаленно напоминающую труды Искандар-бека или Абу-л-Фазла, и боялся осрамиться. Друзья доложили о его желании шаху, и тот одобрительно отнесся к задуманному им предприятию. К тому времени Мухаммад-Ма'сум уже прочел много книг и сделал из них обширные выписки. В 1047/1637—1638 г. в касабе Такустан [Рукопись РНБ: 16—2а, 4а] шах вызвал его к себе и предложил ему оставить успешно продвигавшуюся работу и заняться исключительно историей его царствования [Рукопись РНБ: 26—46]. В заключение (*х̄атима*) Мухаммад-Ма'сум вновь обращается к этой теме: занятый по приказу шаха работой по составлению всеобщей истории, он брал в этой связи книги из дворцовой библиотеки, делал из них выписки и составлял конспекты. «Каждые несколько дней он представлял благодатному взору [завершенные] части и получал одобрение до тех пор, пока не была написана набело [история] от сотворения мира до начала воцарения амира Тимура Гургана. Когда повествование дошло до сих пор, его величество тень Аллаха речью, рассыпающей жемчуг, соизволили сказать: „Оставь-ка сейчас те байки (букв.: разговор), изобрази [лучше] на листах события и деяния дней нашей державы, упрочающей день ото дня, чтобы осталась [о нас] память на будущее“. Согласно повелению, равному предопределению, повязался я душою, как поясом, и приступил к тому делу» [Рукопись РНБ: 1266—127а].

Следовательно, почти через четыре года после смерти Искандара мунши Сафи I поручил Мухаммад-Ма'суму приступить к истории своего царствования, которую последний завершил лишь спустя четыре года после смерти патрона в правление его сына 'Аббаса II (1052—1077/1642—1666).

¹⁹ Подробнее см.: [Акимушкин 1976: 96—99, 104—106], там же библиография вопроса.

**«Некоторые замечания
о жизненных обстоятельствах пишущего сии строки»
(рукопись РНБ, шифр Dorn 303, л. 120б—123а)**

«Да не будет скрыто и не останется за завесой для людей разумных, расплетающих узлы трудностей, и людей мудрых, проникающих в суть проблемы, которые постигают тайны мирской жизни и смерти и расплетают узлы семи напастей, что сей лишенный сокровища красноречия и сей несостоятельный в ораторском искусстве, опечаленный и горестный Мухаммад-Ма‘сум, сын Хваджаги-йи Исфакхани, который постоянно пребывал в беспомощном скитании в поиске знаний и беспорядочно блуждал, стремясь овладеть ремеслом литератора, а в ту пору я, проводя время под воспитательной опекой своего родителя, занимался также изучением книг и постижением профессии писца-секретаря, пока конь моей жизни не скакнул в начало четвертого десятка. В поисках средств к существованию и пропитания я испросил позволения у отца покинуть [его] и направился в ставку владыки мира.

Поскольку высокие устремления были заквашены в тесте [моего] существа, то я не брался за мелкие работы и не соглашался прислуживать кому-либо. Предмет же [моего] устремления заключался в том, чтобы поместиться в ряду призванных ко двору-прибежищу вселенной. Поскольку оно совпало с высоким велением, то удача, которая предопределила меня, раба, в тайниках сокровенного, положила начало проявлению [своего] благорасположения, и раскрылось счастье, что записало мое имя в чертоге предопределения. Благодаря помощи и посредству драгоценных друзей-братьев, что роднее кровных братьев, око моей надежды озарилось созерцанием августейшего лика наместника, почившего в бозе, равного своим положением Джамшиду, чье местопребывание — рай, да освятит Аллах его доказательство, и губы моей мольбы удостоились счастья приложиться к трону владычества...²⁰ Моя нога, что ничего не переступала кроме порога начальной школы (*мактаб*), определила своей целью порог вместилища власти, а рука моя, что никуда не стучала кольцом кроме как в дверь старшей школы (*дабйристāн*), примерила кольцо счастливого признания. Государей, что есть тень Аллаха, по той причине уподобляют эликсиру счастья, что они любого ничтожного, по мере своего представления, поднимают из праха презренности и каждого обделенного удачей возносят на высокую ступень. Когда сей ничтожный удостоился чести выказать покорную подчиненность, в тот же день он, поместившись в ряду слуг, состоящих при особе государя, был назначен на должность управляющего верблюжьим поголовьем (*иширāф-и шутурхāн*) при дворе. В течение двенадцати лет, осененных повелением [государя], я провёл при его счастливой особе то в пути, то дома, стирая ресницами честной службы пыль с порога шахского двора. Я не прибежал к чей-либо помощи со стороны, за исключением той, что нисходила из чертога все-

²⁰ В данном случае автор имеет в виду пятого шаха Ирана из династии Сафавидов ‘Аббаса I (р. 1 рамазāна 978/27 января 1571 г., правил: 4 зў-л-қа‘да 995—24 джумадā I 1038/6 октября 1587—19 января 1629 гг.).

вышнего Дарителя и от почитаемого государя. Поскольку [мое] служение было истинным, а прямота [моя] — искренней, то в дополнение к первой должности [управляющего верблюжьим поголовьем] без какой-либо протекции на меня возложили должность контролера государевых конюшен (*ишрāф-и тавйла*), что считалась из числа важнейших служб при дворе. Государь простёр длань ласкового отношения на сего смиренного. Его поучение и милосердие увеличивались с каждым днём, и он удостоил [меня] чести делать письменные записи. То с целью выяснения моего вкуса он поручал подготовить подборку стихотворений, то назначал для того, чтобы наладить порядок в делах государственной канцелярии. Словом, во время царствования того счастливого монарха, родившегося под созвездием успеха, степень моей близости [к особе] достигла высшего положения и день ото дня поднималась по ступенькам лестницы совершенства до тех пор, пока в году 1038/[1629] ангел-вестник смерти не довёл до его слуха призыв: „Всякую душу осилит смерть“ — и издавший зов смертного часа направил поводыя его высоких помыслов в сторону мира вечности...²¹ Слава Аллаху, благодаря счастливой судьбе его державы укрепилось правило дружбы между народом и правителем, а закон единства упрочился между верой и державой²². Стих: Сколь приятен бывает день поутру, *У всех людей он вызывает в памяти благодать. / Добротню закладывают основы обычая. *По-доброму вспоминается держава.

Словом, сей ничтожнейший из людских тварей, согласно прежнему порядку, занялся порученными [ему] прежде делами, и день ото дня я через посредство разного рода оказанных милостей и внимания становился известным. Та рана, что имела в моем сердце из-за круговращения времени, зарубцевалась благодаря пластырю благосклонности государя, и я, постоянно находясь под его благотворным взглядом, стал предметом растущей зависти соперников-верхоглядов. Его величество же, по примеру [своего] великого деда, чаще всего отдавал распоряжения подбирать стихи для чтения. Сделанное удостоивалось его одобрения, что становилось предвестием последующих заданий. В конце концов, поскольку непостоянство судьбы не придает устойчивости любому положению и из-за произвола смены дня и ночи любое дело утрачивает прочность, неотвратимое происшествие, что выпало на долю того витязя ристалища отваги, я лично видел от самого начала того несчастья: когда птица души возжелала выпорхнуть из сосуда праха, слабая плоть не выдержала случайной неосновательности²³.

Цель расстилания сих пространных словес состояла в том, что сей удручённый, полный недостатков бедняк, который с двадцатилетнего возраста до пятидесяти лет, когда дни юности достигли вечерней поры старости, страстно желал, чтобы в цветущем саду сей юной державы вновь рас-

²¹ Точную дату смерти ‘Аббаса I см. выше, примеч. 20.

²² Автор, вновь не называя имени нового шаха, имеет в виду преемника ‘Аббаса I его внука Абу-н-Насра Сам-мирзу, вступившего на трон под именем шаха Сафи I вскоре после смерти деда в том же 1038/1629 г.

²³ Здесь автор в изысканной манере этикетного языка говорит о смерти шаха Сафи I, последовавшей 12 сафара 1052/12 мая 1642 г.

цвёл его пожухлый бутон, а [добротный] результат своего прежнего служения рассматривал в качестве счастливого знака на продолжение службы у сего повелителя мира²⁴. После двух лет преданной службы, когда поводья чистокровного скакуна державы были направлены из Казвина в сторону стольного града Исфахан, группа стакнувшихся „друзей“, которые жили, снедаемые жаром зависти по причине близости [к государю] сего немощного покорнейшего слуги, подобно рыбе на раскалённой сковородке, изыскивали поводы и предлоги и, несмотря на то что с моей стороны не было допущено никаких погрешностей и ошибок, ту мою должность контролера конюшен, которую я исполнял длительное время, и к одежде которой в надежде на её справедливую оценку я пришил карманы чайный, ожидая момента исполнения данного [мне] обещания, отобрали и отдали другому лицу²⁵. Меня же отстранили от того порога, камень которого вместо шелка я сделал себе постелью и подушкой. Хотя в голове моей постоянно крутилась печальная мысль о причине, давшей толчок сему деянию, другой причины кроме собственного невезения я не смог найти. Поневоле я в течение двух лет, обернув ноги полой терпения и выдержки, уединился в [укромном] углу неизвестности, пока враждебные мне люди, лишённые стыда и чести, не получили по заслугам за [свои] поступки²⁶. Стих: Бедолага осёл мечтал завести хвост, не получив хвоста, он лишился ушей.

²⁴ Автор указывает на то обстоятельство, что и при шахе ‘Аббасе II (1052—1077/1642—1666) он продолжает исполнять свои обязанности, определенные ему предшествующими патронами.

²⁵ Увольнение с должности, исходя из сказанного автором, имело, видимо, место в 1054/1644 г. Следует признать, что Мухаммад-Ма‘сум не без оснований видит в этом решении шаха наветы и происки своих завистников и недругов. Действительно, трудно себе представить, чтобы малолетний ‘Аббас II, которому в то время едва минуло десять лет, самостоятельно, без чьей-либо подсказки или намека вдруг заинтересовался деятельностью придворного средней руки.

²⁶ Два последующих года (до 1056/1646) он провёл, будучи отставлен от придворной службы. И хотя он пишет, что в течение двух лет «обернув ноги полой терпения и выдержки, уединился в углу неизвестности», в искренность его слов трудно поверить. Безусловно, он обращался к влиятельным при дворе людям, и у него нашлись заступники и покровители. Возможно, в числе их был и его родственник по имени ‘Абдаллах, который, согласно Мухаммад-Тахиру Насрабади [Тазкира-ий Насрāбādī 1317: 77—78], был влиятельным вазиром области Лахиджан в Гилане. Словом, он дождался своего часа, когда его клеветники заплатились за свои деяния, а шах ‘Аббас II вспомнил об отставленном контролере своих конюшен, что, видимо, не обошлось без ходатайства покровителей Мухаммад-Ма‘сума при дворе: шах назначил его главой гражданской администрации провинции Карабаг (*ба хидмат-и визāрат-и Карāбāг*). Это назначение, судя по текстуальному фону его эссе, не вызвало у нашего автора восторга, он явно ожидал большего и был обескуражен, поскольку ему было не с руки покидать столицу, где он надеялся довести до конца свой опус по всемирной истории. В конечном итоге он занял пост *вазīра* при военном губернаторе Карабага и главе племенного объединения каджар Муртазā-Кулй-хāне Зийād-оглу Қāджāре, истории рода которого, равно как и достоинствам г. Ганджи, он посвящает последнюю главу своего труда по истории правления шаха Сафи I. Появление этой главы в хронике он поясняет следующим образом: «Поскольку сей ничтожный стал одним из нахлебников, сидящих за накрытым столом того счастливого [хана], счёл я для себя обязательным изложить кое-что о деяниях предков того высокостепенного хана... По той причине, что

Поскольку зеркало души государей является абсолютным образцом чаши, отражающей события, происходящие в мире, то государь, получив известие о тяжком положении и старости своего старинного раба, даровал ему должность вазира Карабага.

Я плавился подобно воску на огне и растворялся как соль в воде, страстно желая остаться при сём дворе-прибежище всего мира, однако в связи с такой ценой, определенной мне Извечным, у меня не осталось другого выхода кроме терпения... Я хотел продолжать писать как книги, так и многочисленные листы выписок, чтобы широко оповестить о добродетельных деяниях сей вечной державы, а также о том, что может произойти, и о том, что может случиться²⁷. Вместе с тем, поскольку всё, что было написано прежде, от начала и до конца происходило на самом деле, я письменно изложил без лести и преднамеренности, благодаря которым пыль лжи ложится на чело словес. Ныне же по причине бессилия [моей] путеводной звезды, что столь же далека от меня, как небо от земли, и по причине появившихся преданий действительных и преданий сомнительных не смог отважиться [продолжать] писать. Ибо разве может услышавший сравниться с очевидцем? Посему я прекратил записывать предания. Если моему смертному часу будет дана отсрочка и сему верному рабу выпадет доля подчиниться воле [монарха], то всё, что скрыто в обители моей души, я доведу в лучшем виде до письменного воплощения. С сим призывом я обращаюсь за споспешествованием к престолу Всевышнего²⁸.

сия книга была завершена на службе при его высокостепенстве, было также [признано] необходимым изложить ход его жизненных обстоятельств, дабы он в [противном] случае не расценил это как провинность» [Рукопись РНБ: 123а—126б; рук. Машхад, № 194 (*tārīḫ*), л. 183а—188б], также [Тазкира-ий Насрбāдī 1317: 77].

²⁷ В данном случае Мухаммад-Ма'сум прямо указывает на свой задуманный им и доведенный до начала эпохи Тимура (до 1360 г.) труд по всеобщей истории, который он вынужден был отложить, согласно повелению шаха, и целиком сосредоточиться на написании летописи правления Сафи I. Однако, судя по оглавлению Машхадского списка (№ 194, *tārīḫ*, л. 16), сам он всё же рассматривал эту летопись как часть тома, посвященного истории правления династии Сафавидов.

²⁸ Построение в хронологическом порядке тех эпизодов, которые от случая к случаю наш автор приводит в своем труде, даёт возможность с точностью до одного-двух лет установить как дату его рождения, так и год завершения хроники. Итак, ему было тридцать, когда после длительной и основательной подготовки он поступил на государственную службу, двенадцать лет он состоял в звании контролёра дворцового верблюжьего стада, а затем в добавление к этой должности его назначили контролером дворцовых конюшен. Если предположить, что вскоре после этого повышения шах 'Аббас I умер, так как Мухаммад-Ма'сум весьма скрупулёзно отмечает хронологию своих успехов и неудач и сразу вслед за своим повышением в должности говорит о смерти шаха, то в этом случае в 1038/1629 г. ему исполнилось 42 или 43 года, и следовательно, он родился где-то в пределах 995/1586—87 г. В год смерти Сафи I (1052/1642) ему было уже около 57 лет; два года спустя, когда он был отстранён от должности (1054/1644), ему около 59 лет, а ещё два года спустя он — вазир Карабага (1056/1646) и ему около 61 года. И, уже будучи вазиром, он закончил летопись правления Сафи I, во всяком случае, это произошло не ранее 1056/1646—47 г. Год смерти Мухаммад-Ма'сума нам неизвестен. Насрабади замечает, что он умер в Карабаге [Тазкира-ий Насрбāдī 1317: 77].

Литература

Абд ар-Расул Хаййампур 1340: *Абд ар-Расул Хаййампур*. Фарханг-е соханваран. Табриз, 1340/1961.

Акимушкин 1982: *Акимушкин О. Ф.* Второй список исторического труда Будака мунши Казвини // ППиПИКНВ. XVI. 2.

Акимушкин 1976: *Акимушкин О. Ф.* «Продолжение» Искандара мунши и «Краткая суть жизнеописаний» Мухаммад-Ма'сума // Сб. «Иран». М.

Ахмад Мозави 1348—1355: *Ахмад Мозави*. Феҳрест-е носхаха-йе хатти-ие фарси. Техран. Т. 1—6, 1348—1355/1969—1976.

Искандар-бек Туркаман 1335: *Искандар-бек Туркаман*. Тārīḫ-и 'Ālamārā-йи 'Аббāsӣ. Ба кушеш-е Ирадж Афшар. Чап-е доввом. Техран, 1335/1956. Т. 1—2.

Казӣ Ахмад б. Шараф 1359—1363: *Казӣ Ахмад б. Шараф ад-Дин ал-Хусайн ал-Хусайни ал-Куми*. Ҳулāса́т ат-тава́рїҳ. Ба тасхих-е Эҳсан Эшраки. Техран, 1359—1363/1980—1984.

Китāб-и Шараф-нама 1862: *Китāб-и Шараф-нама*. Та'лиф-и Шараф-хан б. Шамс ад-дин Бидлиси. Ба ихтимам-е Вельяминов-Зернов. Т. 2. СПб.

Павлова 1993: *Павлова И. К.* Хроника времен Сефевидов. М.

Петров 1956: *Петров П. И.* Об одном редком источнике по истории Сефевидов // Советское востоковедение. I.

Рукопись РНБ: Рукопись РНБ: Дорн 303.

Тазкира-ий Насрāбāди 1317: *Тазкира-ий Насрāбāдӣ*. Та'лиф-и мїрзā Мухаммад-Тāхир Насрāбāдӣ Исфаҳāнӣ. Ба тасхих-е Вахид Дастангарди. Техран, 1317/1938.

Стори 1972: *Стори Ч. А.* Персидская литература: Библиографический обзор: В 3 ч. / Пер. с англ., переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. М.

Dorn 1852: *Dorn B.* Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St. Pétersbourg. St. Pétersbourg. N 288.

Savory 1963: *Savory R.* A secretarial career under Shah Tahmasp I (1524—76) // Islamic Studies. Karachi. II. N 3.

Storey 1927: *Storey Ch. A.* Persian Literature. A bio-bibliographical Survey. Vol. I—III, V. Pt. 1—2. London, 1927—1994.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЛУЧНИКОВ НА ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ И ТЯНЬ-ШАНЯ

А. Ю. Борисенко, К. Ш. Табалдиев, Ю. С. Худяков
(Новосибирск и Бишкек, Кыргызстан)

Петроглифические памятники Алтая привлекли внимание ученых и путешественников в начале XIX в. Важное значение писаницам, как особому виду исторических источников, придавал Г. И. Спасский [Демин 1989: 43—45]. Значительный интерес к наскальным рисункам проявлял крупнейший археолог, этнограф и тюрколог XIX—начала XX в. Вильгельм Радлов. Им была разработана методика снятия эстампажей с рисунков и надписей на камнях и предложен литографический способ копирования с использованием миткали [Радлов 1892]. Наскальные рисунки в бассейне р. Бухтармы в Рудном Алтае были зафиксированы Н. С. Гуляевым [Демин 1989: 69] и А. В. Адриановым [Адрианов 1916: 75—79]. Отдельные петроглифические памятники упоминаются в работах М. А. Брецинского, А. М. Зайцева, П. В. Казнова [Кубарев, Маточкин 1992: 2—3]. Несколько местонахождений наскальных рисунков было обследовано в начале XX в. Г. И. Гуркиным [Окладникова 1984: 5].

В 1947 г. сведения о писаницах Алтая были обобщены в сводке П. П. Хороших [Хороших 1947: 26—34]. В 1950-х гг. к изучению отдельных петроглифических памятников Горного Алтая обращались А. И. Минорский и Л. А. Евтюхова [Минорский 1951: 184—188; Евтюхова 1951: 190]. С конца 1950-х гг. поиском наскальных изображений в Горном Алтае занялся Б. Х. Кадиков. Им обнаружено большое количество местонахождений. К сожалению, большая часть из них не были своевременно введены в научный оборот [Кубарев, Маточкин 1992: 9—70].

С начала 1960-х гг. систематическое изучение петроглифов Горного Алтая начали проводить археологи Новосибирского научного центра под руководством академика А. П. Окладникова. Деятельное участие в этих работах приняла Е. М. Берс, которая обследовала местонахождения в среднем течении Катуня и провела раскопки у подножья скал с рисунками [Окладникова 1984: 6, 11]. В изучении наскальных рисунков принимали участие А. В. Лепин, М. Я. Роменский, Б. А. Фролов, А. Н. Сперанский, А. Г. Шаров и др. В 1970—80-е гг. эти работы развернулись широким фронтом, наиболее планомерно были исследованы петроглифы в долинах Елангаша, Каракола, на Средней Катуня. Результаты этих работ изданы в

серии монографий и статей А. П. Окладникова, Е. А. Окладниковой, В. И. Молодина, В. Д. Кубарева и др. [Окладников и др. 1979; Окладников, Окладникова 1985; Окладников, Молодин 1978; Кубарев 1980]. В последнее десятилетие были продолжены работы по изучению петроглифов в долине рек Бии, Катунь, Кучерлы и на плоскогорье Укок [Деревянко и др. 1994: 49—60; Кубарев 1987: 150]. Особый интерес представляют раскопки у грота Куйлю, где были выявлены культурные отложения, относящиеся к различным периодам почитания памятника [Деревянко, Молодин 1991: 3—7]. Изучением петроглифов Горного Алтая активно занимаются В. И. Молодин, В. Д. Кубарев, Д. В. Черемисин, Е. П. Маточкин, Е. Б. Долговесова и др. [Молодин 1992: 91; Кубарев 1992: 94; Маточкин 1990: 150].

Изучением петроглифов Горного Алтая занимались исследователи и из других научных центров. В конце 1960—начале 1970-х гг. серия местонахождений Юго-Восточного Алтая была обследована И. И. Ешелкиным [Ешелкин 1974: 63]. В начале 1970-х гг. несколько местонахождений петроглифов были обследованы Д. Г. Савиновым [Савинов 1972: 286—287]. Отдельные петроглифические памятники в разных районах Алтая обследовались Л. С. Марсадаловым [Марсадалов 1981: 195—196]. Петроглифы в долинах рек Кракол и Чулышман исследовались А. И. Мартыновым, А. С. Васютиным, А. М. Илюшиным [Мартынов 1985: 80; Васютин 1982: 192; Илюшин 1985: 204]. Отдельные местонахождения были зафиксированы М. Т. Абдулганеевым, Г. Д. Глобой, Ю. Т. Мамадаковым [Абдулганеев, Глоба 1980: 184; Мамадаков 1982: 212]. Несколько пунктов с петроглифами были обследованы В. А. Могильниковым [Могильников 1981: 197—198]. Ряд местонахождений петроглифов с вскрытием культурного слоя перед скальными плоскостями с рисунками в долине р. Катунь были исследованы А. С. Суразаковым [Суразаков 1988: 74]. В последние годы изучением петроглифов занимается Э. Якобсон совместно с В. Д. Кубаревым. С середины 1970-х гг. изучением петроглифов Горного Алтая занимается В. Н. Елин. Им обследовано большое количество памятников в различных районах Алтая [Елин 1983: 109; 1992: 16]. Ряд статей по данной проблематике опубликован им совместно с В. И. Сосновым и В. А. Некрасовым [Елин, Соснов 1990: 167; Елин, Некрасов 1992]. Обследование некоторых местонахождений проведено Я. А. Шером и французскими учеными. Большинство публикаций о петроглифах Горного Алтая посвящено вводу в научный оборот новых памятников, определению хронологии или культурной принадлежности наскальных рисунков, анализу семантики изображений. Алтайские петроглифы неоднократно привлекались для анализа проблем наскального искусства в сравнительно-историческом плане с другими регионами Южной Сибири, Центральной и Средней Азии [Шер 1980].

Среди большой серии наскальных рисунков Горного Алтая, выполненных техникой точечной выбивки, особый интерес представляют изображения воинов и охотников с различными видами оружия, находящими аналогии в петроглифическом искусстве соседних районов Южной Сибири, Монголии, Казахстана и Кыргызстана [Окладникова 1987: 171].

Обычно подобные рисунки по реалиям относят к эпохе бронзы или раннего железа [Дэвлет 1992: 40; Самашев 1992: 162]. Представленные на рисунках предметы вооружения, в том числе луки и стрелы, налучья и колчаны, копья, мечи, кинжалы, чеканы, а также головные уборы, прически, детали одежды и другие реалии открывают возможность для более точного определения хронологии и этнокультурной принадлежности петроглифических памятников и для проведения сравнительного анализа подобных изображений с различных районов Центральной Азии.

Рисунки воинов с оружием могут служить важным источником по истории военного дела древних кочевников, а также для реконструкции комплекса вооружения, отдельных видов оружия, состава войск, тактики ведения боя, для характеристики военной сферы жизнедеятельности кочевого общества.

Сравнительный анализ подобных изображений с территории Алтая и Тянь-Шаня, являющихся естественными географическими границами Центрально-Азиатского историко-культурного региона, позволит уточнить характер развития военного искусства в кочевом мире и направленность этнокультурных контактов в эпоху становления культурно-хозяйственного типа кочевых скотоводов.

Для проведения сравнительного анализа выбраны две группы выбранных изображений из серии местонахождений в среднем течении р. Катунь на Алтае и в Кочкорской долине Тянь-Шаня.

Петроглифические памятники Средней Катуни ранее неоднократно обследовались А. П. Окладниковым, Е. М. Берс, Е. А. Окладниковой, В. Д. Кубаревым, А. С. Суразаковым, Д. В. Черемисным, Ю. С. Худяковым, Е. Б. Долговесовой [Окладникова 1984: 7; Кубарев 1990: 10—11]; наиболее полные сведения о них содержатся в книгах Е. А. Окладниковой и В. Д. Кубарева и В. П. Маточкина [Окладникова 1984: 7—25; Кубарев, Маточкин 1992]. В книге Е. А. Окладниковой опубликованы очень неточные прорисовки изображений воинов и охотников с копьями и луками с петроглифических местонахождений: окрестности д. Куюс, грот Куюс, Кок-Елань [Окладникова 1984]. Предельная схематичность и неточность прорисовок не позволили Е. А. Окладниковой адекватно оценить и интерпретировать эти рисунки [Окладникова 1984: 10, 12, 15].

Одни и те же местонахождения в книгах Е. А. Окладниковой и В. Д. Кубарева и В. П. Маточкина называются по-разному: окрестности д. Куюс (Айрыдаш), грот Куюс (Куюс), Кок-Елань (Кызык-Телань) [Окладникова 1984: 9—14] и др. Существенные разночтения имеются в описании памятников и условий их местонахождения [Кубарев, Маточкин 1992: 46]. В ходе обследования этих памятников в 1994 г. удалось уточнить их расположение и снять более точные копии антропоморфных изображений. По уточненным данным, на памятнике Грот Куюс имеются четыре изображения лучника. Все они однотипны: округлая голова, вертикальное туловище, слегка расставленные ноги, направленные ступнями в одну сторону. Правой рукой лучники держат кибить лука, левой натягивают тетиву. Изображения очень схематичные и не всегда полные. У одного лучника не оформлена левая нога ниже колена. Лук изображен с на-

детой тетивой и настороженной стрелой. Лучник держит одной рукой лук в месте соединения древка стрелы с тетивой, другой оттягивает ушко древка (рис. 1, 1). Рисунок схематичен, нарушены пропорции и детали изображения. Это своего рода схема стрелка из лука.

У другого лучника одной горизонтальной линией изображена рука, удерживающая середину кибити лука, и настороженная стрела, вертикальной линией — кибить лука. Рисунок предельно схематичен (рис. 2, 2).

Третий лучник изображен с вытянутой рукой, удерживающей кибить лука, и настороженной стрелой, вторая рука согнута в локте. Концы кибити лука загнуты в сторону тетивы (рис. 1, 3).

Четвертый лучник изображен стреляющим вниз. Рука с луком направлена не горизонтально, а в направлении ниже уровня груди стрелка. Стрела насторожена. Кибить лука имеет изогнутость плеч, характерную для сложносоставного лука. Вторая рука оттянута в противоположную от направления стрельбы сторону и укорочена. Вероятно, она согнута в локте (рис. 1, 4).

Хотя все изображения лучников предельно схематичны и не содержат, кроме сложносоставной кибити лука, реалий, которые имели бы значение для их датировки, можно определить время их сочетания в композиции с другими рисунками. Первые три лучника изображены в композиции с горными козлами, оленями и собаками в момент охоты на диких копытных. Силуэтные изображения горных козлов и собак схематичны. Однако выполненные в контурной манере изображения оленей с ветвистыми рогами, вытянутой мордой, длинной шеей, массивным телом и расставленными ногами могут быть соотнесены с кругом аналогичных рисунков, выполненных в зверином стиле, что дает основание отнести эти композиции к раннему железному веку. Аналогичные изображения воинов, в том числе лучников, имеются на петроглифах Южной Сибири, датированных ранним железным веком [Худяков 1992].

На памятнике Кок-Елань имеются три изображения лучников. Все они опубликованы Е. А. Окладниковой [Окладникова 1984]. Однако ее копии очень неточны, хотя рисунки на скале очень четкие.

Первый лучник изображен в развесистом головном уборе. Голова не выделена. Шея и туловище изображены одной сплошной вертикальной линией. Руки разведены в стороны, ноги чуть согнуты в коленях и обращены ступнями в одну сторону. В правой руке лук. Кибить лука изображена выгнутой концами в сторону стрельбы, тетива натянута дугой, в центральной части лука насторожена стрела. Лучник держит лук за натянутую тетиву (рис. 1, 5). Лук с натянутой тетивой и настороженная стрела выбиты нереалистично, с нарушением пропорций.

Второй лучник изображен в рогатом головном уборе, который выбит выше округлой головы, над ней. С обеих сторон головы выбиты две косы или два пучка волос. Шея прямая, туловище изогнуто. Руки согнуты в локтях, ноги разведены в стороны, между ног изображен фаллос. В правой руке лучник держит лук за длинное древко стрелы. Стрела имеет раздвоенный наконечник. Кибить лука изображена выгнутой концами в сторону стрельбы (рис. 1, 7).

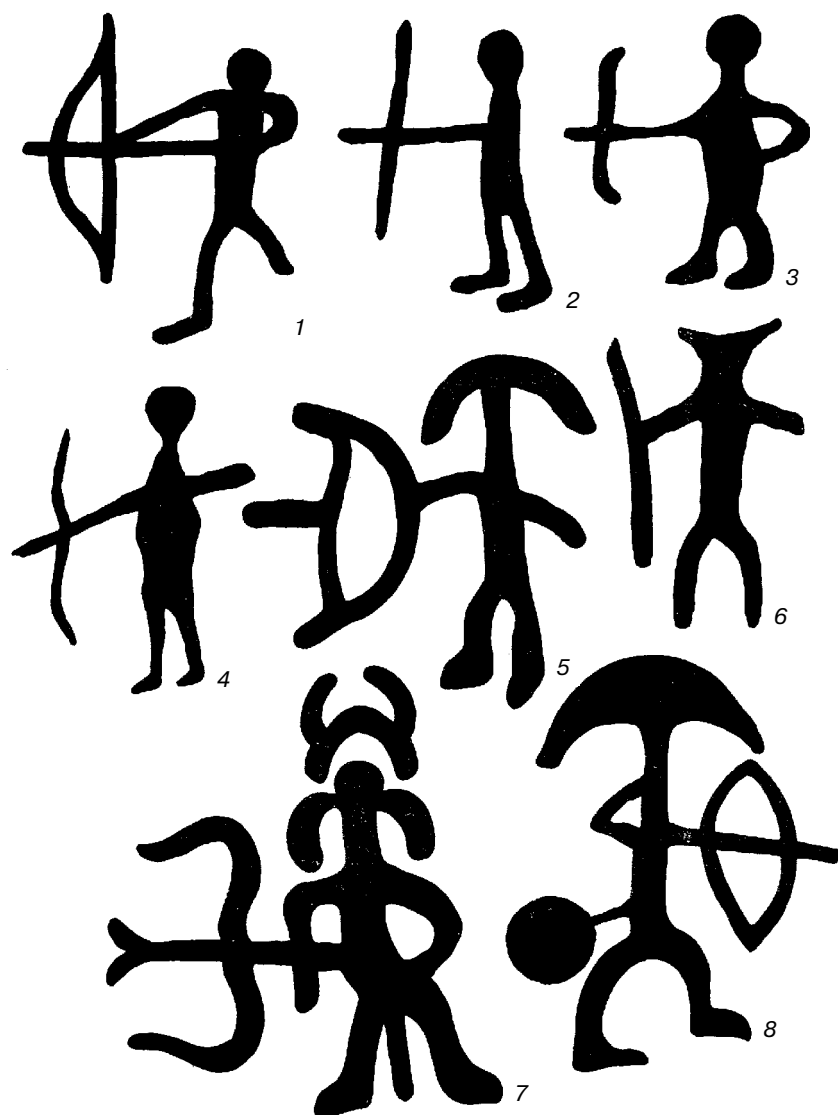

Рис. 1. Изображения лучников и копьеносца на петроглифах Алтая:
1—4 — Гроч Куюс; 5, 7, 8 — Кох-Елань; 6 — Айрыдаш

Третий лучник изображен в развесистом головном уборе. Голова не выделена. Шея и туловище прямые. Левая рука вытянута, правая — согнута в локте. Ноги разведены и полусогнуты. Ступни направлены в одну сторону. В левой руке воин держит натянутый лук с настороженной стрелой. На поясе у него изображен круглый предмет на тонком подвесном ремешке (рис. 1, 8).

Первые два лучника изображены стреляющими в горных козлов, третий одиночно.

Лучники в дугообразных головных уборах с луками и круглыми предметами на поясе по широкому кругу аналогий датируются эпохой бронзы [Дэвлет 1992: 40].

Реалии на рисунках интерпретируются по-разному. Головные уборы именуется грибообразными [Дэвлет 1992: 42]. Предметы на поясе называются хвостами или булавами [Кубарев 1987: 150]. А сами антропоморфные фигуры приобретают мифологическое обозначение. Однако даже если на рисунках изображены не реальные, а мифические персонажи, это не значит, что для их характеристики использованы атрибуты, не бытовавшие в реальной жизни. Так, дугообразные головные уборы напоминают наголовья из перьев, характерные для воинского убранства различных народов и культур. В Центрально-Азиатском регионе подобная атрибутика дожила до этнографической современности в шаманском облачении, например у тувинцев. Подобный устрашающий и опознавательный характер должен был иметь и головной убор с загнутыми бычьими рогами, также сохранившийся в шаманской атрибутике.

Для кок-еланьских воинов характерны сложносоставные луки, выгнутые в сторону стрельбы, словно тетива у них спущена. Лишь один лук напоминает простой, но возможно, что это лишь результат схематизма рисунка.

У одного стрелка стрела изображена с раздвоенным наконечником. В Сибири подобные стрелы известны с эпохи Средневековья [Соловьев 1987: 43], однако в Средней Азии подобные стрелы встречаются с хуннского времени [Литвинский 1965: 90].

Предмет, подвешенный к поясу у одного из лучников, вероятно, должен обозначать горит, подобно аналогичным рисункам с других местонахождений петроглифов Центральной Азии [Дэвлет 1992]. Это своего рода образительный канон, свойственный изображению горитов, налучий, колчанов у лучников.

Хотя реалии у лучника в рогатом головном уборе существенно отличаются от деталей других рисунков, вряд ли он должен датироваться иным хронологическим периодом, поскольку изображен в композиции с другим лучником и с животными, характерными для эпохи бронзы. На петроглифах бронзового века встречаются антропоморфные персонажи в рогатых головных уборах [Дэвлет 1992].

На памятнике Айрыдаш в композиции с животными изображена фигура человека в рогатом головном уборе, с разведенными в стороны руками и широко расставленными ногами. В правой руке человек держит копьё (рис. 1, б).

Опубликованная прорисовка Е. А. Окладниковой не точна [Окладникова 1984: табл. 7, 10]. Рисунок должен относиться к эпохе бронзы. Подобные изображения известны в различных регионах Центральной Азии [Дэвлет 1992].

Близкие по технике исполнения, сюжетам и стилю рисунки имеются на петроглифическом местонахождении Кара-Тоо в Кочкорской долине

на Тянь-Шане. Изучение этого памятника проводилось в 1991—1993 гг. [Худяков, Табалдиев 1993]. Изображения лучников обнаружены в двух пунктах. У них округлая голова, иногда с пучком волос на темени, в грибовидном или рогатом наголовье, с луком и стрелами, налучьем. Лучники стреляют в горных козлов и аргали.

Первый лучник изображен с округлой головой, левая рука вытянута, держит кибить, правая — согнута, натягивает тетиву. Туловище прямое, на левом боку налучье. Ноги широко расставлены, обращены носками в сторону стрельбы. Между ног изображен фаллос. Лук сложносоставной с выгнутыми плечами и загнутыми концами. Нижнее плечо повреждено. Стрела не выходит за кибить лука (рис. 2, 1).

Подобные рисунки характерны для петроглифов раннего железного века Минусинской котловины [Худяков 1992].

Второй лучник имеет раскидистый головной убор из перьев. У него округлая голова, прямое туловище. Левая рука вытянута, держит сложносоставной лук с настороженной стрелой. Правая рука отведена в сторону. У стрелы ромбический наконечник. Ноги стрелка широко расставлены. Между ног изображен фаллос. На поясе изображено налучье (рис. 2, 2).

Подобные рисунки типичны для петроглифов Саяно-Алтая и Центральной Азии эпохи бронзы.

Третий лучник выбит с округлой головой. Туловище слегка наклонено вперед. Левая рука держит лук с настороженной стрелой. Правая рука согнута в локте. Ноги расставлены (рис. 2, 3). Лук изображен простым. Но, возможно, это следствие схематичности рисунка.

В композиции с третьим изображен четвертый лучник. У него рогатый головной убор, прямое туловище. Правая рука вытянута, держит лук с настороженной стрелой. Левая рука согнута в локте. Ноги изображены полусогнутыми в ходьбе (рис. 2, 4).

Оба последних лучника стреляют с двух сторон в горного козла. Вероятно, они должны относиться к эпохе бронзы, судя по рогатому головному убору одного из них [Дэвлет 1992].

Распространение одинаковых сюжетов, сходство в стиле и технике исполнения, а также наличие одинаковых реалий, имеющих важное этнографическое значение, головных уборов и причесок свидетельствует об этнокультурном единстве той среды, в которой создавались петроглифы Центрально-Азиатского региона от Саяно-Алтая до Тянь-Шаня. Для периода раннего железного века это скифо-сибирское единство родственных культур восточного ареала евразийского кочевого мира. Вероятнее всего, эти петроглифы могли принадлежать различным племенам среднеазиатских и восточно-туркестанских саков и этническим группам кочевников Центральной Азии и Южной Сибири, испытавшим сакское культурное влияние. Вопрос о принадлежности конкретных петроглифических памятников определенным этносам и культурам пока остается открытым. Что касается хронологии, то к скифскому времени принято относить рисунки, выполненные в зверином стиле [Шер 1980: 239—251], однако наряду с ними выбивались и схематичные рисунки.

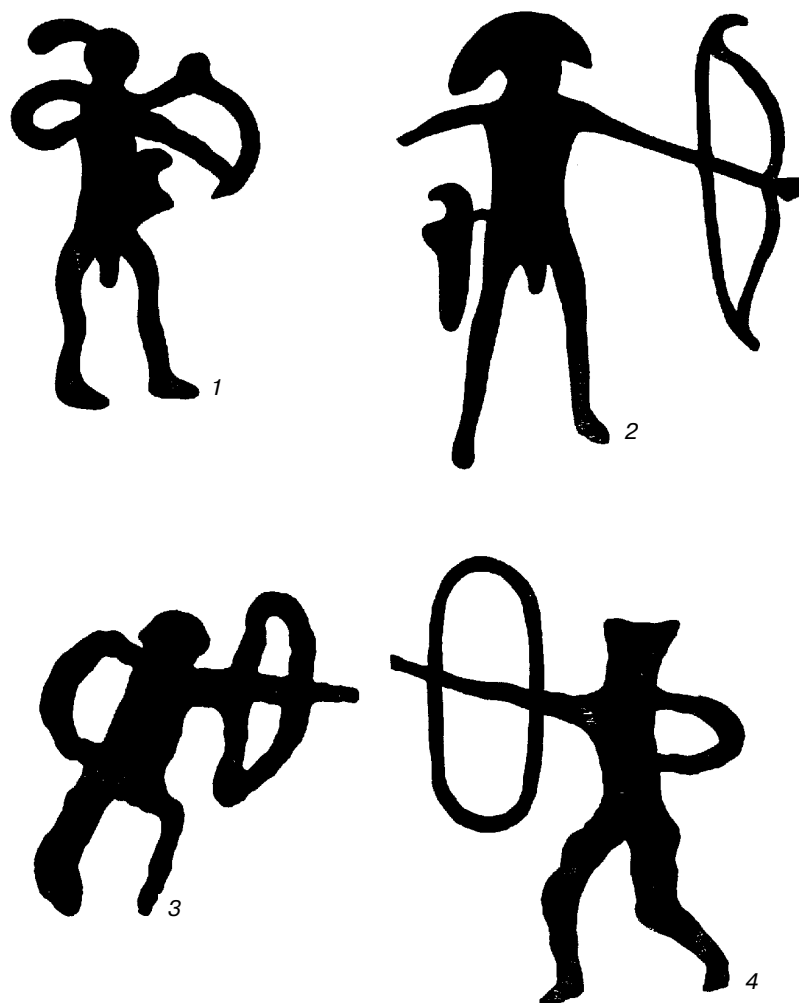

Рис. 2. Изображения лучников на петроглифах Тянь-Шаня:
1—4 — Кара-Тоо

Для эпохи поздней бронзы в Центрально-Азиатском регионе существовала общая этнокультурная основа, в качестве которой выступала культура херексоров и оленных камней [Худяков 1987: 155—158]. Стиль и сюжеты изображений на петроглифах и оленных камнях во многом схожи. Эволюция петроглифики в эпоху бронзы и раннего железного века в Центральной Азии протекала в рамках родственных этнокультурных образований. Она проходила по линии дифференциации историко-культурного единства на отдельные этносы, культуры, очаги искусства, сохранявшие между собой значительное сходство. Этим объясняется общность путей развития петроглифики в разных районах Центральной Азии.

Литература

- Абдулганеев, Глоба 1980: *Абдулганеев М. Т., Глоба Г. Д.* Разведки в Горном Алтае // АО 1979 г. М.
- Адрианов 1916: *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая // Известия Императорской археологической комиссии. II. Вып. 62.
- Васютин 1982: *Васютин А. С.* Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 г. М.
- Демин 1989: *Демин М. А.* Первооткрыватели древностей. Барнаул.
- Дервянко, Молодин 1991: *Дервянко А. П., Молодин В. И.* Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кохурла I (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул.
- Дервянко и др. 1994: *Дервянко А. П., Молодин В. И. и др.* Древние культуры Бертекской долины. Новосибирск.
- Дэвлет 1992: *Дэвлет М. А.* Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск.
- Евтюхова 1951: *Евтюхова Л. А.* К вопросу о писаницах Алтая // КСИИМК. М. Вып. 36.
- Елин 1983: *Елин В. Н.* Петроглифы долины Томыс-Кан // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980—1982 годах. Горно-Алтайск.
- Елин 1992: *Елин В. Н.* К оценке изучения наскальных изображений в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск.
- Елин, Соснов 1990: *Елин В. Н., Соснов В. И.* Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Елин, Некрасов 1994: *Елин В. Н., Некрасов В. А.* Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск.
- Ешелкин 1974: *Ешелкин И. И.* О наскальных изображениях некоторых животных в горах Юго-Восточного Алтая // УЗГАНИИИЯЛ. Вып. 11.
- Илюшин 1985: *Илюшин А. М.* Исследования в долине р. Чулышман // АО 1983 г. М.
- Кубарев 1980: *Кубарев В. Д.* Археологические памятники Кош-Агачского района // Археологический поиск; Северная Азия. Новосибирск.
- Кубарев 1987: *Кубарев В. Д.* Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. Новосибирск.
- Кубарев 1990: *Кубарев В. Д.* История изучения археологических памятников Средней Катунь // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.
- Кубарев 1992: *Кубарев В. Д.* Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск.
- Кубарев, Маточкин 1992: *Кубарев В. Д., Маточкин Е. П.* Петроглифы Алтая. Новосибирск.
- Мамадаков 1982: *Мамадаков Ю. Т.* Работы Онгудайского отряда // АО 1981 г. М.
- Марсадолов 1981: *Марсадолов Л. С.* Исследования в Онгудайском и Уланганском районах Горного Алтая // АО 1980 г. М.
- Мартынов 1985: *Мартынов А. И.* О древних изображениях Каракола // Археология Южной Сибири. Кемерово.
- Маточкин 1990: *Маточкин Е. П.* Граффити Карбана // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск.

- Минорский 1951: *Минорский А. И.* Древние наскальные рисунки Горного Алтая // КСИИМК. М. Вып. 36.
- Могильников 1981: *Могильников В. А.* Работы Алтайской экспедиции // АО 1980 г. М.
- Молодин 1992: *Молодин В. И.* Усть-Канская писаница // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск.
- Окладникова 1984: *Окладникова Е. А.* Петроглифы Средней Катуня. Новосибирск.
- Окладникова 1987: *Окладникова Е. А.* Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая // Антропоморфные изображения. Новосибирск.
- Окладников, Молодин 1978: *Окладников А. П., Молодин В. И.* Турочакская писаница // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.
- Окладников и др. 1979: *Окладников А. П., Запорожская В. Д., Окладникова Е. А., Скорынина Э. А.* Петроглифы долины Елангаш. Новосибирск.
- Окладников, Окладникова 1985: *Окладников А. П., Окладникова Е. А.* Древние рисунки Кызыл-Кея. Новосибирск.
- Радлов 1892: *Радлов В. В.* О новом способе изготовления эстампажей с рисунков и надписей на камнях // ЗВОРАО. Т. 7.
- Савинов 1972: *Савинов Д. Г.* Археологические памятники в районе хребта Чихачева // АО 1971 г. М.
- Самашев 1992: *Самашев З. С.* Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Ата.
- Соловьев 1987: *Соловьев А. И.* Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск.
- Суразаков 1988: *Суразаков А. С.* Археологические работы ГАНИИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. Горно-Алтайск.
- Хороших 1947: *Хороших П. П.* Писаницы Алтая (предварительное сообщение) // КСИИМК. М. Вып. 14.
- Худяков 1987: *Худяков Ю. С.* Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Худяков 1992: *Худяков Ю. С.* Образ воина на петроглифах раннего железного века в Минусинской котловине // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск.
- Худяков, Табалдиев 1995: *Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш.* Сравнительный анализ изображений лучников на петроглифах Южной Сибири и Тянь-Шаня // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск.
- Черемисин 1990: *Черемисин Д. В.* Петроглифы в устье р. Чуй (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.
- Шер 1980: *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.

**КЕРАМИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ВЕРШИНЫ
ХУСН АЛЬ-ГУРАБ — АКРОПОЛЯ
ЮЖНОАРАВИЙСКОГО ПОРТА КАННА**

Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург)

Древний хадрамаутский порт Кана (I—начало VII в. н. э.) располагался на Южно-Аравийском побережье Йемена около современного селения Бир Али на небольшом мысу, вдающемся в Индийский океан. Этот мыс завершается величественным вулканическим останцом Хусн аль-Гураб, на вершине которого располагалась цитадель или акрополь, обширный нижний город прилегал к его основанию. Следует отметить, что на территории цитадели сравнительно неплохо сохранились руины древних зданий и крупных водосборных цистерн. Собственно, именно с этой вершины началось археологическое изучение Каны, — в 1972 г. С. С. Ширинский заложил там небольшой раскоп и частично раскрыл остатки постройки, интерпретированной им как храм I в. до н. э. [Ширинский 1977: 202—205].

С 1985 г. на городище проводились систематические исследования археологического отряда Советско-Йеменской (затем Российско-Йеменской) комплексной экспедиции. На территории нижнего города было заложено несколько раскопочных участков (см.: [Грязневич 1989: 132; Седов 1989: 136—137; Виноградов 1993: 72 сл.; Piotrovskij, Sedov 1994: 212—216; Sedov 1992: 110 ff.; 1994: 11 ff.; 1998: 275—279]), но на вершине Хусн аль-Гураба специальных работ не проводилось. Правда, в 1987 г. цитадель была детально обследована выдающимся отечественным сабеистом А. Г. Лундиным и архитектором Л. В. Тугариным. Они осмотрели все сохранившиеся там архитектурно-строительные остатки и собрали подъемный археологический материал. В результате их усилий была создана небольшая коллекция керамических обломков, состоящая почти из 50 экземпляров; собирались, естественно, только профилированные части сосудов (фрагменты венцов, ручек, доньев). Все они были зарисованы и кратко описаны Л. В. Тугариным; рисунки хранятся в Отделе античной археологии Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург). Уверен, что уже давно настало время ознакомить научную общественность со сделанными тогда находками¹.

¹ Автор выражает свою глубочайшую признательность и благодарность А. Г. Лундину и Л. В. Тугарину за проделанную ими работу; первому, к великому сожалению, — уже посмертно.

Попытаемся сравнить это собрание с материалами, полученными во время раскопок порта на площадях, прилегающих к Хусн аль-Гурабу. Результаты проведенных исследований позволяют уверенно разделить всю свиту культурных слоев памятника на три крупных пласта: нижний, или ранний, по заключению А. В. Седова, сформировался в начале I—первой половине II в. н. э. [Sedov 1994: 16]; средний может быть датирован концом II—IV в. [Sedov 1994: 22—23] и верхний, или поздний, вероятно, относится к V—началу VII в. [Sedov 1994: 23]. Все слои Каны характеризуются большой насыщенностью керамическими материалами, при этом во всех них преобладают обломки амфорной тары, что следует признать вполне закономерным для порта, через который осуществлялись морские торговые связи Средиземноморья с Индией.

Понятно, что не все керамические находки, происходящие с Каны, могут быть одинаково хорошо датированы, в лучшей степени это можно сделать в отношении фрагментов амфор, импортной краснолаковой посуды и т. д. Несмотря на трудности датировки, в нашем собрании можно уверенно выделить группу находок, относящихся к раннему этапу функционирования порта. Весьма типичны для него находки красноглиняных амфор с двустольными ручками типа Dressel 2—4 (см.: [Sedov 1992: 116—118; 1994: 13—15]). Они широко использовались для транспортировки вина в конце I в. до н. э.—середине II в. н. э., фрагмент ручки подобного сосуда был обнаружен на Хусн аль-Гурабе (рис. 1, 10). Такой же фрагмент был найден здесь С. С. Ширинским [Ширинский 1977: 205]. Предположительно к сосудам этого типа можно относить обломки двух нижних частей амфор, непосредственно прилегающих к ножке (рис. 1, 13, 14).

В слоях ранней Каны сравнительно многочисленны находки краснолаковой керамики (*terra sigillata*), в основном имеющие западносредиземноморское происхождение [Sedov 1992: 120; 1994: 16—17]. Два фрагмента краснолаковых чаш, представленные в нашем собрании (рис. 1, 1, 3), относятся к этой категории. Первый дает чашу почти полного профиля (рис. 1, 1), он имеет характерный край и широкую кольцевую подставку. Второй относится к стенке подобной чаши (рис. 1, 3), внутренняя поверхность которой была орнаментирована нешироким резным кольцом, заполненным короткими линиями.

Еще один небольшой фрагмент (рис. 1, 2), который, судя по описанию, имел краснолаковое покрытие, относится к широко открытому сосуду, край которого несколько отогнут наружу. Среди керамических материалов Каны близких аналогий ему не известно.

В среднем слое городища находки амфор типа Dressel 2—4 и краснолаковой керамики полностью отсутствуют. Очень типичны для него амфоры, место производства которых пока точно не известно [Sedov 1994: 19—20; fig. 5, 11—13]. Для них типична глина темно-красного цвета с включениями толченой извести и пр. Венцы таких сосудов несколько отогнуты наружу, их отличает также довольно сложная профилировка. На акрополе Каны было найдено два фрагмента таких амфор (рис. 1, 6, 7).

В слоях среднего периода также широко представлены обломки сосудов с венцами в виде вертикально поставленных валиков, для которых

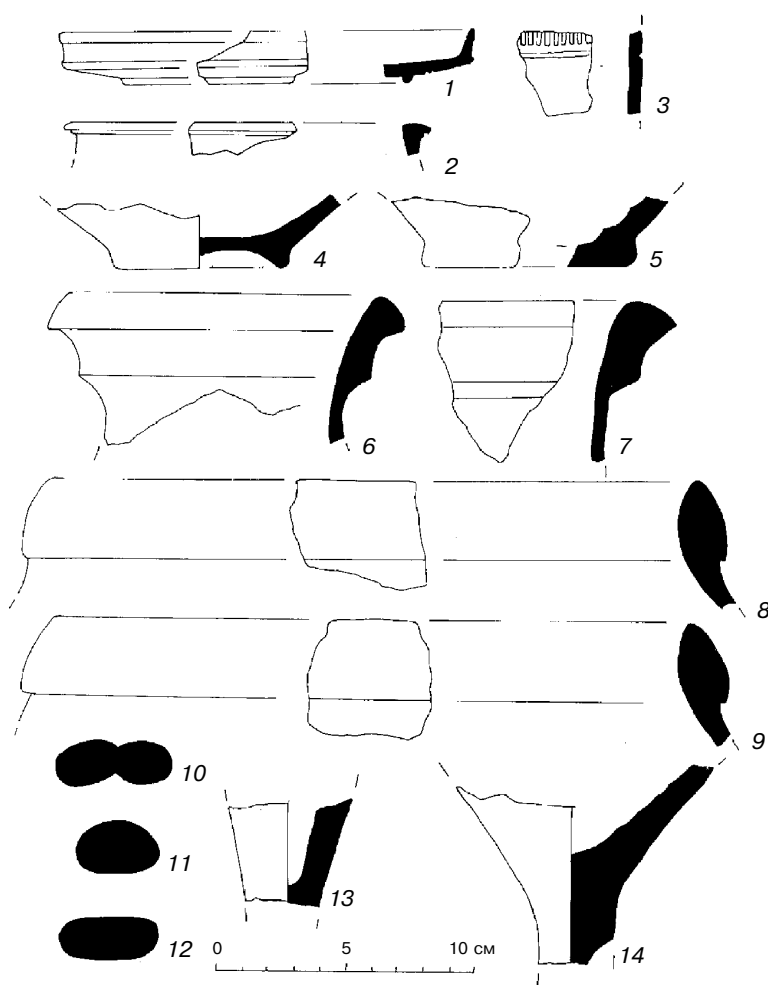

Рис. 1. Керамические находки с вершины Хусн аль-Гураб (1—14)

характерна овальная профилировка (рис. 1, 8, 9). Такие сосуды не имели ручек, и чаще всего их считают сосудами для хранения различных продуктов. Вероятнее всего, они имели палестинское производство (Sedov 1994: 19—20; fig. 5, 16, 18). На Кану их ввозили не только в конце II—IV в., но и позднее, однако профилировка их венцов тогда приобрела почти круглые очертания, а внутренняя поверхность часто стала иметь смоляное покрытие (см.: [Виноградов 1993: 74, 79, рис. 3, 5]). Фрагментов подобных поздних сосудов на вершине Хусн аль-Гураб не обнаружено.

Любопытно, что в нашем собрании почти не представлено обломков наиболее типичных амфор позднего периода, т. е. V—начала VII в., для которых характерны цилиндрическое горло, округлое тулово, покрытое

горизонтальным реберчатым орнаментом, и полуовальные в сечении ручки; один из ярких отличительных признаков таких сосудов — горизонтальный валик под краем с внутренней стороны, предназначенный, очевидно, для крепления крышки (см.: [Виноградов 1993: 73, 79, рис. 3, 1; Sedov 1992: 113, fig. 2, 1; 1994: 22]). О месте происхождения этих амфор пока ведутся споры, однако уже нет сомнения, что они, в частности, произошли в Акабе (Иордания), где сравнительно недавно были найдены обжигательные печи начала VII в. с весьма показательными керамическими материалами [Melkawi, 'Amr, Whitcomb 1994: 459—460, fig. 10e]. Лишь один обломок ручки со своеобразным полуовальным сечением, найденный на вершине Хусн аль-Гураба, возможно, принадлежал амфоре такого типа (рис. 1, 11).

Все остальные керамические фрагменты, собранные А. Г. Лундиным и Л. В. Тугариным, в настоящее время невозможно датировать точно, и в принципе они могут принадлежать к любому из трех обозначенных периодов. Это относится даже к обломку овальной в сечении амфорной ручки (рис. 1, 12). Она имеет глину сероватого цвета с большим количеством измельченной извести.

То же самое приходится говорить о находках привозных поливных сосудов. В нашем собрании таких фрагментов два: обломок дна миски, покрытый желтовато-зеленоватой глазурью (рис. 1, 4), и обломок дна кувшина с глазурью лазурно-голубого цвета (рис. 1, 5).

Трудно точно датировать самую многочисленную группу керамики, представленную фрагментами, как правило, красно- или, реже, чернолощенных сосудов с выделенным краем, отогнутым наружу венцом и округлым туловом (рис. 2, 2, 4—14). Скорей всего, такие сосуды служили для приготовления пищи, т. е. являлись керамическими кастрюлями. Целые их экземпляры, происходящие из поздних напластований, позволяют утверждать, что они были круглодонными [Виноградов 1993: 74, 79, рис. 3, 7]. Следует подчеркнуть также, что эти сосуды не относятся к категории местной южноаравийской керамики, а являются привозными. Неудивительно, что такие формы встречаются, к примеру, на памятниках Южного Ирана, относящихся к сасанидскому времени [Kennet 2002: 157—158, type 81].

Круглодонным кастрюлям очень близки по фактуре сосуды с выделенным горлом и отогнутым наружу венцом в виде довольно широкого валика с острым завершением в верхней и нижней частях (рис. 2, 1, 3). Вероятно, они принадлежат кувшинам. Опять же следует указать, что сосуды с подобной профилировкой венцов происходят из Южного Ирана [Kennet 2002: 157—158, fig. 4, type 86]. Весьма своеобразен обломок горла кувшина, на внутренней поверхности которого под венцом имеется горизонтальный желобок (рис. 2, 15).

Обломок плоского дна (рис. 2, 17), возможно, относится к крупному кувшину; он имеет глину бурого цвета с крупными включениями толченой извести. Для него, как и для фрагмента сероглиняной миски (рис. 2, 16), происходящей с акрополя Каны, можно найти аналогии в культурах самых различных эпох.

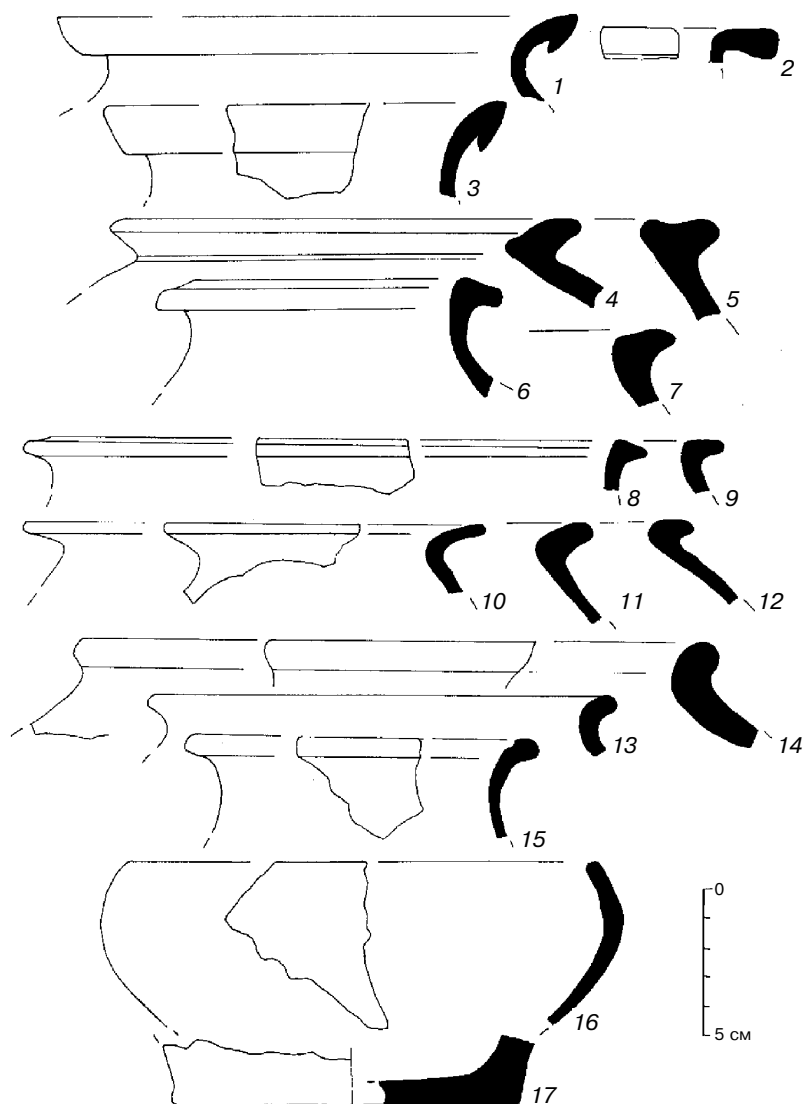

Рис. 2. Керамические находки с вершины Хусы аль-Гураб (1—17)

Не поддаются точной датировке обломки толстостенных сосудов (*зиров*), предназначенных для хранения различных продуктов. Они изготовлены из очень плотной глины красного или, реже, черного цвета; наиболее вероятно, что они были импортными. Фрагмент верхней части такого сосуда имеет край, отогнутый наружу практически горизонтально (рис. 3, 7). Толстостенному сосуду принадлежит также фрагмент стенки с орнаментацией в виде горизонтального валика с пальцевыми вдавлениями (рис. 3, 1).

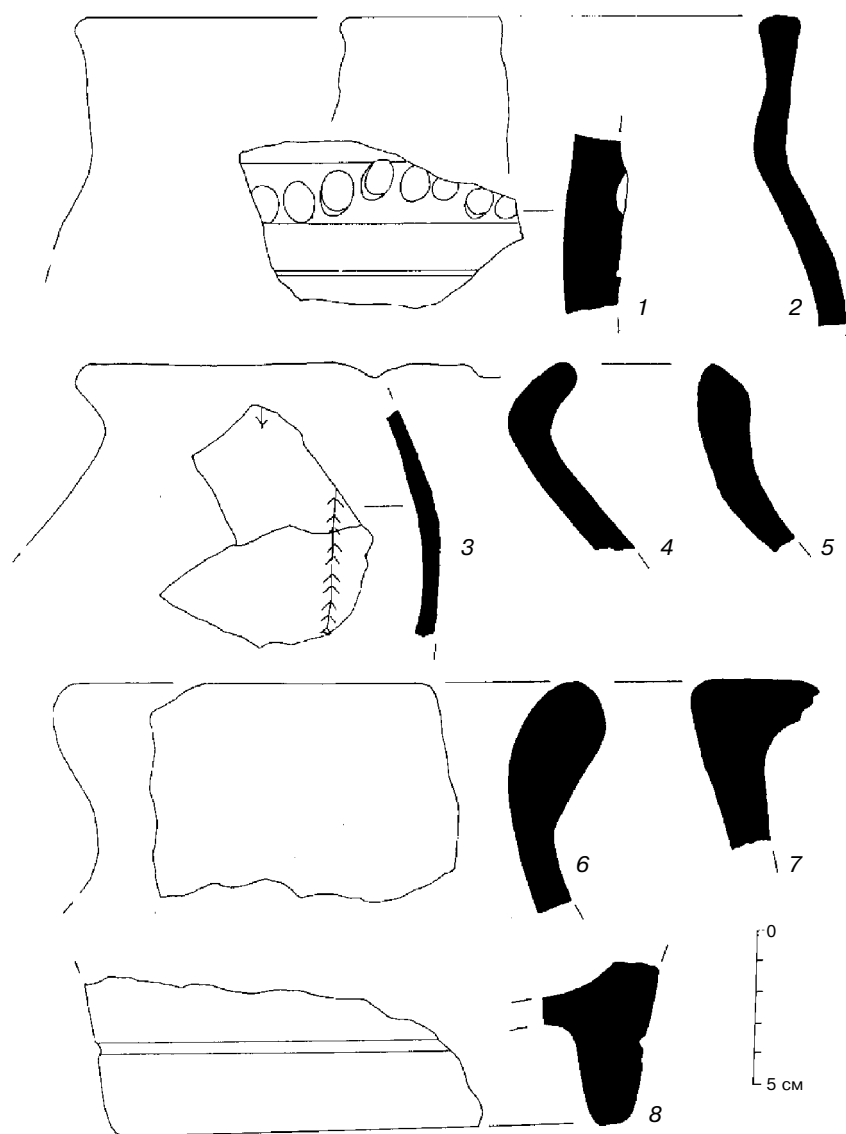

Рис. 3. Находки импортной (1, 7) и местной (2—6, 8) керамики

Керамика местного южноаравийского производства на Кане обнаружена в сравнительно небольшом количестве [Виноградов 1993: 74—75]. Для нее характерна грубая, порой рыхлая, пористая керамическая масса, образовавшаяся в результате выгорания органических включений (измельченная солома и пр.). Такая пористая глина отличает фрагмент стенки сосуда с орнаментом в виде двух прочерченных параллельных «елочек»

(рис. 3, 3). Резной орнамент — большая редкость в канской керамике, хотя в поздних напластованиях представлена лепная керамика очень хорошего качества, часто с великолепным лощением поверхности и с орнаментом в виде налепов, наколов или прочерченных линий (см.: [Виноградов 1993: 74, 79, рис. 3, 8—10; Sedov 1992: 113—114, fig. 2, 3, 4]). Следует оговориться, правда, что на нашем фрагменте лощение отсутствует, а его керамическое тесто не отличается хорошим качеством.

Грубой, пористой глиной отличается также обломок крупного сосуда с широким, почти цилиндрическим горлом (рис. 3, 2). Однако наиболее типичной формой этой группы на памятнике являются большие горшковидные зиры, несколько фрагментов которых было найдено на акрополе Каны (рис. 3, 4—6). Для южноаравийской керамики, и в частности для зиров, очень типичны кольцевые поддоны. Крупный обломок такого поддона с горизонтальным желобком около основания представлен в нашем собрании (рис. 3, 8).

В заключение следует признать, что керамика, собранная на вершине Хусн аль-Гураба А. Г. Лундиным и Л. В. Тугариным, несмотря на ее небольшое количество, достаточно показательна для понимания исторического развития порта Кана. В принципе она практически не отличается от керамического комплекса, характерного для нижнего города. Весьма показательна также, что в ее составе представлены все функциональные группы посуды: тарная (амфоры), столовая (кувшины, миски), кухонная (круглодонные лощенные кастрюли) и крупные сосуды (*зиры*) для хранения различных продуктов. Наконец, можно сделать заключение, что жизнь на акрополе протекала синхронно с развитием порта без заметных хронологических перерывов (ср.: [Дое 1971: 185]).

Литература

- Виноградов 1993: Виноградов Ю. А. Новые данные о южноаравийском порте Кана // АВ. Вып. 2. С. 72—79.
- Грязневич 1989: Грязневич П. А. Древний Хадрамаут в свете полевых исследований Советско-Йеменской экспедиции // ВДИ. № 2. С. 129—135.
- Седов 1989: Седов А. В. Археологические исследования в вадии Хадрамаут // ВДИ. № 2. С. 135—142.
- Ширинский 1977: Ширинский С. С. Новый памятник южноаравийской архитектуры I в. до н. э. // История и культура античного мира / Отв. ред. М. М. Кобылина. М. С. 202—205.
- Doe 1971: Doe B. South Arabia. London.
- Kennet 2002: Kennet D. Sasanian pottery in Southern Iran and Eastern Arabia // Iran. Vol. XL. London. P. 156—162.
- Melkawi et al. 1994: Melkawi A., 'Amr Kh., Whitcomb D. S. The excavation of two seventh century pottery kilns at Aqaba // ADAJ. XXXVIII. P. 447—468.
- Piotrovskij, Sedov 1994: Piotrovskij M. B., Sedov A. V. Field-Studies in Southern Arabia // ACSS. Vol. I/2. P. 202—219.
- Sedov 1992: Sedov A. V. New archaeological and epigraphical material from Qana (South Arabia) // AArchE. 3. P. 110—137.

Sedov 1994: *Sedov A. V. Qana' (Yemen) and the Indian Ocean. The archaeological evidence // Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean / Ed. by H. P. Ray, J-F. Salles. Manohar. P. 11—35.*

Sedov 1998: *Sedov A. V. Der Hafen von Qâni' — das Tor zum Jemen in frühchristlicher Zeit // Jemen. Kunst und Archäologie im Land der Königin von Saba' / Hrsg. von W. Siepel. Wien. S. 275—279.*

**ТРАКТАТ О МУЗЫКЕ «КАШФ АЛ-АВТАР»
КАСИМА ИБН ДУСТА АЛИ АЛ-БУХАРИ (XVI в.)
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕКИ БРИТАНСКОГО МУЗЕЯ**

А. Джумаев (Ташкент, Узбекистан)

В Коллекции Восточного и Индийского офиса Библиотеки Британского музея (The British Library, Oriental and India Office Collections) хранится небольшая рукопись трактата о музыке второй половины XVI в. на персидском языке под названием «Кашф ал-автар» (инвентарный номер Or. 2361), принадлежащая перу Касима ибн Дуста Али ал-Бухари¹.

Раннее упоминание об этом сочинении в составе рукописного сборника из 5 трактатов по музыкальной науке и суфийской тематике на персидском языке дает Чарльз Рье [Rieu 1895: 114—116]². В середине 30-х гг. XX столетия востоковед А. А. Семенов фактически повторяет по каталогу Рье описание этой сборной рукописи [Семенов 1938: 36—37; Рукопись: 36—37]. О сочинении Касима ибн Дуста он сообщает следующие сведения: «Листы 240б—246а. Трактат, называемый „Раскрытие Струн“ („Кашф ал-автар“), составил Касим-бен-Дуст-‘Али-ол-Бухари, поднесший его „великому моголу“ Акбару Великому (963/1556—1014/1605). Труд этот излагает разделения струн на музыкальных инструментах и, по существу, представляет разъяснение 6-го макама сочинения, которое под названием „Двенадцать Макамов“ („Дуваздах макам“) составил Дервиш-Хайдер-и-Туннани, поднеся его „великому моголу“ Хомаюну (937/1530—963/1556)».

Позже краткое описание рукописи «Кашф ал-автар» (наряду с другими сочинениями сборника) дает иранский ученый Мухаммад Таки Даниш Пажух в статье о средневековых трактатах по музыке на персидском языке [Мухаммад Таки Даниш Пажух 1992: 44]³. Он также констатирует, что

¹ Фотокопия рукописи была любезно предоставлена мне немецким ученым, специалистом по средневековым арабским рукописям Эххардом Нойбауэром. Одновременно мной было получено разрешение на публикацию и исследование данного источника из Библиотеки Британского музея (письмо за подписью куратора персидских и тюркских рукописей господина Muhammad Isa Waley от 11 июля 1996 г. в личном архиве автора статьи). Сообщение об этом источнике было опубликовано мной в сборнике статей Бухарского Государственного архитектурно-художественного музея-заповедника. См.: [Джумаев 2002: 43—50].

² В этот сборник трактатов о музыке входят также сочинения на арабском языке, которые составляют большинство.

³ Даниш Пажух ссылается на рукопись, описанную в Каталоге Тегеранского университета (Фихрист-и Данишгах. 3: 109), который нам оказался недоступным.

рукопись размещена четвертой по порядку на л. 240б—246а сборника из 5 различных сочинений (*маджму‘а-йи раса‘ил*), связанных с музыкальной наукой и суфийским слушанием (*сама‘*): 1) изречения законоведов по вопросу слушания мелодий и существующим здесь противоречиям; 2) сочинение о *сама‘*; 3) избранное из раздела о музыке «Даниш-наме»; 4) «Кашф ал-автар»; 5) известный трактат по музыкальной науке XIV в. «Канз ат-тухаф», рассматриваемый как аноним (л. 247а).

Насколько мне известно, сочинение Касима ибн Дуста так и не получило специального исследования, попадая, однако, в отдельные каталоги и описания рукописей по музыкальной науке. В то же время некоторые сочинения из данного сборника уже опубликованы и прокомментированы (см., в частности: [Three Persian Treatises on Music 1992]). Это обстоятельство позволяет предпринять специальное исследование трактата о музыке «Кашф ал-автар» и последующий перевод его на русский язык.

Название сочинения «Кашф ал-автар» можно перевести как «открывание», «открытие» либо «поиск струн» (*автар*). Многозначное слово *кашф*, как известно, очень часто использовалось суфийскими авторами для передачи процесса постижения сокрытого смысла.

Текст «Кашф ал-автар» не содержит внутреннего деления на главы и носит характер свободных рассуждений, посвященных одному важному для теоретиков и практиков вопросу. Сам автор скромно называет свой труд «черновой записью» (*мусаввада*) и «неграмотным введением» (*мукаддимат-и би нукте*) и не скрывает его зависимости от других трудов. Персидский текст трактата содержит много вкраплений на арабском языке. Рукопись переписана мелким каллиграфическим почерком *наста‘лик*, по 25 строк на одной странице, текст заключен в обычные рамки. Переписчик — Мухаммад Амин — переписал рукопись в Дели в 1075 г. х./1664 г. н. э. (л. 246а).

Сочинение написано в Индии музыкантом — выходцем из Средней Азии, возможно из Бухары. Во вступительной части трактата автор называет себя «бедняк ничтожный, известный как Касим ибн Дуст Али ал-Бухари (*факир-и хакир шахир*)» (л. 240б). Судя по наличию поэтических вставок (см.: л. 240б, стк. 8—9 и др.), он был не только музыкантом, но и — что типично для той эпохи — поэтом. Свой трактат Касим ибн Дуст создал в результате переработки отдельных глав сочинения своего современника Дарвиша Хайдара Туниййани, а также прямого заимствования большого фрагмента из «Трактата о музыке» известного бухарского музыканта, теоретика музыки и поэта Мавлана Наджм ад-Дина Кавкаби Бухари (уб. 1531), без ссылки на последнего⁴. Факт заимствования установлен мной путем текстологического сопоставления двух сочинений⁵.

⁴ О нем см., в частности: [Рашидова 1972: 365—375; Джумаев 1995: 112—114; Джумаев 1997: 27—37; Раджабов 2003: 68—71].

⁵ Ср.: Кашф ал-автар, л. 240б, стк. 17—24; л. 241а, стк. 1—3; *Наджм ад-Дин Кавкаби*. Макамаат ал-‘алиййе: Рукопись СПбФ ИВ РАН, инв. № В 2257, л. 262а, стк. 14—17, л. 262б, стк. 1—13; *Он же*. Рисале-йи мусики: Рукопись Института востоковедения им. Беруни АН РУз, инв. № 468/IV, л. 64а, стк. 9—21, л. 64б, стк. 1.

Несмотря на компилятивный характер, «Кашф ал-автар» заслуживает внимания по нескольким причинам: 1) трактат связан с бухарской и — шире — среднеазиатской научной музыкальной традицией (на это указывает *нисба* автора и источники, на которые он опирается, — использование фрагментов текста Кавкаби, ссылки на Касима Кахи и др.); 2) он отражает музыкальные связи Средней Азии и Индии позднего времени; 3) посвящен трактат ставшей уже редкой для того времени проблеме разделения струны и образования семнадцати тонов (в этом смысле название труда — «Открытие струн» — «Кашф ал-автар» — в точности соответствует его содержанию); 4) в нем имеются различные сведения и суждения, характеризующие музыкально-эстетические представления той эпохи; 5) трактат проливает свет на содержание не известного нам сочинения Дарвиша Хайдара Туниййани.

История создания «Кашф ал-автар» прослеживается в его вступительной части. В ней необходимо выделить три существенных момента: переезд автора в Индию, знакомство и близкое общение с музыкантом и по этому Касимом Кахи и обращение, под плодотворным влиянием последнего, к написанию труда на основе трактата о 12 *макамах* Дарвиша Хайдара Туниййани.

Сообщая о своем переезде в Индию, Касим ибн Дусти приводит достаточно типичные для той эпохи объяснения, ставшие во многом культурно-историческим штампом⁶: «Из-за вращения кругов времен и по причине нестройности эпох [автор] выступил за [пределы своей] привычной родины и пришел в страну Индию [*кишвар-и Хинд*]» (л. 240б). В тексте не сказано прямо, откуда именно автор выехал в Индию. Предположительно, это могла быть Бухара, хотя данный вопрос остается открытым.

В Индии Касим ибн Дусти познакомился с Касимом Кахи, человеком необычайно широких культурных интересов — известным поэтом, остроловом, теоретиком музыки, который, по сведениям ряда источников, родился под Самаркандом в Мианкале и прожил 120 лет, создав наряду с поэтическим диваном также научные трактаты по музыке⁷. Касим ибн Дусти получил возможность принимать участие в его *маджлисах* (собра-

⁶ Аналогичные мотивы называет музыкант и автор трактата о музыке Бакийя-йи Наини (XVII в.), также переселившийся в Индию, см.: «Замзама-йи вахдат». Рукопись ИВ АН РУз, № 10226/II, л. 4а. На эпоху жалуется Наджм ад-Дин Кавкаби: «Царственный боец за мусульманскую веру, ‘Убайд Аллах-хан, — [да] распространит навечно Всевышний Господь [свою] защиту на всех мусульман до Судного дня, — оказал благосклонный прием [данного] сочинения [«Трактата о музыке» — А. Д.]. Он принял сочинение, хотя вращение превратностей времени и круг нестройной эпохи не соответствуют этому виду напева» (рукопись СПбФ ИВ РАН, № В 2257, л. 262а; рукопись ИВ АН РУз, № 468/IV, л. 63б). См. также об этом: Аноним. Хада’ик ан-нагамат. Рукопись Oghan Gazi Cami Kutuphanesi, Bursa, шифр Ulu Cami 2655. Цитируется по фотокопии из коллекции микрофильмов Курта Райнхарда, Свободный Университет Берлина, VVe 114, л. 94б.

⁷ См. о Мавлана Касиме Кахи: [Мутриби Самарканди 1998: 316—317; Хусайнкули Хан ‘Азим Абади 1986: 1306—1310]; Дарвиш Али Чанги. Рисале-йи мусики. Рукопись Института востоковедения им. Беруни АН РУз, инв. № 449, л. 88а—89а; [Семенов 1946: 62—63; Кариева 1986: 98—99; Иномхожаев 1986: 133, 134—135 (здесь приведена библиография о Кахи)].

ниях), где «долгие часы ночей и дней проходили в дискуссиях о музыке и в спорах о науке кругов [*'илм-и адвар*], в служении приятным соратникам и верным друзьям, каждый из которых был несравненным и бесподобным в практике [*'амалиййат*]» (л. 240б).

Благодаря счастью нахождения в свите «покорителя *маджлисов*», святого господина, защитника *иршада*, «известного среди арабов и персов» (*ал-ма'руф байн ал-'араб ва-л-'аджам*) Касима Хахи и общению с последним у Касима ибн Дуста появилось желание написать сочинение о музыке, и он «приложил усилия в раскрытии, выяснении и разъяснении разделения струны в извлечении [на ней] семнадцати тонов, которые являются горизонтом [*афак*] вопросов этого ремесла и сложнейшим предметом спора в этой науке» (л. 241а).

Знакомясь с трудами в этой области, Касим ибн Дуст остановил свой выбор на сочинении Дарвиша Хайдара Туниййани «Трактат о двенадцати макамах» («Рисале-йи Дуваздах макама»). Однако основой для сочинения ему послужил не весь труд, а лишь его шестая (*макам-и шаиум*) и, частично, третья (при определении понятия «интервал») главы. Не известный нам на сегодня «Трактат о двенадцати макамах» был составлен (*тасниф намуд*) «*муришдом* бранным, мистиком благочестивым Дарвишем Хайдаром Туниййани, который из [числа] предводителей мужей этой тонкой науки [*'илм-и дакик*]» (л. 241а). Свое сочинение Дарвиш Хайдар Туниййани посвятил и представил Насир ад-Дину Мухаммаду Хумайуну, сыну Бабур, известному правителю из династии Великих Моголов (1530—1556; ум. 1556). Ко времени составления «Кашф ал-автар» Хумайун и Хайдар Туниййани уже ушли из жизни, о чем свидетельствует добавление Касимом ибн Дустом к их именам традиционной фразы об умерших: для Хумайуна — «Да осветится лучом Аллаха его могила и его второй Машхад» (л. 241а).

Касим ибн Дуст, в свою очередь, посвящает свой трактат преемнику Хумайуна Великому Моголу Джалал ад-Дину Мухаммаду Акбару (1556—1605) (л. 241а). Таким образом, наличие ряда имен музыкантов и посвящение Акбару позволяют относительно точно датировать время появления источника. Трактат был создан после смерти Хумайуна (1556), во время правления Акбара. В то же время, ссылка на Касима Хахи (дата смерти которого относится к 988 г. х./1581 г. н. э.) как еще здравствующего («пусть Аллах продлит его жизнь...», л. 241а), позволяет сделать уточняющий вывод: трактат написан между 1556 и 1581 гг.

В трактате имеются ссылки на таких теоретиков музыки и музыкантов, как: Касим Хахи, Муршид-и фани Дарвиш Хайдар Туниййани, автор сочинений по музыкальной науке «Шарафиййа» и «Адвар» (*сахиб-и Шарафиййа, сахиб-и Адвар*), Сафи ад-Дин 'Абд ал-Му'мин (Урмави, XIII в.)⁸, который упомянут дважды, в одном случае сыном (*валид*) господина Ходжа 'Абд Аллаха Марварид (л. 242а), а в другом — его отцом (л. 246а). Ходжа 'Абд Аллах Марварид, известный деятель культуры — поэт, каллиграф, музыкант, теоретик музыки и др., жил и творил в эпоху Хусайна

⁸ О Сафи ад-Дине Урмави см.: [Neubauer 1995: 805—807].

Байкары в Герате⁹. Автор энциклопедии наук «Нафайис ал-фунун фи ‘арайис ал-‘уйун» Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули (ум. после 753/1352) — «из [числа] пронизательных (мужей) этой науки» (л. 242а). Все эти личности достаточно хорошо известны в истории культуры и музыкальном востоковедении, за исключением Дарвиша Хайдара Туниййани, и потому эта фигура заслуживает особого внимания. Он упомянут в трактате Касима ибн Дуста дважды (л. 241а, 242а), и, по-видимому, основная часть «Кашф ал-автар» — это подробный пересказ, если не прямое цитирование, шестой главы сочинения Туниййани — о разделении струны на семнадцать тонов.

Имя Касима ибн Дуста Али ал-Бухари обнаружено мной в трактате анонимного автора под названием «Хада’ик ан-нагамат» («Цветник мелодий»), хранящемся в библиотеке (*кутупхане*) Орхан Гази Джами в г. Бурса (Турция). Автор говорит об опоре на труды своего предшественника, а затем также рассматривает вопрос о разделении струны на 17 тонов: «Этот ничтожный, следуя стопами постижения автора книги Касима ибн Дуста Али ал-Бухари, нанизал на цепь поэзии некоторые из отдельных *шу’батов*, так что стало ясным, под каким именем известно каждое из тех составленных ответвлений и из каких тонов [образован] его состав»¹⁰.

Не исключено, что автор «Хада’ик ан-нагамат» был лично знаком с Касимом ибн Дустом. Его трактат принадлежит к той же эпохе и научной традиции, что и сочинение Касима ибн Дуста. Он также содержит посвящение падишаху Акбару и ссылки на аналогичный круг музыкантов и теоретиков музыки: Мавлана Касим Кахи (л. 95а, 130а), *Фазил-и Бухари* Мавлана Наджм ад-Дин Кавкаби (л. 99а, 101б, 102б, 108а, 108б, 111б, 114б, 127а), Арифа Туниййани (также в форме Туни) и его труд «Рисалейи Дуваздах макам» (103а, 105а, 115б, 119б, 121б) и других музыкантов. Между всеми этими источниками обнаруживается прямая связь и взаимовлияние. Это позволяет говорить о существовании научно-музыкальной школы, которая сложилась и развивалась в середине—второй половине XVI в. в Индии благодаря культурной деятельности и покровительству двух крупных правителей — Хумайуна и Акбара. В ней сохранялась преемственность научного знания, а одной из особенностей было прямое продолжение идей Наджм ад-Дина Кавкаби Бухари.

Трактат «Кашф ал-автар» проникнут суфийскими настроениями и идеями. Они сосредоточены в преамбуле сочинения до появления основной части (после слова *амма ба’д*). Здесь приводятся славословия Аллаху, возносимые «соловьями цветника утреннего похмелья», цитируется известный аят из Корана: «Вспомните же меня, и я вспомню вас» (Коран, сура II, аят 152), обычно привлекавшийся в суфийских сочинениях для обоснования практики *зикра*. Обыгрывание в тексте слова *накибандан*

⁹ См. о Ходже ‘Абд Аллахе Марвариде: [Алишер Навоий 1999: 70; Захир ад-Дин Бабури 1958: 203, 211; Дарвиш Али Чанги: № 449, л. 2б, 5б, 59а—59б].

¹⁰ Хада’ик ан-нагамат. Рукопись Orhan Gazi Cami Kutuphanesi, Bursa, шифр Ulu Cami 2655. Цитируется по фотокопии из коллекции микрофильмов Курта Райнхарда, Свободный Университет Берлина, VVe 114, л. 112а.

(*накибандан-и маджлис*) — ‘художники маджлиса’ указывает на приверженность либо принадлежность Касима ибн Дуста к тарикату *накибандийя*. Примечательно, что и большой фрагмент текста, заимствованный из трактата о музыке Кавкаби, также связан с суфийской темой.

Основная часть трактата посвящена, как уже было отмечено, вопросу разделения струны и извлечения из нее 17 тонов (*нагамат-и хафдагане*). Она начинается на л. 241б, где автор переходит к пересказу шестой главы сочинения Туниййани «Рисале-йи Дуваздах макам», состоящего из 12 глав (*макамов*)¹¹. В начале рассматриваются основные термины, применяемые при изложении данного вопроса и принадлежащие к разряду хрестоматийных сведений. Для обозначения струны практики применяют термин *тар*. Струны существуют у таких инструментов, как *танбур*, *уд*, *канун* и подобных им. По наличию струн выделяется группа инструментов, называемых «струнными инструментами» (*алат-и зават ал-автар*). Существуют также духовые инструменты (*алат-и зават ан-нуфх*) и прочие (ударные). Затем он рассматривает причины «высоты и низкости» (*хиддат ва сикл*) звуков, извлекаемых из струны, а после этого поясняет термин *дастан* как особые отметки (*аламат*) на грифах струнных инструментов, существующие для того, чтобы определить, из какой части извлекается каждый тон (*нагма*). *Дастаны* обозначаются также словом *парде*, «следовательно, дастан и *парде* являются словами-синонимами» (л. 242а).

Затем автор излагает вопрос о мелодиях (*алхан*), образуемых из 17 тонов. Он различает два значения термина *алхан*: как обозначение пения (*лахн кардан*) и голоса в качестве синонима термина *аваз*, приводя в пример выражение «сладкоголосый соловей» (*булбул-и хуш алхан*). У практиков этого искусства под термином *лахн* подразумевается совокупность различных по высоте и низкости тонов, между которыми установлены благозвучные отношения, и каждый из них может стать заместителем другого либо они подобны друг другу, вследствие чего человек от слушания этих тонов получает наслаждение (*лаззат*).

Автор приводит определения интервала (*бу’д*) по Сафи ад-Дину Абд ал-Му’мину Урмави и Мухаммаду ибн Махмуду ал-Амули и — более развернутое — из третьей главы упомянутого трактата Дарвиша Хайдара Туниййани (л. 242а). Первые два определения (Урмави и Амули) являются практически точными цитатами из трудов этих авторов: «Интервал [*бу’д*] — это совокупность различных тонов по высоте и низкости»; «сочетание [*та’лиф*] между двумя различными по высоте и низкости тонами называют интервалом»¹². Определения Урмави и Амули в том же порядке приведены в самом начале четвертой главы «Об определении [терми-

¹¹ Традиция использовать слово *макам* для обозначения «главы», начавшаяся, по видимому, в XVI в., впервые введена Наджм ад-Дином Кавкаби в его «Трактате о музыке». Этим подчеркивался основной смысл сочинения и особое значение излагаемой темы (*макамат*).

¹² Ср.: [Сафи ад-Дин ‘Абд ал-Му’мин ал-Багдади 1961: Л. 26; Сафи ад-Дин Абд ал-Му’мин ал-Урмави ал-Багдад 1980: 54; Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули: № ПНС 81, л. 334а].

нов] бу'д, джисн и джам' „Трактата о музыке“» Наджм ад-Дина Кавкаби Бухари, что, возможно, указывает на заимствование их Касимом ибн Дустом не из самих источников, а у Кавкаби¹³.

Далее следует определение *джам'а* (ладового звукоряда), после чего излагается основной вопрос труда — разделение струны (л. 242б и далее). Оно имеет практическую направленность, что подчеркивается частыми ссылками на практику и отношением к способу разделения мастеров (*устадан*), «совершенного музыканта» (*мутриб-и камил*), «людей этого искусства» (*ахл-и ин сан'ат*), «практиков этого ремесла» (*арбаб-и ин фан*) и т. п. При разделении вводится традиционное обозначение струны *алиф* — *мим*. Струна последовательно делится на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и т. д. до 17 частей, для каждой из которых применяется соответствующее буквенное обозначение по системе *абджада*.

Очевидно, что трактат Касима ибн Дуста заслуживает дальнейшего специального изучения, перевода на русский язык и комментирования. Параллельно с этой работой необходимо также предпринять поиски трактата Дарвиша Хайдара Туниййани «Рисале-йи Дуваздах макам». Обнаружение последнего позволило бы провести сравнительное изучение текстов двух источников с целью установления степени заимствования и достоверности цитирования в трактате Касима ибн Дуста.

Литература

Алишер Навоий 1999: *Алишер Навоий*. Мукаммал асарлар туплами. Йигирма томлик. 15 том. Хамсат ул-мутахаййирин. П. Шамсиев матни асосида таржима ва изоҳларни тулдириб, нашрга тайёрловчи: Суйима Ганиева. Тошкент.

Дарвиш Али Чанги: *Дарвиш Али Чанги*. Рисале-йи мусики. Рукопись ИВ АН РУз, № 449, л. 2б, 5б, 59а—59б.

Джумаев 1995: *Джумаев А.* Наджмиддин Кавкаби Бухари и Бухарская школа макамата // Узбекистан — вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура: Тез. III Междунар. симпоз. Бухара.

Джумаев 2002: *Джумаев А.* Трактат о музыке «Кашф ал-автар» Касима ибн Дуста Али ал-Бухари: предварительное сообщение // Из истории культурного наследия Бухары. Вып. 8 / Отв. ред. Г. Н. Курбанов. Бухара.

Захир ад-Дин Бабур 1958: *Захир ад-Дин Бабур*. Бабур-наме / Пер. М. Салье. Ташкент.

Иномхожаев 1986: *Иномхожаев Р.* Сведения «Аин-и Акбари» о среднеазиатско-индийских литературных связях // Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент.

Кариева 1986: *Кариева Н. С.* Представители культуры Средней Азии в Индии во второй четверти XVI в. // Из истории культурных связей народов Средней Азии и Индии. Ташкент.

¹³ Ср.: «Автор „Шарафийа“ Сафи ад-Дин ‘Абд ал-Му’мин, да будет чист его прах! — говорил, что интервал — соединение двух тонов по высоте и низкости. А автор „Нафайис ал-фунун“ Мухаммад бин Махмуд ал-Амули, да будет доволен им Аллах, говорил: „Интервалом называют соединение между двумя различными тонами по высоте и низкости“» ([Наджм ад-Дин Кавкаби: № В 2257, л. 264а; Рисале-йи мусики: № 468/IV, л. 65а—65б]).

Мутриби Самарканди 1998: *Мутриби Самарканди*. Нусха-йи зйбаи Джахангир. Бе кушаш-и Исмаил Бик Джануф ва Саййид Али Муджани. Тегеран.

Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули: *Мухаммад ибн Махмуд ал-Амули*. Нафайс ал-фунун фи 'арайис ал-'уйун. Рук. РНБ (Санкт-Петербург), инв. № ПНС 81, л. 334а.

Мухаммад Таки Даниш Пажух 1992: *Мухаммад Таки Даниш Пажух*. Сад ва си-у-анд асар-и фарси дар мусики (5) // Хунар ва мардум. С. 44. Three Persian Treatises on Music: Ibn Sina's «Discourse on Music» from Danish Nama-i 'Ala'i, Ikhwan al-Safa's «Treatise on Music», Kanz al-Tuhaf / Ed. by Taghi Binesh. Tehran (Persian text).

Наджм ад-Дин Кавкаби: *Наджм ад-Дин Кавкаби*. Макамат ал-'алиййе. Рук. СПбФ ИВ РАН, № В 2257, л. 264а.

Раджабов 2003: *Раджабов А.* Кавкаби Бухорои // Таджикская музыка. Душанбе.

Рашидова 1972: *Рашидова Д. А.* Наджмиддин Кавкаби Бухори // История и современность. Проблемы музыкальной культуры народов Узбекистана, Туркмении и Таджикистана. М.

Рисале-йи мусики: Рукопись ИВ АН РУз, № 468/IV, л. 65а—65б.

Рукопись Научно-исследовательского института искусствознания Академии художеств Узбекистана. МИ С30. № 109.

Сафи ад-Дин 'Абд ал-Му'мин ал-Багдади [ал-Урмави] 1961: *Сафи ад-Дин 'Абд ал-Му'мин ал-Багдади [ал-Урмави]*. Китаб ал-адвар / Издание Хусайна Али Махфуза. Багдад.

Сафи ад-Дин Абд ал-Му'мин ал-Урмави ал-Багдад 1980: *Сафи ад-Дин Абд ал-Му'мин ал-Урмави ал-Багдад*. Китаб ал-адвар. Шарх ва тахкик ал-Хадж Хашим Мухаммад ар-Раджаб. Багдад.

Семенов 1938: *Семенов А. А.* Библиографический указатель восточной и европейской литературы о восточной музыке. Ташкент (68 с. + 5 стр. предисл., без нотн. примеров).

Семенов 1946: *Семенов А. А.* Среднеазиатский трактат по музыке Дервиша Али (XVII век): Сокращенное изложение персидского (таджикского) текста с введ., примеч. и указат. Ташкент.

Хусайнкули Хан 'Азим Абади 1986: *Хусайнкули Хан 'Азим Абади*. Тазкире-йи Ништар-и ишк. Ч. 4. Душанбе.

Djumaev 1997: *Djumaev A.* Najm al-Din Kaukabi Bukhari and the Maqam Theory in the 16th to 18th Centuries // The Structure and Idea of Maqam. Historical Approaches. Proceedings of the Third Conference of the ICTM Maqam Study Group. Tampere-Virrat, Finland, 2—5 October 1995 / Ed. by J. Elsner and R. Pekka Pennanen. Tampere.

Rieu 1895: *Rieu Ch.* Supplement to the Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum. London

Neubauer 1995: *Neubauer E.* Safi al-Din al-Urmawi // EIsl. Vol. VIII.

ЗАМЕТКИ О НЕКОТОРЫХ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТАМГАХ*

Дж. Я. Ильясов (Ташкент, Узбекистан)

Знаки собственности, распространенные на территории Евразии и известные под названием *тамга* (или *нишан*), несут важную историческую информацию и издавна привлекают внимание специалистов. На сегодня в наибольшей степени изучены сарматские знаки, которым посвящены ряд статей и монографий [Jänichen 1956; Соломоник 1959; Dračuk 1972; Драчук 1975; Алексеев 1991]. Недавно издана обобщающая работа, включающая, помимо сарматских, также и значительное количество среднеазиатских материалов. Речь идет о монографии С. А. Яценко [Яценко 2001]. В этой ценной работе собраны вместе многие сотни образцов тамг, принадлежавших в основном ираноязычному кочевому и оседлому населению Евразии, проделан большой труд по систематизации знаков и их интерпретации применительно к истории сарматских племен и тесных взаимоотношений последних с окружающим миром, прежде всего со Средней Азией. Не умаляя несомненных достоинств работы, хотелось бы дополнить ее некоторыми соображениями о нескольких среднеазиатских тамгах.

В статье, опубликованной в 1998 г. и посвященной орлатским поясным пластинам, мы обращали внимание исследователей на тамгу (а точнее — тавро), нанесенную на круп одного из коней, изображенных в сцене сражения (табл. I, I), и высказывались в том смысле, что было бы интересно найти соответствие этому знаку среди многочисленных тамг кочевников [Шуафов, Rusanov 1998: 112]. За прошедшее время значительного прогресса в освещении этого вопроса, к сожалению, не достигнуто. В. П. Никоноров и Ю. С. Худяков упоминают, в связи с наличием тамги на крупе орлатского коня, одну из таштыкских лошадей с тамгой на крупе, изображенную на тепсейских деревянных планках [Никоноров, Худяков 1999: 147, рис. 3, 2]. С. А. Яценко приводит в качестве аналогий тамгу на фигурке коня, представляющей собой ручку сарматского серебряного кубка I в. н. э. из погребения в Порогах, а также тамгу, украшающую бедро коня на хорезмийской фляге III в. н. э. с рельефным изображением всадника из Кой-Крылган-Калы. Кроме того, он отмечает, что «в Западном

* Работа выполнена при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта (Германия).

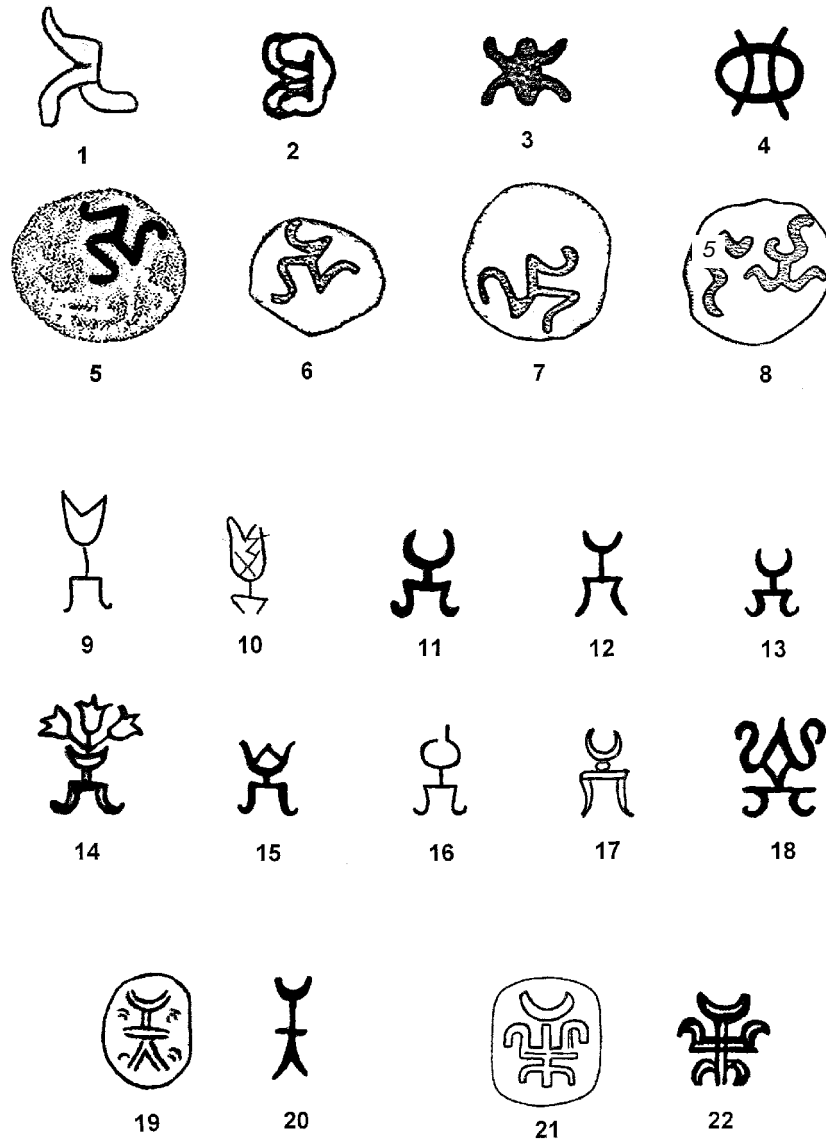

Табл. I. Тамги (1—22)

и Центральном Предкавказье, где обычаи, связанные с тамгами, во всех известных элементах восходят к сармато-аланской традиции», манера клеймения коня высоко на левом бедре «еще недавно рассматривалась как свидетельство княжеского достоинства его хозяина» [Яценко 2000: 90, примеч. 18, рис. 2, б]. Все эти интересные аналогии касаются, однако, самого обычая клеймения, ничего не проясняя относительно той тамги,

что украшает коня одного из орлатских всадников. С сожалением нужно отметить, что не совсем правильные воспроизведения орлатской тамги в вышеназванных работах (табл. I, 2, 3) отнюдь не способствуют ее правильной интерпретации. В наибольшей степени это замечание касается работ С. А. Яценко, который упоминает орлатскую тамгу также в своей монографии, отмечая ее уникальность, и приводит на рис. 28, 130 вариант все того же несуществующего (во всяком случае, на орлатском изображении!) знака, что и в своей статье [Яценко 2001: 97, рис. 28, 130] (табл. I, 4). Понимая, что исследователи могли быть введены в заблуждение не совсем точной прорисовкой данной детали¹ и не совсем качественными воспроизведениями в различных публикациях, мы приводим здесь прорисовку тамги, сделанную по увеличенной фотографии оригинала (табл. I, 1). Надеемся, что это поможет более точной интерпретации рассматриваемой тамги в будущем. Что касается нашего мнения, то на сегодня можно сказать следующее. По сути, орлатская тамга представляет собой трехконечный знак, отличающийся, правда, и от классического «трискеле», и от различных других вариантов трехконечной свастики. Ее отличие в том, что один из концов обращен в противоположную сторону и форма знака несимметрична. Нам пока не удалось найти ему точную аналогию. Из всех среднеазиатских знаков, как нам кажется, орлатская тамга более всего напоминает тамгу, помещенную на некоторых из выпусков медных хорезмийских монет (тамга Т8 по Б. И. Вайнберг), а именно на типах Б²V/5, Б²14—16 [Вайнберг 1977: 35, 40, 54, 56—57, табл. 11, 15, 17, 27, 29] (табл. I, 5—8). Тип Б²V/5 относится к чекану царя Вазамара, правившего, по мнению Б. И. Вайнберг, в последней трети III в. н. э. [Вайнберг 1977: 55]. На монетах типа Б²14 имеется надпись, содержащая имя и титул: sy'wsprš MLK' — «[обладающий] черными жеребцами, царь» (чтение В. А. Лившица), а типы Б²15, 16 представляют собой «как бы упрощенный вариант чекана без надписи» [Вайнберг 1977: 56]. Отметим, что тамга Т8 на монетах типа Б²16 является зеркальным отражением знаков на монетах типов Б²14 и 15, то же можно сказать о варианте этой тамги на монетах типа Б²V/5. Монеты типов Б²14—16 с тамгой Т8 выпускались, вероятно, в конце III—начале IV в. н. э., они в большом количестве найдены на городище Топрак-калы [Вайнберг 1977: 35, 57]. Подчеркнем, что речь идет не об идентичности орлатской тамги и хорезмийских знаков, но об их относительной близости в пределах доступных автору сравнительных материалов. Весьма миниатюрные размеры орлатского изображения тамги (примерно 2×2 мм) допускают вероятность того, что резчик мог несколько исказить очертания этого знака. С другой стороны, орлатская гравировка отличается очень большой точностью в отображении самых мелких деталей. Поскольку знаки все же не идентичны, воздержимся от спекуляций по поводу связей кочевников Согда и правителей Хорезма.

¹ Нужно подчеркнуть, что прорисовка изображений на орлатских пластинах, выполненная А. Исламовым, опубликованная впервые Г. А. Пугаченковой и воспроизведенная в ряде работ, в том числе и в наших статьях, в целом очень точна. Что касается тамги, то она несколько искажена и на прорисовке А. Савина, фрагмент которой опубликован Э. Иштванович и В. Кульчар [Istvanovits, Kulcsar 1998: рис. 11].

Напомним только об основанном на данных китайских хроник мнении о происхождении династий Хорезма, Бухары и Самарканда от т. н. «юэцжей дома Чжаову» ([Смирнова 1970: 24—27; Вайнберг, Новгородова 1976: 69—72; Вайнберг 1977: 73—77; 1999: 274, 277]; В. А. Лившиц не склонен в этом вопросе доверять данным китайских хроник, считая эти сведения легендарными [Лившиц 1979: 60]). Б. И. Вайнберг, придерживающаяся этого мнения, категорически возражает против вхождения Согда в состав Кангюя; автор данной статьи, как и целый ряд других исследователей, является сторонником противоположного взгляда [Литвинский 1968: 14—23; Пугаченкова 1989: 177—178, 181; Габуев 1999: 99—116]² и в орлатских персонажах, вслед за Г. А. Пугаченковой [Пугаченкова 1987: 56—65; 1989а: 96—110], видит кангюйцев³. И в этом нет противоречия с точкой зрения Б. И. Вайнберг о том, что появление тамг солярного типа (Т7 и Т8) в Хорезме «как будто бы представляется возможным связать с районом Средней Сырдарьи». С этой точки зрения сходство орлатского и хорезмийского знаков вполне оправданно.

Следующий знак, на котором хотелось бы остановиться, уже был предметом наших рассуждений. Речь идет о тамге, процарапанной на правом плече терракотовой лепной статуэтки коня, найденной в топке заброшенной печи на городище Дальварзин-тепе в Северном Тохаристане (табл. I, 9). Мы увидели в этом знаке, а также в знаке, процарапанном на штукатурке в «доме богатого домовладельца» (раскоп ДТ-6 на Дальварзин-тепе) (табл. I, 10), сходство с тамгой алхонов (тамга S 1 по Р. Гёблю) (табл. I, 11, 12), известной по многочисленным монетам и некоторым геммам [Ильясов 1999а: 32—41; Пуясов 2001: 196, табл. I, 8; IV, 5—12]. Против подобного сопоставления решительно возразил С. А. Яценко, который считает, что наша попытка «содержит множество необоснованных натяжек и, к сожалению, не может быть принята» [Яценко 2001: 99]. Разумеется, можно спорить, насколько точно соответствует форма тамги алхонов и дальварзинских знаков. Однако при анализе сходства или различия знаков нельзя не учитывать то обстоятельство, что они нанесены на разные по материалу (монетный штемпель, сырая глина еще не обожженной статуэтки, штукатурка на стене) и размерам поверхности, и что нанесли их не всегда с одинаковым тщанием. Поэтому вариации в начертании знаков вполне допустимы. С этой точки зрения все три основные составляющие части тамги алхонов — подставка на изогнутых ножках, вертикальный стержень и верхний элемент в виде полумесяца, обращенного рожками вверх⁴, — находят свои соответствия в тамге, изображенной на терракоте, что мы и попытались показать [Ильясов 1999а: 32—41]⁵, тем

² См. ниже, примеч. 15.

³ О датировке орлатских пластин I—II вв. н. э. и их интерпретации см. наши статьи: [Пуясов, Русанов 1998: 107—159; Ильясов 2001: 20, 23—24; Пуясов (в печати)].

⁴ Р. Гёбль дает такое «чтение» данной тамги: «Halbmond über gestürztem Wagen» — «полумесяц над перевернутой повозкой», см.: [Göbl 1976: 146, 147, N 659, 662, Tab. 46].

⁵ Другое дело, что в статье 1999 г., мы, к сожалению, обозначили тамгу S 1 как эфталитскую, хотя правильнее было бы, как неоднократно подчеркивал Р. Гёбль, говорить о ней как о **тамге алхонов**.

более что сами монеты алхонов дают разные варианты начертания тамги, в том числе с завершениями в виде цветка [Göbl 1967: II, 207; IV, табл. 14, I, 10; 15, 84; 17, I, 10, 84] (табл. I, 14, 15). Конечно, нужно признать, что до новых бесспорных находок тамги S 1 в Чаганиане настаивать на нашей интерпретации сложно.

Следует упомянуть еще один знак, неоднократно опубликованный С. А. Яценко и имеющий, на наш взгляд, сходство с тамгой алхонов. Речь идет о тамге, вырезанной на каменном изваянии № 1 из святилища Байте III на Устюрте, по Яценко — знак местного происхождения, не имеющий точных аналогий [Яценко 1992: 195—198, рис. 1, 5; Ольховский, Яценко 2000: 295—315, рис. 1; рис. 5, IIб, 3; Яценко 2001: 16, II] (табл. I, 16). Дополнительный элемент, отходящий от правого рожка полумесяца вверх, только наличие которого, собственно, и отличает тамгу из Байте от классической тамги алхонов S 1, кажется, вполне вписывается в предложенные С. А. Яценко строгие критерии определения сходства знаков, по которым родственными можно считать тамги, отличающиеся, в частности, «одной маленькой дополнительной линией на одном из концов (прямая, дуга, крючок)» [Яценко 2001: 19].

Тамга S 1 встречается, помимо многочисленной группы монет алхонов, изученной Р. Гёблем, также на хионитских печатях [Ставиский 1961: 54—56; Staviskij 1960: 102—108, табл. III, 2, 2a]⁶, а кроме того, известна среди оттисков печатей на позднесасанидских глиняных буллах (табл. I, 13), найденных в храме огня Атур Гушнасп (Тахт-е Сулейман) в Иранском Азербайджане и датированных в пределах ста лет с конца правления Кавада I (484/488—497, 499—531) [Göbl 1976: 13, 23, 146, 147, N 659, 662, табл. 46; Jänichen 1956: 22, табл. 23: 48]. Возможно, что появление тамги алхонов среди сасанидских материалов объясняется заимствованием, обусловленным тесным хионито-эфталито-сасанидским взаимодействием на протяжении IV—VI вв. (напомним, что сын шаханшаха Пероза Кавад был женат на эфталитской принцессе). Не исключено, что начало процесса заимствования демонстрирует вариант тамги S 1 (вместо вертикального стержня, соединяющего подставку и полумесяц, имеется небольшой кружок, см. табл. I, 17), помещенный на динарах, битых по образцу кушанских монет (л. с. — стоящий правитель, об. с. — Ардохшо на троне с кушанской короной вместо инвеститурного венка в правой руке) и несущих бактрийскую надпись «Пероз кушаншах». Тамга помещена на оборотной стороне, слева от трона богини [Göbl 1967: III, Tab. 1, 17; 1984: 40, Tab. 35, 555; Tab. 164; Tab. VIII, тамга 10]. По мнению Р. Гёбля, это монеты, битые в честь победы над кушанами сасанидского шаханшаха Шапура II (309—379), а «Пероз» означает не имя кушаншаха из сасанидских принцев, а просто эпитет «Победитель» [Göbl 1967: I, 16—17; II, 292; 1984: 81]. Дж. Крибб относит эти монеты к чекану сасанидского кушаншаха Пероза (I), правившего по предложенной им хронологии кушано-

⁶ П. Кальери недавно отнес две геммы с мужскими портретами и тамгой S 1 к группе кидаритских печатей (класс II), изготовленных в Афганистане в конце IV—начале V в., см.: [Callieri 1998: 116, 121, 227—228, tab. 22: Cat. 7. 30, tab. 25: Cat. 7. 42; 1999: 279—281, tab. 1, 3].

сасанидских правителей примерно в 245—270 гг. [Cribb 1990: 161, 171, 188, tab. 4: 30]. Появление на кушано-сасанидских монетах тамги S 82 (табл. I, 18) и других близких знаков, не имеющих сасанидского происхождения, но родственных тамге S 1 (знаки S 10 (табл. I, 15), S 77), Р. Гёбль объяснял тем, что подчиненные персами кушаны или кидариты и хиониты играли столь важную роль в качестве союзников-федератов в этих пограничных владениях, что различные принадлежащие им знаки проставлялись на монетах, выпускавшихся в восточноиранских владениях Сасанидов (в виде признания их заслуг и политико-экономических интересов?) [Göbl 1967: II, 208]. В связи с вышесказанным уместно вспомнить известное сообщение Аммиана Марцеллина об участии хионитов царя Грумбата, в качестве союзников Шапура II, в осаде сирийского города Амида в 359 г.

Завершая заметки о тамге S 1, коснемся еще одного вопроса. В своей монографии Х. Йенихен на табл. 24 под рубрикой «Сасанидские знаки» поместил тамгу S 1 с подписью «Хормизд II как кушаншах» [Jänichen 1956: табл. 24]. По-видимому, эта информация, прямо или опосредованно, послужила основой для С. А. Яценко, который на рисунке 33 в своей монографии привел тамгу S 1 уже как знак шаханшаха Хормизда II [Яценко 2001: 148, рис. 33, *c11*]. Причина появления тамги-фантома, вероятно, в том, что в свое время вышеупомянутые монеты Пероза (I) = Шапура II приписывали кушаншаху Хормизду [Göbl 1967: I, 16, примеч. 31; II, 203 (примеч. 170 — критика Х. Йенихена), 292; 1984: 81].

Обратимся к тамге, представленной на зеркале-подвеске из погребения 106 (II в. н. э.) могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму, которая отнесена С. А. Яценко к типу 5 (табл. II, 1). Он видит отдаленную аналогию ей на гире из Танаиса (табл. II, 2), а о параллелях в согдийской нумизматике упоминает как-то вскользь [Яценко 2001: 92]. Нам представляется, что на примере данной тамги можно несколько конкретизировать наблюдения о связях между сарматскими и среднеазиатскими знаками, а также попытаться рассмотреть некоторые события среднеазиатской истории.

Начнем с того, что гораздо раньше, чем на согдийских монетах, рассматриваемая тамга — тамга S 2 по Р. Гёблю — появляется на других территориях. С территории Кангюя (из района Средней Сырдарьи, памятник Ак-Тобе 2) мы имеем нанесенную на керамический сосуд тамгу, которая представляет собой вариант тамги S 2 с нижним крючком, повернутым в обе стороны (табл. II, 3). Этот знак, который С. А. Яценко довольно неудачно сравнивает со знаком, аналогичным тамге индо-парфянских правителей [Яценко 2001: 39, рис. 5, 13, рис. 18, 6, 19, 21], представлен среди материалов I в. до н. э.—III в. н. э. [Яценко 1993: рис. 2, *d*; 2001: 147, рис. 18, 21; 28, 122]. Кроме того, обратим внимание на то, что тамга чачских правителей, известная по монетам III—IV вв. (а возможно, и I—II вв.) ([Массон 1966: 80, примеч. 9, рис. 1; Rtveldze 1998: 307—314, 327—328, табл. I, 1—3]; поздний вариант датировки: [Zeimal 1996a: 259, рис. 6: 1—7]), а также по блюду из Керчево (табл. II, 4, 5), которую активно сравнивают с тамгой хорезмийских царей, в сущности, имеет довольно большое сходство и с тамгой S 2, и сравнение ее со знаками других владений,

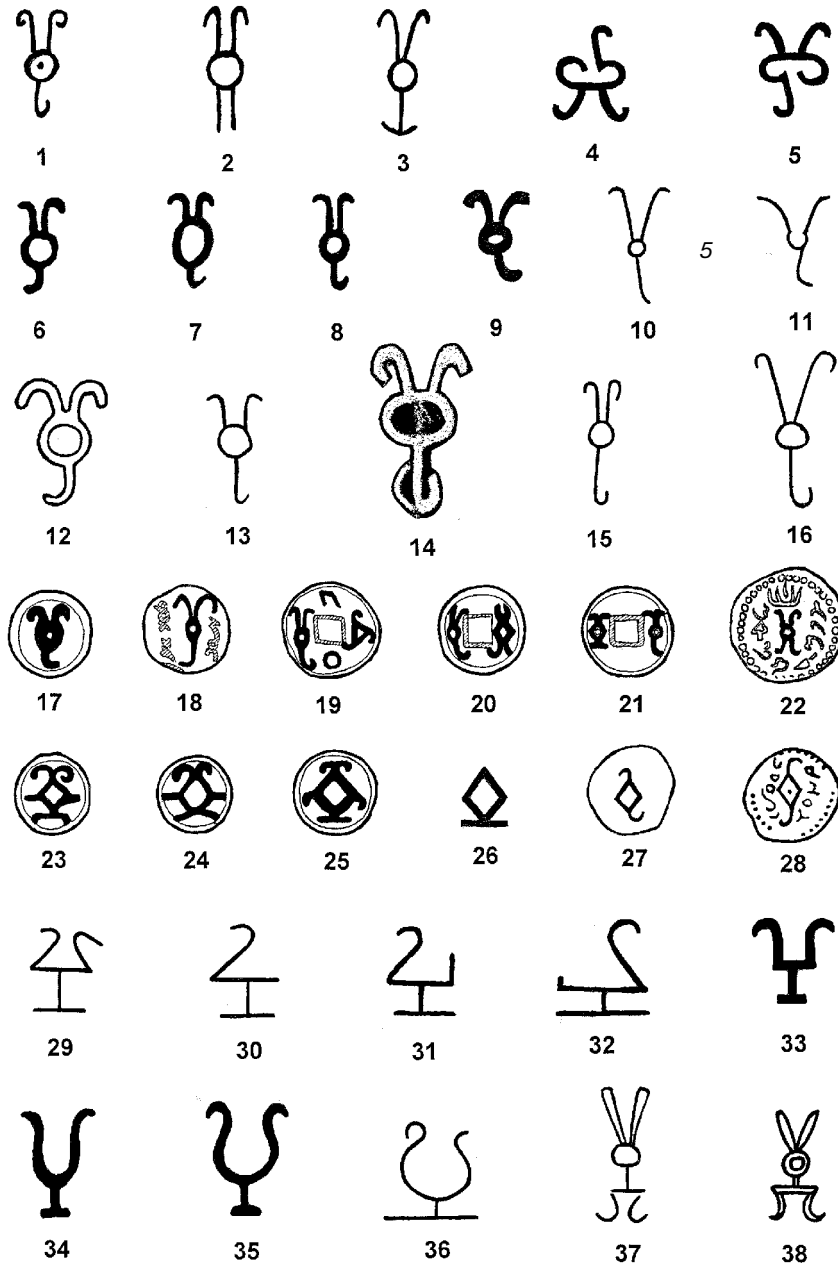

Табл. II. Тамги (1—38)

правители которых, так же как и чачские, имели кангюйское происхождение, совершенно оправданно [Вайнберг 1972: 152—153, табл. 2; Вайнберг, Новгородова 1976: 70; Rtveldze 1998: 308, 312—313].

Тамга S 2 в своем классическом начертании представлена на серебряных и медных монетах «иранских хуннов» эмиссий 33—35, несущих бактрийскую надпись «алхон» (табл. II, 6—8) и чеканившихся, по предположению Б. И. Вайнберг, не ранее времени правления сасанидского шаханшаха Шапура III (383—388) [Göbl 1967: I, 54—55; II, 57—58; III, Tab. 14; Вайнберг 1972: 132], то есть в пределах конца IV в. (М. Альрам датирует эмиссию 33 примерно 400—430/40 гг. [Alram 1996: 522, 533, Tab. 1, 3]). Далее она встречается на двух битых в подражание Варахрану IV (389—399) драмах, одна из которых найдена в районе Термеза и опубликована Б. И. Вайнберг [Вайнберг 1972: 130—132, табл. 27, 1; Ставиский, Вайнберг 1972: 189], а вторая, входившая в коллекцию Р. Гёбля, куплена в Кундузе (Северный Афганистан) [Göbl 1981: 177—178, Tab. 1]⁷. На этих монетах (эмиссия 32А по Вайнберг и Гёблю) тамга S 2 четырежды представлена на оборотной стороне и один раз на лицевой, где она дополняет бактрийскую надпись ГОВОЗИК (табл. II, 9). Время выпуска этих монет, вероятно, конец IV—начало V в. Монеты с тамгой S 2 считают чеканом хионитов группы «Гобозико», правивших в Северном Тохаристане с конца IV в. до 40-х гг. V в. [Вайнберг 1972: 133—138]⁸. С деятельностью этой группы хионитов связывают появление на стене заброшенного комплекса Б в Кара-тепе знака, близкого по начертанию тамге S 2 [Вайнберг 1972: 134, табл. 2, 22, табл. 26], но плохая сохранность каратепинского знака не позволяет идентифицировать его со всей уверенностью. Следующий пункт в Северном Тохаристане, где мы встречаем тамгу S 2, находится в Чаганиане. Тамга S 2, пятиконечная звезда, еще один знак в виде квадрата с дугами, а также бактрийская надпись «βρῆσομ[α]νο κίρδο» (БРЕСОМАННО КИРДО — 'сделано Бресаманом')⁹ процарапаны до обжига на керамическом сосуде-хуме, найденном на территории некрополя рядом с цитаделью городища Дальварзин-тепе [Tanabe, Nogi et al. 2000: 160—162, рис. 5; Тургунов 2000: 19—20, рис. 35—38] (табл. II, 10). Из опубликованных материалов датировка этого сосуда не совсем ясна. По нашему мнению, погребение в керамическом саркофаге, найденное на данном некрополе в 1997 г., датируется IV—V вв. н. э. [Ильясов и др. 1997: 37—40], а прекращение функционирования некрополя должно быть связано с гибелью города, произошедшей не позже V в. [Zeimal 1996b: 126—127; Ильясов 2002a]. Эти данные могут служить косвенным основанием для того, чтобы датировать дальварзинский сосуд с тамгой S 2 при-

⁷ Судя по всему, публикация Б. И. Вайнберг и, соответственно, монета, найденная под Термезом, остались Р. Гёблю неизвестными.

⁸ Отметим, что Э. В. Ртвеладзе возражает против того, чтобы считать монеты группы «Гобозико» хионитскими [Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 129]; в данной работе на с. 129 тамга S 2 воспроизведена неправильно, мы же в данном вопросе согласны с Б. И. Вайнберг [Ильясов 2002: 52—54].

⁹ Чтение и перевод Н. Симс-Вильямса.

мерно IV—V вв. н. э.¹⁰ Кроме того, Э. В. Ртвеладзе упоминает найденную Л. И. Альбаумом на Дальварзин-тепе медную монету «с изображением на л. ст. головы правителя в фас и тамгой, аналогичной тамге на монетах Гобозико» [Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 129]. По типу лицевой и оборотной сторон эта монета напоминает ранний тип медных самаркандских монет, однако, по любезному сообщению Э. В. Ртвеладзе, на портрете с дальварзинской монеты представлен иной тип лица. Он сообщил также, что такая же монета была найдена при обследовании одного из памятников в Шурчинском районе Сурхандарьинской области. Возможно, мы имеем дело с медной чеканкой, соответствующей серебряному чекану «Гобозико».

В Южном Согде (Кашкадарьинский оазис, Аул-тепе) на керамическом сосуде V—VI вв. встречается разновидность тамги S 2 [Кабанов 1958: рис. 8, 1; Смирнова 1981: 23, рис. 5] (табл. II, 11). Классический вариант тамги S 2 встречается в виде нанесенных до обжига знаков на пенджикентской керамике [Беленицкий 1958: 125, рис. 20, 10; Смирнова 1958: 262, рис. 39] (табл. II, 12, 13). Варианты этой тамги (нижний крючок может быть повернут вправо, как на монетах «Гобозика» и на дальварзинском хуме, или влево) украшают согдийские монеты, от анэпиграфных выпусков правителей Самарканда раннего периода (V?—VI вв.) через литые по китайскому образцу монеты ихшидов Согда (VII—VIII вв.) до фельсов Ал-Аш'аса б. Йахьи, битых в Самарканде в 144 г. х. (761—762) [Смирнова 1981: 17, 20—23, 88—229, 308—311, 415, 422, рис. 3—5, табл. XC, 1—5, 8, 12, 14, 16, 18, 19, 21, 22, 24, 26, 27, 30; XCI: 33, 35, 36, 39, 42, 46, 49; XCII: 51, 52, 63; табл. XCIV, 115, 119] (табл. II, 17—21).

Наконец, скопление знаков S 2 обнаружено в верховьях реки Инд, в горных ущельях Каракорума (в основном у моста Шатиал), где они часто сопровождают согдийские (а иногда и бактрийские) надписи, оставленные купцами и паломниками на пути в Индию [Jettmar, Thewalt 1985: 23, 34; Jettmar 1989: XVIII, XLVIII, XLIX; Sims-Williams 1989b: 131—137; 1989a: 15, 20/N 52, 180, табл. 19b; 20a, b, c; 78a; 79b; 144b; Симс-Вильямс 1995: 61—63]. Среди знаков из Шатиала есть вариант, когда к обычной тамге S 2 с нижним крючком, повернутым вправо, «пририсован» крючок, повернутый влево, что напоминает кангюйскую тамгу (табл. II, 14—16). По палеографии основную часть согдийских надписей датируют IV—VI вв. н. э. [Sims-Williams 1989b: 134]. К. Йеттмар связывает появление надписей и знаков с хионитами, которые, по всей вероятности, контролировали и защищали пути от Согдианы до Инда [Jettmar 1989: XLVII—XLIX].

¹⁰ О вариантах чтения бактрийской надписи на хуме, а также о датировке ее V в. на основе палеографии см.: [Ртвеладзе, Тургунов 2001: 130—132]. В подтверждение датировки V в. в этой работе упоминаются также и тамга на хуме и монетах правителя «Гобозико», которая, к сожалению, воспроизведена в тексте на с. 132 неверно. Что касается времени функционирования двух дальварзинских некрополей — некрополя с керамическими саркофагами и некрополя на городской стене, нам все же представляется, что они не были одновременными: первый прекратил свое существование вместе с гибелью города в V в. (в результате нападения эфталитов?), а второй, функционировавший в VII (VI?)—VIII вв. [Болелов 1999: 41], возник после того, как на цитадели возродилось поселение. Такая интерпретация не противоречит датировке надписи, предлагаемой Э. В. Ртвеладзе на основе палеографии.

О. И. Смирнова именует знак S 2 У-образным или самаркандским нишаном. При том что для VI—VIII вв. связь его именно с Самаркандским Согдом несомненна, мы видим, что в Северном Тохаристане он используется уже в конце IV—V в., а у сарматов еще раньше — во второй—третьей четверти II в. н. э. Следует отметить, что у последних, судя по данным С. А. Яценко, этот знак, отличающийся от среднеазиатских лишь наличием точки в центральном круге, пока встречен только один раз. На наш взгляд, С. А. Яценко довольно удачно объясняет сходство между более ранними сарматскими и раннесредневековыми среднеазиатскими знаками. Он пишет, что знаки, которые использовались знатью в Сарматии, появляются на царских монетах в Хорезме, Кангюе (Чаче) и Бактрии (Тохаристане) несколько позже. Наличие более поздних совпадений с сарматскими знаками не должно смущать, так как кангюйско-чачские (добавим также хорезмийские, тохаристанские и согдийские. — Дж. И.) знатные кланы могли начать пользоваться такими тамгами еще задолго до того, как стали правящими [Яценко 2001: 84, 90, 92]. Иными словами, совпадение знаков у сарматов и у среднеазиатских династов объясняется связями первых со среднеазиатским регионом (конкретнее, с восточными корнями сармато-аланских племен), а разница во времени появления знаков на предметах роскоши (царских регалиях) или на монетах зависит от времени выдвижения того или иного клана на ведущие роли в том или ином регионе.

Попытаемся представить некоторые события, опираясь на наличие тамги S 2 у сарматов, в Северном Тохаристане и в Согде (в отличие от тамги алхонов S 1, начертания знака S 2 и его присутствие в указанных регионах, к счастью, абсолютно достоверны и не требуют от нас никаких натяжек). Итак, у одного из кланов или родов сарматов, населявших во II в. н. э. Крым, имеется тамга, принесенная, предположительно, из казахстано-среднеазиатской степной зоны, скорее всего из Кангюя (куда в свое время она могла попасть с ираноязычными племенами, обитавшими в Монгольском Алтае (см.: [Вайнберг, Новгородова 1976: 69—72¹¹; Солоники 1959: 19]). На юге Средней Азии тамга S 2 известна с конца IV в. на монетах г. н. группы «Гобозико», которую Б. И. Вайнберг вполне обоснованно считает одним из хионитских племен (вспомним монеты эмиссий 33—35 с тамгой S 2 и надписью «алхон»). Распространение тамги S 2 в Северном Тохаристане подтверждается находкой с Дальварзинского некрополя (см. выше). С VI в. (а может быть, с V) знак распространяется в Самаркандском Согде. Согласно упомянутому выше объяснению С. А. Яценко, можно предполагать, что родственные кланы — носители тамги S 2 населяли Крым, Кангюй, Тохаристан и Согд, и в соответствии с временем их прихода к власти (раньше — в Тохаристане, позже — в Согде) рассматриваемый знак появлялся на их монетах. Однако нам хотелось бы предложить несколько иное объяснение и попытаться

¹¹ Выявленную Б. И. Вайнберг и Э. А. Новгородовой на основе сходства тамг линии связей между Алтаем, Средней Азией и Сарматией нам удалось проследить также по некоторым деталям конского убранства [Ильясов 2001: 17—30; Пыасов (в печати)]. См. также: [Яценко 1992: 195—198; 1993: 60—72].

связать его с историческими событиями (в том виде, в каком их воссоставляют специалисты). И так, тамга S 2 попадает в Крым в ходе миграций сармато-аланских племен, обитавших в районах между Каспием и Аралом или где-то в степных районах на севере Средней Азии (Кангюй). Клан — носитель этой тамги остался на западе одним из рядовых, она известна там, кажется, в единственном экземпляре. Родственные кланы среднеазиатских номадов в IV в. начинают (вероятно под давлением хуннов) продвижение из коренных земель Кангюя на юг¹², увлекая с собой своих кочевых соплеменников, обитавших вокруг согдийских оазисов. Они подчиняют под именем хионитов южные районы Средней Азии и Афганистан¹³, став причиной кризиса IV—V вв., наблюдаемого на территории Северного Тохаристана и выразившегося в заброшенности многих городов и поселений (городища Дальварзин-тепе, Зар-тепе, Кей-Кобад-Шах, Шахри-нау, оазисы Бандыхан, Шах и др.) [Zeimal 1996b: 126—127]¹⁴. Одна из групп этих среднеазиатских степняков-хионитов, имеющая своим символом тамгу S 1 (вспомним знак из святилища Байте III, представляющий из себя, возможно, вариант тамги алхонов), занимает сильные позиции за Гиндукушем. Другая группа, условно обозначаемая как хиони-

¹² Отметим один интересный факт: Э. В. Ртвеладзе упоминает, что одна чачская монета раннего типа с кангюйской тамгой была найдена при раскопках Л. И. Альбауна на Фаяз-тепе в Старом Термезе [Rtveladze 1998: 310].

¹³ О хионитах — среднеазиатских кочевниках, возможно, выходцах из районов Северного Приаралья и Прикаспия, см.: [Гумилев 1959: 134—135; Гафуров 1972: 203—210; Zeimal 1996: 119—133; Соловьев 1997: 30—32; Сулейманов 2000: 313—314].

¹⁴ Характерно, что на территории Согда (в долинах Зарафшана и Кашкадарьи) подобного «кризиса», кажется, не наблюдается. Р. Х. Сулейманов пишет о подъеме градостроительства и благоустройства в Нахшабе III в., что касается IV в., то речь идет об инновации каунчинской, отрар-каратауской и джетыясарской керамики в Согде, но не о разрушенности и заброшенности городов и оазисов [Сулейманов 2000: 313]. Нам представляется, что это может быть объяснено следующим образом: территория Согда еще со II в. до н. э. входила в состав Кангюйской державы и составляла, вместе с Чачским оазисом, его южную периферию, удовлетворявшую потребности кочевников в продукции городского ремесла и земледелия. Активная «опека» кангюйцев, по видимому, и не дала объединиться согдийским «городам-государствам», а точнее, оазисным центрам, в сильное централизованное государство, но, с другой стороны, не позволила мощным соседним империям — Парфянской и Кушанской — подчинить себе Согд (только для территории Кашкадарьи предполагают возможные династические связи правителей Нахшаба с Аршакидами). Движение «хионитов», а именно кочевого населения Кангюя (в том числе и южных кланов из степных районов, окружающих Бухарский, Самаркандский и Кашкадарьинский оазисы), «стимулированное» давлением сюнну, которые могли в процессе данного (а также предшествовавшего) взаимодействия передать кангюйцам или какой-то их части наименование «хун», было направлено вовне, на чужие южные земли — бывшие владения кушан, эффективную охрану которых их новые хозяева — Сасаниды, занятые борьбой с Римом, не всегда могли обеспечить. Это могло бы объяснить, почему в Согде не наблюдается заброшенности городов и оазисов, как в Тохаристане. Очень близкое мнение высказано Р. Х. Сулеймановым: «Появление инноваций присырдарьинских культур в керамическом комплексе Согда IV—V вв. ... можно рассматривать не как оккупацию Согда хионитами, а как вынужденное переселение основного этнического субстрата бывшего политического образования Кангюя по левобережью Сырдарьи на южные территории, подвластные Кангюю в результате давления на коренные земли их пребывания со стороны гуннов» [Сулейманов 2000: 314].

ты группы «Гобозико»¹⁵ и имеющая символом тамгу S 2, закрепляется в Тохаристане и начинает чеканить свои монеты¹⁶. При Ездигерде II (439—457) Сасаниды отвоевывают свои тохаристанские владения. Согласно предположениям ряда авторов, в V в. бывшие владения хионитов были подчинены другой силе — эфталитам, бадахшанским горцам [Епоки 1959: 1—58; Гумилев 1959: 129—140; 1967: 91—99; Соловьев 1997: 33—37] (по другой теории, эфталиты — это, собственно говоря, наименование правящей прослойки хионитов¹⁷). Эфталиты принялись за завоевание среднеазиатских земель (в частности Согда) уже с юга [Епоки 1959: 25, 27; Гумилев 1959: 136; Маршак 1971: 65]¹⁸. Вероятно, именно тогда в Согд попадает, в качестве символа одного из захвативших власть в районе Самарканда хионито-эфталитских кланов, тамга S 2. С другой стороны, не следует, конечно, забывать и другую теоретическую возможность: тамга S 2 могла попасть в Согд напрямую, непосредственно из Кангюя, но клан, которому она принадлежала, получил здесь власть и начал выпускать монеты лишь в V—VI вв. Возможно, находки тамги S 2 на территории Согда в комплексах более ранних, чем V—VI вв., позволят отказаться от предлагаемого нами сложного варианта происхождения согдийских знаков, но пока такие материалы автору не известны.

Характерно, что О. И. Смирнова называет тохаристанским эфталитского времени трехконечный знак, неизменно сопровождающий на моне-

¹⁵ Чтение Р. Гиршмана «шах Забула» [Ghirshman 1948: 34—35, рис. 36] давно отвергнуто; Р. Гёбль приводит чтение «Гобозико», это, по его мнению, имя или эпитет вождя клана (Clanchef), в монетном чекане которого (эмиссия 32) чувствуется близость к чекану Кидары и алхонов [Göbl 1967: II, 56; 1981: 177—179]; Х. Хумбах предложил чтения «гобозини», «табозини», «табозино» и «гобозоко» [Humbach 1967: 41—42]; Б. И. Вайнберг предполагает, что «Гобозик», возможно, имя правителя из племени с тамгой S 2 [Вайнберг 1972: 133]; по Г. Давари — «гобоз(о)ко», «гобозок» [Davary 1982: 93, 198]; М. Альрам, однако, с учетом новых экземпляров, опубликованных Гёблем, настаивает на правильности чтения «Гобозико» и называет его мелким вождем клана алхонов [Alram 1986: 334].

¹⁶ Недавно Э. В. Ртвеладзе предложил связать этот чекан с Габазой-Газабой, древней областью, упоминаемой историками похода Александра Македонского и локализуемой, по его мнению, на западе современной Сурхандарьинской области Узбекистана [Ртвеладзе 1999: 104—109]. Он предполагает, что легенда на монетах в одном из вариантов может читаться как «шао Гобозоно» и передает не имя правителя, а топоним. Вопрос требует, конечно, дальнейшей разработки, но известны случаи, когда завоеватели использовали в качестве титула старое название покоренной страны — вспомним сасанидских кушаншахов. Так же могло быть и с хионитами — шахами Габаза.

¹⁷ Не исключено, что кангюйское происхождение хионитов (см. примеч. 15) и последующее подчинение их эфталитам в какой-то степени послужило основой для одной из теорий происхождения эфталитов, изложенной в китайском источнике начала VII в., согласно которой эфталиты были потомками кангюйцев, см.: [Епоки 1959: 6—7].

¹⁸ Подчинение эфталитами Средней Азии представляется некоторым исследователям в виде «сравнительно мирного собирания земель путем заключения союзных договоров и делегирования некоторых полномочий центральной власти» [Адылов 2002: 20]. Возможно, в Западном Согде события и протекали столь идиллическим образом, что касается Южного Согда, то здесь дела, вероятно, обстояли несколько иначе — слой пожарища на раскопе Р-13 Р. Х. Сулейманов связывает «с событиями середины V в., когда Согд был занят эфталитами» [Сулейманов 2000: 315].

тах ихшидов Согда (от Шишпира до Мастана и «неизвестного ихшида») знак У-образный (иначе говоря, тамгу S 2) (табл. II, 19), и видит в их сочетании на согдийских монетах указание «на родство правящего самаркандского рода (канского дома) с одной из династий Северной Бактрии» [Смирнова 1958: 259—260, 262—263; 1981: 17, 37]. Сейчас, когда присутствие тамги S 2 в Северном Тохаристане сомнений не вызывает¹⁹, можно предполагать, что оба эти знака пришли в Согд из Тохаристана и в их утверждении в качестве самаркандских символов отражены сложные события тохаристано-согдийской истории в IV—VI вв. н. э.

В связи с нашим предположением вспоминаются чрезвычайно ценные заключения Б. И. Маршака, писавшего еще в 1987 г., что к характерным для согдийского искусства древневосточной и обновленной эллинистической традициям «в V в. прибавляется еще один компонент — воздействие посткушанского Тохаристана» [Маршак 1987: 237; 1983: 53—55]. Б. И. Маршак считал, что в IV в. в Согд вторглись сюнну китайских источников, «которых без достаточных оснований отождествляют с хионитами» [Маршак 1987: 236]²⁰, а после них на протяжении IV—VII вв. «в Согде наблюдается быстрый рост поселений и городов». В то же время, с конца IV в. в искусстве Согда ярко проявляются элементы эллинистического происхождения, которые можно объяснить тем, что долго сохранявшиеся в храмовых хранилищах Тохаристана образцы греческого искусства могли «во время смут позднекушанского времени» попасть в Согд и «послужить образцом для местных подражателей» [Маршак 1987: 235, 236]. Трудно судить, насколько вторжение сюнну с севера могло сочетаться с поступлением греческих вещей с юга и как все это вместе привело к быстрому росту поселений и городов. Нам кажется, что захваты хионитов (не сюнну-хуннов, а ираноязычных среднеазиатских степняков), приведшие к временному освобождению Тохаристана от сасанидского владычества, а также к разрушению границ между Согдом и Тохаристаном, и последовавшее позже объединение этих территорий под властью эфталитов (т. е. предлагаемый нами вариант развития событий) скорее могли бы привести и к массивному появлению в Согде греческих вещей из ограбленных тохаристанских хранилищ, и к бурному развитию урбанизма, и к упомянутому выше воздействию посткушанского Тохаристана. Говоря о разрушении границ, мы имеем в виду пограничную стену, найденную и впервые исследованную Э. В. Ртвеладзе [Ртвеладзе 1986; Пуга-

¹⁹ Мы не имеем в виду, естественно, находки собственно согдийских монет в Северном Тохаристане (см.: [Ртвеладзе 1990: 84; Соловьев, 1997, с. 69—70]), которые известны также, скажем, по новым раскопкам на цитадели Дальварзин-тепе и являются, наряду с согдийскими надчеканами на тохаристанских монетах и некоторыми характерными согдийскими типами терракот, показателем уже согдийских влияний в границах эфталитских и тюркских владений.

²⁰ Мнение о том, что Согд был завоеван сюнну, отстаивал К. Эноки, однако его предположение о том, что составители китайской хроники Вей-шу лишь по ошибке поместили Судэ к северо-западу от Кангюя и события, там описанные, относятся именно к Согду, нельзя считать полностью доказанным, см.: [Enoki 1956: 43—62]. В недавней публикации Б. И. Маршак пишет, что Согд в IV в. покорили хуны или хиониты: [Marshak 2001: 231].

ченкова, Ртвеладзе 1990: 57—58; Rtveldadze 1990: 11, 13—14, рис. 1, 2], которая была построена, вероятно, в 208—206 гг. до н. э., в период отложения Согдианы от Греко-Бактрии при Евтидеме [Voregarachchi 1992: 13], для защиты от кочевников [Абдуллаев 1997: 57—58]. Этот рубеж, унаследованный юэчжями и их северными соседями — кангюйцами²¹, стал границей Кушанской империи и до IV—V вв. довольно эффективно способствовал разделению и различию культур двух соседних среднеазиатских владений, по-своему развивавших общее ахеменидское и эллинистическое наследие.

Вхождение Тохаристана и Согды в состав сначала эфталитского государства, а затем Тюркского каганата способствовало разностороннему обмену, что засвидетельствовано нумизматическими, эпиграфическими материалами, а в последнее время — находками терракот [Ильясов 1999б: 141—142; 2000: 156—157]. Возвращаясь к тамгам, отметим, что известный бухарский знак, помещавшийся на серебряных и медных монетах Бухарского оазиса начиная с IV в. (табл. II, 22) и представляющий собой, собственно говоря, лишь усложненную дополнительную «усом» тамгу S 2, был справедливо объединен с ней в один тип (тип III) [Вайнберг, Новгородова 1976: табл. II]. О. И. Смирнова пишет: «Происхождение знака неизвестно. Устойчивость его рисунка, одного стиля с рисунками самаркандского знака и трискелеса, позволяет отнести его к одному с ними кругу среднеазиатских нишанов» [Смирнова 1981: 31]. Отметим также, что знак правителей Пенджикента, представляющий собой ромб с различными дополнительными элементами²² (табл. II: 20, 21, 23—25) и появляющийся на монетах примерно с середины VII в., а на монетах ихшидов Согды — начиная с Тукаспадака (696—698) [Смирнова 1981: 41, 47, 131—132, рис. 21, 29, 30, табл. ХСП: 54—61]²³, близок тамге чаганианских правителей — ромбу на горизонтальной черточке (табл. II, 26), — проставленной в виде надчекана на монетах Пероза и на подражаниях его чекану, датированных концом V — первой половиной VI в. и найденных на городище Будрач [Ртвеладзе 1987: 140—143; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 131; Кузнецов 1994: 7, 15, ил. № 5, 9, 13]²⁴. На этих же монетах в надчеканах проставлялись титулы «хδηο» (бактрийским письмом) и «xwβ» (согдийским письмом),

²¹ Напомним указание в «Ши цзи», отразившее один из этапов кангюйско-юэчжийских взаимоотношений и недвусмысленно указывающее на то, что их владения непосредственно граничили: «Кангюй... по малосилию своему признает над собой на юге власть юэчжыцев» [Бичурин 1950: 150].

²² Отметим, что, по мнению В. А. Лившица, ромбовидный знак на пенджикентских монетах является не родовым знаком, а схематизированным воспроизведением контуров китайского иероглифа, см.: [Давидович 1979: 69, примеч. 4, с. 80, примеч. 2]. Однако это нельзя считать установленным фактом.

²³ Появление ромбовидного знака вместо трехконечного на монетах ихшидов О. И. Смирнова объясняла их родственными связями с правителями Пенджикента, т. е. тохаристанская линия сходит на нет и сменяется пенджикентской, см.: [Смирнова 1958: 260].

²⁴ Данная тамга, как и целый ряд других, не попала в сводку С. А. Яценко. Считают, что от нее мог произойти другой тип чаганианской тамги — ромб с обращенными в разные стороны крючками на противоположных концах (табл. II, 27, 28) [Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 133].

и Э. В. Ртвеладзе отмечает, что эти монеты чеканились династией «безымянных хидево», «правители которой носили равнозначные бактрийский и согдийский титулы, имея и особый династический знак в виде ромба на горизонтальной подставке» [Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 131]. Пенджикент, как известно, строится по определенному плану в V в., а импульсы активного градостроительства, как нам кажется, должны были исходить с юга, из посткушанского Тохаристана, а не из степного севера. Поэтому можно предположить (конечно, в самой осторожной форме, учитывая недостаток материалов и временной разрыв между чаганианскими и пенджикентскими монетами), что сходство знаков правителей Пенджикента с тамгой чаганианских правителей было, возможно, тоже не случайным и что оно отражает, как и в случае с трехконечным знаком и тамгой S 2, некую общую тенденцию развития событий и направления влияний в IV и V вв.

Т. н. «энциклопедия тамг» была найдена в Храме Окса на городище Тахти-Сангин [Литвинский, Пичикян 2000: 114, табл. 28а, 28б; Яценко 2001: 98—99, рис. 31]. Это скопление знаков, выгравированных на каменной базе колонны в айване храма (из описаний неясно, на какую часть базы нанесены знаки; судя по фотографии, вероятно, на верхнюю часть боковой поверхности тора). Анализ данных тамг принадлежит С. А. Яценко, и его выводы, приведенные И. Р. Пичикяном, в частности, таковы: «Большинство знаков имеет аналогии в разных частях иранского мира в гунно-сармато-кушанское время (II в. до н. э.—III—IV вв. н. э.), главным образом на соседних территориях (Хорезм; Средняя Сырдарья, т. е. Кангюй китайских источников; Нижняя Сырдарья; собственно Бактрия), а также в более восточных районах, соседствовавших с прародиной юэчжей — на юге Монголии и Алтая, и в более западных районах, куда во II в. до н. э.—II в. н. э. неоднократно проникали новые группы кочевников из Центральной Азии. Вместе с тем... присутствуют знаки, нигде более не известные и отражающие местную специфику (№ 1—3, 4, 7, 12)» [Литвинский, Пичикян 2000: 114; Яценко 2001: 147—148]. Соглашаясь в целом с данными выводами, хотелось бы обратить внимание на некоторые «уникальные, нигде более не известные» знаки, а именно знаки № 1—3 и 12. Знак № 2 (табл. II, 29), изображенный на тахтисангинской базе не менее двух раз, — по нашему мнению, не что иное, как тамга S 61d (по Р. Гёблю), представленная на реверсе монет эмиссии 245 (табл. II, 33), аверс которых украшен изображением двух сенмурвов. В бактрийской легенде, окружающей тамгу, имеются тюркские титулы тархан и тун²⁵; монеты эти происходят из Афганистана и предположительно да-

²⁵ Знак на этих монетах был унаследован, надо полагать, от более раннего периода и не относится к знакам тюркского происхождения. Тюркские титулы на монетах не должны смущать, ибо, как свидетельствуют бактрийские документы из архива хара (правителя) Роба (Северный Афганистан), местные правители, сохраняя свои исконные иранские имена, очень быстро усваивали титулатуру своих новых властителей. Так, одно из писем адресовано «Сарту, сыну Хваде-банда, процветающему ябгу эфталитского народа, хару Роба, писцу эфталитских владетелей, судье Тохаристана и Гарчистана», а в договоре от 639 г. назван «Фрама-ризм Шабуран, успешный, процве-

тируются первой половиной VIII в. [Göbl 1967, I: 168; III: Tab. 67: 245; IV: Tab. 15, 17]²⁶. Варианты тамги S 61 имеются на монетах эмиссий 203, 204, 260, 261, 265—271, на надчекане КМ 20 [Göbl 1967, I: 138—139, 182—186; II: 164, 209—210; III: Tab. 45, 71, 72; IV: Tab. 8, 15; Ghirshman 1948: Abb. 23, 61]. Возможно, наиболее ранние монеты с этим знаком — медные монеты Шапура II, битые, по мнению Р. Гёбля, в Ктесифоне [Göbl 1984: Tab. 134, 1244]²⁷. Упомянутые варианты тамги S 61 — с округлой формы верхним элементом (табл. II, 34, 35) — имеют ранние аналогии, подобные знаки нанесены на одного из известных ольвийских мраморных львов (табл. II, 36) [Jänichen 1956: Tab. 12; 14; Соломоник 1959: 169, № 207; Dračuk 1972: рис. 1]; по мнению С. А. Яценко, это знак середины I—середины II в. н. э. (он приводит его как аналогию тахтисангинскому на своей таблице) [Яценко 2001: 144, рис. 11, 2, рис. 31, 19]. Тахтисангинские знаки № 1 и 12 (табл. II, 31, 30), надо полагать, представляют собой варианты знака № 2 (табл. II: 29), т. е. тамги S 61d. Отметим, что аналогию этим знакам можно также найти среди сарматских древностей — абсолютно идентичный знак, хотя и представленный в зеркальном отражении (табл. II, 32), имеется на переносной «энциклопедии» — деревянной арфе, найденной в 1918 г. в сарматском парном погребении из Козырки (Правобережная Украина), датированном второй половиной I в. н. э. или рубежом I и II вв. н. э. [Яценко 2001: 77—78, 146, рис. 25, *Ia*, 14]. С. А. Яценко считает, что козыркинская тамга «пока не имеет аналогий», но, как видим, это не так. В свою очередь, другой якобы уникальный тахтисангинский знак — № 3 (табл. II, 37) — находит параллели в кушано-сасанидском монетном чекане. Он представлен на медных монетах «эмиссии Кобада» из клада № 5, сокрытого после 80-х гг. IV в. и найденного в 1969 г. в Шаартузском районе Южного Таджикистана [Давидович 1979: 50, 52]²⁸, а также на медных монетах эмиссии 1114 с бактрийской надписью «Шоборо кошано шао» — «Шапур кушаншах», где тамга (табл. II, 38) помещается слева от трона с восседающим Митрой [Göbl 1984: 42, 83, Tab. 118, 1114; Tab. VIII, тамга 11]. По мнению Р. Гёбля, эмиссия 1114, как и эмиссия 555, принадлежит восточным выпускам шаханшаха Шапура II. Однако, на основе изучения новых экземпляров монет данной эмиссии, в том числе золотого динара, приобретенных Британским музеем, Дж. Крибб предлагает совсем другое чтение — «Ардашоро кошано шао», т. е. «Ардашир кушаншах», и видит в нем первого сасанидского кушаншаха (идентичного Ардаширу, царю Мерва), правившего примерно в 230—245 гг., т. е. в период общеиранских царей Ардашира I (224—241) и Шапура I (241—261) [Cribb 1985: 320—321,

тающий каган, тапаглиг ильтебир, хар Роба, владетель (хидев) Парпаза», см.: [Sims-Williams 1999: 255—256; 2000: 74—79; Ильясов 2002].

²⁶ Кстати, С. А. Яценко поместил тамгу S 61d на рис. 29 в своей монографии, но, по-видимому, не обратил внимания на ее близость к тахтисангинскому знаку № 2 [Яценко 2001: 147, рис. 29: 105, «знаки правителей на монетах»].

²⁷ Эмиссии 260 и 261 являются подражаниями чекану Кавада I: [Göbl 1967, I: 179—180].

²⁸ Описание и определение монет осуществил Е. В. Зеймаль.

рис. 50; 1990: 159, 171, 186, Tab. 3, 14, 15]. Таким образом, знак на данных монетах, абсолютно аналогичный тахтисангинскому знаку № 3, относится либо к первой половине III в., либо к IV в. На серебряном блюде из Красной Поляны очень близкий по форме знак, украшающий головной убор принца или вельможи, охотящегося на медведей [Harper, Meyers 1981: 126, Tab. 9; Яценко 2001: 148, рис. 33: С13]. Блюдо относится к группе сосудов III—начала IV в., на которых, по мнению П. Харпер, в сценах охоты представлялись только принцы или правители недавно завоеванных Ираном провинций, но не сасанидские цари. В. Г. Луконин датирует это блюдо 70—90-ми гг. III в. [Тревер, Луконин 1987: 49—51]. К. Танабе сближает сосуд из Красной Поляны с выделяемыми им изделиями III—IV вв., которые были изготовлены где-то на территории кушано-сасанидских владений (Герат, Мерв или Балх) [Tanabe 1998: 93, 95; 2001: 168, fig. 2, col. Tab. II].

Легко заметить, что по тахтисангинским знакам прослеживается примерно та же схема распространения, что и предложенная нами для тамги S 2. Они имеют более ранние аналогии у сармато-алан (знаки № 1, 2, 12) и несколько позже появляются в монетном чекане кушано-сасанидов и «иранских хуннов» (знаки № 2 и 3). Отмечено, что тахтисангинские знаки «нанесены кочевниками в поздний период функционирования храма» [Литвинский, Пичикян 2000: 114]. Можно ли хотя бы приблизительно определить, когда это произошло? К сожалению, И. Р. Пичикян не привел точных данных, но из его описания можно сделать вывод, что тамги вырезаны на одной из четырех баз, расположенных ближе к западной стене айвана, или, иначе говоря, ко входу в центральный зал (базы второго — внешнего — ряда колонн восьмиколонного айвана были в кушанское время взяты в «футляр» кирпичной стены и суфы, превратившей айван эллинистического времени в закрытое помещение) [Литвинский, Пичикян 2000: 114]. В юэчжийско-кушанский период окрестное население восстанавливает храм после разгрома, произошедшего при юэчжийском «штурме Греко-Бактрии», и с этого времени в храме начинается довольно интенсивное накопление культурных слоев (2 м напластований от юэчжийского периода до времени Канишки и Хувишки) [Литвинский, Пичикян 2000: 97, 117]. Из описания наслоений в айване можно сделать вывод, что в период функционирования третьего пола (уровень восстановления храма в кушанский период) над ним возвышались лишь верхний плинт и торовидная часть баз, примерно на 35—40 см при общей их высоте 60 см [Литвинский, Пичикян 2000: 113, 116, 141—142, табл. 41]. При той интенсивности, с которой в кушанский период накапливались слои, можно предполагать, что ко времени следующего известного нам появления на исторической арене кочевников, способных бесчинствовать на кушанской территории (например, захватывать храмы и вырезать там свои тамги), т. е., к IV в. н. э., эти базы, по всей вероятности, уже были полностью погребены. В ином случае нужно допустить, что в айване греко-бактрийского времени, превращенном при кушанах в зал, в отличие от остальной территории храма, не происходило почти никакого накопления слоев вплоть до IV в. Напомним, что уже в позднекушанский период, ко-

гда в коридорах № 1 и 6 были устроены места для приношений рогов жертвенных животных, уровень пола в этих помещениях находился на 2 м выше материка, а «после того как храм полностью разрушился в результате обрушения стен и перекрытий... цитадель представляла собой высокий холм. На холме сохранились следы временного проживания кочевников в виде больших — 3 м в диаметре и глубиной до 2 м — ям с ярко выраженной кушано-сасанидской керамикой» [Литвинский, Пичикян 2000: 72—73, 91, 121, 182, 363; Керзум, Керзум 2000: 36—37]. Эти данные указывают на то, что тахтисангинские знаки, вероятнее всего, связаны с периодом первого разгрома Храма Окса, т. е. с юэчжами. Выявленные С. А. Яценко среднеазиатские, алтайские, монгольские, сарматские аналогии, как и те, что приведены нами, в принципе не противоречат вероятности такой их интерпретации. Тамги кланов, продвинувшихся во II в. до н. э. в Северную и Южную Бактрию, появляются на монетах по мере прихода к власти их представителей (тахтисангинский знак № 11 С. А. Яценко сравнивает, в частности, со знаками на великокушанских монетах). После завоевания этих земель Сасанидами знаки подчинившихся им и ставших союзными кланов, как объяснял Р. Гёбль, стали появляться на кушано-сасанидских монетах либо в III в. (по Криббу), либо в IV в. (по Гёблю) (тахтисангинский знак № 3), а позже они появились в чекане независимых владений, образовавшихся в ходе сасанидо-хионито-эфталитского взаимодействия и существовавших вплоть до арабского завоевания (тахтисангинский знак № 2).

В. С. Соловьев опубликовал лазуритовую гемму, найденную около Безымянного городища в Кобадiane (Бешкентская долина). На гемме вырезан знак — полумесяц, опирающийся на подставку (табл. I, 19), который сравнивается В. С. Соловьевым с символом, имеющимся на медной печати из Куркатского склепа [Соловьев 1997: 134, рис. 68: 3]. Между тем знак с кобадианской геммы — S 59 по Гёблю — хорошо известен по монетам эмиссий 287A, 288 и 289 (табл. I, 20), которые Р. Гёбль связывает с собственно эфталитами (sichere Hephthaliten) [Göbl 1967, I: 197—199; II: 89—91; III: Tab. 79; Вайнберг 1972: 140—142, табл. 27, 4, 5; Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: 134]. В пользу того, что эти монеты, чеканенные в Балхе, связаны именно с эфталитами, говорит бактрийская надпись «𐎧𐎱», в которой Х. Хумбах предлагал видеть сокращение от имени эфталитов, и это нашло подтверждение в полном написании их названия (самоназвания?) в новых бактрийских рукописях эфталитского времени [Humbach 1996: 209, 210, 212; 2002: 416]. О тамге S 59 Р. Гёбль пишет, что она (вместе со знаками S 114 и S 103) связана с тамгой S 1 и имеет, возможно, общее с ней происхождение [Göbl 1967, II: 208; IV, Tab. 17]. Таким образом, кобадианскую лазуритовую гемму с тамгой S 59, появляющейся на серебряных монетах с начала VI в., можно связывать непосредственно с эфталитами. Что касается тамги, изображенной на медной печати IV—V вв. из Куркатского склепа 3 (табл. I, 21) [Древности 1985: 151, № 413] (В. С. Соловьев называет эту печать изделием, скорее всего, местным, т. е., северотаджикистанским), то абсолютные аналогии ей обнаруживаются среди оттисков позднесасанидских печатей из Тахт-е Сулейман (табл. I, 22)

[Göbl 1976: 145, 146, Tab. 46, 645, 649; 49, 645, 649]. Это, возможно, еще один знак, попавший в сасанидский Иран из Средней Азии.

В заключение отметим, что тамги народов, населявших Среднюю Азию, позволяют представить некоторые моменты этнических и исторических процессов, происходивших в те периоды, о которых мы имеем очень мало достоверных сведений. На примере тахтисангинских знаков прослеживается судьба некоторых из юэчжийских кланов, сумевших и после крушения Кушанской империи стать немаловажным компонентом в формировании правящей прослойки Кушано-Сасанидского владения. В свою очередь, наблюдения за распространением тамги S 2 показывают, что представители кланов-носителей этой тамги, возможно, также обитавшие когда-то в глубинах Центральной Азии, достигли на западе побережья Черного моря; они были среди тех, кто воевал и заключал союзы с Сасанидами, среди тех, кто правил в Согде в эпоху его расцвета, обусловленного посреднической торговлей между Европой, Китаем и Индией. Эти и многие другие среднеазиатские тамги содержат еще немало ценной историко-культурной информации, извлечь и правильно интерпретировать которую — одна из важных и увлекательных проблем, стоящих перед специалистами. Не претендуя на бесспорность всех представленных здесь заметок, автор выражает надежду, что эта тема не останется в стороне от внимания исследователей и со временем будет создана обобщающая работа по тамгам Средней Азии.

Литература

- Абдуллаев 1997: *Абдуллаев К.* О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. № 4. С. 57—58.
- Адылов 2002: *Адылов Ш.* Эфталиты и Западный Согд // Археология, история и культура Средней Азии: Тез. докл. Междунар. науч. конф., посвященной 60-летию академика Э. В. Ртвеладзе. Ташкент. С. 20—21.
- Алексеев 1991: *Алексеев В. П.* К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. № 2. С. 65—70.
- Беленицкий 1958: *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.) // ТТАЭ. Т. III (= МИА. № 66). С. 104—154.
- Бичурин 1950: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л. Т. 2.
- Болелов 1999: *Болелов С. Б.* Погребения в пещерных склепах на юге Узбекистана // Материальная культура Востока. М. С. 39—60.
- Вайнберг 1972: *Вайнберг Б. И.* Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Кара-тепе) // Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М. С. 129—154.
- Вайнберг 1977: *Вайнберг Б. И.* Монеты древнего Хорезма. М.
- Вайнберг 1999: *Вайнберг Б. И.* Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.—VIII в. н. э. М.
- Вайнберг, Новгородова 1976: *Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М. С. 66—74.
- Габуев 1999: *Габуев Т. А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ.

- Гафуров 1972: *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.
- Гумилев 1959: *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. № 1. С. 129—140.
- Гумилев 1967: *Гумилев Л. Н.* Эфталиты — горцы или степняки? // ВДИ. № 3. С. 91—99.
- Давидович 1979: *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М.
- Драчук 1975: *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев.
- Древности 1985: Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. Е. В. Зеймаль. Душанбе.
- Ильясов 1999а: *Ильясов Дж. Я.* Эфталиты-алхоны в Чаганиане // НЦА. 4. С. 32—41.
- Ильясов 1999б: *Ильясов Дж. Я.* Шахривар в Чаганиане // Изучение культурного наследия Востока. СПб. С. 141—142.
- Ильясов 2000: *Ильясов Дж. Я.* Терракота раннесредневекового Чаганиана // Средняя Азия: археология, история, культура: Материалы конф., посвященной 50-летию науч. деят. Г. В. Шишкиной. М. С. 150—153.
- Ильясов 2001: *Ильясов Дж. Я.* Изображения на монетах и связи ранних кочевников // НЦА-5. С. 17—30.
- Ильясов 2002: *Ильясов Дж. Я.* Алхоны хиониты или эфталиты? // АИК. С. 52—54.
- Ильясов (в печати): *Ильясов Дж. Я.* Некоторые замечания к проблеме происхождения эфталитов // Трансоксиана. Ташкент.
- Ильясов и др. 1997: *Ильясов Дж. Я., Русанов Д. В., Восковский А. А.* Саркофаг из Дальварзин-тепе // Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития: Тез. докл. Ташкент. С. 37—40.
- Кабанов 1958: *Кабанов С. К.* Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи (Узбекистан) // СА. № 3. С. 144—151.
- Керзум, Керзум 2000: *Керзум А. П., Керзум П. П.* Тахти-Кубад и Тахти-Сангин: попытка новой интерпретации // Отделу Востока 80 лет: Тез. докл. СПб. С. 35—38.
- Кузнецов 1994: *Кузнецов А. В.* Каталог монет Чаганиана V—VIII вв. Ташкент.
- Лившиц 1979: *Лившиц В. А.* Правители Панча (согдийцы и тюрки) // НАА. № 4. С. 56—68.
- Литвинский 1968: *Литвинский Б. А.* Кангуйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе.
- Литвинский, Пичикян 2000: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. М.
- Маршак 1971: *Маршак Б. И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // СНВ. 10. С. 58—66.
- Маршак 1983: *Маршак Б. И.* Монументальная живопись Согда и Тохаристана в раннем Средневековье // Бактрия—Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. М. С. 53—55.
- Маршак 1987: *Маршак Б. И.* Искусство Согда // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М. С. 233—248.
- Массон 1966: *Массон В. М.* Хорезм и кушаны // ЭВ. 17. С. 79—84.
- Никоноров, Худяков 1999: *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии. Новосибирск. С. 141—154.

- Ольховский, Яценко 2000: *Ольховский В. С., Яценко С. А.* О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. М. С. 295—315.
- Пугаченкова 1987: *Пугаченкова Г. А.* Образ кангюйца в согдийском искусстве // *Пугаченкова Г. А.* Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент. С. 56—65.
- Пугаченкова 1989: *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Ташкент.
- Пугаченкова 1989а: *Пугаченкова Г. А.* Образы юечжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент. С. 96—110.
- Пугаченкова, Ртвеладзе 1990: *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия—Тохаристан. Ташкент.
- Ртвеладзе 1986: *Ртвеладзе Э. В.* Стена Дарбанда Бактрийского // Общественные науки в Узбекистане. 12. С. 34—39.
- Ртвеладзе 1987: *Ртвеладзе Э. В.* Древние монеты Средней Азии. Ташкент.
- Ртвеладзе 1990: *Ртвеладзе Э. В.* Согдийские монеты в Северном Тохаристане // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда: Тез. докл. Ташкент. С. 84—85.
- Ртвеладзе 1999: *Ртвеладзе Э. В.* Газаба—Гозбон // ИМКУ. Вып. 30. С. 104—109.
- Ртвеладзе, Тургунов 2001: *Ртвеладзе Э. В., Тургунов Б. А.* Находки захоронения в хуме с надписью на Дальварзинском некрополе // Археологические исследования в Узбекистане — 2000 год. Самарканд. С. 130—132.
- Симс-Вильямс 1995: *Симс-Вильямс Н.* Путешественники в Тибет: согдийские надписи Ладака // ВДИ. № 2. С. 61—67.
- Смирнова 1958: *Смирнова О. И.* Монеты древнего Пенджикента // ТТАЭ. Т. III. МИА (= № 66. М.; Л.). С. 216—280.
- Смирнова 1970: *Смирнова О. И.* Очерки из истории Согда. М.
- Смирнова 1981: *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.
- Соловьев 1997: *Соловьев В. С.* Северный Тохаристан в раннем Средневековье. Елец.
- Соломоник 1959: *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев.
- Ставиский 1961: *Ставиский Б. Я.* Хионитская гемма-печать // СГЭ. XX. С. 54—56.
- Ставиский, Вайнберг 1972: *Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И.* Сасаниды в правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV—V вв. // ВДИ. № 3. С. 185—190.
- Сулейманов 2000: *Сулейманов Р. Х.* Древний Нахшаб. Самарканд; Ташкент.
- Тревер, Луконин 1987: *Тревер К. В., Луконин В. Г.* Сасанидское серебро. М.
- Тургунов 2000: *Тургунов Б.* Находка захоронения в хуме с надписью на Дальварзинском некрополе // Материалы полевых исследований УзИскЭ. 4. Ташкент. С. 19—20.
- Яценко 1992: *Яценко С. А.* Плиты энциклопедии тамг в Монголии и Сарматии // Северная Евразия от древности до Средневековья: Тез. докл. конференции к 90-летию М. П. Грязнова. СПб. С. 195—198.
- Яценко 1993: *Яценко С. А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I—II вв. н. э. // ПАВ. Вып. 3. СПб. С. 60—72.
- Яценко 2000: *Яценко С. А.* Эпический сюжет ираноязычных кочевников в древностях степной Евразии // ВДИ. № 4. С. 86—104.
- Яценко 2001: *Яценко С. А.* Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М.

- Aram 1986: *Aram M.* Nomina propria iranica in nummis. Materialgrundlagen zu den iranischen Personennamen auf antiken Münzen. Wien (Iranisches Personennamenbuch. Bd. IV).
- Aram 1996: *Aram M.* Alchon und Nezak. Zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Mittelasien // *La Persia e L'Asia Centrale da Alessandro al X secolo.* 127. Roma (Atti dei convegni lincei). S. 517—554.
- Bopearachchi 1992: *Bopearachchi O.* The Euthydemus' Imitations and the Date of Sogdian Independence // *SRAA.* 2 (1991/92). P. 1—21.
- Callieri 1998: *Callieri P.* Seals and Sealings from the North-West of the Indian Subcontinent and Afghanistan (4th century BC — 11th century AD). Local, Indian, Sasanian, Graeco-Persian, Sogdian, Roman. Naples.
- Callieri 1999: *Callieri P.* Huns in Afghanistan and the north-west of the Indian subcontinent: the glyptic evidence // *CACH.* P. 277—291.
- Cribb 1985: *Cribb J.* Some Further Hoards of Kushano Sasanian and Late Kushan Coppers // *CHR.* VII. P. 308—321.
- Cribb 1990: *Cribb J.* Numismatic Evidence for Kushano-Sasanian Chronology // *Stfr.* 19. P. 151—193.
- Davary 1982: *Davary G.* Baktrisch. Ein Wörterbuch auf Grund der Inschriften, Handschriften, Münzen und Siegelsteine. Heidelberg.
- Dračuk 1972: *Dračuk V. S.* Untersuchungen zu den tamgaartigen Zeichen aus dem nordpontischen Randgebiet der Antiken Welt // *ZArch.* 6. S. 190—227.
- Enoki 1956: *Enoki K.* Sogdiana and the Hsiung-nu // *CAJ.* I/1. P. 43—62.
- Enoki 1959: *Enoki K.* On the Nationality of the Ephthalites // *MRDTB.* 18. P. 1—58.
- Ghirshman 1948: *Ghirshman R.* Les Chionites-Hephthalites. Le Caire.
- Göbl 1967: *Göbl R.* Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. I—IV. Wiesbaden.
- Göbl 1976: *Göbl R.* Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman. Ein Beitrag zur spätsasanidischen Sphragistik. Berlin.
- Göbl 1981: *Göbl R.* Iranisch-hunnische Münzen. 1. Nachtrag // *IAnt.* Vol. XVI. S. 173—182.
- Göbl 1984: *Göbl R.* System und Chronologie der Münzprägung des Kusanreiches. Wien.
- Harper, Meyers 1981: *Harper P. O., Meyers P.* Silver Vessels of the Sasanian Period. New York.
- Humbach 1967: *Humbach H.* Zu den Legenden der hunnischen Münzen, Siegel und Kontermarken // *MSS.* 22. S. 39—56.
- Humbach 1996: *Humbach H.* The Peroz Hephthalite coins // Буддийские комплексы Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1978—1989 гг. М. С. 209—212.
- Humbach 2002: *Humbach H.* [Рец. на]: Sims-Williams N. Bactrian documents from northern Afghanistan, I: Legal and economic documents. Oxford, 2000 // *BSOAS.* Vol. 65/2. 2002. P. 415—418.
- Ilyasov 2001: *Ilyasov J. Ya.* The Hephthalite Terracotta // *SRAA.* 7. P. 187—200.
- Ilyasov 2003: *Ilyasov J.* Covered Tail and «Flying» Tassels // *IAnt.* Vol. XXXVIII.
- Ilyasov, Rusanov 1998: *Ilyasov J. Ya., Rusanov D. V.* A Study on the Bone Plates from Orlat // *SRAA.* 5 (1997/98). P. 107—159.
- Istvanovits, Kulcsar 1998: *Istvanovits E., Kulcsar V.* Some Considerations About the Religion, Tribal Affiliation and Chronology of the Sarmatians of the Great Hungarian Plain // *AIUO.* 58/1—2. P. 193—228.
- Jänichen 1956: *Jänichen H.* Bildzeichen der königlichen Hoheit bei den iranischen Völkern (Antiquitas, Reihe 1, Band 3). Bonn.

- Jettmar 1989: *Jettmar K.* Introduction // ANP. S. XI—LVII. P.
- Jettmar, Thewalt 1985: *Jettmar K., Thewalt V.* Zwischen Gandhara und den Seidenstrassen. Felsbilder am Karakorum Highway. Mainz.
- Marshak 2001: *Marshak B. I.* The Sogdians in Their Homeland // Monks and Merchants. Silk Road Treasures from Northwest China. New York. P. 231—237.
- Rtveladze 1990: *Rtveladze E. V.* On the Historical Geography of Bactria-Tokharistan // SRAA. 1. C. 1—33.
- Rtveladze 1998: *Rtveladze E. V.* Pre-Muslim Coins of Chach // SRAA. 5 (1997/98). P. 307—328.
- Sims-Williams 1989a: *Sims-Williams N.* Sogdian and other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. Vol. I. London (CIr. Pt. II. Vol. III).
- Sims-Williams 1989b: *Sims-Williams N.* The Sogdian Inscriptions of the Upper Indus: A Preliminary Report // ANP. P. 131—137.
- Sims-Williams 1999: *Sims-Williams N.* From the Kushan-shahs to the Arabs. New Bactrian documents dated in the era of the Tochi inscriptions // Coins, Art and Chronology. Wien. P. 245—258.
- Sims-Williams 2000: *Sims-Williams N.* Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. Oxford (CIr. Pt. II. Vol. VI.).
- Staviskij 1960: *Staviskij B.* Notes on Gem-seals with Kushana Cursive Inscriptions in the Collection of the State Hermitage // JNSI. Vol. 22. P. 102—108.
- Tanabe 1998: *Tanabe K.* A Newly Located Kushano-Sasanian Silver Plate: The Origin of the Royal Hunt on Horseback for Two Male Lions on «Sasanian» Silver Plates // The Art and Archaeology of Ancient Persia. New Light on the Parthian and Sasanian Empires. London; New York. P. 93—102.
- Tanabe 2001: *Tanabe K.* A Kushano-Sasanian Silver Plate and Central Asian Tigers // SRAA. 7. P. 167—186.
- Tanabe, Hori 2000: *Tanabe K., Hori A. et al.* Excavation at Dal'verzin Tepe, Uzbekistan, 1999 // BAOM. 20 (1999). P. 101—162.
- Zeimal 1996a: *Zeimal E. V.* The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A. D.) // BAI. NS. Vol. 8 (1994). P. 245—267.
- Zeimal 1996b: *Zeimal E. V.* The Kidarite kingdom in Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750. UNESCO Publishing. P. 119—133.

ЛЮСТРОВЫЙ КУВШИН ИЗ МИЗДАХКАНА

М.-Ш. Кдырниязов (Нукус, Узбекистан)

В мае 2000 г. в ходе раскопки объектов «южного поселения» золотоордынской части Миздахкана в доме № 1 найден уникальный археологически целый люстровый кувшин, оформленный с высоким художественным вкусом. Несмотря на фрагментарность, форма кувшина определенно восстанавливается. Следует сказать, что целые люстровые изделия редко встречаются в памятниках Хорезма. Кувшин имеет высокое и широкое цилиндрическое горло диаметром 10 см, высотой 9 см, венчик утолщен и чуть отогнут, тулово снаружи шаровидное. Диаметр широкой части тулова — 18,5 см. Толщина, в зависимости от места и характера стенок, — 0,3—0,5 см. Верхняя часть вертикальной пластинчатой ручки, имеющей выступ, прикреплена к венчику, а нижняя часть — к тулову. По середине лицевой стороны ручки по всей длине идет овальная ложбинка, на которой размещена (сверху вниз) свободно нанесенная арабская надпись. Надписи встречаются также в местах соединения ручки с туловом и на подтреугольном, пятилепестковом и эллипсоидно-овальном медальонах. В целом орнаментная сюжетная композиция кувшина обогащена выразительными художественными средствами и приемами украшения.

Прежде всего остановимся на пятилепестковом медальоне с изображением женщины, играющей на струнном инструменте. Медальонов с антропоморфным сюжетом пять, в шестом медальоне закреплено основание ручки. Керамист изобразил молодую девушку в ожидательной позе — она как бы ожидает от зрителя поддержки. Слева от нее хорошо виден полудугообразный гриф инструмента. Сам инструмент имеет каплевидную форму. Фон рисунка, как и вся одежда, заполнен точечками-горошками. Края медальонов охвачены полосой параллельных золотисто-коричневых линий. Белый контурный фон способствует яркому мерцанию люстрового орнамента. До недавнего времени в поливной керамике Хорезма изобразительные мотивы с антропоморфным сюжетом встречались крайне редко [Вакурская 1960: 19—192; Хожаниязов, Кдырниязов 1989: 95, рис. 5]. Это были изображения богато одетого всадника, охотника либо пиршества или звериного гона. Выявленные фрагменты люстровых изделий из Хорезма относились к сосудам типа чаши и блюд [Неразик 1976: 100; Хожаниязов, Кдырниязов 1989: 92—102].

Ближние аналоги миздахканскому кувшину мы находим в коллекциях Музея народов востока России [Веймарн 1974: 111, рис. 123], в Вашинг-

тонской галерее искусств [Grube 1973: рис. 30, фиг. 18] и в г. Рея [Islamic Pottery 1939: 632, 633, 649]. Находка в Миздахкане расширяет ареал распространения этого вида керамики в средневековом Хорезме.

Установлено, что местные и пришедшие мастера производства выпускали люстровую керамику в Мерве, Дехистане, Шехр Исламе [Атагарьев 1986: 108; Пугаченкова 1960: 84—86] и Бухаре [Мирзахмедов 1999: 303]. В XIII—XIV вв. собственное производство керамики (подражание люстре) существовало и в столицах Золотой Орды [Федоров-Давыдов 1984: 90]. На территории Западного Хорезма в археолого-топографических точках № 707, 792 вблизи Замахшара и Ярбекира найдены фрагменты явно бракованной посуды с люстрой [Фонд Хорезмской археологической экспедиции].

Однако абсолютная идентичность орнаментальных мотивов кувшина из Миздахкана с люстровыми изделиями Ирана говорит о происхождении кувшина из одного из иранских центров: Рей, Султания или Кашан. Золотоордынские ханы и ильханы хулагуидского Ирана, получая крупные доходы от торговли, способствовали тем самым экономической политике. В XIII—XIV вв. вновь оживился транскаракумский путь, связывающий иранские города с Хорезмом [Массон 1966: 56, 64; Кдырниязов 2000: 39—40].

Возможно, тогда, как и прежде, часть товаров, экспортированных из Ирана, были завезены в Миздахкан, в их числе оказался и кувшин с люстрой.

Литература

- Атагарьев 1986: *Атагарьев Е.* Средневековый Дехистан. Л.
Вактурская 1960: *Вактурская Н. Н.* Иранский сосуд из Ургенч // МХЭ. Вып. 4. М.
Веймарн 1974: *Веймарн Б. В.* Искусство арабских стран и Ирана VI—XVII вв. М.
Массон 1966: *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // ТЮТАКЭ. Т. XIII.
Неразик 1976: *Неразик Е. Е.* Сельское жилище Хорезма (I—XIV вв.). М.
Пугаченкова 1960: *Пугаченкова Г. А.* К открытию люстровой керамики в Мерве XIII в. // Изв. АН ТуркмССР. СОН. № 5.
Федоров-Давыдов 1984: *Федоров-Давыдов Г. А.* Четверть века изучения городов Нижнего Поволжья // СА. № 3.
Фонд Хорезмской археологической экспедиции: Фонд Хорезмской археологической экспедиции: 68. Т. 707, п/154; 59 ЛБ. Т. 792/155.
Хожаниязов, Кдырниязов 1989: *Хожаниязов Г., Кдырниязов М.-Ш.* Коллекция поливных чаш из Кзыл-кала // Изобразительное и прикладное искусство. Культура Среднего Востока. Ташкент.
Мирзахмедов 1999: *Мирзахмедов Д. К.* Новые находки люстровой керамики из Бухары // ИМКУ. Вып. 30.
Кдырниязов 2000: *Кдырниязов М.-Ш.* О роли Хорезма в Евразийской торговле в XIII—XV вв. // ОНУ. № 1.
Grube 1973: *Grube J. E.* Umenie sveta. Bratislava.
Islamic Pottery 1939: *Islamic Pottery* // SPA. Vol. VI.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ ЧАЧСКОГО НАРОДА В СОГДИЙСКИХ НАДПИСЯХ И МОНЕТНЫХ ЛЕГЕНДАХ *

В. А. Лившиц (Санкт-Петербург)

Административная, военная и сословная лексика согдийского языка, в течение целого тысячелетия служившего языком международной торговли и культурных контактов на огромной территории — от Бухары до Китайской стены, известна достаточно хорошо по документам, религиозным и светским текстам и монетным легендам. Согдийские титулы, обозначающие царя, правителя, владельца страны, города, сельской округи, образованы от древнеиранского глагола *xšay- 'мочь; править, царствовать' и древнеиранских композит *xva-tāva- 'самогоуший, автократ' и *xva-bava- 'самоставший, самосозданный'. К таким титулам относятся: согд. xšud, 'xšud, 'xšud /xšēd, 'xšēd/ 'царь' (арабская передача *ixšīd*), из др.-ир. *xšaita-, авест. xšaēta-¹; согд. 'xšwun, 'xšwun'k, xšwuny(y) /xšēwanē, 'xšēwan, 'xšēwanē/ 'царь, владелец'²; согд. xwt'w /xutāw/, xwβw, xwβ /xivvi, xivv/ 'государь, князь'. Титул «царь» в согдийских текстах и монетных легендах часто передавался идеограммой MLK' /арам. *malkā* /, xutāw и xivvi/xivv в документах из крепости на горе Муг и в монетных легендах нередко обозначались идеограммой MR'Y' /арам. *marī* 'мой господин'/ и ее орфографическим вариантом MR'Y'. В согдийских надписях на торевтике, происходящих из Чача (Ташкентский оазис), и в легендах монет, выпускавшихся удельными правителями Чача, титулы «государь, правитель» передаются написанием MR'Y'.

В статье «Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах», написанной в соавторстве с В. Г. Лукониным [Лившиц, Луконин 1964], я опубликовал чтения и переводы нескольких согдийских надписей. В данной заметке я хочу предложить поправки к этим чтениям и по-

* Публикуется при финансовой поддержке РФНФ. Грант 0601-004669.

¹ Ср.: 'xs(rw-'xš)ud 'благословенный (?) царь' в согдийско-манихейской сказке: *ms xw 'xsr(w-'x š)ud [MN] yntw m'yud 'prs* 'вновь благословенный (?) царь так спросил у духа вод...' (см.: [Henning 1945: 481—482, II. 31—32]). С 'xsrw ср. среднеперс., новоперс. *xusraw*, согд. 'kwsrw, 'kwsr'w в наскальных надписях X—начала XI в. из урочищ Терек-сай и Кулан-сай в Таласской долине (см.: [Лившиц 1981; 2004: 144 и след.]).

² Согд.-христ. *xšwny /xšēwanē* / 'царь', *xšwnc /xšēwanē*/ 'царица' наряду с ман., христ. *xšwun- /xšēwan-*/; ман. 'xšwun'ky' /'xšēwankyā/ 'власть, правление', ман. 'xšwun'ny- /'xšēwanēnē?/ 'властный, господский, царский'. Ср. в согдийско-манихейской сказке: *MLK'munc nywδn ptwyt* 'он надел царское платье' (см.: [Henning 1945: 478, I. 7; GMS: § 269, 1084, 1086, 1103, 1189, 1230, 1253, 1635]).

пытку интерпретации одного административного термина, который засвидетельствован в надписях и монетных легендах, происходящих из Чача, но был, по-видимому, известен и в Самаркандском Согде.

Надпись на серебряном блюде с изображением кушаншаха в рогатой короне, охотящегося на кабанов (рис. 1). Блюдо, изданное в атласе Я. И. Смирнова «Восточное серебро», найдено в деревне Керчево Чердынского уезда Пермской губернии и датируется предположительно IV в. [Смирнов 1909: табл. XXV, 53]³. Блюдо дефектное, выломано около 1/20 поверхности. Вес сохранившихся частей — 639 г. На внешней стороне блюда линейная надпись, врезана глубоко, одна строка — раннее согдийское письмо, по палеографии надпись можно отнести к IV—V вв. Рядом с надписью — тамга такой же формы, как на нескольких эмиссиях медных и бронзовых монет с согдийскими легендами, выпускавшихся в Чаче в V—VII вв. Надпись на блюде гласит: *MY'R š'w c'c'nn'pc 3+3+3+20+10 styrk / xuv(u) šāw cācānnāfč šīsni stērak* / 'Князь Шāv, предводитель чачского народа. (Вес) — 39 статов'»⁴. Если считать статов равным 16,5 г, вес блюда до вылома составлял около 643 г.

Имя *šāw (š'w)*, букв.: 'Черный' (ср. рус. *Чернов*) засвидетельствовано также в мугском документе Nova 3 (Verso, 20), ср. также имя *šāwč (š'wc)* в другом мугском документе (B-8, Verso, 2). Буквальное значение титула *cācānnāfč* — 'относящийся (суффикс *-č*)⁵ к чачскому народу'. Согд. *n'β*, ман., христ. *n'f /nāf/* 'народ, община' продолжает др.-ир. **nāfa-*, авест. *nāfa-* 'пупок; родство, семья' (ср. авест. *nabānazdišta-*, среднеперс. *nabānazdišt*, др.-инд. *nābhanediṣṭha-* 'ближайше родственный' [AWb: 1040, 1062]; среднеперс. *nāf* 'семья, род', *nāfag* 'пупок', новоперс. *nāf, nāfe*)⁶. В хорезмийском *n'f* — 'город', *hm-n'fc* 'земляк' [Benzing 1983: 318].

³ Блюдо имеет точную стилистическую пару в блюде Британского музея [SPA: I, 724], на котором корона отождествляется с короной Шапура II. О датировке блюда и о чтении надписи Э. Херцфельдом, Ф. А. Розенбергом и В. Б. Хеннингом см.: [Лившиц, Луконин 1964: 170, примеч. 116—119].

⁴ Ср.: [Livshits 2003: 49], Ю. Йосида ошибочно читает в начале надписи *my'rx'n* 'Maūārkhān' вместо *MY'R š'w* [Yoshida 2002: 191]. Начертания буквы *š* в надписи необычны. О предшествовании знаков для единиц цифрам 20 и 10 в этой надписи см.: [Henning 1958: 53] (см. ниже о такой же последовательности цифр в надписи из Южного Китая).

⁵ Об этом суффиксе см.: [GMS: § 1000—1005].

⁶ Производные от *nāf* в согдийском многочисленны: христ. *n'fc* 'гость', будд. *n'βc'ny* 'местный, народный', будд. *n'βc'kh* 'страна', *n'βcy*, *n'βcyh*, *n'βcy'kh* 'страна', ман. *n'βcyk* 'племя', будд. *n'βcyk* 'земляк; житель страны'; будд. *n'βδ'r* 'правитель,

Рис. 1. Серебряное блюдо с изображением кушаншаха

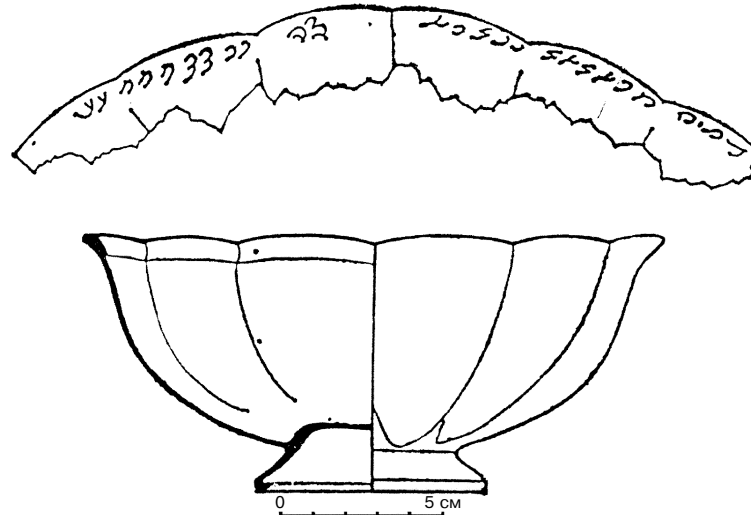

Рис. 2. Серебряная чаша

Титул *čāčānnāfč* представлен также в фрагментированной согдийской надписи на серебряной чаше, найденной в Южном Китае, около Кантона (см.: [Yoshida 2002: 190]). Сохранившаяся часть надписи (рис. 2) имеет следующий текст:]spy(?)t sp c'c'nn'pc 1+1+20+20 styrk /]Spētasp(?) čāčānnāfč čātārāsdwā stērak «[Этот сосуд (?)] — Спētаспа, предводителя чачского народа. (Вес) — 42 статера» (≈ 672 г)⁷. Перед цифровыми знаками находится тамга, отличающаяся от тамги на блюде из Керчево и на согдийских монетах, выпускавшихся в Чаче (ср.: [Yoshida 2002: 190—191]). По палеографии надпись можно датировать IV—V вв.

Медные монеты, выпускавшиеся в Чаче, по-видимому, в IV—V вв., найденные в большом количестве при раскопках городища Канка (80 км к юго-западу от современного Ташкента, 8 км от берега Сырдарьи), имеют на реверсе профильное изображение головы правителя, на аверсе в центре имеется тамга, по краю — круговая согдийская надпись (рис. 3):

владелец', ман. *n'βn'mk* 'список народов'. Ср. хот. **nāha-*, Gen. Sg. *neha* 'пупок', ман.-парф. *n'p /nāf/* 'семья, род', ман.-среднеперс. *n'pzyndg /nāfzīndag/* 'манихейская община' (букв.: 'живая семья', см.: [Боусе 1977: 60]), арм. *nahapet* 'глава рода' (из среднеперс. **nahpet*, **nahbed* ?), осет.-диг. *naft(f)ä* 'пупок', курд. *nav*, *naväk*, *nābek*, бел. *nāfay*, *nārag*, пашто *ni*, *nom*, шугн. *nāf*, руш. хуф. *nēf*, язг. *nāf*, ишк. *nōf*, мундж. *nūfa*, йидга *nif*, ягн. *nofa* (и. е. **enebh-*, **enbh-*, **onbh-* (см.: [Pokorny 1959—1960: 314; DKhS: 181; ИЭСОЯ: II, 149]).

⁷ Чтение *spytsp* (*Spētasp*), букв.: '(обладающий) белыми лошадьми', только предположительное — начертание *y* в этом слове значительно отличается от *y* в слове *styrk* (читать *spztsp*?). Числительное 40 до сих пор, насколько я могу судить, в согдийских текстах не засвидетельствовано. Оно могло иметь форму **ctβ'r(')s /čātārās/*, др.-ир. **čāθvārsas*, авест. *čāθwarə-sant*, *čāθwaras*, др.-инд. *catvāriṃśāt-* [Awb: 578]. Ср. согд. *šys /šīs/ '30'*, авест. *θrisqš*, согд. *pnc's /pančās/ '5'*, авест. **pančasqš* [GMS: § 958, 1316, 1323], пашто *calwešt '40'*, среднеперс., новоперс. *čihil*, из **čāθvārsat-* [NEVP: 17].

Рис. 3. Медные монеты

c'c'nn'pc wnwv xvβ / čāčānnāfč Wanūn xiv / «Предводитель чачского народа князь Ванун» (см. фотографию монеты: [Ртвеладзе 2002: 231, 238—241]; для чтения легенды ср.: [Yoshida 2002: 191]). Имя *Wanūn* (или *Wanpōn*) имеет значение 'Победоносный' и может рассматриваться как суффиксальный гипокористик (усеченное имя) от двусловного имени с компонентом *wanūn* во второй части сложения, ср. согдийские имена *Npuwnwn* 'Победоносный (благодаря богине) Нанай', *Rztnwnwn* 'Побеждающий в битве' в наскальных надписях IV—VI вв. из долин Верхнего Инда [Sims-Williams 1992: 61, 68, 75].

Для контекстов употребления согд. *nāf* 'народ, община' можно привести два примера из мугских документов. Во второй части брачного контракта — обязательства жениха по отношению к опекуну невесты, составленного в форме письма, от 1-го лица (документ Nova 4, Verso, 9—10), мы читаем: *ry ZNH n'm'k wyspy n'βy prm'n ZY γw'm'k* «и это письмо (касается) всего народа — живущего в домах и находящегося в гостях». Мугский брачный контракт был составлен, по-видимому, в Самарканде в день Асмāн месяца Масвōгич десятого года правления царя Тархūна (19 июня 710 г.) (см.: [СДГМ II: 17—44; Gershevitch 1962: 93]; ср.: [Yakubovich 2002: 6]). «Живущие в домах» и «находящиеся в гостях» можно тол-

ковать либо как традиционную для согдийских юридических документов формулу, восходящую, быть может, к определенному арамейскому прототипу и не отражающую реального деления жителей Согда начала VIII в. на категории «живущих в домах» — полноправных членов городской общины и «чужаков-гостей», не-членов общины (ср. библ.-евр. *gēr w^e tōšā(b)*), либо как формулу, фиксирующую дифференциацию населения Согда. Вряд ли можно предполагать, что под «гостями» следует понимать приезжих (например купцов), временно находившихся в Самарканде. В согдийском контракте (638 г.) на покупку самаркандской девушки-рабыни китайским буддийским монахом, найденном в могильнике близ Турфана [Yoshida, Moriyasu 1988], имеется сходная формула (Recto, 15): *rtu ZNH δ'урwsty... prbrmykw wyspy n'βyh šwun'k prm'n* «И этот контракт (на покупку) рабыни обязателен для всего народа, путешествующего (букв.: 'ходящего') и находящегося в домах». Согд. *prm'n*, как отметил Н. Симс-Вильямс, может иметь значение 'строгo обязательный' и рассматриваться как заимствование из др.-инд. *pramāṇa* 'размер; мера; доказательство'. В бактрийском юридическом документе из Роба, найденном в Точи (Пакистан, близ границы с Афганистаном), имеется формула: *tado faro kiso wāwaro parmano* «пусть это (= документ) будет обязательным (и) распорядительным для всех» [Sims-Williams 2000: 90—91, 216].

Согд. *nāf* в значении 'община' засвидетельствовано также в мугском документе А-13, датированном месяцем Хурёжанич 14-го года правления пенджикентского князя Дёвāштгча: *MN pncykndc β'zkr'm ZY MN n'β kw trx'n ZY βyuprnw rty c'nkw 'M ptz'nkh pcwzd rty δβryd MN 'βtmu šm'rkw ZKn c'kw yttkw pr'srδyk 100+20+20+10 δrxmu* «от пенджикентского сборщика податей (?) и от (пенджикентской) общины — Тархāну и Вагифарну. И когда (это) извещение получите, выдайте от седьмого числа (месяца Хурёжанич?) по этому документу из (суммы) годичной пошлины за (пользование) мостом 150 драхм» ([СДГМ II: 69]; ср.: [СДГМ I: 38; СДГМ III: 71—72; Henning 1939: 89, Anm. 1; Grenet, De la Vaissière 2002: 187, n. 33])⁸.

Согд. *c'k /čak/* 'документ', впервые засвидетельствованное в этом тексте, подтверждает высказанное Д. Н. МакКензи предположение [MacKenzie 1990: 90], согласно которому среднеперс., новоперс. *čak* 'документ', хорезм. *čikk (ck)* 'документ о разводе', араб. *šakk* 'документ' представляют собой адаптации кит. *ts'ə* (среднекит. *tshak*) 'табличка для письма, документ, список' (ср. рус. *чек* из англ. *check, cheque*), причем посредником на пути заимствований было незасвидетельствованное согдийское слово (МакКензи не заметил согд. *c'kw* в мугском документе).

⁸ В. Б. Хеннинг [Henning 1939: 89, Anm. 1] показал, что *βyuprn* — имя собственное. Сочетание *kw trx'n ZY βyuprnw* можно переводить и как 'тархану, (имя которого) Вагифарн (*Vağifarn*)'. В [СДГМ III: 71—72] дан такой перевод начала документа А-13: «от пенджикентского β'zkr'm-а и n'β-а тархану и государю любимому. И как только удостоверение вы получите, то выдайте из βtm-а счета сиятельному главе посольства 150 драхм». Ф. Гренэ и Э. де ла Вэссьер переводят: «From the Panjikent tax office and from the community, to Tarkhan and Vaghifarn. When you come across this notice, you should pay (litt. «give») 150 drachmas, counting beforehand each year, on the [takings of] the Chak bridge» [Grenet, De la Vaissière 2002: 187, n. 33].

Вернемся теперь к титулу *čāčānnāfč*. Топоним *Čāč*, в средневековых арабских и персидских источниках также *Čāš*, *Šāš*, *Tāš*, см.: [Henning 1940: 9; Minorsky 1937: 55, 72]), согласно весьма вероятной гипотезе И. Гершевича [Gershevitch 1974: 55, 72], происходит из др.-ир. **čāiča-* 'акватория, озеро', ср. авест. *Čaēčista-* (Yt. 9. 18, 22) — название озера, около которого эпический герой Хаосрава убил злодея Франхрасьяна — царя туров (в «Шахнаме» Афрасиаб). Гидроним *Čāč*, первоначально служивший обозначением Аральского моря, со временем стал наименованием Ташкентского оазиса. Название *Tāškent*, по народной этимологии 'Каменный город', является тюркской адаптацией согд. **Čāčkanđ* или **Čāč-* *kanđ*.

Компонент *čāčān* в термине *čāčānnāfč* — прилагательное 'чачский', ср.: *č'čynk* в мугском документе А-14, *č'č'n'y* в согдийско-манихейском «Списке народов» (*Nāfnāmē*), происходящем из Турфана, *č'čn'kw* в настенной надписи (*ди-пинти*) середины VII в., найденной на городище древнего Самарканда. В надписи Шапура I на «Ка'бе Зороастра» в Накш-и Рустаме Чач в парфянской версии — *Čāčestān* (*ššystm*), в греческой — *Tsatsēnēs* (ср.: [Tremblay 2004: 127]).

В Самаркандском Согде также, по видимому, существовал титул «глава народа, общины», образованный от *nāf*. В согдийской курсивной надписи на серебряной ложчатой чаше с амфалом, найденной в 1961 г. на городище Чилек (Самаркандская область) и опубликованной Б. И. Маршаком, читаем (рис. 4): *ZNHZY y'mk ZKn n'pčbzy-cyk dūš-cy xurđ 'uw knpy 'YKZY 20s n'kritk* «Этот сосуд — собственность Дишчи, предводителя общины (селения) Вазд. (Вес —) 19 (букв.: '(на) один меньше 20) с(татеров) серебра')» (ср.: [Лившиц, Луконин 1964: 173; Livshits 2003: 49]). Топоним *βzt /Vazd/* можно идентифицировать с названием селения *Wzd (Wazd)*, находившегося в Шавдаре, в 4 фарсах от Самарканда. Это селение упоминается у ас-Сам'ани (*Kitāb al-Ansāb*, ed. Margoliouth). Селение Вазд, как отметил В. В. Бартольд [Бартольд 1963: 145], может быть отождествлено с Вазкердом, о котором писали Истахри и, более подробно, Ибн Хаукаль, видевший там много месопотамских христиан. В. Л. Вяткин [Вяткин 1900: 159 и след.; 1902: 37] предлагал идентифицировать Вазкерд с нынешним селением Кингир

Рис. 4. Серебряная ложчатая чаша

в районе Ургута. Северо-западнее Ургута, в селении Суфиян, были найдены наскальные христианские надписи и изображения креста.

Литература

- Ас-Сам'анӣ. *Kitāb al-Ansāb* — *The Kitāb al-Ansāb* of 'Abd al-Karīm b. Muhammad al Sam'ānī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add. 23. 335 / With an introduction by D. S. Margoliouth. Leyden; London, 1912.
- Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // В. В. Бартольд. Сочинения. Т. I. М.
- Вяткин 1900: *Вяткин В. Л.* Где искать Визд? // Туркестанские ведомости. № 36. Ташкент.
- Вяткин 1902: *Вяткин В. Л.* Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Ташкент.
- Лившиц 1981: *Лившиц В. А.* Согдийцы в Семиречье: лингвистические и эпиграфические свидетельства // ППиПИКНВ. XV. Ч. I (2).
- Лившиц 2004: *Лившиц В. А.* Согдийские тексты, документы и эпиграфика // Источниковедение Кыргызстана. С древности до конца XIX в. Бишкек.
- Лившиц, Луконин: 1964. *Лившиц В. А., Луконин В. Г.* Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. № 3.
- Ртвеладзе 2002: *Ртвеладзе Э. В.* Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент.
- Смирнов 1909: *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
- Benzing 1983: *Benzing J.* Chwarezmischer Wortindex. Mit einer Einleitung von H. Humbach. Herausgegeben von Z. Taraf. Wiesbaden.
- Boyce 1960: *Boyce M.* A Word-list of Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran; Liège (AcIr. 9a).
- Gershevitch 1962: *Gershevitch I.* The Sogdian word for «Advice», and some Muz documents // CAJ. VII.
- Gershevitch 1974: *Gershevitch I.* An Iranist's view of the Soma controversy // [Mémorial Jean de Menasce. Louvain.
- Grenet, De la Vaissière 2002: *Grenet F., De la Vaissière E.* The last days of Panjikent // SRAA. 8.
- Henning 1939: *Henning W. B.* Zum soghdischen Kalendar // Orientalia. NS. VII. Roma.
- Henning 1940: *Henning W. B.* Sogdica. London, 1940 (James G. Forlong Fund. Vol. XXI).
- Henning 1945: *Henning W. B.* Sogdian Tales // BSOAS. Vol. XI/3.
- Henning 1958: *Henning W. B.* Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik, I/IV/1. Leiden; Köln.
- Livshits 2003: *Livshits V. A.* Sogdian Sānak, a Manichaean Bishop of the 5th — early 6th centuries // BAI. NS. Vol. 14.
- MacKenzie 1990: *MacKenzie D. N.* The Khwarezmian element in the *Qunyat al-Munya*. London.
- Minorsky 1937: *Minorsky V.* Hudūd al-'Ālam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. / Transl. by V. Minorsky. With the preface by V. V. Barthold († 1930), transl. from the Russian. London.
- Pokorny 1959—1969: *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—II. Bern; München.

Sims-Williams 1992: *Sims-Williams N.* Sogdian and other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. Vol. II. London (CIr. Pt. II. Vol. III).

Sims-Williams 2000: *Sims-Williams N.* Bactrian Documents from Northern Afghanistan. I: Legal and Economic Documents. Oxford (CIr. Pt. II. Vol. VI.).

Trembley 2004: *Trembley X.* La toponymie de la Sogdiane et le traitement de *xθ et *fθ en iranien // *StIr.* T. 33/1.

Yakubovich 2006: *Yakubovich I.* Marriage Sogdian Style // *Iranistic in Europa — Gestern, heute, morgen. Acten der Tagung Graz, 11—15.02.2002 / Hrsg. von. B. Fragner et al.* Vienna.

Yoshida 2002: *Yoshida Yu.* In Search of Traces of Sogdians «Phoenicians of the Silk Road» // *BBAW.* Bd. 9. Berlin.

Yoshida, Moriyasu 1989: *Yoshida Y., Moriyasu T.* A Sogdian sale contract of a female slave from the period of the Gaochang Kingdom under the rule of Qu clan // *SIAL.* IV (1988).

ГОРОД ШЕМАХА В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Дж. М. Мустафаев (Баку, Азербайджан)

Шемаха, являвшаяся одним из древних городов Азербайджана, находится на юго-восточных склонах Большого Кавказа. В течение своего длительного существования она неоднократно меняла месторасположение. В этом отношении в Азербайджане немного городов, историческая судьба которых столь трагична, как у Шемахи. На протяжении веков ее богатства привлекали внимание различных правителей. Вместе с тем высокая сейсмичность этой зоны еще больше усугубляла бедствия и лишения, испытываемые жителями города.

Некоторые ученые предполагают, что в топониме Шемаха отразилось название племени ижмахов, населявших данный регион еще в начале раннего Средневековья [Ашурбейли 1983: 37; Гейбуллаев 1991: 71]. В античной литературе среди городов Кавказской Албании упоминается город под названием Кемахия, отождествляемый с древней Шемахой. В результате археологических раскопок в окрестностях Шемахи, в местности Хыныслы, были обнаружены следы обширного древнего поселения с развитой торгово-ремесленной жизнью. Это многослойное древнее поселение просуществовало с последней четверти I тыс. до н. э. до VIII в. н. э. Угасание жизни в Хыныслы, по предположению Д. А. Халилова, проводившего здесь долгие годы археологические раскопки, было связано либо с нашествием арабов, либо с сильным землетрясением [Халилов 1965: 78—89].

Время прекращения жизни в поселении Хыныслы почти совпадает со временем возникновения и развития города Шемахи на новом месте и с новым названием. В полутора километрах к северо-западу от нынешней Шемахи был основан город, который арабские авторы называли Йезидийе. Некоторые ученые связывают происхождение этого названия с именем правившего на Южном Кавказе во второй половине VIII в. арабского наместника Йазиды ибн Усайда [Ашурбейли 1983: 102]. Город именовался так вплоть до XI в.

После распада арабского Халифата во второй половине IX в. на территории Азербайджана возникли несколько независимых феодальных государств, среди которых особое место занимало государство Ширваншахов. В 918 г. Шемаха становится столицей этого государства. Статус столичного города Шемаха сохраняла до 1538 г., т. е. до конца существования

государства Ширваншахов [Гейдаров 1982: 113]. Разумеется, став столицей независимого государства, Шемаха начала развиваться быстрыми темпами и очень скоро стала более значительным городом с укреплениями, современными оборонительными сооружениями.

Археологические и нумизматические материалы IX—XVI вв., выявленные в Шемахе, большое количество монет с местным чеканом, остатки керамики, целый ряд архитектурных памятников — все это свидетельствует об интенсивной жизни развитого средневекового города, о процветании различных отраслей ремесла, торговли, об экономическом и культурном подъеме Шемахи в это время [Джидди 1981].

Политическая обстановка XVI в. способствовала экономическому росту Шемахи. В 1538 г. государство Ширваншахов перестало существовать и Шемаха из столичного города превратилась в центр Ширванского беглярбекства в составе Сефевидского государства. В экономическом расцвете города немаловажную роль сыграл ширванский шелк-сырец. Почти все производство шелка и торговля им на Южном Кавказе были сосредоточены в Шемахе [Готье 1937: 202—203]. Освоение Волжско-каспийского торгового пути со второй половины XVI в. привело к преобразованию Шемахи в крупный центр международной торговли. Здесь было построено много караван-сараяв, где останавливались русские, индийские, турецкие, армянские и персидские купцы.

Период сефевидско-османских войн конца XVI—начала XVII в. нельзя считать благоприятствующим развитию городской жизни Азербайджана. Во время этих войн Шемаха, как и многие города, неоднократно переходила из рук в руки. Иезуитские миссионеры, побывавшие в Шемахе в начале XVII в., писали, что весь город был в руинах [Гейдаров 1982: 113]. Однако уже со второй четверти XVII в. благодаря сильному экономическому потенциалу город восстанавливает свое прежнее значение. Посетивший в этот период Шемаху английский путешественник Томас Герберт насчитывал в нем около 4 тысяч домов [Herbert 1921: 197]. Процесс восстановления и развития Шемахи продолжался и в последующие годы XVII столетия.

В многочисленных источниках подчеркивается значение Шемахи как крупного центра ремесла и торговли Азербайджана XVII в. Об этом свидетельствует также большое количество медных и серебряных монет с чеканом «Шемахи» в XVII в. Эти монеты были обнаружены в разных городах Азербайджана и Ирана [Пахомов 1940].

Для изучения торговых связей Шемахи с зарубежными странами в позднем Средневековье особое место занимают выявленные в результате археологических раскопок изразцы с изображениями людей. Характерные детали одежды и флагов, нарисованных на одном из изразцов, позволяют утверждать, что они были изготовлены в Турции. На поверхности другого изразца изображен народный герой Шотландии XVII—XVIII вв. Роб Рой и имеется надпись, подтверждающая изготовление изразца в городе Глазго [Джидди 1981: 109].

На рубеже XVII и XVIII вв. экономика Азербайджана, как и других стран Ближнего и Среднего Востока, переживала невиданный упадок.

Массовый уход торгово-ремесленного населения из городов привел к полной аграризации одних и многократному сокращению объема экономики других. Историки объясняют наступивший в данный период экономический упадок различными причинами, среди которых доминирующую роль играет перемещение главных путей мировой торговли, связанное с интенсивным использованием морского пути в Индию через Африку [Петрушевский 1948; Гейдаров 1970]. Последнее вызвало нарушение традиционных экономических связей Азербайджана не только с Европой, но и со многими странами Востока, прежде всего с Индией — самым крупным участником мировой транзитной торговли.

Безусловно, отклонение главных торговых путей имело отрицательные последствия для экономики многих городов Азербайджана. Более пагубное воздействие испытали в основном те города, которые находились непосредственно на караванных путях, т. е. единственную связь с внешним миром имели благодаря лишь сухопутным торговым путям. К таким городам относились прежде всего Нахичевань, Тебриз, Ардебиль, Гянджа и др.

Вместе с тем указанное изменение торговых путей не могло повлиять на уменьшение доходов таких городов Азербайджана, как Дербент, Баку и Шемаха, тесно связанных с Волжско-Каспийским путем. Благодаря своему географическому месторасположению Шемаха приобрела еще большее значение в транзитной торговле между Востоком и Западом. Она все еще продолжала вести оживленную торговлю как с европейскими, так и с восточными странами. Неслучайно французские миссионеры, побывавшие в Азербайджане в начале XVIII в., охарактеризовали Шемаху как «город крупной торговли и складочное место Московии и Персии». Они сообщают, что «город этот место встречи всех коммерсантов, торгующих в Московии, Швеции и Голландии, поэтому он переполнен уезжающими и приезжающими иностранцами» [НАИИНА Азерб.: Инв. 471. С. 21].

Английский путешественник Генри Петр Брюс, посетивший Шемаху в 1722—1723 гг., описал ее как самый большой и многолюдный город Южного Кавказа. Говоря об оживленной торговле города, он сообщает: «В Шемахе имеются фактории всех восточных народов, и по этой причине этот город посещается людьми разных стран» [Bruce 1782: 322].

В экономическом росте Шемахи по-прежнему немаловажную роль играл ширванский шелк-сырец и производство шелковых тканей, находивших широкий сбыт на внешнем и внутреннем рынке. По подсчетам Дж. Ханвея, ежегодный вывоз ширванского шелка-сырца составлял около 400 тюков [Hanvey 1753: 230]. Основными предметами внешней торговли Шемахи были шелковые и хлопчатобумажные ткани, золотая и серебряная парча и многие другие товары ремесленного производства.

В отличие от других городов Азербайджана, экономический упадок Шемахи начался с 30-х гг. XVIII в. и был связан прежде всего с военнополитическими событиями. Надир-шах Афшар, ставший во главе Иранского государства, вел энергичную борьбу за освобождение Южного Кавказа от турецкой и российской оккупации, совершившейся в 20-е гг. В 1734 г. он захватил Шемаху и разрушил город до основания. Причиной

тому послужило упорное сопротивление городского населения, объединившегося с турецким гарнизоном. По приказу иранского правителя в шести километрах от Шемахи на реке Ахсу-чай был построен новый город, известный в источниках как Новая Шемаха. В начале 40-х гг. XVIII в. Новая Шемаха став одним из центров борьбы против иранского гнета, подверглась жестокому разорению со стороны Надир-шаха [Алиев 1960: 37].

Безусловно, все эти события оказали отрицательное влияние как на внешний вид, так и на экономическую жизнь Шемахи. Недавно процветающий город превратился в маленький населенный пункт. Об этом свидетельствует путешественник И. Я. Лерх, побывавший здесь в 1745—1747 гг. По его словам, в городе «только дом хана и баня выстроены из камня, все остальные дома глинобитные, большей частью очень плохой работы» [НАИИНАЗерб.: Инв. 486. С. 61].

Военные походы Надир-шаха привели и к сильному сокращению объема ремесленного производства и торговли. В Новой Шемахе действовало всего 3 караван-сарая, построенных из глины. Тот же И. Я. Лерх сообщает, что «из-за беспорядков и непомерного выжимания денег» число купцов и ремесленников было очень мало [Там же].

После смерти Надир-шаха в 1747 г. Иранское государство распалось, и на территории Азербайджана образовалось около 18 независимых и полунезависимых государственных образований — ханств. Шемаха стала центром одноименного ханства, где была установлена власть Мухаммед Саид-хана (1748—1768). Следует отметить, что наблюдавшийся в 50—60-е гг. XVIII в. относительный экономический подъем в ханстве многие источники связывают с именем названного правителя [Гмелин 1785:101; Семенов 1835: 788; Обзорение... 1836: 149]. Старая Шемаха, став столицей ханства, постепенно возродила свою былую славу. Покровительствуя торговле и ремеслу, Мухаммед Саид-хан особое внимание уделял развитию шелководства. В период нахождения его у власти из Тебриза в Шемаху были приглашены 100 мастеров-шелкоткачей [Новосельцев 1959: 10]. Более того, архивные материалы начала XIX в. свидетельствуют, что многие ремесленники, работавшие в Старой Шемахе, были привлечены в город из окрестных деревень и соседних ханств еще при правлении Мухаммед Саид-хана [ЦГИААзерб., ф. 24, оп. 1, д. 348].

Таким образом, в 60-е гг. XVIII в. Шемаха частично восстановила свое экономическое значение и постепенно превратилась в крупный центр ремесла и торговли. В экономической жизни города по-прежнему важное место занимали производство шелка-сырца и выработка шелковых тканей. Многие современники дают ценные сведения о производстве шелка и вывозе его из Шемахи большими партиями. Русский ученый и путешественник С. Г. Гмелин, побывавший в Азербайджане в начале 70-х гг. XVIII в., отмечает, что шелководство в Шемахе дает «и поныне вид прежнего величества, а через то и преимущество перед другими Северной Персии городами» [Гмелин 1785: 100]. Факт восстановления и роста шелководства в Шемахе подтверждает и П. Семенов, который пишет, что «заведения для тканья шелковых материй здесь находились в цветущем состоянии при хане Мамед Сеиде, т. е. в 60-х гг. XVIII столетия [Семенов 1835: 788].

Однако наблюдавшийся в годы правления Мухаммед Саид-хана экономический рост Шемахи длился недолго и был прерван военно-политическими событиями последующего периода. В 1768 г. Шемахинское ханство было захвачено Фатали-ханом Кубинским, который вел борьбу за объединение азербайджанских земель в единое государство. В следующем году по приказу Фатали-хана Новая Шемаха была разрушена, а ее население переселено в старый город. Данный факт С. Гмелин объясняет двумя причинами. Во-первых, из-за плохих климатических условий и нехватки питьевой воды в городе часто вспыхивали инфекционные болезни [Гмелин 1785: 100]. Это подтверждается и А. Бакихановым, который сообщает, что еще в 1762 г. «в Закавказском крае случилась сильная чума, от которой более всех пострадал Ахсу», т. е. Новая Шемаха [Бакиханов 1991: 159]. Во-вторых, по предположению Фатали-хана, Шемаха превратилась в центр скопления врагов его власти в Шемахинском ханстве. В любом случае, отрицательные последствия происшедшего были налицо. По свидетельству С. Гмелина, в городе невозможно было встретить ни одного уцелевшего здания [Гмелин 1785: 94]

Однако трагичные дни города этим не закончились. Вскоре Фатали-хан Кубинский принял решение вновь переселить жителей Старой Шемахи в Новую. Путешественник М. Биберштейн, побывавший в Азербайджане в 90-х гг. XVIII в., писал, что «через несколько лет после отъезда Гмелина Фетх Али, найдя, что число жителей сильно уменьшилось и стало ничтожной пропорцией для пространства этого города», приказал населению покинуть Старую Шемаху и построить Новую Шемаху согласно числу жителей [НАИИНАНАзерб.: Инв. 466. С. 17]. Описание М. Биберштейна дает основание предположить, что данное переселение жителей Шемахи произошло примерно в 1775 г. Чуть позже на город обрушилось страшное бедствие. Он был разрушен сильным землетрясением, в результате чего Старая Шемаха надолго вышла из строя и потеряла свое прежнее значение.

Таким образом, жители Шемахи в очередной раз подверглись насильственному переселению. Они вновь стали жителями недавно разрушенной и заново отстроенной по приказу Фатали-хана Кубинского Новой Шемахи. М. Биберштейн указывает, что новый город имел квадратную форму — 800 шагов как в длину, так и в ширину. Вокруг него были построены из кирпича тонкие крепостные стены с круглыми и квадратными башнями, а перед ними была вырыта глубокая яма [Там же]. Данное описание М. Биберштейна дает основание утверждать, что внешний вид Новой Шемахи, построенной по приказу Фатали-хана Кубинского, ничем не отличался от города, заложенного в 30-е гг. при правлении Надир-шаха. В обоих случаях город был окружен тонкими крепостными стенами и глубоким рвом, и его оборонительные сооружения не давали жителям никакой гарантии безопасности.

В 1789 г. после смерти Фатали-хана Кубинского объединение северовосточных ханств Азербайджана распалось. Шемахинское ханство, включенное силой оружия в состав этого государства, вновь восстановило свою независимость. Разгоревшая междоусобная борьба за власть в ханстве за-

вершилась в 1792 г. победой Мустафа-хана из племени саркаров [Мустафаев 1989: 27—28]. Однако мир на Ширванской земле так и не установился. Вскоре Мустафа-хан Шемахинский, как и другие феодальные правители Азербайджана, столкнулся с более грозным и сильным врагом, каковым являлся новый правитель Ирана Ага Мухаммед-хан Каджар. Уничтожив к середине 90-х гг. XVIII в. всех своих основных соперников и подчинив себе весь Иран и Южный Азербайджан, он стал готовиться к вторжению на Южный Кавказ.

В конце июля 1795 г. 85-тысячное войско Ага Мухаммед-хана вторглось в Азербайджан. В сентябре того же года после неудачной осады Шущинской крепости и разгрома Тифлиса иранский правитель вернулся в Муганскую степь с намерением привести к покорности северные ханства Азербайджана. Один из отрядов иранских солдат во главе с Мустафа-ханом Девели был отправлен для завоевания Шемахинского ханства.

Мустафа-хан Шемахинский, как и большинство правителей северных ханств Азербайджана, не собирался подчиняться иранскому правителю. Тем не менее он прекрасно понимал, что уязвимое географическое положение и слабые оборонительные сооружения Новой Шемахи исключают возможность долго сопротивляться превосходящим силам врага. Учитывая все это, Шемахинский хан решил покинуть свою столицу и укрепиться в труднодоступной крепости Фит-даг, находившейся в 15—20 верстах от Старой Шемахи [ЦГВИАРос., ф. 52, оп. 2/203, д. 93, л. 23 об.]. Большинство жителей Новой Шемахи последовали примеру своего правителя. Интересно, что по приказу Мустафа-хана были разрушены дома тех жителей, которые по той или иной причине отказались покинуть город.

К концу 1795 г. иранские войска без малейшего сопротивления захватили Новую Шемаху. Город был подвергнут сильным разрушениям, и в первую очередь захватчики разгромили дома жителей, переселившихся вместе с Мустафа-ханом в Фит-даг. Таким образом, за очень короткое время Новая Шемаха дважды испытала тяжелое потрясение. Современник этих событий М. Биберштейн писал: «...мы застали город в жалком состоянии и жителей, живущих под защитой лачуг, наполовину сохранившихся» [НАИИНАНАзерб.: Инв. 466. С. 18].

Анализ источников, освещающих политическую и социально-экономическую жизнь Шемахинского ханства в 90-е гг. XVIII в., показывает, что переселение жителей Новой Шемахи в крепость Фит-даг не являлось лишь временным мероприятием, связанным исключительно с нашествием Ага Мухаммед-хана Каджара. Военно-политические события последующих лет закрепили у Мустафа-хана мысль превратить эту труднодоступную крепость в столицу своего ханства. По-видимому, для хана, принявшего такое решение, ярким примером служила столица Карабахского ханства — Шущинская крепость, имевшая почти аналогичное с Фит-дагом местоположение, почему и оказалась неприступной для иранских войск.

В исторической литературе очень поверхностно освещается история Фит-дага как центра Шемахинского ханства, что скорее всего связано со скудностью данных в источниках. Исключение составляет единственная статья А. П. Фитуни, опубликованная еще в 1927 г. [Фитуни 1927]. Однако

и в данной статье, написанной на основе этнографических материалов, автор не раскрывает исторические условия возникновения города и не освещает его социально-экономическую жизнь.

В становлении Фит-дага как центра Шемахинского ханства определенную роль играл и поход русских войск в 1796 г. в Азербайджан. Вторжение иранских войск на Южный Кавказ и разгром Тифлиса заставили русское правительство предпринять срочные ответные меры. Укрепление власти Ирана в этом регионе противоречило политике и планам России, которая имела тесные связи со многими правителями как Азербайджана, так и Грузии. Чтобы не допустить вторичного вторжения иранских войск, русское правительство весной 1796 г. приняло решение отправить на Южный Кавказ экспедиционный корпус под командованием В. А. Зубова. Мустафа-хан Шемахинский, как и большинство азербайджанских правителей, интерпретировал поход русских войск как оказание помощи в борьбе против завоевательских планов Ага Мухаммед-хана [ЦГВИА Рос., ф. 41, оп. 200, д. 614а, л. 11].

В начале июля 1796 г. передовые отряды русских войск вступили на территорию Шемахинского ханства. В рапорте от 18 июля 1796 г. В. А. Зубов писал: «Мустафа-хан ныне отправил ко мне первого своего чиновника с прошением о вступлении в его земли» [Там же]. Однако вскоре в отношении шемахинского хана к походу русских войск произошло резкое изменение, связанное с деятельностью армянского архиепископа И. Аргутинского, которого русское правительство назначило официальным советником В. А. Зубова. В своем письме к карабахским меликам И. Аргутинский утверждал, что основная цель похода русских войск заключается в «освобождении армян от ига мусульман» и создании армянского государства на территории Карабахского ханства [Там же]. Вскоре содержание этого письма стало известно всем азербайджанским правителям и заставило шемахинского хана почувать опасность, какую мог представить указанный поход. Он вместе с Ибрагим-ханом Карабахским и Селим-ханом Шекинским стал активным участником заговора, организованного с целью убийства В. А. Зубова.

Вместе с тем поведение Мустафа-хана в период пребывания русских войск на территории Шемахинского ханства показывает, что он с самого начала не был уверен в благополучном исходе заговора и, чтобы избежать карательных мер русских войск в случае провала, стремился заранее переселить оставшуюся часть жителей Новой Шемахи из окрестных селений в Фит-даг [Там же, л. 359 об.]. Однако ему не удалось осуществить свои планы, так как заговор был раскрыт. В. А. Зубов отстранил Мустафа-хана от власти и запретил всякое массовое передвижение местных жителей на территории ханства.

Осложнение отношений с русским командованием привело к тому, что Мустафа-хан вновь удалился в Фит-даг и продолжил ранее начатое дело по укреплению крепости. Помимо восстановления старых оборонительных сооружений, особое внимание уделялось благоустройству города: было построено много домов для жителей, ремесленных мастерских и магазинов, проведен водопровод [Фитуни 1927: 125]. После развала плана

одновременного переселения жителей Новой Шемахи в Фит-даг, Мустафа-хан решил добиться поставленной цели путем экономического поощрения, т. е. жителей новой столицы освободил от всех налогов [ЦГИААзерб., ф. 24, оп. 1, д. 84, л. 11].

В начале 1797 г. русские войска покинули пределы Азербайджана. Мустафа-хан воспользовался их уходом и восстановил свою власть в Шемахинском ханстве. Однако опасность, угрожавшая независимости Шемахинского ханства, не только не уменьшилась, но наоборот, еще более усилилась. На рубеже XVIII и XIX вв. борьба между Россией и Ираном за обладание Азербайджаном разгорелась с новой силой. Крепость Фит-даг стала для Мустафа-хана единственным местом, где можно было укрыться от нападения врагов. Это заставило хана вновь взяться за ее укрепление и поторопиться с окончательным переселением всех жителей Новой Шемахи в Фит-даг. В начале Первой русско-иранской войны (1804—1813) длительный процесс перевода столицы Шемахинского ханства в крепость Фит-даг был завершен.

Археологические раскопки и этнографические исследования свидетельствуют, что Мустафа-хану удалось превратить Фит-даг в настоящий город-крепость. Он был обнесен сильной крепостной стеной с многочисленными башнями, на строительство которой привлекли около 3 тысяч работников. Как и в других средневековых городах Азербайджана, в Фит-даге были построены дворец хана, диван хана, мечеть, караван-сарай, монетный двор и много ремесленных мастерских и магазинов. Здесь проживало около 2 тысяч семей, что составляло примерно 10 тысяч жителей. Управлением города занимались два наиба и один кала-бек, назначенные на эти должности Мустафа-ханом [Там же].

В декабре 1805 г. Шемахинское ханство перешло под власть России. Тем не менее, несмотря на неоднократные требования русских военачальников, Мустафа-хан категорически отказывался покинуть Фит-даг. Натянутые отношения между Мустафа-ханом и русским командованием привели к тому, что в 1820 г. на захват Фит-дага был отправлен сильный военный отряд. Мустафа-хан, поняв бессмысленность сопротивления, тайно покинул Фит-даг и бежал в Иран. Это и стало концом Фит-дага как центра Шемахинского ханства. На следующий день после взятия крепости русским отрядом ее жители были переселены в Старую Шемаху [Фитуни 1927: 137], которая постепенно была восстановлена.

Литература

- Алиев 1960: *Алиев Ф. М.* Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. Баку. На азерб. яз.
- Ашурбейли 1983: *Ашурбейли С. Б.* Государство Ширваншахов. Баку.
- Бакиханов 1991: *Бакиханов А. А.* Гюлистан-и Ирам. Баку.
- Гейбуллаев 1991: *Гейбуллаев Г. А.* К этногенезу азербайджанцев. Баку.
- Гейдаров 1970: *Гейдаров М. Х.* Упадок городской жизни Азербайджана и Ирана на рубеже XVII—XVIII вв. и его основные причины // Материалы по экономической истории Азербайджана. Баку.

- Гейдаров 1982: *Гейдаров М. Х.* Города и городское ремесло Азербайджана XIII—XVII вв. Баку.
- Гмелин 1785: *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. Т. III. СПб.
- Джидди 1981: *Джидди Г. А.* Средневековый город Шемаха (IX—XVII вв.): Историко-археологическое исследование. Баку.
- Готье 1937: *Английские путешественники в Московском государстве / Пер. с англ. Ю. В. Готье.* Л.
- Мустафаев 1989: *Мустафаев Дж. М.* Северные ханства Азербайджана и Россия. Баку.
- Новосельцев 1959: *Новосельцев А. П.* Города Азербайджана и Армении в XVII—XVIII вв. // История СССР. № 1.
- Обозрение... 1836: *Обозрение Российских владений за Кавказом.* Ч. III. СПб.
- Пахомов 1940: *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 3. Баку.
- Петрушевский 1948: *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л.
- Семенов 1835: *Семенов П. С.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. V. СПб.
- Халилов 1965: *Халилов Д. А.* Первые итоги археологических раскопок в поселении Хыныслы // МКА. Т. VI. На азерб. яз.
- Фитуни 1927: *Фитуни А. П.* История последней столицы Ширвана (Историко-этнографический и археологический очерк) // Известия Азербайджанского комитета охраны памятников старины, искусства и природы. Вып. 3. Баку.
- Bruce 1782: *Bruce H. P.* Memories containing an Account of the Travels in Germany, Russia, Tartary. London.
- Hanvey 1753: *Hanvey I.* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. V. I. London.
- Herbert 1921: *Herbert Th.* Travels in Persia, 1627—29. London.

**МАРКЕТИНГ В ЖЕЛЕЗОПРОИЗВОДЯЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ СРЕДНЕГО ВОСТОКА
И ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ЧЕРНОЙ ТИГЕЛЬНОЙ
МЕТАЛЛУРГИИ АХСИКЕТА В IX—НАЧАЛЕ XIII в.**

О. А. Папахристу (Афины, Греция)

При исследовании многослойного городища Ахсикет (Эски Ахси) в Фергане получены уникальные археологические материалы, позволяющие раскрыть многие ранее неизвестные аспекты ремесленно-производительной деятельности древних кузнецов и «металлургов». Здесь раскопаны мастерские и производственные отвалы металлостов IX—XII вв., содержащие полуфабрикаты железа, огнеупорные сосуды-тигли для плавки металла, а также различные предметы из черного металла. Изучение этого материала помогает охарактеризовать производственную деятельность ремесленников железопроизводящей промышленности в крупном городском ремесленном центре Средней Азии, удаленном от пунктов железорудного сырья и топлива. Упомянутые материалы стали предметом специального диссертационного исследования, которое было защищено более 15 лет назад автором предлагаемой статьи [Папахристу 1985]. В тот период тигли из Ахсикета были, пожалуй, единственным известным археологическим материалом. За все прошедшее время полный текст диссертации опубликован не был, лишь отдельные темы в виде статей публиковались в Узбекистане. Между тем за истекший период археологи обнаружили новые материалы по черной тигельной металлургии, прежде всего из той же Ферганы. Так, тигли были обнаружены на городище Пап в слоях X—XI вв. и на городище Кува в слоях XI—XII вв. [Papakhristou, Rehren 2002a; Rehren, Papakhristou 2003: 393—404]. На территории Узбекистана имеются также находки тиглей в Старом Термезе в слоях XII—начала XIII в. [Papakhristou, Rehren 2002a: 145—159]. Связанные с производством высококачественных тигельных сталей материалы, близкие по существу и датированные одними исследователями VIII—IX вв. [Merkel et al. 1995: 12—23; Feuerbach et al. 1998: 37—44], а другими — IX—X вв. [Herrman 1998: 32—36], раскопаны туркменскими и английскими археологами в Мерве (Гяуркала) на территории Туркменистана [Herrmann et al. 1995: 31—60; 1996: 1—22; Merkel et al. 1995: 12—14; Feuerbach et al. 1997: 105—110; 1998: 37—44; Simpson 2001: 14—15; Feuerbach 2002].

Фрагменты тиглей обнаружены в средневековой кузнечной мастерской X—XI вв. на одном из городищ в районе современного города Алматы в Северо-Восточном Семиречье [Савельева и др. 1998: 15—16, 120—122]. В русскоязычной литературе появились сведения о находках на территории Восточного Туркестана тиглей, относящихся, по-видимому, к эпохе Тан [Литвинский, Лубо-Лесниченко 1995: 18—19]. Тигли, которые исследователи связывают с производством стали «wootz», обнаружены на территории Индийского субконтинента. Прежде всего это материалы из Мавалгахи в Шри Ланке, которые представлены археологическими свидетельствами, датированными второй половиной I тыс. н. э., и этнографическими материалами XIX столетия [Juleff 1990: 32—59; Srinivasan, Griffiths 1997: 111—125; Wayman, Juleff 1999: 26—42], а также этнографическими материалами (XIX столетие) из Конасамудрам [Lowe 1989: 237—242; Lowe et al. 1991: 627—632; Craddock 1995] и из Гаттихосахали [Anantharmu et al. 1999: 13—25] в Индии. Новые археологические материалы в настоящее время находятся в стадии всестороннего исследования и в печати широко дискутируются вопросы о технологии и истоках данного производства [Craddock 1998: 41—66; 2003: 231—257; Lang et al. 1998: 7—14]. Была также предпринята первая попытка типологической классификации тиглей и сопоставления керамического тела высокоогнеупорных сосудов из Средней Азии и Индийского субконтинента [Rehren, Papachristou 2003: 393—404].

Основная цель предлагаемой статьи не есть анализ накопившихся материалов, я хочу остановиться на вопросе о маркетинге в железопроизводящей промышленности Среднего Востока в IX—начале XIII в., поскольку, в отличие от всех других предложенных в печати попыток реконструкции черной тигельной металлургии, на реконструкцию черной тигельной металлургии Ахсикета повлиял именно анализ маркетинга, основанный на опыте археологического исследования в Средней Азии. Вместе с тем из диссертации остались неопубликованными отдельные материалы, которые многое объясняют в технологии черной тигельной металлургии, и мне бы хотелось познакомить с ними читателей.

Чтобы судить о технике и технологии ремесленного производства определенного пункта в ту или иную эпоху, необходимо предпринять технологическое исследование массовой серии находок. На Ахсикете такой массовой серией стали фрагменты тиглей, исчисляемые тысячами экземпляров (рис. 1). Тигли, связанные с железоделательным производством, — уникальный археологический материал, хотя по черной тигельной металлургии есть сведения в средневековых письменных источниках (наиболее полную сводку вопроса см.: [Allan 1979; Bronson 1986; Craddock 1998; 2003; Allan, Gilmore 2000]). Новый массовый материал интересен еще и тем, что тигли, будучи орудиями труда металлургов, являют собой керамические сосуды, а керамика — наиболее массовый и доступный археологический материал, в изучении которого на территории Средней Азии накоплен значительный опыт.

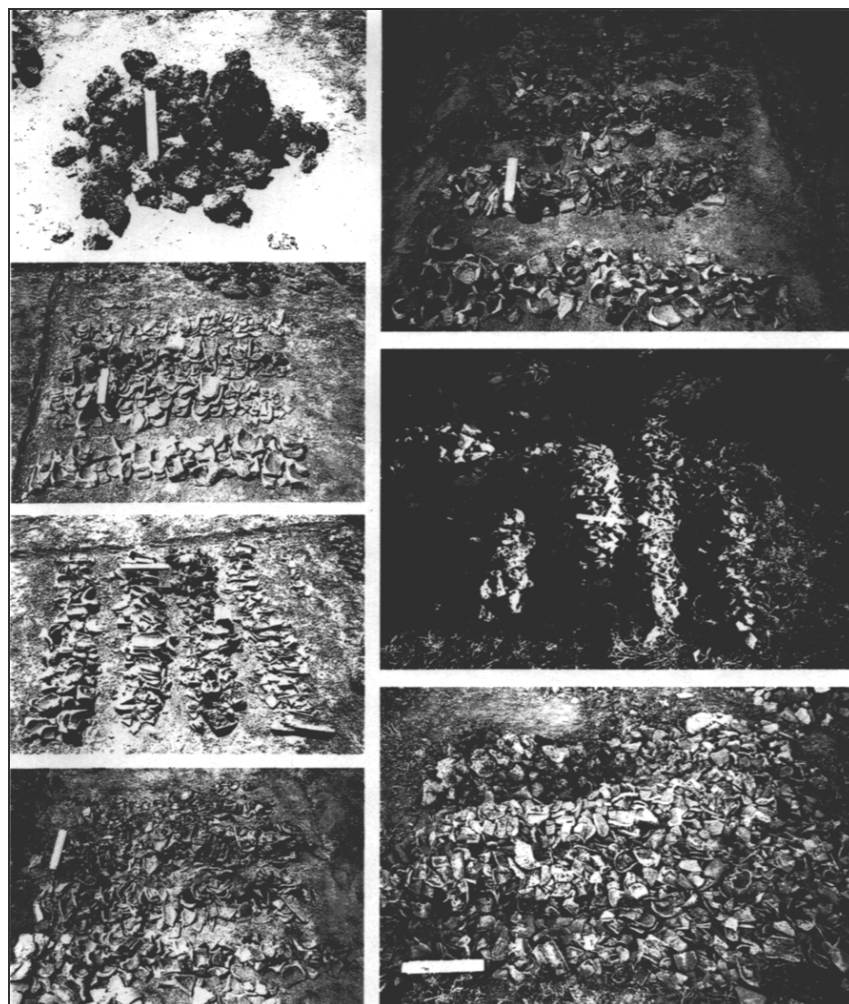

Рис. 1. Полевой музей раскопа XXIII в Акси III. Фрагменты тиглей, выявленные из стратиграфического раскопа площадью 2×4 м, глубиной 4,5 м. Раскопки производили А. А. Анарбаев, Т. Ререн и Ф. Максудов (2003)

Городище Ахсикет

Городище Ахсикет расположено на правом берегу реки Сырдарья в 25 км к юго-западу от г. Наманган. Развалины Ахсикета — Эски Ахси (Старый Ахси) издавна привлекают внимание исследователей [Ujfalvy 1879; Веселовский 1891; Уварова 1891; Кастанье 1914; Латынин 1935; Массон 1940; Бернштам 1951; 1952; Смирнов 1960; Ахраров 1962; Чуланов 1963; Воронина 1977; Анарбаев 1988]. Его отождествляют со средневековым городом Ахсикет, крупным политическим и экономическим центром исторически сложившегося региона Северная Фергана¹. С 1979 г. на городище ведутся широкомасштабные археологические исследования ахсикетским археологическим отрядом Института археологии АН Республики Узбекистан под руководством А. А. Анарбаева.

История изучения средневековой железопроизводящей промышленности Средней Азии и вопросы маркетинга

Изучение архаической железопроизводящей индустрии в Восточной и Западной Европе наглядно иллюстрирует, что объекты древнего производства превращаются в полноценный исторический источник при условии их комплексного рассмотрения, основанного на использовании различных методов естественных и технических наук в сочетании с методами археологического и этнографического исследования. Металлография предметов дает наиболее полную информацию по древнему производству, поскольку железопроизводящая промышленность с древних времен по своей структуре сложно организована и от момента добычи сырья до конечного продукта предполагает сложную профессиональную связь ремесленников по схеме: горняк—металлург—кузнец—потребитель. Информация по всем этапам производства сосредоточена в конечном продукте — предмете из черного металла. Однако изделия древних металлургов доходят до среднеазиатских археологов в столь фрагментарном и корродированном виде, что порой трудно определить их функциональное назначение. Исторический подход к археологическому объекту сложен, а технический в большинстве случаев полностью исключен. Прогресс в исследованиях наблюдался только в области изучения горного дела и металлургии на поселениях при рудниках, поскольку данный материал мог быть оценен через синтез научных методов археологии и геологии. Установлено, что железную руду, в отличие от руд других металлов, обогащали и плавляли в ближайших от выработок сырья сельских горняцких поселках [Вебер 1913; Машковцев 1926; 1928; 1930; Наследов 1928; 1931; 1932; 1935; 1959; Иванов 1932; Массон 1934; 1947; 1953; Литвинский 1954; 1954а; 1959; Бубнова 1959; 1963; 1963а; Буряков 1965; 1965а; 1966; Исламов 1976; 1977; Ртвеладзе, Исаков 1979; Большаков 1973: 285—286; Сверчков 1991]. Добыча руд и металлургия, судя по этнографическим данным, были сельским сезонным промыслом [Андреев 1926; 1958:

¹ Город упоминается в трактатах персидских и арабских ученых [Бартольд 1963: 218].

187—197; Ершов 1966: 195—290]. В археологической и исторической литературе утвердилось представление о том, что металлургия, извлечение железа из руды (как особое производство) не связаны с городским ремеслом [Большаков 1973: 285—286]. Раскопки последних лет и интерпретация материалов как будто бы изменили это представление. Так, в урочище Сары-Булуи на второй надпойменной террасе правого берега реки Чу зафиксировано средневековое городище, являющееся крупным городским (?) металлургическим центром, расположенным вблизи источников сырья [Винник и др. 1978: 568—570]. В горняцких поселках в Чач-Илакском регионе в IX—X вв., по наблюдениям Ю. Ф. Бурякова, осуществляли только процессы обогащения железной руды, а плавку производили в специализированных городских центрах, расположенных в непосредственной близости от источников сырья [Буряков 1982: 155—156]. Переработанный металл в виде полуфабрикатов поступал в города и поселения, удаленные от источников сырья². Как полагают, в последних пунктах развивалось исключительно кузнечное ремесло. Большие кварталы, связанные с переработкой железа или кузнечным делом, отмечены в нескольких крупных городах средневековой Средней Азии. Основным критерием их выделения служили скопления фрагментов корродированного железа на поверхности городищ и в архитектурных остатках помещений [Князев 1945: 163—175; Массон 1953: 19; Марущенко 1956: 215—241; Лунина 1977: 3—17; Papakhristou, Rehren 2002: 145—159]. Однако характер ремесла, а также его технический и технологический уровни оставались неизвестными.

Долголетнее и планомерное изучение раннесредневекового Пенджикента позволило приоткрыть тайну производственной деятельности ремесленников железопроизводящей индустрии в городе, удаленном от пунктов сосредоточения железорудного сырья и топлива. Прекрасный анализ, основанный на археологических наблюдениях с корректировкой процессов этнографическими данными, был проделан В. И. Распоповой при попытке реконструкции производства. Конечно, не следует забывать об опыте осмысления города рядом блестящих исследователей, предшествующих В. И. Распоповой, опыте, накопленном за период многолетнего исследования раннесредневекового города [Беленицкий 1973: 69—93]. Двадцать восемь мастерских по обработке железа и бронзы было исследовано В. И. Распоповой на территории одного города. Остатки оборудования, дополняющие друг друга, помогли составить представление о нескольких кузнечных и бронзолитейных мастерских, которые сохранились в многочисленных производственных помещениях. Прослежено разделение труда в цикле городского производства. В. И. Распоповой были выделены железоплавильни с сыродутным горном (что, на мой взгляд, абсо-

² Следует оговорить, что, несмотря на то что черной металлургией занимается ряд исследователей, до сих пор нет достаточно четкого определения типов «товарного полуфабриката железа», поступавших на поселения и в города, удаленные от пунктов исходного сырья. Так, например, Ю. Ф. Буряков пишет, что в Чач-Илакском регионе в IX—X вв. в пункты второго передела поступали «неочищенный металл и крица» [Буряков 1982: 156]. Однако из-за отсутствия описания объектов абсолютно непонятно, что подразумевает автор под этими терминами.

лютно необъяснимо с позиции устоявшихся представлений о маркетинге), кузницы, в которых из губчатой массы выковывали заготовки товарного железа, и кузницы, в которых вырабатывали железные изделия. Впервые зафиксированы заготовки товарного железа, связанные с ремеслом и торговлей. Они обнаружены и в мастерских, и в жилищах. Ремесло прослежено планографически и стратиграфически в пределах раннесредневекового города. Установлена его концентрация на торговых улицах и специальных базарах. Большая часть мастерских и лавок не сопровождалась жилищами ремесленников. Исходя из этого, В. И. Распопова заключает, что район сосредоточения ремесла не был ремесленным кварталом в полном смысле этого слова. Мастерские разных ремесел расположены чересполосно³. Сочетание ремесленных и торговых функций у древних мастеров явно прослеживается по археологическим материалам Пенджикента. Планировка мастерских-лавок и многочисленные находки в них мелкой разменной монеты свидетельствуют об этом.

В. Распопова полагает, что согдийский ремесленник VII—VIII вв. был мелким товаропроизводителем. Его зависимость от городской знати проявлялась не в том, что он был рабом или дворовым феодала, как это предполагалось ранее, а в том, что он, как это устанавливается при анализе планировки базара и ряда мастерских, арендовал лавку или мастерскую у богатого городского землевладельца.

Металлические изделия раннесредневекового Согда представляют интерес с точки зрения датирующих эталонов. Разнообразная коллекция предметов из черного металла восполняет представления о древних орудиях труда. Полнее всего в результате сравнительного анализа этнографических и вещественных данных проиллюстрировано вооружение Согда. Прослежено максимальное развитие доспехов и наступательного оружия. Намеченное развитие системы вооружения свидетельствует об аристократичности характера согдийского войска. Потребность в оружии, доспехах и украшениях в значительной мере обеспечивали городскому ремеслу рынок сбыта, поэтому многочисленность одновременно существовавших кузнечных мастерских в городке, все население которого никак не превышало 4000 человек, по мнению В. И. Распоповой, неудивительна [Распопова 1980: 130—131].

Характеристика организации ремесла и торговли раннесредневекового Пенджикента согласуется с общим представлением о том, что градообразующим населением и основным потребителем ремесленной продукции в раннесредневековых городах Средней Азии (VII—VIII вв.) являлись богатые диканы и купцы. Потребность в ремесленниках, с учетом объема потребляемой продукции, которая производилась в городе или привозилась извне, была сравнительно невелика. Иная картина наблюдается в IX—начале X в., когда вместе с ростом городов и их количества увеличивается ремесленно-торговое население города. В силу своей многочисленности оно превращается в значительного, если не основного, по-

³ Принято считать, что при цеховой организации мастерские ремесленников одного вида производства располагались компактно.

ребителя массовой продукции. Ремесленник больше, чем прежде, работает на своих собратьев, представляющих другие профессии. Изменение состава потребителей должно было влиять на демократизацию продукции. Ремесленники и мелкие торговцы становятся основным населением города, определяющим его облик [Большаков 1973: 269—270].

По мнению О. Г. Большакова, увеличение производства в условиях ручного труда должно было сопровождаться специализацией, характерной для средневекового ремесла вообще. Возросшая масса товаров требовала новых форм торговых помещений и организации торговли. Детали этого процесса — увеличение объема производства, номенклатура изделий, специализация и численность ремесленников, их жизненный уровень, заработной платы, наличие цеховой организации, цены на товары, соотношение внутренней и внешней торговли — предмет исследования и одновременно дискуссии многих ученых. В распоряжении исследователей по данному вопросу две группы разрозненных источников. Первая группа — сочинения средневековых авторов, называющих достопримечательные и дорогие товары, шедшие на экспорт. Для нас это основной материал, который содержит сведения о специализации кузнечного дела. Особой специальностью, доступной не каждому кузнецу, было оружейное дело, что востоковеды логически выводят из анализа прозваний различных исторических лиц и перечня экспортируемых товаров. Сталь для мечей оружейник должен был делать сам, используя сложную технологию, тонкости которой охранялись как производственная тайна. Изготовление каждого вида продукции — кольчуг и панцирей, ножей, земледельческих орудий труда, иголок и ножниц, стремян и удила, замков и ключей — было отдельным специальным ремеслом [Большаков 1973: 296] (см. также: [Allan 1979: 66—100; Мец 1973]). Следующий источник — археологические объекты, дающие обширный материал, прежде всего — по керамическому производству.

Как мы уже оговаривали, тигли — основной критерий в определении импульсивной производственной деятельности средневекового города Ахсикет. Поэтому попытаемся прежде всего рассмотреть сосуды и все материалы, связанные с ними, а затем вложить обработанный и осмысленный материал в археологические слои, чтобы понять производственную жизнь города.

История изучения тиглей и тигельной металлургии

Тигель — сковорода, кастрюля — специальный сосуд (горшок), в котором производят плавку, варку или нагрев различных материалов. Тигли применяются для плавки металлов и их сплавов, для варки стекла. Они бывают открытые и закрытые, с отдельной крышкой. Общие требования к тиглям — высокая огнеупорность, хорошая теплопроводность, устойчивость против разъедающего действия шлаков, минимальное влияние на химический состав переплавляемого или нагреваемого материала, механическая прочность.

Два вида черных металлов — чугун и литую сталь плавил в древности в тиглях. Что же производили на Ахсикете?

Производство чугуна в тиглях и домницах было чрезвычайно развито в древнем Китае. Этнографические материалы дают представление о технологии этого производства. Плавку чугуна в тиглях наблюдали Ф. Фостер и Т. Рид в начале XX в. в провинции Шаньси и подробно описали процесс⁴ [Read 1921: 451—454; Foster 1926: 173—174; Forbes 1964: 240—245]. Наличие высокофосфористых железных руд в Китае, совершенствование приемов воздушного дутья в сочетании с применением качественных огнеупоров, по мнению исследователей, оказало влияние на развитие производства чугуна [Александров 1979]. Данные археологических исследований в регионе свидетельствуют, что и устройства, и орудия для выплавки чугуна заметно преобладали над кузнечными инструментами. В основе получения чугуна был доменный процесс, очень скоро заменивший менее производительный — плавку в цилиндрических тиглях. Физико-технические исследования чугунных изделий показали, что древние металлурги Китая были знакомы с декарбюризацией и графитизацией чугуна. Освоение приемов пудлингования (раскисления) жидкого чугуна относится к I в. до н. э.—II в. н. э. Это позволило увеличить производство кузнечного железа и стали [Needham 1958; 1965; Александров 1979; Craddock 1988; 2003].

Тигли, которые (с учетом результатов анализов других археологических материалов) связываются с производством чугуна, найдены на Шайгинском городище (Государство чжурчженей, XII—начало XIII в.). Материалы настолько фрагментарны и малочисленны, что реконструировать древний технологический процесс не удалось [Леньков 1974].

Секрет производства восточных тигельных сталей вот уже более трехсот лет волнует умы ученых. Славу о клинках, изготовленных из этой стали, разнесли по всей Европе крестоносцы. Сталь wootz, в виде непрокованных кусков, появляется в Европе начиная с XVII в. благодаря путешественникам и купцам. Ее, как оказалось, в древности производили в Индии, а в Сирии (в городе Дамаске) из этой стали ковали оружие, за которым навсегда закрепилось название «дамасские клинки». Персидское название стали, приготовленной в тиглях, — булат. Это название широко вошло в русскоязычную научную литературу. Различные этимологии слова «булат» встречаются в армянском, осетинском, грузинском и русском языках. В Древней Руси клинки из тигельной стали назывались «харалужными». Данное название упоминается в «Слове о полку Игореве». Одни исследователи считают, что термин «булат» в русском языке появился в XIII в. и что происходит он от монгольского слова *bolot*; другие

⁴ Первоначально в тиглях высотой 1,2 м, диаметром 12,5 см, заполненных рудой и каменным углем, восстанавливалось железо в атмосфере горения каменного угля за счет естественной тяги воздуха. Плавка длилась три дня. Губчатая крица и мелкие кусочки железа скапливались на дне тигля. Крица почти не содержала углерода и шла на поковку. Мелкие кусочки железа с новой порцией каменного угля повторно переплавлялись, но уже в тиглях меньшего размера, высотой 18—35 см. Горшки помещались в печь, которая из-за подключения искусственного дутья работала на более высоком температурном режиме. Тигли не закрывались крышками. Конечным продуктом производства был жидкий металл — чугун [Read 1921: 451—454; Foster 1926: 173—174; Forbes 1964: 240—245].

полагают, что он заимствован от персидского pulad, fulad (см.: [Железнов 1906; Wulff 1966]).

Разгадать тайну процесса древнего производства пытались на Западе и Востоке (наиболее полную сводку по истории вопроса см.: [Wulff 1966; Шерби, Уодсворт 1985: 74—80; Беляев 1906; Железнов 1906: 40—48]). Накопился огромный пласт научно-исторической, технической, научно-популярной и художественной литературы о сталях wootz, булаг и дамск. Запутаны термины, существует миллион версий о происхождении и о технологии древнего процесса (наиболее полную сводку о запутанности темы см.: [Bronson 1986: 13—51]), однако четко выделяются два конкретных признака, которые могут помочь нам в исследовании тиглей из Ахсикета. В упрощенном виде они сводятся к следующему:

1. В производстве чугуна черный металл в горячем состоянии выливают из тиглей в изложницы.
2. В производстве высококачественной тигельной стали черный металл оставляют остывать прямо в тиглях.

Рудные возможности Ферганы

Ферганская котловина представляет глубокую депрессию, окаймленную горными хребтами: Чаткальским и Кураминским на северо-западе, Ферганским на северо-востоке, Алайским и Туркестанским на юге. На западе котловина открыта и сужена до 8—9 км — это «Ходжентские ворота», отделяющие Фергану от Голодной степи. Горные склоны, обрамляющие котловину, богаты полезными ископаемыми. Исследователями современных изысканий установлено, что в Фергане и приближенных к ней областях в Средние века разрабатывались Гавасайская группа магнетитовых месторождений, Шадмыр, Чадакские гематиты, Ляканские магнетитовые песчаники, рудники Ходжентского района и Карамазара [Вебер 1913; Мошковцев 1926; 1928; 1930; Наследов 1928; 1931; 1932; 1935; 1950; Иванов 1932; Массон 1934; 1947; 1953; Исламов 1976; 1977].

Реки Нарын и Карадарья, дающие начало Сырдарье, являются основными водными артериями края. Сырдарья через «Ходжентские ворота» уходит в Голодную степь. Городище Ахсикет расположено на правом берегу реки, ниже слияния Нарына и Карадарьи. Географическое положение средневекового города, контролировавшего главные водные магистрали Ферганы, способствовало поступлению в Ахсикет сырья из любого участка края, а также вывозу из него готовой продукции в любом направлении. Перед автором настоящих строк не было задачи установления конкретного месторождения, которое могло быть основным источником для железопроизводящей индустрии средневекового Ахсикета, поскольку, если принять во внимание географическое положение города и масштабы производства, отмеченные в нем археологическими раскопками, следует полагать, что источников сырья могло быть несколько.

Из истории изучения железопроизводящей промышленности Средней Азии мы усвоили, что металлургия (извлечение железа из руды) развивалась в горных районах на поселениях, расположенных у источников сы-

рья и топлива. Путем прямого восстановления руды древесным углем в сыродутном горне производили губчатое железо. Губку обжимали кузнечным способом и получали кричное железо дляковки предметов. Крица выполняла функцию товарного полуфабриката железа для кузнечных работ в пунктах, удаленных от мест добычи и металлургической обработки сырья. Таким образом, металлургию или железоделательное производство не связывают с городским ремеслом.

Попробуем представить ситуацию в виде схемы. Назовем поселения, в которых производилась переработка руды в полуфабрикат, пунктами первого передела, а поселения, удаленные от мест добычи и металлургической переработки сырья, — пунктами второго передела. Таким образом, территориально-профессиональное разделение между горняком, металлургом и кузнецом будет выглядеть следующим образом:

Пункты первого передела	Пункты второго передела
Горняк — металлург	Кузнец — потребитель

Следует сразу оговорить, что кузнецы существовали и в сельской местности, но их работа сводилась к несложным операциям, связанным с ремонтом сельскохозяйственного инвентаря и изготовлением нехитрых, но необходимых в быту предметов из черного металла. В городах ремесло было более развитым и специализированным, обеспечивая должное качество и ассортимент продукции.

Мы наблюдаем, что уже в раннесредневековый период в Средней Азии усложняются система расселения и качественные связи поселений. В Пенджикенте В. И. Распоповой установлено присутствие черной металлургии в пункте второго передела, что в целом не увязывается с общепринятым положением о том, что металлургия не связана с городским ремеслом. Логически следует заключить, что данный тип металлургии не может быть связан с извлечением железа из руды. Скорее всего мы имеем дело с повторным металлургическим процессом, который работал на основе привозного товарного полуфабриката. Этот тип металлургии мы можем назвать также металлообработкой. В то же время, В. И. Распоповой выделены новые типы товарного полуфабриката в виде металлических заготовок одинакового веса и формы: округлые заготовки черного металла с выступом на плоской стороне и заготовки в виде четырехугольных стержней. Местонахождение округлых заготовок в разных мастерских свидетельствует о том, что это, вероятно, товарный полуфабрикат, изготавливаемый одними кузнецами для производственных нужд других, более специализированных кузнецов. Следует полагать, что уже в раннесредневековый период фиксируются внутренний товарообмен и узкая специализация в пределах пункта второго передела или железообрабатывающего производства.

Материалы по железопроизводящей промышленности из Ахсикета, вслед за археологическими материалами из Пенджикента, по сути, являются еще одним исключением из общего правила. По своему географическому положению средневековый город относится к пункту второго пе-

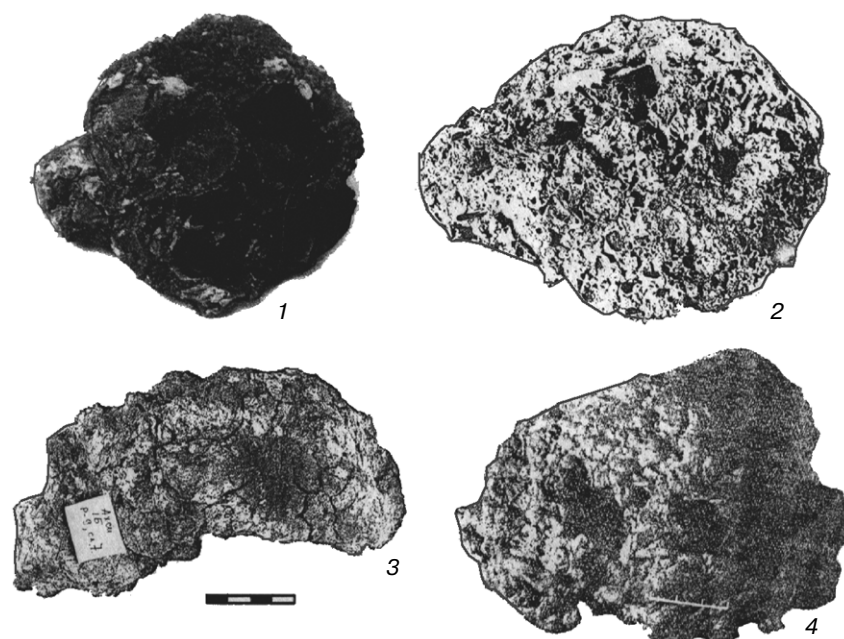

Рис. 2. Полуфабрикаты железа из пунктов первого передела:

1 — агломерат (уголь, произведенный из крупных кусков дерева); 2 — агломерат (уголь, произведенный из веток или кустарникового растения); 3 — кованое железо; 4 — спецкрица из городища Шайгинское

редела, но в нем археологически зафиксировано присутствие сосудов для плавки металла, т. е. металлургия. Конечно же, это особая, специфическая форма черной металлургии. Для того чтобы понять, на каком сырье работала эта металлургия, попытаемся для начала из всех имеющихся археологических материалов выделить товарные полуфабрикаты железа, которые могли поступать в Ахсикет из пунктов первого передела.

Продукция первого передела. Губчатое железо — фрагменты пористых кусков черного металла. Вес — 400—1200 г. Химико-технологическое исследование показало, что в одном случае это железо (0,2 % углерода), а в другом — среднеуглеродистая сталь (0,42 % углерода). Распределение углерода равномерное. Губки очень плотные и существенно отличаются от тех, которые были получены при моделировании древнерусского сыродутного процесса [Колчин, Круг 1965].

Кованое железо — отжатая от шлаков губка черного металла — на Ахсикете часто дугообразной формы (рис. 2, 3). Вес — 950—1000 г. Химико-технологическое исследование показало, что это или железо (0,2—0,28 % углерода), или среднеуглеродистая сталь (0,6 % углерода). Распределение углерода равномерное⁵.

⁵ Анализ губчатого и кованого железа проводился в лаборатории завода Уралмаш, г. Свердловск.

Печей, напоминающих горны для сыродутного процесса и известных по археологическим и этнографическим материалам, на городище Ахсикет не обнаружено. Поэтому мы полагаем, что губчатое железо и сталь, а также кованое железо и сталь могли быть изготовлены в пунктах первого передела.

Агломерат — не известный до настоящего времени объект, название которому я дала произвольно, поскольку во время консультации на кафедре кристаллографии Уральского политехнического института мне подсказали, что объект похож по смыслу на агломерационную шихту, употребляемую в современном производстве чугуна. Агломерат представляет собой куски черного металла, напоминающие сильнопористую губку с включениями древесного угля и флюсов (рис. 2, 1—2). Вес — 500—2000 г. Исследование объекта под микроскопом при увеличении в 64 раза показало, что это кусочки железа, прошедшие в несовершенном виде первую стадию металлургии — спекание руды с древесным углем. Уголь представлен производным кустарникового растения или дерева. Химический анализ определил основной компонент агломерата — оксид железа (III) (табл. 1. IV). Безусловно, агломерат должны были производить наряду с губчатым и кованным черным металлом вблизи мест выработки исходного сырья и топлива. Но агломерат существенно отличается функционально. Если губчатый и кованный черный металл могли свободно использовать в кузнечном деле, то агломерату необходима еще одна стадия какого-либо процесса — кузнечного или металлургического.

Ахсикетский агломерат чаще всего встречается в зольниках, ямах и напластованиях вместе с фрагментами тиглей. Сочетание материалов предполагает их взаимосвязь.

Похожий объект был получен во время физического моделирования древнерусского сыродутного процесса, предпринятого Б. А. Колчиным и О. Ю. Круг [1965]. Экспериментаторы получили после восьми плавов, считавшихся удачными (из семнадцати произведенных), значительные по объему губки железа. Слиток, исследование которого под микроскопом выявило структуру металлургического конгломерата — недовосстановленная руда, шлак и губчатое железо, вынимался со дна печи в третьей и восьмой плавках, считавшихся неудачными. В «неудачном» процессе руда не подвергалась обогащению⁶: не высушивалась и не обжигалась. Заметим, что конгломерат получался лишь в тех случаях, когда горн конструктивно работал без выпуска шлака. Исследователи высказали предположение, что для получения из конгломерата чистого железа необходима вторичная обработка: механическое дробление слитка, отбор железа и последующая его сварка или расплавление слитка конгломерата в специальных сосудах [Колчин, Круг 1965: 217]. Таким образом, конгломерат, конечный продукт «неудачного» сыродутного процесса, по функции может являться продуктом, который я назвала агломератом — сырьем для второго металлургического передела. Это сырье очень засорено шлаками. На во-

⁶ Руду перед другими плавками подвергали некоторым этапам обогащения: дробили на мелкие фракции, сушили над костром и над тем же костром обжигали.

прос, мог ли агломерат быть сырьем для черной тигельной металлургии, дает ответ современная металлургия.

Развитие современной черной металлургии предполагает замену чем-либо коксующегося угля — одного из основных компонентов в железнорудном производстве. Вызвано это тем, что запасы кокса довольно ограничены. Даже там, где их много, современная экономика накладывает свои ограничения. Учеными разрабатываются сегодня новые схемы производства, позволяющие заменить кокс другим сырьем.

Приведем, к примеру, одну из схем, которая была разработана и освоена на Оскольском электрометаллургическом комбинате. На этом предприятии сталь стали выплавлять не из обычного сырья черной металлургии — чугуна и скрапа, а из металлизированных окатышей, полученных прямым восстановлением железа из руды. Суть процесса состоит в следующем. Восстановлению железа предшествуют две фазы: подготовка железнорудного сырья и подготовка восстановителя. Руду обогащают и получают обожженные окатыши размером 12—15 мм. В качестве восстановителя руды используют природный газ, добыча и транспортировка которого к железнорудным месторождениям обходится сравнительно дешево. Газ очищают от серы и подвергают конверсии. Образованная смесь оксида углерода (II) с водородом и служит восстановителем для окислов железа, из которых в основном состоят окисленные окатыши. Окисленные окатыши и газ-восстановитель поступают в аппараты, в реторты или шахтные печи, в них и идет прямое восстановление железа. Руда здесь не плавится, как в домне, поэтому температура в шахтной печи ниже 850 °С. Значительное снижение рабочей температуры первого передела, отсутствие жидкой фазы и серы приводят к тому, что в металлизированных окатышах посторонних примесей несравнимо меньше, чем в чугуне. От пустой породы первородный металл освобождается при втором переделе — переплавке в электропечах. Большое количество шлака, присутствующего в окатышах, моментально удаляется при высокой температуре нагрева в электропечах, и удается получить сталь такой чистоты, какая недоступна для традиционных методов [Кудрявцев 1982: 16—18].

Приведенная схема, разработанная на уровне современных знаний, включает два передела или два этапа металлургии: получение металлизированных окатышей в виде губчатого железа, которое содержит 90 % железа и 1,2—2,0 % углерода, и переплавку металлизированных окатышей в сталь в электропечах. Стадия переработки руды в металлизированные окатыши очень напоминает получение агломерата, найденного на Ахсикете. В нашем случае это обогащенная руда и древесный уголь (углерод).

Опыт современного производства показывает, что, несмотря на наличие большого количества шлаков, материал является хорошим сырьем для повторного металлургического процесса. Агломерат как сырье для второго передела, если исходить из характеристик окатышей, способен повышать чистоту и однородность металла, а следовательно, и его пластичность [Кудрявцев 1982: 16—18]. Таким образом, агломерат, который явно готовили в пунктах первого передела, могли поставлять в пункты второго передела в качестве специального товарного полуфабриката железа для

целей вторичной металлургии, и он являлся специальным металлургическим полуфабрикатом, в отличие от кузнечных полуфабрикатов — губчатого и кованого черного металла.

Тигли

Ахсикетские тигли имели цилиндрическую форму и закрывались крышками (рис. 3). Их готовили из жаростойкой глины с помощью специальной матрицы в виде матерчатого чулка, заполненного песком. Глину размазывали по матрице специальным инструментом (деревянным или металлическим), в результате чего внешняя поверхность сосудов приобретала рифленую поверхность, при этом рифление могло быть вертикальным или косым. Чем толще, массивнее стенки тиглей, тем шире грань. И наоборот, чем тоньше стенки сосудов, тем уже грань. Песок из матрицы высыпали после того, как сосуды просушивали, а ткань оставалась прилипшей к внутренним стенкам изделий. Следы от нее сохранились на многих фрагментах (рис. 4, 2). Изделия перед использованием в металлургических целях обжигали. По мнению А. И. Шведунова⁷, который помогал мне в реконструкции древнего тигельного производства на первых этапах исследования, сосуд должны были обжигать при температуре более 1200 °С. Обжигание могло происходить в печи, по своим конструктивным показателям способных к достижению столь высоких температур нагрева. Для этого могли использовать керамические печи или печи, куда позднее ставились те же тигли для плавки металла.

На Ахсикете применяли тигли трех типов:

1. Крупные толстостенные тигли с широким вертикальным и косым рифлением, ширина которого 2 см (рис. 3, 11, 13, 14, 16, 21, 22). Венчики прямопоставленные, диаметром 8 см. Донца слегка вогнутые, диаметром 8,0—9,5 см. Тулово двух типов: а) прямопоставленные стенки от донца слегка сужены к венчику (рис. 3, 11, 13, 21); б) стенки от донца, расширяясь в нижней половине сосуда, постепенно сужаются к венчику (рис. 3, 22). Толщина стенок донца 1,5—1,8 см; постепенно сужаясь, к венчикам она составляет 0,5 см. Крышки массивных тиглей двух типов: а) полусферические выпуклые с отверстием посередине диаметром 2—3 см; б) полусферические выпуклые без отверстия.

2. Тигли средних размеров с мелким рифлением, ширина граней 0,7—1 см (рис. 3, 10, 15). Венчики прямопоставленные, иногда с вогнутой за-

⁷ А. И. Шведунов — современный инженер-технолог, работавший на Алтайском тракторном заводе в г. Рубцовске. Мне рассказали о нем в Уральском политехническом институте. А. И. Шведунов в свое время писал и с успехом защитил дипломную работу по материалам П. П. Аносова. Я связалась с ним. Этот блестящий технолог совершенно бескорыстно помог мне сделать анализы, консультировал всю мою археологическую часть. Когда же я предложила ему совместную публикацию, он скромно отказался, мотивируя свой отказ тем, что я, якобы, сделала все самостоятельно. Я очень обязана и благодарна этому человеку. Он придал мне уверенность в моих исследованиях, и без его поддержки вряд ли что-либо получилось бы.

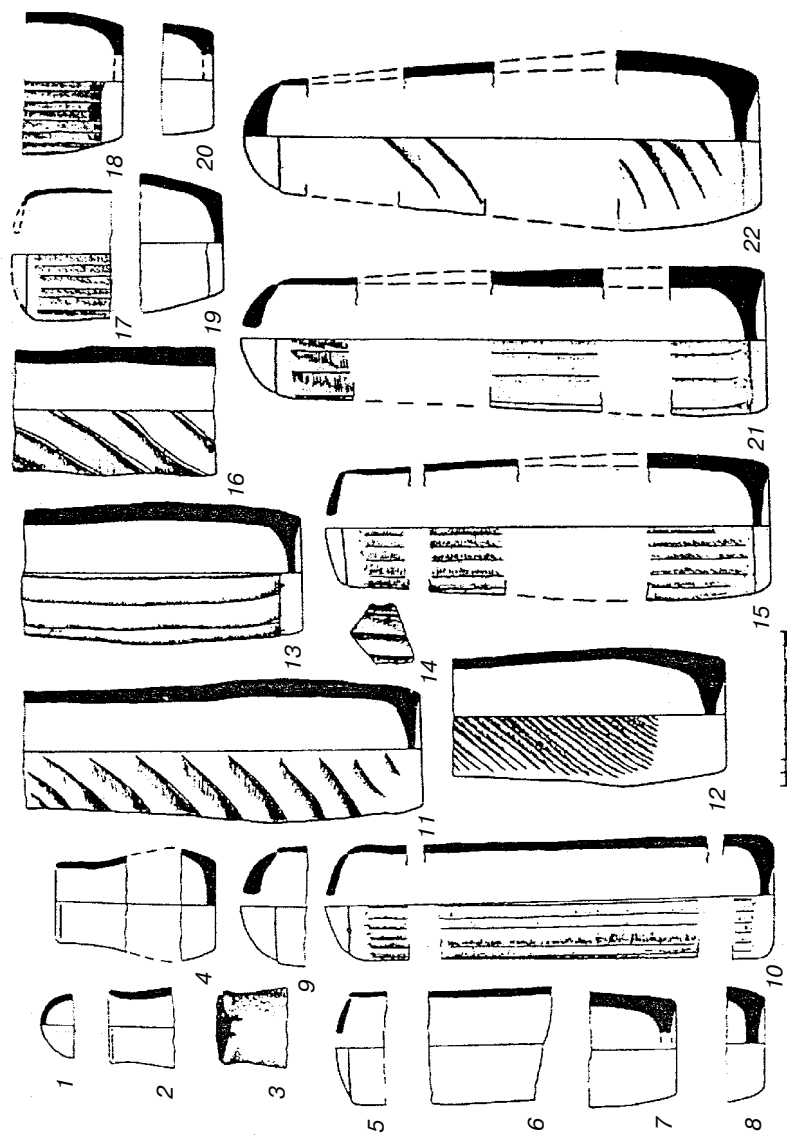

Рис. 3. Тигли из Ахсикета

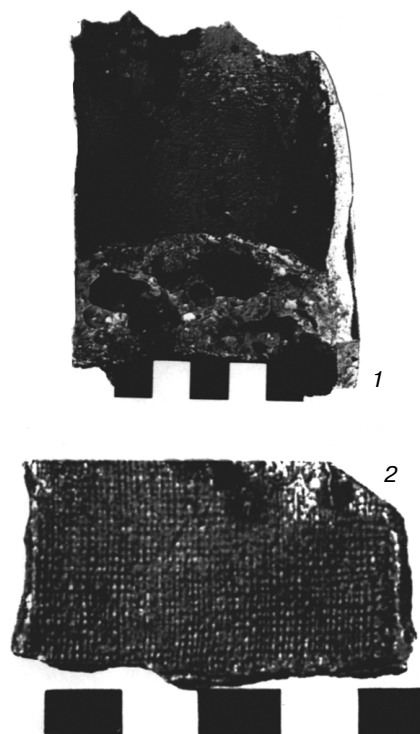

Рис. 4. Тигли из Ахсикета:

1 — фрагмент тигля, верхняя половина сосуда. В срезе хорошо виден горизонтально застывший стекловидный шлак (b); 2 — следы от ткани на внутренних стенках тиглей

зем и глинозем — основные компоненты состава. Древние мастера для огнестойкости добавляли в тесто средних и тонкостенных тиглей песок, а в тесто крупных — шамот, приготовленный из толченых тиглей, использованных ранее в производстве.

Ахсикетские тигли первоначально воспринимали как принадлежность стеклоделательного производства. А. А. Абдуразаков и М. А. Безбородов подвергли их специальному технологическому исследованию (1966). Исследователи предположили, что сосуды формовали из известковой породы типа доломита. Сырьем для тиглей могли служить глины Ятманского месторождения (южный склон Урта-Кызила, Ошской области). Эти глины ранее были определены как высокоогнеупорные [Шамрай 1947: 33—48]. Огнеупорность глин Ятманского месторождения, вычисленная по формуле Шуена, приближается к 1700 °С. Термостойкость ахсикетских тиглей равна 1650 °С (определение А. А. Абдуразакова и М. А. Безбородова). Исследователи рассчитали примерный химический состав теста сосудов при условии, если средневековые мастера употреб-

краиной, диаметром 8 см. Донца слегка вогнутые, диаметром 8 см. Тулово тиглей средних размеров: а) прямопоставленные стенки от донца к венчику без изменения диаметра (рис. 3, 10); б) стенки нижней части сосуда расширены (рис. 3, 15). Толщина стенок донца 1 см, венчиков — 0,4—0,5 см. Крышки полусферические, выпуклые, посередине обязательно отверстие диаметром 2—3 см.

3. Тонкостенные тигли с вертикальным или косым рифлением, шириной 0,5—0,7 см (рис. 3, 12, 17, 18). Венчики прямопоставленные, со слегка вогнутой закраиной, диаметром 7—8 см (рис. 3, 12, 18—20). Тулово тонкостенных тиглей; а) с прямопоставленными стенками до венчика, без изменения диаметра; б) с расширенным туловом в придонной части. Толщина стенок у донца 0,7—1,5 см, венчиков 0,2—0,3 см. Крышка полусферическая, выпуклая, с отверстием посередине диаметром 2—3 см.

Химико-технологическое исследование показало, что кремне-

ляли для изготовления тиглей ятманские глины вместе с песком в пропорции 1 часть песка на 10 частей глины:

SiO_2 — 71,5 %; Al_2O_3 — 24,8 %; Fe_2O_3 — 0,74 %; CaO и MgO — 1,80 %.

Химический анализ ахсикетских тиглей, проведенный для меня А. И. Шведунным в лаборатории Алтайского тракторного завода (г. Рубцовск), показал, что рассчитанный А. А. Абдуразаковым и М. А. Безбородовым химический состав совпадает с их реальным составом. Небольшая разница объясняется тем, что для анализа были представлены фрагменты, уже побывавшие в металлургическом процессе.

Неровности, образованные в период формовки тигля, мастера могли при желании сгладить, но они этого не делали, так как рифленая поверхность предохраняла тигель от разрушения во время термических напряжений, как следует из современной теории сопротивления материалов. Поэтому в современной металлургии не делают круглых изложниц для остывания металла.

Стенки горшков покрыты стекловидной пленкой, не оплавлены лишь небольшие участки у донца. Некоторые фрагменты тиглей (участок около венчика с внутренней стороны) сохранили шлак, представляющий собой кусок остывшей стекломассы (рис. 4, 1). Шлак различных оттенков не зависит от формы и толщины стенок тигля. Цветовая гамма стекловидных шлаков следующая.

Яркие стекловидные шлаки: а) черный цвет с желтовато-зеленым отливом; б) черно-зеленый цвет с золотистым отливом; в) темно-зеленый цвет.

Стеклянистые промежуточные шлаки — аквамарин.

Тусклые стекловидные шлаки: а) ультрамарин; б) голубовато-синий; в) бледная бирюза; г) бледно-зеленый; д) желтовато-зеленый; е) блекло-салатовый.

Стекловидные шлаки печеночного цвета зафиксированы в некоторых тиглях. Выше их на стенках сосудов находились следы корродированного металла зеленого цвета, исходя из чего следует заключить, что данные сосуды использовали для производства сплавов на основе меди. Упомянутые тигли по форме аналогичны железоделательным, очевидно, и техника плавки была той же. Миниатюрные ювелирные тигли для сплавов на основе меди также встречены на Ахсикете (рис. 3, 1—4).

Химический анализ стекловидных шлаков показал, что это кислые хорошо раскисленные металлургические шлаки. Основная структурная составляющая — окись кремния. На сводной таблице результатов химического исследования тиглей, шлаков и агломерата (табл. 1) в графе III представлена характеристика тусклых шлаков следующих оттенков: бирюза бледная; желтовато-зеленый. Шлак этих оттенков отличается повышенным содержанием окиси марганца. Рентгенограммы образцов определили основные структуры шлаков формулой $3\text{AlO}_2 + 2\text{SiO}_2$.

Напоминающие известь куски белого вещества весом от 200 до 2000—3000 г отмечены в напластованиях отходов железоделательного производства. Рентгенограммы вещества определили гипс и соду, которые добавлялись в агломерат во время тигельного процесса в качестве флюсов

для ускорения шлакообразования при более низких температурах, чем температура плавления кремнезема и глинозема, а также для лучшего очищения агломерата. Стекловидный шлак сохранил в верхней своей половине белые вкрапления от флюсов. Фрагменты древесного угля, свидетельствующие о процессе науглероживания металла во время плавки, присутствуют здесь же.

Таблица 1

SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	FeO	CaO	MgO	MnO	TiO
69,90	22,80	1,60	0,39	1,50	1,20	0,90	1,00
71,10	23,00	1,80	0,30	1,66	1,20	1,00	0,13
73,00	20,00	2,20	0,55	2,80	0,80	0,60	0,10
72,00	16,00	7,50	0,68	2,40	0,20	1,00	0,12
66,60	3,20	2,08	4,75	4,80	1,00	14,80	0,40
56,80	7,00	2,09	4,75	5,00	2,00	22,40	0,41
60,00	8,00	2,08	4,75	4,20	2,30	14,60	0,40
13,40	5,30	–	61,90	3,40	0,50	0,40	–

Очевидно, что во время плавки шлак поднимался прослойкой в верхнюю половину сосуда. Он кипел и выплескивался из тигля, заливая внешние стенки. Потечи шлака в придонной части горшка вобрали в себя кусочки гравия. Исходя из этого, следует заключить, что тигли во время плавки вставляли в горн, дно которого было устлано гравием.

Стекловидный шлак в верхней половине сосуда застывал горизонтально (рис. 5, 1, 3, 6, 2—3). Следовательно, металл, полученный во время плавки, остывал прямо в тигле. Шлак должен был остывать быстрее, чем металл. Остывший металлический слиток извлекался из сосуда. Вытащить слиток можно было, только разбив сосуд.

Попытки склеить хоть один сосуд из фрагментов, которые исчисляются несколькими тысячами экземпляров, не дали результатов.

Выпуклая полусферическая крышка с отверстием (имеется всего несколько фрагментов от сосудов с крышками без отверстий) была обязательным элементом всех тиглей (рис. 5, 4, 6, 1). Крышка в технологии плавки, видимо, играла значительную роль. Горшок закрывали крышкой, на наш взгляд, уже в процессе плавки металла, в период, когда образовывался стеклообразный шлак. Он выплескивался на закраину венчика, приплавля крышку к стенкам тигля. Своеобразным клеем, плотно соединяющим крышку со стенками тигля, была и шлаковидная пленка на венчике. Крышки делали точно по диаметру венчика. Однако повторное изучение тиглей показало, что многие крышки прикреплялись к тиглям специальным куском глины до начала металлургического процесса [Rehren, Papakhristu 2000: 57, 59].

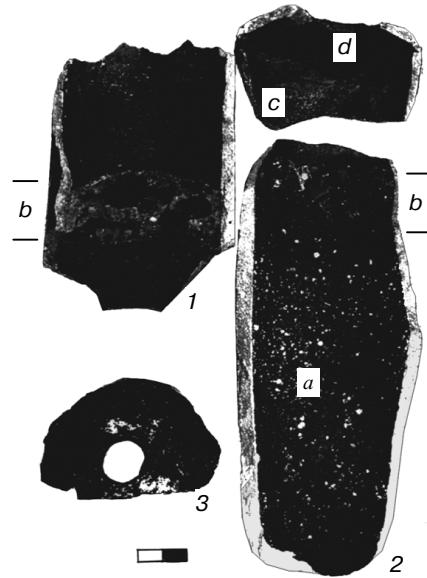

Рис. 5. Тигли из Ахсикета:

1 — фрагмент тигля, верхняя половина сосуда. В срезе виден стекловидный горизонтально застывший шлак (b); 2 — реконструкция тигля: a — место стального слитка; b — горизонтально застывший стекловидный шлак; c — пространство между застывшим стекловидным шлаком и крышкой; d — крышка; 3 — крышка тигля с отверстием в центре

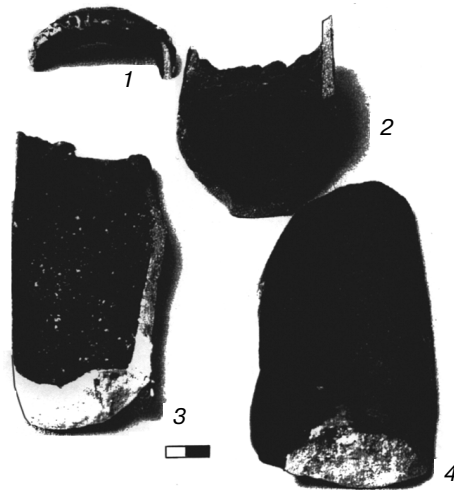

Рис. 6. Тигли из Ахсикета:

1 — крышка; 2 — фрагмент стенки сосуда с горизонтально застывшим стекловидным шлаком; 3 — фрагмент нижней части сосуда с внутренней стороны; 4 — фрагмент нижней части сосуда с внешней стороны

Тигель не всегда выдерживал высокие напряжения при плавке и иногда трескался, причем трещины отмечаются исключительно в верхних частях горшка. Крышка часто деформировалась, иногда оседала внутрь сосуда. Оседание происходило оттого, что при высокой температуре нагрева диаметр крышки становился меньше диаметра венчика тигля.

Какие-либо элементы, разграничивающие горшки по времени, при выделении типов тиглей не отмечены. Вместе с тем тигли имеют отличия по пунктам их местонахождения (см. ниже).

Остатки гравия, припекшиеся к донцам тиглей, свидетельствуют о том, что древние мастера использовали его как подсыпку, на которую ставились горшки в металлургическом горне. Такая подсыпка чрезвычайно универсальна. В начале производственного процесса она способствует равномерному подогреву сосудов и регулирует плавку; к концу плавки — выравнивает температуру остывания боковых стенок и донца, так как они неравномерны по толщине и без такого регулятора дно сосуда может разорваться; обеспечивает легкость выемки остывшего тигля.

Ахсикетские тигли были довольно прочными. Небольшую трещину в верхней половине имели только 30—35 фрагментов из всех обследованных экземпляров, исчисляемых несколькими сотнями. Трещины образовывались во время плавки. Значительная деформация наблюдается только в крышках.

Изготовление металлургических горшков из высокоогнеупорных глин, рифление внешних стенок сосудов, использование гравия-термостата — признаки, на основании которых можно говорить о том, что древние металлурги производили плавку при значительных температурах и длительное время. Деформация, отмечаемая на некоторых сосудах, прошедших производственную стадию-плавку, позволяет предполагать, что температура в горне была приближена к температуре огнеупорности глин (в пределах 1500—1650 °С). А. А. Абдуразаков и М. А. Безбородов определили температуру 1650 °С.

Значительное количество древесного топлива, недостаток которого остро ощущался в условиях Средней Азии [Большаков 1984: 206—207; Куземко 1991: 13], требовалось для того, чтобы осуществить физический процесс — нагреть тигли до нужной температуры и удерживать эту температуру для действия химического металлургического процесса, который происходил внутри тигля, тем более — при объеме железодельного производства, прослеженного археологическими материалами Ахсикета. Было немислимо и экономически неоправданно производить плавку длительное время с достижением высоких температур только на кустарниковом топливе. И без такого топлива металл был очень дорогим, если учесть изготовление и доставку в город агломерата, а также стоимость изготовления тиглей. Ахсикетские ремесленники, на мой взгляд, могли применять для физического процесса в своем производстве каменный уголь. Прямое указание об употреблении в Фергане в кузнечном деле каменного угля есть у арабских средневековых авторов [Ибн Бекрана 1973:

49]. Каменный уголь в Фергане в Средние века добывали в Асбаре (Исфаре) [Давидович, Литвинский 1955: 177]. Размеры добычи и характер использования каменного угля в Средней Азии, отраженные в письменных источниках, не установлены. Выработки в рыхлом слое каменного угля не могли быть глубокими и подвергались частым обвалам и каменно-угольным пожарам [Новиков 1991: 28—29], поэтому их остатки трудно зафиксировать в наши дни [Исламов 1977: 96]. Наличие в регионе разработок каменного угля в Средние века, «несомненно, способствовало развитию металлургической промышленности в Фергане», считал В. В. Бартольд [Бартольд 1963: 217]. Такое мнение неоднократно оспаривалось, так как каменный уголь содержит большое количество посторонних химических примесей и неприменим в металлургии для получения первородного железа, стали и чугуна в обычном сыродутном горне. Сырой каменный уголь содержит фосфор и серу, которые влияют на качество металла [Окнов 1938: 56]. К тому же такой уголь в ходе плавки, сильно измельчаясь, забивает шихту печи, делая шахту труднопроницаемой [Остроухов 1931: 247]. В современном производстве каменный уголь для металлургических целей перерабатывают в кокс. Есть сведения, что фрагменты кокса встречены при раскопках древнемонгольского города Ден-Терек в Туве [Терехова 1974: 74; Древнемонгольские города 1965: 116].

Приведенные выше сведения касаются использования каменного угля в химическом металлургическом процессе. Производство черного металла в тиглях отличается от сыродутного процесса тем, что химический и физический процессы разделены. Каменный уголь могли использовать в Ахсикете в физическом процессе в качестве топлива для подогрева тиглей и только, как мне кажется, после момента образования стекловидного шлака. Крышка, прослойка стекловидного шлака и давление внутри сосуда изолировали металл внутри тигля от вредных газов, выделяющихся при горении каменного угля. В то же время только каменный уголь мог быть тем единственным топливным материалом, который оправдывал масштабы тигельного производства, археологически зафиксированные на средневековом городище Ахсикет. Он также мог служить элементом, снижающим стоимость металла, и способствовать развитию тигельного производства в городе, расположенном вдали от мест сосредоточения древесного топлива.

Попытка теоретически реконструировать процесс на основе анализа археологического материала привела нас к следующим заключениям.

Сосуды перед использованием в металлургических целях предварительно обжигали. Раздробленную агломерационную шихту закладывали в тигель. Сырье могли дробить с помощью специальных камней, которые в большом количестве встречаются на городище вместе с фрагментами тиглей. Тигель ставили в металлургический горн, дно которого было устлано гравием-термостатом. Сосуд, видимо, закрывали сразу. Горшки обкладывали кустарным растением, дающим при горении высокую температуру и не портящим металл вредными газами. Такого топлива достаточно на территории, окружающей древний город. Дополнительным фактором

для такого предположения являются чисто археологические наблюдения. Напластования, сохранившие органические остатки в виде горевшего каменья, прослежены в нижних слоях заполнения горнов. Значительная температура, которая сильно накаляла стенки тиглей, создавалась посредством дутья в горне. Химическая реакция начиналась в сосудах, когда последние набирали нужную температуру нагрева. Взаимодействие между недовосстановленной железной рудой и углем происходило в агломерате. Древесный уголь раскислял и науглероживал металл. Газы, образовавшиеся во время реакции, удалялись через отверстие в крышке сосуда. В тигле создавалось, за счет реакции раскисления окислов железа, избыточное давление, что сводило к минимуму возможность попадания вредных газов из атмосферы в металл. Так как воздух в тигель не попадал и вокруг был оксид углерода, в сосуде шел только раскислительный процесс. Поскольку агломерат, зафиксированный на городище Ахсикет, кроме древесного угля и металла включал также флюсы, то при реакции раскисления шло сильное шлакообразование стекломассы, которая, выделяясь, очищала металл. Шлакообразование должно было происходить быстрее полного расплава металла, поэтому шлак первоначально опускался на дно сосуда. Обнаженное железо науглероживалось, цементовалось. Науглероженое железо при постоянно повышающейся температуре нагрева начинало расплавляться и, будучи в состоянии жидкости, более тяжелой по отношению к жидкости шлака, опускалось на дно тигля. Шлак, наоборот, по мере расплавления металла начинал подниматься вверх. Именно шлак, поднявшийся в верхнюю половину сосудов, отмечен на фрагментах ахсикетских тиглей. Температура в горне продолжала повышаться, так как шлак кипел и выплескивался наружу через отверстие в крышке, заливая внешние стенки сосуда. С момента скопления стекловидного шлака средневековые ремесленники могли использовать в качестве топлива каменный уголь. Как долго длилась плавка, определить невозможно. Дутье прекращали после того, как металл, по мнению мастеров, был готов. Тигли оставляли в печи до полного остывания. Остывшие слитки вытаскивали, разбивая сосуд. Наличие в тиглях неповрежденных стекловидных шлаков, размещенных горизонтальным слоем в верхней половине сосудов, а не на дне, служит аргументом в пользу такого предположения. К тому же форма сосуда не приспособлена для транспортировки его в горячем состоянии куда-либо для разлива металла. Очень медленное остывание металла в тигле должно было обеспечивать неоднородность строения стали [Чернов 1896]. Стекловидный шлак, остывая быстрее металла, создавал условия для направленного снизу вверх затвердевания.

Конструкция тиглей с рифлением внешней поверхности; термостойкость сосудов; наличие крышек у горшков; гравий-термостат; изолированность химических реакций в тигле, сообщающихся с окружающей средой только через маленькое отверстие в крышке; давление в сосуде за счет реакций раскисления металла и шлаков; возможное использование в процессе каменного угля; достижение неоднородности строения металла при остывании в тигле — все это свидетельствует о том, что на городище

Ахсикет в слоях IX—XII вв. зафиксировано тигельное производство высококачественных сталей.

Остывание металла в тиглях есть косвенное подтверждение того, что средневековые ремесленники могли получать тигельную сталь с узором — булат.

Слитки, получаемые в сосудах, судя по одному из наиболее сохранившихся фрагментов тигля, были удлиненной (яйцевидной) формы с округлыми краями, повторяя внутренний объем горшка. Длина слитка — 18 см, диаметр 7—8 см. Примерный вес — 2000—2500 г. Вес слитка достаточен для изготовления двух клинков с минимальным количеством отходов при ковке.

Наличие на городище тиглей разной величины и выделки, а следовательно, и стоимости, рассчитанной по труду, затраченному на их приготовление, предполагает различный по качеству и стоимости конечный продукт — стальную яйцевидную тигельную крицу. Поэтому я склонна к мнению, что ахсикетские ремесленники могли готовить несколько видов тигельной стали.

Вместе с отработанными тиглями в слоях отмечено большое количество рогов животных. Костный материал — хороший карбюризатор для цементации железа в кузнечном горне. В нашем случае его могли использовать как разновидность углерода или микролегирующий элемент при плавке.

Реконструкция тигельного процесса, происходящего в средневековом Ахсикете, и связанное с ним производство сталей потребовали сопоставления с каким-либо моделированием процесса приготовления тигельных сталей. Эксперимент, или физическое моделирование как метод изучения древнего производства черных металлов, был введен в советскую археологию в середине 60-х гг. Б. А. Колчиным и О. Ю. Круг [Колчин, Круг 1965: 196—215]. Эксперимент применялся в археологии и ранее, но он касался вопросов механической технологии, функциональной принадлежности и эффективности каменных орудий труда. Физическое моделирование процессов плавки и переработки черного металла, в отличие от теоретической реконструкции, позволяет более полно представить себе технику и понять многие ее стороны, поскольку процессы можно фиксировать на уровне современных достижений науки. При написании диссертационного исследования автором данной статьи были использованы для сопоставления материалы опытных плавов П. П. Аносова в качестве примерного физического моделирования. В настоящее время разными технологами современного производства проведено и описано моделирование процессов приготовления тигельных сталей типа «булат» или «wootz» [Шерби, Уодсворт 1985: 74—80; Гуревич 1985; Verhoeven 1987: 145—151; Verhoeven, Jones 1987: 153—180; Verhoeven, Prndray 1992: 195—212; Verhoeven et al. 1993: 187—200; Verhoeven et al. 1996: 9—22]. Но, как мне представляется, современное моделирование не объясняет так хорошо ахсикетский археологический материал, как объясняют его опыты П. П. Аносова.

П. П. Аносов при реконструкции тигельного способа плавки восточных высококачественных сталей большое внимание уделял горну. Практика плавки привела его к наиболее приемлемой конструкции печи для такого производства. Внутренность горна должна иметь вид цилиндра. Стены исследователь выкладывал из огнестойкого кирпича, а пространство между стенками горна и печи заполнял золой как плохим проводником тепла. Автор опытов отмечал, что в горне необходимо отверстие для постановления и изъятия тигля, для забрасывания угля и для наблюдения за ходом плавки. Горны мастерских железоделательного производства на городище Ахсикет имеют футеровку в виде нескольких слоев жаростойкой глины, аналогичной той, из которой сделаны тигли. П. П. Аносов отмечал, что приготовление огнестойких горшков один из важнейших предметов в деле литой стали и булата. «Делимость чистой глины в воде, связь при засыхании, твердость после пожигания, неплавкость при самой высокой температуре — вот свойства, дающие ей преимущества над всеми прочими землями для составления различных сосудов. Чем глина чище, тем в высшей степени обнаруживаются в ней сии свойства, но тем сильнее является в ней другое свойство, затрудняющее успех изделий, долженствующих претерпевать сильнейший жар. Это свойство заключается в уменьшении их по мере возвышения степени температуры. Глиняный цилиндр в пирометре Веджвуда⁸, указывающий степень жара, уменьшается в поперечнике от 0 до 240 градусов на одну треть. Чем неправильнее тело, из нее сделанное, тем неправильнее и само уменьшение. Таким образом, чем более форма изделия уклоняется от шара, тем удобнее она получит трещины; ибо одна часть ее массы будет короче другой. В правильных горшках, как бы правильно сделаны они ни были, внутренняя поверхность короче наружной, и поэтому всякий чисто глиняный горшок при возвышении температуры должен получить трещины. Для уничтожения их необходимо присутствие тела, которое бы уменьшило способность сжимания» [Аносов 1954: 108—109]. В связи с данными наблюдениями П. П. Аносова уместно вспомнить о рифлении внешних стенок тиглей, которые использовали ахсикетские ремесленники. Далее, П. П. Аносов рассматривает разные примеси, создающие высокую огнестойкость тигля. Во-первых, такой примесью может быть кварцевый песок, препятствующий растрескиванию сосуда, но в то же время увеличивающий его плавкость, так как добавка к кремнезему и глинозему песка уменьшает температуру расплавления перечисленных компонентов. Следующим материалом для повышения износостойкости тигля является «глина, предварительно прокаленная и истолченная». Но П. П. Аносов искал тело неплавкое, «не изменяемое в виде при возвышении температуры», и такое вещество исследователь нашел в просеянном через сито угольном мусоре. Рецепт изготовления тиглей П. П. Аносова состоял в следующем: «10 час-

⁸ В е д ж в у д Д ж о з а й я (1730—1795) — английский фабрикант-керамик. Известен как изобретатель керамического пирометра (1782), с помощью которого определялась температура по степени сокращения глиняного цилиндра за счет усушки при накаливании.

тей огнепостоянной глины (район близ Челябинска), 5 частей толченых, бывших в употреблении горшков, очищенных тщательно от шлага, и 5 частей просеянного сквозь сито мусора. Все перемешивается в сухом виде, постепенно смягчается водой и растирается скалкой. Масса доводится до такой степени, чтобы образовывались комки, разминающиеся в руке». П. П. Аносов готовил тигли с помощью специального пресса и медной формы-матрицы [Там же].

Для нас представляет интерес описание изготовления тиглей для производства литой стали на железном заводе Солинг близ Услара в Королевстве Ганноверском. Процесс происходит следующим образом. Тигли делают из так называемой трубчатой глины, которую добывают в деревне Шонингтон. Перед употреблением ее очищают от железистых частиц и песка. Большую часть глины предварительно обжигают. Для этого глину разрезают на небольшие четырехугольные плитки. Основное требование при обжиге — не допустить, чтобы поверхность плиток глазурилась, так как глазурь вредна для тиглей. Обожженные плитки, истолченные до величины чечевичного полузерна, смешивают с сырой глиной. Массу перемешивают, пока она не приобретает один цвет. Затем ее как можно равномернее смачивают водой в специальном большом ящике. После того как масса вбирает влагу, ее разбивают специальными деревянными пестами. Груды комьев складывают в закрытые ящики на две недели. Каждые два дня глину разбивают в тонкие слои. Благодаря обработке тигельная масса приобретает вязкость и лучшую связь частей. Для устранения воздушных пузырьков внутри глины ее ударяют о твердое основание. Тигли изготавливают с помощью специального прибора, который состоит из тигельной формы и сердечника, соответствующего внутренней яйцевидной форме тигля. Чугунную тигельную форму с подвижным дном прикрепляют к деревянной колоде. Чугунный или сделанный из твердого дерева и оббитый железом сердечник снабжен острием, соответствующим отверстию в подвижном дне тигельной формы. Головка наверху сердечника просверлена. В это отверстие вставляют рукоять, при помощи которой сердечник обращают. Головка имеет плоскую плотную поверхность, по которой ударяют при вбивании сердечника в тигельную массу. Глину в тигельной форме первоначально протыкают сердечником, чтобы острие могло удобнее войти в отверстие дна. Затем при постоянном вращении сердечника ударяют по его головке до тех пор, пока он полностью не войдет в массу. Выдавливание тигельной массы между краем формы и закраиной сердечника — признак совершенного наполнения формы глиной. Сердечник осторожно вынимают, а форму ставят на круглую деревянную колоду с выпуклой поверхностью, диаметр которой меньше дна тигля. Отливают дно. Процесс изготовления тиглей происходит без особого напряжения мастеровых и повреждения самого тигля. Чтобы вязкая тигельная масса не прилипла к форме, внутренность последней выкладывают холстом. Сердечник смазывают свиным салом. Тигель, вынутый из формы, на один день оставляют в холстяной оболочке, которую затем удаляют. Отверстие на дне тигля замазывают. Тигли сушат на воздухе три ме-

сяца, после чего обжигают в металлургической печи. Размеры тиглей: высота — 33 см, наружный диаметр — 16 см, диаметр верхней половины тигля — 20 см. Толщина стенок тигля: в придонной части — 4 см, в верхней половине — 2,5 см. Каждый тигель снабжен крышкой толщиной 3 см. Диаметр крышки соответствует диаметру тигля. По мере использования тиглей в плавках стенки их становятся тоньше, а термостойкость выше [Перец 1940: 66—82.].

Ахсикетские тигли отличаются от описанных выше рифленой поверхностью, позволяющей при плавке выдерживать дополнительную температурную нагрузку. Следы от матерчатой матрицы на фрагментах тиглей свидетельствуют о том, что средневековые ахсикетские мастера эмпирически могли прийти к необходимости изготовления шаблона для формовки сосудов.

Предварительные работы перед плавкой металла у П. П. Аносова заключались в том, что в горн ставился поддон под тигель, который посыпали толченым шамотом; сосуд неплотно прикрывали крышкой, засыпали его крупным древесным углем, бросали на верхний слой немного горячего угля и закрывали печь. Пламя постепенно опускалось ко дну горна. Горшок прогревался. Крышка, неплотно прикрытая, облегчала выход водяных паров, остающихся в массе горшка после просушки. Окончательный прогрев сосудов определялся по красному цвету тигля. На раскаленном сосуде выявлялся брак, который на холодном изделии мог остаться незамеченным, поэтому в период просушки тигля в печи исследователь одновременно проверял качество сосудов. Эта операция была очень важной и необходимой, так как от нее во многом зависела удача выплавки металла. П. П. Аносов отмечал, что иногда маленькие трещины, которые воспринимались как безвредные, «увеличиваются при плавлении металла», из-за них тигель может лопнуть, кроме того, в металл через эти трещины могут попасть ненужные химические компоненты, что изменит качество конечного продукта, поэтому следует избегать употребления тиглей с пороком, особенно если трещина находится в нижней половине горшка [Аносов 1954: 112].

Реконструкция ахсикетской черной тигельной металлургии показывает, что производство осуществлялось по схеме, намеченной П. П. Аносовым в первом методе: восстановление и соединение железа с углеродом. Однако Аносов сам же и исключил ее, аргументируя это тем, что чистых железных руд в природе нет, следовательно, для производства по намеченной схеме нет исходного сырья. К тому же опыты показали, что при использовании в качестве сырья руды в соединении с графитом (науглероживание) «потеря последнего весьма значительна, а успех в насыщении железа углеродом не всегда зависит от искусства; сверх того, руды по малой относительной тяжести занимают более объема, нежели железо... таким образом, трудность отыскать в совершенстве новые материалы, случайность соединения железа с углеродом в надлежащей пропорции и дороговизна содействуют сей способ недоступным для введения в

большом виде» [Аносов 1954: 144]. Наличие на Ахсикете агломерата, более чистого и качественного сырья для тигельной металлургии, в отличие от переработанной руды и графита [Байков 1931: 909—912], объясняет возможность развития производства по схеме, отвергнутой П. П. Аносовым в его исследованиях. Исследователь разработал и опубликовал полную технологию для четвертого метода, поэтому для сравнительной характеристики мы приводим именно ее. Плавка в тиглях происходила следующим образом. Губчатое железо (12 фунтов — примерно 5 кг) загружали в тигель. Количество железа уменьшалось (до 10 или 8 фунтов), если исследователю нужен был более твердый металл. Железо засыпалось смесью графита, железной окалины и флюса. В качестве последнего П. П. Аносов рекомендовал доломит. Дутье, для достижения сильного жара, пускали после того, как тигель был загружен и закрыт глиняной крышкой. Металл по истечении трех с половиной часов расплавлялся и покрывался тонким слоем стекловидного шлака с плавающим в нем графитом. Постоянные потери в графите наблюдались во время плавки. Потеря в графите составляла до 400 г при плавке в течение пяти с половиной часов. По окончании плавки тигель оставляли в печи до полного остывания. Крышку тигля затем отбивали, высыпали остатки графита, а шлак разбивали. Металл извлекали из тигля в виде «сплавка» — «хлебца». Характер рисунка на стали зависел от длительности плавки. Металл имел слабые продольные узоры и светлый грунт после плавки в течение трех с половиной часов. Волнистые, средней величины узоры на металле получались после плавки, продолжавшейся четыре часа. С крупными узорами — сетчатыми, «а иногда и с коленами» — металл получался при условии, если графит был отличного качества, после плавки, продолжавшейся пять с половиной часов. После многократных опытов П. П. Аносов приходит к заключению, что на характер и ясность рисунка влияют углерод, продолжительность плавки и постепенность охлаждения тигля. Учет перечисленных признаков есть гарантия качества производимой стали [Богачев 1957: 48—49].

Химический процесс, происходящий в тигле, П. П. Аносов описал следующим образом: «При опытах сплавления железа с флюсом заметил я, что сей последний, расплавляясь прежде металла, опускается на дно тигля и, оставляя железо обнаженным, доставляет ему случай приобрести углерод — цементоваться. Насыщенное углеродом железо или сталь, не в состоянии будучи оставаться в твердом виде при постоянно продолжающейся высокой температуре, расплавляется и опускается по относительной тяжести на дно тигля, а шлак поднимается вверх по мере расплавления всего железа» [Аносов 1954: 126].

Шлак различного цвета получается при использовании одного и того же флюса, именно по шлаку исследователь судил о грунте металла. «Чем стекловатее и бесцветнее шлак, тем белее и грунт металла и наоборот; но металл бывает лучше, чем темнее шлак. Черные шлаки бывают различны, одни стекловаты, а другие тусклы, и тогда узоры на металле перестают быть явственными. Из этого видно, чем темнее грунт, тем выше достоин-

ство металла; почему в отношении к грунту булаты могут быть разделены на серые, бурые и черные» [Аносов 1954: 148].

Теоретическое обоснование агломерата как исходного сырьевого материала для черной тигельной металлургии средневекового Ахсикета также требовало экспериментального подтверждения.

Повторное изучение объектов железодельного производства из Ахсикета и попытку экспериментально проверить как правильность выделения сырьевого компонента тигельной металлургии, так и реальность предложенной археологической реконструкции процесса плавки мы осуществили совместно с доктором технических наук профессором Курганского машиностроительного института Ю. Г. Гуревичем. Это известный специалист по технологии металлов, теории и истории металлургии и, пожалуй, один из крупнейших ученых в области изучения черной тигельной металлургии, последователь П. П. Аносова. Им написан ряд монографий по данному вопросу и осуществлены некоторые реконструкции плавки литой стали, которые имеют авторские свидетельства и патенты [Гуревич 1985].

Прежде всего были дополнительно проанализированы стекловидные тигельные шлаки, которые имели разный цвет и химический состав (табл. 2 и 3). Все аналитические исследования проведены в лабораториях Курганского машиностроительного института и интерпретированы Ю. Г. Гуревичем.

Химический анализ показал, что экземпляры 1—3 содержат значительное количество FeO, поэтому их следует отнести к начальному периоду плавки. Это фрагменты тиглей, собранные из производственных отвалов в восточном рабаде (см. ниже). Они очень грубые, толстостенные и, как показывает исследование шлаков, металл, полученный в них, мог подвергаться дополнительной металлургической переработке, возможно в других тиглях.

Цвет шлаков и содержание в них 50—60 % SiO₂ и 10—15 % Al₂O₃ характерны для восстановительного кислого тигельного процесса. Значительное содержание CaO в некоторых шлаках (16—18 %) свидетельствует о добавках в шихту извести (доломита). Очевидно, это делалось для удаления серы. Некоторые шлаки имеют достаточно высокое содержание марганца, а в шлаках 7—9 обнаружены оксиды ванадия. Оксид ванадия V₂O₅, как известно, придает кислому шлаку синий и сине-зеленый цвет. Оксидов хрома, молибдена, вольфрама, меди, титана и бора не обнаружено.

Низкое содержание FeO в шлаках 4,0—7,9 говорит о том, что тигельная сталь достаточно хорошо раскислялась в период плавки.

По диаграммам состояния систем SiO₂—Al₂O₃—CaO, SiO₂—Al₂O₃—FeO и SiO—MnO—FeO были определены температуры плавления шлаков. Для первых двух систем они оказались выше 1500 °С.

Т а б л и ц а 2

№	Цвет шлака	
	1	Песочный
2	песочно-зеленоватый	коричневый
3	коричнево-зеленоватый	темно-коричневый
4	Зеленый	зеленый
5	серо-синий	серо-синий
6	зеленовато-черный	Зеленовато-черный
7	зеленовато-черный	Зеленовато-черный
8	Голубой	Зеленовато-голубой
9	зеленовато-голубой снизу, к донцу сосуда	зеленый сверху, к венчику сосуда

Т а б л и ц а 3

№	Химический состав шлака, %							
	SiO ₂	MnO	CaO	MgO	FeO	Al ₂ O ₃	V ₂ O ₅	P
1	49,49	19,00	3,50	2,27	13,69	7,18	–	0,028
2	51,50	14,80	3,83	2,52	14,14	14,18	–	0,028
3	38,41	15,30	3,57	2,72	28,64	5,67	–	0,046
4	58,64	19,03	5,25	2,34	5,31	13,04	–	0,020
5	61,20	15,93	5,78	2,66	4,72	10,58	–	0,020
6	50,19	20,13	8,93	2,77	5,41	15,50	–	0,020
7	56,09	0,34	17,50	2,50	7,89	15,50	0,67	–
8	51,85	13,24	16,37	0,41	12,02	9,44	1,08	–
9	59,06	16,31	16,90	1,46	5,03	13,80	1,01	–

Как уже отмечалось, макроструктура агломерата представляет собой механическую смесь частиц руды, доломита и древесного угля.

Образцы агломерата были раздроблены и помещены в алундовые тигли, которые нагревали до температуры 1530 °С в печи сопротивления с графитовым нагревателем. После выдержки 40 минут в печи тигли охлаждали на воздухе. В тигле оказался металл, перемешанный со шлаком. Чтобы изъять металл, сосуды пришлось разбить. Содержимое было раздроблено в порошок и металлическая смесь отделена магнитной сепарацией.

Результаты эксперимента убедительно подтверждают возможность получения в Ахсикете достаточно широко раскисленной высококачественной тигельной стали с относительно небольшим содержанием серы и фосфора. Агломерат действительно был сырьем для тигельной стали. Физическое моделирование технологически подтвердило реальность предложенной ранее схемы металлургической тигельной плавки, которая выглядит следующим образом.

Огнеупорные тигли после их изготовления сушили и обжигали. Раздробленную агломерационную шихту загружали в тигель. Тигель помещали в металлургический горн, дно которого было устлано гравием-термостатом. Тигли обкладывали камышом и кустарниковыми растениями, дававшими при горении высокую температуру и не портившими металл вредными газами.

Когда тигли набирали необходимую температуру, начинался процесс восстановления оксидов железа углеродом древесного угля. По мере восстановления руды, появления шлака и металла уголь раскислял жидкий шлак и металлическую ванну, науглероживая сталь. Образовавшиеся в ходе плавки газы удалялись через отверстие в крышке. В тигле создавалось избыточное давление, и окислительная атмосфера (воздух) не могла попасть в тигель. Именно с этого момента ахсикетские металлурги для подогрева сосудов могли использовать каменный уголь. Тигельная плавка, таким образом, велась в восстановительной среде, создаваемой монооксидом углерода (CO), и в сосуде протекали только восстановительные процессы. Следовательно, фосфор во время плавки не удалялся, надо было подбирать руды, чистые по фосфору. Что касается серы, то в агломерационную шихту и на шлак в период плавки могли добавлять доломит, что подтверждается археологическими материалами.

Состав агломерата обеспечивал по мере повышения температуры не только восстановление железа, но и образование жидкоподвижного шлака. Поскольку шлакообразование шло быстрее процесса восстановления железа, жидкий легкоплавкий шлак первоначально опускался на дно сосуда. Об этом свидетельствует ошлакованная нижняя часть тигля. По мере восстановления и науглероживания железо плавилось и, будучи тяжелее шлака, опускалось вниз, а шлак всплывал в верхнюю половину тигля.

Взаимодействие шлака с атмосферой в тигле способствовало его восстановлению, а выдержка над жидким шлаком — распределению легирующих между металлом и шлаком. В этот период сталь могла насыщаться марганцем, кремнием, ванадием и должен был идти процесс обессеривания жидкой металлургической ванны.

Судя по количеству FeO в конечных шлаках, древние металлурги знали, в какой момент следует остановить дутье и закончить плавку. Тигель после окончания плавки оставался в горне до полного остывания. Остывший слиток вытаскивали, разбивая сосуд.

Т а б л и ц а 4

№	Химический состав агломерата, %							
	SiO ₂	MnO	CaO	MgO	FeO	Al ₂ O ₃	V ₂ O ₅	С
1	12,14	0,13	3,75	1,51	58,2	3,02	0,5	остальное
2	8,76	0,72	8,68	1,08	61,3	2,61	2,14	остальное

Т а б л и ц а 5

№	Химический анализ шлака после восстановления агломерата, %					
	SiO ₂	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	V ₂ O ₅	FeO
1	19,35	4,91	0,76	0,77	0,56	остальное

Т а б л и ц а 6

№	Химический состав металла, %					
	С	Mn	Si	V	S	P
1	1,46	—	1,0	—	0,041	0,052
2	0,25—0,7	0,13	0,42	1,14—1,78	0,130	—

Опыт экспериментальной проверки археологической реконструкции процесса плавки тигельных сталей в средневековом Ахсикете позволил убедиться в правильности выделения сырьевого компонента. Этот факт дополнительно подтверждается фиксацией оксидов ванадия в археологическом объекте — агломерате, ванадия в экспериментально полученном металле и присутствием ванадия в химическом составе трех проанализированных фрагментов раскисленных кислых тигельных металлургических шлаков из Ахсикета (табл. 3, экз. 7—9).

Правильное выделение сырьевого компонента для тигельной металлургии сталей в Ахсикете имеет важное значение как для технологической реконструкции древнего процесса плавки, так и в историческом аспекте. Дело в том, что подобного рода сырье до сих пор не использовалось ни одним исследователем при физическом моделировании древнего процесса плавки восточных тигельных высококачественных сталей. Лишь один металлург — П. П. Аносов был близок к пониманию данной формы сырья, но он отверг ее, поскольку в природе такой формы не существует. Вместе с тем археологические материалы по железнорудной

дящей индустрии из Ахсикета и само географическое расположение средневекового города ставят в повестку дня вопрос о существовании искусственного товарного полуфабриката для металлургических целей, полученного посредством сыродутного металлургического процесса близ источников сырья. Другое дело, что такой товарный полуфабрикат железа служил сырьем для специфической формы металлургии — тигельной или доменной, при которой получается высокоуглеродистый черный металл — чугун или высокоуглеродистая сталь. Именно поэтому близкое по содержанию искусственное сырье мы находим среди материалов по производству чугуна тигельным или доменным процессом в Китае [Needham 1958; Naga 1992: 131—139] и по производству чугуна в тиглях в археологических материалах Шайгинского городища (рис. 2, 4) [Леньков 1974; Леньков, Щека 1982: 195—203].

Опыт реконструкции черной тигельной металлургии выявил еще один очень важный исторический и технологический аспект. Как уже отмечалось, в результате химического исследования агломерата перед экспериментом удалось зафиксировать присутствие в объекте 2,14 % оксидов ванадия, а при физическом моделировании получен металл, содержащий до 2 % ванадия. В связи с этим можно утверждать, что средневековые металлурги в Средней Азии умели распознавать руды сложного геохимического состава, в частности природно легированные ванадием, и пользоваться ими. В то же время, судя по химическому исследованию ахсикетских тигельных раскисленных кислых металлургических шлаков, мы можем гарантировать, что только один из множества сортов сталей, получаемых тигельным способом ремесленниками железоделательного производства в Ахсикете, был из сырья, природно легированного ванадием.

Использование металлургами в Средние века железных руд сложного геохимического состава в производственной археологии зафиксировано впервые. Возможно, именно этим следует объяснить подчеркивание средневековыми авторами особого качества ферганского железа. Так, Ибн Хаукаль писал, что «железо, получаемое в Фергане, было таким ковким, что может быть выковано в любой форме, мастера ломали себе голову над изобретением экзотических предметов, чтобы использовать его» [Allan 1979: 67].

В начале 90-х гг. несколько небольших фрагментов агломерата, тиглей и стекловидного шлака были переданы автором настоящих строк сотруднику Института петрографии в г. Нанси Французской академии наук доктору А. Плакен для проведения петрографического и химического анализов. Результаты этого исследования были представлены в качестве тезисов и доклада на конференции по Археометаллургии в Иране в 1994 г., но опубликованы не были. Суть результатов анализов сводится к следующему. Петрографическое и химическое исследование образцов (ICP ES/MS) показало, что представленные материалы являются отбросами или отработанным материалом сталепроизводящей техники. Эта техника, возможно, есть плавка «wootz» или «булат». Но сопоставление образцов из Ахсикета с материалами, обнаруженными американской ис-

следователыницей Т. Лов в Индии (район Декана), показало, что по морфологии они совершенно разнообразны.

Химический анализ стенок тиглей показывает композицию, приготовленную из каолиновой глины и песка, с небольшим преобладанием последнего. Обнаруженный песок при рассмотрении его под микроскопом огибает зерна кварца, что показывает нам композицию прекрасного рефракторного материала. Из фазы диаграмм температур liquidus/solidus термостойкость сосудов может быть ранжирована в пределах 1700—1570 °С. Но вдоль внутренней стороны и внутри шлака некоторые зерна кварца более или менее трансформированы в кристобалит.

Так называемый «агломерат» показывает некоторые петрографические характеристики металлургического шлака из «прямой процедуры» (сыродутный процесс), но исследование образца меняет мнение, поскольку очевидно развитие оксидов и гидроксидов, присутствуют также некоторые включения древесного угля. Химическая характеристика показывает, что это «тяжелый шлак» — скорее металлургический, чем кузнечный.

Шлак внутри тигля по петрографическим и химическим характеристикам определен как шлак «laitier». Laitier — французское, а не английское и не немецкое слово. Название есть обозначение определенного типа шлака, который лился как «молоко» (= lait). Ibn Al Baytar, арабский ученый (XIII в.), описал железный шлак (khabath) как продукт, вытекающий из железа, когда его плавят, и названный «молоко из железа» (перевод Y. Ragib, в данном абзаце я использую историческую интерпретацию, предложенную доктором А. Плакен. — О. П.). «Laitier» есть архаический тип шлака из серии «low-alkaline silicated glass» с фрагментами железных корольков, небольшого количества кристаллов «ругохеп-?», остатков кварцевых зерен (supra). Представляется, что композиция не может быть достигнута в тиглях. В европейской (или китайской) железнороудующей процедуре этот «laitier» есть характеристика присутствия доменной печи (blast-furnace) или наличия непрямого процесса производства чугуна. Этот тип шлака также хорошо известен в некоторых прямых или сыродутных железнороудующих процедурах, но исследованный фрагмент очень необычен, он есть результат высокотемпературного случая.

Петрографическое значение или смысл данного типа шлака — сосуществование в силикатной плавке с ликвидным железом. А. Плакен предложил примерный химический баланс:

Агломерат ----- плавка в тиглях ----- несмешение ----- металл + «laitier»
+ добавки ----- силикат,
сплавленный вместе с корольками железа

Расчет из химического анализа дал использование магнезия (Mg) как основы, то есть весь магнезий попал в «laitier» из агломерата, и результат очень последователен. Этот путь недостаточен в идентификации различ-

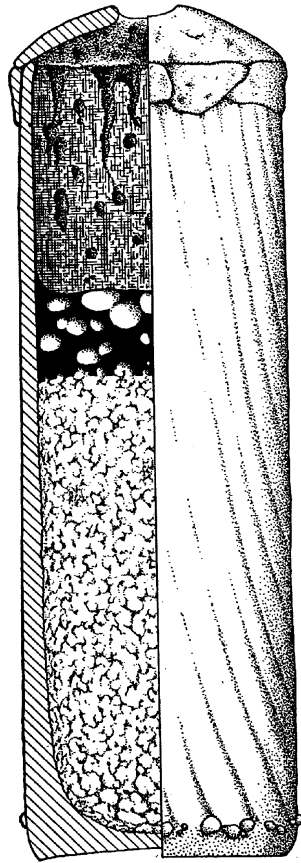

Рис. 7. Реконструкция тигля из Ахсикета

лях (рис. 7). По его подсчетам, при высоте 15 см объем слитка будет равен 580 см^3 , что соответствует 4,5 кг. Как уже отмечалось, по моим расчетам вес слитка был около 2,0—2,5 кг. Необходимо также указать, что при первом посещении городища Ахсикет Т. Ререн среди археологических материалов заметил железную руду, что учитывалось в эффектных технологических сценариях, предложенных им в нашей статье. Вместе с тем наличие нескольких фрагментов руды в археологических материалах скорее исключение из правила, а не правило. В целом серьезные аналитические исследования ахсикетского материала только начались, и ждать принципиально новых результатов пока рано. Гораздо больший прогресс нами достигнут по теме сопоставления тиглей из Средней Азии и Индийского субконтинента [Rehren, Papachristou 2003: 393—404], но это не есть тема данной статьи.

Информация о попытках реконструкции черной тигельной металлургии из Ахсикета будет неполной, если не упомянуть еще об одном мате-

рых источников для сложения, поскольку присутствуют добавки: пепел древесного угля, химические элементы из стенок тигля. Можно принять без доказательств только факт присутствия марганца (Mn) в композиции стали формацией Mn_3C . Очень мало опубликовано из шлаков «wootz» продукции, но идентификация представляется логичной [Ploquin, Papachristou 1994]

Археологические материалы из Ахсикета требовали серьезного аналитического исследования большой серии на современном оборудовании, и такая работа была начата в г. Бохум в Германии в 1999 г. Тило Ререн и мной при посредничестве второго директора Музея горного дела и металлургии проф. Герда Вейсгербера, анализы производились в Институте археометаллургии в г. Бохум. Эти работы в настоящее время продолжаются, но уже в Лондоне.

Мы опубликовали несколько совместных статей. Первая, если касаться вопроса реконструкции тигельной металлургии Ахсикета, не принесла ничего принципиально нового [Papachristu, Rehren 2002: 69—74]. Во второй статье [Rehren, Papachristu 2000: 55—69] проф. Т. Ререн как технолог вычислил предполагаемый вес слитка стали из расчета высоты 15—17 см, зафиксированной положением стекловидного шлака в тиг-

риале — об архитектурных остатках двух печей, которые были обнаружены в восточном рабаде А. А. Анарбаевым и в 1982 г. раскопаны автором настоящих строк.

Первая печь одноярусная, прямоугольная в плане, размером 4,5×3,0 м, глубиной 4 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 8, 1). Площадь печи ко дну уменьшается до 3,25×2,0 м. Перекрытие, видимо, было арочным: всего восемь арок, перекинутых с западной стены на восточную. Ширина каждой — 25—30 см. Сохранилось несколько слоев футеровки стенок печи. Они сильно оплавлены. Вход в печь был с юга и зафиксирован на высоте 2,1 м от уровня дна. Датировочного материала нет. Внутри одного из фрагментов футеровки обнаружен медный королек, который, скорее всего, попал случайно. Печь по своему устройству очень похожа на известные на Ахсикете кирпичеобжигательные печи начала нашего столетия, но отличается от последних невероятно сильно оплывшими внутренними стенками, что подразумевает достижение в печи температур гораздо более высоких, чем требуемые для обжига кирпичей. Следует оговорить, что упомянутые кирпичеобжигательные печи расположены комплексом в северо-западной части восточного рабада городища Ахсикет, наша же печь находится далеко к югу от этого комплекса, и нет никаких сомнений, что она относится к периоду IX—начала XIII в., поскольку данная часть городища позже начала XIII в. не обживалась.

От второй печи сохранились только под и слив. В статье приводится рисунок этой печи, так как фотографии и план не могли передать ее характер (рис. 8, 2). Конструкция печи указывает на то, что в ней плавил металл. Первоначально на месте расположения нашей печи находилась печь, в которой обжигали неглазурованную керамику. Фрагменты недообожженной керамики сохранились в культурном слое между подом ранней керамической печи и подом построенной на ней металлургической печи. Стены поздней печи ошлакованы на значительную глубину. Восточная часть сооружения превращена в желоб, по которому готовый продукт производства стекал в специальную яму. Диаметр пода металлургической печи 1,5×1,0 м, высота сохранившихся стен 20—40 см, длина желоба 110 см, его ширина 35 см, диаметр верхней части сливной ямы 50 см, глубина последней 50 см. Примерная датировка печи, судя по производственному керамическому браку и фрагментам керамики хорошего качества, обнаруженным между уровнями ранней керамической и поздней металлургической печей, — IX в. н. э. Предполагается, что временной разрыв между функционированием керамической печи и постройкой на ее месте новой металлургической печи был незначительным. Исходя из этих соображений, печь следует датировать IX—X вв.

Вопрос о принадлежности обеих раскопанных печей к металлургии не вызывает сомнений. Но с производством какого вида металла они были связаны? Грандиозные размеры дают основание предполагать, что печи связаны с производством железа. Более определена в функциональном назначении вторая печь. Летка, зафиксированная в конструкции печи, указывает на то, что черный металл получали литьем. Таким образом, есть основание считать, что уже в IX—X вв. на городище Ахсикет могли производить чугуны.

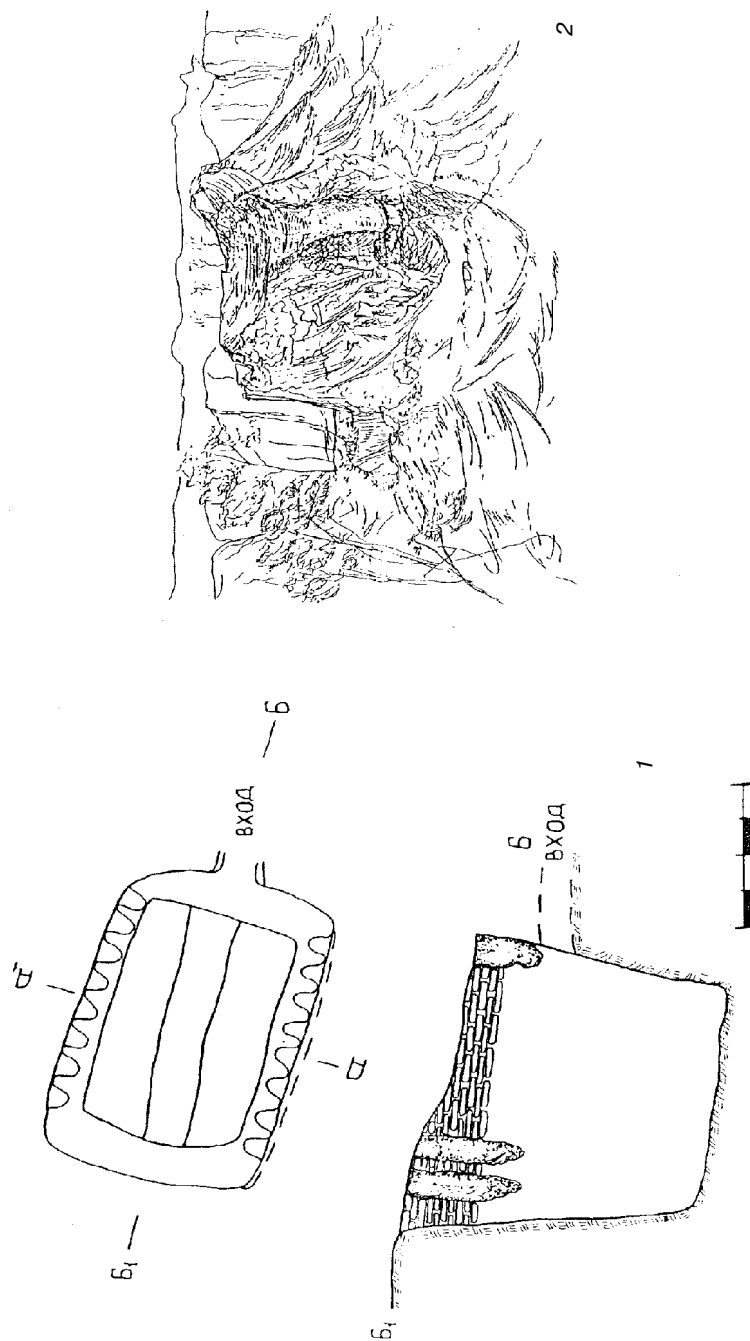

Рис. 8. Металлургические печи из Ахикета:
1 — печь 1; 2 — печь 2

О производстве чугуна в Центральной Азии в IX—XI вв. уже было высказано предположение в связи с интерпретацией черных металлов: нармахана, шабуркана и дауса, упоминаемых ал-Кинди и Беруни. В настоящее время доминирует версия, что нармахан — ковкое железо, шабуркан — сталь, а даус — чугун [Колчин 1950: 73—76; Allan 1979: 75]. Однако археологи Средней Азии не обладают ни одной достаточно обоснованной находкой предмета из чугуна. Проблемой времени появления в Средней Азии чугунолитейного производства и этапов его развития занималась в свое время О. А. Сухарева, которая пришла к выводу о том, что это один из наиболее нерешенных вопросов в культуре среднеазиатских народов. О. А. Сухарева в своей статье «К вопросу о литье металлов в Средней Азии» [Сухарева 1971: 147—167] приводит данные Н. Я. Бичурина, который, ссылаясь на источник II в. до н. э., пишет, что жители Ферганы и владений, расположенных от нее на запад, «не умели отливать чугунных изделий» [Бичурин 1950: 188]. Она же пишет, что вопрос о раннем производстве чугуна в Средней Азии окончательно решает находка Б. А. Литвинского, который обнаружил чугунный котел в насыпи древнего могильника III—IV вв. н. э. Котел найден при раскопках Чорку (Чорку I, гурган I). Он имеет типичную для поздних среднеазиатских котлов биконическую форму с отогнутым наружу краем. Б. А. Литвинский любезно показал О. А. Сухаревой эту находку до публикации. Вместе с тем, публикуя данный материал, Б. А. Литвинский выражает свое недоумение по поводу данного абзаца в работе О. А. Сухаревой и пишет, что он сомневается в датировке рассматриваемого фрагмента [Сухарева 1971: 149].

Основной продукцией чугунолитейщиков являлись котлы, а в археологическом материале городища Ахсикет присутствуют, по данным И. А. Ахрарова, 5 типов керамических котлов с большим количеством вариантов внутри типов, а по данным Г. Мирзалиева — 7 типов и их варианты [Ахраров 1966: 149—154; 1976: 88—97; Мирзалиев 1988: 8]. Это трудно объяснить при наличии такой объемистой металлургической печи на чугун, как найденная на городище Ахсикет. Конечно, следует учитывать, что до настоящего времени нет металлографического исследования серьезной серии археологических предметов из Средней Азии, которое могло бы выявить объекты из чугуна. Еще труднее объяснить сочетание одновременного присутствия на городище Ахсикет металлургической печи по производству чугуна и грандиозных отходов тигельного производства сталей, зафиксированных в слоях IX—XII вв. Тем не менее, поскольку вопрос о производстве восточных тигельных сталей очень популярен сегодня на Западе и в научной литературе то и дело появляются публикации новых материалов, имеется статья, в некотором смысле поясняющая археологические материалы по индустрии железа в средневековом Ахсикете. Статья написана японским исследователем Зенширо Хара, называется «Тигельная плавка в Маньчжурии» и опубликована в американском журнале «Археоматериалы» [Zenshiro Hara 1992: 131—139]⁹.

⁹ Мне хотелось бы выразить свою благодарность и признательность американской исследовательнице Thelma L. Lowe, которая указала мне на цитируемую статью и любезно прислала мне ее копию.

В предисловии Зенширо Хара пишет (на основе письменных отчетов китайских и европейских исследователей), что тигельная плавка впервые использовалась в Китае в провинции Шанси в X в. н. э., и те же сообщения показывают, что практика такой плавки была распространена в других провинциях (Шандонге и Маньчжурии) из Шанси. Из-за языкового барьера западные ученые не всегда имеют доступ к письменным источникам. Поэтому две статьи, первоначально опубликованные в японском журнале «Tetsu to Hagane» («Железо и сталь»), и один отрывок из отчета о рудниковом деле в Маньчжурии переведены им на английский язык и дополнены собственными данными и рассуждениями.

Тигельная плавка железной руды в Шанси упоминается несколькими авторами: фон Рихтгофеном [Richthofen 1877], Шокли [Shockley 1904] и Ридом [Read 1912]. Фон Рихтгофен исследовал многочисленные храмы, построенные династиями в Хонан-фу (Лаоян), и заключил, что железная индустрия в Юго-Восточном Шанси процветала более тысячи лет. Другой западный исследователь — Шокли, опубликовавший свои наблюдения по металлоиндустрии в Китае, услышал от одного владельца тигельной печи, что его семья производит здесь железо начиная с эпохи правления династии Тан (923—926 н. э.). Ведя свои собственные исследования, Зенширо Хара встретил описание сходных процессов в других провинциях. Одно сообщение касается плавки в Шандуне, а два других описывают тигельную плавку в Маньчжурии. Из этих записей следует, что процесс распространился из Шанси в другие провинции Китая.

Описание плавки в городе Шандуне Зенширо Хара взял из местного географического справочника Кинзу. Он сообщает, что во втором году правления Канси (1662) Сан-Тинкуан пригласил людей из Шанси для открытия железного цеха. Добывалось два вида железа, лучшее из которых называлось Хуан-ши (восхитительная руда), а другое называлось Йин-ши (твердая руда). Железная руда раскалялась, смешивалась с углем и помещалась в тигли, которые затем помещались в прямоугольную печь, подогреваемую углем. Если руда не превращалась в плавильне в железо, то смесь в тиглях вновь разбивалась, помещалась в новые тигли и нагревалась до более высоких температур по сравнению с первым заходом. Если производимое железо было неудовлетворительным по качеству, оно помещалось в дровяную пудлинговую печь и накаливалося до очень высоких температур. Рабочий, используя при пудлинговании («puddled») продукта длинный железный брус-шест, превращал его в ковкое железо. При этом 20 % железа терялось.

Зенширо Хара предполагает, что этот метод плавки проник в Маньчжурию в 1917 г., судя по статье в журнале «Tetsu to Hagane». В то время это был новый журнал, издаваемый при содействии японского Института железа и стали Риотаро Шимаока, главой японской железной и угольной компании, которая активно действовала в Маньчжурии в 1910-х гг. Статья явилась результатом исследования, выполненного членом этой компании Йоихиро Ишимату в мае 1916 г. Сообщение содержало подробное

описание процесса китайской тигельной плавки и иллюстрации печей, использовавшихся при этом. По мнению Зенширо Хара, иллюстрирование процесса является особо ценным для современных исследователей, поскольку более ранние сообщения о тигельной плавке не содержали планов печей с измерениями. Кроме того, Зенширо Хара приводит и другую статью о традиционном производстве железа в Маньчжурии из того же номера «Тетсу то Хаган».

Повторим описание металлургических печей в г. Дабу для плавки железа традиционным китайским способом, данное в тексте статьи Зенширо Хара.

Наблюдается наличие двух печей. Первая печь с высокими температурами. Она, на первый взгляд, похожа на бункер для хранения руды и имеет прямоугольный в плане очаг размером 4,6×2,8 м. В одной из коротких стен (толщина стены 50 см) два квадратных ветровых отверстия (13×20 см), которые ведут воздух к ветровым каналам под очагом. Другая — короткая сторона очага — открыта. Каждая длинная сторона очага отделена с наружной стороны кирпичной стеной толщиной 50 см и высотой 1 м. Поверхность стены покрыта глиной. На дне очага уложены железные листы шириной 12 см и длиной 50 см (ширина та же, что и ширина очага) на расстоянии 12 см между ними. Они поддерживаются керамическими столбами высотой 9 см. Каждый из мехов помещен в ветрянную коробку, образуемую передней кирпичной стеной печи, двумя боковыми стенами, цилиндрическим земляным полом и вентиляционной пластиной. Вентиляционная пластина имеет прямоугольную форму (90×76 см), а также квадратное клапанное окно (12×12 см) и клапанную пластину в центре. Один из длинных краев (верхний) прикреплен к передней стенке печи петлями. К центру нижнего края прикреплен брусок-ручка. Один конец ручки присоединен висячей веревкой к вентиляционной пластине, и когда ручка движется вперед и назад, вентиляционная пластина приходит в качательное движение.

Тигли изготавливаются из глины. Глина сушится, опрыскивается, смешивается с водой, замешивается, и ей придается форма. Перед использованием сформованные тигли покрывают тонким слоем глиняного раствора и сушат в тени.

Плавильная печь более низкой температуры имеет вид цилиндра, изготовленного из глины, сравнимой по качеству с тиглями, но только с добавлением небольшого количества коксового порошка. Цилиндр имеет в центре отверстие для вставки фурмы (последняя изготовлена из чугуна) и три места на нижнем крае для разжигания кокса. Очаг печи, сделанный из гранита, имеет неглубокую полость в центре и выпускное отверстие — летку — для выплавленного железа. Внутренняя сторона имеет глиняное покрытие толщиной 3 см.

Другие инструменты: длинные железные шесты, лопатки с длинными ручками, ухваты, железные молоты и литейные ковши.

Плавка. Железная руда, смешанная с топливом, загружается в тщательно просушенные тигли. Руда разламывается и просеивается для по-

лучения мелких (менее 15 мм) и средних (15—30 мм) частиц. Загруз в тигель состоит из 10—11 частей руды и трех частей угля. Тигель заполняется на одну треть общей высоты мелкоизмельченной рудой, остальной объем — средними частицами руды. Каленый магнетит или лимонит используются в основном для мелкоизмельченной руды, но небольшое количество лимонита может использоваться для руд обоих размеров.

Загруженные тигли помещаются в очаг. Сначала на дно очага помещаются железные пластины. Затем битые осколки использованных тиглей грудой насыпаются на железные пластины, чтобы не допустить утечки коксового порошка. Сверху настилается слой сухих древесных веток толщиной 6—9 см, и на ветки насыпается 9—12 см угольного порошка. Загруженные тигли ставятся рядами на угольную постель. Обычно 190 тиглей (10 рядов по 19 в каждом) ставятся в один заход. Угольный порошок заполняет пространство между тиглями.

После этого угольная постель поджигается несколькими связками горящих дров, брошенных в очаг. Огонь воспламеняет слой веток и угольную постель, пока постепенно пламя не появляется вокруг тиглей. Через несколько часов горения пепел между тиглями трамбуется длинными железными шестами, после чего вновь загружается уголь с помощью лопаток с длинными прутьями. Когда огонь вновь возгорается, тигли покрываются обломками использованных тиглей, и открытая часть печи закрывается пеплом и землей. Во время этой операции непрерывно действуют два вентилятора. Через 24 часа горения вентиляция прекращается, печь оставляется для охлаждения и опрыскивается водой. После охлаждения печи тигли вынимаются. На этом плавка заканчивается. Тигли разбиваются и железо вынимается.

Полученный продукт — пористое, как губка, сырье — железная болванка, содержащая дутые дырочки. Железо получается смешанным с коксом, пеплом и частичками шлака.

Таблица 7

Химический анализ, %						
C	Si	Mn	P	S	Fe	Пыль
1, 2	1, 69	0, 20	0, 122	0, 186	93, 65	2, 852

Литье. Сухой плавильный цилиндр ставится на гранитный очаг. Сто джинов сырьевых железных болванок и сто джинов кокса смешиваются, груз ставится в цилиндр. После этого кокс поджигается. Когда загорается кокс, печь запечатывается и приводится в действие вентилятор. Когда железо выплавляется, открывается отверстие — летка. Вытекающий металл набирается в ковш и наливается в формы. Обычно на плавку и разливание требуется 4—5 часов.

Основное производимое литье — плужные лемехи, иногда — чайники, кастрюли, сковороды. Тонкие кастрюли можно лить только в том случае, если железо очень высокого качества.

Сырьевой материал для плавки:

Основная руда — магнетит, есть небольшие примеси лимонита, который также используется. Магнетитовая руда, которая является контактной рудой, доставляется из железных рудников Хуапийу, Шуйподжигоу (в 24 км к западу вверх по Тангоу притоку Таизихэ и Люотубеизи (в 8 км к югу). Были проанализированы образцы магнетитовых руд.

Т а б л и ц а 8

Химический анализ, %			
Fe	SiO ₂	S	P
37,97	4,31	0,049	0,013

Т а б л и ц а 9

Химический анализ руды из Люотубеизи, %			
Fe	SiO ₂	S	P
48,01	13,54	0,029	0,025

Лимонит — контактная руда, сформированная между глинистым сланцем и гранитом, не так восхитительна. Половина магнетита нагревается до образования гематита и затем смешивается с остальной частью. Все количество затем загружается в печь. Лимонит используется нечасто, хотя иногда небольшое количество из залежей лимонитной руды в Панладжиаози (4 км к западу) смешивается с магнетитом. Содержание железа в получаемой таким образом руде выше, но не рекомендуется к плавке.

Уголь, кокс и дрова используются как топливо. Уголь, добываемый на копях Дабу, — нескольких типов, таких как Дагинхан, Кабари, Чоужа и Эрджиетоуджи. Уголь Эрджиетоуджи смешан с рудой, он разбивается и загружается в тигли. Угли Дагинхан и Кабари используются для горения в пространстве между тиглями и для их нагрева. Когда горит уголь Эрджиетоуджи, он немного дымит, но угли Кабари, Чоужа и Дагинхан не дымят, и пламя их низкое, как у кокса. Кокс редко используется для плавки руд. Сделанный из угля из угольных копей Дабу, он используется в основном для плавления железной болванки во время литья. Коксовый порошок иногда также добавляется при загрузке в тигли. Дрова используются для разжигания угля в тигельной печи. Они обычно хорошо вы-

сушены, имеют тонкие ветки диаметром от 6 до 15 мм. Флюс не используется, хотя малое количество флюса добавляется в глину, из которой изготавливаются тигли.

Во второй статье, которую приводит Зенширо Хара («Традиционный железный завод в Маньчжурии, выдержка из сообщения Рудникового отделения Южно-Маньчжурской Железнодорожной компании»), содержатся очень важные для нас сведения о том, что в Маньчжурии индустрия железа существовала с древнейших времен. Сырьевое железо в виде болванки, которое производилось в Шанси, первоначально продавалось в Хуолу-тие и импортировалось в Маньчжурию. Уголь и железная руда добывались на месте. Продукция из железа производилась только для того, чтобы удовлетворить насущные потребности в мелких железных изделиях в Маньчжурии. Использовались два железопроизводственных процесса. Один — посредством тиглей — заключался в переделе лимонита и гематита в железо с коксовым порошком, он назывался *meizi*. Затем железо вновь плавилось до качества железной болванки и литья изделий. Это был единственный китайский процесс, использовавшийся в Маньчжурии, и сейчас он используется в Саймаджи. В другом процессе, происходящем из Кореи, гематит накаливается и окисляется в «стенной» печи. Каменная руда затем плавится в железо в земляной печи с дутьем. Оба процесса были примитивны, и изготовление железа оставалось мелкой семейной индустрией.

Сопоставление археологических материалов из Ахсикета с данными из статьи Зенширо Хара показывают, что обе раскопанные печи могут быть связаны с процессом производства железной продукции, аналогичной той, которая описана по этнографическим материалам в г. Дабу. Совпадают и размеры печей. Вместе с тем следует учитывать, что Зенширо Хара представляет материалы начала нашего столетия и территорию Китая. То, что технологический процесс производства тигельных высококачественных сталей средневекового Ахсикета очень близок к китайской схеме доменной металлургии, автором этих строк отмечалось неоднократно [Папахристу 1985; 1995: 89—90], однако следует сразу оговорить, что эта близость не означает полную аналогию. Нельзя сказать, что ферганский процесс имеет свое происхождение из Китая, поскольку оба процесса при всей схожести схем развивались каждый своим путем. Складывается такое впечатление, что они оба могли происходить из одного центра. Сходство обоих процессов заключается в использовании искусственного полуфабриката, полученного посредством первого металлургического процесса для целей второго металлургического процесса. Мы знаем, что в археологических материалах городища Ахсикет был выделен такой объект — агломерат. Вместе с тем материалы, представленные в статье Зенширо Хара, показывают, что в Китае в этнографический период аналогичный полуфабрикат получали в тиглях, а не в печах низкой конструкции (сыродутный процесс). Исходя из этого, можно заключить, что мной могла быть допущена ошибка при реконструкции тигельного процесса в Ахсикете и что агломерат мог являться не сырьем для тигель-

ной металлургии, а конечным ее продуктом, который затем использовали в доменных печах (типа печи 2 из Ахсикета и печи для литья из материалов г. Дабу) для получения чугуна. Поскольку этот вопрос принципиально важен, попробуем подробно остановиться на анализе имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Нам повезло, что в своей статье Зенширо Хара демонстрирует химический анализ железной болванки и мы имеем возможность сопоставить этот материал с аналитическими исследованиями археологических материалов, полученными при физическом моделировании черной тигельной металлургии средневекового Ахсикета.

Т а б л и ц а 10

Химический состав ахсикетского агломерата, %							
SiO ₂	MnO	CaO	MgO	FeO	Al ₂ O ₃	V ₂ O ₅	С
12,14	0,13	3,75	1,51	58,2	3,02	0,5	остальное
8,76	0,72	8,68	1,08	61,3	2,61	2,14	остальное

Т а б л и ц а 11

Химический анализ железной болванки из г. Дабу, %						
Si	Mn	P	S	Fe	С	Пыль
1,69	0,20	0,122	0,186	93,65	1,2	2,852

Т а б л и ц а 12

Химический состав металла, полученного при физическом моделировании из ахсикетского агломерата, %						
Si	Mn	P	S	Fe	С	V
1,0	–	0,052	0,41	97,45	1,46	–
0,42	0,13	–	0,130	97,93—96,84	0,25—0,70	1,14—1,78

Из приведенного сопоставления видно, что тигельная железная болванка из г. Дабу более соответствует металлу, полученному при моделировании из археологического агломерата, а не агломерату. Исходя из этого, следует заключить, что агломерат является полуфабрикатом железа, полученным не в тиглях, и тогда я была права, относя его к конечному продукту металлургии в печах низкой конструкции (сыродутный процесс). На то, что агломерат действительно был сырьем для тигельной ме-

таллургии в Ахсикете, указывает также фиксация во время физического моделирования в археологическом агломерате оксидов ванадия, ванадия в экспериментально полученном металле и присутствие оксидов ванадия в химическом составе трех из девяти проанализированных фрагментов раскисленных кислых тигельных металлургических шлаков из Ахсикета [Папахристу 1995: 88—89].

Во время моделирования мы вели плавку всего 40 минут, то есть не выдержали технологию древнего процесса до конца, так как нашей основной целью было проверить, возможно ли из археологического объекта-агломерата хоть что-либо выплавить. В результате получили в тиглях металл, перемешанный со шлаком, но он намного чище по всем параметрам, чем железная болванка, которую получали в тиглях в г. Дабу. Естественно к тому же, что агломерат был не единственным материалом, который могли закладывать в тигли при плавке.

Анализ двух печей из восточного рабада городища Ахсикет показывает, что в X—начале XIII в. в средневековом городе могли существовать два направления в черной вторичной металлургии. Первое было связано с получением тигельной стали, а второе — с получением литого черного металла, возможно, процессом, аналогичным тому, который описан Зенширо Хара. Сырьем для получения литого металла мог быть и агломерат, и металл, полученный в тиглях (аналогичный железной болванке из г. Дабу). Конечным продуктом этой металлургии был чугун.

Мы уже оговаривали, что исследователи в Средней Азии не имеют в археологических коллекциях предметов из чугуна. Очень может быть, что такие предметы и есть, но до настоящего времени они не выявлены, так как не проводилось аналитического исследования серьезной серии археологических предметов из черного металла. В то же время автор этих строк совместно с технологами в различных лабораториях провел металлографическое исследование небольшой коллекции предметов из черного металла, происходящих из разных археологических памятников (Старый Термез, Шахдужвар, Актепе Юнусабадское, Канка, Мык, Ахсикет). Анализ показал, что местные мастера в IX—начале XIII в. использовали в своей практике различные сорта черного металла: железо, отличающееся низкими показателями микротвердости феррита; малоуглеродистую сталь, полученную непосредственно в горне (сырцовая неравномерно науглероженная сталь), высокоуглеродистую сталь, полученную путем цементации полосовых заготовок и, видимо, литую сталь. Последняя, возможно, использовалась при изготовлении зубила из поселения Мык II (анализ 6424), сабли и гвоздильни из городища Шахдужвар (анализы 6438 и 6433), сердцевины напильника из Канки (анализ 6442), а также предмета (бритва?) из Актепе Юнусабадское (анализ 6440). Металлографическое исследование перечисленных предметов осуществлено в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН России Н. Н. Тереховой при участии автора настоящей статьи. Микроскопическое исследование проводилось на металломикроскопе МИМ-7, измерение микротвердости — на микротвердомере ПМТ-3.

Анализ 6424. Зубило (Бахмальский отряд. Поселение Мык II. Двор. Пол. 4, у входа в помещение 2. Начало XI в., по определению автора раскопок — Сверчкова Л. М.). Предмет плохой сохранности. Сохранились лишь форма изделия и металлическая сердцевина. Металл остальной части уничтожен коррозией. Образец для исследования вырезан из сердцевины. Шлиф изготовлен на поперечном сечении. На нетравленном шлифе под микроскопом выявляются крупные шлаковые включения, вытянутые в продольном направлении (двухфазовые — темные со светлыми включениями). Травление выявило однородную ферритную структуру (величина зерна — 4—5 баллов). Микротвердость феррита низкая: 105—116 кг/мм, 128—151 кг/мм. Вывод: сердцевина изделия откована из железа, отличающегося повышенной мягкостью. Уничтоженная коррозией оболочка, видимо, была более твердой. Последняя была приготовлена из другого вида черного металла, иначе материал не соответствовал бы функциональному назначению предмета.

Анализ 6438. Сабля. (Городище Шахджувар. Подъемный материал. Примерная дата, которую назвал нам автор находки Тихонин М. Р. — XIII в., однако имеются версии о более ранней дате этого предмета). Образец взят с полного поперечного полотна клинка. На нетравленном шлифе шлаковых включений почти нет, металл очень чистый. Травление обнаружило на всей поверхности шлифа однородную структуру с цементатной сеткой и выделением цементатных игл (микротвердость 254—350 кг/мм). Вывод: изделие отковано из высококачественной заэвтектоидной стали (возможно тигельной).

Анализ 6433. Гвоздильня. (Городище Шахджувар. Клад предметов из черного металла XII—начала XIII в. Датировка дана автором находки Тихониным М. Р.). Шлиф взят вблизи от обломанного участка. Шлаковых включений почти нет, наблюдаются отдельные точечные, черные. Травление обнаружило однородную структуру заэвтектоидной стали (перлит с цементитной сеткой). Иногда наблюдаются следы перегрева. Содержание углерода 1,2 %. Вывод: возможно, что материалом для гвоздильни была литая тигельная сталь с однородной структурой.

Анализ 6442. Сердцевина напильника (Канка, XI в. Дата дана автором находки Богомоловым Г. И.). Образцы отобраны с двух концов. Шлифы изготовлены на полном поперечном сечении. На нетравленных шлифах — отдельные округлые включения. Травление выявило однородную мелкозернистую структуру феррито-перлита на обоих шлифах. Содержание углерода 0,1—0,2 %, микротвердость — 170—203 кг/мм. Вывод: сердцевина напильника изготовлена из малоуглеродистой стали. По-видимому, наружный слой (оболочка) мог быть изготовлен из другого, более твердого черного металла (может быть, тигельной стали).

Анализ 6440. Бритва? (Замок Актепе Юнусабдское, верхние слои VII—VIII вв. Дата дана авторами находки Филанович М. И. и Ильясовой С.). Образец взят с полного поперечного сечения изделия. На нетравленном шлифе выявлены немногочисленные округлые шлаковые включения (однофазные темно-серые), отдельные включения вытянуты в продольном направлении. Травление выявило мелкодисперсную сорбитную

структуру (микротвердость — 297—383 кг/мм) на большей части шлифа. Ближе к острию — участки с мартенситной структурой (микротвердость 420 кг/мм). Вывод: изделие отковано из высококачественной стали и подвергнуто термообработке.

В 1984 г. в лаборатории на заводе «Красная Этна» (г. Горький) было проведено металлографическое исследование двух предметов: кузнечные клещи и напильник, относящиеся к категории кузнечно-слесарного инструментария и обнаруженные на городище Эски Ахсы в слоях X—XI вв. [Папахристу 1984: 34—37]. Напильник дополнительно был подвергнут металлографическому исследованию в лаборатории Курганского машиностроительного института [Папахристу 1994: 71—73]. Исследования показали, что клещи и сердцевина напильника изготовлены из стали, отличающейся необыкновенной чистотой и равномерностью, которых можно было достичь только при полном расплаве металла.

Из приведенных анализов видно, что все продемонстрированные предметы из черного металла или полностью изготовлены из литой стали, или включают детали, изготовленные из литой стали с однородной структурой. Вместе с тем материал имеет разное содержание углерода. Исходя из этого, следует полагать, что литую сталь могли готовить различными металлургическими способами.

Еще в 1985 г. автор настоящих строк высказала предположение, что такого рода сталь могли варить в тиглях [Папахристу 1985: 15, 21]. Однако исследование ахсикетских тиглей показало, что сосуды, как правило, имеют горизонтальный слой раскисленных кислых металлургических шлаков, следовательно, металл, который в них получали, остывал прямо в тиглях и должен был отличаться неравномерностью строения. Можно предположить, что сосуды для производства металла могли использовать несколько раз — первоначально для производства литой стали с однородной структурой, а затем уже для производства сталей с неоднородной структурой, в последнем случае сосуды надо было уничтожить. Это справедливо, хотя бы из экономических соображений.

Публикуемые в настоящей статье материалы позволяют нам предположить второй вариант производства литой стали — методом пудлингования из чугуна. Пудлингование — передел чугуна в малоуглеродистое тестообразное железо на поду так называемой пудлинговой печи [Беккерт 1980: 29—33]. Такой передел, возможно, существовал в Средней Азии в Согде уже в VIII в., что можно предполагать, исходя из археологических материалов городища Пенджикент. В. И. Распопова выделяет в материалах по производству железа полусферические предметы с выступом на плоской стороне. Все они примерно одинакового размера, и форма их как будто говорит о том, что это — отливка, но полной уверенности нет [Распопова 1980: 48—50]. Т. Ф. Кулькова проанализировала состав одного из пенджикентских «слитков» в Лаборатории археологической технологии ЛОИА России. Химический анализ показал присутствие в нем 0,30 % углерода, что соответствует марке 40 по ГОСТ 1050—74 г. среднеуглеродистой стали. В. И. Распопова и Т. Ф. Кулькова предположили, что «слитки» могли являться признаком существования в городе тигель-

ного производства сталей [Кулькова, Распопова 1972: 372—373]. Вместе с тем, как известно, тигельные слитки имеют так называемую «усадочную раковину», или воронку, направленную внутрь слитка. Отмечаемый же В. И. Распоповой и Т. Ф. Кульковой выступ на плоской стороне «литых» слитков мог образовываться при разливке в изложницы тестообразного металла.

Необходимо подчеркнуть, что материалы и версии в отношении чугуна, публикуемые в настоящей статье, ни в коем случае не являются утверждением. Это — постановка проблемы, которая назрела и которую необходимо решать.

Возвращаясь к сталям и исходя из изложенного ранее, следует заключить, что тигельная металлургия Ахсикета, крупного экономического и политического центра Северной Ферганы, города, удаленного от пунктов исходного железорудного сырья и топлива, была основана на специальном металлургическом полуфабрикате. Древние металлурги выплавляли в тиглях литую сталь с неоднородной структурой — для холодного оружия, производством которого славилась средневековая Фергана, а также литую сталь, которую использовали для изготовления предметов кузнечно-слесарного инструментария. Технология получения литой стали пока точно не определена.

Характеристика и периодизация железопроизводящей промышленности Ахсикета

Мы проанализировали находки по железопроизводящей промышленности из средневекового Ахсикета, теперь попробуем вложить их в стратиграфические слои и проследить их в системе города.

Ахсикет — памятник многослойный. Раскопки последних лет выявили планировку и стратиграфию некоторых участков, которые характеризуют основные этапы средневекового города (IX—начало XIII в.). В литературе имеется несколько версий по исторической топографии города (см.: [Анарбаев 1988: 171—173]). Автор данной статьи пользуется последней версией, предложенной А. А. Анарбаевым, поскольку именно она фигурирует в отчетах сотрудников Института археологии АН Республики Узбекистан, материал которых учитывался при написании диссертационного исследования¹⁰. По мнению А. А. Анарбаева, в настоящее время твердо установлено, что городище Ахсикет (Эски Ахси) состоит из цитадели, внутреннего шахристана (Ахси IA), внешнего шахристана (Ахси IB), западного рабада (Ахси II) и восточного рабада (Ахси III) (рис. 9).

Цитадель, от которой сохранилась небольшая часть, находится в юго-западном углу города и воспринимается как треугольник, острым углом

¹⁰ В раскопках на Ахсикете принимали участие археологи И. А. Ахраров, С. Сабиров, А. А. Анарбаев (с 1979 г. начальник ахсикетского археологического отряда), Г. В. Шишкина, З. И. Усманова, Г. Мирзалиев, О. Иневаткина, Х. Муминов, И. Аржанцева, С. Ильясова, Л. Баратова, С. Баратов, Л. Сверчков и др. Хочу выразить всем им мою признательность и благодарность за предоставленное мне право пользоваться отчетами.

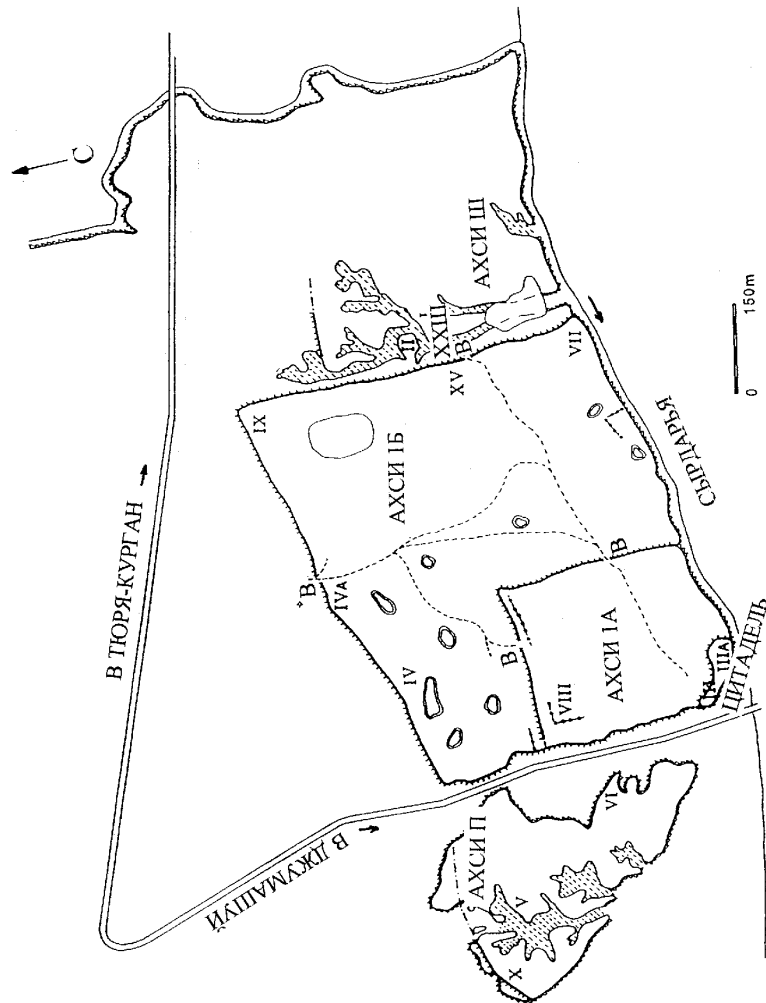

Рис. 9. План городища Ахсикет, снятый А. А. Анарбаевым

направленный на запад. Ее размер по верхней площадке 100×6—12 м. Цитадель с севера и северо-востока отделена рвом от первого шахристана. Напластования XV—XVI вв. отмечены в юго-западной части останца цитадели, ниже расчищена серия вырубленных помещений. Комнаты примыкали друг к другу, но не имели непосредственной связи проходами и существовали изолированно, имея только индивидуальный выход на север, на гребень крепостной стены. Выявленные помещения представляют собой остатки казарм и связываются с одним из последних этапов жизни крепости, гибель которой произошла в начале XIII в. [Анарбаев 1988: 172—173; Усманова 1983: 67—84].

Стратиграфический шурф, разрезавший с севера на юг участок крепостной стены цитадели, позволил определить характер напластований, предшествующих комплексу казарм¹¹. Прямоугольный в плане горн (его размеры 60×20 м, глубина 10 см) расчищен на уровне верхнего ряда кирпичей в западной половине шурфа. Горн врезан в кладку раннесредневековой фортификационной стены, его дата — XI в. В нем находились фрагменты губки черного металла весом 950 г и кусок стекольной шихты весом 500 г.

Внутренний шахристан (Ахси 1А) площадью 9,3 га расположен к северу от цитадели. На поверхности Ахси 1А часто встречаются фрагменты тиглей, но скопление материалов, которые можно было бы связать с производственной деятельностью металлургов, хорошо прослеживаются только при углублении в слои. Так, архитектурные остатки железообрабатывающей мастерской были зафиксированы в стратиграфическом шурфе, который был первоначально заложен И. А. Ахраровым в 1962 г. в центре прямоугольного плато в северной половине Ахси 1А [Ахраров 1962: 53—58]. Прирезка к шурфу (раскоп VIII) для уточнения характера залегания культурных напластований была сделана О. Иневаткиной и А. А. Анарбаевым. Последние авторы выявили в новом раскопе двадцать четыре слоя и четыре разновременных керамических комплекса. Они же отмечают наличие кузнечных горнов, сопел, фрагментов тиглей, оплавленных кусков лесса. По мнению исследователей, центральная часть кузнечной мастерской, вероятно, находится поблизости от вскрытого участка. Небольшие следы производства наблюдаются в раскопе с начала X в. Период расцвета производства, функционирование горнов 1 и 2 — XI в. Сокращение количества археологического материала, связанного с производственной деятельностью металлургов, наблюдается в начале XII в.

Площадь внешнего шахристана (Ахси 1Б) равняется 34,5 га. Напластования, связанные с производственной деятельностью металлургов, здесь сосредоточены в основном у башен крепостных стен или прямо в них.

Большое количество железных и медных шлаков, агломерата, фрагментов тиглей, фрагментов от предметов из черного металла отмечено мной на северо-западном участке Ахси 1Б на поверхности угловой башни и на примыкающих к ней с юга и востока участках. Слои производственного мусора толщиной до 2,5 м прослежены в обрыве с запада от башни.

¹¹ Шурф на цитадели был заложен мной и продолжен З. И. Усмановой.

Площадь, занятая под производство на данном участке, определенная по скоплению материалов на поверхности и протяженности западного среза, составляет 150×75 м.

Огромная площадь занята под производство на участке северной фортификационной гряды. Она начинается от башни 4 и заканчивается на востоке в башне 7, расположенной у северных ворот. Можно предположить местонахождение на упомянутом участке огромного квартала, примерная площадь которого — 300×50 м. Башня 4 была подвергнута раскопкам (раскоп IV)¹². Семь помещений, связанных с производственной деятельностью металлостов, отмечены в раскопе. Мастерская возводилась в заброшенной башне. Самые ранние напластования, связанные с производственной деятельностью металлостов, датируются началом X в. Керамический комплекс, собранный с пола помещения 6, выполнявшего роль подсобного по отношению к производственному помещению 5, связанному с периодом расцвета производственной деятельности на объекте, при сопоставлении со стратиграфией раскопа IX определяет дату XI в. В напластованиях XII в. наблюдается резкое сокращение производства.

На площади, примыкающей к башне 7 с юго-востока, в 1960-х гг. С. Рахимовым были заложены два шурфа, их материалы в отчетах не сохранились. Прирезка в одном из шурфов (раскоп IVA) и зачистки во втором, произведенные мной, показали, что на ранних этапах на данном участке находились строения, которые позже были уничтожены огромной ямой с производственным мусором, выбрасываемым время от времени. Яма служила долго. Нижние ее слои содержат фрагменты тиглей, агломерата, губчатого черного металла. Верхние напластования включают куски агломерата, губчатого и ковального черного металла, изредка попадаются тигли. Поздние слои в яме сформированы на большой площади горизонтальными напластованиями, пересыпанными землей. Материалы из ямы датируются XII в. Мастерская, видимо, располагалась где-то рядом, скорее всего в самой башне, поскольку во втором шурфе, который задел часть башни, в срезе напластований прослеживаются очаги и скопления тиглей.

Стратиграфический шурф-раскоп (раскоп IX) размером 15×10 м был заложен мной в северо-восточном углу внешнего шахристана между башнями 11 и 12 для установления функционального назначения и датировки культурных напластований данной площади городища. Шурф не доведен до материка, работы в нем продолжаются. Выявленные материалы достаточно полно характеризуют интересующий нас отрезок времени с IX по начало XIII в. В шурфе выявлено пять периодов, связанных с перепланировкой объекта.

Самый ранний период представлен комплексом помещений, пристроенных к крепостной стене, функциональное назначение его однозначно установить пока трудно. Комплекс после небольшого периода запустения используется медниками. С этим периодом связано семь напластований (слои 22—14).

Слои третьего периода (13—5) представляют производственные и бытовые сбросы. Их создавали на значительной площади, мощность слоев

¹² Раскоп IV был начат Г. В. Шишкиной и продолжен мной.

небольшая. Каждый пересыпали чистой землей. Поскольку выбросы делали на территории, ранее занятой постройками, то со временем из-за пустот в заброшенных помещениях северная половина напластований просела. Слои в разрезе прослеживаются углубленными с юга на север.

Уровень, связанный с производственной деятельностью мастерской ювелиров, расположен между слоями 6 и 5 (четвертый период). Прослежено три горна. Первый — на южном участке шурфа, два других — в северной половине. У горнов найдены фрагменты миниатюрных тиглей для сплавов на основе меди и створка каменной литейной формы для изготовления поясных бляшек.

После запуска мастерской площадь снова используется под бытовые и производственные выбросы. Последний, пятый, период связан со слоями 5—1.

Керамический комплекс из стратиграфического раскопа IX явился основным датированным материалом, корректирующим дату комплексов из других раскопов. Он, в свою очередь, состоит из четырех комплексов. Первый керамический комплекс датируется VII—VIII вв. и соответствует первому строительному периоду. Второй керамический комплекс датируется VII—началом IX в. и соответствует второму строительному периоду. Третий керамический комплекс включает три группы: 1-я группа — X в.; 2-я группа — вторая половина X—начало XI в.; 3-я группа — XI в. Этот керамический комплекс происходит из третьего периода. Четвертый керамический комплекс датируется началом XII в. и соответствует пятому строительному периоду. Четвертый строительный период следует датировать в интервале между XI и началом XII в.

Следует оговорить, что выброс мусора на огромной площади на территории средневекового мусульманского города — явление необычное. Свалкой, зафиксированной в северо-восточном углу Ахси 1Б, возможно, пользовались лишь время от времени и аккуратно пересыпали ее слой землей. Она объединяет производственный сброс и бытовой. Керамика не содержит деформированных фрагментов и исключает какую-либо связь ее с керамическим производством. Археологический материал заставляет предполагать, что выброс осуществлялся с территории ближайшего квартала, в котором были не только мастерские по железообрабатывающему и медницкому производствам, но и жилые постройки, откуда осуществлялся и бытовой сброс. Вместе с тем, при постоянном использовании одной и той же свалки мусора на ней буквально за год мог накопиться весь объем отходов, зафиксированный в раскопе. Исходя из этого, можно предположить, что сброс на территории города осуществлялся лишь время от времени, в каких-то экстремальных случаях, а основной мусор, видимо, вывозили на специальные участки за пределы города. Обводная стена внешнего шахристана была оградой для производственного и бытового сброса.

Участок раскопа IX и прилегающие к нему с юга и востока территории, которые также связываются с производственной деятельностью металлургов, занимают общую площадь 40×40 м.

Древние напластования с горелыми участками земли и скоплением в срезах тиглей обнажились к юго-востоку от раскопа IX, между башнями 13 и 14, на территории примерно 30×30 м.

Раскоп VII, выявивший жилые кварталы, был заложен в юго-восточной половине сохранившегося участка Ахси 1Б¹³. Ремесленная мастерская, связанная с металлургией сплавов на основе меди, прослежена на восточном участке раскопа, примыкающего к башне. Здесь расчищено пять цилиндрических по форме очагов-горнов (?). Из находок следует отметить тигли крупных размеров для выплавки сплавов на основе меди.

Остатки ремесленной мастерской металлургов, специализирующихся в основном на железообрабатывающем производстве, зафиксированы в раскопе XV к северу от раскопа VII. Установлено три строительных периода, связанных с перепланировкой мастерской¹⁴. Самые ранние напластования, выявленные к настоящему времени на раскопе (первый период), — X в. Расцвет деятельности мастерской, время функционирования всех основных горнов, зафиксированных в раскопе (второй период), — XI—середина XII в. Грандиозные ямы, заполненные производственными отходами (третий период), — середина XII—начало XIII в. Территория, занятая на этом участке под производство, равна 150×40 м.

Отдельные скопления тиглей на поверхности отмечены к западу от крепостной стены Ахси 1Б. Примерная площадь 20×20 м.

Часть сохранившегося рабада Ахси II находится к западу от Ахси 1Б. Отрезок крепостной стены сохранился на западном его участке (раскоп X). Множество бесформенных корродированных кусочков черного металла встречается к югу от стены на площади 5×5 м. Материал настолько обилен, что можно предположить существование здесь кузни. Металлургическая печь 2, о которой упоминалось ранее, зафиксирована к юго-востоку от стены.

Архитектурные остатки средневековой усадьбы вскрыты на территории Ахси II к западу от современного кладбища на краю оврага. Дом состоял из четырех прямоугольных комнат со сводчатыми перекрытиями. Вода подавалась по двум водопроводным линиям-кубурам. Здание было возведено в конце IX в. и функционировало до XI в. Металлургическая печь 1 расчищена к востоку от усадьбы¹⁵.

Участок площадью 50×20 м, примыкающий к усадьбе с юго-востока, усеян фрагментами железоделательных тиглей и проржавевшими бесформенными кусочками предметов из черного металла.

Стратиграфический разрез, в котором выявлен комплекс красноангобированной керамики, а также железные шлаки, фрагменты предметов из черного металла, осуществлен на юго-восточном участке рабада (раскоп VI)¹⁶. Материал свидетельствует о том, что уже в первые века нашей эры на городище была развита железопроизводящая индустрия, но она не связана с тигельной металлургией.

¹³ Авторы археологических работ на раскопе VII — А. А. Анарбаев и Г. Мирзалиев.

¹⁴ Авторы археологических работ на раскопе XV — А. А. Анарбаев и С. Ильясова.

¹⁵ Усадьбу вскрывал Х. Ахунбаев.

¹⁶ Работы на раскопе VI проводили С. Ильясова и Л. Сверчков.

Частично сохранившийся восточный рабад (Ахси III) сильно разрушен частыми разливами Сырдарьи, сбросовыми водами и современными застройками. В срезах оврага, который, как мне представляется, образовался на месте бывшего крепостного рва на южном участке Ахси III, наблюдаются грандиозные производственные отвалы мощностью 4,0—4,5 м и остатки крупных по размеру печей, функциональное назначение которых еще не определено. Слои буквально забиты фрагментами железоделательных тиглей. Рассматриваемая площадь составляет 150×50 м.

На юго-восточном участке к востоку от оврага мной было осуществлено два стратиграфических разреза, чтобы определить дату производственных напластований, содержащих фрагменты железоделательных тиглей. Слои обоих разрезов датированы началом IX—XII в. Эти данные совпадают и с данными А. А. Анарбаева, который, на основании его собственных наблюдений, ранее отмечал, что уже в IX—X вв. в восточном рабаде складывается мощный производственный комплекс, связанный с железноразделывающей индустрией [Анарбаев 1983: 8].

Как мы уже отмечали, железоделательные тигли — главный индикатор, дающий нам реальную и разностороннюю информацию о железноразделывающей индустрии. Исходя из этого, оценивать мы можем только металлургический этап производства или тигельное производство высококачественных сталей. Отмечаемое количество тиглей приводит к заключению, что тигельная металлургия была ведущей отраслью производства, а средневековый Ахсикет — специализированным центром по производству тигельных сталей.

Тигельную металлургию сталей ранее всего мы прослеживаем в восточном рабаде — IX в. Исходя из тех материалов, которые мы имеем в настоящее время, следует заключить, что производства тигельной металлургии сталей на Ахсикете не было. Оно появилось в городе уже в сформированном виде. Мастера первоначально осели в восточном рабаде.

Во внутреннем и внешнем шахристанах мы начинаем отмечать следы тигельного производства в слоях начала X в. Именно в это время часть крепостных сооружений внешнего шахристана превращают в мастерские.

Увеличение производственной мощности промышленности происходит в первой половине XI в. Признаками его служат увеличение отвалов, включающих наибольшее количество тиглей; увеличение количества горнов, топографически расположенных и стратиграфически прослеженных на одних и тех же участках мастерских; расширение площадей, занимаемых производством, от башен в сторону Ахси IБ.

Дальнейшее развитие техники и технологии производства отмечается с середины XII в., но масштабы его ограничены. Признаками его служит то, что мастерская на территории внутреннего шахристана перестала существовать (P-VIII), а мастерская, зафиксированная на территории внешнего шахристана (P-IV), хотя и продолжает функционировать, но уже далеко не в тех масштабах (сокращается количество помещений, занятых под производство, горны, отходы ремесла). Огромные производственные ямы, забитые кусками агломерата и небольшим количеством фрагмен-

тов отработанных тиглей, наблюдаются на севере внешнего шахристана (P-IVA). Мощность напластований резко уменьшается на северо-востоке (P-IX). Мастерские второго строительного горизонта (XI—середина XII в.) на востоке внешнего шахристана уничтожены грандиозными ямами с производственными отходами керамического ремесла, а также кусками агломерата и тиглей (P-XV). Исходя из фактов, можно предположить, что полуфабрикаты железа (первый передел) пытались выплавлять в городе или скапливать их запасы

Объем производства резко сокращается к началу XIII в., практически он не существует. Крепостные сооружения цитадели и внешнего шахристана возвращают в этот период к их первоначальной функции — фортификационной. Северную стену цитадели укрепляют с помощью гувалла, к югу возводят комплекс казарм. Мастерские забутовывают в башнях внешнего шахристана.

Топографически на городище зафиксированы как значительные по размерам, так и небольшие обособленные участки, связанные с железо-производящей промышленностью¹⁷. Крупные участки, как показало изучение материалов, связаны с тигельной металлургией. Возможно, концентрацию производства на отдельных огромных площадях следует рассматривать как признак выделения специализированного квартала¹⁸ (рис. 10). Следует отметить, что тигельной металлургии сталей на крупных площадях всегда сопутствует тигельная металлургия сплавов на основе меди. Причем объем обоих производств непропорционален. В одних случаях доминирует тигельная металлургия сталей, в других — тигельная металлургия сплавов на основе меди.

Нахождение огромных по размерам мастерских в крепостных сооружениях наталкивает на вопрос: «Всякий ли мог занять заброшенные сооружения, расположенные в шахристане средневекового города?» Разобраться в нем нам помогает О. Г. Большаков, который проанализировал весь имеющийся на сегодня материал по данной теме. Исследователь заключил: «Специфической особенностью землевладения в городе было то, что вся земля находилась в частной собственности. Положение это не изменило ни арабское завоевание, ни сложившееся потом мусульманское право. Вторая особенность — собственность на землю выступала не столь очевидно, как в сельской местности, так как доход приносила не сама земля, а постройки, находившиеся на ней. Эта доходная недвижимость называлась арабским термином „мустагалл“»¹⁹ [Большаков 1973: 312]. Исходя из этого, расположение мастерских в крепостных сооружениях, утративших свое прямое назначение к началу X в., очевидно, следует объяснить арендой металлургами зданий и прилегающих к ним территорий

¹⁷ Северо-западный участок внешнего шахристана — 150×40 м; примыкающий к нему с территории восточного рабада комплекс — 150×50 м; территория к югу от усадьбы в западном рабаде — 50×20 м.

¹⁸ См.: [Большаков 1973: 229; 1984: 277—281].

¹⁹ Мне бы хотелось выразить свою благодарность и признательность Е. А. Давидович, которая подсказала мне обратиться к материалам О. Г. Большакова по вопросу об особенностях землевладения в средневековых городах Средней Азии.

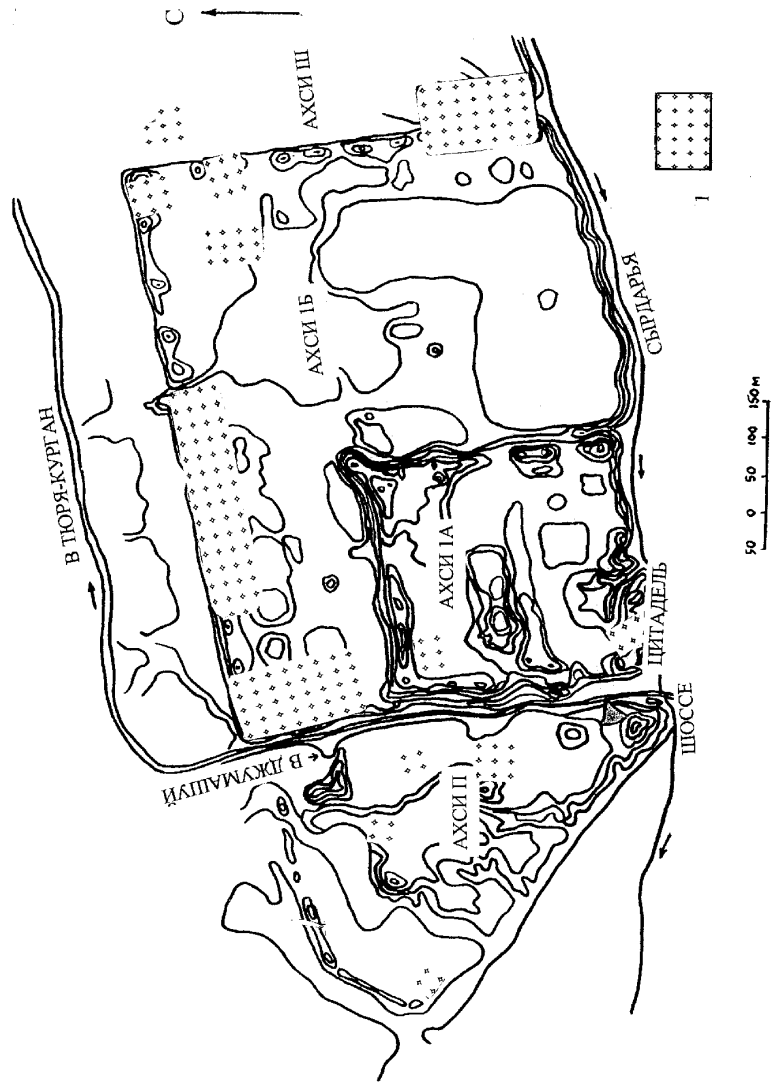

Рис. 10. План городища Ахсикет, снятый А. Н. Бернгамом (1952):
I — площади, занятые железнороудной промышленностью

внешнего шахристана. Вместе с тем стратегическая важность вырабатываемого промышленностью продукта и масштабы тигельной металлургии — признаки, на основании которых можно предположить зависимость ремесленников от правительства и правительственный контроль над производством и сбытом продукции²⁰. К тому же крепостные сооружения всех средневековых городов, как и земля, на которой они возводились, были собственностью правительства.

Неизвестно, идет ли речь о массовом производстве оружия или здесь находилась уникальная школа мастеров, где изготавливали в ограниченном количестве, но очень высокого качества клинки, имеющие спрос на восточном рынке. Производство дорогостоящего оружия из булатной стали в большом количестве могло привести к снижению реальной стоимости изделий. Вероятно, высококачественные булатные клинки изготавливали редко²¹. Мастера должны были сохранять секрет своего мастерства, снижавшего им славу, поддерживать цену на продукцию и собственный престиж. Но они могли также производить в большом количестве товарный полуфабрикат в виде «яйцевидной тигельной крицы» («хлебцев»). Практика торговли тигельными крицами широко бытовала на Среднем Востоке. К примеру, из текста Бируни мы знаем о том, что гератские тигельные крицы, которые «называются яйцами благодаря их форме, а они удлиненные с округлыми концами, по форме тиглей...» [Бируни 1963: 235], «...экспортировались в другие районы для производства мечей — Синд (Sind) и Мульта́н (Multan)...» [Allan 1979: 67]. Позже, тигельные крицы «wootz» поступали из Индии в Дамаск [Беляев 1906].

Необходимо сказать еще об одном интересном факте, касающемся секрета производства тигельных сталей. По моим наблюдениям, древние ремесленники Ахсикета все отходы от плавки прятали, хоронили — либо в ямах в пределах мастерской, либо горизонтальными слоями на определенной территории, примыкающей к их конкретной мастерской. При всей их схожести, тигли из северо-западного производственного блока (возможно квартала) в Ахси IБ отличаются, к примеру, от тиглей из производственного блока в Ахси III. Похоже, что на Ахсикете к определенному времени сложились конкурирующие производственные блоки или конкурирующие семьи мастеров. То огромное количество отработанных тиглей, которое археологи прослеживают в слоях на городище Ахсикет, есть, по сути, кладбище отходов производства тигельных высококачественных сталей.

Отмечаемые на городище небольшие участки не связаны с тигельной металлургией, а представляют собой кузни, где кузнецы производили из

²⁰ О правительственном контроле над ведущими отраслями промышленности см.: [Ashtor 1976: 197].

²¹ Меч представлялся древним людям предметом первой необходимости, владение им умножало силу хозяина, давало ему преимущество перед другими людьми. Личное оружие правителя, его престиж и мощь — отражение могущества государства. Историю вопроса см.: [Pulleyblank 1952; Rowson 1968; Ogasawara 1970; Ruttkay 1978; Александров 1979].

губчатого и кованого железа различную продукцию, характер которой еще не установлен.

Упадок производства и окончательная его утрата в конце XII в., до гибели самого города, могут быть связаны с социально-политическими причинами. Однако главную причину автор предлагаемых строк усматривает не только в возможной потере конкретного источника сырья, из-за чего к концу XII в. ахсикетские мастера пытались сами плавить или скапливать товарные полуфабрикаты из пунктов первого передела в грандиозных ямах в пределах города, но, возможно, и в потере рынка сбыта.

Характеристика и периодизация железопроизводящей индустрии средневекового Ахсикета неразрывно связаны с историей края, на фоне которой можно выделить социально-политические закономерности становления, развития и исчезновения тигельной металлургии в городе.

Хозяйственный и культурный контакт оседлого и кочевого населения Ферганы был предопределен условиями географической среды края и характерен для всех периодов ее истории (см.: [Заднепровский 1960: 171; Гафуров 1972]). Наиболее явно он проявился в VII—VIII вв. и был связан с тюркизацией земель по Сырдарье (см.: [Аскарлов, Буряков 1968: 19]). Именно с этого времени Северная Фергана начинает обособляться в регион, где слияние художественных и культурных достижений ремесла оседлого и кочевого населения выразилось в своеобразии материальной культуры. К этому же времени (VII в.) относится и первое упоминание в письменных источниках об Ахсикете, когда с Касаном — городом-ставкой и центром военно-политической силы начинает конкурировать экономический центр страны город Сигянь — Ахсикет (см.: [Бичурин 1950: 319; Бернштам 1952: 247]).

Период наибольшего расцвета железопроизводящего производства в Средней Азии связывают с эпохой арабского влияния, вовлекшего страну в широкое товарное общение и принесшего крупные изменения в ее экономику (см.: [Иванов 1932; Большаков 1973: 133]). Особо остро экономический подъем ощущался во второй половине IX—X в., когда централизованная власть в руках Саманидов способствовала усиленному росту товарообмена, а следовательно, городов и ремесел. Арабский географ X в. Мукаддаси насчитывает в это время в Фергане 40 городов и селений с соборной мечетью. Ахсикет становится столицей края (см.: [Бартольд 1963: 220]).

Город описывается Ибн Хаукалем и Мукаддаси, которые различают в нем цитадель, шахристан и рабад. «Цитадель по Хаукалю в шахристане, по Мукаддаси в рабаде. В цитадели помещались дворец и тюрьма, соборная мечеть в шахристане, рядом с цитаделью, место праздничной молитвы на берегу Сырдарьи, базары в шахристане и рабаде, причем базары в шахристане отличались обширностью. Шахристан имел пять ворот, известны названия четырех: Мердкушийские, Касанские, Ворота Соборной мечети и Ворота залога (? рихана). Шахристан был орошен множеством каналов, впадающих в красивые хаузы; берега последних были выложены кирпичом и известью. Здания выстроены из глины; главные здания

находились в шахристане» [Бартольд 1963: 218]. Город, по сведениям средневековых авторов, был протяженностью три фарсаха²².

Археологами отмечается, что в X в. крепостные сооружения многих средневековых городов Средней Азии оказались в заброшенном состоянии, и объясняется это созданием мощного государства, когда необходимость в военно-фортификационных сооружениях отпала (см.: [Негматов 1977: 26; Мухамеджанов, Семенов 1984: 148]). Аналогичный процесс мы наблюдаем в средневековом Ахсикете, где в начале X в. часть крепостных сооружений Ахси IБ превращают в мастерские железопроизводящего и медницкого ремесел.

Распространяясь на территорию шахристана в начале X в., железо-производящее ремесло продолжало существовать и на прежнем месте, в восточном рабаде. Безусловно, мы наблюдаем расширение производства, социально-политические причины которого следует усматривать в процессе формирования новой военной организации общества и феодализации войска, вызванных прежде всего потребностями обороны внутри феодального государства Саманидов и походами за расширение его границ. Несомненно, изделия ахсикетских мастеров в виде дорогостоящего высококачественного оружия и «хлебца» попадали не только к жителям Саманидского государства и в Халифат, но и к тюркам соседней кочевой периферии, которые в силу военной организации общества являлись неограниченным рынком сбыта, поглощающим продукцию такого рода (см.: [Бартольд 1963: 316]).

Утверждение политического господства тюркской военно-политической знати в эпоху ранних Караханидов позволяет наблюдать кульминацию развития черной тигельной металлургии в средневековом Ахсикете. Фергана в этот период выступает в роли важного политического центра. Столицей государства становится Узген, а Ахсикет продолжает оставаться крупным экономическим центром. Е. А. Давидович отмечает, что в XI в. в Ахсикете регулярно работал монетный двор, продукция которого была значительной, «даже при серьезных политических переменах третьей четверти XI в., когда Фергана была отнята у Восточных Караханидов Ибрахимом Тамгач-ханом» [Давидович 1968: 76; 1979: 133].

Гибель средневекового Ахсикета, видимо, следует связывать с политическими событиями XIII в., отражающими борьбу за ферганские земли между Кучлуком и Хорезмшахом. В. В. Бартольд приводит сведения письменных источников о том, что в 1214 г., опасаясь нашествия Кучлука на Мавераннахр, Мухаммед Хорезмшах отдал приказ о переселении жителей Исфиджаба, Шаша, Ферганы и Касана на юго-запад, «после чего эти области были опустошены» [Бартольд 1963: 433]. По другим данным,

²² А. Н. Бернштам полагал, что такую цифру можно воспринимать как относительно точную, поскольку «в состав Ахсикета X в. входили его пригороды, занимавшие действительно огромное пространство от восточной стены до Тешик Яра к северо-западу» [Бернштам 1951: 31—32]. О. Г. Большаков и А. А. Анарбаев считают, что Ибн Хаукаль и Мукаддаси оценивали протяженность Ахсикета не в три фарсаха, а в треть фарсаха, что подтверждается и археологическим материалом [Большаков 1973: 202—203; Анарбаев 1983: 8].

Ахсикет продолжал функционировать и только в 1218 г. подчинился монголам²³. Причину окончательной гибели города усматривают в выходе из строя крытого канала, расположенного выше Касанся, который снабжал Ахсикет водой²⁴.

Маркетинг в железопроизводящей промышленности Среднего Востока

Итак, изучение железопроизводящей промышленности Средней Азии в совокупности с новыми материалами из Ахсикета позволяет наметить две линии профессионального и профессионально-территориального разделения между горняком, металлургом и кузнецом в средневековом железопроизводящем маркетинге.

Непонятна связь между горняком и металлургом в пунктах первого передела. Может быть, горняк одновременно являлся металлургом или уже сложилось разделение профессий. Полуфабрикаты для кузнечных работ изготавливали в пунктах первого передела. Следует отметить, что, по этнографическим данным, в пунктах первого передела существовали кузнецы, которые отжимали губчатое железо в крицу, придавая продукту по весу и форме товарный вид, иногда кузнецы для данного вида работ приглашались в поселок со стороны [Андреев 1926: 16—17]. Материалы из Ахсикета позволяют предположительно наметить конечную продукцию ремесленников пунктов первого передела: пористые куски черного металла — губчатое железо и среднеуглеродистая сталь; отжатая от шлаков губка черного металла дугообразной формы — железная крица и крица среднеуглеродистой стали. Предметы на заказ или на рынок ковали из полуфабрикатов в пунктах второго передела.

В Ахсикете появляется ремесленник новой профессии. Назовем его металлург-литейщик. Непонятна связь металлурга-литейщика и кузнеца. Возможно, это был один мастер, который выполнял весь процесс: изготавливал тигли, плавил в них металл, изготавливал из тигельной яйцевидной крицы инструментарий и оружие. Вместе с тем, скорее следует предположить уже сложившуюся к этому времени специализацию, если ориентироваться на прозвания различных исторических лиц, которые упоминаются в арабских и персидских письменных источниках (суть вопроса см.: [Большаков 1973: 286—287; Allan 1979: 68]). Агломерат — полуфабрикат для второго металлургического процесса в тиглях, но воз-

²³ А. Н. Бернштам приводит сведения о том, что «правитель городов Касана и Ахсикета Исмаил при приближении войск Джабе Нойона, полководца Чингизхана, вышел навстречу со старейшинами города и изъявил покорность завоевателю» [Бернштам 1951: 40].

²⁴ З. И. Усманова полагает, что «прекращение водоснабжения было одной из главных причин гибели города, население которого переселилось в другие районы, в частности, вниз по течению Сырдарьи, где сложился новый город Ахсы с перенесением на него названия покинутого ими старого Ахсикета» [Усманова 1983: 82].

можно и в домнах (печь 2 —?), изготавливали в пунктах первого передела. Тигельную сталь из него производили в пунктах второго передела. Необходимо учесть, что в плавке использовали кричное железо и, может быть, руду (?). Из стали, произведенной в тиглях, металлурги-литейщики-кузнецы (?) ковали холодное оружие на заказ или на рынок. Но, может быть, большую часть своей продукции ремесленники сбывали потребителю как полуфабрикат в виде яйцевидной тигельной крицы.

Очевидно, что между металлургом-литейщиком и гончаром могли в процессе производства тиглей сложиться профессиональные связи, однако металлург-литейщик мог производить тигли и самостоятельно.

Видимо, существовали специальные лица, которые транспортировали полуфабрикаты из пунктов первого передела в пункты второго передела.

Попробуем сверить получившийся у нас маркетинг с данными средневековых письменных источников. Возьмем сведения по приготовлению тигельных сталей у ал-Кинди и Бируни. Автор данных строк использует сделанный А. М. Беленицким перевод текста главы «О железе» минералогического трактата Бируни, а также комментарии к переводу [Беленицкий 1963].

«„Природное железо“ делится на две разновидности... — классификация видов железа, принятая Бируни, в основном совпадает с классификацией ал-Кинди, изложенной им в трактате о мечах...: Железо, из которого кууют мечи, распадается на две главные группы: находимое в рудниках (природное...) и нерудничное (искусственное). Природное железо, в свою очередь, распадается на два вида: сабуркан — мужское, твердое, поддающееся по своей природе закалке, и нармахан — женское, которое по своей природе не поддается закалке. Мечи изготавливаются из каждого вида железа в отдельности. Имеется вид железа, сложенный из первых двух видов. Таким образом, имеется три вида „природных“ мечей: из сабуркана, нармахана и один — из смеси двух первых. Для каждого вида имеется отдельный шлифовальный камень...» (текст ал-Кинди, выдержка из комментария А. М. Беленицкого [Беленицкий 1963: 482]).

«Природное железо делится на две разновидности: одно — мягкое — нарманан, и называется оно женским; другое — твердое — шабуркан, и называется оно мужским из-за твердости, оно принимает закалку и не поддается и малому сгибанию. Нармахан в свою очередь делится на два вида: один из них собственно нармахан, другой — жидкость (букв.: вода) его, вытекающая из него при плавке и очистке от камней, называется она даус...» (текст Бируни, перевод А. М. Беленицкого [Беленицкий 1963: 231]).

Приведенные тексты показывают что древние авторы четко отделяли природное, рудничное железо, т. е. то, которое получалось из руды, иначе — в пунктах первого передела, от железа второй категории, не природного, искусственного, того, которое могли производить в пунктах второго передела. Ко второй категории, как видно, принадлежала тигельная сталь. Не случайно археологи обнаруживают тигельное производство сталей в крупных среднеазиатских городских центрах (Ахсикет, Пап, Мерв).

Железо второй категории требовало специализированных ремесленников и было сосредоточено ближе к серьезному рынку сбыта.

Таким образом, маркетинг, выведенный на основе изучения железо-производящей промышленности средневековой Средней Азии в совокупности с новыми материалами из Ахсикета, принципиально совпадает с маркетингом, отраженным в средневековых письменных источниках и характерным для всего Среднего Востока в целом.

В заключение следует отметить еще одну деталь маркетинга средневекового Среднего Востока. Как видно из анализа археологического материала из Ахсикета, тигельная металлургия занимала значительную долю в производстве города. Исходя из этого, следует полагать, что средневековый город Ахсикет был своеобразным специализированным металлургическим центром по вторичной переработке железа, производству холодного оружия, тигельной яйцевидной крицы, кузнечно-слесарного инвентаря и прочих предметов из стали. О том, что аналогичные городские специализированные железопроизводящие центры реально существовали на Востоке, говорил в свое время А. З. Валиди. Он писал, что «раннеки-тайские источники (Хан-шу — Han-schu) сообщают о месторождениях железа, о железоплавильных заводах и о вывозе железных изделий особенно в двух местах восточной окраины Тянь-Шаня, которые сейчас соответствуют городам в провинциях Куша (Kusa) и Аксу (Aksu). О городе, который находился около Куша, араб Идриси сказал (по сообщениям IX в.), что здесь базары, на которых изготавливаются всевозможные удивительные вещи из железа и что большая часть продукции из железа, экспортируемой в Тибет и Китай, вывозилась из этого города. О другом городе, имя которого Фарман (Farman) и который находился вблизи или на месте Аксу, он говорит, что его базар состоит исключительно из изделий оружейников» [Validi 1936: 35]. К данным двум специализированным железопроизводящим городским центрам мы смело можем прибавить Ахсикет и Пап в Фергане. Масштабы тигельного производства в Папе не так грандиозны, как на Ахсикете, тем не менее они достаточно внушительны. По своему географическому положению ареал распространения специализированных железопроизводящих городских центров находится в пределах юго-западной и восточной окраин Тянь-Шаня. И если города восточной окраины были поставщиками железа в Тибет и Китай, то городские центры Ферганы были поставщиками железа вплоть до Багдада — главного торгового центра всего исламского мира [Бартольд 1963: 225—226; Массон 1947: 38; Большаков 1973: 286; Allan 1979: 66—67]. В данной связи следует вспомнить еще два географических пункта — волость Минк и город Мерсманда в Уструшане (согласно: [Бартольд 1963: 225]). «...Минк (Mink) и Марсманда (Marsmanda) были фактически двумя основными производящими городами, экспортировавшими железные предметы по всему Хорасану, и даже до Ирака...» [Allan 1979: 67]. По интерпретации М. Е. Массона, «Марсманда славилась своими базарами и многолюдными ежемесячными ярмарками. Раз же в год происходила особенно крупная ярмарка, оборот которой достигал 100 000 золотых динаров. Отсюда-то и из Минка поступало в Ферга-

ну, как пишут арабские авторы, то железо, которое там перерабатывалось в экспортировавшееся за границу оружие» [Массон 1947: 38]; Другие интерпретации см.: [Негметов 1953: 249—250; 1957: 44—46, 95; 1977: 71]. Интересно, что упоминание Минка и Марсманда, аналогично упоминанию города около Куша и Фармана, происходит одновременно с упоминанием о наличии крупного базара по распродаже железной продукции.

Завершить экскурсию по маркетингу железопроизводящей промышленности средневекового Среднего Востока мне бы хотелось очень интересным этнографическим наблюдением М. Андреева, хорошо характеризующим психологию восточного рынка: «Ванч снабжает своим железом все соседние страны, окружающие его. Население последних само приходит в Ванч за покупками. Ванцы свой товар не развозят...» Это наблюдение, как мне представляется, объясняет позицию города Марсманда в маркетинге железопроизводящей индустрии Среднего Востока как географически удобного и безопасного места контакта производителей секретного и несекретного продукта из железа и серьезных покупателей (суть вопроса см.: [Сверчков 2000: 150—155]).

Литература

Абдуразаков, Безбородов 1966: *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А.* Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент.

Александров 1979: *Александров А. В.* Роль железоделательного производства в истории древнекитайского общества (вторая половина I тыс. до н. э.—начало н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Анарбаев 1983: *Анарбаев А. А.* Исследования средневековой Ферганы (по материалам Ахсикета) // *Культура и искусство Киргизии*. Вып. 2. Тезисы докладов. Л. С. 7—8.

Анарбаев 1988: *Анарбаев А. А.* Ахсикент в древности и Средневековье (Итоги и перспективы исследования) // *СА*. № 1. С. 171—187.

Анарбаев, Ильясова 1996: *Анарбаев А. А., Ильясова С. Р.* Раскопки ремесленного квартала на городище Эски Ахсы // *ИМКУ*. Вып. 27. С. 166—176.

Анарбаев 1999: *Анарбаев А. А.* Изучение одного из ремесленных кварталов средневекового Ахсикета // *ИМКУ*. Вып. 30. С. 256—263.

Андреев 1926: *Андреев А. А.* Выработка железа в долине Ванча (верховья Амударьи). Ташкент.

Андреев 1958: *Андреев А. А.* Таджики долины Хуф. Вып. 2. Душанбе.

Аносов 1837: *Аносов П. П.* О приготовлении литой стали // *ГЖ*. № 1. С. 75—102.

Аносов 1841: *Аносов П. П.* О булатах // *ГЖ*. № 2. С. 157—317.

Аносов 1954: *Аносов П. П.* Сочинения. М.

Аскарлов, Буряков 1978: *Аскарлов А. А., Буряков Ю. Ф.* Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане // *СА*. № 2. С. 5—22.

Ахраров 1966: *Ахраров И. А.* Кухонная керамика Ферганы IX—X вв. // *ИМКУ*. Вып. 7. С. 117—123.

Ахраров 1967: *Ахраров И. А.* Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв. // *ИМКУ*. Вып. 8. С. 88—97.

Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1. М.

Байков 1931: *Байков А. А.* К вопросу о прямом получении железа из руд (губчатое железо) // *Металлург*. № 8. М.; Л. С. 909—912.

- Беккерт 1980: *Беккерт М.* Мир металла. М.
- Бекрана 1973: *Ибн Бекрана* // Материалы по истории киргизов и Киргизии. М. С. 46—51.
- Беленицкий 1950: *Беленицкий А. М.* Глава «О железе» минералогического трактата Бируни // КСИИМК. Вып. 33. С. 139—144.
- Беленицкий 1963: *Беленицкий А. М.* Приложение // Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрания сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. М.; Л. С. 482—485.
- Беленицкий и др. 1973: *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.
- Беляев 1906: *Беляев Н. Т.* О булатах. СПб.
- Бернштам 1943: *Бернштам А. Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии (по материалам Чуйского канала). Фрунзе.
- Бернштам 1951: *Бернштам А. Н.* Древняя Фергана (научно-популярный очерк). Ташкент.
- Бернштам 1952: *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26.
- Бируни 1963: *Бируни Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. М.; Л.
- Бичурин 1950: *Бичурин И. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.
- Богачев 1952: *Богачев И. Н.* П. П. Аносов и секрет булата. М.; Свердловск.
- Богачев 1957: *Богачев И. Н.* Секрет булата. М.; Свердловск.
- Большаков 1984: *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока (VII—середина XIII в.). М.
- Бубнова 1959: *Бубнова М. А.* Средневековые мастерские рабада (по материалам Орловского городища). Фрунзе. С. 49—61.
- Бубнова 1963а: *Бубнова М. А.* Горно-металлургическая область Шельджи в IX—XII вв. н. э. (Долина р. Талас): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Бубнова 1963б: *Бубнова М. А.* К истории средневековой горной промышленности в Средней Азии (Рудничный район Шельджи) // СА. № 2. С. 85—94.
- Буряков 1965а: *Буряков Ю. Ф.* Древний серебряный рудник Лашкерек // СА. № 1. С. 82—189.
- Буряков 1965б: *Буряков Ю. Ф.* Древний серебряный рудник Актепе // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент. С. 13—18.
- Буряков 1966: *Буряков Ю. Ф.* Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района (К истории горного дела и металлургии средневекового Илака): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент.
- Буряков 1982: *Буряков Ю. Ф.* Генезис и этапы развития Ташкентского оазиса. Ташкент.
- Бутенев 1842: *Бутенев К.* Замечание о ковке булата в Бухарии // ГЖ. № 5. С. 163—169.
- Вебер 1913: *Вебер В. Н.* Полезные ископаемые Туркестана. СПб.
- Винник и др. 1978: *Винник Д. К., Лесниченко Н. С., Санаров А. В.* Работы на Иссык-Куле // АО 1977 г. С. 568—570.
- Гафуров 1972: *Гафуров Б. Г.* Таджики (древнейшая, древняя и средневековая история). М.
- Гуревич 1985: *Гуревич Ю. Г.* Загадка булатного узора. М.
- Давидович, Литвинский 1955: *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк Исфаринского района // Труды АН ТаджССР. Т. 35.

- Джаббаров 1971: *Джаббаров И. М.* Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX—начале XX в. (историко-этнографический очерк) // ТИЭАН СССР. Т. ХСVII. С. 113—124.
- Древнемонгольские города 1965: Древнемонгольские города. М.
- Ершов 1966: *Ершов Н. И.* Домашние промыслы и ремесла // Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе. С. 195—290.
- Железнов 1906: *Железнов В. Ф.* Исторические сведения о булатах в России // Беляев Н. Т. О булатах. СПб. С. 40—48.
- Заднепровский 1960: *Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. // ТККАЭЭ. Т. IV. М.
- Иванов 1932: *Иванов П. П.* К истории развития горного промысла в Средней Азии. М.; Л.
- Илимов 1841: *Илимов И.* Разложение златоустовского булата и двух шлаков, полученных при булатном деле // ГЖ. № 10. С. 17—26.
- Исламов 1976: *Исламов О. И.* Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент.
- Исламов 1977: *Исламов О. И.* Из истории геологических знаний в Средней Азии. Ташкент.
- Кастанье 1914: *Кастанье И. А.* Историко-этнографическая поездка в Наманганской области // ИТОРГО. Т. X, вып. 1. С. 125—146.
- Князев 1945: *Князев П. И.* Разведочно-археологические работы в квартале металлургов древнего Термеза // ТАЭ. Т. 2. С. 163—175.
- Колчин 1950: *Колчин Б. А.* Несколько замечаний к главе «О железе» минералогического трактата Бируни // КСИИМК. Вып. 33. С. 145—151.
- Колчин 1953: *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // МИА. № 32.
- Колчин, Круг 1965: *Колчин Б. А., Круг О. Ю.* Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // МИА. № 129. С. 196—215.
- Круг 1970: *Круг О. Ю.* Определение технологических характеристик сыродутного процесса получения железа по археологическим шлакам // СА. № 1. С. 268—272.
- Кудрявцев 1982: *Кудрявцев В. С.* Первородное железо // ХЖ. № 2. С. 15—18.
- Куземко 1991: *Куземко В. Н.* Экологический аспект древнего горно-металлургического промысла // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии (тезисы докладов). Душанбе. С. 13.
- Кулькова, Распопова 1972: *Кулькова Т. Ф., Распопова В. И.* Черная металлургия Пенджикента VIII в. // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М. С. 372—373.
- Лапин 1945: *Лапин В. В.* Материалы по петрографии шлаков советской металлургии. М.
- Латынин 1935: *Латынин Б. А.* Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарын в Фергане // ИГАИМК. Вып. 110. С. 38—39.
- Латынин 1961: *Латынин Б. А.* Некоторые итоги работ ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ. Вып. 3. С. 109—170.
- Леньков 1974: *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчженей в XII в. Новосибирск.
- Леньков, Щека 1982: *Леньков В. Д., Щека С. Д.* Опыт выявления сырьевой базы чжурчженской металлургии по данным физико-химических анализов // СА. № 1. С. 195—203.
- Литвинский 1954а: *Литвинский Б. А.* Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Душанбе.

- Литвинский 1954б: *Литвинский Б. А.* Из археологических материалов истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.) // Труды АН ТаджССР. Т. 27. С. 119—171.
- Литвинский 1959: *Литвинский Б. А.* Средневековый рудник // Археологи рассказывают. Душанбе. С. 192—202.
- Литвинский 1978: *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь могильников Западной Ферганы. М.
- Литвинский, Лубо-Лесниченко 1995: *Литвинский Б. А., Лубо-Лесниченко Е. И.* // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье (хозяйство, материальная культура). М.
- Лунина 1977: *Лунина С. Б.* Локализация и специализация ремесла в Мерве // Материалы по истории и археологии. Ташкент. С. 3—17.
- Лунина 1979: *Лунина С. Б.* Ремесло в средневековом Мерве (к периодизации развития) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху Средневековья. М. С. 168—175.
- Лунина 1981: *Лунина С. Б.* Типология и динамика развития средневековых городов Кашкадарьинского оазиса // Строительство и архитектура. Ташкент. № 6. С. 11—14.
- Лунина 1984: *Лунина С. Б.* Города Южного Согда в VIII—XII вв. Ташкент.
- Марущенко 1956: *Марущенко А. А.* Старый Серахс (отчет о раскопках 1953 г.) // ТИИАЭ АН ТуркмССР. Т. II. С. 215—241.
- Масальский 1841: *Масальский Т.* Изготовление булата по способу, употребляемому персиянами // ГЖ. № 11. С. 233—248.
- Массон 1934: *Массон М. Е.* Из истории горной промышленности Таджикистана // Материалы Таджикско-Памирской экспедиции 1933 г. Вып. XX. Л.
- Массон 1947: *Массон М. Е.* К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент.
- Массон 1953: *Массон М. Е.* К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент.
- Машковцев 1926: *Машковцев С. Ф.* Загадочный рудник Кухисим // ГВ. Т. V, № 1—3. С. 9—13.
- Машковцев 1930: *Машковцев С. Ф.* Описание геологического маршрута в Юго-Западном Тянь-Шане по линии Ангрен—Чаткал—Касан—оз. Кукона—Гудас, Майдантал. Л.
- Мец 1973: *Мец А.* Мусульманский Ренессанс / Пер. с нем., предисл., библиогр. и указ. Д. Е. Бертельса. 2-е изд. М.
- Мирзалиев 1988: *Мирзалиев Г.* Неглазурованная керамика Ферганы как источник (по материалам городища Ахсикет VII—начала XIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.
- Мухамеджанов, Семенов 1984: *Мухамеджанов А. Р., Семенов Г. Л.* Исследование городских стен Пайкенда (результаты работ 1981 г. на шахристане II) // ИМКУ. Вып. 19. С. 130—152.
- Наследов 1928: *Наследов Б. Н.* Древний рудник Кан-и-Мансур // Путеводитель экскурсий III Всесоюзного съезда геологов. Л. С. 17—21.
- Наследов 1931: *Наследов Б. Н.* Металлопромышленные ресурсы Средней Азии // Материалы I Среднеазиатского энергосъезда. Ташкент.
- Наследов 1932: *Наследов Б. Н.* Конторы металлогении и металлорудных возможностей Средней Азии. Ташкент.
- Наследов 1935: *Наследов Б. Н.* Кара-Мазар // Труды Таджикско-Памирской экспедиции. Л.
- Наследов 1950: *Наследов Б. Н.* Средневековая горная промышленность Средней Азии // Природа. № 3. С. 25—44.

- Негматов 1953: *Негматов Н. Н.* Историко-географический очерк Уструшаны с древнейших времен по X в. н. э. // ТТАЭ. Т. II (= МИА. № 37). С. 231—252.
- Негматов 1957: *Негматов Н. Н.* Уструшана в древности и Средневековье // Сталинабад (Труды АН ТаджССР. Т. 55).
- Негматов 1977: *Негматов Н. Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX—X вв.). Душанбе.
- Новиков 1991: *Новиков В. П.* Значение угольных пожаров в развитии материальной культуры и естественно-научных знаний в Средней Азии // Древнейшие этапы развития горно-геологических знаний в Средней Азии: ТД. Душанбе. С. 28—29.
- Окнов 1938: *Окнов М. Г.* Металлография чугуна. М.; Л.
- Остроухов 1931: *Остроухов М. Я.* Выплавка чугуна на сыром каменном угле в СССР. М.; Л.
- Папахристу 1984: *Папахристу О. А.* Кузнечно-слесарный инструментарий со средневекового городища Ахсикет // ОНУ. № 5. С. 34—37.
- Папахристу 1985: *Папахристу О. А.* Черная металлургия Северной Ферганы (По материалам археологического исследования городища Ахсикет IX—начала XIII в.): Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Папахристу 1994: *Папахристу О. А.* Ферганский инструментарий // Фергана в древности и Средневековье. Самарканд.
- Папахристу 1995: *Папахристу О. А.* Опыт реконструкции черной тигельной металлургии Ахсикета IX—XII веков // ОНУ. № 9. С. 86—90.
- Папахристу 1999: *Папахристу О. А.* К вопросу о функциональном назначении двух печей из Эски Ахсы (Ахсикет) в Фергане // *Ozbekiston Moddiy Madaniyati Narixi*. N. 30. Samarqand. С. 274—285.
- Перетц 1840: *Перетц.* Описание приготовления литой стали в Королевстве Ганноверском в железном заводе Солинг близ Услара // ГЖ. № 10. С. 63—90.
- Распопова 1980: *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Ртвеладзе, Исхаков 1979: *Ртвеладзе Э. В., Исхаков М.* Два средневековых Чаганианских поселения // ИМКУ. Вып. 15. С. 84—94.
- Сверчков 1991: *Сверчков Л. М.* Поселение Мык — источник по истории средневековой Уструшаны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.
- Сверчков 2000: *Сверчков Л. М.* Минк и Марсманда: новые данные // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Самарканд. С. 150—155.
- Савельева и др. 1989: *Савельева Т. В., Зиняков Н. М., Воякин Д. А.* Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы.
- Сухарева 1971: *Сухарева О. А.* К вопросу о литье металлов в Средней Азии // Занятия и быт народов Средней Азии. Л.
- Терехова 1974: *Терехова Н. Н.* Технология чугунолитейного производства у древних монголов // СА. № 1. С. 69—78.
- Терехова 1985: *Терехова Н. Н.* Железообработка в древнемонгольских городах // СА. № 3. С. 72—80.
- Усманова 1983: *Усманова З. И.* Работы кафедры археологии Ташкентского Государственного университета по археологическому изучению городища Ахсикет // Материалы по археологии Средней Азии. Ташкент. С. 67—84.
- Филиппов 1967: *Филиппов С. И.* Теория металлургических процессов. М.
- Черников 1949: *Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата.
- Чернов 1896: *Чернов Д. К.* Сталелитейное дело (лекции, читанные в дополнительном курсе Михайловской артиллерийской академии профессором Д. К. Черновым). СПб.

- Чуланов 1963: Чуланов Ю. Г. Городище Ахсикет // СА. № 3. С. 197—205.
- Шамрай 1947: Шамрай И. А. Наукадское месторождение минеральных красок и глини Киргизской ССР // Учен. зап. Гос. ун-та в Ростове-на-Дону. Т. VIII: Труды Геолого-почвенного факультета. Вып. 5. Ростов-на-Дону. С. 33—48.
- Шерби, Уодсворт 1985: Шерби О. Д., Уодсворт Дж. Дамасская сталь // В мире науки. № 4. С. 74—80.
- Allan 1979: Allan J. Persian Metal Technology 700—1300 A. D. Oxford.
- Allan, Gilmor 2000: Allan J., Gilmour B. Persian Steel: The Tanavoli Collection. Oxford.
- Anantharamu et al. 1999: Anantharamu T. R., Craddock P. T., Nagesh Rao K., Murthy S. R. N., Wayman M. L. Crucible steel of Ghattihosahalli, Chitradurga District, Karnataka, Southern India // Historical Metallurgy. 33. P. 13—25.
- Ashtor 1976: Ashtor E. A social and economic history of the Near East in the Middle Ages. Berkeley; Los Angeles. California.
- Bronson 1986: Bronson B. The making and selling of wootz — a crucible steel of India // Archeomaterials. 1. P. 13—51.
- Craddock 1995: Craddock P. T. Early Mining and Metal Production. Edinburgh.
- Craddock 1998: Craddock P. T. New light on the production of crucible steel in Asia // Bulletin of the Metals Museum. 29. P. 41—66.
- Craddock 2003: Craddock P. T. Cast Iron, Fined Iron, Crucible Steel: Liquid Iron in the Ancient World // Mining and Metal Production (Through the Ages). London. P. 231—257.
- Feuerbach, 2002: Feuerbach A. Crucible Steel in Central Asia: Production, Use, and Origins: PhD Thesis University of London
- Feuerbach et al. 1997: Feuerbach A., Merkel J., Griffiths D. Production of crucible steel by co-fusion: archaeometallurgical evidence from the ninth-early tenth century at the site of Merv, Turkmenistan // Material Issues in Art and Archaeology / Ed. by P. Vandiver, J. Druzik, J. Merkel and J. Stewart. V. P. 105—110.
- Feuerbach et al. 1998: Feuerbach A., Merkel J., Griffiths D. An examination of crucible steel in the manufacture of Damascus steel, including evidence from Merv, Turkmenistan // Metallurgica Antiqua (=Der Anschnitt. Beiheft 8). P. 37—44.
- Forbs 1964: Forbs R. J. Studies in ancient technology. Vol. 1X. Leiden.
- Foster 1926: Foster F. A. Chinese Make Iron to-day as in the Dim Past // Foundry. 54/5—8. P. 173—174.
- Hara 1992: Hara Z. Crucible smelting in Manchuria // Archeomaterials. 6. P. 131—139.
- Herrmann et al. 1995: Herrmann G., Kurbasakhatov K., Simpson St. J. The International Merv Project: preliminary report on the third season // Iran. Vol. XXXIII. P. 31—60.
- Herrmann et al. 1996: Herrmann G., Kurbasakhatov K., Simpson St. J. The International Merv Project: preliminary report on the fourth season // Iran. Vol. 34. P. 1—22.
- Herrmann 1998: Herrmann G. A Central Asian city on the Silk Road: ancient and medieval Merv // Archaeology International. London. P. 32—36.
- Juleff 1990: Juleff G. Crucible steel in Sri Lanka and India: new evidence // Ancient Ceylon. 9. P. 35—59.
- Lang et al. 1998: Lang J., Craddock P. T., Simpson St. J. New evidence for early crucible steel // History etallurgy. Vol. 32. No 1. P. 7—14.
- Lowe 1989: Lowe Th. Refractories in high-carbon processing: a preliminary study of the Deccani wootz-making crucibles // Cross-Craft and Cross-Cultural Interactions in Ceramics / Ed. by P. Mc. Govern, M. Notis and W. Kingery. Westerville (= Ceramics and Civilisations. 4). P. 327—242.

- Lowe et al. 1991: *Lowe Th., Merk N., Thomas G.* An historical mullite-fibre-reinforced ceramic composite: characterization of the «wootz» crucible refractory // *Materials Issues in Art and Archaeology*. II. P. 627—632.
- Merkel et al. 1995: *Merkel J., Feuerbach A., Griffiths D.* Analytical investigation of crucible steel production from Merv, Turkmenistan // *Iams*. 19. P. 12—14.
- Needham 1958: *Needham J.* The Development of Iron and Steel Metallurgy in China. London.
- Needham 1965: *Needham J.* Science and civilization in China. Vol. 4. Cambridge.
- Ogasawara 1970: *Ogasawara N.* Japanese swords / Transl. by D. Kenney. Osaka.
- Papachristou, Swertschow 1993: *Papachristou O., Swertschow L.* Eisen aus Ustruschana und Tiegelstahl aus dem Fergana-Becken // *Der Anschnitt*. 45. P. 122—131.
- Papakhristu, Rehren 2002: *Papakhristu O., Rehren Th.* Techniques and technology of ceramic vessel manufacture — Crucibles for wootz smelting in Central Asia // *Modern Trends in Scientific Studies on Ancient Ceramics* / Ed. By V. Kilikoglou, A. Hein and Y. Maniatis. P. 69—74.
- Papakhristou, Rehren 2002a: *Papakhristou O., Rehren Th.* Iron and steel production in old Termez // *La Bactriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale* / Ed. P. Leriche, C. Pidaev, M. Gelin, K. Abdulaev, avec la collaboration de V. Fourniau. Paris. P. 145—159.
- Plaquin, Papachristou 1994: *Plaquin A., Papachristou O.* A Medieval Crucible Steelmaking Technic: Petrographical and Chemical Studies on Specimens of Slags and Crucible from Ferghana (Ouzbekistan) (pres. com).
- Pulleyblank 1952: *Pulleyblank E. G.* A Sogdian Colony in Inner Mongolia // *T'P.* Vol. 41/4—5.
- Read 1912: *Read T. T.* Mineral Production and Resources in China // *Transactions of the American Institute of Mining Met. And Engineers*. Vol. 43.
- Read 1921: *Read T.* Primitive Iron Smelting in China // *The Iron Age*. 108/8. New York. P. 451—454.
- Rehren, Papakhristu 2000: *Rehren Th., Papakhristu O.* The Ferghana process of crucible steel smelting // *Metalla*. 7. Bochum. P. 55—69
- Rehren, Papachristou 2003: *Rehren Th., Papachristou O.* Similar like white and black: a Comparison of Steel-making Crucibles from Central Asia and the Indian Subcontinent // *Man and Mining — Mensch und Bergbau (Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday)*. Bochum. P. 393—404.
- Richthofen 1877: *Von Richthofen F. F.* China: Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien. Berlin.
- Rowson 1968: *Rowson P. S.* The Indian sword. London.
- Ruttkey 1978: *Ruttkey A.* Umenie Rovane v zbraniach. Bratislave.
- Shokley 1904: *Shokley W. H.* Notes on the Coal and Fields of Southeastern Shansi // *Transactions of the American Institute of Mining Met. and Engineers*. Vol. 34.
- Simpson 2001: *Simpson St. J.* The early Islamic crucible steel industry at Merv // *Iams*. 21. P. 14—15.
- Srinivasan, Griffiths 1997: *Srinivasan S., Griffiths D.* Crucible steel in south India — Preliminary investigations on crucibles from newly identified sites // *Materials Issues in Art and Archaeology* / Ed. by P. Vandiver, J. Druzik, J. Merkel and J. Stewart. V. P. 111—125.
- Ujfalvy 1879: *Ujfalvy Ch. E.* Le Syr-Daria, le Zerachane, le pays Seprivieres et la Siberie-occidentale // *Expedition scientifique francaise en Russie, en Siberie et dans le Turkestan*. Vol. 11. Paris. P. 179—180.
- Validi 1936: *Validi A. Z.* Die Schwerter der Germanen, nach arabischen Berichten des 9.— 11. Jahrhunderts // *ZDMG*. NF. 15. S. 19—37.

Verhoeven 1987: *Verhoeven J. D.* Damascus Steel. Pt. 1: Indian wootz steel // *Metallography*. 20. P. 145—151.

Verhoeven, Jones 1987: *Verhoeven J. D., Jones L. L.* Damascus Steel. Pt. 2: Origin of the Damask Pattern // *Metallography* 20. P. 153—180.

Verhoeven, Pendray 1992: *Verhoeven J. D., Pendray A. H.* Experiments to reproduce the pattern of Damasbus blades // *Materials Characterization*. 29. P. 195—212.

Verhoeven et al. 1993: *Verhoeven J. D., Pendray A. H., Berge P. M.* Studies of Damascus blades Pt. 11, destruction and reformation of the pattern // *Materials Characterization*. 30. P. 187—200.

Verhoeven et al. 1996: *Verhoeven J. D., Pendray A. H., Gibson E. D.* Wootz Damascus Steel Blades // *Materials Characterization*. 37. P. 9—22.

Wayman, Juleff 1999: *Wayman M., Juleff G.* Crucible steelmaking in Sri Lanka // *Historical Metallurgy*. 33. P. 26—42.

Wulff 1966: *Wulff H. E.* The traditional crafts of Persia (Their development, technology and influence on Eastern and Western civilizations). London.

КОННИЦА В КИТАЙСКОЙ АРМИИ НАЧАЛА ТАН (VII в.)

И. Ф. Попова (Санкт-Петербург)

К середине VII в. политическое влияние Китая, в котором установилась власть династии Тан (618—907), распространилось на огромную территорию от Кореи до Персии и от Вьетнама до Тянь-Шаня — созданное после почти четырех веков раздробленности могущественное государство территориально превзошло пределы империи Хань (206 до н. э.—220 н. э.). Столь значительные успехи во внешней политике были достигнуты во многом благодаря гибкой военно-политической доктрине и усовершенствованию структуры китайской армии. Создание продуманной военно-социальной организации стало важнейшим условием стабилизации китайского общества и усиления танской империи. Основу и главную силу раннетанской армии составляли войска, укомплектованные по принципу *фубин*.

Введение милиционной системы *фубин* в Китае связывают с именем Юйвэнь Тая (507—556), правителя некитайской династии *тоба* Западной Вэй (534—556), который в 522 г. создал на севере страны военные управы (*цзюньгуань*). В подчинении *цзюньгуань* находились военные подразделения-*фубин*, к которым было приписано все взрослое мужское население. Служба носила обязательный характер: каждый простолюдин в возрасте от 20 до 60 лет должен был в случае мобилизации участвовать в военных экспедициях и в положенный срок нести караульную службу в столице. Кроме того, ежегодно в двенадцатом месяце каждого года в течение одного дня устраивались боевые учения и охота для всех воинов [Синь Тан шу 1986: цз. 50.40, с. 1325—1326]. Система *фубин* приняла законченный вид при Суй (581—617), а затем при танской династии была распространена на всей территории страны.

По данным источников, конница занимала в китайской армии весьма значительное место. В суйский и танский периоды воинские подразделения-*фубин* включали подразделения легкой кавалерии (*пяоцифу*) и подразделения боевых колесниц и конников (*чэцифу*). В каждое подразделение входило по несколько батальонов (*туань*) из 300 человек; батальоны состояли из шести рот (*дуй*) по пятидесяти человек; роты состояли из десятков (*хо*). В «Новой истории династии Тан» (Синь Тан шу) об организации армии сказано следующее: «[Каждый] десяток предоставлял [за счет личного состава] шесть лошадей для транспортировки грузов, а также

одну палатку из темного материала; одну железную пойницу для лошадей; одну матерчатую кормушку [для лошадей]; одну лопату; один заступ; одно долото; один пест; одну корзину; один топор; одни щипцы; одну пилу; две подставки для доспехов; два серпа. Рота предоставляла одну веревку для связывания лошадей; три узды и трое ножных пут для лошадей» [Синь Тан шу 1986: цз. 50. 40, с. 1325; *Traite des Fonctionnaires...* 1948: т. 2, с. 763—766].

Традиция использования конницы в китайской армии имела долгую историю. Лошади на территории Китая были одомашнены в период неолита, но начало регулярного использования кавалерии в военных кампаниях относится, по всей вероятности, к IV в. до н. э. Значение конницы в китайской армии неуклонно возрастало со временем, и в период правления Лю Бана (256—195 до н. э.), основателя династии Хань, конница составила уже около 20 процентов от общей численности войск [The Seven Military Classics... 1993: 368].

В период децентрализации III—VI вв. в Китае сменилось множество династий, и некоторые из них — на севере — были некитайского происхождения. В результате правящая элита Северного Китая испытала глубокое влияние центральноазиатской, сюнну-сяньбийско-тюркской традиций. Род Ли, основавший в Китае династию Тан, происходил из северо-западного района нынешней провинции Ганьсу, земли которой на протяжении столетий были зоной непосредственных контактов китайской и «кочевой» цивилизаций. В связи с этим некоторые черты государственного управления, военного строительства, культуры танского Китая сформировались под влиянием политической и военной практики некитайских государств. Предварительный анализ тюркского влияния на китайскую культуру представлен в работах целого ряда зарубежных исследователей (Т. Барфилд, Д. Твитчетт, А. Айзенберг, С. Чэнь), хотя в целом серьезнейший вопрос об аккумуляции ценностей в политической и культурной сфере танского времени нуждается в глубоком комплексном исследовании и в настоящее время далек от разрешения.

Мать Ли Юаня (566—635), будущего танского императора Гао-цзу, происходила из сильного тюркского (*туцзюэ*) клана Дугу, а его супруга была дочерью суйского аристократа тюркского происхождения Доу И. Она родила Ли Юаню четверых сыновей (в т. ч. Ли Ши-миня (599—649), будущего императора Тай-цзуна) и одну дочь. В воспитании сыновей Ли Юаня явно преобладало военное дело (верховая езда и стрельба из лука), о чем позже неоднократно вспоминал Ли Ши-минь [Чжэнь-гуань чжэн яо 1936: цз. 1.2, с. 9а; 1978: цз. 1.2, с. 55].

Многие военные кампании конца Суй—начала Тан удавались благодаря использованию военной тактики тюркских народов, а именно использованию преимуществ конницы.

В частности, когда Ли Юань служил наместником Тайюаня, ему было поручено оборонять северные рубежи империи и воевать против повстанцев в Шаньси. По свидетельству «Новой истории династии Тан», в 616 г., подбирая воинов в ударный диверсионный отряд, Ли Юань заставил их «жить и питаться на пастбищах, подобно тюркам-*туцзюэ*, а также охо-

титься верхом, совсем как [тюрки] проводят досуг. [Затем наиболее] искусные стрелки были выбраны в авангардный отряд» [Синь Тан шу 1986: цз. 1.1, с. 2]. Силами этого отряда Ли Юань разгромил войска тюрков, вторгшихся в пределы Китая. В 617 г. Ли Юань выступил против Чжэнь Ди-эра, чья армия превосходила его силы в 3—4 раза. Для того чтобы достичь победы, Ли Юань прибег к тактической уловке: он «разделил свои войска на две части, [наиболее] слабых воинов поместил посередине, на большое [расстояние] растянул [ряды] знамен, развернул все обозы и поместил их за спинами [войск]. ...Создал видимость большой армии» [Вэнь Да-я 1936: цз. 1, с. 2]. Приковав внимание противника к центру, Ли Юань с помощью двух отрядов из нескольких сотен отборных конников нанес противнику неожиданный мощный удар с флангов, смял его и обратил в бегство.

Позже к подобной тактике неоднократно прибегал Ли Ши-минь. В китайских источниках упоминается целый ряд побед, которые были одержаны Ли Ши-минем, лично атаковавшим противника неожиданными ударами с флангов во главе отрядов легкой кавалерии [Цзы чжи тун цзянь 1956: цз. 186, с. 5819—5820; цз. 188, с. 5881—5882]. Слава блестящего полководца досталась Ли Ши-миню вполне заслуженно: он был отважен, удачлив, талантлив, обладал способностями стратега. «С юных лет, — вспоминал он впоследствии, — я осуществлял военные походы [в направлении] четырех сторон [света] и четко понимал суть использования войск. Каждый раз, взглянув [только] на боевые порядки врага, [я] знал, в чем его сила, в чем слабость. Всегда считал свою слабость его силой, [свою] силу его слабостью. Если противник пользовался моей слабостью, то [я] отступал на несколько десятков шагов — не более. Если же я пользовался его слабостью, то непременно окружал его позиции, потом поворачивал и наносил удар. И не было таких, кто не потерпел бы сокрушительного поражения. Действуя именно так, [я] чаще всего одерживал победы» [Цзы чжи тун цзянь 1956: цз. 192, с. 6022]. Ли Ши-минь умело и эффективно использовал конные атаки; сражался в первых рядах войск, подвергая свою жизнь опасности; по несколько дней мог обходиться без пищи и не сходить с коня; в бою умел точно определить момент для решающего удара [Тун дзянь 1936: цз. 162. 15, с. 858].

В китайской армии помимо ханьцев использовалась конница, состоявшая из отрядов иноплеменников, перешедших под покровительство Тан. Отряды западных тюрков-*туцзюэ* были активными участниками междоусобной войны в Китае в конце Суй—начале Тан. С усилением военной активности танского государства широкое распространение получила система наемников-*мубин*: в армии Тай-цзуна их насчитывалось около ста тысяч [Ван Хань-чан, Линь Дай-чжао 1985: 131].

Многие военные акции китайские государи осуществляли не силами регулярных ханьских войск, а с помощью племен, изъявивших покорность Тан. В традиционном Китае существовал достаточно реалистичный взгляд на войны как на нежелательное, но неизбежное явление; уже в древности существовала высокоразвитая военная философия и была накоплена целая система знаний, связанных со стратегией, тактикой, орга-

низацией войск, военно-географическим фактором и т. д. Согласно танской военно-политической доктрине, считалось возможным использовать боевое преимущество тюркской конницы. По этому поводу Ли Цзин (571—649), знаменитый генерал и теоретик военного искусства, указывал: «При подборе людских [сил] непременно учитываются достоинства варваров и ханьцев для ведения войны. Преимущество варваров — в коннице. Конница пригодна для непродолжительных войн. Преимущество ханьских [войск] — в вооружении, что благоприятно при затяжных войнах. Принимая во внимание эти [достоинства], можно легко извлечь пользу из любой ситуации» [Тай-цзун Ли Вэй-гун вэнь дуй 1936: цз. 40, с. 146]. Не раз во время раннетанских завоеваний применялась практика малых войн, когда «заслуживающим доверие племенам» [Чжэнь-гуань чжэн яо 1936: цз. 40, с. 15а] вменялось в обязанность «беспокоить набегами» [Чжэнь-гуань чжэн яо 1978: цз. 9.35, с. 700] своих соседей, в чем ослаблении был заинтересован Китай. Предметом внимания танской военно-политической мысли были возможности использования боевого опыта и способностей военачальников из покорившихся племен. Этому были посвящены разделы трактата «Диалоги Тай-цзуна и Ли Вэй-гуна» [Тай-цзун Ли Вэй-гун вэнь дуй 1936: цз. 40, с. 15а—15б].

Военные достижения раннетанских императоров, в первую очередь Тай-цзуна, были огромны. Важным фактором успехов Китая было использование боевого опыта и традиций соседей-кочевников. По свидетельству Сыма Гуана (1019—1086), в 647 г. Тай-цзун так определил причины успехов своей внешней политики: «С древности государи, умиротворявшие Китай, не умели покорить [варваров] *жунов* и *ди*. Я вовсе не ставлю себя в один ряд с древними, однако по [некоторым своим] заслугам [Я] превзошел их... В древности все [государи] любили Китай и пренебрегали *жунами* и *ди*. Я [же] один люблю [и китайцев и варваров] одинаково, и поэтому самые разные их племена имеют во мне опору, как в отце и матери...» [Цзы чжи тун цзянь 1956: цз. 198, с. 6247].

Литература

Ван Хань-чан, Линь Дай-чжао 1985: *Ван Хань-чан, Линь Дай-чжао*. Чжунго гудай чжэньчи чжиду шилюэ (Краткий очерк политической системы древнего Китая). Пекин.

Вэнь Да-я 1936: *Вэнь Да-я*. Да Тан чуанье цизью чжу (Хроника основания Великой династии Тан). Сер. Цун шу цзи чэн. Шанхай.

Синь Тан шу 1986: *Синь Тан шу* (Новая история династии Тан) / Сост. Оуян Сю. Пекин.

Тай-цзун Ли Вэй-гун вэнь дуй 1936: *Тай-цзун Ли Вэй-гун вэнь дуй* (Диалоги Тай-цзуна и Ли Вэй-гуна). Сер. Ши ши ци шу цзянь и. Шанхай.

Тун дянь 1936: *Тун дянь* (Свод уложений) / Сост. Ду Ю. Шанхай.

Цзы чжи тун цзянь 1956: *Цзы чжи тун цзянь*. (Всепроницающее зеркало, управлению помогающее) / Сост. Сыма Гуан. Т. 6, 7. Пекин.

Чжэнь-гуань чжэн яо 1936: *Чжэнь-гуань чжэн яо* (Основы управления периода Чжэнь-гуань) / Сост. У Цзин. Сер. Сы бу бэй яо. Шанхай.

Чжэнь-гуань чжэн яо 1978: *Чжэнь-гуань чжэн яо*. (Дзе-ган сэй е, Основы управления периода Чжэнь-гуань) / Сост. У Цзин; Пер. на яп. яз. и коммент. Харада Танэсигэ. Сер. Синсяку камбун тайкэй. Токио.

The Seven Military Classics 1993: *The Seven Military Classics of Ancient China*. Tr. and com. By R. D. Sawyer with M. Sayer. Bolder-San Francisco-Oxford.

Traite des Fonctionnaires 1948: *Traite des Fonctionnaires* et traite de l'Armee. Traduits de la Nouvelle Histoire des T'ang. (Chap. XLVI—L). Par R. de Rotours. Vol. 1. Leide, 1947. Vol. 2. Leide.

ЖУНЫ И ДИ, АРИМАСПЫ И АМАЗОНКИ.
(К ВОПРОСУ О ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ИМПУЛЬСЕ В ИСТОРИИ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ КОНЦА II—I ТЫС. ДО Н. Э.)¹

И. В. Пьянков (Великий Новгород)

Конец II—первая половина I тыс. до н. э. — особый, во многом переломный период в истории евразийского степного пояса. Но письменные источники, относящиеся к указанному времени, еще очень слабо освещают эту далекую периферию древней ойкумены, в их неясном свете вырисовываются странные образы, которые, однако, при надлежащей расшифровке оказываются знаками весьма важных, иногда эпохальных для степной истории, событий. В предшествующем томе «Записок ВОРАО» [Пьянков 2002] я говорил о событиях, происходивших в указанное время на крайнем западе степного пояса. Здесь речь пойдет о его крайнем востоке.

В настоящей работе рассматриваются удивительные факты культурных связей, простирающихся на огромные расстояния, и предлагаются возможные объяснения этих фактов. Великий степной пояс, протянувшийся по евразийскому матерiku от Маньчжурии до Дуная, был ареной не только торговых путешествий, совершавшихся по трассе степных ветвей «Шелкового пути», но и передвижений больших масс людей, иногда целых народов. Культурные взаимовлияния могли быть результатом и торговых сношений, и передвижений народов. И не всегда бывает просто установить причину поразительных совпадений тех или иных явлений культуры, засвидетельствованных у противоположных концов великого степного пояса.

К числу таких совпадений относятся некоторые мифографические представления, засвидетельствованные в древнегреческой и древнекитайской литературе. На эти совпадения до сих пор обращали мало внимания и, во всяком случае, не пытались, насколько мне известно, сопоставить их с аналогичными и синхронными явлениями в материальной культуре. Начну с сопоставления литературных данных.

Вот данные греческих источников. Аристей из Проконнеса в VII в. до н. э. совершил путешествие на северо-восток к исседонам до реки Кампас. Ис-

¹ Основные положения этой статьи в краткой тезисной форме мною уже излагались ранее, см.: [Международная конференция 1996: 136, 137, 180—182; 1993: 37—41], см. также: [Пьянков 1995: 35, 36; 1994: 196].

седоны поведали ему о землях, лежащих далее. Рассказ их вкратце таков. За исседонами живут могучие одноглазые люди, которые борются с грифами за золото, а грифы — «звери, похожие на львов, но с крыльями и орлиным клювом». Далее — местность, наполненная перьями, страна, «окутанная густым мраком», вечная зима. Здесь у «Земного запора», т. е. у края земли, из пещеры в Рипейских горах, с которых «никогда не сходит снег», дует северный ветер Борей. Здесь же в вечной тьме обитают смертоносные Горгоны со змеями в косах и три Форкиды, похожие на лебедей. За Рипейскими горами живет мирный народ гипербореев «вплоть до другого моря», а где-то рядом с ними находятся рощи гигантских тростников и племя гемикинов («полупсов») — людей с собачьими головами. Общее направление — север и восток². О самом Аристее рассказывали, что душа его могла покидать тело и парить в воздухе, обозревая все страны и народы³.

А вот данные китайских источников. Чжоуский Му-ван в X в. до н. э. предпринял знаменитый поход на запад против цюань-жунов. Рассказывали, что он достиг крайних на западе и севере стран, хотя в действительности он вряд ли ходил далее земель цюань-жунов, а о лежащих за ними странах и народах сообщали, скорее всего, то, что удавалось узнать от тех же цюань-жунов. Рассказ о землях, расположенных в направлении походов Му-вана, вкратце таков. Ближайшее к китайцам на западе племя — это цюань-жуны («собачьи жуны»). Это вполне реальный народ, но в китайских мифах он выступает как сказочное племя песьеголовых людей. В их стране, в Великой пустыне, находится и роща огромных бамбуков. За собачьими жунами обитают свирепые одноглазые люди, рядом с ними — крылатый тигр, нападающий на людей. Далее — Гусиные ворота, т. е. северный предел обитаемого мира, страна Великой Тьмы и Дракон-Светильник в горах, выдыхающий ветер и зиму. Здесь же — пучина перьев и Нефритовая гора, куда заходит солнце и где в пещере живет насылающая болезни Хозяйка Запада с всклокоченными волосами, у которой в услужении — три птицы. Общее направление — запад и север⁴. О Му-ване рассказывали также, что из далекой западной страны к нему прибыл колдун, с помощью которого душа его временно покинула тело, взмыла в небо и там обозревала земные и небесные дворцы⁵.

В основе той и другой системы представлений лежит специфический вариант т. н. «Северного цикла» сказаний, связанный с шаманским ритуалом. Этот цикл чужд грекам и китайцам, те и другие, указывая его «адрес», имеют в виду евразийский степной пояс, но облачают его в греческие и китайские одеяния. «Северный цикл» в целом проанализирован Г. М. Бонгардом-Левиным и Э. А. Грантовским. Ими сделан вывод: цикл отражает скифские, шире — общеиндоиранские представления [Бонгард-Левин, Грантовский 1983: 151—153]. Однако некоторые моменты застав-

² Реконструкцию и анализ рассказа Аристея см.: [Bolton 1962: 39—118].

³ О традиции «странствия души» Аристея см.: [Bolton 1962: 133—175].

⁴ Изложение китайских рассказов о западных и северных окраинных землях см.: [Юань Кэ 1987: 22—24, 31, 35, 120, 154—157, 192—208].

⁵ Сказание о «путешествии души» Му-вана см.: [Юань Кэ 1987: 242—244].

ляют внести коррективы — выделить «аристеевский» вариант цикла, который отражает представления исседонов и находит параллели в соответствующих сюжетах китайских мифов, возможно воспроизводящих в какой-то мере представления цюань-жунов⁶. Эти последние, восточные, версии «аристеевского» варианта «Северного цикла» восходят к более раннему времени, в некоторых чертах они архаичнее и, видимо, оригинальнее западных, так как ближе к фольклорным прототипам. В то же время, они носят явные следы влияния западной, собственно «аристеевской», версии. Все это вместе представляет собой крайне запутанную, весьма сложную для анализа картину, которая требует отдельного, специального исследования.

Подлинно фольклорное происхождение рассматриваемого цикла, равно как и адрес творцов его фольклорной основы — евразийские степи, подтверждается исследованием обстоятельств, при которых сказания этого цикла попали к грекам — с одной стороны, к китайцам — с другой.

Реальность путешествия Аристея признается большинством исследователей⁷. Большинство исследователей в настоящее время согласны и с тем, что исседоны во времена Аристея обитали в степях и лесостепях Южного Урала и Зауралья, где протекала их река Кампас (Тобол или Ишим)⁸. Правда, направление, которое подразумевалось в переданном Аристеем рассказе исседонов о землях, лежащих за исседонами, определялось учеными по-разному. Одни считали его северным, и тогда в «другом море» видели Северный Ледовитый океан, другие — восточным, и тогда под «другим морем» имели в виду Тихий океан. Для «аристеевского» варианта следует предпочесть второе определение, и в таком случае снежные Рипейские горы будут Алтаем, «Земной запор» — Джунгарскими воротами, а гиперборей — китайцами, смутные сведения о которых Аристей истолковал в духе традиционных греческих представлений о «счастливым» народе — гиперборейцах, обитающих на краю земли [Bolton 1962: 93—101, 114—118].

Нет никаких оснований сомневаться и в подлинности похода Му-вана против цюань-жунов, хотя часть повествования о путешествии этого царя и могла быть составлена по образцу описания похода Улинь-вана (конец IV в. до н. э.) [Кравцова 1992: 354—363; Кляшторный, Султанов 2000: 55]. Китайцы находились в сношениях со своими соседями цюань-жунами, по крайней мере, с XII в. до н. э. [Думан 1970: 15, 16, 19, 20, 29, 30]. Этот народ занимал тогда обширные территории от Кукунора, верховьев Хуанхэ и Янцзыцзяна (провинция Цинхай) до излучины Хуанхэ (провин-

⁶ Попытка выделить этот вариант «Северного цикла» была предпринята мною [Пьянков 1978: 44—48].

⁷ Итог исследованию проблемы подвел Дж. Болтон, и он же убедительно показал достоверность традиции о путешествии Аристея к исседонам [Bolton 1962: 104—141]. Из числа старых работ, посвященных Аристее и его путешествию, необходимо отметить также труды В. Томашека [Tomaschek 1888] и Э. Д. Филлипса [Phillips 1955—1957]. Гиперкритический настрой по отношению к традиции об Аристее [Иванчик 1989: 29—49] мне кажется совершенно необоснованным. О времени Аристея см.: [Щеглов 2001: 5—12].

⁸ О пути Аристея к исседонам см.: [Пьянков 1978а: 184—190].

ция Шэньси) [Фань Вэнь-лань 1958: 137]. По их землям (в провинции Ганьсу) и проходила дорога, ведущая от столицы Чжоуского государства в Центральную Азию; не случайно китайские мифы помещали к западу от них «Дядю больших путешествий» [Каталог 1977: 106]. В Шэньси находились также Бамбуковые гора и река [Каталог 1977: 144].

Очень похожая картина — в материальной культуре евразийского степного пояса того же времени, хотя археологи, уже давно и очень тщательно исследующие аналогичные процессы в этой сфере, кажется, и не подозревают, что предмет их исследований имеет столь близкие соответствия в области фольклорных традиций и мировоззрения. Многие явления в сфере материальной культуры, согласно наиболее убедительным толкованиям, имели истоки в юго-восточной части Центральной Азии, оказывали влияние на Китай и одновременно распространялись на запад.

Яркие примеры в этом отношении дают памятники карасукской культуры (XII—VIII вв. до н. э.). Сформировавшись в области Ордоса и примыкающих к нему местностях, в непосредственном соседстве с коренными китайскими землями [Киселев 1951: 177—183; Новгородова 1970: 10—32, 176; 1989: 120—130], карасукская культурная общность⁹, с одной стороны, оказала влияние на культуру Китая в периоды Шан-Инь и Чжоу, с другой — продвинулась на огромные расстояния в северном и западном направлениях. В результате там формируется ряд «карасукоидных» культур, таких как дандыбай-бегазинская (XI—VIII вв. до н. э.) в Центральном Казахстане [Маргулан 1979], тагискенская (памятники Северного Тагискена) (X—VIII вв. до н. э.) в древних низовьях Сырдарьи [Толстов 1962: 80—86]¹⁰. На пути продвижения карасукских культурных элементов из Центральной Азии на запад могут указывать и петроглифы этого времени: долина Иртыша к югу от Алтая, Восточный и Центральный Казахстан, Семиречье [Древние культуры 1994: 135, 136].

Карасукская керамика обнаружена на Нижней Волге, что свидетельствует о непосредственном проникновении носителей карасукской культуры далеко на запад [Мелентьев 1975: 39—43]. Подобная же керамика своеобразных форм, лощеная, часто с белой инкрустацией, известна на Северном Кавказе вплоть до дельты Дона [Степи 1989: 150, 151] и в Восточном Закавказье [Погребова 1977: 108—111], где появляется одновременно с китайскими керамическими формами периода Шан-Инь [Погребова 1977: 90—93].

Знаменитые карасукские бронзы, происхождение которых послужило темой для длительной и упорной дискуссии, тоже, если следовать наиболее аргументированной и логически обоснованной точке зрения, древнейшие свои прототипы имели в области Ордоса и соседних местностях, откуда они, с одной стороны, поступали в Китай периода Шан-Инь [Новгородова 1970: 65—124, 176; 1989: 122—139; Васильев 1976: 273, 274], с

⁹ Об открытых недавно комплексах культуры ордосских бронз, послужившей исходным центральноазиатским ядром карасукской культуры, см.: [Международная конференция 1996: 3—6].

¹⁰ О карасукском компоненте в составе этих культур см.: [Грязнов 1970: 42; Степная полоса 1992: 34—36].

другой — распространялись по степному поясу с востока на запад (хотя существуют и иные точки зрения относительно направления их распространения), проникая в очень отдаленные места: Северный Кавказ и Волго-Камье, Северное Причерноморье [Степи 1989: 14; Членова 1976].

Нефрит, столь популярный в Китае с эпохи Шан-Инь, доставлялся в Китай из области Хотана [Xingu Liu 2001: 117], на запад же, вплоть до Волго-Камья, нефрит в виде белонеприродных колец проложил себе путь еще в предшествующую эпоху, при этом изделия из нефрита сопровождалась изделиями из бронзы, тоже соединяющими эти отдаленные западные регионы с Китаем [Киселев 1951: 145, 146; Матюшенко 1999: 132].

Карасукские традиции продолжали археологические культуры восточной части «скифо-сибирского мира» (с VIII в. до н. э.) [Мошкова 1994: 92, 93] с их «скифской триадой»¹¹, начиная с такого памятника, как Аржан в Туве [Грязнов 1970а]. Эти памятники, включая культуры исторических саков, явились, видимо, прямым продолжением дандыбай-бегазинской культуры, а памятники приаральских кочевников, исторических массагетов — еще и наследниками культуры Северного Тагискена¹². Культуры «скифо-сибирского мира», сохраняя старые центральноазиатские традиции, продолжали в то же время испытывать мощное культурное воздействие, шедшее с востока [Международный круглый стол 1994: 67, 69].

Еще в большей степени карасукское наследие сохранили две, возможно родственные, культуры: плиточных могил (VIII в. до н. э.—II в. н. э.), распространенная на огромной территории Центральной и Восточной Монголии (включая Гоби), Забайкалья и Прибайкалья, и тасмолинская (VII—III вв. до н. э., а возможно — и до рубежа эр, если включить в нее коргантасские памятники) в Центральном Казахстане¹³.

Карасукские традиции продолжали и знаменитые «оленные камни»¹⁴. Появившись в карасукскую эпоху, возможно, на юго-востоке Центральной Азии [Международная конференция 1996: 3, 4], они уже в XII (XIII?) в. до н. э. сооружаются в Западной Монголии, в Туве и на Алтае, а также, видимо, и в Восточной Монголии и Забайкалье (отметим, однако, что в датировке этих памятников, особенно ранней, среди специалистов нет полного согласия). С началом «скифо-сибирской» эпохи, в VIII в. до н. э., эти памятники приобретают новые черты, начинают распространяться в западном направлении и, еще раз сменив свой тип, примерно к середине VII в. до н. э. охватывают огромную территорию евразийских степей и прилегающей к ним полосы — от Волго-Камья до Северного Кавказа и вплоть до Западного Причерноморья, древней Фракии, на западе [Новгородова 1989: 174, 185, 191, 198, 199, 201, 320, 345; Степная полоса 1992: 165, 166, 194, 195].

¹¹ О «скифо-сибирском мире» в целом см., например: [Скифо-Сибирский мир 1987].

¹² О формировании скифских культур востока Евразии см.: [Кызласов 1977: 71—77].

¹³ О карасукском наследии в этих культурах см.: [Степная полоса 1992: 249; Мошкова 1994: 93, 94].

¹⁴ Об «оленных камнях» см.: [Членова 1984; Савинов 1994]. О семантике «оленных камней» см.: [Аджигалиев 1994: 135—140].

Особенно полную аналогию «Северному циклу» представляет искусство «звериного стиля», породившее столько споров в науке¹⁵. Зародилось оно на юго-востоке Центральной Азии в карасукское время [Савинов 1998: 132—136]. Оказывало влияние на иньское и раннечжоуское искусство. С началом «скифо-сибирской» эпохи, в VIII в. до н. э., оно приняло свои классические формы, в их пределах один, ранний тип (Аржан) сменился другим, более поздним (Майэмир-Келермес), который и стал распространяться на запад, в середине VII в. до н. э. был воспринят скифами и киммерийцами и уже благодаря им обогащен греческими и переднеазиатскими элементами. Происхождение искусства «звериного стиля» — сложнейшая проблема, которой посвящена обширная научная литература. Я в данном случае придерживаюсь той трактовки этой проблемы, которая кажется мне наиболее убедительной и обоснованной фактами, и излагаю ее в той мере, какая необходима в контексте рассматриваемой здесь темы.

Приведенными примерами не исчерпываются свидетельства о поразительно широком и интенсивном взаимодействии культур в евразийской полосе степей рассматриваемого времени, когда те или иные феномены духовной и материальной культуры, зародившись в одном месте великого степного пояса — в данном случае чаще у его юго-восточной оконечности, — затем относительно быстро распространяются на всем его протяжении, иногда захватывая и цивилизации, находящиеся у противоположных концов этого пояса. Что стоит за этим удивительным явлением? Ясно, что в большинстве случаев его не объяснить одними культурными влияниями или торговым обменом. Поэтому на первых порах его стали прямо соотносить с передвижениями степных народов. Так, появление в Северном Причерноморье центральноазиатских элементов материальной культуры объясняли приходом сюда скифов — будто бы «из глубин Азии» [Тереножкин 1976: 210, 211; ср.: 1970: 300].

Однако вскоре выяснилось, что полного соответствия комплекса этих элементов реальным историческим скифам никак не получается: комплекс этот явно был свойствен не одним только скифам, и наоборот, скифы отнюдь не всегда были носителями данного комплекса. Поэтому большинство отечественных археологов придерживаются ныне того мнения, что все указанные новообразования в культуре евразийского степного пояса, «скифская триада» вообще, «звериный стиль» в частности и т. д., обязаны определенному этапу в развитии кочевого общества, когда, в частности, такому обществу потребовалась особая социальная маркировка для представителей кочевой элиты; при этом считают, что новые элементы или вообще независимо вызревали в разных культурах «скифо-сибирского мира» [Грязнов 1970а: 57—60], или формировались все же под влиянием какой-то общей культурной и этнической основы (под последней обычно имеются в виду древнейшие индоиранские племена) [Степная полоса 1992: 44; Мошкова 1994: 90—94] и даже внешних культурных заимство-

¹⁵ О «зверином стиле» см.: [Скифо-Сибирский звериный стиль 1976; Переводчикова 1994].

ваний — то ли из Центральной (так считают большинство исследователей), то ли из Передней Азии (обоснование последней точки зрения см.: [Погребова, Раевский 1992: 159—163]).

Разумеется, судьбу культурных явлений, фольклорных сюжетов и стилей искусства, типов оружия и конского снаряжения нельзя прямо проектировать на этническую историю. Нельзя по признаку присутствия или отсутствия элементов «скифской триады» определить, например, принадлежит ли данный памятник скифам или киммерийцам. Между прочим, археологи часто делают отсюда вывод, что скифы и киммерийцы археологически неразличимы и что вообще археология дает мало выразительного материала для этнической истории степей раннего железного века. Мне кажется, что археологи в пылу полемики по поводу происхождения отдельных элементов «скифской триады», «звериного стиля» и т. п. просто забыли, что основной археологический признак этноса (особенно когда речь идет о кочевниках) — погребальный обряд. И если бы археологи для выводов в области этнической истории данной эпохи положили в основу именно этот признак, то представшая перед нами картина смены одних племен другими в степной зоне Евразии для эпохи раннего железа оказалась бы не менее яркой и отчетливой, чем для предшествующих и последующих эпох.

Но и объяснения со ссылкой на новый общий для степных племен этап развития не убеждают. В таких объяснениях заметна типичная для отечественной науки советского времени тенденция истолковывать любые существенные изменения, происходящие в обществе и в сфере культуры, как результат закономерностей «стадиального» развития. При этом типологические, действительно стадиальные, изменения постоянно смешивались с конкретно-историческими. Так и в данном случае. Непонятно, зачем кочевникам на новом этапе истории надо было менять типы оружия и конского снаряжения, отказываться от явно традиционной для древнейших индоиранцев аниконичности в искусстве и т. д. Та же принципиальная аниконичность свойственна отдельным народам и конфессиям совершенно независимо от стадий развития и является несомненно индивидуальным, конкретно-историческим феноменом. Трудно представить, чтобы кочевая знать, отличавшаяся ревностной приверженностью к обычаям предков и враждебностью к чуждым культурным влияниям (пример из истории скифов: Hdt. IV, 76—80), почему-то пошла бы на тотальную и внезапную смену традиций.

Очевидно, такая смена и объясняться должна какими-то конкретно-историческими событиями большой значимости. И в данном случае ее трудно было бы объяснить чем-либо иным, кроме как крупным передвижением племен в зоне евразийских степей. Все отмеченные факты наводят на мысль о каких-то мощных импульсах, обусловивших довольно быстрое распространение племен из глубин Центральной Азии, из сопредельных с китайцами степей, практически по всему степному поясу, может быть, несколькими волнами, на протяжении XII—VII вв. до н. э. (причем подобные нашествия могли иметь место также и в более ранние времена).

Таким образом, похоже, что в данном случае стимулом послужили все-таки события этнической истории, **передвижения племен**. Не следует лишь жестко соотносить новые элементы культуры с тем или иным степным этносом в целом. Инициаторами передвижений были, видимо, большей частью не народы, а сравнительно небольшие группы, быстро растворявшиеся среди местного населения, хотя сфера их воздействия была намного шире территории и времени их физического присутствия. Всего таких волн в пределах указанного времени прослеживается три: одна из них увязывается еще с карасукской эпохой (XII—X вв. до н. э.), две другие — со «скифо-сибирской» (VIII и VII вв. до н. э., первая из этих двух волн датируется иногда и X—VIII вв. до н. э.) [Мошкова 1994: 91; Мурзин 1990: 25—27]¹⁶. Что касается этнической природы упомянутых племенных волн, то обычно их считают, соответственно, некими древними индоиранцами, «протоскифами» и, наконец, собственно скифами.

Эпицентр распространения кочевнических волн по степному поясу, как уже отмечалось, должен был находиться где-то у юго-восточного края этого пояса, по соседству с коренными китайскими землями. Что же говорят нам об этом регионе письменные источники?¹⁷

Из китайских источников выясняется, что указанные кочевнические волны, фиксируемые археологическими источниками, удивительно точно совпадают с периодами активизации и широкого расселения племен жун и ди.

Мы узнаём, что как раз к началу XII в. до н. э. имеет место активизация степных племен этого региона, именуемых в поздних китайских источниках собирательным названием «жун-ди» (хотя начало сношений с ними китайская традиция относит к незапамятным временам мифических первых владык Китая): чжоусцы отступают под их натиском, иньцы совершают походы на эти же племена, называя их в своих надписях, современных событиям, племенами «цян». Выступают в это время и отдельные конкретные племена, и прежде всего уже упомянутое могущественное племя цюань-жунов, бывшее союзником иньцев и врагом первых чжоуских ванов. Самый значительный поход против них совершил Му-ван (первая половина X в. до н. э.). Однако после этого «степные повинности», т. е. контакты китайцев со степняками, прекратились.

Новый подъем активности степных соседей Китая начинается с конца IX в. до н. э. Вновь на Китай с запада, в основном из Ганьсу, наступают жуны, и в том числе опять-таки цюань-жуны; напор их был так силен, что чжоуские ваны вынуждены были перенести свою столицу на восток (771 до н. э.), и жуны расселились во многих центральных областях Ки-

¹⁶ Подобные мысли о том, что представляли собой племенные группы переносчиков восточных, центральноазиатских элементов культуры на огромные расстояния евразийских степей высказывали и другие исследователи, например Л. С. Васильев [Васильев 1976: 320] — о карасукской эпохе, В. Г. Петренко [Международный «круглый стол» 1994: 68] — о скифском времени.

¹⁷ О взаимоотношениях китайцев с кочевыми соседями в интересующее нас время см.: [Prušek 1971; Крюков и др. 1978: 176—183]. Соответствующие указания источников см.: [Сыма Цянь 1972—1975].

тая. Основная тяжесть борьбы с жунами выпала на долю самого западного из китайских княжеств, княжества Цинь, и его гуны с конца VII в. до н. э. постепенно вытесняют жунов из занятых ими земель.

Несколько позже жунов, с середины VII в. до н. э., с севера, из Ордоса, на Китай наступают степные племена ди. Они вмешиваются в распри чжоуских ванов, становясь фактическими хозяевами их восточной столицы, и тоже расселяются на Китайской равнине, разделившись на две части: красных ди и белых ди. Здесь с ними боролись гуны самого северного из китайских княжеств, княжества Цзинь, и в результате племена ди, потерпев ряд поражений, были замирены в VI в. до н. э. и постепенно стали оседать, ассимилируясь с китайцами.

Скорее всего, именно тогда, в VII—VI вв. до н. э. или несколько ранее, происходит распространение красных ди (они же дили) по степному поясу, где они стали известны как динлины¹⁸. Позднее, со II в. до н. э., китайские источники знают их в основном в центральной, вплоть до Хангая на западе, и восточной частях Внешней Монголии, включая Забайкалье, а кроме того, и в Западной Монголии и верховьях Енисея, где они жили смешанно с древними кыргызами; отдельная группа их обитала на западе, в Центральном и Северо-Восточном Казахстане, к северу и северо-востоку от древнего Канга¹⁹.

Эти факты позволяют думать, что экспансия жунов и ди распространялась не только на их восточных соседей, китайцев, но и в западном направлении. К сожалению, место и время связанных с этим направлением событий, удаленных от западных центров цивилизации, а отчасти и быстротечность их, были причиной того, что в западных письменных источниках сохранились лишь намеки на них или неясные воспоминания в виде легенд. Это легенды о двух полумифических народах — аримаспах и амазонках.

«Аримаспы» — скифское название аристеевых «одноглазых» (Hdt. IV, 27)²⁰. Дж. Болтон, который собрал и проанализировал сведения аристеевой традиции об этом народе [Bolton 1962: 74—102, 114—118], показал, что в основе этих сведений лежат известия о вполне реальном народе. Так, впрочем, считали и большинство исследователей до него. Демонические черты, присвоенные этому народу фольклором соседей, страдавших от его набегов, вполне понятны и находят множество фольклорных ана-

¹⁸ Следует заметить, что это событие — уход красных ди из Ордоса на север, за пустыню Гоби, датируется исследователями очень по-разному: от карасукского времени до IV в. н. э.

¹⁹ Сводку свидетельств источников о местообитании динлинов см.: [Лев Николаевич Гумилев 2002: 201, 202]. Соответствующие указания источников см.: [Бичурин 1950: т. I; Кюнер 1961; Материалы по истории сюнну 1968—1973]. О локализации динлинов в отечественной науке см.: [Лев Николаевич Гумилев 2002: 201]. Локализация, предложенная О. Менчен-Хелфеном в его специальной работе о динлинах [Maenchen-Helfen 1939: 77—86], кажется мне совершенно неудовлетворительной: из всех указаний источников на местообитание динлинов он почему-то выбрал самый туманный, а остальные фактически проигнорировал.

²⁰ Существует много этимологий этого названия, но уже давно предложено толкование, подтверждающее объяснение Геродотом слова «аримаспы» как скифского эквивалента для слова «одноглазые», см.: [Marquart 1905: 90—93].

логий. Связь аримаспов с грифами и «золотом грифов» в аристеевском цикле сказаний позволяет локализовать аримаспов в долине Верхнего Иртыша, у озера Зайсан и далее на юг, до озера Алакуль [Bolton 1962: 118], а указания на соседство этого народа с Рипейскими горами и «Земным запором» снабжают нас и дополнительными ориентирами: Алтай и вся цепь хребтов с Джунгарскими воротами, отделяющих казахстанские степи от Центральной Азии [Bolton 1962: 94—96, 115]. Примерно так же, от Алтая, Тяньшаня, Прибалхашья и до Монголии, локализовали аримаспов В. Томашек [Tomaschek 1888: 759, 777] и Э. Д. Филлипс [Phillips 1957: 161, 162, 173, 174]. В Центральном и Северо-Восточном Казахстане вплоть до Алтая обычно помещают аримаспов с грифами и археологи [Черников 1960: 117; Руденко 1960: 175—176] (см. также: [Членова 1983: 21—36]). С другой же стороны аримаспы граничат с гиперборейцами, под которыми, как уже говорилось, имелись в виду в данном случае китайцы. Все это позволяет предполагать, что в предании об аримаспах отразились известия о передовых группах жунов, вышедших на западе в поле зрения западных источников²¹. Западные же пределы известного китайцам мира в рассматриваемое время не достигали этих земель, на крайнем западе китайским источникам тогда было известно лишь жуновское государство Кунью (в области Хами), современное первым правителям Чжоу (рубеж II и I тыс. до н. э.) [Малявкин 1981: 161]. Но от оазиса Хами ведут дороги и к Джунгарским воротам, и к верховьям Иртыша.

По этим дорогам и продвигались «конные рати» аримаспов (Aesch. *Prom. vinc.* 804, 805) — жунов, наводя ужас на западных соседей, у которых прослыли «многочисленными и весьма храбрыми воинами», «самыми могучими из всех мужей» (Aristeas fr. 3, 4 Kinkel). Своими «постоянными набегами» именно они и вызвали цепную реакцию переселений степных народов, начиная с исседонов (Aristeas fr. 5 Kinkel). Та же молва наделила их и чертами демонов — «одноглазием» и «косматостью». Однако эти сказочные черты содержат и зерна реальности. Об «одноглазии» аримаспов я еще буду говорить, что же касается описания их как существ с «косматыми волосами (шерстью)» (Aristeas fr. 4 Kinkel), то оно перекликается со стандартной характеристикой западных жунов в китайских источниках: «ходят с распущенными волосами и одеваются в шкуры» [Народы... 1965: 136; Крюков 1970: 39]. В остальном аримаспы выглядят как вполне реальный скотоводческий народ, «богатый конями, множеством овец и быков» (Aristeas fr. 3 Kinkel). Соответственно, и жуны характеризуются в китайских источниках как степные скотоводы («по грудь в траве»), искусные наездники и стрелки, обладающие разномастными скакунами и стадами овец, пренебрегающие земледелием и оседлой жизнью (см.: [Юань Кэ 1987: 337, 206; Сыма Цянь 1972, т. I: 181, 182; т. II; 1975: 147, 405; Материалы по истории кочевых народов 1992: 287; Кюннер 1961: 206, 308] и др.).

²¹ В. Томашек отождествлял аримаспов с хуннами [Tomaschek 1888: 757—759]. Но правильнее считать аримаспов предшественниками хуннов [Kothe 1963: 13], а этими предшественниками и были жуны. Прямые предки хуннов, видимо, обитали тогда еще в Южной Маньчжурии [Международная конференция... 1996: 60, 62].

Вместе с тем китайцам был известен и мифологический образ «одноглазых» людей, очень похожих на античных волосатых аримаспов, борющихся с грифами. Разница лишь в том, что свирепые животные — аналоги античных грифов, жившие рядом с китайскими «одноглазыми», были крылатыми тиграми, а не крылатыми львами (как грифы), но они так же бросались на людей, прикрывавшихся от них длинными волосами [Юань Кэ 1987: 68, 202, 279, 280, 335].

Скифские амазонки — другой полумифический народ, сведения о котором связаны с продвижением на запад центральноазиатских племенных групп. Сведения эти собрал и проанализировал Б. Н. Граков, показав, что в основе их могут лежать воспоминания о действительных событиях: движении кочевников в причерноморских степях с востока на запад, к Дунаю и далее, в период с рубежа II и I тыс. до н. э. и до VII в. до н. э. [Граков 1977: 103—109, 152, 153]. Эти кочевники ассоциировались в представлении греков с весьма популярным среди них сказочным образом амазонок, несомненно, по причине особого положения женщин у кочевников, о которых идет речь. И хотя на последних были перенесены многие сказочные черты амазонок, а рассказы об их походах иногда дублируют рассказы о походах скифов и киммерийцев, все же не заметить реальное историческое ядро в сообщениях о скифских «амазонках» невозможно. Вполне реалистично описывает Геродот внезапное появление амазонок среди скифов у Кремн на побережье Меотиды (Азовского моря), — племени, чуждого скифам по всему своему облику и обычаям, и последующее формирование народа савроматов из смешения скифов и амазонок где-то к северо-востоку от Меотиды и Танаиса (Дона) (Hdt. IV, 110—117). Судя по тому, что скифы здесь обитают уже в Северном Причерноморье, события эти имели место после набегов аримаспов, приведших, в конечном счете, к переселению скифов в причерноморские степи. Аристей же, по-видимому, сам застал этих скифских «амазонок» в Колхиде, на реке Фасис (Рион), когда возвращался от исседонов на родину через один из кавказских перевалов у истоков реки Буйной (Кубань) (Aesch. *Prom. vinct.* 717—728, 416, 417; fr. 155 Radt) [Пьянков 1978а: 186] — по этому проходу «амазонки», скорее всего, и проникли из предкавказских степей на юг; в то же время, Аристей знал об амазонках и на Истре (Дунай) (Aesch. fr. 155 Radt), и за этой рекой, у Салмидесской бухты на черноморском побережье Фракии (Aesch. *Prom. vinct.* 725—727).

Время Аристея и наступления «амазонок» — VII в. до н. э. На другом конце степного пояса, по соседству с китайцами, — это, как мы знаем, время активизации племен ди. Можно ли обнаружить «амазонские» черты у этих племен? В китайских мифах фигурируют «храбрые охотницы-прорицательницы», упоминаются горы и реки дев-«охотниц-прорицательниц» — все они локализуются в провинции Шаньси по течению реки Фэнь [Каталог 1977: 58, 61, 63, 64, 108, 161, 165]. Но именно в этих местах и оседали больше всего красные ди [Фань Вэнь-лань 1958: 137, 138].

Теперь можно сопоставить оба ряда свидетельств — археологических и письменных. И те и другие говорят о трех волнах кочевнической экспансии из одного эпицентра — крайней юго-восточной части Централь-

ной Азии, включающей Ордос, Ганьсу, верховья Хуанхэ и Янцзыцзяна, в пределах рассматриваемого времени, XII—VII вв. до н. э. Первая волна: первая активизация племен жун и карасукская экспансия, с XII (XIII?) в. до н. э. Вторая волна: вторая активизация племен жун и первая «скифо-сибирская» инвазия, VIII (и IX?) в. до н. э. Третья волна: расселение племен ди и вторая «скифо-сибирская» инвазия, VII (и VIII?) в. до н. э. Эти соответствия позволяют реконструировать гипотетический ход событий в евразийских степях за указанный промежуток времени следующим образом.

Племена жун, активно взаимодействовавшие с последними иньскими и первыми чжоускими ванами в конце II—начале I тыс. до н. э., на западе были инициаторами первой кочевнической волны. Очевидно, их и следует считать носителями карасукской культуры и карасукских элементов в дандыбай-бегазинской и тагискенской культурах. Поскольку есть основания признать в создателях памятников Северного Тагискена туров Канга и царства Франграссьяна (Афрасиаба) [История таджикского народа 1998: 243, 244; Пьянков 2001: 337, 338], появляется возможность сделать следующий шаг в археологическом определении туров: туров можно считать носителями двух последних «карасукоидных» культур²².

В качестве примеров интенсивной экспансии карасукской культуры выше были приведены факты чрезвычайно широкого распространения и в восточном, и в западном направлениях карасукских бронз (главным образом оружия) и изделий из нефрита (белонефритовых колец). Есть ли возможность связать эти изделия с жунами? Известно, что, когда Му-ван воевал с цюань-жунами, жуны Кунью (Хами) поднесли ему «красный меч» [Бичурин 1950—1953, III: 57]. Надо думать, что когда жуны были союзниками иньских ванаов в их борьбе с чжоусцами, таких даров в Китай периода Шань-Инь поступало много. Отсюда — бронзовое оружие карасукских форм в Китае этого времени. Сообщается также, что западные жуны делали приношения из белых колец в Китай с древнейших времен до эпохи Чжоу [Кюннер 1961: 227]. Следует отметить, что «дань», которую приносили жуны в эпоху Шан-Инь, относилась к числу произведений их собственной страны [Думан 1970: 18, 26, 29, 30, 32]. На связь карасукских памятников с жунами указывает еще и такой любопытный факт: на петроглифах Тувы этого времени встречаются изображения шаманов в масках с рогатыми уборами [Грач 1980: 91], а в китайских мифах жуны имеют головы с тремя рогами [Каталог 1977: 107].

Археологическая идентификация племен жун и тура дает возможность реконструировать дальнейший ход событий в евразийских степях. Видимо, в среде туров-дандыбайбегазинцев в VIII в. до н. э. (или в конце IX в. до н. э.) происходят какие-то существенные сдвиги, — может быть, вследствие нового наплыва с юго-востока, от китайского пограничья, жунов, принесших с собой древнейший вариант «скифо-сибирского» искусства «звериного стиля». В результате создается новый мощный союз племен; в числе его вождей, наверное, были хозяева кургана Аржан. Очевидно, эти племена и являлись создателями самых ранних культур «ски-

²² Сводку сведений о племенах тура см.: [Ажигали 2001: 11, 12].

фо-сибирского» мира с уже сложившейся «скифской триадой». Скорее всего, именно об этих племенах до Аристея доходили слухи в виде рассказов о сказочных «одноглазых» людях, известных позже как аримаспы²³. Племена этой общности на протяжении VIII—VII вв. до н. э. широко расселяются в соседних областях, где в результате формируются культуры исторических саков: в Семиречье и на Тяньшане (Бешпатыр), в верховьях Иртыша (Чиликта) и на Алтае (Майэмир), в Туве (Аржан). В Приаралье (Уйгарак) формируются тогда же в качестве наследниц туровтагискенцев культуры исторических массагетов. На востоке в это же время, в конце IX—VIII вв. до н. э., племена жун наступают на чжоусцев, заставив их ванов перенести свою столицу на восток. С этим движением связана первая «скифо-сибирская» инвазия на запад — распространение памятников черногогорского круга в степях Поволжья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья (Высокая Могила). В это время, по-видимому, скифы и были сначала сдвинуты на запад с исконных мест своего обитания — а таковыми были, судя по ряду признаков (останавливаться на которых мы здесь, к сожалению, не имеем возможности), степи Южного Урала и Зауралья — их восточными соседями исседонами, а затем окончательно вытеснены за реку Аракс (Волгу) массагетами.

Третья волна кочевнической экспансии, если исходить из предложенной схемы, связана с племенами ди. Началась она, видимо, с переселения красных ди на север и сложения народа динлин во Внешней Монголии в VII или VIII вв. до н. э. События эти точно совпадают и по территории, и по времени с формированием культуры плиточных могил [Лев Николаевич Гумилев 2002: 202]. Продвижение динлинов на запад и сложение западной их группы в Центральном Казахстане в VII в. до н. э. привело, видимо, к формированию тасмолинской культуры. Возможно, это последнее событие и явилось причиной вытеснения дандыбай-бегазинцев или их наследников из Центрального Казахстана; во всяком случае, здесь их сменяют тасмолинцы. На востоке середина VII—начало VI в. до н. э. — время активного взаимодействия племен ди с гунами китайских княжеств. Расселение племен ди на запад в середине VII в. до н. э., согласно той же схеме, должно быть связано с экспансией легендарных амазонок — «храбрых охотниц-прорицательниц» китайских источников и со второй «скифо-сибирской» инвазией, которая привела, наконец, к сложению в Причерноморье «скифской» культуры с полным набором «скифской триады» (хотя скифы здесь присутствовали, несомненно, и ранее). Но появление «амазонок» в Причерноморье привело также к сложению действительно нового народа — савроматов. Заметим, что предания о вытеснении скифов исседонами и массагетами как их непосредственными соседями подразумевают, что савроматов, позднее отделивших скифов и от исседонов, и от массагетов, тогда еще не существовало.

Засвидетельствованы ли «амазонки» в степях археологически? По словам самих археологов, связанные с амазонками «сведения письменных ис-

²³ С Алтайско-Саянским «сакральным центром» и современной Аристею алдыбельской культурой связывает аримаспов Д. А. Мачинский [Мачинский 1997; 2001: 104, 105; Мачинский, Чугунов 1998: 186, 187].

точников об особой роли женщин в савроматском обществе блестяще подтверждаются археологическими данными» [Степи 1989: 169]. Погребения «амазонок» — вооруженных всадниц, сопровождаемых каменными жертвенниками и зеркалами, появляются сначала на востоке «скифо-сибирского» мира, в пределах тасмолинской культуры (VII—VI вв. до н. э.) [Степная полоса 1992: 135] и на Алтае [Степная полоса 1992: 165], затем на Южном Урале, в Зауралье и в Поволжье (VI—IV вв. до н. э.) и еще позже — в Северном Причерноморье [Степи 1989: 169]. Такое погребение известно и на Северном Кавказе (Каменноостский могильник, VII в. до н. э.) [Виноградов 1966: 52], вполне возможно, что оно принадлежало одной из тех кавказских амазонок, о которых говорил Аристей и которых, по-видимому, он сам встретил на одном из кавказских перевалов.

Каменные жертвенники-блюда и зеркала являются теми вещами «скифо-сибирского» круга периода второй инвазии, восточное, центральноазиатское, происхождение которых считается бесспорным [Погребова, Раевский 1992: 71; Мурзин 1990: 27]. Каменные жертвенники разных форм, иногда в виде плит, украшенных изображением бараньей головы, распространенные в основном в восточных областях «скифо-сибирского» мира, имели несомненно культовое предназначение и использовались для совершения разных обрядов [Степная полоса 1992: 41, 80, 132, 133, 137, 290, 299, 300, 305, 309; Степи 1989: 168], в том числе, возможно, и для гадания, например, для очень распространенного у многих народов гадания по печени овцы. Так что понятно, почему амазонки могли быть названы и «прорицательницами». Не случайно в китайских мифах помещены куда-то недалеко от Страны женщин две шаманки, одна из которых держит в руках доску для рубки жертвенного мяса [Юань Кэ 1987: 208, 337].

В качестве примеров дальнейшей экспансии отдельных элементов центральноазиатской степной культуры, уходящих корнями тоже в карасукскую эпоху, но проявивших себя на западе в более позднее время, выше были приведены факты широкого распространения «оленных камней» и «звериного стиля» в изобразительном искусстве. Есть ли возможность связать истоки и этих явлений с племенами жун, ди и другими племенами того же круга? Утвердительно ответить на данный вопрос позволяет то обстоятельство, что наиболее вероятным местом возникновения и формирования указанных культурных феноменов является юго-восток Центральной Азии — исконная область обитания названных племен, а все три волны кочевнических передвижений в западном направлении, каждая из которых дает новые формы этих феноменов и продвигает их дальше на запад, тоже инициированы теми же племенами.

Весьма красноречивым в этом отношении фактом является полное совпадение территории расселения племен ди, представших на западе в качестве «амазонок» (третья волна кочевников, VII в. до н. э.), с территорией распространения «оленных камней» (третий тип, VII—VI вв. до н. э.): от Восточной Монголии через Центральный Казахстан, Северный Кавказ и Северное Причерноморье до стран за Дунаем — Добруджи и Болгарии [Членова 1984: 30—55; Новгородова 1989: 174, 185, 199, 201; Степная полоса 1992: 194, 195].

То же самое можно сказать и о «зверином стиле». Произведения искусства, выполненные в этом стиле, зафиксированы в областях от верховьев Янцзыцзяна до излучины Хуанхэ [Деопик 1979: 62—67; Крюков и др. 1978: 183, 184], т. е. в местах расселения жунов и дисцев, племена белых ди (провинция Хэбэй) имели собственное развитое бронзолитейное производство предметов искусства [История Востока 1997: 211]. В погребениях горных жунов (к северо-востоку от излучины Хуанхэ) обнаружены, возможно, самые ранние памятники «скифо-сибирского» искусства «звериного стиля» (IX—VIII вв. до н. э.) [Ковалев 1998: 122—131].

У людей, среди которых зародилось и процветало это искусство, должна была существовать определенная мировоззренческая, идеологическая, база для него. В этом отношении многое, может быть, значит тот факт, что одними из самых древних и популярных образов искусства «звериного стиля» (в том числе и «оленных камней») являются олень, волк (или собака) и какое-то фантастическое существо — свернувшийся в кольцо хищник. Все эти животные имели большое значение в мифологии жунов. Предком их считался Паньху (Паньгу) — творец мира, представлявшийся в образе то собаки, то дракона со змеевидным туловищем; согласно другому сказанию, предками жунов были две белые собаки [Каталог 1977: 125; Юань Кэ 1987: 31—35, 206, 337]. Предком дисцев тоже признавали дракона [Каталог 1977: 128, 211]. Му-ван, совершив поход против цюаньжунов, получил от них в дар четырех белых волков и четырех белых оленей [Сыма Цянь 1972, т. I: 195]. И жуны и дисцы славились своими собаками и поставляли крупных псов двору Чжоу [Думан 1970: 27; Кюннер 1961: 103].

Кем же были эти племена жун и ди, привнесшие юго-восточный центральноазиатский компонент в культуры карасукского круга и «скифо-сибирского» мира, какова их этническая природа? Отметим прежде всего, что этнонимы «жун» и «ди» в рассматриваемое время имели конкретное этническое содержание, хотя и достаточно широкое [Крюков 1970: 41—43], и лишь много позже стали иногда употребляться в источниках в условном собирательном смысле. В современной науке жунов и дисцев принято относить к большой сино-тибетской семье народов [Prušek 1971: 222; Народы 1965: 71, 72, 503], часто тех и других прямо называют тибетцами [Малявкин 1981: 137, 139]. Жунов всегда считали тибетцами, поскольку в источниках их имя фактически выступает как синоним имени «цянь» [Крюков и др. 1983: 75] — названия прототибетских племен. Дисцы же, по-видимому, были группой близкородственных им племен: тех и других (дисцев и цянов) считали происходящими от одного предка [Каталог 1977: 128, 211]. В то же время, динлины, т. е. народ, происходящий от красных ди, почти всеми исследователями признается «енисейским» (в этническом смысле) [Очерки 1958: 450, 453; История Сибири 1968: 296, 297; Этногенез 1980: 69; Малявкин 1981: 84]²⁴. «Енисейской» по своему этническому содержанию считается и карасукская культура [Эт-

²⁴ Само название «динлин» (Ting-ling) содержит в качестве своего первого элемента, видимо, прототип современного кетского слова «денг» — 'народ, люди'.

ногенез 1980: 126—129, 133; Членова 1967: 222]; вместе с тем предложено считать ее носителями племени цян, т. е. прототибетцев [Prušek 1971: 81—87]. Все это хорошо согласуется между собой, так как родство «енисейцев» с тибетцами было установлено еще в XIX в. М. Кастреном и затем подтверждалось многими авторитетными учеными, вплоть до А. П. Дульзона [Этногенез 1980: 119, 120]. Добавим еще, что особая сакральная роль белых оленей и белых собак объединяет «енисейцев» (кетов) [Этногенез 1980: 136, 137] — с одной стороны, жунов и дисцев (в частности и как народ, в среде которого зародилось искусство «звериного стиля») — с другой.

Итак, большие группы окружавших с севера и запада Китайскую равнину кочевых прототибетских племен — сначала племена жун, затем племена ди²⁵ — послужили эпицентром кочевнических волн, которые, захлестнув север Центральной Азии, докатились на западе до крайних западных пределов евразийского степного пояса. В рамках рассматриваемого времени, с XII по VII в. до н. э., таких волн было, по крайней мере, три, но они не были ни первыми, ни последними (последняя волна кочевников этого круга связана с передвижениями хуннов, в которых прототибетско-«енисейские» племена выступали уже в качестве сопутствующего, подчиненного компонента). Передвижения кочевников были, видимо, стремительными и в большинстве случаев не оставляли после себя заметных следов. Но иногда кочевники оседали и образовывали среди местного населения этнические островки, порой очень удаленные от исходной их территории. Зоной наиболее многочисленных и устойчивых анклавов этих племен оказалась Южная Сибирь, где еще в XVII—XVIII вв. значительную часть населения составляли «енисеязычные» народцы, из числа которых кеты, или «енисейские остяки», и доньне сохранили свой древний язык и древний антропологический тип, сближающие их с тибетцами и другими народами Восточной Азии [Кетский сборник 1982: 14, 42, 48, 49, 51, 68, 69]. В других случаях от подобных анклавов остаются лингвистические следы в виде реликтовой топонимики и соматические — в виде палеоантропологического материала. Знаменательно, что следы эти обнаруживаются именно там, где мы встречаемся и с карасукской керамикой, с карасукскими бронзами и нефритовыми кольцами, с «оленными камнями» и произведениями искусства «звериного стиля».

Топонимические следы былого присутствия «енисеязычного» населения выявляются в обширном регионе Южной и Средней Сибири от Верхнего Иртыша до Иркутска [Этногенез 1980: 71, 87, 126; Происхождение 1969: 20], в Средней Азии [Яйленко 1990: 37—49]²⁶, в Волго-

²⁵ Возможно, что само название «ди» (Ti, т. е. Ting, где -ng — суффикс множественного числа) — поздний фонетический вариант более древней формы — «жун» (Zung); ср. переход: *že?ŋ* > *de?ŋ* в «енисейских» языках [Кетский сборник 1982: 158].

²⁶ Не всегда поиски «енисейских» следов, предпринятые в указанной работе, кажутся убедительными. Но, например, названия «Канг» и «Чач» могут быть такими следами; оба топонима восходят ко временам туров, о которых уже говорилось выше. Первый из них является распространенным элементом речной топонимики кетского происхождения и в наше время [Этногенез 1980: 123—125].

Камье [Происхождение 1973: 131, 132], на Северном Кавказе [Ономастика 1973: 417, 418]. И помимо топонимики особые связи северокавказских языков с «енисейскими», свидетельствующие, по крайней мере, об очень древних контактах, давно уже отмечены лингвистами [Кетский сборник 1982: 198].

Палеоантропологические следы дают не менее выразительные свидетельства. Это прежде всего монголоидный дальневосточный расовый компонент у людей карасукской культуры Южной Сибири, пришедший с юго-востока, т. е. из Центральной Азии, сопредельной с коренной китайской территорией [Киселев 1951: 114—116]. И хотя происхождение этого компонента истолковывалось по-разному, указанное заключение остается наиболее обоснованным и убедительным. Новый приток монголоидов из Центральной Азии в Южную Сибирь и Среднюю Азию, от Тувы до Нижней Волги с концентрацией его в низовьях Сырдарьи, начинается вместе со «скифо-сибирской» эпохой, в период между позднебронзовым веком и «скифским» временем, а затем здесь происходит постепенное затухание признаков монголоидности [Гинзбург, Трофимова 1972: 109—132; Алексеев и др. 1990: 202—204]. Характерно, что монголоидная примесь в данную эпоху «выражена только на отдельных черепаках», что должно свидетельствовать о «недавнем здесь смешении европеоидного и монголоидного типов» [Гинзбург, Трофимова 1972: 132]. При этом, по мнению специалистов, вероятнее, что монголоидность была принесена скорее «племенами, которые более или менее целиком продвинулись из Монголии за короткий промежуток времени», нежели постепенным просачиванием в результате брачных связей [Дебец 1971: 9]. Намечаются и пути продвижения монголоидных групп посредством перекочевок «из Центральной Азии через Джунгарские ворота и по долинам рек (Иртыш, Или)», с юго-востока на северо-запад [Гинзбург, Трофимова 1972: 119]. Проникновение монголоидов с востока в ту же самую эпоху зафиксировано и в Волго-Камье [Акимов 1968: 35].

Но быстрое расселение прототибетских племен, немногочисленных по сравнению с местным населением, по огромным степным пространствам могло приводить и к другому результату — лишь частичному вытеснению местного населения, а в остальном — к перегруппировке его, к разрушению старых племенных союзов и созданию новых, во главе которых становились пришельцы, образовывавшие тонкий суперстратный слой племенной аристократии, при том что этническая основа этих союзов оставалась прежней. Новые племенные объединения могли принимать новые имена из племенной номенклатуры пришельцев, внедрять в свою среду какие-то обычаи победителей, но языком их оказывался в конечном счете язык местных племен — основной массы населения. Это типичное для степей явление, и классическим примером его может служить соотношение монгольского и тюркского этнического элемента в государствах, созданных наследниками Чингисхана. Таким же, видимо, было положение и в рассматриваемую эпоху. Я имею в виду объединения племен динлин и тура.

Начало народу динлин положили, как уже говорилось, прототибетские племена ди, переселившиеся из Ордоса на север, а прямыми потом-

ками динлинов являются тюркские племена теле, продолжавшие обитать на той же территории [Лев Николаевич Гумилев 2002: 201—203] и явившиеся, в свою очередь, языковыми предками многочисленных тюркских народов огузской и старобуйгурской ветвей. Прямая связь этнонимов «динлин (дили)» и «теле» засвидетельствована источниками и подтверждена многими исследователями [Лев Николаевич Гумилев 2002: 202; Потапов 1969: 148, 149, 160, 164]. В то же время племена культуры плиточных могил — археологический эквивалент динлинов — придерживались таких погребальных обрядов [Викторова 1980: 114, 115, 190] и обладали таким антропологическим типом [Новгородова 1989: 254; Степная полоса 1992: 254; Международная конференция 1996: 12, 13]²⁷, которые в Восточной и Центральной Монголии претерпели мало изменений со времен неолита и ранней бронзы вплоть до раннего (домонгольского) Средневековья, что свидетельствует о постоянном в основном составе населения этого региона за указанный период времени. О тюркоязычности населения культуры плиточных могил по ряду признаков говорят многие исследователи [Тиваненко 1995: 110] (заметим, что такой вывод не исключает тюркоязычности хуннов, которые были несомненными родоначальниками другой, гунно-булгарской ветви тюркских народов). Все это свидетельствует о том, что прототибетский суперстрат у динлинов быстро растворился в пратюркской среде, и, видимо, ко времени выхода на историческую арену динлины были уже в основном тюркоязычны. То же, очевидно, можно сказать и о западной их группе — носителях тасмолинской культуры, которых в таком случае следует считать первым тюркоязычным этносом на территории Казахстана.

Очень наглядно и близко к действительности описан подобный процесс слияния пришельцев с местным населением у Геродота (Hdt. IV, 111—117): неизвестно откуда появившееся племя («амазонки») с чуждой местному населению (скифам) внешностью и обычаями, с непонятным языком, совершает грабительские набеги, затем постепенно сливается с местным населением путем брачных связей, передает ему свои обычаи, но перенимает местный язык, хотя и усваивает его «неправильно». Так формируется народ савроматы — примерно в то же время, что и динлины и, видимо, под воздействием того же суперстрата, но с иным (ираноязычным) субстратным слоем.

В таких же условиях, видимо, проходило формирование народа тура — носителя дандыбай-бегазинской и тагискенской культур, где суперстратный карасукский компонент, принесенный жунами из Центральной Азии, наложился на местный андроновский субстрат ираноязычного населения. То, что туры, как и их наследники саки и массагеты, ираноязычны, — факт, прочно установленный наукой. Имеются основания полагать, что восточноиранская языковая и этническая общность сложилась именно в ареале туров. В то же время налицо и следы иноязычного су-

²⁷ Относительно мифа о «белокурых динлинах», созданного Г. Е. Грумм-Гржимайло и Л. Н. Гумилевым [Гумилев 1993: 21] см.: [Лев Николаевич Гумилев 2002: 199—203].

перстрата. Ни название самого народа — «тура» [Фрай 1972: 66, 67], ни имя его царя — «Франграсьян (Афрасиаб)» [Yarshater 1984: 572] не имеют бесспорной иранской этимологии. Во фрагментах древнейшего иранского эпоса, сохранных Авестой (Yt. XIX, 57, 60, 63), Франграсьян трижды произносит длинные проклятия на каком-то неизвестном языке — деталь, которой, конечно, подчеркивается неираноязычность этого турского вождя.

Особенно явно наследие суперстрата, и именно прототибетского, обнаруживается в некоторых специфических обычаях древних восточно-иранских народов — саков, массагетов, савроматов и одного древнего угорского народа — исседонов. Я имею в виду своеобразную «гинекократию» и «амазонские» черты, полиандрию, ритуальный эндоканнибализм и почитание черепов предков. Что касается тех из перечисленных особенностей, которые относятся к положению женщин в обществе, то они совершенно несвойственны иранским и угорским народам, искони патриархальным, и, напротив, находят многочисленные параллели в виде действующих институтов или пережитков у тибето-бирманских народов. Все это достаточно широко отражено в этнографической литературе, и мне нет необходимости останавливаться здесь на этом специально. Что же касается упомянутых здесь «погребальных» обычаев, то нужно учитывать, что древнейшие из такого рода обычаев были основательно вытеснены у тибетцев позднее принятыми религиями — религией бон и буддизмом. Тем не менее и в письменных источниках, и в этнографии еще можно найти немало косвенных указаний на эти обычаи или сообщений об их пережитках. Особенно удивительны в этом отношении свидетельства средневековых путешественников Плано Карпини и Гильома Рубрука [Путешествия 1957: 42, 131], которые приписывают тибетцам точно такие же «погребальные» обычаи, какие Геродот (Hdt. I, 216; IV, 26; см. комментарий к этому сообщению: [Рапопорт 1971: 36, 89]) придавал массагетам и исседонам²⁸. И есть основание считать пережитком древнего обычая еще ныне сохраняющееся у тибетцев почитание черепов в семейном культе [Элиаде 1998: 340, примеч. 30; Bolton 1962: 77]. Сохраняется у тибетцев и такая деталь, как золочение мумифицированных останков умершего и превращение их в статую [Лобсанг 1991: 180—182]. Именно в этом контексте и следует рассматривать появление у дотоле аниконичных степных иранцев искусства «звериного стиля», древнейшие образцы которого зафиксированы у прототибетцев-жунов.

С прототибетским суперстратом связана и такая любопытная черта фольклорных аримаспов, как «одноглазие»: у них, согласно античным источникам, «один глаз посредине лба». В формировании этого фольклорного образа, в основе которого, как уже говорилось, лежат сведения о вполне реальном степном народе, сыграли свою роль и очень древние представления о демонических одноглазых существах, распространенные у многих народов, в том числе и у тюркских, в среде которых они имеют глубокие мировоззренческие корни [Турсунов 2001]. Включенные в

²⁸ В. Томашек даже отождествлял на этом основании исседонов с тибетцами-жунами [Tomaschek 1888: 747—750, 777].

«аристеевский» вариант «Северного цикла» они, как и другие элементы этого варианта, стали сочетать в себе древнюю восточную мифологическую основу с мотивами, привнесенными с запада: мотивами «грипоматии» и, как я пытался показать [Пьянков 1978а], «ослепления циклопа».

То, что соседи наделили враждебный народ демоническими чертами, вполне понятно, но почему этот народ ассоциировался именно с одноглазыми демонами? Не было ли это вызвано какими-то обстоятельствами, связанными с самим реальным народом? Многие исследователи связывают одноглазых аримаспов с «трехглазыми» каменными изваяниями Минусинской котловины, один глаз которых действительно находится «посредине лба» [Christinger 1961: 14; Мачинский, Чугунов 1998: 186; Мачинский 2001: 104; Турсунов 2001: 143]. Датируются изваяния окуневским или карасукским временем, но главное, что изображенные на них личины относятся к числу тех элементов южносибирских культур этого времени, которые указывают на юго-восточные их истоки, имея прототипами китайские скульптуры времени Шан-Инь и раннего Чжоу, переосмысленные в степной среде [Киселев 1951: 165—172]. Почитались же местным населением эти изваяния вплоть до VIII в. до н. э., когда, по Д. А. Мачинскому, сакральный центр, связанный с этим культом, переместился в Алтайско-Саянский регион, т. е. в страну аримаспов [Мачинский, Чугунов 1998: 186, 187; Мачинский 2001: 104, 105]. Это обстоятельство очень важно для этнического определения почитателей трехглазых идолов, поскольку, как кажется, существа с глазом «посредине лба» имели сакральное значение именно у тибетцев, но не у других степных народов. Только тибетцы считают, что «третьим глазом» во лбу обладали их древние предки, хотя и среди современников избранные люди могут быть им наделены путем особой операции [Лобсанг 1991: 72—77]. Заметим, что некоторые из трехглазых личин на каменных изваяниях изображены еще и с тремя рогами — признаком жунов (т. е. прототибетцев) в китайских мифах.

Итак, удивительный исторический феномен — сквозной обмен идеями и вещами (или, во всяком случае, формами вещей) на всем огромном протяжении великого степного пояса в полной мере проявил себя уже в рассматриваемую эпоху, в конце II—первой половине I тыс. до н. э. Исследователи обычно концентрируют свое внимание на материальном («вещном») аспекте данного феномена, преимущественно — на проблеме искусства «звериного стиля», хотя понят он может быть лишь в комплексе всех его составляющих. Основным механизмом, обеспечивавшим обмен культурными достижениями в эту эпоху, когда трансконтинентальные торговые пути еще не сформировались, были передвижения более или менее значительных племенных групп в виде периодически распростирающихся по степному поясу кочевнических волн. Прослеживаются три такие волны. Но нужно учитывать, что прямой и жесткой зависимости культурных инноваций от переселений степняков не существовало. Эпицентр кочевнических волн в рассматриваемое время находился в Ордосе, Ганьсу и соседних областях, непосредственно примыкавших к Китайской равнине — исконному очагу древнейшей дальневосточной цивили-

лизации и населенных тогда прототибетскими (и протоенисейскими) племенами жуну и ди. В их среде и возникали импульсы, возбуждавшие цепную реакцию степных переселений. Но активное участие в этих переселениях уже тогда принимали пратюркские и восточноиранские племена. В последующие эпохи инициаторами таких переселений были последовательно хуннские, собственно тюркские и наконец монгольские племена.

Литература

- Аджигалиев 1994: *Аджигалиев С. И.* Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана. Алматы.
- Ажигали 2001: *Ажигали С. Е.* Очерк этнической истории аридной зоны Арало-Каспия // История и культура Арало-Каспия. Алматы. Вып. 1.
- Акимова 1968: *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М.
- Алексеев и др. 1990: *Алексеев В. П., Аскарлов А. А., Ходжайов Т. К.* Историческая антропология Средней Азии. Ташкент.
- Бичурин 1950—1953: *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I—III. М.; Л.
- Бонгард-Левин, Грантовский 1983: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. 2-е изд. М.
- Васильев 1976: *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М.
- Викторова 1980: *Викторова Л. Л.* Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.
- Виноградов 1966: *Виноградов В. Б.* Тайны минувших времен. М.
- Гинзбург, Трофимова 1972: *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеоантропология Средней Азии. М.
- Граков 1977: *Граков Б. Н.* Ранний железный век. Культуры Западной и Юго-Восточной Европы. М.
- Грач 1980: *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.
- Грязнов 1970: *Грязнов М. П.* Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып. 122.
- Грязнов 1970а: *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.
- Гумилев 1993: *Гумилев Л. Н.* Хунну. Степная трилогия. Т. I. СПб.
- Дебец 1971: *Дебец Г. Ф.* О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии. М.
- Деопик 1979: *Деопик Д. В.* Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и Средневековье. М.
- Древние культуры 1994: Древние культуры Бертекской долины. Горный Алтай, плоскогорье Укок. Новосибирск.
- Думан 1970: *Думан Л. И.* Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы // Китай и соседи в древности и Средневековье. М.
- Иванчик 1989: *Иванчик А. И.* О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнеского // ВДИ. № 2.
- История Востока 1997: История Востока. Т. I. М.
- История Сибири 1968: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. I. Л.

- История таджикского народа 1998: История таджикского народа. 2-е изд. Т. I. Душанбе.
- Каталог 1977: Каталог гор и морей / Предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М. Кетский сборник 1982: Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л.
- Киселев 1951: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.
- Кляшторный, Султанов 2000: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб.
- Ковалев 1998: *Ковалев А. А.* Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. СПб.
- Кравцова 1992: *Кравцова М. Е.* Жизнеописание Сына Неба Му: вопросы и проблемы // ПВ. Вып. 2.
- Крюков 1970: *Крюков М. В.* Об этнической картине мира в древнекитайских письменных памятниках II—I тысячелетия до н. э. // Этнонимы. М.
- Крюков и др. 1983: *Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.
- Крюков и др. 1978: *Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.
- Кызласов 1977: *Кызласов Л. С.* Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. № 2.
- Кюннер 1961: *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.
- Лев Николаевич Гумилев 2002: Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии: Материалы конференции. Т. I. СПб.
- Лобсанг 1991: *Лобсанг, Рампа Т.* Третий глаз. Л.
- Малявкин 1981: *Малявкин А. Г.* Историческая география Центральной Азии. Новосибирск.
- Маргулан 1979: *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Материалы по истории кочевых народов 1992: Материалы по истории кочевых народов в Китае III—V вв. / Пер., предисл. и коммент. В. С. Таскина. М. Вып. 3.
- Материалы по истории сюнну 1968, 1973: Материалы по истории сюнну / Предисл., пер. и примеч. В. С. Таскина. Вып. 1—2. М.
- Матющенко 1999: *Матющенко В. И.* Древняя история Сибири. Омск.
- Мачинский 1997: *Мачинский Д. А.* Сакральные центры близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце II—середине I тыс. до н. э. // Stratum. Вып. 1. СПб.; Кисинев.
- Мачинский 2001: *Мачинский Д. А.* «Ось мировой истории» Карла Ясперса и религиозная жизнь степной Скифии в IX—VII вв. до н. э. // Боспорский феномен. Ч. 2. СПб.
- Мачинский, Чугунов 1998: *Мачинский Д. А., Чугунов К. В.* Атрибуты женского культа в древних культурах Саяно-Алтая // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербурга. СПб.
- Международная конференция 1993: Международная конференция «Проблемы истории и происхождения туркменского народа»: Тезисы докладов. Ашгабат.
- Международная конференция 1996: Международная конференция «100 лет гуннской археологии»: Тезисы докладов. Ч. 1. Улан-Удэ.
- Международный «круглый стол» 1994: Международный «круглый стол»: «Ранние скифы и скифская культура» // ВДИ. № 1.
- Мелентьев 1975: *Мелентьев А. Н.* Керамика карасукского типа из Северного Прикаспия // КСИА. Вып. 142.

- Мошкова 1994: *Мошкова М. Г.* К вопросу о природе сходства и различия в культурах кочевников евразийских степей I тыс. до н. э. // ВДИ. № 1.
- Мурзин 1990: *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
- Народы 1965: *Народы Восточной Азии.* М.; Л.
- Новгородова 1970: *Новгородова В. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М.
- Новгородова 1989: *Новгородова В. А.* Древняя Монголия. М.
- Ономастика 1973: *Ономастика Поволжья.* Уфа. Вып. 3.
- Очерки 1958: *Очерки истории СССР. III—IX вв.* М.
- Переводчикова 1994: *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов: очерки искусства Евразийских степей античной эпохи. М.
- Погребова 1977: *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
- Погребова, Раевский 1992: *Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и древний Восток. М.
- Потапов 1969: *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.
- Происхождение 1969: *Происхождение аборигенов Сибири и их языков.* Томск.
- Происхождение 1973: *Происхождение аборигенов Сибири и их языков.* Томск.
- Путешествия 1957: *Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука* / Ред. Н. П. Шастиной. М.
- Пьянков 1978: *Пьянков И. В.* Рифеи — миф и реальность // Уральский следопыт. № 8.
- Пьянков 1978а: *Пьянков И. В.* Кочевники Казахстана VII в. до н. э. и античная литературная традиция // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
- Пьянков 1994: *Пьянков И. В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии // ВДИ. № 4.
- Пьянков 1995: *Пьянков И. В.* Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. № 6.
- Пьянков 2001: *Пьянков И. В.* Древнейшие государственные образования Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М.
- Пьянков 2002: *Пьянков И. В.* Гализоны — халибы — мосхи (К вопросу о циркумпонтийской касте металлургов конца II—I тыс. до н. э.) // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI).
- Рапопорт 1971: *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М.
- Руденко 1960: *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Савинов 1994: *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.
- Савинов 1998: *Савинов Д. Г.* Карасукские традиции и аржано-майэмирский стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб.
- Скифо-Сибирский звериный стиль 1976: *Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.* М.
- Скифо-Сибирский мир 1987: *Скифо-Сибирский мир. Искусство и идеология.* Новосибирск.
- Степи 1989: *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М.
- Степная полоса 1992: *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время.* М.
- Сыма Цянь 1972—1975: *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. I—II / Пер. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина. М.
- Тереножкин 1970: *Тереножкин А. И.* Киммерийцы // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. V. М.

- Тереножкин 1976: *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев.
- Тиваненко 1995: *Тиваненко А. В.* Оленные камни Забайкалья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ.
- Толстов 1962: *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Турсунов 2001: *Турсунов Е. Д.* Грифы, стерегущие золото // История и культура Арало-Каспия. Вып. 1. Алматы.
- Фань Вэнь-лань 1958: *Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая. М.
- Фрай 1972: *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.
- Черников 1960: *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.
- Членова 1967: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.
- Членова 1976: *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М.
- Членова 1983: *Членова Н. Л.* Где жили аримаспы? // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
- Членова 1984: *Членова Н. Л.* Оленные камни как исторический источник. Новосибирск.
- Щеглов 2001: *Щеглов Д. А.* Путешествие Аристея Проконнеского: проблема датировки // Боспорский феномен. Ч. 1. СПб.
- Элиаде 1998: *Элиаде М.* Шаманизм: архаическая техника экстаза. Киев.
- Этногенез 1980: Этногенез народов Севера. М.
- Юань Кэ 1987: *Юань Кэ.* Мифы народов Китая. 2-е изд. М.
- Яйленко 1990: *Яйленко В. П.* Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 2. М.
- Bolton 1962: *Bolton J. D. P.* Aristeas of Proconnesus. Oxford.
- Christinger 1961: *Christinger R.* Les Arimaspes // Asiatische Studien. Bd. 14.
- Kothe 1963: *Kothe H.* Die Herkunft der kimmerischen Reiter // Klio. Bd. 41.
- Maenchen-Helfen 1939: *Maenchen-Helfen O.* The Ting-ling // HJAS. Vol. IV/1.
- Marquart 1905: *Marquart J.* Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Leipzig.
- Phillips 1955—1957: *Phillips E. D.* The Legend of Aristeas // AAs. Vol. XVIII, 2; A Further Note on Aristeas // AAs. Vol. XX, 2/3.
- Prušek 1971: *Prušek J.* Chinese statelets and the northern barbarians 1400—300 B. C. Praha.
- Tomaschek 1888: *Tomaschek W.* Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. I // Sitzungsber. der phil.-hist. Kl. der K. Akad. der Wiss. Wien. Bd. 116.
- Xinru Liu 2001: *Xinru Liu.* Trade and Pilgrimage Routes from Afghanistan to Taxila, Mathura and the Ganges Plains // JIT. Vol. I.
- Yarshater 1984: *Yarshater E.* Afrāsīāb // EIr. Vol. I/6.

КЕРАМИЧЕСКИЕ МАСЛОБОЙКИ VII—VIII вв. ИЗ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

Н. Ф. Саввониди (Санкт-Петербург)

Сделать окончательные выводы, когда имеешь дело с археологическими материалами, не всегда возможно, особенно если речь идет о древних видах производства. Однако, что касается выделки масла в Средней Азии в эпоху Средневековья, у нас есть счастливая возможность быть в достаточной степени уверенными в идентификации оборудования этого вида деятельности — керамических сосудов-маслобоек. Один из типов маслобоек сохранился до наших дней без существенных изменений. Это довольно широкогорлый кувшин, сформованный на круге или лепной, с одной небольшой ручкой, расположенной вертикально или горизонтально, с обязательным отверстием рядом с ней, сделанным до обжига (рис. 1 и 2). Подобное характерное сочетание (ручки и отверстия) дает возможность безошибочно определять тип сосуда даже по небольшому фрагменту, что исключает ошибки и в подсчетах количества сосудов. В молочном производстве использовалось несколько типов сосудов: подойники, котлы, сосуды для закваски и отстоя молока, сосуды для длительного хранения масла, столовые сосуды и т. д. Однако эти сосуды не имеют строго определенной функциональности, то есть могли использоваться и в других целях, например, для производства вина или сладостей, в то время как маслобойки — только для производства масла.

Маслобойки, обнаруженные во время раскопок, позволяют нам установить уровень развития производства масла в хозяйстве исследуемых поселений и проследить некоторые особенности его организации.

Археологические данные с городища древнего Пенджикента больше всего подходят для этих целей. Этот средневековый город, расположенный в долине р. Зеравшан, в 60 км к юго-востоку от г. Самарканда, был основан в V в. н. э. и просуществовал до третьей четверти VIII в. За более чем 50 лет его изучения было вскрыто свыше двух третей площади городского пространства, а также некоторые постройки в его окрестностях. На основании полученных данных (нумизматических и стратиграфических) выделено несколько хронологических периодов. Представленный в данной статье материал происходит из слоев, датированных второй половиной VII— третьей четвертью VIII в. В рамках этого отрезка времени выделяются четыре периода. Первый период охватывает вторую полови-

Рис. 1 и 2. Маслобойки из раскопок древнего Пенджикента:
1 — изготовлена на гончарном круге; 2 — лепная маслобойка

ну VII—первую четверть VIII в.; второй период начинается после 20-х гг. VII в., когда город был частично разрушен арабами вследствие поражения антиарабского выступления местного князя Дсваштича (большая часть жителей покинула город и не возвращалась до начала 40-х гг. VIII в.); третий период — это начало 40—конец 50-х гг. VIII в.; четвертый период охватывает последнюю четверть VIII в. (в конце этого периода жители покинули город, расположенный на верхней террасе р. Зеравшан, и спустились на нижнюю террасу).

Таким образом, Пенджикент — единственный раннесредневековый памятник Средней Азии, где возможно разделение на такие непродолжительные отрезки времени.

Обитатели Средней Азии в древности освоили производство практически всех видов молочных продуктов. В частности, масло упоминается в «Авесте», где оно названо «прозрачным маслом весны» (Яшт 22, 18). Однако в письменных источниках нет упоминания о технологии его производства. С достаточной точностью может быть идентифицирован только керамический инвентарь, использовавшийся в древности в процессе производства масла, — маслобойки.

Е. М. Пещерева впервые обратила внимание на полное сходство маслобоек, найденных на средневековом поселении IX—X вв. Мунчак-тепе, находящегося на территории Таджикистана и современных маслобоек, исследованных ею на Памире [Пещерева 1959: 63—64].

Немного позднее на городище древнего Пенджикента были найдены еще две подобные маслобойки [Бентович 1964: 278, рис. 16]. В настоящее время известно более двадцати пенджикентских маслобоек (см. табл. 1, 1).

Множество маслобоек было найдено также на поселениях горного Согда [Якубов 1983: 187, рис. XVIa, 14, 19; XVII, 7, 11]. Маслобойки находили и в других регионах Средней Азии, в Ферганской долине на посе-

лении Куюк-тепе (VII—VIII вв. н. э.) [Горбунова 1979: 70, рис. 22, 15], а также на городище Кува в слоях того же периода [Булатова 1972: 42].

Материалы, накопленные к настоящему времени (большая их часть происходит с пенджикентского городища), позволяют нам ответить на некоторые вопросы, связанные с молочным производством: определить уровень развития этого вида деятельности в городе Пенджикенте и возможные варианты его организации.

Рассмотрим условия локализации находок на городище древнего Пенджикента. Только шесть маслобоек найдены *in situ*. Это позволяет нам с уверенностью говорить о том, что обитатели жилищ, где они найдены, занимались производством масла.

Например, дом на объекте XXIII, где была найдена маслобойка (табл. 1, б), состоял из девятнадцати помещений, т. е. принадлежал весьма состоятельному горожанину. Другое жилище этого же объекта, где была найдена еще одна маслобойка (табл. 1, 7), состояло из 49 помещений, включая огромное зернохранилище. Очевидно, дом принадлежал богатому землевладельцу или торговцу зерном.

В двух помещениях объекта XVI обнаружены маслобойки. Одна из них найдена в помещении 4 (табл. 1, 3), которое использовалось как кухня богатого дома, а другая — в помещении 64, служившем лавкой городского базара (табл. 1, 4).

Помещение 22 объекта XXIV, где также была найдена маслобойка (табл. 1, 10), использовалось как мастерская по обработке бронзы, находящаяся в небольшом доме, очевидно, принадлежавшем ремесленнику.

Последняя из шести маслобоек, найденных *in situ*, происходит из жилого дома объекта IX (помещение 3), который примыкал к базарчику у городских ворот. Судя по положению жилища и его размерам, оно принадлежало чиновнику среднего уровня.

Итак, подведем некоторые предварительные итоги. Несмотря на малочисленность находок, их ценность в том, что они имеют четкую локальную привязку, то есть не случайно оказались в том или ином помещении. Четыре из шести маслобоек найдены в богатых домах. Две найдены в производственных помещениях. В богатых домах масло могли производить как для собственного потребления (это особенно подтверждается находкой маслобойки в кухне дома), так и на продажу, а в производственных помещениях, тем более в лавках, — скорее всего на продажу. Впрочем, на Востоке не было и нет до сих пор четкой грани между мастерской ремесленника и лавкой.

Почему же маслобойки отсутствуют в небогатых жилищах? Это было прерогативой богатых или масло считалось дорогим продуктом?

Попробуем реконструировать процесс производства масла на основе этнографических данных. Маслобойки занимают особое место в жизни народов Средней Азии, пользующихся ими. С этим сосудом «связано множество пережитков идеологического порядка» [Пещерева 1959: 63]. В настоящее время в Центрально-Азиатском регионе используется три основных типа маслобоек: керамические (рис. 3), абсолютно идентичные археологическим прототипам, описанным нами выше; деревянные (рис. 4) и металлические (рис. 5).

Рис. 3 и 4. Маслобойки

(хранятся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого, фото автора):

1 — лепные керамические маслобойки из Ягноба; 2 — деревянная маслобойка

Первый тип маслобоек сохранился практически без изменений до сего дня. Вероятно, это связано с тем, что с молочным производством, которым, кстати, в Таджикистане и по сей день занимаются только женщины, связано множество мистических действий и церемоний, имеющих домусульманское происхождение [Пещерева 1927: 2; Кисляков 1949: 41]. Большая часть подобных ритуалов связана именно с маслобойками [Пещерева 1959: 63].

Жители Ягноба в Таджикистане называют его «тугла». Масло в «тугле» сбивали следующим образом. Сосуд заполняли на одну треть объема сквашенным молоком. Устье обвязывали коровьим желудком. Читая это описание у Е. М. Пещеревой, нельзя было понять, почему именно коровьим желудком? Как мне удалось выяснить позднее, в коровьем желудке содержится так называемый сычужный фермент, который способствует выработке масла и сыра. До недавнего времени его использовали в сыроварении, пока он не был заменен искусственным, созданным химическим путем, ферментом). Отверстие затыкали деревянной палочкой. После этого сосуд переворачивали на бок и клали на мягкую подушку, изготовленную из мягких тряпок или травы. Сосуд, держа его одной рукой за ручку, а другой за донце, раскачивали из стороны в сторону (рис. 6). Отверстие служило для охлаждения содержимого в жаркую погоду (для этого в него опускали кусочки льда) и для подогрева в прохладные дни (тогда в него доливали теплую воду). Кроме того, отверстие было необходимо для проверки готовности масла и для выпуска накопившихся газов.

Второй тип маслобоек представляет собой высокий сосуд с двумя ручками. Главное его отличие от предыдущего в том, что с этим сосудом обязательно использовалась мутовка в виде деревянного шеста с кресто-

виной-наконечником. Масло в этой маслобойке сбивали, поднимая и опуская мутовку (рис. 7). Второй тип маслобоек не имеет прямых аналогий в археологическом материале. Не исключено, правда, что большие керамические сосуды (*хумы*) также могли быть использованы для этих целей.

Третий тип маслобоек — «округлый плоскодонный котел с широким устьем» [Пещерева 1959: 65]. Принципиальное отличие этого типа сосудов от предыдущего заключается в применении вращающейся мутовки (рис. 8). Теоретически, маслобойки этого типа могли использоваться и в древности, поскольку в археологическом материале много подобных сосудов.

Вернемся к маслобойкам древнего Пенджикента. Все 22 маслобойки найдены внутри стен города. В течение каждого из выделенных периодов одновременно использовалось от 2 до 7 маслобоек (табл. 1). Если учесть, что население города в разное время варьировало от 4 до 6 тысяч человек, можно предположить, что производство сливочного масла (в данном случае мы используем привычный термин, хотя, строго говоря, масло из коровьего молока, которое производится до сих пор в Таджикистане кустарным способом, нельзя назвать сливочным, поскольку его выдeldывают не из сливок, а из сквашенного молока) занимало весьма скромную нишу в городском хозяйстве. Наблюдение Е. М. Пещеревой о соотношении высоты и объема маслобоек было использовано археологами. В качестве примера Е. М. Пещерева приводила следующий факт. В Ферганской долине гончары делали крупные маслобойки (высотой более 50 см) для населения ближайших предгорий, жители которых имели огромные территории для выпаса и, следовательно, большое количество молочного скота. Маленькие маслобойки (высотой до 36 см) производились для обитателей долины, имеющих меньше скота (Пещерева). Высота самой большой маслобойки из Пенджикента, сохранившейся полностью, — около 41 см. Высота других маслобоек колеблется от 26 до 37 см (табл. 1, 3, 9, 10, 17).

Рис. 6. Сбивание масла в керамической маслобойке типа ягкобской «тугла» (реконструкция автора)

Рис. 5. Сбивание масла в металлической маслобойке в современном Пенджикенте (фото автора)

Объем маслобоек является также существенным показателем развития молочного производства. На Памире, в Таджикистане маслобойки подразделяются по количеству удоев, которые могут в них поместиться. В зависимости от этого они называются *ягкова* (однокоровные, т. е. вмещающие один удой), *дугова* (двухкоровные — вмещающие два удоя) и т. д. [Пещерева 1959: 66].

Рис. 7. Сбивание масла в современной керамической маслобойке (реконструкция автора)

два помещения, где содержался скот (и то, скорее всего, вьючные животные) (объект XXV, пом. 34).

По всей видимости, молочный скот содержался вне границы города. Косвенным подтверждением этого является существовавшая до недавнего времени дислокальная система поселения в Средней Азии. Кроме городского дома, горожане, как правило, имели еще и загородную усадьбу. В городе они проводили зиму, а с весны и до осени жили в селах [Писарчик 1975: 126]. Не исключено, что подобная система имела место и в древнем Пенджикенте.

В документах с горы Муг, в расходной ведомости пенджикентского князя Деваштича, упоминается о выдаче восьми драхм «для покупки масла в (деревне) Вардакат» [Лившиц 1962: 182, 184]. Этот фрагмент важен для нас во многих отношениях. Во-первых, в нем прямо указывается на то, что самый богатый горожанин масло для своих нужд покупал, то есть на его подворье оно не производилось или производилось в недостаточном количестве. Во-вторых, из этого фрагмента становится ясно, что маслоделие занимало в деревнях заметную часть производства. Возможно, не случаен и выбор данного селения: жители его либо специализировались на маслоделии, либо оно у них было развито лучше и продукцию они выдавали в большем объеме. В-третьих, можно примерно представить, много ли масла необходимо было купить князю Девашти-

Восстановить объем пенджикентских маслобоек удалось только в пяти случаях, когда они сохранились полностью или реконструируются по крупным фрагментам (табл. 1, 3, 6, 9, 10, 17). В объеме маслобоек прослеживается общий модуль, равный 4—5 литрам. Очевидно, это не случайно, поскольку такое количество молока можно, в среднем, получить от среднеазиатской коровы за один удой. Получается, что из пяти пенджикентских маслобоек две были «одноудойные» (табл. 1, 9, 10), две «двухудойные» (табл. 1, 3, 17) и одна «пятиудойная». Кстати, последняя была найдена в самом богатом из жилищ с маслобойками.

То, что жители Пенджикента занимались сельским хозяйством, подтверждается множеством данных, полученных при раскопках в пригороде [Большаков, Негматов 1958: 155—192; Саввонида 1990: 63—72]. Однако за время раскопок на городище было найдено только

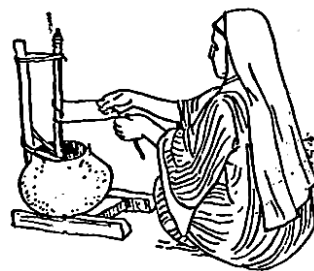

Рис. 8. Сбивание масла в современной керамической маслобойке с вращающейся мутовкой (по: [Питхавалла 1952])

чу, сравнив указанную выше сумму, например, со стоимостью коровы в то же время, варьировавшей от 6,5 до 11 драхм [Лившиц 1962: 182, 185). Очевидно, что на 8 драхм можно было купить огромное количество масла. В-четвертых, это свидетельствует о развитом товарообмене, а значит, и о разделении труда между сельскими и городскими жителями.

Т а б л и ц а

№	Номер объекта и помещения	Назначение помещения	Дата	Высота и объем сосуда
1	Южные ворота, вымостка	–	2-я пол. VII в.	Фрагмент
2	XXIV, пом. 19	Вестибюль, кузница	Конец VII в.	Фрагмент
3	XVI, пом. 19	Хозяйственное	1-я четв. VIII в.	37 см, 8,6 л
4	XVI, пом. 64	Лавка базара	1-я четв. VIII в.	Фрагмент
5	XVI, пом. 53	Площадь базара	1-я четв. VIII в.	Фрагмент
6	XXIII, пом. 19	Парадный зал	1-я четв. VIII в.	41 см, 25,5 л
7	XXIII, пом. 68	Жилое	1-я четв. VIII в.	Фрагмент
8	XXIV, пом. 38	Коридор	Середина VIII в.	Фрагмент
9	XXIII, пом. 23	?	Середина VIII в.	36,6 см, 5,5 л
10	XXIV, пом. 22	Вестибюль	Середина VIII в.	26 см, 4 л
11	XXIV, пом. 14	Хозяйственное	Середина VIII в.	Фрагмент
12	IX, пом. 2	Хозяйственное	3-я четв. VIII в.	Фрагмент
13	IX, пом. 3	Хозяйственное	3-я четв. VIII в.	Фрагмент
14	IX, канал 2	–	3-я четв. VIII в.	Фрагмент
15	IX, пом. 7	Лавка	3-я четв. VIII в.	Фрагмент
16	XXIII, пом. 49	Вестибюль	3-я четв. VIII в.	Фрагмент
17	XXIII, пом. 31	Проходная	3-я четв. VIII в.	36 см, 10 л
18	XXIV, пом. 40	Зал	3-я четв. VIII в.	Фрагмент
19	XXIII, пом. 51	?	?	Фрагмент
20	XXIV, пом. 5	?	?	Фрагмент

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Впервые нам представляется возможность получить целостную картину отдельного вида производства в масштабах одного города. Хотя погрешность, несомненно, существует, но она не должна считаться существенной для окончательных выводов, поскольку выборка материала превышает 70 %. Выделка масла составляла отдельный, хотя и не очень развитый, сектор экономики города. В Пенджикенте этим занимались либо прямо в мастерских базаров специально для продажи, либо в богатых домах для собственного потребления. Самые богатые, такие как князь Пенджикента Деваштич, предпочитали покупать готовое масло в селах, где оно выделывалось в больших количествах — как для собственного потребления, так и на продажу. Бедные пенджикентцы могли покупать масло в лавках, если оно было для них вообще доступно из-за дороговизны. Это отчасти

подтверждается тем, что во время проводившихся Е. М. Пещеревой в 1930—1950-е гг. исследований в горном Таджикистане масло заготавливали впрок на зиму, и оно считалось лакомством. Это означает, что основными потребителями масла, выделяемого для продажи в городе, могли быть горожане среднего достатка и бедные горожане.

Приведенные выше данные подтверждают вывод о том, что степень урбанизированности Пенджикента была весьма высокой [Распопова 1990: 197]. То есть между городом и окружающими его селами существовал налаженный товарообмен. Последнее, кстати, подтверждается существованием небольшого базара, который примыкал снаружи к северо-восточным воротам города. Базар образовался не позднее второй половины VII в. и просуществовал до последнего периода жизни в городе. Очевидно, базар был специально устроен для торговли с приезжавшими из ближайших сел крестьянами, которых не хотели впускать в город [Саввониди 1991].

Литература

Большаков, Негматов 1958: *Большаков О. Г., Негматов Н. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // МИА. № 66.

Кисляков 1949: *Кисляков Н. А.* Древние формы скотоводства и молочного производства у горных таджиков бассейна р. Хингоу // Известия Таджикского филиала АН СССР. № 15. Сталинабад.

Лившиц 1962: *Лившиц В. А.* Согдийские документы с горы Мут. Вып. 2. М.

Пещерева 1959: *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии // ТИЭ. НС. Т. XLII.

Пещерева 1927: *Пещерева Е. М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи // Общество для изучения Таджикистана и иракских народов за его пределами. Ташкент.

Писарчик 1975: *Писарчик А. К.* Народная архитектура Самарканда XIX—XX вв. Душанбе.

Питхавалла 1952: *Питхавалла М.* Пакистан. Географический очерк. М.

Распопова 1990: *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента. Л.

Саввониди 1990: *Саввониди Н. Ф.* Виноградодавильни близ древнего Пенджикента // ИБМАИКЦА. Вып. 17.

Саввониди 1991: *Саввониди Н. Ф.* Керамика IX—X вв. древнего Пенджикента // Проблемы хронологии к периодизации в археологии. Л.

ПЕРВОЕ УПОМИНАНИЕ ДРЕВНЕЙ ХАДРАМАУТСКОЙ СТОЛИЦЫ ШАБВЫ В РАЙБҮНСКИХ НАДПИСЯХ

С. А. Французов (Санкт-Петербург)

Прошедший полевой сезон Российской комплексной экспедиции в Йеменской Республике (РКЭЙР), продолжавшийся с 6 ноября по 5 декабря 2004 г., оказался знаменательным для отечественной сабеистики. Первые с 1991 г. были возобновлены полномасштабные археологические раскопки в оазисе Райбун¹, в результате которых удалось частично вскрыть новый храм хадрамаутского «национального» бога Сийана (Сийана), обозначенный как Райбун VI. Руины этого культового сооружения были обнаружены еще в 1983 г. В 1984 г. Г. М. Бауэром, а в 1998 г. автором этих строк на Райбуне VI производился сбор находившихся на поверхности холма фрагментарных надписей², показавший, что данный памятник весьма перспективен с эпиграфической точки зрения. Заложённый в ноябре 2003 г. разведочный раскоп полностью подтвердил эти ожидания: было открыто 25 текстов на хадрамаутском языке, в том числе один — на собранной из девяти обломков большой стеле и 19 — в выемке.

12 дней непосредственной работы на объекте в 2004 г. (с 15-го по 18-е и с 20-го по 27 ноября) увенчались впечатляющими результатами: было обнаружено и задокументировано 534 новых текста, что намного превышает количество памятников эпиграфики, найденных при раскопках любого другого райбунского храма за подобный отрезок времени. Общее же число надписей, происходящих с Райбуна VI, достигло 572. Несмотря на то что подавляющее их большинство представлено мелкими и мельчайшими фрагментами, подчас содержащими один знак или даже его часть, несколько десятков достаточно крупных, по райбунским масштабам, текстов существенно расширяют наши представления об ономастике райбунцев, особенностях их письменного языка, а также различных аспектах их повседневной жизни. Так, по эпитету *d-Ws't-hn*, которым Сийан наде-

¹ О некоторых итогах работы Советско-Йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) в 1983—1991 гг. на различных объектах этого оазиса см., например: [Французов 2001b: 12—15; Французов 2002a: 385—393].

² Текст одной из них (СОЙКЭ 834=Rb VI/84 n° 5), посвященной Сийану, с упоминанием сабейского «национального» бога Алмахаха в финальной инвокации издан, правда без фотографии [Бауэр 1995: 141].

лен в нескольких надписях этого храма³, удалось установить его название — Васаṭḫān⁴, а также выяснить, что обломанная снизу стела из Аденского музея (CIAS 95.11/р 1), в которой Сийān носит тот же эпитет (стк. 2)⁵, происходит именно отсюда (подробнее см.: [Frantsouzzoff, Prioretta: в печати]).

Одна из наиболее интересных эпиграфических находок была сделана за два дня до окончания раскопок, 25 ноября 2004 г., когда завершилась расчистка помещения (его ориентировочные размеры 3,5×7,5 м), примыкающего с южной стороны к Т-образной платформе, на которой находилось святилище храма. По предположению начальника РКЭЙР А. В. Седова, это помещение выполняло роль своеобразной «экспозиционной галереи» — вдоль его северной стены, образованной платформой святилища, была устроена скамья из приставленных друг к другу тумб, материалом для которых послужили вторично использованные облицовочные плитки, причем, судя по сохранившимся следам, в эти тумбы когда-то были вмонтированы семь votивных стел. Размеры плит стел (ширина и толщина) следующие (с востока на запад): 37,0—39,0×10,5 см; 38,0×14,0—19,0 см; 44,0×13,5 см; 37,0—37,5×14,0 см; 39,5—40,0×15,0 см; 38,0—40,5×14,0 см; 41,0—43,0×20,0 см (см. первые четыре из них на рис. 1). Высота тумб-оснований для стел от вымостки пола помещения — 44—51 см, их ширина — 22—28 см. Таким образом, впервые за время археологического изучения Южной Аравии удалось установить, каким именно образом стелы монтировались в храмах⁶. Более того, на горизонтальной плите (размерами 38×22 см), покрывавшей вторую с востока тумбу, были обнаружены сохранившиеся целиком четыре последние строки надписи (рис. 2)⁷. Совершенно очевидно, что это — заключительная часть пространной стелы, текст которой не поместился на ее вертикальной поверхности, поскольку ее высота лимитировалась габаритами помещения. Значение этого открытия для сабейстики состоит не только в том, что речь идет о первом фрагменте древнейшей стелы, найденном *in situ*, но и в содержании

³ Rb VI/04 n° 98/[1]-2: [...w-tḏ'.../b-'ḏn/S'yn/d-] | Ws't-hn/nfs'—s'... «[...и вручил (имярек) воле Сийāна зū] Васаṭḫāна душу свою...»; Rb VI/04 n° 116/2—3: ...s'ḏnyw/[S'yn/d-Ws't-hn/ms'nd-hn] «...посвятили [Сийāну зū Васаṭḫāну сте[лу]»; Rb VI/04 s.r. n° 9/1—2: ...s'ḏn[y/S'yn/d-W]s't-hn/bht'... «...посвят[ил Сийāну зū Васаṭḫāну votивный фаллос (?)]...»; Rb VI/04 s.w. n° 3/2—3: ...w-t's'm | ['ḏn/S'yn/d-]W's't-hn'... «...и снискал | [благоволение (?)] Сийāна зū] Васаṭḫāна...».

⁴ От общесемитского корня В-С-Ṭ «находиться посредине, быть посредником» с хадрамаутским определенным артиклем -hn.

⁵ Судя по транслитерации и переводу, он был ошибочно прочитан как D-'SṬHN [Höfner 1977 : I.191—I.192], хотя на приведенной рядом фотографии в начале эпитета четко различим wāw, а не 'ayn [Ibid: I.193].

⁶ По всей вероятности, упомянутая выше стела из Аденского музея находилась когда-то в этой «галерее». Судя по ее ширине, составляющей 42 см [Höfner 1977: I.191: Angaben von J. Pirenne], она могла быть закреплена либо на третьей, либо на седьмой с востока тумбе.

⁷ В последний день раскопок, 27 ноября 2004 г., эта плита, державшаяся на известковом растворе, была демонтирована и со всеми необходимыми предосторожностями, в неповрежденном виде, доставлена 28 ноября в лапидарий Сай'унского археологического музея, созданного по инициативе СОЙКЭ в середине 80-х гг. в бывшем дворце султанов āl Kaṣīrī.

Рис. 1. «Экспозиционная галерея» храма Васатхън

данного фрагмента, уникальность которого обусловлена единственным пока упоминанием Шабвы, столицы Хадрамаутского царства, в надписях Райбўна и в целом Внутреннего Хадрамаута. В приведенном ниже издании надписи использованы сведения из эпиграфического дневника автора этих строк.

Сигл: **Rb VI/04 s.r. n° 53** (in situ)

Размеры: ⁸

$H = 22$; $L = 38$; $h_b = 2,5$; $h_n = 1,5$; $l_g = 1,5$; $D_{1-2} = 1$; $D_{2-3} = 1$; $D_{3-4} = 0,2$;
 $d = 0,9-1,5$; $l_1 = 0,2-0,7$;

стк. 1: $h = 4,8$; $l(t) = 2$; $l(b) = 1,5$; $l(m) = 1,7$; $l(q) = 1,9$; $P = 0,74$;

стк. 2: $h = 4,5$; $l(y) = l(\underline{d}) = 1,9$; $l(r) = 2,1$; $P = 0,87$;

стк. 3: $h = 4$; $l(q) = l(y) = 1,7$; $l(n) = l(l) = 1,2$; $l(h) = 2,3$; $l(w) = 2,1$; $P = 0,85$;

стк. 4: $h = 3,9$; $l(b_1) = 2,2$; $l(s^2) = 5$; $l(b_2) = l(t) = 2$; $P = 1,44$;

$P = 0,975$;

Шрифт:

Утолщения на концах линий, угловатая форма ra' , сильно наклоненная вертикальная перекладина в nu и апексе $alifa$ типичны для так называемого позднего палеографического периода в истории эпиграфики Райбўна (III—I вв. до н. э.), причем, как показывает величина коэффициента пропорциональности, речь идет о «широкой» разновидности этого шрифта.

⁸ Ниже применяется система условных обозначений, разработанная для публикации райбўнских надписей в «L'Inventaire des inscriptions sudarabiques»: H — высота плиты (в данном случае — глубина); L — ширина плиты; h_b — ширина нижнего поля; h_n — ширина верхнего поля; l_g — ширина левого поля; D — межстрочное расстояние; d — расстояние между знаками; l_1 — ширина черты; h — высота знака; l — ширина знака; P — коэффициент пропорциональности, т. е. частное от деления средней ширины знака на половину его высоты.

Рис. 2. Надпись Rb VI/04 s.r. n° 53

Текст и транслитерация:

0.	[пзп ...]	[.../b-S ² b=]
1.	1hñ ʔʕʕ ʔʕʕ ʔʕʕ	wt/b-mw/qny/s ¹ ʔ
2.	пд 1h) ʔ 1h) ʕ ʕ ʔ	Ydhr ¹ /S ³ rr ¹ /f-b-
3.	ʔ 1ʔ 1h ʕ ʕ ʔ ʕ ʕ	qny/S ¹ yn ¹ /ʔ/llw
4.	ʕ пзп	b-S ² bwt

Перевод:

0. [в Шаб-]
1. ве (?) относительно имущества, которое просил
2. Йазхар¹ил у Сарар¹ила. А относительно
3. имущества Сийана не достигли они решения
4. в Шабве.

Комментарий:

Стк. 1: чтение [b-S²b]wt с восстановлением первой половины топонима Шабва в конце предыдущей строки кажется наиболее вероятным, но не единственно возможным.

b-mw: энклитика *-mw*, ранее засвидетельствованная в хадрамаутском на конце предлога *bn/mn* [Frantsouzoff 1995: 19—21, 25, п. 25], впервые обнаружена после предлога *b-*, который обычно в семитских языках употребляется слитно со следующим словом.

Стк. 1—2, *qny/s¹ʔ* / *Ydhr¹/S³rr¹*: в хадрамаутском, как и в других южноаравийских эпиграфических языках, вторым элементом сопряженного состояния нередко оказывалось придаточное предложение (см.: [Frantsouzoff 2003a: 48]).

Стк. 2, *Ydhr¹*: мужское личное имя, впервые засвидетельствованное в надписи позднего палеографического периода из храма богини Зāt Ҳимйам, обозначенного как Райбўн V (Raybūn-Kafas/Na‘mān 154/1: *Ydhr¹[ʔ]*)⁹. За пределами Райбўна не обнаружено.

⁹ Надписи этого храма под сиглом Raybūn-Kafas/Na‘mān подготовлены к изданию, см.: [Frantsouzoff: в печати, a].

$S^3rr'l$: мужское личное имя, известное ранее по единственному упоминанию в райбунской надписи позднего периода, которую посвятил в храм Рахбāн той же богине Сарар'ил сын Ра'аб'ила (СОЙКЭ 704=Rb I/84 bld. 3, lev. I n° 209/1) [Frantsouzoff 1995: 16, pl. I (top)].

Учитывая редкость обоих антропонимов, нельзя исключать того, что в издаваемой надписи и в упомянутых выше текстах речь идет об одних и тех же лицах.

Стк. 2—4, $f-b- | qny/S^1yn'/l/hllw | b-S^2bwt$: выражение qny/S^1yn , как и упоминание об имуществе, на которое претендовало зависимое от Зāt Химйам второстепенное божество $r'bt$ (СОЙКЭ 1755 = Rb I/88 passage, lev. I n° 131/1—3)¹⁰, указывают на существование у древних хадрамаутцев особого вида собственности, которая считалась принадлежащей богам. Ее распорядителями, естественно, выступали жрецы, и речь, таким образом, шла о храмовой собственности.

Что же касается сочетания $'l/hllw$, то, на первый взгляд, заманчивым кажется истолковать $'l$ как 'бог', а форму перфекта $hllw$ — как 'осквернили' по аналогии с еврейским глаголом $לָלַח$ и с производным от него выражением $לְלֹחַלְלֵי שְׁמֵי הַשָּׁמַיִם$ 'профанация божьего имени'. В таком случае перевод всего этого места получился бы следующим: «...и относительно имущества Сийāна, бога, которого осквернили в Шабве». Однако тогда выражение $b-qny/S^1yn$ являлось бы частью единой синтаксической конструкции с $b-mw/qny$... и перед ним должен был бы стоять скорее союз $w-$, а не $f-$, вообще довольно редко встречающийся в эпиграфике древнего Йемена. Кроме того, во фрагментарном тексте на стеле из храма Майфа'ан Сийāн назван s^2ym-s^1 'его господь' (СОЙКЭ 1980 = Rb XIV/89 n° 65/6)¹¹. Между тем, как показал анализ сабейской «формулы федерации», одни народы Южной Аравии именовали своих богов $'l$, другие — s^2ym [Лундин 1971: 164]. Стоит отметить, что и в некоторых других контекстах частицу отрицания $'l$ перед глаголом можно ошибочно принять за имя нарицательное «бог» или за теоним Эль (Иль)¹².

При интерпретации $hllw$ была учтена семантика его қатабāнского аналога в RES 3566/11—12, где вместе с ним также употреблен термин qny :

... $w-'y/hl = |l/b-yhllwn/w-nfs^1/w-mt^1/w-s^1hl^1/bn-^1w/mqm-hw/w-'byt/w-qny/Qtbn/ms^3wd/w-Qtbn^1/bn-n/kl^1/db/w-dyn/w-twtf/...$ «...и вот (царь Шахр и қатабāнцы) отменяют и снимают и устраняют и ликвидируют все штрафы и долговые обязательства и начеты с его (Шахра) собственности, а также с домов и имущества қатабāнцев, что в Совете, и қатабāнцев, что в Народном собрании...»¹³

¹⁰ Опубликована под № 12: [Frantsouzoff: в печати, b].

¹¹ Соответствующий контекст приведен в: [Frantsouzoff 2003a: 50].

¹² См., например, блестяще обоснованную А. Г. Лундином интерпретацию қатабāнской формулы $'l/t^1y$ «да не будут нарушены межевые границы», которая прежде была ошибочно истолкована А. Жаммом как языческий прообраз арабского выражения $اللّٰه تَعَالٰی$ [Loundine 1963: 207—209].

¹³ Ср. варианты перевода: [Ricks 1989: 63; Korotayev 1997: 141—142; Avanzini 2004: 296] (перевод RES 3566, изданной под № 208, выполнен Дж. Маззини).

Однако здесь форма имперфекта 3 л. м. р. мн. ч. *b-yhllwn* управляет прямыми дополнениями, тогда как в нашем случае глагол *hllw* оказывается непреходным. Его значение можно попытаться вывести из *халла* 'развязывать, разрешать' и *халл^н* 'решение' в арабском с учетом каузативности, характерной для II породы. Субъектами предиката *'l/hllw*, скорее всего, являются упомянутые выше Йазхар'ил и Сарар'ил¹⁴.

Данная надпись, несмотря на свою фрагментарность и лаконичность, заставляет пересмотреть прежний вывод о независимости Внутреннего Хадрамаута от центральной власти Хадрамаутского царства или, во всяком случае, о его весьма широкой автономии в III—I вв. до н. э. и о существовании там догосударственного общества с довольно сложной социальной структурой — своеобразной альтернативы государству [Французов 2000: 308—310; Frantsouzoff 2000: 263—264; 2003b: 61—62]. Следует напомнить, что основным аргументом в пользу этой концепции было проведение в III в. до н. э. орфографической реформы (см.: [Frantsouzoff 2001b: 46, 50]), которая ограничилась рамками этого региона, но не затронула ни Шабву, ни основанную веком позже хадрамаутскую колонию Сумхурām на территории современного Дофара. С другой стороны, употребление в ряде надписей храма Майфа'ан, посвященных Сийāну, формулы *thtn/S^lyn/d-^llm* 'по повелению Сийāна зū Алйма', в которой речь шла об «ипостаси» этого бога, почитавшейся в его главном храме Алйм в Шабве, заставляло усомниться в полной самостоятельности райбунского жречества [Frantsouzoff 2001a: 60].

Теперь выясняется, что в Шабве решались важные для райбунцев имущественные споры, затрагивавшие не только их личные интересы, но и собственность одного из храмов Сийāна — Васаṭхāна, а это возможно только в том случае, если Райбун признавал авторитет столичных властей и, следовательно, являлся неотъемлемой частью государства Хадрамаут. Культурная автономия этого древнего религиозного центра, которая нашла свое выражение в локальном изменении правописания, не распространялась на социально-экономическую сферу.

Литература

Бауэр 1995: Бауэр Г. М. Эпиграфика Рейбуна (сезоны 1983—1984 гг., общий обзор) // Хадрамаут. Археологические, этнографические и историко-культурные исследования. М. (Труды СОИКЭ. I).

Лундин 1971: Лундин А. Г. Государство мукаррибов Саба' (сабейский эпонимат). М.

Интерпретация термина *thn-n* как 'народное собрание' (вместо прежнего 'landlords') предложена в: [Французов 2002б: 260, примеч. 1].

¹⁴ Вопрос о числе, в котором стоит *hllw*, остается спорным. Хотя особого окончания для двойственного числа перфекта по сравнению с множественным числом в хадрамаутском не выявлено, высказывалось предположение, что эти две омографичные формы различались в произношении (см. об этом: [Frantsouzoff 2001b: 51—52: n. 1; 2003a: 45, n. 15; 46]).

Французов 2000: Французов С. А. Общество Райбўна // Альтернативные пути к цивилизации / Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.

Французов 2002а: Французов С. А. Значение материалов Советско-йеменской комплексной экспедиции (СОЙКЭ) для изучения Южной Аравии (эпиграфический аспект) // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI).

Французов 2000б: Французов С. А. Политическое развитие южноаравийско-эфиопской цивилизации в I тысячелетии до н. э.—первой половине I тысячелетия н. э.: от раннего государства к несостоявшейся империи // ПВ. Вып. 10.

Avanzini 2004: Avanzini A. Corpus of South Arabian Inscriptions I—III. Qatabanic, Marginal Qatabanic, Awsanite Inscriptions. Pisa. (Arabia Antica. 2).

Frantsouzoff 1995: Frantsouzoff S. A. The Inscriptions from the Temples of *Dhāt Himyam* at Raybūn // PSAS. 25.

Frantsouzoff 2000: Frantsouzoff S. A. The Society of Raybūn // Alternatives of Social Evolution. Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck and P. K. Wason. Vladivostok.

Frantsouzoff 2001a: Frantsouzoff S. Epigraphic evidence for the cult of the god *Sin* at Raybūn and Shabwa // PSAS. 31.

Frantsouzoff 2001b: Frantsouzoff S. Raybūn. *Ḥadrān*, temple de la déesse ‘Athtar^{um}/‘Astar^{um} (avec une contribution archéologique d’A. Sedov). Fasc. A: Les documents. Paris; Rome (Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 5).

Frantsouzoff 2003a: Frantsouzoff S. A. En marge des inscriptions de Raybūn. Remarques sur la grammaire, le lexique et le formulaire de la langue ḥadramoutique épigraphique // Arabia. 1.

Frantsouzoff 2003b: Frantsouzoff S. A. Raybūn et la Mecque (politique et religion en Arabie préislamique) // Arabia. 1.

Frantsouzoff (в печати, а): Frantsouzoff S. A. Raybūn. Kafas/Na‘mān, temple de la déesse *Dhāt Himyam*. Paris ; Rome (Inventaire des inscriptions sudarabiques. T. 9).

Frantsouzoff (в печати, б): Frantsouzoff S. A. A Sabaean goddess in Ḥadramawt and some peculiarities of her cult at the temple Raybūn (site Raybūn I) // Festschrift Professor Walter W. Müller zum 70. Geburtstag / Hrsg. von St. Weninger.

Frantsouzoff, Priolella (в печати): Frantsouzoff S. A., Priolella A. Sur le nom du temple du dieu *Siyān* dégagé à Raybūn VI // Raydān. 8.

Höfner 1977: Höfner M. Weihinschrift an *Sin* // Corpus des inscriptions et antiquités sud-arabes. T. I. Sect. 1: Inscriptions. Louvain.

Korotayev 1997: Korotayev A. A socio-political conflict in the Qatabanian kingdom? (A preliminary re-interpretation of the Qatabanic inscription RES 3566) // PSAS. 27.

Loundine 1963: Loundine A. G. «’Il Très-Haut » dans les inscriptions sud-arabes // Le Muséon. 76.

Ricks 1989: Ricks St. D. Lexicon of Inscriptional Qatabanian. Roma (Studia Pohl. Dissertationes scientificae de rebus Orientis antiqui. 14).

ВООРУЖЕНИЕ КЫРГЫЗСКИХ ВОИНОВ В VI—XIV вв.

Ю. С. Худяков (Новосибирск)

В военно-политической и этнокультурной истории тюркских народов Центральной Азии в эпоху Средневековья заметная роль принадлежала енисейским кыргызам. На протяжении полутора тысяч лет своего обитания на Енисее кыргызы смогли сохранить свою государственность, этнополитическую систему, этническое и культурное своеобразие во многом благодаря высокому уровню развития военного дела. В IX в. н. э. наступил «звездный час» кыргызской истории, когда кыргызы смогли прорваться из-за Саянских гор на просторы Центральной Азии, сокрушили уйгурское государство, основали могущественный Кыргызский каганат, достигли Тянь-Шаня и Ордоса, вступили в соприкосновение с империей Тан. Благодаря этому периоду, справедливо названному академиком В. В. Бартольдом «кыргызским великодержавием» [Бартольд 1963: 489], кыргызы привлекли к себе внимание правителей и летописцев из стран Восточной и Средней Азии, сохранивших их деяния для мировой истории. Это было время не только максимального территориального расширения кыргызской государственности и культуры, но и их подлинного наивысшего расцвета и наибольших успехов в военной области. Однако и в последующие века, несмотря на распад единого кыргызского государства на отдельные княжества и сокращение масштабов военных действий, кыргызы сохранили высокий уровень оружейного ремесла и военного потенциала для сохранения своей государственности вплоть до нового времени.

Военное дело кыргызов, в силу высокого уровня своего развития, закономерно привлекало к себе внимание современников и позднейших исследователей — от китайских летописцев до европейских и российских ученых XVIII—XIX вв. Однако целенаправленное изучение вооружения и военного искусства енисейских кыргызов началось в 1970-е гг. Обращение к анализу вооружения средневековых кыргызов было продиктовано сравнительно хорошей изученностью памятников культуры енисейских кыргызов на территории Южной Сибири, обоснованностью хронологии, периодизации и этнокультурной принадлежности кыргызских комплексов, широкой представительностью предметов вооружения в составе сопроводительного инвентаря кыргызских могильников раннего и развитого Средневековья, исключительной сохранностью железных пред-

метов вооружения и наличием среди них всех основных видов оружия ближнего, дистанционного боя и средств защиты. В результате проделанного анализа удалось систематизировать находки предметов вооружения из памятников кыргызской культуры, классифицировать все основные виды оружия, реконструировать комплекс боевых средств, структуру военной организации и военное искусство кыргызов, проследить события военной истории, в которых деятельное участие принимали енисейские кыргызы в течение эпохи раннего и развитого Средневековья [Худяков 1980: 4, 25]. Разработанная на материале кыргызского оружия модель анализа и реконструкции вооружения и военного искусства была в дальнейшем успешно применена для изучения военного дела других средневековых кочевых, тюркских и монгольских народов и государств [Худяков 1986; 1991]. Были обобщены материалы по военному делу кыргызов в монгольскую эпоху [Худяков 1997: 8—25]. Хотя вооружение и военное искусство енисейских кыргызов исследовано и достаточно подробно освещено в нескольких монографиях, полученные в результате раскопок в течение последних лет новые материалы позволяют рассмотреть прослеженные закономерности в развитии военного дела с учетом новых данных.

В течение III в. до н. э.—V в. н. э. кыргызы обитали на территории Восточного Туркестана. Они вели войны и попадали в зависимость от хуннов, сяньби и жужаней, вступали в союз с динлинами. Однако памятники древних кыргызов в Восточном Туркестане остаются неисследованными, поэтому реконструировать особенности военного дела древних кыргызов в настоящее время не представляется возможным [Худяков 1995: 119].

В середине I тыс. н. э. кыргызы стали обитать в Минусинской котловине. Вероятно, они мигрировали или были переселены на земли к северу от Саян жужанями в ходе их войн с динлинской конфедерацией, в состав которой входили и древние кыргызы — гяньгуни, с целью ослабления противников жужаньских каганов, подобно тому как были переселены на Алтай древние тюрки Ашина. С VI в. на Енисее существовали кыргызский этнос и государственность, развивалась кыргызская культура. В своем развитии они пережили несколько исторических эпох.

В VI—VIII вв. кыргызы смогли закрепиться в степных районах Минусинской котловины. Они создали свое государство — «эль» и подчинили местные племена, оказавшиеся на положении кыштымов. В этот период им приходилось вести частные войны с древними тюрками и уйгурами, северными племенами «бома» (рис. 1). Правители кыргызов носили — в зависимости от положения своего государства в политической системе Центральной Азии — разные титулы: эльтебер, азо, пицьсе — тегин. Иногда кыргызские правители принимали титул «каган», выражая тем самым свои претензии на господство над всем Центрально-Азиатским регионом. По наименованию основных типов курганов этого времени памятники культуры кыргызов VI—VIII вв. относятся к «эпохе чаа-тас» [Худяков 1982]. Находки предметов вооружения в кыргызских курганах эпохи чаа-тас встречаются редко, однако, наряду с материалами сборов на поселениях, изобразительными и письменными источниками, они позволяют реконструировать комплекс боевых средств тяжеловооруженных

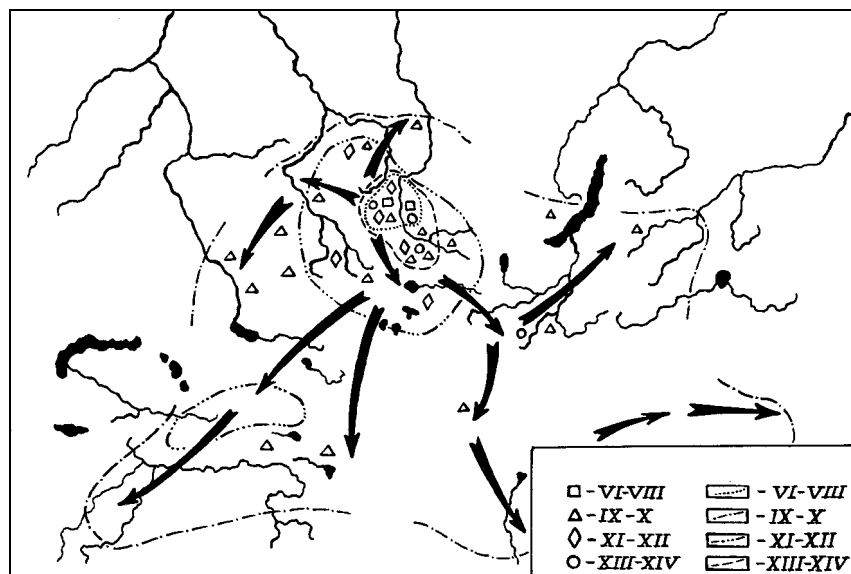

Рис. 1. Карта распространения памятников кыргызской культуры, границ кыргызского государства и войн в VI—XIV вв.

конных воинов — кыргызов и легковооруженных всадников — кыштымов этого периода [Евтюхова 1948: 103—107; Киселев 1949: 325].

В VI—VIII вв. кыргызские тяжеловооруженные воины-всадники были вооружены луками с костяными концевыми и срединными боковыми накладками, а также стрелами с железными трехлопастными наконечниками. Подобные стрелы отличались дальностью и высокой точностью попадания. Наконечники стрел имели остроугольное острие, узкие или широкие лопасти с отверстиями и шипы (рис. 2). Иногда наконечники снабжались костяными полыми шариками-свистунками. В походном положении стрелы хранились в изготовленных из бересты колчанах закрытого типа, в которые их помещали наконечниками вниз. Колчаны с помощью ремней, петель и крюка подвешивались к поясу воинов. Кроме средств ведения дистанционного боя, кыргызские воины располагали широким арсеналом оружия ближнего и рукопашного боя.

В ближнем бою кыргызские тяжеловооруженные воины применяли ударные копья с деревянными древками и железными наконечниками с ромбическим пером и длинной конической втулкой. Воины пользовались для нанесения рубящих и колющих ударов мечами с прямым перекрестьем и длинным или коротким двулезвийным клинком. У них имелись на вооружении боевые топоры с узким лезвием и высоким обухом (рис. 3, 1—5, 10—14).

В рукопашном бою кыргызские воины могли использовать кинжалы с прямым двулезвийным или однолезвийным клинком, перекрестьем, прямой или коленчатой рукоятью.

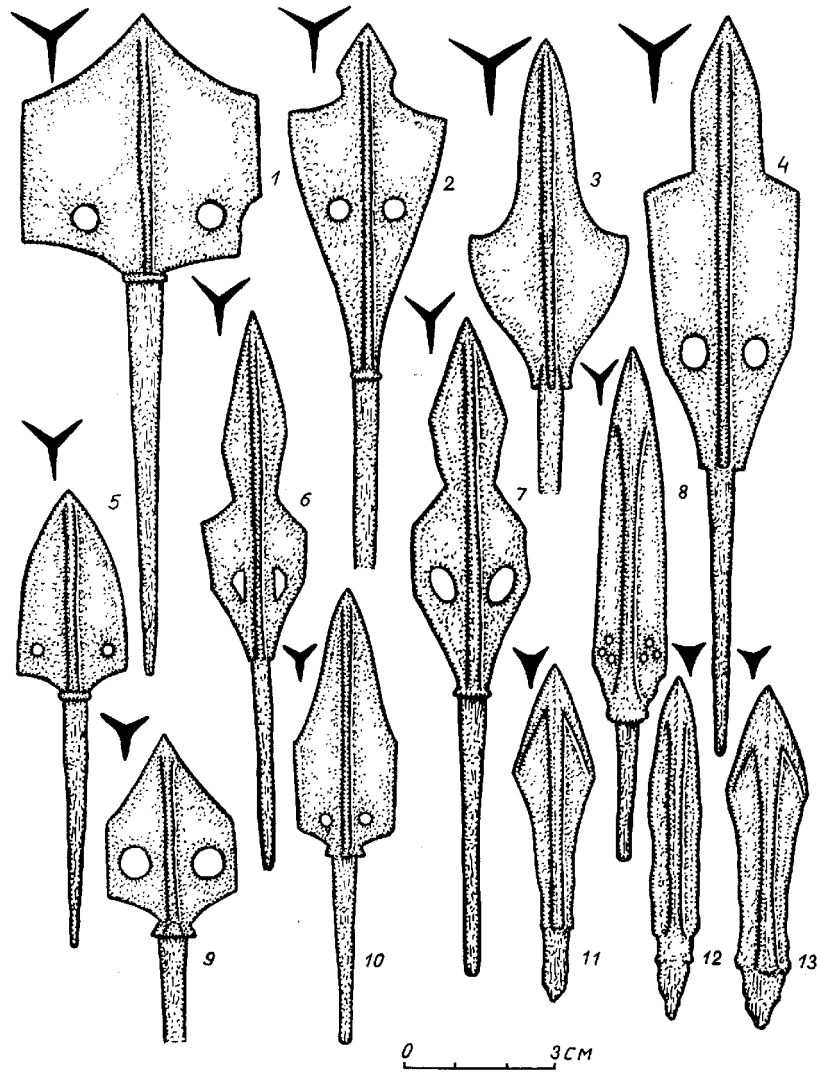

Рис. 2. Кыргызские наконечники стрел VI—VIII вв.

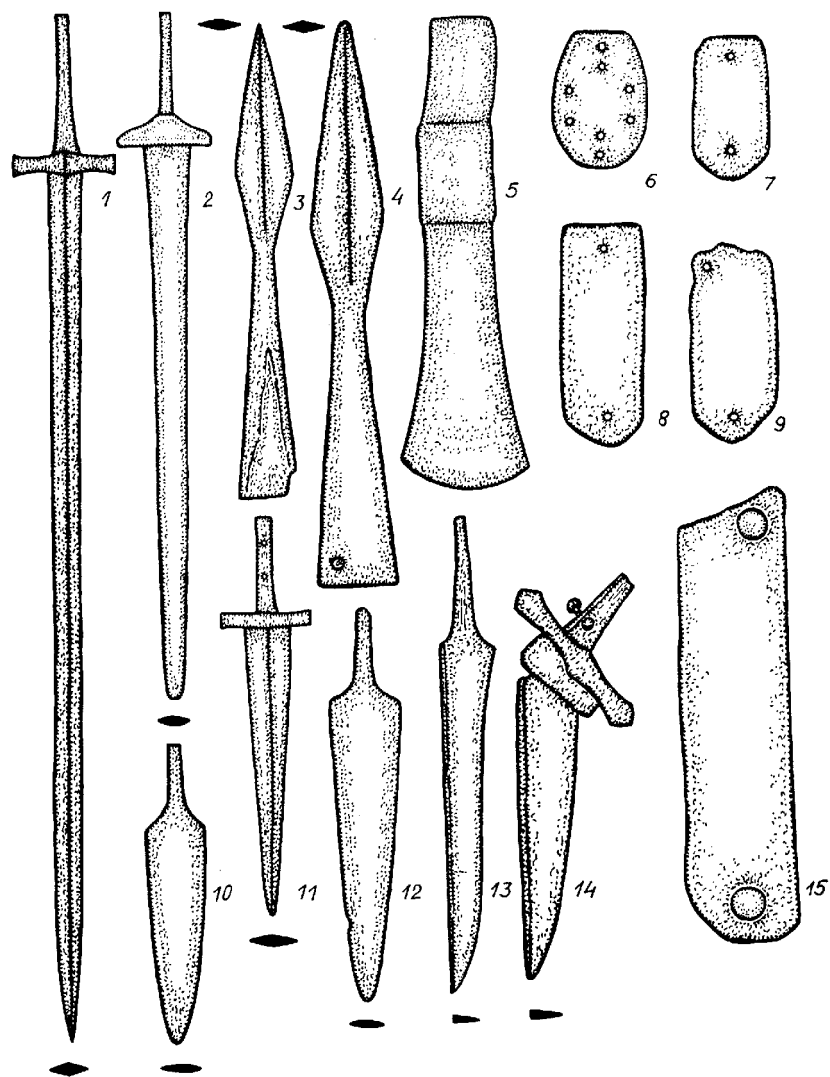

Рис. 3. Кыргызское оружие VI—VIII вв.

Для защиты кыргызские воины использовали шлемы, нагрудные панцири из горизонтально составленных нашивных пластин, ламеллярные доспехи из вертикально составленных пластинок, соединенных кожаными ремешками (рис. 3, 6—9, 15). Для усиления защитных возможностей панцирей на плечах, на груди поверх доспеха укреплялись накладные щитки, руки и ноги воинов защищались наручами и поножами. Воины использовали для защиты от стрел и сабель щиты округлой формы, составленные из деревянных планок, соединенных поперечными перекладинами [Худяков 1980: 131—133].

Набиравшиеся в состав кыргызских войск воины из племен кыштымов были легковооруженными конными лучниками. У них на вооружении имелись сложносоставные луки, стрелы с железными трехлопастными и костяными наконечниками, которые хранились в колчанах. В рукопашном бою они могли пользоваться кинжалами.

Кыргызское войско в VI—VIII вв. представляло собой ополчение, составленное из отдельных отрядов родов, племен и бегских дружин. Основную массу войска составляли отряды легкой конницы. При формировании и построении войска боевые единицы создавались по родоплеменному принципу. Четкое разделение на рода войск и определенная численность отдельных отрядов не соблюдались. Такое войско не было достаточно дисциплинированным и сплоченным. Его стойкость и успех в бою во многом зависели от удачного начала сражения. Роль полководца сводилась к построению и расположению отдельных отрядов в составе войска и принятию решения о начале сражения [Худяков 1980: 144].

Главную роль в тактике ведения боя кыргызами играл рассыпной строй. Бой начинался атакой конных лучников и метанием стрел в противника. В случае неудачи первого натиска наступавшие откатывались на определенную дистанцию для повторения атаки. При замешательстве в рядах противника в бой вступали главные силы, использовавшие в ближнем бою копья, мечи и боевые топоры. При ударе противника кыргызские воины пытались сдержать его натиск, а в случае неудачи отступали.

Для обороны важных стратегических районов и проходов через горы кыргызы умели сооружать и оборонять крепости с валами и рвами с напольной стороны [Карцов 1929: 560—566].

В VI—VIII вв. кыргызские правители прочно удерживали под своей властью Минусинскую котловину и окрестные племена кыштымов. Однако в крупномасштабных войнах с центральноазиатскими кочевыми державами древних тюрков и уйгуров они нередко терпели поражения, даже временно теряли самостоятельность. Их военная стратегия в этот период была по преимуществу оборонительной. Театр военных действий ограничивался Минусинской котловиной и Тувой.

Последующий период IX—X вв., соответствующий эпохе «кыргызского великодержавия», был временем наиболее значительных побед кыргызского оружия в крупномасштабных войнах в Центральной Азии и наивысшего расцвета военного искусства кыргызов [Худяков 1980: 162] (рис. 1).

Используя благоприятную для них ситуацию, кыргызы смогли объединить племена Саяно-Алтая и создать мощное государство — Кыргызский каганат, который разгромил уйгуров в кровопролитной войне и завоевал обширные пространства степной Азии. Памятники кыргызской культуры IX—X вв. распространены на очень широкой территории: в Минусинской котловине, Туве, на Алтае, в Монголии, в Прибайкалье, в Забайкалье, в Восточном Туркестане, в Приобье, в Прииртышье. В кыргызских курганах IX—X вв. предметы вооружения встречаются довольно часто, в сочетании с материалами с поселений, сведениями письменных источников и изобразительными данными они дают возможность для реконструкции комплекса боевых средств тяжеловооруженных и легковооруженных воинов кыргызского войска «эпохи великодержавия» [Кызласов 1969: 103; Нечаева 1966: 109—114].

В IX—X вв. тяжеловооруженные кыргызские воины-всадники были вооружены разнообразными средствами ведения дистанционного, ближнего боя и защиты. В дистанционном бою они могли обстреливать противника из сложносоставных луков со срединными боковыми и фронтальными накладками. Очень разнообразным в этот период был набор кыргызских стрел с железными наконечниками. Для поражения противника, не защищенного броней, использовались трехлопастные, двухлопастные, четырехлопастные и плоские наконечники более чем 20 различных типов. Для пробивания брони использовались трехгранно-трехлопастные, четырехгранно-четырёхлопастные, четырехгранные, ромбические, прямоугольные и круглые в сечении наконечники 19 различных типов (рис. 4). Такого большого разнообразия форм не зафиксировано ни в одной другой кочевнической культуре Средневековья. Наиболее развитым выглядит кыргызский комплекс бронебойных стрел, значительно превосходящий по разнообразию форм синхронные наборы древних тюрок, уйгуров, кимаков, курыкан, байырку, шивэй и других кочевых этносов. Для кыргызских бронебойных стрел характерно преобладание гранено-выемчатых форм, тупоугольные и остроугольные формы острия у наконечников, предназначенных для пробивания панцирной брони и раздвигания колец кольчуги. Многие формы бронебойных стрел характерны только для кыргызов. Это свидетельствует о высоком уровне развития оружейного ремесла у кыргызов, стимулом для которого послужила длительная война с уйгурами.

Кыргызские воины хранили и носили луки со снятой тетивой в специальных чехлах-налучьях, которые с помощью ремней подвешивались к поясу. Стрелы хранили в колчанах открытого типа с карманом, в которые они помещались наконечниками вверх. Колчаны крепились с помощью ремней, петель и крюка к поясу.

В ближнем бою тяжеловооруженные кыргызские воины атаковали противников ударными копьями и пиками с длинными древками и железными наконечниками с ромбическим, квадратным и круглым в сечении пером. На древках стрел крепились флаги и знамена. В ближнем и рукопашном бою кыргызские воины рубились однолезвийными палашами, слабоизогнутыми саблями и боевыми топорами с узким лезвием и

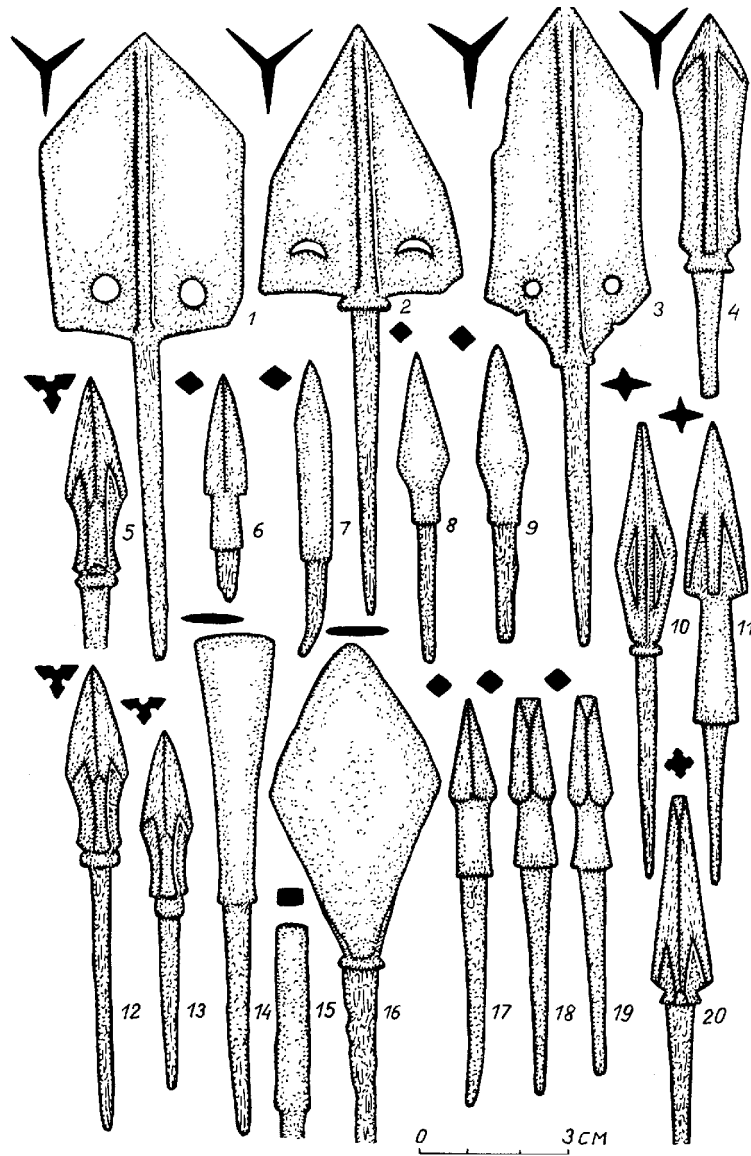

Рис. 4. Кыргызские наконечники стрел IX—X вв.

низким обухом. Сравнительно редко шли в ход однолезвийные и двулезвийные кинжалы (рис. 5; 6, 1—3). Для защиты кыргызы применяли сфероконические шлемы, чешуйчатые и ламеллярные панцири-куяки, плечи и грудь которых дополнительно защищали накладные щитки (рис. 6, 4—15; 7). В снаряжение боевого коня входила защитная попона с накладными щитками [Худяков 1980: 134—135] (рис. 7).

Легковооруженные воины-кыштымы были вооружены луками и стрелами, боевыми теслами и кинжалами, для защиты применяли накладные щитки.

В IX—X вв. в Кыргызском каганате была создана централизованная десятичная военно-административная система деления войска и народа. Все боеспособные мужчины сводились в отряды по 5, 10, 50, 100, 500, 1000, 5000, 10 000 воинов, возглавляемые военачальниками различных рангов. Все войско насчитывало 3 тумена по 10 000 воинов — тяжелооруженных кыргызских панцирных всадников и 7 туменов легковооруженных кавалеристов, составленных из представителей вассальных племен, кыштымов [Худяков 1980: 140].

С выделением в составе кыргызской армии двух родов войск — тяжелооруженной и легкой конницы — существенно изменилась тактика ведения боя. В ходе сражения происходило взаимодействие отрядов легкой и панцирной конницы. Бой начинали отряды легкой конницы, которые охватывали построение противника по фронту и с флангов и атаквали его прицельной стрельбой из луков. В ходе атаки всадники стремились сломить сопротивление врага и обратить его в бегство или спровоцировать его на атаку притворным отступлением. При нарушении построения войска противника, его замешательстве или неподготовленной атаке в бой вступали отряды кыргызской панцирной кавалерии, атакующие врага плотно сомкнутым строем. Атака велась на большой скорости, что повышало мощность удара копий. В результате такой атаки, как правило, решалась участь сражения. Если противник сопротивлялся, кыргызы атаквали его в ближнем и рукопашном бою палашами, саблями и боевыми топорами.

Когда враг не выдерживал и пытался бежать, его преследовали, нанося особо ощутимые потери.

Кыргызы умели сооружать, оборонять и брать крепости. Под ударами кыргызских войск пала система уйгурских крепостей в Туве и Монголии. В ходе решающего сражения под Орду-Бальком была захвачена цитадель уйгурской столицы, обладавшая мощной линией укреплений [Худяков 1980: 144—149].

В кыргызском войске поддерживалась суровая воинская дисциплина. Военные отряды кыргызов могли совершать длительные походы на большие расстояния, преодолевать горные и водные преграды.

Войны велись кыргызами с большим ожесточением с целью запугать противника, заставить его покориться.

В военной истории кыргызов «эпоха великодержавия» выделяется наступательной стратегией. В этот период значительно возросли масштабы войн, военных операций и отдельных сражений. В боях под знаменами

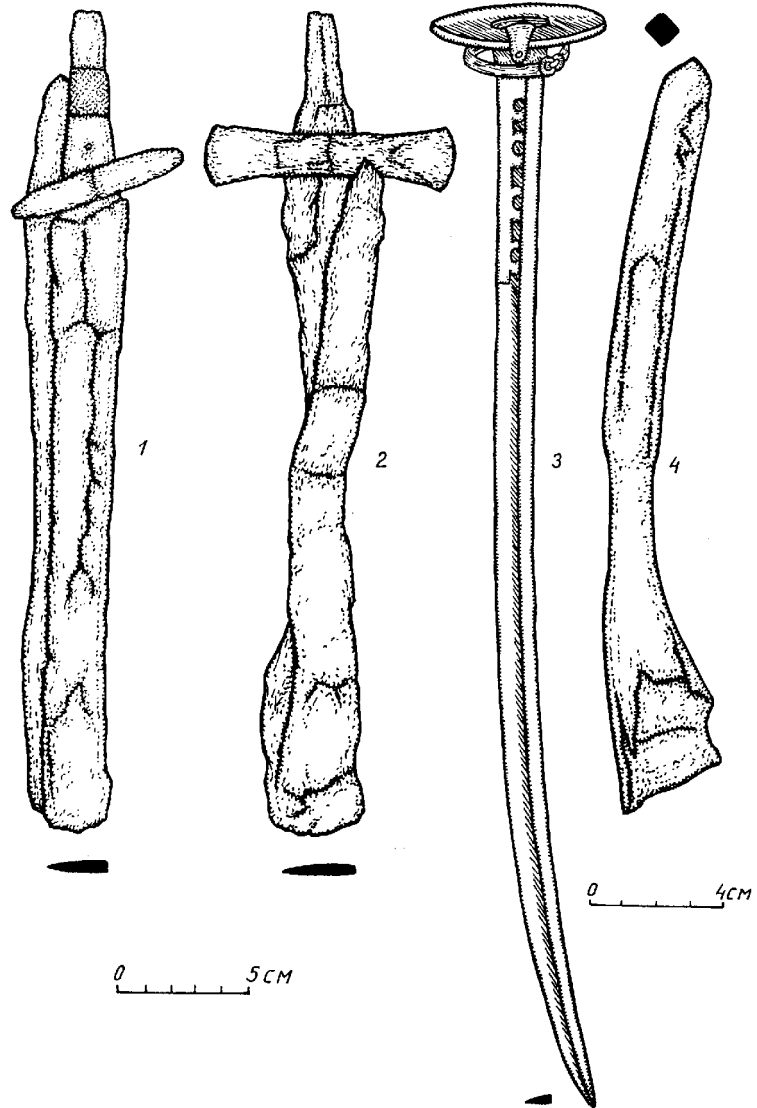

Рис. 5. Кыргызское оружие ближнего боя IX—X вв.

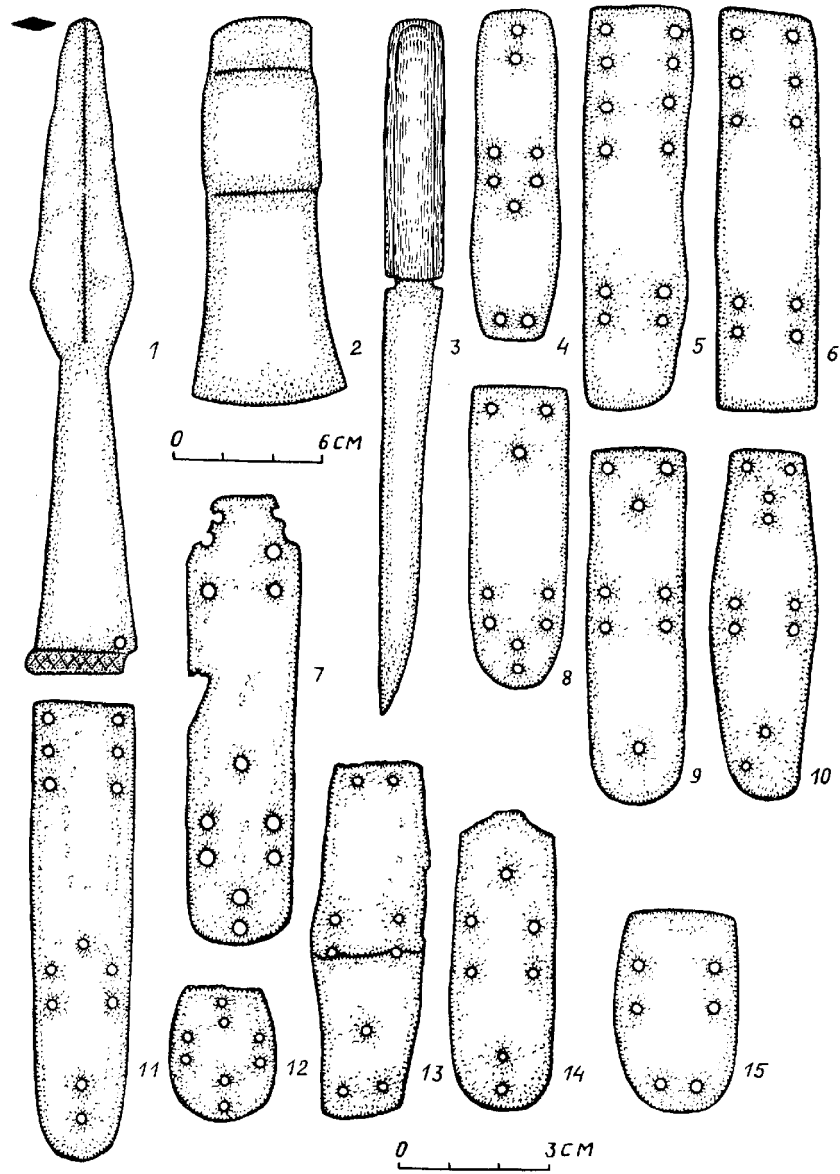

Рис. 6. Кыргызское оружие IX—X вв.

кыргызских каганов участвовали войска, насчитывающие по 7—10 туменов, 10—100 тысяч воинов. Театр военных действий расширился от Саяно-Алтая до Тянь-Шаня, Ордоса, Забайкалья и Прииртышья. Целью ведения войн кыргызскими каганами было покорение кочевых племен Центральной Азии, контроль над торговыми путями, установление союзных отношений с империей Тан.

Однако истощение и распыление ограниченных людских ресурсов на огромной территории Центральной Азии привели к быстрому ослаблению военной мощи Кыргызского каганата и упадку «кыргызского великодержавия».

В XI—XII вв. кыргызский этнос в результате завоевания центральноазиатских степей киданями оказался разделенным на

две территориально разобщенные группы. Одна из них осталась в Восточном Туркестане, другая сохранила за собой Саяно-Алтай. В этом районе кыргызская культура пережила новый этап своего развития. По названию основного типа курганов этого времени памятники кыргызской культуры XI—XII вв. относятся к «эпохе сууктэр» [Худяков 1982: 74]. Находки предметов вооружения в памятниках эпохи сууктэр встречаются достаточно часто [Кызласов 1969: 112]. В сочетании со сведениями письменных источников они позволяют реконструировать комплекс вооружения кыргызских и кыштымских воинов этого времени.

В XI—XII вв. кыргызские воины имели на вооружении сложносоставные луки со срединными и плечевыми фронтальными костяными накладками и стрелы с железными наконечниками. Среди небронебойных стрел преобладали плоские наконечники. Их известно 9 разных типов. Реже встречались трехлопастные стрелы. Для пробивания брони применялись трехгранно-трехлопастные, четырехгранно-четырёхлопастные, четырехгранные, ромбические и прямоугольные наконечники. Всего известно 14 типов бронебойных стрел. Для того периода это был наиболее разнообразный набор стрел среди кочевых культур. По сравнению с предшествующим периодом, в его составе произошли важные изменения (рис. 8). Наиболее распространенными стали плоские стрелы, что свидетельствует о возрастании частоты и скорострельности стрельбы на короткие дистанции. Среди бронебойных преобладали стрелы с тупым острием, предназначенные для пробивания панцирных пластин и рассечения колец кольчуги.

Рис. 7. Реконструкция кыргызских панцирных воинов IX—X вв.
Рисунок Л. А. Боброва

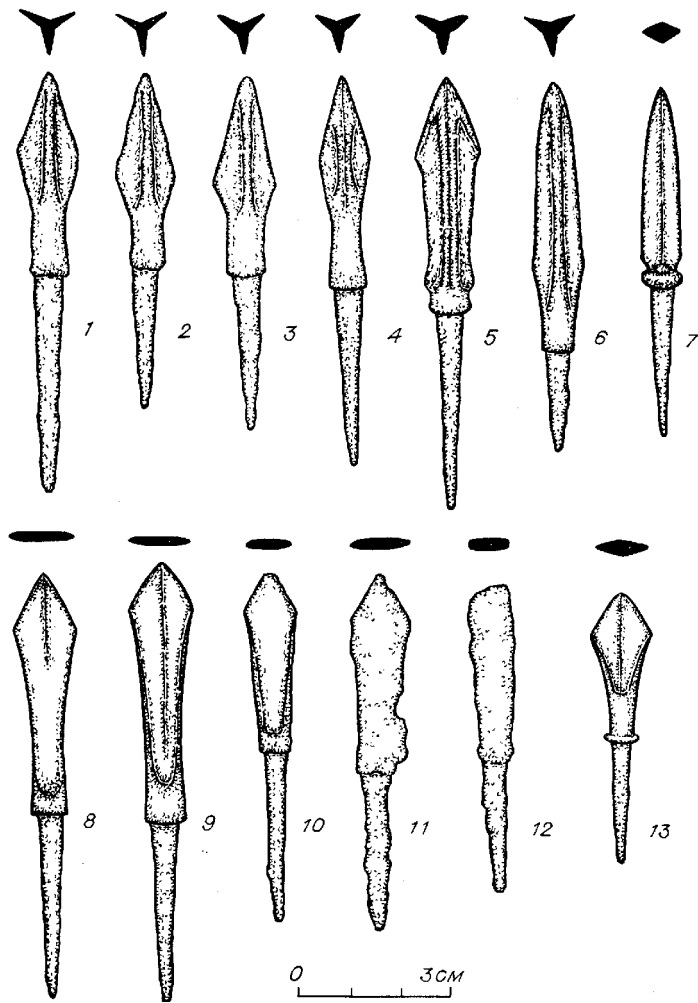

Рис. 8. Кыргызские наконечники стрел XI—XII вв.

Вероятно, стрелы носили и хранили в открытых колчанах с карманом, в которые их помещали наконечниками вверх. Колчаны крепились к поясу воинов с помощью ремней, петель и крюка.

В рукопашной схватке кыргызские воины рубились палашами и саблями с прямыми или слабоизогнутыми клинками (рис. 9). В ближнем бою кыргызы атаковали противника копьями и пальмами с железными наконечниками, перо которых было ромбическим или трехлопастным (рис. 10, 1). Значительно реже применялись в бою боевые топоры с узким лезвием и низким обухом (рис. 10, 2). В рукопашном бою использовались однолезвийные кинжалы (рис. 10, 5, 6).

Для защиты кыргызские воины использовали панцири-куяки, состоявшие из вертикально расположенных узких пластин, соединенных ламеллярным или чешуйчатым способом. В XII в. у кыргызов появились пластинчатые кюяки, состоявшие из широких пластин, крепившихся заклепками к подкладке (рис. 10, 3, 7). Для защиты головы воины пользовались сфероконическими шлемами с пластинчатым куполом, обручем и наверхшим с плюмажем [Худяков 1980: 136—137] (рис. 10, 4; 11).

Воины-кыштымы в этот период были вооружены сложносоставными луками, стрелами с железными и плоскими наконечниками и костяными свистунками, теслами и кинжалами.

С распадом единого Кыргызского каганата на отдельные княжества в XI—XII вв. пришла в упадок централизованная военно-административная система, хотя у кыргызов сохранилась десятичная система формирования и построения войска. Основной войсковой единицей стали десятитысячные отряды, разбитые на более мелкие подразделения по десятичному принципу. Во главе туменов, формируемых отдельными княжествами, стояли их правители — иналы. В состав войска входили дружины иналов и бегов и отряды кыштымов. Кыргызские воины-дружинники, хорошо вооруженные и оснащенные, составляли основную ударную силу войск кыргызских княжеств.

Изменение численности войск и комплекса вооружения повлекло за собой перемены в тактике боя, который стал более интенсивным. Возросла скорость полета стрел, а применение копий и пальм повысило интенсивность ближнего боя. Широкое использование сабель повысило эффективность и усложнило приемы фехтования. Повысилась продолжительность и значение ближнего и рукопашного боя в ходе сражения.

В этот период кыргызы продолжали сооружать крепости-убежища, в которых они укрывались в моменты военной опасности.

В истории войн период XI—XII вв. характеризуется для кыргызов оборонительной стратегией. Театр военных действий ограничивался Саяно-Алтаем и Северо-Западной Монголией. Масштабы военных операций были невелики. Кыргызские княжества вели внешние войны, сопротивляясь экспансии кара-киданей и найманов и добиваясь гегемонии в Саяно-Алтае.

В XIII—XIV вв. кыргызские княжества утратили государственную самостоятельность и вошли в состав Монгольской империи. Кыргызские

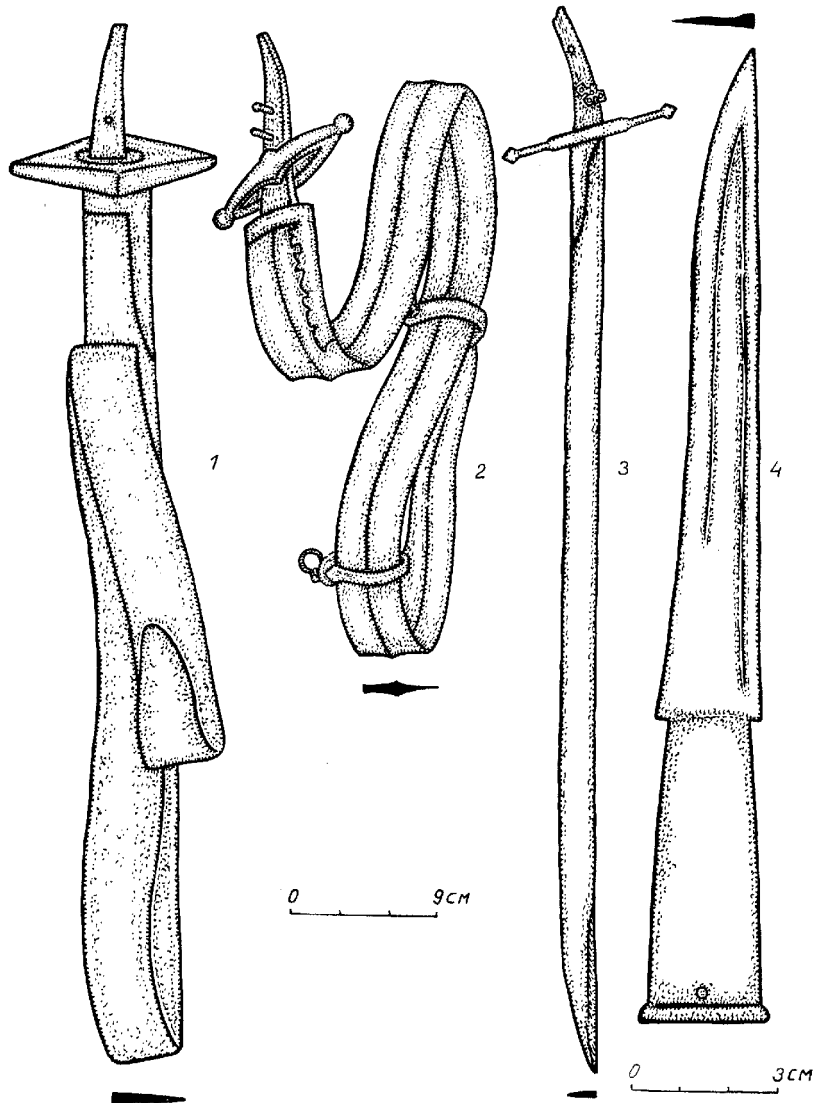

Рис. 9. Кыргызское оружие ближнего боя XI—XII вв.

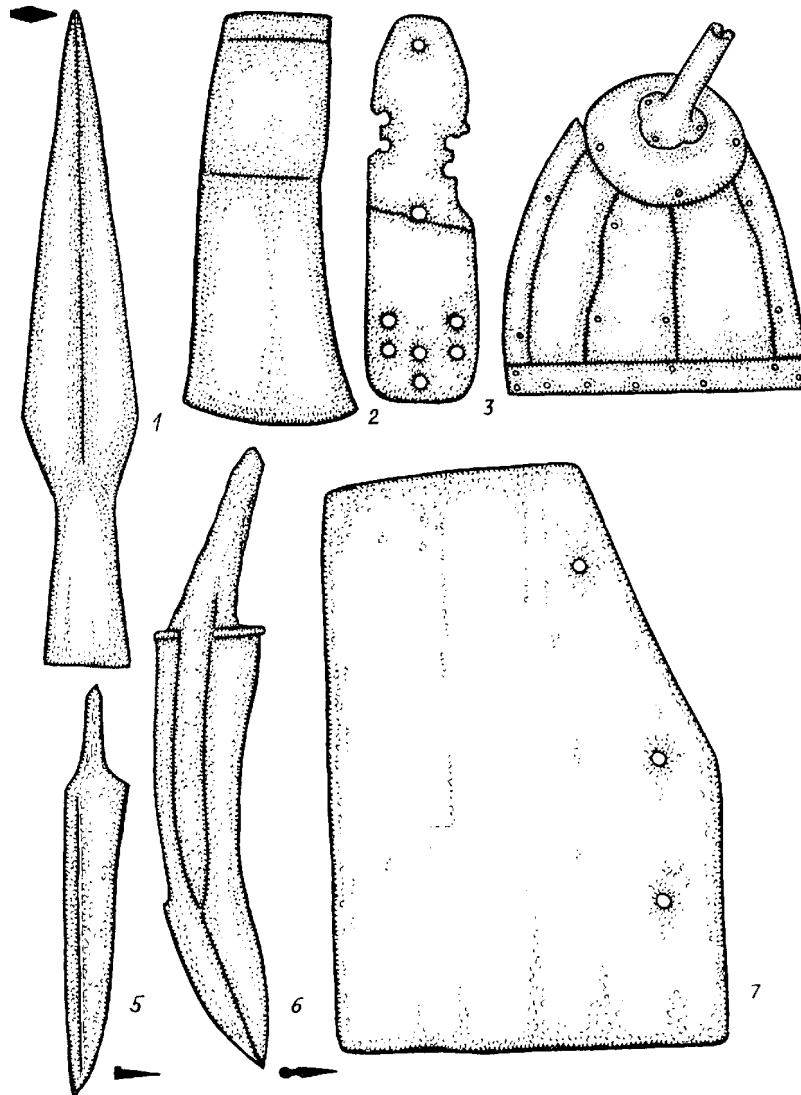

Рис. 10. Кыргызское оружие ближнего и рукопашного боя и защитное вооружение XI—XII вв.

Рис. 11. Реконструкция кыргызского панцирного всадника XI—XII вв.
Рисунок Л. А. Боброва

военные формирования стали частью Монгольской армии и должны были нести службу не только в Южной Сибири, но и в Монголии, Маньчжурии, Северном Китае (рис. 11). Памятники кыргызской культуры XIII—XIV вв. относятся к «монгольской эпохе». В них встречаются предметы вооружения, которые позволяют реконструировать комплекс боевых средств кыргызов этого времени [Худяков 1982: 196—197].

В XIII—XIV вв. кыргызские воины были вооружены, вероятно, сложносоставными луками. Для стрельбы по врагу применялись стрелы с железными плоскими, трехлопастными, зигзагообразными, четырехгранными и прямоугольными наконечниками (рис. 12). Типологи-

ческое разнообразие стрел, по сравнению с предшествующим периодом, значительно сократилось. Особенно резко уменьшилось количество типов бронебойных стрел. В то же время несколько возросло число форм плоских наконечников и появились новые типы стрел с зигзагообразным пером, проворачивавшихся в полете. Судя по этим данным, кыргызское войско получило дополнительные возможности в стрельбе по легковооруженному противнику, но способность поражать врага, защищенного панцирным доспехом, у них значительно уменьшилась. Вероятно, кыргызские воины носили и хранили стрелы в колчанах, но их детали в памятниках этого периода не обнаружены.

В ближнем и рукопашном бою кыргызские воины могли наносить удары палашами (рис. 13), саблями, копьями (рис. 14, 1, 2) и кинжалами. Другие виды оружия в кыргызских курганах не найдены. Для защиты кыргызы применяли ламеллярные и пластинчатые кюйки (рис. 14, 3—8) и сфероконические шлемы [Худяков 1997: 22—24].

Воины-кыштымы были вооружены сложносоставными луками, стрелами с железными плоскими и прямоугольными наконечниками, которые хранились в колчанах, а также теслами и кинжалами.

При включении в состав Монгольской империи кыргызское население Минусинской котловины было приписано к одному тумену войска. В дальнейшем территория Саяно-Алтая была поделена на несколько военно-административных округов. Несмотря на утрату государственной самостоятельности и сокращение численности населения, кыргызы смогли сохранить свое положение ведущей этнической группы в Минусинской котловине. В то же время усилились отдельные племена кыштымов.

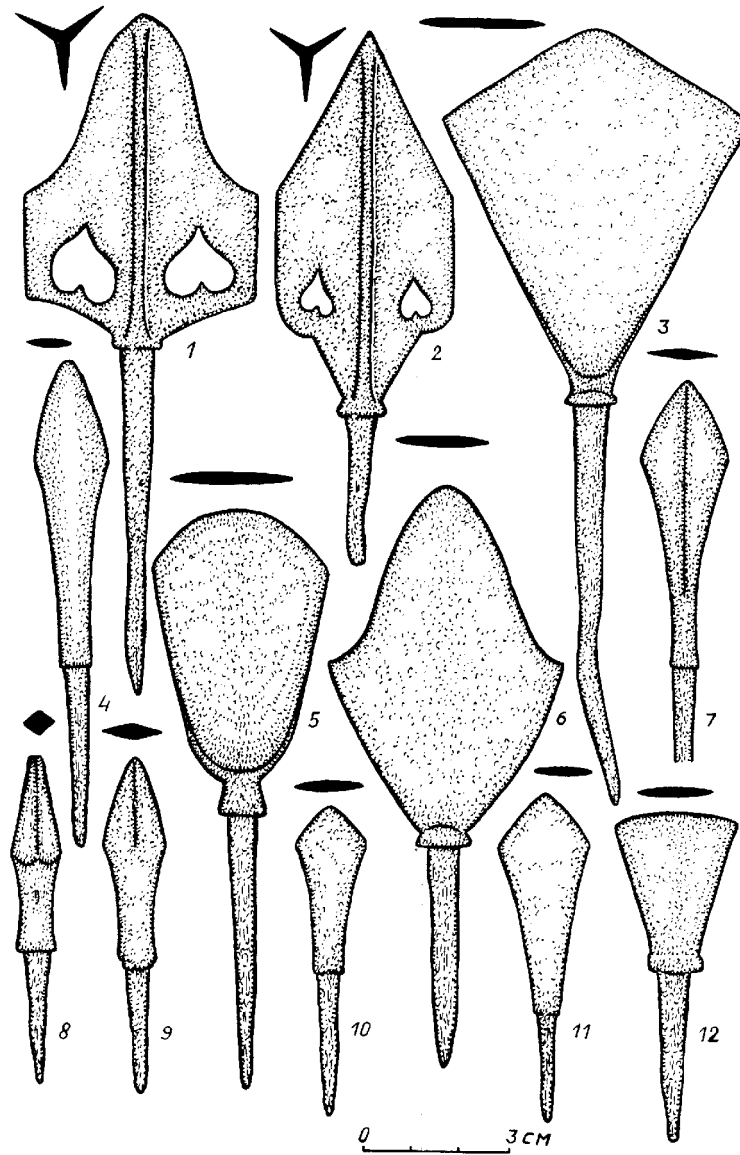

Рис. 12. Кыргызское оружие ближнего боя XIII—XIV вв.

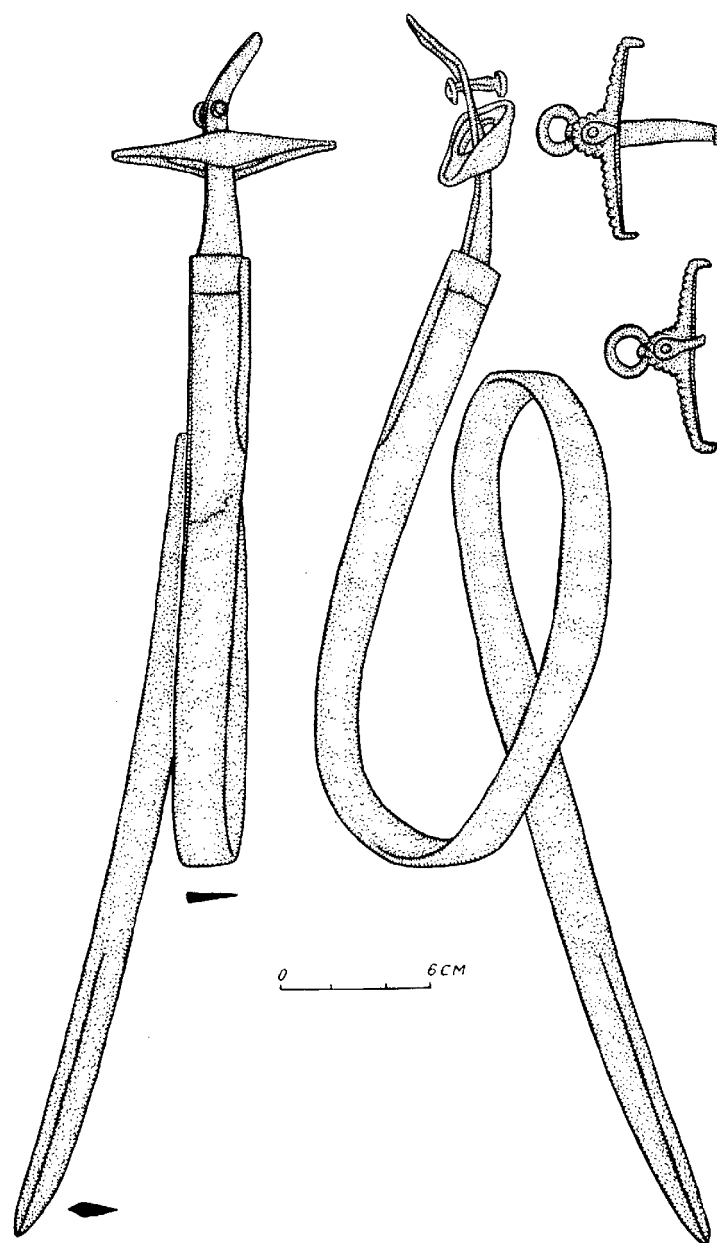

Рис. 13. Кыргызский палаш XIII—XIV вв.

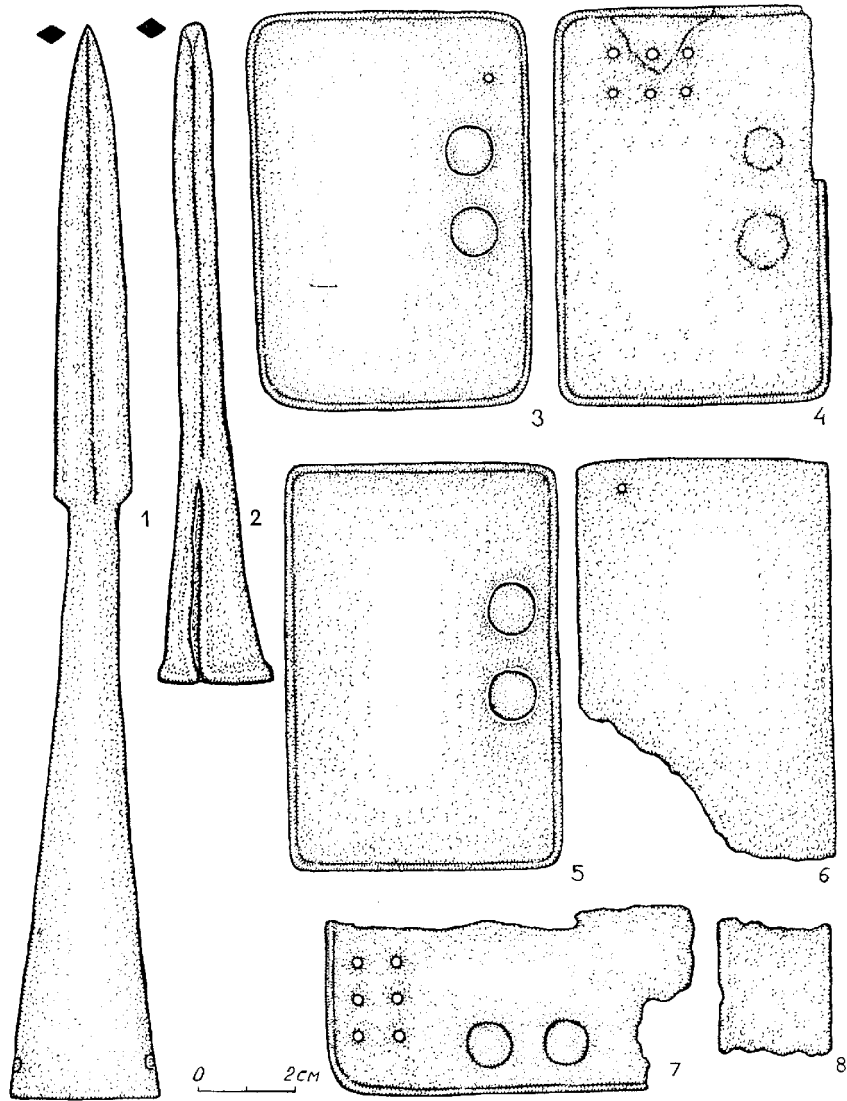

Рис. 14. Кыргызские копья и панцирные пластины XIII—XIV вв.

Судя по характеру вооружения, кыргызы формировали в составе монгольского войска военные отряды, которые имели возможность вести успешную борьбу с легковооруженным противником в дистанционном и ближнем бою. Для борьбы с тяжеловооруженной конницей врага они располагали меньшими возможностями, нежели в предшествующий период.

Отдельные племена кыштымов могли формировать отряды легкой конницы, достаточно боеспособные в дистанционном бою.

К этому времени, вероятно, относится создание в труднодоступных местах некоторых крепостей-убежищ, где население могло скрываться от врага.

С утратой государственности кыргызы не могли осуществлять самостоятельную стратегию. Они принимали участие в войнах в составе монгольских войск, несли охранную службу, участвовали в междоусобных столкновениях чингизидов. Значительная часть кыргызов были переселены в отдаленные районы Монгольской империи в качестве военных поселенцев [Худяков 1997: 24—25].

Однако, несмотря на утрату независимости и сокращение численности населения, кыргызы смогли сохранить в качестве основного района обитания своего этноса Минусинскую котловину, где кыргызские княжества просуществовали до XVIII в. [Потапов 1957: 18—21; Бутанаев 1998: 31—39].

Другая часть кыргызов, обитавшая в Восточном Тянь-Шане, сформировалась в самостоятельный этнос. Их история в Средние века известна очень фрагментарно, и особенности их военного дела реконструировать невозможно.

Эпоха позднего Средневековья, XV—XVI вв., в военной истории кыргызов остается неизученной. Разнообразные материалы по данной теме относятся к XVII—XVIII вв, но они должны быть предметом специального исследования, поскольку их изучение имеет значительную специфику.

Литература

- Бартольд 1963: *Бартольд В. В.* Киргизы // Сочинения. М. Т. II, ч. 1.
Бутанаев 1998: *Бутанаев В.* Этническая культура хакасов. Абакан.
Евтюхова 1948: *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
Карцов 1929: *Карцов В. Г.* Ладейское и Ермолаевское городища // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Т. IV. М.
Киселев 1949: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л. (МИА. № 9).
Кызласов 1969: *Кызласов Л. Р.* История Тувы в Средние века. М.
Нечаева 1966: *Нечаева Л. Г.* Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // ТТКАЭЭ. Т. II.
Потапов 1957: *Потапов Л. П.* Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан.
Худяков 1980: *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. Новосибирск.

-
- Худяков 1982: *Худяков Ю. С.* Кыргызы на Табате. Новосибирск.
Худяков 1986: *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.
Худяков 1991: *Худяков Ю. С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск.
Худяков 1995: *Худяков Ю. С.* Кыргызы на просторах Азии. Бишкек.
Худяков 1997: *Худяков Ю. С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск.

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

по сведениям историков Александра Великого

Д. А. Щеглов (Санкт-Петербург)

Работа посвящена источниковедческому анализу сведений об участии кочевых народов в событиях среднеазиатского похода Александра, а также предварительной оценке их роли в этих событиях.

Сведения дошедших до нас источников о походе Александра (Диодор Сицилийский, Страбон [Lasserre 1975], Помпей Трог = Юстин, Курций Руф [Bardon 1965], Флавий Арриан [Roos 1967], «Эпитома деяний Александра» [Wagner 1901; Baynham 1995]) большей частью восходят к сочинениям трех его современников: Птолемея, Аристубула и Клитарха. Согласно теории, разработанной еще в XIX в. (первое известное мне упоминание: [Müllerus 1846: 74—75]), в основе сведений Диодора, Юстина, Курция Руфа и «Эпитомы» лежит труд Клитарха. Диодор, согласно мнению большинства исследователей, передает версию Клитарха в наиболее чистой форме. Курций Руф и «Эпитома» используют одну и ту же обработку сочинения Клитарха [Reuss 1902: 595—597; Merkelbach 1954: 118—122], но Курций Руф при этом дополняет ее выдержками из некоего источника, отражающего традицию Птолемея, на которого он один раз дает прямую ссылку (IX, 5.21; [Petersdorff 1870: 20—21]). Мнение о том, что этот второй источник Курция Руфа передает традицию Аристубула [Kaerst 1878: 57, 61; Fränkel 1883: 422—426; Hammond 1983], представляется недостаточно обоснованным: нет ни одного примера явного совпадения сведений Курция Руфа и Аристубула, а все имеющиеся совпадения между Курцием и Аррианом можно объяснить их связью через Клитарха или Птолемея [Luedecke 1889: 7—9, 69—70; Atkinson 1980: 62—63]. Арриан, который, в отличие от других авторов, сам называет свои источники, следует главным образом Птолемею, дополняя его из Аристубула (реже из других источников). Сведения Страбона о среднеазиатском походе Александра, видимо, большей частью восходят к Аристубулу [Schwartz 1896a: 917 = Schwartz 1957: 128; Pédech 1974].

Вопрос о том, как три первоисточника соотносятся друг с другом, остается весьма сложен в силу малочисленности прямых свидетельств. Главной проблемой является соотношение между Аристубулом и Клитархом, сведения которых обнаруживают множество близких совпадений. Э. Шварц

выдвинул предположение о том, что Аристокл заимствовал сведения как у Клитарха, так и у Птолемея, пытаясь согласовать их друг с другом [Schwartz 1896a: 916; Schwartz 1896b: 1882 = Schwartz 1957: 127—128, 173]; подробнее: [Endres 1913: 24—26, Anm. 3—4, 65—66; Jacoby 1921: 626; 1927: 505, 509, 516; Strasburger 1934: 15, 17, 39]. Это предположение фактически основывается всего на двух фрагментах Аристокла, которые объединяют в себе элементы версий Клитарха и Птолемея (об аресте Бесса: FGH 139 F 24 = Arr. III, 30.5, ср.: FGH 138 F 14 = Arr. III, 29.7—30.3, ср.: Curt. VII, 5.19—26; о битве на Политимете: FGH 139 F 27 = Arr. IV, 6.1—2, ср.: IV, 5.2—8, ср.: Curt. VII, 7.30—38; ранее контаминацию данных Клитарха и Птолемея здесь предполагал [Droysen 1877: 394; Дройзен 1997: 414])¹. Однако совпадения в этих двух эпизодах далеко не таковы, чтобы сделать вывод о контаминации неизбежным [Kornemann 1935: 10—11, 15, 63]. Напротив, в большинстве фрагментов сведения Аристокла резко расходятся со сведениями, данными Птолемеем, а во многом — и с данными Клитархом. При этом Арриан явно рассматривает Птолемея и Аристокла как независимых друг от друга авторов (I, 1.1 etc; [Kornemann 1935: 7—8]). Многие сведения Аристокла не имеют аналогов ни у Клитарха, ни у Птолемея, при этом многое указывает на то, что он получал информацию из первых рук, притом из достаточно надежных источников [Wenger 1914]. Аристокл участвовал в походе и был, в частности, в Средней Азии (FGH 139 F 33 = Arr. IV, 14.3). Клитарх, напротив, не участвовал в походе и в своем труде использовал популярные рассказы, подвергая их при этом вторичной литературной обработке. Ф. Венгер приводит ряд параллельных эпизодов в рассказах двух историков, где версия Клитарха выглядит как литературная переработка данных Аристокла

¹ Птолемей подробно описывает операцию по захвату Бесса, которой он лично руководил; Клитарх сообщает, что Спитамен и Датаферн сами привели к Александру Бесса, закованного в цепи; у Аристокла, согласно Арриану, Спитамен приводит Бесса не к Александру, а к Птолемее. Эта деталь слишком незначительна, чтобы служить доказательством зависимости Аристокла от Клитарха, не исключено, что она могла быть добавлена самим Аррианом, который ориентировался при этом на рассказ Птолемея, или даже является глоссой [Jacoby 1927: 505]. О битве на Политимете см. ниже. Э. Шварц рассматривает еще два эпизода как свидетельства контаминации Аристоклом сведений Клитарха и Птолемея: о маршруте возвращения Александра из оазиса Аммона (Arr. II, 5.5) и о сражении с передовым отрядом войска Пора на Гидаспе (Arr. V, 14.3—6). В первом случае Александр возвращается не в Мемфис, как у Птолемея, а тем же маршрутом, которым пришел, то есть к Александрии. Э. Шварц видит в этом отражение версии Клитарха, в которой основание города следует за визитом к оракулу. Однако такое объяснение является одним из возможных, но не обязательным. Вероятнее было бы предположить, что Аристокл следует здесь Каллисфену, который служит ему источником в рассказе о визите к оракулу (см.: Arr. II, 3.5—6); однако Венгер [Wenger 1914] отрицает здесь зависимость от Каллисфена, что неубедительно), так же как и Клитарху [Fränkel 1883: 94, 101—105]. Между тем ничто не связывает рассказ Аристокла с Птолемеем (Корнеманн [Kornemann 1935: 10] даже рассматривает этот эпизод как свидетельство того, что Аристокл не был знаком с работой Птолемея). Во втором случае Аристокл говорит, что войско индов подошло еще до окончания переправы македонцев, как и в традиции вольгаты (Arr. V, 14.4), но битва произошла позже вдали от места переправы, как у Птолемея. Однако, вероятно, прав Корнеманн [Kornemann 1935: 11—13] в том, что фрагмент V, 14.4 восходит к Харесу, а источником Аристокла является Онесикрит (ср.: [Wenger 1914: 9—11]).

(Arr. I, 11.1 = Diod. XVII, 16.3; Arr. III, 2.1—2 = Curt. IV, 8.6; Arr. III, 3.6 = Curt. IV, 7.14; Arr. V, 2.6 = Curt. VIII, 10.15; Arr. VI, 28.1—2 = Diod. XVII, 106.1 = Curt. IX, 10.24—30; Arr. VII, 22.1 = Diod. XVII, 116.5; Arr. VII, 24 = Diod. XVII, 116; [Wenger 1914: 88—97]). На этом фоне совпадения между двумя фрагментами Ариостоула и Птолемеем проще объяснить тем, что оба автора, принимая участие в событиях, располагали одинаково надежной информацией, нежели предполагать примитивную компиляцию со стороны Ариостоула. Совпадения с Клитархом в этих фрагментах можно интерпретировать как переработку Клитархом рассказа Ариостоула (в обоих случаях версия Клитарха дает упрощенную, по сравнению с Ариостоулом, картину; правда, Ройс [Reuss 1902: 593] и Тарн [Tarn 1948b: 107] считают Ариостоула источником Курция Руфа).

Учитывая это, другие совпадения в сведениях двух историков о среднеазиатской кампании можно объяснить зависимостью Клитарха от Ариостоула: описание перехода через Кавказ (Curt. VII, 4.23—25; ср.: Arr. III, 28.5—6; [Hammond 1983: 139—140]), рассказ о начале восстания Спитамена (Curt. VII, 6.14—15; Metz. Epit. 9; ср.: Arr. IV, 1.5), описание долины Политимета (Curt. VII, 10.1—3; ср.: FGH 139 F 28 = Str. XI, 11.5 C518; Arr. IV, 6.5—6; [Fränkel 1883: 226—227; Hammond 1983: 143]), эпизод с разрушением города Бранхидов (Curt. VII, 5.28—35; Diod. prol. XVII, 20; ср.: Str. XI, 11.4), рассказ о взятии двух горных крепостей (Curt. VII, 11; VIII, 2.19—33; 4.1—19, 2—30; Metz. Epit. 15—19, 24—31; Diod. prol. XVII, 25, 29—30; ср.: Str. XI, 11.4), эпизод с сирийкой в рассказе о заговоре пажей (Curt. VIII, 6.16—17; ср.: FGH 139 F 30; [Fränkel 1883: 425; Reuss 1902: 593]).

Кочевые народы фигурируют в источниках в связи с двумя главными событиями, первое из которых — конфликт между македонскими завоевателями и так называемыми «европейскими» скифами, второе — восстание Спитамена. Рассмотрим их по отдельности.

I. Конфликт между македонцами и европейскими скифами

Традиция Ариостоула и Клитарха рассказывает об этом событии более подробно и последовательно, чем Птолемей.

Данный сюжет неразрывно связан с географической концепцией, через призму которой традиция Ариостоула и Клитарха рассматривает все события. Согласно этой концепции, Дон и Сырдарья являлись частями единой реки Танаиса, которая традиционно считалась у греков границей Азии и Европы (впервые у Гекатея: FGH ad 1 F 195: S. 353—354), а также границей Скифии (впервые Hdt. IV, 21). Соответственно, народы, обитающие по правому, северному, берегу Сырдарьи, назывались европейскими и скифскими, а по левому, южному, — азиатскими (азиатскими источники называют *скифов, живущих выше Боспора*: Curt. VI, 2.13; *скифов абиев*: Arr. IV, 1.1; *саков*: Curt. VII, 9.17; Arr. III, 8.3). Скифия, то есть страна *европейских скифов*, рассматривалась как единая территория от Истра до Танаиса—Сырдарьи. Соответственно, кочевники с правого, север-

ного, берега Сырдарьи назывались *европейскими скифами* и отождествлялись со скифами Причерноморья. При этом из контекста очевидно, что в описании событий термин *европейские скифы* используется только как синоним *скифов, живущих за Танаисом*, и что речь всегда идет о реальном среднеазиатском народе, владеющем территорией на правом берегу Сырдарьи вблизи от Согдианы². Только один раз Арриан, говоря о *скифах из Европы*, мог подразумевать скифов Причерноморья — при упоминании их в перечне западных народов, приславших в 323 г. посольства к Александру (VII, 15.4; другие источники не упоминают здесь скифов, см.: Diod. XVII, 113.2—4; Just. XII, 13.1). Подробнее эта концепция, источники ее формирования и другие примеры ее использования проанализированы в работах И. В. Пьянкова (см.: [Пьянков 1982: 29—34; 1997: passim], см. также: [Шахермайр 1986: 238—239, 268—270; Gardiner-Garden 1987b: 25—33, 35—37]).

Эта концепция описывается в следующих двух специальных экскурсах у Курция Руфа.

Скифы «владеют землями и в Азии и в Европе: те, что живут выше Боспора, причисляются к Азии, а те, что в Европе, — удерживают область от левой границы Фракии до Борисфена и затем до другой реки — Танаиса. Танаис протекает посередине между Европой и Азией. Нет сомнения, что *скифы*, от которых произошли парфяне, пришли не от Боспора, но из области Европы» (VI, 2.13—14).

«Танаис отделяет бактрийцев от *скифов, которых называют европейскими*. Он же протекает как граница между Азией и Европой. При этом племя *скифов*, находясь недалеко от Фракии, распространяется с востока к северу, но не граничит с *сарматами*, как некоторые полагали, а составляет их часть. Они занимают еще и другую область, лежащую прямо за Истром, [и в то же время] соприкасаются с крайним пределом Азии, каковым является Бактрия. Они населяют [земли], находящиеся ближе к северу; далее следуют дремучие леса и обширные пустыни; с другой стороны, [земли около] Танаиса и Бактрии выглядят одинаково возделанными» (VII, 7.2—4).

О принадлежности этих двух текстов традиции Клитарха писали Якоби [Jacoby 1921: 650] (о втором из них) и Пьянков [Пьянков 1997: 227].

Эта концепция используется в версии Аристобула—Клитарха при описании трех событий: 1) визита посольств *европейских скифов* и *скифов амбиев* летом 329 г.; 2) битвы на Танаисе и связанных с ней двух визитов посольств (*европейских скифов* до битвы и *саков* — после); 3) визита посольств *европейских скифов* и *хорасмиев* летом 328 г.

Рассказы о визитах посольств кочевников у Курция Руфа и Арриана так тесно связаны друг с другом и так близко совпадают, что это можно объяснить только их общим происхождением из единого источника.

Первый визит посольств: «[После занятия Мараканд] неожиданно прибывают послы *скифов амбиев* (Ambiogum), свободных с того времени, как умер Кир, [с тем, чтобы] теперь стать подвластными [Александру].

² Поэтому необоснованны попытки отнести сообщения о последнем посольстве *европейских скифов* на счет скифов Причерноморья [Мачинский 1971: 52; Алексеев 1992: 133—134; 1996: 101, 111—112].

Не подлежит сомнению, что [они являются] справедливейшими из варваров: они не брались за оружие, если их не задевали; по опыту умеренной и равной свободы они самых простых [людей] сделали равными первым [людям]. [Александр] радушно приветствовал этих послов; к тем *скифам, которые населяют Европу*, он послал из [числа] друзей некоего Дерду передать им, чтобы они без разрешения царя не переходили являющуюся границей реку Танаис. Ему же было поручено ознакомиться с характером областей и также посетить *скифов, которые обитают выше Боспора*» (Curt. VII, 6.11—12).

«Несколько дней спустя к Александру пришли послы от *скифов, называемых абиями* (которых Гомер воспел в своей поэме, называя их справедливейшими людьми; живут они в Азии, и они независимы — в значительной степени благодаря бедности и справедливости), и от *скифов из Европы*, они ведь самый большой народ, населяющий Европу. Вместе с ними Александр послал [кое-кого] из друзей под предлогом [заключения] дружественного соглашения, [настоящее] же назначение [этой] миссии было скорее [в том, чтобы] через это посольство выведать природу земли *скифов*, их численность, обычаи и вооружение, с которым они выходят на войну» (Агг. IV, 1.1—2).

О принадлежности этого эпизода Аристобулу и Клитарху писали Френкель [Fränkel 1883: 222—223, 276]; Шварц [Schwartz 1896a: 913 = Schwartz 1957: 123]; Ройс [Reuss 1902: 588]; Венгер [Wenger 1914: 19—20, 53, 110]; Якоби [Jacoby 1927: 516]; Корнеманн [Kornemann 1935: 137]; Пьянков [Пьянков 1972: 36]; Гаилов, Кошеленко [Гаилов, Кошеленко 2005: 116]. Людеке [Luedecke 1889: 73], не аргументируя, приписывает Птолемею эпизод у Арриана; Штрасбургер [Strasburger 1934: 39] поступает так же, отмечая, что первая фраза следующего же параграфа у Арриана (IV, 1.2), который явно опирается на Птолемея, содержит ссылку на рассматриваемый нами эпизод; Хаммонд [Hammond 1983: 142] предполагает, что источником Курция Руфа был Аристобул; Босворт [Bosworth 1995: 13] высказывался уклончиво. Кроме прочего, против авторства Птолемея свидетельствует характер эпизода: описания диковинных народов с тенденцией к идеализации, интерес к географии, цитата из Гомера [Wenger 1914: 20].

Второй визит посольств: «Александр же, вновь покорив согдийцев, возвратился в Мараканды³. Туда пришел [к нему] Дерда, которого он посылал к *скифам, обитающим выше Боспора* (ad Scythas super Bosporum colentes), с послами [этого] народа (cum legatis gentis occurrit)⁴. Фрата-

³ О времени и месте прибытия послов правильные сведения сообщает Курций, связывающий это событие с пребыванием в Маракандах летом 328 г. до н. э. Арриан же сознательно нарушает последовательность описания и излагает более поздние события (убийство Клита, заговор пажей и процесс Каллисфена) сразу после зимовки в Бактрии, о чем он сам уведомляет нас (IV, 8.1; 14.4; см.: [Kornemann 1935: 138; Пьянков 1972: 46—47; Bosworth 1981: 17; 1995: 101]).

⁴ В вопросе о принадлежности посольства прав Арриан, относя его к европейским скифам, что логично (иначе: [Пьянков 1964: 126—127, примеч. 75]). Туманную фразу Курция можно понять в том смысле, что он говорил о послых скифов выше Боспора, но, очевидно, это является результатом небрежности при сокращении Клитарха. Последний, видимо, сообщал, что Дерду сопровождали послы европейских скифов, но

ферн, который стоял во главе *хорасмиев*, соседствуя своей областью с *массагетами* и *дахами*, также прислал [людей], которые обещали выполнить то, что будет приказано (*Phrataphernes quoque, qui Chorasmiiis graeerat, Massagetis et Dahis regionum confinio adjunctus, miserat, qui facturum imperata pollicerentur*)⁵. Скифы просили [Александра] взять в жены дочь их царя: если же он сочтет недостойным [подобное] родство, то пусть позволит первым из македонцев вступить в брак со знатнейшими [женщинами] их народа; они обещали, что также и сам царь придет к нему» (Curt. VIII, 1.7—10).

«К Александру снова пришли послы скифов из Европы с [теми] послами, которых он сам направил к скифам. Случилось так, что [именно] тогда, когда эти [послы] были отправлены Александром, царь скифов умер; царем же стал его брат. Цель [этого] посольства была в том, чтобы выразить готовность скифов исполнить все, что будет приказано Александром; они поднесли Александру дары от царя скифов, которые у них почитаются выше всего, [и передали], что [царь желает] выдать за Александра [свою] дочь ради упрочения дружбы и военного союза с ним. Если же Александр не удостоит царевну скифов своей руки, то [царь] готов выдать за самых верных людей Александра дочерей сатрапов скифской земли и других могущественных людей Скифии; [послы] заявляли, что [царь] и сам придет, если [Александр] прикажет, чтобы от него самого услышать, что [тот] прикажет. В то же время прибыл к Александру и Фарасман... Фарасман рассказал, что живет он по соседству с племенем колхов и с женщинами-амазонками, и обещал, если Александр пожелает, напав на колхов и амазонок, подчинить народы, заселяющие территории вплоть до Понта Эвксинского, стать проводником и заготовить все необходимое для войска. Пришедшим от скифов Александр ответил любезно и так, как было удобно при тех обстоятельствах; [но] от скифских невест отказался. Поблагодарив Фарасмана и заключив с ним дружбу и военный союз, [он] сказал ему, что сейчас неподходящее время для похода к Понту. Поручив Фарасмана персу Артабазу, которому он вверил Бактрию... Александр отослал его на родину. Мысли же его, говорил он в то время, были заняты [землями] индов; ибо, покорив их, он овладеет уже всей Азией; владея Азией, он вернется в Элладу, оттуда же через Геллеспонт и Пропонтиду он со всеми силами, и морскими и пешими, ворвется на Понт; и [он просил] Фарасмана отложить до этого времени то, что тот предлагал [сделать] сейчас» (Arr. IV, 15.1—6).

О принадлежности этого эпизода Аристубулу и Клитарху писали Френкель [Fränkel 1883: 228, 277]; Шварц [Schwartz 1896a: 915—916 = Schwartz 1957: 126]; Ройс [Reuss 1902: 588]; Венгер [Wenger 1914: 19—20, 112—113]; Штрасбургер [Strasburger 1934: 41]; Корнеманн [Korne-

прибыл он непосредственно после визита к скифам выше Боспора. Аналогичным образом «Итинерарий Александра», составленный в середине IV в. н. э. на основе сочинения Арриана, ошибочно приписывает это посольство абиям-скифам (Itin. Alex. XCv). Пьянков [Пьянков 1964: 127], сопоставляя сведения «Итинерария» и Курция Руфа, отождествляет абиев и скифов выше Боспора, что, на мой взгляд, некорректно.

⁵ Ср. переводы: [Vardon 1965: 283; Rolfe 1985: 235].

mann 1935: 143]; Пирсон [Pearson 1960: 164—165]; Хаммонд [Hammond 1983: 145]; Пьянков [Пьянков 1972: 37; 46—47; 1997: 227]. Людеке [Luedecke 1889: 73] источником Арриана считает Птолемея; Босворт [Bosworth 1995: 101—102] почему-то считает Птолемея источником Арриана, а Клитарха — источником Курция Руфа. Упоминание о соседстве хорасмиев с амазонками дополнительно связывает эти рассказы с рассматриваемой географической концепцией, которая также предполагала близость амазонок к Средней Азии, что отражено в прямых фрагментах Клитарха (FGH 137 F 15, 16) и Поликлита (FGH 128 F 7, 8), взгляды которого, вероятно, оказали влияние на Клитарха [Jacoby 1921: 628, 649, 652; 1927: 440, 492; Пьянков 1997: 36, 226]. На авторство Клитарха указывает и то, что эпизод со вторым посольством находит краткое отражение у Юстина («к Александру снова вернулась его воинственность, и он подчинил своей власти *хорасмов* и *дахов*»: XII, 6.17; ср.: [Kaerst 1878: 50—51; Массон 1957: 78; Пьянков 1972: 47; 1983: 41]). Оглавление XVII книги Диодора и «Эпитома» не упоминают об этих двух событиях, что, скорее всего, является следствием их сильной сокращенности («Эпитома» не рассказывает, например, о гибели Клита и Каллисфена, о битве на Политиме, хотя упоминает о похоронах Менедема: 13).

Рассказ Курция Руфа о конфликте со скифами также полностью вписан в рамки рассмотренной географической концепции (VII, 7.1; 8.1—9; 9.1—16):

«Царь *скифов*, держава которого простиралась *по ту сторону Танаиса*, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, является ярмом на его шее; он послал брата по имени Картасис с большим отрядом всадников разрушить [этот город] и отогнать македонское войско далеко от реки» (VII, 7.1; ср.: Metz. Epit. 8). Описания последовавшей за тем битвы у Курция и Арриана слишком различаются, и поэтому их следует отнести к версиям Клитарха и Птолемея (ср.: [Hammond 1983: 143—144]).

Ряд мотивов связывают рассказ о конфликте со скифами с описаниями посольств:

1) уже в рассказе Курция Руфа о первом посольстве указывается то обстоятельство, которое затем становится причиной войны: Александр запрещает скифам переходить Танаис, затем, подкрепляя слова делом, строит Александрию (как пишет Арриан, город «будет основан в удобном для похода на скифов месте, если он когда-нибудь состоится» (ἐν καλῷ οἰκισθήσεσθαι τῆς ἐπὶ Σκύθας, εἴποτε ξυμβαίνοι, ἐλάσσεως)⁶, и для защиты от набегов живущих по ту сторону реки варваров» (IV, 1.3); Курций Руф также сокращенно передает эту мысль: Александр «выбрал на берегу Танаиса место для основания города, [как бы] крепости (claustrum) для [удержания] как уже покоренных [земель], так и тех, в которые он решил вслед за тем проникнуть» (VII, 6.13), ради разрушения которой скифы и начинают войну (VII, 7.1);

⁶ Также: [Robson 1961; Пьянков 1986: 73; Bosworth 1995: 17]. Перевод М. Е. Сергеевко неверен: город «будет превосходно защищен от возможного нападения скифов»: [Арриан 1993: 140].

2) Курций Руф перед битвой на Танаисе многократно подчеркивает намерение Александра совершить поход на скифов (Александр «первый собирався, не подготовившись, идти войной на это племя...» (*primus cum hac gente non provisum bellum gesturos*) (VII, 7.5, ср. перевод: [Bardon 1965: 259]); «если мы перейдем Танаис и покажем, что мы повсюду непобедимы, кто будет медлить с выражением покорности победителям даже Европы... между нами только одна река, перейдя ее, мы двинемся с оружием в Европу» (VII, 7.12; etc VII, 7), о чем Арриан сообщает уже в рассказе о первом посольстве (говоря о военной разведке под прикрытием дипломатической миссии) и о постройке Александрии (IV, 1.3—4), также, вероятно, следуя Аристубулу [Schwartz 1896a: 913 = Schwartz 1957: 123; Wenger 1914: 18, 111; Пьянков 1986: 73]; но Штрабургер [Strasburger 1934: 39] и Корнеманн [Kornemann 1935: 137] приписывают его Птолемею; указание Курция Руфа о том, что война со скифами готовилась впервые, согласуется со словами Страбона, пересказывающего Аристубула, о том, что «походы против них нам не известны так же, как и против *самых северных кочевников*, на которых Александр взялся (*ἐλεχέρχουε*) вести войско» (XI, 11.6 C518);

3) войско скифов у Курция Руфа возглавляет брат царя (VII, 7.1; Metz. Epit. 8), а в описании второго посольства скифов говорится о внезапной смерти скифского царя, место которого занял его брат (Arr. IV, 15.1); вероятно, речь идет об одном и том же человеке, см.: [Литвинский 1972: 262—263; Гафуров, Цибукидис 1980: 260];

4) сведения о восшествии на престол нового царя скифов, вероятно, должны быть связаны с фрагментом Аристубула, описывающим процедуру избрания царя скифов, проводимую на берегу Танаиса (FGH 139 F 63 = Ps.-Plut. De fluv. XIV, 3; если фрагмент действительно восходит к историку Александра);

5) послы скифов перед битвой произносят угрожающую речь (приводимые в ней афоризмы хорошо соответствуют литературному стилю Клитарха, см.: [Atkinson 1980: 66]), полную намеков на географическую модель Клитарха («из Европы ты устремляешься в Азию, из Азии в Европу» (VII, 8.13); «перейди только Танаис, и ты узнаешь широту наших просторов» (VII, 8.22); «ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы; если бы нас не отделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы населяем все вплоть до Фракии» (VII, 8.30));

6) переговоры со вторым посольством у Арриана несут явный отпечаток событий на Танаисе: скифы после своего поражения пытаются на любых условиях примириться с Александром, но тот отвечает отказом (IV, 15.2).

С рассказом о конфликте со скифами связано сообщение Курция Руфа о посольстве саков после битвы на Танаисе (VII, 9.17—19):

«Этот поход благодаря молве о столь удачной победе привел к усмирению значительной части Азии. [Ее жители] верили в непобедимость скифов; их поражение заставило признать, что никакое племя не сможет противостоять оружию македонцев. В связи с этим *саки* направили послов с обещанием, что их племя будет соблюдать покорность. Побудила

их [к этому] не столько великая доблесть царя, сколько снисходительность к побежденным *скифам*: поскольку всех пленников [он] отпустил без выкупа, чтобы [этим] удостоверить, что с отважнейшим из племен он состязался в храбрости, а не в ярости. Итак, милостиво приняв послов *саков*, он дал им в спутники Эксципина, еще совсем молодого человека, которого он приблизил к себе из-за его цветущей юности, напоминая Гефестиона телосложением, он не был равен ему в прелести, конечно, не мужской».

На принадлежность этого эпизода Клитарху указывают романтически окрашенные характеристики Александра и Эксципина [Hammond 1983: 143—144], а также само упоминание ответного посольства, аналогичное рассказу о посольстве к *европейским скифам*. Из приведенного текста следует, что *саки* помещались в Азии (что также является отражением концепции Клитарха), то есть к югу от Сырдарьи, вблизи от Александрии-Ходжента, и что они находились под определенным влиянием *скифов*.

Данный рассказ следует связать с другим эпизодом у Курция Руфа, где также фигурируют саки. В этом эпизоде описывается последняя военная акция Александра в Средней Азии перед походом в Индию (VIII, 4.20):

«Царь, отблагодарив за услугу, оказанную ему Сисимитром, приказал солдатам взять провизии на шесть дней, собираясь напасть на *саков*. Опустошив всю эту страну, он дает в дар Сисимитру 30 тысяч голов скота».

Этот эпизод является непосредственным продолжением заимствованного у Клитарха рассказа о покорении Наутаки (область в бассейне Вахша)⁷ (сатрапом которой был Сисимитр; VIII, 4.1—19; ср.: Diod. prol. 29;

⁷ Наутaku обычно помещают в долине Кашкадарьи или в районе Шахрисябза [Tomaschek 1877: 183; von Schwartz 1893: 74—75; Григорьев 1881: 43; Ртвеладзе 1981: 97—98; Bosworth 1981: 36; 1995: 125; Дройзен 1997: 373, примеч. 18—19] и Ширабада [Григорьев 1881: 193]; предположение, что Наутака не должна располагаться далеко от Бактра, не подтверждается источниками. Это мнение основывается в первую очередь на неправильном толковании слов Арриана о том, что Бесс бежал в Наутaku. Часто предполагают, что именно в Наутакe Бесс был взят в плен [Тревер 1947: 113; Bunbury 1959: 429; Engels 1973: 102; Гафуров, Цибукидис 1980: 246, 248; Ртвеладзе 2000: 108] и что вслед за тем в Наутакe побывал сам Александр [Bunbury 1959: 429; Гафуров, Цибукидис 1980: 248—249]. В действительности Арриан говорит только о том, что Бесс «отправился» (*απεχόμεν*) в Наутaku. Далее, в описаниях действий Птолемея и Александра в 329—328 гг. эта область не фигурирует, что уже позволяет думать, будто Наутака все еще оставалась непокоренной (ср.: [Vogelsang 1992: 234]). Второй раз Наутака появляется у Арриана только в качестве места зимовки в 328/327 гг. (IV, 18.1—2) в контексте рассказа о покорении горных областей, изложенного по версии Птолемея, которая нарушает хронологическую, географическую и смысловую последовательность событий [Пьянков 1982: 43; Bosworth 1981: 29—39; 1995: 124—127]. Более связную и непротиворечивую версию событий передает Курций Руф, очевидно, следуя Клитарху. Согласно этой версии, Наутака находилась где-то в горных районах и впервые была покорена Александром зимой 328/27 г. Все это заставляет отказаться от локализации Наутаки в районе Кашкадарьи и Шахрисябза, покоренных еще весной 329 г., и искать ее где-то в горных областях к востоку от Гиссарского хребта (похожее мнение: [Vogelsang 1992: 234]). Эта локализация подтверждается четыремя ранее не учитывавшимися источниками, упоминающими Наутaku, на них обращает внимание Я. Харматты [Harmatta 1999: 133—134], на основании свидетельства Ибн Хордадбега локализуящий Наутaku севернее современного селения Шурчи. Кроме того, события, которые Курций Руф связывает с Наутакoй (взятие скалы Сисимитра; женитьба на

Metz. Epit. 19; [Пьянков 1982: 44]), что, наряду с упоминанием *саков*, указывает на его источник. Как и в предыдущем эпизоде, саки здесь локализируются к югу от Сырдарьи, то есть в Азии, и описываются как довольно слабый противник.

Большинство исследователей либо вообще игнорируют сведения об этой экспедиции [Tarn 1948a: 76; Гафуров, Цибукидис 1980: 268; Bosworth 1981: 35—37; Шахермайр 1986: 186—187; Дройзен 1997: 218—219; etc], либо считают ее второстепенным эпизодом похода [Пьянков 1982: 44—45]. Однако Клитарх недвусмысленно указывает, что здесь мы имеем дело с заранее спланированным вторжением в земли *саков*, причем эта акция отмечала крайнюю точку продвижения Александра в горные районы, после которой началось его возвращение в Бактрию. Тот факт, что македонцы шесть дней шли по пустынной местности и прибыли в область, невероятно богатую скотом, позволяет реконструировать маршрут похода. Вероятно, Александр поднялся вверх по течению Вахша, где местности действительно пустынные, и пришел в Алайскую долину, которая во все эпохи славилась своими пастбищами [Литвинский 1972: 167—169], а в те времена определено была занята *саками* (более сложную реконструкцию маршрута см.: [Григорьев 1881: 192—193]).

Неясными остаются причины экспедиции: с *саками* был заключен мир, никакие враждебные действия с их стороны не упоминаются и, судя по отсутствию у Курция сведений о сопротивлении *саков* и по объему захваченной добычи, они были застигнуты македонцами врасплох и разгромлены.

Версия Птолемея уделяет конфликту со скифами значительно меньше внимания. Географическая концепция, которой следовал Клитарх, в текстах, восходящих к Птолемею, не представлена, и термин *европейские скифы* не используется. Поэтому нельзя точно определить, следовал ли Птолемей этой концепции (в пользу этого может говорить то, что Птолемей также называет Сырдарью Танаисом: FGH 138 F 31) или нет. В пользу второй возможности может свидетельствовать, во-первых, то, что скифы, которых Аристокл и Клитарх называют европейскими, у Птолемея один раз названы азиатскими. Во-вторых, в традиции Клитарха понятие *скифы* имеет четкое значение: скифами являются только три народа (европейские скифы, или живущие по ту сторону Танаиса; азиатские скифы, или живущие выше Боспора и абии), другие кочевые народы (массагеты, дахи и саки) скифами никогда не называются. У Арриана скифы являются си-

Роксане), в других источниках, также отражающих традицию Клитарха, относятся к Бактрии, а не к Согдиане [Аристокл: Str. XI, 11.4 C517; Помпей Трог: F 94a Seel = Anecd. Rue., Laur. 174—176, Vamb. 154—155; Оксиярта называют бактрийцем: Agt. VI, 15.3; VII, 4.4; Curt. XI, 8.10]. Два источника, приводимые Я. Харматтой, также относят Наутаку к Бактрии (надпись из Таксилы 70/71 г. н. э.; Шахристианиха-и Эран). Между тем именно территория к востоку от Гиссарского хребта могла рассматриваться современниками Александра как часть Бактрии ([Пьянков 1981: 39, 46—53], там же литература по этому вопросу). Правдоподобным представляется мнение о том, что скала Сисимитра находилась около Железных ворот, запирающих проход через Гиссар [Tomaschek 1877: 26—30, 37, 50, 116—120; Григорьев 1881: 192; Пьянков 1982: 46], соответственно, Наутака должна соответствовать более восточной территории.

нонимом массагетов [Gardiner-Garden 1987b: 34; Гаибов, Кошеленко 2005: 108—109] и, возможно, даев⁸. Возможно, Арриан следует здесь взглядам Птолемея, своего главного авторитета, чьи представления о среднеазиатских кочевниках в таком случае сильно отличались от концепции Клитарха.

Версия Птолемея посвящает конфликту со скифами три эпизода, каждый из которых сообщает важные детали, отсутствующие у Клитарха и Аристула и вместе с тем порождающие ряд сложностей для интерпретации: 1) о приходе к Бессу союзных *даев с Танаиса* [Luedecke 1889: 56; Wenger 1914: 110; Strasburger 1934: 38]; 2) о конфликте с *азиатскими скифами* на Танаисе [Luedecke 1889: 73; Kornemann 1935: 137]; 3) о посольстве скифов после битвы (Венгер [Wenger 1914: 111], не аргументируя, считает источником Аристула).

Арриан приводит два взаимосвязанных указания. 1) В Арии Александру какие-то персы сообщили, что Бесс провозгласил себя царем и что «он имеет при себе персов, бежавших в Бактры, и много бактрийцев, ожидает же, что придут к нему *скифы-союзники*» (III, 25.3). 2) Когда Александр двинулся через Кавказ в Бактрию, Бесс имел при себе персов, около 7000 бактрийцев «и *даев, живших по эту сторону реки Танаиса*» (III, 28.8)⁹. Когда Александр был уже близко, Бесс бежал в Наутаку, «следовали же за ним люди Спитамена и Оксиарта, имевшие всадников согдийцев, и *даи с Танаиса*» (III, 28.10).

Судя по тому, что рассказ Арриана сильно расходится с версией Клитарха, а упоминания Наутаки и Оксиарта связывают его с рассказами о бегстве Бесса и о покорении горных областей, заимствованными у Птолемея (IV, 18.4—21; 10; [Luedecke 1889: 56, 73; Strasburger 1934: 38; Kornemann 1935: 66—67, 136, 145; Пьянков 1982: 42—43]), источником здесь является также Птолемей. Об этом косвенно говорит и то, что Курций Руф дает два упоминания о *скифах из-за Танаиса* (VI, 6.13; VII, 4.32), почти полностью совпадающих с данными Арриана.

1) По дороге из Парфии в Бактрию сатрап Арии Сатибарзан сообщил Александру, что Бесс «приказал называть себя Артаксерксом и собирал *скифов и других соседей Танаиса*» (VI, 6.13). Сообщение явно восходит к Птолемею [Luedecke 1889: 70]¹⁰, поскольку в версии Клитарха Александр узнает о действиях Бесса только перед своим переходом через Кавказ (Diod. XVII, 83.3; ср.: 74, 1—2).

2) Во время стоянки в Бактрии Александру сообщают о трех событиях: об отпадении Спарты и всего Пелопоннеса; о том, что «подходят *скифы, которые обитают по ту сторону Танаиса*, ведя войско Бессу» (Scy-

⁸ О массагетах в войске Дария: III, 11.6, 13.2—3 (у Курция здесь массагеты: IV, 12.6, 15.2; сведения, очевидно, восходят к Птолемею, см.: [Petersdorff 1870: 19; Kaerst 1878: 17—18]); возможно: III, 25.3; о походе Кира на массагетов: III, 27.4, IV, 11.9, V, 4.5; о кампаниях Спитамена: IV, 5.3—8; 6.1; 16.3—17.2 (ср.: Curt. VIII 1.1, 5); IV, 17.4—7; возможно: V, 12.2; о даях см. ниже.

⁹ Перевод М. Е. Сергеев [Арриан 1993: 136] неверен: «даи, народ, живущий за Танаисом».

¹⁰ Френкель [Fränkel 1883: 274] возводит его к Аристулу, как и вообще все совпадения между Курцием Руфом и Аррианом.

thas, qui ultra Tanaim amnem colunt, adventare, Besso ferentes opem; VII, 4, 32); подробно о подавлении мятежа в Арии.

Последний из трех эпизодов определенно излагается по Клитарху (Diod. XVII, 89.4—6; [Пьянков 1972: 37; Fränkel 1883: 399; Schwartz 1896b: 1874 = Schwartz 1957: 160; Hammond 1983: 139]), сведения об отпадении Спарты у Клитарха сообщаются совсем в другом месте и иначе (Diod. XVII, 73, 5—6; Just. XII, 1, 6—11; Curt. VI, 1, 1—21), а скифы у него вообще не упоминаются. Видимо, эпизоды со скифами и Спартой восходят к традиции Птолемея (хотя у Арриана восстание Спарты не упоминается), с чем связана их краткость¹¹. Следуя Птолемею, Курций Руф сообщает и о бегстве Бесса через Окс и о покинувших его 8000 бактрийцев (VII, 4.20; [Kornemann 1935: 136; Пьянков 1982: 41; 1997: 45]). Это сообщение Курций отделил от упоминания скифов вставкой из Клитарха¹².

Рассказ о послых скифов у Арриана согласуется с описанием битвы на Танаисе. В отличие от версии Клитарха, Арриан не говорит о том, что скифы действовали по приказу своего царя и возглавлялись его братом, напротив, он намекает на то, что скифы имели нескольких предводителей (IV, 4.8). Послы скифского царя у него также отрицают причастность к инциденту скифского народа, а всю ответственность складывают на шайки разбойников. Эта черта сближает данный эпизод со сведениями Птолемея о массагетах, которых он также описывает не как единый народ, а как совокупность отдельных разбойничьих групп (см. ниже).

II. Этническая принадлежность «европейских скифов»

Ключевым событием среднеазиатского похода Александра был конфликт со «скифами» (один из местных кочевых народов), жившими на границе с Согдианой по Сырдарье. Эти скифы фигурируют в контексте пяти событий: 1) они присылают войско на помощь Бессу против Александра (Arr. III, 25.3; 28.10; Curt. VI, 6.13; VII, 4.6, 15, 32); 2) как только Александр появляется в Согдиане, они направляют к нему посольство (Arr. IV, 1.1—2; Curt. VII, 6.12); 3) Александр готовит поход против скифов (Str. XI, 11.6 C518; Arr. IV, 1.3; Curt. VII, 7.5, 12—17), скифы снаряжают против него войско (Arr. IV, 1.6; Curt. VII, 7.1—4) и присылают по-

¹¹ Хаммонд [Hammond 1983: 140] все три сообщения возводит к Клитарху, в частности потому, что уже в речи мага Кобара, которая приводится в контексте эпизода, заимствованного у Клитарха [Schwartz 1896b: 1882 = Schwartz 1957: 172—173; Fränkel 1883: 405; Hammond 1983: 41; 139], упоминается о приходе скифов (VII, 4.6, 15). Однако более вероятно, что речь была не дословно заимствована у Клитарха (у которого, очевидно, речей было не так много, см.: [Jacoby 1921: 650]), а переработана Курцием Руфом, который добавил упоминания скифов из другого источника.

¹² Хаммонд [Hammond 1983: 139—140] относит пассаж VII, 4.22—31 к Аристобулу, поскольку тот схожим образом характеризует природу Парапамисад [FGH 139 F = Strab. XV, 2.10 C725]. Однако при этом он не учитывает еще более близких совпадений между рассказом Курция о природе Бактрии и традицией Клитарха [Jacoby 1921: 650], а также фрагментами Поликлита [FGH 128 F 7 = Strab. XI, 7.4 C510], чьи географические представления повлияли на Клитарха: [Пьянков 1982: 42; 1997: 36—37; 226].

сольство (Curt. VII, 8.8—30), в результате в битве на реке Танаис скифы терпят поражение (Arr. IV, 4.4; Curt. VII, 9—16); 4) после битвы скифы присылают посольство с извинениями (Arr. IV, 5.1), одновременно приходят послы от саков (Curt. VII, 9.17—18); 5) на следующий год скифы опять присылают в Мараканды посольство с мирными предложениями, которые Александр отклоняет (Arr. IV, 15.1—3, 5; Curt. VIII, 1.7—10).

Источники не называют этнонима этого народа, а дают ему условные географические обозначения:

европейские скифы — 6 раз (Arr. IV, 1.1: τῶν ἐκ τῆς Εὐρώπης Σκυθῶν ὁ δὴ τὸ μέγιστον ἔθνος ἐν τῇ Εὐρώπῃ ἐποικοῦσιν; IV, 4.2: τὸ διάφορον Σκύθαις τε καὶ τοῖς Ἀσianoῖς βαρβάροις; IV, 15.1: Σκυθῶν τῶν ἐκ τῆς Εὐρώπης πρεσβεία; Curt. VI, 2.13: Scythae... qui in Europa sunt; VII, 6.12: Scythas, qui Europam incolunt; VII, 7.2: Bactrianos Tanais ab Scythis, quos Europaeos vocant, dividit); в одном случае *скифы выше Боспора* (Curt. VIII, 1.7: Scythas super Bosphorum colentes), несомненно, названы ошибочно вместо *европейских скифов* (ср.: Arr. IV, 15.1—3, 5);

скифы, живущие за Танаисом, — 3 раза (Curt. VII, 4.6: ultra Tanaim amnem colentes Scythas; VII, 4.32: Scythas, qui ultra Tanaim amnem colunt; VII, 7.1: rex Scytharum, cuius tum ultra Tanaim imperium erat; затем 3 раза такая локализация скифов упоминается в речи Александра — VII, 7.12—14: si vero Tanaim transierimus et ubique invictos esse nos Scytharum pernicie ac sanguine ostenderimus; и в речи скифских послов перед битвой: VII, 8.22, 30);

скифы, живущие у Танаиса, — 1 раз (Curt. VI, 6.13: Scythasque et ceteros Tanais accolae; это указание повторяется в речи мага Кобара — VII, 4.15: nunc ab Tanai exercitum accerses);

скифы из Азии — 1 раз (Arr. IV, 1.6: τῶν ἐκ τῆς Ἀσίας Σκυθῶν στρατῶν);

самые северные из кочевников — 1 раз (Strab. XI, 11.6 (518): τοὺς βορειοτατοῦς τῶν νομάδων);

просто *скифы* — passim (Arr. III, 25.3; IV, 1.3; 4.1—9; 5.1; 15.1—3, 5; V, 25.5; Curt. VII, 7.6; 12; 15, 16; 8.8—30; 9.5; 17; 18; VIII, 1.9; Plut. Vita Alex. 45; De fort. Alex. II, 9; Diod. XVII, prol. 21);

даи, живущие на этой стороне реки Танаис (Arr. III, 28.8: Δάαι τοὺς ἐπὶ τὰδε τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ ἐποικοῦντας), или *даи с Танаиса* (Arr. III, 28.10: Δάαι οἱ ἀπὸ τοῦ Τανάϊδος).

В литературе доминирует мнение о том, что *европейские скифы* тождественны сакам¹³. В защиту этого приводятся три аргумента.

1) Большинство других источников свидетельствуют, что именно саки граничили с Согдианой по Сырдарье: надписи Дария (DPh 5—8 = DN 4—6: упоминаются *саки, которые за Согдом*)¹⁴, Харес Митиленский (FGH

¹³ См.: [Григорьев 1871: 123—124; 1881: 58, 63; Тревер 1947: 116; 1967: 96; Бернштам 1956: 49; Массон 1957: 77; Литвинский 1963: 251, 256—259, 262—263; 1972: 169; Рахманова 1964: 247—248; Гулямов 1974: 26; Шофман 1976: 476, 491; Гафуров, Цибукидис 1980: 252—255, 260; Дьяконов 1997: 510; Tarn 1948a: 68; Bosworth 1980, 1995: passim; 1988: 110, 113; Olbrycht 1996: 39—40].

¹⁴ В отношении *саков, которые за Согдом*, нельзя быть уверенным, что подразумеваются именно саки в собственном смысле слова и что при этом они локализируются

125 F 5), Демодам (Plin. N. H. VI, 50), Патрокл, Аполлодор Артемитский (Strab. XI, 8.2 C511). Данные Патрокла легли в основу географии Эратосфена [Berger 1881: 212, 317; Пьянков 1998: 59—64, 244—246], благодаря авторитету которого сведения о *саках*, граничащих с Согдианой по Яксарту, получили широкое распространение (F III, B, 63 Berger = Str. XI, 8.8 C514; Str. XI, 8.2 C511; Dion. Per. 749—751; Ptol. Geogr. VI, 13.1; 14.1; 15.1). Многие источники, не давая точной локализации саков, указывают на их соседство с Бактрией (Hdt. I, 153.4; III, 93.3; VII, 64.1—2; VIII, 113.2; IX, 113.2; Ctesias: FGH 688 F 9, § 3, 7—8; Megasthenes: FGH 715 F 4 = Diod. II, 35.1). Таким образом, сопоставляя данные о *скифах* за Танаисом со сведениями о саках за Яксартом, можно сделать вывод о тождестве этих народов.

Однако этот вывод опровергается двумя упоминаниями о саках в традиции Клитарха (единственные упоминания саков в описании среднеазиатского похода), которые, как было показано выше, четко отличают их от *европейских скифов* (Curt. VII, 9.17—19; VIII, 4.20).

2) Согласно предположению В. В. Григорьева [Григорьев 1881: 63], сообщения о посольстве саков после битвы на Танаисе, которые приводит только традиция Клитарха, и сведения о посольстве скифов после этой же битвы, которые сообщает только традиция Птолемея (Agt. IV, 5.1), в действительности представляют собой лишь две версии одного и того же события. Это позволяет отождествить саков и *европейских скифов*. Однако эти два рассказа слишком различаются, чтобы можно было рассматривать их как версии одного события. К тому же традиция Клитарха четко отличает саков от скифов (помимо Григорьева никто из историков не пытался отождествить эти эпизоды; ср.: [Bosworth 1995: 31—32; Гаибов, Кошеленко 2005: 119]).

3) И. В. Пьянков обращает внимание на то, что Арриан, описывая по Птолемею битву на Танаисе, называет противников Александра *скифами из Азии* (IV, 1.6; версия Клитарха говорит о *европейских скифах*: Curt. VII, 7.1—4). Такое обозначение скифов противоречит географическим представлениям спутников Александра, тем более что чуть ниже Арриан явно противопоставляет этих скифов азиатским варварам (IV, 4.2)¹⁵, следова-

за Сырдарьей. Против этого свидетельствуют три факта. 1) Выражение «за Согдом», конечно, сильно напоминает ситуацию, описываемую Эратосфеном, однако, строго говоря, не требует локализации *саков* на другом берегу Сырдарьи. 2) Известно, что персы всех кочевников называли *саками* (Hdt. VII, 64; Plin. N. H. VI, 51). *Саки* в собственном смысле слова, иначе называемые *саки хаумаварга* [Григорьев 1871: 8], в персидских надписях всегда упоминаются рядом с Арахосией, Саттагидией и Гандарой, но никогда не соседствуют с Бактрией и Согдианой, что, очевидно, должно отражать их реальную локализацию [Vogelsang 1992: 106—119; Щеглов 1999: 54]. Это заставляет усомниться в тождественности *саков хаумаварга* и *саков за Согдом*. Если же эти два этнонима тождественны, то это говорит в пользу локализации *саков* южнее Сырдарьи, в регионе Фергана—Алай—Памир, имеющем связи с Индией. Как было отмечено выше, у Курция Руфа *саки* также помещаются за Согдианой, но к югу от Сырдарьи.

¹⁵ Возможно, что эпизод о гадании Аристандра, в контексте которого приводится это противопоставление, заимствован у Аристула: [Fränkel 1883; Wenger 1914: 72, 111; Jacoby 1927: 508]; против этого возражают Людеке [Luedecke 1889: 73] и Корнеманн [Kornemann 1935: 65].

тельно, его источник также разделял эти представления¹⁶. Между тем в описании войск Дария перед Гавгамелами (которое Арриан, возможно, также заимствует у Птолемея) *скифами из Азии* называются саки: «саки (это скифский народ из *скифов, живущих в Азии*), не подданные Бесса, но как союзники Дария» [Σάκαι (Σκυθικόν τοῦτο τὸ γένος τῶν τῆν Ἀσίαν ἔλοικοῦντων Σκυθῶν); III, 8.3]. По мнению И. В. Пьянкова, эти пассажи Арриана и Птолемея тесно связаны друг с другом и отражают традицию, согласно которой саки назывались азиатскими скифами [Пьянков 1968: 15, примеч. 23; 1975а: 84; 1984: 118; 1986: 73—81; 1994: 203; 1997: 47; Pankov 1994/1996: 37]. То есть Птолемей, называя скифов из-за Танаиса азиатскими, не имел в виду их локализацию относительно Танаиса, а использовал этот термин в качестве синонима саков, указывая тем самым на этническую принадлежность скифов.

Однако представляется сомнительным, существовала ли в действительности устойчивая традиция именования саков *азиатскими скифами* и мог ли Птолемей следовать этой традиции. Есть только два свидетельства (никак не связанные друг с другом), в которых саков называют скифами. Во-первых, это упоминание саков у Геродота в перечне войск Ксеркса, заимствованном им, вероятно, у Гелланика: «саки скифы... этих скифов звали амюргийскими саками» (Σάκαι δὲ οἱ Σκύθαι ἢ τοῦτους δὲ ἕοντας Σκύθαζ Ἀμυργίουζ Σάκαζ ἐκάλεον¹⁷; VII, 64, ср.: FGH 4 F 65 = Steph. Byz., s. v. Ἀμύργιον; о принадлежности Гелланику: [Drews 1973: 28—29; Грантовский 1998: 266—270])¹⁸. Показательно, что Геродот не называет саков *азиатскими* скифами, хотя, видимо, помещает их действительно в Азии. Во-вторых, Эфор цитирует поэму Херила Самосского «Переход через понтонный мост» (F 3 Kinkel; описывается войско Дария во время похода на скифов): «и пастухи [овец] саки, родом скифы, однако, населяли Азию хлебородную. Ведь были они переселенцы из кочевников, людей, чтящих закон» [Σάκαι, γένεῳ Σκύθαι, ἀγτάρ ἔναιον Ἀσίδα πυροφόρων. Νομάδων γέ μὲν ἦσαν ἄλοικοι; FGH 70 F 42 = Strab. VII, 3.9 C303; F 158 = Ps.-Scymn. 851—862]. Кроме того, Гекатей, говоря о кочевниках на границах Западной Индии, возможно именно о саках¹⁹, называет их скифами («Каспипир, гандарский город, акте скифов, Гекатей в [описании] Азии»; FGH 1

¹⁶ Этот пассаж вызывает недоумение [Bosworth 1995: 22; Gardiner-Garden 1987b: 38]. Если Арриан сам заменил *европейских скифов* на *азиатских*, то это могло быть обусловлено его несогласием с концепцией Танаиса-Сырдарьи, как границы Европы и Азии (III, 30.7—9). Харматта [Harmatta 1999: 131—132] также обращает внимание на этот пассаж, но делает на его основании совершенно необоснованный вывод о тождестве дахов и массагетов.

¹⁷ Возможен иной перевод: «этих амюргийских скифов звали саками» [Доватур и др. 1982: 163, 394].

¹⁸ А. Б. Босворт, исходя из необоснованного предположения о том, что Арриан составлял список войск Дария по образцу списка армии Ксеркса у Геродота (особого сходства между этими списками нет), также считает, что термин *азиатские скифы* заимствован из Геродота; однако он не пытается применить этот вывод к азиатским скифам на Танаисе [Bosworth 1980: 288—289].

¹⁹ См.: [Junge 1939: 50; Литвинский 1972: 164—165; Пьянков 1998: 19, 121]. Возможно, под индийскими скифами Гекатея скрывается некий другой кочевой народ, например массагеты [Щеглов 1998: 114—118; 1999: 54].

F 295 = Steph. Byz. s. v. Κασιλίτρος), однако этноним «саки» во фрагментах Гекатея не упоминается²⁰. Этих указаний недостаточно для того, чтобы говорить о существовании устойчивой традиции именования саков азиатскими скифами, причем такой традиции, которая могла бы оказать влияние на Птолема. Сомнительно, чтобы Птолемей, говоря о вполне реальных для него саках, стал бы описывать их через призму представлений далеких и вряд ли авторитетных для него Гелланика и Геродота или Херила и Эфора, тем более что их представления противоречат общепринятой в его время географической концепции. Возможно, что Птолемей, называя саков азиатскими скифами, просто исходит из реального факта их локализации к югу от Сырдарьи (так же как традиция Клитарха помещает саков в Азии)²¹.

Нет уверенности в том, что под *азиатскими скифами* Птолема должны были подразумеваться именно саки. Нет ни одного примера того, чтобы выражение *азиатские скифы* приводилось бы не как дополнительное определение этнонима *саки*, а как его заменитель. Ранние греческие авторы трактовали термин «скифы» чрезвычайно широко, применяя его, в том числе, ко многим азиатским народам: Гекатей считал скифами исседонов (F 193), Гелланик — меотов (FGH 4 F 69), Пс.-Гиппократ — савроматов, будинов и аргиппеев (De aëg. XIX, 3—5; XX, 3—XXI, 2 [Jouanna 1996]), Геродот полемизирует с теми, кто причисляет к скифским народам массагетов, возможно, имея в виду Гекатея (I, 201; [Jacoby 1912: 2682; 1913: 426; Pearson 1939: 63; Пьянков 1975b: 53; Корчелла 1994: 89]). Историки Александра также называют азиатскими скифами не только саков: традиция Аристовула и Клитарха называет азиатскими *скифов, живущих выше Босфора* (Curt. VI, 2.13), и *скифов абиев* (Arr. IV, 1.1); термин «скифы» часто используется для обозначения массагетов в традициях Птолема у Арриана (Arr. IV, 5.3—5, 8; 26.3, 4, 6—7; 17.1—2, 4—7; V,

²⁰ Предположение о том, что к Гекатею восходят ряд упоминаний саков у Страбона (XI, 6.2; 8.2), Арриана (VII, 10.5, 6), Курция Руфа (V, 9.5; VI, 3.9; VII, 4.6) и Тимосфена (F 6 = Agathem. I 7), а также сведения Эратосфена о скифах к востоку от Бактрии (F III, A, 2, 11, Berger = Strab. II, 1.3 C68; 5; 11 C71; [Пьянков 1998: 17, 19, 192—193, 195, 121]), недостаточно обосновано. В эллинистическую эпоху труд Гекатея уже объективно устарел и отнюдь не был широко используем, а в какой-то момент был даже утрачен [Jacoby 1913a: 2667, 2673]; насколько можно судить, участники похода Александра и первое поколение историков к Гекатею никогда не прибегали. С другой стороны, все названные авторы располагали современными им источниками, близко знакомыми со Средней Азией, и не нуждались в обращении к Гекатею для того, чтобы упомянуть о саках.

²¹ Об их распространении на юг вплоть до Индии свидетельствуют персидские надписи [Щеглов 1999: 54]. О саках на Памире см.: [Neggmann 1920; Piankov 1994/1996]; etc. О саках на «согдийской» стороне Яксарта, возможно, сообщает Аполлодор (так этот текст понимает Тарн [Tarn 1951: 291, 534]): кочевники, захватившие Бактрию, пришли «из заречной области Яксарта, [лежащей] напротив саков и согдианов, которую занимали саки» (ἀπὸ τῆς περὶ τῆς κατὰ Σάκας καὶ Σοῦδιανούς, ἣν κατεῖχον Σάκαι: Strab. XI, 8.2 C511). Однако текст остается до конца не ясен, поэтому, возможно, прав И. В. Пьянков [Пьянков 1997: 246], предлагая исправить его на «Яксарта, протекающего напротив саков и согдианов» (τοῦ κατὰ Σάκας καὶ Σοῦδιανούς). Исправление снимает неясность, превращая трудную фразу в обычную для Страбона ремарку, отражающую представления Эратосфена.

12.2; возможно также: Curt. VIII, 2.14; 14.5) и (возможно) Аристобула (Агг. IV, 6.1; IV, 16.4; 6—7; 17.1—2). Таким образом, Птолемей в принципе мог назвать *азиатскими скифами* и массагетов, и даев. То обстоятельство, что в дошедших текстах он применяет это определение только к сакам, существенно не меняет дела. Во всяком случае, нет необходимости проводить прямую связь между сообщениями Птолемея о саках у Дария и об азиатских скифах, противниках Александра.

Итак, нет достаточных оснований для отождествления *европейских скифов* с саками. Между тем использование Птолемеем термина *скифы из Азии* для обозначения скифов из-за Танаиса, требует объяснения (хотя исчерпывающего объяснения здесь дать нельзя).

Арриан, вновь следуя Птолемею [Luedecke 1889: 56; Wenger 1914: 110; Kornemann 1935: 137]²², приводит свидетельство, позволяющее отождествить *европейских скифов* с даями. Арриан трижды упоминает кочевников, приславших свое войско на помощь Бессу: Бесс «поджидает прихода скифов союзников» (III, 25.3), «при Бессе находились... даи, жившие **на этой стороне** реки Танаиса» (Δάαι τοὺς ἐπὶ τῆδε τοῦ Ταναΐδος ποταμοῦ ἑποικοῦντας; III, 28.8)²³, в Согдиану за Бессом последовали даи с Танаиса (Δάαι οἱ ἀπὸ τοῦ Ταναΐδος; III, 28.10). Курций Руф также упоминает этих союзников Бесса, очевидно, заимствуя у Птолемея, но называет их *скифы, живущие у Танаиса* (Curt. VI, 6.13; см. выше), или *скифы, живущие за Танаисом* (VII, 4.6, 32; см. выше). Остается неясным, кто из авторов первым назвал даев скифами. В случае с Аррианом это мог быть и Птолемей, и Аристобул, и сам Арриан. Курций Руф пытался приспособить данные традиции Птолемея к концепции Клитарха и, вероятно, сам отождествил даев с *европейскими скифами* (но это не исключает того, что уже в его источнике речь шла не о *даях*, а о *скифах*).

Надо признать, что это отождествление *даев с европейскими скифами* вполне правдоподобно (хотя, разумеется, прямых оснований для него источники не дают). Действительно, даи, так же как и *европейские скифы*, локализуются у Сырдарьи и, скорее всего, как и в случае со скифами, здесь имеется в виду тот же самый участок течения, который образует границу Согдианы, поскольку другие части этой реки оставались в то время неизвестными для греков и никак не фигурировали в событиях похода²⁴. И даи и скифы оказываются противниками Александра и фигури-

²² Френкель [Fränkel 1883: 275] приписывает Аристобулу весь отрывок 27.4—29.5.

²³ Перевод М. Е. Сергеенко ошибочен: «даи, народ, живущий за Танаисом» [Арриан 1993: 136].

²⁴ Для локализации *даев с Танаиса* часто привлекают сообщение Аполлодора о том, что даи апарны, которые в его время обитали в Юго-Восточном Прикаспии, переселились из области над Меотидой (Strab. XI, 9.3 C515). Аполлодор исходит здесь из той же географической концепции, что и участники похода Александра: Сырдарья принимается за верховья Танаиса, который впадает в Меотиду (Азовское море). Таким образом, его сообщение подтверждает данные Птолемея об изначальном обитании даев за Танаисом. Однако вряд ли есть смысл напрямую отождествлять Меотиду Аполлодора с Аральским морем и на этом основании локализовать даев в Приаралье: [Gutschmid 1888: 31; Дьяконов 1961: 180; Пьянков 1964: 124; 1979: 42; 1994: 204—205; Литвинский 1972: 173; Вайнберг, Левина 1992: 61; Васильев, Савельев 1993: 11—13;

руют, по сути, в одних и тех же событиях, занимающих очень короткий промежуток времени: 329—328 гг. При этом этноним *даи* упоминается всего два раза в самом начале, а далее ему на смену приходит условный термин *скифы*. В такой ситуации логичнее всего допустить, что в обоих случаях речь идет об одном и том же народе²⁵.

Бросается в глаза противоречие: Птолемей говорит о даях «по эту сторону Танаиса», а Курций — о скифах «по ту сторону»²⁶. Возможно, даи, согласно Птолемею, занимали и северную и южную стороны Танаиса. В пользу этого свидетельствует то, что в другом месте он говорит просто о даях с Танаиса (ср.: *скифы и другие, живущие у Танаиса*: Curt. VI, 6.13). Курций Руф, приводя эти данные в соответствие с концепцией Клитарха, помещает *скифов* только на «той» стороне.

Замечание Птолемея о *даях на этой стороне Танаиса* хорошо согласуется с его же сообщением об *азиатских скифах*. Возможно, он назвал противников Александра азиатскими скифами именно потому, что речь шла о даях, которые действительно владели некими территориями на южном, «азиатском», берегу Сырдарьи. Это предположение подтверждается данными Клитарха о начале конфликта между македонцами и скифами. Александр отправил к скифам посла с требованием, «чтобы они без его

Вайнберг 1999: 262—263]. Тем более некорректно, основываясь на таком понимании Аполлодора, помещать в Приаралье даев Птолемея. Не исключено, что упоминание Меотиды у Аполлодора обусловлено его общими географическими представлениями, а не реальными сведениями об Арале. Кроме того, Аполлодор жил через 200—250 лет после похода Александра [Behr 1888: 45—49; Пьянков 1997: 65—66; Nikonov 1998: 107—122], и поэтому вряд ли его данным можно отдавать предпочтение при локализации даев в тот ранний период.

²⁵ Так же предполагает И. В. Пьянков, см.: [Пьянков 1964: 124, примеч. 57; 1975: 84; 1983: 50; 1994: 203; 1998: 228].

²⁶ Нет полной ясности относительно того, какую сторону Танаиса имел в виду Арриан, используя выражение *ἐπὶ τῆς*. Возможны два варианта, т. е. он рассматривал Танаис либо с точки зрения македонцев, подошедших к нему с юга, и тогда под «этой» стороной подразумевается сторона южная, либо с позиции человека, находящегося в Греции, и при этом он определял стороны Танаиса исходя из общих географических концепций, принятых в эпоху Александра. В таком случае он мог назвать «этой» стороной северную сторону, поскольку считал ее принадлежащей к Европе и, следовательно, более близкой к Греции. Ряд обстоятельств делает первый вариант намного более предпочтительным. Во-первых, Арриан действительно дважды использует выражение *ἐπὶ τῆς* с позиции наблюдателя, находящегося в Греции (III, 6, 4; V, 4, 1), однако оба раза это происходит в контексте общего географического описания, отвлечённого от конкретных событий похода [Zambini 1997]. Напротив, в описании конкретных событий это выражение всегда используется Аррианом для обозначения той стороны, которая является ближайшей к македонской армии (II, 18, 1; III, 8, 7; 25, 8; IV, 22, 6; 28, 6; V, 11, 3; VI, 20, 4). Упоминание о приходе даев на помощь Бессу затрагивает реальное и весьма важное событие, которое тесно связано с описанием других событий похода. Поэтому было бы весьма странно, если бы положения «этой» и «той» сторон Танаиса в этом случае определялись бы с позиции абстрактного наблюдателя, находящегося в Греции и при этом противоречили бы тому, как они должны были быть определены с точки зрения македонской армии. Показательно, что Курций Руф, который также рассматривает Танаис через призму концепций эпохи Александра, тем не менее ни разу не говорит о его северной стороне как об «этой», более близкой к Греции (это верно и в отношении всех прочих источников, упоминающих среднеазиатский Танаис).

разрешения не переходили реку Танаис, границу [своей области]» (Curt. VII, 6.12), а вскоре после этого царь скифов посчитал, «что город, основанный македонцами на берегу реки, является ярмом на его шее», и послал войско, чтобы его уничтожить (Curt. VII, 7.1). Следовательно, причиной конфликта являлся территориальный спор из-за земель, прилегающих к левому берегу Сырдарьи, на которые, очевидно, претендовали скифы. Рассказ Аристовула о процедуре избрания скифского царя, которая по традиции совершалась на берегу Танаиса, также подтверждает, что Сырдарья была не окраинным рубежом владений скифов, а одним из главных сакральных центров их «космоса» (FGH 139 F 63 = Ps.-Plut. De fluv. XIV, 3). Все это говорит о том, что локализация даев или азиатских скифов на левом берегу Сырдарьи соответствует реальной ситуации того времени. Это дополнительно свидетельствует в пользу отождествления *даев с Танаиса* и *азиатских скифов* Птолемея с *европейскими скифами* Клитарха и Аристовула.

Таким образом, есть основания полагать, что *европейские скифы* были даями или дахами, которые более всего известны тем, что в середине III в. до н. э. захватили Парфиену и тем самым положили начало созданию Парфянской державы.

Тот факт, что более поздние источники помещают за Сырдарьей саков, очевидно, объясняется именно переселением даев с Танаиса в Прикаспий. Это тем более вероятно, что первое надежное сообщение о саках за Сырдарьей принадлежит Демодаму, деятельность которого датируется 283—281 гг., через 45 лет после похода Александра [Tarn 1940: 89—94; Wolski 1969: 205—206]. Поход Демодама за Яксарт как раз был ответной акцией на вторжения кочевников, вероятно, именно даев с Танаиса [Tarn 1940: 89—94; Wolski 1969: 200—201].

III. Даи с Танаиса и другие кочевые народы

В конфликте с европейскими скифами приняли участие еще четыре народа: скифы абии, скифы выше Боспора, хорасмии и саки. Скифы абии и скифы выше Боспора — несомненно, условные греческие термины, под которыми скрываются реальные среднеазиатские народы. Оба эти народа иногда связывают с массагетами [Пьянков 1964: 127—128; 1969: 173—174; 1975b: 84; 1997: 227—228], однако основания для этого слишком ненадежны, хотя, судя по схожей их географической локализации и по роли их в описываемых событиях, такое отождествление представляется правдоподобным.

Не вполне ясно происхождение термина *Scythae qui super Bosporon incolunt*. Иногда предполагают, что под Боспором здесь скрываются туманные сведения об Аральском море. Даже если это так, создатели данной географической концепции никак не отделяли Аральское море от Меотиды и под Боспором не подразумевали ничего иного, кроме Боспора Киммерийского. Для нас важнее то, что в античной географической традиции о Причерноморье мы не встречаем аналогичных сведений о кочевниках,

которые бы характеризовались как живущие по ту сторону Боспора. Это подтверждает, что термин *скифы выше Боспора* действительно отражает данные, полученные в Средней Азии, видимо, именно в результате обмена посольствами. Следовательно, за упоминанием Боспора могут скрываться реальные сведения об Аральском море, а данную группу кочевников следует локализовать в Приаралье.

Все описанные в источниках дипломатические миссии тесно связаны с конфликтом на Танаисе. Цель миссии хорасмиев прозрачна: это попытка заключить военный союз с Александром²⁷. Хорасмии предлагали, ударив на колхов и амазонок, подчинить народы, простирающиеся вплоть до Понта. При этом главной целью похода, очевидно, являлись именно «народы, простирающиеся вплоть до Понта», то есть *европейские скифы*. На это указывает и то, что Александр, отвечая послам, говорит о своем желании совершить поход именно к Понту, а не на колхов и амазонок. Следовательно, хорасмии предлагали Александру совершить совместную экспедицию против *скифов из-за Танаиса*. Цель миссии абиев прямо не называется, однако бросаются в глаза два факта: 1) указывается, что абии желают подчиниться Александру (очевидно, это замечание не следует понимать буквально); 2) абии описываются исключительно в положительных красках (независимые, справедливейшие, ни на кого первыми не нападают), в отличие от *европейских скифов*, которые затем оказываются врагами. Учитывая это, следует допустить, что абии, так же как хорасмии, пытались заключить с Александром союз против скифов. Рассказ о посольстве саков, как отмечалось выше, показывает, что саки находились под определенным влиянием *скифов*.

Таким образом, именно *скифы из-за Танаиса* оказываются главным источником военной напряженности в Средней Азии.

IV. Восстание Спитамена

После ухода армии Александра к Танаису в Согдиане вспыхивает восстание, ядром которого было выступление местной знати под предводительством Спитамена. Второй главной движущей силой этого выступления, наряду с местной знатью, были отряды союзных кочевых племен, которые участвовали во всех предприятиях Спитамена. Кочевники фигурируют в пяти эпизодах, связанных с восстанием: в трех операциях Спитамена против македонцев (лето 329, лето 328, зима 328/327), в действиях отряда Кена и Артабаза около границ союзных Спитамену кочевников, в рассказе о последнем убежище Спитамена у этих кочевников и о намерении Александра совершить против них поход. Рассмотрим подробнее эти сообщения.

Основой для реконструкции версий первоисточников служат сведения о первой кампании Спитамена, дошедшие во всех трех версиях — Клитарха, Птолея и Аристубула — в достаточно подробной форме.

²⁷ [Пьянков 1972: 20, примеч. 137; 1983: 50—51; Robinson 1957: 335—336; Gardiner-Garden 1987b: 31].

Выделить все три версии рассказа о первой кампании оказывается возможным благодаря тому, что Арриан к своему основному рассказу об этом событии (без ссылки на источник: IV, 5.2—8; 6.3—9) добавляет резюме версии Аристобула (IV, 3.6. 2—7; 6.1—2), это позволяет отнести основное изложение к Птолемею [Schöne 1870: 6; Fränkel 1883: 276; Luedecke 1889: 45, 54—56; Strasburger 1934: 39; Kornemann 1935: 63—64; Пьянков 1970: 42—44; 1972: 41—43]. Рассказ Курция Руфа (VII, 6.24; 7.30—39; 9.20—22) существенно отличается как от версии Птолемея, так и от версии Аристобула и, следовательно, восходит к Клитарху [Dreusen 1877: 394; Дройзен 1997: 414; Jacoby 1921: 515—516; Hammond 1983: 143]. В пользу этого говорят и характерные для Клитарха красочные описания героической гибели Менедема и Гипсикла [Hammond 1983: 143].

Три версии различаются в следующих деталях [Schwartz 1896a: 916 = Schwartz 1957: 127—128; Endres 1913: 24—26 Anm. 4; Wenger 1914: 7—8; Jacoby 1921: 626; 1927: 516]:

- 1) по Клитарху Спитамен взял Мараканды; по Птолемею — только осадил;
- 2) место битвы: по Клитарху — восточнее Мараканд, в четырех днях пути от Танаиса (Curt. VII, 9.21; Metz. Epit. 13); по Птолемею — западнее, около *скифской пустыни* (ἐν χορίῳ ὀμαλῶ πρὸς τῇ ἐρήμῳ τῆς Σκυθικῆς) вблизи от Политимета²⁸; Аристобул называет место битвы *παράδεισος*, что соответствует лесной местности *salvus* у Клитарха (Curt. VII, 7.33; возможно, о ней же: VIII, 1.11, 13, 19; [Wagner 1901: 123; Пьянков 1970: 45]);
- 3) кочевники: по Клитарху — присутствуют в войске Спитамена изначально (если у Курция Руфа не были пропущены некие важные подробности); по Птолемею — 600 *скифов-кочевников* присоединяются к нему в последний момент из-за необдуманной провокации македонцев; Клитарх называет их *дахами*, Птолемей — *скифами-кочевниками*; Аристобул — *скифами*;
- 4) командуют македонским войском: по Клитарху — Менедем; по Птолемею — Андромах и Каран при содействии консультанта Фарнуха; по Аристобулу — и Менедем, и Андромах с Караном и Фарнухом;
- 5) причина поражения: по Клитарху — лесная засада из отряда кочевников; по Птолемею — несогласованность действий македонцев; по Аристобулу — и то и другое; по Птолемею — в поражении виновен Каран; по Аристобулу — Фарнух [Wenger 1914: 8];
- 6) согласно Птолемею, погиб весь отряд; по Клитарху и Аристобулу — части воинов удалось спастись [Wenger 1914: 7];
- 7) Александр узнает о поражении: по Клитарху — до битвы на Танаисе, по Птолемею — после;
- 8) Спитамен бежит: по Клитарху — в Бактры, по Птолемею — в *скифскую пустыню*, по Аристобулу — к *апасиям* и *хорасмиям* (Strab. XI, 8.8 C518; о принадлежности Аристобулу см.: [Пьянков 1983: 50]).

²⁸ Пьянков правильно локализует место битвы в версии Клитарха [Пьянков 1970: 43] (см. также: [Гайбов, Кошеленко 2005: 121]), однако когда он аналогичным образом пытается трактовать и данные Птолемея, с ним нельзя согласиться. Обе версии описывают события совершенно по-разному, и было бы неправильно пытаться привести их к общему знаменателю.

Пункты № 2, 4, 5 показывают, что рассказ Аристобула объединяет в себе элементы двух других версий. Пункт № 4 позволяет приписать Аристобулу и сообщение об отправке войска против Спитамена (IV, 3.6 fin-7), где также фигурируют сразу все четыре военачальника ([Пьянков 1972: 42—43]; но Корнеманн [Kornemann 1935: 64] относит его к Птолемею).

Три варианта рассказа о первой кампании Спитамена являются наиболее надежной основой для выделения версий первоисточников. Дальнейшая реконструкция этих версий сопровождается возрастающими сложностями, связанными с возможностью различных интерпретаций имеющихся фактов.

Сведения Арриана. Рассказы Арриана об остальных четырех эпизодах имеют много общего друг с другом и с описанием первой кампании, что может быть интерпретировано как использование одного и того же источника.

Тем не менее, согласно наблюдениям Ф. Венгера и А. Б. Босворта, два факта указывают на то, что рассказ Арриана о второй кампании (лето 328 г.; IV, 16.4—17.2) заимствован у Аристобула. Во-первых, события в этом рассказе разворачиваются вокруг города Зариаспы, а Зариаспы — только альтернативное название Бактр, как нам известно из Страбона (XI, 8.9 C514; 11.2 C516) и Плиния (Plin. N. H. VI, 45 = FGH 119 F 2). Использование Аррианом этого менее традиционного названия ничем не мотивировано. При этом в одном из фрагментов Птолемея и в двух местах, где заимствование у Птолемея также весьма вероятно (FGH 138 F 14 = Ag. III, 30.5; ср.: III, 25.3; IV, 22.1; 3), употребляется форма «Бактры». Это заставляет предположить, что упоминания Зариаспы должны восходить к Аристобулу [Wenger 1914: 111, 113; Bosworth 1981: 34], см. также: [Reuss 1907: 591; Strasburger 1934: 40; Пьянков 1997: 225—226]; тем более что главным источником по вопросам, касающимся среднеазиатского похода Александра, для Страбона, который также упоминает о Зариасах, был именно Аристобул). Зариаспа упоминается Аррианом еще дважды, и оба эти эпизода, судя по другим косвенным данным, восходят к Аристобулу: IV, 1.5 — о начале восстания Спитамена; IV, 7.1—3²⁹ — о зимовке 329/328 гг. Эпизоды связаны друг с другом упоминанием о собрании местной знати (ξύλλογος), которое планировалось Александром в первом эпизоде и состоялось во втором. В первом случае фраза о том, что восстание поднято «теми, кто арестовал Бесса» (πρὸς τῶν ξυλλαβόντων Βῆσσαν), лучше согласуется с рассказом Аристобула о выдаче Бесса, поскольку у Птолемея Спитамен только намеревался арестовать его (εἰ πεμφθεῖη αυτοῖς καὶ ὀλίγη στατιά καὶ ἡγεμῶν τῇ στρατιᾷ, ξυλλήψονται Βῆσσαν καὶ παραδώσουσιν; III, 29.6; [Wenger 1914: 111; ср.: Fränkel 1883: 223—224]). Во втором эпизоде сообщается о визите к Александру сатрапа Парфии Фратаферна и сатрапа ариев Стасанора (что связывает его с эпизодом IV, 18.1—2, также, возможно, заимствованным у Аристобула; см. ниже), которые привели с

²⁹ Так считает Штрасбургер [Strasburger 1934: 40]. Однако Людеке [Luedecke 1889: 55] и Корнеманн [Kornemann 1935: 137], не аргументируя, приписывают IV, 7.1—3 Птолемею.

собой Бразана, ставленника Бесса в Парфии. В предшествующем изложении, ведущемся преимущественно по Птолемию, Бразан не упоминается, что выдает здесь использование текстов Аристобула [Wenger 1914: 111]. Далее следует рассказ о казни Бесса, однако ранее Арриан уже упоминал об этом событии со слов Птолемея, причем речь шла о Бактрах (III, 30.5). Упоминание Непарха как сатрапа Ликии также, возможно, указывает на Аристобула [Endres 1924: 9].

Во-вторых, решающую роль в разгроме Спитамена в его второй кампании сыграло внезапное появление отряда Кратера³⁰. Однако в предшествующем описании передвижений македонских войск, которое, как и большинство подобных скрупулезных отчетов о военных операциях, можно уверенно возвести к Птолемию [Bosworth 1981: 33] (иначе: [Fränkel 1883: 277—278; см. примеч. 37]), отряд Кратера не фигурирует, и его внезапное появление на западе Бактрии остается необъяснимым³¹. Позже Арриан отмечает, что на зимние квартиры в Наутаке к Александру прибыли Кратер, Фратаферн и Стасанор и сообщили, что все приказания были ими выполнены, после чего Александр разослал сатрапов с новыми миссиями (IV, 18.1—2). При этом Арриан употребляет нетипичные для него формы имени сатрапа тапуров (Φραδάτης, как и в: Curt. III, 23.7, вместо Αυτοφραδάτης), этнонима тапуров (Τάπυροι вместо Ταλοῦροι) и, что особенно важно, этнонима дрангов Δράγγαι, то есть формы, используемые Аристобулом (ср.: Strab. XV, 2.10 C724), вместо Ζαράγγαι у Птолемея [Bosworth 1976: 128—129; 1980: 358, 367; 1981: 23]. Дополнительно на источник Арриана здесь может указывать манера описания событий — она та же, что и в рассказе Аристобула о первой кампании: акцент делается на личных поступках участников [Bosworth 1995: 114—115]. Все это говорит о том, что данный пассаж, а следовательно, и связанный с ним рассказ о второй кампании Спитамена могут восходить к Аристобулу.

Несмотря на это, многое сближает данный эпизод с версией Птолемея (Людеке [Luedecke 1889: 73]; Штрасбургер [Strasburger 1934: 40]; Корнеманн [Kornemann 1935: 144] возводят его к Птолемию). Как свидетельство использования Птолемея может быть истолковано то, что военная сторона событий изложена очень подробно. Кроме того, ряд черт связывают рассказ о второй кампании с другими эпизодами у Арриана, которые восходят к Птолемию: 1) 600 скифов-массагетов, с которыми Спитамен при-

³⁰ Возможно, еще до начала второго похода в Согдиану Кратеру была поручена некая миссия за пределами Бактрии (ср. фразу о том, что Кратер и Фратаферн, сатрап Парфии, выполнили все задания Александра; IV, 18.3). Согласно весьма правдоподобному, но не доказуемому полностью предположению Ф. Шахермайра, именно с этой миссией связаны подчинение македонцами Маргианы и постройка там Александрии [Schachermeyr 1973: 349, Anm. 416; Hamilton 1973: 308; Fox 1973: 308; Шахермайр 1986: 208—209, 360, примеч. 36]. А. Б. Босворт скептически относится к этой гипотезе, полагая, что, скорее всего, задачей Кратера могла быть общая оборона Бактрии [Bosworth 1981: 24—25]; так же думал Дройзен [Дройзен 1997: 376, примеч. 57].

³¹ Это отмечает и Френкель [Fränkel 1883: 278], однако, поскольку рассказ о начале кампании 328 г. он приписывает Аристобулу (см. примеч. 36), источником описания второй кампании Спитамена он считает Птолемея.

шел в Бактрию, напоминают 600 *кочевников-скифов*, присоединившихся к нему для разгрома Фарнуха (IV, 16.4: фраза $\xi\upsilon\mu\lambda\epsilon\phi\epsilon\upsilon\upsilon\omicron\tau\epsilon\varsigma \xi\upsilon\nu\alpha\gamma\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma \tau\omicron\nu \text{Μασσαγ}\epsilon\tau\omicron\nu \iota\pi\lambda\epsilon\acute{\alpha}\varsigma \acute{\epsilon}\xi\alpha\kappa\omicron\sigma\iota\omicron\upsilon\varsigma$ не обязательно предполагает, что для этой операции Спитамен набрал новый отряд);

2) описание битвы между войсками Спитамена и Кратера (IV, 17.2) близко совпадает с описанием битвы во время третьей кампании Спитамена (IV, 17.6), восходящим к Птолемею [Fränkel 1883: 279];

3) во всех трех кампаниях сходно описывается этногеографическая ситуация — действия происходят на границе *скифской пустыни*, за которой лежит *страна массагетов*, союзников Спитамена (IV, 17.2; также о первой и третьей кампаниях: IV, 5.4; 6.5; IV, 17.7);

4) в первой и второй кампаниях сходно описывается поведение противников: неспособность Спитамена захватить большой город, активные действия македонского гарнизона, отступление Спитамена в пустыню при появлении крупных частей македонцев.

Предположение А. Б. Босворта порождает ряд сложностей, связанных с тем, что те эпизоды у Арриана, которые он приписывает Аристобулу, находят отражение и у Курция Руфа: 1) в рассказе о второй кампании у Курция Руфа противниками македонцев названы «бактрийские изгнанники», а у Арриана — некоторые из согдийских изгнанников ($\tau\omicron\nu \text{Σογδ}\iota\alpha\nu\omicron\nu \tau\iota\upsilon\epsilon\varsigma \phi\upsilon\gamma\acute{\alpha}\delta\omega\nu$) (IV, 16.4); у Курция Руфа упоминаются два отряда кочевников (800 и 1000 человек; у Арриана — 600 и 1000), первый из которых — также массагеты; исход битвы у обоих авторов решает внезапное появление Кратера; 2) эпизоды, в которых фигурирует Зариаспа, находят отражение у Курция Руфа: о начале восстания (IV, 1.5; хотя у него фигурируют Бактры: VII, 7.14—15, см. ниже); частично о зимовке 329/328 гг. (упоминается казнь Бесса в Экбатанах, VII, 5.43; Корнеманн [Kornemann 1935: 137] считает эпизод Авг. IV, 7.3 чисто птолемеевым) и о приходе подкреплений из Македонии (VII, 10.10); 3) эпизод с визитом сатрапов на зимние квартиры к Александру также отражен у Курция Руфа (хотя Кратер у него не назван: VIII, 3.17). При этом использование Курцием Руфом традиции Птолемея можно считать установленным фактом, но его знакомство с Аристобулом не имеет надежных подтверждений. Ситуацию осложняет и то, что Аристобул мог наряду с формой «Зариаспа» использовать и форму «Бактра» (III, 29.1, ср.: Strab. XV, 2.9—10 C724; [Reuss 1907: 594]). Снять эти противоречия можно, предположив, что во втором случае Курций следует Клитарху, который передает версию Аристобула, и что в двух последних случаях фрагменты, совпадающие у Арриана и Курция Руфа, заимствованы у Птолемея (так же считает Корнеманн [Kornemann 1935: 144]; Френкель же [Fränkel 1883: 285] приписывает эти сведения Аристобулу). Таким образом, однозначно разделить версии Птолемея и Аристобула в данном случае не удастся.

Остальные три эпизода теснее связаны друг с другом, а также с текстами, которые более надежно связываются с версией Птолемея [Luedescke 1889: 73].

Весной 328 г., отправляясь в Согдиану, Александр разделил армию на пять отрядов, возглавляемых Гефестионом, Птолемеем, Пердиккой, Ке-

ном и Артабазом и самим Александром, и широким фронтом двинулся на Мараканды³². «Когда все его войска, пройдя большую часть Согдианы, прибыли к Маракандам, он послал Гефестиона вновь заселить города в Согдиане, а Кена и Артабаза — к скифам, так как ему донесли, что Спитамен бежал [к ним], сам же с остальным войском, пройдя по [той части] Согдианы, которая еще удерживалась восставшими, без труда покорил ее» (IV, 16.1—3). Данный эпизод обладает внутренней целостностью и, как отмечалось выше, восходит к Птолемию [Wenger 1914: 18; Jacoby 1927: 516; Strasburger 1934: 41; Kornemann 1935: 144; Bosworth 1981: 33]³³.

Курций Руф весь путь Александра до Мараканд³⁴ описывает по версии Клитарха (VII, 10.15; ср.: Diod. XVI prol. 24; Metz. Epit. 14; [Пьянков

³² Босворт [Bosworth 1995: 113] допускает, что Арриан здесь мог объединить в одной фразе сведения о пяти разных миссиях, посланных в разное время. Однако Арриан недвусмысленно указывает, что разделение армии на отряды было единовременным действием с целью одновременного охвата максимальной территории.

³³ Френкель [Fränkel 1883: 277—278] связывает данный эпизод с описанием опустошения долины Политимета в 329 г. на том основании, что в обоих случаях фигурируют варвары, скрывающиеся в своих крепостях (*τὰ ἐρύματα*) (эту параллель отмечал и Людеке [Luedecke 1889: 55]), а общим источником обоих эпизодов он считает Аристулу, поскольку именно у него Арриан заимствует описание Политимета, следующее непосредственно за первым эпизодом (FGH 139 F 28b = IV, 4.6). Однако Людеке [Luedecke 1889: 55] справедливо полагает, что к Аристулу можно возвести только само описание, а рассказ о разорении долины Политимета, как и о начале кампании 328 г., должен восходить к Птолемию. Босворт полагает, что в рассказах как Арриана, так и Курция Руфа не оказывается временной ниши для осуществления миссий Кена и Гефестиона. На этом основании он допускает, что сообщения о пяти отрядах в начале кампании и об этих двух миссиях являются двумя версиями одного события: первая принадлежит Птолемию, а вторая заимствована у Аристулы Босворт [Bosworth 1995: 112—113]. На мой взгляд, необходимая временная ниша в источниках описывается: между отправкой и завершением этих миссий Александр покоряет «оставшиеся области» (подробности опущены, поэтому неизвестно, сколько это заняло времени), отходит после убийства Клита (о том, что это событие должно предшествовать визиту послов, см.: [Пьянков 1972: 46—47]) и принимает скифских послов (10 дней: VIII, 2.13). Кроме того, миссии Кена и Гефестиона упоминаются Курцием Руфом, что также говорит в пользу авторства Птолея, а не Аристулы.

³⁴ После заимствованного из версии Птолея эпизода о чудесном появлении вблизи от Окса источника (хотя Аристула также говорил об этом событии; поэтому Френкель [Fränkel 1883: 277] и Венгер [Wenger 1914: 73, 112] приписывают его Аристулу, против чего возражает Людеке [Luedecke 1889: 63] (ср.: Корнеманн [Kornemann 1935: 144])), Курций Руф рассказывает о том, как, «перейдя реки Ох и Окс, Александр прибыл к городу Маргани» (*Marganiam*: P, FLV; *Marginiam*: BM) и построил рядом с ним 6 крепостей. Затем следует рассказ о взятии скалы в Согдиане. Исследователи расходятся в трактовках этого эпизода. Одни предпочитают исправить название города на *Margianam* и считать это свидетельством пребывания Александра в Маргиане [Массон 1951: 93; 1970: 15—16; Рахманова 1964: 21]; обзор литературы: [Кочеленко и др. 2000: 3—15]. Другие, исходя из контекста эпизода, отрицают возможность посещения Александром Маргианы и либо просто отказываются в доверии сообщению Курция [Хлопин 1971; 1972: 1983: 163—166], либо предполагают, что речь шла не о Маргиане, а о некоем другом городе. Босворт [Bosworth 1981: 24—29; 1995: 108—110] полагает, что, поскольку Александр сначала перешел реку Ох — Кундуз, Маргиния должна находиться в Восточной Бактрии, около Ай-Ханума). Аргументы второй группы исследователей представляются убедительными. При этом можно избежать сложностей, связанных с идентификацией города Маргиния, который нигде бо-

1972: 44—47]). Затем, после короткой фразы «царь усмирил и прочих», Курций, вновь по Клитарху, описывает осаду скалы Аримаза (VII, 11; ср.: Diod. XVII prol. 25; [Fränkel 1883: 232—233; Пьянков 1982: 44]; Хаммонд [Hammond 1983: 144] возводит к Аристобулу), после чего добавляет эпизод, совпадающий с приведенной выше цитатой из Арриана: «Александр разделил войско на три части, чтобы разослать отряды [для отпора] бродившим врагам. Начальником одной [части] он сделал Гефестиона, начальником другой — Кена, сам встал во главе остальных. Но среди варваров не было единодушия. Одни были покорены силой оружия, большинство подчинились [Александр], не доводя дела до сражения; он приказал отдать им города и земли (*urbes agrosque*) тех, кто упорствовал в непокорности... [После визита *скифских посольств* Александр] стал лагерем, поджидая Гефестиона и Артабаза» (VIII, 1.1—2; 10).

Курций Руф здесь определенно передает версию Птолемея³⁵. Мнение, будто его сообщение о трех отрядах является переработкой данных Птолемея, где фигурировали пять отрядов до Мараканд и якобы только два, а не три, отряда (Гефестиона и Кена с Артабазом) — после, представляется необоснованным [Пьянков 1972: 48].

Приведенные тексты (Agr. IV, 16.1—3; Curt. VIII, 1.1—2; 10), вероятно, следует понимать следующим образом: македонские войска после соединения в Маракандах как бы повторили маршруты своих действий в кампанию 329 г. Гефестион должен был повторить поход Александра к Танаису и восстановить там города, разрушенные македонцами при подавлении восстания (поскольку ни о каких иных городах, которые в данном контексте мог бы восстанавливать Гефестион, нам не известно)³⁶.

В данном случае изложение событий у Арриана и Курция Руфа будет совпадать в основном (описывается путь из Бактр в Мараканды), расходясь в подробностях (Курций упоминает о переправе через Ох, а Арриан — о пяти отрядах). После прихода в Мараканды описания событий вновь совпадают в основном (покорение остальных областей), расходясь в деталях (Курций рассказывает о взятии скалы, Арриан — о действиях Кена и Гефестиона; см. ниже). Похожую интерпретацию дает И. В. Пьянков [Пьянков 1972: 26], принимая конъектуру И. Маркварта [Marquart 1938: 3; 1946: 269, not. 2] Marganda, являющуюся вариантом названия Marakanda (ср.: *Μαράγανδα*: Plut. De fort. II, 9). Ошибка в названии Marakanda могла произойти в результате смешения традиции Клитарха с более поздними сведениями, восходящими к Аполлодору Артемитскому [Кошеленко и др. 1998: 308—309]. Совершенно неправдоподобно выглядит реконструкция маршрута похода, предложенная в работе Г. А. Кошеленко, В. А. Гайбова и А. Н. Бадера [Кошеленко и др. 2000: 15]: Александр сначала через Амударью переправляется в Согдиану, затем через Келифский Узбой (который пришлось отождествить с рекой Ох) — в Маргиану, после чего — обратно.

³⁵ Босворт [Bosworth 1981: 33—34] также отмечает, что сообщения о миссии должны восходить к источнику, данными которого Курций Руф дополнял свое основное повествование. В основном повествовании для миссий Гефестиона и Артабаза не найдется временной ниши: их отправка и возвращение разделены только кратким указанием о покорении оставшихся областей и описанием скифских посольств (VIII, 1.10).

³⁶ Нельзя согласиться с мнением, что миссия Гефестиона у Птолемея и основные шесть крепостей около Мараканд у Клитарха представляют собой разные версии одного и того же события. Нельзя также согласиться с тем, что указание Курция об отправке Гефестиона в Бактрию для заготовки продовольствия на зиму 328/327 гг.

Кен и Артабаз (сатрап Бактрии) повторили действия Фарнуха и самого Александра против Спитамена, то есть они направились к границам той самой *скифской пустыни*, около которой были разгромлены македонцы и куда бежал Спитамен. Тем самым миссия Кена и Артабаза оказывается логически связана с рассказом о первой кампании, закончившейся бегством Спитамена в скифскую пустыню. Указания о том, что Александр покорил оставшуюся часть Согдианы, вероятно, дублируют фразу «царь усмирил и прочих» версии Клитарха, а возможно, соответствуют рассказу Клитарха о покорении «скалы Аримаза» в горной Согдиане, где македонцы действительно еще не появлялись.

Рассказ о третьей кампании Спитамена и о его гибели неразрывно связан с сообщением о миссии Кена. Отправляясь на зимние квартиры, Александр приказывает Кену «остаться на зимовку на том же месте в Согдиане, чтобы следить за страной и охранять ее и чтобы, если окажется, что зимой где-то бродит Спитамен, устроить ему засаду и захватить его»³⁷, дав ему в числе подкреплений отряд бактрийского сатрапа Аминты. Спитамен, видя, что все местности заняты гарнизонами македонцев и что бежать ему некуда, обратился против Кена. Прибыв в Баги, укрепление на границе между Согдианой и *землей массагетов*, он вербует *около трех тысяч массагетов*, но Кен наносит ему поражение. Согдийцы и многие бактрийцы сдаются Кену, а *массагеты* вместе со Спитаменом скрываются в пустыне. Позже, узнав, что Александр готовит против них поход, *массагеты* убивают Спитамена (Аг. IV, 17.7).

Таким образом, можно с определенной уверенностью возвести три рассмотренных эпизода к версии Птолемея; так же считают и Венгер и Штрадбургер [Wenger 1914: 113; Strasburger 1934: 41].

Версия Клитарха. Бросаются в глаза резкие противоречия в сведениях Курция Руфа о действиях Спитамена, что может быть объяснено только неумелой компиляцией разных источников. Пять интересующих нас эпизодов четко распадаются на две группы.

до н. э. (VIII, 2.13) является искаженной передачей сообщения Птолемея о миссии Гефестиона по восстановлению городов [Пьянков 1972: 48—49]. Также у нас нет оснований связывать с деятельностью Гефестиона основание Александрии Оксияны (Ай-Ханум?) в верховьях Амударьи: [Holt 1989: 62—63]. Есть все основания думать, что македонцы не появлялись в этом районе до похода Александра весной 327 г. (см. примеч. 8). Разумным также является наблюдение А. Б. Босворта о том, что глагол *συνοικίσειν*, употребленный Аррианом, предполагает не основание новых городов, а заселение уже существующих [Bosworth 1995: 113—114]. Опираясь на это наблюдение, А. Б. Босворт усматривает внутреннюю связь между сведениями о миссии Гефестиона и словами Курция Руфа о том, что всех пленных со скалы Аримаза Александр роздал населению «новых городов» (VII, 11.29). На этом основании он относит деятельность Гефестиона к Южной Согдиане, которая непосредственно перед тем была занята македонцами. В целом этот вывод о связи между словами Арриана и Курция Руфа представляется верным, однако нет необходимости считать эту связь прямой и использовать ее для локализации действий Гефестиона. Более вероятно, что источник Курция Руфа, который ничего не сообщал о миссии Гефестиона, под «новыми городами» имел в виду шесть поселений, основанных вокруг Мараканд.

³⁷ Источники не сообщают о возвращении Кена в Мараканды, следовательно, Кен был оставлен на западной границе Согдианы, а не в Маракандах, как полагают Пьянков [Пьянков 1972: 49] и Босворт [Bosworth 1995: 114, 118].

1. Описание первой кампании Спитамена хорошо согласуется с рассказом о его последнем убежище и гибели (VIII, 3.1—16; Metz. Epit. 9, 14, 20—23). В обоих случаях Спитамен выступает как некий вождь дахов: 1) в первой кампании он предводительствует дахами, которые решают исход битвы (между тем, помимо дахов, никакие другие сторонники Спитамена вообще не упоминаются); 2) после поражения восстания Спитамен и его сподвижник Датаферн находят убежище у дахов; Александр планирует поход против дахов, которые, тем не менее, только после смерти Спитамена соглашаются выдать Датаферна и Катена (Metz. Epit. 23)³⁸ и сдаться. Описание первой кампании, как показано выше, восходит к Клитарху. Оба рассматриваемых эпизода отражены в «Эпитоме деяний Александра» (9, 14, 20—23). Рассказ о страшной смерти Спитамена от рук любимой жены настолько фантастичен и театрален, что никому, кроме Клитарха, его приписать нельзя; на Клитарха указывает и подчеркнутый мотив фортуны Александра (ср.: [Hammond 1983: 147]; у Птолемея Спитамена убивают массагеты: *Агг.* IV, 17.7; у Аристубула — некие варвары: *Str.* XI, 8.8 C518; 11.6 C518). Еще одним фактом, который может указывать на принадлежность данного рассказа к традиции Клитарха, является фраза Юстина о том, что после гибели Клита Александр подчинил себе хорасмиев и дахов (XII, 6.17). Далее у Юстина следует эпизод с Каллисфеном и заговором пажей. Упоминание хорасмиев, очевидно, является реминисценцией рассказа о визите посольства Фарасмана, которое, однако, у Курция Руфа предшествовало убийству Клита. Упоминание дахов, напротив, судя по контексту, должно соответствовать капитуляции *дахов*, которая у Курция Руфа имела место также после убийства Клита. Вместе с тем не исключено, что упоминание дахов рядом с хорасмиями отражает факт соседства этих народов, отмеченный в рассказе о визите посольства хорасмиев у Курция Руфа (VIII, 1.8; [Пьянков 1972: 46—47]).

Таким образом, принадлежность двух рассмотренных эпизодов версии Клитарха устанавливается достаточно надежно.

2. Описания второй и третьей кампаний у Курция Руфа (VIII, 1.3—6³⁹; 2, 14—19.1) резко отличаются от этих двух эпизодов. Их объединяет ряд черт: 1) отсутствует Спитамен; 2) дахи не играют особой роли (в описании третьей кампании они вообще не фигурируют, а в описании второй упоминаются в одной короткой фразе, о чем ниже); 3) противниками македонцев являются «бактрийские изгнанники» (*exules Bactriani*); 4) эти эпизоды отсутствуют в «Эпитоме деяний Александра»; 5) ряд черт объединяет их с параллельными описаниями у Арриана (об этом ниже). Кроме того, замечание Курция Руфа (VIII, 2.18) о том, что бактрийские изгнанники, сдавшиеся после нанесенного им Аминтой поражения, были прощены Александром даже «после второго мятежа» (*alterum defectio*), а

³⁸ Курций Руф называет только Датаферна, поскольку о гибели Катена в Паретакене он рассказывает по версии Птолемея (VIII, 5.2; ср.: *Агг.* IV, 22.2; [Fränkel 1883: 279; Koenemann 1935: 145]).

³⁹ Пьянков осторожно высказывается об источниках этого фрагмента, предполагая здесь тесное переплетение элементов версий Птолемея и Клитарха (но преобладает Птолемея), которое должно было присутствовать уже в источнике Курция [Пьянков 1972: 47].

не «третьего», как было бы, если бы первая кампания Спитамена также учитывалась, подчеркивает связь между этими двумя эпизодами и отделяет их от рассказов о первой кампании и о гибели Спитамена. Все это указывает на то, что источником здесь послужил не Клитарх.

Ряд черт объединяет эти рассказы с параллельными описаниями у Арриана.

1) В обеих кампаниях противниками македонцев являются «бактрийские изгнанники», что находит аналогии в описании второй кампании у Арриана, где сторонники Спитамена названы τῶν Σοῦδιανῶν τινες φυγάδων, и в рассказе Курция Руфа о начале восстания в Согдиане⁴⁰: «Замысел [постройки Александрии] был отложен из-за известия об отпадении согдийцев, которое также увлекло бактрийцев. Виновниками [отпадения] были 7000 всадников, остальные последовали [за ними]. Александр велел призвать Спитамена и Катена, выдавших ему Бесса, не сомневаясь, что своим старанием они смогут вернуть к покорности [тех], кто поднял мятеж. Но те, будучи виновниками (auctores) восстания, усмирить которое они были призваны, уже прежде распространили слух, что царь призывает [к себе] всех бактрийских всадников (Bactrianos equites), чтобы [их] перебить, но что они не нашли в себе сил выполнить [данное] им поручение, боясь совершить неискупимое преступление... Итак, они без труда побудили взяться за оружие [людей], которые уже сами были к этому подвигнуты страхом наказания» (VII, 6.13—15; Metz. Epit. 9; Пьянков [1972: 44, 47, 49] считает этот эпизод переработкой версии Птолемея).

Рассказ Курция Руфа является явной репликой с параллельного эпизода у Арриана: «Вместе с ними (варварами, живущими около Танаиса) в восстании приняли участие и многие из согдийцев, которых подняли те, кто захватили Бесса, так что и среди бактрийцев были такие, которых они привлекли на свою сторону. Может быть, они и в действительности боялись Александра, может быть, только ссылались как на причину [восстания] на приказ Александра всем гипархам этой страны (τοῦς ὑπάρχουσ τῆς χώρας ἐκεῖνῃς)⁴¹ собраться на общий съезд в Зарияспы, самый большой город, поскольку ничего хорошего собрание не предвещало» (IV, 1.5).

Происхождение рассказа Курция Руфа не вполне ясно. Тот факт, что он находит отражение в «Эпитоме», позволяет считать его источником Клитарха, который мог заимствовать его у Аристобула. С другой стороны, упоминание «бактрийских всадников» связывает его с описаниями второй и третьей кампаний, которые, судя по всему, восходят к Птолемею. При этом нет полной уверенности в том, что параллельный эпизод у Арриана восходит к Аристобулу, а не к Птолемею.

Одно существенное отличие от изложения Арриана объединяет рассказ Курция Руфа о начале восстания с его же описаниями второй и третьей кампаний: здесь также на первый план выведены бактрийские всадники, а роль Спитамена как инициатора мятежа завуалирована. Рассмотренный

⁴⁰ Хаммонд [Hammond 1983: 142], не аргументируя, приписывает Аристобулу весь отрывок VII, 6.11—23.

⁴¹ Видимо — Бактрии [Bosworth 1995: 22], хотя не исключено, что приказ распространялся и на согдийскую знать.

эпизод показывает, что Спитамен все же упоминался в данном источнике Курция Руфа.

2) Во второй кампании участвуют два отряда кочевников (у Арриана — 600 и 1000; у Курция Руфа — 800 и 1000 человек); первый отряд состоит также из массагетов; исход битвы также решает внезапное появление Кратера (Эндрес [Endres 1913: 24—26] тоже полагает, что Курций Руф передает традицию, близкую источникам Арриана).

3) В третьей кампании события также происходят на границе Скифии, «изгнанники» нападают на отряд Аминты (у Арриана отрядом командует Кен, а Аминта ему подчинен: IV, 17.3), что связывает этот эпизод с сообщением о миссии Кена.

Вместе с тем имеются существенные отличия от рассказа Арриана.

1) В рассказе о второй кампании это эпизод с местным начальником Аттином (*regionis eius praefectus*), который попытался сам справиться с мятежниками, но те завлекли его отряд в лесную засаду и уничтожили, этот эпизод не имеет аналога у Арриана и напоминает рассказ Клитарха о первой кампании Спитамена (лесная засада; общая драматичность). Однако не исключено, что этот эпизод отражает версию Птолемея (Босворт [Bosworth 1995: 114—115] находит этот эпизод очень реалистичным, близким Птолемею по своей манере), тогда как Арриан следует здесь Аристобулу. Отсутствие в эпизоде с Аттином упоминания о массагетах, которые, согласно Курцию Руфу, с самого начала были вместе с бактрийцами, может указывать на то, что эпизоды с массагетами и с Аттином заимствованы Курцием Руфом из разных источников: более подробный об Аттине — у Клитарха; сокращенный до двух фраз и приложенный к первому эпизод о массагетах (и дахах? см. ниже) — у Птолемея. В пользу того, что версия Клитарха рассказывала о действиях Спитамена в Бактрии в 328 г., свидетельствует фраза Курция Руфа о том, что Спитамен из Мараканды бежал в Бактры (VII, 9.20). Следствием неудачной компиляции, возможно, является и то, что Курций Руф никак не локализует описываемые события. Судя по тому, что непосредственно перед тем речь шла о действиях Александра в Согдиане, можно было бы ошибочно отнести туда же рассматриваемый эпизод. Однако, скорее всего, в источнике Курция Руфа события относились, как и у Арриана, к Бактрии.

2) Завершается рассказ о второй кампании короткой и не вполне понятной фразой о том, что «те самые *массагеты* уже ускакали; была разгромлена 1000 *дахов* (*Et Massagetae quidem iam refugerant; Dahae M oppressi sunt*), поражение которых явилось концом сопротивления всех [этих] областей» (VIII, 1.6). Наиболее правдоподобно, что тысяча дахов соответствует отряду в тысячу массагетов, которые, согласно Арриану, также присоединились к Спитамену в последний момент перед сражением с Кратером и также упоминаются в единственной фразе. Однако, поскольку дахи ни разу не упоминаются у Арриана, который всегда говорит о массагетах, но, напротив, маркируют версию Клитарха, нельзя исключить возможность того, что их упоминание является отблеском не известного нам рассказа Клитарха об этих событиях. План Александра совершить поход против дахов, согласно Курцию Руфу (VIII, 3.1), косвенно указы-

вает, что дахи в версии Клитарха могли принимать участие не только в первой кампании Спитамена.

3) В рассказе о третьей кампании ⁴² Александр после смерти Клита прибыл в область Ксениппу (Χενίππα) на границе со Скифией, где скрывались мятежники. Местные жители прогоняют бактрийцев, которые, видя, что им некуда бежать, нападают на Аминту (VIII, 2.14—19.1). Кочевники, у Арриана играющие в этом эпизоде главную роль, у Курция Руфа не фигурируют. У Арриана, напротив, отсутствует эпизод с Ксениппой, хотя ему, возможно, соответствует аналогичное по своему значению замечание о том, что «Спитамен и его люди, видя, что все местности заняты гарнизонами македонцев и, что, как оказалось, бежать им некуда, обратились против Кена» (IV, 17.4). Поскольку покорение Ксениппы упоминается в «Эпитоме» (19), сведения об этой области должны восходить к Клитарху. При этом рассказы Курция Руфа и Арриана все же не противоречат друг другу, а в главном совпадают (бактрийские всадники как главное действующее лицо восстания; безнадежность положения восставших; близость к Скифии; нападение на Кена-Аминту), так что расхождения между ними можно интерпретировать как разные варианты сокращенной (в обоих случаях довольно сильно) передачи одной и той же версии.

Фразу Арриана о том, что Александр после занятия Мараканды в 328 г. покорил еще удерживаемую восставшими часть Согдианы (IV, 16.3), едва ли можно рассматривать как сокращенное изложение эпизода с Ксениппой [Пьянков 1972: 44, 46—47, 49]. Судя по тому, что Курций Руф (VIII, 1.1—2) повторяет данный отрывок Арриана почти в той же форме, вряд ли их общий источник (Птолемей) сообщал здесь какие-то дополнительные детали, тем более — эпизод с Ксениппой. Соответственно, нельзя согласиться с мнением И. В. Пьянкова [Пьянков 1972: 46] о том, что у Арриана нарушена хронология повествования: фраза о покорении остальной части Согдианы должна следовать за рассказом о второй экспедиции.

Таким образом, рассказы Курция Руфа о второй и третьей кампаниях Спитамена, скорее всего, восходят к некому переложению версии Птолемея, которую Курций к тому же сильно сокращает и искажает. Сведения о Ксениппе и, возможно, рассказ об Аттине восходят к версии Клитарха.

Определенную сложность представляет согласование фрагментов версии Клитарха, выделенных нами в рассказе Курция Руфа, с данными Диодора, который передает версию Клитарха в наиболее чистой форме:

«22. Как предводители согдийцев, ведомые на смерть, были спасены необыкновенным образом. 23. Как Александр победил отпавших согдийцев и убил их больше двенадцати мириадов. 24. Как [он] наказал бактрийцев,

⁴² Хаммонд [Hammond 1983: 145] полагает, что расхождения между Курцием Руфом и Аррианом здесь слишком велики, чтобы предполагать зависимость первого от Аристула, а второго — от Птолемея, и с осторожностью высказывается в пользу Клитарха как источника Курция Руфа. Н. Г. Л. Хэммонд понимает *oppressi sunt* в значении «убиты», но не исключены более безобидные значения, например — «разгромлены», и в этом случае данная фраза не препятствует предположению об общем источнике рассказов Курция Руфа и Арриана.

во второй раз подчинил согдийцев и для наказания отпавших основал в удобных местах города. 25. Третье отпадение согдийцев и пленение бежавших на Скалу» (XVII, prol. 22—25).

Бросается в глаза, что в оглавлении труда Диодора ничего не говорится о Спитамене, как не говорится о нем и в самом тексте сочинения Диодора в эпизоде выдачи Бесса Александру (Diod. XVII, 83, 8; выдавшие Бесса люди названы здесь просто οἱ μέγιστοι τῶν ἡγεμόνων). И. В. Пьянков на этом основании предположил, что Клитарх также ничего не писал о Спитамене и что все сведения Курция Руфа о нем восходят к некому особому «источнику Спитамена», тесно смешанному с традицией Клитарха, а через этот источник — к Птолемею [Пьянков 1972: 41—43]. При этом И. В. Пьянков, тем не менее, соглашался с тем, что основа рассказа Курция Руфа о первой кампании восходит к Клитарху [Пьянков 1970: 42]. Между тем о Спитамене говорится в «Эпитоме», источнике, наиболее близком Курцию Руфу, поэтому нет оснований приписывать сведения Курция Руфа о Спитамене влиянию особого источника и отрицать их связь с версией Клитарха. Более правдоподобно предположить, что сюжетная линия, рассказывающая о Спитамене, была просто опущена Диодором, который сильно сокращал Клитарха.

Оглавление Диодора сообщает о трех восстаниях согдийцев. Возможно, изначально эти три восстания были как-то связаны с тремя кампаниями Спитамена. Так, уничтожение 120 тысяч согдийцев во время первого восстания, согласно Диодору, соответствует сообщению Курция Руфа о приказе Александра убивать всех взрослых (VII, 9.22) и сообщению Арриана, по версии Аристула [Kaerst 1878: 29; Fränkel 1883: 226—227, 277—278; Wenger 1914: 24; Strasburger 1934: 40; Пьянков 1972: 43], об опустошении всей долины Политимета (IV, 6.5—6; ср.: FGH 139 F 28a = Str. XI, 11.5 C518), что, как прямо указывается, было ответом на их участие в действиях Спитамена (Хаммонд [Hammond 1983: 143] предполагает, что Курций и Арриан оба используют здесь Аристула). Также в рассказе Курция Руфа о второй кампании Спитамена отпадение неких областей в Бактрии связывалось с действиями *дахов*.

V. Анализ сведений о кочевниках-союзниках Спитамена

Кочевники фигурируют во всех трех версиях восстания Спитамена, являясь, по сути, такой же незаменимой опорой этого движения, как и бактрийские и согдийские отряды. Ни одно предприятие Спитамена не обходилось без поддержки кочевников. Складывается впечатление, что Спитамен и поддерживающая его группа согдийской и бактрийской знати были в большей степени связаны с кочевым миром, нежели с коренным населением своих собственных стран.

Проведенный анализ позволяет с достаточной полнотой реконструировать версию событий Птолемея, с меньшей — Клитарха и только в отдельных чертах — версию Аристула.

Согласно Птолемею, главными союзниками Спитамена были *массагеты*. При этом он последовательно придерживается реалистической гео-

графической концепции, согласно которой Согдиана и Бактрия на большом протяжении граничат со *скифской пустыней*, а по другую сторону от нее лежит *земля массагетов*. Все события в его версии разворачиваются вблизи от этой пустыни, поскольку кочевники боятся заходить вглубь чужой территории и предпочитают совершать набеги. Реалистично Птолемей описывает и самих *массагетов* — как множество относительно малочисленных групп профессиональных воинов, готовых легко примкнуть к удачливому вождю, но с такой же легкостью предающих его (ср.: «скифы эти жили в крайней бедности и, поскольку у них не было ни городов, ни оседлого жилья, чтобы испытывать страх за дорогое им, склонить их на любую войну ничего не стоило»: IV, 17.5)⁴³.

Союзников Спитамена во второй (у Курция Руфа) и третьей (у Арриана) кампаниях Птолемей называет массагетами, а в первой кампании — просто скифами. Вопрос об этнической принадлежности этих скифов и о причине, по которой Арриан умолчал о ней, не имеет очевидного решения. Можно допустить, что под скифами скрываются фигурирующие в этом эпизоде у Курция Руфа дахи, упоминание о которых было опущено Аррианом (см. ниже). Более вероятно, что здесь речь идет также о *массагетах*, что следует из общих представлений Птолемея об участии кочевников в восстании, а также из того, что для Арриана (возможно, и для самого Птолемея) *скифы* служат синонимом *массагетов*. Это подтверждается тем, что отряд из 600 массагетов, действующий во второй кампании, возможно, тождествен отряду из 600 скифов в первой кампании.

Итак, Птолемей говорил о трех отрядах *массагетов*. Первый отряд из 600 всадников примкнул к Спитамену в ответ на враждебные действия македонцев и принял участие в первых двух кампаниях. Во второй кампании, помимо этого, участвовал еще один отряд из 1000 *массагетов*. Видимо, после поражения в Бактрии Спитамен лишился поддержки этих отрядов, и для своего третьего похода ему пришлось, по сути, нанять еще 3000 *массагетов*. Возможно, таким же путем он привлек к себе и второй отряд. После поражения *массагеты* сначала разграбили обоз своих союзников согдийцев и бактрийцев, а потом убили и самого Спитамена.

Клитарх говорит о *дахах*, которые, возможно, были изначально как-то связаны со Спитаменом, приняли участие, по крайней мере, в двух его кампаниях и сохраняли ему верность до конца.

И. В. Пьянков подвергает сомнению то, что сведения Курция Руфа о дахах не могут восходить к Клитарху, а являются привнесенной им самим реминисценцией сведений более позднего источника по истории парфян, который использовал Курций Руф [Пьянков 1983: 50]⁴⁴. Однако у этого предположения нет достаточных подтверждений; дахи слишком

⁴³ Венгер [Wenger 1914: 113] приписывает это описание Аристубулу, полагая, что Птолемей не мог давать подобных этнографических экскурсов, но все же для такого категоричного суждения оснований недостаточно.

⁴⁴ Очевидно, Помпея Трога, который использовал традицию Аполлодора Артемидского. Согласно одной из теорий, традиция Клитарха была известна Курцию Руфу только через передачу Помпея Трога, у которого он позаимствовал заодно и сведения по истории Парфии (VI, 2.12—14; [Пьянков 1986: 75; Кошеленко и др. 1998: 301—313]).

прочно соединены с контекстом повествования Курция Руфа, чтобы можно было считать их упоминание интерполяцией, да и трудно представить себе причину для подобной интерполяции с его стороны. При этом дахи фигурируют также в «Эпитоме» (20, 23) и у Вергилия в контексте, определенно указывающем на заимствование у Клитарха (Aen. VIII, 724—728; об использовании Вергилием Клитарха см.: [Пьянков 1997: 45]).

Неизбежно встает вопрос: почему Клитарх называл союзников Спитамена *дахами*, а Птолемей — только *массагетами*. Прежде всего отметим, что оба автора приводят достаточно самостоятельные и непротиворечивые версии событий, и поэтому было бы методологически неправильно безоговорочно отдать предпочтение только одной из них, например версии Птолемея, как это часто делается.

Вопреки этому подходу мы можем заключить, что нет причин отказываться в доверии сведениям Клитарха об участии *дахов* в восстании. Возможно, что, в то время как Клитарх упоминал и *дахов* и *массагетов*, отличая их друг от друга, Птолемей всех кочевников к западу от Согдианы и Бактрии считал *массагетами*. Не исключено, что Птолемей знал о существовании этих *дахов*: он упоминает об их участии в битвах при Гидаспе (III, 11.3), а Аристобул упоминает даев при Гавгамелах (V, 12.2); кроме того, упоминание им *даев с Танаиса* позволяет предположить, что ему были известны некие другие *даи* — «не с Танаиса». В любом случае, отсутствие *дахов* у Птолемея может свидетельствовать об относительно меньшей точности его сведений о кочевниках.

Не исключено, что Птолемей, как и Клитарх, говорил о *даях*, но эти его сведения были опущены Аррианом. На такую вероятность могут указывать три факта. Во-первых, возможно не случайно то, что Арриан не указывает этноним кочевников, которые действуют в рассказе Птолемея о первой кампании и которых Курций называет дахами. Во-вторых, в тех сведениях Курция Руфа о второй кампании Спитамена, которые, возможно, восходят к Птолемию, фигурируют 800 *массагетов* и 1000 *дахов*, а у Арриана названы два отряда: 600 и 1000 *массагетов*. Если здесь действительно имеет место замена *дахов* на *массагетов*, то ее виновником может являться как Аристобул, бывший, вероятно, источником Арриана для этого эпизода, так и Арриан. Эту вторую возможность косвенно подтверждает третий факт: в рассказе Аристобула о первой кампании, совпадающем с Клитархом, Арриан также говорит о *скифах* (у Арриана это синоним *массагетов*). Между тем, если Клитарх действительно следует Аристобулу, то у последнего также речь должна была идти о *дахах*.

Арриан вообще небрежно обращался с этнонимами кочевников: для него «кочевники» — это почти то же, что и *скифы*, а *скифы* постоянно выступают как синонимы *массагетов*. Для него не составило бы труда назвать *даев скифами* и включить их в число *массагетов*.

Более того, у самого Арриана были причины для особого внимания к *массагетам* и антипатии к *даям*. Известно, что его перу принадлежат сочинения по истории аланов и Парфии. В сочинении об аланах, с которыми он лично воевал в Армении, Арриан называет их потомками *массагетов*. Говоря же о возникновении парфянской державы, он отказывается

от наиболее авторитетной и достоверной версии Аполлодора о том, что его основатель Аршак был вождем *даев* (Str. XI, 9.2—3 C515, и др.)⁴⁵, и излагает некую легенду о воцарении Аршака [Пьянков 1994: 205; Gardiner-Garden 1987a: 12], наподобие той, какую приводит Геродот о воцарении Дария (III, 70—88). Хотя Арриан и сообщает о происхождении парфян от кочевников, он называет этих последних просто *скифами* и относит это событие к эпохе мифического царя Сезостриса, никак не связывая с ними Аршака. Все это могло привести к тому, что в изложении событий далекого прошлого Арриан также со вниманием относился бы к *массагетам* и умалчивал о роли *даев*.

VI. Локализация дахов Спитамена

Дахов Спитамена не следует путать с *даями с Танаиса* Птолемея, поскольку традиция Ариостоула и Клитарха всегда четко различает эти два народа. Дахов Спитамена можно отождествить только с теми дахами, которых версия Клитарха вместе с массагетами помещает на границах хорасмиев (Curt. VIII, 1.8), поскольку никакие другие *дахи* у Клитарха не фигурируют. Данное свидетельство является ключевым для локализации дахов Спитамена (ср.: [Olbrycht 1996: 39]). Дахи, соседи хорасмиев, очевидно, должны были занимать ту же территорию западнее Согдианы, на которой помещают даев все более поздние источники: Юго-Восточный Прикаспий, на границах Гиркании, Парфиены и Арии (ср.: [Мандельштам 1972: 27]; Демодам в 280-е гг. до н. э.: Mela. I, 2; 13; III, 42; Plin. N. H. VI, 50; [Пьянков 1998: 53—57, 172, 256]; Аполлодор в I в. до н. э., говоря о ситуации III—II вв.: Strab. XI, 7.1 C508; 8.2—3 C511; 9.2—3 C515; Ptol. Geogr. VI, 10.2 [Пьянков 1994: 204—205; 1998: 65—72, 232—234, 268]; а также Оросий: I, 2.43). Эту локализацию дахов подтверждает тот факт, что в версии Птолемея им соответствуют *массагеты*, которых он также помещает западнее Согдианы и Бактрии (Agr. IV, 5.4; 16.3—4; 17.1—2, 4; Curt. VIII, 2.14).

Все это заставляет нас пересмотреть традиционное представление о том, что переселение *дахов* в Прикаспий происходит только в первой четверти III в. до н. э.⁴⁶ Надо признать, что уже ко времени Александра в Прикаспии обитала некая достаточно крупная группа *дахов*, хотя основное ядро этого объединения находилось еще в степях за Сырдарьей⁴⁷.

Участие в восстании Спитамена *дахов* как основной его движущей силы представляется тем более логичным и значимым для нас, что, как мы

⁴⁵ Об этом см.: [Пьянков 1994: 204—205; 1997: 65—72, 232—234; Wolski 1969: 209—215].

⁴⁶ См.: [Пьянков 1964: 124—125; 1973: 195; 1975: 68; 1979: 42; 1997: 226; Дьяконов 1961: 180; Литвинский 1972: 173; Мандельштам 1972: 28; Васильев, Савельев 1993: 11—14; Балахванцев 1998: 154; Neftmann 1930: 2129; Wolski 1969: 203—206]. Более ранняя датировка (360-е гг. до н. э.): [Десятчиков 1974: 9—10; 1979: 94—95].

⁴⁷ В связи с этим возможно, что некая группа *дахов* обитала в Прикаспии еще в середине VI в. до н. э., на что намекают Геродот (I, 125) и «антидэвовая» надпись Ксеркса [Хлопин 1983: 24]; иное мнение: [Пьянков 1964: 124].

установили, главным противником Александра в Средней Азии были скифы из-за Танаиса — тоже *дахи*, которые оказали поддержку восстанию семи городов точно так же, как эти *дахи* — восстанию Спитамена.

Остается не вполне ясно, какая из двух групп *даев* участвует в битвах при Гавгамелах (V, 12.2) и Гидаспе (III, 11.3) в качестве союзников Дария и Александра [Пьянков 1964: 124; Васильев, Савельев 1993: 8—9, 12—13]. Союзниками Дария могли быть и *даи с Танаиса* (как и в случае с Бессом), и прикаспийские *дахи*. Правда, если персы, так же как и Александр, находились в сложных взаимоотношениях с *даями с Танаиса*, то союзниками Дария были скорее *дахи*. Союзниками Александра, скорее всего, могли быть именно *дахи*, поскольку после своего ухода из Средней Азии он остался в состоянии войны с *даями с Танаиса*.

В результате проведенного анализа вырисовываются общие контуры этнополитической ситуации в Средней Азии к моменту прихода Александра. Главным источником напряженности здесь выступают две группы кочевых *дахов* — *даи с Танаиса*, которые также фигурируют в источниках как *европейские скифы*, или *скифы из-за Танаиса*, и *дахи* — соседи хорасмиев. *Даи с Танаиса* оказывают давление на соседние народы (хорасмиев, абиев, саков), претендуют на пограничные территории в Согдиане и провоцируют конфликт с македонцами. *Дахи* играют главную роль в поддержке восстания Спитамена. В итоге складывается впечатление о существовании глубокой взаимосвязи между конфликтом на Танаисе и восстанием Спитамена. Это показывает, какое огромное влияние имели кочевники на элиту согдийского общества, что требует переосмысления некоторых традиционных представлений о причинах и характере движения Спитамена и обо всей этнополитической ситуации в Средней Азии того времени.

Литература

- Алексеев 1992: Алексеев А. Ю. Скифская хроника (Скифы в VII—IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб.
- Алексеев 1996: Алексеев А. Ю. Скифские цари и «царские» курганы V—IV вв. до н. э. // ВДИ. № 3. С. 99—113.
- Арриан 1993: Арриан. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеенко. М.
- Балахванцев 1998: Балахванцев А. С. Дахи и арии у Тацита // ВДИ. № 2. С. 152—159.
- Бернштам 1956: Бернштам А. Н. Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее // История Киргизии. Т. I. Фрунзе. С. 42—70.
- Вайнберг 1999: Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э.—VIII в. н. э. М.
- Вайнберг, Левина 1992: Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Гаибов, Кошеленко 2005: Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (Данные письменных источников) // ВДИ. № 1. С. 103—127.

- Гафуров, Цибукидис 1980: *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М.
- Васильев, Савельев 1993: *Васильев В. Н., Савельев Н. С.* Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа.
- Григорьев 1871: *Григорьев В. В.* О скифском народе саках. СПб.
- Григорьев 1881: *Григорьев В. В.* Поход Александра Великого в Западный Туркестан // ЖМНП. Ч. 217, отд. II (сент.—окт.).
- Гулямов 1974: *Гулямов Я. Г.* Рабовладельческое общество // История Узбекской ССР. Ташкент.
- Десятчиков 1974: *Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Десятчиков 1979: *Десятчиков Ю. М.* Дахи и держава Ахеменидов // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана»: Тез. докл. Ташкент. С. 94—95.
- Доватур и др. 1982: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.
- Дройзен 1997: *Дройзен И. Г.* История эллинизма. Т. I. СПб.
- Дьяконов 1961: *Дьяконов М. М.* Очерк истории Древнего Ирана. М.
- Дьяконов 1997: *Дьяконов М. М.* Александр и его преемники на Востоке // История Востока. Т. I: Восток в древности. М. С. 505—517.
- Кошеленко и др. 1998: *Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Бадер А. Н.* Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. № 1. С. 3—15.
- Кошеленко и др. 2000: *Кошеленко Г. А., Гаибов В. А., Бадер А. Н.* Парфянские сюжеты в «Истории Александра Македонского» Курция Руфа // ВДИ. № 1. С. 3—15.
- Литвинский 1963: *Литвинский Б. А.* Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков. Средняя Азия в составе Селевкидского государства // ИТН. Т. I. М. С. 236—289.
- Литвинский 1972: *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши Мира». М.
- Корчелла 1994: *Корчелла А.* Скифы ΑΡΟΤΧΡΕΣ и скифы ΓΕΩΡΓΟΙ // ВДИ. № 1.
- Мандельштам 1972: *Мандельштам А. М.* История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.; Л.
- Массон 1957: *Массон В. М.* Поход Александра Македонского в Среднюю Азию. Освобождение страны от греко-македонского владычества // ИУССР. Т. I, кн. 1. Ашхабад.
- Мачинский 1971: *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. С. 30—54.
- Пьянков 1968: *Пьянков И. В.* Саки: содержание понятия // ИАН ТаджССР. ООН. № 3 (53). С. 12—19.
- Пьянков 1969: *Пьянков И. В.* [Рецензия] // ВДИ. № 4. С. 169—174. Рец. на кн.: P. Daffina. L'immigrazione dei Saka nella Drangiana. Roma, 1967.
- Пьянков 1970: *Пьянков И. В.* Басисты (К истории Самаркандского Согда) // ИАН Тадж ССР. ООН. № 3 (61). С. 40—46.
- Пьянков 1973: *Пьянков И. В.* К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. Ч. III. М. С. 193—207.
- Пьянков 1975a: *Пьянков И. В.* Массажеты Геродота // ВДИ. № 2. С. 46—70.
- Пьянков 1975b: *Пьянков И. В.* Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л. С. 84—91.

- Пьянков 1979: *Пьянков И. В.* Движение степного населения и взаимодействие его с населением оазисов Средней Азии в III в. до н. э.—I в. н. э. // Всесоюз. науч. совещ. «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент. С. 42—43.
- Пьянков 1982: *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе.
- Пьянков 1983: *Пьянков И. В.* Хорезм в античной письменной традиции // Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе. С. 38—56.
- Пьянков 1984: *Пьянков И. В.* Аскатаки-скифы и восточные каспии // Памироведение. Вып. 1. Душанбе. С. 107—120.
- Пьянков 1986: *Пьянков И. В.* Александрия Крайняя в известиях античных авторов // Исследования по истории и культуре Ленинабада. Душанбе. С. 73—81.
- Пьянков 1994: *Пьянков И. В.* Античные авторы о Средней Азии и Скифии (Критический обзор работ Дж. Р. Гардинер-Гардена) // ВДИ. № 4. С. 191—207.
- Пьянков 1997: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в античной географической традиции. М.
- Рахманова 1964: *Рахманова Р. М.* Средняя Азия в V—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Ртвеладзе 1981: *Ртвеладзе Э. В.* Ксениппа-Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. М. С. 95—101.
- Ртвеладзе 2000: *Ртвеладзе Э. В.* Этюд по исторической географии Бактрии и Согдианы во время похода Александра Македонского (о местонахождении города Бранхидов) // ВДИ. № 4. С. 104—112.
- Тревер 1947: *Тревер К. В.* Александр Македонский в Согде // ВИ. № 5.
- Тревер 1967: *Тревер К. В.* Рабовладельческий строй // История Узбекской ССР. Ташкент.
- Хлопин 1971: *Хлопин И. Н.* Александр Македонский в Маргиане // Кlio. Bd. 53.
- Хлопин 1972: *Хлопин И. Н.* Александр Македонский в Маргиане // Античность и современность. М.
- Хлопин 1983: *Хлопин И. Н.* Историческая география южных областей Средней Азии (античность и раннее Средневековье). Ашхабад.
- Шахермайр 1986: *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М.
- Шофман 1976: *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань.
- Щеглов 1998: *Щеглов Д. А.* Массagetский поход Кира Великого (локализация и историческая интерпретация) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Междунар. конф. СПб. С. 114—118.
- Щеглов 1999: *Щеглов Д. А.* Структура «списков стран» древнеперсидских надписей // Изучение культурного наследия Востока: Материалы Междунар. конф. СПб. С. 52—55.
- Atkinson 1980: *Atkinson J. E.* A Commentary on Q. Curtius Rufus' *Historiae Alexandri Magni*. Books 3 and 4. Amsterdam.
- Bardon 1965: *Quinte-Curce*. Historien. T. II. (Livres VII—X). Texte établie et traduit par H. Bardon. Paris.
- Baynham 1995: *Baynham E.* An Introduction to the Metz Epitome: its traditions and value // *Antichthon*. Vol. 29. P. 60—77.
- Behr 1888: *Behr A.* De Appolodori Artamiteni reliquis atque aetate. Diss. Argentorati.
- Berger 1881: *Berger H.* Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig.

- Bosworth 1976: *Bosworth A. B.* Errors in Arrian // CQ. NS. Vol. 26/1. P. 117—139.
- Bosworth 1980: *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford.
- Bosworth 1981: *Bosworth A. B.* A Missing Year in the History of Alexander the Great // JHS. Vol. 51. P. 17—39.
- Bosworth 1995: *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Oxford.
- Bosworth 1988: *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: the Reign of Alexander the Great. London.
- Brunt 1976: *Brunt P. A.* Arrian: History of Alexander and Indica. Loeb Classical Librery. Vol. I. Cambridge (Mass.).
- Bunbury 1959: *Bunbury E. H.* A History of Ancient Geography. Among the Greeks and Romans. From the Earliest Ages till the Fall of the Roman Empire. 2nd ed. Vol. I. New York.
- Drews 1973: *Drews R.* The Greek Account of Eastern History. Washington.
- Droysen 1877: *Droysen J. G.* Geschichte der Hellenismus. 2. Aufl. Bd. I. Gotha.
- Endres 1913: *Endres H.* Die officiellen Grunglagen der Alexanderüberlieferung und das Werkdes des Ptolemäus. Quellenkritische Studien zur Alexandergeschichte. Diss. Würtzburg.
- Endres 1924: *Endres H.* Geographischer Horisont und Politik bei Alexander der Gr in den Jahren 330/323. Würtzburg.
- Engels 1978: *Engels D. W.* Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley; Los Angeles; London.
- Fox 1973: *Fox R.L.* Alexander the Great. London.
- Fränkel 1883: *Fränkel A.* Die Quellen der Alexanderhistoriker. Breslau.
- Gardiner-Garden 1987a: *Gardiner-Garden J. R.* Apollodoros of Artemita and the Central Asian Skythias. Bloomington.
- Gardiner-Garden 1987b: *Gardiner-Garden J. R.* Greek Conceptions on Inner Asian Geography and Ethnography from Ephoros to Eratosthenes. Bloomington.
- Gutschmid 1888: *Gutschmid A.* Geschichte Irans und siener Nachbarländer von Alexander dem Großen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen.
- Hamilton 1973: *Hamilton J. R.* Alexander the Great. London.
- Hammond 1983: *Hammond N. G. L.* Three Historians of Alexander the Great. Cambridge.
- Harmatta 1999: *Harmatta J.* Alexander the Great in Central Asia // AAntASH. Vol. 39. P. 129—136.
- Herrmann 1920: *Herrmann A.* Sakai // RE. Bd. IA. Sp. 1770—1806.
- Herrmann 1930: *Herrmann A.* Massagetai // RE. Bd. XIV/2. Sp. 2123—2129.
- Herrmann 1938: *Herrmann A.* Das Land der Seide und Tibet im Lichte der Antike // Quellen und Forschungen zur Geschichte und Völkerkunde. Bd. I. Leipzig.
- Holt 1989: *Holt F. L.* Alexander the Great and Bactria. 2nd impression. Leiden; New York; København; Köln, 1989.
- Jacoby 1913a: *Jacoby F.* Hekataios 3 // RE. Bd. VII/2. Sp. 2667—2750.
- Jacoby 1913b: *Jacoby F.* Herodotos // RE. Supplement. Heft. 2. Sp. 205—520.
- Jacoby 1921: *Jacoby F.* Kleitarchos 2 // RE. Bd. XI/1. 1921. Sp. 622—654.
- Jacoby 1927: Die Fragmente der griechischen Historiker / von F. Jacoby. II Teil. Berlin.
- Junge 1939: *Junge J.* Saka-Studien. Der ferne Nordosten im Weltbild der Antike // Klio. Beiheft 41. NF. Ht. 28.
- Kaerst 1878: *Kaerst J.* Beiträge zur Quellenkritik der Q. Curtius Rurus. Gotta.

- Kornemann 1935: *Kornemann E.* Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios I. von Aegypten. Versuch einer Rekonstruktion. Leipzig; Berlin.
- Lasserre 1975: *Strabo*. Géographie. T. VIII. Traduit par Fr. Lasserre. Paris.
- Luedecke 1889: *Luedecke M.* De fontibus quibus usus Arrianus Anabasin composuit // Leipziger Studien zur classischen Philologie. Bd. XI. Leipzig. S. 1—86.
- Marquart 1938: *Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden.
- Marquart 1946: *Marquart J.* Die Sogdiana des Ptolemaios // *Orientalia*. Bd. 15/3.
- Merkelbach 1954: *Merkelbach R.* Die Quellen des griechischen Alexanderromans // *Zetemeta*. Bd. 9. S. 113—151.
- Müllerus 1846: *Müllerus K.* Scriptorum Rerum Alexandri Magni. Paris.
- Nikonorov 1998: *Nikonorov V. P.* Appolodorus of Artemita and the Date of his *Parthica* Revised // *Ancient Iran and Mediterranean World*. Kraków. P. 107—122.
- Olbrycht 1996: *Olbrycht M. J.* Parthia et ultiores gentes. Die politische Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasische Steppen. München.
- Pearson 1939: Pearson L. Early Ionian Historians. Oxford.
- Pearson 1960: Pearson L. The Lost Histories of Alexander the Great. New York.
- Pédech 1974: Pédech P. Strabon historien d'Alexandre // *GB*. Vol. 2. P. 129—145.
- Petersdorff 1870: Petersdorff R. Diodorus, Curtius, Arrianus quibus ex fontibus expedition ab Alexandro in Asia usque ad Dari mortem factas hauserint. Diss. Danzig.
- Piankov 1994/1996: Piankov I. V. The Ethnic History of Sakas // *BAI*. NS. Vol. 8.
- Reuss 1902: Reuss F. Hellenistische Beiträge 3. Kletarchos // *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. 63. S. 58—78.
- Reuss 1907: Reuss F. Hellenistische Beiträge 1. Baktra und Zariaspa // *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. 62. S. 591—595.
- Robinson 1957: Robinson C. A. The extraordinary ideas of Alexander the Great // *American Historical Review*. Vol. 62.
- Robson 1961: Arrian. History of Alexander the Great and Indica / With an English translation by E. I. Robson. Vol. I. Cambridge.
- Rolfe 1985: Quintus Curtius Rufus. History of Alexander. Vol. II. Books VI—X. Transl. by J. C. Rolfe. Loeb Classical Library. Cambridge, 1985.
- Roos 1967: Flavii Arriani quae exstant omnia / Ed. A. G. Roos. Vol. I. Alexandri Anabasis. Addenda et corrigenda G. Wirth. Leipzig.
- Schöne 1870: *Schöne*. De rerum Alexandri Magni scriptorum imprimis Arriani et Plutarchi fontibus. Diss.
- Schwartz 1896a: *Schwartz E.* Aristobulos 14 // *RE*. Bd. 2. Sp. 911—129.
- Schwartz 1896b: *Schwartz E.* Arrianus 9 // *RE*. Bd. 2. Sp. 911—918.
- Schwartz 1901: *Schwartz E.* Curtius 31 // *RE*. Bd. 4. Sp. 1871—1891.
- Schwartz 1957: *Schwartz E.* Griechische Geschichtschreiber. Leipzig.
- Schwartz 1893: *Schwartz F., von.* Alexander des Grossen. Feldzüge in Turkestan. München.
- Strasburger 1934: *Strasburger H.* Ptolemaios und Alexander. Leipzig.
- Tarn 1940: *Tarn W. W.* Two Notes on Seleucid History // *JHS*. Vol. 60.
- Tarn 1948a: *Tarn W. W.* Alexander the Great. Vol. I. Narrative. Cambridge.
- Tarn 1948b: *Tarn W. W.* Alexander the Great. Vol. II. Sources and Studies. Cambridge.
- Tarn 1951: *Tarn W. W.* The Greeks in Baktia and India. 2nd ed. Cambridge.
- Tomaschek 1877: *Tomaschek W.* Centralasiatische Studien. Bd. I. Sogdiana. Wien.
- Wagner 1901: Incerti auctoris epitomae Rerum Gestarum Alexandri Magni / E codice Mettens / Ed. O. Wagner // *Jahrbücher für classische Philologie*. Suppl.-Bd. 26. S. 93—167.

Wenger 1914: *Wenger F.* Die Alexandergeschichte des Aristobul von Kassandrea. Quellenkritische Untersuchung zur Alexandergeschichte. Diss. Würzburg.

Wolski 1969: *Wolski J.* Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft im Iran im 3. Jahrhundert v. Chr. // *Der Hellenismus in Mittelasien*. Darmstadt.

Zambrini 1997: *Zambrini A.* Al di qua o al di là del Parapamiso // *Geographia Antiqua*. Vol. 6. P. 13—36.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ

(К 100-летию экспедиции Р. Пампелли)*

А. Я. Щетенко (Санкт-Петербург)

Археологическая периодизация первобытной эпохи Средней Азии¹ до сих пор остается одной из дискутируемых проблем. В течение XX в. несколько поколений ученых пытались решить эту проблему, учитывая специфику памятников (многослойные поселения — дөпе) и характер находок (керамики). Так наметились два основных подхода при разработке проблем относительной хронологии — стратиграфический и связанный с ним сравнительный.

Стратиграфический подход сложился в начале XX в. не без влияния профессора Рафаэля Пампелли, американского геолога, пионера археологического изучения Центральной Азии. В 1903 г. он стал инициатором подготовки экспедиции в Туркестанский край, а до этого в течение десяти лет вел геологические разведки в Китае и Монголии.

Свое обращение к археологии ученый объяснял следующими причинами. На китайских картах начала нашей эры в бассейне р. Тарим насчитывалось около 200 городов, погребенных песками. На других картах пустыня Гоби (Шамо) именовалась Nan-hai (высохшее море) и, как утверждали комментаторы, прежде была внутренним морем. На средневековой карте значилось большое число озер на равнинах между Аральским морем и сибирскими степями. Изменение климата предположительно свя-

* Статья представляет собой расширенный вариант обобщения двух докладов. Первый — «М. П. Грязнов и периодизация культур эпохи бронзы Южного Туркменистана» — был прочитан 11 марта 2002 г. в Эрмитаже на пленарном заседании Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова [Щетенко 2002а]. Второй — «Начало научных археологических исследований в Центральной Азии (к 100-летию экспедиции Р. Пампелли)» — 16 мая 2002 г. на заседании Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений Музея антропологии и этнографии РАН [Щетенко 2003].

¹ В статье употребляются понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия». Первое связано с Российской академической традицией (воспринятой учеными СССР), в которой эти названия различаются, несмотря на их тесную связь. Второе понятие отражает англосаксонскую традицию (которой придерживались Р. Пампелли, Г. Шмидт и их коллеги), где оба региона относились к общему термину «Центральная Азия» [Куравлев 2002: 11].

зывалось с прогрессивным высыханием озер к северу от Арала. Так у Пампелли возникла гипотеза о существовании внутриконтинентального моря (более крупного, чем Средиземное), рудиментами которого и были исчезающие озера [Pumpelly 1908: XXV]. Другой причиной явилось желание найти прародину ариев, которая в 60-е гг. XIX в., по мнению выдающегося лингвиста Макса Мюллера, должна была находиться где-то в областях Высокой Азии.

Для проверки своей гипотезы Р. Пампелли и организовал экспедицию в Центральную Азию при финансовой поддержке Института Карнеги в Вашингтоне. В 1903 г. он осуществил разведочное турне через Южный Туркестан до Ташкента. Обследовались районы оз. Иссык-Куль и горы Западного Тянь-Шаня от Кашгара до озера Балхаш, а также территория от Сырдарьи до высот Памира. В том же году Р. Пампелли посетил «курганы» у селения Анау (в 12 км к востоку от Ашхабада); на северном холме им была собрана керамика из раскопок А. В. Комарова.

В следующую зиму (1904) Е. Хантингтон провел обследование Сеистана на персидско-афганской границе и Северо-Восточного Ирана. В С.-Петербурге в Императорской археологической комиссии была получена лицензия на проведение археологических работ². Раскопки 1904 г. производились на северном и южном холмах Анау и в Мервском оазисе, а результаты работ составили два солидных тома [Pumpelly 1908].

В СССР результаты работ экспедиции стали известны благодаря раскопкам холмов Анау.

Применение малых раскопов, шурфов и скважин вызвало критику. Не учитывалось, что подобная методика, широко используемая и советскими археологами, определялась как финансовыми возможностями экспедиции, так и ее научными задачами: выяснить в первую очередь стратиграфию исследованных памятников и установить механизм образования культурных напластований на фоне аккумулятивных процессов на подгорной равнине. Совершенно игнорировались позитивные результаты и методы, прогрессивные для начала XX в., впервые примененные в работе экспедиции. Одна из приоритетных идей Р. Пампелли о влиянии изменений в природной среде на схему расположения поселений и стимулирование миграционных потоков земледельцев послужила основой для создания «оазисной теории», объяснявшей истоки происхождения земледелия. Согласно этой теории, первоначально опубликованной Е. Хантингтоном, засушливость природной среды стала одной из причин «неолитической» революции, которая под влиянием Г. Чайлда стала весьма популярной в СССР и господствовала вплоть до начала 90-х гг.

Другая гипотеза Р. Пампелли — о прекращении жизни на поселении Анау в эпоху поздней бронзы (ЭПБ) в связи с наступлением ксеротермического максимума — выдержала проверку временем: вслед за Б. А. Куфтиным [Куфтин 1956: 286] это признают большинство современных ученых. И хотя нельзя говорить о наступлении всеобщего катастрофического «ксеротерма», тем не менее в позднем голоцене выявляются значитель-

² Архив ИИМК РАН, ф. Археологической комиссии, 1904 г., д. № 24.

ные климатические колебания, влиявшие на миграционные потоки древнего населения на широком пространстве от Сахары и Аравийского полуострова на западе до пустыни Тар и озера Пушкар в Северо-Западном Индостане [Щетенко 1979: 53—57] на востоке.

Для территории Туркменистана исследования палеографической обстановки в Северном Прикаспии установили, что цикличность смен влажных и сухих фаз в этом регионе для последнего тысячелетия составляет 200 лет [Абрамова, Турманина 1983: 67—68]. Эти циклы, выявляемые и в более древние эпохи (III—II и на рубеже II и I тыс. до н. э.), увязываются с колебаниями уровня Каспийского [Рычагов 1983: 19] и Аральского [Кесь 1983: 99, 103] морей. Интересно, что аналогичные циклы в 200 лет, связанные с изменением уровня паводков Нила, обусловленные также колебаниями уровней воды в озерах, фиксируются в египетских документах с 3000 г. до н. э. [Bell 1971].

В Мервском оазисе по форме и параметрам памятников была намечена типология поселений (три класса: примитивные, переходные, развитые) и составлена археологическая карта — работы, на 70 лет предвосхитившие исследования современных археологов в Средней Азии [Сарианиди 1990; рис. 1; Niebert 1994: fig. 2.1].

Образцом для подражания могут служить два тома материалов экспедиции, богато и разнообразно иллюстрированные. Эти тома, кроме обстоятельного отчета о добытых артефактах, архитектуре и стратиграфии археолога Г. Шмидта, содержат главы по исследованию пшеницы и ячменя (автор Х. С. Шелленберг), определению костей животных (У. Дюрст), химическим анализам металла (А. А. Гуча), геологии и ландшафтам (Е. Хантингтон), анализам почв (Р. Уэллс Пампелли). Самим Р. Пампелли была предложена методика определения коэффициента скорости накопления аллювия и культурных слоев многослойных памятников [Pumpelly 1908: 52—53], до сих пор не востребованная археологами. Этот междисциплинарный подход к исследованию конкретного района и схемы расположения разновременных поселений был применен Р. Пампелли впервые в Азии. Лишь спустя 50 лет похожие работы предпринял Р. Брейдвуд по проекту «Джармо» в Ираке.

Главным же результатом работ экспедиции было создание первой научной археологической периодизации Туркменистана, основанной на данных стратиграфии. Существенным достоинством этой схемы было установление перерывов культурной последовательности и выявление «эпохи временной варварской оккупации», что подтвердилось позднее и на других памятниках подгорной равнины.

Финальные этапы ЭПБ в предложенной схеме занимали мало места и трактовались как поздние фазы медного века [Schmidt H. 1908: pl. 5]. Первые коррективы в верхнюю часть предложенной схемы внес А. А. Марущенко после раскопок в 1930—1931 гг. верхнего строительного горизонта Ак-депе, который он отнес к ранней (актепинской) стадии культуры Анау III [Марущенко 1939: 101], получившей и иное название — Анау IIIA [Грязнов, Пиотровский 1939: 156]. Как показали последующие исследования, это было оправданно, ибо Анау IIIA являл собой «совершен-

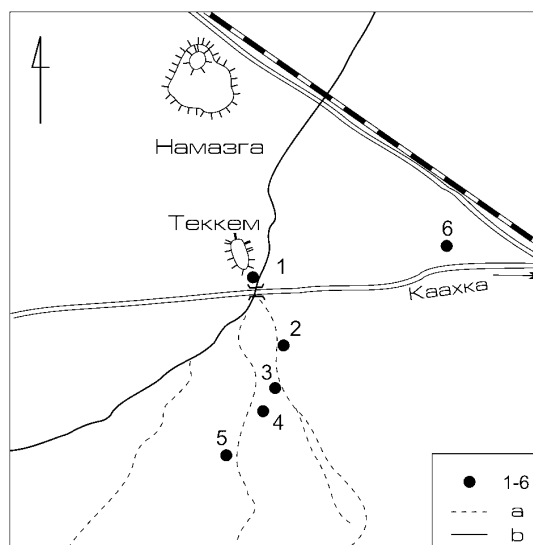

Рис. 1. Схема местонахождения Намазга и Теккема. М 1: 50000:

1—6 — поселения эпохи бронзы. Пунктирные линии — древние русла реки Лоинсу (сплошная линия — современное русло)

но четкий и определенный комплекс, соответствующий НМЗ IV» [Массон 1956: 311].

В начале 40-х гг. стратиграфический подход Р. Пампелли получил свое развитие в работе Д. Е. Маккауна «Относительная стратиграфия раннего Ирана» [McCown 1942], в которой публикуемые материалы были привязаны к стратифицированным комплексам Месопотамии. Ученым была предложена «длинная» хронология для иранских памятников, тогда как рецензент этой книги Г. Чайлд, положительно оценивая исследование Маккауна, тем не менее предложил свою «короткую» хронологию [Childe 1952: 232—233]. В дальнейшем стратиграфический и сравнительный подходы применялись почти всеми археологами, но отношение к ним, как и к предложенным хронологическим схемам, было неоднозначным. Советские ученые, следуя Чайлду, отдавали предпочтение «короткой» хронологии. На западе большинство ученых придерживаются датировок Маккауна, корректируя их данными радиоуглеродного метода [Bovington et al. 1974; Vogt, Dyson 1992].

Новый этап в исследовании древнейшего прошлого Средней Азии начался в 1945 г. с организацией по инициативе М. Е. Массона ЮТАКЭ и ее XIV отряда во главе с Б. А. Куфтиным. Самым ощутимым вкладом ученого в среднеазиатскую археологию явилась модернизация схемы Р. Пампелли—Г. Шмидта, осуществленная на основе раскопок Намазга-депе (Намазга).

Намазга расположена на подгорной равнине Копетдага в 105 км к востоку от холмов Анау, в 117 км от Ашхабада (рис. 1, 1). Это самый крупный по площади (46 га) многослойный памятник (высота 17 м) перво-

бытной эпохи. Ряд холмистых возвышений образуют неправильной формы треугольник, вытянутый с севера на юг. Основание треугольника — южные всхолмления (высота 6—8 м) — увеличиваются по высоте сначала на 14—16 м, завершаясь восьмиметровой Вышкой (площадь 1,5 га) в северной части памятника.

Материалы пяти шурфов 1952 г. (рис. 2. I) дали «весьма содержательную стратиграфическую колонку в 34 м мощностью» [Куфтин 1956: 269]. Археологические комплексы получили наименования культур Намазга (НМЗ) I—VI. Культура Анау III была разделена на три — Намазга IV—VI [Куфтин 1954]³. Материалы последней происходили из двух шурфов и небольшого раскопа на Вышке⁴.

Именно с этими материалами были сопоставлены единичные находки из раскопок в древней Маргиане [Массон 1959]. Так появился «мургабский вариант» культуры НМЗ VI, принесенный, предположительно, волной мигрантов из подгорной полосы Копетдага. Раскопки на Яз-депе, по мнению В. М. Массона, дали последующие этапы (комплексы Яз-депе I—III) развития местной культуры, хотя опубликованные разрезы ясно показывают, что нижние слои Яз-депе I располагались на материке [Массон 1959: рис. 8—10].

Дополнительные материалы ЭПБ были получены при раскопках верхних слоев Теккем-депе (Теккем) [Ганялин 1956б] и Вышки Намазга [Хлопин 1974] и обобщены в единый комплекс НМЗ VI без учета стратиграфического контекста обоих памятников [Хлопина 1978].

С конца 50-х гг. XX в. новая схема (НМЗ I—VI — Яз-депе I—III) становится общепризнанной периодизацией археологических культур юга Средней Азии. Основой ее явилась концепция приоритета местных кореней, отрицавшая миграции и коренную смену населения в данном регионе в течение тысячелетий. Предполагалось, что начиная с эпохи раннего неолита, когда на подгорной равнине Копетдага спонтанно возникают производящие формы хозяйства в среде носителей джейтунской культуры [Массон 1971], местный элемент играет определяющую роль в становлении земледельческих «анауских» культур⁵. Их дальнейшее развитие завершается становлением среднеазиатского центра цивилизации древневосточного типа — «культурой Алтындепе эпохи бронзы, соответствующей культурам НМЗ IV, V, VI Б. А. Куфтина» [Массон 1982: 15]⁶.

³ Полевой отчет [Куфтин 1956] и схема Куфтина, после трагической смерти автора в 1953 г., были дополнены сводными таблицами и опубликованы [Массон 1956: 294].

⁴ На двух фотографиях видны остатки стен и два уровня пола верхнего горизонта [Куфтин 1956: 262, рис. 2, 3], на третьей — медные серп и нож [Куфтин 1956: 279, рис. 25]; керамика представлена 34 фрагментами [Массон 1956: 307—308, табл. XXXVIII—XL].

⁵ Новые открытия в Иране ставят под сомнение автохтонность джейтунской культуры [Kohl 1984: 238].

⁶ «Хотя в настоящее время для создания полной картины эволюции расписной керамики Южного Туркменистана недостает еще отдельных звеньев, уже на имеющемся материале можно ставить вопрос о непрерывной и единой линии развития от Джейтуна до Намазга VI». И далее: «...повторяем, удастся даже на имеющемся материале проследить „сквозную“ линию преемственности» [Массон 1956: 322, 324]. Западные ученые относят комплексы НМЗ V к финальной фазе анауских культур эпохи бронзы [Ламберг-Карловский 1986: 3].

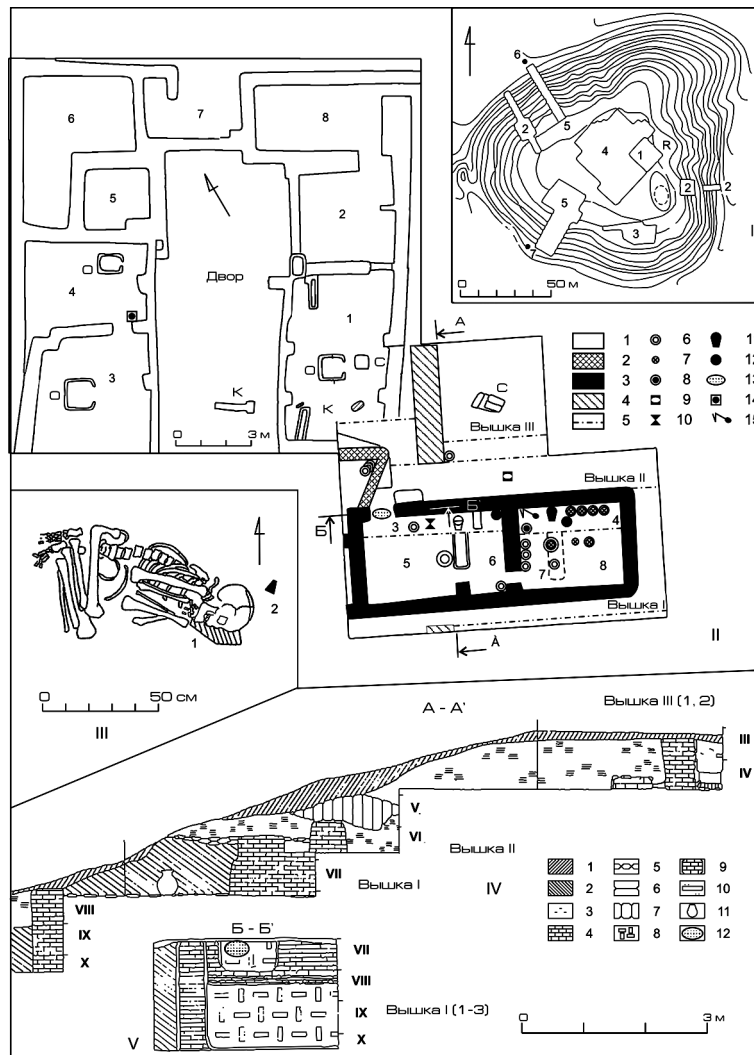

Рис. 2. Намазга.

- I** — план Вышки. Раскопы: 1 — Б. А. Куфтина; 2 — А. А. Марущенко; 3 — А. Ф. Ганялина; 4 — И. Н. Хлопина; 5, 6 и 7 (скважины) — А. Я. Щетенко; R — репер
- II** — планы строений трех периодов Вышки: 1 — поздний; 2 — переходный; 3 — ранний; 4 — бровка; 5 — строительный горизонт; 6 — сосуд; 7 — крышка; 8 — гончарный диск; 9 — литейная форма; 10 — колонка; 11 — пест; 12 — наковальня; 13 — зернотерка; 14 — подпятник; 15 — погребение; K — «корытце»; O — очаг; C — столик
- III** — погребение № 1: 1 — фрагмент сосуда; 2 — каменный предмет
- IV—V** — Вышка. Стратиграфия юго-западной бровки раскопа: 1 — натечно-надувные слои; 2 — плотная глина; 3 — мусорные слои; 4 — кирпичная кладка; 5 — промазка пола; 6 — угольный слой; 7 — обожженные слои, уголь и зола; 8 — забутовка; 9 — штукатурка на стене; 10 — намыв в мусоре; 11 — сосуд; 12 — зернотерка; III—X — яруса

Во второй половине XX в. в других частях Средней Азии были выявлены яркие археологические культуры и созданы (на основе типологии керамики) локальные периодизации. В Бактрии в развитии сапаллинской культуры выявлено пять этапов [Аскарлов 1977], в Маргиане для протобактрийской цивилизации⁷ создана схема из трех периодов [Масимов 1979; Сарианиди 1990], в Согде для раннеземледельческой культуры определена шкала из четырех периодов [Исаков 1991; Lyonnet 1996]. Отсутствие четких стратиграфических колонок заставило исследователей осуществить привязку новых культур к цивилизациям Древнего Востока через шкалу намазгинской стратиграфии [Щетенко 2001в; 2001г].

Расширение международного сотрудничества в начале 80-х гг. привело к знакомству зарубежных археологов с материалами, периодизацией и хронологией древних культур Средней Азии. И уже в 1981 г. в Гарварде на первом советско-американском симпозиуме по археологии Средней Азии и Ближнего Востока выявились «различия ученых двух стран в подходе к хронологии бронзового века Центральной Азии, которые сохраняются и по сей день» [Lamberg-Karlovsky 1994b: XXI]. Основная причина этих расхождений в датировках (для ЭПБ — более 500 лет) — поверхностное знакомство со стратиграфией изучаемых памятников и отсутствие информации о раскопках Вышки Намазга и Теккема.

Это два многослойных поселения, материалы которых характеризуют ЭПБ на юге Туркменистана. Здесь в течение 20 лет (1968—1988) велись систематические раскопки Каахкинской экспедицией ЛОИА АН СССР XIV отрядом ЮТАКЭ. Публикация материалов началась недавно [Щетенко 1999а; 1999б; 2000б; 2001д; Щетенко, Егорьков 1999; 2001; Щетенко, Кутимов 1999], что позволяет по-новому интерпретировать комплексы Б. А. Куфтина⁸ и внести коррективы в верхнюю часть намазгинской схемы [Щетенко 2000а; 2000б; 2002е].

Оба памятника (между ними 2 км) вместе с мелкими поселениями образуют оазис ЭПБ (рис. 1). На Намазга новые материалы происходят с Вышки, где работы велись на юго-западном и на северо-восточном склонах. Привязка к единому реперу позволила стратиграфически связать оба объекта наших работ между собой и соотнести их с раскопками предшественников (рис. 2. I)⁹.

⁷ Этот термин территориально и хронологически точнее соответствует терминологии и процедуре археологического исследования. «Бактрийско-маргианский археологический комплекс» [Сарианиди 1974: 70] пока не имеет вертикальной стратиграфии и слишком широк в пространственном отношении — от Северо-Восточного Ирана до Северо-Западного Индостана.

⁸ Их временный характер был ясен изначально: «Рассматриваемые ахало-этекские памятники можно было бы объединить под понятием культуры Намазга VI, но подобная терминология не вполне удачна хотя бы потому, что соответствующие деления, введенные Б. А. Куфтиным (Намазга I, II и т. д.), характеризуют в основном не археологические культуры, а стратиграфически выделенные археологические комплексы... мы предпочитаем сохранение старого термина Намазга VI» [Массон 1959: 97].

⁹ За репер принят уровень угла раскопа Б. А. Куфтина 1952 г. Горизонты ранних публикаций [Щетенко 1972] объединены в периоды — Вышка I—III. Нумерация условных ярусов (по 0,5 м) полевых отчетов (VII—XIV) заменена на новые — III—X.

Хронологическая топография (термин Б. А. Куфтина) Вышки представляется в следующем виде. Двухметровый холм из отложений времени НМЗ IV и V перекрыт мусорными слоями, на которых сооружена невысокая платформа из сырцового кирпича, лежащая в основании многокомнатного здания раннего этапа ЭПБ — Вышка I (рис. 2. II — черная заливка стен; IV, V — яруса X—VII).

Стены здания выложены из сырцовых кирпичей (48×26×10 и 50×25×10 см) и внутри покрыты глиняной обмазкой в несколько слоев (как и полы) — свидетельство длительности обживания помещений. Выявлено три строительных горизонта постройки, служившей, судя по находкам, хозяйственным целям.

На первом этапе на полу помещения 3 в центре стоял огромный хум [23], внутри которого находился кирпич с прочерченным знаком шестилучевой звезды (рис. 3, 2). В помещении 4 пять хумов вкопаны в левой половине (рис. 3, 7—9), а в правой — лежала глиняная крышка с прочерченным знаком (рис. 3, 1). Вторая крышка *in situ* закрывала один из сосудов, еще одна найдена в третьем сосуде.

На следующем этапе оба помещения и сосуды закладываются кирпичами, и по ним проходит стена, перекрытая рядом полов. На предпоследнем сверху полу в помещении 4 лежали глиняный диск гончарного круга (рис. 3, 3), каменные песты (рис. 3, 4, 5), плоская наковальня и четыре сосуда с глиняными крышками (рис. 2. II); в помещении 3 — короткая каменная «колонка» из розоватого песчаника (рис. 3, 6), носик-слив сероглиняного сосуда (рис. 4, 5) и две круглые крышки. На самом верхнем полу (третий этап) в помещении 3 был пристроен выступ, рядом лежала каменная наковальня — плоский цилиндр. Оба помещения перекрыты мусорными слоями.

В заброшенном помещении 4 оказалось захоронение — в скорченной позе, на левом боку, головой на ЮВ (рис. 2. III), вероятно, из периода Вышка II. Череп покоился на фрагменте керамики, у затылка лежал каменный конус-параллелепипед с отверстием на одном конце. Похожие вещи найдены в погребениях 30 и 51 Тоголока 21 [Сарианиди 1990: табл. XXIX, 2, 4]. Это предполагает, что здание функционировало после времени НМЗ V и до периода протобактрийской цивилизации.

Период Вышка II представлен помещением 2, пахсовая кладка которого и ориентация стен резко контрастируют с предшествующими и с последующими горизонтами (рис. 2. II — заштрихованные стены). В помещении лежали три целых сосуда: одна сероглиняная и две красноглиняные миски (рис. 4, 6) и лепной горшок, а во дворе — сероглиняный кувшин (рис. 4, 7) и каменная литейная форма (рис. 4, 9) для отливки пяти предметов [Щетенко 1999б: 330, рис. 4, 3]. Слои мусора перекрывают эти находки.

Для периода Вышка III₁₋₃ раскопано два домохозяйства с жилыми и хозяйственными помещениями (рис. 2. II — стены без заливки). Все детали интерьера (контрфорсы, очаги, столики, «корытца», как и стены, сложены из кирпичей (48—50×25—27×10—12 см) и обмазаны глиной. «Корытца» — продолговатые конструкции (1,4×0,4 м) — известны и на Теккеме, где в них хранилась мелкая посуда. Аналогичная конструкция, именуемая «кормушкой», открыта в слоях ЭПБ-РЖВ на поселении Талли-и Мальян в Иране [Sumner 1974: Pl. Ia].

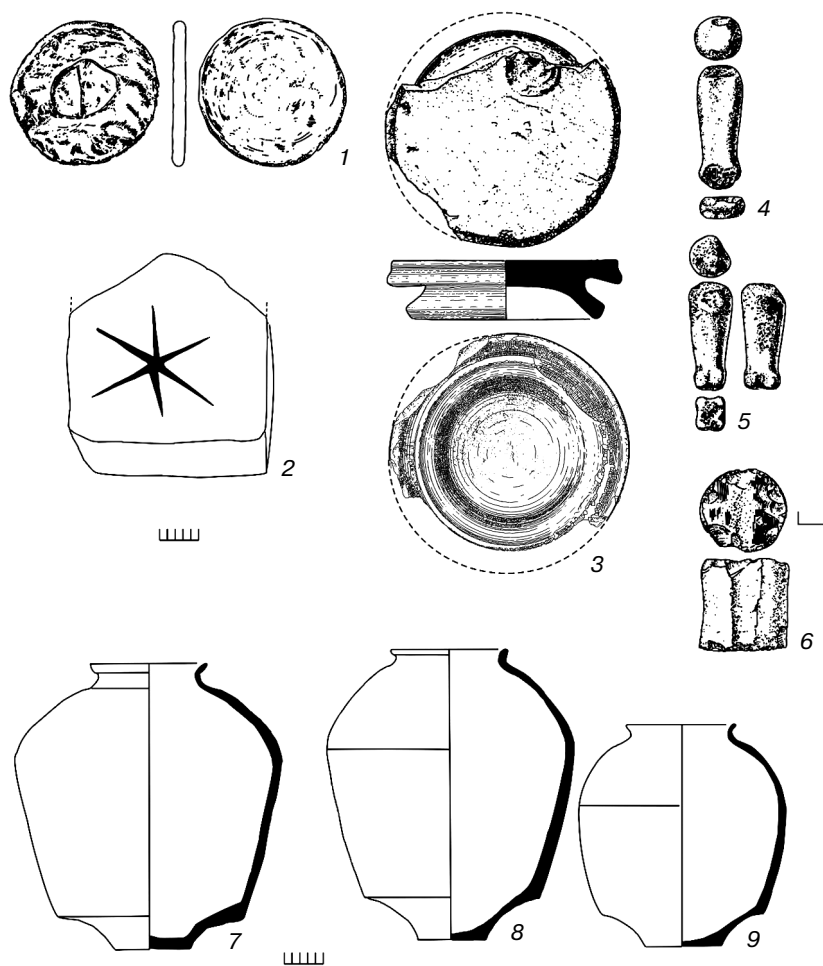

Рис. 3. Археологический комплекс периода Вышка I.

Г л и н а: 1 — крышка; 2 — кирпич; 3 — гончарный диск; 7—9 — хумы.

К а м е н ь: 4, 5 — песты; 6 — колонка

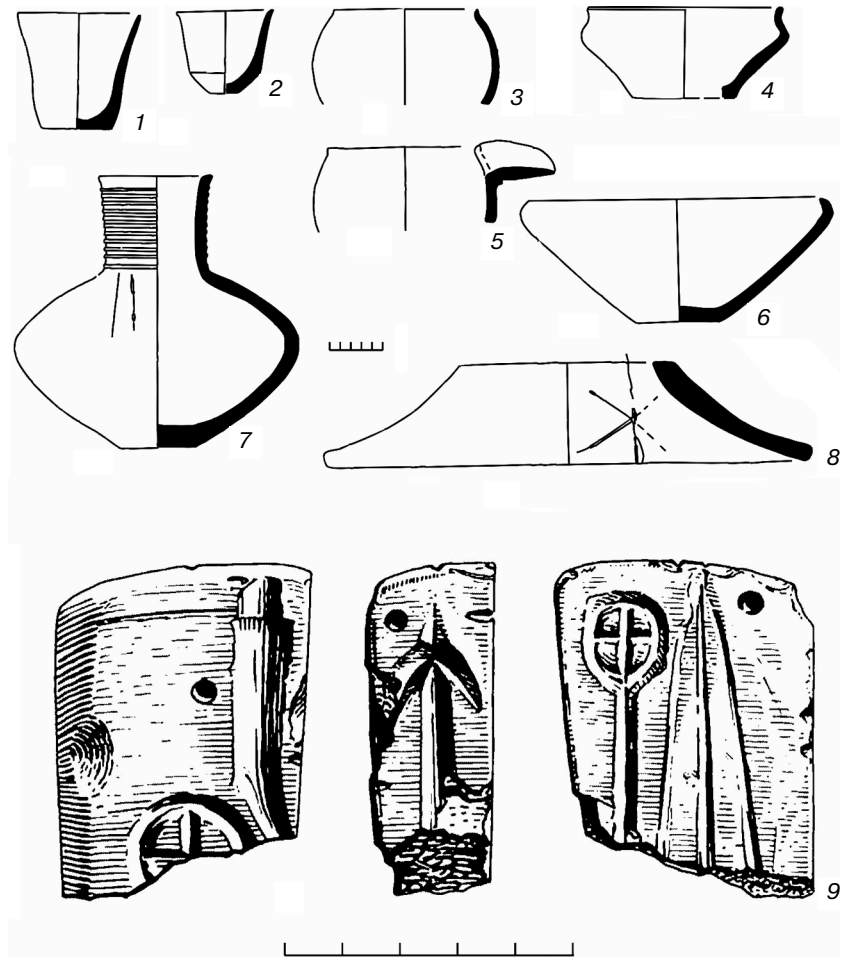

Рис. 4. Археологический комплекс периода Вышка II:

1—8 — керамика; 9 — каменная литейная форма

Ранний комплекс (III₁) сменяется такими же жилищами с прямоугольными глинобитными очагами, вскрытыми на севере Вышки И. Н. Хлопным в его 3-м самом нижнем строительном периоде. Затем «...выявлены мощные мусорные слои в несколько десятков см толщиной и *дворовые очаги* из поставленных на ребро и не сильно прокаленных сырцовых кирпичей» [Хлопин 1974: лист 1, 2]. Вероятно, это вторичное использование кирпичей для изготовления временных очагов связано со степными племенами. Похожая картина отмечена и в Анау, где на террасе С глинобитный очаг с лункой перекрыт очагом из поставленных на ребро кирпичей (рис. 5).

В керамике выделено пять групп гончарной посуды: светло-зеленая, светло-розовая, краснофоновая и серая из хорошо отмученной глины с примесью органики в тесте и кухонная — с примесью в тесте дресвы. Лепная керамика степного типа имеет резной орнамент, фрагменты чаш типа Яз-депе I — роспись. В периоде Вышка I преобладает светлофоновая посуда (57,8—60,6 % в разных выборках), а среди форм — хумы, хумчи, горшки, крышки. В комплексе Вышки II появляются кольцевые подставки, кубки, глубокие миски с загнутым внутрь или отогнутым наружу венчиком (часто с лощением), чаши с носиком, высокогорные кувшины (рис. 4, 1—8). В слоях Вышка III_{1—3} наблюдается сокращение светлофоновой посуды первых двух групп (34,1 %) и увеличение краснофоновой (31,2 %) и сероглиняной (17,9 %); керамика степного типа достигает 16,7 %, выделяясь резным орнаментом и налепными валиками. В ранних публикациях она определяется как «кухонная» [Хлопина 1972: рис. 1—3].

Итак, можно отметить три существенных факта в стратиграфии Вышки: значительная мощность напластований; несколько периодов в заселении: ранний и поздний этапы НМЗ VI, культура РЖВ; временные перемены между намеченными этапами.

Это подтвердили и раскопки на северо-западном склоне. «Период интенсивного строительства — верхняя часть разреза — 0,0—4,0 м (Намазга VI) продолжался приблизительно 700 лет: 3550±50—2870±50 лет назад. На исследованном участке сменилось восемь строительных периодов; средняя продолжительность каждого из них, таким образом, оказывается равной 87,5 лет» [Долуханов и др. 1985: 122—123].

При написании процитированной статьи не были учтены материалы раскопок Б. А. Куфтина и И. Н. Хлопина. Привязка всех раскопов Вышки к единому реперу показала, что следует добавить еще 3—4 строительных горизонта, таким образом, период от эпохи бронзы до РЖВ занимает, вероятно, около 1000 лет.

Удивительно, но именно такой временной разрыв между культурами НМЗ V и Яз-депе I предсказал В. М. Массон для древней Маргианы: «Действительно, такой массовый вид археологического материала, как керамика, свидетельствует об особом положении комплекса Яз-депе I и некотором огрубении керамического производства. Во-первых, после почти тысячелетнего периода (здесь и ниже выделено мною. — А. Щ.), когда при помощи гончарного круга изготовлялась разнообразная и совершенная посуда (комплексы V и VI), наступает время резкого преобладания

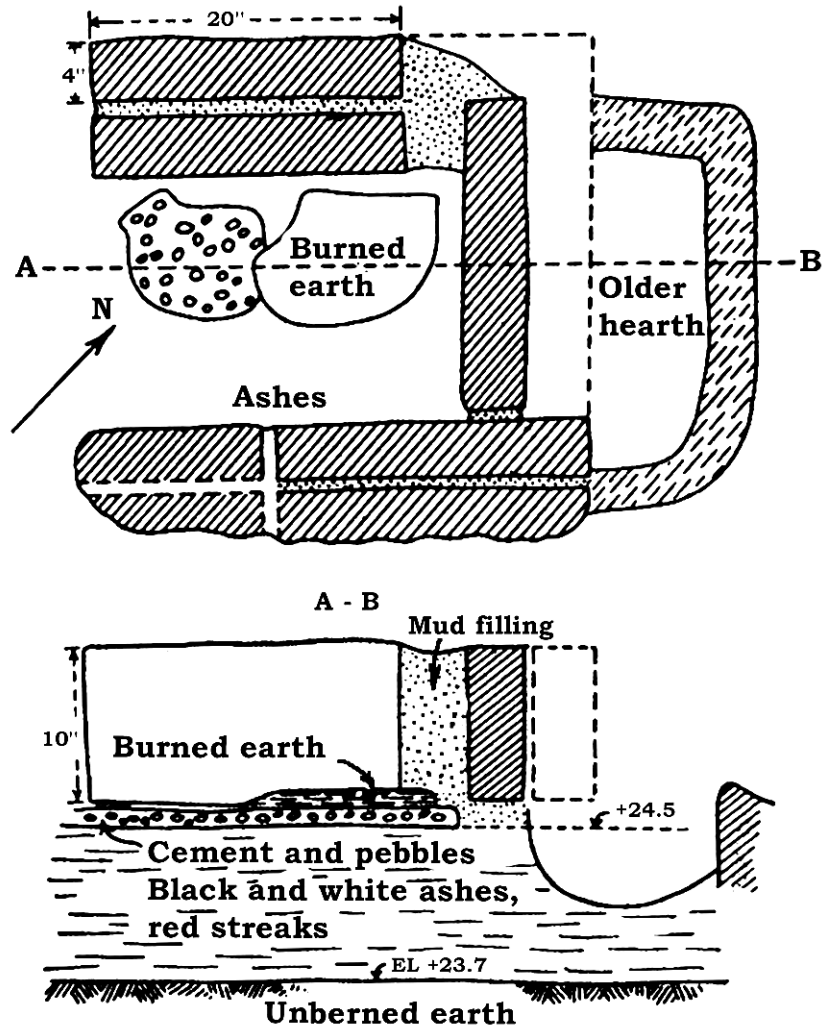

Рис. 5. Анау. Южный холм. Терраса С. Разновременные очаги
[H. Schmidt 1908: fig. 51]

сосудов ручной лепки и заметного упрощения керамических форм. Вторых, опять-таки *после тысячелетнего перерыва* на посуде вновь появляется роспись...» [Массон 1959: 120]. Важно и другое наблюдение: «По всей видимости, *между* археологическим комплексом *Намазга VI* и *слоями Яз-депе I* в том виде, в каком они представлены на Яз-депе, *существует хронологический разрыв, занимающий около полутора-двух столетий*» [Массон 1959: 120].

В заселении Намазга временные перерывы намечались и Б. А. Куфтиным: «...к концу бронзовой эпохи наступает полное запустение холма, кроме одной небольшой его части, долго продолжающей застраиваться и накапливать семиметровое возвышение (Вышка. — *А. III.*), одновременно с другим такого же размера поселением Теккем-депе в километре от Намазга. Исчезновение и этих поселений совпадает с появлением в самых поверхностных слоях холмов примитивной, грубой лепки „кочевнической“ керамики из сильно дресвяной глины с простым рубчатым орнаментом по венчику» [Куфтин 1954: 25; 1956: 270]¹⁰. Очевидно, что автор констатирует два этапа в оставлении Намазга: первый — когда «наступает полное запустение холма» (площадь поселения культуры НМЗ V сокращается до 1,5 га — площади основания Вышки. — *А. III.*), второй — когда прекращается жизнь на Вышке.

Причину оставления Вышки Куфтин связывает с наступлением в конце II тыс. до н. э. «ксеротермического максимума», усилением борьбы за водные источники и с приходом кочевых племен в предгорную зону Копетдага [Куфтин 1956: 286—287].

Исследования в Казахстане также свидетельствуют о похожих изменениях климата, где федоровская эпоха была временем становления ксеротерма [Хабдулина, Зданович 1984: 151—154]. В Петровке II и Павловке отмечено вынесение жилищ на низкие береговые участки — свидетельство «...изменения климата в сторону повышения сухости. Это повлекло отток федоровского населения в различных направлениях, в том числе и в восточные районы Средней Азии» [Малютина 1992: 160].

Интересно, что оба положения Б. А. Куфтина полвека назад были сформулированы Р. Пампелли и Г. Шмидтом: первый рассматривал «ксеротермический максимум» как причину миграций древних земледельцев [Pumpeilly 1908: pl. 5], второй назвал слои в Анау, где вновь появляется расписная керамика ручной лепки, эпохой «промежуточной варварской оккупации» [Schmidt H. 1908: 149]¹¹.

¹⁰ Этот тип «скотоводческой керамики», следуя за В. М. Массоном [Массон 1959: 116, сноска 86], Л. И. Хлопина отнесла к кухонной посуде [Хлопина 1972: 64]. Современные исследования подтверждают первоначальное мнение Б. А. Куфтина [Куфтин 1999: 316, рис. 1]. Характерен состав стада и особенно находки костей лошади только в слоях Вышка III₁₋₃ [Щетенко 2001д: 28].

¹¹ «Эпоха варварской оккупации» имеет много наименований: А. А. Марущенко называет ее стадией Яшиллы [Марущенко 1939: 101], В. М. Массон — Анау IVA, соответствующим мургабскому термину Яз-депе I [Массон 1959: 102, сноска 22]. Ю. А. Заднепровский предложил выделять яшилинскую археологическую культуру эпохи РЖВ [Заднепровский 1988: 127].

Они же впервые отметили перерывы в виде слоев пожарищ, разделявших поздние фазы культуры Анау III и постройки культуры Анау IV [Pumpelly 1908: 51—52; Schmidt H. 1908: fig. 37, fig. 49].

Более ранний временной разрыв в заселении Намазга реконструируется по тексту В. М. Массона: «На заброшенной части бывшего поселения местами располагались могилы времени НМЗ VI. ...Могильные ямы погребений были выкопаны в старых постройках времени НМЗ V в то время, когда они находились в запустении, и их сырцовые стены оплыли» (выделено мною. — А. Ш.) [Массон 1959: 97—98]. Значит, как я полагаю, существовал временной разрыв (между культурами НМЗ V и НМЗ VI), в течение которого стены оплыли и уменьшились наполовину.

Эти умозрительные заключения получили подтверждение в результате наших работ. На разрезах юго-западной траншеи мусорные слои (1,0—1,5 м) подстилали глинобитную платформу времени НМЗ VI, в северо-восточной траншее — слой стерильного песка (0,5—0,8 м) разделял сырцовую архитектуру времени НМЗ V и НМЗ VI [Щетенко, Долуханов 1976: 556; Dolukhanov 1980: fig. 11].

Материалы Теккема корректируют колонку Вышки Намазга, подтверждая и наличие перерывов культурной последовательности на поселении в ЭПБ и РЖВ [Щетенко 1973; 1999а; 1999б; 2000а; 2001а; 2001б].

Итак, новые материалы Вышки Намазга и Теккема позволяют на более широкой основе интерпретировать комплексы Б. А. Куфтина как остатки культур ЭПБ и РЖВ, имеющих контакты с земледельческими цивилизациями и степными племенами соседних регионов. «Культура НМЗ VI» Б. А. Куфтина рассматривается как ряд последовательных этапов развития, по меньшей мере, двух культур, прерываемых эпохами запустения жизни на поселениях.

Выделяется семь основных этапов. **1-й этап** на Вышке Намазга представлен мусорными слоями, перекрывающими архитектурные остатки позднего периода НМЗ V. **2-й этап** (ранняя НМЗ VI) отмечен сооружением здания на Вышке (Вышка I₁₋₃) и постройкой крепости с обводной стеной и башнями на естественной равнине (периоды Теккем 1 и 2). В первом из них на нижнем полу помещения *in situ* найдены: гончарная светлоангобированная, краснофоновая и сероглиняная керамика, каменная «колонка» (рис. 6, б) и бронзовый наконечник дротика. Крепость Теккема, возможно, представляет собой один из промежуточных пунктов на пути в Маргиану носителей протобактрийской цивилизации, демонстрирующих новую идеологию: ни одной женской статуэтки, ни одной перегородчатой печати не найдено ни в материалах Теккема, ни в материалах Вышки. **3-й этап** отмечен переходным периодом (Вышка II) после временного запустения поселения. На Теккеме он представлен мусорными слоями с находками алакульской керамики (рис. 7, 9—10). **4-й этап** — поздняя НМЗ VI на Вышке (III₁₋₂) и Теккеме (4, 5) характеризуется домами с квадратными очагами. Здесь найдены каменные литейные формы для отливки ножей с круговым упором и круглых пуговиц с литой петелькой, сероглиняная и чернолощенная керамика, полированные каменные булавы и песты (рис. 6, 1—5). Все эти вещи имеют аналогии в материалах южного холма Анау, Улуг-депе, Елькен-депе. **5-й этап** Вышки (III₃)

и Теккема знаменует финал ЭПБ, где преобладают красноангобированная и серая посуда и впервые оказывается керамика саргаринско-алексеевского типа с резной орнаментацией и налепными рельефными валиками (рис. 7, 1—8).

На Вышке найдены один двулезвийный нож с кольцевым упором (рис. 8, 1) и два однолезвийных (рис. 8, 11—12). В металле появляется оловянная бронза с большой примесью железа в изделиях и в шихте [Егорьков, Щетенко 1999: 41; Щетенко, Егорьков 2001: 108]. С этим этапом, вероятно, связано и катакомбное погребение Теккема, сероглиняная керамика которого идентична посуде из погребений Улуг-депе переходного этапа от ЭПБ к РЖВ [Сарианиди, Качурис 1968: 345]. **6-й этап** (кроющие слои памятников) демонстрирует начало РЖВ с расписной керамикой ручной лепки типа Яз I и первыми железными изделиями: бусы из погребения (рис. 8, 8, 9), раскопанного А. А. Марущенко [Кузьмина 1966: 99, табл. XV, 10], и части конской упряжи (?) из верхнего слоя Теккема. Интересно костяная накладка для рукояти ножа (рис. 8, 13). **7-й этап** фиксируется находками раннеахеменидской керамики: банки, кубки, цилиндрико-конические сосуды, подставки в виде «песочных часов» (рис. 9, 2—4) — формы, известные в Маргиане в III ярусе шурфа Уч-депе [Сарианиди 1990: табл. LXV]. Оригинален глиняный сапожок, покрытый беловатым ангобом (рис. 9, 5), имеющий аналогии в Мегиддо в эпоху РЖВ, а также фрагменты кольцевых подставок с прочерченными знаками.

Традиционно комплекс НМЗ VI датировался второй половиной II тыс. до н. э. [Куфтин 1956: 266, 286—287]. Зарубежные археологи познакомились с этой версией по книге «Central Asia. Turkmenia before Achaemenids», где авторы конкретизируют дату конца НМЗ V — 1700—1600 гг. до н. э. [Masson, Sarianidi 1972: 113]. На период НМЗ VI приходится 6—7 столетий, поскольку по той же схеме период Яз-депе I начинается IX в.¹² В первом отклике на книгу высказывалось несогласие с омоложением дат эпохи бронзы [Tosi 1973—1974: 72]. После посещения Ф. Колом в 1978 г. Ленинграда и знакомства с материалами Теккема и Вышки Намазга им была предложена модернизированная периодизация ЭПБ Центральной Азии [Kohl 1980: xxxi]. С учетом материалов мургабских памятников, выделялся переходный комплекс НМЗ V—VI (фаза Келлели), ранняя НМЗ VI (фаза Гонур) и поздняя НМЗ VI (фаза Тахирбай). При этом Кол несколько занижил верхнюю дату НМЗ VI (XV в.), принимая за начало РЖВ в Иране XIV в., ссылаясь на находки железных изделий в Угарите и Марлик-депе [Brentjes 1984: 53].

Еще более омоложенная датировка культуры НМЗ VI (XIV—X вв.) была предложена И. Н. Хлопиным [Хлопин 1983: 55, табл. 3]. В целом это приемлемая датировка, подтверждаемая и сериями радиоуглеродных определений [Долуханов и др. 1985: 122], но лишь для верхних слоев Вышки (1,5—2,0 м) позднего НМЗ VI и РЖВ. Нижние слои Вышки (6 м) и материалы из верхних слоев Теккема заполняют лакуну между поздними и ранними этапами ЭПБ.

¹² Сейчас даты НМЗ V понижены (2300—1850 до н. э.) [Массон 1981: 95], значит, НМЗ VI начинается с середины XIX в. до н. э.

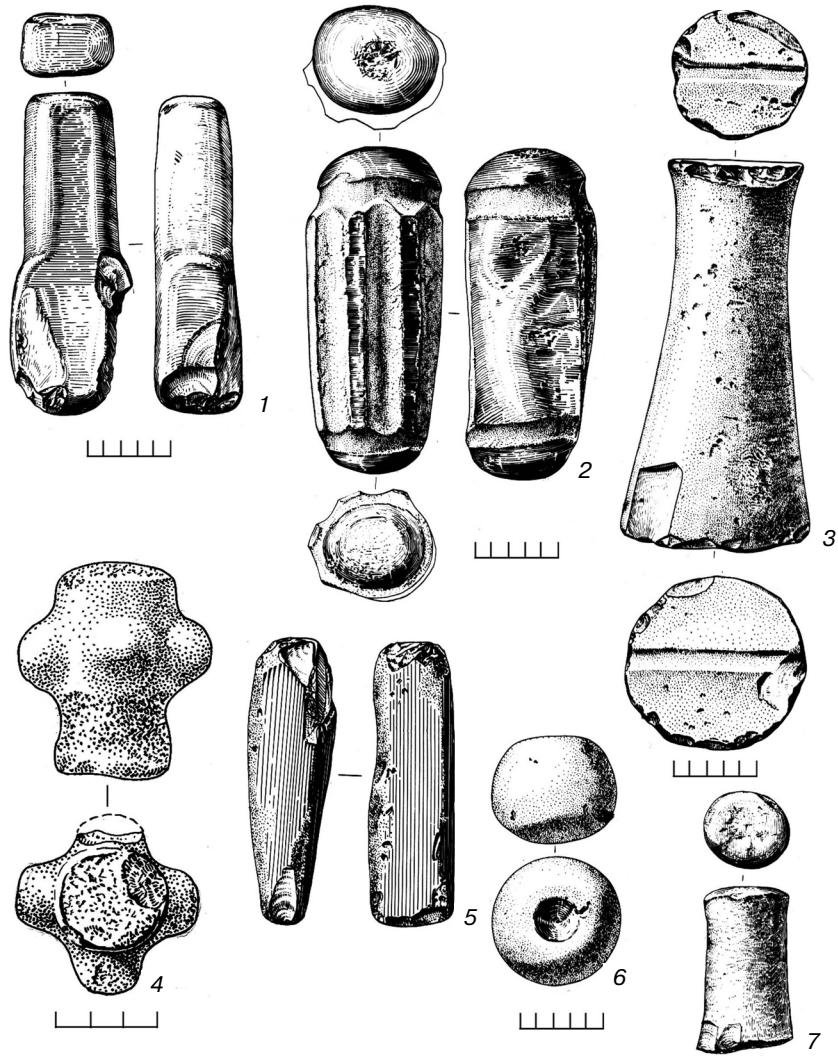

Рис. 6. Текем.

К а м е н ь: 1, 2, 5, 7 — песты; 3 — колонка; 4 — навершие скипетра; 6 — заготовка булавы (?)

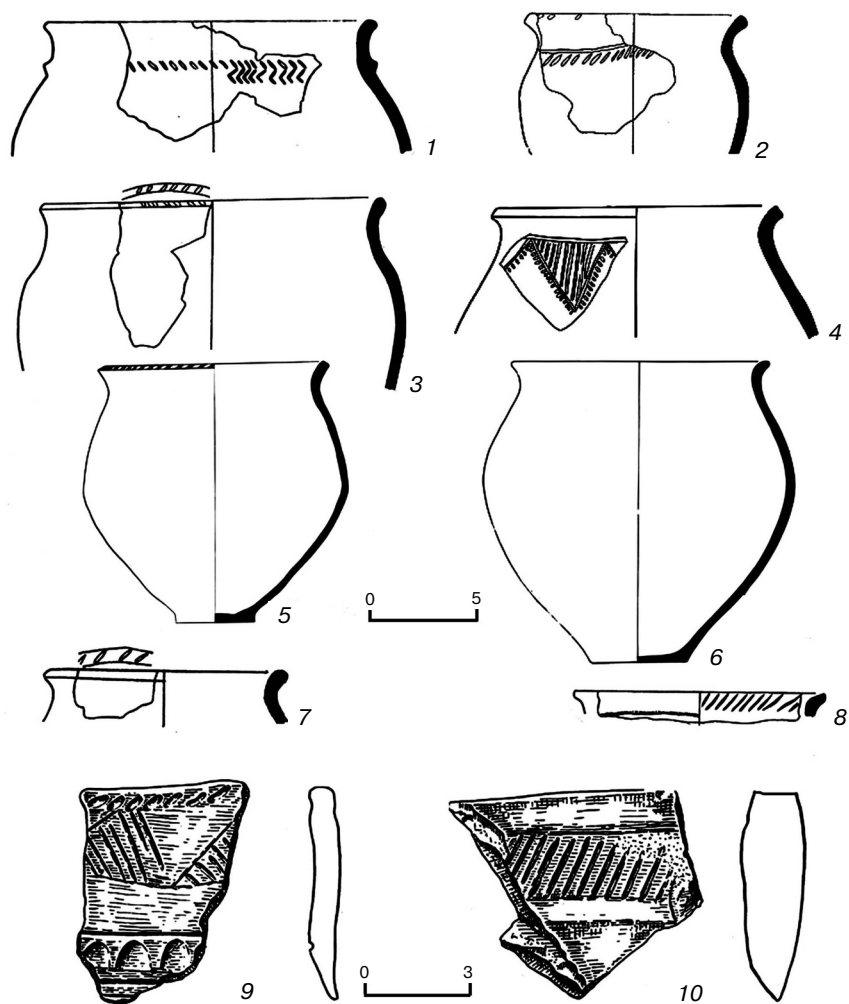

Рис. 7. Археологический комплекс периода Вышка III. Лепная керамика саргаринско-алексеевского круга (1—8) и алакульские черепки (9—10)

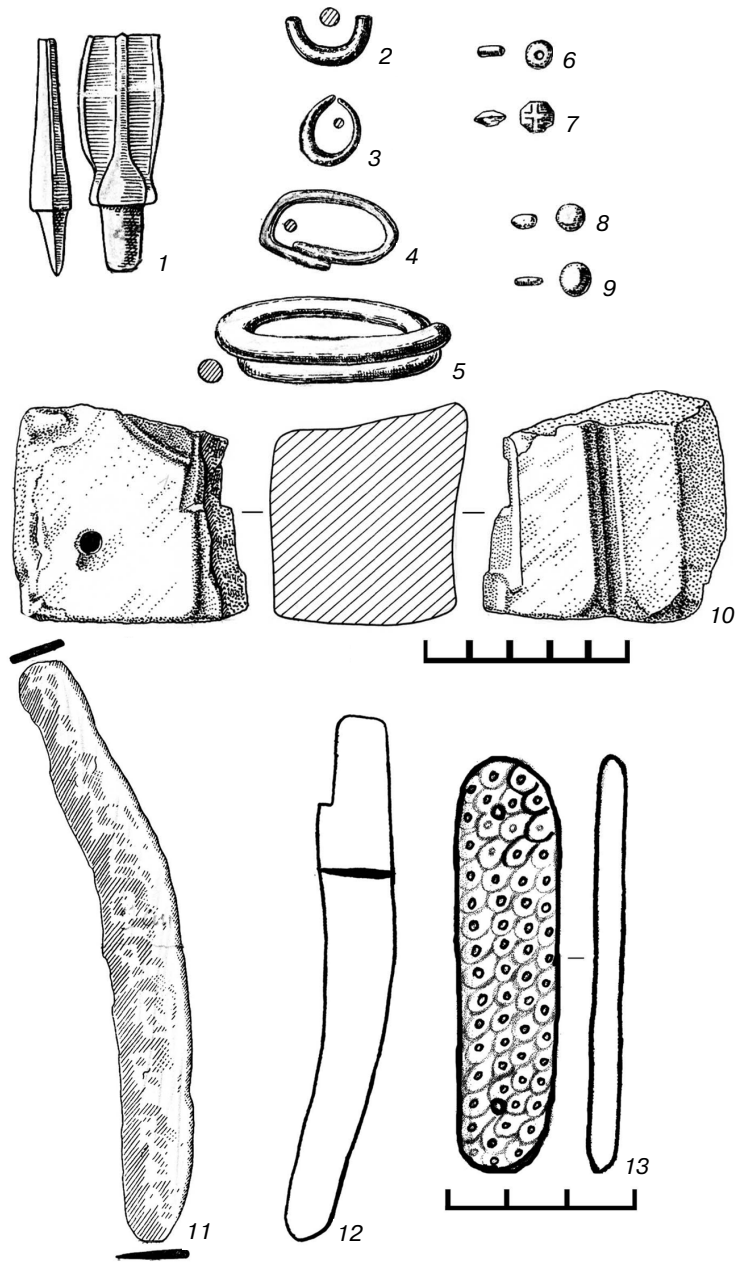

Рис. 8. Археологический комплекс периода Вышка III.
 Бронза: 1 — нож; 2, 4, 5 — браслеты; 3 — серьга; 6, 7 — бусы; 11, 12 — ножи.
 Железо: 8, 9 — бусы. Камень: 10 — литейная форма.
 Кость: 13 — обкладка рукояти ножа

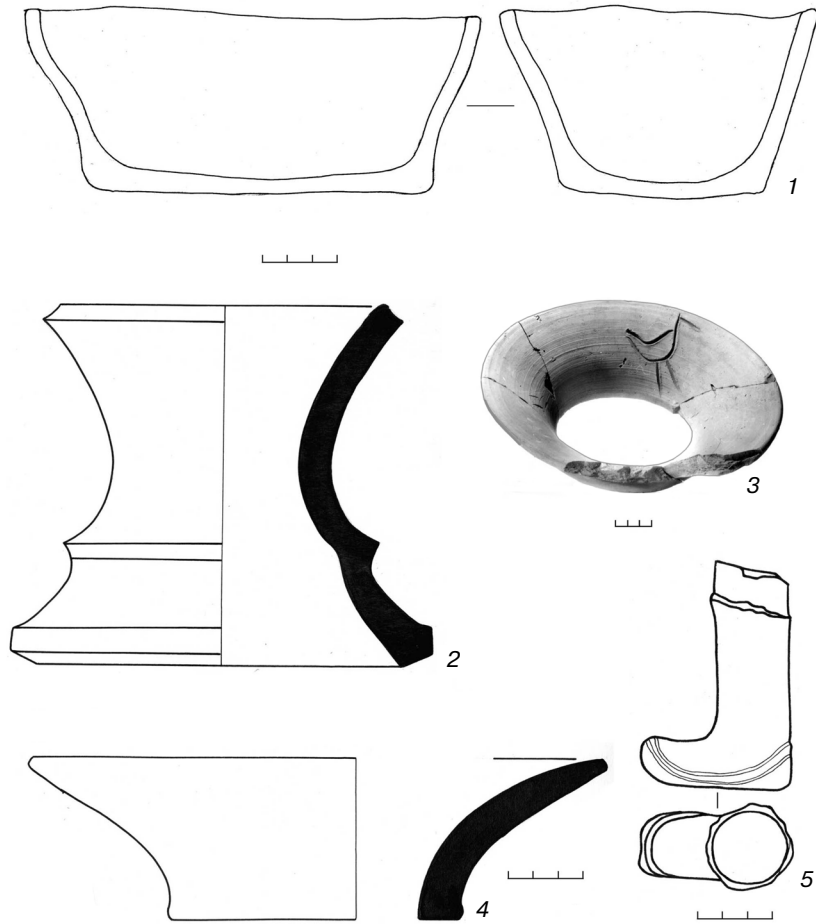

Рис. 9. Текем.

К е р а м и к а: 1 — салатница; 2—4 — подставки; 5 — сапозжок

Расхождение в датировках культур ЭПБ Центральной Азии до сих пор обсуждается за рубежом [Brentjes 1984: 53—54; Kohl 1992; Lamberg-Karlovsky 1994a, b: XXI; Hiebert 1994: 77; Lyonnet 1996; Salvatori 1995: 41; Ke Peng 1998: 579], и большинство археологов отдают предпочтение хронологии Ф. Кола. Отечественные ученые придерживаются схемы Б. А. Куфтина. Так, Б. Н. Удеумурадов, занимавшийся выделением ранних и поздних комплексов НМЗ VI, не владея информацией о стратиграфии Вышки и опираясь на короткую хронологию, не мог принять ни серии дат ¹⁴C Намазга [Долуханов и др. 1985: рис. 1] ¹³, ни согласованные с ними датировки Ф. Кола [Удеумурадов 1993: 115—116] ¹⁴. При этом ученый ссылался на мнение В. И. Сарияниди, что «керамика степного типа на поселениях времени Намазга VI появляется не ранее XIV—XIII до н. э.» [Удеумурадов 1993: 116].

В. И. Сарияниди, следуя короткой хронологии, оспаривает общепризнанную среди западных ученых дату Гиссара IIIС (рубеж III и II тыс. до н. э.) [Bovington et al. 1974: 195ff.]. «Итак, можно предполагать, что начало бактрийского комплекса падает на время не ранее XVIII—XVII вв. до н. э., иначе говоря, он соответствует материалу Гиссар III, что не исключает аналогий, уходящих своими корнями в конец III тыс. до н. э., но с одной оговоркой: еще до появления на бактрийской равнине» [Сарияниди 1986: 91]. То есть, согласно его оговорке, истоки протобактрийской цивилизации допустимо датировать III тыс. до н. э., но только на иранской территории, откуда их потомки (через 1000 лет!? — А. Ш.) сначала освоили подгорную равнину Копетдага, а затем и долину Мургаба.

Как дополнительный аргумент короткой хронологии он приводит находку «на полу одного из помещений поселения Тоголок 1 раздавленного сосуда дандыбай-бегазинского типа, дата которого, XIII в. до н. э., определяется независимой системой хронологии для степных культур» [Сарияниди 1988: 100].

Во-первых, стратиграфическое положение сосуда не совсем ясно (в какое время он оказался на полу или в заполнении помещения?). Во-вторых, сама атрибуция керамики степного облика требует тщательного исследования. В-третьих, так называемая «независимая система хронологии для степных культур» (В. И. Сарияниди не указывает, какой именно он пользуется) по-прежнему опирается на стратиграфию ближневосточных, в том числе и среднеазиатских, многослойных поселений.

В настоящее время для ЭПБ лесостепной и степной зоны Евразии наиболее надежна детально разработанная периодизация андроновской культурно-исторической общности [Аванесова 1991: 84—95], что признается большинством исследователей [Бехтер 1999: 300]. Даже имея серии ра-

¹³ Наши даты согласуются с сериями, полученными в других лабораториях для Гонура, и на намазгинскую серию ссылаются в ряде последних работ зарубежные археологи [Hiebert 1994: 81; Salvatori 1995: 41—46].

¹⁴ Теперь, когда археологические комплексы раннего (Вышка I₁₋₃) и переходного (Вышка II) периодов опубликованы [Щетенко 2002д], становится очевидной ликвидация того разрыва, который смущал Б. Н. Удеумурадова.

диоуглеродных определений и фундированные типологические параллели в металле и других артефактах в датированных комплексах восточно-европейских степных древностей, Н. А. Аванесова вынуждена обращаться к традиционной схеме Б. А. Куфтина, конкретно к комплексам НМЗ VI¹⁵. На эту же схему продолжают ссылаться и иностранные археологи. Например, в 3-м издании «Chronologies in Old World Archaeology» материалы из верхних слоев Алтын-депе по прежнему датируют временем НМЗ V [Voigt, Dyson 1992: 171], хотя существует и иная атрибуция этих материалов.

Об этом пишет В. И. Сарияниди в рецензии на книгу В. М. Массона: «Следуя схеме, разработанной Б. А. Куфтиным, автор считает, что Алтын-депе заканчивает свое существование в период Намазга V, к которому он относит и материалы кроющего слоя этого памятника. А между тем все более очевидно, что следующий период, Намазга VI, представляет собой не генетическое продолжение предшествующей культуры в конце периода бронзы, а новый, самостоятельный археологический комплекс, связанный своим происхождением с инфильтрацией племен из соседнего Ирана при естественном сохранении некоторых глубоко местных традиций, особенно в области керамического производства. Именно поэтому определенный комплекс находок верхнего, кроющего слоя Алтын-депе не находит параллелей в местных, южнотуркменистанских традициях, но зато обнаруживает прямые, доходящие до тождества аналогии в бактрийско-маргианском археологическом комплексе. Сюда относится „жреческая усыпальница“ с характерным набором культовых каменных изделий и в особенности „посох“ могилы 362, представляющий собой погребальное приношение, типичное для древних могил Бактрии» [Сарияниди 1990: 179].

Добавлю, что в «усыпальнице» найдены и другие каменные предметы: гири с ручкой, мини-«колонка», два вида «посохов» [Массон 1981: рис. 20]; длинный «посох» и короткая «колонка» оказались и в погребении «пастыря» [Алексин 1979: рис. 27]; каменные колонки из верхних слоев Алтын-депе описывались и в ранних публикациях [Ганялин 1967: 217—218]. Среди золотых вещей «усыпальницы» (головка волка, бусы) выделяется головка быка со вставными рогами и ушами [Массон 1981: 65]. Здесь же найдены и четыре орнаментированные палочки из слоновой кости [Массон 1981: табл. XIX, 2].

К самым поздним слоям относится и Вышка Алтын-депе (пятиметровое возвышение, аналог Вышки Намазга). Здесь, в развалинах построек последнего строительного периода, перекрывающего, соответственно, на 3 и 5 м раскопы 9 и 16 с материалами позднего НМЗ V [Удеумуратов 1993: 112—113], найдены два «клада» [Ганялин 1967]. Они представляют

¹⁵ «Предметы древнеземледельческого импорта (керамика времени НМЗ V—начала НМЗ VI на поселении Кокча 15; бусы с травленным глазком в могильнике Чакка) привязывают андроновскую культуру к периоду НМЗ VI (XVII—XVI вв. до н. э. или 1350—1000 гг. до н. э.)» [Аванесова 1991: 92]. Первая дата взята у В. М. Массона, вторая у И. Н. Хлопина, взгляды которых на хронологию периода НМЗ VI, как показано выше, не совпадают.

собой инвентарь двух погребений [Щетенко 2002в], относящихся, как и «усыпальница» и погребение «пастыря», уже к ЭПБ.

Вероятно, материалы кроющего слоя Алтын-депе отражают иную культуру, не связанную с комплексами НМЗ V. Наиболее ярко эти комплексы изучены в долине Мургаба, где, по мнению В. И. Сарияниди, применение намазгинской периодизации неприемлемо: «И будет совсем неверным и анахроничным продолжать говорить о „Мургабском варианте Намазга VI“, что противоречит настоящим данным» [Сарияниди 1990: 77]. Ф. Хиберт также выражает определенный скепсис: «Наиболее вероятно, что так называемая „Намазга VI“ является регионально ограниченным керамическим комплексом, найденным только на Намазга-депе и Анау. Нет никаких данных о какой-либо взаимосвязи между Намазга VI поселений Намазга и Анау и тем, что называется „Намазга VI“ в Маргиане. Другие местонахождения, которые, как предполагают, имеют слои НМЗ VI (Янги-кала, Улуг-депе и Алтын-депе), дали материалы „Намазга VI“ из погребений, которые имеют больше параллелей с Бактриано-Маргианской керамикой и мелкими находками, чем со стилем находок из Намазга-депе» [Hiebert 1994: 173].

Материалы Вышки Намазга и Теккема позволяют внести ясность в этот вопрос. Комплексы протобактрийской цивилизации не имеют генезиса на подгорной равнине. Возможно, они имеют восточно-иранские истоки [Сарияниди 1974: 69] и даже как-то связаны с сиро-анатолийским центром, с которым намечается и предполагаемый маршрут через Элам, Гилян, Хорасан, Восточный Иран [Сарияниди 1999: 73]. На этом пути первой документированной остановкой является Теккем. Его раннее, основанное на аллювиальной равнине, укрепленное поселение с полукруглой башней и с находками *in situ* каменной мини-колонки в комплексе с сероглиняной и красноглиняной лощеной керамикой принципиально отличается по планировке и архитектуре от комплексов НМЗ V [Щетенко 2002д]. На «вышке» Намазга — это переходный период (Вышка II). Это и есть начальный этап ЭПБ на подгорной равнине, соответствующий гонурскому периоду протобактрийской цивилизации долины Мургаба.

Для его датировки важное значение имеет элитное погребение из Кветты [Jarrige 1987], где встречены практически все экзотические вещи из поздних погребений Алтын-депе, поселений Гонур 1 и Тоголок 21, а также в стратифицированных контекстах Намазга и Теккема [Щетенко 2002б].

В погребении, частично разграбленном, сохранилось много золотых вещей: кубок на полой ножке (аналог керамическим формам раннего НМЗ VI), орнаментированный рельефными бегущими львами [Jarrige 1987: fig. 1], пара подвесок в виде бычков (вставные рога и хвосты, как у алтыновской головки быка [Массон 1981: 65, табл. XXII, 1]), много мелкого бисера и листовых обкладок [Jarrige 1987: fig. 2].

Ряд медно-бронзовых вещей Кветты имеют аналогии в комплексах Ирана: круглые зеркала разных размеров; две печати-штампа с петельками; длинный плоский топор и плоское долото — орудия труда (не исключено использование их в качестве товарных слитков металла, как и треугольного куска свинца с отверстием); цилиндрическая «жаровня» с двумя петлями у основания. Артефакты западного происхождения (брон-

зовые втульчатые топоры, косметические сосудики, декорированные булавки и пр.) отмечены и в кроющих слоях Мохенджо-Даро и Чанху-Даро.

Другие артефакты также связаны с хараппской цивилизацией. Это маленькие конические «фишки» и шарики из фрита; изделия из слоновой кости (палочки и круглые пластины, украшенные резными треугольниками и «глазками», кубик для игры в кости); фаянсовые бусы; фрагменты «вставок» для инкрустации из белого стеатита с крестообразными узорами и рисунками красного трилистника. Такие трилистники покрывают одеяние «правителя-жреца» из Мохенджо-Даро и тракуются как символ высшего божества в пантеоне протоиндийской цивилизации [Parpola 1985: 402].

Кубик для игры в кости, несколько квадратных в сечении палочек и пять круглых бляшек (с резными треугольниками и кругами) из слоновой кости и фаянсовые бусы имеют прямые аналогии в инвентаре двух поздних погребений Алтын-депе [Ганялин 1967: рис. 6; Щетенко 2001в: рис. 1А].

Каменные изделия (два цилиндрических кубка на ножках, четыре мини-колонки, два продолговатых посоха и один биконической формы [Jarrige 1987: fig. 3, 4]) находят аналогии и в других местах: на востоке — это кенотаф 1 Мергарха VIII [Santoni 1984: fig. 8, 2.B], поселения Наушаро и Сибри, на западе — погребения (часть именуется «кладами») Гиссара IIIС [Schmidt E. 1933: pl. CLII; Schmidt E. 1937: fig. 97, 132], Тюренг-депе, Шахдада [Nakemi 1972], Шах-депе [Arne 1945: 129; pl. XXVI, fig. 195]. Их сырье (алебастр, брекчия, мрамор, оникс, известняк, стеатит, яшма [Sarianidi 1990: 143] добывалось в Афганском Сеистане, и изготовление этих предметов, полагают, связано с иранским миром [Dales 1977: 25], где они широко представлены в ЭПБ.

В это время они появляются и в Южном Туркменистане — Теккем-депе, «вышка» Намазга-депе, Тоголок 21 и 24, кроющие слои Алтын-депе. В более раннюю эпоху здесь, как и в Белуджистане, прослеживается влияние хараппской цивилизации: печати с протоиндийскими иероглифами, фаянсовые бусы и изделия из слоновой кости найдены на Алтын-депе и на южном холме Анау [Массон 1981: табл. XXIX, 2; XXII, 1, 3—5; Niebert 2000: 48]; костяные «вставки» в виде имитации трилистника есть в одном из поздних погребений Тоголок 21, а рисунок трилистника — на гипсовых плитках дворца Дашлы 3 [Sarianidi 1979: 654, fig. 5. 17].

Ряд форм керамики (*pedestalled* и *truncated bowls* или *tumblers*) Кветты связан на первой стадии (зрелая фаза хараппы в Наушаро I и стадии IIIВ в Амри) с формой блюда на ножке, имея, таким образом, местные корни. Позже она становится типичной для комплексов Наушаро II, Мехргарха VIII, Сибри и верхних слоев Мохенджо-Даро, датируемых началом II тыс. до н. э. На западе в Иране им соответствуют комплексы Гиссара IIIС и Шахдада. Одновременно ряд форм зрелой хараппы (фазы Амри IIIС и кроющего слоя Мохенджо-Даро) отсутствуют в материалах Кветты и в погребениях Мехи, но появляются более дифференцированные типы керамики, отмечая ослабление связей между Северным Белуджистаном и долиной Инда в это время [Щетенко 2002б].

Особенно важна для датировки комплекса Кветты находка нескольких человеческих фигурок, вырезанных из черного стеатита (хлорита). Это

фрагменты фигурок в сидячей позе, одетых в шерстяную юбку (украшенную вырезанными треугольниками), известную в Месопотамии под названием *kaunakés*. Они могут быть сравнимы с изображениями на эламских печатях, в частности с печатью правителя Эбарти (Эпарта), и датированы XX или XIX вв. до н. э. [Amiet 1980: 165].

Такая дата еще раз подтверждает датировку Гиссара IIIС рубежом III и II тыс. до н. э. В одной из последних работ и автор традиционной хронологии также склонен пересмотреть свой взгляд на хронологию ЭПБ: «Возможно, эти традиционные датировки оседлых культур юга (строчкой выше автор именуется их «урбанизированные культуры юга Средней Азии». — А. Ш.) придется несколько углубить, возвращаясь к длинной хронологии Д. Маккауна, которой автор предпочел в свое время схему, выдвигавшуюся Г. Чайлдом» [Массон 1999: 270].

Итак, в течение всего XX столетия при разработке археологической периодизации Средней Азии археологи опирались на фундаментальные исследования стратиграфии холмов Анау. И хотя раскопки Ак-депе и Намазга внесли в нее некоторые коррективы, приоритет в разработке первой научной периодизации, несомненно, принадлежит Р. Пампелли и Г. Шмидту.

Важность и перспективность изучения холмов Анау подтверждается и тем, что в 1993 г. раскопки южного холма Анау были возобновлены экспедицией во главе с К. К. Ламберг-Карловским, продолжившим на новом историческом этапе международное сотрудничество, основы которого были заложены экспедицией Р. Пампелли. Уже получены первые результаты и найдена уникальная печать со знаками, имитирующими хараппские иероглифы [Hiebert 2000: 48], что еще раз подтверждает перспективность исследования взаимодействий блока культур Средней Азии с другими цивилизациями древнего Востока.

И последнее, что следует отметить, это признание, хотя и запоздалое, заслуг коллектива экспедиции и ее руководителя за рубежом. Как отметил в 1994 г. К. К. Ламберг-Карловский, «вклад Пампелли в археологию Азии был основательным» [Lamberg-Karlovsky 1994b: XXVIII]. И с этим нельзя не согласиться. Этот вклад, помимо ценных геологических наблюдений и обобщений, добытых на территориях Китая, Монголии и Туркестанского края, включал в себя и создание первой научной периодизации первобытной эпохи Центральной Азии, которая в течение 100 лет служила основой для последующих поколений ученых при разработке ими проблем относительной периодизации этого региона и не утратила своего значения и в наши дни.

Литература

Абрамова, Турманина 1983: *Абрамова Т. А., Турманина В. И.* Палеогеографическая обстановка Северного Прикаспия в последнем тысячелетии // Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. Ч. I. С. 62—69 / Под ред. Е. Г. Маева. М.

Аванесова 1991: *Аванесова Н. А.* Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент.

- Алекшин 1979: *Алекшин В. А.* Могила знатного горожанина на Алтын-депе // УСА 1. С. 81—82.
- Аскарлов 1977: *Аскарлов А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Ташкент.
- Бехтер 1999: *Бехтер А. В.* Сейминское и андроновское клинковое оружие: к проблеме взаимодействия традиций // STRATUM Plus. № 2. С. 298—306 / Под ред. В. А. Дергачева. СПб.; Кишинев; Одесса.
- Ганялин 1956а: *Ганялин А. Ф.* К стратиграфии Намазга-тепе // ТИИАЭ. Т. II. С. 37—66.
- Ганялин 1956б: *Ганялин А. Ф.* Теккем-депе // ТИИАЭ. Т. II. С. 67—86.
- Ганялин 1967: *Ганялин А. Ф.* Раскопки в 1959—1961 гг. на Алтын-тепе // СА. № 4. С. 207—219.
- Грязнов, Пиотровский 1939: *Грязнов М. П., Пиотровский Б. Б.* Сибирь, Казахстан, Средняя Азия // История СССР. Макет. Т. 1. С. 154—159. М.; Л.
- Долуханов и др. 1985: *Долуханов П. М., Този М., Щетенко А. Я.* Серия радиоуглеродных датировок из наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // СА. № 4. С. 118—123.
- Егорьков, Щетенко 1999: *Егорьков А. Н., Щетенко А. Я.* Состав металла поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. № 3. С. 39—44. Київ.
- Заднепровский 1988: *Заднепровский Ю. А.* Основные земледельческие области Средней Азии в эпоху поздней бронзы — раннего железа // Природа и человек / Под ред. В. И. Марковина. С. 120—133. М.
- Исаков 1991: *Исаков А.* Саразм. К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины. Душанбе.
- Кесь 1983: *Кесь А. С.* Палеогеография Аральского моря в позднем плейстоцене // Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое / Под ред. Е. Г. Маева. Ч. II. С. 97—106. М.
- Кузьмина 1966: *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. В 4—9.
- Куравлев 2002: *Куравлев В. П.* Соотношение понятий «Средняя Азия» и «Центральная Азия» // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000—2001 гг. С. 11—13. СПб.
- Кутимов 1999: *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистана) // STRATUM Plus. № 2. С. 314—322 / Под ред. В. А. Дергачева. СПб.; Кишинев; Одесса.
- Куфтин 1954: *Куфтин Б. А.* Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау» // Изв. АН ТССР. № 1. С. 22—29.
- Куфтин 1956: *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работах XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культур первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 260—290.
- Ламберг-Карловский 1986: *Ламберг-Карловский К. К.* Введение // Древние цивилизации Востока. С. 3—4. Ташкент.
- Малютина 1992: *Малютина Т. С.* Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях Казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи. С. 141—162. Самара.
- Марущенко 1939: *Марущенко А. А.* Анау. Историческая справка // Архитектурные памятники Туркмении. Вып. 1. С. 96—101. М.; Ашхабад.
- Масимов 1979: *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // СА. № 4. С. 111—131.

- Массон 1956: *Массон В. М.* Расписная керамика из раскопок Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ. Т. VII. С. 291—373.
- Массон 1959: *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. № 73.
- Массон 1971: *Массон В. М.* Поселение Джейтун // МИА. № 180.
- Массон 1981: *Массон В. М.* Алтын-депе // ТЮТАКЭ. Т. XVI.
- Массон 1982: *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии. Археология СССР. С. 5—92. М.
- Массон 1999: *Массон В. М.* Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // STRATUM Plus. № 2. С. 265—285 / Под ред. В. А. Дергачева. СПб.; Кишинев; Одесса.
- Рычагов 1983: *Рычагов Г. И.* Голоценовая история Каспия // Палеогеография Каспийского и Аральского морей в кайнозое. Ч. I. С. 18—22 / Под ред. Е. Г. Маева. М.
- Сарианиди 1974: *Сарианиди В. И.* Бактрия в эпоху бронзы // СА. № 4. С. 49—71.
- Сарианиди 1986: *Сарианиди В. И.* [Рецензия] // ИБ МАИКЦА. № 10. С. 90—93. Рец. на: Pottier M.-E. Matériel funéraire de la Bacctriane Méridionale de l'Age du Bronze. Paris. 1984.
- Сарианиди 1988: *Сарианиди В. И.* [Рецензия] // ИБ МАИКЦА. № 14. С. 97—100. Рец. на: Amiet P. L'Age des échanges inter-iraniens. 3500—1700 avant J. C. Paris. 1986.
- Сарианиди 1990: *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад.
- Сарианиди 1991: *Сарианиди В. И.* [Рецензия] // ВДИ. № 3. С. 177—179. Рец. на: Массон В. М. Первые цивилизации. Л., 1989.
- Сарианиди 1999: *Сарианиди В. И.* Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ. № 1. С. 53—73.
- Сарианиди, Качурис 1968: *Сарианиди В. И., Качурис К.* Раскопки на Улугдепе // АО 1967 г. С. 342—345.
- Удеумурадов 1993: *Удеумурадов Б. Н.* Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашгабат.
- Хабдулина, Зданович 1984: *Хабдулина М. К., Зданович Г. Б.* Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. С. 151—154. Челябинск.
- Хлопин 1974: *Хлопин И. Н.* Полевой отчет о работе Сумбарской группы XIV отряда ЮТАКЭ. — Рукописный архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. I, д. 137.
- Хлопин 1983: *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.
- Хлопина 1972: *Хлопина Л. И.* Кухонная керамика времени Намазга VI // КСИА. № 132. С. 59—64.
- Хлопина 1978: *Хлопина Л. И.* Намазга-депе в эпоху поздней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Щетенко 1972: *Щетенко А. Я.* Раскопки «Вышки» Намазга-депе // УСА. № 1. С. 52—53.
- Щетенко 1973: *Щетенко А. Я.* Теккем-депе — поселение эпохи поздней бронзы // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам археол. исслед. 1972 г. в СССР. С. 234—236. Ташкент.
- Щетенко 1979. *Щетенко А. Я.* Первобытный Индостан. Л.
- Щетенко 1999а: *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // STRATUM Plus. № 2. С. 323—335 / Под ред. В. А. Дергачева. СПб.; Кишинев; Одесса.
- Щетенко 1999б: *Щетенко А. Я.* Литейные формы эпохи поздней бронзы с поселения Теккем-депе (Южный Туркменистан) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. С. 271—278. Запорожье.

Щетенко 2000а: *Щетенко А. Я.* Хронологический аспект контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы Евразийских степей // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.* С. 260—263. Ижевск.

Щетенко 2000б: *Щетенко А. Я.* К проблеме периодизации культуры Намазга VI // *Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона. Российско-Туркменистанские культурные связи и взаимодействия.* Вып. I. С. 127—141. СПб.

Щетенко 2001а: *Щетенко А. Я.* Финальные этапы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана // *Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1998—1999 г.* С. 105—106. СПб.

Щетенко 2001б: *Щетенко А. Я.* Стратиграфия — основа относительной периодизации эпохи бронзы Южного Туркменистана // *Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы Международ. науч. конф. «К 100-летию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы» 23—28 апреля 2001 г.* С. 230—233. Самара.

Щетенко 2001в: *Щетенко А. Я.* Проблемы хронологии цивилизации эпохи бронзы Средней Азии // *АВ. № 8.* С. 263—267. Рец. на: Fredrik T. Hiebert. *Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia.* Cambridge, 1994.

Щетенко 2001г.: *Щетенко А. Я.* Хронология древнеземледельческих культур Среднеазиатского междуречья эпохи ранних металлов // *АВ. № 8.* С. 268—274. Рец. на: V. Lyonnet. *Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancient).* Paris, 1996.

Щетенко 2001д.: *Щетенко А. Я.* Археологические данные о появлении лошади на юге Средней Азии // *Роль ахалтекинских коней в формировании мирового коннозаводства: Материалы Международ. науч. конф.* С. 27—30. Ашхабад.

Щетенко 2002а: *Щетенко А. Я.* М. П. Грязнов и периодизация культур эпохи бронзы Южного Туркменистана // *Северная Евразия в Древности и Средневековье: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова.* Кн. I. С. 82—84. СПб.

Щетенко 2002б: *Щетенко А. Я.* Ювелирные изделия эпохи бронзы элитного погребения Кветты (Пакистан) // *Семинар «Ювелирное искусство и материальная культура»: Тез. докл. участников одиннадцатого коллоквиума (8—13 апреля 2002 г.).* С. 92—93. СПб.

Щетенко 2002в: *Щетенко А. Я.* «Клады» Алтын-депе (Южный Туркменистан): проблема интерпретации // *Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 2000—2001 г.* С. 125—127. СПб.

Щетенко 2002г: *Щетенко А. Я.* Основные этапы разработки археологической периодизации эпохи поздней бронзы Средней Азии // *Исторична наука: проблеми розвитку: Материалы Міжнародної конференції. Секція «Археологія».* С. 204—222. Луганськ.

Щетенко 2002д: *Щетенко А. Я.* Археологические комплексы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (по материалам Намазга-депе) // *АВ. № 9.*

Щетенко, Долуханов 1976: *Щетенко А. Я., Долуханов П. М.* Работы на Намазга-депе в Южной Туркмении // *АО 1975 г.* С. 555—556.

Щетенко, Егорьков 2001: *Щетенко А. Я., Егорьков А. Н.* Особенности металла поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе // *Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения 1998—1999 г.* Краткое содержание докладов. С. 107—108. СПб.

Щетенко, Кутимов 1999: *Щетенко А. Я., Кутимов Ю. Г.* Керамика степного облика поселения эпохи поздней бронзы Теккем-депе (Южный Туркменистан) // *АВ. № 6.* С. 114—123.

- Amiet 1980: *Amiet P.* Antiquites de serpentine // *Iranica Antiqua*. Vol. 15. P. 55—166.
- Amiet 1986: *Amiet P.* L'Âge des échanges inter-iraniens. 3500—1700 avant J. C. Paris.
- Arne 1945: *Arne T. J.* Excavations at Shah Tepe, Iran. Stockholm.
- Bell 1971: *Bell B.* The Dark Ages in Ancient History. I. The First Dark Ages in Egypt // *AJA*. Vol. 75. P. 1—26.
- Bovington et al. 1974: *Bovington C. H., Dyson R. H., Mahdavi A., Masoumi R.* The Radiocarbon Evidence for the Terminal Date of the Hissar IIIC Culture // *Iran*. Vol. XII. P. 195—199.
- Brentjes 1984: *Brentjes B.* Die «baktrischen Bronzen» — ein «Brückenpfeiler» zwischen Ost- und Westasien? // *Kulturhistorische Probleme Südasiens und Zentralasiens*. Wissenschaftliche Beiträge 25 (1—25). P. 51—71. Halle (Saale): Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg.
- Childe 1952: *Childe V. Gordon*. New Light on the Most Ancient East. London.
- Dales 1977: *Dales G. F.* Hissar IIIC Stone Objects in Afghan Sistan // *Bibliotheca Mesopotamica*. Vol. Seven. P. 17—27. Malibu.
- Dolukhanov 1980: *Dolukhanov P. M.* Paleography and Prehistoric Settlement in Caucasus and in Central Asia during the Pleistocene and Holocene // *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*. Vol. 40 (New Series XXX). P. 49—87. Napoli.
- Hakemi 1972: *Hakemi A.* Catalogue de L'exposition: Lut. Shahdad «Xabis». Teheran.
- Hiebert 1994: *Hiebert F. T.* Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. American School of Prehistoric Research Bulletin. Vol. 42. Cambridge.
- Hiebert 2000: *Hiebert F. T.* Unique Bronze Age Stamp Seal Found in Central Asia // *Expedition*. Vol. 42 (3). P. 48.
- Jarrige 1987: *Jarrige J.-F.* A Prehistoric Elite Burial in Quetta // *Newsletter of Baluchistan Studies*. N 4. P. 3—9.
- Ke Peng 1998: *Ke Peng*. The Andronovo bronze artifacts discovered in Toqzudara county in Ili, Xinjiang // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia* / Ed. V. H. Mair. Vol. 2. P. 573—580. Philadelphia.
- Kohl 1980: *Kohl Ph. L.* 1980. The Namazga Civilization: An Overview // *SovAA*. 19. P. 1—2.
- Kohl 1984: *Kohl Ph. L.* Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Synthèse 14. Paris.
- Kohl 1992: *Kohl Ph. L.* Central Asia (Western Turkestan): Neolithic to the Early Iron Age // *COWA* / Ed. R. W. Erich. Vol. 1. P. 179—196.
- Lamberg-Karlovsky 1994a: *Lamberg-Karlovsky C. C.* The Oxus civilization: the Bronze Age of Central Asia // *Antiquity*. Vol. 68 (259). P. 353—356.
- Lamberg-Karlovsky 1994b: *Lamberg-Karlovsky C. C.* Initiating an Archaeological Dialogue: The USA-USSR Archaeological Exchange // *F. T. Hiebert*. Origins of the Bronze Age Civilization in Central Asia. P. XVII—XXX.
- Lyonnet 1996: *Lyonnet B.* Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien) // *Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale*. Tome VII. Paris.
- McCown 1942: *McCown D. E.* Comparative Stratigraphy of Early Iran. Oriental Institute of University of Chicago. Studies in Ancient Oriental Civilization. No 23. Chicago.
- Masson, Sarianidi 1972: *Masson V. M., Sarianidi V. I.* 1972. Central Asia. Turkmenia before Achaemenids London.
- Parpola 1985: *Parpola A.* The Harappan «Priest-King's» Robe and the Vedic Tārya Garment: Their Interrelation and Symbolism (Astral and Procreative) // *SAA* 1983. Vol. 1: 385—403 / Eds. J. Schotsmans and M. Tosi. Naples: Istituto Universitario Orientale.

Pumpelly 1908: *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth and influence of environment. I, II. Washington.

Salvatori 1995: *Salvatori S.* Protohistoric Margiana: on a recent contribution. Review on: IASCCA (International Association for the Study of the Cultures of Central Asia) Information Bulletin 19. Moscow. 1993 // *Rivista di archeologia XIX* (ed. G. Bretschneider). P. 1—55. Venezia.

Santoni 1984: *Santoni M.* Sibri and the south cemetery of Mehrgarh: 3rd millennium connections between the northern Kachi plain (Pakistan) and Central Asia // SAA 1981. Ed. B. Allchin. Cambridge.

Sarianidi 1979: *Sarianidi V. I.* New Finds in Bactria and Indo-Iranian Connections // SAA 1977. Vol. 2: 643—659 / Ed. M. Taddei. Naples.

Schmidt E. 1933: *Schmidt E. F.* Tepe Hissar Excavations 1931 // *The Museum Journal*. Vol. XXIII. No 4. P. 313—453.

Schmidt E. 1937: *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe-Hissar, Damgan. Philadelphia.

Schmidt H. 1908: *Schmidt H.* Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly. R. (Ed.). Explorations in Turkestan I. P. 81—186. Washington.

Sumner 1974: *Sumner W.* Excavations at Tall-i Malyān, 1971—71 // *Iran*. Vol. XII. P. 155—180.

Tosi 1973—1974: *Tosi M.* The Northeastern Frontier of the Ancient Near East: Marginal Notes to V. M. Masson's and V. I. Sarianidi's Central Asia. Turkmenia before Achaemenids London. 1972 // *Mesopotamia*. Vol. VIII—IX. P. 21—76. Malibu.

Voigt, Dyson 1992: *Voigt M. M., Dyson R. H.* The Chronology of Iran, ca. 8000—2000 b. c. COWA. 3-rd ed. (ed. R. W. Ehrich). Vol. I. Iran. P. 122—178. Vol. II. P. 125—154. Chicago and London.

О РУКОПИСЯХ ПЕХЛЕВИЙСКОГО СОЧИНЕНИЯ «АЙАДГАР-И ЗАРЕРАН»*

А. А. Амбарцумян (Санкт-Петербург)

Текст «Айадгар-и Зареран» сохранился в старейшем сборнике среднеперсидских светских и назидательных текстов, известном под названиями «Шахнаме Гуштаспа», «Пехлевийское Шахнаме» или просто «Пехлевийские тексты», и содержится в двух парсийских рукописях, МК и JJ, хранящихся в Бомбее — культурном и религиозном центре зороастрийцев Индии. Название «Пехлевийское Шахнаме» сборник получил благодаря тому, что в нем содержатся четыре текста, сюжеты которых были использованы впоследствии Абулькасимом Фирдоуси при создании великой иранской эпической поэмы «Шахнаме» (X в.). В число этих текстов, помимо «Айадгар-и Зареран» (*Ayādgār ī Zarērān*), вошли также «Книга деяний Ардашира, сына Папака» (*Kārnāmag ī Ardaxšīr ī Pābagān*)¹, «Разгадка шахмат и изобретение нарда» (*Wizārišn ī čatrang ud nihišn ī nēw-Ardaxšīr*)² и «Предание о Вузургмиhre» (*Ayādgār ī Wuzurgmihr*)³.

Первое издание сохранившихся среднеперсидских светских и назидательных текстов было предпринято в конце XIX в. в Индии выдающимся парсийским жрецом — почетным доктором Тюбингенского университета обладателем богатой коллекции рукописей дастуром Джамаспджи Миночехрджи Джамасп-Асаной (1830—1898). К середине XIX в. заметно усилился интерес европейцев к зороастрийской литературе. С ее изучением была связана деятельность немецкого филолога М. Хауга и английского филолога Э. В. Уэста. В 1864 г. М. Хауг ознакомился с богатым собранием зороастрийских рукописей, содержащихся в коллекции дастура Джамаспджи Джамасп-Асаны. Спустя некоторое время изучением этой коллекции занялся Э. В. Уэст. Тогда же его внимание привлекла рукопись МК, представлявшая собой наиболее полный сборник среднеперсидских светских и назидательных текстов. По данным колофонов и согласно наиболее вероятному расчету Э. В. Уэста, рукопись была написана в 1255 г.

* Публикуется при финансовой поддержке РФНФ. Грант 0601-004669.

¹ Издание транскрипции текста и перевод см.: [Чунакова 1987].

² Издание перевода см.: [Орбели и др. 1936: 31—40, 49—53].

³ Издание транскрипции текста и перевода см.: [Чунакова 1991: 49—56, 86—93, 117—120].

Дэнпанахом, сыном Адурбада в Броаче (Гуджарат). Затем, не позднее 1278 г., она была скопирована известным жрецом-переписчиком рукописей Рустамом Михрабаном. Третьим ее переписчиком оказался правнучатый племянник последнего Михрабан Кай-Хосров, который переписал ее в Тхане, близ Бомбея, в течение 1321 г. (или 1322 г.). Таким образом, эта рукопись была признана наиболее ранней из всех сохранившихся среднеперсидских рукописей.

Дастур Джамаспджи Джамасп-Асана и Э. В. Уэст занялись тщательным изучением рукописи и подготовкой ее к изданию. К работе были привлечены и другие, менее значительные, списки, вероятно, в разное время переписанные с МК, в том числе и рукопись JJ, скопированная с МК дастуром Джамшид Джамасп Аса в Навсари в 1767 г., а также рукописи DP, TD, T_a, TD_a, JU. В 1875 г. Э. В. Уэст сделал очень аккуратную копию с МК с учетом разночтений рукописи JJ, для того чтобы ускорить продвижение работы дастура Джамаспджи. Для некоторых текстов он использовал варианты более поздних рукописей JE, MN₇, K₁, DP, K₅, J₂ и M₁₆. Джамаспджи Джамасп-Асана проделал значительную работу: рукопись МК, взятая за основу, была сличена с другими рукописями, текст сборника был исправлен и восстановлен заново. Первый том издания среднеперсидских текстов был опубликован в 1897 г. [Pahlavi texts 1897]. Спустя год дастур Джамаспджи скончался. Второй том, подготовленный еще при жизни дастура, был издан крупным ученым парсом и издателем Бахрамгором Тахмурасом Анклесарией немного позже, в 1913 г. [Pahlavi texts 1913], Б. Т. Анклесария снабдил его кратким, но весьма ценным описанием рукописей, колофонов и большей части текстов, входящих в этот сборник.

Издание рукописного сборника МК состоит из тридцати двух разножанровых и разнохарактерных литературных произведений и фрагментов. Большая часть из них относится к религиозно-дидактической и светской литературе. В сборнике насчитывается 18 назидательных текстов, три лирико-эпических текста, среди которых героико-эпическая поэма «Сказание о Зарере», прение «Ассирийское дерево и коза», два историко-географических текста, образцы письмовника, брачного контракта, застольной речи, заклинания, а также два календаря и два текста светского содержания.

Два текста сборника отнесены к *айадгарам* — «памятным книгам, сказаниям или преданиям» (Ayādgār ī Zarērān и Ayādgār ī Wuzurgmīhr), несмотря на то что принадлежат они к разным литературным жанрам. *Айадгарами* названы также все шестнадцать текстов, предшествующих так называемому колофону «оригинала» [The Pahlavi texts 1913: 83], из чего становится ясно, что этот термин никак не определяет жанра сочинений, а зороастрийцами применялся для обозначения любых памятных для общины среднеперсидских текстов.

Рукопись МК, в начале нашего века принадлежавшая дастуру Кай-Хосрову Джамаспджи Джамасп-Асане и потому известная также под шифром J₁, является, по общему признанию, старейшей среднеперсидской рукописью. Первоначально она должна была состоять из 163 листов, из которых впоследствии был утрачен 21 лист, но во время выполнения

копии JJ в ней отсутствовало всего 4 листа. Как свидетельствует Б. Т. Анклесария, первые 110 листов рукописи были в хорошем состоянии, тогда как листы 126—160 оказались настолько испорчены, что текст рукописи восстанавливался по ранее сделанным спискам JJ и DP (рукописи из коллекции Д. П. Санджаны).

В издание дастура Джамаспджи Миночехрджи Джамасп-Асаны вошло более сорока текстов и фрагментов, включая колофоны разных переписчиков рукописи. Приблизительно шесть колофонов восходят к рукописи МК и два колофона — к рукописи JJ. Колофоны рукописи МК следуют в оригинальном порядке, а колофоны JJ даются в приложении. То обстоятельство, что колофоны МК разбивают текст на несколько частей, позволило предположить механическое соединение в данной рукописи разнохарактерных и разновременных сочинений, собранных из других рукописных списков⁴.

Первый колофон оформляет первый текст сборника МК — «Айадгар и Зареран», известный также под названиями «Шахнаме Гуштаспа» и «Пехлевийское Шахнаме» [Pahlavi texts 1897: 16—17].

За шестнадцатым текстом рукописи следуют так называемый колофон «оригинала» [The Pahlavi texts 1913: 83] и колофон последующего переписчика [The Pahlavi texts 1913: 83].

Завершают рукопись основной среднеперсидский колофон [The Pahlavi texts 1913: 167—168], колофон-приписка [The Pahlavi texts 1913: 168] и санскритский колофон [The Pahlavi texts 1913: 169].

Так называемый колофон «оригинала» достаточно четко разделяет рукопись на две равные по числу текстов части. Судя по данным этого колофона, переписчиком первой части рукописи МК являлся некий зороастриец Дэнпанах Адурбад Дэнпанах. Памятные предания (ayādgārīhā) были переписаны им в храме огня (ātaxš-kadag) в порту Броач (Бхаруч), в Гуджарате, по заказу некоего Шахзада Шада Фарроха Ормазда, который, вероятно, был главой и верховным священнослужителем местной бхаручской общины парсов. Произошло это, согласно приведенной дате, в месяц вахман день дей-пад-адур 324 г. эры Йездигерда⁵, что соответствует 29 января 956 г. григорианского летоисчисления. Однако эта дата представляется малоубедительной, так как парсы впервые высадились на побережье Гуджарата в 936 г. (по старой ошибочной версии — в 716 г.)⁶. Не-

⁴ Так, например, О. М. Чунакова предполагает, что ранее существовали три рукописи, которые в сборнике МК разделены колофонами [Чунакова 1991: 9—10].

⁵ Эра Йездигерда вела отсчет времени, по одним данным, с последнего года правления сасанидского царя Йездигерда III, т. е. с 651 г., по другим — с воцарения последнего в 631—632 гг.

⁶ Об этой путанице в хронологии парсов пишет М. Бойс. Основатели зороастрийской общины высадились на побережье Гуджарата на западе Индии в день вахман месяца тир 992 г. эры Викрамы (северо-индийской эры, ведущей отсчет с 56 г. до н. э.), что соответствует 936 г. В местной письменности цифра 9 могла изображаться знаком, похожим на современную цифру 7, вследствие чего эту дату читали как 772 г. эры Викрамы, что соответствовало 716 г. Данное обстоятельство привело к распространению ошибочной даты [Бойс 1994: 196]. По этому вопросу у парсов не сложилось единого мнения. Так, Х. Э. Эдулджи, исследователь и переводчик «Сказа о Санджане» (автора

смотря на это, Б. Т. Анклесария, автор «Введения» ко второму тому издания «Пехлевийских текстов», признал дату, приведенную в колофоне «оригинала», вполне приемлемой [Pahlavi texts 1913: 5, com. 1], так как она почти совпадает с датой, предлагаемой традиционной версией переселения парсов в Индию, изложенной в 1600 г. жрецом Бахманом на персидском языке в «Сказе о Санджане» [Иностранцев 1916: 134]. В 1875 г., находясь в Бомбее, Э. Уэст осмотрел рукопись и пришел к выводу, что дата повреждена и ее следовало бы читать как 624 г. эры Йездигерда, которому соответствует 1255 г.⁷, на том основании, что цифра 6 в среднеперсидском пишется в два знака аналогично 3+3 и что первый знак оказался съеден червем, поэтому в копии JJ сохранилась только часть составной цифры, что и дало 324 г. эры Йездигерда (956 г.) [West 1904: 113].

История рукописного сборника МК в его нынешней компиляции восходит к началу просветительской деятельности иранских зороастрийцев, которые в XIII и XIV вв. приступили к сбору уцелевших памятников и фрагментов зороастрийской литературы. Незадолго до мусульманского завоевания Гуджарата индийских парсов посетил иранский жрец эрбад Рустам Михрабан Марзбан Дахишнйар. Еще в Иране он занимался переписыванием, спасением и распространением рукописей. Поездка в Индию, по-видимому, преследовала те же цели, и, возможно, она связана также с монгольским завоеванием Хорасана. Так, в 1269 г. им были переписаны апокалиптическая книга «Арда-Вираз-Намаг» («Книга о праведном Виразе») и «Повесть о Йойште Фрияне» (рукописи Н₆ и К₂₀). В индийском городке Анклесаре в 1278 г. им была переписана рукопись Виспереда (рукопись К₇). Вероятно, в этом же году он побывал и в Броаче, где и обнаружил хранившуюся при храме огня рукопись Дэнпанаха. Порт Броач располагался на расстоянии всего лишь нескольких миль от Анклесара, на противоположной стороне Броачского залива. Об этом свидетельствует составленный его правнучатым племянником Михрабаном Кай-Хосровом первый колофон рукописи [Pahlavi texts 1897: 16—17], из которого следует, что Рустам Михрабан переписал рукопись (список «Ай-адгар и Зареран») с рукописи Дэнпанаха, посвятившего ее некоему Шаду и его сыну (Шахзаду).

В свое время еще Ш. Х. Ходивала, рассматривая колофоны рукописи МК⁸, предположил, что Рустам Михрабан переписал эту рукопись не ранее

Бахмана Кай-Кубада Хамджияра Санджаны, 1600 г.), эпической поэмы о переселении парсов в Индию и основании первой колонии Санджаны, полагает, что колония в Санджане была основана во второй половине VIII в. [Там же, с. 196]. По мнению Ш. Ходивалы, парсы высадились на побережье Гуджарата в первой половине X в. Путем не совсем ясных умопостроений последний пытается доказать, что в X в. в Броаче еще не существовало парсийской общины и тем более — храма огня [Hodivala 1920: 70—84, 135—147]. Наверное, следует согласиться с мнением К. Иностранцева, который полагал, что массового исхода зороастрийцев не было, а происходило постепенное их переселение, в противном случае это нашло бы отражение в арабской литературе [Иностранцев 1909: 6].

⁷ По расчету Э. Уэста, она соответствует 15 декабря 1255 г.

⁸ Исследованию колофонов рукописи МК Ш. Х. Ходивала посвятил работы «The Colophons of Mihigārān Kaikhusru» и «Was There a Parsi Fire Temple at Broach in 324 A. Y.?»), которые были прочитаны им в качестве докладов перед «Обществом проведе-

16 ноября 1278 г.⁹, исходя из даты (день дей-пад-михр месяца вахман 647 г. эры Йездигерда) образца брачного контракта «Abar raumānag ī kadag-xwadāyih» [The Pahlavi texts 1913: 141—143; Hodayala 1920: 144—145; Периханян 1960: 67—75; MacKenzie, Réikhanian 1969]. Этот образец брачного контракта мог быть введен в число текстов рукописи самим Рустамом Михрабаном. По-своему интерпретируя текст того же колофона, Шахпурзад Ходивала приходит к заключению о том, что вышеупомянутый патрон Дэнпанаха, Шахзад, был еще в живых, когда Рустам Михрабан переписывал рукопись. Это было бы в соответствии с датировкой колофона Дэнпанаха, восстанавливаемой Э. Уэстом (624 г. эры Йездигерда — 1255 г.).

Правнучатому племяннику Рустама Михрабана — эрбаду Михрабану Кай-Хосрову Михрабану Спандйаду Михрабану Марзбану Бахраму, продолжившему дело своего далекого предка, принадлежат еще два колофона.

Колофон (на с. 83) свидетельствует о том, что первые шестнадцать текстов рукописи были полностью переписаны им в городе Тхана (в тексте Тамнак), «на острове в море»¹⁰, в день хваршед (11) месяца шахревар старого високосного 691 г. эры Йездигерда, что приблизительно соответствует 2 июля 1321 г.¹¹

Колофон, завершающий рукопись (с. 167—168), свидетельствует о том, что Михрабан Кай-Хосров переписал всю рукопись в Тхане, в храме огня, в день фравардин (19) месяца адур високосного 691 г. эры Йездигерда, что соответствует 10 октября 1321 г.¹² Далее следует приписка к колофону, в которой говорится, что эта рукопись была переписана по заказу Чахила в день дей-пад-михр (15) месяца тир, что соответствовало бы июню не известного нам года¹³.

Известно, что зороастрийские рукописи передавались в семьях жрецов по наследству. Не исключено, что рукопись МК, как и некоторые другие рукописи, перешла по наследству от Рустама Михрабана к его праправнуку Михрабану Кай-Хосрову, который, как и его предок, проживал в Иране и прибыл в Индию в начале XIV в. Михрабан Кай-Хосров, возможно, привез с собой уцелевшие в Иране рукописи и, оставшись в Индии, занялся переписыванием и распространением рукописей для общины индийских парсов. К этому времени парсы уже перешли на гуджаратский язык и испытывали большую потребность в грамотных ученых жрецах и переписчиках, хорошо владеющих среднеперсидским языком.

По утвердившейся версии, Михрабана пригласил в Индию некий благочестивый купец-парс Чахил из Камбея, порта, располагавшегося в глубине Кхамбатского залива на северном побережье Гуджарата [Бойс 1994: 200]. Одной из первых рукописей, переписанных им в Индии, оказалась

ния зороастрийских исследований» 5 и 12 декабря 1914 г., соответственно [Hodayala 1920: 118—133, 135—148].

⁹ Эта дата дается нами по расчету Ш. Х. Ходивалы.

¹⁰ В XIV в. Тхана, город и порт неподалеку от Бомбея, располагалась на острове или полуострове, в настоящее время сросшемся с материком.

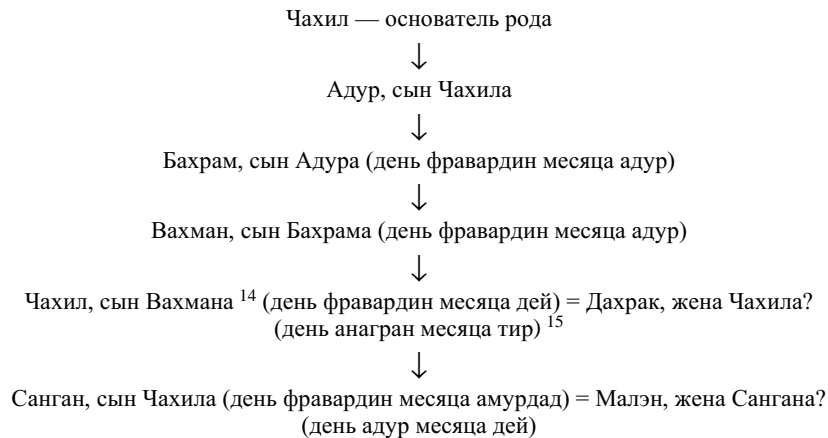
¹¹ По расчету Э. Уэста, 4 июля 1322 г. [West 1904: 113].

¹² Дата дается нами по расчету Ш. Ходивалы.

¹³ Возможно, Михрабан в течение 1321 и 1322 гг. выполнил несколько копий рукописи.

рукопись МК, содержащая уникальные пехлевийские тексты. Таким образом, Михрабан Кай-Хосров утвердил за собой славу самого знаменитого жреца-переписчика зороастрийских рукописей. На протяжении последующих лет им было переписано, и тем самым спасено, большое число рукописей, среди которых K₂₀, K₁, K₅, L₄ и другие.

О причине приезда Михрабана Кай-Хосрова в Индию сообщает санскритский колофон. Текст колофона написан на искаженном санскрите и читается с большими затруднениями. Первую попытку прочтения санскритского колофона предпринял Б. Т. Анклесария в своем «Введении» к изданию «Пехлевийских текстов» [The Pahlavi texts 1913: 7]. Согласно его переводу, рукопись была переписана 10 октября 1321 г. (в 690 г. эры Йездигерда) в порту Тхана, на берегу моря, во время прихода к власти султана Гиясэддина (Делийский султанат), жрецом Михрабаном, прибывшим из Персии по письменному приглашению и переписавшим рукопись в память о покойном Сангане, сыне покойного Чахила. Далее дается пожелание о поминании праведных предков покойного Чахила. Данные такой интерпретации этого колофона противоречат тому, что нам известно из предыдущих среднеперсидских колофонов: рукопись выполнена по заказу купца Чахила. Ш. Ходивала, рассматривая колофоны рукописи МК в контексте истории парсийской общины, сомневается в правильности такой интерпретации санскритского колофона. Наиболее достоверным он считает перевод профессора Х. М. Бхадкамкара, из которого следует, что Михрабан прибыл в Индию из Ирана по письменному приглашению парсийского купца Чахила, сына купца Сангана, получив гонорар за переписывание рукописи заранее. В конце колофона дается благопожелание купцу Чахилу и его предкам [Hodivala 1920: 124].

¹⁴ Ко времени приезда в Индию Рустама Михрабана в 1278 г. Чахил, сын Вахмана, вероятно, был еще жив, остается неясным, по чьему заказу выполнял копии Рустам Михрабан.

¹⁵ Так (т. е. что Дахрак являлась супругой Чахила) считал Б. Т. Анклесария [The Pahlavi texts 1913: 54]. По мнению же Ш. Х. Ходивалы, Дахрак, или Дару, возможно был мужчиной и являлся сыном Чахила, сына Сангана [Hodivala 1920: 126].

Не менее проблематична интерпретация «Рознамака» — списка поминальных дней предков Чахила [The Pahlavi texts 1913: 169]. Текст этот восстанавливался при помощи данных рукописи K₅ и поэтому, возможно, малодостоверен. Воспроизвести генеалогическое древо купеческого парсийского рода можно следующим образом (см. схему).

Ш. Х. Ходивала полагал, что у Сангана, сына Чахила, был сын Чахил Санган, который и явился тем самым знаменитым патроном Михрабана Кай-Хосрова, пригласившим его в Индию [Hodivala 1920: 126].

Род Чахила пользовался, благодаря успешной торговой деятельности, большим влиянием в Гуджарате. Можно предположить, что его деятельность вначале была сосредоточена преимущественно в порту Камбей, в одном из наиболее ранних поселений парсов. В 1297 г. началось мусульманское завоевание Гуджарата, и в первую очередь пострадал богатейший порт Камбей. Многие из парсов, возможно, тогда погибли.

А незадолго до этого события произошла другая трагедия парсов Камбея. В сообщении капитана Робертсона, которое грешит неточностями, но все же как-то заполняет темный период парсийской истории, говорится, что парсы, прибыв в Индию (ок. 636), сначала поселились поблизости от храма Кумарика Кшетра (942—997). Первые поселенцы настолько преуспели в торговых делах и настолько усилились, что вынудили индусов покинуть город. Среди беглецов-индусов оказался некий Даса Лар, по прозвищу Калианрай, который, бежав в Сурат, за короткое время преуспел в торговле жемчугом. Добившись большого могущества, он собрал многочисленные банды раджпутов и коли для расправы над парсами [Hodivala 1920: 127—128]. Большинство парсов бежали из Камбея, а дома их были сожжены. Возможно, что, по той или иной причине, род Чахила покинул Камбей и обосновался в Тхане. В это время погибают, возможно в один и тот же день, Бахрам Адур Чахил и Вахман Бахрам — отец и сын. День их смерти (день фравардин месяца адур) совпадает с днем завершения переписки рукописи МК Михрабаном Кай-Хосровом, о чем свидетельствуют санскритский колофон и среднеперсидский колофон, завершающий рукопись.

Что касается самого раннего колофона рукописи МК — колофона Дэнпанаха, или так называемого колофона «оригинала», то датировка его и по сей день является спорной, несмотря на предпринятую Э. Уэстом попытку восстановить эту дату (624 г. эры Йездигерда — 1255 г.). Еще один колофон Дэнпанаха был обнаружен в рукописи TD, которая считается переписанной с рукописи МК. Этот второй среднеперсидский колофон рукописи TD свидетельствует, что Дэнпанах Адурбад Дэнпанах переписал эту рукопись в день гош месяца ардавахишт 1077 г. хиндустанской эры, что соответствует 23 апреля 1021 г. и 524 г. эры Йездигерда, по заказу того же самого Шахзада Шада Фарроха Ормазда, в Броаче, в школе (šāgird-kadag) [The Pahlavi texts 1913: 5]. Колофон этот написан другим переписчиком — эрбадом Камдэном Шахрийаром Нэрийосангом Самандом, который сообщает, что переписал его с рукописи Дэнпанаха. По мнению Ш. Х. Ходивалы, эта рукопись была переписана Камдэном, веро-

ятно, в 1340 г., так как последний являлся дедом знаменитого Пешотана Рама Камдэна, переписавшего рукопись М₆ в 1397 г.

Если бы можно было предположить, что в 1340 г. часть цифры в датировке колофона Дэнпанаха в МК еще не была съедена червем, то можно было бы реконструировать датировки обоих колофонов Дэнпанаха как 524 г. эры Йездигерда (вместо 324 или 624 г. эры Йездигерда). В таком случае, вместо цифры 3, оставшейся ко времени издания Джамаспджи Джамасп-Асаны, и цифры 6, предложенной Э. Уэстом, можно восстанавливать цифру 5, что не противоречит пехлевийской системе записи составных цифр (2+3). Тот же самый второй колофон из TD содержится также в рукописях JE и T₄, однако в дате там пропущено слово «тысяча», и она выглядит как 77 г. хиндустанской эры, что является явной ошибкой переписчиков. Не доверяя рукописи TD, Ш. Х. Ходивала выделяет четыре возможных прочтения даты колофона Дэнпанаха в соотношении с хиндустанской эрой Шака: 877 г. Шака = 324 г. эры Йездигерда, 977 г. эры Шака = 424 г. эры Йездигерда, 1077 г. Шака = 524 г. эры Йездигерда (как в TD), 1177 г. эры Шака = 624 г. эры Йездигерда (как восстановлено Э. Уэстом). Ходивала высказывает сильное недоверие к рукописи TD, называя ее «недавней копией, без даты или имени переписчика», что противоречит данным колофона из этой рукописи, согласно которым переписчиком ее был Камдэн Шахрийар (1340). Негативное отношение историка-парса к рукописи TD связано с тем, что в TD обнаруживается большое число добавлений и исправлений, искажающих, по его мнению, текст. Кроме того, во многих местах она отличается от рукописи МК и дает другие варианты прочтения (например, МК: ēn rōz «сегодня, в этот день», pahlomīhā «лучше, важнее», TD: īm rōz, rašomīhā, в этих примерах отражаются разные среднеперсидские диалекты, см.: [Pahlavi texts 1897: 51], Handarz ī dānāgān ō māzdēsānān). Предполагалось, что рукопись TD была небрежно переписана с МК. Однако рукопись TD сохранила лишь часть текстов сборника, что делает сравнение неполным, кроме того, в нее не вошел текст «Айадгар и Зареран». Аналогичного же мнения придерживался Б. Т. Анклесария, который хотя и полагал, что для исправления текстов этой рукописи использовалась рукопись более старая, чем МК, или копия рукописи более старой, чем МК, все же приходил к выводу, что интерполяции и исправления зачастую искажали текст рукописи. Б. Т. Анклесария также констатирует, что имя переписчика и дата написания рукописи неизвестны [The Pahlavi texts 1913: 12—13]. Таким образом, проблема датировки так называемого колофона «оригинала» рукописи остается до конца не разрешенной. Суммируя данные вышеприведенных колофонов, можно подвести следующие итоги:

Дэнпанах Адурбад Дэнпанах в течение одного года выполнил в Броаче две копии данного сборника рукописей. По мнению Б. Т. Анклесарии; это могло произойти в 956 г. (324 г. эры Йездигерда). Согласно вызывающим сомнение данным колофона из рукописи TD, это могло произойти в 1021 г. (1077 г. хиндустанской эры = 524 г. эры Йездигерда). По предположению Э. Уэста и мнению Ш. Х. Ходивалы, это могло произойти в 1255 г.

(624 г. эры Йездигерда). Последнюю датировку следует признать наиболее вероятной.

Не позднее 1278 г. основной список рукописи был переписан в Броаче или в Анклесаре иранским зороастрийцем Рустамом Михрабаном во время его приезда из Ирана к индийским парсам.

В 1321 г. рукопись своего предка переписал Михрабан Кай-Хосров, правнучатый племянник Рустама Михрабана, прибывший в Индию по приглашению одного из представителей купеческого парсийского рода Чахила. Причем первые шестнадцать текстов рукописи были переписаны им ко 2 июля 1321 г., а переписка всей рукописи была завершена к 10 октября 1321 г.

Приложение I

Колофоны рукописи МК

I — среднеперсидский колофон «Айадгар-и-Зареран» (приводится в рукописи JJ) [Pahlavi texts 1897: 16—17].

(Т р а н с к р и п ц и я)

1. Frazaft pad drōd šādīh ud rāmīšn. Wahišt bahrag bawād Wištāsp puhr *Lūrāspān ud Zarēr [ud] Bastwar Spandyād pad ham-ēwēn Frašāward [ud] *Jāmāsp<ān> Grāmīg-kard puhr Jāmāsp Pādxusraw Pādgīsū (?) kē xwad burd *nāmōmand.

2. *Harwīn wāspuhragān* yalān ēraxtarān gāhīh *abar bawād pad wahišt bāmīg pad a-sar rōšnīh nišēm[ī] warzāwandān.

3. *Harwīn* abzōn bawād kū ruwān anōšag bawād kū Dēn-panāh nibišt *ēd Šād pērōz bawād Šādān zād (*Šāhzād) puhr Šādān dārād.

4. *Farrōx-ē(w) (*Farrōxīh) bawād tā hazārān sālān *yadān ī rōz Fraškard* āzād mān muḡān mān.

Колофон Михрабана Кай-Хосрова

5. *Harwīn* xīr abzōn bawād kū-tān xwad be *abgan[ēd] Zīr kē xwānēd farrōx nibēg pad hunihādīh Rustam Mihrabān nām ayādēnēd kē-š *pacēn nibištāg būd man dēn-bandag Mihrabān Kay-Xusraw nibišt.

6. Kē xwānēd amā pad nekīh nām ayādēnēd. Pad tan-drustīh pad im gētīg āzād bē pad widardan ī tan nišēm warzāwandān. *Āwām *aburnāyīh az dēnīg frazandān kē būd ham nibištār andar *im* gētīg āzād. Wehān pērōz bawād watar pazdēm <dām> [bawād].

7. Pērōz ud *pērōzīh bawād dādār ī Ohrmazd namāz Zardušt ī Spētāmān kē āwurd dēn ī weh [ī] māzdēsnañ [ī] abēzag rawāg be kard pad ayārīh ī Wištāsp=šāh ud Zarēr ud Spandyād.

1. Завершено в здравии, радости и покое. Да станет рай уделом Виштаспы сына Лухраспа, Зарера и Баствара, и также Спандиада, Фрашаварда

и Джамаспа¹⁶, Грамиг-карда сына Джамаспа, Падхосрава и Падгису¹⁷, которые сами прославили свои имена.

2. Да будут высоки ранги всех принцев, героев и воинов, в лучезарном раю, в бесконечном (царстве) света, (почетные) места могущественных.

3. Да будет всем прибавление, так чтобы души стали бессмертными, ибо Дэнпанах написал: «Пусть этот Шад обретет победу, а Шахзад¹⁸ сын Шада сохранит!»

4. Да будет благословенен дом знатного и дом мага в течение тысяч лет вплоть до дня Фрашкард (Воскресения)!

5. Пусть все богатство приумножится, (хотя) сами вы его разбрасываете. Разумный человек, читающий эти благословенные писания с благим намерением, да помянет имя Рустама Михрабана, который переписал эту рукопись. Я, раб веры, Михрабан Кай-Хосров переписал ее.

6. Тот, кто прочтет (ее), пусть помянет меня добрым именем. В этом земном мире я в здравии тела знатен, а при переселении тела (в иной мир) обрету я (почетное) место могущественных. В период незрелости, я, (один) из детей веры, был в этом земном мире знатным писцом. Благим (зороастрийцам) да будет победа, плохим же (творениям) — поражение!

7. Пусть будет победителем и пусть одержит победу создатель Ормазд, поклон Заратуштре, сыну Спитама, который принес (эту) незапятнанную веру праведных маздаясницев и распространил ее с помощью царя Виштаспа, Зарера и Спандьяда.

II — среднеперсидский колофон Дэнпанаха¹⁹ [The Pahlavi texts 1913: 83].

(Т р а н с к р и п ц и я)

Ēn ayādgārīhā nibištāg būd ēstād pad māh [ī] Wāhūman ī andar sāl [ī] se sad wist ī cāhār rōz [ī] Day-pad-Ādur, dagr zīwād Dēn-panāh ī Ādurbād ī Dēn-panāh az bahr ī dagr zīwād Šā (h) -zād ī Šādān [ī] Farrōx [ī] Ohrmazd rāy kē-šān ruwān anōšag bawād. Andar Brūgač būd pad ātaxš-kadag.

Эти предания были написаны (переписаны) в месяц Вахман, в году 324, в день Дей-пад-Адур, Дэнпанахом, сыном Адурбада, сына Дэнпанаха — да будет он жить долго! — для Шахзада, сына Шада, сына Фарроха, сына Ормазда — да будет он жить долго! — чьи души да будут бессмертны! Были (эти предания) в Броаче, в храме огня.

¹⁶ В тексте поэмы о Фрашаварде говорится как о сыне царя Виштаспа, поэтому не представляется понятным, почему он в колофоне связывается с Джамаспом или родом Джамаспа («сын Джамаспа» или «из рода Джамаспа»), возможно, что здесь ошибка переписчика, так как нам не известно был ли у Джамаспа сын по имени Фрашавард.

¹⁷ Неизвестное нам имя, в тексте поэмы не упоминается. По-видимому, искаженное написание одного из имен братьев или сыновей Виштаспа.

¹⁸ В рукописи Šādān-zād puhg Šādān dārād «рожденный Шадом сын Шада сохранит», здесь налицо явное переосмысление переписчика, который пересказывает по памяти посвящения более ранних колофонов рукописи. Весь колофон, по-видимому, был составлен Михрабаном Кай-Хосровом в XIV в. Согласно колофону «оригинала» или колофону Дэнпанаха, рукопись была выполнена по заказу Шахзада сына Шада, поэтому «рожденный Шадом сын Шада» есть не кто иной как Шахзад сын Шада. Такое изменение текста могло появиться из-за схожести звучания и написания этих слов, не исключено, что переписчик сделал его сознательно.

¹⁹ В приводимых колофонах зороастрийские, индийские и мусульманские названия месяцев, дней и эр даются с прописной буквы.

IV-a — колофон списка, адресованного Чахилу ([The Pahlavi texts 1913: 168], приписка к предыдущему колофону).

Rōz [1] Day-pad-Mihr māh [1] Tīr ēn kurāsag az bahr [1] Čāhil nibišt ham. Har kē dārēd har kē xwānēd ōy rāy niyāgān ōy rāy wahišt-bahr arzānīg dārēd.

Я написал эту копию для Чахила в день Дей-пад-Михр месяца Тир. Каждый, кто ее хранит и кто ее читает, пусть сам и предки его будут удостоены рая.

Список дней поминания предков Чахила [The Pahlavi texts 1913: 169]:

Rōznāmag

Rōznāmag nibēsēm.

Māh Amurdād rōz Frawardīn — Sangān Čāhil.

Māh Day rōz Frawardīn — Čāhil Wahman.

Ādur māh Frawardīn rōz Wahman Bahrām.

Ādur māh Frawardīn rōz Wahman Bahrām Ādur Čāhil.

Māh Tīr rōz Anagrān Dahrag Čāhil.

Māh Day rōz Ādur Mālēn Sangān.

Пишем календарь (памятных дней):

Месяц Амурдад, день Фравардин — (день памяти) Сангана Чахила,

Месяц Дей, день Фравардин — (день памяти) Чахила Вахмана,

Адур месяц, Фравардин день — (день памяти) Вахмана Бахрама,

Адур месяц, Фравардин день — (день памяти) Бахрама Адур Чахила,

Месяц Тир, день Анагран — (день памяти) Дахраг Чахил (Дахрага Чахила?),

Месяц Дей, день Адур — (день памяти) Малэн Санган.

Санскритский колофон рукописи МК (сохранившийся только в рукописи JJ, согласно персидской приписке переписчика, перевод с санскрита, опубликованный Б. Т. Анклесарией, The Pahlavi texts 1913: 169).

В году 1377 эры В, в среду, в 14-й день месяца Карттика, соответствующего дню Фравардин месяца Адар 690 г. эры Йездигерда, парсийский жрец Михрабан, прибывший из Персии по письменному приглашению, изложенному в весьма почтительных выражениях, написал эту книгу «Шахнаме Гуштаспа», «Панднама Адурбада Мараспанда», в память о покойном Сангане, сыне покойного Чахила, в местности Тхана, во время восшествия

ствуют о вопросах праведности (гл. I), о посмертной судьбе праведной (гл. II) и грешной (гл. III) душ. Согласно Денкарду — это двадцатый наск Авесты эпохи Сасанидов (описание наска содержится в Денкарде, кн. 8, гл. 45). Текст Хадохт-Наска сохранился в кратком варианте на авестийском языке; имеется также среднеперсидское толкование этого текста (см.: [Miġ-Faxrūi 1371/1992]). Авестийская цитата, приводимая переписчиком, в тексте сохранившегося Хадохт-Наска отсутствует. В свое время еще Дармстетером было обращено внимание на то, что она часто встречается в зороастрийских колофонах. В полном виде это изречение присутствует в 72-м Ясне (см.: Ясна 72. 11).

aēišō pañtā yō ašahe / vīspe anīiaēšqm arañtqm / anrahe mainīiūš nasištqm / daēn qm daēišuīiasnanqm / parājītm mašīānqm frākəraītm.

Один есть путь — (это путь) праведности, все остальные (пути) — беспутье, которому следует разрушитель Ангра-Маинью, религия даэвапоклонников, людей, совершающих грех.

на престол Султана Гиясэдина. Пусть каждый, кто будет хранить и изучать эту книгу, поминает праведных предков покойного Чахила.

Санскритский колофон рукописи МК (перевод Х. М. Бхадкамкара, см.: [Hodivala 1920: 124]).

В Самват 1377 г., в среду, Картика Суди 14-го, в день Фравардин месяца Адар парсийского 690 г., сегодня, здесь, в Тхане, на берегу моря, во время, когда Султан Гиясэдин устанавливал свою власть, парсийский купец Чахил, сын парсийского купца Сангана, отправив письмо, полное любезностей, и гонорар для написания рукописи, тем самым побудил парсийского жреца Михрабана переписать эту книгу для него, который прибыл из Ирана. Кто бы ни хранил или читал эту книгу «Шахнаме Гуштаспа» и «Панднама Адурбада Мараспанда», пусть воздаст должное купцу Чахилу и также его предкам, чьи души были освобождены.

Колофон Дэнпанаха из рукописи TD (The Pahlavi texts Introduction 1913: 5)

Ēn ayādgarīhā nibištāg būd ēstād pad māh [ī] Arda-Wahišt ī sāl [ī] hazār [ud] haftād [ud] haft [ī] Hindūstānīg rōz ī Gōš. Dagr zīwād Dēn-panāh ī ḍdurbād ī Dēn-panāh az bahr ī dagr zīwād Šā (h) -zād ī Šādān ī Farrōx [ī] Ohrmazd rāy kē-šān ruwān anōšag bawād. Andar Brūgač būd šāgird-kadag nibišt. Frazaft. Man dēn-bandag Kām-dēn ērbad-zād ērbad Šahryār ērbad Nēryōsang ērbad Samand nibišt.

Эти предания были переписаны в месяц Арда-Вахишт, в году 1077 хиндустанской эры, в день Гош, Дэнпанахом, сыном Адурбада, сыном Дэнпанаха — да будет он жить долго! — для Шахзада, сына Шада, сына Фарроха, сына Ормазда — да будет он жить долго! — чьи души пусть будут бессмертны! И были (эти предания) переписаны в Броаче, в школе. Завершено. Я, раб веры, Камдэн, родившийся эрбадом, сын эрбада Шахрийара, сына эрбада Нэрийосанга, сын эрбада Саманда, переписал (их).

Рукопись JJ

Рукопись JJ была переписана с рукописи МК дастуром Джамшид Джамасп Аса в порту Навсари (Гуджарат) в 1767 г.²¹ По данным Б. Т. Анклесарии, она входит в состав коллекции Манекджи Лимджи Хатария, принадлежавшей попечителям Нью-Аташ-Бахрама в Бомбее. Рукопись состоит из 172 листов, первые 73 листа содержат копию пазендской версии Бундахишна. Копия рукописи МК начинается с 77-го листа. Первый краткий персидский колофон (I) помещен переписчиком в начало рукописи, в нем перечисляются входящие в состав рукописи сочинения — «Бундахишн», «Панднама Адурбада», «Шахнаме» и другие. В персидском колофоне (II) и в среднеперсидском колофоне (III), помещенных после «Бундахишна», говорится, что дастур Джамшидджи²², сына Джамасп-

²¹ По мнению Э. Уэста, эта копия была выполнена в 1721 г. [West 1904: 111].

²² Суффикс *-джи*, прибавляемый к именам индийских зороастрийцев, как отмечает Б. Т. Анклесария, вошел в употребление с 1309 г. [The Pahlavi texts 1913: 9].

джи, сына Асаджи, сына Фаридунджи, завершил работу над рукописью в поселке Навсари 28 марта 1767 г. (13 шахривара 1136 г. эры Йездигерда, в 1180 г. эры хиджры и 1823 г. индийской эры). В персидском (IV) и санскритском колофонах, помещенных в конце рукописи, указывается более ранняя дата завершения рукописи, в частности, в них говорится, что переписка рукописи, состоящей из «Шахнаме Гуштаспа», «Панднама Адурбада, сына Марасфанда» и других сочинений, завершена в том же самом месте 16 марта 1767 г. (1 шахривара 1136 г. эры Йездигерда, 14 шаввала 1180 г. эры хиджры). Исходя из данных этих колофонов, можно заключить, что Джамшид Джамасп Аса подготовил рукопись в два этапа: сначала он сделал копию рукописи МК, работа над которой завершилась 16 марта 1767 г. Переписку пазендской версии «Бундахишна» он осуществил в течение последующих тринадцати дней, до 28 марта 1767 г., возможно, текст «Бундахишна» был вписан в специально оставленные чистыми 72 листа от начала рукописи, этим объясняется наличие лакуны в 3 листа между текстом «Бундахишна» и копией рукописи МК (folios 73—77). Полагаясь на данные персидского (IV) и санскритского колофонов, Б. Т. Анклесария пришел к выводу о том, что датой завершения рукописи следует считать 16 марта 1767 г., это совершенно справедливо для копии с рукописи МК. Несоответствия датировок в остальных колофонах оставлены им без объяснения. Нами установлено, что датировка 28 марта 1767 г. относится к окончанию переписки пазендской версии «Бундахишна», так как завершают этот текст колофоны именно с этой датировкой.

Характеризуя особенности письма Джамшида Джамасп Аса, Бахрамгор Анклесария обращает внимание на то, что этот переписчик часто путает идеограммное написание союзов и окончания глаголов. Часто он заменяет идеограммное написание на простое.

Приложение II

Колофоны рукописи JJ

I — краткий персидский колофон из рукописи JJ (на первой странице рукописи [The Pahlavi texts 1913: 9]).

Īn kitāb-i Bundahišn va Pandnāma-yi Ādurbād va Šahnāma va qaira nivīšta-yi dastūr Jamšīd bin Jāmāsp bin Āsā bin Farīdūn sākīn-i qasaba-yi Nawsārī laqab-i Bhaḡarīa pa yazdān kām bād.

Эта книга, (содержащая) «Бундахишн», «Панднама Адурбада», «Шахнаме» и другие (сочинения), переписана дастуром Джамшидом, сыном Джамаспа, сыном Аса, сыном Фаридуна, жителя поселка Навсари, по прозвищу Бхагария²³, да будет (все) по воле Бога!

²³ С XIII в. Гуджарат был поделен зороастрийскими жрецами на пять жреческих групп — *пантх*. В портовом поселке Навсари обосновалась жреческая группа *бхагариев* ('дольщиков'), поэтому парсы стали называть его также Бхагарией [Бойс 1994: 197].

II — краткий персидский колофон рукописи JJ (fol. 72. [The Pahlavi texts 1913: 9]).

Al-kātib dastūr Jamšīdjī valad-i Jāmāspjī ibn-i Āsājī sākin-i qasaba-yi Nawsārī rūz-i Tīr mäh-i Šahrīvar sinna-yi 1136 Yazjirdī tamām šud mutābiq-i sana-yi 1180 hijrī muvāfiq-i Sanvat-i 1823 Hindī.

Переписчик (этой рукописи) дастур Джамшиджи, сын Джамаспджи, сын Асаджи, проживающий в поселке Навсари. Завершено в день Тир месяца Шахривар 1136 г. эры Йездигерда, что соответствует 1180 г. эры хиджры и что соотносится с Санватом 1823 г. индийской (эры).

III — среднеперсидский колофон рукописи JJ (fol. 73a [The Pahlavi texts Introduction 1913: 9—10]).

Frazaft pad drōd ud šādīh ud rāmišnīg andar rōz ī Tīr ud mäh [ī] Šahrewar sāl [ī] 1136 šāhān šāh Yazdgirdīg padīrift šahryār. Kātib al-hurūf man dēn-bandag dastūr zād dastūr Jamšīd pus [ī] dastūr Jāmāspzī pus [ī] Āsāzī pus [ī] Farīdūnzī andar kasabag [ī] Nawsārīg. Har kē xwānēd āfrīn bē (ba) ōy ī ēn dēn-bandag kunēd. Pad Yazdān ud amahraspandān kāmag bawād ēdōn bawād ēdōntar bawād pērōz bawād xwarrah [ī] abēzag [ī] weh dēn [ī] māzdēsān.

Завершена (эта книга) в здравии, радости и умиротворении в день Тир месяца Шахривар 1136 г. эры, принятой шахиншахом (царем царей) государем Йездигердом. Пишущий эти строки, я, раб веры, рожденный дастуром, дастур Джамшид, сын дастура Джамаспджи, сына Асаджи, сына Фаридунджи, в поселке Навсари. Каждый, кто будет читать (ее), пусть вознесет хвалу этому рабу веры. Да будет (все) по воле Бога и амахраспандов (Бессмертных Святых)! Да будет так! Да будет так еще более! Да обретет победу священный фарн благой веры маздаяснийской!

IV — персидский колофон рукописи JJ [The Pahlavi texts 1913: 170].

Tamām šud īn kitāb-i ūzvāriš-i Šahnāma-yi Guštāsp va Pandnāma-yi Ādurbād bin Mārāsfand va qayra ba dastxatt-i az‘af-i ‘ibād kamtarīn-i dastūrān dastūr Jamšīd bin dastūr Jāmāsp ibn Āsā valad-i Farīdūn sākin-i qasaba-yi Nawsārī rūz-i Ūrmīzd mäh-i Šahrīvar sana-yi 1136 Yazdjirdī mutābiq-i čahārdahum-i šavvāl-i sana-yi 1180 hijrī har ki xwānad du‘ā rasānad ra yazdān kām bād.

Завершена эта книга, (написанная письмом) узвариш (и состоящая из) «Шахнаме Гуштаспа», «Панднама Адурбада, сына Марасфанда» и других (сочинений), рукою самого слабого из рабов божьих, ничтожнейшего из дастуров дастура Джамшида, сына дастура Джамаспа, сына Аса, сына Фаридуна, жителя поселка Навсари, в день Урмизд месяца Шахривар, года 1136 эры Йездигерда, соответствующего четырнадцатому Шавваля 1180 г. эры хиджры. Каждый, кто будет читать, пусть помолится, да будет (все) по воле Бога!

**Состав рукописного сборника МК по изданию дастура
Джамаспджи Миночехрджи Джамасп-Асаны**

(Критическое издание сводного текста дастуrom Джамаспджи Миночехрджи
Джамасп-Асаной (22 янв. 1830—26 сент. 1898))

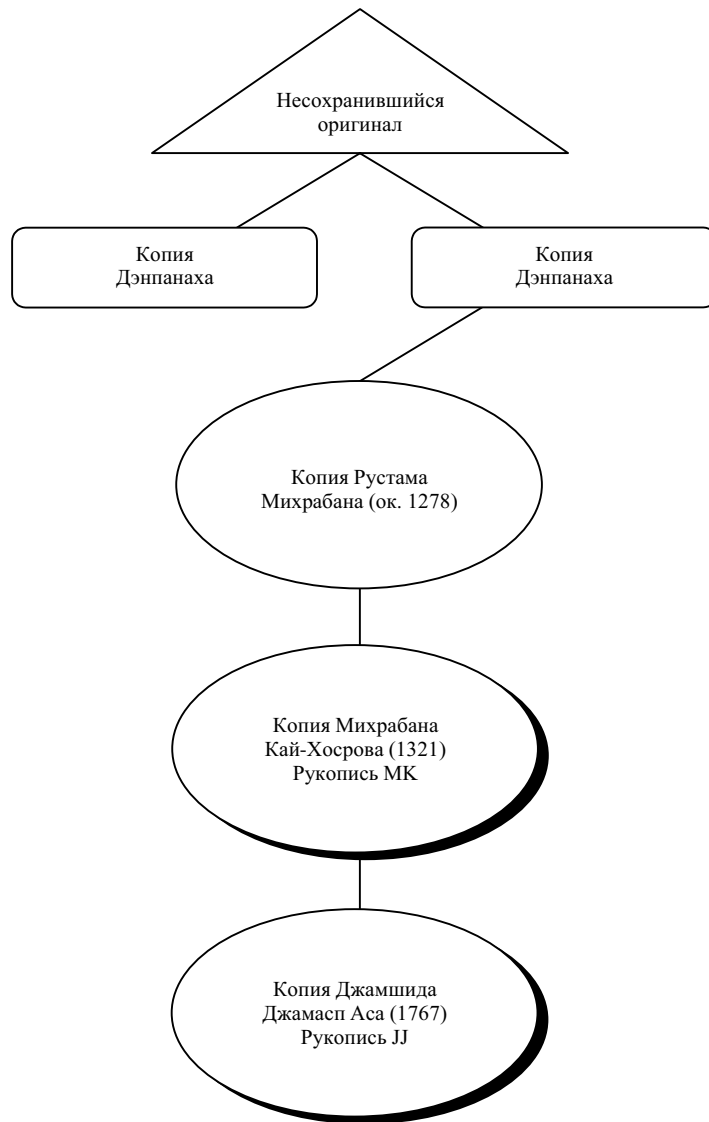
- 1) Ayādgār ī Zarērān — «Памятная книга о Зарере, Сказание о Зарере» (с. 1—16).
- 2) Колофон (с. 16—17).
- 3) Šahrīhā (*Šahrestānīhā) ī Ērān — «Города Ирана» (с. 18—24).
- 4) Abdīh ud sahgīh ī Sīstān — «Чудеса и достопримечательности Систана» (с. 25—26).
- 5) Husraw ī Kawādān ud rēdag-ē — «Хосров, сын Кавада, и паж» (с. 27—38).
- 6) Handarzīhā ī rēšēnīgān — «Наставления предков» (с. 39—40). Четыре наставления, со слов: а) Xwāstag ī tan-drustīh weh — «Обладание здоровьем — хорошо» (с. 39); б) Pad dād ud dēn raftan — «(Следует) поступать справедливо и согласно вере» (с. 39); в) Pad dard ast kē xrad nē dārēd — «В страданиях тот, у кого нет разума» (с. 40); г) Dānāgīh rāy tāg nēst — «Знанию нет равного» (с. 40).
- 7) Čīdag handarz ī pōryōtkēšān — «Избранные наставления первых учителей» (с. 41—50).
- 8) Handarz ī dānāgān ō māzdēsna — «Наставление мудрецов мазда-снийцам» (с. 51—54).
- 9) Handarz ī Husraw ī Kawādān — «Наставление Хосрова, сына Кавада» (с. 55—57).
- 10) Handarz ī anōšag ruwān Ādurbād Māraspandān — «Наставление бессмертного Адурбада, сына Мараспанда» (с. 58—71).
- 11) Фрагмент со слова: Menišn... — «Мысль, мышление» (с. 72).
- 12) Handarz ī Wehzād Farrox Pērōz — «Наставление Вехзад Фаррох Пероза» (с. 73—77).
- 13) Фрагмент со слов: Kirbag kardan rāy... — «Ради совершения благодеяния...» (с. 78).
- 14) Фрагмент со слов: Rādīh kardan... — «Проявлять благородство...» (с. 78—79).
- 15) Saxwan [ī] ēw-čand [ī] Ādur-Farrōbag Farroxzādān guft — «Несколько слов Адур-Фарробага, сына Фаррохзада» (с. 79—80).
- 16) Wāzagīhā ī Baxt-Āfrīd ud Ādurbād ī Zarduštān — «Изречения Бохт-Африда и Адурбада, сына Зардушта» (с. 81—82).
- 17) Nīhišn ī čīš ī gētīg — «Изложение земных вещей» (с. 82).
- 18) Колофон (с. 83).
- 19) Колофон (с. 83).
- 20) Nērang ī zahr bastan — «Заклинание о снятии действия яда (вредных существ — храфстр)» (с. 84).

- 21) Kārnāmag ī Ardaxšīr ī Pābagān — «Книга деяний Ардашира, сына Папака» (листы 74в—108а рукописи МК)²⁴.
- 22) Ayādgar ī Wuzurgmīhr — «Памятная книга о Вузургмихре» (с. 85—101).
- 23) Māh ī Frawardīn rōz ī Hordād — «Месяц фравардин, день хордад» (с. 102—108).
- 24) Draxt ī Āsōrīg — «Ассирийское дерево» (с. 109—114).
- 25) Wizārišn ī čatrang ud nihišn ī nēw-Ardaxšīr — «Разгадка шахмат и изобретение нарда» (с. 115—120).
- 26) Handarz ī dastwarān ō weh-dēnān — «Наставление дастуров благоверным (зороастрийцам)» (с. 121—127).
- 27) Фрагмент из Mādayān [ī] sīh rōzag — «Книги о тридцати днях» (календарь памятных дат, с. 128).
- 28) Abar ranj xēm ī āsrōnān — «О пяти характерных чертах жрецов» (с. 129—131).
- 29) Abar ēwēnag [ī] nāmag nibēsišnīh — «О способах написания писем» (с. 132—140).
- 30) Abar raymānag ī kadag-xwadāyīh — «О бракосочетании знати» (образец пехлевийского брачного контракта, с. 141—143).
- 31) Wāzag [ī] ē[w]-čand ī Ādurbād ī Māraspandān — «Несколько изречений Адурбада, сына Мараспанда» (с. 144—153).
- 32) Dārīg ī hunsandīh — «Лекарство удовлетворения» (с. 154).
- 33) Abar stāyēnīdārīh ī sūr āfrīn — «О порядке произнесения застольной речи» (с. 155—159).
- 34) Abar madan ī šāh Wahrām ī warzāwand — «О прибытии могущественного царя Бахрама» (с. 160—161).
- 35) Abar xēm ud xrad ī farroxmard — «О характере и разуме счастливого человека» (с. 162—167).
- 36) Колофон (с. 167—168).
- 37) Rōznāmag — «Список дней (поминания потомков Чахила)» (с. 169).
- 38) Санскритский колофон (с. 169).
- 39) Текст того же самого заклинания²⁵ (с. 180, ср. с. 84).
- 40) Персидский и санскритский колофон рукописи JJ (с. 180).

²⁴ Джамасп-Асана не включил этот текст в свое издание, т. к. над ним отдельно работал Эдлалджи Кересаспджи Антия и издал его в 1890 г.

²⁵ Это заклинание датировано днем хурдад месяца спандармад 752 г. эры Йездигерда, что соответствует 11 декабря 1383 г.

Stemma Codicum

Литература

- Бойс 1994: *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб.
- Иностранцев 1909: *Иностранцев К. А.* Персидская литературная традиция в первые века ислама. СПб.
- Иностранцев 1916: *Иностранцев К. А.* Переселение парсов в Индию и мусульманский мир в половине VIII века // Зап. вост. отд. Императ. Рус. археологического общества. Т. 23. Пг.
- Орбели и др. 1936: *Орбели И., Тревер К., Шатранг.* Книга о Шахматах. Л.
- Чунакова 1987: Книга деяний Ардашира сына Папака / Транскр. текста, пер. со среднеперс., введ., коммент. и глоссарий О. М. Чунаковой. М.
- Чунакова 1991: Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты / Введ., транскр. текстов, пер., коммент., указатели и глоссарий О. М. Чунаковой. М.
- Avesta 1886—1895: Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen, im Auftrag der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien / Hrsg. von Karl F. Geldner. Bd. I—III. Stuttgart.
- Bartholomae 1904: *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg.
- Boyce 1968: *Boyce M.* Middle Persian Literature // Handbuch der Orientalistik herausgegeben von B. Spuler. I Abteilung: Der nahe und der mittlere Osten Bd. IV: Iranistik. 2 Abschnitt: Literatur. Lieferung 1. Leiden; Köln: E. J. Brill. P. 31—66.
- Boyce 1983: *Boyce M.* Parthian writings and literature // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (2). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods, edited by E. Yarshater. Cambridge. P. 1155—1166.
- Hodivala 1920: *Hodivala Sh. H.* Studies in Parsi history. Bombay.
- Mir-Faxryi 1371/1992: *Mir-Faxryi M.* Barrasi-ye Hâdoxt-Nask. Tehrân.
- Modi 1899: *Modi J. J.* Aiyâdgâr-i-Zarirân, Shatrôihâ-i-Airân, and Afdiya va Sahigiya-i Sistân, translated with notes by J. J. Modi. Bombay.
- Monchi-Zadeh 1981: *Monchi-Zadeh D.* Die Geschichte Zarër's, ausführlich kommentiert von Davoud Monchi-Zadeh (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Indoeuropaea Upsaliensia. 4). Uppsala.
- 'Oriân 1371/1992: *'Oriân S.* Motun-e pahlavî, tarjome va âvânevešt. Tehrân.
- Pahlavi texts 1897: Pahlavi texts / Ed. by J. D. M. Jamasp-Asana. I. Bombay.
- Tavadia 1956: *Tavadia J. C.* Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig.
- The Pahlavi texts 1913: The Pahlavi texts, contained in the Codex MK copied in 1322 A. C. by the Scribe Mehr-Âwân Kaî-Khûsrû / Ed. by the late D. J. M. Jamasp-Asana. II, with an Introduction by B. T. Anklesaria. Bombay.
- West 1904: *West E.* Pahlavi Literature // Grundriss der Iranischen Philologie. Bd. 2. Lief. 3. Strassburg. P. 75—129.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ОТПАДЕНИЯ ХОРЕЗМА ОТ ДЕРЖАВЫ АХЕМЕНИДОВ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. С. Балахванцев (Москва)

В науке существуют различные точки зрения на время отделения Хорезма от ахеменидской Персии. Так, В. М. Массон полагает, что Хорезм стал независимым в начале IV в. до н. э. [Массон, Ромодин 1964: 71]. М. А. Дандамаев отмечает, что хорезмийцы перестали быть подданными персидского царя к концу правления Артаксеркса II [Дандамаев 1985: 248; 2004: 620], однако в других его работах употребляется более неопределенная датировка этого события: «при последних Ахеменидах» [Дандамаев, Луконин 1980: 107; Дандамаев 1989: 142]. В широких рамках IV в. до н. э. датируется отпадение Хорезма в работе С. Шервин-Уайт и А. Курт [Sherwin-White, Kuhrt 1993: 18]. Б. Я. Ставиский полагает, что выход Хорезма из состава Ахеменидской державы мог произойти на рубеже V и IV или в первой половине IV в. до н. э. [Ставиский 1998: 270]. Ю. А. Рапопорт относит завершающую стадию господства Ахеменидов в Хорезме к рубежу V и IV вв. до н. э. [Рапопорт 1998: 33]. Б. И. Вайнберг датирует обретение Хорезмом независимости серединой IV в. до н. э. [Вайнберг 1991: 24; 2004: 237]. И. В. Пьянков относит отпадение Хорезма от персов к рубежу V и IV вв. до н. э. [Литвинский, Пьянков 2004: 746]. Следует отметить и то обстоятельство, что некоторые исследователи вообще не упоминают о достижении Хорезмом независимости [Briant 1996], а другие никак это не датируют [Bivar 1983: 181].

Теперь, после краткого историографического обзора исследуемой проблемы, целесообразно перейти к анализу источниковой базы. Как известно, прямых данных о времени отпадения Хорезма в письменных источниках нет. Естественно, что в такой ситуации исследователи пытаются опереться на косвенные данные, прежде всего на упоминание хорезмийцев в ахеменидских памятниках. При этом необходимо иметь в виду, что отпадение той или иной страны от персов вовсе не приводило к немедленному возвращению ее уроженцев на историческую родину с одновременным исчезновением любых упоминаний о них в ахеменидских источниках. Тем не менее, такая попытка сможет принести определенную пользу, но только при соблюдении одного условия *sine qua non*: весь корпус этих данных должен быть тщательно выверен, что, к сожалению, де-

ляется не всегда. Так, в известной работе М. А. Дандамаева и В. Г. Луконина без точной ссылки на источник утверждается, что хорезмийцы упоминались в табличках из Персеполя [Дандамаев, Луконин 1980: 281]. О работе хорезмийцев на строительстве Персеполя пишет и Ю. А. Рапопорт [Рапопорт 1998: 33]. Однако данное мнение не имеет под собой никакой почвы и является, безусловно, ошибочным¹. В самом деле, хотя М. Майрхофер действительно отмечает в своей работе [Maughofer 1973: 33] соответствие между эламским Ma-ra-iš-mi-iš и древнеперсидским U-v-a-r-z-mi-i-š, но в собранном и обработанном им огромном ономастическом материале из Персеполя хорезмийские имена отсутствуют [Maughofer 1973: 121—258]. В глоссарии «ахеменидского эламитского», составленном Р. Халлоком, употребление хоронима Marašmiš (др.-перс. Uvārazmī) и соответствующего этнонима отмечается только в царских надписях [Hallock 1969: 725a]². Точно такое же положение дел фиксирует и эламско-немецкий словарь [Hinz, Koch 1987: 876—877].

Таким образом, после исключения из рассмотрения «табличек крепостной стены» и документов сокровищницы из Персеполя, в нашем распоряжении остаются лишь следующие данные. *Первое*. Хорезмийцы упоминаются в арамейских документах, обнаруженных при раскопках в Саккаре (Египет) и имеющих отношение к расположенной в Мемфисе корабельной верфи [Aimé-Giron 1931: № 27, 28]. В настоящее время эти тексты относят ко второй половине V в. до н. э. [Porten, Yardeni 1999: 105]. *Второе*. В двух найденных в Элефантине (Египет) арамейских папирусах [Cowley 1923: 16, 22] упоминается хорезмиец Даргаман, сын Харшина. Первый папирус (AP 6) датируется 21-м годом [Ксеркса] и годом восшествия на престол Артаксеркса, что соответствует 464 г. до н. э. [Grelot 1972: 174]³. Второй папирус (AP 8) из-за допущенной писцом ошибки датируется 5-м или 6-м годом Артаксеркса, т. е. 460/459 г. до н. э. [Grelot 1972: 178]. *Третье*. Хорезмийцы упоминаются в четырех документах, происходящих из Вавилонии. К сожалению, самый поздний из них датируется 505 г. до н. э. [Zadok 1977: 112—113; Dandamayev 1992: 164—165]. *Четвертое*. Хорезмиец фигурирует в надписи A?P из царской гробницы V в Персеполе [Kent 1953: 114, 155—156]. Эта надпись представляет собой

¹ Пользуясь случаем, заметим, что такой же ошибкой является утверждение М. А. Дандамаева о якобы имевшем месте превращения Согдианы из сатрапии в союзницу персов [Дандамаев, Луконин 1980: 107; Дандамаев 1985: 248; 1989: 142; 2004: 620].

² Принимая во внимание тот факт, что среди царских *курташ* присутствовали бактрийцы (PF 1947) и согдийцы (PF 1118, 1132, 1175, 1629), отсутствие хорезмийцев можно объяснить не относительной удаленностью их страны от Персеполя, а, очевидно, тем, что в конце VI—первой половине V в. до н. э. в Хорезме еще не было своих высококвалифицированных ремесленников, в которых прежде всего и нуждалось дворцовое хозяйство.

³ Другие исследователи предлагают датировать документ 465 г. до н. э. [Cowley 1923: 15—16; Bogoliubov 1974: 110, п. 8]. Следует заметить, что отнесение Б. Я. Стависким Даргамана к концу V в. до н. э. [Ставиский 1963: 208] является несомненной ошибкой, на что уже обращалось внимание в литературе [Савельева, Смирнов 1972: 121—122, примеч. 70]. К сожалению, недавно Б. Я. Ставиский вновь повторил ту же ошибку [Ставиский 1998: 263].

список из тридцати названий народов, каждое из которых соотнесено с определенной фигуркой носителя трона. Долгое время было неясно, принадлежала ли гробница V Артаксерксу II или его сыну Артаксерксу III. Однако теперь установлено, что гробница относится к Артаксерксу II [Schmidt 1970: 99—103; Calmeyer 1975: 111; Vogelsang 1992: 104, 136], умершему в декабре 359 г. до н. э. В литературе этой надписи не повезло: ее либо просто игнорировали [Cook 1985: 245], либо фактически исключали из анализа под предлогом, что А?Р копирует аналогичный текст из гробницы Дария I [Vogelsang 1992: 96]. Разумеется, согласиться с таким подходом нельзя. А?Р высечена на стенах царской гробницы и является официальным документом, а не копией, сделанной неким любознательным писцом. Однако для правильной оценки содержащейся в надписи информации ее надо сопоставить с данными других источников.

В А?Р среди представителей входящих в состав державы Артаксеркса II народов⁴ присутствуют египтянин, сак-парадрайя, житель Скудры, ливиец, эфиоп. Однако нам хорошо известно, что Египет отпал от Ахеменидов еще в 402 г. до н. э., и в 359 г. до н. э. страной управлял фараон Нектанеб II [Bresciani 1985: 512, 525]. Естественно, что в такой ситуации в подчинении у персов не могли находиться ни ливийцы, ни эфиопы. Крайне недолгим было и господство Ахеменидов во Фракии (Скудре) [Cook 1985: 266—267]. По свидетельству Геродота, персы после поражения Ксеркса потеряли всю Фракию за исключением лишь одного города — Дориска, который они удерживали и в правление Артаксеркса I (Hdt. VII. 106). В последней четверти V в. до н. э. от персидского господства во Фракии не осталось и следа. О признании власти персов саками-парадрайя (заморскими, или европейскими, скифами) после Дария I говорить также не приходится.

Таким образом, А?Р отражает не реальную административно-политическую картину державы Артаксеркса II⁵, а ее официальное представление о себе. Что бы ни происходило, какие бы страны и народы ни отпадали, империя мыслила себя вечной и неизменной⁶. Следовательно, упо-

⁴ Странно, что некоторые авторы, относя А?Р к Артаксерксу II, тем не менее считают, что при последнем хорезмийцы стали уже не подданными, а союзниками Ахеменидов [Рапопорт 1998: 33], или видят в упоминании хорезмийцев свидетельство существования в позднеахеменидскую эпоху «довольно свободных» отношений между ними и персидским царем [Vogelsang 1992: 242]. Характер самой надписи не дает никаких оснований для подобного рода выводов.

⁵ В литературе уже обращалось внимание на то обстоятельство, что ахеменидские надписи игнорировали факты отпадения от империи тех или иных территорий [Shahbazi 1982: 223, n. 157; Bosworth 1995: 148].

⁶ Заметим, что для достижения впечатления о вечности и неизменности державы царские надписи оперировали не сатрапиями, число и границы которых постоянно менялись, а списком не совпадавших с сатрапиями [Cameron 1975: 84, n. 23; Vogelsang 1992: 173] *dahyu*, т. е. стран / народов [Cameron 1973: 48—49], который был окончательно, несмотря на поправки Ксеркса, сформирован еще в DN — надписи из гробницы Дария I. Этой же цели служило и ахеменидское дворцовое искусство, которое после Дария I вполне сознательно избегало сцен, связанных с новыми завоеваниями и подавлением народных восстаний: ничто — даже в скрытой форме — не должно было намекать подданным Великого Царя ни на существование независимых от Ахеменидов стран вне империи, ни на возможность сопротивления власти внутри нее.

минание хорезмийца в источнике такого рода ни в коей мере не может служить доказательством того, что в конце правления Артаксеркса II Хорезм все еще находился под властью Ахеменидов.

Теперь, после анализа собственно ахеменидских источников, обратимся к античной нарративной традиции, точнее, к толкованию тех данных о Хорезме, которые содержались в дошедшей до нас только во фрагментах «Персике» Ктесия Книдского. В отечественной науке большой популярностью пользуется высказанная И. В. Пьянковым с опорой на Ктесия идея, будто в конце V в. до н. э. Хорезм стал отдельной сатрапией [Итина, Рапопорт 1974: 639; Рапопорт 1998: 33]. Считается, что здесь данные письменных источников хорошо подтверждаются наличием недостроенной сатрапской резиденции на городище Калалы-гыр I [Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963: 141—142]. Какие же аргументы выдвигаются в поддержку данной гипотезы?

И. В. Пьянков рассуждает следующим образом: по Ктесию история Азии представляет собой последовательную смену Ассирийского, Мидийского и Персидского царств. Начиная с первого царя-завоевателя Нина и его сына Ниния, царство «Азия» пребывало неизменным в своих границах и состояло из тех же самых сатрапий, с тем же административным устройством. А поскольку Ктесий не имел для восстановления истории ассирийских, мидийских и ранних персидских царей никаких объективных данных, то ему пришлось проецировать в далекое прошлое события, дворцовые порядки и административное устройство Персии времен Артаксеркса II. Так, И. В. Пьянков, в частности, предположил, что перечисляемые Ктесием в рассказе о завоеваниях Нина и смерти Кира народы, в числе которых находятся и хорамнии (хорасмии)⁷, совпадают со списком сатрапий Артаксеркса II [Пьянков 1965: 38, примеч. 20; 1975: 17, 24].

Что можно заметить по данному поводу? Само по себе предположение о проецировании Ктесием картины административной структуры времен Артаксеркса II на более древние эпохи вполне имеет право на существование. Вместе с тем не менее правдоподобной выглядит и альтернативная версия: в своих сочинениях Ктесий столь произвольно соединял заимствованные из жизни факты и собственные выдумки, что для реконструкции окружающей его реальности эти комбинации оказываются абсолютно бесполезными. Решить же, какое из двух предположений лучше соответствует действительности, можно лишь путем сравнения списка народов, покоренных Нином и получивших административное устройство от его сына Ниния, с данными о сатрапиях Артаксеркса II, происходящими из независимых от Ктесия и более *достоверных* источников. Необходимость последнего обусловлена тем, что Ктесий имеет в науке крайне дурную репутацию, а специфическая информация, которую он дает, обычно является полностью ложной [Дьяконов 1956: 22—28; Cook 1985: 205—206].

К сожалению, И. В. Пьянков этой проверкой полностью пренебрег, и поэтому нам придется выполнить ее сейчас. В списке покоренных Нином

⁷ Возникновение общепринятой формы Χωράσμοι из Χωράμιοι объясняется переходом -μν в -σν, характерным для аттического народного говора [Schmitt 1979: 132].

стран и народов (Diod. II. 2. 3)⁸ обращают на себя внимание Египет, припонтийские варвары, обитающие вплоть до Танаиса⁹, и кадусии. Как известно, Египет был потерян персами в самом начале правления Артаксеркса II. До Танаиса владения Ахеменидов никогда не доходили, а при Артаксерксе II возвращавшиеся на родину эллинские наемники Кира Младшего не обнаружили никаких следов персидского господства даже в Юго-Восточном Причерноморье. Что же касается кадусиев, которых И. В. Пьянков включает в состав мидийско-армянской топархии времен Артаксеркса II [Пьянков 1965: 49], то они, по данным Ксенофонта (Xen. Hell. II. 1.13), еще в 405 г. до н. э. отпали от Дария II. Свою независимость кадусии сохраняли и при Артаксерксе II (Diod. XV. 8.5, 10.1; Plut. Art. 24—25), и подчинить их удалось только Артаксерксу III (Just. X. 3. 2—3). И хотя Плутарх упоминает об участии предводителя кадусиев Артагерса в битве при Кунаксе на стороне Артаксеркса II (Plut. Art. 9), этот факт вряд ли сможет свидетельствовать против того, что на протяжении всего правления Артаксеркса II кадусии сохраняли свою независимость [Cook 1985: 256]. Дело в том, что на стороне Артаксеркса II против его мятежного брата Кира Младшего сражались и египтяне (Xen. Anab. I. 8. 9), хотя Египет к 401 г. до н. э. уже отпал от державы Ахеменидов. Очевидно, что эти египтяне принадлежали к числу размещенных в районе Ниппура [Zadok 1977: 126] военных колонистов (ср.: [Tuipin 1987: 221]). Видимо, и упоминаемые Плутархом кадусии обладали таким же статусом.

Данное обстоятельство ставит под удар мнение И. В. Пьянкова о том, что упоминаемые Ктесием в рассказе о временах Нина или Кира Старшего народы точно отражают список сатрапий Артаксеркса II. После этого становится очевидным, что подозревать Ктесия в сознательном или бессознательном ограничении своих «археологических» фантазий тесными рамками современной ему административно-политической структуры¹⁰ столь же нелепо, как полагать, будто Змей Горыныч из русских былин списан с одного из реальных представителей фауны южнорусских степей XI—XII вв. Мы еще раз вынуждены признать, что Ктесий, учитывая время его жизни, был достойным предшественником барона Мюнхгаузена. Страдая патологическим тщеславием и обладая весьма преувеличенным мнением о значении собственной личности, что отмечалось еще самими древними (Plut. Art. 13), Ктесий вполне мог толкнувшего его на царском

⁸ Многие исследователи полагают, что отнюдь не весь этот список принадлежит непосредственно Ктесию [Calmeyer 1982: 180, Anm. 232].

⁹ Судя по контексту, под Танаисом здесь — вопреки И. В. Пьянкову [Пьянков 1982: 34] — подразумевается Дон, а вовсе не Сырдарья.

¹⁰ Заметим, что данные Ктесия еще менее применимы для реконструкции административного деления империи Кира Старшего. И хотя И. В. Пьянков пытался доказать, что младший сын Кира Бардия (Таниоксарк) властвовал над Карманией, Бактрией, Парфией и Хорезмом [Пьянков 1965: 37], это кажется абсолютно невероятным. В самом деле, как мог Бардия одновременно править в этих столь отдаленных друг от друга и ничем не связанных между собой странах, когда Кармания даже не имела общей границы ни с Бактрией, ни с Парфией [Briant 1996: 914]. Не вернее ли будет предположить, что Ктесий в своих фантазиях не желал считаться с реальной географией Восточного Ирана или же он просто ее не знал?

приеме копыеносца или обнесшего его на пиру кубком виночерпия сделать на страницах своего произведения сатрапом даже несуществующей сатрапии с тем, чтобы впоследствии за измену царю фигурально «содрать с него живьем кожу».

Что же касается «археологической» составляющей гипотезы о превращении Хорезма в отдельную сатрапию, то необходимо принять во внимание следующий факт: во многих крупных персидских сатрапиях, объединявших в своем составе несколько областей, существовало несколько резиденций — дворцов сатрапов, которые располагались не только в административных центрах, но и в других городах. Так, в сатрапии Кира Младшего дворец находился не только в Лидии (Plut. Lys. 6), но и во фригийских Келенах (Xen. Anab. I. 2.7). Наряду с этим дворцы сатрапов могли находиться и в сельской местности (Xen. Anab. I. 4.10; IV. 4.2; id. Hell. IV. 1.15, 33). Поэтому незаконченная постройка дворца на городище Калалы-гыр 1 сама по себе еще не может служить свидетельством в пользу организации отдельной хорезмийской сатрапии.

Ввиду того что наши источники не содержат даже косвенной информации о дате независимости Хорезма и позволяют лишь предположить, что эта страна во второй половине V в. до н. э. все еще принадлежала Ахеменидам, нам придется при ответе на этот вопрос основываться прежде всего на анализе общеполитической ситуации в персидском царстве в последней четверти V—середине IV в. до н. э. Уже в правление Дария II Нота (424/423—404 до н. э.) империю стали сотрясать многочисленные мятежи сатрапов и восстания покоренных народов. Наиболее «проблемным» регионом для персов стала в целом спокойная прежде Малая Азия. Сначала поднял восстание сатрап Лидии Писсуфн¹¹, после поражения которого эстафетную палочку в 413 г. до н. э. подхватил его сын Аморг в Карии (Thuc. VIII. 5. 5, 28. 3). В 410/409 г. до н. э. восстала Мидия — одна из важнейших областей державы Ахеменидов (Xen. Hell. I. 2. 19). И хотя это восстание было подавлено в том же году, восставшим вслед за мидийцами кадусиям удалось добиться значительно больших успехов. К концу V в. до н. э. от персов отпали также писидийцы и мисийцы, а попытки Кира Младшего покорить их не дали заметных результатов (Xen. Anab. I.1.11, 2. 1, 9.14; II. 5. 13). Не подчинялись персам и ликаонцы (Xen. Anab. III. 2. 23). Около 405 г. до н. э. в Египте восстал Амиртей, и к 401 г. до н. э., несмотря на еще уцелевшие в Верхнем Египте персидские гарнизоны, эта страна была потеряна для Ахеменидов (Xen. Anab. II. 1. 14).

В 401 г. до н. э. против Артаксеркса II выступил его родной брат Кир Младший. И хотя попытка последнего овладеть тронem не имела успехов, даже гибель Кира в битве при Кунаксе не привела к стабилизации политической ситуации в Малой Азии. В начале IV в. до н. э. свою независимость сохраняли писидийцы и мисийцы (Xen. Hell. III. 1. 13; Hell. Оху. XVI. 1). Против царя выступили и пафлагонцы: сначала во главе с Отием (Xen. Hell. IV. 1. 3), а затем — с Тиусом (Nepos. Dat. II. 3). Непокорность проявляла и Катаония (Nepos. Dat. IV. 1). В 390 г. до н. э. от персов отло-

¹¹ Точная дата восстания неизвестна [Рунг 1998: 62, примеч. 9].

жился царь кипрского Саламина Эвагор I (Xen. Hell. IV. 8. 24; V. 1. 10), который вскоре овладел всем островом (Diod. XIV. 110. 5). Полным провалом закончились попытки Артаксеркса II вновь подчинить себе кадусиев и Египет. Все это имело своим закономерным следствием великое восстание сатрапов 362—360 гг. до н. э. [Мойзи 2000: 146—148], которое привело к временной утрате царем контроля над всей Малой Азией.

Следует заметить, что хотя все вышеперечисленные восстания, кроме Египта, кадусиев и некоторых племен, проживавших в труднодоступных районах Малой Азии, достаточно быстро терпели поражение, победы верных царю полководцев приводили лишь к тому, что на смену одному мятежнику являлся другой, в роли которого иногда выступал и сам умиротворитель мятежа. Вместе с тем, эти восстания вызывали серьезное сокращение налоговых поступлений в казну и одновременно требовали от царя огромных денежных затрат на их подавление. Так, десятилетняя война с Эвагором I стоила Артаксерксу II пятнадцать тысяч талантов (Isoscr. IX. 60). Естественно, что в такой обстановке усиливался налоговый нажим на те территории, которые еще оставались под властью персов, что, в свою очередь, приводило к новым восстаниям.

Ситуация для Ахеменидов стала меняться к лучшему лишь после воцарения Артаксеркса III. Именно ему удалось подчинить кадусиев. Приморским сатрапам было запрещено содержать наемные войска (Schol. Dem. IV.19). В 352 г. до н. э. было подавлено восстание Артабаза в Малой Азии. В 344 г. до н. э. Артаксеркс восстановил свою власть в Финикии и на Кипре, а в 342 г. до н. э. персы вновь захватили Египет [Cook 1985: 382—387; Briant 1996: 700—706, 1029—1031].

Приведенные выше факты делают наиболее убедительным предположение о том, что Хорезм отпал от Ахеменидов между 410 и 360 гг. до н. э. Однако анализ отношений Хорезма с Бессом и Александром в 329—328 гг. до н. э. позволяет значительно сузить тот временной промежуток, в течение которого страна могла стать независимой. Как известно, последний ахеменидский сатрап Бактрии Бесс ожидал, что хорасмий придут к нему на помощь (Curt. VII, 4. 6). И хотя его надеждам не суждено было сбыться, сам факт обращения Бесса к бывшим мятежникам говорит о том, что период «холодной войны» между ними, не говоря уже о прямой конфронтации, остался в далеком прошлом.

В 328 г. до н. э. Александр Македонский заключил дружественный союз с царем хорасмиев Фарасманом (Arr. Anab. IV. 15. 4—5). Некоторые отечественные исследователи с недоверием относятся к этому сообщению Арриана, либо полагая, что Фарасман «назван царем ради вящей славы Александра» [Рапопорт 1998: 34], либо вообще отрицая существование в Хорезме этого времени самого института царской власти [Вайнберг 2004: 237]¹². Однако анализ потестарной терминологии, которую

¹² Мы категорически не согласны с мнением Б. И. Вайнберг, в соответствии с которым сведения о Фарасмане относятся к одноименному царю Иберии II в. н. э. и попали в сочинение Арриана по ошибке, так как историк был римским наместником в Каппадокии и современником Фарасмана Иберийского. Во-первых, Арриан написал

Арриан вслед за этнонимами и топонимами заимствовал у своих главных источников Птолема и Аристубула [Bosworth 1980: 17, 290, 358, 367], показывает, что в ее употреблении присутствует определенная закономерность¹³. В самом деле, начиная с 330 г. до н. э., когда Александр стал рассматривать себя в качестве законного преемника Ахеменидов, его спутники и будущие историки именуют царями лишь следующих лиц: правителя скифов, живущих к северу от Танаиса-Яксарта (Arr. Anab. IV. 5. 1), правителя европейских скифов (Arr. Anab. IV. 15. 1—3)¹⁴, правителя хорасмиев, а также двух индийских правителей — Абисара (Arr. Anab. V. 8. 3) и Пора (Arr. Anab. V. 19. 1—2, VI. 2.1), владения которых находились к востоку от Инда. Когда же речь заходит о династах Гандхары, расположенной западнее Инда (Arr. Anab. IV. 22. 6—8, 24. 3—5, 27. 2, 28. 6, V. 2.2), и областей, лежащих в нижнем течении этой реки (Arr. Anab. VI. 15. 5—7, 16. 1, 17. 2, 5), то титул «царь» не используется ни разу.

Относительно областей и народов, правители которых обладали царским титулом, можно заметить следующее. У нас нет данных, будто управляемые Абисаром и Пором области Пенджаба когда-нибудь распространялись власть или претензии Ахеменидов¹⁵ [Brunet 1976: 544—545]. Что же касается трех других народов, то хотя ахеменидские памятники регулярно отмечают их подчиненный статус, в реальности дело обстояло совсем по-другому. О независимости Хорезма к концу существования персидской державы речь уже шла выше. Европейские (заморские) скифы, по сути, никогда не подчинялись персам, а азиатские скифы ко времени вторжения Александра в Среднюю Азию стали полностью независимыми¹⁶.

В иной ситуации оказались правители, которым источники Арриана отказывают в царском титуле и в основном именуют, точно так же, как

«Анабасис Александра» довольно рано, еще до 120 г. н. э., то есть задолго до того, как он стал наместником Каппадокии и лично познакомился с Фарасманом II Иберийским [Bosworth 1980: 8—11; 1995: 4—5], поэтому спутать Фарасмана Хорезмийского Арриану во время работы над своим сочинением было просто не с кем. Во-вторых, смущающее Б. И. Вайнберг заявление Фарасмана о соседстве с колхами объясняется как нежеланием царя преждевременно раскрывать все карты (в прямом и переносном смысле этого слова), так и наводящими вопросами со стороны явно не понявших его македонцев [Calmeyer 1983: 148, Anm. 266]. По нашему мнению, слова Фарасмана наряду с археологическими источниками свидетельствуют о существовании уже во второй половине IV в. до н. э. Каспийского водного пути, связывавшего Хорезм с Колхидой по Оксу-Узбою, Куре и Фасису-Риони [Балахванцев 2005: 36].

¹³ Она была отмечена Э. Босвортом [Bosworth 1995: 147—148], который, однако, сам ослабил значение собственных выводов указанием на мнимую непоследовательность словоупотребления Арриана.

¹⁴ В отличие от тех авторов, которые помещают «европейских скифов» Арриана в Среднюю Азию [Bosworth 1995: 15; Гаибов, Кошеленко 2005: 117—118], мы склонны видеть в них обитателей степей Северного Причерноморья.

¹⁵ Если Дарию I и удалось завоевать какие-то территории к востоку от Инда, то тогда они должны были отпасть довольно рано, в пределах V в. до н. э., поскольку уже Мегасфен в конце IV в. до н. э. ничего об этом завоевании не помнил (Strabo. XV.1.6; Arr. Ind. V. 4—7, IX. 10).

¹⁶ Часть азиатских скифов — саки были союзниками Дария III (Arr. Anab. III. 8.3), что, естественно, не делает таковыми всех остальных.

бактрийскую и согдийскую знать, гипархами. С одной стороны, они *de facto* тоже были независимы¹⁷, но с другой — Ахемениды не только не отказывались от своего суверенитета над Саттагидией, Гандхарой и Хинду [Magee et al. 2005: 714], но и до самого конца в определенной мере контролировали некоторые индийские территории, примыкающие к Бактрии и Арахозии (Агг. Анаб. III. 8. 3, 4, 6).

Таким образом, различия в титулатуре были вызваны различиями в фактическом положении двух этих групп правителей. Очевидно, что унаследовавший великодержавные претензии Ахеменидов Александр рассматривал в качестве своих подданных и именовал гипархами тех династий, которые не только считались подвластными персидскому царю в теории, но и давали для этого хоть какой-то повод на практике. Напротив, царского титула «удостаивались» лишь те, могущество и независимость которых не вызывали никаких сомнений, что в полной мере относится и к Хорезму. Вряд ли будет слишком рискованным предположить, что главную роль в решении Александра сыграл превратившийся в освященную временем традицию факт *длительного* существования Хорезмийского государства. Поэтому мы склонны отнести достижение Хорезмом своей независимости к концу V в. до н. э.

Литература

Балахванцев 2005: Балахванцев А. С. Тифлисский клад греко-бактрийских монет и проблема Каспийского водного пути // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. и сообщ. М.

Бонгард-Левин, Ильин 1985: Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. Индия в древности. М.

Вайнберг 1991: Вайнберг Б. И. Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70-х—80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. М.

Вайнберг 2004: Вайнберг Б. И. Заключение // Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV—II вв. до н. э. М.

Гаибов, Кошеленко 2005: Гаибов В. А., Кошеленко Г. А. Кочевники Средней Азии в эпоху Александра Македонского (Данные письменных источников) // ВДИ. № 1.

¹⁷ В процессе движения по Гандхаре, а затем — по Среднему и Нижнему Инду, Александр не нашел никаких следов существования там персидской администрации. Ряд исследователей [Brunt 1976: 546; Бонгард-Левин, Ильин 1985: 586], основываясь, в частности, на том, что персидские приближенные Александра ничего не знали о Нижнем Инде и морском пути, открытом Скилаком (Hdt. IV. 44) в конце VI в. до н. э., полагают, что низовья Инда были утрачены персами еще в V в. до н. э. Однако данная аргументация не бесспорна. Забвение открытия Скилака связано, скорее всего, с тем, что имперская экономика старалась не допускать образования экономических связей между различными частями империи, если они шли в обход центра. К тому же тогда еще не был известен механизм действия муссонов, и персы, сами не будучи мореплавателями и не имея возможности использовать в Индийском океане кого-то вроде финикийцев, предпочли выбрать для связи с Индией сухопутный маршрут [Дандамаев 1982: 120—122]. Поэтому не исключено, что долина Инда была потеряна Ахеменидами только в IV в. до н. э.

- Дандамаев 1982: *Дандамаев М. А.* Индийцы в Иране и Вавилонии в ахеменидский период // *Древняя Индия. Историко-культурные связи*. М.
- Дандамаев 1985: *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.
- Дандамаев 1989: *Дандамаев М. А.* Мидия и ахеменидская Персия // *История древнего мира*. [Кн. 2]: Расцвет древних обществ. М.
- Дандамаев 2004: *Дандамаев М. А.* Ахеменидская держава // *История древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй*. М.
- Дандамаев, Луконин 1980: *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М.
- Дьяконов 1956: *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л.
- Итина, Рапопорт 1974: *Итина М. А., Рапопорт Ю. А.* Хорезм // СИЭ. Т. 15.
- Литвинский, Пьянков 2004: *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Средняя Азия в ахеменидское время // *История древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй*. М.
- Массон, Ромодин 1964: *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Т. 1. М.
- Мойзи 2000: *Мойзи Р. А.* Греко-персидские отношения в 366—360 гг. до н. э. // *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности*. Ч. 1. Казань.
- Пьянков 1965: *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. // ВДИ. № 2.
- Пьянков 1975: *Пьянков И. В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе.
- Пьянков 1982: *Пьянков И. В.* Бактрия в античной традиции. Душанбе.
- Рапопорт 1998: *Рапопорт Ю. А.* Краткий очерк истории Хорезма в древности // *Приаралье в древности и Средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции*. М.
- Рапопорт, Лапиров-Скобло 1963: *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр 1 в 1958 г. // МХЭ. Вып. 6.
- Рунг 1998: *Рунг Э. В.* Античные историки о происхождении и родственных связях Тиссаферна // *Античность: события и исследователи*. Казань.
- Савельева, Смирнов 1972: *Савельева Т. В., Смирнов К. Ф.* Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. № 3.
- Ставиский 1963: *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия под властью Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) // *История таджикского народа*. Т. 1. М.
- Ставиский 1998: *Ставиский Б. Я.* Средняя Азия в Ахеменидскую эпоху // *История таджикского народа*. Т. 1. Душанбе.
- Aimé-Giron 1931: *Aimé-Giron M. N.* Textes araméens d'Égypte. Le Caire.
- Bivar 1983: *Bivar A. D. H.* The History of Eastern Iran // CHIr. Vol. 3 (1).
- Bogoliubov 1974: *Bogoliubov M. N.* Titre honorifique d'un chef militaire achéménide en Haute-Égypte // *Commémoration Cyrus. Hommage universel*. II. Téhéran; Liège.
- Bosworth 1980: *Bosworth A. B.* A historical commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford.
- Bosworth 1995: *Bosworth A. B.* A historical commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Oxford.
- Bresciani 1985: *Bresciani E.* The Persian Occupation of Egypt // CHIr. Vol. II.
- Briant 1996: *Briant P.* Histoire de L'Empire Perse de Cyrus à Alexandre. Paris.
- Calmeyer 1975: *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive: III. Felsgraber // AMI. Bd. 8.
- Calmeyer 1982: *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive: VIII. Die «Statistische Landcharte des Perserreiches» — I // AMI. Bd. 15.

- Calmeyer 1983: *Calmeyer P.* Zur Genese altiranischer Motive: VIII. Die «Statistische Landkarte des Perserreiches» — II // AMI. Bd. 16.
- Cameron 1973: *Cameron G. G.* The Persian Satrapies and Related Matters // JNES. Vol. 32.
- Cameron 1975: *Cameron G. G.* Darius the Great and his Scythian (Saka) Campaign. Bisutum and Herodotus // Monumentum H. S. Nyberg. I. Leiden.
- Cook 1985: *Cook J. M.* The Rise of the Achaemenids and Establishment of their Empire // CHIr. Vol. II.
- Cowley 1923: *Cowley A.* Aramaic papyri of the fifth century B. C. Oxford.
- Dandamayev 1992: *Dandamayev M. A.* Iranians in Achaemenid Babylonia. Costa Mesa.
- Grelot 1972: *Grelot P.* Documents araméens d'Égypte. P.
- Hallock 1969: *Hallock R. T.* Persepolis Fortification Tablets. Chicago.
- Hinz, Koch 1987: *Hinz W., Koch H.* Elamisches Wörterbuch. Berlin.
- Kent 1953: *Kent R. G.* Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven.
- Magee, Petrie, Knox, Khan, Thomas 2005: *Magee P., Petrie C., Knox R., Khan F., Thomas K.* The Achaemenid Empire in South Asia and Recent Excavations at Akka in Northwest Pakistan // AJA. Vol. 109.
- Mayrhofer 1973: *Mayrhofer M.* Onomastica Persepolitana. Wien.
- Porten, Yardeni 1999: *Porten B., Yardeni A.* Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Jerusalem. Vol. 4.
- Sherwin-White Kuhrt 1993: *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire. Berkeley; Los Angeles, .
- Schmidt 1970: *Schmidt F.* Persepolis. III: The Royal Tombs and Other Monuments. Chicago.
- Schmitt 1979: *Schmitt R.* Die Wiedergrabe iranischer Namen bei Ktesias von Knidos im Vergleich zur sonstigen griechischen Überlieferung // Prolegomena to the Sources on the History of Pre-Islamic Central Asia. Budapest.
- Shahbazi 1982: *Shahbazi A. Sh.* Darius in Scythia and Scythians in Persepolis // AMI. Bd. 15.
- Tuplin 1987: *Tuplin Ch.* Xenophon and the Garrisons of the Achaemenid Empire // AMI. Bd. 20.
- Vogelsang 1992: *Vogelsang W. J.* The rise and organisation of the Achaemenid Empire: the eastern Iranian evidence. Leiden.
- Zadok 1977: *Zadok R.* Iranians and Individuals Bearing Iranian Names in Achaemenian Babylonia // IOS. Vol. VII.

ВИДЫ И ФОРМЫ АНТИИУДЕЙСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ЯЗЫЧЕСКОЙ АНТИЧНОСТИ

А. Г. Грушевой (Санкт-Петербург)

1

Антииудейские эмоции являются, к сожалению, спутником европейской цивилизации с глубокой древности. Все же принцип историзма делает обязательным для серьезного исследователя рассмотрение любого явления в развитии, чтобы не ставить знак равенства между сходными в первом проявлении, но разными по своей сути явлениями разных эпох. Целью данной статьи является попытка определить, насколько возможно говорить о существовании антисемитизма в языческой античности.

Разговор этот необходимо начать с определения сути проблемы — что такое антисемитизм, как его понимали и понимают, насколько существующие определения можно признать приемлемыми.

Известный энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона ограничивается весьма кратким определением: антисемит — враг евреев [Брокгауз, Ефрон 1893: 843].

Энциклопедический словарь товарищества «Гранат» имеет особую статью об антисемитизме, а сам антисемитизм определяет как враждебное отношение к евреям [Гранат: стлб. 189]. Статья содержит также краткий обзор проявлений антисемитизма на протяжении веков.

В Советской исторической энциклопедии специальной статьи об антисемитизме нет, но определение встречается: антисемитизм — распространение вражды к евреям, ведущее к их правовым ограничениям, изгнаниям, погромам и т. д. [СИЭ. Т. 5: стлб. 445].

В Большой Советской Энциклопедии (3-е изд. М., 1970) статья об антисемитизме есть [БСЭ. Т. 2: с. 80, стлб. 236]. Ее автор В. И. Козлов определяет антисемитизм как одну из форм национальной и религиозной нетерпимости, выражающейся во враждебном отношении к евреям. Автор очень кратко рассматривает далее проявления антисемитизма в разные исторические эпохи ¹.

¹ Статьи об антисемитизме есть во всех трех изданиях БСЭ. Наименее интересна анонимная статья во втором издании (Т. 2. М., 1950. С. 512—513). Автор определяет антисемитизм как враждебное отношение к евреям и начинает рассмотрение материала со Средних веков. Наиболее содержательна статья об антисемитизме в первом из-

Интересно, что почти так же определяется антисемитизм в новейшей англоязычной *Encyclopaedia Judaica* [EJ. Vol. 3: col. 87]. Он пишет о том, что это термин общего характера, служащий для выражения враждебного отношения к иудеям на протяжении веков. В целом данная статья содержит изобилие конкретных фактов, касающихся антисемитизма от древности до современности.

Формально говоря, эти определения безупречны, ибо чем же как не враждой к иудеям и иудаизму является антисемитизм? Однако, с точки зрения автора данной работы, все эти определения, не менявшиеся на протяжении последних ста лет, нельзя назвать удовлетворительными. Все они «статичны» и носят «вневременной характер». Вольно или невольно их авторы совершенно не учитывают то, что антииудейские настроения не были неизменными в разное время и в разных странах. Лишь автор статьи в Энциклопедическом словаре товарищества «Гранат» В. И. Козлов и автор определения антисемитизма в *Encyclopaedia Judaica* в какой-то мере упоминают о развитии антисемитизма. Они, правда, либо не исследуют это развитие ввиду ограниченности объема статьи (статья В. И. Козлова в Энциклопедии Гранат), либо приводят массу конкретных фактов, не вдаваясь в рассуждения на общие темы (коллективная статья в англоязычной *Encyclopaedia Judaica*).

В этой связи хотелось бы особо отметить и иное определение антисемитизма, сформулированное в России в начале XX в. и отличающееся попыткой учесть все его составляющие [ЕЭ. Т. 2: стлб. 638—663]:

Антисемитизм — термин получивший широкое распространение после того, как в 1880 г. появился журнал *Zwanglose antisemitische Hefte*. Хотя по своему лексическому составу слово антисемитизм и означает неприязнь вообще, в действительности под ним разумеют вражду исключительно к евреям. Независимо от элемента личных интересов, антисемитизм питается как враждебными и привитыми неприязненными чувствами, так и предубеждениями, будто евреи являются расой низшей и порочной, враждебно относящейся к прочим народам, будто их вероучение стоит в полном противоречии с началами христианской религии и цивилизации; будто

дании (Т. 3. М., 1926. Стлб. 68—76). Ее автор Ц. Фридлянд определяет антисемитизм как враждебное отношение к евреям, возникшее на основе явлений социально-экономического порядка. Ц. Фридлянд находит в античности антисемитизм, подобный нынешнему. Он считает, что антисемитизм возникает на основе борьбы конкурирующих сторон. Согласно Ц. Фридлянду, евреи диаспоры, живя в городах и не занимаясь сельским хозяйством, втягивались в экономические отношения, становясь конкурентами для греков и римлян. В тех же условиях, когда к экономической конкуренции добавлялось различие религиозных обычаев, и возникал антисемитизм. Взгляды Ц. Фридлянда вполне логичны, но не находят подтверждения в источниках: мы не располагаем сведениями о том, что в древности иудей-торговец или ремесленник был и мог быть экономическим конкурентом греку или римлянину. Точно так же в древности не было и не могло быть государственного преследования иудеев (государственный антисемитизм) как системного явления, ибо в древности не было «еврейского вопроса» и власти всех древних государств — ввиду отсутствия проблемы — не ощущали потребности принимать какие-либо решения в этой сфере. Отдельные же известные эксцессы официального преследования иудеев не складываются в систему, ибо речь идет именно об отдельных фактах, имевших место в разных странах, в разные века и нуждающихся поэтому в отдельном объяснении в каждом конкретном случае.

всюду, приобретая господство, евреи влияют разлагающе на политический и социальный строй тех стран, в которых живут, и подрывают благосостояние коренного населения. Проходя широкой волной чрез всю еврейскую историю, антисемитизм принимал самые разнообразные формы: орудием его служили кровавые преследования, суровые законы, направленные к умалению евреев в правовой и экономической жизни, заведомо ложные обвинения и многое другое. Борьбу с евреями вели как правительства, так и само общество.

Далее группа авторов излагает основные факты, характеризующие антииудейские настроения разных эпох.

2

Обратимся теперь к античности, к конкретным фактам, позволяющим понять и представить себе, каковы были, в чем заключались и выражались антииудейские настроения в римском и — отчасти — в эллинистическом обществе.

Прежде всего хотелось бы отметить, что широко известные конфликты иудеев с Римом и римской властью не были характерны для всего государства в целом, но имели место лишь в отдельных его регионах:

— в Палестине речь шла всегда о политической борьбе за господствующее положение либо в регионе в целом, либо в данном конкретном городе (о конфликтах в Кесарее см., например: [Kasher 1977: 16—27; Levine 1975: 381—397]).

— в общинах Диаспоры (Малая Азия) подоплекой столкновений были невозможные и нереалистичные с греческой точки зрения, но совершенно естественные с иудейской точки зрения требования особого гражданско-правового статуса. Иными словами, конфликты с иудеями в этих районах объяснялись тем, что иудеи стремились к тому, чтобы жить как бы и внутри греческого полиса (имея его права), и, в то же время, вне полисной структуры во всем, что касается гражданских обязанностей. Последнее логично — с иудейских позиций — объяснялось желанием жить по законам предков². Это, однако, оказывалось в основном несовместимым с представлением греков о нормах поведения жителей города, что и вело к конфликтам (о конфликтах Малой Азии см.: [Rajak 1984: 107—123; Saulnier 1981: 161—198]).

Несколько иная ситуация наблюдается в Египте. В египетской историографии на греческом языке существовала длительная и устойчивая антииудейская направленность (некоторые образцы такой литературы до нас дошли благодаря усердию Иосифа Флавия, приводящего в сочинении «Против Апиона» в том числе образцы и таких сочинений³). Истоки это-

² В конечном счете даже и это оказалось в какой-то мере достижимым. Достаточно вспомнить апостола Павла, считавшего себя одновременно иудеем, гражданином Тарса и римским гражданином и вспоминавшего о том или ином своем статусе сообразно обстановке и потребности.

³ Иосифа Флавия заинтересовали рассказы египетских историков, дающие альтернативную, по отношению к Библии, версию истории исхода иудеев из Египта. Отрыв-

го антииудаизма не очень ясны⁴, однако важно отметить, что они не были в Египте всеобщими, ибо в долине Нила существовали, как и во всей Империи, прозелиты (о «людях Субботы» в Египте см., например: [Tcherikover 1954: 78—98]).

Все же антииудейские настроения в Александрии имели место⁵, видимо, именно поэтому провокационные призывы Авилия Флакка в Александрии в 38 г. н. э. и оказались услышанными, что привело к единственному в античности настоящему иудейскому погрому. Событие это оказалось из ряда вон выходящим, что видно уже по самому факту многолетнего расследования в Риме обстоятельств этого конфликта⁶.

Подводя итоги, отметим, что конфликты в этих наиболее беспокойных районах⁷ были либо политическими, либо гражданско-правовыми. За всем этим, однако, не было стремления преследовать или притеснять иудеев как таковых. В античном языческом мире — в отличие от европейского Средневековья — все конфликты с иудеями начинались только тогда, когда во взаимоотношениях иудеев с окружающим миром начинало проявляться что-то, воспринимаемое языческим окружением как антигражданское. При этом религиозный и этнический элемент в отмеченных выше конфликтах в рамках языческого общества оставался вторичным, если вообще хоть как-то заметным. В полной мере это относится и к Египту, где, как уже говорилось, образ иудея в национальной исторической литературе издревле был весьма отрицательным, но реальные конфликты ограничивались Александрией.

Из последнего факта, правда, было бы неосмотрительно делать далеко идущие выводы и обвинять египтян в отсутствии любви и даже в ненависти к иудеям. Многочисленные египетские папирусы римского времени свидетельствуют о том, что Египет был единственной страной в Средиземноморье, где иудеи жили не только в городах, но и в сельской местности, занимались сельским хозяйством, живя бок о бок с местными

ки из этих рассказов изданы с подробными комментариями у М. Штерна [Штерн 1997: 62—86 (Манефон), 383—389 (Лисимах), 390—417 (Апион), 418—422 (Херемон)]. Антииудейская направленность всех этих авторов очевидна.

⁴ Речь идет о каких-то очень древних стереотипах общественного сознания, ибо все отмеченные в предыдущем примечании отрывки посвящены одной теме — своего рода египетской версии исхода евреев из Египта.

⁵ Причины этого явления в целом ясны: Александрия была не только крупнейшим городом Египта, но также городом с максимальной численностью иудейского населения. Статус гражданина Александрии был весьма привилегированным и тем самым привлекательным для иудеев, которым удавалось его получить. Греческая же община города не хотела делиться своими привилегиями. Кроме того, положение греческой общины города было ущемленным и в другом отношении: насколько позволяют судить источники, в Александрии до начала III в. не было городского совета. Все это вместе взятое и создавало межэтническую напряженность.

⁶ Основными источниками являются труды Филона «Против Флакка» и «О посольстве к Гаю» (имеется русский перевод, см.: *Филон Александрийский*. Против Флакка. О посольстве к Гаю. *Иосиф Флавий*. О древности еврейского народа. Против Апиона: Пер. с древнегреч. Прилож. С. Я. Лурье. Антисемитизм в древнем мире. Попытки его объяснения в науке и его причины. М., 1994), а также знаменитое письмо Клавдия к александрийцам [CPJ. Vol. 2: n. 153].

⁷ То есть таких, где имели место трения между иудеями и римской властью.

жителями, о чем говорят многочисленные документы, опубликованные во втором и третьем томах *Corpus Papyrorum Judaicarum*. В документах нет свидетельств о конфликтах двух достаточно разных народов.

3

Что касается проявляющейся иногда нелюбви к «иудействующим» и иудеям у авторов, составляющих основу греческой и римской литературы, то здесь представляется необходимым разбираться с каждым конкретным случаем отдельно и не делать поспешных выводов. Большинство сохранившихся до наших дней известий об иудеях и иудаизме по своему характеру абсолютно нейтральны, лишь иногда они обретают любопытствующий характер в связи с естественным интересом к восточной экзотике и очень редко — враждебный⁸. Иными словами, представленная ниже обработка материала враждебной направленности по отношению к иудеям отражает представления об иудеях и иудаизме *всего лишь* тех представителей интеллектуальной элиты античного языческого мира, которые по тем или иным причинам относились к иудеям с неприязнью.

Знаменитые фразы Сенеки, сохранные Августином (*Augustinus. De civitate Dei. VI, 11*), выглядят следующим образом:

De illis sane Iudaeis cum loqueretur, ait: «Cum interim usque eo sceleratissimae gentis consuetudo convaluit, ut per omnes iam terras recepta sit; victi victoribus leges dederunt. Mirabatur haec dicens et quid divinitus ageretur ignorans subiecit plane sententiam, qua significaret quid de illorum sacramentorum ratione sentiret. Ait enim: „Illi tamen causas ritus suis noverunt; maior pars populi facit, quod cur faciat ignorat“».

Касаясь же этих иудеев, он говорит: «А между тем, образ жизни⁹ этого преступнейшего народа до того усилился, что уже принят во всех землях. Победенные победителям дали законы. Он говорит об этом с удивлением и, не ведая, что происходит по воле божества, открыто высказывает мысль, которая показывает, что он чувствует о сути их священных обрядов. Ведь он говорит: „Они хоть знают истоки своих обычаев, значительная же часть народа [их] соблюдает, а почему что делает — не знает“».

В русском переводе известной хрестоматии М. Штерна [Штерн 1997: 432] стоящее в латинском тексте первой из приведенных фраз слово *consuetudo* переведено как ‘обычай’. Формально это вполне возможно, ибо основные значения *consuetudo* действительно ‘обычай, привычка’. Однако, если говорить по сути, фраза приобретает странноватый оттенок, ибо получается, что Сенека возмущен усилением «обычая этого преступней-

⁸ В этом несложно убедиться, ибо достаточно начать систематически просматривать известную хрестоматию М. Штерна об иудеях и иудаизме у греческих и римских авторов, чтобы понять следующее. В среднем на 10 упоминаний у античных авторов об иудеях и иудаизме 7 нейтральных, 2 любопытствующих, одно — с тем или иным оттенком враждебности. Для I в. до н. э. и I в. н. э. количество последних поднимется в среднем с одного на 10 до двух на 10, но не более того.

⁹ Иной возможный вариант перевода — ‘религиозные обряды’.

шего народа», и здесь сразу же хочется спросить: о каком, собственно, обычае идет речь?

Между тем вполне ясный ответ на вопрос, чем же именно возмущается Сенека, заключен в словах его современника, Филона Александрийского, частично уже упоминавшихся выше. Филон в первых же фразах «Биографии Моисея» пишет о том, что слава законов, которые оставил Моисей, дошла до края земли, однако Моисей остается очень плохо известен из-за невнимания к нему греческих авторов (Philo. De vita Mosis I, 2—3).

Слова эти показывают, что Сенека¹⁰ должен был возмущаться не неизвестно каким обычаем иудеев, а широким распространением их **образа жизни, их религиозных обрядов**, принимаемых «иудействующими» полупрозелитами¹¹. Последнее подтверждается как приводимыми чуть ниже словами Квинтилиана и Тацита, так и сохраненной Августином второй фразой Сенеки также относящейся к иудеям. В ней противопоставлены небольшая часть людей, знающих свои обычаи, и большинство, исполняющее их формально, без понимания.

В словах Сенеки нет прямого ответа на вопрос, кто, собственно, может иметься в виду. М. Штерн и его предшественник С. Рейнак считают, что противопоставлены иудеи, знающие истоки своих обычаев, и обилие «иудействующих», которые этих обычаев не знали¹². Однако появление здесь слова *populus* (народ) наводит на мысль о том, что имеется в виду совсем иное противопоставление: иудеи, знающие суть и истоки своих обрядов, противопоставлены большей части римского народа, в основном забывшего об истоках и сути своих **римских** религиозных обрядов¹³. В пользу именно такой интерпретации свидетельствует специфика использования термина *populus*, употреблявшегося преимущественно для *римского народа*, а не народов провинций. В последнем случае чаще все же будет употребляться *gens*. В этой связи хотелось бы обратить внимание на приводившийся выше отрывок из Цельза, сохраненный Оригеном, где также противопоставляются иудеи, знающие свои обычаи, и жители Империи, позабывшие истоки **собственных** обычаев и увлекшиеся поэтому экзотическими восточными культами.

Что же касается «побежденных, диктующих законы победителям», то это — для римской литературы — штамп, общее место, выражающее сожаление римских аристократов по поводу дурного влияния Востока на

¹⁰ Нельзя не заметить, что Филон и Сенека пишут об одном и том же, хотя и с диаметрально противоположных позиций. Возможно, это совпадение не случайно и отражает либо литературную полемику, либо влияние одного автора на другого. Ответить на этот вопрос столь обстоятельно, как хотелось бы, к сожалению, невозможно, ибо трактат Сенеки «De superstitione» («О суеверии»), из которого Августин заимствовал приведенные фразы, не сохранился.

¹¹ Особо хотелось бы подчеркнуть, что интерпретация слова *consuetudo* как «образ жизни» филологически вполне возможна. Отметим далее, что осознание различий между иудеями, «иудействующими» и христианами возникает несколько позже, в конце I в. н. э. См.: [Левинская 2000: 25—48; Goodman, 1989].

¹² См.: [Штерн 1997: 433].

¹³ И. А. Левинская [Левинская 2000: 62, примеч. 41] отмечает такой вариант интерпретации данной фразы в качестве одного из возможных.

римский традиционный образ жизни (о победе Греции над Римом см.: Ног., Ер. II, 1, 156; о победе Сирии над Римом см.: Flor. Epit. I, 47, 7; о победе провинций над Римом в целом см.: Plin, HN. Nat. XXIV, 5). Было бы нелепо в этой связи воспринимать антииудейский выпад Сенеки в данном случае изолированно от римского общественного мнения, точнее говоря — от мнения интеллектуальной, пишущей части римского общества в целом. Оговорку же о мнении интеллектуальной, пишущей части элиты античного общества приходится делать потому, что иных мнений об иудеях — в отличие от христианского времени — мы просто не знаем. Многие же примеры, относящиеся к разным векам и разным странам, показывают, что мнение (или мнения) интеллектуалов, имеющих возможность выражать свои мысли письменно, не отражают мнений всего общества в целом. В лучшем случае можно говорить о том, что литератор выражает идеи какой-то части общества, того или иного общественного слоя.

Среди наиболее резких антииудейских выпадов античной литературы вторым в хронологическом отношении следует назвать один отрывок из сочинения Марка Фабия Квинтилиана «О воспитании оратора». Текст этот (Institutio Oratoria, III, 7, 21)¹⁴ вызывает множество вопросов, ибо не так легко выяснить, кого и за что именно не любит Квинтилиан:

Et parentes malorum odimus: et est conditoribus urbium infame contraxisse aliquam perniciosam ceteris gentem, qualis est primus Iudaicae superstitionis auctor: et Grachorum leges invisae.

Мы ненавидим и породивших зло. Постыден для основателей городов тот факт, что они собрали воедино некое гибельное для других племя; таков первый изобретатель иудейского суеверия; и законы Гракхов являются ненавистными.

Сложность интерпретации этого текста связана с тем, что Квинтилиан пытается осмыслить историю другого народа согласно представлениям, которые в данном случае неприменимы. Кроме того, для Квинтилиана неожиданно оказываются одинаковыми по духу и значению два события, которые на самом деле ничем не объединены между собой, а предлагаемая же им самим связь выглядит очень натянуто.

Первая часть этой фразы допускает два варианта интерпретации, при этом противоречат истине оба. Слова Квинтилиана можно понять как представление о том, что иудейский народ как таковой был специально создан неким изобретателем иудейского суеверия путем «синойкизма»: то есть путем принудительного поселения в одном месте людей, живших ранее в разных населенных пунктах. Абсурдность этого утверждения в комментариях не нуждается.

Логику мысли Квинтилиана можно, однако, понять и иначе, а именно как указание на то, что основатели каких-то неназванных и непонятно где находящихся городов *назойливо приглашали иудеев* в свои города, создавая им в своих полисах благоприятные условия для жизни.

¹⁴ В этом месте Квинтилиан разбирает вопрос, какими аргументами должен воспользоваться оратор, желающий произнести обвинительную (или хулительную) речь.

Как было показано выше, все сведения о получении иудеями каких-то особых льгот в эллинистические времена являются апологетическими легендами. Что же касается римского времени, то, как показывают примеры, рассмотренные в предыдущей главе, администрация городов Малой Азии и Киренаики, под влиянием получаемых свыше распоряжений, принимала компромиссные решения, в известной мере удовлетворяющие запросы иудеев, но вопрос о специальном приглашении иудеев куда-либо на постоянное жительство не стоял никогда.

Здесь хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, за исключением Палестины, Малой Азии, Александрии Египетской и Киренаики, у римского государства вообще никогда и нигде не было сколько-нибудь серьезных проблем с иудеями, ибо только в этих регионах иудеи обращались к властям с конкретными политическими, по сути, требованиями обеспечить себе свободу жизни по законам предков. В других регионах, где иудейские общины не были многочисленны и, возможно, не были богаты, где, в отличие от Рима, иудеи не обладали статусом римского гражданства, такие требования не выдвигались или (что тоже допустимо) были столь слабы, что центральная власть могла себе позволить их не услышать.

Особого внимания заслуживает вторая половина фразы Квинтилиана. Судя по всему, никто из комментаторов не обратил внимания на то, что именно вызывает у него такую же ненависть, как и «гибельное племя». Слова *et leges Grachorum invisae* — «и законы Гракхов вызывают ненависть» стоят в предложении так, что для читателя становится очевидным: нелюбовь к иудеям и «иудейскому суеверию» и нелюбовь к законам Гракхов для Квинтилиана **равнозначны**. Последний же факт говорит о многом.

Начнем с того, что Квинтилиан сопоставляет несопоставимое — не совсем понятные римскому обывателю обычаи одного из народов Ближнего Востока и законы конца II в. до н. э., направленные на решение в Римской республике острого аграрного и политического кризиса. Законы Гракхов, в качестве одной из мер по решению проблем общества, предусматривали выведение колоний. Вероятнее всего, именно это обстоятельство и привело к объединению у Квинтилиана в рамках одной фразы мифических основателей городов и иудеев с вполне реальными римскими политическими деятелями. Правда, нелишне напомнить, что Тиберий и Гай Гракхи жили лет за 200 до Квинтилиана, тогда как иудеи, столь не нравящиеся Квинтилиану, — его современники.

Это сопоставление несопоставимого у Квинтилиана позволяет точно сказать, почему он резко высказывается по поводу иудеев. Законы Тиберия и Гая Гракхов открывают длительный период гражданских войн в Риме, кончившихся установлением монархической власти. Законы Тиберия и Гая Гракхов стали, кроме того, началом конца римского традиционного патриархального образа жизни, столь дорогого как для современников, придерживавшихся консервативных взглядов¹⁵, так и для римских

¹⁵ Здесь наиболее известны два знаменитых представителя семейства Порциев — Катон Старший и Катон Младший.

аристократов последующих столетий, с ностальгией вспоминая об идеальном — как им казалось — прошлом. Именно в этом историческом контексте и следует воспринимать слова Квинтилиана об иудеях. Они для него — не более чем **одна** из составляющих тех факторов, которые разрушали традиционный римский образ жизни и римские ценности.

Завершая рассмотрение Квинтилиана, отметим, что его слова — это образец иррациональных по сути своей эмоций, в которых определяющим является даже не ненависть к иудеям, а эмоциональное восприятие всей совокупности причин, приведших к упадку Рима и римского традиционного образа жизни.

Наиболее обстоятельно о нелюбви к иудеям пишет знаменитый Корнелий Тацит. Однако его слова также не имеют ничего общего с антисемитизмом, если, конечно, относиться к сообщениям источников непредвзято (о взглядах Тацита на иудеев см. подробно: [Rochette 2001: 25—26]).

В начале пятой книги Историй Тацит пишет ¹⁶ об иудеях и иудейских обычаях достаточно подробно:

Hi ritus quoquo modo inducti antiquitate defenduntur: cetera instituta, sinistra foeda, pravitate valere. Nam pessimus quisque spretis religionibus patriis tributa et stipes illuc (con)gerebant ¹⁷, unde auctae Iudeorum res, et quia apud ipsos fides obstinata, misericordia in promptu, sed adversus omnes alios hostile odium.

Каково бы ни было происхождение этих обычаев, они сильны своей древностью; прочие же установления, отвратительная мерзость, обрели силу из-за порочности. И ведь действительно, самые последние ничтожества (из других племен), презрев веру отцов, везли и везли туда жертвоприношения, отчего и приумножилась мощь иудеев; а еще и потому она окрепла, что среди своих верность их непоколебима и готовность к состраданию неизменна, всех же остальных они ненавидят как врагов ¹⁸.

Слова Тацита важны тем, что у него наиболее четко названы причины недовольства иудеями. Все эмоции знаменитого римского аристократа направлены против «иудействующих», презревших веру отцов и приумноживших тем самым мощь иудеев. Иными словами, у Тацита, как и у

¹⁶ См.: Hist. V, 5, 1. (полностью весь пассаж Тацита об иудеях несколько более длинный, см.: Hist. V, 1—13). Комментариев на этот отрывок Тацита известно достаточно много. Помимо М. Штерна [Штерн 2000: 16—61], хотелось бы также отметить Варди [Wardy 1979: 613—631].

¹⁷ В одних рукописях здесь gerebant, в других — этот же глагол с приставкой — congerebant.

¹⁸ Перевод воспроизводится по изданию: [Штерн 2000: 24—25]. Перевод Г. С. Кнабе (*Корнелий Тацит. Сочинения*: В 2 т. Том I: *Анналы. Малые произведения*. Том II: *История*. СПб., 1993. С. 549) отличается хорошей литературной формой, но иногда очень далеко уходит от оригинала, в отличие от перевода, имеющегося в *Хрестоматии* М. Штерна: «Но каково бы ни было происхождение всех описанных обычаев, они сильны своей глубокой древностью; прочие же установления, мерзкие и гнусные, стоят на нечестии, которое царит у иудеев: самые низкие негодяи, презрев веру отцов, платили им подати, жертвовали деньги, и оттого возросло могущество этого народа; возросло оно еще и оттого, что иудеи охотно помогают друг другу, зато ко всем прочим смертным враждебны и ненавидят их».

Сенеки и Квинтилиана, неприязнь вызывают прежде всего не иудеи, а те, кто примыкает к ним из числа греков и римлян, изменяя своим отеческим богам и отеческим обычаям.

Подводя некоторые итоги, отметим, что все наиболее известные антииудейские по форме выпады античной литературы направлены, по сути, против «иудействующих», отказывающихся от веры и обычаев отцов. Собственно антииудейского настроения в этих выпадах мало: приведенные факты показывают, что Сенека, Квинтилиан и Тацит информацией об иудеях не располагают. Из этих трех авторов даже Тацит, пишущий об иудеях наиболее подробно, излагает в первых главах пятой книги Историй лишь систематически изложенные слухи, к которым он не знает, по существу, как отнестись. Кроме того, следует иметь в виду, что едва ли все эти свидетельства имеют смысл воспринимать очень буквально.

Действительно, если не очень вдумываться, то все эти тексты можно считать свидетельствами широкого распространения прозелитизма, по-настоящему губительного для римского государства. Между тем здесь следует учитывать как психологию авторов этих сочинений (римские аристократы консервативных взглядов), так и ситуацию в обществе в целом. Римское общество, правда, не очень последовательно и не очень регулярно, начинало бороться со всеми восточными верованиями, а не только с иудейскими, ибо общественно вредными воспринимались все верования Востока.

Как уже отмечалось выше, такое случалось только тогда, когда в обществе происходило что-то, заставляющее власти обратить внимание на роль, положение и значение восточных культов. Так, если верить Иосифу Флавию, наступление на египетские и иудейские культы в 19 г. н. э. объяснялось двумя уголовными делами¹⁹. Римский всадник по имени Деций Мунд был равнодушен к одной римской аристократической даме, почитательнице богини Исиды. Войдя в сговор с жрецами храма Исиды, существовавшего в Риме, Мунд, решив представить себя богом Анубисом, отправил предмету своей страсти как бы от имени бога Анубиса письмо со словами любви к ней. Женщина пришла в храм, и Мунд, продолжая играть роль бога Анубиса, вступил с ней в «священный» брак. История потом раскрылась и вызвала много шума (Fl. Jos. Ant. Jud. XVIII, 65—80). Второе преступление такого типа, отозвавшееся впоследствии на адептах иудаизма в Риме, заключалось в том, что четверо иудеев уговорили одну знатную римскую даму послать дорогие дары в Иерусалимский Храм, а потом сами же и похитили их (Fl. Jos. Ant. Jud. XVIII, 81—84).

Следствием этого стало запрещение в Риме отправления обрядов египетских, иудейских и, видимо, некоторых иных культов восточного происхождения, а также очередная высылка иудеев из Рима в 19 г. н. э. Об этих событиях в Риме см. подробно: [Левинская 2000: 66—72; Штерн 2000: 67—70].

Событие это осталось в памяти многих современников. Так, согласно Светонию, «чужеземные священнодействия и в особенности египетские и

¹⁹ Мы не знаем, к сожалению, можно ли свести причины событий 19 г. н. э. только к тем фактам, о которых сообщает Иосиф Флавий.

иудейские обряды он [Тиберий. — *А. Г.*] запретил; тех, кто был предан этим суевериям, он заставил сжечь свои священные одежды вместе со всей утварью»²⁰.

«Externas caerimoniis, Aegyptios Iudaicosque ritus comescuit, coactis qui superstitione ea tenebantur reliiosas vestes cum instrumento omni comburere» (Suet. Tib. 36, 1).

Примерно лет через двадцать об этих же событиях вспомнил Сенека в одном из своих писем:

In primum Tiberii Caesaris principatum iuventae tempus inciderat: alienigena tum sacra movebantur et inter superstitionis ponebatur quorundam animalium abstinentia (Seneca. Ep. Mor. CVIII, 22).

Время моей молодости пришлось на начало principatus Тиберия Цезаря. Тогда изгонялись священнодействия инородцев и как суеверие рассматривалось воздержание от некоторых животных²¹.

Правда, это гонение на восточные культы особого успеха не имело в том смысле, что искоренить зло император и сенат оказались не в состоянии. Документы свидетельствуют о сохранении в дальнейшем в Риме и всех выходцев с Востока, и восточных культов, в том числе и иудейского²². Чем можно объяснить такую двойственность подхода в языческие времена к Востоку и восточным верованиям? Видимо, дело в том, что опасность восточных культов воспринималась далеко не всеми: кто-то сам был приверженцем таких учений, кто-то просто предпочитал закрыть глаза и на эти культы, и на их адептов, рассматривая их, если говорить по-современному, как маргиналов, недостойных особого внимания.

В случае обострения ситуации в обществе или в случае конкретных уголовных дел государственная власть в каком-то смысле слова «просыпалась», обращая внимание на эти в принципе «чуждые» культы и «подозрительные» элементы — на приверженцев учений, не вызывающих доверия. Однако в целом особой опасности в них не видели, и приведенные выше известные резкие высказывания Сенеки, Квинтилиана и Тацита являются частными мнениями римских консервативных авторов, для которых неприятными были даже не иудеи, а изменяющие отеческим богам и обычаям «иудействующие». Мнения этих авторов, а также некото-

²⁰ Текст воспроизводится в переводе М. Л. Гаспарова, см.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1964. С. 90

²¹ По контексту ясно, что речь идет о воздержании от употребления в пищу мяса некоторых животных.

²² В этом отношении очень много дают различные места из Сатир Ювенала, содержащие большой материал — правда, небеспристрастный — об ориентализации Рима на рубеже II и III вв. См., например: Sat. I, 26—29; 103—108; 127—131; IV, 23—27. Здесь особо хотелось бы отметить Sat. III, 60—63, где встречаются такие слова: «Iam pridem Syrus in Tiberim defluxit Orontes» — «Уже давно сирийский Оронт впадает в Тибр» (ср. также: Mart. Epigrammata XII, 57, 11). Что касается конкретно иудеев в Риме, то одно сообщение Диона Кассия (LX, 6, 6), относящееся ко времени Клавдия, показывает, что количество иудеев в столице было немалым (конкретных цифр, правда, Дион Кассий не приводит).

рых других римских литераторов, например Горация или Петрония, писавших об иудеях, имеют, естественно, отношение к римскому общественному мнению в целом, но у нас нет оснований особенно преувеличивать их значение. Сохранившиеся до наших дней классики римской литературы хотя и читались из века в век, но все же их труды не были настольными свитками в каждом доме, оставаясь предметом изучения образованных слоев общества, не являвшихся многочисленными.

Отметим также, что, по сравнению с раннехристианскими авторами, даже самые образованные представители римской элиты²³ имели об иудеях весьма смутное представление²⁴. Собственно, иначе в языческое время и быть не могло, ибо преувеличивать степень интереса и знакомства жителей античного языческого мира с иудеями не стоит. За исключением Палестины и Египта, иудеи были повсеместно городскими жителями, а в обществе, основой экономики которого остается сельское хозяйство²⁵, процент городского населения по определению низок. Поэтому большая часть мелких собственников или арендаторов в Италии, в Северной Африке, Испании, Галлии и т. д., появившихся в городах в лучшем случае по ярмарочным дням, едва ли могли в языческое время что-то об иудеях слышать. Естественно поэтому, что и проблема иудействующих, в принципе актуальная и злободневная, задевала на деле лишь немногих, ибо с иудеями, как уже отмечалось, контактировало — в языческие времена — меньшинство населения — горожане. Даже в период распространения христианства положение изменилось не очень сильно, ибо новая вера принесла обывателю не столько знания об истоках христианства, сколько набор стереотипов о «дурном» народе, распявшем Господа.

4

Нападки на иудеев и иудаизм встречаются в той или иной мере и у многих других античных авторов языческого времени, но по сравнению с тем, что писали Сенека, Квинтилиан и Тацит, все остальное выглядит мелкими экзотическими придирками (полная сводка всех антииудейских выпадов в римской языческой литературе в сопоставлении с раннехристианскими авторами, есть у Ж. Жюстера [Juster 1914: 43—49]).

Так, у Горация в одном из стихотворений появляется утверждение о легковерии иудеев (Horat. Sermones, I, 5, 96—104). Марциал в целой се-

²³ Это прекрасно видно на примере приведенных выше отрывков.

²⁴ Собираемый портрет иудея в римской литературе попытался представить Б. Рошет [Rochette 2001: 27, 28, 29].

²⁵ Политическая, экономическая и культурная жизнь античного общества проходила в городах, и в этом смысле его действительно можно назвать городским обществом. Однако это не меняет главного. Экономической основой жизни античного общества во все века продолжало оставаться сельское хозяйство. Что касается расселения иудеев в сельских районах Египта, то только так можно объяснить широкое распространение по всему Египту «людей Субботы», египтян, в той или иной мере воспринявших основы иудаизма. О них см. подробно: [CPJ. Vol. III: Ed. by V. A. Tcherikover, A. Fuks, M. Stern. With an epigraphical contribution by D. M. Lewis. Cambridge Mass., 1964, p. 43—87].

рии стихотворений пишет об иудеях в откровенно издевательской манере, обыгрывая лишь две темы: о дурном запахе, будто бы исходящем от иудеев, и об обрезании (Mart. Epigrammata, IV, 4; VII, 30; VII, 35; VII, 82; XI, 94). Ювенал сетует на то, что находящаяся в районе Капенских ворот священная роща и водные источники, связанные с именем царя Нумы Помпилия, оказались сданы иудеям (Juv. Saturae, III, 10—18). Однако — и это принципиально — весь этот набор когда мелких, когда крупных сетований всегда оставался лишь жалобами римских аристократов, но никогда не сопровождался призывами к каким-либо насильственным действиям в адрес иудеев. В этом еще одна из причин, почему, с точки зрения автора данной статьи, любые характеристики нападок на иудеев в античной литературе как антисемитизма лишены оснований.

Что касается греческой литературы эллинистического периода и греческой литературы римского периода, то об антииудейских выпадах грекоязычных авторов мы практически не осведомлены. Из этого нельзя делать вывод о том, что таковых не было, учитывая плохую в целом сохранность античной литературы, относящейся к периоду IV—II вв. до н. э. Все же явная нелюбовь к иудеям и всему иудейскому прослеживается у целой группы египтян, писавших по-гречески. Это уже упоминавшиеся выше Манефон, Херемон, Лисимах, Апион. Однако у нас нет достоверных данных, позволяющих говорить о каком-то влиянии их идей на умонастроение всего римского общества в целом²⁶.

Здесь необходимо отметить, что несколько историй развлекательного характера, взятых из Апиона, цитирует Авл Геллий, а из Плиния Старшего известно, что об Апионе был наслышан император Тиберий (NH., V, 14; VI, 8; VII, 8; X, 10). В другом месте своего труда — во введении к Естественной истории (NH. Praef. 25) Плиний упоминает о знакомстве императора Тиберия с трудами Апиона.

Однако все это мало что доказывает, особенно если учесть любовь Авла Геллия к экзотическим частностям и сочинениям изысканного характера. Точно так же сам по себе факт знакомства императора с сочинениями египетского автора не может рассматриваться как доказательство влияния Апиона на какие бы то ни было поступки Тиберия. Кроме того, произведения Апиона не сохранились, и мы не в состоянии определить, сколь большое место могли в них занимать антииудейские мотивы.

Судя по всему, антииудейская направленность была характерна для известного ритора I в. до н. э. Аполлония Молона, подвизавшегося на острове Родос. Труды Аполлония Молона не сохранились, и вся информация о нем восходит к сочинению Иосифа Флавия «Против Апиона» и к «Praeparationes Evangelicae» Евсевия. До наших дней сохранился один фрагмент, бесспорно принадлежащий Аполлонию Молону (Euseb. Praep. Evang. IX, 19, 1—3), один известный отрывок об обнаружении в Иерусалимском Храме грека, едва не принесенного в жертву (Fl. Jos., Contr. Ar.

²⁶ О причинах бросающейся в глаза близости взглядов представителей египетской исторической традиции и Аполлония Молона ничего определенного сказать нельзя, ибо сочинения Аполлония Молона не сохранились.

II, 79—80)²⁷, а также краткие отрывки, в которых Иосиф Флавий лишь называет, чем именно Аполлонию Молону не нравятся иудеи (Fl. Jos., Contr. Ap. II, 145; 148). Упреки эти суть следующие: Моисей — колдун, законы Моисея не учат никакой добродетели, а исключительно пороку. Иудеи, согласно Аполлонию Молону, безбожники и человеконенавистники, иудеи малодушны, иудеи отличаются безрассудной отвагой и являются самыми бездарными из варваров. Слова эти вырваны из контекста, и по-настоящему взгляды Аполлония Молона мы оценить не можем, ибо нам неизвестны его аргументы. Настолько же, насколько мы в состоянии хотя бы поверхностно оценить его взгляды, они сближаются с идеями Манефона, Апиона, Лисимаха и Херемона, но ничего по-настоящему определенного сказать нельзя. Так, неизвестно, можно ли говорить о влиянии египетской традиции на Аполлония Молона или же речь в данном случае идет о совпадении взглядов. Приведенные выше примеры далеко не исчерпывают тему, ибо общее количество высказываний античных языческих авторов об иудеях и иудаизме значительно выше, однако, если не подходить к вопросу с особой пристрастностью национального или религиозного характера, необходимо признать, что каких-либо иных заметных антииудейских выпадов в античной (языческой) литературе практически нет, имея в виду, конечно, современное понимание явления.

Изложенный материал позволяет подвести некоторые итоги и поставить вопрос следующим образом: насколько складываются все приведенные выше факты в некую систему, в мировоззрение *языческого* общества по отношению к иудеям? Здесь крайне необходимо задать и еще один вопрос — было ли таковое вообще? Иными словами, существовал ли в языческом обществе Греции, эллинистических государств и затем Рима иудейский вопрос, насколько все связанное с иудеями волновало общественное мнение языческих обществ античности? Приходится, к сожалению, признать, что ответ на этот вопрос чаще всего определяется не столько фактами, сколько эмоциями, весьма далекими от науки. Поразительным примером, когда к антисемитизму относятся практически все высказывания античных авторов об иудеях, является следующая статья Даниэля [Daniel 1979: 45—65].

Примером именно такого эмоционального подхода является написанное А. Б. Ковельманом предисловие к упоминавшейся выше книге Филон Александрийский... (М., 1994), которая, объективно говоря, представляет собой хорошее научное издание.

Основная мысль автора предисловия, определяющая и характер всего сборника, сформулирована на первой же странице (с. 5 книги): Греция — мать всех демократий и народных движений — стоит у истоков погрома. Далее читателю представлена пестрая смесь из различных фактов, относящихся то к социальным конфликтам, то к отдельным фактам этнической неприязни различных народов в античности. Задача А. Б. Ковельмана при этом заключается в стремлении доказать читателю, что иудеи в

²⁷ Иосиф Флавий пересказывает этот текст так, что в результате остается неясным, кто именно является его автором — Апион, Посидоний или Аполлоний Молон.

античности всегда были гонимы, а в целом же история Древнего мира полна антисемитизма и погромов, как иудейских, так и «вообще всяких»²⁸. (Правда, тот же А. Б. Ковельман вынужден признать, что народная масса в основном оставалась равнодушной к иудеям.)

От чтения такого рода работ (а отмеченное «введение» Ковельмана, увы, не единственный тому образец) складывается парадоксальное впечатление, что — по мнению авторов — у древних греков и римлян не было в жизни иных забот, кроме размышления об иудеях и иудейской культуре, о том, насколько соотносятся между собой античная культура и культура иудеев, и т. д. (о гипертрофированных воззрениях в иностранной научной литературе по поводу возможного интереса греков и римлян к иудеям и иудейской культуре см., например: [Belayche 1997: 55—75]). Как ни странно, авторам такого рода сочинений, видимо, не приходит в голову, что все иудейское в языческое время могло просто не интересоваться и не волновать среднестатистического «обывателя» в Греции и Риме уже потому, что преувеличивать размеры контактов иудеев и античной цивилизации, как уже отмечалось, не стоит. Бесспорно, с ними в той или иной степени сталкивались жители крупных городов²⁹, составлявших меньшинство населения Римского государства.

5

Все вышесказанное позволяет с уверенностью говорить о том, что иудейского вопроса в языческом Риме не существовало и не могло существовать. Иначе говоря, в Древнем Риме, в отличие от европейских стран нового и новейшего времени, не существовало проблемы гражданских прав иудеев и ликвидации какой-либо дискриминации иудеев. При большом желании можно, конечно, сказать, что проблемы не было только потому, что римлян отличало весьма ярко выраженное имперское политическое сознание и пренебрежение ко всем народам, не придерживавшимся общегосударственной системы ценностей. Однако такой формально возможный вывод будет неточным по следующей причине. Приводившиеся факты показывают, что взаимоотношения римского языческого государства с иудеями прошли сложный путь развития. Эти отношения не являлись враждебными изначально и никогда не были таковыми во всех своих проявлениях.

В обширном многонациональном государстве, где у каждого народа были свои боги, иудеи являлись одним из многих народов с чуть более

²⁸ Здесь перед нами пример весьма расширительного толкования самого термина, когда под погромом понимается любой общественный конфликт, сопровождаемый убийствами, вне зависимости от причин конфликта. Естественно, что подобный подход далек от научного.

²⁹ Здесь также важно подчеркнуть, что лишь для одного крупного города — для Рима — мы располагаем более или менее систематической информацией о внутренней обстановке в городе и о взаимоотношениях в нем этнических общин разных народов. Для остальных городов такая информация эпизодична и случайна (см., например, рассматривавшуюся выше информацию о конфликтах в Кесарее Морской).

оригинальной верой, чем у остальных, но не более того³⁰. Интересно, что и греки и римляне вполне успешно находили «аналога» Йахве в собственном олимпийском пантеоне. Так, у Марка Теренция Варрона встречается отождествление Йахве с Юпитером; у Валерия Максима — с Сабазием; у Плутарха (*Quaest. Conviv.* IV, 6) — с Дионисом; у Тацита (*Hist.* V, 5) встречается упоминание об отождествлении Йахве с Либером Патером. Сам Тацит относится к такому отождествлению отрицательно³¹. Отметим наконец, что у автора VI в. н. э. Иоанна Лаврентия Лида встречается указание о том, что Иерусалимский Храм, согласно представлениям некоторых греков, был храмом Диониса (*Lyd., De mens.* IV, 53).

Говоря о проблеме так называемого антисемитизма в античности, хотелось бы также подчеркнуть следующий момент. В общей сложности в языческой античности были уже в той или иной мере изобретены все нападки и предрассудки против иудеев, расцветшие пышным цветом в Средние века и Новое время. Однако же, хотя приведенные примеры ясно показывают, что определенное количество греческих и латинских авторов высказывалось против иудеев, никто никогда не призывал обывателя к насильственным действиям против иудеев по той простой причине, что в языческой античности никто не «додумался», за что, собственно, следует иудеев ненавидеть и преследовать.

Лишь христианству принадлежит сомнительная честь изобретения того, что впервые в истории объединило отдельные проявления неудовольствия по поводу иудеев в более или менее стройную систему, значительно приблизив появление собственно антисемитизма. Действительно, с появлением на исторической арене обвинения иудеев в богоубийстве и в том, что они, иудеи, оказались не в состоянии увидеть в Христе мессию, все высказывавшиеся ранее в адрес иудеев неудовольствия обрели свой смысл, «вдохновляющую силу» и идейную направленность. Неслучайно, конечно, в эпоху поздней Империи возникает одно совершенно неизвестное ранее явление общественной жизни — драки иудеев и христиан. (*Socrates, Hist., Eccl.* VII, 13; VII, 16).

Что же касается антииудейских эмоций, засвидетельствованных в источниках языческого времени, то они являются образцами аристократического презрения представителей римской элиты по отношению к тем, кто воспринимался как человек второго сорта, как человек, рожденный для рабства. При этом важно подчеркнуть, что за пределами античных образованных слоев, читавших все новинки исторической и художественной литературы³², написанное слово и высказываемые авторами тех или иных сочинений идеи особой известностью не пользовались³³. В

³⁰ Истинной спецификой иудейской культуры следует, видимо, назвать не сами по себе основополагающие постулаты иудаизма (монотеизм, идея избранности), которые не являются «изобретением», привилегией иудаизма. Спецификой будет степень выражения соответствующих идей у иудеев.

³¹ Издание соответствующих отрывков и комментарии см.: [Штерн 1997: 209, 359—361; 557—558].

³² Иначе эти произведения до нас просто не дошли бы.

³³ Примеров, позволяющих подтвердить это на фактах, не так много, но все же нельзя не обратить внимание на некоторые факты, которые сообщает Авл Геллий. Так,

ином случае, при иной идейной и общественной обстановке в обществе упоминавшиеся выше стихи Марциала и Ювенала или пассажи Сенеки, возможно, могли бы стать идейным знаменем погромов, но надо учитывать тот факт, что ничего такого никогда не было. В рамках языческой культуры издевательские стихи Марциала по поводу обрезанных иудеев, резкие реплики Сенеки и т. д. не несли в себе призыва к насилию ни в явной, ни в скрытой форме и не могли в данном обществе быть восприняты как таковые.

Иными словами, все антииудейские выпады, имеющиеся в античной литературе и имеющие определенное отношение к римскому общественному мнению в целом, не складываются в систему и не образуют антисемитизма по следующим двум причинам. В дохристианские времена общество еще не изобрело причины для ненависти к иудеям и антииудаизм не выходил за рамки аристократически высокомерного презрения представителей римской элиты по отношению к одному из восточных народов. Кроме того, в языческие времена общество и государство было готово воспринимать спокойно представителя любого народа, принимающего ценности античной культуры и — что особенно характерно для Рима — не бунтующего против верховной власти.

Наконец, в условиях политеистического, многонационального государства такого явления, как вражда на религиозной почве (одна из существеннейших составляющих антисемитизма в чистом виде), не существовало и не могло существовать. Отсутствовала же вражда потому, что олимпийской религии — официальной идеологии Рима — просто нечего было с иудеями и иудаизмом делить.

Особо хотелось бы отметить, что сама идея существования антисемитизма в античном мире покоится на нескольких широко известных, но не выдерживающих научной критики предпосылках. Действительно, если назвать любую критику в адрес иудея антисемитизмом, то, естественно, вся древняя история окажется полной антисемитизма. Антисемитизм в своем современном значении может оказаться существенным фактором античной истории, если не учитывать следующих двух моментов. Как в настоящее время нет еврея «вообще», так и в древности никогда не было иудея, живущего вне времени и пространства. Иными словами, одной из важнейших предпосылок адекватного восприятия древней истории иудеев (в греко-римский период) является понимание того, что к иудеям каждой провинции Римской республики или империи следует подходить отдельно и взвешенно, без попыток рассматривать все вместе.

Иначе говоря, все условия жизни иудеев и формы их взаимоотношений с внешним миром в Палестине не тождественны формам и условиям их жизни в диаспоре. Что же касается диаспоры, то условия жизни общин, например, в Египте и в Италии совершенно разные, и к ним нельзя

он пишет (NA. XI, 16), как вынужден был объяснять одному человеку, несведущему в греческом языке и литературе, кто такой Плутарх и о чем он писал. Если же говорить в целом, то Авл Геллий, не высказываясь определенно, все же ясно дает понять, что круг его знакомых, чьи слова и мнения он постоянно передает, на самом деле очень узок.

подходить с одинаковыми мерками. Как было показано выше, лишь в Малой Азии, Палестине и Александрии Египетской складывались условия, провоцировавшие какие-то конфликты иудейских общин с римской властью. Однако информация о конфликтных ситуациях в этих регионах, используемая рядом авторов как подтверждение правоты предположения об антисемитизме, не дает оснований автоматически считать, что и в других регионах было так же.

Справедливо и обратное утверждение. В языческое время никогда не было некоего единого, одинакового для всего государства отношения к иудеям. Так, исходя из того, что мы знаем, например, о конфликтных ситуациях в Риме или в Александрии, в Милете или Кесарее, было бы неправомерно говорить об аналогичном отношении к иудеям, к примеру, в Карфагене, Массилии или Неаполе.

Эта многоликость, или, если угодно, «многослойность» отношения к иудеям в языческой античности и является, с точки зрения автора, лучшим подтверждением того, что в дохристианское время в римском мире никакого антисемитизма не могло быть по определению. Вне зависимости от того, нравится это кому или нет, приходится считаться с тем фактом, что в этой «многослойности» отношения языческого мира к иудеям отрицательный элемент преобладающим не был³⁴. Лишь в христианское же время, в связи с изобретением идеи, четко показавшей обывателю иудеев в ином свете, общество значительно приблизилось к антисемитизму, ибо антисемитизм является порождением не существования иудейского народа как такового, а толерантности общества по отношению к иудеям со стороны того общества, в котором они жили или живут. Факты же показывают, что в языческой античности эта толерантность была несравненно выше, чем в христианское время.

Изложенный материал позволяет сформулировать также несколько принципиальных выводов общего характера, лишь слегка намеченных в указанной выше литературе о сущности антисемитизма³⁵.

1. Антисемитизм следует определять как комплексное мировоззрение, как систему взглядов на иудеев и иудаизм как источник мирового зла и всяческих бедствий, сформировавшийся в европейских странах в Новое и Новейшее время.

2. Антисемитизм является высшей формой проявления антииудейских настроений, зародившихся действительно в глубокой древности. Все же употребление термина «антисемитизм» для предшествующих исторических эпох, несмотря на свое кажущееся удобство, неприемлемо, ибо чем дальше мы погружаемся в древность, тем менее систематизированы антииудейские настроения того или иного общества, тем в меньшей степени можно говорить о каком-то цельном «мировоззрении» общества европейских стран по поводу иудеев и иудаизма.

³⁴ Если, конечно, воспринимать источники беспристрастно, без желания увидеть в них иллюстрацию заранее привносимым догмам.

³⁵ Автор данной работы особо хотел бы подчеркнуть, что следующие далее общие замечания о сути антисемитизма и антииудейских настроений являются не более чем доведением до логического конца мыслей, высказанных его предшественниками, которые цитировались выше.

3. В то же самое время в развитии антииудейских настроений в европейских обществах существует несколько качественных скачков, один из которых приходится на период поздней античности и связан с победой христианства в Римской империи в качестве государственной идеологии.

4. Традиционный взгляд на проблему, согласно которой антисемитизм существует всюду, где живут иудеи, в корне неверен, ибо антииудейские настроения и их высшая форма — антисемитизм существуют лишь там, где распространено христианство. В тех обществах, где христианства нет или оно не является господствующей идеологией, антисемитизма не было и нет (Китай, Индия, мусульманский мир). Об отсутствии антисемитизма в Индии и Китае см.: [Поляков 1997: 7—8]. О современном арабо-израильском конфликте, его истоках и возможных способах преодоления см., например: [Гойтейн 2001: 13—22; 230—246]. Существующие же в этих обществах конфликты если и имеют место, то имеют иные истоки.

5. Если бы, паче чаяния, в римском обществе господствующей идеологией стала какая-то иная идеологическая система, не христианство, антисемитизм вообще никогда бы не возник, а иудеи остались бы в истории одним из небольших народов с экзотическими обрядами и верой.

6. В этой связи особо хотелось бы отметить неверность расхожего представления о том, что иудеи сами провоцируют антисемитизм. Провоцирует антисемитизм иное — специфический, сложившийся за многие века взгляд на иудеев, основанный на предвзятых и неверных предположениях.

6. Однако же, ввиду того что историческая победа осталась за христианством, развитие и окончательное перерастание древних антииудейских предрассудков в комплексное мировоззрение — антисемитизм стало лишь делом времени.

7. Именно поэтому объявление антисемитизма извечным спутником истории иудеев, особенно в эллинистический и римский периоды, может представлять интерес для социальной психологии как образец истории заблуждений или особенностей мировосприятия религиозным сознанием, но никак не для истории как науки.

Литература

1. Издания трудов греческих и латинских авторов

- Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Том I: Анналы. Малые произведения. Том II: История. СПб., 1993.
- Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1964.
- Штерн, 1997: Греческие и латинские авторы о евреях и иудаизме / Введ. и коммент. Менахема Штерна; Русское издание под научной и литературной редакцией д-ра ист. наук Н. В. Брагинской. Том I: От Геродота до Плутарха. М., 1997.
- Fl. Jos. Ant. Jud.; Fl. Jos. Bel. Jud.; Fl. Jos. Contr. Ap. — Flavii Josephi Opera recognovit / В. Niese. Vol. 3: Antiquitatum Judaicum libri XI—XV. Berolini, 1980; Vol. 4: Antiquitatum Judaicum libri XVI—XX et Vita. Berolini, 1892; Vol. 5:

- De Judaeorum vetustate sive contra Apionem libri duo. Berolini, 1889; Vol. 6: De bello Judaico libri. Berolini, 1895.
- Flor. Epit. — Florus. Oeuvres / Texte établi et traduit par P. Jal. T. 1—2. Paris, 1967.
- Euseb. Prep. Evang — Eusèbe de Césarée. La préparation évangélique. Livres VIII—IX—X / Introduction, traduction et notes des livres VIII et X par G. Schroeder et E. des Places, du livre IX par E. des Places. Textes grec révisé des livres VIII—IX—X par E. des Places. Paris, 1991.
- Hor. Ep. — Horaz. Satiren und Episteln / Auf der Grundlage der Übersetzung von J. K. Schönberger Lateinisch und Deutsch von O. Schönberger. Berlin, 1976. (Schriften und Quellen der Alten Welt. Bd. 33).
- Juv. Sat. — Juvenal. Satires / Texte établi et traduit par P. de Labriolle et F. Villeneuve. Paris, 1996.
- Lyd. De mens. — Joannes Lydus De Mensibus / Edidit R. Wuensch. Lipsiae, 1898.
- Mart. Epigrammata — M. Valerii Martialis Epigrammata libri / Recognovit W. Heraeus. Editionem correctiorem curavit Jacobus Borovskij. Lipsiae, 1976.
- NA — A. Gellii Noctes Atticae / Recognovit, brevique adnotatione critica instruit P. K. Marshall. T. 1: Libri. I—X. Oxonii, 1968; T. 2: Libri XI—XX. Oxonii, 1968; Aulu-Gelle. Les nuits attiques / Texte établi et traduit par P. Marrache. T. 3. Paris, 1989.
- NH — C. Plini Secundi Naturalis Historiae libri XXXVII / Recognovit atque indicibus instruit L. Janus. Vol. 1. Lipsiae, 1854; Vol. 2. Lipsiae, 1856.
- Philo. De vita Mosis — Philon d'Alexandrie. De vita Mosis. I—II / Introduction, traduction et notes par P. Arnaldez, C. Mondésert, J. Poulloux, P. Savinel. Paris, 1987.
- Plut. Quest. Conviv — Plutarchus. Plutarchi Moralia. Vol. IV: Quaestiones convivales / Recensuit et emendavit C. Hubert. Lipsiae, 1971.
- Quint. — M. Fabii Quintilliani institutionis oratoriae libri duodecim / Ad fidem codicum manu scriptorum recensuit E. Bonnell. Vol. 1. Lipsiae, 1869; Vol. 2. Lipsiae, 1878.
- Seneca. Ep. Mor — L. Annaei Senecae Ad Lucilium epistulae morales / Recognovit et adnotatione critica instruit L. D. Reynolds. T. 1. Libri I—XIII. Oxonii, 1978; T. 2. Libri XIV—XX. Oxonii, 1980.
- Socrates. Hist. Eccl. — Socratis Scholastici Historia Ecclesiastica // PG. T. 87. Col. 28—842.
- Suet. — C. Suetoni Tranquilli opera ex recognitione M. Ihm. Vol. I: De Caesaribus libri VIII. Lipsiae, 1907.
- Tac. — P. Cornelii Taciti libri qui supersunt / Edidit E. Koestermann. Vol. II. Lipsiae, 1962.

2. Исследования

- Брокгауз, Ефрон 1893: *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. Т. 1а. СПб.
- Гойтейн 2001: *Гойтейн Ш.* Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков. М. Гранат: Энциклопедический словарь т-ва Б-р А. и И. Гранат. 7-е, совершенно переработанное издание. Том III. М., б. г. Стлб. 189.
- Левинская 2000: *Левинская И. А.* Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб.
- Поляков 1997: *Поляков Л.* История антисемитизма. Эпоха веры. М.
- Belayche 1997: *Belayche N.* Sem et Japhet ou la rencontre du monde gréco-romain et des livres sacrés des juifs // DHA. 1997. Vol. 23. 1. P. 55—75.
- Daniel 1979: *Daniel J. I.* Anti-semitism in the Hellenistic-Roman Period // JBL. Vol. 98. 1. P. 45—65.
- Goodman 1989: *Goodman M.* Who was a Jew? Oxford.

Juster 1914: *Juster J.* Les Juifs dans l'Empire romain. Leur condition juridique, économique et sociale. Tome premier. Paris.

Kasher 1977: *Kasher A.* The Isopoliteia Question in Caesarea Maritima // JQR. Vol. 68. P. 16—27.

Levine 1975: *Levine I. S.* The Jewish-Greek Conflict in First Century Caesarea // JJS. Vol. 25. P. 381—397.

Rajak 1984: *Rajak T. T.* Was there a Roman Charter for the Jews // JRS. Vol. 74. P. 107—123.

Rochette 2001: *Rochette B.* Juifs et romains. Y-a-t-il un antijudaïsme romain? // REJ. T. 160. P. 1—31.

Saulnier 1981: *Saulnier C.* Les lois romaines sur les juifs selon Flavius Josèphe // RB. Vol. 88. P. 161—198.

Tcherikover 1954: *Tcherikover V.* The Samathions // Scripta Hierosolymitana. Vol. I. Jerusalem. P. 78—98.

Wardy 1979: *Wardy B.* Jewish Religion on Pagan Literature during the Late Republic and Early Empire // ANRW. 2.19.1. P. 613—631.

АРМИЯ И ВОЕННОЕ ДЕЛО В САСАНИДСКОМ ИРАНЕ ПО ДАННЫМ АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА

В. А. Дмитриев (Псков)

Сочинение Аммиана Марцеллина (ок. 330—ок. 400) «Деяния» (*Res gestae*) является важнейшим источником по истории военного дела позднеантичной эпохи. При этом большое внимание автор уделяет военному искусству не только римлян, что вполне естественно, но и других народов, с которыми Рим в современную Аммиану эпоху вел ожесточенные войны. В первую очередь это относится к сасанидскому Ирану — главному противнику Римской империи на Востоке.

Неподдельный интерес Аммиана Марцеллина к военному делу у персов не случаен. Сам Аммиан в последних строках «Деяний» называет себя «бывшим солдатом и греком» (*miles quondam et graecus*) (XXXI. 16. 9), т. е. даже на склоне лет (в момент завершения работы над своим сочинением историку было уже около 60 лет) Аммиан Марцеллин считал себя прежде всего воином, и факты его биографии подтверждают эту мысль. Автор «Деяний» в качестве протектора-доместика провел на военной службе не менее 10 лет (353 — 363)¹, часто оказываясь в самой гуще событий, в том числе и во время римско-персидских войн в Месопотамии. Именно профессиональным интересом можно объяснить то пристальное внимание, которое историк уделил описанию военного дела у главного восточного противника поздней Римской империи². Более того, род занятий Аммиана, его непосредственное участие в боевых действиях против персов, личное общение с участниками и очевидцами описываемых событий — все это дало ему возможность составить достаточно подробное и, что самое важное, достоверное описание персидской армии Шапура II (309—379), ее структуры, вооружения, стратегии и тактики ведения войны³. Характеристики, данные Аммианом Марцеллином различным сто-

¹ Возможно, Аммиан находился на военной службе и гораздо больший срок [Thompson 1947: 12; Austin 1979: 18—19].

² В литературе неоднократно подчеркивалось, что повышенное внимание, уделяемое Аммианом военным вопросам, объяснялось его профессиональной принадлежностью, а также что она повлияла и на содержание «Деяний» в целом (см., напр.: [Машкин 1956: 25; Федорова 2001: 14; Crump 1975: 10, 13, 40, 132; Austin 1979: 18—21, 22]).

³ Информация, сообщаемая Аммианом по военным вопросам, получила высокую оценку со стороны таких видных исследователей его творчества, как Г. Крамп [Crump 1975: 134], В. Зейфарт [Seyfarth 1974: 356] и Н. Остин [Austin 1979: 162—163].

ронам военного дела у персов второй половины IV в. н. э., отличаются высоким уровнем объективности, стремлением к беспристрастному (за крайне редкими исключениями) описанию тех или иных особенностей, присущих персидскому войску.

В то же время следует учитывать, что в «Деяниях» Аммиана Марцеллина в первую очередь описаны именно деяния, подвиги римлян, и потому автор прежде всего старается раскрыть драматизм происходящих событий; в связи с этим многие конкретные вопросы, связанные с военным делом, Аммиан зачастую обходит стороной [Crump 1975: 131, 133]. Кроме того, со своим произведением Аммиан Марцеллин выступал перед аудиторией (видимо, достаточно широкой), что также побуждало его привлекать внимание слушателей сосредоточением на поступках и судьбах людей, ярких и запоминающихся фактах, а не на частных деталях военного характера.

Следует отметить, что, хотя в литературе Аммиану как военному историку уделялось достаточно много внимания⁴, все без исключения авторы (и отечественные и зарубежные) рассматривали «Деяния» главным образом как источник по истории военного дела у римлян, но никак не у персов. В результате значительный по объему и важный по своему историческому значению пласт информации остался, по сути, вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных историков.

Информация по интересующему нас вопросу разбросана буквально по всем сохранившимся книгам «Деяний», в связи с чем для воссоздания целостной картины состояния армии и военного дела в Сасанидской державе все эти достаточно разрозненные и в то же время многочисленные сведения нуждаются в систематизации. Представляется, что армия и военное дело в сасанидском Иране на основе сведений Аммиана Марцеллина могут быть охарактеризованы по следующим направлениям: состав и организация персидского войска; вооружение персидской армии; тактика персов; стратегия персов.

Состав и вооружение войск Шапура II на первое место поставлены нами не случайно. Именно эти две составляющие вооруженных сил Персии во многом определяли цели и задачи, стоявшие перед ними, а также средства и способы их решения, т. е. собственно тактику и стратегию персидской армии.

1. Состав и организация персидского войска

Структуру вооруженных сил персов целесообразно рассматривать по двум основным критериям: по родам войск и по этнической принадлежности личного состава. Кроме того, Аммиан, как будет показано ниже, сообщает и некоторые сведения о социальном составе сасанидской армии и его влиянии на распределение функций между отдельными составными частями войска персов.

⁴ Из наиболее важных работ необходимо назвать следующие: [Klotz 1916; Brok 1959; Chalmers 1973; Crump 1975; Austin 1979; Matthews 1986; Blockly 1988; Холмогоров 1939; Разин 1955; Дельбрюк 1994].

Исходя из данных Аммиана, можно сделать вывод, что важнейшим родом войск у персов являлась кавалерия. Она не была однородной — Аммиан отдельно выделяет отряды тяжелой конницы, или катафрактариев (*cataphractarii*) (XVII. 8. 3—7; XIX. 7. 4; XXV. 1. 12; 3. 4; XXIX. 1. 1), называя их иногда «закованной в железо конницей» (*ferreus equitatus*) (XIX. 1. 2) и «отрядами кавалерии в блистающих доспехах» (*corusci globi turmarum*) (XIX. 2. 2). Именно катафрактарии, как это видно из слов Аммиана Марцеллина, играли роль основной ударной силы в армии персов (см. также: [Луконин 1969б: 59; Shahbazi 1987a: 496; 1987b: 728]. См., однако: [Nicolle 1996: 20]). Исходя из сведений Аммиана, можно сделать вывод, что именно в тяжелой кавалерии служили представители персидской знати⁵. В одном из мест «Деяний» есть сообщение о том, что в коннице «несет службу вся их (персов. — В. Д.) знать» (*desudat nobilitas omnis et splendor*) (XXII. 6. 83). Аммиан не уточняет, о какой коннице идет речь — о тяжелой или легкой, но вряд ли можно предполагать, что знать персов служила в легкой кавалерии [Дьяконов 1961: 290; Nicolle 1996: 10].

Кроме катафрактариев, Аммиан Марцеллин говорит (хотя и значительно реже) о легкой коннице, играющей по отношению к первой явно второстепенную, вспомогательную роль (XXIII. 3. 4; XXIV. 3. 1; 4. 7; 7. 7) (см. также: [Луконин 1969б: 59]). Аммиан отмечает, что в рядах легкой кавалерии персов служили и отряды сарацин (XXIV. 1. 3). Видимо, боевые качества арабской конницы персы смогли оценить задолго до битвы при Кадиссии.

Содержащаяся в «Деяниях» информация показывает, что одной из важнейших задач конницы было затруднение продвижения и перегруппировки сил противника; это достигалось за счет массированного обстрела из луков вражеских рядов с далекого расстояния с последующим быстрым отходом (XXV. 1. 18)⁶.

Пехота персов также была разнородной по составу. Наиболее часто Аммиан Марцеллин упоминает лучников (XIX. 5. 1, 5; 6. 9; XX. 6. 6; 7. 6; 11. 9, 12—13; XXIV. 2. 8, 15; 3. 14; 4. 16; XXV. 1. 13, 17—18 и др.) (ср.: [Пигулевская и др. 1958: 73; Nicolle 1996: 21])⁷, которые, как отмечает Аммиан, прекрасно владеют своим искусством с самого детства (*cuius artis fiducia ab incunabulis ipsis gens praevaluit maxima*) (XXV. 1. 13); ср.: (Strabo. XV. 3. 18))⁸. Наряду с лучниками Аммиан особо выделяет пращников (XIX. 5. 1; XX. 11. 9; XXIV. 2. 15), а также копейщиков (XXV. 1. 13).

⁵ По своему социальному составу персидская знать была достаточно разнородной — сюда входили как представители высшей аристократии (в том числе и члены царского рода), так и многочисленные средние и мелкие землевладельцы — азаты (см.: [Дьяконов 1961: 282—284, 291; Фрай 1972: 295]).

⁶ По мнению Д. Николла, во время боя наиболее важную роль играла легкая конница, в то время как катафрактарии лишь сковывали действия вражеской пехоты [Nicolle 1996: 20].

⁷ Практически все позднеримские и ранневизантийские авторы, писавшие о военных событиях на восточных границах Римской (а затем и Византийской) империи, говорят о лучниках как об одной из важнейших составных частей войска Сасанидов (см.: (Herodian. VI. 5. 4, 9—10; Proc. Bell. I. 18. 32—34; Agath. III. 22)).

⁸ Следует, однако, заметить, что пешие лучники, упоминаемые в «Деяниях», на самом деле могли быть спешившимися всадниками. Хотя Аммиан об этом не говорит,

О других категориях пехотинцев Аммиан Марцеллин прямо не говорит, но, исходя из его данных, с большой долей вероятности можно говорить еще об одном подразделении в составе пешего войска. Сюда следует отнести солдат, обслуживавших военную технику, и прежде всего — баллисты (XIX. 2. 8; 7. 2. 5. 7; XX. 6. 3; 7. 9). Наиболее отчетливо присутствие в персидской армии подразделений, обслуживавших осадные орудия, можно проследить по данным, приведенным Аммианом при описании взятия Шапуром II римской крепости Сингары (XX. 6. 1—9). Историк проводит достаточно четкую границу между отдельными категориями солдат, обслуживавших осадные приспособления, и остальной массой воинов. В частности, он сообщает, что по сигналу царя город был окружен солдатами, одни из которых «несли лестницы, другие готовили осадные орудия, а главная масса под прикрытием виней и штурмовых щитов старалась приблизиться к основанию стен с целью разрушить их» (*quibusdam vehentibus scalas, aliis componentibus machinas, plerisque obiectu vinearum pluteorumque tectis, iter ad fundamenta parietum quaerentibus subvertenda*) (XX. 6. 3).

В целом статус пехоты в персидском войске следует признать весьма низким. Аммиан пишет, что «пехотинцы, вооруженные по образцу мирмиллонов, несут службу подобно колонам. Вся их масса следует за конницей, словно приговоренная к вечному рабству, не будучи никогда вознаграждаема ни жалованьем, ни какими-либо подачками» (*pedites enim in speciem mirmillonum contecti iussa faciunt ut colones. Sequiturque semper haec turba tamquam addicta perenni servitio nec stipendiis aliquando fulta nec donis*) (XXIII. 6. 83); Аммиан подчеркивает, что именно пехота выполняла у персов тяжелую и неквалифицированную работу (например, возводила земляные валы (XIX. 6. 6)). Эти сведения во многом согласуются с данными других авторов — Лактанция и Прокопия Кесарийского. По Лактанцию, персы, «по обычаю своему, отправлялись на войну со всем своим скарбом беспорядочной толпой с обозами захваченного добра» (Lact. *DMP.* VIII. 5). Схожую информацию сообщает и Прокопий Кесарийский: «Вся их (персов. — *В. Д.*) пехота — не что иное, как толпа несчастных крестьян, которые идут с войском только для того, чтобы подкапывать стены, снимать доспехи с убитых и прислуживать воинам в других случаях. Поэтому у них нет никакого оружия, которым они могли бы причинить вред неприятелю; а свои огромные щиты они выставляют вперед только для того, чтобы самим обороняться от неприятельских стрел и копий» (Proc. *Bell.* I. 14. 25—26). Нужно, однако, заметить, что сведения, сообщаемые Аммианом, Лактанцием и Прокопием о персидской пехоте, характеризуют состояние этого рода войск до реформ Хосрова I (531—579), в значительной мере преобразивших всю сасанидскую армию, в том числе и пешее войско [Пигулевская и др. 1958: 62; Дьяконов 1961: 311—312; Yarshater 1983: 154].

все же такую возможность исключать нельзя, тем более что сам автор, говоря о пехоте персов, отмечает ее весьма низкие боевые качества (XXIII. 6. 83), а это никак не вяжется с его восхищением персидскими стрелками. Это замечание может относиться и к другим категориям персидской пехоты, описанным Аммианом Марцеллином.

Последний род войск, о наличии которого у персов не раз говорит Аммиан Марцеллин, — это отряды боевых слонов. Животное, по словам историка, управлялось восседавшим на нем воином (XIX. 2. 3), державшим в руках нож с длинной рукоятью, необходимый для нейтрализации животного, взбесившегося от полученных во время боя ран (XXV. 1. 15). Аммиан пишет, что в случае, если с разъярившимся животным справиться было уже невозможно, управляющий им человек сильным ударом рассекал слону позвоночник в месте его соединения с черепом (XXV. 1. 15). В то же время наскальные рельефы в Так-и Бустане дают несколько иную картину, нежели та, что описана Аммианом Марцеллином. На изображениях (см.: [Луконин 1977: 186; Nicolle 1996: 28—29]) четко видно, что на каждом животном размещается не один, а два человека, и это при том, что в данном случае изображена лишь сцена охоты. Во время боя на слоне тем более должны были находиться два воина — управляющий животным и поражающий противника стрелами либо иным метательным оружием. Трудно сказать определенно, совершил ли историк (вольно или невольно) ошибку или же он действительно наблюдал боевых слонов, управляемых одним вожатым. Ясно лишь, что неоднократные упоминания Аммианом этого рода войск позволяют говорить о его важности в персидской армии. Отдельного внимания заслуживает замечание Аммиана Марцеллина о том, что во время осады Шапуром II Амиды слоны использовались сегестанцами (XIX. 2. 3), т. е. выходцами из восточной части Ирана, расположенной вблизи Индии. Индия издревле являлась поставщиком боевых слонов в государства Среднего Востока. Достаточно вспомнить, пожалуй, наиболее известный в этом отношении случай, когда 500 слонов было получено Селевком Никатором от Чандрагупты Маурья (Strabo. XV. 2. 9). Очевидно, что и в сасанидский Иран боевые слоны попадали из Индии (на раннем этапе, возможно, — через Кушанское царство) [Nicolle 1996: 24]⁹, а потому не случайно их использование именно воинами из Сегестана.

Боевые слоны, несмотря на огромный, по сути, многовековой опыт борьбы с ними, накопленный римской армией, производили на римлян ошеломляющее впечатление¹⁰. Аммиан, проведенный на военной службе многие годы, даже спустя десятилетия не может спокойно писать о слонах в армии Шапура II: «Страшный их вид и ужасный хобот внушали едва преодолимый ужас» (XXV. 1. 14); «...морщинистые чудовища представляли собой... ужасное зрелище, наводящее неопишумый страх» (XIX. 2. 3); их «рев и ужасный вид... являются самым страшным, что может себе представить человек» (XIX. 7. 7); «...слоны, как перемещающиеся горы...

⁹ Отмеченное Аммианом наличие боевых слонов именно у воинов из прилегающего к Индии Сегестана подтверждает эту мысль. О том, что персы получают слонов из Индии, говорится и в современном Аммиану «Полном описании вселенной и народов» (Ехр. 18).

¹⁰ В связи с этим слишком категоричным выглядит мнение о том, что боевые слоны лишь «первоначально... являлись грозным оружием и производили значительные опустошения в рядах вражеской пехоты», но вскоре с ними научились бороться, и их роль свелась почти к нулю [Жилин 1986: 10]. Из данных Аммиана следует, что и в IV в. н. э. отряды боевых слонов являлись важной ударной силой в армии персов.

грозили гибелью приближавшимся, наводя страх» (XXIV. 6. 8). Справедливости ради нужно отметить, что римские воины все же владели способами борьбы с персидскими боевыми слонами, о чем сообщает и сам Аммиан (XXV. 6. 2—3; XIX. 7. 7).

Таким образом, в персидской армии времен Шапура II, исходя из сведений Аммиана Марцеллина, можно выделить три основных рода войск: кавалерию, пехоту и отряды боевых слонов. Первые два, как было показано выше, являлись неоднородными и могут быть разделены на ряд категорий, различающихся по своим функциям.

Вторым основанием для анализа состава персидской армии является этническая принадлежность составлявших ее воинов. В данном отношении Аммиан немногословен, но определенные сведения на сей счет в его сочинении все же имеются. Исходя из информации Аммиана Марцеллина, можно предположить, что большую часть персидской армии составляли собственно персы. Хотя напрямую об этом историк не говорит, для него, вероятнее всего, это было очевидным фактом, не нуждающимся в отдельной констатации. Судя по тому, что Аммиан постоянно называет все вражеское войско персидским или просто персами (XVI. 9. 1; XVIII. 8. 3, 11, 12; XIX. 2. 3, 8, 11; 5. 5; 6. 13; 8. 1, и т. д.), это предположение можно считать вполне обоснованным. Интересно, что иногда (XX. 4. 2; XXI. 7. 1; XXV. 3. 4 и др.) Аммиан называет противника не персами, а парфянами; возможной причиной этого является традиционное для античной литературы смешение таких этнонимов, как мидяне, персы и парфяне. Например, Геродот называет персов мидянами (Herod. VII. 139, 210, 211 и др.) так же называет их Прокопий Кесарийский (Proc. *Bell.* I. 1. 17; 2. 5; 3. 12; II. 6. 17 и др.); Плиний называет персов парфянами (Plin. *NH.* VI. 41), как Синезий Киренский (Synes. *DR.* 16), Евтропий (Eutrop. X. 8, 15, 16) и Орозий Павел (Oros. VII. 30. 4); Либаний же иногда называет персов ассирийцами (Liban. *Or.* XVIII. 221, 227, 231 и др.) (см. также: [Drijvers 1999: 200]). Другое объяснение может состоять в особенностях представления Аммиана об истории Персии. По всей видимости, он не знал о переходе власти в Иране к Сасанидам¹¹, и для него Аршакиды все еще являются правящей династией¹². Можно также предположить, что в данном случае свое влияние на Аммиана Марцеллина оказала идущая, возможно, от Арриана позднеантичная историческая традиция, в которой Аршакидов считали не парфянской, а персидской династией, а парфян — персами [Кошеленко 1976: 35].

Что касается распределения персов по родам войск, то здесь, основываясь на данных Аммиана Марцеллина, трудно сказать что-либо опреде-

¹¹ Этот факт был известен уже Диону Кассию (Cass. LXXX. 3. 4) и Геродиану (Herodian. VI. 2. 7; 3. 5). Я. Дрийверс, однако, полагает, что Аммиан, возможно, знал о смене в Иране правящей династии, но сознательно опустил эту информацию, поскольку его слушатели не видели никакой разницы между Персией под властью Аршакидов и Персией под властью Сасанидов [Drijvers 1999: 195].

¹² Допущенный Аммианом анахронизм, возможно, обусловлен некритическим использованием им какого-то старого источника, созданного еще в годы существования Парфянского царства [Gardthausen 1873: 509; Chaumont 1986: 978]; см. однако: [Brok 1975: 47—56; Drijvers 1999: 195].

ленное. Видимо, основная их масса служила в составе пехоты (XXIII. 6. 83]; кавалерия включала меньшинство персов, ибо в ней служили только представители персидской знати (XXIII. 6. 83), что было традиционно и для древневосточных армий в целом [Жилин 1986: 10].

Помимо собственно персов, в войске Шапура II Аммиан выделяет подразделения, сформированные из других народов, проживающих как на территории Персии, так и вблизи ее границ. Собираательно они названы в «Деяниях» «дикими» (*ferae*) (XIV. 3. 1; XVIII. 4. 1; XIX. 2. 12), «соседними» (*vicinae*) (XVIII. 6. 22; XXVII. 12. 18) или «разными» (*diversae*) (XIX. 1. 3) племенами. Отношения между этими «соседними племенами» и персами в военно-политической сфере были нестабильны. Аммиан пишет, что «дикие народы... в своем изменчивом настроении часто наступают на него (Шапура II. — В. Д.), а иной раз, когда он идет на нас войной, оказывают ему помощь» (XIV. 3. 1).

Какие же народы имеет в виду Аммиан Марцеллин, говоря об участии их в войнах с Римом на стороне персов? Прежде всего сюда следует отнести хионитов¹³ (*chionitae*), с которыми в 358 г., после продолжительной войны, Шапуром II был заключен мирный договор (XVII. 5. 1); результатом этого соглашения и явилось участие хионитов во главе с царем Грумбатом в войне Шапура против Рима (XVIII. 6. 22). Как составная часть персидской армии отряды хионитов упоминаются Аммианом трижды, и все эти упоминания связаны с событиями, происходившими под Амидой в 359 г. (XVIII. 6. 22; XIX. 1. 7—8; 2. 3).

Кроме хионитов в армии Шапура II под Амидой находились также албаны (*albani*) (XVIII. 6. 22; XIX. 2. 3) и сегестанцы (*segestani*) — «самые жестокие из всех воители» (*acerrimi omnium bellatores*) — с отрядами боевых слонов (XIX. 2. 3). Можно также предположить, что, помимо представителей указанных выше племен, совместно с персами воевали также геланы (*gelani*)¹⁴ и некие загадочные евсены (*euseni*), которых исследователи обычно отождествляют с кушанами¹⁵. Предположение о при-

¹³ Проблема происхождения и этнической истории хионитов до сих пор является предметом споров и дискуссий. Литература, посвященная хионитам, огромна. Из наиболее важных работ см.: [Тревер 1954; Толстов и др. 1955: 103—105; Мандельштам 1958; Гумилев 1959; Гафуров, Литвинский 1963: 405—420; Ghirshman 1948; Tomaszek 1899; McGovern 1939; Altheim 1959; Enoki 1959; Matthews 1989: 488—489; Felix 1991; Амбарцумян 2002]. Следует заметить, что в работе А. Н. Бернштама — одном из наиболее обстоятельных отечественных исследований, посвященных истории гуннов, — вопрос о связи между хионитами и гуннами практически игнорируется (см.: [Бернштам 1951: 185]). Большой вклад в изучение истории хионитов и связанных с ней вопросов внесли сотрудники Хорезмской археолого-этнографической экспедиции во главе с С. П. Толстовым (см.: [Толстов 1955; 1959; Неразик, Лапиров-Скобло 1959; Трофимова 1959; 1963; Толстов, Вайнберг 1967; Рапопорт 1971; Левина 1971 др.]).

¹⁴ Маркварт предлагает вместо «Gelanis» читать «Segestanis» [Marquart 1901: 36]. П. Сайкс, однако, придерживается текста первоисточника и видит прямую связь между этнонимом «геланы» и топонимом «Гилян» [Sykes 1921: 415].

¹⁵ Прочтение «Cuseni» вместо «Euseni» было предложено Марквартом [Marquart 1901: 36] и затем поддержано другими исследователями ([Ghirshman 1954: 296—297; Гумилев 1959: 134; Дьяконов 1961: 401; Гафуров 1972: 196; Алаев 2000: 30; Соловьев

сутствии в армии Шапура под Амидой кушан основано на том, что в конце 350-х гг. Шапур II воевал не только с хионитами, но и с «евсенами» (кушанами) (XVI. 9. 4)¹⁶, а потому их присутствие в армии персов наряду с отрядами хионитов после заключения мира с Персией выглядит достаточно закономерным. В то же время в персидское войско вполне могли входить и геланы, о возможном союзе Шапура II с которыми прямо говорит Аммиан Марцеллин (XVII. 5. 1). Историк не упоминает ни «евсенов»-кушан, ни геланов в составе персидского войска, но их присутствие там вполне вероятно, тем более что в тексте «Деяний» — как раз в том месте, где Аммиан перечисляет народы, чьи отряды участвовали в осаде вместе с персами (XIX. 2. 3), — имеется лакуна. Упомянут Аммианом Марцеллином еще один народ, представители которого воевали против Рима совместно с персами (уже во время персидского похода Юлиана в 363 г.), — это сарацины (см., однако: [Алаев 2000: 30]), которых историк называет «ассанитскими» (*saraceni assanitae*) (XXIV. 2. 4; XXV. 1. 3; 6. 9—10)¹⁷. Судя по сведениям Аммиана, сарацины представляли персам отряды легкой конницы (XXV. 1. 3). Присутствие в персидской армии сарацин тоже не было постоянным, т. к. Аммиан говорит об относительно недавнем появлении их отрядов у персов, да и то лишь по причине отказа Юлиана выдать причитающиеся им жалованье и подарки (XXV. 6. 10); в другом же месте Аммиан прямо упоминает отряды сарацин как подразделения на службе у римских императоров (XIV. 4. 6; XXXI. 16. 5—6) (ср.: [Пигулевская 1960: 52; Gibb 1964: 363]). Участие сарацин в римско-персидских войнах на стороне римлян отмечает также Табари (Tabari. 840—841).

Таким образом, уверенно можно говорить о четырех народах, воинские контингенты которых, как отмечает Аммиан Марцеллин, служили в войске Шапура II кроме самих персов. Это хиониты, албаны, сегестанцы и сарацины. Как нетрудно заметить, почти все они (за исключением сегестанцев) происходили из соседних с Сасанидской державой территорий и не являлись подданными шаханшаха. Следует ли из этого, что представители других народов, проживавших в пределах персидского государства кроме самих персов, в сасанидской армии не служили? Видимо, нет. В источниках почти всегда говорится о значительной численности персидской армии (называются цифры в десятки и даже сотни тысяч воинов), и одним персам собрать такое войско было бы явно не под силу. Кроме того, длившиеся весь IV в. практически непрерывные войны сопровождалась

1998: 470; Frye 1984: 311; Matthews 1989: 62] и др.; см., однако: [Пигулевская 1941б: 35; Луконин 1969а: 42; Sykes 1921: 415]).

¹⁶ В. Г. Луконин считает, что походы Сасанидов против кушанских княжеств не могли происходить в середине 350-х гг. По его мнению, «серьезную военную экспедицию в пределы Кушанского царства можно поместить лишь в пределы самого конца 60—70-х гг. IV в.» [Луконин 1969а: 43]. Однако данные, приводимые Аммианом, ясно показывают, что войны Сасанидов против кушан происходили уже в 50-е гг. IV в.

¹⁷ Н. В. Пигулевская высказала обоснованное мнение, согласно которому, речь в данном случае идет об арабском племени Гассанидов [Пигулевская 1960: 52]. См. также: [Пигулевская 1962: 80; 1964: 30—36].

значительными потерями живой силы¹⁸, восполнить которые можно было лишь с использованием людских ресурсов всей Сасанидской державы, а не только Парса. Чем же в таком случае можно объяснить тот факт, что из всего многонационального сасанидского войска Аммиан особо выделяет сегестанцев? Это исключение, на наш взгляд, может быть объяснено особым статусом Сегестана (Сакастана), оформившимся еще в парфяно-сасанидскую эпоху и выразившимся, например, в том, что он управлялся родственниками шаханшаха [Дьяконов 1961: 288].

2. Вооружение персидской армии

Что касается вооружения персидского войска, то оно, исходя из сведений Аммиана Марцеллина, было довольно разнообразным. Историк неслучайно называет персов искусными стрелками (XXV. 1. 13); подтверждением его слов является то, что лук и стрелы на вооружении у персов упоминаются в «Деяниях» чаще, чем любые другие виды оружия (16 раз). Аммиан, видимо, достаточно хорошо изучил вооружение персов, ибо отмечает наличие у них разных по устройству и назначению луков. Так, он особо выделяет огромные луки, использовавшиеся персами при обороне крепостей: «Широкие, с обоих концов выступавшие рога этих луков стягивались очень медленно, зато спущенная сильным ударом пальцев тетива метала окованные железом стрелы с такой силой, что, впиваясь в тело противника, они пронзали его насмерть» (XXIV. 2. 13). С помощью горящих стрел, посылаемых из лука, персы поджигали и таким образом уничтожали изготовленную из дерева осадную технику римлян (XX. 11. 13). Следует отметить, что лук чаще других видов наступательного вооружения фигурирует и на дошедших до нас многочисленных изображениях персидских воинов, а также самих Сасанидов¹⁹; этот факт, безусловно, подтверждает информацию Аммиана и говорит о важности той роли, которую играли лучники в персидской армии.

Гораздо реже Аммиан говорит об использовании персами пращей — в общей сложности (прямо или косвенно) не более пяти раз ((XIX. 5. 1; XX. 6. 6; XX. 11. 9; XXIV. 2. 15), возможно, (XXV. 3. 4)). Как отмечает Аммиан, из пращи в противника металась как камни, так и куски свинца (XX. 6. 6; XXIV. 2. 15). Всего трижды (XIX. 2. 6; XXV. 1. 13; 3. 4) Аммиан Марцеллин говорит о применении персами копий (в том числе один раз обогретенное кровью копье, брошенное царем хионитов Грумбатом, играло роль сигнала к началу штурма Амиды). Довольно редко и вскользь историк упоминает о том, что персидские воины были вооружены мечами

¹⁸ Лишь при осаде Амиды (далеко не самой мощной римской крепости в Месопотамии) Шапур II потерял около 30 тыс. воинов (XIX. 9. 9). Потери персов во время осад таких крупных городов, как, например, Нисибис, должны были составлять намного большие цифры.

¹⁹ См., напр., изображения Шапура II [Дьяконов 1961: 269; Рак 1998: 550], Варахрана I, Варахрана II [Nicolle 1996: 11], Хосрова I [Nicolle 1996: 22], рядовых воинов [Nicolle 1996: 15, 23, 63, 65 etc.].

(XVIII. 8. 12; XIX. 8. 4; XX. 7. 14—15, 22; 11. 22; XXIV. 6. 11). Видимо, заострять внимание на этом факте автор «Деяний» считал излишним, поскольку для него как профессионального военного он был самоочевиден. Иначе не могло и быть, ибо это было неотъемлемым условием успешной борьбы персов с римской пехотой, прекрасно обученной и подготовленной к действиям в ближнем бою. Наличие у сасанидских воинов мечей подтверждается и археологическими данными. Найденные во время раскопок мечи имеют подчас достаточно внушительные размеры (до 82—85 см, а есть экземпляры длиной и до 1,8 м, которыми, возможно, пользовались конные воины) [Nicolle 1996: 68]²⁰.

Таким образом, из сведений Аммиана Марцеллина следует, что персы отдавали предпочтение оружию, позволяющему поражать врага на дальней дистанции (в первую очередь луку), но в необходимой мере использовали и оружие, предназначенное для ближнего боя. Это нашло свое отражение в тактике действий персидских войск, о чем пойдет речь ниже.

Что касается защитного снаряжения, то оно, судя по предоставленной Аммианом информации, было достаточно совершенным и эффективным. Кроме щитов, сплетенных из лозняка (XXIV. 2. 10) или тростника (XXIV. 6. 8) и покрытых сырой кожей (XXIV. 2. 10; 6. 8), сюда следует отнести «сверкающие шлемы и крепкие панцири», делавшие персов, по словам самого Аммиана Марцеллина, практически неуязвимыми для вражеских стрел (XXV. 1. 12). Историк весьма подробно описывает персидские доспехи. Он отмечает, что они изготавливались из железа (XIX. 1. 2; XXIV. 2. 10; 4. 15; XXV. 1. 12); кроме того, доспех подгонялся точно по размеру воина. Аммиан пишет, что персы «производили впечатление людей из железа: полосы железа, точно прилаженные по форме частей тела, одевали надежным покровом весь корпус» (XXIV. 2. 10), а «железные бляшки так тесно охватывали все члены, что связки совершенно соответствовали движениям тела» (XXV. 1. 12). Аммиан сравнивает персидский доспех с перьевым покровом птиц, отмечая его легкость и прочность (XXIV. 4. 15). Особенно же интересно приводимое Аммианом описание защитной маски у персидских воинов: «Прикрытие лица так хорошо прилегалo к голове, что... попадавшие стрелы могли вонзиться только там, где через маленькие отверстия, находившиеся против глаз, можно было видеть, или где через ноздри с трудом выходит дыхание» (XXV. 1. 12). Такой доспех носили как всадники (XIX. 1. 2), так и пешие воины (XXIV. 2. 10; 4. 15; XXV. 1. 12). Описание персидского защитного снаряжения Аммианом в целом совпадает с тем, что дает его современник Либаний (Liban. Or. XVIII. 206, 265), а также данные археологических исследований [Pore 1939: 2558; Nicolle 1996: 15, 30—31]. Таким образом, тяжеловооруженный персидский воин был прикрыт железными доспехами, сделанными по индивидуальному заказу, практически с ног до головы, причем он не был стеснен в своих движениях, что было очень важно в бою.

²⁰ О мечах сасанидской эпохи см. также: [Overlaet 1989: 741—756; Masia 2000: 1—289].

Из данных Аммиана Марцеллина следует, что защищен был не только всадник, но и его лошадь — для нее делался специальный кожаный доспех (*operimenta scorteae*) (XXIV. 6. 8). Подобный тип снаряжения кавалерии являлся традиционным для Ирана и известен по многим письменным, изобразительным и вещественным источникам, относящимся как к сасанидской, так и к более ранней парфянской эпохе (см.: [Никоноров 1985: 32—33; Nicolle 1996: 15, 17]). Для римлян, никогда не имевших своей сильной конницы, борьба с парфянскими, а затем персидскими катафрактариями была достаточно сложной задачей [Толстов 1948а: 212—213, 227].

Вопрос о происхождении подобного типа тяжелых доспехов, защищавших и всадника и лошадь, представляет собой отдельную проблему. Часть исследователей придерживаются мнения о том, что тяжеловооруженная кавалерия была создана жителями оседлых земледельческих районов Средней Азии с целью защиты от нападений соседей-кочевников [Толстов 1948а: 211—227; 1948б: 140—141; Nicolle 1996: 9]²¹. Есть точка зрения, что такое снаряжение впервые стали использовать кочевники Среднего Востока [Laufer 1914: 215; Горелик 1982: 105]; см. также: [Толстов 1948б: 140; Дьяконов 1961: 392]. Согласно третьему мнению, родину тяжелой конницы следует искать в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе [Черненко 1971]²². Есть также предположение, что тяжелая кавалерия появилась на территории Бактрии и Парфии [Пугаченкова 1966: 43].

Особо следует отметить сведения Аммиана Марцеллина об орудиях и приспособлениях, применяемых персами во время осады либо обороны городов²³. Из осадных машин Аммиан чаще всего называет баллисту (не менее пяти раз: (XIX. 5. 1; 7. 2, 5, 7; XX. 11. 13)), из которой метались не только камни и им подобные метательные снаряды, но и горшки с зажигательной смесью (XX. 11. 13). Следует также отметить, что при защите и осаде крепостей баллисты зачастую использовались персами для поражения вражеских воинов (XIX. 5. 1, 6; 7. 2, 5) (см.: [Crump 1975: 104]). Однажды сам император Юлиан чуть не погиб от выстрела из какого-то осадного орудия (*tormentum murale*) (XXIV. 5. 6), которым, вероятно, бы-

²¹ Близкую позицию занимают также Б. А. Литвинский и И. В. Пьянков, по мнению которых конский доспех попал в Иран, Китай и, возможно, Индию именно из Средней Азии [Литвинский, Пьянков 1966: 44]. С. П. Толстов доводит эту теорию до крайности, ошибочно (особенно в свете данных Аммиана Марцеллина) утверждая, что весь комплекс вооружения изображенных на ряде среднеазиатских находок тяжело-вооруженных всадников «ничего общего не имеет с вооружением сасанидского Ирана» [Толстов 1948а: 216]. Ср.: [Горелик 1987: 111, 369, 116].

²² Вопросу о происхождении и снаряжении тяжеловооруженной кавалерии посвящено достаточно много исследований. Из работ последних лет см.: [Nikonov 1998; Coulston 1986; Michalak 1987; Allan 1987; Herrmann 1989; Gall 1990; Mielczarek 1993; 1998].

²³ Характеристике осадных орудий Аммиан посвящает отдельный экскурс (XXIII. 4. 2—15), однако его достоверность является спорной (см., напр.: [Hengst 1999: 29—39]). Гораздо больше полезной информации об осадных орудиях и их использовании (в том числе и персами) содержится непосредственно в описании многочисленных сражений между римской и персидской армиями.

ла именно баллиста. Она могла размещаться как на крепостной стене, так и на верхней площадке осадной башни, что давало возможность поражать противника на стенах более эффективно, направляя снаряды сверху вниз (XIX. 5. 1, 7; 7. 2) [Crump 1975: 104—105].

Главным приспособлением для разрушения стен и башен вражеской крепости были тараны, имевшие разные размеры (XX. 7. 13). Для защиты от горящих стрел и других зажигательных снарядов, посылаемых противником со стен, изготовленный из дерева таран, как правило, был прикрыт мокрыми шкурами (XX. 7. 13). Достаточно широко применялись персами и осадные башни (*helepolis*) (XIX. 5. 1; 7. 2, 5, 7), в том числе и с окованной железом фронтальной поверхностью (XIX. 5. 1; 7. 2). Интересно, что Аммиан ничего не сообщает о наличии таких башен у римлян; нет упоминаний об окованных железом гелеполах и в «Кратком изложении военного дела» Флавия Вегетия Рената (Veget. *ERM*) — одном из важнейших источников по истории военного дела у римлян в период домината²⁴.

Важную роль при осаде вражеских городов играли также осадные, или штурмовые щиты (*plutei*), служившие прикрытием идущим на штурм персидским воинам (XIX. 5. 1; XX. 6. 3), и, как пишет Аммиан, «штурмовые крыши» (*tegmīnes*) (XIX. 7. 3), или виней (*vineae*) (XX. 6. 3; XXIV. 2. 18). Кроме того, при штурме крепостей персы широко использовали штурмовые лестницы (*scalae*) (XIX. 5. 6; XX. 6. 3; 7. 6).

При обороне находили применение толстые стеганные матрасы, которые Аммиан называет киликийскими (*cilicia*) (XX. 11. 9; XXIV. 2. 10). Персы вывешивали их на стенах крепостей с наружной стороны для смягчения удара пущенного из вражеской баллисты снаряда (видимо, в наиболее уязвимых местах стены) (XXIV. 2. 10) либо прикрывали ими промежутки между зубцами стены для защиты от метательных снарядов и стрел врага (XX. 11. 9). Кроме того, во время обороны персы широко использовали различный подручный материал, обычно применяемый в такой ситуации: бочки, обломки колонн (XX. 11. 10), расплавленную смолу (XX. 11. 15), охапки горящего хвороста (XX. 11. 18—19), сети и канаты для захвата и удержания ударной части тарана (XX. 11. 15), камни (XX. 11. 9) и др.

Из приведенного выше материала можно заключить, что по своему вооружению и техническому оснащению описываемая Аммианом Марцеллином персидская армия ни в чем не уступала армии римлян, а по некоторым параметрам, возможно, и превосходила ее²⁵.

²⁴ Из данных Аммиана следует, что гелеполы вообще редко использовались римской армией. Н. Остин объясняет это трудностью их постройки и транспортировки [Austin 1979: 141], однако очевидно, что для персов это было не менее затруднительно.

²⁵ Основываясь на данных Аммиана Марцеллина, Г. Крамп справедливо, на наш взгляд, отмечает, что в IV в. персы, как и римляне, «сильно зависели от арсенала оружия, разработанного в греческом мире в течение позднего классического и эллинистического периодов». Интересно в связи с этим вспомнить эпизод, в котором Аммиан рассказывает о смертельном ранении императора Юлиана. Казалось бы, наиболее просто было определить, от чьей руки (перса или римлянина) погиб император, по дротику, застрявшему в его теле. Однако о такой возможности Аммиан даже не упоминает, что говорит о значительном сходстве (если не об идентичности) техники исполнения предметов вооружения у персов и римлян.

3. Тактическое искусство персов

Тактику персов более целесообразно рассматривать в двух аспектах: ведение боя на открытой местности и действия персов при осаде либо обороне крепостей²⁶.

В действиях на открытом пространстве персы очень часто использовали фактор внезапности, что нередко приносило им успех (XIV. 3. 1; XVI. 9. 1; XVIII. 8. 3; XXIII. 3. 4—5; XXIV. 3. 1; 4. 7; XXV. 1. 5; 3. 2—3; 6. 7). Кроме того, Аммиан не раз говорит о засадах, устраивавшихся персами на пути следования римских войск (XVIII. 8. 3; XXIV. 2. 4; 3. 14; 4. 29; XXV. 3. 1). Особенно ярко искусство персов устраивать засады проявилось в одном из эпизодов, когда ночью недалеко от Амиды через Тигр переправилось, по словам Аммиана, до 20 тысяч (!) персов, в том числе большое количество всадников; при этом римляне ухитрились не заметить переправы такого огромного числа воинов, за что жестоко поплатились (XVIII. 8. 3—5).

Наличие в персидской армии многочисленной и боеспособной конницы делало ее действия достаточно стремительными и позволяло наносить сокрушительные удары там и тогда, где и когда это было необходимо. Аммиан часто говорит о ключевой роли персидской конницы в бою, а также в целом о ее превосходстве над кавалерией римлян (XVIII. 8. 4. 7; XXIII. 6. 83; XXIV. 4. 7; XXV. 1. 18; 3. 4; 6. 11; XXIX. 1. 3). Конные отряды персов свободно перемещались в виду римлян, удерживая выгодную для себя дистанцию и не вступая без необходимости в ближний бой, в котором шансы их и римлян становились бы примерно равными (XXIV. 7. 7; XXV. 1. 18; 6. 11)²⁷. Аммиан отмечает, что персидские всадники прекрасно владели луком (XXV. 1. 18). Маневры в непосредственной близости от римской армии (XXIV. 7. 7), внезапные нападения и столь же внезапные отходы персов (XXV. 6. 11) вводили римлян в заблуждение относительно численности сасанидского войска и планов персидского командования, изматывали их и не позволяли быстро и беспрепятственно продвигаться в нужном направлении (см.: [Crump 1975: 90]). Именно действия персидских катафрактариев решили судьбу боя, приведшего к гибели императора Юлиана (XXV. 3. 4). Те же катафрактарии неожиданным ударом с тыла рассеяли и почти полностью уничтожили отряд Урсицина, лишив тем самым гарнизон Амиды так необходимого ему опытного военачальника (XVIII. 8. 7—10).

Перед началом боя персы, как правило, уже издали пускали в противника тучу стрел (XXIV. 2. 8; 6. 11; XXV. 1. 17; 3. 11), и Аммиан, как

²⁶ Такой подход к изучению «Деяний» с точки зрения содержащихся в них сведений о военной тактике является традиционным, и здесь мы следуем за Г. Крампом [Crump 1975: 140—161] и Н. Остином [Austin 1979: 69—113].

²⁷ Об эффективных способах борьбы римских легионеров с катафрактариями пишет Либаний (Liban. Or. XVIII. 265). Это заставляет усомниться в утверждении С. П. Толстова о том, что, войдя в непосредственное соприкосновение с катафрактариями, римская пехота «оказывается в невыгодном положении, наткнувшись на острия длинных пик и на бронированные груди коней», и в итоге проигрывает сражение [Толстов 1948а: 227].

было замечено выше, вообще отмечает высокий уровень подготовки персидских стрелков (XV. 1. 13). Учитывая необычайную скорострельность древних лучников [Никоноров 2002: 283], можно с уверенностью говорить о весьма высокой эффективности действий персидских стрелков во время боя.

Вслед за стрелками в бой вступали остальные пехотинцы (XV. 1. 13). Боевые слоны могли следовать как позади боевых порядков пехоты (XXIV. 6. 8; XXV. 1. 14), так и перед ними (XXV. 3. 11; 6. 22), выполняя, как можно заключить, исходя из данных Аммиана Марцеллина, скорее устрашающую, нежели действительно боевую функцию (XIX. 2. 3; 7. 7; XXIV. 6. 8; XXV. 1. 14; 3. 11) (см.: [Nicolle 1996: 24]). За основной массой персидских войск во время боя находился резерв из «манипул пехотинцев» (*manipuli peditum*) (XXIV. 6. 8).

Во время продвижения вражеских войск персы чаще всего наносили удары с тыла (XVIII. 8. 7—8; XXIV. 4. 7; XXV. 3. 2); иногда, стремясь к полному разгрому врага, одновременно с этим осуществлялось нападение на авангард сил противника (XXV. 3. 3). Отрезав, таким образом, вражеской армии пути возможного отхода, персы затем наносили сокрушительный удар силами тяжелой кавалерии при поддержке боевых слонов в центр вражеских порядков, атакуя противника «копьями и всякими метательными снарядами» (XXV. 3. 4) (см.: [Stump 1975: 90]). Добившись перевеса на одном из флангов, персы пытались его опрокинуть и, зайдя в тыл, окружить вражеское войско (XXV. 3. 4). Как раз во время такого боя и погиб император Юлиан Отступник.

Также Аммиан Марцеллин отмечает умение персов использовать особенности местности и преодолевать естественные преграды. Так, например, во время боя с отрядом Урсицина, следовавшим в Самосату, римские воины были оттеснены персами к обрывистому берегу Тигра и сброшены в реку (XVIII. 8. 9); после гибели Юлиана римляне, неосмотрительно разбив лагерь в долине, окруженной лесистыми холмами, были атакованы персами, обрушившимися на них с соседних склонов (XXV. 6. 5—7); дождавшись, пока римляне начнут переправу через один из рукавов Евфрата, персы внезапно обстреляли их из луков (XXIV. 2. 8); на пути армии Юлиана персами затоплялись значительные территории (XXIV. 3. 10—11); ср.: (Liban. Or. XVIII. 223) и поджигались сухая степь и хлебные поля (XXIV. 7. 7), что серьезно замедляло продвижение римлян. В то же время в походе 359 г., когда все персидское войско было вынуждено переправляться через Анзабу по наводному мосту, переправа длилась целых три дня и прошла без всяких осложнений (XVIII. 7. 1—2). После этого персидская армия, встретив на пути разлившийся Евфрат, совершила обход, избежав опасного перехода по пустынной местности и необходимости переправляться через многоводную реку (XVIII. 7. 9—10). Аммиан, сам будучи профессиональным воином и прекрасно понимая, что подобные успехи достигаются за счет постоянных упражнений и поддержания жесткой дисциплины, очень высоко оценивает боевую подготовку и выучку персов (XVIII. 6. 22; XXIII. 6. 83).

Более обстоятельно Аммиан Марцеллин освещает тактику действий персидской армии при обороне и осаде городов. Судя по данным Аммиана, чаще всего столкновения римлян и персов происходили как раз под стенами крепостей, а не в поле (см.: [Crump 1975: 89, 97, 101])²⁸. Возможно, римляне предпочитали не испытывать судьбу и не вступать в бой на открытой местности, ибо, как это следует из сведений Аммиана, персы в этом случае имели ряд преимуществ, о чем уже говорилось выше, и, как правило, удача была на их стороне. Кроме того, наличие в урбанизированной Месопотамии многочисленных больших и малых городов-крепостей объективно заставляло обе воюющие стороны направлять свои усилия в первую очередь на установление (или сохранение) над ними своего контроля; в такой ситуации сражения на открытой местности приобретали второстепенное значение.

В «Деяниях» можно встретить довольно много эпизодов, связанных с осадой персами римских крепостей или же, напротив, с обороной своих укрепленных пунктов от римлян. Наиболее подробным является описание осады персидской армией во главе с Шапуром II Амиды в 359 г. (XIX. 1—8). Кроме того, весьма детально Аммианом освещены такие события, как осада персами крепостей Сингара (XX. 6. 1—7) и Безабда (XX. 7. 2—15), оборона от римлян той же Безабды (XX. 11. 6—32) (все это происходило в 360 г.) и Пирисаборы (XXIV. 2. 9—22) (363 г.). Сражениям за другие укрепленные пункты Аммиан уделил гораздо меньше внимания, хотя и в их описаниях содержится ряд важных для нас сведений. Следует отметить, что почти во всех указанных выше событиях (за исключением обороны от персов Сингары и Безабды) автор «Деяний», по всей видимости, участвовал лично, что говорит в пользу высокой степени достоверности приведенных им сведений.

Прежде чем приступить непосредственно к осаде крепости, персы внимательно изучали ее фортификационные сооружения, особенности их устройства, пытались отыскать наиболее уязвимые места (XX. 7. 22). После этого обязательно следовало предложение о добровольной сдаче, адресованное защитникам крепости; во всех четырех случаях осады персами крепостей (Амиды, Безабды, Сингары и Вирты), описанных Аммианом, персы сначала пытались склонить гарнизон к сдаче без боя (XIX. 1. 6; XX. 6. 3; 7. 3; 7. 17) (см.: [Абдуллоев 1998: 251—252; Crump 1975: 101]). В случае отказа войску давались один-два дня на отдых и подготовку к осаде (XIX. 2. 2; XX. 6. 3; 7. 5); в это же время персами опустошались окрестности (видимо, с целью предотвратить возможное снабжение осажденных продовольствием со стороны местных жителей) (XIX. 2. 2), а вражеская крепость окружалась несколькими линиями осадных щитов (под Амидой, например, таких линий было пять) (XIX. 2. 2), валов (XX. 7. 18), фашинных заграждений (XIX. 5. 1).

После всех этих приготовлений начиналась фаза активных действий с персидской стороны. Войско персов при осаде неприятельской крепости

²⁸ Эта тенденция была характерна и для римско-персидских войн в последующие столетия [Колесников 1970: 49].

могло делиться на несколько частей по этническому принципу; каждый из отрядов в этом случае получал свой участок для ведения осадных действий. Так было, например, под Амидой, где «восточная часть... досталась хионитам, южная стена была отведена... (текст испорчен. — *В. Д.*), северную заняли албаны, а против западных ворот поставлены были сестанцы, самые храбрые из всех воины» (XIX. 2. 3). В этом отрывке Аммиан не упоминает о самих персах. Возможно, это связано с тем, что при осаде городов персы стремились посылать на штурм стен (т. е. на самую опасную и кровопролитную операцию) подразделения союзников либо покоренных народов, предпочитая пожинать плоды победы, оплаченные чужой кровью.

Таким образом, город оказывался в полной блокаде (XIX. 2. 2, 3, 5; XX. 6. 3), и с этого момента осажденные могли надеяться только на самих себя и на удачу (XIX. 2. 4). В связи с этим вполне понятны исполненные отчаяния слова Аммиана: «Видя перед собой несметное количество людей... обращенных против нас, мы оставили всякую надежду на спасение и думали только о славной смерти, которая была уже для всех нас желанной» (XIX. 2. 4). По сигналу военачальника (таким сигналом мог быть бросок окровавленного копья в сторону вражеской крепости, как это было под Амидой (XIX. 2. 6), или поднятие красного знамени²⁹, как под Сингарой (XX. 6. 3)) солдаты бросались на штурм. Под прикрытием непрерывного ураганного обстрела укреплений (XIX. 2. 8; 5. 1; XX. 6. 6) штурмующие шли в атаку: «Одни солдаты несли лестницы, другие готовили осадные орудия, а главная масса под прикрытием фашии и штурмовых щитов старалась приблизиться к стенам, чтобы повредить их основание» (XX. 6. 3). Как видно из приведенного отрывка, среди персов существовало четкое разделение функций во время осады неприятельской крепости, а их действия были достаточно грамотно спланированы и организованы.

Параллельно с этим продолжали сооружаться валы, возводились осадные башни с окованной железом фронтальной поверхностью, на которых размещалось по одной баллисте для поражения находящихся на стенах защитников крепости. Все это происходило на фоне ни на миг не прекращавшегося обстрела противника из пращей, луков, осадных орудий (XIX. 2. 8; 5. 1). Осажденные отвечали тем же, стараясь не подпустить персов близко к стенам и не позволить им применить осадные машины (XIX. 7. 4; XX. 6. 6). По этой причине персам приходилось продвигаться в направлении стен под защитой виной (XIX. 7. 3). Штурм, начавшись на рассвете, длился до наступления темноты (XIX. 2. 12), и так продолжалось несколько дней (XX. 6. 5), а то и недель, как в случае с Амидой (XIX. 9. 9).

В итоге, если осада шла успешно, с помощью тарана в стене делался пролом (XIX. 8. 2; XX. 6. 6—7; 7. 13), в который устремлялись персидские воины, и наступал трагический финал — резня на улицах взятого

²⁹ О знаменах в Иране, в том числе и в сасанидскую эпоху, см.: [Melikian-Shirvani 1988].

приступом города. Описание этого зрелища Аммианом в комментарии не нуждается: «Персы избивали, как скотину, всех вооруженных и безоружных, без различия пола» (XIX. 8. 4); «...яростно рубили враги всех, кто попадался им навстречу, резали младенцев, вырывая их из рук матерей; никто не осознавал, что он делал. Среди этих ужасов только жажда грабежа ...могла удержать от убийства» (XX. 7. 15). В первой цитате Аммиан описывает судьбу Амиды, во второй — Безабды. Однако жителей взятой Сингары персы в основном оставили в живых, увезя их впоследствии в глубинные области Персии (XX. 6. 7), продолжая тем самым издревле существовавшую на Востоке традицию переселения жителей захваченных стран, обычную и для Сасанидов [Пигулевская 1953: 54; 1956: 269; 1958: 28; Дьяконов 1961: 261, 269; Бартольд 1966а: 146; Фрай 1972: 308; Herzfeld 1935: 84; Lieu 1986: 475—505]. Нужно отметить, что персы были верны своему слову, — жителям добровольно сдавшихся римских крепостей Реман и Бузан персы, как и обещали, предоставили свободу, а найдшимся там христианским монахиням Шапур II «предоставил... беспрепятственно отправлять свой культ» (XVIII. 10. 2, 4). В то же время за упорное сопротивление противникам персов приходилось жестоко расплачиваться. Так, после взятия Амиды активных организаторов обороны (комита и трибунов) персы распяли на крестах; все римские подданные были перебиты «без различия высших и низших» (XIX. 9. 2). Жестокость персов была, вероятно, обусловлена их значительными потерями, понесенными при взятии Амиды (30 тысяч человек за 73 дня осады) (XIX. 9. 1). Если взятый персами город имел важное стратегическое положение, то в этом случае здесь оставлялся персидский гарнизон, а поврежденные фортификационные сооружения ремонтировались и укреплялись (XX. 7. 16).

Таким образом, при взятии вражеских городов персидская армия успешно применяла самые разнообразные способы ведения осады и широкий набор осадных орудий, приспособлений и сооружений³⁰.

Оборонялись персы не менее умело и эффективно. Аммиан описывает оборону персами трех крепостей: Безабды (XX. 11. 7—32), Пирисаборы (XXIV. 2. 9—19) и Майозамальхи (XXIV. 4. 10—25). Если оборона Безабды была успешной, и римляне во главе с Констанцием II были вынуждены оставить гарнизон Безабды в покое, то Пирисабора и Майозамальха все же были взяты римскими войсками.

Осада римлянами Безабды была явной попыткой взять реванш за недавний захват этой крепости Шапуром II. Предложение Констанция о добровольной сдаче было встречено гарнизоном Безабды отказом, так как они «принадлежали к знатным родам и были проверены в боевых трудах и опасностях», а потому римлянам пришлось готовиться к осаде (XX. 11. 7).

Первый штурм был отбит персами с помощью «снарядов всякого рода» и завершился, едва успев начаться (XX. 11. 8). Во время повторного

³⁰ В связи с этим мнение Дж. Роулинсона о том, что «персы унаследовали слабость парфян, а именно — неумение брать города» [Rawlinson 1876: 156] представляется совершенно ошибочным (см.: [Shabazi 1987a: 497]). Более того, сам тезис о неспособности парфян брать города является спорным (см.: [Никоноров 1987: 20]).

приступа для защиты от вражеских метательных снарядов и стрел персы использовали «киликийские завесы» (*cilicia*) (XX. 11. 9) (в другом месте, описывая оборону персами Пирисаборы, Аммиан пишет, что они «вывели повсюду киликийские прикрытия, чтобы ослабить силу удара метательных снарядов» (XXIV. 2. 10)) и при необходимости, «смело высовывая руки, метали вниз камни и стрелы» (XX. 11. 9). При приближении противника вплотную к стенам на него обрушивались бочки, огромные камни, обломки колонн (XX. 11. 10). Так длилось девять дней, и римляне были вынуждены применить огромный таран, во время установки которого с обеих сторон неслись тучи камней и стрел: персы пытались помешать римлянам смонтировать и установить таран, а те стремились подавить сопротивление персов (XX. 11. 11—2). Особенно Аммиан отмечает роль персидских стрелков, метко поражавших наступающих римлян (XX. 11. 12), а также пытавшихся с помощью зажигательных стрел поджечь осадные орудия римлян, сделанные из дерева (XX. 11. 13). Как и в открытом бою, во время обороны персы часто использовали нестандартные ходы, разного рода военные хитрости; например, «железный лоб» большого тарана они поймали сетью, не давая тем самым римским солдатам возможности раскачивать его и бить по стене (XX. 11. 15). Это дополнялось потоками расплавленной смолы, лавиной камней и стрел, обрушивавшихся на головы римлян (XX. 11. 15).

Необходимо отметить также проведение осажденными персами вылазок в расположение римлян. Первая из них не принесла персам ощутимых результатов, и они были вынуждены отойти обратно в город (XX. 11. 16—17). Во время второй вылазки, подготовленной более тщательно, персы использовали зажигательные снаряды, представлявшие собой железные корзины, наполненные горючими составами, а также «хворост и другие легковоспламеняющиеся вещества» (XX. 11. 18). В итоге все осадные орудия противника были уничтожены, кроме большого тарана, «который с величайшим напряжением всех сил еле-еле оттащили в сильно обгорелом виде» (XX. 11. 19). Когда после этого римляне предприняли обстрел города из баллист, установленных на высоких насыпных валах, персы совершили новую успешную вылазку, уничтожив с помощью огня деревянное основание вала, на котором находились вражеские баллисты (XX. 11. 22—23), и тем самым окончательно расстроив планы римлян. Тем временем наступала осень с ее грозами, дождями и бездорожьем (XX. 11. 25). Понимая, что в ближайшее время взять Безабду не удастся, Констанций II дал приказ о снятии осады.

Во время защиты Пирисаборы персы использовали как уже упоминавшиеся выше приспособления, так и ряд новых. В частности, они прикрывались «щитами, сплетенными из крепкого лозняка», покрытыми сырыми кожами (XXIV. 2. 10), которые использовались персами и в бою на открытой местности (XXIV. 6. 8). Шедшие на приступ римляне осыпались стрелами и камнями; в них металась огромные камни, факелы и маллеолы (XXIV. 2. 16). После разрушения одной из угловых башен защитники Пирисаборы перебрались в цитадель из асфальта и обожженного кирпича, представлявшую собой «постройку, не имеющую себе...

равной по прочности» (XXIV. 2. 12). Здесь персами были применены луки необычной конструкции; они имели необычно большие размеры и вызвали удивление у Аммиана, составившего их достаточно подробное описание (XXIV. 2. 13). Но постройка римлянами осадной башни вынудила персидского военачальника вступить с ними в переговоры (XXIV. 2. 19—21). В итоге все две с половиной тысячи защитников Пирисаборы получили право беспрепятственно покинуть город, а сама крепость была сдана Юлиану (XXIV. 2. 21—22). Таким образом, несколько тысяч персов оказались способными достаточно долго (около недели) оказывать сопротивление всей армии Юлиана и в конце концов добились права почетной капитуляции.

Более драматический характер носили события под Майозамальхой. Когда римляне после долгих основательных приготовлений пошли на приступ, персы встретили их стрельбой из луков и пращей, заставив в итоге воинов Юлиана отойти назад и вновь приступить к обстрелу города из скорпионов и баллист (XXIV. 4. 16). Долгое время перевеса не добивалась ни одна из сторон, но все же крепость была взята римлянами, сумевшими прорыть подземный ход под крепостной стеной и таким образом неожиданно для персов проникшими внутрь крепостных стен (XXIV. 4. 21—23). В итоге гарнизон Майозамальхи был почти полностью уничтожен (XXIV. 4. 25—26).

4. Стратегия персов

В стратегическом отношении персидское войско также ни в чем не уступало армии римлян. Наличие многочисленной конницы, хорошо вооруженной и прекрасно подготовленной, как правило, обеспечивало персам превосходство над противником. Этим, видимо, объясняется и тот факт, что разгромить персидскую армию смогли только арабы в середине VII в., опиравшиеся на действия своей более многочисленной и стремительной легкой конницы. Кроме того, успешное владение искусством осады городов позволяло персам брать достаточно мощные вражеские крепости — даже такие, как, например, Амида или Сингара.

Сам Аммиан отмечает целый ряд важных достоинств персидского войска — его военную организацию, дисциплину, постоянные военные упражнения, хорошее вооружение, заключая, что все это делает персов «грозными даже для очень больших армий» (XXIII. 6. 83); ср.: (Liban. Or. XI. 177). Отмечает историк и особую роль конницы в военных планах персов (см.: [Nicolle 1996: 20]), а также низкую боеспособность персидской пехоты (XXIII. 6. 83).

Все это в сочетании с экономической и военной слабостью противника делало стратегию персов на западном театре боевых действий сугубо наступательной [Бартольд 1966б: 211]. На востоке ситуация была несколько сложнее: здесь Сасанидам пришлось столкнуться с ордами кочевников, периодически вторгавшихся на территорию Персидской державы, и войсками слабеющего Кушанского царства, причем соотношение сил не всегда складывалось в пользу персов. Это вынуждало их царей пе-

реходить от вооруженной борьбы к решению конфликтов дипломатическим путем — заключению мирных договоров и военных союзов. Таким образом, во всех войнах с персами Рим неизменно являлся обороняющейся стороной, а воинственные восточные и северо-восточные соседи персов в итоге были вынуждены направить свои отряды под знамена Шапура II (XVIII. 4. 1). Иначе говоря, инициатива в конечном итоге всегда находилась в руках персов [Stark 1966: 340]. Особенно показателен в этом отношении следующий факт. Аммиан Марцеллин сообщает, что в 350-х гг. Шапур воевал с соседними народами на востоке (XIV. 3. 1; XVI. 9. 3; XVII. 5. 1), неся при этом серьезные потери (XVI. 9. 3). Но даже в такой, казалось бы, драматической ситуации, ведя войну на два фронта, Шапур II продолжает держать римлян в постоянном напряжении. Его войска непрерывно тревожат римские пограничные гарнизоны, совершают систематические нападения на римские укрепления и населенные пункты, а также на союзника Рима — Армению (XIV. 3. 1; XV. 13. 4; XVI. 9. 1), вынуждая тем самым противника постоянно обороняться. Таким образом, персы делали все возможное для недопущения потери стратегической инициативы; если в тот или иной период времени основным становился один из двух театров боевых действий — западный, в Междуречье и Закавказье, или же восточный, в Средней Азии, то на другом велись хотя и не крупномасштабные, но все же постоянные, изматывающие противника бои, не дающие ему времени на перегруппировку сил и организацию активной обороны и тем более наступления³¹. Так, римляне, зная о тяжелой войне Шапура на востоке, даже не пытаются этим воспользоваться и вторгнуться на территорию Ирана. Они лишь просят царя заключить с ними мирный договор (XVI. 9. 3). Находясь, на первый взгляд, в критическом положении, Шапур даже не вступает с римлянами в переговоры, а фактически отказывает им, выдвигая заведомо неприемлемые условия — передать персам Месопотамию и Армению (XVII. 5. 2, 6; 14. 2), ибо он почти наверняка знал, что римляне не осмелятся предпринять каких-либо серьезных шагов даже в такой внешне благоприятной для них ситуации [Дмитриев 2000: 4]³². Сообщаемые Аммианом Марцеллином факты говорят о том, что персы умело использовали сложное военно-политическое положение, в котором оказалась империя в середине—второй половине IV в. [Crump 1975: 49—51]. Активность персов заставляла императоров отзывать войска из Европы и перебрасывать их на восток, что еще больше осложняло и без того тяжелое положение

³¹ Следует, однако, отметить, что непрерывные войны, длившиеся все правление Шапура II, все же не могли не оказать негативного влияния на могущество сасанидского Ирана. Данные нумизматики показывают, что с середины 380-х гг. на территории подконтрольной до того персам кушанской Бактрии начинается чеканка кидаритской и хионитской монет [Ставиский, Вайнберг 1972: 188]. Это, бесспорно, говорит о сокращении территории восточных владений Сасанидов, что, вероятно, в значительной степени было следствием именно активной экспансионистской политики Шапура II в предшествующий период.

³² Здесь уместно вспомнить замечание В. В. Бартольда о том, что «даже в эпохи величайших внутренних потрясений их (Сасанидов. — В. Д.) государство могло вести победоносные войны» [Бартольд 1971: 246].

Римского государства [Гельмольт 1903: 469; Нетушил 1912: 305—306; Бокщанин 1948: 64; Неронова 1961: 94; Дмитриев 2002: 250—251]. Именно попытка отправить часть римских войск из Европы в Азию положила начало междоусобной войне между Юлианом и Констанцием (XX. 4. 2—21)³³. Иногда Аммиан почти напрямую говорит о том, что римляне действовали в русле персидской стратегии, пытаясь лишь минимизировать успехи персов (XIX. 11. 17; XX. 4. 1). Еще более усугубляет картину замечание Аммиана о том, что Константин II даже не пытается организовать и возглавить армию для борьбы с персами, а ограничивается лишь отправкой на восток воинского снаряжения (XX. 8. 1)³⁴. Аммиан никогда не говорит об угрозе персам со стороны Рима, но всегда — наоборот (XIX. 11. 17; XX. 4. 1; XXI. 7. 1).

Единственным эпизодом, когда Рим попытался перейти в контрастную ситуацию и нанести по Персии превентивный удар, была экспедиция императора Юлиана в 363 г., во время которой римская армия нанесла серьезный ущерб наиболее экономически развитой, а потому важной области Сасанидского государства — Месопотамии [Солодухо 1944: 30]. Однако это мероприятие не увенчалось успехом. Более того, после гибели императора Юлиана римляне оказались в просто безвыходном положении, и новый император Иовиан был вынужден заключить позорный Нисибисский мир 363 г., окончательно передавший инициативу в руки Шапура II (XXV. 7. 4, 11). Аммиан откровенно заявляет, что римляне воевали «скорее оборонительным, чем наступательным, образом» (XXIX. 1. 2) (ср.: [Бокщанин 1966: 296]). Можно представить, насколько плачевно обстояли дела римлян на востоке, если даже Аммиан, являющийся горячим патриотом Рима и верящий в то, что империя является чуть ли не центром Вселенной, вынужден констатировать подобное положение дел. Это означает, что выводы В. И. Холмогорова об оборонительном характере военных действий римской армии в Европе по Рейну и Дунаю начиная с III в. [Холмогоров 1939: 89] (см. также: [Жилин 1986: 16]) можно распространить и на римско-персидские войны в Азии.

Решения о начале крупномасштабных боевых действий принимались персами на военных советах (XVIII. 5. 8; 6. 3; 7. 10), проходивших, как сообщает Аммиан, в виде пиров (XVIII. 5. 8)³⁵. Принятию подобных решений предшествовала серьезная работа разведчиков. Так, Аммиан Марцеллин неоднократно говорит о персидских лазутчиках (ср.: [Rawlinson 1876: 195]), о перебежчиках с римской стороны (наиболее ярким примером является знатный римлянин Антонин, бывший протектор (XVIII. 5. 1—3, 6—8 и др.), сыгравший одну из ключевых ролей в трагической для

³³ Аммиан объясняет этот приказ Констанция стремлением уменьшить силы Юлиана, в котором император начал видеть опасного конкурента (XX. 4. 1—2). Однако действительной причиной отзыва воинского контингента из Европы была все же необходимость укрепления восточной границы империи. См. также: [Buck 1990: 115].

³⁴ По меткому выражению Ф. Ф. Зелинского, «при Констанции персидский царь мог безнаказанно глумиться над римской мощью» [Зелинский 1999: 426].

³⁵ Возможно, это замечание Аммиана носит не самостоятельный характер, а продиктовано использованием им более ранних источников. В частности, очень похожее описание военных советов у персов дает Страбон (Strabo. XV. 3. 20).

Рима кампании 359 г.) и об отлично поставленной разведывательной деятельности у персов в целом (XVIII. 5. 7; XIX. 5. 5; XXV. 7. 1)³⁶. Более того, для введения противника в заблуждение персы, как можно заключить из слов Аммиана, прибегали к распространению дезинформации (XXI. 13. 4; XXIV. 7. 5)³⁷. Вообще же подготовка к очередной кампании была довольно длительной и занимала всю зиму и, видимо, периоды межсезонья (XVIII. 6. 4). Важную роль в подготовке и принятии военных решений играли различные религиозные обряды: гадания, жертвоприношения и т. п. Без общения с подземными духами (*consilia tartareis manibus*), без бесед с «предсказателями» (*praesciones*) о будущем (XVIII. 4. 1), без благоприятных небесных знамений (XXI. 13. 2. 8) Шапур II не начинал войн; только после «заклания жертвенных животных с целью определения будущего хода военных действий» посреди моста через реку персидские войска переходят границу римских владений (XVIII. 7. 1)³⁸. Из-за погребального обряда и траурной церемонии, произошедших после гибели хионитского царевича, боевые действия под Амидой прекратились на целых десять дней (XIX. 2. 10).

Большое значение в захвате и удержании военной инициативы персами играл фактор внезапности. Без слабой разведки римлян и отличной — своей персам не удалось бы его использовать, но, как было сказано выше, даже Аммиан, лично воевавший с персами, отмечает высокий уровень персидской разведки, а также умение персов хранить военные тайны (XXI. 13. 4), следовательно, действия персов почти всегда были неожиданными для римлян, и Аммиан не оставил этот факт без внимания (XVI. 9. 1; XXIII. 5. 3; XXIV. 5. 5). Непосредственно перед вторжением на вражескую территорию персидская армия сосредоточивала свои основные силы на одном направлении (XXI. 7. 6), что, естественно, делало малоэффективными оборонительные действия римлян в силу отсутствия у них информации о месте и времени вражеского нашествия и, соответственно, распыления имеющихся сил. Отмечает Аммиан и военную хитрость персов (XIV. 3. 2—4; XXIV. 1. 13), их склонность к обходным маневрам (XIV. 3. 2; XVIII. 7. 10), стремительному наступлению даже ценой оставления в своем тылу вражеских крепостей (XVIII. 6. 3; XIX. 1. 3)³⁹. С целью завоевания доверия среди местных жителей и защитников римских крепостей персы щадили добровольно сдавшиеся гарнизоны, а также ду-

³⁶ Э. Ли полагает, что много ценной информации персы получали от своих послов, находившихся на римской территории [Lee 1986: 457—459], но Аммиан об этом ничего не сообщает.

³⁷ Возможно, доставленная Юлиану персидскими перебежчиками дезинформация стала одной из основных причин провала его персидской экспедиции (см.: [Austin 1979: 98—100]).

³⁸ По поводу приводимого Аммианом описания жертвоприношения существуют большие сомнения, поскольку зороастризм запрещает приносить в жертву живые существа [Thompson 1947: 8; Austin 1979: 24—25]. Остается предположить, что описанное Аммианом жертвоприношение было совершено не персами, а представителями какого-то другого этноса, участвовавшими в походе Шапура II.

³⁹ Г. Крамп объясняет этот факт стремлением избежать людских потерь и сохранить войско для более важных задач [Crump 1975: 101].

ховенство и оставляли их в живых (XVIII. 10. 2); этим же объясняется стремление персов не разорять завоеванную территорию (XVIII. 7. 8).

В числе военных мероприятий персов, имевших стратегическое значение, следует отметить их постоянное стремление оторвать от Рима его восточных союзников, и прежде всего — Армянское царство⁴⁰. Особая роль Армении во внешнеполитических планах персов была обусловлена в первую очередь ее необычайно выгодным стратегическим положением, ставившим под контроль хозяина этой страны значительную часть Ближнего Востока [Манандян 1954: 86—87] (см. также: [Olbrycht 1998: 138—141]). Эта задача решалась, хотя и не всегда успешно, как посредством нанесения по ним мощных военных ударов (XXVII. 12. 11—12), так и дипломатическими методами (XX. 11. 2; XXVI. 12. 1—10, 14—18). Иногда римляне сами провоцировали своих бывших союзников на то, чтобы искать дружбы с персами. Так было, например, в случае с сарацинами, перешедшими на сторону Шапура потому, что Юлиан отказался выплатить причитавшееся им жалованье (XXV. 6. 10).

Важную роль в стратегических планах персов играло также стремление и умение привлечь на свою сторону войска бывших противников, с которыми заключались выгодные для Сасанидов мирные договоры. Так, на стороне персов сражались их недавние враги — хиониты, а также, возможно, геланы и кушаны (XVIII. 6. 22; XIX. 1. 7—8; 2. 3; XVI. 9. 4; XVII. 5. 1). Создать подобную антиперсидскую коалицию Рим оказался не в состоянии.

Рассматривая вопрос о стратегии персов, нельзя не сказать еще об одном определявшем ее факторе — о природно-климатических условиях в районе Междуречья. Аммиан отмечает, что с осени до весны боевые действия между Римом и сасанидским Ираном не велись по одной причине — из-за непроходимой грязи, появлявшейся в Месопотамии осенью, в период дождей, в результате размокания находящейся здесь повсюду глины (XX. 11. 31).

Таким образом, в стратегическом отношении персы превосходили своих как западных, так и восточных противников. Почему же, в таком случае, они, в отличие от гораздо менее организованных и искушенных в стратегическом искусстве германцев, не смогли добиться полного и безоговорочного успеха в военной борьбе с Римом? Ответ необходимо искать в особенностях восточного участка римской границы. Во-первых, он был гораздо менее протяженным, и переброска сил в случае персидского вторжения объективно требовала меньшего времени, чем на севере. Во-вторых, возможных путей продвижения персидской армии в Месопотамии было не так много (см.: [Blockly 1988: 253]), и в принципе римское командование могло предполагать, в каких местах персы могут перейти границу империи, и создавать в опасных районах рубежи обороны с це-

⁴⁰ К. П. Патканов вообще утверждает, что «ослабление Армении сделалось для них (Сасанидов. — В. Д.) политической необходимостью, актом самосохранения» [Патканов 1863: 15]. Г. Л. Курбатов полагает, что одной из важных причин активной антиармянской политики сасанидского Ирана было стремление к захвату находившихся в Закавказье месторождений железной руды [Курбатов 1973: 93—94].

лю задержать продвижение войск противника до подхода основных сил. В-третьих, города римского Востока были гораздо более многочисленными, богатыми и хорошо укрепленными, чем на рейнско-дунайском лимесе [Крымский 1905: 44; Crump 1975: 56]. К тому же управление и контроль (в том числе и в военной сфере) в урбанизированной части империи, какой являлись ее восточные провинции, были гораздо более эффективны, чем в малонаселенных приграничных провинциях в Европе. В-четвертых, на востоке римляне столкнулись с развитым цивилизованным государством, имевшим достаточно стабильные границы, четкие и ярко выраженные геополитические установки и доктрины, обусловленные многовековыми традициями (ср.: [Кареев 1913: 360; Иванов 1952: 26; Пигулевская 1971: 4; Crump 1975: 66]). Это делало внешнюю политику Сасанидов для римлян в целом предсказуемой и позволяло спланировать и подготовить ответные шаги. На Рейне же и Дунае ситуация была совершенно иной.

Таким образом, изложенный выше материал позволяет говорить о высоком уровне развития у персов военного дела практически во всех его аспектах. Хотя Т. Моммзен в свое время писал, что при Сасанидах армия персов «не приобрела выучки» [Моммзен 1995: 319], факты, приведенные Аммианом, говорят об обратном. Сравнивая военное дело у римлян в IV в. (помимо «Деяний», достаточно подробно освещенное в уже упоминавшемся «Кратком изложении военного дела» Флавия Вегеция Рената и в целом ряде других позднеантичных сочинений) с данными о действиях персидского войска, содержащимися в произведении Аммиана Марцеллина, следует признать, что в военном отношении персы не только не уступали своему главному западному противнику, но подчас и превосходили его (см.: [Пигулевская 1941a: 47; Austin 1979: 142, 149])⁴¹.

Литература

1. Издания трудов греческих и латинских авторов

- Agath. — Agathiae Mirinaei Historiarum libri quinque cum versione latina. Accedunt Agathiae epigrammata / Rec. B. G. Nieburus. Bonnae, 1828.
- Amm. Marc. — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1—2. Leipzig, 1978.
- Cass. — Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum quae supersunt. Vol. 1—3. Berolini, 1895—1926.
- Eutrop. — Eutropii Breviarium historiae Romanae / Ed. F. Rühl. Lipsiae, 1887.
- Exp. — Expositio totius mundi et gentium / Introduction, texte critique, traduction, notes et commentaire par J. Rougé. P. 1966.
- Herod. — Herodoti Historiarum libri IX Vol. 1—2 / Ed. H. Kallenberg. Lipsiae, 1903—1906.
- Herodian — Herodiani Ab excessu divi Marci libri VIII / Ed. K. Stavenhagen. Lipsiae; Berolini, 1922.

⁴¹ Даже Г. Крамп, последовательно отстаивающий мысль о превосходстве римской армии над своими противниками, вынужден признать, что персы, по крайней мере, не уступали римлянам и являлись их «наилучшим образом организованным врагом» [Crump 1975: 56], «высокоорганизованным и хорошо экипированным противником» [Crump 1975: 98].

- Lact. DMP — Lactantii De mortibus persecutorum / Ed. J. L. Creed. Oxford, 1984.
- Liban. — Libanii Opera. Vol. 1—12 / Rec. K. Foerster. Lipsiae, 1903—1923.
- Oros. — Pauli Orosii Historiarum libri VII / Ed. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889.
- Plin. NH — Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVII. Vol. 1—5 / Ed. C. Mayhaff. Lipsiae, 1892—1897.
- Proc. Bell. — Procopii De bellis libri I—VIII // Procopii Caesariensis Opera omnia. Vol. I—II / Rec. J. Haury. Lipsiae, 1905.
- Strabo — Strabonis Geographica. Vol. 1—3 / Ed. A. Meineke. Lipsiae, 1904—1909.
- Synes. DR — Synesii De regno // Synesii Cyrenensis Opuscula / Rec. N. Terzaghi. Romae, 1944. P. 5—62.
- Tabari — Tabari. The history of al-Tabarī (Ta'rikh al-rusul wa'l-mulūk). Vol. 5. The Sasanides, the Byzantines, the Lakhmides and Yemen / Translated and annotated by C. E. Bosworth. N.-Y., 1999.
- Veget. ERM — Flavii Vegetii Renati Eritoma rei militaris / Rec. C. Lang. Lipsiae, 1869.

2. Исследования

- Абдуллоев 1998: *Абдуллоев Д. А.* Восточные термины, связанные с военным делом (по материалам персидских словарей) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции 2—5 сентября 1998 г. СПб. С. 251—252.
- Алаев 2000: История Востока. Т. 2: Восток в средние века / Под ред. Л. Б. Алаева и др. М.
- Амбарцумян 2002: *Амбарцумян А. А.* Этноним «хйаона» в Авесте // ЗВОРАО. НС. Т. 1 (26). СПб. С. 35—72.
- Бартольд 1966а: *Бартольд В. В.* Культура мусульманства // Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. 6. М. С. 143—206.
- Бартольд 1966б: *Бартольд В. В.* Мусульманский мир // Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. 6. М. С. 207—300.
- Бартольд 1971: *Бартольд В. В.* Иран. Исторический обзор // Бартольд В. В. Сочинения: В 9 т. Т. 7. М. С. 229—334.
- Бокщанин 1948: *Бокщанин А. Г.* История международных отношений и дипломатии в древнем мире. М.
- Бокщанин 1966: *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. Ч. 2. М.
- Гафуров 1972: *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.
- Гельмольт 1903: История человечества. Всемирная история. Т. 4. Средиземное море и страны по побережьям / Под ред. Г. Гельмольта. СПб.
- Гельмольт 1904: История человечества. Всемирная история. Т. 3. Западная Азия и Африка / Под ред. Г. Гельмольта. СПб.
- Горелик 1982: *Горелик М. В.* Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени // ВДИ. № 3. С. 90—105.
- Горелик 1987: *Горелик М. В.* Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М. С. 110—133.
- Гумилев 1959: *Гумилев Л. Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. № 1. С. 129—140.
- Дельбрюк 1994: *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории: Пер. с нем. Т. 2. Германцы. СПб.
- Дмитриев 2000: *Дмитриев В. А.* Исторический труд Аммиана Марцеллина как источник по истории взаимоотношений Римской империи и сасанидского Ирана в

IV в. н. э. // XLV студенческая научная конференция по итогам работы СНО ПГПИ в 1999/2000 учебном году. Псков. С. 3—4.

Дмитриев 2002: *Дмитриев В. А.* Юлиан Отступник человек и император // *Метаморфозы истории: Альманах.* Вып. 2. Вена; Псков. С. 246—258.

Дьяконов 1961: *Дьяконов М. М.* Очерк истории Древнего Ирана. М.

Жилин 1986: *История военного искусства* / Под ред. П. А. Жилина. М.

Зелинский 1999: *Зелинский Ф. Ф.* Римская империя. СПб.

Иванов 1952: *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. М.

Гафуров, Литвинский 1963: *История таджикского народа* Т. 1. С древнейших времен до V в. н. э. / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М.

Соловьев 1998: *Соловьев В. С.* Средняя Азия в IV—V вв. н. э. // *История таджикского народа.* Т. 1: Древнейшая и древняя история. Душанбе. С. 468—491.

Кареев 1913: *Кареев И. И.* Монархии Древнего Востока и греко-римского мира. СПб.

Колесников 1970: *Колесников А. И.* Иран в начале VII в. (источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления) // *ПС.* Вып. 22 (85).

Кошеленко 1976: *Кошеленко Г. А.* Генеалогия первых Аршакидов (еще раз о нисийском ostrake № 1760) // *История и культура народов Средней Азии (древность и Средневековье)* / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского. М. С. 31—37.

Крымский 1905: *Крымский А. Е.* История Сасанидов и завоевание Ирана арабами. С указанием главных моментов литературной истории христиан-сирийян и политической истории вассальных Ирану арабов и с приложением отдела о Парфянском царстве и Аршакидах. М.

Курбатов 1973: *Курбатов Г. Л.* Либаний об Иране // *Античная древность и Средние века:* Сб. 10. Свердловск С. 88—95.

Левина 1971: *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии до н. э. // *ТХАЭЭ.* Т. 7 / Под ред. С. П. Толстова и Б. И. Вайнберга. М.

Литвинский, Пьянков 1966: *Литвинский Б. А., Пьянков И. В.* Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э. // *ВДИ.* № 3. С. 36—52.

Луконин 1969а: *Луконин В. Г.* Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // *ВДИ.* № 2. С. 20—44.

Луконин 1969б: *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III—V вв. Очерки по истории культуры. М.

Луконин 1977: *Луконин В. Г.* Искусство Древнего Ирана. М.

Манандян 1954: *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.—XV в. н. э.). Ереван.

Мандельштам 1958: *Мандельштам А. А.* К вопросу о кидаритах // *КСИЭ.* Вып. 30. С. 66—72.

Машкин 1956: *Машкин Н. А.* История Древнего Рима. М.

Моммзен 1995: *Моммзен Т.* История Рима. Т. 4: Пер. с нем. Ростов-на-Дону.

Неразик, Лапиров-Скобло 1959: *Неразик Е. Е., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки Барак-тама-1 в 1956 г. // *МХЭ.* Вып. 1. М. С. 81—95.

Неронова 1961: *Неронова В. Д.* Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина // *УЗ ПГУ.* Т. 20. Вып. 4 (История). С. 71—101.

Нетушил 1912: *Нетушил И. В.* Обзор римской истории. Харьков.

Никоноров 1985: *Никоноров В. П.* Развитие конского защитного снаряжения античной эпохи // *КСИА.* Вып. 184. С. 30—35.

Никоноров 1987: *Никоноров В. П.* Вооружение и военное дело в Парфии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Никоноров 2002: *Никоноров В. П.* Военное дело европейских гуннов в свете данных греко-латинской письменной традиции // *ЗВОРАО. НС. Т. 1 (26).* СПб. С. 223—323.

- Патканов 1863: *Патканов К. П.* Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями. СПб.
- Пигулевская 1941а: *Пигулевская Н. В.* Оборона городов Месопотамии в VI в. // УЗ ЛГУ (Серия исторических наук). № 86. Вып. 12. С. 46—80.
- Пигулевская 1941б: *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.
- Пигулевская 1953: *Пигулевская Н. В.* Проблемы распада рабовладельческого общества и формирования феодальных отношений на Ближнем Востоке // ВИ. № 3. С. 50—62.
- Пигулевская 1956: *Пигулевская Н. В.* Города Ирана в раннем Средневековье. М.; Л.
- Пигулевская 1958: *Пигулевская Н. В.* Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке // УЗИВ. Т. 16. С. 5—30.
- Пигулевская и др. 1958: *Пигулевская Н. В. и др.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л.
- Пигулевская 1960: *Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии в IV в. // ПС. Вып. 5. С. 45—65.
- Пигулевская 1962: *Пигулевская Н. В.* Киндиты и Лахмиды в V в. и начале VI в. // ПС. Вып. 9 (72). С. 80—104.
- Пигулевская 1964: *Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.; Л.
- Пигулевская 1971: *Пигулевская Н. В.* Византия и Восток // ПС. Вып. 23. С. 3—16.
- Пугаченкова 1966: *Пугаченкова Г. А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. № 2. С. 27—43.
- Разин 1955: *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. 1: Военное искусство рабовладельческого периода войны. М.
- Рак 1998: *Рак И. В.* Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб.; М.
- Рапопорт 1971: *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии Древнего Хорезма // ТХАЭЭ. Т. 6. М.
- Солодухо 1944: *Солодухо Ю. А.* Политическое положение Ирака в III—V вв. н. э. // Рабочая хроника Института востоковедения за первое полугодие 1944 г. Ташкент С. 30—32.
- Ставиский, Вайнберг 1972: *Ставиский Б. Я., Вайнберг Б. И.* Сасаниды в Правобережной Бактрии (Тохаристане) в IV—V вв. // ВДИ. № 3. С. 185—190.
- Толстов 1948а: *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.
- Толстов 1948б: *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л.
- Толстов 1955: *Толстов С. П.* Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. // ВДИ. № 3. С. 192—206.
- Толстов 1959: *Толстов С. П.* Работа ХАЭЭ в 1954—1956 гг. // МХЭ. Вып. 1. М. С. 3—38.
- Толстов и др. 1955: История Узбекской ССР. Т. 1. Кн. 1 / Под ред. С. П. Толстова, Р. Н. Набиева, Я. Г. Гулямова, В. А. Шишкина. Ташкент.
- Толстов, Вайнберг 1967: Кой-Крылган-Кала — памятник культуры Древнего Хорезма. IV в. до н. э.—IV в. н. э. // ТХАЭЭ. Т. 5 / Под ред. С. П. Толстова и Б. И. Вайнберга. М.
- Тревер 1954: *Тревер К. В.* Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. // СА. Т. 21. С. 131—147.
- Трофимова 1959: *Трофимова Т. А.* Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии // МХЭ. Вып. 2. М.

- Трофимова 1963: *Трофимова Т. А.* Приаральские саки (краниологический очерк) // МХЭ. Вып. 6. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. Т. 1: Общий отчет. Памятники первобытного и античного времени. М. С. 221—247.
- Федорова 2001: *Федорова Е. Л.* Бунты черни в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Личность — идея — текст в культуре Средневековья и Возрождения. Иваново. С. 7—23.
- Фрай 1972: *Фрай Р. Н.* Наследие Ирана: Пер. с англ. М.
- Холмогоров 1939: *Холмогоров В. И.* Римская стратегия IV в. н. э. у Аммиана Марцеллина // ВДИ. № 3. С. 87—97.
- Черненко 1971: *Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М. С. 35—38.
- Allan 1987: *Allan J. W. Armor* // *Elr.* Vol. 2. Fasc. 5. P. 483—489.
- Altheim 1959: *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. Bd. 1: Von den Anfängen bis zum Einbruch in Europa. В.
- Ammiani Marcellini 1906—1908: *Ammiani Marcellini.* Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1—2. Leipzig, 1978. Русское издание: Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Вып. 1—3. Киев.
- Austin 1973: *Austin N. J. E.* In support Ammianus' veracity // *Historia.* Bd. 22. S. 331—335.
- Austin 1979: *Austin N. J. E.* Ammianus on warfare. An investigation into Ammianus' military knowledge. Bruxelles.
- Blockly 1988: *Blockly R. C.* Ammianus Marcellinus on the Persian invasion of A. D. 359 // *Phoenix.* Vol. 52. P. 244—260.
- Brok 1959: *Brok M. F. A.* De persische Expeditie van Keiser Julianus volgens Ammianus Marcellinus. Groningen.
- Brok 1975: *Brok M. F. A.* Die Quellen von Ammians Excurs über Persien // *Mnemosyne.* N 38. S. 47—56.
- Buck 1990: *Buck D. F.* Some distortions in Eunapius' Account of Julian the Apostate // *AHistB.* Vol. 4. P. 113—115.
- Chalmers 1960: *Chalmers W. R.* Eunapius, Ammianus Marcellinus and Zosimus on Julian's Persian expedition // *CQ.* Vol. 10 (54). P. 152—160.
- Chaumont 1986: *Chaumont M. L.* Ammianus Marcellinus // *EI.* Vol. 1. Fasc. 9. P. 977—979.
- Coulston 1986: *Coulston J. C.* Roman, Parthian and Sassanid tactical developments // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986* / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy. Pt. 1. Oxford. P. 59—75.
- Crump 1975: *Crump G. A.* Ammianus Marcellinus as a military historian. Wiesbaden.
- Drijvers 1999: *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' image of Arsaces and early Parthian history // *The late Roman world and its historian Interpreting Ammianus Marcellinus.* L.; N.-Y. P. 193—206.
- Enoki 1959: *Enoki K.* On the nationality of the Ephtalites // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko.* N 18. P. 1—58.
- Felix 1991: *Felix W.* Chionites // *EI.* Vol. 5. Fasc. 5. P. 485—487.
- Frye 1984: *Frye R. N.* The history of Ancient Iran. München.
- Gall 1990: *Gall H., von.* Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. В.
- Gardthausen 1873: *Gardthausen V.* Die geographische Quellen Ammians // *Jahrbücher für Philologie.* Bd. 6. Leipzig. S. 509—556.

- Ghirshman 1948: *Ghirshman R.* Les chionites-hephtalites. Caire.
- Ghirshman 1954: *Ghirshman R.* Iran from the Earliest times to the Islamic conquest. L.
- Gibb 1964: *Gibb H. A. R.* The relations between Byzantium and the Arabs // DOP. N 18. P. 363—365.
- Hengst 1999: *Hengst D., van.* Preparing the reader for war Ammianus' digressions on siege engines // The late Roman world and its historian. Interpreting Ammianus Marcellinus. L.; N.-Y. P. 29—39.
- Herrmann 1989: *Herrmann G.* Parthian and Sasanian saddlery // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe.* Edenda curavit L. de Meyer et. E. Haernick. Vol. 2. Gent P. 757—810.
- Herzfeld 1935: *Herzfeld E.* Archeological history of Iran. L.
- Klotz 1916: *Klotz A.* Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Persezug // *RhM für Philologie.* Bd. 71. Hft. 4. S. 461—506.
- Laufer 1914: *Laufer B.* Chinese clay figures. Pt. 1. Prolegomena on the history of defensive armour // *Field museum of natural history. Publ. 177. Anthropological series.* Chicago. Vol. 13/2. P. 73—315.
- Lee 1986: *Lee A. D.* Embassies as evidence for the movement of military intelligence between the Roman and Sassanian Empires // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy.* Pt. 2. Oxford. P. 455—461.
- Lieu 1986: *Lieu S. N. C.* Captives, refugees and exiles a study of cross-frontier civilian movements and contacts between Rome and Persia from Valerian to Jovian // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy.* Pt. 2. Oxford. P. 475—505.
- Marquart 1901: *Marquart J.* Ērānšahr nach der Geographie des Pseudo-Moses Xorenac'i. B.
- Masia 2000: *Masia K.* The evolution of swords and daggers in the Sasanian Empire // *Iranica Antiqua.* Vol. 35.
- Matthews 1986: *Matthews J. F.* Ammianus and the Eastern frontier in the Fourth century a participant's view // *The defense of the Roman and Byzantine East. Proceedings of a Colloquium held at the University of Sheffield in April 1986 / Ed. by Ph. Freeman and D. Kennedy.* Pt. 2. Oxford. P. 549—563.
- Matthews 1989: *Matthews J.* The Roman Empire of Ammianus Marcellinus. Baltimore.
- McGovern 1939: *McGovern W. M.* Early empires of Central Asia. A study of the Scythians and the Huns and the part they played in world history. Chapel Hill.
- Melikian-Shirvani 1988: *Melikian-Shirvani A. S.* Banners // *EI.* Vol. 3. Fasc. 7. P. 712—714.
- Michalak 1987: *Michalak M.* The origin and development of sassanian heavy cavalry // *Folia Orientalia.* Vol. 24. P. 73—86.
- Mielczarek 1993: *Mielczarek M.* Cataphracti and clibanarii. Studies on the heavy armoured cavalry of the ancient world. Łódź.
- Mielczarek 1998: *Mielczarek M.* Cataphracts — a Parthian element in the Seleucid art of war // *Ancient Iran and the Mediterranean world. Proceedings of an international conference in honour of Professor Josef Wólski held at the Jagellonian University, Cracow, in September 1996.* Krakow. P. 101—105.
- Nicolle 1996: *Nicolle D.* Sassanian armies. The Iranian Empire early 3rd to mid-7th centuries AD. Stockport.
- Nikonorov 1998: *Nikonorov V. P.* Cataphracti, cataphractarii and clibanarii another look at the old problem of their identifications // *Военная археология. Оружие и во-*

енное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции 2—5 сентября 1998 г. СПб. С. 131—138.

Olbrycht 1998: *Olbrycht M.* Parthian military strategy at wars against Rome // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции 2—5 сентября 1998 г. СПб. С. 138—141.

Overlaet 1989: *Overlaet B. J.* Swords of the Sasanians, notes on scabbard tips // *Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis vander Berghe.* Edenda curavit L. de Meyer et E. Haernick. Vol. 2. Gent. P. 741—756.

Pope 1938: Survey of Persian art from prehistoric times to the present / Ed. by A. U. Pope. Vol. 1: Pre-Achemenid, Achemenid, Parthian and Sasanian periods. L.; N.-Y.

Pope 1939: Survey of Persian art from prehistoric times to the present / Ed. by A. U. Pope. Vol. 3: The art of the book, textiles, carpets, metal work, minor arts. L.; N.-Y. P. 1808—2817.

Rawlinson 1876: *Rawlinson G.* The seventh great Oriental monarchy or the geography, history and antiquities of the Sassanian or New Persian empire. L.

Seyfarth 1974: *Seyfarth W.* Römische Geschichte. Keiserzeit. Bd. 2. B. S. 330—582.

Shahbazi 1987a: *Shahbazi A. Sh.* Army. I. Pre-Islamic Iran // *EI.* Vol. 2. Fasc. 5. P. 489—499.

Shahbazi 1987b: *Shahbazi A. Sh.* Asb. I. In pre-Islamic Iran // *EI.* Vol. 2. Fasc. 7. P. 724—730.

Stark 1966: *Stark F.* Rome on the Euphrates. The story of a frontier. L.

Sykes 1921: *Sykes P.* A history of Persia. Vol. 1. L.

Thompson 1947: *Thompson E. A.* The historical work of Ammianus Marcellinus. Cambridge.

Tomaschek 1899: *Tomaschek W.* Chionitae // *RE.* Hbhd. 6. S. 2286.

Yarshater 1983: *CHI.* Vol. 3 (1). The Seleucid, Parthian and Sasanian periods / Ed. By E. Yarshater. Cambridge; L.; N.-Y.; New Rochelle; Melbourne; Sydney.

«ПОТОК ВРЕМЕНИ» И ДРУГИЕ ВРЕМЕННЫЕ ПОНЯТИЯ, ОТРАЖЕННЫЕ В ЭПИТЕТАХ БОГА *

Ю. А. Иоаннисян

По иудейским представлениям, Бог сотворил поток времени — עולם 'ôlām¹. Несущий в себе все вещи, он (поток) и есть мир. Таким образом, мир существует во времени и понимается как история². Слово 'ôlām переводится с еврейского посредством русск. 'вечность; век; мир', греч. αἰών; κόσμος, англ. eternity; age, нем. Ewigkeit³. Еврейский термин, совмещающий в себе значение «вечности» и «мира», трудно передавать на других языках⁴. Ярким примером тому служит попеременное использование в греческих текстах как Септуагинты, так и Нового Завета для передачи евр. 'ôlām слов αἰών и κόσμος⁵. Первое имеет временное, второе — пространственное значение. Бог, сотворивший мир как поток времени, соответственно, выступает как «Бог (вечного) временного потока» или как «Бог вечности». Так, А. М. Самозванцев пишет: «Яхве — бог нерожденный, не рождающий другого бога, не старящийся и не умирающий — является единственным субъектом не только истории еврейского народа, но, по сути, и всемирной истории...» [Самозванцев 2000: 174]. «Богом вечности» (евр. לאלהים עולם — 'ēl 'ôlām) именуется Яхве в ветхозаветной Книге бытия [гл. 21:33]⁶.

* Автор выражает искреннюю признательность за консультации в процессе работы над статьей Е. Н. Мещерской, С. М. Якерсону, А. Г. Грушевому.

¹ В статье мы следуем системе транскрипции, принятой в книге Т. О. Ламбдин [Ламбдин 1998].

Исключение составляет «подвижное *шва*», которое мы передаем надстрочным знаком [°].

² Философские аспекты этого вопроса см., в частности, в книге И. Р. Тантлевского [Тантлевский 1994: 68—69, также примеч.].

³ Круг содержащихся в этом понятии значений см.: [Демидова 1999: 63; Дьяченко 1993: 113—114; Vine, Unger, White 1985: 72; A Hebrew and English Lexicon 1968: 761; A Greek English-Lexicon 1992: 13—14; Les Religions 1909: 376 (n. 80)] и др.

⁴ «Согласно раввинистическим трудам, это слово (греч. αἰών 'век', соответствующее евр. 'ôlām) относится не только к периоду времени, но также и к содержанию мира» [Роджерс-младший, К. Роджерс III 2001: 792]. Возможно, удачной переводческой находкой следует считать вариант «временный мир» (ср.: [Книга премудрости Соломона 13:9 // Библия 1989]), если «временный» здесь понимать и как «временной».

⁵ Этот предмет мы рассматривали в нашей статье [Ioannesyán 1998: 29—33].

⁶ Ср.: [Пятикнижие 1977; Vine, Unger, White 1985: 98]. Ср. также перевод: «Бог вселенной» [Махзор 2000: 121].

Встречающийся иногда перевод «Бог вечный» неточен и с грамматической точки зрения некорректен. То, что определением к слову «Бог» выступает именно существительное в значении родительного падежа⁷, подтверждается аналогичным примером из Книги пророка Исайи [гл. 40:28]: **אלהי עולם** 'ēlōhē 'ōlām с синонимом слова 'ēl, представляющим собой существительное множественного числа в значении единственного, что характерно для обозначения Бога в еврейском языке. Определяемое и определение образуют сопряженную конструкцию (*status constructus*)⁸. Определение же в сопряженном сочетании (второй его член), независимо от вариантов его перевода на другие языки, грамматически всегда является именем существительным в значении родительного падежа [Гранде 1998: 339]. Еще одним указанием на то, что второй член сочетания **אל עולם** — существительное, служит его перевод в Таргуме арамейским: **דעלמא אלהא** — 'ēlāhā d^e 'ālmā'. Частицей d^e/da выражается в арамейском значении родительного падежа вместо сочетания *status constructus* [Там же: 365, 377].

Точное соответствие еврейским 'ēl 'ōlām и 'ēlōhē 'ōlām в греческом: θεός τοῦ αἰῶνος. Так, в Септуагинте встречаем: καὶ εὐλογήσουσιν τὸν θεὸν τοῦ αἰῶνος⁹ — «и будут благословлять Бога вечности»¹⁰ [Товит, гл. 14: 7; Синайский кодекс (далее: S; пер. наш)].

Другим эпитетом Бога в Ветхом Завете выступает «Царь вечности», ср.: Пс. 10:16¹¹: **מלך עולם ועד** méleḵ 'ōlām wā'ed (букв.: 'Царь вечности и непрерывности')¹², ср. также в Книге пророка Иеремии [гл. 10:10]: **ומלך עולם** ūméleḵ 'ōlām¹³.

Поскольку 'ōlām выражает собой «вечность» не как статичную категорию, а как поток времени, пребывающий в постоянном движении, то он может смениться другим состоянием времени и порядком вещей в нем¹⁴. Этот конкретный порядок вещей на отдельном отрезке времени также обозначается словом **עולם** 'ōlām в значении 'век'¹⁵ с тем или иным определением, о чем будет сказано ниже. А вся совокупность веков, об-

⁷ Ср. аналогичные образования в иудаистской религиозной литературе: **אל ישראל** 'ēl Yisrā'ēl — 'Бог Израиля', **אל נקמות/אל-נקמות** 'ēl n^e qāmōt — 'Бог возмездия' [Махзор 2000: 61].

⁸ Так как определяемое: **אלהים** — 'ēlōhîm 'Бог' представлено сопряженной формой: **אלהי** — 'ēlōhē.

⁹ Цит. по: [Septuaginta 1979: 1037. Bd. I].

¹⁰ Ср.: [A Greek-English Lexicon 1992: 13. P. I].

¹¹ Соответствует Пс. 9:37 гречоязычной и русскоязычной версий.

¹² Ср.: «king of eternity and perpetuity» [Davidson 1995: 601]. «**עד** and **ועד** perpetuity (= advancing time)» [A Hebrew and English Lexicon 1968: 723]. Ср. также: Dominus rex saeculi et aeternitatis [Biblia 1994: 781].

¹³ Ср.: **דברי אלהים חיים ומלך עולם** «слова Бога живого, Владыки вселенной [ūméleḵ 'ōlām]» [Махзор 2000: 84]. Ср. также: «Властелин мира (**אדון עולם** — 'ādōn 'ōlām) царствовал до создания им всех творений; и когда по воле Его создан был весь мир, Его именем стало — Владыка (**מלך** méleḵ — букв.: 'Царь')...» [Там же: 49]. Слово 'ādōn (с «хатеф-патах») выступает в своей сопряженной форме, следовательно, определяется последующим существительным («вечность», «мир»).

¹⁴ См.: в частности, у И. П. Тантлевского [Тантлевский 1994: 68—69].

¹⁵ Век в религиозном смысле не синоним столетию.

разующих историю, передается формой множественного числа того же слова: עולמים 'ôlāmîm — 'века, вехи'. В псалме 144/145:13 применительно к Богу говорится: מלכותך מלכות כל-עולמים *malḵūt^ēkā malḵūt kol-'ôlāmîm* — «Царство Твое царство всех веков». Идея смены веков как длительных эпох, которым соответствует то или иное положение вещей, ясно прослеживается в апокрифической и кумранитской литературе. В третьей Книге Ездры [гл. 6:7—10] содержатся слова: «Тогда я отвечал: какое разделение времен, и когда будет конец первого и начало последнего? От Авраама даже до Исаака, когда родились от него Иаков и Исав, рука Иакова держала от начала пята Исав. Конец сего века — Исав, а начало следующего — Иаков. Рука человека — начало его, а конец — пята его. О другом, Ездра, не спрашивай Меня»¹⁶.

Среди документов кумранской общины найдены тексты, в которых развивается идея наличия изначального Плана у Бога, разделившего время существования мира, или вечность, на века и предопределившего каждому из них свое назначение. В фрагменте введения к кумранитскому тексту, повествующему о делении истории на эпохи, говорится о «веках мира»:

Пророческое толкование веков, которые сотворил Бог: век для исполнения [всего, что есть] и что будет. Перед тем как Он сотворил их, Он установил их деяния... век за веком. И были начертаны на скрижалях [вечности]... века правления...¹⁷

В другом свитке — свитке «Войны» (X, 12—16), о котором будет еще сказано ниже, говорится:

(О) Творец Земли и законов ее разделения на пустыню и землю долинную, и всего исходящего из нее [- -], круга морей и слияния рек, и разверзания бездны; создания зверей и крылатых (птиц), устройства Человека и пор[ождения (?) се]мени его, смешения языков и разделения народов, расселения родов и распределения земель, [- -] сроков святых и кругообращений лет, и скончаний предвечных [(?) - -]! [Тексты Кумрана 1996: 297]¹⁸

В нижеследующих строках из «Благодарственных гимнов» (XIII, 10—13) исследователи не без основания усматривают догмат об обновлении мира, возобновлении миропорядка на новой основе¹⁹:

Ибо Ты утвердил их прежде вечности, и деяние... расскажут о славе Твоей во всем владычестве Твоем, ибо Ты показал им то, что не... древности и творить новое, дабы нарушить древние устои... события вечности, ибо... но Ты пребудешь во веки веков [Тексты Кумрана 1996: 215]²⁰.

¹⁶ Цит. по: [Библия 1989].

¹⁷ Цит. в нашем переводе с английского перевода по книге: [Wise, Abegg, Cook. 1996: 238]. Ср.: [Там же: 368].

¹⁸ Ср.: [Dupont-Sommer 1962: 177].

¹⁹ См.: [Тексты Кумрана 1996: 257 (примеч. 403)]. Ср.: [Dupont-Sommer 1962: 242].

²⁰ Ср.: [Dupont-Sommer 1962: 242].

Отметим терминологию. В апокрифах, в том числе найденных среди текстов Кумрана на еврейском и арамейском языках, Бог, в частности, именуется «Богом вечности»²¹ (евр. אֱלֹהֵי עוֹלָם²² — 'ēl 'ōlām), «Богом веков»²³ (арам. אֱלֹהֵי עֲלַמַיָּא²⁴ — 'ēlāh 'ālmāiā), «Господином вечности/мира» (арам. מַרְאָ עֲלַמָּא²⁵ — māṛē 'ālmā'²⁶), «Царем всех веков» (евр. מֶלֶךְ כָּל-עוֹלָמִים²⁷ — mēlek kōl-'ōlāmīm). Дж. Т. Милик [J. T. Milik] поясняет термин מַרְאָ עֲלַמָּא «Господин мира» («Lord of the world») [The Books of Enoch 1976: 171, 172] в арамейской версии Книги Еноха как эпитет Бога в арамеязычной литературе [Там же: 174]²⁸. И. Р. Тантлевский переводит его как «Господь мира» [Тантлевский 2002: 118]. Тот же эпитет в несколько отличном написании (מַרְי עֲלַמָּא) прилагается к Богу в арамейской версии Книги Товита, А. Нейбауер [A. Neubauer] передает его по-английски как «the master of the world» [The Book of Tobit 1878: XXXIX]. В русском переводе А. Смирнова Книги Юбилеев термин «Господь мира», несомненно, соответствует тому же семитскому эпитету (на арамейском или еврейском языках) [Книга Юбилеев 1895: 132; Книга апокрифов 2004: 95]. Последняя книга знаменательна еще и тем, что она воспроизводит древнеиудейские воззрения и обрядовые практики Иудейства времен, близких к периоду земной жизни Иисуса Христа²⁹. В девтероканонических книгах Ветхого Завета обнаруживаются греческие соответствия еврейским и арамейским терминам, обозначающим Бога. Так, помимо отмеченного выше θεὸν τοῦ αἰῶνος — «Бога вечности/века» встречаются: ὁ θεὸς τῶν αἰῶνων «Бог веков» [Сирах, гл. 36: 17/19]³⁰, (в дательном падеже) κτίστη τοῦ κόσμου «Создатель/Творец мира» [II Мак., гл. 13:14]³¹, (в винитель-

²¹ Ср.: «(Ибо Ты —) Бог вечности» [Тексты Кумрана 1996: 205]; «(Thou art) a God of eternity» [Dupont-Sommer 1962: 225].

²² «Благодарственные гимны». См. издание Е. Л. Сукеника [Sukenic 1955, plates XXXV—LVIII, column 7, line 31 (plate 41)].

²³ Ср.: Testament of Kohath [Wise, Abegg, Cook 1996: 432].

²⁴ См.: [Eisenman, Wise 1994: 149 (Fragment 1, Column 1 (2))].

²⁵ Ср.: רַבּוֹ מַרְאָ עֲלַמָּא [Eisenman, Wise 1994: 38 (lines, 6, 7, 11, 12)].

Этот эпитет семантически соответствует евр. אֲדוֹן עוֹלָם — 'ādōn 'ōlām, см. примеч. выше. Ср. также: בְּרִיךְ שְׁמִיָּה דְּמַרְאָ עֲלַמָּא «Благословенно имя Владыки мира» [Махзор 2000: 117].

²⁶ Арамейское 'ālmā (как и еврейское 'ōlām) заключает в себе пространственно-временной смысл [Тексты Кумрана 1996: 359, примеч. 13].

Подробную справку по этому вопросу дает F. Simon, который, в частности, приводит слова М. Нельдеке (M. Nöldeke). Как отмечает этот известный семитолог, в сирийском языке существует точный формальный различительный признак, позволяющий безошибочно определить, означает ли данное существительное «вечность» или «мир»: 'ālam (в абсолютном состоянии) — 'вечность', тогда как 'ālmā (в эмфатическом состоянии) — 'мир' [Les Religions 1909: 375—376 (n. 80)].

²⁷ Ср.: מֶלֶךְ כָּל עוֹלָמִים (с предлогом) — «Царем всех веков» [Avigad, Yadin 1956 (Column II (7))]. Ср.: «by the King of all ages» [Dupont Sommer 1962: 284].

²⁸ См. об этом также: [Les Religions 1909: 193, 375—376 (n. 80)].

²⁹ В промежутке между появлением Книги Еноха и разрушением 2-го иерусалимского Храма, т. е. между 160 г. до Р. Х. и 70 г. по Р. Х. См. мнение по этому вопросу А. Смирнова [Книга Юбилеев 1895: 36—37].

³⁰ См.: [Septuaginta 1979: 439. Vol. II].

³¹ Ср. также: ὁ τοῦ κόσμου κτίστης «Творец мира» [II Мак., гл. 7:23 // Septuaginta 1979: 1116. Vol. 1]; ὁ τοῦ κόσμου κτίστης «Создатель мира» [IV Мак., гл. 5:25 // Septuaginta 1979: 1164. Vol. 1].

ном падеже) τὸν κύριον τοῦ αἰῶνος «Господь вечности/века» [Товит, гл. 13:15; S]³², τὸν βασιλέα τῶν αἰῶνων «Царь веков» [Товит, гл. 13:7/6, 11/10; B, A]³³. Ср. также: ἵνα δύνωνται στοχάσασθαι τὸν αἰῶνα, τὸν τούτων δεσπότην πῶς τάχιον οὐχ εἶρον — «...если они столько могли разуметь, что в состоянии были исследовать временный мир, то почему они тотчас не обрели Господа его?» [Премудрость Соломона, гл. 13: 9]³⁴. Таким образом, можно выделить серию эпитетов Бога, объединяемых тем, что их вторым и неизменным компонентом является: 'ôlām или 'ālmā' в значении «вечность; век; мир» (в греческом варианте: αἰών или κόσμος) либо то же существительное во множественном числе: «векá», а первый, варьирующийся, представлен различными словами со значениями «Бог», «Господь/Господин/Владыка», «Царь/Правитель», «Творец/Создатель» и т. п.

Идея смены веков или эпох была неразрывно связана с эсхатологическими представлениями³⁵. Согласно представлениям кумранитов, они жили в последнем периоде владычества Велиала, а после окончательной победы над лагерем тьмы наступит период владычества сынов света³⁶. Велиал или Велиар (Bēliyu'a'al)³⁷ — олицетворение зла, властелин сил тьмы. Как отмечает К. Б. Старкова, в Библии этот термин применяется еще к людям и означает «негодяй» (буквальное значение), а в текстах Кумрана, апокрифах, новозаветной литературе означает «диавол», «сатана» [Тек-

³² Ср. εὐλογήσουσιν τὸν κύριον τοῦ αἰῶνος — «будут благословлять Господа вечности/века» [Septuaginta 1979: 1035. Vol. 1 (пер. наш)].

³³ См.: [Septuaginta 1979: 1033, 1034. Vol. 1 (A, B)]. Ср. καὶ εὐλογήσατε τὸν κύριον τῆς δικαιοσύνης καὶ ὑψώσατε τὸν βασιλέα τῶν αἰῶνων [Septuaginta 1979: 1033. Bd. 1 (S)] — «и благословляйте Господа правды и превозносите Царя веков» [Библия 1989]. Помета В обозначает «Ватиканский кодекс», А — «Александрийский кодекс».

³⁴ См.: [Septuaginta 1979: 364. Bd. II; Библия 1989]; также: [A Greek-English Lexicon 1992: 14. P. I]. Ср. латинскую версию: si enim tantum potuerunt scire ut possent aestimare saeculum quomodo huius Dominum non facilius invenerunt [Biblia 1994: 1018].

³⁵ Эсхатология часто понимается как учение о конце света. Однако, если исходить из того, что «мир» в Библии, передаваемый словом 'ôlām, это поток времени, разделяемый на отдельные сменяющие друг друга эпохи, то «конец» справедливо прилагать не к миру в его пространственном значении, а к определенному временному отрезку. Так, К. Б. Старкова отмечает: «Особое значение приобретает перевод выражения 'aḥāgīṭ ha-yū'ām, которое часто переводят 'конечные дни', 'дни', имея в виду «конец света». Однако в Библии смысл часто сохраняет оттенок «будущие дни», букв.: 'следующие', 'другие дни' (подразумевается определенный срок в будущем или неопределенное будущее, сулящее апофеоз Израиля...). Наречие 'aḥar означает 'потом', 'после', и первичное значение производного 'aḥāgīṭ связано именно с этим: 'то, что будет после', 'то, что последует'... [Тексты Кумрана 1996: 69—70, примеч. 116]. Ср.: [Там же: 64, примеч. 69]. См. также: [Ioannesyan 1998: 29—33].

³⁶ См.: Комментарий на кн. Хаваккука [Тексты Кумрана 1971: 181, примеч. 114].

³⁷ О происхождении этого термина и его возможных этимологиях А. М. Газов-Гинзберг пишет: «Велиал (Bly'1) — имя князя Тьмы (сатаны), частое в кумранской литературе. В Ветхом Завете слово имеет нарицательное значение, букв.: 'негодяй(ство)' (bēlī — отрицание + корень Y'L — 'быть годным, полезным', но родственное глагольное сочетание lō'yo'lū — 'не принесут пользы' является эвфемистическим обозначением идолов. Можно предположить, что имя Велиал (Bēliyu'a'al) явилось презрительным искажением имени языческого божества Ваал (Ba'al). Впрочем, и в одном библейском выражении (II Сам. 22:56 = Пс. 18:56) имя Велиал выступает как бы в роли синонима к обозначению Преисподней (здесь предполагалась и другая этимология: bal/bēlī — отрицание + ya'al — 'поднимается')» [Тексты Кумрана 1996: 308, примеч. 3].

сты Кумрана 1996: 65, примеч. 79]. Одновременно Велиал и властитель времени, в течение которого господствуют темные силы, то есть века нынешнего, *века сего*, противопоставляемого веку грядущему, веку будущему. В кумранитском Комментарий на книгу Хаваккука³⁸ говорится:

«Ибо видение (все еще относится) к установленному времени, оно говорит о конце и не обманет»³⁹. Это означает, что последний срок продлится долее, чем все, что предсказали пророки, ибо дивны тайны Бога. «Если замедлит своим наступлением, ты (тем не менее) жди его, ибо он непременно придет и не запоздает»⁴⁰. Это относится к людям истины, исполняющим Закон, руки которых неустанно будут служить делу истины, (даже) когда затянется для них (наступление) последнего периода, ибо все сроки, (установленные) Богом, наступят в свой черед, как Он предначертал и[м] в тайнах своей премудрости [Тексты Кумрана 1971: 154]⁴¹.

А относительно того, что Он сказал: «Слишком чисты глаза (Твои), чтобы глядеть на зло»⁴². Толкование этого: глаза их не совратили их в период нечестия [Тексты Кумрана 1971: 152]⁴³.

Власть Ангела Тьмы простирается на то, чтобы развращать праведников. Все их проступки, постыдные и мятежные деяния совершаются по его наущению. Бог допускает это, но лишь до той поры, пока не наступит Его эра [Wise, Abegg, Cook 1996: 130]. О том, что на смену эпохе нечестия, согласно божественному предустановлению, грядет эпоха праведности и добродетели, говорится и в других текстах — в частности, в «Уставе общины» и в «Завещании Нафтали»:

Отвращение к Правде — (таковы) дела Кривды, и отвращение к Кривде — (таковы) все пути Правды... ибо не вместе будут они ходить. Но Бог в тайнах Своего разума и в Своей славной мудрости дал конец бытию Кривды и в назначенный срок уничтожит ее навеки. И тогда навсегда выйдет Правда вселенной, ибо она запятналась на путях нечестия, при владычестве Кривды, до срока начертанного правосудия... Стыдом станут все лукавые дела. До сих пор тягнутся дүхи Правды и Кривды в сердце мужа, ходят в мудрости и глупости. И насколько наследует человек истину и праведность, настолько он ненавидит Кривду. А насколько наследует он жребий Кривды, из-за которой он поступает нечестиво, настолько он и гнушается Правдой. Ибо мерой в меру Бог поставил их до конца установленного и создания нового. И Он знает действие их дел на все сроки...⁴⁴.

³⁸ Мы приводим название в варианте, в котором оно встречается у И. Д. Амусина. Более традиционной для русского читателя формой этого имени следует, однако, считать «Аввакум».

³⁹ Ср.: [Аввакум, гл. 2:3].

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Здесь и ниже отрывки из Комментария на кн. Хаваккука приводятся в переводе И. Д. Амусина без сохранения деления на абзацы.

⁴² Ср.: [Аввакум, гл. 1:13].

⁴³ То есть в период владычества Велиала, ср. пояснение И. Д. Амусина [Тексты Кумрана 1971: 175, коммент. 79].

⁴⁴ См.: Устав общины, IV, 17—25 [Тексты Кумрана 1996: 117—118]; ср.: [Dupont-Sommer 1962: 81—82].

...[Они испытают] скорбь из-за тягостных времен... и будут очищены всем этим и станут избранниками праведности. И Он сотрет всякий грех ради тех, кто предан Ему. Ибо исполнилась эра зла и всякой несправедливости... И грядет время праведности, и наводняется земля истинным знанием и восхвалением Бога во дни... наступает эра мира...

И будет благословлять Его весь мир, и каждый склонит пред Ним главу... ибо [знает] Он деяния их прежде, чем они были сотворены... Близится господство Добра, и будет воздвигнут [святой] престол...⁴⁵

Эта эра Добра, идущая на смену эпохе нечестия, в последний этап которой, по представлению кумранской общины, современное ей человечество уже вступило, отождествляется с мессианским периодом⁴⁶. В «Дамасском документе» содержатся следующие строки: «...которыми Предначертатель начертал руководствоваться в течение всей поры нечестия. Другие же, помимо них, не достигнут (этого), пока не встанет Наставляющий в правде в конце дней»⁴⁷.

Эсхатологические воззрения кумранской общины тесно связаны с идеей переустройства общества и человеческого сообщества здесь, на земле, на более справедливых началах⁴⁸. Как отмечает И. Д. Амусин, в кумранитской «Книге тайн» автор говорит о социальном зле, господствующем в отношениях между всеми народами, стремящимися грабить друг друга. Победа праведности над нечестием мыслится как социальный переворот в мировом масштабе [Тексты Кумрана 1971: 324, коммент. 16]. Приведем отрывок из этой книги:

...И они не ведают тайны будущего и прошлого не постигли, (поэтому) не знают предстоящего им и не спасли души свои от тайны будущего. И вот вам знамение того, что (это) произойдет; когда (чрево), порождающее беззаконие, будет заперто, нечестие отдалится от лица праведности, как [ть]ма отступает перед светом; и как рассеивается дым и нет его больше, так исчезнет нечестие навеки, а праведность откроется как [сол]нце — установленный порядок мира; и всех придерживающихся тайн нечестия не станет больше. (Тогда) знание заполнит мир, и никог[да] не будет в нем больше безрассудства. Уготовано слову сбыться, и истинно пророчество; и отсюда да будет вам известно, что оно неотвратимо. Разве не все народы ненавидят кривду? И (тем не менее) она среди них водится. Разве не из уст всех народов раздается голос истины? (Но) есть ли уста и [я]зык, придерживающийся ее? Какой народ желает, чтобы его угнетал более сильный, чем он? Кто желает, чтобы его достояние было нечестиво разграбле-

⁴⁵ Цитируется в нашем переводе с английского по: The Last Words of Naphtali. Fr. 1, Col. 2 [Wise, Abegg, Cook 1996: 261]. Ср. также: [Eisenmen, Wise 1994: 159—160].

⁴⁶ Ср.: [Тексты Кумрана 1971: 165, коммент. 24]. Это положение в учении позволяет исследователям называть кумранскую общину «мессианским движением в Палестине» [Eisenmen, Wise 1994: 158].

⁴⁷ Дамасский документ VI, 9—15 [Тексты Кумрана 1996: 41]; ср.: [Dupont-Sommer 1962: 131].

⁴⁸ Ср.: Введение К. Б. Старковой к переводу Дамасского документа [Тексты Кумрана 1996: 30].

но? (А) какой народ не угнетает своего соседа? Где на[род], который не грабил (бы) богат[ства] [другого...] ⁴⁹.

Остановимся отдельно на одном из текстов кумранской общины, известном как «Война сынов света против сынов тьмы». Как пишет А. М. Газов-Гинзберг, «формально свиток объединяет и развивает библейские пророчества о времени возвращения из „вавилонского плена“ праведной части всех „колен“ (племен) Израиля, за чем последует окончательное освобождение от иностранного ига, а затем всемирное возвышение Израиля и наступление „царства Божия“ на земле. Однако свиток выделяется среди всей древнееврейской литературы требованием активнейшего участия в этих грядущих событиях, с подробным планом войны, с детальными предписаниями относительно стратегии и тактики, военных построений и оружия... Хотя содержание свитка можно назвать эсхатологическим (посвященным будущему решению мировых проблем), для членов секты оно казалось полным реального, практического значения» [Тексты Кумрана 1996: 280—281]. В этой войне силы Света (сыны Света) выступают при помощи Предводителя Света против сил Тьмы, сил Велиала. А. М. Газов-Гинзберг продолжает: «Автор свитка обращается к Нему (к Богу. — Ю. И.): „Предводителя света“ (= архангела Михаила) ⁵⁰ назначил Ты издревле... и Ты (же) создал Велиала (= сатану) губителем, ангелом, злокозненным, во Тьме власть его (XIII, 10—11). Борьба Света с Тьмой — это лишь „горнила Божии“ ⁵¹. Чтобы войти в будущее „царство Божие“, человек должен доказать не только свою личную праведность, но и свое мужество и стойкость в борьбе за всеобщую Правду, как ее понимали кумраниты» [Тексты Кумрана 1996: 282]. В этой эсхатологической битве должны сойтись как земные, так и небесные силы. Великий Ангел, Дух Добра, Князь Света будет послан на подмогу сынам Света против полчищ, возглавляемых самим Велиалом. Цель будущей войны — не только поражение недругов Израиля, но также и конечное уничтожение сил Тьмы, окончание господства зла, установление вечной и исключительной власти Света и Справедливости ⁵². Показателен следующий отрывок:

З[нание (?)] и спра[ведливость] осветят все концы вселенной, светя все более, пока не выйдут все сроки Тьмы. И в срок Божий осветит высота его величия все концы [...].

⁴⁹ Книга тайн [Тексты Кумрана 1971: 321].

⁵⁰ Ср.: «А вы крепитесь и не бойтесь их, [ибо] они (обречены) на провал, и впустую стремления их, и опоры их как не б[ыло]. Не [ведают (?), что от Бога] Израилева — все сущее и происходящее... во всем происходящем навеки. Сегодня Его срок смирить и унижить предводителя власти нечестивой, и Он посылает помощь навеки, для своего [ис]купительного жребия, мощью могучего ангела, для предводительства Михаила в вечном свете» [Тексты Кумрана 1996: 305 (XVII, № 4—8)]; ср.: [Dupont-Sommer 1962: 194].

⁵¹ Параллели между этим и аналогичными учениями в Иудаизме — с одной стороны, и Зороастризмом — с другой, отмечают многие исследователи, в частности А. М. Газов-Гинзберг [Тексты Кумрана 1996: 282], А. Дюпон-Соммер [Dupont-Sommer 1962: 165].

⁵² Ср.: [Dupont-Sommer 1962: 165].

Для мира и благословения, славы и радости и долгоденствия всех сынов Света... Ибо этот день назначен им от века для войны, уничтожение сынов Тьмы, когда сойдутся на великое побоище божественный сонм и общество мужей — сынов Света со жребием Тьмы, сражаясь вместе, ради могущества Божия... выйдут (?) на по]боище военном три жребия одолевать сынам Света, поражая нечестие, и трижды воспрянет войско Велиала, чтобы отвратить жребий..., а седьмым жребием великая рука Божия низвергнет [Велиала и (?) все]х подвластных ему ангелов... [Тексты Кумрана 1996: 284—285]⁵³

Эта идея смены эпох (на языке Библии—веков) в дальнейшем была развита в талмудической и раввинистической литературе Иудаизма, найдя отражение и в литургических текстах, а также получила новый импульс в Христианстве⁵⁴. «Талмуд, — отмечает И. Р. Тантлевский, — говорит об эсхатологическом **הבא עולם** [*'ôlām hab-bā'*], что можно с равным правом переводить как „будущий век“ (ср. в христианском символе веры „...и жизни будущего века“) и „будущий мир“» [Тантлевский 1994: 69, примеч. 74]. «Будущий век/мир» противопоставляется в указанной литературе **הזה עולם** [*'ôlām hazzē*] «веку/миру сему»⁵⁵. В словаре-справочнике ключевых понятий Библии поясняется: «Основываясь на ветхозаветном учении о том, что Господь установит новый миропорядок (см.: [Ис. 24—27, Иоиль 2]), иудеи во времена Христа говорили „об этом веке“ (евр. *га-олām га-зē*) и „веке грядущем“ (евр. *га-олām га-бā*). „Этот мир“ означает мир, в котором мы живем сейчас, мир греха и зла» [Барнуэлл, Дэнси, Поп 1996: 203]. „Грядущий мир“, указывается в справочнике, относится к будущим временам, ко времени Мессии [Там же]. Заострим внимание на том, что *'ôlām hazzē* 'век/мир сей' и *'ôlām* 'вечность/(временной) мир' не выступают синонимами. Эти термины выражают в принципе разные понятия, что очевидно, в частности, из эпитетов Бога как «Творца и Владыки временного мира (*'ôlām*)», ср.: **אֲדוֹן עוֹלָם** [*ādôn 'ôlām*] 'Властелин мира' [Махзор 2000: 49]⁵⁶. «Авторы Нового Завета, следуя примеру Христа, писали о том же различии между настоящим и грядущим. Они говорят о том, что „грядущий век“ уже брезжит и постепенно сменяет век нынешний» [Барнуэлл, Дэнси, Поп 1996: 203]. Противопоставление «века/мира сего» и «века будущего/грядущего» четко прослеживается в Новом Завете [Дьяченко 1993: 114]. Сатана метафорически назван: *ὁ θεὸς τοῦ αἰῶνος τούτου*⁵⁷ 'бог века сего' [2 Кор. 4:4] (по-ев-

⁵³ Ср.: [Dupont-Sommer 1962: 171].

⁵⁴ Мы не случайно уделили такое внимание учению о смене веков по материалам именно кумранской общины. На ее связь с зародившимся несколько позже Христианством указывают многие исследователи.

⁵⁵ Ср.: **הרחמן הוא לימות המשיה ולחיי העולם הבא** — «Он, милосердный, да удостоит нас [счастья] дожидаться времен машиаха и жить в мире грядущем» [Махзор 2000: 44]; **אתה הוא בעולם הזה ואתה הוא לעולם הבא** — «Каким был ты в этом мире, таким ты [будешь и] в мире грядущем» [Там же: 52].

⁵⁶ Ср. также: «Владыка вселенной», «Владыка мира» [Агада 1993: 72, 89, 102, 303 и др.]

⁵⁷ Ср.: [Marshal 1983: 529].

рейски ему соответствует: **הַזֶּה הָאֱלֹהִים הַעוֹלָם** 'ēlōhē hā'ōlām hazzē⁵⁸). Ср.: σοφίαν δὲ οὐ τοῦ αἰῶνος τούτου⁵⁹ 'но мудрость не века сего' [1 Кор. 2:6], οὐδὲ τῶν ἀρχόντων τοῦ αἰῶνος τούτου⁶⁰ 'не властей века сего' [1 Кор. 2:6, ср. 8], κατὰ τὸν αἰῶνα τοῦ κόσμου τούτου⁶¹ 'по обычаю мира сего' [Еф. 2:2]. Последний пример наглядно демонстрирует попытку передать по-гречески пространственно-временную семантику евр. 'ōlām, араб. 'ālmā', для чего потребовалось сочетание слов: αἰών и κόσμος — букв.: '...века мира (сего)'⁶². Рассмотрим и другие примеры: γευσσάμενους... δυνάμεις τε μέλλοντος αἰῶνος⁶³ 'вкусивших... сил будущего века' [Евр. 6:5], ἐν τῷ καιρῷ τούτῳ καὶ ἐν τῷ αἰῶνι τῷ ἐρχομένῳ...⁶⁴ 'и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий...' [Лук. 18: 30, ср.: Мар. 10:30], οὐ μόνον ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ ἀλλὰ καὶ ἐν τῷ μέλλοντι⁶⁵ 'не только в сем веке, но и в будущем' [Еф. 1:21].

Как и в ветхозаветной и в девтероканонической литературе, одним из эпитетов Бога в Новом Завете выступает «Царь веков», ср.: Τῷ δὲ βασιλεῖ σῶν αἰῶνων...⁶⁶ 'Царю же веков...' [1 Тим. 1:17]. Он рассматривается как «Творец мира/веков»: ὁ θεὸς ὁ ποιήσας τὸν κόσμον καὶ πάντα...⁶⁷ «Бог, сотворивший мир и все...» [Деян. 17:24], καὶ ἐποίησεν τοὺς αἰῶνας⁶⁸ «...и веки сотворил» [Евр. 1:2]. Следует отметить, что термины «мир сей» и «век сей» оформляются не только определенным артиклем, как в случае с «миром» или «веком/веками» как таковыми, но и всегда имеют при себе указательное местоимение τούτου «этот».

В Евангелии от Иоанна (в речи Иисуса Христа) встречается термин ὁ τοῦ κόσμου ἄρχων⁶⁹ — букв.: 'князь мира/мира князь' [Иоан. 14:30]. В греческом тексте этого стиха указательное местоимение τούτου «этот» отсутствует⁷⁰. В переводе к термину добавляют «сего», т. е. «князь мира сего», и на этом основании, согласно распространенному толкованию, считают его эпитетом дьявола. Это добавление можно было бы считать несущественным, если бы оно не переводило семантику термина в совершенно иную плоскость, придавая ему значение, противоположное изначальному. Словосочетание «князь мира» выражает законченную мысль. Оно представляет собой метафору, эпитет, первым компонентом которых, по аналогии с рассмотренными выше эпитетами Бога, выступает «Бог/

⁵⁸ Ср.: [Новый Завет 1994 (הברית החדשה)].

⁵⁹ Ср.: [Marshall 1983: 487].

⁶⁰ Ср.: [Ibid.].

⁶¹ Ср.: [Ibid.: 565].

⁶² Ср.: «according to the age of this world» [Ibid.]. «Надо понимать [греч. αἰών] как синоним κόσμος... указывающий как на временной, так и на пространственный аспект грешного существования» [Роджерс-младший, Роджерс 2001: 681].

⁶³ Ср.: [Marshall 1983: 649].

⁶⁴ Ср.: [Ibid.: 237].

⁶⁵ Ср.: [Ibid.: 565].

⁶⁶ Ср.: [Ibid.: 613].

⁶⁷ Ср.: [Ibid.: 403].

⁶⁸ Ср.: [Ibid.: 641].

⁶⁹ Ср.: [Ibid.: 319].

⁷⁰ Отсутствует местоимение hānā 'этот' при слове 'ālmā в этом стихе и в сирийской версии Евангелия: 'arkōnēh d'c'ālmā [Syriac Bible: 1991].

Господь/Творец» или другие слова со значением лица, обладающего властью («царь», «правитель» и т. п.), а вторым — «вечность/век/временной мир». «Князь мира» стоит с ними в одном ряду. Как термин, «мир» (без указательного местоимения «этот») не может быть отождествлен с «миром сим», так как у них разный круг значений. Первый семантически объединяется с сотворенным Богом «потоком времени», с «веком», «вечностью»⁷¹. Он входит в состав многих эпитетов Бога. Второй — с «веком сим». Он обретает смысл в противопоставлении «веку грядущему/будущему». Если противоположны по значению 'ēlōhê 'ōlām «Бог вечности» (эпитет Бога) и 'ēlōhê hā'ōlām hazzē «бог века/мира сего» (эпитет диавола в Новом Завете, см. выше), то столь же противоположное значение должно придаваться «Князю мира» при добавлении к нему отсутствующего в греческом оригинале местоимения «сего». Поскольку родным языком Иисуса Христа и большинства Его апостолов был арамейский, то уместно задаться вопросом — какому древнееврейскому или арамейскому термину может соответствовать сочетание греческих слов «ἄρχων» (определяемое) и «τοῦ κόσμου» (определяющее)? Если применительно к слову κόσμος, с учетом уже рассмотренных примеров, ответ на поставленный вопрос лежит на поверхности — оно (наряду с αἰών) обычно используется для передачи евр. 'ōlām, арамейск. 'ālmā', то для выявления семитского соответствия греческому ἄρχων потребуются дополнительный анализ. Рассмотрим ряд терминов, используемых в древнееврейском языке для обозначения «обладателя власти» с включением божественных эпитетов, отмечая, там где это существенно, способы их передачи по-гречески. Обратимся к ветхозаветным и кумранским текстам:

«...и о Боге богов будет говорить хульное...»⁷² [Дан. 11:36]: אל אלים [ʿēl 'ēlīm]⁷³ 'Бог богов' (эпитет Бога);

«Ведь Ты — вождь божественных и царь достославных...»⁷⁴: שר אלים [śar 'ēlīm]⁷⁵, букв.: 'вождь/князь богов' (о Боге);

«...и против Владыки владык восстанет...» [Дан. 8:25]: שר-שרים [śar-šārīm] 'Владыка владык'⁷⁶;

⁷¹ Еще одним значением слова «мир», вытекающим из семантики арамейск. 'ālmā', выступает «человечество» (собираательно) [Дьяченко 1993: 308], ср.: «Я свет миру» [Иоан. 8:12; 9: 5], «и мир Его не познал» [Иоан. 1:10].

⁷² За исключением особо оговоренных случаев цитаты приводятся в каноническом русском переводе.

⁷³ Слово 'ēl полисеманлично. Среди его значений: «бог», «Бог»; «вождь»; «могущественный»; «герой» [Gesenius' 1996: 44—45; Тексты Кумрана 1996: 248 (примеч. 271)].

⁷⁴ Благодарственные гимны, X, 8 [Тексты Кумрана 1996: 210]. Ср. перевод этого термина как 'Prince of the gods' [Dupont-Sommer 1962: 234].

Фраза содержит широкий набор эпитетов Бога, начинающихся словами: śar 'князь', melek 'царь', 'ādōn 'господь', mōšēl 'владычествующий': הנה אתה שר אלים ומלך נכבדים ואדון לכל רוח ומושל בכל מעשה [Sukenik 1955 (Thanksgiving Scroll, Coll. 10, Plate 44, line 8)] — «Ведь Ты — вождь божественных, и царь достославных, и господин всякому духу, владыка всякому творению» [Тексты Кумрана 1996: 210]; ср.: [Dupont-Sommer 1962: 234].

⁷⁵ См.: [Sukenik 1955 (Thanksgiving Scroll, Coll. 10, Plate 44, line 8)].

«...Михаил, один из первых князей...» [Дан. 10:13]: אחד השרים הראשנים [ʾahad haššārīm hārīšōnīm] 'один из первых князей' (об архангеле Михаиле), ср.: εἷς τῶν ἀρχόντων τῶν πρώτων⁷⁷;

«... Я отдал его в руки властителю народов...» [Иез. 31: 11]: אל גוים [ʾēl gōyīm] 'властитель народов'⁷⁸ (о царе Навуходоносоре), ср.: εἰς χεῖρας ἀρχοντος ἔθνων⁷⁹;

«Ты... поставил меня главою иноплеменников...» [Пс. 17/18:44]: ראש גוים [rō(ʾ)š gōyīm] 'глава иноплеменников/народов', ср. тот же эпитет в 2 Цар. 22:44;

«...восклицайте пред главою народов...» [Иер. 31: 7]: ראש הגוים [rō(ʾ)š haggōyīm] — тот же эпитет с артиклем при определяющем имени;

«...Он — владыка над народами» [Пс. 21/22: 29]: משל בגוים [mōšēl baggōyīm] букв.: 'владычествующий'⁸⁰ над народами' (о Боге), ср.: αὐτὸς δεσπόζει τῶν ἔθνων⁸¹;

«...Ты владычествуешь над всеми царствами народов» [2 Пар. 20:6]: מושל בכל ממלכות הגוים [mōšēl bʿkōl mamlʿkōt haggōyīm], букв.: 'владычествующий над всеми царствами народов' (о Боге), ср.: κυριεύεις πασῶν τῶν βασιλειῶν τῶν ἔθνων⁸²;

«послал царь и разрешил его, владетель народов...» [Пс. 104/105:20]: משל עמים [mōšēl ʾammīm] 'владетель народов', ср.: ἄρχων λαῶν⁸³;

«...там веселились мы о Нем. Он владычествует могуществом Своим вечно» [Пс. 65/66: 7]: משל בגבורתו עולם [mōšēl bigbūrātō ʾōlām] (о Боге) — ср.: ...ἐκεῖ εὐφρανθήσομεθα ἐπ' αὐτῷ τῷ δεσπόζοντι ἐν τῇ δυναστείᾳ αὐτοῦ τοῦ αἰῶνος⁸⁴. Если следовать приведенному греческому переводу этого стиха в Септуагинте, который в данном случае представляется грамматически наиболее точным⁸⁵, то эту его часть корректнее было бы выразить по-русски так: «...там возрадовались мы Ему — Владычествующему Своим могуществом над временным миром/вечностью (или: во временном мире/в вечности)»⁸⁶. Такое понимание полностью согласуется и с арамейским переводом (Таргумом): דשליט בכח גבורתיה על עלמא [d^e šallîṭ bʿkō^aḥ g^ebūrêh ʾal ʾālmāʾ];

⁷⁶ Этот термин в данном стихе может иметь не одно толкование. Христиане относят его к Мессии. Ср.: [Vine, Unger, White 1985: 42].

⁷⁷ См.: [Septuaginta 1979: 926. Bd. II].

⁷⁸ Ср.: «the mighty one of the nations» [Gesenius' 1996: 45].

⁷⁹ См.: [Septuaginta 1979: 825. Bd. II].

⁸⁰ Слово mōšēl (mōšēl) по своей грамматической форме представляет собой причастие [Davidson 1995: 521], поэтому вполне корректен его перевод на другие языки соответствующим причастием или существительным, например, рус. «владыка», англ. «ruler, prince, lord» [Davidson 1995: 521; Gesenius' 1996: 517]. Греческий перевод Септуагинты не всегда отражает этот принцип, ср. ниже.

⁸¹ См.: [Septuaginta 1979: 21. Bd. II (A)].

⁸² См.: [Ibid.: 839. Bd. I].

⁸³ См.: [Ibid.: 114. Bd. I].

⁸⁴ См.: [Ibid.: 66. Vol. II].

⁸⁵ Так, слово mōšēl передано по-гречески соответствующим причастием (в дат. падеже): δεσπόζοντι.

⁸⁶ Ср. латинский перевод: ...qui dominatur in fortitudine sua saeculo [Biblia 1994: 847 ('Hebrew' Psalter)], а также: ...qui dominatur in vertute sua in aeternum [Ibid: 846 ('Galliscan' Psalter)].

«...Твое, Господи царство и Ты превыше всего, как Владычествующий» [1 Пар. 29:11]: **שׂרָא** [rō(‘)š] ‘Владычествующий’ (букв.: ‘глава’), ср.: σὺ... δεσπόζεις⁸⁷;

«...Ты владычествуешь над всем...» [1 Пар. 29:12]: **מוֹשֵׁל בְּכֹל** [mōšēl bakkōl], букв.: ‘Владычествующий над всем’ (о Боге), ср.: πάντων ἄρχεις, [κύριε] ὁ ἄρχων πάσης ἀρχῆς⁸⁸;

«Ты владычествуешь над яростию моря...» [Пс. 88/89: 10]: **מוֹשֵׁל בְּגִיאַת הַיָּם** [mōšēl b^gē(‘)t hayyām], букв.: ‘Владычествующий над яростью моря’ (о Боге), ср.: [σὺ] δεσπόζεις τοῦ κράτους τῆς θαλάσσης⁸⁹;

«посылайте агнцев владетелю земли из Селы...» [Ис. 16:1]: **אֶרֶץ-מוֹשֵׁל** [mōšēl ‘eres] ‘владетель земли’.

Прибавим к этому эпитет Бога, с которого мы начали статью: **אל עולם** [‘ēl ‘ōlām] ‘Бог вечности/временного мира’.

Отметим также несколько арамейских терминов и эпитетов:

«...поставил его главою тайноведцев...» [Дан. 5:11]: **רַב חַרְסֻמִּין** [rab ḥarsummīn] ‘глава тайноведцев’, ср.: ἄρχοντα ἐπασιδῶν⁹⁰;

«...истинно, Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей...» [Дан. 2:47]: **יְיָ מַלְכֵי וְיְיָ מְלִיכֵי וְיְיָ מְלִיכֵי וְיְיָ מְלִיכֵי** [‘ēlāh ‘ēlāhīn ūmārē’ malkīn] ‘Бог богов и Владыка царей’, ср.: θεὸς τῶν θεῶν καὶ κύριος τῶν βασιλέων⁹¹.

Вышеприведенные примеры позволяют сделать следующие выводы:

а) все четыре слова: ‘ēl, śar, rō(‘)š, mōšēl/mōšēl — могут относиться к Богу, ср.: ‘ēl ‘ōlām, ‘ēl ‘ēlīm, śar ‘ēlīm, (I^o)rō(‘)š, mōšēl (biḡbūrātō) ‘ōlām, mōšēl bakkōl, mōšēl baggōyīm, mōšēl b^kōl maml^kōt haggōyīm, mōšēl b^gē(‘)t hayyām;

б) указанные четыре термина в составных эпитетах могут заменять друг друга, что не приводит к существенному изменению семантики словосочетания в целом:

‘ēl — śar, ср.: ‘ēl ‘ēlīm, śar ‘ēlīm;

‘ēl — rō(‘)š — mōšēl/mōšēl, ср.: ‘ēl gōyīm, rō(‘)š gōyīm, rō(‘)š haggōyīm, mōšēl baggōyīm, ср. также: mōšēl ‘ammīm;

в) они могут переводиться одними и теми же греческими словами или производными от тех же корней:

‘ēl — ἄρχων⁹² [Иез. 31: 11];

mōšēl/mōšēl — ἄρχων [1 Пар. 29:12; Пс. 104/105:20], ср. также: [σὺ]... ἄρχεις [1 Пар. 29:12]; δεσπόζων [Пс. 65/66: 7], ср. также: [αὐτὸς] δεσπόζει [Пс. 21/22: 29], [σὺ] δεσπόζεις [Пс. 88/89: 10]; [σὺ] κυριεύεις [2 Пар. 20:6];

śar — ἄρχων [Дан. 10:13];

rō(‘)š — [σὺ]... δεσπόζεις [1 Пар. 29:11].

⁸⁷ См.: [Septuaginta 1979: 810. Vol. 1].

⁸⁸ См.: [Ibid.: 810. Vol. 1].

⁸⁹ См.: [Ibid.: 96. Vol. II].

⁹⁰ Перевод Феодосиона (далее: θ) [Ibid.: 905. Vol. II].

⁹¹ См.: [Ibid.: 880. Vol. II].

⁹² Здесь и далее существительные и причастия приводятся в единственном числе и именительном падеже.

Мы видим, что в вышеприведенных примерах наиболее частым способом передачи рассмотренных еврейских терминов по-гречески выступает использование существительного ἄρχων (а также личных форм глагола того же корня). Оно соответствует в греческом тексте трем из четырех интересующих нас еврейских слов. Причастие mōšēl/mōšēl имеет наиболее широкий набор греческих соответствий: 1) ἄρχων — чаще всего передаваемое рус. 'князь', англ. 'prince, ruler'⁹³; 2) δεσπότης и глагольные формы того же корня со значением 'владычествовать, господствовать'; по-русски образования от этого корня обычно передаются либо личными формами указанных глаголов, либо существительными «Владыка», «Владетель» (ср. выше) и «Господь», ср.: ἵνα δύνωνται στοχάσασθαι τὸν αἰῶνα, τὸν τούτων δεσπότην πῶς τάχιον οὐχ εὔρον — «...если они столько могли разуместь, что в состоянии были исследовать временный мир, то почему они тотчас не обрели Господа его?» [Премудрость Соломона, гл. 13: 9]; 3) личная форма глагола κυρεῖω 'господствовать' — от того же корня образовано существительное κύριος, соответствующее рус. «Господь/Господин», англ. «Lord, Master»⁹⁴.

Таким образом, посредством греч. ἄρχων могут передаваться евр. 'ēl, mōšēl/mōšēl, šar. Следовательно, если в сочетании ἄρχων τοῦ κόσμου последнему слову в еврейском соответствует 'ōlām, то первому — одно из трех слов: 'ēl, mōšēl/mōšēl, šar, при этом наиболее вероятны первые два, так как именно они отмечены в сочетаниях со словом 'ōlām, ср.: 'ēl 'ōlām 'Бог вечности/временного мира', mōšēl bigbūrātō 'ōlām 'Владычествующий Своим могуществом над временным миром/вечностью' (ср. выше). Вся же метафора должна иметь следующий вид: 'ēl 'ōlām либо mōšēl 'ōlām. Не только еврейским, но и арамейским эпитетам Бога со словом 'ālmā' может соответствовать ἄρχων τοῦ κόσμου. Один из эпитетов с этим существительным, синонимом евр. 'ōlām, мы уже приводили: מַרְאָ עַלְמָא [māre' 'ālmā] 'Господин мира'. Он, как указывал известный семиолог М. Нёлдеке (М. Nöldeke), соответствует в сирийском еврейскому 'ēl 'ōlām⁹⁵. Другим из той же серии⁹⁶ выступает מַלְכָּא דְעַלְמָא [malkā' d'ē'ālmā']⁹⁷ 'Владыка мира'⁹⁸. Глагол того же арамейского корня, что и существительное malkā', передается в переводных текстах однокоренным с ἄρχων греческим глаголом, ср.: [למ]לך לכל [ברוהי] = ἄρχειν τῶν σὺν αὐτῷ ἅμα ὄντων⁹⁹. Особого внимания заслуживает соответствие греческому ἄρχων арамейского šallī' 'властелин, правитель', а также между глаголами от тех же корней: греч. ἄρχω и арам. š'laṭ 'править, иметь

⁹³ См., в частности: [A Greek-English Lexicon 1992: 65. P. I].

⁹⁴ См., в частности: [Ibid.: 272. P. II].

⁹⁵ См.: [Les Religions 1909: 376].

⁹⁶ То есть из распространенной серии эпитетов Бога, объединяемых тем, что их второй и неизменный компонент — 'ōlām или 'ālmā в значении 'вечность; век; мир' (в греческом варианте: αἰὼν или κόσμος), а первый представлен различными словами со значениями «Бог», «Господь/Господин/Владыка», «Царь/Правитель», «Творец/Создатель» и т. п.

⁹⁷ Ср.: евр. מַלְכָּא עוֹלָם [mélek 'ōlām].

⁹⁸ Ср.: מַלְכָּא דְעַלְמָא 'Владыка вселенной' [Махзор 2000: 126].

⁹⁹ См.: [The Books of Enoch 1976: 158, 161, 383 (Glossary)].

власть' (словом šallīṭ переведено в Таргуме евр. mōšēl в псалме 65/66:7 — см. выше). Ср. следующие примеры из арамейской части Книги пророка Даниила и их греческие соответствия в переводе:

שליט תלתא במלכותא... [šallīṭ taltā' b^omalkūṭā'] '...третьим властелином в царстве' [Дан. 5:29], ср.: ἄρχοντα τρίτον ἐν τῇ βασιλείᾳ¹⁰⁰;

ותלתא במלכותא ישלט... [u^otaltā' b^omalkūṭā' iṣlat] '...и третьим властелином будет в царстве' [Дан. 5:7], ср.: καὶ τρίτος ἐν τῇ βασιλείᾳ μου ἄρξει¹⁰¹;

ותלתא במלכותא תשלט... [u^otaltā' b^omalkūṭā' tišlat] '...и третьим властелином будешь в царстве' [Дан. 5:16], ср.: καὶ τρίτος ἐν τῇ βασιλείᾳ μου ἄρξεις¹⁰².

Из приведенного ранее арамейского перевода Псалма 65/66:7 явствует, что šallīṭ может относиться к Богу в сочетании со словом 'ālmā' как к «Владычествующему... над временным миром/вечностью»: ...šallīṭ ...'al 'ālmā'. А поскольку зафиксирована передача šallīṭ греческим ἄρχων (ср. выше), то и сочетание ἄρχων τοῦ κόσμου¹⁰³ вполне соответствует арамейскому šallīṭ 'al 'ālmā'.

Таким образом, текстологические сопоставления показывают, что семитские эквиваленты греч. ἄρχων τοῦ κόσμου совпадают с эпитетами Бога в семитских языках (еврейском, арамейском). Следовательно, если не допускать заведомо невозможного — что для обозначения «властелина тьмы» Иисус Христос избрал метафору, эпитет, прилагавшийся в Его языковой среде к Богу, то термин «Князь мира» не может относиться к диаволу, тем более что сам текст Писания позволяет судить, как метафорическим языком Нового Завета обозначался диавол — «бог века **сего**». О том, что эпитеты «Господин мира» (mārē 'ālmā)¹⁰⁴ и «Господин всего мира» (maḡā d^okulēh 'ālmā)¹⁰⁵ прилагались в эпоху раннего христианства и в сирийской традиции к Богу, а не к диаволу, свидетельствует и раннехристианский сирийский апокриф «Деяния Иуды Фомы»¹⁰⁶. Ср. также другой эпитет Бога в том же памятнике: «Правитель обоих миров» (šallīṭā d^otraḥōn 'ālmē)¹⁰⁷. Едва ли можно предположить ситуацию, в которой в одной и той же среде эпитеты «Господин мира» и «Князь мира», выражающие в принципе одну идею — господства над миром, управления миром и т. п., могли одновременно прилагаться один к Богу, а другой — к Его антиподу, то есть к диаволу.

¹⁰⁰ См.: [Septuaginta 1979: 907. Vol. II (θ)].

¹⁰¹ См.: [Ibid.: 904. Vol. II (θ)].

¹⁰² См.: [Ibid.: 905. Vol. II (θ)].

¹⁰³ О соответствии греч. κόσμος — евр. 'ōlām, арам. 'ālmā' говорилось выше.

¹⁰⁴ Ср.: сир. מַרְיָא דְכָל עָלְמָא [Wright 1871: P. ܡܪܝܐ (šyb)], см. также: [Мещерская 1990: 188].

¹⁰⁵ Ср.: сир. מַרְיָא דְכָל עָלְמָא וְכָל עָלְמָא דְכָל עָלְמָא «Господин мой — господин твой и всего мира, и господин неба и земли» [Wright 1871: P. ܡܪܝܐ (škh)], см. также: [Мещерская 1990: 194—195].

¹⁰⁶ За сирийские примеры из указанного апокрифа автор выражает особую признательность Е. Н. Мещерской.

¹⁰⁷ Ср.: сир. מַרְיָא דְכָל עָלְמָא [Wright 1871: P. ܡܪܝܐ (šyw)], см. также: [Мещерская 1990: 189].

Литература

- Агада 1993: *Агада*. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей / Пер. С. Г. Фруга; Вступ. ст. В. Гаркина. М.
- Барнуэлл, Дэнси, Поп 1996: *Барнуэлл К., Дэнси П., Поп Т.* Ключевые понятия Библии в тексте Нового Завета: Словарь-справочник: Пер. с англ. СПб.
- Библия 1989: *Библия*. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. К 100-летию издания Библии на русском языке. М.
- Гранде 1998: *Гранде Б. М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. 2-е изд. М.
- Демидова 1999: *Демидова Г. М.* Грамматика библейско-еврейского языка. СПб.
- Дьяченко 1993: *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. Репринтное воспроизведение изд. 1900 г. М.
- Ламбдин 1998: *Ламбдин Т. О.* Учебник древнееврейского языка / Пер. с англ. Я. Эйделькинда; Под ред. М. Селезнева. М.
- Махзор 2000: *Махзор на Рош-Гашана* / Пер. М. Шнейдера, В. Рапопорта, П. Гилля, Й. Векслера; Под общей ред. проф. Г. Брановера. М.
- Мещерская 1990: *Мещерская Е. Н.* Деяния Иуды Фомы (культурно-историческая обусловленность раннесирийской легенды). М.
- Новый Завет 1994: *Новый Завет по-еврейски и по-русски (הברית החדשה)*. Edgware, Middlesex.
- Пятикнижие 1977: *Пятикнижие Моисеево*. С дословным русским переводом О. К. Штейнберга. Вильна [Изд. стереотипное]. Нью-Йорк.
- Роджерс-младший, Роджерс 2001: *Роджерс К. Л.-младший, Роджерс К. Л. Ш.* Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета / Пер. с англ. О. А. Рыбаковой. СПб., 2001.
- Самозванцев 2000: *Самозванцев А. М.* Мифология Востока. М.
- Тантлевский 1994: *Тантлевский И. Р.* История и идеология Кумранской общины. СПб.
- Тантлевский 2002: *Тантлевский И. Р.* Книги Еноха. Сефер Йецира. Книга созидания // *Bibliotheca Judaica*. М.
- Тексты Кумрана 1971: *Тексты Кумрана*. Вып. 1 / Пер. с древнеевр. и араб., введ. и коммент. И. Д. Амусина. М.
- Тексты Кумрана 1996: *Тексты Кумрана* / Введ., пер. с древнеевр. и араб. и коммент. А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой и К. Б. Старковой. СПб.
- Avigad, Yadin 1956: *Avigad N. and Yadin Y.* A Genesis Apocryphon. A Scroll from the Wilderness of Judaea. Jerusalem.
- Biblia 1994: *Biblia Sacra Iuxta Vulgatam Versionem*. Praeparavit R. Gryson. Stuttgart.
- The Books of Enoch 1976: *The Books of Enoch*. Aramaic Fragments of Qumrân Cave 4. Edited by J. T. Milik with the collaboration of M. Black. Oxford.
- The Book of Tobit [1878]: *The Book of Tobit*. A Chaldee text from a unique MS. in the Bodlean library with other Rabbinical texts, English translations and the Itala. Edited by AD. Neubauer, M. A. Oxford.
- Davidson 1995: *Davidson B.* The Analytical Hebrew and Chaldee Lexicon (reprinted). Peabody, MA.
- Dupont-Sommer 1962: *Dupont-Sommer A.* The Essene Writings of Qumran. The most complete translation of the Dead Sea literature prepared by one of its first and foremost interpreters / Translated by G. Vermes. Cleveland & New York.
- Eisenman, Wise 1994: *Eisenman R. & Wise M.* The Dead Sea Scrolls uncovered. The first Complete Translation and Interpretation of 50 Key Documents withheld for over 35 years. New York.

Gesenius' 1996: *Gesenius' Hebrew-Chaldee Lexicon to the Old Testament*. Translated by S. P. Tregelles. Numerically coded to Strong's exhaustive concordance with an English index of more than 12,000 entries (reprinted). Grand Rapids, Michigan.

A Greek-English Lexicon 1992: *A Greek-English Lexicon of the Septuagint*. P. I., II. Compiled by J. Lust, E. Eynikel, K. Hauspie. Stuttgart.

A Hebrew and English Lexicon 1968: *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an appendix containing the biblical Aramaic based on the Lexicon of W. Gesenius as translated by E. Robinson*. Edited by F. Brown (reprinted). Oxford.

Ioannesyan 1998: *Ioannesyan Y. A. The concept of «The end»: A Philological Perspective // World Order*. Vol. 30, N 1. Wilmette.

Marshal [1983]: *Marshal A. The Interlinear KJV-NIV Parallel New Testament in Greek and English*. Grand Rapids, Michigan.

Les Religions 1909: *Les Religions Orientales dans le Paganisme Romain*. Conférences faites au Collège de France par F. Cumont. 2-ème Édition revue. Paris.

Septuaginta 1979: *Septuaginta*. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes edidit Alfred Rahlfs. Duo volumno in uno. Stuttgart. Vol. I, II.

Sukenik 1955: *Sukenik E. L. The Dead Sea Scrolls of the Hebrew University*. Jerusalem.

Syriac Bible [1991]: *Syriac Bible Syrian Patriarchate of Antioch and all of the East*. Damascus.

Vine, Unger, White 1985: *Vine V. E., Unger M. F., White W. Vine's Complete Expository Dictionary of Old and New Testament Words*. Nashville.

Wise, Abegg, Cook 1996: *Wise M, Abegg M., JR., & Cook E. The Dead Sea Scrolls. A new translation. Translated and with commentary*. San Francisco.

Wright 1871: *Wright W. Apocryphal Acts of the Apostles*. Vol. I. L.

ЭЛЛИНСКИЕ МЕЛОДИИ НА БЕРЕГАХ ОКСА: ГРЕЧЕСКИЕ ФЛЕЙТЫ (*АВЛОСЫ*) В ГЛУБИННОЙ АЗИИ

Б. А. Литвинский (Москва)

В 1976—1991 г. Южнотаджикистанская археологическая экспедиция Института востоковедения Российской Академии наук, Института истории Академии наук Республики Таджикистан и Государственного Эрмитажа осуществляла раскопки храма Окса (начальник экспедиции Б. А. Литвинский, начальник отряда И. Р. Пичикян) (рис. 1). Раскопки производились на городище Тахти-Сангин (рис. 2), расположенном в месте впадения реки Вахш в реку Пяндж (современный Кобаданский район Республики Таджикистан) (рис. 3). Храм является монументальным сооружением с очень массивными и высокими стенами из сырцового кирпича. Он выстроен в традициях древнего передневозосточного зодчества [Литвинский 1996] с применением эллинистических архитектурных конструкций и деталей (рис. 4 и 5). Дата сооружения — конец IV—начало III в. до н. э., храм просуществовал до III—IV вв. н. э. Название «храм Окса» следует из греческой надписи. Храм расположен на берегу р. Вахш, в древнегреческом написании — «Оксус» [Литвинский и др. 1985]. Это был храм огня, посвященный божееству реки Оксус. Наряду с глиняными алтарями огня в храме были также эллинистические каменные алтари. В храме найдено свыше 8 тысяч предметов, большинство из которых были посвященными. Изготовлены они из золота, серебра, бронзы, слоновой кости, алебаstra, глины и др. находки распадаются на три хронологические группы: ахеменидского времени (VI—IV вв. до н. э.), эллинистического времени (IV—I вв. до н. э.), юэчжийско-кушанского времени (I в. до н. э.—III в. н. э.). Среди находок немало первоклассных произведений греческого искусства: портрет Александра Македонского (слоновая кость), сцена сражения Александра с персами (слоновая кость), портретные головы эллинистических правителей (глина и алебастр с позолотой), Геракл и Ахелой (слоновая кость), ихтиокентавресс (слоновая кость), Гелиос (серебро с позолотой), эроты (бронзы с позолотой, слоновая кость) и др. Некоторые из эллинистических изделий были доставлены из Греции или Малой Азии, другие (например глиняные скульптуры) изготовлены на месте, т. е. в Бактрии, которая сначала входила в состав Селевкидского царства, а затем, с середины III в. до н. э., — в состав Греко-Бактрийского царства.

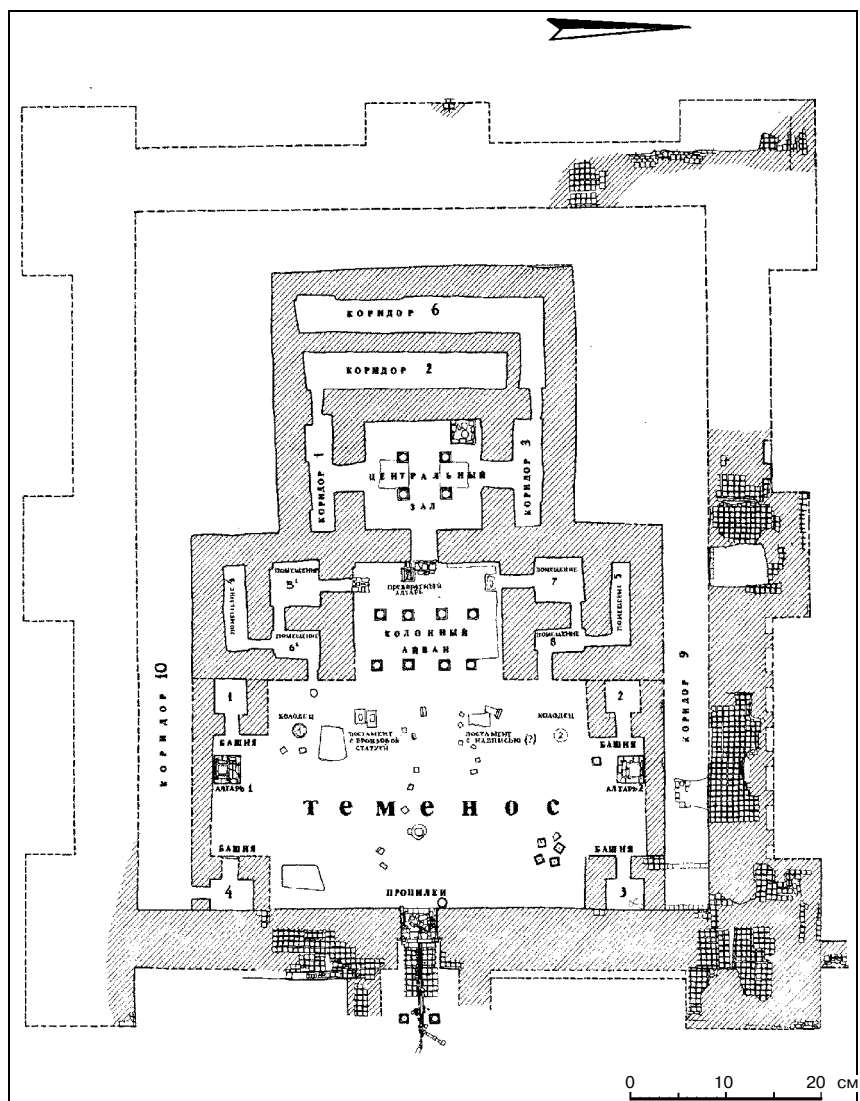

Рис. 1. Храм Окса. Генеральный план

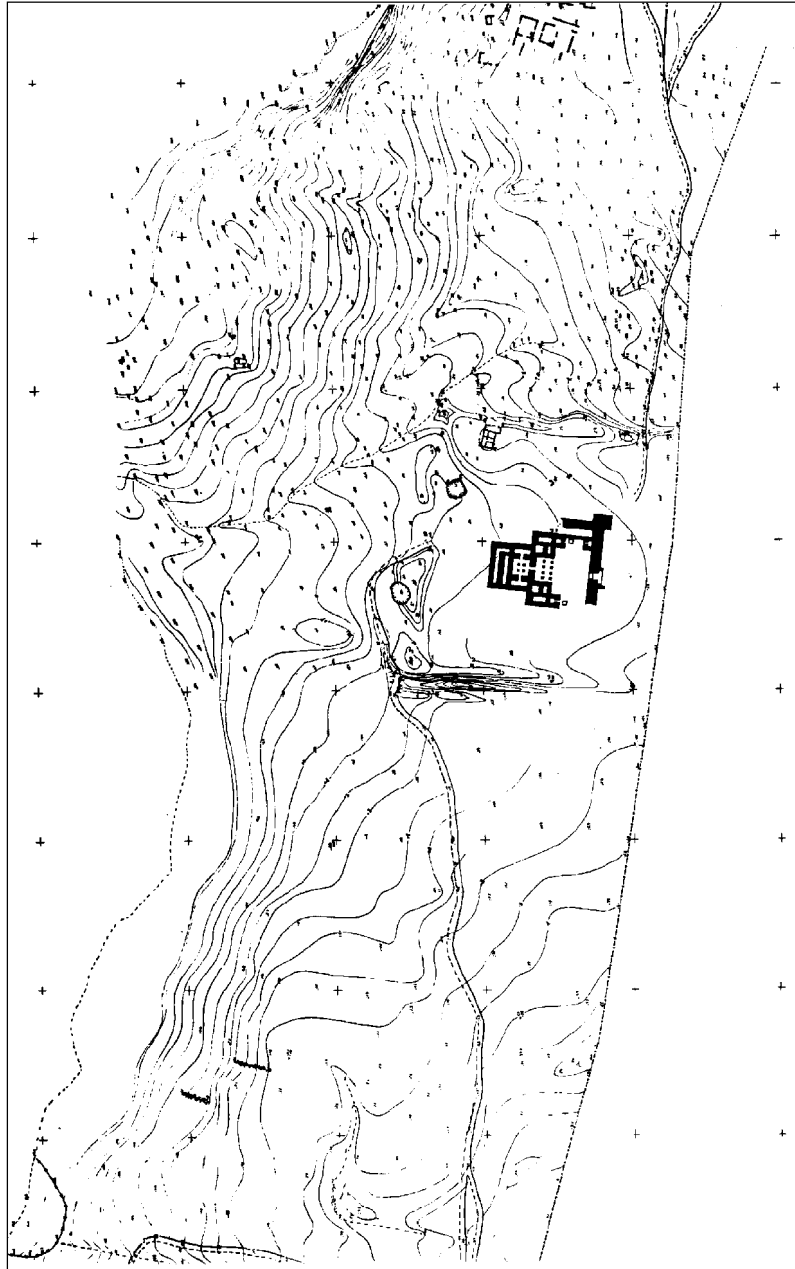

Рис. 2. Горишче Тахти-Сангин. Топографический план

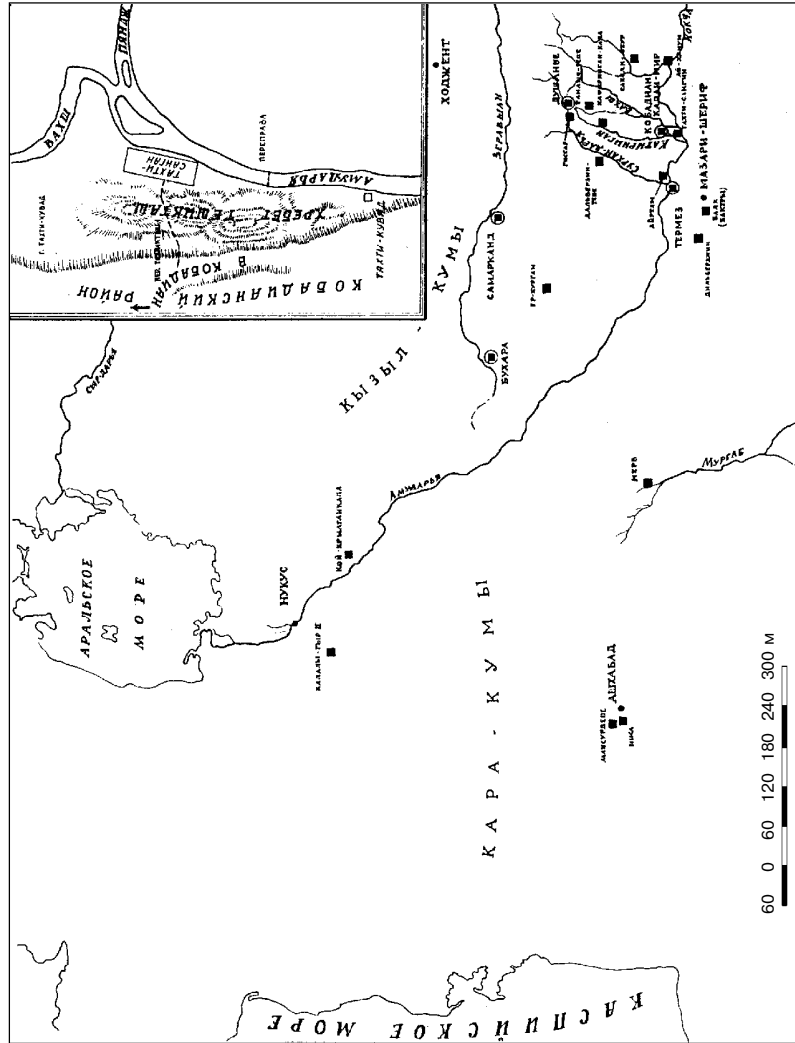

Рис. 3. Эллинистические памятники Центральной Азии. Карта

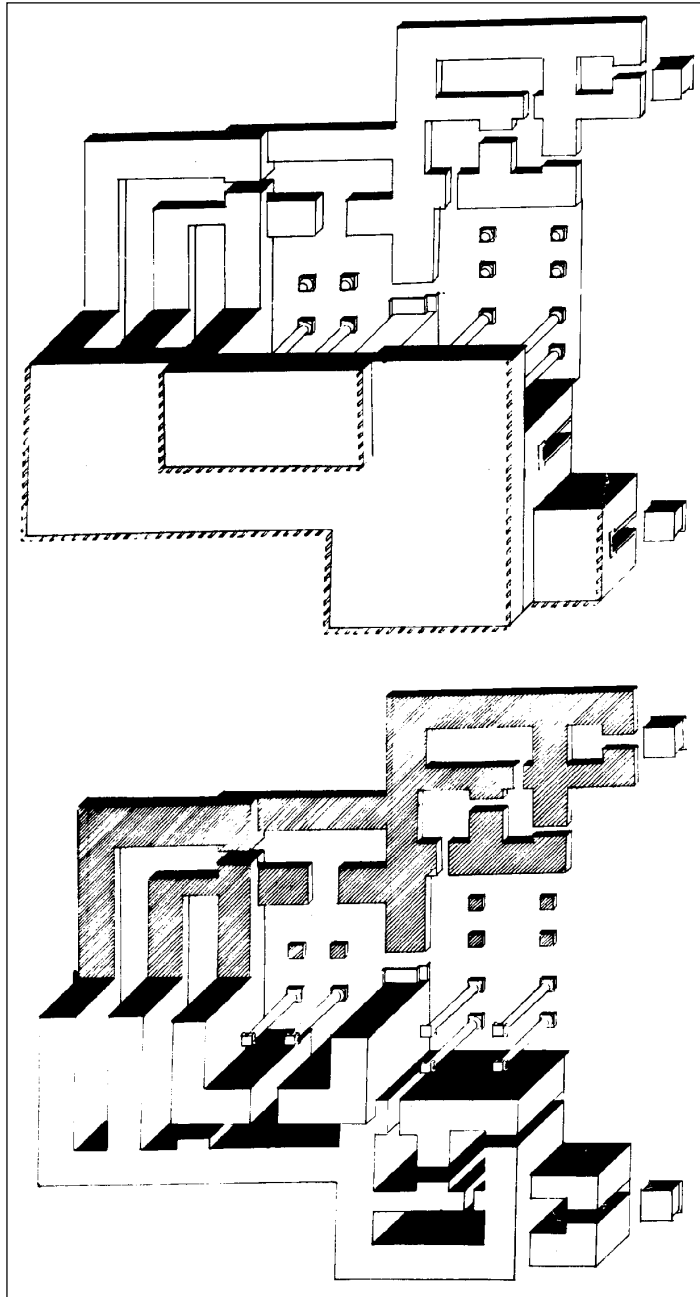

Рис. 4. Храм Осеа. Аксонометрия

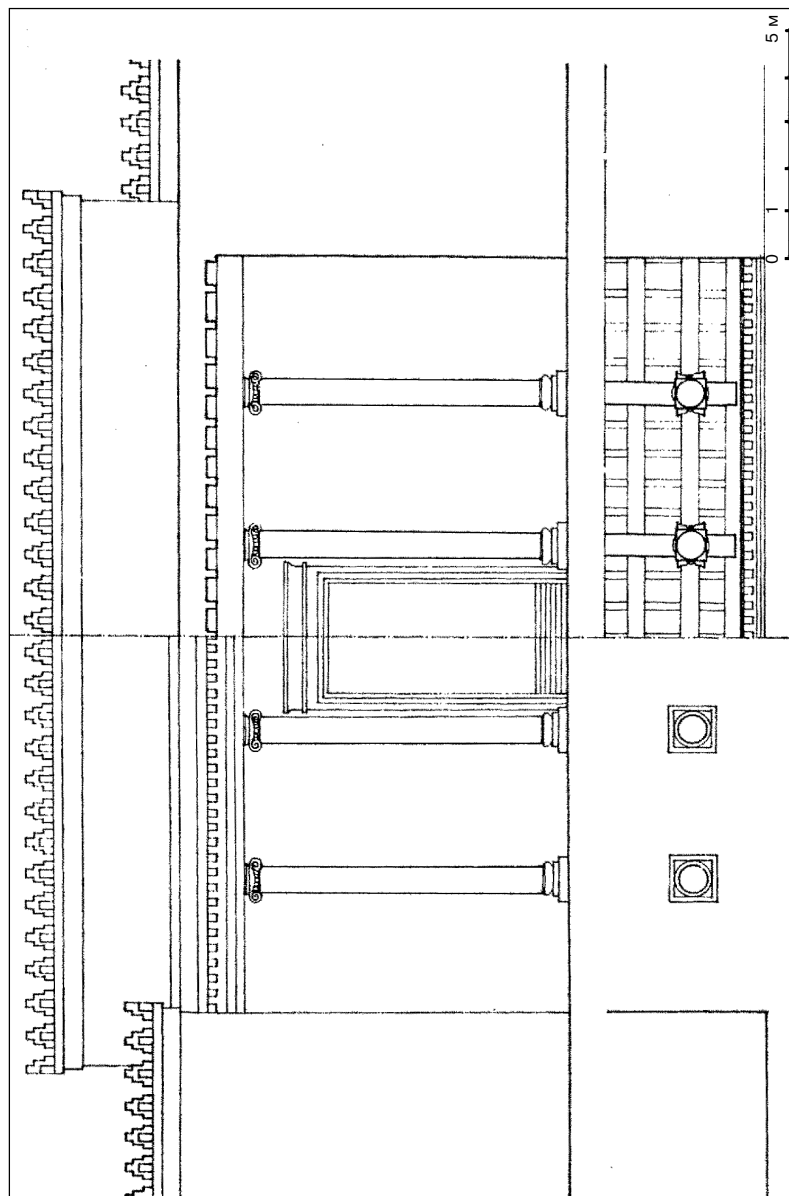

Рис. 5. Храм Окса. Фасад. Вариант реконструкции И. Р. Пичикяна

Результаты раскопок, описание храма и многие произведения изобразительного искусства изданы в нескольких десятках работ¹.

Однако одна категория эллинистических находок, а именно объектов, связанных с музыкальной культурой, до сих пор издана лишь предварительно [Литвинский 1999а: 68—80; 1999б: 519—542]. Между тем их значение необычайно велико в двух отношениях. При раскопках найдено четыре с половиной десятка звеньев флейт (авлосов) — больше, чем на любом другом раскопанном памятнике эпохи эллинизма (рис. 6). Некоторые из них совершенно уникальны. Все собрание представляет исключительный интерес для характеристики эллинистических флейт (авлосов) в плане инструментоведения. Кроме того, это собрание открыло новые стороны жизни эллинистического Востока, выявило истоки развития музыкальной культуры постэллинистической Центральной Азии и Индии.

В этой статье автор, археолог-востоковед (а не музыковед или органист) предлагает каталог найденных флейт, их общую характеристику и попытку рассмотрения бактрийских флейт (авлосов) на фоне совокупности материалов по античным флейтам (авлосам). В заключение сообщаются некоторые данные по истории флейт на Востоке.

Хочется надеяться, что эта, чисто археологическая, публикация окажется полезной не только востоковедам и археологам, но и историкам культуры и историкам музыки.

1. Каталог частей костяных флейт (авлосов)²

754. ФЛЕЙТА. Фрагмент цилиндрической трубки. Сохранившийся конец снабжен выступом. Другой конец отломан. Трубка раскола по продольно пополам. Длина — 155 мм.

Дверной проем 1, Фависса, 1,40 см н. м.

4171. ФЛЕЙТА (рис. 12, 1). Трубка полая с отверстиями. Основная часть почти цилиндрическая с небольшим расширением к раструбу. У одного края с узким отступом от него широкая лента кольцевого углубления, у противоположного торца — цилиндрический выступ меньшего, чем трубка, диаметра, переход к которому имеет вид прямого среза. На поверхности близ кольцевого углубления вырезано овальное игровое отверстие³ с уширением в передней части. На противоположной стороне по-

¹ Перечень их занял бы слишком много места. Полный список публикаций по Храму Окса приведен в книгах: [Литвинский, Пичикян, 2000; Литвинский, 2001].

² Все флейты в составе коллекции находок из храма Окса (номер коллекции — 1091) хранятся в фондах Института истории, археологии и этнографии Академии наук республики Таджикистан. Приводимые в каталоге и следующих разделах номера являются внутриколлекционными шифрами, номер же коллекции остается одним и тем же (т. е. 1091). В описании использовались следующие сокращения: кор. — коридор; пом. — помещение; н. м. — над материком.

³ В музыковедческой литературе эти отверстия называются по-разному: «боковые отверстия», «игровые отверстия» и др. Высказывалось мнение, что их, строго говоря, следует называть «грифные отверстия». Последний термин считается более предпочтительным в современной органистике, так как «с их помощью, как на грифе хордофона,

верхности сдвинуты к другому концу два круглых игровых отверстия. Наружная поверхность гладко отполирована. Основная часть корпуса внутри цилиндрическая: той части, где снаружи лентообразное углубление, внутри соответствует уширенный участок канала, переход к нему уступчатый. Этот участок канала отполирован, остальная часть не обработана. Овальное игровое отверстие несет следы отполированности в результате употребления. Длина общая — 108; длина части с углублением — 16; длина цилиндрического выступа — 14; диаметр выступа — 14; длина у противоположного торца — 19; диаметр средней части — 18; размер овального отверстия — 8—13; диаметр круглых отверстий — 7 мм.

Кор. 6, н. м. 2 см.

4172. ФЛЕЙТА (рис. 12, 2). Трубка полая, строго цилиндрическая, с отверстиями. У конца с цилиндрическим выступом есть овальное игровое отверстие. На противоположной стороне надрез — начало проведения отверстия. Общая длина — 121; длина части с лентообразным углублением — 15; длина цилиндрического выступа — 17; диаметр цилиндрического выступа — 16; диаметр противоположного конца — 18; диаметр средней части — 19; диаметр овального отверстия — 9—10 мм.

Кор. 6, н. м. 2 см.

4173. ФЛЕЙТА (рис. 12, 3). Трубка полая. Основная часть строго цилиндрическая. У одного края с узким отступом от него широкая лента кольцевого углубления с бортиком-венчиком по внешнему краю. На этом отрезке трубка несколько расширяется. За углублением на цилиндрической плоскости выгравировано шесть кольцевых линий. У противоположного края — такая же лента кольцевого углубления, с бортиком вдоль края, но трубка здесь цилиндрическая. Наружная поверхность отполирована целиком, внутренняя — лишь на участке уширения. На поверхности сквозное овальное отверстие. Длина общая — 145; длина первого выступа с углублением — 18; длина второго выступа — 16; диаметр широкого конца — 20; диаметр узкого конца — 17; диаметр средней части — 18; размер отверстия — 20×5 мм.

Кор. 6, н. м. 40 см.

4183. ФЛЕЙТА. Основная часть трубки полая, расширяющаяся к раструбообразному уширению в передней части, переходящей в прямой кольцевой венчик. В задней части — цилиндрический выступ меньшего диаметра, переход к которому уступчатый в виде прямого среза. На поверхности на определенном расстоянии два орнаментальных пояса изстроенных концентрических гравированных линий. Гравированные кольцевые линии, кроме того, покрывают раструб. Внутри трубка гладкая, без уступа к раструбу в передней части. Внешняя поверхность полированная, очень гладкая; внутренняя — обработана лишь у раструба. Длина общая — 144; длина цилиндрического выступа — 20; диаметр основной части — 21—23; диаметр передней части — 27; диаметр задней части — 16 мм.

Кор. 6, материк.

происходит укорачивание вибратора и повышение звука» [Мацевский 1987, примеч. на с. 255]. В нашем тексте применяется наиболее распространенный термин — «игровое отверстие».

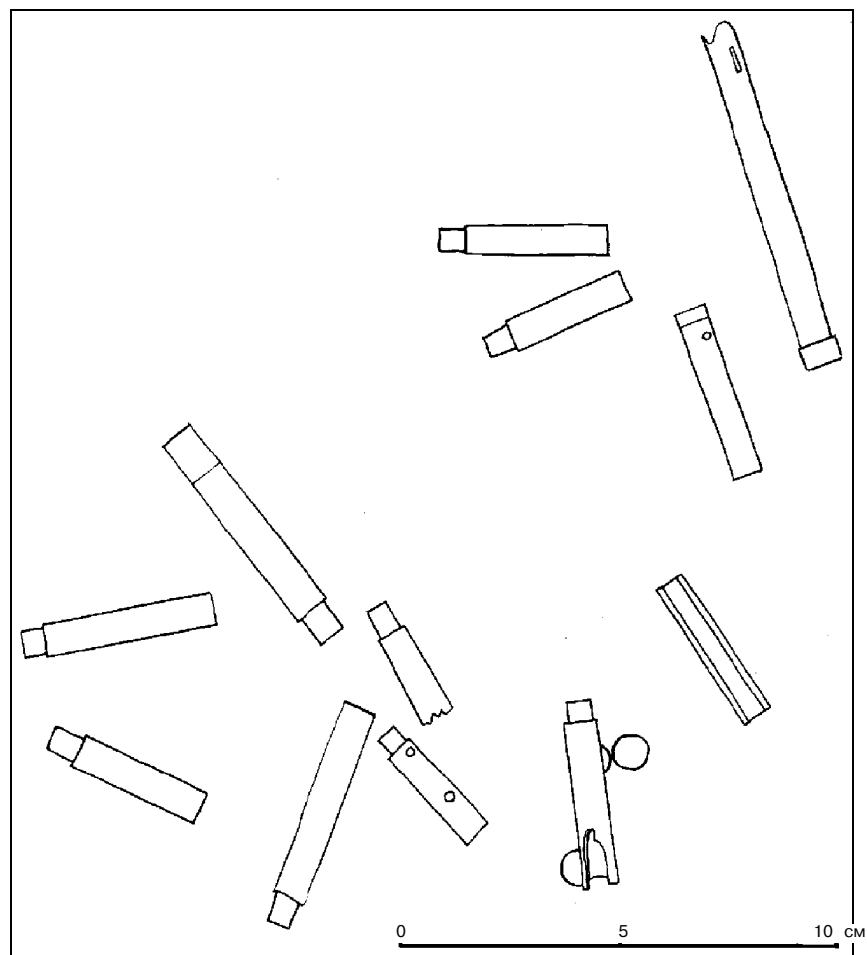

Рис. 6. Скопление флейт

4222. ФЛЕЙТА. Трубка цилиндрическая, полая. На одном конце цилиндрический выступ меньшего диаметра. У противоположного конца канал уступообразно расширяется. Снаружи здесь имеется излом-выщербина. На этот конец надета бронзовая обойма в виде пластинчатого кольца. Возможно, ее назначение — закрывать выщербину снаружи, но вероятнее, что она предназначена для укрепления снаружи этой самой тонкой части. Конец цилиндрического выступа обломан. Общая длина выступа — 132 (первоначальная — 135—137); длина сохранившейся части — 12; ширина обоймы — 15; диаметр трубки — 15; диаметр цилиндрического выступа — 11,5 мм.

Кор. 6, материк.

4244. ФЛЕЙТА (рис. 7, 1). Трубка полая, цилиндрическая, на конце короткий цилиндрический выступ меньшего диаметра. У противоположного конца канал трубки уступообразно ушивается и снаружи на него надета бронзовая обойма в виде пластинчатого кольца. Вблизи цилиндрического выступа — круглое отверстие. Длина отверстия — 118; длина цилиндрического выступа — 13; ширина кольца — 12; диаметр трубки — 15; диаметр цилиндрического выступа — 12; диаметр отверстия — 10 мм.

Кор. 6, материк.

4245. ФЛЕЙТА (рис. 7, 2). Трубка полая, цилиндрическая, на одном конце — цилиндрический выступ меньшего диаметра. Противоположный конец также в виде цилиндрического выступа, но его диаметр значительно отличается от диаметра основной части. Внутри ему соответствует уступообразное уширение канала. Посредине основной части — узкое подпрямоугольное игровое отверстие. Длина трубки — 124; длина цилиндрического выступа — 17; длина второго выступа — 14; диаметр трубки — 17,5; диаметр цилиндрического выступа — 14; диаметр второго выступа — 17; размер отверстия — 5×19 мм.

Кор. 6, материк.

4251. ФЛЕЙТА (рис. 12, 5), трубка полая, цилиндрическая, незначительно сужающаяся к одному из концов. Канал у одного из концов имеет короткое уступообразное углубление. Выше его — сквозное овальное игровое отверстие. Наружная поверхность и уширенная часть канала отполированы, остальная часть канала не обработана. Общая длина — 132; диаметры — 19—16; отверстия — 20×7 мм.

Кор. 6, н. м. 35 см.

4260. ФЛЕЙТА (рис. 10, 1). Трубка полая, с игровыми отверстиями. Основная часть цилиндрическая, с коротким цилиндрическим выступом, расширяющимся наружу. Противолежащий конец оформлен в виде прямого среза. Близ него на стенке круглое игровое отверстие, выше — овальное. На противоположной стороне, но близ цилиндрического выступа, круглое игровое отверстие. Поверхность отполирована. Канал на участке цилиндрического выступа расширяется. Этот участок канала отполирован. Внутри канала находится другая, меньшая по диаметру цилиндрическая трубка, обломанная с одной стороны. На ней сохранились два игровых отверстия: овальное, которое отчасти совмещено с овальным от-

вертием наружной трубки, и круглое — на противоположной стороне, отчасти оно совпадает с наружным круглым отверстием у цилиндрического выступа. Была ли эта внутренняя трубка заклинена в наружной или же была подвижной — решить невозможно, но характерно, что вся внутренняя поверхность канала была обработанной. Наружная трубка треснула по длине. Размеры наружной трубки: длина общая — 113 мм; длина выступа — 19 (внутри канала до начала наружного уступа — 15 мм); диаметр основной части — 20; диаметр выступа — 19; овальное отверстие — 8—15; круглое отверстие — 10; диаметр внутренней трубки — 14; ширина овального отверстия — 7 мм; длина обломка внутренней трубки — 95 мм.

Кор. 6, н. м. 40 см.

4261/1. ФЛЕЙТА (рис. 8, 1). Фрагмент звена. Цилиндрическая, расширяющаяся к концам средняя часть трубки. Полностью сохранился более узкий, чем трубка, цилиндрический выступ, у его основания — гравированный желобок. Общая длина фрагмента — 74; длина цилиндрического выступа — 10; диаметр цилиндрического выступа — 14; диаметр трубки — 15—18 мм.

Кор. 6, н. м. 40 см.

4261/2. ФЛЕЙТА (рис. 12, 6). Основная часть трубки цилиндрическая. С обеих сторон она завершается цилиндрическими выступами меньшего диаметра, чем срединная часть. Один из них короткий, слегка сужающийся к внешнему концу, другой — почти такого же диаметра, как средняя часть, имеет у основания охватывающий кольцевой слабоуглубленный поясковый желобок. На поверхности средней (основной) части у короткого выступа орнаментальный поясок, состоящий из пяти выгравированных опоясывающих линий. Ближе к противоположному концу на поверхности выгравирован крест. Поверхность снаружи отполирована, менее тщательно обработан короткий выступ. Длина общая — 142; длина выступов — 21 и 32. Диаметры выступов, соответственно, — 16 и 21. Диаметр средней части — 22,5 мм. Трубка расколота по длине пополам.

Кор. 6, н. м. 40 см.

4281/1. ФЛЕЙТА (рис. 8, 2). Трубка цилиндрическая, полая, на одном конце цилиндрический выступ меньшего диаметра. Близ противоположного конца канал уступообразно расширяется. На трубке близ цилиндрического выступа — круглое игровое отверстие, второе — на противоположной стороне, у другого выступа. Длина трубки — 120; длина выступа — 14; диаметр трубки — 19; диаметр выступа — 15; диаметр отверстия — 9 мм.

Кор. 6, н. м. 7 см.

4281/2. ФЛЕЙТА (рис. 8, 3). Трубка строго цилиндрическая, полая. Переход к цилиндрическому выступу меньшего диаметра имеет вид уступа, сам он несколько суживается вперед, на его поверхности частые мелкие желобки. Противоположный конец — приемник (канал с уступом) — прямое продолжение корпуса флейты. Канал на большом протяжении прямой, у окончания трубки — уступообразно расширяется, образуя приемник. Длина общая — 103; длина выступа — 20; длина приемника — 15; диаметр трубки — 17; диаметр выступа — 13—14 мм.

Кор. 6, н. м. 7 см.

4316. ФЛЕЙТА (рис. 11, 9). Трубка полая. У одного конца — цилиндрический выступ, у другого — кольцевой желобок, за которым должно было быть ныне обломанное раструбообразное уширение. На средней части трубки — округлое оливковидное вздутие. Длина общая — 125; длина цилиндрического выступа — 17; примерная длина центрального вздутия — 50; диаметр цилиндрического выступа — 15; диаметр вздутия — 20; минимальный диаметр средней части — 15 мм.

Кор. 6, н. м. 5 см.

4317/1. ФЛЕЙТА. Трубка полая со вздутием в средней части, плавно переходящим в концевые части. К одному из концов диаметр вновь увеличивается, а затем следует уступчатый переход к цилиндрическому выступу меньшего диаметра. Противоположная часть трубки завершается выступающим кольцом с выгравированным желобком, от которого, вероятно, отходил второй (раструбообразный?) выступ, сейчас он отломан. Общая длина сохранившейся части — 127; длина выступа — 18; примерная длина центрального вздутия — 49; диаметр вздутия — 19; минимальный диаметр трубки — 16; диаметр цилиндрического выступа — 13 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4317/2. ФЛЕЙТА (рис. 7, 3). Трубка полая, цилиндрическая, незначительно расширяющаяся в одну сторону. На одном конце уступчатый переход к строго цилиндрическому выступу меньшего диаметра. У противоположного конца уступом отделен переход к другому, раструбообразному выступу. Внутренний канал вблизи наружного уступа также с помощью уступа резко расширяется. Длина общая — 112; длина цилиндрического выступа — 17; наружная длина раструбы — 18; диаметр трубки — 18,5—19,0; диаметр цилиндрического выступа — 13; диаметр раструбообразного выступа — 20 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4318. ФЛЕЙТА (рис. 11, 1). Трубка полая, цилиндрическая. Цилиндрический выступ, незначительно отличающийся по диаметру от корпуса флейты, отделен от него кольцевым рельефным валиком, на некотором расстоянии от него и ближе к концу — пять опоясывающих гравированных линий. На противоположном конце — приемник, отделенный от корпуса кольцевым желобком или уступом. Снаружи на приемник надета широкая кольцевая бронзовая обойма, которая несколько сдвинута со своего первоначального места. Канал в месте перехода к приемнику уступообразно расширяется. Общая длина — 149; длина выступа — 25; длина приемника — 35; диаметр трубки — 23; диаметр выступа — 20—22.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4319. ФЛЕЙТА (рис. 11, 2). Трубка полая. В передней части раструбообразное уширение. На нем, с узким отступом от края, — широкая рельефная лента, на которой выгравированы кольцевые концентрические линии. На средней части цилиндрической трубки — округлое оливковидное вздутие, смещенное ближе к раструбу. Между ним и цилиндрическим выступом — точечное отверстие. В задней части, у перехода к цилиндрическому выступу, выгравированы четыре кольцевые линии. В целом средняя часть не вполне цилиндрическая — она имеет утолщение к концам и суживается в центре, это сужение прерывается упомянутым выше

вздутием. В задней части — цилиндрический выступ меньшего диаметра, переход к которому уступчатый, в виде прямого среза. Длина общая — 142; длина переднего раструбообразного уширения — 19; длина цилиндрического выступа — 17; примерная длина центрального вздутия — 30; диаметр раструба — 19—20; диаметр цилиндрического выступа — 14; диаметр вздутия — 19; минимальный диаметр средней части — 15 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4320. ФЛЕЙТА (рис. 8, 4; 11, 3). Трубка полая, без игровых отверстий. С одной стороны — цилиндрический выступ меньшего диаметра, чем трубка, с противоположной — выступ приемника, мало отличающийся по диаметру от основной части. Внутри от этого выступа канал уступообразно расширяется, этот конец обломан. Длина до облома — 102; длина цилиндрического выступа — 14; диаметр трубки — 18; диаметр цилиндрического выступа — 14—15; диаметр другого выступа — 17,5 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4321. ФЛЕЙТА (рис. 11, 4). Трубка полая с игровыми отверстиями. По форме — как № 4320, но форма не цилиндрическая, а скорее слегка коническая, со слабым уширением к приемнику. Вблизи цилиндрического выступа — игровое отверстие, другое на некотором расстоянии от него. На противоположной стороне третье игровое отверстие (все круглые), вблизи выступа приемника (обломан). Длина до излома — 102; длина цилиндрического выступа — 13; диаметр трубки — 17; диаметр цилиндрического выступа — 14; диаметр отверстий — 8 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4322. ФЛЕЙТА (рис. 7, 4; 11, 5). Трубка полая. По форме — как № 4320, но вблизи цилиндрического выступа круглое игровое отверстие. Противоположный конец обломан. Длина до излома — 124; длина цилиндрического выступа — 15; диаметр трубки — 13—19; диаметр цилиндрического выступа — 13—14; диаметр отверстия — 8,8 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4323. ФЛЕЙТА (рис. 7, 5). По форме такая же, как № 4320. Длина общая — 113; длина цилиндрического выступа — 16; длина другого выступа — 15; диаметр трубки — 18,0—19,5; диаметр цилиндрического выступа — 14; диаметр другого выступа — 18,5 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4324. ФЛЕЙТА (рис. 11, 6). Трубка полая. По форме — как № 4320, но на цилиндрическом выступе у его основания — кольцевой желобок. На корпусе, близ противоположного выступа, круглое игровое отверстие. Именно с этой стороны в канал плотно вставлена костяная трубка (внешний конец ее обломан), не доходящая до отверстия. Длина общая — 94; длина цилиндрического выступа — 8; диаметр трубки — 17—19; диаметр цилиндрического выступа — 16; диаметр другого выступа — 18,5; диаметр отверстия — 9,5; диаметр вставки — 14 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4325. ФЛЕЙТА (рис. 10, 2; 11, 7). Трубки полые — два звена, составленные вместе. Целое звено с коротким раструбообразным уширением на одном конце. На нем выгравировано пять охватывающих линий. Выступ

обжат бронзовой пластинчатой обоймой с дырочками. На противоположном конце выступ-приемник, незначительно меньший по диаметру, чем сама трубка. Вероятно (если судить по другим экземплярам), внутри канал имел на этом конце уступообразное уширение. В этот конец вставлен и плотно прижат цилиндрический выступ второго звена. Стык очень плотный, щель минимальная. Смыкание было сделано столь тщательно, что место стыка вообще малозаметно. Второе звено имеет отломанный противоположный конец, где был (сохранились остатки) выступ, мало отличающийся по диаметру от основной части. Канал на этом участке в конце уступообразно расширяется. Близ этого конца в стенке трубки вытянутое по длине трубки игровое отверстие, торцовые стороны которого прямые, продольные — вогнутые. Общая длина двух звеньев (до облома) — 198; длина первой трубки (с раструбом) — 107; длина раструба — 10; длина противоположного выступа — 16; диаметр трубки — 18; диаметр раструба — 20; диаметр выступа — 17,5; размер отверстия — 15,5×4,5—7,0 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4326. ФЛЕЙТА (рис. 11, 8). Трубка полая, с остатками сочлененного с ней второго звена. Целая трубка слабоконическая, на узком конце цилиндрический выступ меньшего диаметра (переход к нему уступчатый), на противоположной стороне более короткий выступ приемника, по диаметру незначительно отличающийся от средней части трубки. На корпусе, недалеко от приемника, — игровое отверстие. При переходе к приемнику канал имеет уступообразное уширение. На цилиндрическом выступе сохранились остатки надетого на него выступа второго звена. Это второе звено в месте сочленения гладкое, имеет тот же наружный диаметр, что и основное звено. Размеры основного звена: длина общая — 123; длина цилиндрического выступа — 18; длина противоположного выступа — 8; диаметр трубки — 13—18; диаметр цилиндрического выступа — 18,5; диаметр противоположного выступа — 15; диаметр отверстия — 8,5 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4327/1. ФЛЕЙТА (рис. 7, 6). Трубка полая, строго цилиндрическая. На одном конце посредством уступа устроен переход к цилиндрическому выступу меньшего диаметра, чем трубка. Конец, противоположный цилиндрическому выступу, вначале несколько сужается с помощью уступа, а затем раструбообразно (но слабо) расширяется. Близ этого конца на цилиндрическом корпусе — игровое отверстие. На противоположной стороне, с небольшим отступом от цилиндрического выступа, — игровое отверстие, а затем еще два игровых отверстия, причем расстояние между отверстиями одной пары (ближней к обрезу) меньше, чем между отверстиями другой пары. Общая длина — 141; длина цилиндрического выступа — 17; диаметр трубки — 14,5; диаметр цилиндрического выступа — 15; диаметр противоположного (раструбообразного) выступа — 17,5—18,5; диаметр отверстий — 7; расстояние между первым (к обрезу) и вторым отверстиями — 21,5; расстояние между вторым и третьим отверстиями — 28,5 мм, у отверстий, особенно у одиночного, следы сработанности от употребления.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4327/2. ФЛЕЙТА (рис. 8, 5). Трубка полая, один конец в виде короткого раструбообразного расширяющегося выступа. На конце смежной части цилиндрической трубки выгравированы три охватывающих глубоких желобка. Противлежащий конец снабжен цилиндрическим выступом (обломан), у раструбообразного выступа такое же расширение канала. Общая длина — 110; длина раструба — 8,5; длина фрагментированного цилиндрического выступа — 15; диаметр трубки — 20; диаметр раструба — 20—22 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4327/3. ФЛЕЙТА (рис. 8, 6). Трубка полая. По форме — как № 4327/1. Общая длина — 113; длина цилиндрического выступа — 23; длина противоположного выступа — 16; диаметр трубки — 19; диаметр цилиндрического выступа — 4—16; диаметр противоположного выступа — 18.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4327/4. ФЛЕЙТА (рис. 8, 7). Трубка полая, почти цилиндрическая. Фраgmentирован конец с приемником. С одного конца — цилиндрический выступ меньшего диаметра. На противоположном конце канал уширяется двумя уступами. Длина фрагмента — 77; длина цилиндрического выступа — 14; диаметр трубки — 16; диаметр выступа — 13 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4327/5. ФЛЕЙТА (рис. 8, 8). Трубка полая цилиндрическая. На одном конце выступ меньшего диаметра, чем трубка, сужающийся к концу. На противоположном конце — приемник того же диаметра, что и корпус. На приемник надета довольно массивная бронзовая пластинчатая обойма. Общая длина — 114; длина цилиндрического выступа — 24; длина бронзовой обоймы — 14—15; диаметр трубки — 20; диаметр цилиндрического выступа — 15—16 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4326/6. ФЛЕЙТА (рис. 12, 7). Трубка полая, строго цилиндрическая. На одном из концов — цилиндрический незначительно сужающийся выступ, на поверхности которого видны кольцевые линии — желобки. Противоположный конец корпуса уступообразно сужается, образуя цилиндрический выступ, наружное окончание которого оформлено в виде кольцевого рельефного валика-венчика. На корпусе, близ этого выступа, — круглое игровое отверстие. Канал у этого выступа-приемника с помощью уступа расширяется. Общая длина — 117; длина цилиндрического выступа — 15; длина противоположного выступа — 10; диаметр трубки — 18; диаметр выступа — 14 мм; диаметр отверстия — 8 мм (вокруг него подполированность от использования).

Кор. 6, н. м. 3 см.

4327/7. ФЛЕЙТА. Трубка цилиндрическая, с незначительной конусовидностью, один из выступов обломан. Основная часть трубки имеет близ цилиндрического выступа пять опоясывающих выгравированных линий. На трубке у противоположного конца близ второго выступа маленькая продольная полукруглая дырочка. Второй выступ обломан. Длина до облома — 122; длина цилиндрического выступа — 22; диаметр

трубки — 22—25; диаметр цилиндрического выступа — 19; диаметр другого выступа — 21.

Кор. 6, н. м. 2 см.

4327/8. ФЛЕЙТА (рис. 7, 7). По форме такая же, как в № 4320. Расколота по длине, частично утрачен один из выступов. Основная часть корпуса уширяется к одному из концов. На узком конце, близ цилиндрического выступа, корпус опоясывают пять выгравированных линий. На противоположном конце, близ уступа, — продольные дырочки. Сохранившаяся длина — 122; длина цилиндрического выступа — 22; длина корпуса — 88; диаметр трубки — 22—26 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4414. ФЛЕЙТА (рис. 7, 8). Трубка полая, цилиндрическая. По форме — как № 4327/1. На конец, противоположный цилиндрическому выступу, надета массивная бронзовая обойма, которая на 1 мм выступает за обрез трубки. На самой трубке, ближе к цилиндрическому выступу, — круглое игровое отверстие, другое — близ бронзового кольца. Общая длина костяной части — 139; длина с выступающей обоймой — 140; длина обоймы — 13; диаметр трубки — 18; диаметр цилиндрической трубки — 18; диаметр цилиндрического выступа — 14 мм.

Кор. 6, н. м. 7 см.

4418. ФЛЕЙТА (рис. 10, 4). Трубки полые, цилиндрические — два соединенных звена. Одно звено с цилиндрическим выступом и прямоугольным отверстием близ выступа (один торец отверстия овальный). На выступ надето другое, более крупное звено (на чертеже — справа). Конец этой второй трубки имеет уступообразное, но незначительное сужение. Канал на этом участке, напротив, уступообразно расширяется. Цилиндрический выступ первой трубки введен в канал таким образом, что он плотно прилегает к уступу канала второй трубки. В этом месте диаметр канала первой трубки несколько меньше диаметра канала второй трубки, так что в сочлененном состоянии образовался уступ. Ниже места сочленения на второй трубке было прямоугольное игровое отверстие — на стороне, противоположной отверстию первой трубки. На средней части второй трубки бронзовое кольцо-обойма, уширяющееся к внешнему концу и с бортиком вдоль уширения. Возможно (даже вероятно), что оно соскользнуло с внешнего конца второй трубки, имеющей незначительное раструбообразное уширение на внешнем конце. Первая трубка имеет уникальную деталь (рис. 13): бронзовый клапан, частично прикрывающий отверстие. Клапан имеет вид лопаточки. Лезвийная часть лопаточки подпрямоугольная, верхний торец — овальный, к нему был прикреплен черешок, который вставлялся во втулку, далее переходящую в штырь, конец его был отогнут под тупым углом к плоскости трубки. Чуть ниже этого места отгиба клапан прикреплен к флейте бронзовой проволочной петлей, пропущенной через две дырочки в стенке. Это крепление располагается вблизи внешнего конца первой трубочки. Нажимая на отогнутый конец (часть его отломана), можно было закрывать или открывать лопаточкой верхнюю часть игрового отверстия. Регулировка размера игрового отверстия могла производиться и продольным перемещением клапана вдоль

трубки. Размеры первой трубки: длина — ок. 112; длина без выступа — 94; диаметр — 18,0—18,5; размер отверстия — 13×5, в закрытом состоянии — 11,5×5,0; длина прямой части клапана — 69; размер лопатообразной части — 27×17 мм. Размеры второй трубки: длина — 130; длина несколько суженного выступа — 18; длина бронзового кольца — 14; диаметр трубки — 18—21; диаметр выступа — 18,0—18,5 мм.

Кор. 6, н. м. 6 см.

4424. ФЛЕЙТА (рис. 10, 3). Трубка полая цилиндрическая, составленная из трех трубок-звеньев и обломка четвертой (1, 2, 3, 4).

1. Обломок завершения несохранившейся трубки — по-видимому, выступ, противоположный цилиндрическому. Плотно надет на цилиндрический выступ трубки 2.

2. Трубка очень короткая. Близ выступа, противоположного цилиндрическому, круглое игровое отверстие. Длина трубки — 83; длина цилиндрического выступа — 18; длина противоположного выступа — 11; диаметр трубки — 18; диаметр цилиндрического выступа — 15; диаметр противоположного выступа — 17; диаметр отверстия — 8 мм.

3. Трубка цилиндрическая. Переходы к цилиндрическому выступу и противоположному раструбу — приемнику уступообразные. Близ цилиндрического выступа и примерно в середине — круглые игровые отверстия, на противоположной стороне — отверстие у другого выступа, всего 3 отверстия. Длина трубки — 14; длина цилиндрического выступа — 14; длина противоположного выступа — 16; диаметр трубки — 17; диаметр цилиндрического выступа — 14,5; диаметр противоположного выступа — 17; диаметр отверстий — 8 мм.

4. Трубка цилиндрическая. Близ цилиндрического выступа — игровое круглое отверстие. Противоположный выступ раструбообразный, но он почти полностью отломан. Длина фрагмента — 115; длина центральной части — 92; длина цилиндрического выступа — 18; диаметр трубки — 18; диаметр цилиндрического выступа — 15; диаметр отверстия — 8 мм. Длина флейты, вернее, ее части, состоящей из трех целых и одного фрагментированного звена, — 280 мм. По-видимому, флейта первоначально состояла из пяти-шести трубок-звеньев.

Расположение отверстий на флейте № 4424: на звене 2 — от цилиндрического выступа до отверстия — 57 мм; на звене 3 — от его цилиндрического выступа 20 и 55, а на противоположной стороне — 81 мм, на звене 4 — 31 мм. В составном виде расстояние между центрами отверстий основного ряда по центрам отверстий (слева направо): между первым и вторым — 33, между вторым и третьим — 36, между третьим и четвертым — 71 мм. Размер внутреннего канала максимальный — 14,8—15,0; минимальный — 11—14 мм.

Кор. 6, н. м. 3 см.

4451. ФЛЕЙТА (рис. 9, 1). Трубка полая, слегка коническая. На одном конце — цилиндрический выступ, на другом — почти незаметный переход к слабо расширяющемуся раструбу. Канал здесь уступообразно расширяется. В стенке корпуса, вблизи цилиндрического выступа, — круглое отверстие.

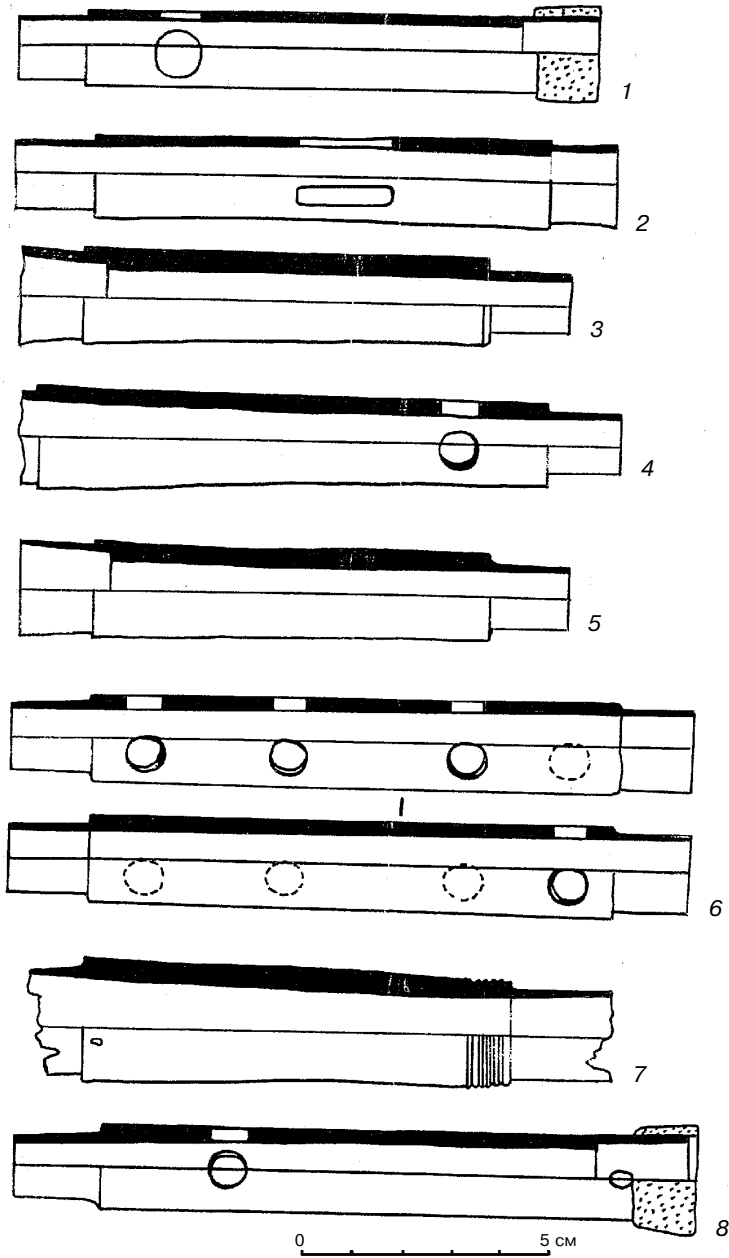

Рис. 7. Флейты из храма Окса:

1 — № 4244; 2 — № 4245; 3 — № 4317/2; 4 — № 4322; 5 — № 4323; 6 — № 4327/1;
7 — № 4327/8; 8 — № 4414

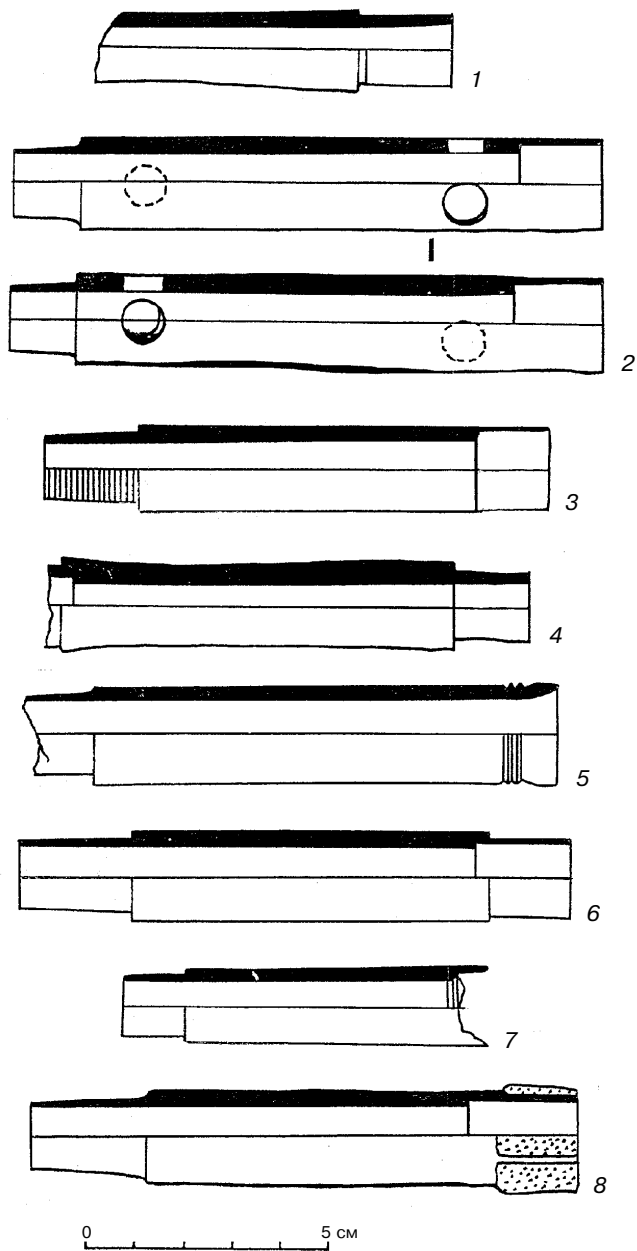

Рис. 8. Флейты из храма Окса:

1 — № 4261/1; 2 — № 4281/1; 3 — № 4181/2; 4 — № 4320; 5 — № 4327/2; 6 — № 4327/3;
7 — № 4327/4; 8 — № 4327/5

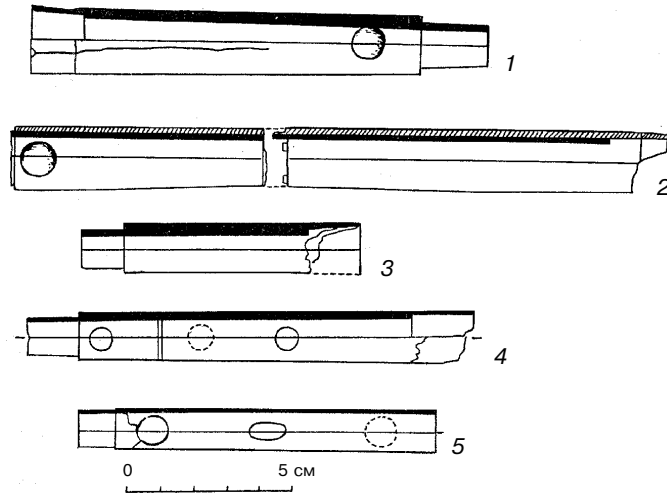

Рис. 9. Флейты из храма Окса:
1 — № 4451; 2 — № 5030; 3 — № 5067; 4 — № 5068; 5 — без номера

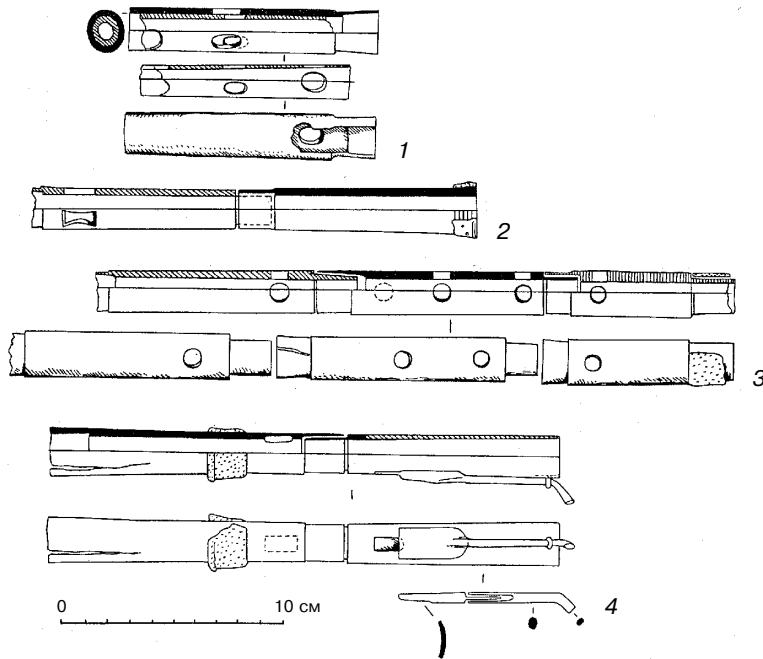

Рис. 10. Флейты из храма Окса:
1 — № 4260; 2 — № 4325; 3 — № 4424; 4 — № 4418

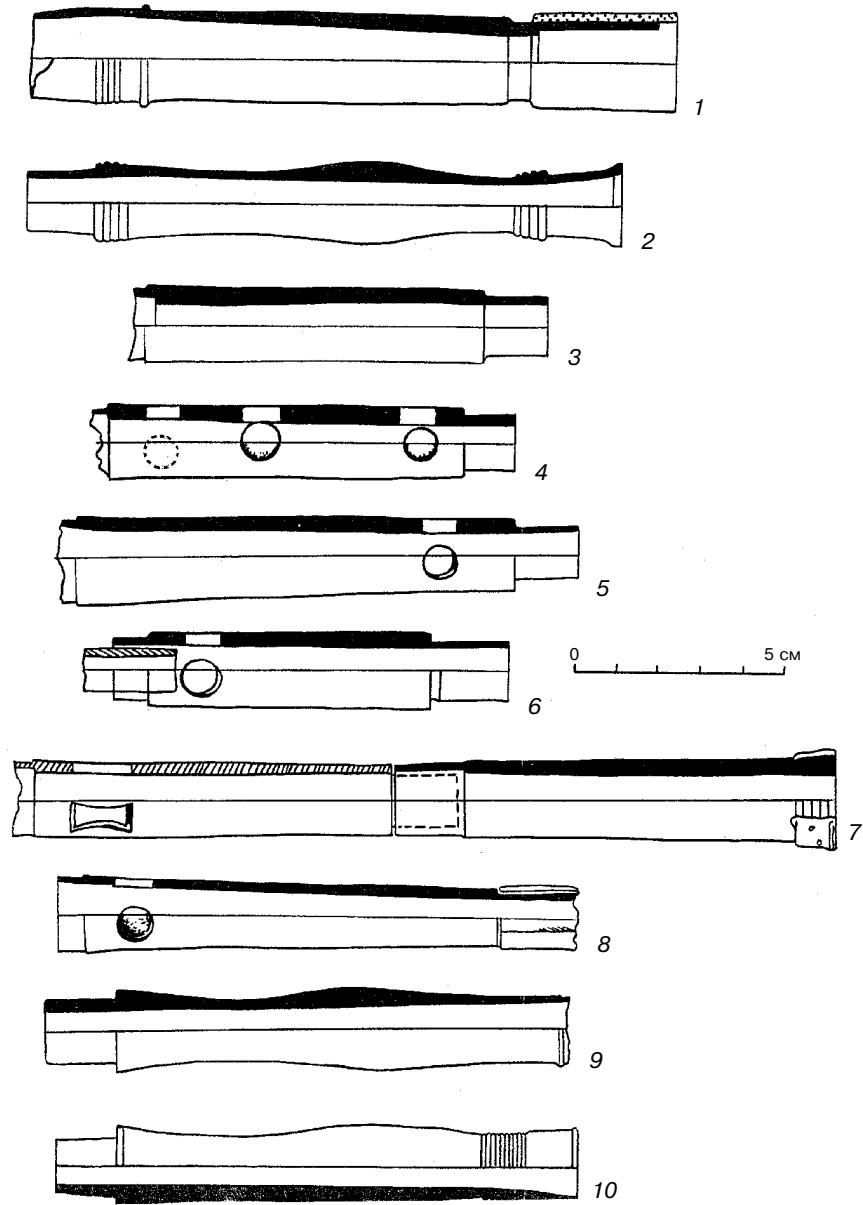

Рис. 11. Флейты из храма Окса:

1 — № 4318; 2 — № 4319; 3 — № 4320; 4 — № 4321; 5 — № 4322; 6 — № 4324; 7 — № 4325;
8 — № 4326; 9 — № 4316; 10 — № 5006

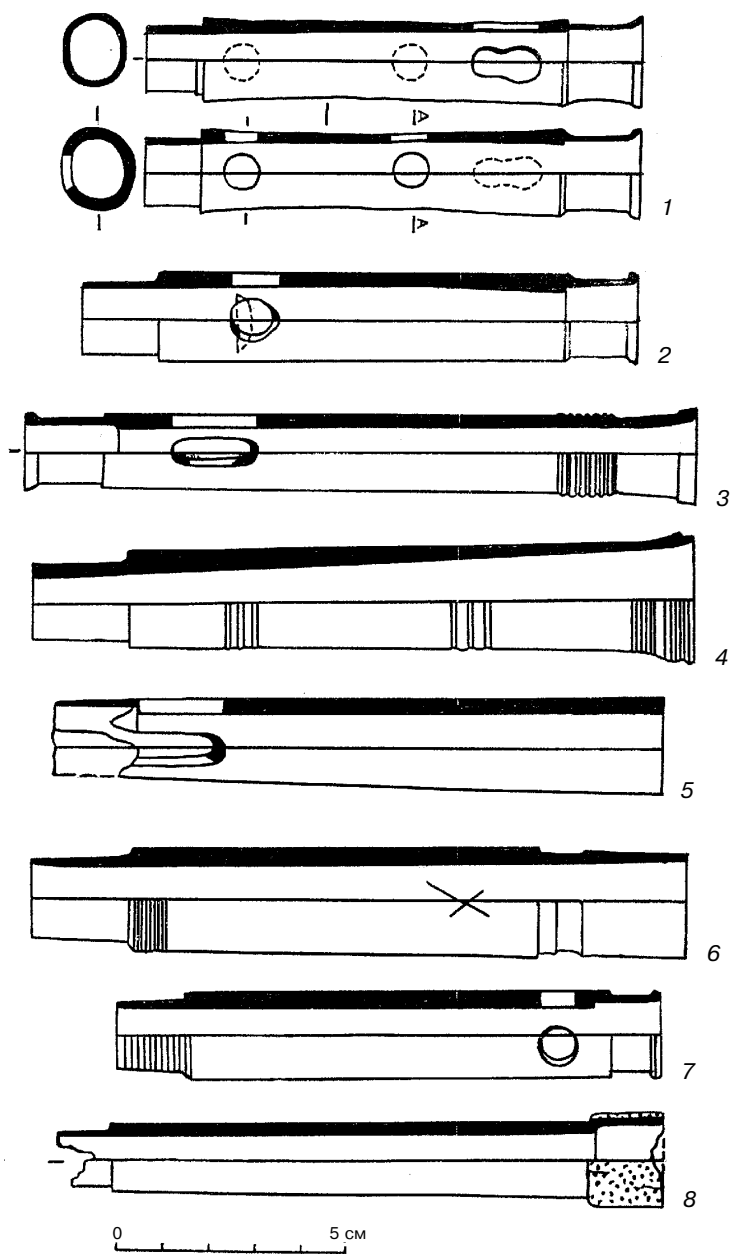

Рис. 12. Флейты из храма Окса:

1 — № 4171; 2 — № 4172; 3 — № 4173; 4 — № 4183; 5 — № 4251; 6 — № 4261/2;
7 — № 4327/6; 8 — без номера (2)

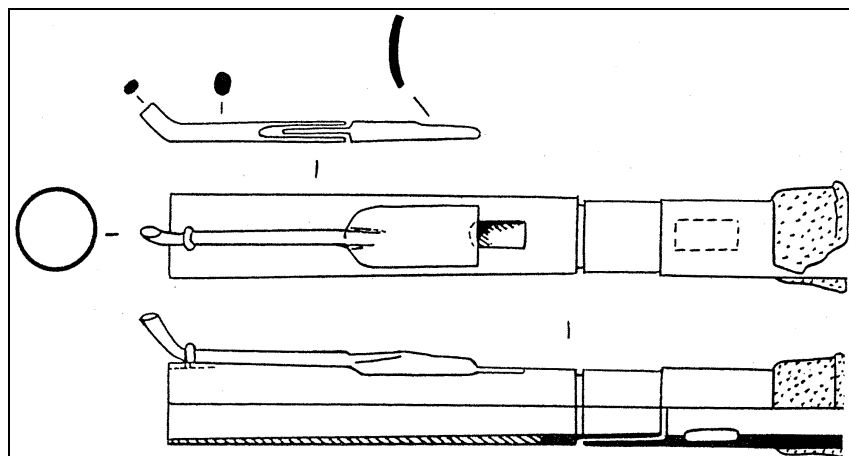

Рис. 13. Звено флейты из храма Окса с металлическим клапаном.
Фотография и чертеж

Трубка треснула по длине. Длина трубки — 138; длина цилиндрического выступа — 18; длина противоположного выступа — 12; диаметр трубки — 17; диаметр цилиндрического выступа — 14; диаметр отверстия — 10 мм.

Кор. 6, н. м. 5 см.

5006. ФЛЕЙТА (рис. 11, 10). Трубка полая с раструбообразным уширением и цилиндрическим выступом. Трубка слегка расширяется к обоим концам. Ближе к раструбу корпус трубки имеет вздутие. На раструбообразном конце на расстоянии 13 мм от обреза трубки поверхность ее украшена восьмью гравированными опоясывающими линиями, каждая из которых слегка выступает над последующей. Сам раструб увенчан полоской-венчиком. С противоположного конца сохранился выступ в виде трубки меньшего диаметра. Она сужается к внешнему краю (диаметр внизу — 13, вверху — 15). Переход к выступу оформлен в виде рельефного пояса и прямоугольного уступа. Канал цилиндрический, стенки его, кроме расширяющейся к концу части, не обработаны. Общая длина — 124; длина цилиндрического выступа — 15; наибольший диаметр — 18; длина от торца до уступа канала — 21; диаметр выступа — 13 мм.

Кор. 6, материк.

5030. ФЛЕЙТА КОСТЯНАЯ (два фрагментированных звена — 1 и 2) (рис. 9, 2).

1. Фрагмент цилиндрической трубки, к одному концу расширяется, у противоположного конца сохранился (незначительно) выступ в виде трубки меньшего диаметра. Переход оформлен в виде прямоугольного уступа. Широкий конец трубки подчеркнут с внешней стороны небольшим венчиком прямоугольных очертаний. Ниже венчика широкая (8 мм) полоса кольцевого углубления. Изнутри поверхность не обработана, кроме расширяющейся части (обломана). Длина фрагмента — 114; диаметр — 17; диаметр выступа — 14 мм.

2. Фрагмент цилиндрической трубки, поверхность не орнаментирована, около внешнего конца сохранилось круглое игровое отверстие диаметром 10 мм. С обеих сторон трубки сделаны цилиндрические выступы меньшего диаметра (обломаны). Общая длина трубки — 75; диаметры концов — 16 и 19 мм; диаметры выступов — 14 и 15 мм.

Кор. 6, н. м. 2 см.

5067. ФЛЕЙТА (рис. 9, 3). Трубка полая цилиндрическая. Один конец завершается уступообразным переходом к выступу меньшего диаметра. На противоположном конце с помощью прямоугольного уступа большего, чем корпус трубки, диаметра оформлен переход к другому выступу, который почти цилиндрический, но, в отличие от первого, незначительно расширяется к краю (однако раструбом его назвать нельзя). Канал на уровне начала второго выступа уступообразно расширяется. Этот конец частично фрагментирован. Длина общая — 83; длина выступов — 12; диаметр самой трубки — 16—17; диаметр цилиндрического выступа — 12; диаметр канала максимальный — 12; минимальный — 9 мм.

Кор. 6, н. м. 500 см.

5068. ФЛЕЙТА (рис. 9, 4). Трубка полая цилиндрическая. Форма — как у № 5067, к одному концу выгравированы две опоясывающие линии. Несимметрично помещены два отверстия. Между ними, но на противоположной стороне, еще одно. Общая длина — 133; длина выступов — по 15; диаметр основной части трубки — 15—16; диаметр выступа — 15—16; диаметр канала — 6 мм.

Кор. 6, н. м. 5 см.

Без номера. ФЛЕЙТА (рис. 9, 4). Цилиндрическая трубка с прямым каналом. Три отверстия: круглое — на конце, овальное — в центре, третье — круглое, на конце, но с противоположной стороны. На одном конце слабо выраженный, с незначительным уступом, цилиндрический выступ. Размеры: длина общая — 106; диаметр — 105; диаметр канала — 11 и 10 мм. Расстояние от торца выступа до первого отверстия — 18,5; до второго отверстия — 52; до третьего отверстия (на другой стороне) — 89 мм. Диаметр первого отверстия — 9; диаметр второго отверстия — 11,0—6,5; диаметр третьего отверстия — 9 мм.

Без номера (1). ФЛЕЙТА. Цилиндрическая трубка, незначительно расширяющаяся к одному из концов. На суженном конце — цилиндрический выступ меньшего, чем трубка, диаметра, переход к которому уступообразный (конец выступа отломан). Широкий конец завершается цилиндрическим выступом большего диаметра, чем трубка. Это приемник, он охвачен пластинчатой бронзовой обоймой. Внутри канала, у выступа приемника, уступообразное уширение. Сохранившаяся длина — 131 (первоначальная — 133—135); длина выступа приемника — 16; диаметр трубки — 14,5—16,0; диаметр канала — 9—10 мм.

Без номера (2). ФЛЕЙТА (рис. 12, 8). Трубка почти цилиндрическая, без уступа при переходе к приемнику. В сторону приемника трубка незначительно расширяется. На противоположном конце — цилиндрический выступ. У цилиндрического выступа — круглое игровое отверстие, в середине — овальное. На противоположной стороне, у конца, противоположного выступу, — круглое отверстие.

2. Общая характеристика

При раскопках было обнаружено четыре с половиной десятка звеньев костяных флейт. Среди них абсолютно преобладают отдельные звенья составных флейт, есть лишь несколько экземпляров флейт, состоящих из 2 и более звеньев.

Функционально-типологически они подразделяются на срединные и концевые части флейт. Среди концевых звеньев выделяются два типа. Для первого типа (инвентарные номера 4172, 4173, 4183, 4316, 4319) характерными являются экземпляры № 4173 и 4183. Они достаточно крупные — 145 и 144 мм. Корпус у одного (№ 4173) цилиндрический, у другого (№ 4183) — незначительно уширяется вперед. Сзади оба имеют цилиндрические выступы, а в передней части — раструб. У обоих раструб завершается венчиком, переход к нему (№ 4173) или он сам (№ 4183) украшен

кольцевыми горизонтальными линиями. О том, что это не приемник, свидетельствует канал — на нем нет уступа. Более короткий и менее ярко выраженный концевой раструб, отделенный от корпуса гравированными линиями, у экземпляра № 4327, корпус которого цилиндрический.

Второй тип (мы назвали его «оливковидным») представлен тремя экземплярами — двумя целыми (№ 4319 и 5006) и с фрагментированным раструбом (№ 4316). Особенностью этого варианта является наличие на корпусе вздутия, плавно переходящего в краинные части. Вздутие расположено ближе к раструбу, который завершается венчиком. Переход к раструбу отмечен рельефным ленточным кольцом, на поверхности которого выгравированы охватывающие линии. Длина целых экземпляров — 124 и 142 мм.

Большинство остальных четырех десятков флейт являются срединными звеньями составных флейт, хотя часть из них также могли быть конечными звеньями.

Представление о количественном соотношении различных вариантов этих звеньев дает следующая таблица.

Количественное соотношение различных вариантов звеньев флейт

Форма флейты	Число экземпляров	Процент к общему числу целых концевых звеньев
Подцилиндрические с уступом в канале	4	10,3
Цилиндрические с уступом в канале	23	59
Цилиндрические с наружной шейкой и уступом в канале	3	7,7
Конические с уступом в канале	5	13
Конические без уступа в канале	4	10,3

В классификации учтены 39 срединных звеньев флейт, из них цилиндрических — 59 %, а вместе с подцилиндрическими и цилиндрическими с наружной шейкой — 79 %.

У цилиндрических звеньев внутри канала имеется уступ при переходе к приемнику, который снаружи является обычно простым продолжением трубки корпуса, редко он слабораструбовидный. Длина таких звеньев 83—149 мм при диаметре корпуса 17—23 мм. К наиболее крупным экземплярам относится № 4318 (длина 149, диаметр трубки корпуса 23 мм). Особенностью его формы является то, что приемник снаружи отделен от корпуса уступом, внутриканальный же уступ находится ближе к обрезу звена. Раструбообразность приемника видна на экземпляре № 3224, но и у него уширение приемника по наружному диаметру незначительно. На трех экземплярах (4171, 4172 и 4327/6) на том конце, который является приемником, у обреза — широкая полоса плоского желобка. На обрезе он

завершается бортиком-венчиком. Эти экземпляры близки по размерам — 118—121 при диаметре 18—19 мм.

Назначение цилиндрического выступа — входить в приемник следующего звена. Назначение же противоположного конца с уступом на канале столь же очевидно — он, как указывалось, был приемником. Это подтверждает изучение частей флейт, состоящих из двух и более звеньев. Стыки этих звеньев были очень плотными, щель практически отсутствует.

Мало отличаются от цилиндрических подцилиндрические флейты (№ 4261, 4317, 4320, 4323). Их корпус в середине или ближе к раструбу незначительно сужен, затем плавно, но столь же незначительно расширяется в сторону раструба. Переход к раструбу плавный (№ 4261, 4320) или с наружным уступом на корпусе (№ 4317, 4323). Внутренний канал также расширяется к раструбу с помощью уступа. Размеры целых экземпляров — 112—113; диаметр трубки — 18,0—19,5 мм.

Конические звенья с внутренним уступом в канале при переходе к приемнику и цилиндрическим выступом на противоположном конце (№ 4251, 4317, 4326, 5068, б/н) имеют слабую конусовидность. Длина трубки — 112—135; диаметры — 14,5—16,0—18,5—20,0 мм. У одного экземпляра на корпусе имеются отверстия. Практически они мало отличаются от цилиндрических.

Второй подтип конических звеньев — без внутреннего уступа в канале при переходе к приемнику и с цилиндрическим выступом на противоположном конце (№ 4322, 4324, 4327/7, 4327/8). Конусовидность четко выражена, расположенный на широком конце приемник подчеркнута раструбообразный. Длина 94—125, диаметры от 13—19 до 22—26 мм. У одного экземпляра на корпусе имеется отверстие.

Назначение конических звеньев с уступом в канале не вызывает сомнений — они, безусловно, являлись средними звеньями. Менее ясен вопрос с коническими звеньями с гладким каналом. Когда в них вставлялся цилиндрический выступ следующего звена, канал превращался из гладкого в ступенчатый. Впрочем, приострение стенок цилиндрического выступа позволяло свести такую ступенчатость до минимума или же вовсе ликвидировать ее. В ряде случаев имелись бронзовые пластинчатые обоймы (№ 4244, 4329, 4414, 4418, 4424, б/н), которые надевались на приемники снаружи, обтягивая и укрепляя эти самые слабые и наиболее нагруженные места флейт.

Благодаря нескольким экземплярам, у которых сохранились части составных флейт, состоящие из двух и более звеньев, мы имеем реальное представление о способах и характере соединения отдельных звеньев, о тщательности их соединения.

Наличие двух типов внутренних звеньев — цилиндрических и конических (собственно — слабоконических) — позволяет утверждать, что среди флейт из храма Окса были экземпляры со стволом двух форм — цилиндрическим и слабоконическим. Такие флейты, как явствует из иконографических материалов, были широко распространены в эллинистическое время.

Экземпляр № 4260 вызывает множество проблем. В этом экземпляре внутри трубки с полированным каналом помещена другая трубка — мень-

шего диаметра. Отверстия трубок частично совмещены. Является ли это случайностью, в результате которой внутренняя трубка оказалась заклиненной в наружной, или же перед нами свидетельство подвижной конструкции? Уверенно ответить на этот вопрос, исходя из самой находки, невозможно, но второе решение представляется более вероятным.

Наконец, обращает на себя внимание подвижный клапан на флейте № 4118. Перемещением клапана вверх-вниз или нажатием на отогнутый конец штыря (при этом прикрывавшая отверстие «лопаточка» приподнималась) можно было контролировать одно из отверстий.

Датировка тахтисангинских флейт не вызывает сомнений. Все они были найдены на уровне материка или же в 4—5 см от него. Стратиграфически они, следовательно, должны датироваться временем эллинизма, конкретно — концом IV—началом III в. до н. э.—концом II в. до н. э.

3. Тахтисангинские флейты (авлосы). Вопросы конструкции и историко-культурной интерпретации

Флейта (нем. Flöte, итал. flauto, франц. flûte, первоисточник — прованс. flaito) — это «духовой лабиальный музыкальный инструмент. Представляет собой трубку с цилиндрическим или слегка коническим каналом. Звук извлекают, вдвывая струю воздуха по касательной к срезанному краю трубки непосредственно в канале». Флейты бывают простые, открытые с обоих концов, и закрытые, у которых один конец закрыт, а вблизи него в стенке вырезано отверстие для вдвухания. Существует третья разновидность — так называемые свистковые флейты, снабженные с одного конца клювообразным наконечником с деревянной пробкой, которая закрывает канал ствола, оставляя узкую щель, края ее направляют поток воздуха на грань поперечного среза ствола. По характеру держания инструмента при исполнении различаются продольные (прямые) и поперечные флейты. Первые держат в положении, близком к вертикальному, вторые — к горизонтальному [Розенберг, Ройзман 1981: стлб. 845—846, цитата — стлб. 845].

В Греции флейты обозначались термином αὐλός (латинское tibia). Основное значение термина «авлос» — 'трубка'. Приведем характеристику, сделанную автором одного из ранних капитальных исследований этих инструментов — Альбертом А. Говардом. «Греческое название αὐλός (латинское tibia) в древности прилагалось к разнообразным духовым музыкальным инструментам, имеющим вид трубки, находившийся в которой воздух заставляло колебаться выдыхание воздуха исполнителем. Легко различаются, по крайней мере, три типа таких инструментов. Первый — простая трубка, в которой звук извлекается вдвуханием через открытый конец трубки или через отверстие на ее боку; второй — где в конец трубки вставлен тростниковый мундштук, вдвухание воздуха через него является причиной вибрации столба воздуха; третий — где губы исполнителя прижимаются к открытому концу трубки, образуя «язычок», который, в свою очередь, образует звук. Все три типа инструментов были известны древним грекам и римлянам». Термином αὐλός сами греки называли пре-

имущественно флейты второго типа [Howard 1893: 1]. Часто применялся двойной авлос — διδυμοί αὐλοί. Термин «авлос» дважды появляется в «Илиаде». Древние греки различали множество видов флейт, классифицируя их по разным признакам (подробно об этом: [Michaelides 1978: 44—46; Barker 1984: 15—16; Герцман 1995: 40—41]. Исполнение было разным: только авлос (соло) или же дуэтом, в комбинации со струнным инструментом или певцом. Мастер, изготавливающий авлосы, назывался αὐλοτοῖός, и качество инструмента зависело от его умения. Исполнитель на авлосе назывался αὐλῳδός — авлодос. Устраивались специальные конкурсы этих исполнителей, и победитель получал приз, кроме того, на него надевали почетный венок [Michaelides 1978: 41—42]. Для того чтобы стать первоклассным исполнителем на авлосе, надо было не только иметь музыкальный талант и прекрасный инструмент, а также определенные физические данные с соответствующим дыханием, подвижными, а не утомляющимися запястьями, подвижными и искусными пальцами, но и постоянно упражняться и совершенствовать свое мастерство. Так считали выдающиеся исполнители на авлосе [Philostr. V, 21; Philostr. 1960, II: 510—511; Филострат 1985: 104].

Как известно, у греков существовали две системы нотной записи, возникли они, вероятно, в V в. до н. э. Фрагменты этих нот дошли до нас. Есть целая серия изображений, где музыканты, в частности исполнители на авлосе, играют, глядя в ноты [Röhlmann 1960: 1—11, 83—84].

При этом следует учитывать, что возможности древней нотации были слишком ограничены, «...древние музыканты являлись одновременно и композиторами и исполнителями. Во время же самого акта исполнения решающую роль играло импровизационное начало» [Герцман 1995: 303].

История флейты восходит к палеолиту [Черныш 1955; Бибигов 1981; Turk (ed.) 1997: 157—198]. В Китае найдены в неолитическом комплексе VII тыс. до н. э. прекрасно сохранившиеся костяные флейты со многими игровыми отверстиями [Bone Flutes 1999] (указано А. Инверницци). Судя по письменным источникам и иконографическим материалам, флейты имели широкое распространение в Древнем Египте. Так, на фреске в гробнице писца Накхта (Nakht) изображены три музыканта, играющие на арфе, лютне и авлосе⁴. Дошли до нас и подлинные флейты. Они порой достигали длины свыше 1 м. Их изготавливали из тростника, дерева и бронзы.

На Переднем Востоке флейты появились очень рано (см. об этом ниже).

В минойское время, судя по изображениям, эти музыкальные инструменты существовали, но в самой Греции они не обнаружены. Вообще вопрос о времени распространения их в Греции остается открытым. В гомеровских поэмах авлосы упоминаются лишь дважды, причем в той части, которая считается добавлением к основному тексту. Вместе с тем на Переднем Востоке этот музыкальный инструмент был известен в VIII—VII вв. в областях Восточного Средиземноморья. Поэтому возникла идея, что в Грецию авлосы попали (или вновь распространились) из Малой

⁴ Один из первых детальных обзоров см.: [Loret 1889]; см. также: [Hickmann 1949: 113—142, pl. LXXXII, LXXXVI; Maniniche 1975; Anderson 1976; Ziegler 1979; Hi[ckmann] 1982; Paquette 1984: 24] и др.

Азии или Сирии [West 1992: 81—82]. Впрочем, уже некоторые древние авторы [Plut. De mus., V; Pollux, IV, 74 и след.] считали, что авлосы имели азиатское происхождение.

В самой Греции изображения авлосов известны, начиная с эпохи геометрического стиля [Raquette 1984: 24] (рис. 14). Иконографические свидетельства об авлосах чрезвычайно многочисленны и разобцены. Так, в Додоне, среди архаических бронзовых статуэток, есть статуэтки мужчины (высота 12 см), играющего на авлосе [Carapanos 1878: 31; Planches 1878: pl. X/1]. Эта статуэтка датируется VI в. до н. э. [Lamb 1929: 97, pl. XXXII/c; Karo 1948: 119, 121, 124; Wegner 1963: 30—31]. Изготовление бронзовых статуэток с изображением персонажа, играющего на авлосе, продолжалось и позже вплоть до эпохи эллинизма; одна такая статуэтка — Марсий, играющий на авлосе, — обнаружена в храме Окса [Литвинский и др. 1995] (рис. 15)⁵. Авлосы представлены в каменной скульптуре, рельефах, малой пластике [Higgins 1954: pl. 161, 494; Mollard-Besques 1963: pl. 42/f и др.] и, особенно часто, в живописи [Raquette 1984: passim]. Для классической и эллинистической эпох наука располагает большим количеством сведений письменных источников⁶.

Исключительную важность для изучения конструкции авлосов и способов их применения имеют иконографические материалы, см. особенно: [Reinach 1913: 300—332; Raquette 1984; Скржинская 1997; Boardman 1970: 184]⁷.

Греческий авлос состоял из четырех главных частей: 1) ὑλῶσσα — мундштук; 2) ὄλμος — первое звено, следующее за мундштуком; 3) ὑφόλιον — второе звено за мундштуком (обычно оба звена имеют оливковидную форму); 4) ἄραξιῶν — ствол («трость») инструмента, в котором вырезаны ἰεῖαῖα или τρυπήματα — игровые отверстия. В храме Окса найдены все части авлосов, кроме первой — мундштука.

До нас дошли авлосы, изготовленные из дерева⁸, кости и слоновой кости и бронзы (эти материалы называются и в греческих источниках).

⁵ Фотография этой статуэтки затем воспроизводилась, в частности, и в специальном издании по истории среднеазиатской музыки [Karomatov et al. 1980: 70, abb. 65], впрочем без какого-либо историко-музыковедческого анализа.

⁶ См., в частности [Gewart 1881: 273 et seq.; Jan. 1896: Sp. 2416—2422; Curtis 1914; Huchzermeyer 1931; Lippmann 1964; Pölmann 1970; Meylan 1974; Comotti 1979; Barker 1984; La musica 1988; Rietmüller, Zamminer 1989; Musica 1995] и другие, ниже частично цитируемые, труды по истории древней музыки.

⁷ С конца XIX в. проводится изучение авлосов специалистами-музыковедами. Этапными были работы А. Говарда [Howard 1893], Д. Куртиса [Curtis 1914] и К. Шлесингера [Schlesinger 1970 (первое издание — 1939)].

Ср., впрочем, замечания Д. Лэндэлса об ограниченных возможностях инструментоведческого анализа сохранившихся остатков авлосов, не говоря уже о том, что большинство авлосов были изготовлены из тростника и вообще до нас не дошли [Landels 1981: 298—299].

Следует также добавить, что заключения специалистов по органологии крайне противоречивы, ср., например, мнения об игровых отверстиях и их роли двух современных органологов [Bélis 1984a: 111—122, cf.; Byrne, 2000: 280—281].

⁸ Применялись для изготовления флейт различные породы дерева, но предпочтение, вероятно, отдавалось самшиту [Raquette 1984: 24—25].

Рис. 14. Греческие арфисты в вазописи (по: [Paquette 1984])

Две деревянные флейты, происходящие якобы из Афин и датированные «ок. 500 г. до н. э.», хранятся в Британском музее [BM Enin Collection, GR 1816. 6—10. 502]. Они имеют вид деревянных цилиндрических трубочек. На более крупной и сохранный видны пять игровых отверстий, расположенных на одной половине трубки. Эта половина завершается незначительным раструбом.

Опубликованы сведения об одно- и двухзвенных деревянных флейтах. Эти флейты хранятся в египетском собрании Берлинского музея и датируются очень широко — «греко-римским временем» [Sachs 1921: 86—87, taf. XI/86—87].

Наиболее распространенные в древности греческие авлосы из тростника не сохранились. Впрочем, в Коринфе в 1934 г. была найдена часть авлоса, изготовленного из кости. На поверхности нижней трубки выгравированы продольные желобки, чем имитировалась фактура тростника [Broneer 1935: 73]. У некоторых авлосов (Мероэ, Помпеи и др.) трубки-звенья авлосов были в своеобразном металлическом (серебро, бронза) футляре. Известны и бронзовые экземпляры (см., в частности, бронзовые авлосы из Британского музея, коллекция Costellani [Curtis 1914: 95—96; BM-CR 1884: 4—9, 5 and 6, I—II вв. н. э.], из раскопок в Пергаме [Conze 1902: 6—8, taf. I; 1903: 7—8, taf. 1] и др.)⁹. Их обычно считают моделями.

Рис. 15. Марсий с двойной флейтой II в. до н. э. из храма Окса. Общий вид алтаря, отдельно — фигурка Марсия

При археологических раскопках в Греции, или — шире — в эллинистическом мире, было обнаружено значительное число звеньев авлосов. Так, из архаического святилища Артемесиона (Эфес) происходят три звена авлосов. На одном — «отверстие для вдувания находится на одной из сторон» (это звено не изображено на таблицах. Часть поперечной флейты?). Другое, длинное звено воспроизведено на фотографии. Концевого выступа нет ни на одной из сторон. Имеется 5 игровых отверстий, смещенных ближе к одному из торцов. Третье звено — короткое, с коническим сужением к одному из концов. Его диаметры 8 и 12 мм. Издатель описал его как мундштук духового инструмента (?) [Hogarth 1908: 194, pl. XXXVII/12, 16].

При раскопках храма Артемиды Орфии в Спарте было найдено 13 фрагментов костяных флейт — в слоях второй половины VII в. до н. э. Среди них целые звенья длиной 36 и 58 мм. На самом длинном было 3 отверстия с одной стороны и одно — с противоположной. Целые фрагменты на одном торце имели короткий цилиндрический выступ, у другого конца канал с помощью уступа делался более широким, образуя приемник. Есть и необычные находки. Три звена с приемником у одного конца конусообразно сужаются ближе к противоположному концу (конец отломан). Издатель считал, что и это сужение было предназначено для мундштука. Вместе с тем были найдены три звена яйцевидной или вытянуто-яйцевид-

⁹ На одной парижской выставке в начале XX в. среди других греко-римских вещей была представлена «Double flûte en or et bronze» [Collection 1903: 87/386]. Ее воспроизведение отсутствовало, никаких сведений о ее дальнейшей судьбе мне обнаружить не удалось. Бронзовые авлосы из коллекции Британского музея [BM-GR 1881, 4—9, 5—6] сейчас относят к римскому времени и датируют I—II вв. н. э.

ной формы. Р. М. Докинс предполагает, что это и были собственно мундштуки, в канал которых вставлялись и фиксировались там клеем трубки с коническим концом.

На двух фрагментах — греческие надписи. На одном — «Орфии», на другом имя *ACRADATOS* (с. 236) [Dawkins 1929: 236—237, pl. CLXI, CLXII/1—8].

Раскопки в Перахоре привели к открытию четырех десятков звеньев авлосов, но целый лишь один, остальные — фрагменты, часто очень мелкие [Dunbabin 1962: 448—451, pl. 190]; см. также: [Lemerle 1935: 255]. Большинство фрагментов являются цилиндрическими трубочками с игровыми отверстиями (на наиболее крупном, но также фрагментированном) звене имеется 4 отверстия. Каталожное описание иллюстрировано лишь фотографиями, так что некоторые детали неясны. На одном из концов имеется цилиндрический выступ; на фото одного фрагмента фиксируется наличие приемника, переход к которому уступчатый. Как и в святилище Артемиды Орфии, имеются и короткие звенья овальных (или яйцевидных) очертаний. Конкретная датировка неясна, но, вероятно, это VII—VI вв. до н. э. Было определено, что данные авлосы сделаны из кости оленя. Это подтверждает слова грамматика Поллукса, что авлосы изготовляют из костей ног оленя [Pollux. *Onomasticon*, IV, 75].

Большая коллекция костяных звеньев авлосов была получена при раскопках на афинской агоре. Десять наиболее крупных из них, целых или имеющих небольшие утраты, были изданы [Boulter 1953: 114, pl. 41; Landels 1964: 392—400, fig. 1, pl. 70]. Эти найденные в разных местах агоры фрагменты располагаются в хронологических пределах от середины V до конца I в. до н. э. Большинство из них — цилиндрические и подцилиндрические трубки с выступом на одном конце и приемником, переход к которому уступчатый, на другом конце. Наиболее крупная трубка, встреченная в позднеэллинистическом контексте, имеет длину 151, в том числе длина выступа — 1,1 см; внешний диаметр — 1,75 см. Трубка незначительно расширяется в сторону приемника. Наиболее короткая трубка датируется концом IV в. до н. э. Ее общая длина — 5,7, в том числе цилиндрического выступа — 1,4; наружный диаметр — 1,0 см. На трубке нет отверстий. Кроме того, есть звено колоколовидной формы (длина — 5,6, внешний диаметр — 1,85—2,90 см). Датировка — конец I в. до н. э. Найдено также звено с припухлостью, смещенной к одному из концов. Общая длина — 8,95, в том числе выступа — 1,85; максимальный внешний диаметр — 1,45 см. Хронология неясна. Поверхность окрашена в серо-зеленый слегка крапчатый цвет.

Полая костяная цилиндрическая трубка с отбитыми концами и с 4 полукруглыми отверстиями (сохранившаяся длина — 6,1 см) найдена в эллинистическом комплексе на Гезлю-тепе (Тарс) [Goldman 1950, Text: 400; 1950, Plates, pl. 273/95].

Фрагмент звена авлоса был найден на Кипре. У него слегка расширяющийся конец. Звено было в футляре из бронзы. Дата неизвестна [Gjerstad et al. 1948: 180].

В Египте, в Александрии при раскопках греческого Некрополя (Sciat-bi), датированного концом IV—III в. до н. э., были найдены костяные звенья составных греческих флейт [Vreccia 1912, I: 176—177, fig. 110]. Воспроизведено 7 звеньев, шесть из которых цилиндрические, с игровыми отверстиями, расположенными вдоль одной продольной оси, иногда вдоль «лицевой» и «боковой» (а не обратной) сторон. Они имеют короткий цилиндрический выступ и — на противоположной стороне — приемник, места сочленения обтянуты металлическим полозом. Одно звено — бочонковидной формы.

Ограничимся этими примерами, хотя перечень можно было бы продолжить. Добавим, что на Делосе раскопана эллинистическая мастерская II—I вв. до н. э., специализировавшаяся на изготовлении флейт. Там были обнаружены части флейт, а также другие костяные изделия [Bizard 1907: 483—484]. Из почти двух десятков найденных здесь фрагментов флейт большинство обычно цилиндрические с цилиндрическими же выступами на торцах, есть оливковидные, в одном случае два звена дошли в сочлененном состоянии. Многие имеют игровые отверстия, большей частью круглые или овальные, иногда прямоугольные. В нескольких случаях на корпусе — квадратный рельефный выступ, и отверстие сделано в нем. В двух или трех случаях такой выступ располагается на конце трубки. На обломке одной трубки (длина 6,5 см, фрагментирован с двух концов) с вытянутым прямоугольным отверстием трубка была охвачена широкой кольцевой бронзовой обоймой, к которой, судя по фотографии, примыкала другая аналогичная бронзовая обойма. В. Деонна пишет о серии колец, qui pouvaient tourner ou coulisser, pour ouvrir et fermer les trous d'air [Deonna 1938: 324—325, pl. XCII/812, 813—1—10, 814—815 and fig. 417].

В публикации разрезы флейт не приведены и детальные описания отсутствуют. Несмотря на это, важность делосских находок очевидна. Конечно, мы не знаем, был ли сквозным канал в трубках с рельефным выступом и с пропущенным через него отверстием. Не могли ли использовать такие флейты, замкнув канал с одного конца, в качестве поперечных? Этому, впрочем, не соответствует квадратная форма выступа — логичнее, чтобы он был округлен. Не менее интересны подвижные кольца (о них см. ниже).

Авлосы имели корпус цилиндрической или — реже — конической формы. Строго цилиндрической (с небольшим венчиком по внешнему краю) является форма двух цельных деревянных авлосов из коллекции Лувра [Belis 1984a: fig. 1—2]. Такие авлосы очень часто изображались и в живописи [Schlesinger 1970: pl. 9 (начало V в. до н. э.); Paquette 1984: 25]. На живописи и на рельефах встречаются и авлосы, у которых корпус слабоконический, утолщающийся к наружному концу [Belis 1984a: fig. 5—6; Schlesinger 1970: pl. 6 (конец IV в. до н. э.), pl. 8 and plate on title page; Paquette 1984: 26 and passim].

Длина авлосов из Помпеи: 49,2—53,7 см [Howard 1893: 48—50]. Деревянные авлосы из Лувра имеют длину 41 см [Belis 1984: 113, fig. 2]. Однако нередко авлосы были много короче. М. Л. Вест на основе находок и иконографических данных определяет обычную длину авлосов от 20 до

30 см [West 1992: 90]. Привлекая всю совокупность иконографического материала, в действительности можно выявить пять групп: 20—30; 40—50; 50±; 80±; 100+ см, что соответствует пятичленной классификации авлосов у Поллукса [Pollux, IV, 75]. Наиболее многочисленны авлосы длиной около 50 см, за ними следует группа длиной 20—30 и 40—50 см. Крупные же авлосы в живописи очень редки. Длина дошедших до нас авлосов колеблется от 30 до 54 см. Средняя величина была порядка 40 см [Paquette 1984: 25; ср.: West 1992: 90].

Остановимся на некоторых деталях конструкции греческих авлосов. Известны авлосы с цельным корпусом. Таковы два деревянных авлоса, хранящиеся в Лувре. Их общая длина 41 см. Конструкция включает цельный, а не составной цилиндрический ствол (на наружном конце его слабо выделенный венчик). В противоположный конец вставлена трубка с оливкововидным уширением в середине (длина — 4,3 см); от нее отходит конечная воронкообразная часть (длина — 1,7 см) [Belis 1984a: 111—113, fig. 1—2]. Такого рода авлосы с цельным стволом воспроизводились и в живописи.

Вместе с тем очень рано была выработана конструкция греческого авлоса с корпусом, составленным из трубок-звеньев. Во всяком случае, трубки составных авлосов, относящиеся ко второй половине VII в. до н. э., были найдены в святилище Артемиды Орфия в Спарте. Они были изготовлены из кости. Это цилиндрические или слабоконические трубки, имеющие на одном конце цилиндрический выступ (меньшего диаметра, чем трубка), на противоположном конце канал расширяется уступом, образуя приемник, куда вставляется цилиндрический выступ следующего звена-трубки. Таким образом достигалось достаточно плотное смыкание. Часть трубок имели игровые отверстия, другие были без них. На двух звеньях выгравированы посвятельные надписи [Dawkins 1929: 236—237, pl. CLXI—CLXII/1—8]. Находки из Коринфа, датированные «эллинистическим временем» [Davidson 1952: 196—197, fig. 30, pl. 90/1503], показывают, что такая конструкция устойчиво продолжала применяться. При этом Г. Давидсон, издатель частей авлоса из Коринфа, подчеркивает, что никаких следов склейки или оковки в месте соединения звеньев не замечено [Davidson 1952: 197].

Такое соединение звеньев было обычным у греческих авлосов. Оно известно, в частности, в Эгине [Furtwangler 1906: 429, abb. 337]; Линдосе [Blinkenberg 1914: 159, fig. 17, pl. 16]; Коринфе [Broneer 1935: 73, fig. 18]; Афинах [Landels 1964: 392—400, pl. 70 and fig. 1]; Пантикапее [Петерс 1986: 74—75, 146—147, табл. XVI/7, 16] и т. д., а также на авлосах из Мероэ [Southgate 1915: 18—19, fig. 1; Bodleg 1946: passim]. Это сочленение прослеживается и на авлосах из музейных коллекций (см.: [Belis 1984b: 178—181, fig. 2, 5; Reinach 1917: 303, fig. 6942; Петерс 1986: 75, 147, табл. XV/19] и др.).

Плотность соединения звеньев всегда заботила мастеров, и она достигалась, очевидно, разными способами. Желобки на цилиндрических выступах, создающие ярко выраженный декоративный эффект, на самом деле никаким украшением не являлись, ибо они были скрыты от зрителя.

Такие желобки имеются на выступах звеньев со срединной припухлостью из Мероэ. Н. Б. Бодли предложил для них весьма правдоподобное объяснение: желобки служили для удержания намотки из пропитанной воском нити. Это обеспечивало очень плотное прилегание надетого поверх такой намотки приемника смежного звена [Bodley 1946: 224, pl. VIII]. Такое объяснение, безусловно, можно распространить и на тахтисангинский материал, где на цилиндрических выступах нескольких трубок имеются кольцевые желобки.

Части стволов авлосов, состоящие из двух соединенных звеньев (путем вставления цилиндрического выступа одного звена во втулку-приемник другого) обнаруживаются при раскопках крайне редко. Так, в Коринфе в комплексе V в. до н. э. найдены соединенные вместе два цилиндрических звена костяной флейты, одно из них является конечным — оно завершается незначительно отвернутой дудочкой. Поверхность имитирует поверхность тростника. На короткой секции одно круглое игровое отверстие, на длинной — с одной стороны три, с противоположной — одно, причем из трех отверстий два круглых, а одно овальное с полукруглым уширением на одном из торцов. Общая длина — 23,6 см [Broneer 1935: 73, fig. 18]. Такая часть авлоса найдена и в Брауроне (на восточном побережье Аттики). Стык звеньев очень плотный (на фотографии он неразличим). При этом на одном внешнем конце образовавшегося участка ствола есть втулка, на другом — нет. Д. Лэндэлс считает, что во втором случае — это нижнее завершение ствола авлоса [Landels 1963в: 116, fig. 2]. Длина участка не приводится, судя по масштабу, она составляет примерно 237 мм. Следует иметь в виду, что это одна из древнейших дошедших до нас находок [Landeld 1963в: 119].

Д. Лэндэлс очень высоко оценивал значение этой находки. Он писал, что «для исследования греческой музыки этот древнейший инструмент является важнейшей находкой, сделанной за последние годы [Landels 1963в: 116]. В еще большей степени это утверждение относится к факту обнаружения многозвенных частей авлосов в храме Окса.

Все виды трубок авлосов из храма Окса находят аналогии среди трубок, обнаруженных в разных местах Греции. Даже сравнительно редкий в храме Окса тип цилиндрических трубок с уступом в канале и с широким плоским желобком на поверхности у обреза приемника, с бортиком-венчиком по обрезу (№ 4171, 4172, 4327/6), имеет аналогии среди находок на акрополе Линдоса [Blinkenberg 1931: 153, fig. 17 (справа)]. Речь идет не о схожести, а об абсолютной идентичности формы, различаются лишь размеры — экземпляр из Линдоса почти в два раза короче.

Особую часть корпуса авлосов составляла конечная часть их переднего конца. Наружный (нижний) конец ствола иногда немного расширен или завершается воронкообразной дудочкой [West 1992: 87]. Звенья с раструбообразным уширением на одном из концов есть среди флейт Мероэ [Bodley 1946: 229—230, pl. IV/16—17].

Раструбообразные по форме трубки в ряде случаев завершают ствол авлоса на их изображениях в живописи [Raquette 1984: 28, fig. A12, A17, A18, A22, A30, A57 и др.]. Их форма передана обобщенно, тем не менее

наблюдается определенное сходство с такими звеньями из храма Окса, которые мы выделили в первый тип наружных звеньев (см. выше). У этрусков было два вида флейт, один из них представлен эллинистическим авлосом, имевшим дудкообразное (раструбообразное) уширение на наружном конце трубки и оливковидный элемент на внутреннем конце [Vartocini 1962: taf. XV ff.; Jannot 1974: 131, pl. I—VI, специально — pl. IV/1].

Вывод М. Л. Веста: «Эта особенность (раструбообразность наружного конца. — *Б. Л.*) доминирует во многих архаических изображениях, но фактически исчезает из аттического искусства после примерно 520 г. до н. э., сохранившись в Этрурии и Южной Италии» [West 1992: 87, 89]. Реальные авлосы из храма Окса уточняют это положение: воронкообразные концы-дудочки завершали греческие авлосы и в IV—III вв. до н. э. Однако М. Л. Вест не учел и другие находки трубок авлосов. Так, при раскопках афинского акрополя в слое I в. до н. э.—I в. н. э. было найдено короткое звено-раструб (длина — 56; наружные диаметры 26,5—32,5 мм), с невысоким пояском-венчиком по наружному краю. Это звено поразительно похоже на раструбы авлосов из Мероэ, которые датируются 15 г. до н. э. [Landels 1964: 398, fig. 1/F].

Специальный интерес представляют трубки из храма Окса с припухлостью в середине («оливковидные»), которые мы выделили в тип 2 конечных трубок. Они находят многочисленные аналогии.

При раскопках в афинском некрополе в жилом квартале, в неясном хронологическом контексте, найдено звено с центральной припухлостью («оливковидные»). На одном конце — цилиндрический выступ, другой обломан. Звено окрашено в серо-зеленый цвет. Общая длина фрагмента — 89,5, длина выступа — 18,5, максимальный внешний диаметр — 18,5 мм. Предполагаемая длина собственно корпуса (без выступов) — около 90 мм [Landels 1964: 393—394, fig. 1/A].

У флейт из Помпей конечное звено имеет 38 мм в длину. Припухлость смещена на внешний конец, в который вставлен цилиндрический выступ завершающего звена в виде конусообразной с вогнутыми сторонами дудочки длиной 35 мм, а уже в эту трубочку вставлялся мундштук [Howard 1893: 48, pl. 2/1, 3]. Таким образом, здесь выпуклость при соединении двух элементов также приходилась примерно на середину. На флейтах из Мероэ конечные звенья такой формы были, по крайней мере, двух размеров. На переднем конце — ободок в виде венчика [Bodley: 224, pl. VIII].

Звенья с оливковидной припухлостью найдены и при раскопках некоторых греческих святилищ и городов, они имеются в ряде музейных собраний [Sachs 1921: 86—87, taf. XI/88—91; Dawkins 1929: 236—237, pl. CLXI; Dunbain 1962: 447—451, pl. 189—190; Landels 1963a; 1963b; 1964: 392—400, fig. 1, pl. 70; Blinkenberg 1931: 154, fig. 17/453—454; Belis 1984: 176—178, fig. 1; Broneer 1947: 241, pl. LXI/21; Reinach 1916: 303, fig. 6942 (вверху)].

Такие звенья хранятся в музейных коллекциях, например в Лувре. Луврский экземпляр [Belis 1984b: 176—177, fig. 1] по длине (7,4 см) несколько меньше тахтисангинских, но очень близок по форме: припухлость невелика и расположена в середине трубки (обычно она смещена к внешнему концу).

Целые экземпляры тахтисангинской коллекции позволяют распознать такие звенья и среди фрагментов из других коллекций. Так, например, у фрагмента из Линдоса сохранился цилиндрический выступ и небольшая часть корпуса трубки [Blinkenberg 1931: 153, fig. 17 (слева)]. Начиная от уступа к звену, трубка сначала незначительно, а затем резко сужается. Именно такое устройство наблюдается лишь у одного типа трубок-звеньев, а именно у имеющих в середине оливковидную припухлость — фрагментированная трубка из Линдоса была обломана в середине ложбинки, предшествующей бочонковидному вздутию.

Судя по иконографическим данным, такое оливковидное звено с припухлостью завершало внутренний конец корпуса, по древнегреческой терминологии это *ifólmion*. Нередко авлосы имели не одно, а два оливковидных примыкающих друг к другу звена [Boardman 1975: fig. 75. 1; Raquette 1984: 29, fig. A4, A5, A13; Belis 1986в: fig. 7, 9—10 и др.]; известны отдельные изображения с тремя такими звеньями [Raquette 1984: 29, fig. A35, A42]¹⁰. Форма их варьирует, часто она бывает овоидной (см. также: [Schlesinger 1970: pl. 8; West 1992: 84, pl. 25; Скржинская 1997: рис. 5]).

У авлоса, на котором играет юноша на эрмитажном краснофигурном сосуде, расписанном мастером Бригосом около 480 г. до н. э. [Передольская 1967: 71—72, № 71, табл. XLIX/4], устье каждой из двух трубок имеет два миндалевидных звена и третье (внутреннее) с оливковидной припухлостью. На другом эрмитажном краснофигурном сосуде второй четверти V в. до н. э. сатир играет на авлосе [Передольская 1967: 107, № 111, табл. LXXIX/1], мундштук которого имеет слабое оливковидное вздутие.

Из каталога и таблиц можно получить представление о форме (преобладает круглая) и расположении игровых отверстий на авлосах из храма Окса. Как известно, число игровых отверстий и их расположение обусловливало регистр инструментов. Первоначально на авлосе было 4 игровых отверстия, а в эпоху эллинизма виртуозы исполняли свои произведения на авлосах с 15 игровыми отверстиями [Raquette 1984: 15]. Не обладая знаниями в этой области, мы оставляем специалистам рассмотрение всех проблем, возникающих по этой части при изучении авлосов из храма Окса. Отметим лишь, что круглые игровые отверстия преобладают и на трубках авлосов из разных мест греческого мира. Но эта форма не являлась единственной [Reinach 1917: 304].

Игровые отверстия на авлосах из Мероэ — прямоугольные [Southgate 1915: 18—19, fig. 1]. Поперечно расположенное подпрямоугольное (или овальное) отверстие есть на авлосе античного времени из Китея [Петерс 1986: 146, табл. XV/6] и на одном авлосе эллинистического времени из Пантикапея [Петерс 1986: 146, табл. XV/7]. Редко, но встречаются, например на авлосе из Коринфа [Vrooneer 1935: fig. 18], отверстия в виде вытянутой вдоль трубки широкой щели с параллельными продольными концами, переходящие по торцам в более широкие полушария.

¹⁰ Д. Лэндэлс, основываясь на вазописи, склоняется к тому, что чаще всего встречаются два «бочонковидных» звена, но воспроизведения авлосов имеют и по одному, и по три таких звена [Landels 1964: 304, n. 5 (с перечнем многочисленных публикаций вазописи)].

Музыковеды подчеркивают, что в старинных флейтах известно сочетание круглых и продольновытянутых отверстий [Hickmann 1955: 322, abb. 16]. Следовательно, в этом отношении авлосы из храма Окса с их круглыми, овальными и подпрямоугольными игровыми отверстиями принципиально не отличались от других греческих авлосов.

Уникальными являются звенья авлоса № 4418 (рис. 4, 4) с примитивным бронзовым клапаном, описанным выше в каталоге. Этот клапан мог частично закрывать игровое отверстие. В связи с этим целесообразно обратиться к данным об имевшихся в Древней Греции способах закрывания и открывания игровых отверстий с помощью специальных приспособлений.

Известному греческому музыканту-виртуозу Прономусу (Pronotus) (ок. 400 до н. э.) приписывается изобретение авлоса, на котором можно было играть в нескольких ладовых системах (Paus., IX, 12, 4—6; ср.: Athenaeus, XIV, 631e)¹¹. Современные ученые обычно считают, что Пронотус «несомненно» стал надевать на флейту кольца с отверстием, вращая которые, можно было открывать или закрывать игровые отверстия [Schlesinger 1970: 72—74; West 1992: 87]; см. также: [Bodley 1946: 225].

В этом отношении интересны четыре флейты, обнаруженные в 1867 г. в Помпеях. Звенья флейт изготовлены из слоновой кости и вставлены в серебряные трубки, в каждой из которых было пробито отверстие, в точности соответствующее игровому. Вращая серебряную трубку, можно было открывать или закрывать игровое отверстие [Howard 1893: 7, 9, 47—51, pl. II]. И. Овербек упоминает многочисленные находки флейт в Помпеях [Overbeck 1883: 460]. Доступные воспроизведения дают лишь самое общее представление о многозвенных составных флейтах [Gusman 1899: 194—196]. Эти флейты первоначально были опубликованы в виде цветных рисунков Ф. Никколини [Nicolini 1854—1896: tab. XLI]. На рисунке видно, что на длинной флейте имелись на корпусе кольцевые бронзовые втулки с вертикальными колечками-ушками для их вращения.

На трубках флейт из Мероэ, изготовленных из слоновой кости в Египте, вероятно в Александрии, греческими мастерами или же импортированными из самой Греции (из Коринфа?), каждое звено вставлено в бронзовую трубку. Механизм вращения более сложный [Bodley 1946: 224—238, pl. I—VI]. Образцы таких звеньев с металлическими трубками-футлярами обнаружены при раскопках на Делосе (см. выше), они есть в коллекциях Британского музея; запечатлены они и на некоторых памятниках искусства [Howard 1893: 9, 16, 55—56].

Однако греческая древность знала и другие конструкции. При раскопках Пергама была найдена прекрасно сохранившаяся бронзовая модель флейты — вероятно, специально отлитая в качестве посвяжительного дара (рис. 16). Отсутствует лишь верхнее завершение (мундштук). Длина ее — 460; диаметр — 20—24 мм. Ствол имеет три игровых отверстия. Корпус примерно в середине охвачен двумя плоскими бронзовыми поясками. Между верхним пояском и корпусом вставлены два длинных проволочных

¹¹ Изобретение Прономуса распространилось [Mauro 1894: 38—39]. Пронотус был самым выдающимся представителем музыкальной династии, а его слава пережила его самого (о нем и других представителях этой династии см.: [Roesch 1989: 208—210]).

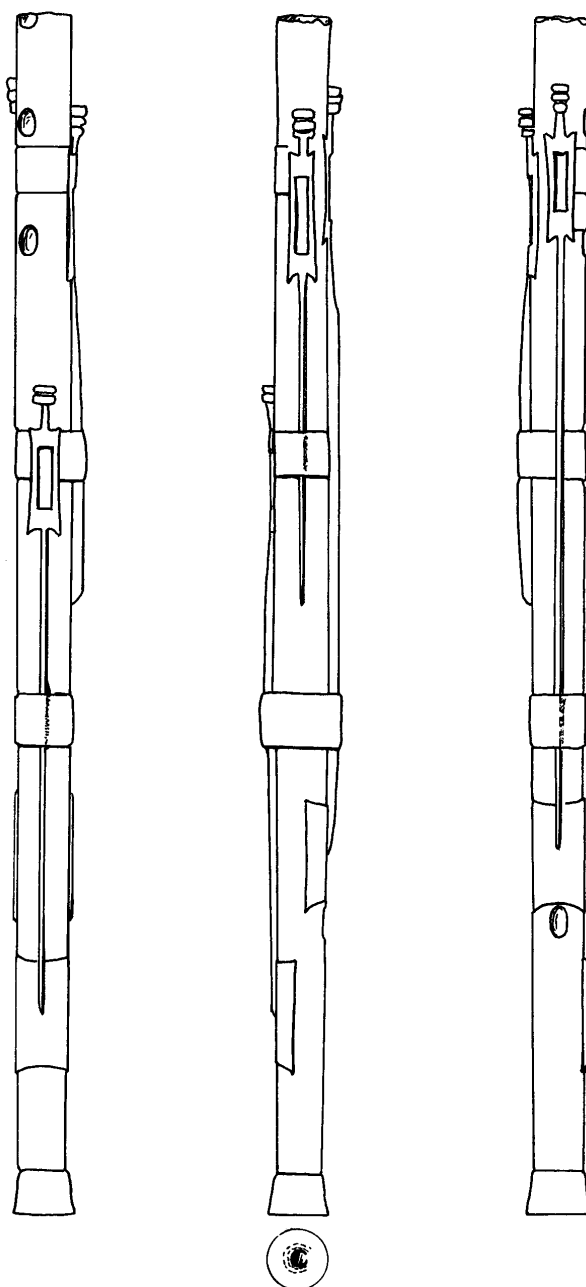

Рис. 16. Бронзовая модель флейты из Пергама (по: [Conze 1902])

рычажка, они располагаются вдоль корпуса; нижний поясок прижимает третий рычажок. Рычажки имеются на трех сторонах флейты, на четвертой их нет. Каждый рычажок состоит из головки (прямоугольная рамка с навершием), тонкого проволочного штыря с укрепленной на конце его подпрямоугольной пластинкой, у которой верхний и нижний края вогнутые. А. Конзе, издавший эту находку, был, безусловно, прав, считая, что, передвигая рычажок, можно было открывать и закрывать игровые отверстия. Однако другое его утверждение, а именно что это точное воспроизведение реальной флейты [Conze 1902: 6—8, taf. I; 1903: 7—8, taf. 1], не столь очевидно, хотя и отрицать такую возможность нельзя. Вероятная датировка — II в. до н. э. [West 1992: 87]. Описанная выше находка из храма Окса демонстрирует тот же принцип конструкции, который можно назвать «скользящим рычагом-клапаном», хотя он мог использоваться и иначе: нажимая на отогнутый верхний конец, можно было частично открывать или закрывать игровое отверстие¹². Однако издаваемый нами механизм намного проще и примитивнее. Не исключено, что тахтисангинский механизм на полтора-два столетия древнее, хотя его примитивность могла объясняться и значительно более низким мастерством изготовителя.

Следует иметь в виду, что на современных деревянных духовых инструментах используются как клапаны, находящиеся в закрытом состоянии постоянно, так и клапаны, находящиеся в открытом состоянии и закрывающиеся при нажатии. Клапаны первого вида «дают альтерированные тона, не входящие в состав основного диатонического звукоряда». Клапаны второго вида, напротив, закрываются при нажатии. Они называются добавочными и дают самые низкие звуки инструмента [Чулаки 1962: 70—71]. Нетрудно видеть, что клапан на авлосе из храма Окса относится к первому типу клапанов.

Возникает вопрос: какой же тип механизма для закрывания игровых отверстий древнее — вращательное кольцо (трубка) или скользящий рычаг¹³? Тахтисангинский образец, возможно, вообще самый древний из скользящих механизмов. Однако не исключена и другая вероятность, а именно что эти два типа механизмов появились одновременно.

Крупный авторитет в области истории музыкальных инструментов, Г. Шварц в своей монографии пишет, что в конце XVII в. свершилось одно из величайших изобретений в истории флейты — изобретение клапана для закрывания игровых отверстий. Он продолжает: «Никто не знает, кто именно изобрел первый клапан для флейты, но он, несомненно, обладал оригинальным и находчивым умом» [Schwartz 1970: 65]. См. также: [Baines 1961: 250].

¹² Как известно, если игровое отверстие закрывается наполовину, то звук будет на полтона ниже ожидаемого, например, ре-бемоль вместо ре [Благодатов 1968: 11; Schwartz 1970: 65]. См. также: [Чулаки 1962: 70].

¹³ На Самосе была найдена флейта, которую датируют VII в. до н. э. На ее поверхности есть следы бронзового покрытия. Высказано мнение, что это остатки вращающегося механизма [Вугпе 2000: 282]. Впрочем, это лишь догадка, не имеющая никаких обоснований.

Однако Г. Шварц был излишне категоричен. Клапан (от нем. *Klarpe*) — это «деталь механизма духовых музыкальных инструментов, служащих для открывания или закрывания отверстия в корпусе и изменения тем самым высоты извлекаемых звуков. Клапан представляет собой металлический рычажок, снабженный с одного конца мягкой подушечкой» [Музыкальная энциклопедия 1974: стлб. 824]. Следовательно, первые виды клапанов на музыкальных инструментах, если учесть находку в храме Окса, появились едва ли не за две тысячи лет до того, как они, разумеется в усовершенствованном виде, были повторно изобретены в Германии в XVII в.

Уникальной и совершенно загадочной остается трубка авлоса № 4260. Трудно представить себе случайное попадание внутренней трубки в наружную. Если же тахтисангинская находка означает попытку регулировать ток воздуха через игровые отверстия путем перемещения внутренней трубки с отверстиями, то это может свидетельствовать о том, что наряду с наружными металлическими трубками-кольцами греки разрабатывали и иные способы изменения воздухотока в авлосах — путем вращения трубок или их продольного перемещения.

Эпиграфические и литературные данные [Blinkenberg 1931: 153] свидетельствуют, что авлосы посвящались храмам, т. е. соответствующим божествам¹⁴. Это подтверждается частыми находками авлосов в греческих святилищах — многочисленные примеры приведены выше. Упомянем лишь, что в местности Браурон [Brauron] (на восточном побережье Аттики) в священном источнике у древнего храма, среди других объектов, датированных концом VI—началом II в. до н. э., были найдены два изготовленных из кости звена ствола авлоса. Предполагают, что они были погребены или спрятаны, когда персы во время греко-персидских войн грабили эту местность [Landels 1963: 46, fig. 2].

Находка большого числа авлосов в храме Окса дает еще один пример помещения этих музыкальных инструментов в хранилища святилища.

Исполнение мелодий на авлосе производилось при различных торжественных церемониях и праздниках, в публичной и семейной жизни. Под мелодии флейты македоняне шли в бой, и те же мелодии исполнялись во время театральных представлений и при похоронах [Reinach 1917: 322—330], всякого рода увеселениях и, как показали раскопки в Коринфе, в городских кабаках [Bronceer 1947: 241, pl. LXI/21; Davidson 1958: 196]. Де-

¹⁴ Так, в святилище Артемиды Орфия в Спарте, как указывалось выше, были посвящены авлосы. На одном была надпись «Орфии», на другой — собственное имя «Акспадатос» [Dawkins 1929: 236, 370, pl. CLXI/2, 4]. Судя по инвентарям V—IV вв. до н. э. греческих храмов, в их сокровищницах хранились футляры, в том числе позолоченные, авлосов. Некоторые были изготовлены из слоновой кости [Vuitron, Oliver 1985: 57; Lewis 1986: 75; Harris 1995: 57, II/68—69; 96/IV, 41]. В инвентаре Гекампеда IV в. до н. э. упоминается *yubxnh Mhdikx* [Harris 1995: 149, V/190] — «персидский футляр для флейты». Изображения футляров флейт есть и в вазописи, см., например, эрмитажный краснофигурный сосуд, расписанный мастером Бригисом около 480 г. до н. э. [Передольская 1967: 71—72, табл. XLIX/4].

Упомянем также, что в Британском музее хранится происходящая из Египта бронзовая флейта с демотической надписью — посвящением божеству [Spore 1966: 35—36].

тей обучали чтению, письму, а также игре на авлосе и кифаре. Авлос, наряду с кифарой, был одним из главных музыкальных инструментов древних греков [Huchzermeyer 1931: 13—22, 56—57, 228]; см. также: [Rietmuller, Zamirer 1989: 226—228].

Обратимся к истории флейты на Переднем Востоке. В Месопотамии, например, эта история начинается за тысячелетия до возникновения греческой цивилизации.

При раскопках в Уре, в гробнице PG-333, была найдена разбитая серебряная трубка длиной 40,8 см, но возможно, что на самом деле это длина двух трубок. На корпусе — игровые отверстия, расположенные через одинаковые интервалы. К. Л. Вулли считал, что это остатки двойной флейты, такой, какая изображалась на памятниках шумерского искусства. Эта флейта относится еще к середине III тыс. до н. э. [Woolley 1934: 258—259, fig. 68; Rommer 1969: 34—37, fig. 9; Rashid 1984: 46, abb. 13—14]. Этой находке посвящены и специальные исследования [Lawergreen 2000: 122—132 (с литературой вопроса)].

Позже, но в архаическое время, изображения флейты появляются на печатях. В шумерском и аккадском языках существовала развитая терминология для обозначения флейты. Известны находки костяных флейт из Тепе Гавра и Нимруда. Среди разных типов флейт были и флейты двойные [Farmer 1957: 241—242].

Еще более популярными эти инструменты были в Ассирийском царстве. Так, во времена Сеннахериба (704—681 до н. э.) в Ниневии, в Северном дворце, на рельефах изображались музыканты с одинарными или двойными флейтами [Rashid 1984: 126, abb. 145].

Следует думать, что и на территории Ирана местные типы флейт существовали уже на заре цивилизации.

Наличие в сохранившихся греческих храмах «персидских футляров для авлоса» (см. выше), по-видимому, свидетельствует, что уже в ахеменидское (или позднеахеменидское) время авлос в какой-то степени был распространен в Иране. Это ускользнуло от внимания Ч. Ло Муцио, который в своей интереснейшей работе о музыкальных инструментах в гандхарском искусстве относит распространение на Востоке греческих авлосов к пост-Александровой эпохе [Lo Muzio 1990: 271]. На самом деле это, вероятно, произошло раньше, хотя в эллинистическую эпоху процесс распространения стал несравненно более интенсивным.

О наличии авлосов в ахеменидском Иране свидетельствует и красочный рассказ Диодора (IX, 35, 3) [Dandamaev 1985: 24]. Хотя он носит легендарный характер, в части флейты он, очевидно, основан на реальности. Это подтверждает упоминавшаяся выше запись в инвентаре Гека-томписа IV в. до н. э. «персидского футляра для флейты» [Harris 1995: 149, V/190]. Как известно, поселения бактрийцев были в Лидии (Малая Азия). Греческий поэт Диогенес, живший во времена Артаксеркса II, в своих стихах воспевал бактрийских и лидийских девушек, которые в посвященных Анахите рощах играли на струнных инструментах, сопровождая это пением и «согласно персидской манере — звучанием флейт» [Wikander 1946: 84; Voise, Grenet 1991: 204, 271]. Для более позднего, селев-

кидского времени известна находка в Масджиди-Сулейман, в храме Геракла, небольшой (высотой 5 см) бронзовой статуэтки персонажа, играющего на двойном авлосе [Ghirshman 1976, I: 87; II, pl. 27/G. M. I. S. 81; C/3—4].

Обильные находки авлосов в храме Окса, а также обнаружение в Ай-Ханум деревянного с цельным корпусом авлоса [Francfort 1984: 32, pl. XX/22] и сделанного из кости или слоновой кости звена составного авлоса (у звена — цилиндрический выступ у одного из торцов [Rougeulle et Samoun 1987: 50, pl. 17/7; XIII/2]¹⁵) и фрагмента авлоса (?) из слоновой кости в эллинистических слоях Термеза [Пидаев 1987: 89, рис. 2] безусловно свидетельствуют о широком распространении авлосов в греческой среде Бактрии и об исполнении здесь греческой музыки¹⁶. Вполне вероятно, что она проникла и в среду эллинизированного бактрийского населения и оказала влияние на развитие местного музыкального искусства¹⁷.

О распространении двойных авлосов и одинарных флейт на эллинистическом Востоке, особенно в парфянское время, свидетельствуют, в частности, терракоты, происходящие (по времени) из Месопотамии [Van Buren 1930: 241—244, fig. 292—294; Legrain 1930: 17—19, pl. XVI/88; Van Ingen 1939: pls. XL/293—295; XLI/296—300; Ziegler 1962: 106—108, abb. 390—392, 395, 398; Curtis 1980: 312, pl. 4; Rashid 1984: 142, abb. 164; S. 144, abb. 169—171; Schmidt-Colinet 1981: 20—22, abb. 85—90; Karvonen-Karnas 1995: 157—158/308—312 (с подробной библиографией)]; изображения на каменных фризах из Хатры [Subhi 1984: fig. 199; Invernizzi 1991: 39—41, pl. 17/1—3], в картушах на гробах [Legrain 1930: 17—18: XIII/73].

Появление флейтистов в короластике Селевкии парфянского времени В. Ван Инген рассматривает как вероятную инновацию и считает, что игра на флейте была популярна в парфянской Месопотамии [Van Ingen 1939: 26]. Об этом свидетельствует также наличие изображений флейт.

¹⁵ Судя по изображению на бронзовой плакетке из Ай Ханум [Rougeulle, Samoun 1987: 53, pl. 17/17, XIII/25], в Греко-Бактрии были распространены, наряду с продольными, и поперечные флейты.

¹⁶ Мы не касаемся вопроса о музыкальных инструментах на нисийских ритонах. О них см.: [Массон, Пугаченкова 1959: 213—214; Вызго 1980: 27—34]. См. также: [Мешкерис 1993; 1997]. Отметим лишь, что на нисийских ритонах имеются пяти-семиствольные «флейты Пана» (иначе — «панфлейты», многоствольные флейты), состоящие из одинаковых по длине трубок, подобранных в один ряд и соединенных между собой в двух местах в форме прямоугольного плота. По заключению специалистов, «трубки закрытых продольных флейт при одинаковой длине имели разную длину внутренних каналов, что давало возможность флейтистам исполнять разнообразную в рядовом отношении музыку, основу которой составляли следующие звукоформы: пяти- или семиступенный диатонический звукоряд; расширенный звукоряд, включающий в себя основной и обертоновый звукоряды; альтерированный звукоряд, представляющий собой вариант любого основного пяти- или семиступенного звукоряда; звукоряд, фиксирующий конкретную мелодию» [Платонов 1999: 152].

¹⁷ Нет никаких сомнений, что такое искусство существовало. Более того, известны находки флейты в составе инвентаря Муминабадского андроновского могильника XII—X вв. до н. э. [Аскарлов 1969: 62]. Много позже, во время похода Александра Македонского, на пиру у Оксиарта, где Александр встретился с Роксаной, очевидно, бактрийские девушки танцевали [Curt. VIII, 4: 22—30; Plut. Alex.: X, XLVII] под музыку.

Флейты были одинарные и двойные, детали конструкции неясны. Исполнителями являлись мужчины, женщины, дети. Позы музыкантов различные. В одном случае мальчик-флейтист, закинув голову назад, держит инструмент вертикально, вдывая воздух снизу вверх [Van Ingen 1939: p. 176, pl. XL/295]. Кроме того, есть терракоты, где соединены две фигурки музыкантов, играющих дуэтом: одна женщина на двойном авлосе, другая на барабане [Van Ingen 1939: 176—178, pl. LI/296—300]. Есть и другие статуэтки, изображающие музыкальный дуэт, в составе которого присутствует флейтист (флейтистка).

Бронзовая статуэтка музыканта, играющего на авлосе, найдена в комплексе II в. н. э., в Дура-Европос [Brown 1944: 160—167, pl. XVI; Matheson 1992: 127, fig. 6]. Среди находок во дворце Дура-Европос, датируемых III в. н. э., есть фрагмент — обломок звена костяного авлоса подпрямоугольной в сечении формы с двумя игровыми отверстиями [Perkins 1952: 63—64, pl. XIII/3].

В набатейской короoplastике римско-императорского времени есть изображения музыкантши, играющей на двойном авлосе [Parlasca 1993: 69—70, abb. 18 (со ссылками на другие публикации)].

Авлосы пережили падение греко-бактрийского царства и продолжали существовать и применяться в Бактрии и в кушанское время. Об этом свидетельствуют статуэтка с авлосом из Термеза [Вызго, Мешкерис 1983; Karomatov et al. 1987: 70, abb. 66], статуэтка с флейтой Пана, продольные и поперечные флейты из Зар-тепе и Кампыр-тепе [Karomatov et al. 1987, abb. 75; Завьялов, Мешкерис 1983; Малькеева 1990: 156—157; Абдуллаев 1990: 220—221; КИДУ, I: 118, № 132; Мешкерис 1999: 149], айртамский фриз [Тревер 1940: 151—152, табл. 45; Invernizzi 1991: 39 et seq.; Lo Muzio 1995: 247—248, pl. 2]; терракотовая фигурка женщины, играющей на авлосе, в Шахри-Бану (Афганистан) [Carl 1959: fig. 218]¹⁸. Известны находки статуэток-музыкантов также в Согде [Мешкерис 1954: 92, рис. 1; 1977: 30, табл. V/5] и в Хорезме [Воробьева 1967: 189, табл. XXX/55; Садоков 1970: 87—89].

В Индии этот инструмент запечатлен на рельефах ступы № 1 в Санчи. музыкант играет на вертикальной одиночной флейте. Это типичный греческий авлос, состоящий из двух расширяющихся к основанию трубок. Музыкант одет в неиндийскую одежду и остроконечный головной убор. Эти и другие детали заставляют предположить, что это иноземец, возможно грек [Marshall, Foucher, II: pl. XXXVI/C-1; Murthy 1983: 125]. Позже флейты были широко представлены в гандхарском искусстве [Lo Muzio 1990: 271, 273; 1995: 248 (с литературой вопроса)]; сейчас можно добавить, в частности: [Zwalf 1996, I: 248; II, fig. 331]. Ло Муцио использовал этот рельеф по более ранним публикациям.

Таким образом, коллекция авлосов из храма Окса не только высветила ранее неизвестный пласт культуры восточного эллинизма, а именно ее

¹⁸ Флейты в кушанскую эпоху распространены и в более северных частях Средней Азии (см. терракотовую фигурку согдийского музыканта, играющего на крупной вертикальной флейте [Belenizki 1980: fig. 8]).

музыкальную составляющую, но и внесла новые данные в изучение эллинистического музыкального инструментария и музыкальной культуры. Вместе с тем эта находка открывает новые горизонты в понимании эллинистического субстрата культуры Центральной Азии.

История флейты в Центральной Азии в послекушанское время и в Средневековье практически не изучена¹⁹. Отметим лишь, что различные типы и варианты флейтовых духовых инструментов сохранились у таджиков, узбеков и других народов Центральной Азии вплоть до современности [Беляев 1933: 22—34; Вертков и др. 1975: 152, 157, 167].

Более того, можно полагать, что эллинистические авлосы оказали влияние и на китайский музыкальный инструментарий, ибо в китайских источниках сохранились сведения о том, что Чжан Цянь, побывавший в Западном крае в последней трети II в. до н. э., познакомил китайцев с одним видом флейты жителей этого региона и с искусством игры на ней [Рифтин 1960: 120]²⁰.

Такой длинный путь на восток, от Средиземноморья до побережья Тихого океана, проделал греческий авлос, покорив больше стран и народов, чем это сделал сам Александр Македонский.

Литература

Абдуллаев 1990: *Абдуллаев К.* Музыкальная культура Бактрии—Тохаристана в памятниках искусства (античность и раннее Средневековье) // Барбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность: Тезисы. Душанбе.

Аскарлов 1969: *Аскарлов А.* Раскопки могильника эпохи бронзы в Мулинабаде // История материальной культуры в Узбекистане. Ташкент.

Беляев 1933: *Беляев В.* Музыкальные инструменты Узбекистана. М.

Бибиков 1981: *Бибиков С. Н.* Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Киев.

Благодатов 1968: *Благодатов Г.* Кларнет. М.

Вертков и др. 1975: *Вертков К., Благодатов К., Язвицкая Э.* Атлас музыкальных инструментов народов СССР. 2-е изд. М.

Воробьева 1967: *Воробьева М. Г.* Памятники искусства // Кой-Крылган-кала — памятник культуры Древнего Хорезма IV в. до н. э.—IV в. н. э. М.

¹⁹ Впрочем, для раннего Средневековья Средней Азии находки частей составных флейт уже известны в Фергане [Anarbaev, Matbabaev 1993/94: 230, fig. 23] и в Уструшане [Пулатов 1975: 106, рис. 53/2 (фрагменты камышовой флейты)]. Была распространена флейта и в сасанидском Иране [Duchesne-Guillemin 1993: 12—13]. О среднеперсидских терминах для обозначения музыкальных инструментов см.: [Vassilieva 2000: 83—86]. Представление о флейтах Средней Азии X—XI вв. дает находка костяной флейты на Алтын-тепе (Кашкадарьинская долина, Узбекистан) [Вызго, Лунина 1978: 51—52, рис. 1].

²⁰ Дальнейшая история флейты в Китае и в Восточном Туркестане освещена в письменных источниках и иконографических материалах [Illustrated catalogues 1971: 140/13; Hallade 1982: 95; Литвинский 1984: 21—22 (с детальной библиографией); Кибирова 2000]. Прекрасный образец китайской поперечной флейты VIII в., изготовленной из серпентина, хранится в Шасоине [Ryoichi Hayasi 1996: 100, fig. 53/ right].

- Вызго 1980: *Вызго Т. С.* Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М.
- Вызго, Лунина 1978: *Вызго Т. С., Лунина С. Б.* Музыкальный инструмент из Алтын-тепе // ОНУ. № 5.
- Вызго, Мешкерис 1983: *Вызго Т. С., Мешкерис В. А.* Терракотовые фигурки музыкантов из Термеза // ОНУ. № 2.
- Герцман 1995: *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб.
- Завьялов, Мешкерис 1985: *Завьялов В. А., Мешкерис В. А.* Бактрийские музыканты с флейтой Пана // ОНУ. № 1.
- Кибирова 2000: *Кибирова С.* Музыкальная культура // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм / Под ред. Б. А. Литвинского. М.
- Литвинский 1984: *Литвинский Б. А.* Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии (проблемы этнокультурной общности) // Восточный Туркестан и Средняя Азия / Под ред. Б. А. Литвинского. М.
- Литвинский и др. 1985: *Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. № 4.
- Литвинский 1996: *Литвинский Б. А.* К генезису архитектурных схем восточноиранского эллинизма // ВДИ. № 4.
- Литвинский 1999а: *Литвинский Б. А.* Эллинические мелодии на берегах Окса // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения: Тезисы докладов. М.
- Литвинский 1999б: *Литвинский Б. А.* Греческие флейты (авлосы) в Глубинной Азии // Acta Iranica. Vol. 34. Textes et memoires. Vol. XIX: In Aedibus Peeters. Lovanii.
- Литвинский 2001: *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.
- Литвинский, Пичикян 2000: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.
- Малькеева 1990: *Малькеева А. А.* Новые находки терракотовых статуэток музыкантов (Бактрия) // Барбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность: Тезисы. Душанбе.
- Массон, Пугаченкова 1959: *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад 1959 (Труды ЮТАКЭ. Т. IV).
- Мацневский 1987: *Мацневский И. В., Хорнбостель Э. М., фон, Закс К.* Систематика народных инструментов. Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Ч. I / Под общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М.
- Мешкерис 1954: *Мешкерис В. А.* Терракотовые статуэтки музыкантов из собрания Музея истории // Труды Музея истории УзбССР. Вып. II. Ташкент.
- Мешкерис 1977: *Мешкерис В. А.* Коропластика Согда. Душанбе.
- Мешкерис 1993: *Мешкерис В. А.* Античные параллели в музыкальной культуре Средней Азии // КСИА. 209. М.
- Мешкерис 1997: *Мешкерис В. А.* К изучению музыкальной культуры Восточной Парфии (По археологическим данным) // ВДИ. № 4.
- Мешкерис 1999: *Мешкерис В. А.* Музыкальная культура древней Средней Азии и ее наследие (бактрийско-тохаристанский вариант в свете археологических данных) // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб.
- Музыкальная энциклопедия 1974: Музыкальная энциклопедия / Гл. ред. Ю. В. Келдыш. Т. 2. М.
- Передольская 1967: *Передольская А. А.* Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже: Каталог. Л.

- Петерс 1986: *Peters B. G.* Костерезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
- Пидаев 1987: *Пидаев Ш. Р.* Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент.
- Платонов 1999: *Платонов В. Ф.* Парфянские моногоствольные флейты на ритонах из Старой Нисы // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. СПб.
- Пулатов 1975: *Пулатов У. П.* Чильхуджра. Душанбе (Материальная культура Уструшаны. Вып. 3).
- Рифтин 1960: *Рифтин В. Л.* Из истории культурных связей Средней Азии и Китая (II в. до н. э.— II в. н. э.) // ПВ. № 5.
- Розенберг, Ройзман 1981: *Розенберг А. А., Ройзман А. И.* Флейта // Музыкальная энциклопедия. Т. 5. М.
- Садоков 1970: *Садоков Р. А.* Музыкальная культура Древнего Хорезма. М.
- Скржинская 1997: *Скржинская М. В.* Отражение музыкальной жизни греков на рисунках ваз VI—V вв. до н. э. из Северного Причерноморья // РА. 3. С. 46—59.
- Филострат 1985: *Филострат Флавий.* Жизнь Аполлона Тианского / Изд. подгот. Е. Г. Рабинович. М.
- Черныш 1955: *Черныш А. П.* Флейта палеолитического времени // КСИИМК. Вып. 59. М.
- Чулаки 1962: *Чулаки М. И.* Инструменты симфонического оркестра. Изд. 2. М.
- Anarbaev, Matbabaev 1993/94: *Anarbaev F., Matbabaev B.* An Early Medieval Urban Necropolis in Ferghana // Silk Road Art and Archeology. 3. Kamakura.
- Anoyanakis 1979: *Anoyanakis F.* Greek Popular Musical Instruments. Athens.
- Baines 1961: *Baines A.* Musical Instruments through the Ages-Harmondsworth.
- Barker 1984: *Barker A.* Greek Musical Writings. Vol. I. The Musician and his Art. Cambridge.
- Bartoccini 1962: *Bartoccini R.* Die etruskischen Malereien von Tarquinia. Milano.
- Belenizki 1980: *Belenizki A. M.* Mittelasiien. Kunst der Sogden. Leipzig.
- Belis 1984a: *Belis A.* Auloi grecs dy Louvre // BCH. CVIII. Paris.
- Belis 1984b: *Belis A.* Fragments d'auloi // BCH. Supplement IX (L'antre corycien, II). Paris.
- Belis 1986a: *Belis A.* L'ailos phrigien // RA. N 1.
- Belis 1986b: *Belis A.* La photbeia // BCH. CX. Paris.
- Belis 1989: *Belis A.* L'organologie des instruments de musique de l'antiquite: chronique bibliographique // RA. N 1.
- Bizard 1907: *Bizard L.* Fouilles de Délos // BCH. T. XXXI. Paris.
- Blinkenberg 1931: *Blinkenberg Ch.* Petits objets. Berlin 1931 (Lindos. Fouilles de l'Acropole 1902—1914. T. I).
- Boardman 1970: *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. Oxford.
- Bodley 1946: *Bodley N. B.* The Auloi of Meroe. A Study of the Greek-Egyptian Auloi Found at Meroe, Egypt // AJA. Vol. L.
- Bone Flutes 1999: Bone flutes played at the dawn of time // The Daily Telegraph. 23. IX.
- Boulter 1953: *Boulter C.* Pottery of the Mid-Fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. XXII. Baltimore. Maryland.
- Boyce, Grenet 1991: *Boyce M., Grenet F.* A History of Zoroastrianism. Vol. III. Leiden; New York; Kobenhavn; Köln (Handbuch der Orientalistik. Abteilung 1. Bd. VIII/1/2/2).
- Breccia 1912: *Breccia E.* Le monopoli di Sciatbi. Vol. I—II. Le Cairo 1912 (Catalogue general des antiquites egyptiennes (Musée d'Alexandrie). N 1—624).
- Broneer 1935: *Broneer O.* Excavations in Corinth 1934 // AJA. Vol. XXXIX.

- Broneer 1947: *Broneer O.* Investigations at Corinth 1946—1947 // *Hesperia*. Vol. XVI. Baltimore.
- Brown 1944: *Brown F. E.* Sculpture and Painting // The Excavations at Dura-Europos. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936. T. I: The Agora and Bazaar. New Haven.
- Buitron and Oliver 1985: *Buitron D. and Oliver A.* Greek, Etruscan, and Roman Ivories // Randall R. H. Masterpieces of Ivory from the Walters Art Gallery. N. Y.
- Byrne 2000: *Byrne M.* Understanding the Aulos // *Studien zur Musikarchäologie II*. Rahden/Westf (Deutsches Archäologisches Institut. Orient-Archäologie, Bd. 7).
- Carapanos 1878: *Carapanos C.* Dodone et ses ruines. Texte. Paris. Planches. Paris.
- Carl 1959: *Carl J.* Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-tepe // *MDAFA*. T. VIII. Paris.
- Comotti 1979: *Comotti G.* La musica nella cultura greca e romana. Torino. (Biblioteca di cultura musicale I/1).
- Collection 1903: Collection d'antiquités grecques et romaines. Paris.
- Conze 1902: *Conze A.* Die Kleinfunde aus Pergamon // *Abhandlungen der K. Preussische Akademie der Wissenschaften*. N 1.
- Conze 1903: *Conze A.* Die Kleinfunde aus Pergamon. Berlin (Altertümer von Pergamon, Bd. I/2).
- Curtis 1914: *Curtis D.* The Double Flutes // *JHS*. Vol. XXXIV. London.
- Curtis 1979: *Curtis J.* Loftus' Parthian Cemetery at Warka // *Anmer des VII. Internationalen Kongresses für Iranische Kunst und Archäologie*. Berlin 1979 (AMI. Ergänzungsband VI).
- Dandamaev 1989: *Dandamaev M. A.* A Political History of the Achaemenid Empire. Leiden // New York; Kopenhagen; Köln.
- Davidson 1952: *Davidson G. R.* The Minor Objects. Princeton. New Jersey (Corinth. Vol. XII).
- Dawkins 1929: *Dawkins R. M.* The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. London. (The Society for the Promotion of Hellenic Studies. Supplementary Paper N 5).
- Deonna 1938: *Deonna W.* La mobilien Delien. Paris (Exploration archéologique de Délos. Vol. XVIII. Text. Vol. XVIII. Planches).
- Duchesne-Guillemin 1993: *Duchesne-Guillemin M.* Les instruments de musique dans l'art Sassanide. Gent 1993 (*Iranica Antiqua*, Supplement 6).
- Dunbabin 1962: *Dunbabin T. J.* (ed.). Perachora. The Sanctuaries of Hera Akraia and Limenia. Excavations of the British School of Archaeology of Athens 1930—1933. Vol. II. Oxford.
- Farmer 1957: *Farmer H. G.* The Music of Ancient Mesopotamia // *Ancient and Oriental Musik* / Ed. by E. Wellesz. London.
- Francfort 1984: *Francfort H.-P.* Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles (Fouilles d'Aï Khanoum. III). Paris 1984 (*MDAFA*. T. XXVII).
- Furtwangler 1906: *Furtwangler A.* Aegina. Das Heiligtum der Aphaia. Text. München.
- Gewart 1881: *Gewart F. A.* Histoire de la musique de antiquité, II. Gand.
- Ghirshman 1976: *Ghirshman R.* Terrasses sacrées Bard-è Nechandeh et Masjid-i Sulaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. de n. ère. Vol. I—II. Planches. Paris 1976 (*MDAI*. T. XVI).
- Gjerstad et al. 1948: *Gjerstad et al.* The Cypro-Geometric, Cypro-Achaic and Cypro-Classical Periods. Stockholm (The Swedish-Cyprus Expedition, IV/2).
- Goldman 1950: *Goldman H.* (ed.). Excavations at Gözli Kule, Tarsus. The Hellenistic and Roman Periods. Vol. I (Text). Vol. I (Plates). Princeton.
- Gusman 1899: *Gusman P.* Pompei. Le ville — les monuments — les arts. Paris.

- Hallade 1982: *Hallade M.* Sculpture et bois d'architecture // Douldour — Âqour et Soubachi. Paris 1982 (Mission Paul Pelliot. IV).
- Harris 1995: *Harris D.* The Treasures of the Parthenon and Erechtheion. Oxford.
- Hickmann 1949: *Hickmann E.* Instruments de musique. Le Caire 1949 (Catalogue general des antiquites egyptiennes du Muée du Caire. N 62901—69852).
- Hickmann 1955: *Hickmann H.* Floteninstrumente // Die Musik in Geschichte und Gegenwart. Allgemeine Enzyklopadie der Musik. Bd. IV. Barenreiter.
- Hickmann] 1982: *Hickmann] E.* Musikinstrumente. Musikleben-Lexicon für Agyp-tologie. Bd. IV. Wiesbaden.
- Higgins 1954: *Higgins R. A.* Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities. British Museum. Vol. I. Greek: 730—330 B. C. London.
- Higgins 1961: *Higgins R. A.* Greek and Roman Jewellery. London 1961 (II ed. — 1980).
- Howard 1893: *Howard A. A.* The αὐλός or tibia // Harvard Studies in Clasical Phi-logy, IV.
- Huchzermeyer 1931: *Huchzermeyer H.* Aulos und Kithara in der griechischen Musik bis zum Ausgang der klassischen Zeit (nach den literarischen Quellen). Emsdet-ten (Westf.).
- Illistrated catalogues 1971: *Illustrated Catalogues* of Tokyo National Museum. Central Asian Objects Brought back by the Otani Mission. Tokyo.
- Invernizzi 1991: *Invernizzi A.* De Hatra à Airtam: frises aux musiciens // Histoire et cultes de l'Asie Centrale preislamique. Sources écrites et documents archeologiques. Sous la direction de P. Bernard et F. Grenet. Paris.
- Jan 1896: *Jan, von.* Aulos — tibia. RE. IV Hlbd. Stuttgart.
- Jannot 1974: *Jannot J. R.* L'aulos étrusque // L'antiquite classique. XLIII.
- Karo 1948: *Karo G.* Personality in Archaic Sculpture. Westport, Connecticut 1948 (The Martin Classical Lectures. Vol. XI).
- Karomatov et al. 1987: *Karomatov F. M. Meškeris V. A., Vyzgo T. S.* Mittelasien 1987 (Musikgeschichte in Bildern. Hrsgb, von B. Bachmann. Bd. II/9).
- Karvonen-Kannas 1995: *Karvonen-Kannas K.* The Selencid and Parthian Terracotta Figurines from Babylon in the Iraq Museum, the British Museum and Lonore. Firenze.
- La musica 1988: *La musica* in Grecia. A cura di B. Gentili e R. Pretogostini. Roma; Bazi.
- Lamb 1929: *Lamb W.* Greek and Roman Bronzes. London.
- Landels 1963a: *Landels J. G.* The Brauron Aulos // AJA. N 58.
- Landels 1963b: *Landels J. G.* The Brauron Aulos // The Annual of the British School at Athens. N 58. London.
- Landels 1964: *Landels J. G.* Fragments of Auloi Found in the Athenian Agora // Hespera. Vol. XXXIII. Baltimore; Maryland.
- Landels 1981: *Landels J. G.* The Reconstruction of Ancient Greek Auloi // World Archaeology. Vol. 12. N 3.
- Lawergren 2000: *Lawergren B.* Extant Silver Pypes from Ur, 2450 BC // Studien zur Musikarchaology. Rahden/Westf. 2000 (Deutsches Archaologisches Institut. Ori-ent-Archaology. Bd. 9).
- Legrain 1930: *Legrain L.* Terra-cottas from Nippur. Philadelphia 1930 (University of Pennsylvania. The University Museum. Publications on the Babylonian section. Vol. XVI).
- Lemerle 1935: *Lemerle P.* Chronique des fouilles et decouvertes archeologiques dans l'Orient hellenique eu 1934 // BCH. Vol. LIX. Paris.
- Lewis 1986: *Lewis D. M.* Temple Inventories in Ancient Greece // Pots and Pans. A Colloquium on Precions Metals and Ceramics in the Muslim, Chinese and Graeco-Roman Worlds. Oxford / Ed. by M. Vickers. Oxf.

- Lippman 1964: *Lippman E. A.* Musical Thought in Ancient Greece. New York and London.
- Litvinskii, Pichikian 1996: *Litvinskii B. A., Pichilian I. B.* The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus // Bulletin of the Asia Institute. N. S. Vol. 8 (1994). Michigan.
- Lo Muzio 1990: *Lo Muzio C.* Classificazione degli strumenti musicali raffigurati nell'arti gandharica // Rivista degli studi orientali, LXIII/4. Roma.
- Lo Muzio 1995: *Lo Muzio C.* On the Musicians on the Airtam Capitals // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. by A. Invernizzi, Firenze.
- Loret 1889: *Loret V.* Les flutes égyptiennes antiques // SA. VIII sèr. T. XIV. Paris.
- Manniche 1975: *Manniche L.* Ancient Egyptian Musical Instruments. Berlin (Munchener Agyptologische Studien, 34).
- Marshall, Foucher, n. d.: *Marshall J., Foucher A.* The Monuments of Sanchi. Vol. I: Text; Vol. II: Plates I—LXX. [Calcutta], n. d.
- Mathiessen 1992: *Mathiessen H. E.* Sculpture in the Parthian Empire. A Study in Chronology. I. Text; II. Catalogue. Aarhus; Denmark.
- Meylan 1974: *Meylan R.* Die Flöte. Grundzuge ihrer Ebtwicklung von der Urgeschichte bis zur Gegenwart. Bern und Stuttgart.
- Michaelidis 1978: *Michaelides S.* The Music of Ancient Greece. An encyclopaedia. London.
- Mollard-Besques 1963: *Mollard-Besques S.* Catalogue raisonne des figurines grecs et remains. II. Myrina. Paris 1963. Illustrations. Paris.
- Mouro 1894: *Mouro D. B.* The Modes of Ancient Greek Musik. Oxford.
- Murthy 1983: *Murthy K. K.* Material Culture of Sanchi. Delhi.
- Musica 1995: *Musica* e mito nella Grecia antica. A cura di D. Restani. Bolegna.
- Niccolini Fausto 1854—1896: *Niccolini Fausto.* Le case ed i monumenti di Pompei. Vol. II/3. Napoli.
- Paquette 1984: *Paquette D.* L'instrument de musique dans la Grèce antique études d'organologie. Paris 1984 (Universite de Lyon II. Publications de la Bibliotheque Salomon Reinach, IV).
- Perkins 1973: *Perkins, Ann.* The Art of Dura-Europos. Oxford.
- Pausanias 1979: Pausanias Description of Greece with an English Translation by W. H. S. Jones. Vol. IV. Cambridge. Mass. London.
- Parlasca 1993: *Parlasca I.* Probleme nalataischer Koroplastik: Aspekte der auswärtigen Kulturbeziehungen Petrus // Arabia Antiquae. Hellenistic Centres around Arabia / Ed. by A. Invernizzi and J.-F. Salles. Roma (Serie Orientale Roma. LXX/2).
- Pöhlmann 1960: *Pöhlmann E.* Griechische Musikfragmente. Ein Weg zur altgriechischen Musik. Nurnberg 1960 (Erlangen Beitrage zur Sprach- und Kunstwissenschaft, VIII).
- Philostratus 1955: *Philostratus.* The Life of Apollonius of Tyana // With an English Translation by P. C. Conybeare. Vol. I—II. London; Cambridge. Mass. 1960 (Loeb Classical Library).
- Pöhlmann 1970: *Pöhlmann E.* Denkmaler altgriechischer Musik. Nurnberg (Erlangen Beitrage zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Bd. 31).
- Rashid 1984: *Rashid S. A.* Mesopotamien. Leipzig (Musikgeschichte in Bildern. Hrsgb. von W. Bachmann. Bd. II/20).
- Reinach 1917: *Reinach Th.* Tibia (αὐλός) // Daremberg C. et Saglio E. Dictionnaire des antiquites grecques et romaines. T. V. 2-e éd. Paris.
- Rietmuller, Zaminer 1989: *Rietmuller A., Zaminer F.* [Hrsgb.] Die Musik des Altertums. Laaber (Neues Handbuch der Musikwissenschaft. Bd. 1).

- Rimmer 1969: *Rimmer J.* Ancient Musiacal Instruments of Western Asia in the Department of Western Asiatic Antiquities, the British Museum. London.
- Roesch 1989: *Roesch P.* L'aulos et les auletes en Beotie // *Boiotika / Vortrage vom 5. Internationalen Böiotien // Kolloquium zu Ehren von S. Lauffer.* Hrsgb. zum H. Beister, J. Buckler. München 1989 (Münchener Arbeiten zur Alten zur Alten Geschichte. Bd. 2).
- Rougeulle, Samoun 1987: *Rougeulle A., Samoun G.* Fouilles d'Aï Khanoum. VII. Les petit objets. Paris (MDAFA. T. XXXI).
- Ryoichi Hayasi 1986: *Ryoichi Hayasi.* The Silk Road and the Shoso-in. Tokyo.
- Sachs 1921: *Sachs C.* Die Musikinstrumente des Alten Agypten. Berlin (Mitteilungen aus der Agyptischen Sammlung. Bd. III).
- Schlesinger 1970: *Schlesinger K.* The Greek Aulos. A Study of its Mechanism and of the Relation to the Modal System of Ancient Greek Musik. Groningen 1970 (reprint).
- Schmidt-Colinet 1981: *Schmidt-Colinet C.* Die Musikinstrumente in der Kunst des Alten Orients. Bonn 1981 (Abhandlungen zur Kunst-, Musik- und Literaturwissenschaft. Bd. 312).
- Schwartz 1970: *Schwartz H. W.* The Story of Musical Instruments from Shepherd's Pine to Symphony. N. Y. (reprint).
- Snore 1966: *Snore A. F.* The Bronze Flute with Demotic Inscription // *The British Museum Quarterly.* Vol. XXX. London.
- Southgate 1915: *Southgate T. L.* Ancient Flutes from Egypt // *YH. S.* Vol. XXXV. London.
- Subhi 1984: *Subhi A. R.* Mesopotamien. Musikgeschichte in Bildern. II/2. Leipzig.
- Tadmor 1974: *Tadmor M.* Fragments of an Achaemenid Throne from Samaria // *Israel Exploration Journal.* Vol. 24. Jerusalem.
- Turk (ed.) 1997: *Turk I.* (ed.). Mousterian «bone flute» and other finds from Divje Bale I cave site in Slovenia. Ljubljana.
- Van Buren 1930: *Van Buren E. D.* Clay Figurines of Balylonia and Assyria. Oxford; London.
- Van Ingen 1939: *Van Ingen W.* Figurines from Selencia on the Tigris. Ann Arbor. (University of Michigan Studies. Humanistic Series. Vol. XLV).
- Vattimo 1990: *Vattimo E. T.* Letti // *Il bronzo dei romani. Arredo e suppellettile.* A cura de L. P. B. Stefanelli. Roma.
- Vassilieva 2000: *Vassilieva N.* Musical Terminology in Pahlavi Writings in Comparison to Music-Finds from Ancient and Early Medieval Central Asia // *Studies zur Musik-Archaologie II. Rahden/Westf (Deutsches Ainstitut. Orient-Archaologie. Bd. 9).*
- Wegner 1963: *Wegner M.* Griechenland. Leipzig (Musikgeschichte in Bildern. II/4).
- West 1992: *West M. L.* Ancient Greek Musik. Oxf.
- Wikander 1946: *Wikander S.* Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund (Acta Reg. Societis Humaniorum Litterarum Lundensis. XL).
- Woolley 1934: *Woolley C. L.* The Royal Cemetery. London (Ur Excavations. Vol. II).
- Ziegler 1962: *Ziegler Ch.* Die Terrakotten von Warka. Berlin (Ausgrabungen der Deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka. Bd. 6).
- Ziegler 1979: *Ziegler Ch.* Les instruments de musique egiptiens au musée du Louvre. Paris.

БАДАХШАН XIII—XIV вв. ПОД ВЛАСТЬЮ МОНГОЛЬСКИХ ХАНОВ

П. Н. Петров (Нижний Новгород)

Скупое освещение письменными источниками событий, разворачивавшихся в Бадахшане с появлением на политической арене XIII в. монголов, а также их активной военной экспансии и дальнейшего формирования государственных образований, вплоть до распада последних во второй половине XIV в., привело к тому, что разные историки по-разному оценивают участие бадахшанской области в этих процессах. М. Е. Массон впервые обратил внимание на еще один крайне важный и объективный источник информации — нумизматические памятники того времени¹. Уже эта его публикация, обобщающая известные автору экземпляры монет, фактически показала бесспорную власть монголов над Бадахшаном в XIII—XIV вв. Не всегда точные определения и чтения монетных легенд, а также слабо обоснованные (иногда и вовсе не обоснованные) комментарии М. Е. Массона к изучаемому материалу существенно повлияли на целый ряд сделанных им выводов. За прошедшие годы в научный оборот введен новый нумизматический материал, и хотя его явно недостаточно, чтобы дать полное представление о ходе исторических событий в этом регионе в рассматриваемый период, он все же позволяет уловить наиболее характерные особенности монгольского владычества в Бадахшане.

Поскольку за прошедшее время не стали известны новые письменные источники, проливающие свет на эту проблему, то и начать необходимо с описания монет бадахшанской чеканки, известных мне на настоящий момент.

Каталог монет бадахшанской чеканки

Приводимый каталог монет Бадахшана (с 618/1221 по 771/1370 г. х.) не может претендовать на исчерпывающую полноту и является лишь очередной ступенькой в изучении нумизматики данного региона, поэтому описываемые здесь монеты не классифицируются по типам, вариантам и т. п.

¹ Массон М. Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов // ТСГУ. Вып. СХІ: Археология Средней Азии. Т. IV. Ташкент, 1957. С. 85—95.

К сожалению, автор этих строк не видел некоторых монет, упоминаемых в предлагаемом каталоге, поэтому не остается ничего другого, как ссылаться на источники информации. Эта информация часто бывает неполной, иногда искаженной, иногда логически додуманной первыми публикаторами и т. д., от чего страдает ее объективность и надежность. Это замечание относится и к определениям монет, приводимым без подтверждения фотоизображением в коммерческой нумизматической литературе (аукционниках, прайс-листах, коммерческих каталогах). Особенность таких источников информации заключается в том, что в них монете дается «максимально полное и точное» определение даже тогда, когда уверенности в его точности нет. В нумизматическом бизнесе это диктуется условием задачи: продать экземпляр и как можно дороже, а для этого он должен иметь полную атрибуцию. Когда нумизматическая тема разработана слабо, как, например, чагатайская, когда отсутствуют научные каталоги и монографические исследования монетной и денежной систем рассматриваемого государства, тогда резко возрастает возможность ошибки при атрибуции монет, особенно анонимных, анэпиграфных и не сохранивших даты и места выпуска. Информация коммерческих источников, безусловно, важна и полезна, но требует проверки, которую, однако, далеко не всегда можно осуществить. В настоящем каталоге в некоторых случаях я вынужден использовать данные таких публикаций.

Для составления каталога использовались материалы Государственного Эрмитажа, Тюбингенского университета (Германия), музея Ашмолиен (Оксфорд), частные коллекции российских нумизматов, дирхемы осмотренного мной Ташкентского клада (2500 экземпляров) со временем сокрытия не ранее 768 г. х., информация Стефана Албума (США). Ташкентский клад в настоящее время изучается и в дальнейшем будет опубликован в полном составе.

Все упомянутые и описанные монеты серебряные, за исключением экземпляров группы «D». Фотографии монет, учтенных под номерами с буквенным индексом (1a и т. д.), не приведены. В каталоге нумизматический материал сгруппирован по именам, указанным на монетах, и размещен в хронологической последовательности. Сокращения: в — вес, г; д — диаметр, мм; МД — монетный двор; Л. с. — лицевая сторона; О. с. — оборотная сторона. Условные обозначения, используемые при описании легенд на монетах: 1. [بد]خشان — буквы, взятые в квадратные скобки, на монете не видны (стерты или обрезаны); 2. [(?) في] — слово, помещенное в квадратные скобки со знаком вопроса, на монете изображено нечетко; 3. [في (?)] — слово, после которого помещен знак вопроса в круглых скобках, написано на монете четко, но его чтение вызывает сомнение; 4. [بهر (?)] — буквы (слово), заключенные в квадратные скобки, на монете не видны, но есть основание предполагать, что на этом месте должны стоять именно они; 5. (!) или sic! — знак, обозначающий, что слово, стоящее перед ним, написано необычно или с ошибкой.

0 С именем халифа ан-Насир ли-д-Дина (618—660-е гг. х.)

№ 1а, 1в. Бадахшан (до 618—620-е гг. х.) Фельс (медь).

Приведены описание и фотография в работе Ст. Албума (в = 4,17; 21—21,5)², а также Флориана Шварца (в = 3,15; д = 21—22)³. Ст. Албум датирует эту монету периодом 617—620-е гг. х., а Ф. Шварц — около 620 г. х. (?).

№ 2а. Бадахшан. Динар (золото).

Фотографию и изображение монеты из коллекции Тюбингенского университета привел Ф. Шварц (в = 6,07; д = 25—26)⁴. Автор отнес чеканку этой монеты к периоду около 620 г. х., однако золотые динары наиболее активно чеканились в 640—660-х гг. х., и в настоящее время я не вижу оснований относить рассматриваемый экземпляр с несохранившейся датой к столь раннему времени, как это сделано Ф. Шварцем. Поэтому хронологические рамки этой группы монет мной раздвинуты до 660-х гг. х.

I `Али-Шах I, до 690/1291 г. Дирхем

№ 1а. Известен Ст. Албуму⁵ в одном экземпляре из частной коллекции в Клэптоне (упомянут без описания).

II Давлат-Шах б. `Али-Шах, 690—691/1291—1292 гг. Дирхем, фракция 1/2

№ Ха. Бадахшан. Год неясен. Дирхем. Тамга.

Ст. Албум⁶ (в = 2,37).

Л. с. В поле, обрамленном двумя линейными ободками, разделенными между собой круговой легендой:

سكه / بدخشان

Кругом видно лишь:

...ين ...

О. с. В картуше (квадрат, вписанный в круг) в три строки:

السلطان/لاعظم دول (!) شاه بن على شاه

В сегментах — стерто.

Дирхем необычен прежде всего отсутствием тамги в поле Л. с. Возможно, тамга присутствует на этой монете в сегменте О. с. или в круговой легенде Л. с., а возможно, она не была проставлена вовсе.

² *Album S.* Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean. Iran after the Mongol Invasion. Vol. 9. Oxford, 2001. London. Pl. 17. N 318.

³ *Schwarz F.* Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen. Balh und die Landschaften am Oberen Oxus. XIV с Hurasan III. Berlin, 2002. S. 59 und Taf. 24. N 395.

⁴ *Schwarz F.* Sylloge Numorum <...>. S. 59 und Taf. 24. N 396.

⁵ *Album S.* A Checklist of Islamic Coins. (Second Edition). Santa Rosa. 1998. P. 100. N 2013.

⁶ *Album S.* Price List N 197. May 2004. N 217.

№ 1, 1а. Бадахшан. 690 г. х. Дирхем. Тамга.

Экз. из частной коллекции. Фотография II/1 (в = 2,47; д = 23).

Л. с. В поле, обрамленном двумя линейными ободками, разделенными между собой круговой легендой, — тамга , вокруг которой (начало — слева от тамги):

سکه بدخشان

Кругом:

فی شهور سنة تسعین (!) وستمائه

О. с. В картуше (квадрат, вписанный в круг) в три строки:

السلطان/لاعظم دول (!) شاه [بن علی شاه (!)]

В сегментах: слева — سلطان; сверху — علی شاه ال; справа — [شا...]. Возможно, имя *Давлат* написано так, что его можно читать без последнего харфа *ت* — *Давл* (с ошибкой), но все же не исключено написание: دولت при условии, что резчик настолько неудачно залегировал два знака *ت* и *ل* в один, что они просто слились, и в результате мы имеем: دول (!). Ошибки, пропуски букв в словах монетных легенд — частое явление для продукции не только МД Бадахшан, поэтому все они в дальнейшем будут отмечены знаком: (!).

Иную разновидность (пару штемпелей) демонстрирует дирхем 690 г. х. из коллекции в Тюбингене (в = 2,43; 22—23)⁷.

№ 2. Бадахшан. 691 (?) г. х. Дирхем. Тамга.

Аукцион Дмитрия Маркова⁸. Фотография II/2 (в = 2,42; д — не указан).

Описание дается по фотографии в аукционнике.

Л. с. В поле, обрамленном двумя линейными ободками, разделенными между собой круговой легендой, — тамга , вокруг которой (начало — справа от тамги):

سکه [بد] خشان

Кругом:

... حدی (?) تسعین (!) وستمائه

О. с. В картуше (квадрат, вписанный в круг) легенда в три строки:

السلطان/لاعظم دول (!) [شاه (?)] / بن علی شاه

В сегментах: стерто и неразборчиво.

№ 3, 3а—в. Бадахшан. 691 г. х. Дирхем. Тамга.

Ст. Албум⁹. Фотография II/3 (в — не указан; д = 21). Описание дается по фотографии в прайсе.

⁷ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 397.

⁸ Dmitry Markov. Mail big Auction N 9. Coins & Medals. Decembe 14—15, 2000. P. 45. N 222i.

⁹ Stephen Album. Price List N 180. June 2002. N 91.

Л. с. В поле, обрамленном двумя линейными ободками, разделенными между собой круговой легендой, — тамга , вокруг которой (начало — сверху над тамгой):

سكه [في (?)] بدخشان

Кругом:

[سنة (?)] [أجدى تسعين وستمائه

О. с. В картуше (квадрат, вписанный в круг) — калима в три строки:

لا اله الا الله محمد / رسول الله

В сегментах: внизу — ; сверху — دولتشاه; справа — ... بن.

Любопытно, что в данном случае имя Давлат-Шах написано слитно.

Подобного типа монету (в = 2,45) с неверно прочтенной датой 694 (?) г. х. вместо 691 г. х. опубликовал В.Г. Тизенгаузен¹⁰. Известен дирхем 691 г. х., отличный от описанных разновидностей, в составе коллекции Тюбингенского университета (в = 2,46; д = 23)¹¹.

Дирхемы 690—691 гг. х. упомянуты в перечне Ст. Албума¹².

№ 4. Бадахшан. [(69)1?] г. х. Фракция $\frac{1}{2}$. Тамга.

Экземпляр частной коллекции. Фотография П/4 (в = 1,11; д = 17).

Л. с. В центре поля, обрамленного тройным ободком, — тамга , вокруг которой (начало — справа от тамги):

سكه [في (?)] بدخشان

О. с. В поле, обрамленном тройным ободком, виньетка

۰۱۰ / لشا (!) / دو ▲ (!) /

В первой строке можно предположить размещение цифры «1» от даты — [69]1 г. х.

Однако уверенности в однозначности такой интерпретации нет, поэтому в описании дата записана так [(69)1?]. Имя султана приведено с ошибкой (без харф ـ и ه) в виде:

دولشا

В том, что это половинная фракция, убеждает: 1) вес монеты; 2) маленький размер специально изготовленных штемпелей (иной, чем у дирхемов № 1—3); 3) отсутствие следов подрезания монетного кружка по краям (т. е. монета изначально имела малые весовые и геометрические параметры).

№ 5а. Бадахшан. Дата (?). Фракция $\frac{1}{2}$. Тамга.

Фотография и атрибуция опубликованы Стефаном Албумом (в = 1,32; д = 17)¹³.

¹⁰ *Tiesenhansen W.* Notice sur une collection de monnaies orientales de m. le comte S. Stroganoff. St. Petersburg, 1880. P. 23. Tab. II, N 15.

¹¹ *Florian Schwarz.* Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 398.

¹² *Stephen Album.* A Checklist <...>. P. 101. N 2013.

Л. с. В центре поля, обрамленного тройным ободком, — тамга , вокруг которой (начало — справа от тамги):

سكه [فی (?)] بدخشان

О. с. В поле, обрамленном тройным ободком:

لشا / (!) دوه (!) / ∞

Монета несущественно отличается от предыдущего экземпляра.

III Аргун-Шах, 707—711 / 1307/8—1311/12 гг. Дирхем

Даты правления указаны по книге Стефана Албума, но уверенности в точности хронологического интервала правления этого султана нет.

№ 1а. Монетный двор: *вилайет Хост* (= провинция Хост), но сам дирхем автором дан без описания¹⁴. Еще один дирхем с весом 2,41 г и датой 707 упомянут им же¹⁵.

IV Али-Шах II, 710-е / 1310-е гг. Дирхем

Хронологический период правления этого султана указан по книге Стефана Албума, и уверенности в его точности нет.

№ 1а. Ст. Албумом монета упомянута без описания¹⁶.

Один экземпляр опубликован Ф. Шварцем (в = 2,39; д = 24)¹⁷. Описание дается по приведенному автором изображению.

Л. с. В поле, обрамленном линейным и фигурным ободками, разделенными между собой круговой легендой:

الله / لا اله الا محمد / رسول الله (!) / بدخشان

Кругом:

ببعمافی (!)

О. с. В картуше (двойной квадрат, вписанный в круг) в три строки:

السلطان لا / اعظم (!) / على شاه

В правом сегменте видно: عمل (!) ابا بكر (возможно, искаженное *Осман?*)

Ф. Шварц датирует дирхем так: «716 г. х.?».

V Йахийя. ?—721—?/?—1321/2—?. Дирхем, фракция $\frac{1}{2}$

№ 1, 2. Бадахшан. Дата (?). Фракция $\frac{1}{2}$. Тамга.

¹³ Stephen Album. Price List N 189. June 2003. N 139.

¹⁴ Stephen Album. A Checklist <...>. P. 101. N 2014.

¹⁵ Stephen Album. Price List N 185. January 2003. N 184.

¹⁶ Stephen Album. A Checklist <...>. P. 101. N A2015.

¹⁷ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 399.

Экземпляры из Ташкентского клада: фотография V/1 (в = 0,94; д = 16,5), пробита; V/2 (в = 1,04; д = 16,5).

Л. с. В поле, обрамленном тройным ободком (внутренний и внешний — линейные, средний — точечный) — тамга вокруг которой (начало — справа от тамги):

سکه بدخشان

Слово **سکه** написано с ошибкой или с неудачным сокращением: **که**

О. с. В картуше (квадрат, вписанный в круг) в три строки:

اسکندر/سلطان/یحیی

В сегментах по виньетке.

Монета любопытна еще и тем, что является половинной фракцией дирхема.

№ 3а. Бадахшан. 721 г. х. Дирхем. Тамга.

Опубликован Ф. Шварцем (в = 2,04; д = 21)¹⁸.

Л. с. В поле, обрамленном двумя линейными ободками, разделенными между собой круговой легендой, — тамга вокруг которой (начало — сверху над тамгой):

سکه بدخشان

Кругом:

فی شهور سنة احدى و عشرين و سبعمائه

О. с. В картуше (квадрат, вписанный в круг) в три строки:

اسکندر/الثانی سلطان/یحیی

VI Правитель (?). Дата (?). Фракция $\frac{1}{2}$

№ 1. Вилаят Хост. Дата (?). Тамга.

Экземпляр из Ташкентского клада: фотография VI/1 (в = 1,03; д = 16,5).

Л. с. В центре поля, заключенном в точечный ободок, тамга .

Вокруг:

ضرب ولایت خوست

О. с. В поле, заключенном в сложный картуш:

سلطان/ور...?

Судя по наличию тамги и весу, эта половинная фракция относится ко времени около 721 г. х.

Похоже, что это еще один неизвестный бадахшанский правитель последней четверти VII—первой четверти VIII в. Хиджры.

¹⁸ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 400.

VII Анонимный с «нишаном»¹⁹. Период 726—730 гг. х. Дирхем**№ 1, 1а.** Бадахшан. Дата стерта. Тамга.

Экземпляр из собрания ГЭ (бывшая коллекция Азиатского музея).

Фотография VII/1 (в = 2,24; д = 22).

Л. с. Виден двойной ободок (внутренний — линейный, внешний — точечный), над которым остатки букв. В центре поля — тамга .

Вокруг, расположенная квадратом, легенда:

سکه / بد / خشا / ن

О. с. Ободок неясен. В центре — «нишан», сверху и снизу соразмерно — виньетки.

Аналогичный экземпляр опубликован Ф. Шварцем (в = 2,35; д = 22—23)²⁰. На О. с. дирхема хорошо виден тройной ободок (внешний и внутренний — линейные, средний — точечный). Но автор отнес этот дирхем к правлению бадахшанского султана Йахийи.**№ 2.** Бадахшан. Дата стерта. Тамга.

Экземпляр из собрания ГЭ (бывшая коллекция Азиатского музея).

Фотография VII/2 (в = 2,13; д = 22—23,5).

Л. с. Бита тем же штемпелем, что и предыдущий дирхем (№ VII/1), круговая легенда также не читается.

О. с. Ободок неясен. В центре — «нишан», сверху и снизу — виньетки. «Нишан» и виньетки имеют иной вид, чем у предыдущей монеты.

В отношении монет № VII/1 и VII/2: именно эти экземпляры были знакомы Х. М. Френу²¹. Крайне скупое их описание автором и отсутствие прорисовок не позволяет однозначно отождествить опубликованные им дирхемы с описываемыми здесь, но это вполне вероятное соотношение. Они же были привлечены М. Е. Массоном для своих рассуждений. Однако, не видя сами экземпляры, автор не уточнял атрибуцию, а указал, что Б. Дорн относил их к правлению Дженкши²² (не вполне ясно, почему М. Е. Массон приписал это отнесение именно Дорну, а не Х. М. Френу). Эта атрибуция, как показывает следующая публикуемая монета, ошибочна.**№ 3, 3а.** Бадахшан. 7(2?)7 г. х., месяц — сафар. Тамга.

¹⁹ «Нишан» — всего лишь композиционное украшение, введение которого в поле одной стороны монеты позволило наглядно изменить ее вид, сохраняя при этом геометрические и метрологические параметры собственно продукта монетного двора. Термин «нишан» в нумизматике следует понимать как некую композиционную конструкцию — знак, не имеющий ничего общего с тамгами (пока это жестко не доказано) и помещаемый на монетах. В дальнейшем я планирую отойти от использования этого термина.

²⁰ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 401.

²¹ Fraehnii Ch. M. Nova Supplementa ad recensionem Numorum Muhammedanorum. Additamentis. Petropoli. MDCCCLV. Opusculorum Postumorum. Pars I. (ed B. Dorn). 1855. P. 121. N 4, i.

²² Массон М. Е. Исторический этюд С. 87 и ссылка 61. Замечу, что не Б. Дорн, а Х. М. Френ сделал такое отнесение.

Ст. Албум. Фотография VII/3 (в — не указан; д = 22) ²³.

Л. с. В поле, обрамленном двумя ободками (внешний — линейный, внутренний — точечный), разделенными круговой легендой, — тамга .

Легенда расположена вокруг квадратом (начало — слева, справа налево):

سکه/بد/خشنان

Кругом:

سنة سبع عشد ... في صفر

О. с. В двойном круговом ободке (внешний — линейный, внутренний — точечный) — «нишан». Сверху и снизу — виньетки.

На этом дирхеме Стефан Албум указывает год как 717 г. х. В другой своей работе ²⁴ он также датирует подобные дирхемы 717 г. х. Флориан Шварц указал как период чеканки вторую половину 720-х гг. х. ²⁵, что представляется мне более оправданным, поскольку «нишан» на монетах всех остальных монетных дворов появился не ранее 726 г. х.!

№ 4. Аналогичный дирхем из Ташкентского клада, но чеканенный другой парой штемпелей и со сбитыми выпускными сведениями. Фотография VII/4 (в = 2,12; д = 22).

VIII Тармаширин. 726—734 / 1326—1334 гг. Динары

№ 1. Анонимный. Бадахшан. 732 г. х. Тамга.

Экземпляр известен по публикации ²⁶, которая здесь цитируется.

«R. — سکه/دار ضرب/بدخشان/سنة ۷۳۲»

«A. — имеет лишь фрагменты легенды:

العادل...

الاعظم ح...

زيد عدله»

Совершенно очевидно, что на аверсе должна быть еще одна (первая) строка, отсутствующая на этом экземпляре.

№ 2, 3. Бадахшан. 733 г. х. Тамга.

Экземпляр VIII/2 (в = 7,62; д = 31) — из собрания Эрмитажа (бывшая коллекция Азиатского музея).

Экземпляр VIII/3 (в = 7,69; д = 31,8—32,7) — из частной коллекции.

²³ *Stephen Album*. Price List N 180. June 2002. N 93.

²⁴ *Stephen Album*. A Checklist P. 99. N 1987.

²⁵ *Florian Schwarz*. Sylloge Numorum <...>. S. 60. N 401.

²⁶ *Массон М. Е.* Исторический этюд <...>. С. 87. № I.

Обе монеты биты одной парой штемпелей, поэтому описание легенд дается для обоих экземпляров сразу.

Л. с. В поле, заключенном в тройной ободок (внешний и внутренний — линейные, средний — точечный): الله

لا اله الا

محمد رسول الله

ضرب سكه

بدخشا ۞ ن في

۷۳۳

О. с. В поле, обрамленном таким же ободком, как и на Л. с.:

خان

ترما شيرين

عادل

ضرب في ايام الدولة

السلطان علا الدنيا

والدين خلد الله

ملكه

IX Дженкши, 734—737 / 1334—1336/7 гг. Динар

№ 1, 1a—1c. Бадахшан. 737 г. х. Тамга.

В. Г. Тизенгаузен (в = 7,71; д = 30)²⁷ цитируется:

«Лиц. стор. [الخ]اقان العادل/الا [ع]ظم جنكشو [sic!]/خان زيد/عدله.»

«Обор. стор. ۞ سكه/دار ضرب بلد/بدخشان.»

На. О. с. стоит дата в четвертой строке : ۷۳۷

На рисунке, приведенном В. Тизенгаузеном, видно, что поле Л. и О. сторон заключено в однолинейный ободок, но за ободком О. с. видны следы круговой легенды.

Легенду второй строки при описании О. с., судя по рисунку, Тизенгаузен привел неточно: слово بلد стоит перед словом دار, что подтверждает описание аналогичного динара, опубликованного М. Н. Фе-

²⁷ Тизенгаузен В. Еще о Кульджинской находке // ЗВО. Т. III, вып. 1—2. СПб., 1888. С. 130; Массон М. Е. Исторический этюд <...>. С. 87. № I.

доровым²⁸. Описание легенды поля О. с., приведенное Ф. Шварцем: *بدخشان / سكه / بلدة / ضرب* также неточно (надо читать так:

سكه / بلد دار ضرب / بدخشان).

В коллекции Тюбингенского университета имеется 2 таких динара: № 402 (в = 7,74; д = 29) и № 403 (в = 7,72; д = 30). Монета № 402 уточняет содержание круговой легенды О. с.: сохранилась дата словами²⁹.

Х Йесун-Тимур. 737—740 / 1336/7—1339/40 гг. Динар

№ 1, 1а. Бадахшан. 738 г. х. Тамга.

Из находок на территории Чуйской долины³⁰. Фотография Х/1 (в = 8,09; д = 29).

Л. с. Внешний ободок не виден. В поле, охваченном однолинейным ободком, — легенда в 4 строки:

... [سكه؟] / دار ضرب بلد (!) / بدخشا / ن / سنة (?) ٧٣٨

За ободком — круговая легенда, сохранившаяся частично:

... ثمان ثلاثين ...

Слово *سنة* написано так, что его можно принять за предлог *في*.

О. с. В поле, обрамленном тройным (?) ободком (внешний — точечный, средний — линейный толстый, внутренний — линейный тонкий), легенда в три строки (под ней размещена крупная виньетка):

[خا] قان العادل / اعظم (!) ايسر [ن] (!) تم ... / خان زيد عدله

М. Н. Федоров приводит еще один динар 738 г. х.³¹ Описание почти полностью соответствует приведенному выше, но: 1) уточняет название имени хана *تمر ايسر*; 2) не указано наличие круговой легенды (видимо, утрачена), слово (!) *بلد* автор привел в виде *بلدة*, а наличие слова *سنة* не указал вовсе. Поскольку в публикации отсутствуют фотографии монет, то нет возможности проверить, является ли экземпляр, описанный М. Н. Федоровым, новым вариантом (разновидностью) описанного здесь динара, или просто неточно само описание.

№ 2а. Бадахшан. 737 (или 739?) г. х. Тамга.

М. Н. Федоров³². Фотография отсутствует. Описание дается по работе автора.

²⁸ Fedorov M. A Hoard of Fourteenth Century Chaghatayid Silver coins from North Kirghizstan // The Numismatic Chronicle. Vol. 162. London, 2002. P. 414. N 24.

²⁹ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 402, 403.

³⁰ Петров П. Н., Камышев А. М. Находки чагатайских монет на территории Чуйской долины // Труды I МНК. Саратов, 2001 (в печати).

³¹ Fedorov M. A Hoard of Fourteenth Century Chaghatayid Silver coins from North Kirghizstan // The Numismatic Chronicle. Vol. 162. London, 2002. P. 415. N 31.

³² Fedorov M. A Hoard of Fourteenth Century Chaghatayid... P. 415. N 30.

Л. с. Внешний ободок не виден. В поле, охваченном двойным линейным ободком, — легенда в 3 строки:

سكه/دار ضرب بلده/بد خشان

За ободком — круговая легенда, сохранившаяся частично:

فى شهور سنة [س]بع؟ و ثلاثين و سبعمائة

О. с. В поле, обрамленном тройным ободком (средний из которых точечный, внешний и внутренний — линейные), — легенда в 4 строки:

خان/خا قان عادل/اعظم ايسن (!) تمر / زيد عدله

Внизу — крупная виньетка.

№ 3а. Бадахшан. 740 г. х. Тамга.

Ф. Шварц³³ (в = 7,96; д = 30—28,5). Описание дается по приведенному фотоизображению.

Л. с. В сложном фигурном картуше:

لا اله الا الله /محمد رسول الله / سكه فى بد خشان/سنة / ٧:٥

В 8 сегментах — виньетки.

О. с. В сложном фигурном картуше:

يسون/تمر خان الخا / قان الا اعظم / خالد (!) لله (!) ملكه

В 4 сегментах — виньетки.

Дату автор однозначно читает как 741 г. х., однако следует обратить внимание на то, что число единиц для такого прочтения как бы недописано. Видимо, это не «1», а лишь неудачно загнутый хвостик при гравировке цифры «4», означавшей «40».

XI Казан, 743—747/1342/3—1346/7 гг. Динар, дирхем

№ 1. Бадахшан. [7]43 г. х. Динар. Тамга.

Фотография XI/1. Из частной коллекции (изображение прислано корреспондентом).

Л. с. В поле, охваченном ободком (достоверно виден только один внутренний линейный ободок), — легенда:

سكه / م لمد؟/دار ضرب بد خشان/ ٣ ٤ ...

О. с. В поле (ободка не видно):

الخا قان[ن]/[ا] لا اعظم ما د (!)/رقاب و الامم (!)/... سلطان قزان /خلد[الله]

Слева от легенды — вертикально: ملكه

Некоторые слова 2-й и 3-й строк легенды О. с. написаны с ошибками, и читать их, очевидно, нужно так:

[ا] لا اعظم مالك / رقاب الا مام

³³ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 404.

№ 2. Бадахшан. 74(2 или 6/7) г. х. Динар. Тамга «трехногая». Е. Е. Оливер (в = 7,52; д — не указан)³⁴. Фотография XI/2. Описание дается по рисунку автора.

Л. с. Сложный фигурный картуш. В поле — выпускные сведения:

سکه/دار الضرب/بلد بد خشان/ فی سنه / ۷۴؟۷

Слово *سنه* искажено.

О. с. Сложный фигурный картуш. В поле:

قزان/ فی ایام د ولة/الخا قان الاعظم/سلطان خلد/الله ملكه

Видимо, цифра единиц в дате искажена, и читать ее следует как 742 или 746 г. х. Монеты № 2а и 2в (743 г. х.) по легендам, их расположению и оформлению практически идентичны с описанным динаром за исключением размещения легенды строк 3 и 4 Л. с. А это свидетельствует в пользу хронологической близости выпусков № 2, 2а и 2в.

№ 2а—2в. Бадахшан. 743 г. х. Динар. Тамга «трехногая».

Ф. Шварц. № 405 (в = 7,87; д = 29), № 406 (в = 7,73; д = 30)³⁵. Описание дается по опубликованным автором фотоизображениям.

Л. с. Сложный фигурный картуш. В поле — выпускные сведения:

سکه/دار الضرب/بلد بد خشان/ ۶۴۷

О. с. Сложный фигурный картуш. В поле:

قزان/ فی ایام د ولة/الخا قان الاعظم/سلطان خلد/الله ملكه

№ 3а. Бадахшан. Дата (?). Дирхем. Тамга.

Ф. Шварц. № 409 (в = 1,33; д = 20—22)³⁶.

Л. с. В поле, охваченном одинарным (?) ободком:

الملك الله/... ضرب سکه/ بد خشا ن

Внизу — виньетка.

О. с. В поле, обрамленном однолинейным ободком:

خاقان/الاعظم مالک/رقاب (!) فی الامم / سلطان قازان

XII Шах Баха ад-Дин, 745?—759³⁷/1344/5?—1358 гг. Динар, дирхем

№ 1—3, 3а—3с. Бадахшан. Дата (?). Динар. Тамга.

³⁴ *Oliver E. E.* The coins of the Chaghatai Mughals // *J. Asiatic Society Bengal*. Paat I. N I. 1891. P. 13. N 15.

³⁵ *Florian Schwarz.* Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 405, 406.

³⁶ *Florian Schwarz.* Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 409.

³⁷ Даты правления указаны по Ст. Албуму и Ф. Шварцу. Их стоит оценивать лишь как ориентировочные. Самая ранняя дата на монетах этого шаха, известная мне по эрмитажному собранию и по коллекции Тюбингенского университета, — 747 г. х.

Фотография XII/1 (в = 7,57; д = 32,5—33,5); XII/2 (в = 7,80; д = 32,5—33,5) — экземпляры из частных коллекций, а так же изображение монеты XII/3, прошедшей через компьютерный аукцион eBay [item 315996575 (May — 03 — 2000)]. Все три монеты биты разными парами штемпелей. Еще три подобных экземпляра опубликованы Ф. Шварцем: № 407 (в = 7,15; д = 31—32)³⁸, № 416 (в = 7,78; д = 30) и № 417 (в = 7,87; д = 29)³⁹. Причем автор ошибочно отнес динар № 407 к чекану Казан-хана. Описание дается для монеты XII/1.

Л. с. Сложный фигурный ободок. В поле:

[الرخمن]
 المظفر على اعدای
 السلطان الغازی ابو المظفر
 سلطان شاه بها ه (!)
 خلد الله ملكه

О. с. В поле, охваченном тройным ободком (внешний — точечный, внутренние — линейные):

الله
 لا اله الا
 بدخشان
 محمد
 سکه فاخر [ه]
 رسول الله

Вокруг легенды — имена 4 правоверных халифов: сверху — *Абу-Бакр*; справа — [*Омар*]; внизу — *Осман*; слева — [*Али*].

Монеты этого типа М. Е. Массон отнес к чекану некоего «Шаха Баха Расуля». Очевидно, автор посчитал, что два харфа *بو* от слова *ابو* (*отец*), располагающиеся под словом *المظفر*, относятся к имени шаха Бадахшана, а последнюю букву *ی* слова *الغازی* принял за харфу *ра*, стоящую перед буквосочетанием *بو*. Таким образом, у него могло получиться: [رسول]. Приведенное мной чтение легенды полностью исключает интерпретацию М. Е. Массона. Первые три строки легенды характерны для большого числа динаров Данишменда, некоторых типов монет Казан-хана и Буйан-Кули. Таким

³⁸ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 407.

³⁹ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 62 und Taf. 25. N 416, 417.

образом, этот тип монет не имеет никакого отношения к чекану «Шаха Баха Расуля», а является продукцией монетного двора Бадахшан от имени Шаха Баха ад-Дина.

В конце четвертой строки лицевой стороны (XII/1) стоят две «цифры (?)» — 51 (?). Думается, что это не цифры, а неудачно вырезанные первые три харфа слова الدين, причем последние два знака не уместились вовсе. К такому заключению можно прийти, поскольку для монет этого варианта известны разные штампы, причем не один и не два, и во всех случаях (плохо или удачно) на этом месте расположена именно эта часть имени — الدين. При описании легенды Л. с. Ф. Шварц неверно прочел слово الغازی как العالِم.

Такая атрибуция смыкается еще и с вопросом датировки этих динаров. Ф. Шварц относит их чеканку ко второй половине 50-х гг. х. Как мы видели, бадахшанский чекан Казан-хана — именной (см. XI группу монет). А описанные динары, несмотря на иногда помещаемую титулатуру и сентенции, характерные для чекана Казана, несут имя Шаха Баха ад-Дина. Поборник центральной власти последний самостоятельный чагатайский султан Казан-хан вряд ли бы допустил возможность бадахшанской чеканки серебра от имени местного владетеля. Скорее на это был способен Казаган в качестве награды (или одной из наград) за поддержку его бадахшанским шахом в борьбе с Казаном. Конечно, это предположение, но вполне возможное. В этом случае было бы вполне понятно появление монет с именем местного зулкарнайна (как называли себя бадахшанские правители). Сохранение «шапки» легенды Л. с. динаров, как на монетах Казана — Буйан-Кули, при Шахе Баха ад-Дине могло начаться в период правления марионетки Данишменда, но вероятнее всего — в правление Буйан-Кули-хана (в период захвата Казаганом бывших ильханских городов Хорасана с ~753 г. х.). Так что монет с именем Данишменда, битых в Бадахшане, мы можем никогда не встретить по причине их отсутствия. Недаром на настоящий момент не опубликовано ни одной подобной монеты, как нет информации и о существовании монет с именем Буйан-Кули-хана. Единственно известное описание динара Бадахшана «с именем Буйан-Кули», приведенное М. Е. Массоном, является ошибочным и подробно рассматривается в следующем разделе.

Хочу особо отметить, что в этом каталоге не приводятся монеты «Шаха Баха Расуля» по той причине, что такового правителя не существовало, поскольку первый тип у М. Е. Массона, как показано выше, к этому «шаху» не имеет никакого отношения, а второй, описанный этим же автором, имеет совершенно аналогичную О. с. с № XII/1—3 и странную (как бы усеченную) легенду Л. с. того же № XII/1—3. Кроме того, почему-то монет этого зулкарнайна никто больше не встречал, в том числе и я.

№ 4, 4а—4в. Ахваст (!) (= Хост). Дата (?). Динар. Тамга.

Фотография XII/4 (в = 6,59; д = 30). Экземпляр из частной коллекции.

Такой же динар описал Ф. Шварц (в = 7,68; д = 30)⁴⁰.

Л. с. Внешний ободок не виден. Фигурный круговой ободок разделяет круговую легенду и легенду в поле:

السلطان

الاعظم خاقان المعظم

ابو المظفر شاه

بها الدين خلد [د] الله

مكمله (!) سكه ست

احوا

Круговая легенда не видна (частично она сохранилась на экземплярах, опубликованных Оливером и Ф. Шварцем).

О. с. Сложный картуш до конца не виден. В поле:

والله الغنى / وانتى الفقر / لا اله الا الله / محمد رسول الله

В четырех секторах картуша: сверху и справа — стерто, внизу — عثمان; слева — عمر. (На экземпляре Тюбингенского университета — сверху: *Абу-Бакр*, справа: *Али*.)

В сегментах картуша — виньетки.

Ранее подобная монета была опубликована Оливером⁴¹, но монетный двор («Akhir»), дату (57 г. х.) и имя правителя (Буйан Кули) он прочел неверно (это название МД попало в сводный перечень монетных дворов Цамбаура именно в таком виде). Чтение некоторых легенд также было неточным из-за состояния описываемого им экземпляра. На публикуемом здесь динаре на месте, где Оливер видел дату, стоит тамга. Причем похоже, что обе сравниваемые монеты биты одной парой штемпелей.

Следует особо отметить низкую грамотность резчика штемпеля. Любопытно написано название монетного двора — *احواست* вместо привычного *حوست*. Возможно, это одна из допустимых форм написания (сравните написание монетного двора Хлат с написанием Ахлат). Но не исключено, что оба *алифа* — всего лишь неудачное обрамление опущенных вниз двух первых харфов *حو* названия монетного двора. Очень необычно размещена и мелко вырезана чагатайская тамга (см. фототаблицу), наличие которой Ф. Шварц также не отметил.

№ 5, 5a—5e. Бадахшан. Без указания даты и 747 г. х. Динар. Без тамги.

⁴⁰ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 158 und Taf. 73. N 1411.

⁴¹ Oliver E.E. The Coins of the Chaghatai... P. 14. N 18.

Фотография XII/5 (в = 7,76; д = 31). Экземпляр из частной коллекции.
Л. с. Картуш сложный фигурный. В поле:

سلطان (!) / معظم شاه بهاالدين / خلد الله ملكه / سكه خشان / بد

О. с. Картуш сложный фигурный. В поле — калима в три строки:

لا اله الا الله / محمد / رسول الله

Вокруг калимы: сверху — ابويكر, справа — عمر, внизу и слева — стерто.
Одноштемпельный динар без указания даты присутствует в коллекции Тюбингенского университета под № 411 (в = 7,89; д = 30)⁴².
Похожий динар (в = 7,19) был опубликован у Стенли Лэн-Пуля⁴³, но с неверными чтением имени правителя и династийным отнесением. Однако фотография монеты, приведенная в его труде, позволяет поправить и уточнить определение этого исследователя. Публикуемая монета и описанный ранее экземпляр Британского музея биты разными парами штемпелей (на экземпляре, опубликованном Стенли Лэн-Пулем, последняя строка легенды Л. с. выглядит так: سكه بدخشان).

Аналогичный динар был упомянут А. К. Марковым⁴⁴ с неверным чтением имени правителя: «Муаззам Шах Бегадур». Особенность эрмитажного экземпляра (в = 7,83; д = 31) заключается в том, что на монете сохранилась дата — [7]47 г. х. Причем цифры года размещены в ободке Л. с. на месте некоторых обрамляющих точек. Точно такой же экземпляр с той же датой приводит Ф. Шварц под № 412 (в = 7,38; д = 30) и со стертой датой (тот же штемпель Л. с., но штемпеля О. с. разные) под № 413 (в = 8,01; д = 27—28)⁴⁵.

№ 6, 6а. Бадахшан. Дата (?). Динар. Без тамги.

Фотография XII/6 (в = 7,72; д = 30). Экземпляр из частной коллекции.
Л. с. Картуш сложный фигурный. В поле:

سلطان معظم / شاه بهاالدين / خلد الله ملكه / سكه بدخشان

О. с. Картуш сложный фигурный. В поле — калима в три строки:

لا اله الا الله / محمد / رسول الله

Вокруг калимы: сверху — ابويكر, справа — عمر, внизу и слева — стерто.

Эта монета очень похожа на предыдущую, но отличается размещением слов легенды лицевой стороны. Аналогичный экземпляр опубликовал и Ф. Шварц (в = 7,65; д = 30)⁴⁶, но с несколько иным расположением слов легенды Л. с.

⁴² Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 61 und Taf. 24. N 411.

⁴³ Lane-Poole S. Catalogue of Oriental Coin in the British Museum. Vol. VII. London, 1882. P. 51. N 133; pl. III.

⁴⁴ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. С. 567. № 1 (современный инв. № 30995).

⁴⁵ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 61 und Taf. 24. N 412, 413.

⁴⁶ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 60 und Taf. 24. N 410.

№ 7, 7а—7в. МД не указан. (Хост?) 759 г. х. Дирхем. Без тамги. Фотография XII/7 (в = 1,25; д = 17), монета с отверстием. Экземпляр из частной коллекции.

Л. с. Обрамления не видно. В поле:

السلطان /.../ امعظم شاه [ه] / بهاالدين /...

О. с. Обрамление фигурное, видно частично. В поле — калима в три строки:

لا اله الا /الله محمد /رسول الله

Дирхем 759 г. х., опубликован Ф. Шварцем (в = 1,26; д = 18)⁴⁷. На нем хорошо видны фигурные картуши Л. и О. сторон с сегментами, в каждом из которых стоит по одной точке. Еще один экземпляр совершенно идентичного дирхема, но с читаемой датой 755 г. х., также присутствующий в коллекции Тюбингенского университета (в = 1,03; д = 17)⁴⁸, представляется битым в том же 759 г. х., но с искаженной датой (средняя цифра, обозначающая число десятков, изображена так, будто бы это недописанная цифра 9).

№ 8—9, 10а—10в. Бадахшан. 759 г. х. Динар. Без тамги. Фотография XII/8 (в = 7,87; д = 28,7); XII/9 (в = 7,76; д = 30). Экземпляры из частных коллекций. Еще два аналогичных динара (в = 7,74; 7,76) продавались Ст. Албумом⁴⁹. Ф. Шварц также привел аналогичный динар № 414 (в = 7,83; д = 31)⁵⁰.

Л. с. В сложном фигурном картуше:

السلطان /۹ ۷۳ /معظم شاه /بدخشان /بهاالدين الله /مكله (!) خلد

Справа — *سكه*; в правом секторе: *بدخشان*; в нижнем секторе — виньетка; в левом секторе в две строки: *خشان / بد*.

О. с. Картуш сложный фигурный. В поле — калима в три строки:

لا اله الا /الله محمد رسول الله

Вокруг калимы: сверху — *ابويكر*, справа — *عمر*, внизу — *عثمان*, внизу слева — *[علي]*. В сегментах — виньетки. Л. стороны обеих монет биты одним штемпелем, а О. с. — разными. Ф. Шварц не отметил наличие названия монетного двора мелким шрифтом в поле Л. с.

№ 11а. Бадахшан. Дата не указана. Динар. Без тамги.

Ф. Шварц. Динар № 415 (в = 7,92; д = 29)⁵¹.

Л. с. В сложном фигурном картуше:

سلطان معظم / شاه بهاالدين / خلد الله ملكه

⁴⁷ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 159 und Taf. 73. N 1413.

⁴⁸ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 159 und Taf. 73. N 1412.

⁴⁹ *Album Stephen*. Price List N 160. April 2000; *Stephen Album*. Price List N 189. June 2003. N 139.

⁵⁰ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 61—62 und Taf. 24. N 414.

⁵¹ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 62 und Taf. 25. N 415.

Внизу мелким шрифтом: **سكه** Вверху (слово мелким шрифтом и перевернуто): **بدخشان**.

О. с. В таком же картуше:

لا اله الا الله / محمد / رسول الله

Справа и слева от слова — по виньетке. Над легендой — *Абу-Бакр*, справа — *Омар*, внизу — *Осман*, слева — стерто.

В 6 сегментах Л. и О. сторон — по виньетке.

XIII Шах-Тимур 760—761 / 1359—1360 г. Дирхем

№ 1, 1а. Хост. Дата (?). Тамга.

Фотография XIII/1 (в = 1,2; д = 19). Экземпляр из частной коллекции (аналогичен опубликованному Ф. Шварцем (в = 1,10; д = 18)⁵².

Л. с. В сложном фигурном картуше:

السلطان الا عظم / [شاه] [تمر] خان / [خلد الله ملكه]

В секторах: вверху — **خو**, справа и внизу — стерто. На экземпляре из Тюбингена слева — **ست** (окончание названия монетного двора Хост?); внизу тамга: **☞**

О. с. Картуш сложный, но виден крайне фрагментарно. В поле — каллима в три строки:

لا اله الا الله / محمد / رسول الله

Вокруг калимы: вверху — **ابوبكر**, справа — **عمر**, внизу — **عثمان**, слева — **[علي]**.

Ф. Шварц опубликовал динары № 418 и 419 с именем Шах-Тимура и отнес их к чекану Бадахшана⁵³. Однако ни на одном экземпляре название монетного двора полностью не читается, поэтому в настоящий перечень они не включены.

XIV Туглук-Тимур — 761—765 / 1359/60—1363/64 гг. Дирхем

№ 1а. Бадахшан. 765 / 527 г. х. Без тамги.

Монета упомянута без описания Ст. Альбумом⁵⁴. Ф. Шварц опубликовал экземпляр 765 г. х. № 420 (в = 1,24; д = 17)⁵⁵. Описание дается по приведенному автором фотоизображению.

Л. с. В фигурном картуше:

سكه / سلطان معظم / تغلق تمر خان / خلد الله ملكه / بدخشا / ۵۲۷

О. с. В сложном фигурном картуше:

لا اله الا الله / محمد / رسول الله

⁵² Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 160 und Taf. 74. N 1418.

⁵³ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 62 und Taf. 25. N 418, 419.

⁵⁴ О бадахшанских дирхемах Туглук-Тимура: Stephen Album. A Checklist <...>. P. 100. N 2011A.

⁵⁵ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 62 und Taf. 25. N 420.

Вверху — *Абу-Бакр* (*Абу* написано с *алифом* вместо *вава*); справа — *Али*; внизу — стерто; слева — *Омар* (написано мелко в строку со словом *Мухаммад*) и точка. В верхнем левом сегменте читается ۷۶۵.

№ 2а, 2в. Хост. 762 г. х. Тамга.

Ф. Шварц. № 1419 (в = 1,23; д = 18), № 1420 (в = 1,27; д = 17)⁵⁶.

Л. с. В сложном фигурном картуше:

تغلق / تمر خان / خلد الله ملكه / سكه خوست

Внизу тамга: .

О. с. В сложном картуше (двойной квадрат вписан в круг) калима:

لا اله الا الله / محمد / رسول الله

В нижнем сегменте — дата: ۷۶۲.

№ 3а. Хост. Дата (?). Без тамги (?).

Ф. Шварц. № 1421 (в = 1,19; д = 19)⁵⁷.

Л. с. В сложном фигурном картуше:

السلطان / الا عظم تغلق / تمر خان خلد / الله ملكه سكه / خوست

О. с. В сложном картуше:

لا الاله الا الله / محمد / رسول الله

В секторах: вверху — *Абу-Бакр*, слева — *Омар*, внизу — [*علي* (?)], справа — стерто.

Непонятно, почему монету с именем Шах-Тимура без обозначения МД Ф. Шварц также поместил в группу монет Хоста с именем Туглук Тимура (№ 1428).

XV `Адил-Хан, 765(?)—767(?)/1363/64(?)—1365/66(?). Дирхем⁵⁸

№ 1. Бадахшан (?). Дата не указана. Без тамги.

Фотография XV/1 (в = 1,36). Экземпляр из частной коллекции.

Л. с. В сложном фигурном картуше:

[السلطان (?)] / عظم (!) / عادل خان / خلد الله... / بد [خشان] ?

Надпись выполнена достаточно грубо и с ошибками.

О. с. В сложном картуше:

لا الاله الا الله / محمد / رسول الله

В секторах: вверху — *Абу-Бакр*, слева — *Омар*, внизу — [*علي* (?)], справа — стерто.

⁵⁶ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 160 und Taf. 74. N 1419, 1420.

⁵⁷ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 160 und Taf. 74. N 1421.

⁵⁸ О существовании дирхемов `Адил-Султана: Stephen Album. A Checklist <...>. P. 100. N A2012.

Ст. Альбум отмечает, что именные монеты Адил-Султана известны только для монетных дворов бадахшанского региона. Ф. Шварц отнес опубликованную им аналогичную монету № 1427 к МД Хост⁵⁹, несмотря на то что на его экземпляре никаких следов от названия МД не сохранилось.

№ 2а—2в. Хост. 767 г. х. Без тамги.

Ф. Шварц у монеты № 1426 с именем Адил-хана увидел сомнительно написанную словом цифру «7» и отнес монету к 767 г. х. На фотографии монеты № 1425, так же отнесенной к 767 г. х., этой цифры также не видно⁶⁰. Следует констатировать, что с датировкой монет Адил-хана имеются сложности.

XVI Кабул-Шах, 767—768/1365/66—1366/67 гг. Дирхемы

№ 1. Бадахшан. 277 (= 767) г. х. Без тамги.

Фотография XVI/1 (в = 1,1; д = 16,7—17,5). Экземпляр из частной коллекции.

Л. с. В фигурном картуше:

خاقان المعظم... / قبول خان خلد / يتي الله مكله (!) / بدخشان ۲۷ (!)

Написание даты комбинированное: цифрами, причем в зеркальном написании, и число единиц указано по-тюркски: یتى=7. В данном случае дата реконструируется только одним образом — 767 г. х.

О. с. В сложном картуше:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

В сегментах, видимо, виньетки.

№ 2, 3. Хост (?). Дата (?). Без тамги.

Фотография XVI/2 (в = 1,25; д = 16,5). Коллекция Тюбингенского университета (инв. № 1422).

Фотография XVI/3 (в = 1,35). Экземпляр из частной коллекции.

Л. с. В поле, обрамленном двойным линейным ободком:

[خوست (?)]...

خاقان لاعظم

[قبول خان

خلد الله مكله (!)

سكه

О. с. В картуше:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

⁵⁹ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 160 und Taf. 74. N 1427.

⁶⁰ Florian Schwarz. Sylloge Numorum <...>. S. 160 und Taf. 74. N 1425, 1426.

В секторах картуша: в нижнем — عمر; в остальных — стерто. В сегментах картуша могла быть размещена дата, но она не сохранилась.

№ 4. МД (?). Дата (?). Без тамги.

Фотография XVI/4 (в = 1,21; д = 16,5—17). Коллекция Тюбингенского университета (инв. № 1423).

Л. с. В поле, обрамленном двойным (?) линейным ободком:

ب ...

ضر

[زمان السلطان]

... [قبول خان]

Слева, перпендикулярно легенде поля: ن الله.

Надо полагать, что помещен тот нун, который отсутствует в слове султан 3-й строки.

О. с. В поле, обрамленном двумя линейными ободками, разделенными несохранившейся круговой легендой:

لا اله الا الله / محمدر / سول الله

№ 5. МД (?) Дата (?) Без тамги.

Фотография XVI/5 (в = 1,17; д = 18). Коллекция Тюбингенского университета (инв. № 1424).

Л. с. В поле, обрамленном двойным линейным ободком:

في ب

ضر

زمان السلطان

... قبول خان]

Слева — все стерто.

О. с. В поле, обрамленном сложным фигурным ободком, — калима с таким же расположением слов, как и на О. с. монеты № 4.

№ 6, 7. Бадахшан. 768 (?) Без тамги.

Фотография XVI/6 (в = 1,38), фотография XVI/7 (в = 1,39). Монеты из частных коллекций.

Л. с. В поле (обрамление двойное (?) — линейный и внешний точечный ободки):

...

الخاقان لا ع(ظم)

قبول خان
 خلد الله ملكه
 بدخشان

Слева от легенды — все стерто; справа — 786 (?) (= 768 г. х.).

О. с. В поле, обрамленном сложным фигурным ободком, но отличным от ободка О. с. монет XVI, № 2, 3, а калима с таким же расположением слов, как и на О. с. монет XVI, № 2, 3.

Монеты, изображения которых приведены на фотографии XVI/2, 4 и 5, хранятся в коллекции Тюбингенского университета (Германия) и публикуются здесь благодаря любезности Илиша Лутца, приславшего их сканы и метрологические параметры.

XVII Мухаммад-Шах, 768—769(?)/1366/67—1367/8(?) гг. Дирхем

№ 1а. Дирхем упомянут без описания в «A Checklist...»⁶¹, и один экземпляр описан в составе коллекции музея Ашмолиен (в = 1,00; д = 15)⁶². Причем автор в этой работе указывает даты правления так: 759—(764?), ссылаясь на то, что известна монета 759 и 769 гг. х. в коллекции ANS (1994.86.6 и 1977.71.12)⁶³.

XVIII Бахрам-Шах, после 769(?)—776—(?)/1367/68—1374/75— (?) гг. Дирхем

№ 1—3. МД (?). Дата (?). Без тамги.

Фотография XVIII/1 (в = 1,26; д = 16,5); XVIII/2 (в = 1,25; д = 17);

XVIII/3 (в = 1,3; д = 17). Экземпляры Ташкентского клада.

Л. с. В поле, заключенном в фигурный картуш:

[السلطان/معظم بهر/مشاه خلد الله]/سكه/ملكه/...

О. с. В поле, в сложном картуше:

لا اله الا الله/محمد/رسول الله

В секторах — имена четырех правоверных халифов.

Видимо, этот тип дирхемов Бахрам-Шаха относится к самому раннему периоду его правления, поскольку монеты происходят из Ташкентского клада, в котором они являлись самыми младшими (3 шт.).

В составе клада были еще 2 дирхема Кабул-Шаха, все остальные монеты — предшествующих периодов.

№ 4. Бадахшан. Дата (?). Без тамги.

Фотография XVIII/4 (в = 1,2). Экземпляр из частной коллекции.

⁶¹ *Stephen Album. A Checklist <...>. P. 101, N A2017.*

⁶² *Stephen Album. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean <...>. Pl. 17. N 319.*

⁶³ *Ibid. P. 93. N 319—321.*

Л. с. В поле, заключенном в сложный картуш:

السلطان/[بهر؟]مشاه/[خلد] الله ملكه/سكه

Слева, вдоль 2-й и 3-й строк: بدخشان.

О. с. В поле, заключенном в сложный картуш:

لا اله الا/الله محمد/رسول الله

В сегментах картуша, видимо, имена четырех правоверных халифов.

На этой монете, к сожалению, не сохранилось начало второй строки на Л. с. Здесь располагалось имя султана: [Бахра (?)]миах.

№ 5а. Дирхем Бахрам-Шаха с датой 776 г. х., описан Стефаном Албумом в составе коллекции музея Ашмолиен (Оксфорд) (в = 1,19; д = 16)⁶⁴. Автор справедливо считает, что эта монета, как и ряд других, могла быть чеканена на монетном дворе Хост, локализуемом к северу от современного г. Ишкашим⁶⁵.

№ 6. Дирхем Бахрам-Шаха с датой 807 (?) г. х. в составе коллекции ГЭ⁶⁶ определен А. К. Марковым⁶⁷, и его кратко описал М. Е. Массон⁶⁸ (современный инв. № 30996; в = 1,28).

Однако у меня есть подозрение, что цифры в дате на монете переставлены местами, и читать ее следует либо 775, либо 780 г. х. И то и другое чтение возможно, но дату 807 г. х. следует признать невероятной, поскольку в этом случае Бахрам-Шах должен был бы править Бадахшаном 31 год, что не соответствует действительности!

Особенности монет и монетной чеканки Бадахшана

Начало монгольской чеканки в Бадахшане, согласно данным каталога, следует отнести к 720-м гг. х. Причем продукция монетного двора известна в двух металлах — меди и золоте. Но самый активный выпуск монет в этой области начинается в период после мас`удбековской реформы (680—690 гг. х.).

Выпускаемая в это время продукция существенно отличается от общегосударственных выпусков и по метрологическим параметрам, и по наличию имен местных правителей, но на этом отличия не заканчиваются. Иной оказывается не только сама продукция, но и масштаб цен: если в центральной части государства бьется серебряный дирхем с указным весом 2,08 г и его фракции, видимо, в 2/3 и 1/3 веса, то в Бадахшане выпускается половинная фракция. В то же время, на всех монетах обязательно проставляется чагатайская тамга (за исключением (?) монеты № Ха) — знак собственности, причем всегда на той их стороне, где указан монетный двор Ба-

⁶⁴ Stephen Album. Sylloge of Islamic Coins in the Ashmolean <...>. Pl.17. N 320.

⁶⁵ Ibid. P. 93. N 320.

⁶⁶ Выражаю глубокую признательность М. Б. Северовой за предоставление материала из собрания Государственного Эрмитажа для изучения и публикации.

⁶⁷ Марков А. К. Инвентарный каталог... III добавление. С. 940.

⁶⁸ Массон М. Е. Исторический этюд <...>. С. 106, ссылка 65.

дахшан или Хост, что может быть интерпретировано как: «Бадахшан (или Хост) — собственность Чагатайская и трон султана такого-то».

Реформа Кепека-Тармаширина (721—733 г. х.) коснулась и Бадахшана, но судить о ее реализации пока можно только начиная с правления Тармаширина. Почти все имена чагатайских правителей от Тармаширина до Казана можно найти на монетах этого монетного двора, однако регулярной или эпизодической была чеканка — неясно.

Монет с именем Данишменда и Буйан-Кули-хана, битых в Бадахшане или Хосте, как отмечалось в каталоге, пока не известно. Единственный динар с именем Буйан-Кули-хана, якобы битый в Бадахшане (опубликован М. Е. Массоном⁶⁹), очень подозрителен присутствием уйгурской надписи, если его рассматривать в качестве продукции одного из монетных дворов этого региона. Ни до, ни после Буйан-Кули на монетах Бадахшана надписи уйгурским алфавитом не зафиксированы. Использование такого письма на чеканной продукции наиболее характерно для восточных и северо-восточных регионов государства, а также для выпусков в ставке, т. е. в Орде. И в самом деле, описание автора невероятно похоже на динар, фотография которого приводится в этой статье под № Д947 (в = 6,59; д = 30). Только вот монетный двор на ней указан Орду-Базар, а не Бадахшан⁷⁰. Неточность описаний монет у М. Е. Массона, характерная для этой его публикации в целом, не позволяет опираться и на предложенное им чтение даты — 756 г. х. Указывая ее, автор в арабской легенде приводит только две цифры (сотен и десятков), что можно записать лишь как 75 (?) г. х., а не 756 г. х. Подробного описания этой монеты я здесь не привожу, поскольку она не имеет отношения к чекану Бадахшанского региона. Так что очередной особенностью можно считать исчезновение имен потомков рода Чингиза с продукции монетных дворов области Бадахшан в середине XIV в. с приходом к власти Казагана.

Обращает на себя внимание тот факт, что на монетах Бадахшана кроме «государственной» тамги Чагатаидов (Ф-образной — тамги потомков хана Дувы) никаких других тамг не встречается. Исключение составляет лишь родовая тамга Казан-хана (см. фототаблицу, XI/2).

В 759 г. х. чагатаидская тамга покидает поле монет и изредка представляется лишь на монетах Туглук Тимура. Ни Адил-Султан, ни Кабул-Шах тамгу уже не ставили, а местные правители — тем более.

На монетах Бадахшана № XII/1—3 встречен эпитет монетного двора Бухары: [فاجر] (‘преславный’, ‘преславная’). Не только этот случайно помещенный эпитет Бухары на динарах Бадахшана, но и рука резчика штемпелей для этих монет выдает бухарского мастера.

В настоящее время мне не известно о существовании динаров Бадахшана или Хоста, которые бы были изготовлены в правление Шах-Тимура и позднее. Складывается впечатление, что после Баха ад-Дина выпуск серебряных динаров был прекращен если не совсем, то почти совсем. Основной продукцией монетных дворов Бадахшана стал дирхем.

⁶⁹ Массон М. Е. Исторический этюд <...>. С. 88. № IV.

⁷⁰ Кстати, в Ташкентском кладе с периодом тезаврации не ранее 768 г. х. обнаружено два дирхема совершенно аналогичного облика.

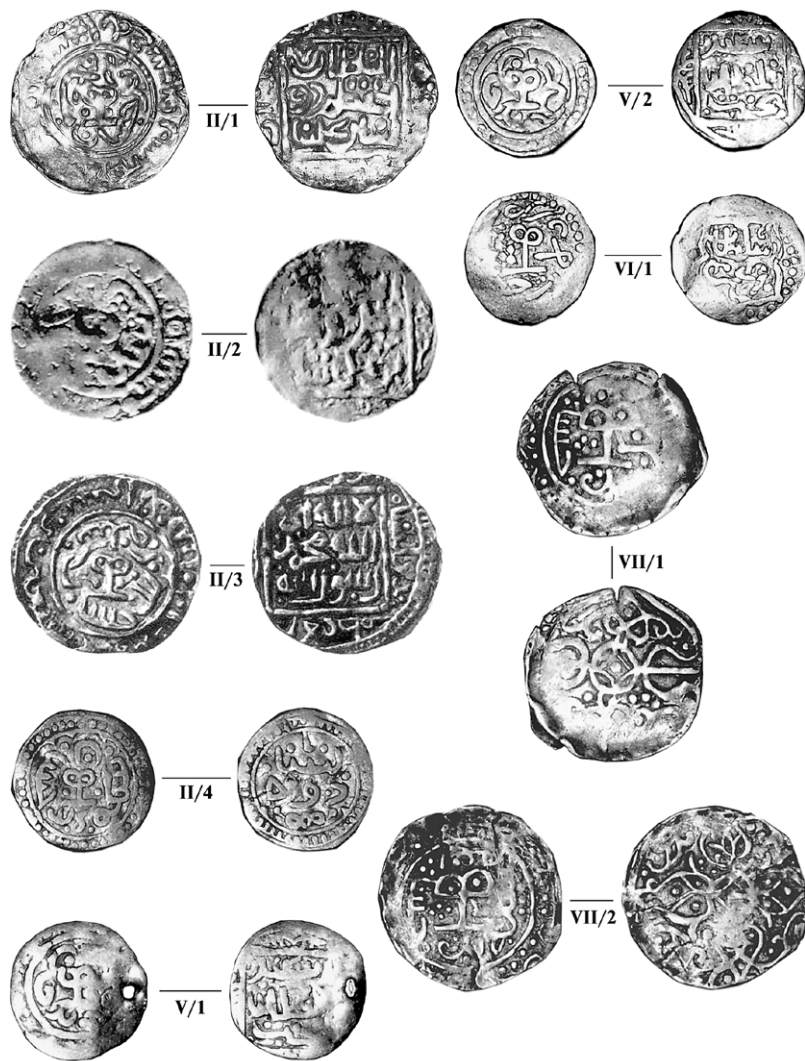

Рис. 1. Монеты

Рис. 2. Монеты

Рис. 3. Монеты

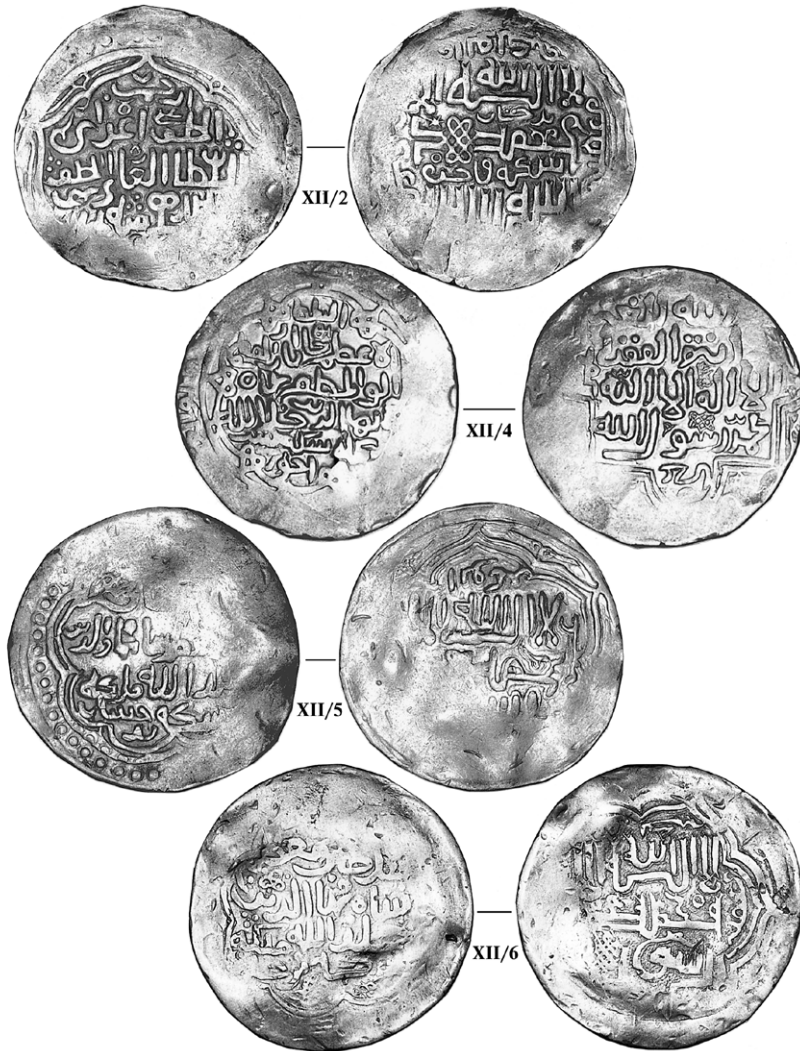

Рис. 4. Монеты

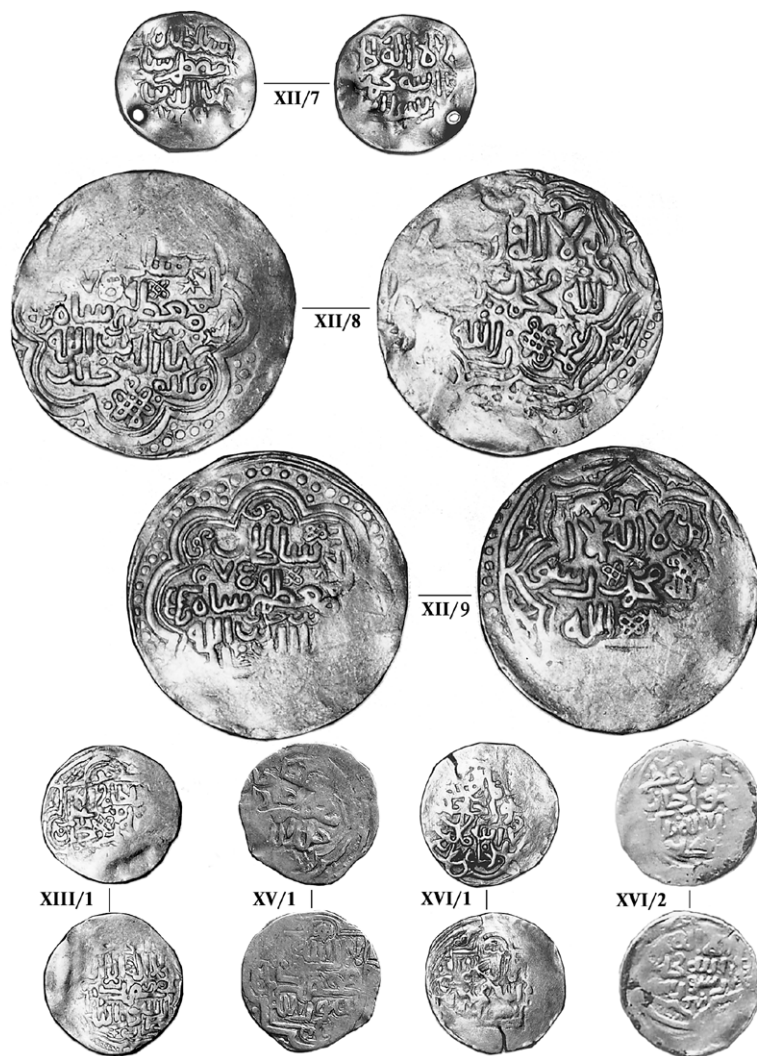

Рис. 5. Монеты

Рис. 6. Монеты

Анализ нумизматического материала и письменных источников

В своей статье о Бадахшане в «Энциклопедии ислама» В. В. Бартольд высказал мнение, что «Бадахшан не был затронут монгольским нашествием и до IX/XV в. оставался под властью местной династии»⁷¹. Это важное утверждение в значительной мере было рассмотрено в работе М. Е. Массона, однако окончательного вывода по этому поводу автор не сделал. Рассмотрим и мы известные сведения об этом важном и в стратегическом, и в экономическом плане регионе.

По сведениям Марко Поло, в этой области язык общения особенный, царство большое, а цари — наследные, ведущие свою родословную от Александра Македонского и дочери царя персов Дария. «Все они... зовутся по-ихнему, по-сараински, золькарнаем, что по-французски значит Александр»⁷². Автор перевода уточняет в сноске, что зулкарнайн — 'двурогий' — прозвище Александра. Конечно, такая родословная — всего лишь политический маневр правящей династии, использованный с целью повысить свою легитимность в глазах местного населения. Собственно же факт существования местной династии правителей в период монгольского владычества подтверждают памятники нумизматики.

Впервые (в связи с монгольскими походами) название области Бадахшан встречается в источниках в связи с бегством Кучлук-хана (Кушлук-хана) после поражения от Джэбэ-нойона, посланного Чингиз-ханом. Это событие упоминается в ряде письменных памятников. У Рашид ад-Дина описание этих обстоятельств встречается дважды⁷³, но подробнее они освещены именно в книге 2: «В том же упомянутом году барса, в пределах гор Бадахшана войска Чингиз-хана под предводительством Джэбэ-нойона захватили в ущелье Сарыколь⁷⁴ Кушлук-хана и убили». По расчетам средневекового автора, это произошло в 614 г. х., т. е. за 3 года до начала завоевания Средней Азии. В более позднем источнике у Абул-Гази этот важный в истории создания монгольской империи эпизод нашел свое отражение в следующем варианте: «...Кючлюк с людьми тремя убежал в Бедехшан, в долину Саригкольскую... Чепе-нойян... ускорил преследование, поймал Кючлюка и, отрубив ему голову, возвратился к хану...»⁷⁵ По Джувейни, Кучлук был настигнут в долине Везары⁷⁶. Ве-

⁷¹ Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М., 2002. С. 345.

⁷² Марко Поло. Книга Марко Поло / Пер. с франц. И. П. Минаева. М., 1955. С. 74.

⁷³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.; Л., 1952. Репринт 2002. С. 194; *Он же*. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.; Л., 1952. Репринт 2002. С. 179.

⁷⁴ «Под названием Сарыколь обычно понимается юго-восточная часть Памира, ныне в пределах Китая... однако по другим сведениям Кушлук был убит в бадахшанской долине Везар, и более вероятно, что в тексте идет речь о местности около озера Сарыколь, расположенного в обширной котловине Шева...» — Примечание О. И. Смирновой.

⁷⁵ Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное дерево Тюрков / Обработка текстов Р. Рахманалиева. Москва; Ташкент; Бишкек, 1996. С. 60.

⁷⁶ `Ala-ad-Din `Ata-Malik Juvaini / Translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle; D. O. Morgan). Genghis Khan. The History of the World Conqueror. Manchester University. 1997. P. 67—68.

роятно, все три автора пользовались различными источниками, но большинство сходятся на сарыкольской долине как наиболее вероятном месте этого события. Любопытно дальнейшее замечание Рашид ад-Дина: «С Бадахшана они получили огромную военную добычу, [состоящую] из наличных денег и драгоценных камней...»⁷⁷ Видимо, область Бадахшан нападения монгольской армии не избежала, однако это еще не было ее завоеванием. Чингиз-хан покорил ее после взятия Термеза в 617 г. х.: «Затем Чингиз-хан послал войско захватить Бадахшан и его округа частью ласкою, частью силою»⁷⁸ — и лишь потом направил свои войска на покорение Хорасана: «...из Тимур-кахалгэ, который находился в пределах Бадахшана, [Чингиз-хан] послал Тулуй-хана покорить города Хорасана»⁷⁹.

По завещанию Бадахшан вошел в состав владений Чагатай-хана: «Чингиз-хан отдал ему Мавераннахр, часть Хорезма, страну уйгуров, также Кашгар, Бедехшан, Балх и Газнин до реки Синд»⁸⁰. Этот факт неожиданно находит свое подтверждение на китайской схематической карте 1331 г., где Бадахшан указан в составе владений чагатаида Дува Тимура⁸¹ (этот факт отмечался М. Е. Массоном)⁸².

Мөнгке-каан держал на границе с Хиндустаном двадцатитысячное войско и «велел ему быть в пределах Бадахшана; начальствование же над ним дал Мэнгэту. Когда он скончался, [Мөнгке-каан] передал [командование эмиру] по имени Хукуту (Хукутай), а когда он также умер, [тогда каан] на его место послал этого Сали-нойона...», причем подчинил эти войска Хулагу-хану⁸³. После Сали-нойона войском командовал его сын Уладу-нойон. Сали-нойон завоевал много областей в Хиндустане и Кашмире и захватил «[разную] добычу и прислал Хулагу-хану множество индусов невольников»⁸⁴. Поэтому не удивляет, что Кутуй-хатун (мать Хулагу-хана) находилась «в Бадахшанском краю, когда весть о смерти Хулагу дошла до нее»⁸⁵. Ее сын умер в 663 г. х., после чего она покинула Бадахшан и прибыла в ставку ильхана Абага-хана. По расчетам это событие может быть отнесено примерно к 666 г. х. Таким образом, в Бадахшане, принадлежавшем дому Чагатая, с 650-х гг. х. и, по крайней мере, до 666 г. х. находилась далеко не малочисленная армия, подчиненная Хулагу-хану. Возникшая в Великой Империи после смерти Мөнгке-каана смута, сопровождавшая борьбу за хаканский престол, грядущее разделение чингизовой державы на четыре крупных государства, вражда ильханов с чагатаидами и взаимная поддержка ильханов и врагов чагатаидов — династии Юань в Китае (конкретно каана Хубилая), — все это, видимо, вынудило ильханов обратиться с территории чагатаидского юрта — из Бадах-

⁷⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.; Л., 1952. С. 183—184.

⁷⁸ Там же. С. 218.

⁷⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 109.

⁸⁰ Абуль-Гази-Багадур-хан. Родословное дерево Тюрков. С. 87.

⁸¹ Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. II. London, 1910. Приложение — карта в начале тома.

⁸² Массон М. Е. Исторический этюд <...>. С. 87.

⁸³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. С. 109—110; Т. I, кн. 2. С. 279—280.

⁸⁴ Там же. Т. I, кн. 1. С. 110.

⁸⁵ Там же. Т. III (М.; Л., 1946). С. 69.

шана. Именно этим можно объяснить отъезд матери Хулагу в ставку внука. Очевидно, курултай 669 г. х., собранный Кайду в Таласской долине, имел очень существенные последствия для формирования границ каждого из государств. До настоящего времени количество известных монет Бадахшана описанного выше периода (группа «0» в каталоге) достаточно невелико. Но следует иметь в виду, что для периода с 618 по 669 г. х. известно довольно большое количество нумизматического материала без указания монетных дворов и дат, а лишь с упоминанием халифа ан-Насир ли-д-Дина, или просто с титулами: *خاقان العادل*, *قازان العادل* и т. п. Вычленение из этой массы монет бадахшанской чеканки возможно только на основе картографирования и статистической обработки находок монет этого периода на территории Бадахшана. Но таких данных в настоящий момент нумизматика не имеет.

Как показала Е. А. Давидович⁸⁶, с 670 г. х. в Чагатаидской державе была проведена монетно-денежная реформа, иначе — реформа Мас`уд-бека. И именно после этой даты обнаруживаются серебряные дирхемы монетного двора Бадахшана с именами правителей этой области и «государственной чагатаидской» тамгой. Стефан Албум по монетным данным, как отмечено выше, приводит имена четырех зулкарнайнов Бадахшана⁸⁷: `Али-шаха I (с отнесением к периоду до 690 г. х.), Давлатшаха б. `Али-шаха (чеканка известна с датами 690 и 691 гг. х.), Аргуншаха (именная чеканка в Хосте 707—711 гг. х.) и `Али-шаха II (с отнесением серебряного дирхема к 710-м гг. х. [716 г. х. в каталоге]), а также следует добавить султана Йахийю (721 г. х.). Обращает на себя внимание собственно именная чеканка Бадахшана с указанием титула этих правителей — *султан*. Сама по себе именная чеканка для чагатаидов периода 670—720 гг. х. не является чем-то из ряда вон выходящим, только имен правящих ханов на монетах почти не встречается (они заменены тамгами), а вот имена вассалов или их титулы встречаются. Но столь стабильная и хронологически последовательная чеканка от имени и с титулом вассальных бадахшанских правителей свидетельствует об их особом положении и значении для монгольского государства.

Сообщение Марко Поло свидетельствует, что царь Бадахшана контролирует добычу драгоценных камней и «посылает их царь со своими людьми другим царям, князьям и знатным людям, одним как дань (подчеркнуто. — П. П.), другим по дружбе; продает он их также на золото и серебро...»⁸⁸ (Поскольку труд Марко Поло был записан Рустиканом Пизанским в Генуэзской тюрьме в 1298 г.⁸⁹, то вышеприведенное свидетельство вполне можно считать законным как минимум для периода ~ 670—700 гг. х.), то есть самостоятельность у зулкарнайнов в этот период была неординарной. Но подтверждают ли это наблюдаемые особенности в монетном деле Бадахшана? Рассмотрим их:

⁸⁶ Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас`уд-бека (XIII в.). М., 1972.

⁸⁷ Stephen Album. A Checklist <...>. P. 100—101.

⁸⁸ Книга Марко Поло. С. 76.

⁸⁹ Там же. С. 31.

1) наличие имен местных султанов на серебряных монетах;
2) присутствие собственной системы фракций, по крайней мере, для серебряной чеканки (наличие половинных фракций);
3) необычная указная весовая норма чеканки, бóльшая, чем на всей остальной территории государства (достаточно взглянуть на значения веса публикуемых монет: 2,47; 2,42; 2,43; 2,45; 2,46; 2,41; 2,39 г). И, несмотря на явный недостаток статистической метрологической информации для установления указной нормы чеканки дирхемов в Бадахшане, можно смело утверждать, что она была существенно отличной.

Все это, безусловно, подтверждает необычную самостоятельность, которой были наделены султаны Бадахшана.

Река [Пяндж] на восток и северо-восток от г. Бадахшан принадлежала брату царя, а правитель области «Вахан», имевший титул «нон», подчинялся царю Бадахшана⁹⁰. Переводчик прокомментировал местоположение этой области Вахан (Вокан, Вошам, Вохан): она находится в верховьях Пянджа, между Ваханским хребтом и Гиндукушем.

Очевидно, что отношения у бадахшанских правителей с чагатаидами складывались совсем не просто, иначе Джучид, сын Куинджи из дома Орды, не рассчитывал бы на помощь бадахшанского шаха, сообщая каану в Китай свои планы нападения на Кайду и Дува-хана, которые укрыли мятежного Джучида Кублука: «...[нас поддержит] государь Бадахшана, который постоянно терпит от них (чагатаидов — *П. П.*) невзгоды...»⁹¹ Это событие отнесено по времени примерно к 698 г. х., через три года после которого Кайду погиб от раны, полученной в бою.

В это время уже никаких войск, подчиненных ильхану, в Бадахшане не было, иначе трудно было бы объяснить, почему там и в пределах Пенджаба с начала 700-х гг. х. базируется некий Сарабан (сын Уруса, подданного Кайду) и постоянно нападает на Хорасан. Ильханские войска неоднократно разбивали его и, по всей видимости, около 702 г. х. он был разбит окончательно.

К сожалению, других известий о политической и экономической жизни Бадахшана с этого времени и по 760 г. х. в письменных источниках найти пока не удалось, зато нумизматический материал помогает восполнить эту лауну. В 721 г. х. в центральном вилайете Чагатайдского султана было проведено реформирование монетной системы, результаты которого впоследствии получили признание и изменили всю структуру монетной системы государства, сделав ее единой для всей территории. На смену старым серебряным монетам пришли новые, более легковесные, но с повышенным содержанием серебра дирхемы (видимо только двух номиналов) и крупные шестидирхемовые динары. В отличие от В. В. Бартольда и М. Е. Массона, я не могу констатировать, что монетная система была заимствована у ильханов в том или ином виде, но влияние структуры монетной системы Ирана на вновь созданную монетную систему Чагатайдской державы, конечно, наблюдается. Эта реформа, получившая на-

⁹⁰ Там же. С. 31.

⁹¹ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 212.

чившая название Кепека-Тармаширина⁹², коснулась и монетного дела в Бадахшане. Трудно сказать, как быстро была проведена эта реформа в жизнь в изучаемом регионе, но пока что бадахшанская продукция с именем Кепека мне неизвестна (хотя, судя по ряду тех именных и анонимных монет, о которых сказано выше, их существование вполне возможно).

Очень важна для понимания процессов, происходивших в Бадахшане, анонимная монетная продукция, в композиционном построении поля которой использован «нишан». Ст. Албум читает дату на монете, изображение которой опубликовано в его прайс-листе⁹³, как 717 г. х. и чеканку относит к Йесун-Буге⁹⁴ (см. VII/3 изображение, взятое с упомянутого прайс-листа). Однако на приведенной монете можно видеть лишь первые два харфа в числе десятков, поэтому дата может быть прочтена двояко: 717 или 727 г. х. За второй вариант чтения говорит одно обстоятельство:

♦ на монете, как и на экземплярах из Эрмитажа, изображен «нишан», причем на всех четырех приведенных и упомянутых мной монетах (см. фототаблицу, VII/ от 1 до 4) он разный. Известно, что «нишан» стал широко использоваться на монетах чагатаидов только после смерти Кепек-хана, т. е. с 726 г. х. В таком случае эти монеты следует отнести ко времени правления Тармаширина — 727 г. х.

За первый вариант чтения — тоже одно обстоятельство:

♦ вес этих дирхемов более 2 г (2,12; 2,13; 2,24 г), то есть они должны были быть чеканены до проведения реформы Кепека-Тармаширина в Бадахшане. Следовательно, принципиально чтение даты 717 г. х. тоже возможно.

Для однозначного ответа на вопрос о дате чеканки этих монет в настоящий момент необходимо решить два важных вопроса:

- 1) Была ли реализована реформа Кепека в Бадахшане в 722 г. х. или уже при Тармаширине?
- 2) Откуда пришло изображение «нишана» на монеты? Продукт ли это творчества мастеров резчиков, впервые выполнивших задание хана в 726 г. х., или он действительно перекочевал на одну из сторон чеканной продукции почти всех монетных дворов султаната с более ранних выпусков, например, бадахшанского монетного двора?

В зависимости от ответа на эти вопросы можно будет логично объяснить и дату 717 г. х. — чекан явился прототипом (в части использования «нишана» и тамги) для пореформенной (Кепека-Тармаширина) продукции; и дату 727 г. х. — реформа в области Бадахшан была реализована позднее, чем в центральных регионах страны, — лишь при Тармаширине. Поскольку еще в 721 г. х. в Бадахшане осуществлялась именная чеканка (монеты Йахийи), то, вероятнее всего, начало анонимной чеканки должно было быть осуществлено позднее. Известно из нумизматического материала, что не только наличие «нишана», но и анонимность монетной продукции являются в государстве Чагатаидов отличительным призна-

⁹² Петров П. Н. Реформа Кепека-Тармаширина // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. М., 2004. С. 76—77.

⁹³ Stephen Album. Price list N 180. June 2002. N 93.

⁹⁴ Stephen Album. A Checklist <...>. N A-1987.

ком посткепековского периода чеканки, начавшегося в 726 г. х. и закончившегося с принятием ислама в качестве государственной религии в 733 г. х. и началом именной чеканки Тармаширина. Именные бадахшанские динары Тармаширина 733 и анонимные 732 гг. х. очень наглядно это демонстрируют. Поэтому в настоящее время нет оснований рассматривать анонимные дирхемы Бадахшана в рамках иного временного интервала чеканки, чем 726—732 гг. х. Этот интервал можно сократить еще на один год, если учесть, что на МД Бадахшана динары начинают чеканить лишь в 732 г. х. (самая ранняя известная сегодня дата их чеканки), следовательно, реформа Кепека-Тармаширина была реализована в этой области не ранее 732 г. х. Очевидно, что весовая норма бадахшанского динара (шестидирхемовой монеты) уже соответствовала весовой норме динаров центральной чеканки, и, следовательно, весовая норма бадахшанских дирхемов тоже должна была быть приведена в соответствие. То есть анонимные монеты с повышенной весовой нормой чеканки (фактические веса: 2,24; 2,35; 2,12; 2,13 г) могли чеканиться в период 726—731 гг. х. и не позднее.

Особенно хочется подчеркнуть, что *не позднее 732 г. х. в Бадахшане было проведено реформирование монетной системы, приведшее к унификации монетного обращения во всем государстве.*

Именная чеканка Тармаширина, Джанкши, Йесун-Тимура и Казанхана, причем шестидирхемовых монет по общегосударственной весовой норме, свидетельствует о том, что в царствование Тармаширина положение и значение шахов Бадахшана в государстве стало менее выгодным или более контролируемым правительственной верхушкой, чем было прежде. И лишь с приходом к власти амира Казагана, который сначала прикрывал свои действия именем марионетки Данишменда (потомка Утедея), а затем чагатаида Буйан-Кули-хана, с чеканной продукции Бадахшана исчезают имена монгольских «правлящих» ханов. На настоящий момент мне не известно ни одной монеты Бадахшана (или иных монетных дворов этой области), несущих имена либо Данишменда, либо Буйан-Кули. Ошибочное отнесение М. Е. Массоном динара Орду Базара с именем Буйан-Кули, написанным уйгурскими буквами, к бадахшанской продукции рассмотрено выше. Однако титулы, лакабы и сентенции, характерные для монет Казана и Буйан-Кули, битых в центральных регионах государства, на динарах Бадахшана иногда присутствуют. И они, конечно, относятся к отсутствующему имени чагатайского правителя, а не местного шаха Бадахшана.

Существование некоего «открытого» М. Е. Массоном шаха «Баха-Расуля» мне представляется ошибочным. Но вот чеканка Шаха Баха-ад-Дина с титулом *султан* показывает, что типов динаров с его именем несколько (есть монеты, битые в Бадахшане и Хосте). В том числе существуют монеты 747 г. х. без каких либо признаков вассалитета этого зулкарнайна. Видимо, укрепление позиций Казагана, захват им Хорасана в 753 г. х., покорение Герата привели к появлению владетельных чагатайских титулов и иногда тамги на динаре Хоста, на динарах Баха ад-Дина в 750-х гг. х. Но уже в 759 г. х., когда Казаган был мертв, а его место занял сын Абдаллах, Шах Баха-ад-Дин осмеливается чеканить монету опять как

независимый правитель — только от своего имени (без титулов и лакабов Чагатаидов и без чагатаидской тамги).

Известны монеты бадахшанского круга, донесшие до нас имя Шах-Тимура, завладевшего в 759—760 гг. х., видимо, почти всеми территориями Чагатаидского государства (исключая Моголистан). В какой-то момент и территория Бадахшана попала под его власть. Но это правление не было длительным, и уже в 761 г. х. появился новый претендент на чагатаидские территории — Туглук Тимур, также оставивший свое имя на памятниках нумизматики этой области (см. каталог: монеты 762 и 765 гг. х.).

В 759 г. х. на политическую арену Средней Азии вышли (кроме Шах-Тимура и Абдаллаха) новые лица, сыгравшие впоследствии решающую роль в возрождении огромного сильного государства, каковым стала империя сахибкирана амира Тимура. Но это были не чагатаидские ханы, а амиры племен: Хаджи Барлас, амир Тимур (из того же племени барласов) и внук Казагана — Хусейн б. Мусаллаб б. Казаган. Конечно, легитимность моголистанского чагатаида Туглук-Тимура не шла ни в какое сравнение с авторитетом кого-либо из трех перечисленных амиров, тем более что его права были подкреплены внушительной армией джете (джете — 'разбойник'), как презрительно называли в Мавераннахре кочующие орды в северо-восточных и восточных регионах бывшей империи Чингизхана (в Моголистане). Именно поэтому так легко (и очень часто без боя) представитель правящей династии Туглук-Тимур захватывал Мавераннахр. Тактика каждого из перечисленных амиров в противостоянии Туглук-Тимуру была различной. Амир Хусейн бежал в Хорасан, а амир Тимур наоборот — поступил на службу к владетельному хану, но вскоре взбунтовался против его сына Илийас-Ходжи б. Туглук-Тимура, оставленного управлять Мавераннахром. В 763 г. х., по сведениям Фасих Ахмада, Бадахшан был завоеван амиром Хусейном, и в этом же году состоялась битва Байан-Салдуза и амира Хусейна с Туглук-Тимур-ханом, в результате которой Байан-Салдуз был пленен и казнен Туглук-Тимуром⁹⁵. Моголистанский правитель напал на Хусейна и вошел в Бадахшан, но сахибкиран амир Тимур пришел на помощь амиру Хусейну и вернул Бадахшан ему в подчинение⁹⁶. Шараф ад-Дин Али Йазди в «Зафар-наме» также сообщает о завоевании территории Бадахшана чагатаидом: «Его [Туглук-Тимур-хана] войска разграбили владения и разорили народ тех территорий и районов до горных круч Гиндукуша...»⁹⁷ Во время противостояния Илийас-Ходже и Туглук-Тимуру «владельцы Кундуза и Бадахшана Али и Махмуд Ши Кабули присоединились к [амиру] Тимуру с большими отрядами»⁹⁸.

⁹⁵ Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал Хавафи. Муджмал-и Фасих (Фасихов свод) / Пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980. С. 89.

⁹⁶ Автобиография Тимура: Пер. с тюркск. Ташкент, 1894. С. 74.

⁹⁷ Шараф ад-дин Али Йазди. Зафар-наме: Рук. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина ПНС. Л. 156 // История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Алматы, 1997. С. 119.

⁹⁸ Автобиография Тимура: Пер. с тюркск. Ташкент, 1894 // Тамерлан. Эпоха, личность, деяния: Сб. М., 1992. С. 87.

Видимо Бадахшан все же большую часть времени находился под властью Хусейна, а не Туглук-Тимура, и именная чеканка последнего в этом регионе не могла быть длительной. После победы над амиром Тимуром в «Грязевой битве» («Джанг-и лой») и последующего неудачного нападения Илийас-Ходжи на Самарканд в 765 г. х. (город, брошенный амирами на произвол судьбы, отстояли сербедары) он удалился в пределы Моголистана⁹⁹, а на политической сцене в Средней Азии остались Хусейн и Тимур.

Союз этих двух амиров не мог быть прочным и равноправным. Хусейн, обладая большим политическим весом и «стартовым» капиталом, постепенно подчинил себе большую часть территорий Средней Азии. Тимур же не хотел ему уступать не только по причине ненадежности такого партнерства, но и по причине собственного тщеславия. Однако ни тот ни другой лидер не мог управлять страной, не будучи представителем дома Чингизова, поэтому в 766 г. х. (по сообщению Фасих Ахмада) Хусейн возвел на престол султаната оглана Кабул-Шаха б. Дурджи б. Ильчикидай б. Дува-хан, «которого эмир Хусейн вместе с эмиром сахибкираном вытащили из рубища дервиша и возвысили на ханство»¹⁰⁰. К сожалению, даты, приводимые в «Фасиховом своде», далеко не всегда точны.

Судя по имеющимся дирхемам, битым на монетных дворах Бадахшан и Хост (?) (см. группу XVI), одна дата известна наверняка — 767 г. х. и, вторая, возможно, — 768 г. х. Есть среди описанных экземпляров и недатированные. В «Автобиографии Тимура», составленной уже в XVII в., сообщается, что Хусейн «отыскал находившегося в бедности и неизвестности Кабул-Шаха и посадил его на престол», но весной, испугавшись возможности нападения войска мятежников страны Джете (Моголистана), Хусейн обратился к Тимуру с просьбой о помощи. А воспитатель Кабул-Шаха, прознав про это, убил султана и бежал к Тимуру¹⁰¹. То есть автор относит смерть Кабул-Шаха к весне 768 г. х., при условии, что последний стал султаном в 767 г. х., а не в 766 г. х., как указано в «Фасиховом своде». Попробуем оценить достоверность таких датировок. В этой «Автобиографии» даты событий привязаны к возрасту сахибкирана амира Тимура курагана, и в этот момент ему было якобы 37 лет. Установлено, что Тимур родился 25 шабана 736 г. х./9 апреля 1336 г., т. е. 37 лет ему исполнилось в 773 г. х., но уже в 771 г. х. Хусейн был им казнен. Налицо явное хронологическое несоответствие, а следовательно, опираться на расчетные даты событий по указанному в этом источнике возрасту Тимура нельзя. В. В. Бартольд относит провозглашение Кабул-Шаха султаном к 1366 г. х., но затем указывает на его низложение и возведение на престол нового хана — Адил-Султана¹⁰². Год 1366 приходится на 767 и 768 гг. х., что не противоречит известным в нумизматике датам.

⁹⁹ *Шараф ад-дин Али Йазди*. Зафар-наме <...>. С. 119.

¹⁰⁰ *Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал Хавафи*. Муджмал-и Фасих <...>. С. 91.

¹⁰¹ Автобиография Тимура: Пер. с тюркск. Ташкент, 1894. С. 94—95.

¹⁰² *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 2, ч. 2. М., 1964. С. 37; *Он же*. Царствование Тимура // Тамерлан. Эпоха, личность, деяния: Сб. М., 1992. С. 432.

Совершенно очевидно, что Адил-Султан был также марионеткой амира Хусейна. Сведений о нем еще меньше, чем о Кабул-Шахе. Ст. Албум указывает на существование только бадахшанских дирхемов с его именем¹⁰³. Тобиас Майер ошибочно отнес отарские дирхемы с контурной сдвоенной волнистой тамгой к этому султану¹⁰⁴. Экземпляры этих монет лучшего состояния позволяют однозначно читать дату 741 г. х. и имя с лакабом: (*ала?* или *джалал?*) *ад-дин Али-Султан*. То есть, Ст. Албум прав в своем утверждении, что монет Адил-Султана, кроме битых в Бадахшанском регионе, пока не известно.

Другую картину событий рисует Абул-Гази Бахадур-хан — хивинский хан XVII в. По его собственному признанию, он для своих исследований имел под рукой восемнадцать исторических сочинений о чингизидах. По его представлениям, «по смерти Абдуллаха племянник его, эмир Хусейн, сын Беслая, сына эмира Кузгунова, поставил ханом Адил-Султана, сына Мохаммеда, (сына) Булада, сына Кюнчека, сына Дуи-ходжена, сына Барак-хана, сына Ясунту, сына Музукина, сына Джагатай-ханова. Но как скоро эмир Тимур открыл войну против эмира Хусейна, последний, подзревая в этом хана, связал ему руки и ноги и утопил его в реке. После того он поставил ханом Кабул-Султана, сына Дорджи, сына Ильчикидая, сына Дуи-ходжен-ханова. После сего эмир Тимур, сын эмира Турагая, из племени Берлас, вступил в сражение с эмиром Хусейном при Балхе. Эмир Тимур одержал победу и предал смерти хана и эмира Хусейна»¹⁰⁵. Из этого сообщения видно, что Адил-Султан тоже потомок чагатаида Дува-хана, как и Кабул-Шах.

Такой же очередности событий придерживается и английская исследовательница эпохи Тимура Хилда Хукхэм, связывая по времени смерть Кабул-Шаха со смертью Хусейна¹⁰⁶.

Итак, существует две версии очередности правлений Кабул-Шаха и Адил-Султана. Известный нумизматический материал пока не предоставляет необходимых доказательств (надежно читаемые даты на известных монетах Адил-Султана отсутствуют) для однозначного решения этого вопроса, но по косвенным данным некоторые предположения можно сделать. Из опубликованного в каталоге материала видно, что в Бадахшане после Кабул-Шаха 768 г. х. на монетах встречается ряд имен местных правителей. Следовательно, именная чеканка Адил-Султана в этот период вряд ли могла бы осуществляться, а это косвенно свидетельствует о том, что правил сначала Адил-Султан, а затем Кабул-хан. В этом случае датировка царствования Адил-Султана, приведенная Ст. Албумом (765—771 гг. х.), вряд ли справедлива, скорее он мог быть султаном в период

¹⁰³ *Album S. A Checklist <...>*. P. 100, N A 2012.

¹⁰⁴ *Mayer T. «SYLLOGE NUMORUM ARABICORUM TÜBINGEN. Nord- und Ostzentrasien. XVb Mittelasien II»*. Berlin, 1998. S. 17. N 38 (в = 1,22). Они присутствуют среди находок из Чуйской долины (сканированное изображение прислано мне А. М. Камышевым, из Бишкека; в = 1,25; д = 18); в составе частной коллекции в России (в = 1,36; д = 18—18,5).

¹⁰⁵ *Абуль-Гази-Багадур-хан*. Родословное дерево тюрков. С. 89.

¹⁰⁶ *Хукхэм Хилда*. Властитель семи созвездий: Пер. с англ. Г. Хидоятова. Ташкент, 1995. С. 59.

765—767 гг. х. С сомнением «читаемая» дата 767 г. х., обнаруженная Ф. Шварцем на дирхеме Хоста (см. в каталоге группу XV), также косвенно свидетельствует в пользу предложенной очередности. Однако пока утверждать наверняка можно лишь то, что одна марионетка сменила другую после смерти предшественника. Но Кабул-хан погиб все же не одновременно с Хусейном, а года на два раньше.

Фасих Ахмад сообщает под 768 г. х., что «падишах Бадахшана проявил вражду к эмиру Хусейн ибн эмир Мусаллабу»¹⁰⁷. Договорившись о совместном походе в Бадахшан с сахибкираном Тимуром, Хусейн, однако, отстал от Тимура, укрепляющего свое политическое положение и влияние, и Бадахшан был захвачен последним до прихода Хусейна¹⁰⁸. М. Е. Массон отмечал, что Тимур нанес крупное поражение бадахшанцам «и они выдали ему первого шаха Бадахшана, шейха Али, со всем его имуществом, стадами и табунами, признав над собой верховную власть эмира»¹⁰⁹. Следующий шах — шейх Мухаммад — принимал участие со своим отрядом в некоторых операциях Тимура. Имя шаха Мухаммада также подтверждается нумизматическими данными (см. группу XVII), причем его чеканку, видимо, следует отнести ко времени не ранее (а возможно, и не позднее) 768—769 гг. х.

Стефан Албум, описывая монеты музея Ашмолиен, в примечании сообщает о существовании монет Мухаммада с датами 759 и 769 гг. х. в коллекции ANS. Правильность интерпретации первой даты вызывает сомнения в связи с вышеизложенными рассуждениями. Но пока ничего более конкретного сказать по этому поводу нельзя.

Возможно, именно после Мухаммада началось правление Бахрам-Шаха, монеты которого также приведены в нашем каталоге (см. группу XVIII). Флориан Шварц относит его правление к 760-м гг. х.¹¹⁰, но все даты 760 гг. х. оказываются «занятыми», в то же время известна однозначно читаемая дата 776 г. х., следовательно, возможный реальный интервал его правления начинается не ранее чем с 769 г. х.

По всей видимости, в Бадахшане одновременно было несколько шахов, но их иерархическая подчиненность и взаимоотношения в этот период неясны. Понятно одно: они обладали существенной военной силой. Об этом свидетельствует сообщение Камал ад-Дина, который без хронологической привязки указывает, что в то время как Камар ад-Дин, Кебек-Тимур и Шир-Огул напали на монгольского предводителя Хаджи-бека и Шир-Огул был пленен и казнен Хаджи-беком, «шахи Бадахшана разграбили вилайет Кундуз»¹¹¹. Не обладая достаточной для таких действий военной силой, бессмысленно затевать подобные предприятия.

¹⁰⁷ Фасих Ахмад *ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал Хавафи*. Муджмал-и Фасих <...>. С. 93.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Массон М. Е. Исторический этюд <...>. С. 91.

¹¹⁰ Schwarz F. *Sylloge Numorum* <...>. S. 159.

¹¹¹ *Абд ар-Раззак Самарканди*. Матла' ас-Са' дайн ва маджма' ал-Бахрайн: Пер. извлечений / Пер. с перс. О. Ф. Акимовской // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973. С. 151.

Наступил момент, когда Тимур практически полностью перехватил инициативу у Хусейна и, осадив Балх, пленил и казнил бывшего сподвижника и его семью. В это время войсками в Бадахшане правил главнокомандующий Хусейна, который много раз прежде активно противостоял сахибкирану. Узнав о смерти своего хозяина, он собрал свои войска, боясь коварства теперь всесильного амира. Но Тимур хитростью привел этого главнокомандующего к себе на службу¹¹².

В 771 г. х. состоялось провозглашение сахибкирана амира Тимура курегена верховным правителем государства. Он поставил султаном Суюргатмиша (потомка Угедея), а после его смерти — очередную марионетку чагатаида Махмуд-хана, после которого уже никто из прямых потомков дома Чингизова больше в тимуридской Средней Азии не правил. Эта дата (771 г. х.) и является для настоящей статьи тем условным хронологическим рубежом, за пределы которого я не захожу.

М. Е. Массон писал о работе монетного двора Бадахшана в XIII—XIV вв.: «...судя по исключительной редкости монет... [чекан] не был постоянным и работал эпизодически от случая к случаю»¹¹³. С таким заключением трудно согласиться в настоящее время. Во-первых, редкая встречаемость монет Бадахшана для территорий Средней Азии — не показатель малых объемов и эпизодичности чеканки. Во-вторых, чагатайских монет вообще встречено намного меньше, чем, например, ильханских или джучидских, что может быть следствием активной их переделки в условиях монетной реформы сахибкирана амира Тимура. В-третьих, нумизматических изысканий, собственно, в области Бадахшан никто не проводил, и мы сегодня не имеем возможности знать, каков состав обнаруживаемых там кладов интересующего нас периода, велик ли процент продукции изучаемого монетного двора Бадахшана в этих комплексах.

Невозможно согласиться и с утверждением М. Е. Массона, что «...Бадахшан не испытывал после реформы Кепека особой нужды в разменном серебре, и на его монетном дворе чеканились преимущественно динары, вероятно, больше всего из политических или честолюбивых побуждений»¹¹⁴. Непонятно, почему до реформы он, видимо, по мнению автора, испытывал затруднения, а после реформы вдруг — нет? Сейчас можно утверждать, что реформирование монетной системы в Бадахшане было осуществлено не ранее 727 г. х. и не позднее 732 г. х., т. е. при Тармаширине, право сикка было теперь реализовано только в отношении чагатайских султанов (стоит лишь взглянуть на группы монет, приведенные в каталоге с № VIII по № XI). Кроме того, чеканка серебряной монеты из честолюбивых побуждений вообще велась крайне редко, поскольку потребность в чеканной монете диктует не политика, а экономика, т. е. рынок. Есть потребность — есть чеканка, нет потребности — нет и монеты. К сожалению, историки, да иногда и нумизматы, грешат ссылками на по-

¹¹² Уложение Тимура (напечатано по: Уложение Тимура. Ташкент, 1904) // Тамерлан. Эпоха, личность, деяния: Сб. М., 1992. С. 87.

¹¹³ Массон М. Е. Исторический этюд <...>. С. 91.

¹¹⁴ Там же.

литические амбиции султанов, когда не могут объяснить причины того или иного явления в экономике государства или области. Между тем, как убеждает опыт нумизматов-восточников, прокламативные выпуски чеканной продукции монетных дворов были не столь часты, но все же они объективно существовали, поскольку в мусульманском мире помещение имени правителя на ходячей монете являлось символом (признаком) власти и декларацией уровня его независимости. Поэтому малочисленные именные выпуски монет, выходявшие по определенным политическим причинам, конечно, осуществлялись. Эти микроэмиссии не могли как-то существенно повлиять на изменение количества обращавшейся на рынке государства массы монет. Количество чеканной продукции монетных дворов и масштаб цен всегда определялись степенью развитости экономики в государстве.

Приписывание тех или иных монет к чеканке прокламативного характера происходит по одной-единственной причине — по очень высокой степени их редкости. Но редкость — величина не объективная, а субъективная, и она может объясняться целым рядом объективных (ходом исторических событий) и субъективных (еще не все известные коллекции обработаны, еще земля не раскрыла свои тайны и т. п.) причин. Нумизматам постоянно приходится встречаться с ситуацией, когда редчайшие монеты, известные в двух-трех экземплярах, в один прекрасный момент становятся самыми стандартными, самыми часто встречаемыми. А вся причина в том, что на поверхность земли вдруг выходит огромный по размерам клад. Поэтому очень важной, но необычайно сложной (в большинстве случаев) задачей нумизматики является отнесение тех или иных монет к массовым эмиссиям или специальным (прокламативным) выпускам. И только после того, как ничтожность объема чеканки будет доказана неопровержимо, можно дальше рассматривать вопрос о принадлежности этих монет к прокламативному выпуску.

Тенденция же ко все возрастающему объему чеканки динаров по сравнению с дирхемами в XIV в. была присуща всем монетным дворам государства, а не только Бадахшану. Причина этого явления не проста и не лежит на поверхности, но и не спрятана за «семью печатями». Искать ее следует изначально также в области динамики экономического состояния государства, а не в политических амбициях шахов или ханов. Но это тема самостоятельного исследования.

В отличие от М. Е. Массона, я не могу взять на себя смелость утверждать, что с проведением реформы Кепека-Тармаширина в области Бадахшан весовой стандарт чеканки серебра был таким же, как в Мавераннахре (вплоть до 771 г. х.). Да, реформирование монетного обращения в области Бадахшан в 732 г. х. привело к унификации весовых стандартов чеканки, вероятно, на всех известных сейчас монетных дворах государства. Похоже, что дирхемы Кабул-Шаха чеканены действительно по стандартной весовой норме своего времени (близкой к 1,24 г), но метрологические параметры динаров периода Тармаширина — Казан-хана еще ждут своего исследователя.

Выводы

Если охарактеризовать в целом положение области Бадахшан в период чингизидского владычества в XIII—XIV вв., то, пожалуй, его трудно рассматривать иначе, как «кошелек» государства Чагатаидов. На это указывают прямые и косвенные факты:

1) Бадахшан никогда не подвергался такому варварскому уничтожению населения, как, например, города и области Мавераннахра;

2) даже завоевание этого региона проводилось Чингиз-ханом где силой, а где лестью;

3) чаще монголы предпочитали договориться с правителями Бадахшана, чем просто захватить область и обескровить ее;

4) положение местных правителей было особым. Они пользовались большими привилегиями и правами, чем правители других завоеванных территорий, что хорошо видно из анализа нумизматического материала и письменных источников;

5) область была богата как ценными камнями, так и еще, очевидно, действовавшими серебряными рудниками;

6) правители Чагатаидской державы и на протяжении XIV в. (до 771 г. х.) цепко удерживали эту область под своим контролем в любых самых сложных условиях междоусобицы:

— реформирование монетной системы в Бадахшане было осуществлено в правление Тармаширина (не позднее 732 г. х.). Несколько ранее (~ с 726—727 гг. х.) начинает обнаруживаться усиление контроля над монетным делом в Бадахшане со стороны верховной власти государства, местные правители теряют право помещать свои имена на монетах, а право сикка реализуется в отношении чагатаидских ханов в лучших мусульманских традициях;

— приход к власти амира Казагана знаменует возвращение местному правителю права сикка, причем даже без помещения чагатайских знаков власти (имен, тамг или просто титулов). Усиление позиций Казагана в 750-х гг. х. приводит к появлению на монетах титула и лакабов правящего представителя дома Чагатая, а смерть амира отображается на выпуске бадахшанского серебра в 759 г. х. полным отсутствием чагатаидских знаков власти и собственности;

— кратковременное владение Шах-Тимуром и затем Туглук-Тимуром областью Бадахшан оставило свой след в памятниках нумизматики и отмечено их именной чеканкой;

— более поздняя продукция монетных дворов Бадахшана и Хоста выпускается с именами марионеток амира Хусейна — Адил-Султана и Кабул-Шаха, но без помещения чагатаидской тамги;

— выпуск именных монет местных правителей начинается после смерти Кабул-Шаха, с 768 г. х.

Итак, с самого начала захвата Бадахшана ордами Чингиз-хана и до момента создания империи Тимура он являлся подчиненной и контролируемой чингизидами, а позднее монгольскими амирами территорией. Новые хозяева достаточно быстро поняли значение этой области и как эко-

номического, и как стратегического плацдарма для удовлетворения своих имперских амбиций. Именно поэтому так цепко старались они удержать эту область в своих руках и в XIV в. даже в сложных условиях внутренних междоусобиц.

В статье пересмотрен целый ряд принципиальных положений, выдвинутых в свое время В. В. Бартольдом и М. Е. Массоном на основании анализа фактического нумизматического материала.

ФРАГМЕНТ БРОНЗОВОЙ АЖУРНОЙ ЛАМПЫ ДЛЯ МЕЧЕТИ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

А. Д. Притула (Санкт-Петербург)

Как известно, среди предметов, найденных при раскопках Херсонеса, множество изделий, изготовленных в мусульманских странах, в том числе с арабскими надписями¹. Самый известный из таких предметов — бронзовый каламдан в собрании Эрмитажа (инв. № X-251).

В Северном районе Херсонеса экспедицией С. Г. Рыжова ведутся раскопки средневековых слоев города. Среди множества обнаруженных металлических предметов есть один, которому и посвящена эта статья².

Речь идет о фрагменте бронзового ажурного предмета размером 6,5×10,0 см, найденного в 1992 г. в четвертой усадьбе квартала X-A (рис. 1). В полевом отчете высказывалось (правда осторожно) предположение, что это фрагмент лампадофора [Рыжов 1992: 16]. Однако такое определение вызывает следующие возражения: 1) круглые византийские лампадофоры, в том числе найденные в Херсонесе [Византийский Херсон 1991: 210, 211, № 225, 226], представляют собой весьма толстые массивные конструкции, рассматриваемый же фрагмент очень тонок и гнется в руках. Очевидно, он не мог бы выдержать вес нескольких лампад; 2) круглые византийские лампадофоры имеют плоскую поверхность, в то время как данный фрагмент сильно выпуклый (что, к сожалению не видно на фотографии), т. е. он представлял собой часть некоего округлого предмета; 3) на этом фрагменте видны арабские буквы, написанные почерком куфи.

Мне представляется, что этот фрагмент был частью лампы для мечети. Сохранилось более десятка таких ламп из различных регионов распространения Ислама (от Северной Африки до Ирана). Почти все они собраны в обстоятельной работе Дэвида Сторм Райса, специально посвященной таким лампам [Rice 1955]. Известные в настоящее время лампы

¹ По мнению М. Г. Крамаровского, высказанному на обсуждении докладов чтений памяти В. Г. Луконина, чрезвычайно большое число вещей мусульманского происхождения является индивидуальной особенностью Херсонеса. Подобной картины не наблюдается на других памятниках Крыма.

² Хотелось бы выразить признательность С. Г. Рыжову, предоставившему мне возможность изучения и публикации этого предмета, а также А. А. Иванову и В. Н. Залесской за помощь в работе.

Рис. 1. Фрагмент бронзовой лампы для мечети из раскопок в Херсонесе. Ближний Восток, XI—XII вв.

этого типа относятся к периоду с X по XIII в.³; большинство их состоят из шаровидного тулова, более или менее приплюснутого, и горла, расширяющегося кверху. В тулове таких ламп, по мнению Д. Райса, размещался стеклянный резервуар [Rice 1955: 207, 227]. Поскольку таких резервуаров не сохранилось, данное утверждение может быть не совсем верным. Самое раннее известное нам изображение ламп для мечетей — на титульном листе Корана начала VIII в. [Искусство ислама 2000: 131, 132, № 37]. В арках мечети изображены лампы, по-видимому стеклянные (во всяком случае, они прозрачные), имеющие форму, аналогичную форме интересующих нас металлических⁴. На дне этих ламп хорошо видны помещенные в них горящие светильники, скорее всего металлические. Не исключено поэтому, что аналогичные светильники помещались и внутри ажурных металлических ламп. Об этом, кажется, свидетельствует их дно — единственная сплошная и ровная поверхность.

На многих ажурных лампах для мечетей содержатся арабские надписи, которые могут располагаться и в горловой части [Ward 1993: 11], и на тулове [Rice 1955: 212, 213, pl. VIII]. Именно такое расположение, по-видимому, имела надпись на лампе, о фрагменте которой здесь идет речь. Возможно, что этот фрагмент находился в верхней части тулова, около соединения с горлом. Во всяком случае, подобный пояс (бордюр) из повторяющихся розеток нередко находится в верхней части тулова [David 2001: 261, N 419] (рис. 2).

На херсонесском фрагменте (рис. 1) видна буква, от которой сверху отходят два листка. Очевидно — это буква *ميم*, прерванная внизу по причине скола. Обычное написание этой буквы — кружок либо овал. Декорирование *мима* листками хотя и не очень часто, однако встречается

На херсонесском фрагменте (рис. 1) видна буква, от которой сверху отходят два листка. Очевидно — это буква *ميم*, прерванная внизу по причине скола. Обычное написание этой буквы — кружок либо овал. Декорирование *мима* листками хотя и не очень часто, однако встречается

³ Одну лампу Д. Райс датирует концом IX—началом X в., что, однако, основано лишь на особенности почерка, поэтому данная датировка не может быть точна [Rice 1955: 214].

⁴ При раскопках в Самаре найдена стеклянная раннеисламская лампа сходной формы. Она имеет петли для цепей в самой верхней части тулова, как и лампы, изображенные на титульном листе Корана. Более поздние типы стеклянных мусульманских ламп имеют петли посередине тулова (как металлические). Вероятно, здесь представлен некий очень ранний тип стеклянной лампы для мечети.

в надписях «цветущим» куфи, как, например, на фрагменте другой бронзовой лампы для мечети [Rice 1955: 213, fig. 4]. На сохранившихся лампах для мечетей нет стандартных благопожеланий, характерных для изделий светского характера, но помещаются различные слова и фразы религиозного характера на арабском языке [Rice 1955: 212, 213; Ward 1993: 11].

На тулове вышеупомянутой лампы из коллекции Дэвида хорошо видна *басмала* (во имя Аллаха...), написанная почерком, сходным с почерком надписи на херсонесском фрагменте [Behrens-Abouseif 1995, p. 11, pl. 31; David 2001: 261, N 419]. При тщательном осмотре видно, что буквы на интересующем нас фрагменте — не что иное, как часть этих слов. Соответственно, *мим* — окончание слова *бисм* (во имя), а далее две высокие буквы *алиф*, *лам* — начало слова *Аллах*.

К сожалению, этот фрагмент (аналогичная лампа — в коллекции Дэвида), как и большинство бронзовых ламп для мечети, не имеет надежной датировки и локализации. Вообще из всех сохранившихся бронзовых ажурных ламп дата изготовления указана лишь на двух [Rice 1955: 207—212, pl. 1—7: 217—221, pl. 10, 11]. А эпиграфические и стилистические данные в данном случае недостаточны. На фрагменте одной лампы, приведенном выше, есть надпись «Иннама ал-мулк ли-ллах» ('Воистину, царство у Аллаха') [Rice 1955: 213] (рис. 3). Р. Харари датировал этот фрагмент X—XI вв., а Д. Райс — IX—X вв. [Rice 1955: 214].

Более точную датировку имеет золотая чаша, содержащая надпись почерком куфи, где буква *мим* также завершается наверху двумя листками (рис. 4). Эта чаша происходит из нихавандского клада (Западный Иран) и датируется XI в. [Ward 1993: 56]. Листки на херсонесском фрагменте имеют три острых зубца. Сходные листки с тремя зубцами над буквой *мим* представлены на эрмитажном серебряном кувшине, найденном между Ишимом и Шадринским на границе Тобольской и Пермской губерний [Даркевич 1976: 45, № 82; 115, табл. 36: 1, 2]. Наиболее вероятная датировка этого кувшина — XI—начало XII в., судя по фону в виде так назы-

Рис. 2. Бронзовая лампа из коллекции Дэвида (Копенгаген). Ближний Восток, XI—XII вв

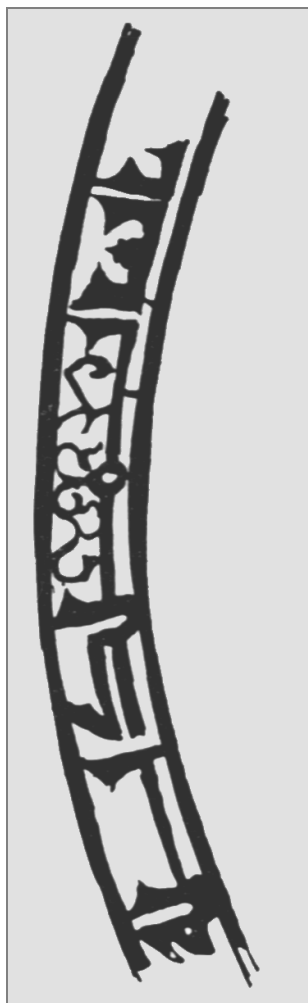

Рис. 3. Прорисовка надписи на лампе из Чикагского института искусств (по: [Райс 1955])

горловая часть — растительным орнаментом [Rice 1955: pl. X, XI]; появляются также лампы с орнаментами, подражающими тканям [Rice 1955: 222, 223, pl. XIII]. Однако насколько общий характер имел процесс такого усложнения, судить трудно по причине малого количества надежно датированных ламп. Не исключено, что в XI—XII вв. изготавливались также и лампы, декорированные более простым орнаментом. Судить же

ваемого «завитка без листиков», характерному для изделий из Ирана XI в. [Искусство ислама 2000: № 109]⁵.

Двумя листками и трилистниками украшены буквы *ميم* на деревянном фризе из Лувра X—XI вв., изготовленном, по-видимому, в Египте [Ars de l' Islam 1971: № 214]. В коллекции Дэвида (Копенгаген) хранится деревянная панель (возможно от михраба) с куфической надписью, изготовленная в Восточном Иране [David 2001: 261, N 419]. Буквы *ميم* на ней завершаются наверху не двумя листками, а трилистниками. Однако этот предмет, в отличие от предыдущих, имеет точную датировку (по надписи) — Мухаррам 503 г. х. / Август 1109 г. Вероятнее всего, он изготовлен в Иране [David 2001: 261, N 419]. Некой вертикальной чертой сверху (вырождающийся листик?) украшены буквы *ميم* на мраморной надгробной стеле первой половины XII в. из Лувра, изготовленной, вероятно, в Иране [Ars de l' Islam 1971: № 197]. Таким образом, херсонесский фрагмент можно датировать XI—XII вв. Хотелось бы, однако, заметить, что подобная датировка весьма приблизительна, и, возможно, не очень надежна.

Что же касается декора подобных ламп, то усмотреть здесь какую-то тенденцию очень трудно в связи с недостаточностью материала. Несомненно, что с XI—XII вв. происходит усложнение декора от прорезных кружков или простого геометрического орнамента более ранних ламп [Rice 1955: pl. VIII, IX] до более сложных растительных орнаментов (например на лампе, датированной 1090 г.), где тулово декорировано повторяющимися геометрическими фигурами, а

⁵ В. П. Даркевич датирует этот кувшин XII—XIII вв. по фону из «спиральных завитков» [Даркевич 1976: 45, № 82; 115].

Рис. 4. Золотая чаша из нихавандского клада. Иран, XI в.

по столь малому фрагменту о декоре всей лампы не представляется возможным.

Методика, примененная исследователем при раскопках, состояла в следующем: раскопки проводились лишь до уровня полов XIII в., датированных нумизматически и по комплексу керамики [Рыжов 1992: 8]. Стратиграфическая идентификация этих полов не подлежит сомнению — на них находятся следы пожара с разрушениями, от которых и погиб Северный район [Рыжов 2001: 310]. В отличие от Портового района, в нем не найдено монет Джучидов. Пожар произошел раньше — в III четверти XIII в., и ко времени нашествия на город татар в 1299 г. район был уже необитаем [Рыжов 2001: 310]. Н. Алексеенко, посвятивший специальное исследование монетам XIII в., найденным в Херсонесе, придерживается такой же датировки пожара.

В работе Н. Алексеенко рассматриваются основные типы монет, отмеченные в Херсонесе в XIII в. Уже с начала этого столетия прослеживаются сельджукские фельсы и дирхемы [Alekseenko 1991: 240—241], а также артукидские монеты, чеканенные в Хисн Кайфе (Месопотамия). Автор полагает, что Херсонес был основным торговым центром, связывавшим Северное Причерноморье с Малой Азией и Ближним Востоком [Alekseenko 1991: 243]. Он констатирует, что пожар и разрушения, следы которых отмечены в различных районах Херсонеса, относятся к началу второй половины (т. е. к третьей четверти) XIII в., после чего город медленно приходит в упадок [Alekseenko 1991: 244]. К сожалению, в работе не приводится раскладка монет по районам и объектам.

Херсонесский фрагмент, как и прочие находки из раскопок С. Г. Рыжова, был обнаружен прямо на полу вместе с бронзовой иглой и небольшой бронзовой ручкой от сосуда [Рыжов 1992: 16]. Вероятно, этот фрагмент, после того как лампа вышла из употребления, хранился в данной усадьбе вместе с другими металлическими предметами. Такое хранение металлического лома отмечено и в других усадьбах Херсонеса и объясняется, конечно, ценностью металла. Во всяком случае, никаких других фрагментов этой же лампы обнаружено не было. Факт находки более раннего предмета в слоях XIII в. не вызывает удивления. Общеизвестно, что предметы культового назначения часто служат подолгу.

Что касается места изготовления, то оно не определяется даже для целых ламп по причине недостаточности материала; однако все приведенные выше предметы с мимом, декорированным листками, происходят из различных регионов Ирана, поэтому не исключено, что данная лампа была изготовлена в Иране.

Проблема происхождения ажурных ламп для мечетей также представляет интерес. Поскольку никаких специальных исследований, насколько известно, по этой лампе не проводилось, кажется целесообразным остановиться на ней.

Р. Вард полагает, что ажурные лампы из мечетей восходят к византийским лампам, использовавшимся в культовых сооружениях и имевшим сходную форму [Ward 1993: 11, pl. 2]. В качестве примера она приводит найденную в Хаме (Сирия) известную лампу константинопольского производства [Ward 1993: 11, pl. 2, p. 41, pl. 28], датируемую началом VII в. [Dodd 1961: 248, no. 8]. Д. Райс в своей работе не касается вопроса происхождения мусульманских ажурных ламп, возможно, византийские лампы не были ему известны. Предположение Р. Вард представляется верным, однако она сделала его в своей обобщающей работе по мусульманскому металлу, где не было возможности остановиться на этой проблеме более подробно. Между тем следует обратить внимание на следующие различия между византийскими и мусульманскими металлическими лампами: 1) мусульманские лампы для мечетей сделаны из бронзы, в то время как дошедшие византийские лампы (кроме одной, о которой речь ниже) — серебряные⁶; 2) византийских ажурных ламп данной формы среди известных нет⁷; они имеют гладкую поверхность либо чеканный орнамент; 3) византийские лампы имеют петли для крепления цепей в верхней части горла, а мусульманские — на тулове. Такое же расположение креплений характерно и для стеклянных мусульманских ламп.

Следует заметить, что вообще не сохранилось мусульманских металлических ламп, датированных ранее X в., поэтому нет возможности точно определить этапы эволюции ламп первых веков ислама (если они вообще были), а все суждения на этот счет следует считать лишь гипотетическими.

Наиболее существенным подтверждением предположения Р. Вард представляется то, что византийские и мусульманские лампы имеют сходную форму, распространение их отмечено в одном регионе (прежде всего — в Сиро-Палестинском); и те и другие использовались в культовых сооружениях. Известно, что, пожалуй, единственная категория предметов, легко заимствовавшихся мусульманскими культовыми строениями у христиан-

⁶ Кроме лампы из Хамы известны и другие лампы данной формы, например в собрании Эрмитажа — из раскопок в Херсонесе [Залеская 1997: рис. 21]. Известны также лампы сходной формы, но не висячие, а ставящиеся на поверхность [Mango 1992: N 37, pl. 18]. О широком распространении обоих этих типов свидетельствуют изображения на серебряных дисках VI в.: висячая — на диске из Стумы [Mango 1986: N 34], стоячая — на диске из Рихи [Mango 1986: N 35].

⁷ Сохранившиеся ажурные византийские лампы имели совершенно иную конфигурацию: их профиль напоминает по форме плоскую чашу [Mango 1992: N 41, 43, 46, 48].

ских, — это осветительные приборы. Последнее не наблюдается с другими категориями культовых предметов, что объясняется коренными литургическими различиями этих религий⁸. Например, в мечети Кай-Равана (Тунис) использованы круглые лампадофоры византийского типа [Ward 1993: 68, pl. 51]. Очень ценным представляется свидетельство Насир-и Хосрова, приведенное Р. Вард в своей книге [Ward 1993: 68, pl. 54—56]. Этот персидский автор XI в., описывая мечеть в Иерусалиме, сообщает, что там горело множество ламп из бронзы и серебра. К сожалению, не представляется возможным определить, были ли это византийские лампы, помещенные в мечети, или уже лампы мусульманского производства, или те и другие, что вероятнее всего. Во всяком случае, серебряные мусульманские лампы для мечетей до нас не дошли. На особое значение украшения лампами мусульманских святынь с точки зрения благочестия указал и Са'ди в «Бустане», правда без указания материала, из которого они изготовлены:

Если у тебя в пустыне не будет колодца⁹,
Повесь лампу в месте паломничества!

[Bustan 1368: 176]

Известны египетские лампы, имеющие аналогичную форму, но изготовленные из бронзы. Одну из них, из раскопок в Рифе (ныне в музее Виктории и Альберта) [Petrie 1907: 30, pl. 38] датируют обычно VII—VIII вв. (рис. 5) [Petrie 1907: 30; Rice 1955: 227]¹⁰. Однако же бронзовая лампа идентичной формы из собрания Эрмитажа (вероятно, того же времени, что лампа из Рифе) говорит скорее о коптском (т. е. христианском) происхождении этих ламп [Христиане на Востоке 1998: 166, № 227]. Возможно, они были сделаны под влиянием византийских образцов. Во всяком случае, существо-

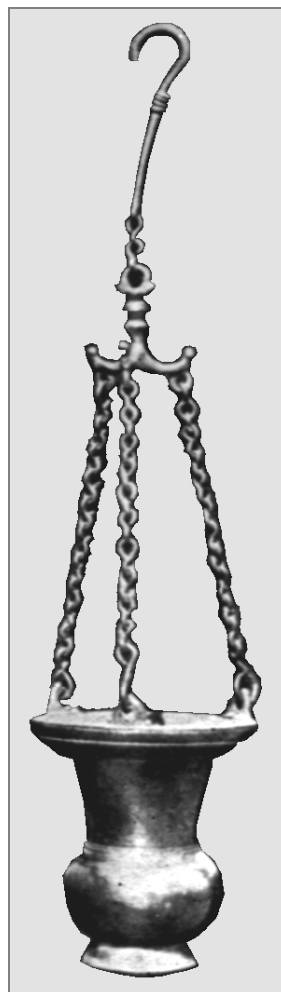

Рис. 5. Бронзовая лампа из раскопок в Рифе. Египет, VII—VIII вв.

⁸ Известен факт, что халиф Омар (634—644) привез в мечеть Медины серебряное сирийское кадило, где оно хранилось какое-то время [Ward 1993: 40]. Возможно, оно использовалось в качестве осветительного прибора — лампы, поскольку литургического каждения в исламе не существует.

⁹ В этом рассказе ранее речь идет о благочестивом человеке, который в пустыне напоил из колодца бездомную собаку.

¹⁰ Эта лампа была найдена вместе с куфическими дирхемами 718—808 гг., что не противоречит приведенной выше датировке [Rice 1955: 227].

Рис. 6. Бронзовая лампа из раскопок Херсонеса. Византия, XI—XII вв.

вание доисламских бронзовых ламп с креплениями в горловой части очевидно.

Д. Райс описывает сплошные утолщенные щитки, на которых держались петли для крепления цепей на мусульманских ажурных лампах. Их наличие он объясняет непрочностью ажурной поверхности и необходимостью ее усиления в местах крепления цепей [Rice 1955: 227, 228]. Поэтому неудивительно, что на ажурных мусульманских лампах петли для крепления цепей находились на тулове, а не в горловой части. В противном случае ажурное соединение горла с туловом могло не выдержать тяжести светильника. Следует также учесть, что многие мусульманские лампы имели большие по сравнению с византийскими размеры, а следовательно и вес.

В собрании Эрмитажа находится бронзовая (латунная) кованая лампа, найденная при раскопках в Херсонесе и датируемая XI—XII вв. (рис. 6).

Высказывалось мнение, что она сделана под влиянием мусульманских ламп. Однако же на горле ясно видны следы креплений, т. е. сохраняется византийский тип крепления цепей. В физической лаборатории Эрмитажа С. В. Хавриным были проведены анализы этой лампы. У нее отсутствует дно, вместо которого в нижней ее части имеется круглое отверстие. Однако под микроскопом по диаметру этого отверстия хорошо заметны следы припоя, свидетельствующие о том, что первоначально дно присутствовало. Лампа изготовлена из латуни с высоким содержанием цинка и низким содержанием свинца (основа медная, цинк — 10—15 %, свинец 2 %, олово — следы), что типично для кованых изделий. Эта лампа схожа по своим пропорциям с коптскими бронзовыми VI—VII вв., значительно более вытянутыми, чем византийские серебряные лампы. Вероятно, эта лампа подтверждает существование византийских бронзовых ламп в более раннее время; последние и могли послужить непосредственным прототипом для мусульманских бронзовых ламп¹¹. Разумеется, это лишь предположение.

Д. Райс в своей работе приводит несколько примеров мусульманских бронзовых ламп сходной формы со сплошным (неажурным) туловом [Ri-

¹¹ Известна также очень миниатюрная лампа из Херсонеса, датируемая VI—VII вв. [Византийский Херсон 1991: 33, № 18], служившая лампадой или кадиллом, о ней речь пойдет ниже. Таким образом, бронзовые византийские лампы сохранились на периферии.

се 1955: 223—225]. Сохранившиеся образцы относятся к XIV—XVI вв. и происходят из Сиро-Палестинского региона и Египта [Rice 1955: 223—225]. Д. Райс ставит вопрос, каким образом подобные лампы могли освещать соответствующие помещения мечети (этот же вопрос можно отнести и к византийским лампам со сплошной поверхностью). Он предполагает, что свет от них распространялся отраженным от потолка [Rice 1955: 223—225]. Данное предположение представляется не очень правдоподобным, учитывая, сколь слаб свет, исходящий от подобных светильников. Кроме того, одна из таких ламп, а именно из мамлюкского Египта, имеет сверху на некотором расстоянии от собственно лампы сплошную бронзовую крышку типа колпака [Wiet 1932: 13, no 130, pl. 26].

Сам же Д. Райс высказал предположение, что такие мусульманские лампы со сплошным туловом могли копировать некие более ранние модели [Rice 1955: 224]. Это предположение представляется верным. На выставке мусульманского искусства в Лувре находится бронзовая лампа (инв. № МАО 908) интересующей нас формы, не учтенная в работе Д. Райса; публикации ее нам также не известны. Это самая маленькая из известных нам мусульманских металлических ламп (по виду не более 10 см в высоту). Все тулово ее сплошное, лишь в горловой части несколько рядов прорезных кружков. В самой широкой части тулова лампы находится пояс куфической надписи, а также следы от щитков для крепления цепей. Не вызывает сомнений, что такая маленькая лампа использовалась как лампада, т. е. горела при помощи фитиля, помещенного в верхней части. Лампадой же или кадиллом, видимо, служила еще одна очень маленькая лампа, из Херсонеса, датируемая VI—VII вв. [Византийский Херсон 1991: 33, № 18]. Подобные маленькие бронзовые византийские лампады или кадила могли послужить прототипом для лампады из Лувра. Однако же способ применения более крупных металлических ламп со сплошным туловом (в том числе византийских) остается под вопросом¹².

Во всяком случае, византийская бронзовая лампа из Херсонеса свидетельствует о том, что лампы данной формы были известны в этом городе в интересующий нас период (XI—XII вв.). По мнению В. Н. Залесской, данная форма могла использоваться лишь в зданиях культового назначения. Использование ее в жилищах исключено (по устному сообщению). Тогда логичным кажется предположить, что бронзовая ажурная лампа с арабской надписью, фрагмент которой рассматривается в данном сообщении, также могла использоваться в культовых целях, например, для какой-нибудь часовни. О проживании в Херсонесе мусульманской общины пока никаких данных нет¹³. Напротив, предполагается, что усадьба

¹² Очень правдоподобным представляется предположение А. А. Иванова, высказанное им в устной форме, что крупные металлические лампы со сплошной поверхностью (во всяком случае, мусульманские) представляли собой курильницы. Возможно, они имели светское применение, например дворцовое. Это относится прежде всего к лампам мамлюкского периода.

¹³ По мнению М. Г. Крамаровского, высказанному на обсуждении докладов чтений памяти В. Г. Луконина, чрезвычайно большое число вещей мусульманского происхождения являются индивидуальной особенностью Херсонеса. Подобной картины не наблюдается на других памятниках Крыма.

№ 3 из этого же квартала, смежная с той, где был найден фрагмент лампы, принадлежала священнику. Об этом свидетельствуют обнаруженные в ней предметы литургического назначения [Рыжов 1988: 5].

Возможность употребления в христианском культовом строении лампы, предназначенной для мечети, не вызывает удивления. В каталоге выставки «Христиане на Востоке» сообщается об использовании в храме Гроба Господня в Иерусалиме мусульманских стеклянных ламп, которые обычны в мечетях и мавзолеях [Христиане на Востоке 1998: 53, № 67]. Таким образом, можно отметить явление, обратное упомянутому ранее: заимствование христианскими культовыми сооружениями мусульманских ламп, что связано с появлением качественных изделий для освещения мечетей. Следует отметить также, что, насколько известно, это первая находка фрагмента металлической ажурной лампы для мечети за пределами региона распространения ислама. Любопытно, что лампы данного типа ранее не находили на территории СНГ, в том числе в Средней Азии.

Литература

- Византийский Херсон 1991: Византийский Херсон: каталог выставки. М.
Даркевич 1976: Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М.
Залеская 1997: Залеская В. Н. Прикладное искусство Византии IV—XII вв.
Искусство ислама 2000: Земное искусство — небесная красота. Искусство ислама. СПб.
Рыжов 1988: Рыжов С. Г. Отчет о раскопках X-A квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 г.
Рыжов 1992: Рыжов С. Г. Отчет о раскопках X и X-A кварталов в Северном районе Херсонеса в 1992 г.
Рыжов 2001: Рыжов С. Г. Средневековые жилые кварталы X—XIII вв. в Северном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 8. Симферополь. С. 290—311.
Христиане на Востоке 1998: Христиане на Востоке. Искусство мелькиотов и инославных христиан. СПб.
Aleksenko 1991: Aleksenko N. On the question of currency circulation and the Development of Chersonese Trade Ties in the Thirteenth Century // Acts of XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected papers. Vol. 4. М. P. 239—244.
Ars de l'Islam 1971: *Ars de l'Islam* des origines a 1700 dans les collections, francaises. Paris.
Bustan 1368: Duktur Muhammad Khazaili. Sharh-i Bustan. Tehran.
David Collection 2001: Folsach K. Art from the World of Islam in the David Collection. Copenhagen.
Dodd 1961: Dodd E. C. Byzantine silver stamps. Washington.
Mango 1986: Mango M. Silver from Early Bysantium. The Kaper Karaon and Related Treasures. Baltimore.
Mango 1992: Mango M. Ecclesiastical Silver Plate in Sixth-Century Byzantium. Washington.
Petrie 1907: Petrie W. M. Gize and Rife. London.
Rice 1955: Rice D. S. Studies in Islamic Metalwork // BSOAS. V. 17/2.
Ward 1993: Ward R. Islamic Metalwork. London.
Wiet 1932: Wiet G. Catalogue général du musee arab du Caire. Objets en cuivre. Le Caire.

ПО ПОВОДУ ХРИСТИАНСКОГО СЕЛЕНИЯ УРГУТ

А. В. Савченко (Киев, Украина)

...среди местной интеллигенции, наверное, найдутся люди, хорошо знакомые с окрестностями Ургута и Кара-тюбе, которые могли бы определить местонахождение христианского селения. Было бы интересно произвести осмотр указанной местности; если бы при этом оказались какие-нибудь следы некогда процветавшего здесь христианства, то, конечно, было бы необходимо позаботиться об охране этих древностей.

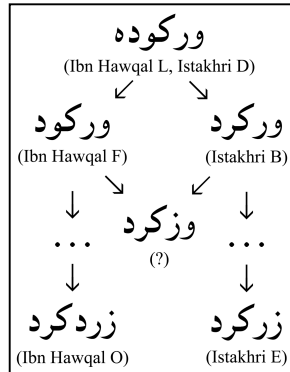
[Бартольд 1966в: 110]

В 1894 г., составляя реестр культурных памятников Туркестанского края, В. В. Бартольд столкнулся с проблемой местонахождения христианского монастыря, описанного двумя арабскими географами X в. со всей точностью, возможной для средневекового автора. «Теперь я убедился, что следует читать Шавдар... и что имеется в виду горная цепь, расположенная непосредственно к югу от Самарканда, у подошвы которой находится города Кара-тюбе и Ургут» [Бартольд 1964: 279].

В последующих работах точка зрения автора не изменилась, но и не стала конкретнее: «Местоположение христианского селения довольно подробно описано в рассказе Ибн Хаукаля, точный перевод которого был помещён мною в „Туркестанских ведомостях“ за 1894 г.» [Бартольд 1966б: 91]. Автор добавляет: «Название селения до сих пор не установлено с точностью. Де Гук принимает чтение *wzkrd* (Вазкерд) и, кроме того, приводит чтения *wrkwd* и *zrdkrd*» [Там же: примеч. 11]. Из «Туркестанских ведомостей» такое чтение переходит во все последующие работы Бартольда, но *без этого примечания*¹.

Спустя шесть лет Вяткин ссылается на Бартольда: «Приводим из прекрасного труда г. В. Бартольда — „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“, появившегося в свет во второй половине текущего года, выписку места, касающегося Вазкерда. ...Во всяком случае, если бы уда-

¹ Ср.: «Название этого поселения в рукописях передаётся различно (*wrkwd*, *zrdkrd*, *wzkrd*)» [Бартольд 1964: 279].

лось отыскать более или менее точное местоположение Вазда (Визда), то с большей долей вероятия на то, что это и есть Вазкерд Истахри и Ибн-Хаукаля, можно было бы приступить к обследованию такой местности и к раскопкам» [Вяткин 1900].

Наконец, уже в советское время, редактор Бартольда ссылается на работу Вяткина [Вяткин 1902]: «Вяткин отождествил это христианское селение с нынешним селением Кингир в районе Ургута» [Бартольд 1966а: 145], чем замыкает порочный круг, существующий по сей день.

В 1996 г. я предложил считать, что Вазкерд является графическим искажением формы Ургут, возникшим в процессе филиации рукописей аль-Истахри и Ибн Хаукаля [Savchenko 1996: 337]. Со времени опубликования у моей точки зрения появились сторонники [Naymark 2001: 84, Baumer 2005: 173—174] и противники [Grenet, De la Vaissière 2002: 161—163; Лурье 2004: 178]. Последние основывают свои возражения на новом чтении строки 15 мугского документа V-18 (письмо Деваштича Афшуну, хуву Хахсара). В этой строке содержится слово, которое Лившиц считал именем собственным *w'škrt* [Лившиц 1962: 123—126]. По мнению Ф. Грене и Э. Де ля Вэсьер, палеографические соображения подсказывают *wyztkrt* (топоним). Авторы соотносят его с топонимом Вазд/Визд, встречающимся у ас-Сам'ани и в двух вакфных документах XVI в., делая вывод: «Wizdgird is mentioned in Islamic sources under two forms which stem from the Sogd. form here rediscovered: al-Istakhri and Ibn Hawqal give Wazgird, while Sam'ani and XVIIth-century *waqf* documents give Wizd or Wazd» («Wizdgird is mentioned in Islamic sources under two forms which stem from the Sogd. form here rediscovered: al-Istakhri and Ibn Hawqal give Wazgird, while Sam'ani and XVIIth-century *waqf* documents give Wizd or Wazd»). Из этого П. Лурье заключает: «После прочтения *wyztkrt* в согдийском тексте раннеисламское *Wazkarda* получает надежнейшее подтверждение и его исправления оказываются невозможными».

Ниже я намерен показать с большей наглядностью, что: а) написание *wzkrđ* является продуктом морфологической рефлексии лейденского издателя, незнакомого со среднеазиатской топонимикой²; б) чтение «Вазкерд» нечаянно ввел в обиход молодой специалист В. В. Бартольд при первом посещении Туркестана; в) *wyztkrt* мугского документа V-18 — это полная и более ранняя форма топонима Визд/Вазд, действительно встречающегося у ас-Сам'ани и в вакфных грамотах XVI в., но не тождественного Ургуту.

² О чём он откровенно говорит сам: «Nam plus semel doctus Arabs falsam lectionem praetulit. Valde autem accrevit annotatio eo quod plures hujus libri in Oriente recensiones circumferebantur, quarum diversitas mihi non videbatur negligenda» («Nam plus semel doctus Arabs falsam lectionem praetulit. Valde autem accrevit annotatio eo quod plures hujus libri in Oriente recensiones circumferebantur, quarum diversitas mihi non videbatur negligenda») (Praefatio к изданию аль-Истахри 1870 г. P. VII—VIII).

1. Утверждение о том, что аль-Истахри и Ибн Хаукаль дают *Wazgird*, не соответствует действительности³. В разных рукописях их сочинений это слово пишется по-разному: Хаукаль *F: wrkwd; L: wrkwdh; O: zrdkrd*; Истахри *B: wrkrd; D: wrkwdh; E: zrkrd*. В примечании к изданию аль-Истахри Де Гье пишет: «Возможно, следует читать *rzkrd*», а в критическом тексте Ибн Хаукаля написание *wzkrd* дано без указания на его происхождение *в отличие от всех остальных написаний*. Из этого я заключаю, что форма *wzkrd*, не встречающаяся ни в одной рукописи, не отражает ничего, кроме лучших намерений издателя.

2. Гаплоглогия, которой Лурье по недоразумению объясняет *wīztkrt* → *wzkrd*, могла бы иметь место, если бы схожие слоги непосредственно следовали друг за другом (*знаменосец* ← *знаменосец*; *syllabication* ← *syllabification*; *a'vous vu?* ← *avez-vous vu?*).

3. Опрощение могло бы произойти, если бы не вокализм иранских [Топонимика Востока 1964: 167] и армянских [Капанцян 1940: 102—103] аналогий, на основании которых изначальная форма восстанавливается как *wīzt/da/akert/d* со вставным гласным, разряжающим стечение трех согласных и тем самым снимающим фонетическую необходимость в опрощении.

4. Опрощение на фонетическом уровне повлекло бы за собой (или являлось бы следствием) деэтимологизацию на семантическом уровне. В этом случае мы должны допустить следующее: вначале *wyztkr* (форма VIII в. — мугский документ) утрачивает *t/d* и превращается в *wzkrd* (форма X в. — Ибн Хаукаль/аль-Истахри), а затем *снова* приобретает его, возвращаясь в форме *wāzd/wīzd* (форма XII в. — ас-Сам'ани). Это маловероятно.

5. В постулируемом изменении долгий гласный исчезает (*wīztkrt* → *wzkrd*) необъяснимым образом.

Я думаю, что вышесказанное даёт мне право квалифицировать точку зрения моих оппонентов как заблуждение, состоящее в том, что: а) существует некое «принятое со времени Де Гье чтение», от которого я предложил отказаться в пользу конъектуры собственного сочинения; б) заново прочитанный мугский документ подтверждает «принятое чтение», тем самым опровергая эту конъектуру.

На самом деле можно констатировать следующее: а) Де Гье приводит *шесть* вариантов написания этого слова, из которых *три* ясно читаются как «Ургут» *без каких-либо конъектур*; б) эволюция *wrkwd* → *wzkrd* является банальной с точки зрения арабской орфографии⁴, в то время как обратное (*r* → *w*) нехарактерно для арабской рукописной традиции; в) мугский документ *подтверждает* мою точку зрения, т. к. он обосновывает форму Вазд/Визд, отличную от Ургута и несводимую к нему⁵. Я не сомневаюсь в правоте Вяткина, локализовавшего Вазд/Визд на месте ны-

³ Тем более в вымышленной форме *Wāzgird* [Grenet, De la Vaissière 2002: 161].

⁴ Из многих примеров такого рода, перечисленных О. Г. Большаковым в докладе «О некоторых особенностях арабской орфографии» (Сессия Института востоковедения, ноябрь 2004 г.), приведу один: *al-Ran* ← *Alwan* (*Alban*, т. е. Кавказская Албания).

⁵ Исходя из арабского написания в двух формах — *Wōzd* и *Wīzd*, согдийской формой было *Wēzd* (замечание профессора Н. Симс-Вильямса в письме от 24.03.2005).

нешнего Кингира, как и в том, что там никогда не было христианского монастыря, по недавно высказанным соображениям [Савченко 2005: 335].

Мне кажется, что искажение текста в ходе многократной переписки происходило в той последовательности, которая показана на рисунке, причём *дважды* встречающаяся *наиболее полная* форма является первоначальной, постепенно искажаясь до неузнаваемости.

Ранее высказанные соображения по части этимологии данного топонима, записанного по-арабски [Savchenko 1996: 337], касались его первой части ⁶. Происхождение второй части может быть таким: согд. *kt*, *kt'k* 'дом' (перс., тадж. *kad*, *kada*) ← др.-ир. **kata* (от **kan* 'копать' или **kat* 'покрывать') ← и.-е. **ket*, **kot* 'жилое помещение'. Этимологические соответствия следующие: шугнанское *čid*, рушанское *čod*, рошорвское и бартангское *čöd*, сарыкольское *čed* 'дом', афганское *kota* 'дом, комната', ваханское *kut* 'крыша', мунджанское *kut* 'помещение, комната', осетинское *kxt* 'конюшня', ягнобское *kat*, язгулямское *kūd*, парфянское *kdg*, хотаносакское *kata* 'covered place; дом', с указанием на искомую долготу в бартангском и рошорвском ⁷.

Раскопки 2004 г. в Ургуте показали [Савченко 2005: 333—338], что в истории поисков забытого монастыря скоро можно будет поставить точку. Ни имеющиеся данные, ни здравый смысл не допускают возможности одновременного существования на территории нынешнего Ургутского района (т. е. в горах Шавдар к югу от Самарканда) *двух* монастырей, один из которых был бы описан арабскими географами, а второй остался бы незамеченным.

Литература

Бартольд 1964: *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.

Бартольд 1966а: *Бартольд В. В.* Географический очерк Мавераннахра // Сочинения. Т. IV. М.

Бартольд 1966б: *Бартольд В. В.* Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научной целью // Сочинения. Т. IV. М.

Бартольд 1966в: *Бартольд В. В.* По поводу христианского селения Вазкерд // Сочинения. Т. IV. М.

Вяткин 1900: *Вяткин В. Л.* Где искать Визд? // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 5-й (11 декабря 1899—11 декабря 1900). Ташкент.

Вяткин 1902: *Вяткин В. Л.* Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. VII. Ташкент.

⁶ «А (ты) ту ограду (Вар) сделай длиною в лошадиный бег по всем четырем сторонам. Туда снеси семена животных, скота, людей, псов и огней красных, пылающих...» (*Видеадат* 2, 25) [Залеман 1880: 179—180].

⁷ Ванджское *čawgad* — 'курятник', букв.: 'дом курицы', язгулямское *türkud*, ванджское *torgod* — 'верхний дом', язгулямское *xqwürkūd* — 'солнца дом', дарвазское *sixkad/sikad* (*six/si* — неясно, *kad* — 'дом'). Все памирские соответствия сообщены мне Х. Х. Курбановым, в течение многих лет работающим над этимологическим словарём памирских языков.

- Залеман 1880: *Залеман К. Г.* Очерки древнеперсидской литературы // Всеобщая история литературы / Под ред. В. Ф. Корша. Т. 1. Ч. 1. СПб.
- Капанцян 1940: *Капанцян Гр.* Историко-лингвистическая топонимика древней Армении. Ереван.
- Лившиц 1962: *Лившиц В. А.* Согдийские документы с горы Муг: Чтение, перевод, комментарии. Вып. II: Юридические документы и письма. М.: Л.
- Лурье 2004: *Лурье П. Б.* Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.
- Савченко 2005: *Савченко А. В.* По следам арабских географов // Археологические исследования в Украине 2003—2004 гг. Киев.
- Топонимика Востока 1964: *Топонимика Востока.* М.
- Baumer 2005: *Baumer Chr.* Frühes Christentum zwischen Euphrat und Jangtse. Eine Zeitreise entlang der Seidenstrasse zur Kirche des Ostens. Stuttgart.
- Grenet, De la Vaissière 2002: *Grenet F., De la Vaissière E.* The last days of Panjikent // SRAA. 8.
- Naymark 2001: *Naymark A.* Sogdiana, its Christians and Byzantines: a Study of Artistic and Cultural Connections in Late Antiquity and Early Middle Ages: Ph.D thesis. Bloomington.
- Savchenko 1996: *Savchenko A.* Urgut Revisited // ARAM Periodical (The Journal of the Society for Syro-Mesopotamian Studies). Vol. 8/2. Leuven.

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ОРИЕНТАЛИСТЫ

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНСТАНТИНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИНОСТРАНЦЕВА (1876—1941)

Н. Е. Васильева (Санкт-Петербург)

Широко известный в свое время историк Востока Константин Александрович Иностранцев занимает особое место в истории русского востоковедения. К. А. Иностранцев родился в последней четверти XIX в. Его научная деятельность, к которой он приступил в самом начале XX в., сразу была замечена научной общественностью в России и за ее пределами. Впервые в русской науке он исследовал восточные источники с целью изучения материальной культуры древнего и мусульманского Востока. Особенный интерес испытывал Константин Александрович (далее К. А.) к культуре сасанидского Ирана: исторической этнографии, религии, искусству, литературе. Выявляя и анализируя древнеиранскую культурную традицию по рукописям арабских историков, он отмечал ее проявление на произведениях искусства и этнографии, на археологических памятниках и в письменных источниках на пехлевийском языке, а также указывал на ее черты в мусульманской культуре. Это был оригинальный и глубокий исследователь.

К. А. Иностранцев родился 5 апреля (по старому стилю) 1876 г. в семье профессора Санкт-Петербургского университета, видного геолога, основателя русской школы геологии А. А. Иностранцева (1843—1919)¹. В 1895 г., после окончания Ларинской классической гимназии, он поступил на арабско-персидско-турецко-татарский разряд факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, деканом которого, а также преподавателем арабского языка и арабской словесности был в то время академик Виктор Романович Розен. Личность барона Розена, его интерес к арабским рукописям, задачам востоковедения, преданность науке вызывали исключительное к нему уважение и любовь коллег и учеников. Доброжелательная научная атмосфера на факультете оказалась весьма благотворной для развития таланта К. А. Иностранцева, точнее, его призвания к научным занятиям, которое рано обнаружилось. Уже в студенческие годы К. А. проявлял самый серьезный научный интерес

¹ *Иностранцев А. А. Воспоминания.* СПб., 1998.

К. А. Иностранцев

к вопросам истории, археологии, культуры и искусства Востока². Почти каждое лето он посвящал изучению этнографических и археологических собраний западноевропейских музеев.

Первая же самостоятельная исследовательская работа К. А. Иностранцева «Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей и об отношении к нему европейских гуннов», написанная в студенческие годы на конкурсную тему факультета, была удостоена золотой медали и рекомендована к печати³. Автор предполагал напечатать свою работу через несколько лет. Но публикация в 1899—1890 гг. статей мюнхенского синоведа Ф. Хирта о тождестве народа гунну с хуннами вновь возбудила интерес к данной проблеме, и К. А., откликнувшись рецензи-

ей на его работу, счел своевременным и актуальным опубликовать свой «библиографический обзор» обширной литературы по данному вопросу, впервые представленный в науке. К. А. пришел к выводу, что вопрос об отношениях кочевых народов хунну и европейских гуннов — один из наиболее сложных в исторической этнографии Средней Азии, и он не может быть решен без участия синоведов. На основании имеющихся в его распоряжении материалов можно лишь попытаться представить доводы в пользу того или другого предположения. Ф. Хирт в своей работе пытался решить вопрос, перешли ли хунны на запад, а этнографическую принадлежность этих народов он не рассматривал вообще.

Студенческая работа К. А. с некоторыми сокращениями и дополнениями была опубликована в III и IV выпусках журнала «Живая старина» за 1900 г. (см.: Список научных трудов. № 1). Эта работа получила высокую оценку В. В. Бартольда, отметившего в своей рецензии: «Умение приводить в систему наличный материал — едва ли не самое необходимое качество для современного ученого, и этим качеством г. Иностранцев обладает в редкой степени»⁴. В 1926 г. в связи с новыми публикациями по гуннскому вопросу К. А. подготовил второе издание (Список научных трудов. № 38).

По окончании в 1899 г. Университета с золотой медалью и дипломом первой степени, К. А. был оставлен на факультете восточных языков для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории Востока⁵.

² ГИАЛО, ф. 14, оп. 2, д. 1367.

³ Отзыв о работе студента К. Иностранцева «Критический разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей и об отношении к нему европейских гуннов» // Отчет СПб. Университета за 1898 г. СПб., 1899. С. 187—188.

⁴ Бартольд В. В. // ЗВОРАО. Т. XIII (1900). 1901. С. 0109—0113.

⁵ СПбФ Архива РАН, ф. 208, оп. 1, № 375, л. 1.

С 20 ноября 1902 г. К. А. Иностранцев участвовал в заседаниях Восточного отделения Императорского русского археологического общества, а с 18 апреля 1907 г. стал действительным его членом. Доклады, сделанные им на заседаниях Общества, всегда были оригинальны и интересны, почти все они опубликованы в Записках Восточного отделения русского археологического общества. В 1901 г. в статье «Из истории старинных тканей...» (см.: Список... № 3) он устанавливает происхождение названий пяти дорогих старинных русских тканей (восходящих к XIV—XVII вв.) из арабского, персидского и итальянского языков. Эти названия долгое время имели в литературе неверное объяснение, которое с 1835 по 1899 г. переходило из словаря в словарь, из работы в работу. Затем он устанавливает происхождение названий драгоценных камней базерзат и безар (безур, безуй) из арабского и персидского языков (см.: Список научных трудов. № 4). В статье «К истории игры в поло» (1902) объясняется историческая основа описанного в арабском источнике IX в. предмета материальной культуры — подаренной греческим царем сасанидскому шахиншаху Хосрову Парвизу «диковинной» механической игрушки, которая приводилась в движение при помощи воды и представляла собой отлитого из золота всадника на серебряном коне в момент игры в поло.

Научные интересы К. А. Иностранцева формировались и развивались под влиянием барона Розена. В 1902 г. после смерти одного из виднейших представителей русского востоковедения барона В. Г. Тизенгаузена В. Р. Розен предложил К. А. дополнить и издать оставшиеся библиографические карточки В. Г. Тизенгаузена по мусульманской археологии, расположенные в алфавитном порядке на русском и европейских языках. Работа эта потребовала много времени и растянулась на несколько лет вплоть до 1906 г., так как библиографию необходимо было дополнить новой научной литературой и тщательно продумать классификацию всего материала, что было возможно только в свободное от основной работы время (см. ниже). В 1903 г. к этой работе был привлечен сотрудник Эрмитажа — Я. И. Смирнов. Разнообразная и в то же время четкая систематизация материала по искусству, орнаментике, живописи, архитектуре, скульптуре, эпиграфике, палеографии, геральдике, сфрагистике и художественным промыслам свидетельствует о глубоком знании ими предметов материальной культуры и искусства мусульманского Востока X—XV вв. В России впервые В. Г. Тизенгаузен в последние годы жизни занялся изучением предметов роскоши и искусства мусульманского Востока по описаниям арабских историков и географов, намереваясь издать обширное монографическое исследование. Однако самая важная часть его работы осталась неосуществленной. Систематизация материала, представленная К. А. Иностранцевым и Я. И. Смирновым, была разработана впервые в науке. Параллельно с этой работой К. А. занимался научными исследованиями.

На высказанное в одной из статей В. Р. Розена пожелание увидеть специальную работу о праздновании Науруза К. А. откликнулся блестящим исследованием «Древнейшие арабские известия о праздновании Науруза в сасанидской Персии» (1906). Представив перевод текста Кис-

рави, арабского автора IX в., он в подробном комментарии разбирает все обычаи и обряды традиционного календарного праздника — дня весеннего равноденствия, сопоставляя их со всеми другими имеющимися в литературе сведениями.

К этой же области исследования относится его замечательный этюд «Отрывок военного трактата из сасанидской книги „Айин-наме“ — „Книги установлений“» (1907). К. А. открыл новый путь для изучения истории сасанидского Ирана. Он обратил внимание на ряд важнейших цитат из пехлевийских книг сасанидского времени, которые до нас не дошли, но были переведены на арабский язык в сочинениях арабских историков. Отрывки несохранившейся книги «Худай-наме» — «Книги деяний», о которой упоминают арабские авторы и части которой в переводе на арабский язык сохранились в их сочинениях, вызвали пристальное внимание западных исследователей: Нельдеке, Брокельмана, Веста. К. А. впервые обратил внимание на книгу «Айин-наме», о которой упоминал Ибн-Кутейба и которая в Фихристе стоит после «Худай-наме». Однако Ибн-Кутейба перевел отрывок из «Айин-наме» не с оригинала, а с более ранней рукописи арабского автора Ибн-ал-Мукаффы, который переводил «Айин-наме» с пехлевийского текста. Перевод Ибн-ал-Мукаффы не сохранился. Лишь фрагмент из его перевода, посвященный военному делу, вошел во вторую книгу десятитомной антологии Ибн Кутейбы «Уюн ал-ахбар». Изучая этот текст, К. А. рассматривает военную организацию как часть общегосударственной и устанавливает на некоторых конкретных примерах влияние на арабскую культуру сасанидского Ирана и Византии. Перевод и критический разбор этого текста, сопоставление полученных данных с историческими трудами Прокопия и Аммиана Марцеллина, а также с памятниками сасанидской материальной культуры позволили К. А. сделать выводы по основным пунктам сасанидской военной теории, он выявил правила, касающиеся военного дела Сасанидов, одерживающих победы при помощи легкого оружия — лука. Здесь, в частности, высказана остроумная догадка о том, как следует понимать выражение, встретившееся в арабском тексте при описании стрельбы из лука: «и держать в двадцати трех как бы в шестидесяти трех, и крепко сжать три». К. А. понял, что эти цифры означают «дактилономию» — счет по пальцам. Система счета по пальцам была неодинакова в разных регионах у арабов и персов. Кроме того, необходимо было правильно определить весьма сложное положение пальцев, поскольку в сасанидское время существовало несколько способов натягивания лука. К. А. разобрал и описал эти правила. Далее, рассуждая и доказывая, что арабский текст, вероятно, был переведен с персидской пехлевийской книги «Худай-наме», он в персидских словарях (фархангах) XV в. нашел данные для решения этого вопроса.

В 1907 г. на страницах ЗВОРАО была опубликована новая чрезвычайно интересная работа К. А. Иностранцева «Торжественный выезд фатимидских халифов», представляющая перевод и обширный комментарий особо трудного арабского текста этнографического содержания из сочинения ал-Макризи — описание церемониала самого важного средневекового мусульманского праздника — новогоднего выезда халифов. К. А.

сопоставил сведения трех арабских источников: «Ал-Хитат» ал-Макризи (766—845/ 1364—1442), «Субх ал-а'ша» ал-Калкашанди (ум. 891/1418) в переводе Вюстенфельда и «Ан-нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-л-Кахира» Ибн-Тагрибирди (813—874/1411—1469), содержащих наиболее подробные описания выезда халифов в день празднования Нового года. Перевод арабских этнографических текстов крайне труден ввиду отсутствия разработанной терминологии. Особенно трудно правильно перевести описанные предметы искусства и быта: оружие, драгоценные камни, диковинные подарки, одежды халифа, его родственников, придворных дам, чиновников, слуг. Не менее трудно было разобраться в большом количестве названий чинов и государственных должностей. К. А. выработал приемы работы над восточными текстами этнографического содержания, разработал методику исследования фактического материала и представил детальное монографическое исследование этнографических и художественных особенностей средневековой мусульманской культуры. В. Р. Розен оставался его неизменным консультантом на протяжении всей работы. Этот труд К. А. Иностранцева является классическим образцом исследований подобного типа⁶. «Доведенный до предельной тонкости филологический анализ соединился в этом произведении с безукоризненным знанием иной раз очень далеких от фатимидского Египта традиций»⁷.

Находки в различных местах Средней Азии оссуариев и остоданов (костехранилищ) побудили К. А. откликнуться статьей «Туркестанские оссуарии и остоданы» (1907). Пытаясь ответить на вопрос, какому времени и какому народу принадлежат эти оссуарии, К. А. высказывает свои соображения в пользу авестийского культа огнепоклонников домусульманского периода, усматривая в них художественные традиции сасанидского искусства.

В 1908 г. К. А. защитил диссертацию на степень магистра истории Востока — «Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья». Работа основана на издании предложенного ему В. Р. Розеном текста арабского трактата, возводимого к известному автору IX в. ал-Джахизу. Для исследования К. А. получил при посредничестве Академии наук подлинники этой рукописи из Лейденской Академической и Берлинской Королевской библиотек. Особый интерес представляло культурно-историческое содержание текста, позволившее выявить некоторые приметы и поверья, относящиеся к домусульманскому периоду истории Древнего Ирана. К. А. пришел к выводу, что элементы восточноиранской культуры древнего периода продолжали существовать не только в сасанидскую эпоху, но и в начале XX в. — у принявших ислам иранских племен⁸. В трактате прослеживается сильное влияние Ин-

⁶ А. Н. Кононов в частной беседе говорил автору статьи: «„Торжественный выезд фатимидских халифов“ — это классика!» Б. Н. Заходер считал, что «Торжественный выезд фатимидских халифов» — произведение ученого, которое трудно не назвать образцовым // Архив РАН, ф. 1532, оп. 1, № 176, л. 1—3.

⁷ Там же, л. 1—3.

⁸ Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья // ЗВОРАО. Т. XVIII (1907—1908). СПб., 1908. С. 232.

дии на суеверия и гадания сасанидского времени, которые сравниваются с арабскими гаданиями и противопоставляются им.

7 февраля 1910 г. состоялась защита докторской диссертации К. А. Иностранцева «Сасанидские этюды». В этой книге объединены этюды по истории культуры древнего и раннесредневекового Ирана, ранее опубликованные в различных научных изданиях и связанные между собою феноменологически и методологически. Они касаются научного изучения исторической этнографии и прослеживают исторические традиции культуры и искусства сасанидского Ирана, переходящие в культуру ислама и выражающиеся в форме заимствований и адаптации либо переосмысления и творческой переработки. Вопрос о влиянии культуры древнего Ирана на развитие мусульманской культуры он считал самым актуальным в современной ему науке и изучал его с особой тщательностью. Для таких исследований необходимо было быть специалистом в области истории культуры не только древнего Ирана, но и мусульманского Востока. За этот фундаментальный труд, принесший К. А. известность в зарубежном востоковедении, Восточное отделение Русского археологического общества в 1913 г., в шестую годовщину кончины академика В. Р. Розена, присудило К. А. Иностранцеву золотую медаль имени барона В. Р. Розена⁹.

Труды К. А. Иностранцева относятся ко всем отраслям науки о древнем и раннесредневековом Иране. Он занимался и этнографией, и религией, и историей, и археологией, и литературой Ирана, всегда оставаясь историком. Его исследования были основаны на колоссальной источниковедческой базе, они касались истории арабского халифата, мусульманского права, мусульманских сект и орденов, истории быта азиатских народов, религии, военного искусства, военного оружия, военных действий, торговли, материальной культуры, ремесел, иранских и мусульманских обычаев и обрядов. Отдельные исследования были посвящены раннеиндийскому Средневековью, индийским парсам и зороастрийскому культу огня. Ряд статей прояснил историю бытования в русском языке некоторых редких названий восточных тканей и драгоценных камней. Огромнейший диапазон хронологических и географических горизонтов входил в круг интересов и компетенцию этого необычайно преданного науке ученого. К тому же К. А. обладал оригинальным научным и литературным стилем изложения и всегда придавал большое значение оформлению своих работ. Наиболее значительные результаты достигнуты им в области изучения сасанидской культурной традиции, военной теории, истории религии и быта.

В последние годы жизни из-за тяжелой болезни деятельность К. А. была не столь плодотворна, как в ранний период, но статьи его, публиковавшиеся в основном в иностранной периодике, все так же значительны.

Высокую оценку научной деятельности К. А. Иностранцева дал В. В. Бартольд, подчеркнув особую трудность перевода и анализа относящихся к этнографии и искусству арабских текстов, которые К. А. выбирал для своих исследований. В. В. Бартольд отметил, что работа с такими источ-

⁹ Архив ИИМК РАН, ф. 3, № 434.

никами требовала помимо основательного знания языка, также глубоких познаний в области материальной культуры и начитанности ¹⁰.

В очерке «Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года» В. Б. Тураев упоминает К. А. Иностранцева среди первоклассных представителей науки ¹¹.

И. Ю. Крачковский в «Очерках по истории русской арабистики» характеризует К. А. как ученого широкого охвата, большого знатока материальной культуры эпохи халифата и как проникательного исследователя арабских источников для истории сасанидского Ирана, подчеркивая, что это едва ли не один из первых специалистов в этой области ¹².

В составленной Л. Н. Карской «Аннотированной библиографии отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии 1818—1917 гг.» учтено в соответствующих разделах более тридцати работ К. А. Иностранцева ¹³.

Деятельность К. А. Иностранцева была чрезвычайно разносторонней. Одновременно с напряженной научно-исследовательской работой К. А. занимался музейной работой в должности хранителя-этнографа.

В 1901 г. при создании Этнографического отдела Русского музея, управляющим которого был Великий князь Георгий Михайлович Романов, на должность заведующего отделом был приглашен старший этнограф Академии наук Д. А. Клеменц, который, подыскивая для штата Музея специалиста по мусульманскому Востоку, обратился на Восточный факультет Петербургского университета. Факультет порекомендовал К. А. Иностранцева, известного своим глубоким интересом к предметам исторической этнографии ¹⁴. Для своих изысканий К. А. изучал рукописи на арабском, персидском и турецком языках. У него был особый дар, особое тонкое чутье исследователя, умеющего правильно понять исторический источник, обратить внимание на, казалось бы, незначительные сведения и мелкие детали, которые часто вели к серьезным научным выводам.

Но предложение Д. И. Клеменца, вероятно, не было заманчивым для Константина Александровича, так как у него не было склонности к музейной и экспедиционной работе по сбору этнографического материала. Тем не менее, по размышлении и под влиянием советов старших коллег, предложение это было принято. Взяв же на себя обязанности хранителя-этнографа, он исполнял их добросовестнейшим образом, как и все, что он делал в жизни, «не боясь строгого суда» коллег. С самым пристальным вниманием относился он к проблемам и нуждам Музея, стремясь воспитать в себе необходимые для музейной работы качества, проявлял творческую инициативу при решении всех музейных вопросов.

В середине декабря 1901 г. К. А. Иностранцев представил проект организации коллекций по мусульманскому Востоку, в котором разделил

¹⁰ СПбФ Архива РАН, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 250.

¹¹ Тураев В. А. Русская наука о Древнем Востоке до 1917 года // АН СССР. Труды комиссии по истории знаний. 3. Л., 1927. С. 8.

¹² Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. С. 169.

¹³ Карская Л. Н. «Аннотированная библиография отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии 1818—1917 гг.». М., 2000.

¹⁴ ЦГИА, ф. 696, оп. 1, № 287, л. 14.

задачи этнографии и истории быта, с одной стороны, и истории искусства и археологии — с другой¹⁵.

После опубликования в начале 1902 г. «Программы сбора этнографического материала», в разработке которой К. А. Иностранцев принимал деятельное участие, в Музей активно стали поступать экспонаты¹⁶. В этот период весь штат отдела занимался регистрацией коллекций. Наблюдение за печатными списками коллекций было поручено К. А.

Осенью 1902 г. К. А. Иностранцев по решению совета отдела был командирован на Кавказ со специальной целью установить связь с местными этнографами и административными лицами, подыскать помощников-собираателей на местах и распределить между ними задачи¹⁷.

В 1903 г. отдел был разделен на четыре подразделения. В компетенцию К. А. Иностранцева входили материалы, относящиеся к Кавказу, Средней Азии, Крыму и сопредельным странам Востока. С начала 1903 г. была учреждена финансовая комиссия под председательством Д. И. Толстого, обязанности постоянного члена этой комиссии были возложены на К. А. Иностранцева. В марте 1903 г. К. А. Иностранцев совместно с Н. М. Могилянским был командирован в Москву для изучения постановки музейного дела. Они осмотрели Исторический, Румянцевский, Политехнический и Художественно-промышленный при Строгановском училище музеи и пришли к выводу, что состояние музеев не отвечало современному уровню культуры¹⁸.

В 1904 г. с 10 апреля по 28 мая К. А. Иностранцев был командирован на Северный Кавказ. Он побывал в центре Караногайской степи, где сохранилось больше старины, собрал в кочевых аулах уникальную коллекцию по караногайцам¹⁹ и отметил, что их быт представляет собой переходный от типичного для Средней Азии степного кочевого быта к быту представителей Кавказа — оседлых и кочевых горцев²⁰. Возвращался он через Грозный, в Гребенских станицах приобрел у терских казаков ритуальный «корабль», который в Троицу пускали по реке²¹. Далее его путь лежал в Чечню и Дагестан. Он посетил аулы Левашаи и Хаджалмахи в Гунибе, затем Хунзах и Ботлих и на юге — Кази-Кумух, где собрал интереснейшие коллекции по аварцам, андийцам, даргинцам, лакцам и чеченцам и отметил, что сбор материала затруднен там не только из-за исчезновения старины, но и из-за появления изделий современных народных промыслов²². В Тбилиси (тогда Тифлис) ему удалось приобрести у местных торговцев десять наиболее типичных для Кавказского региона азербайджанских ковров, разнообразных по технике исполнения, особенно-

¹⁵ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 66.

¹⁶ Программа для сбора этнографических предметов. [СПб.], 1902.

¹⁷ Архив ГРМ, ф. 1, оп. 1, № 66, л. 72б.

¹⁸ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 1, № 18, л. 6—7.

¹⁹ К. А. Иностранцев присутствовал на свадьбе сына головы караногайцев, сделал большое число фотографических снимков и приобрел свадебную арбу и кибитку на колесах, которые были утрачены во время блокады Ленинграда.

²⁰ Архив ГМЭ, ф. 1, № 18, л. 39—41.

²¹ В настоящее время «корабль» представлен на экспозиции в ГМЭ, кол. № 339.

²² Архив ГМЭ, ф. 1, № 18, л. 39—41.

стям орнамента и цветовой гамме, и собрать сведения о местах изготовления и бытования таких ковров²³. Эта коллекция послужила основой для дальнейшего сбора образцов коврового ткачества в Закавказье.

В 1905 г. К. А. Иностранцев совершил большую разведывательную экспедицию в Крым. Он посетил Симферополь, Евпаторию—Бахчисарай, Богатырскую область Ялтинского уезда (дер. Лаки, Керменчик, Гавры, Богатырь, Узбеньбаш, Фот-сала, Коккоз); Алушту—Судак (дер. Куру-Узен, Улу-Узан, Туак, Ускют, Кансхд, Кутлак); Судак—Феодосию (дер. Таракат, Туклук, Коз, Отуз, Коктебель); Феодосию—Старый Крым—Карасубазар—Симферополь²⁴. Во время этой поездки он собрал материалы по крымским татарам (кол. ГМЭ № 735, 747, 762, 763, 764, 785, 786), по караимам (кол. ГМЭ № 800 — полный костюм караимского раввина, предметы одежды), по грекам (кол. ГМЭ № 861 — старинный женский греческий костюм), по болгарам (кол. ГМЭ № 860 — среди прочего полный костюм невесты). Кроме того, были сделаны фотографии Крыма и разных бытовых сцен (кол. ГМЭ № 735, 840). В этом же году, как делегат Музея, К. А. принимал участие в XIII археологическом съезде в Екатеринославе. В июне 1906 г. К. А. Иностранцев был командирован в Казань и Тбилиси. Осенью того же года он совершил экспедицию в Большой Карачай Баталпашинского отдела Кубанской области (аул Карт-Джурт) и в Большую Кабарду (Нальчик и окрестные селения). В ауле Карт-Джурт был приобретен целый комплекс предметов: полный богатый традиционный карачаевский девичий костюм, принадлежавший одной из знатнейших феодальных семей Карачая — Крымшамхаловым²⁵; образцы золотого шитья, галунов, тесьмы; ковры; ткацкий станок с принадлежностями; модели сакли; земледельческие орудия; упряжь и прочее (кол. ГМЭ № 1084); кроме того, были приобретены кабардинские предметы быта (кол. ГМЭ № 1083) и сделаны ценные фотографические снимки. Осенью 1907 г. К. А. Иностранцев на территории Азербайджана (Ленкорань и соседние селения) собрал коллекцию по талышам (кол. ГМЭ № 1354), а также сделал фотоснимки различных типов людей, бытовых сцен и характерных для данной местности пейзажей²⁶. Мир-Ахмад-хан талышский подарил Музею некоторые части отделки его загородного дворца из селения Шах-Агач, в частности оконные наличники, цветные стекла и двери работы персидских мастеров XVIII—начала XIX в.²⁷ В апреле 1908 г. К. А. принимал участие в заседании Комиссии, образованной при Комитете для изучения Средней и Восточной Азии по вопросу сохранения древних памятников Тур-

²³ Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций. Л., 1981. С. 48, 52, 54, 64, 69, 24, 101; *Васильева Н. Е.* К. А. Иностранцев как сотрудник этнографического отдела Русского музея // ППИПИКНВ, XXIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1989. Ч. 1. М., 1991. С. 114—126.

²⁴ Архив ГРМ, оп. 1, № 66, л. 142б—143.

²⁵ Костюм княжны Крымшамхаловой — комплексное одеяние из нескольких предметов включает бархатное платье вишневого цвета, украшенное золотым шитьем, — представлен на постоянной экспозиции в ГМЭ, кол. № 1084.

²⁶ Народы Кавказа, с. 116; Фотоархив ГМЭ, № 1244.

²⁷ Архив ГМЭ, оп. 1, № 66, л. 197. Коллекция ГМЭ № 1437 погибла во время блокады Ленинграда.

кестана. К концу мая 1908 г. К. А. Иностранцев первым из сотрудников отдела составил систематический каталог по своему подразделению²⁸.

В июне 1906 г. К. А. выезжал в Казань и Тбилиси для переговоров со старыми корреспондентами и подыскания новых. От помощников-собираателей в этом году в Музей поступило более десяти коллекций.

К. А. Иностранцев глубоко вникал в специфику музейного дела. По его предложению была создана фототека. Заботясь о сохранности экспонатов, он заметил, что лубочные картины следует хранить в библиотеке. Дальновидность К. А. Иностранцева проявилась и тогда, когда в мае 1908 г. он настаивал на использовании мебели железной конструкции, которая и до сих пор считается наиболее удачной²⁹.

Своей инициативой К. А. Иностранцев внес большой вклад в создание и организацию работы этнографического отдела Русского музея (позднее этнографический отдел превратился в Государственный музей этнографии). Он положил начало сбору восточных коллекций Музея. Собранный им материал имеет уникальную научную ценность, тем более что уже в начале XX в. эти предметы представляли большую редкость. При сборе экспонатов К. А. Иностранцев руководствовался комплексным подходом, представив разные социальные слои и отразив это в описании коллекций. Всего им собрана 31 коллекция, в том числе 8 фотоколлекций. Обучение местных собирателей материала для этнографического отдела обеспечило пополнение фондов Музея. За заслуги в формировании фондов Музея К. А. Иностранцев был дважды награжден: в 1905 г. — орденом св. Станислава III степени и в 1907 г. — орденом св. Анны III степени. Материалы собранных им коллекций использовались исследователями в научных трудах и в настоящее время представляют большой интерес для специалистов³⁰. Многие предметы, собранные К. А. Иностранцевым, представлены на постоянной экспозиции в Государственном музее этнографии. Глубокое знание К. А. Иностранцевым древневосточной и средневековой мусульманской культуры делало его особенно ценным сотрудником этнографического отдела Русского музея.

12 декабря 1908 г. К. А. Иностранцев вышел в отставку и причислился к Эрмитажу. На его место был назначен его ученик, уже работавший в отделе, А. А. Миллер. С 1910 по 1915 гг. К. А. был причислен к Министерству народного просвещения, затем вышел в отставку. Состоял членом Общества взаимопомощи литераторов и ученых³¹.

После революции 1917 г., когда все сбережения в банках были национализированы, К. А. остался без средств существования и постоянного места жительства. Ему приходилось снимать жилье по найму, часто менять адреса, он вынужден был обращаться к коллегам с просьбой сохранить его «кофр» (сундук) с ценными научными материалами. Отсутствие

²⁸ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 1, д. 40. Журнал заседаний Совета этнографического отдела, № 177—234, л. 52.

²⁹ Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 1, д. 43, л. 9.

³⁰ Бонч-Осмаловский Г. Свадебные жилища турецких народностей: Материалы по этнографии. Л., 1926. Т. III, вып. I. С. 101—110 и др.

³¹ СПбФ Архива РАН, ф. 208, оп. 1, № 375, л. 1.

крова и минимальных средств существования бесконечно мучило больного ученого. Зимой 1927 г. он жил в скромной комнате в отеле «Англетер»³². Поддержку ему оказывали его коллеги Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, П. К. Коковцев, В. В. Струве и другие. В 1933 г. К. А. разрешили ночевать в главном здании Академии наук, на третьем этаже, между малым конференц-залом и управлением³³. Последние годы жизни К. А. были крайне тяжелы. Во время блокады Ленинграда в 1941 г. он жил во дворе Пушкинского дома в помещении, ныне занимаемом кочегаркой, и приходил в Институт востоковедения, находившийся тогда в здании Библиотеки АН СССР, греться и пить кипяток из титана, который сутками топился внизу. Там, в Турецком кабинете, встречался с ним и беседовал в дни блокады А. Н. Кононов, работавший тогда над своей докторской диссертацией. К. А. дал ему много ценных советов.

Меня поражала его исключительная профессиональная память! Как фокусник из чудесного сундука, выкладывал он названия сочинений одно за другим. На все мои вопросы касательно Средней Азии он давал совершенно точные ответы! На память сообщил он такое количество источников, сыпал цитатами из рукописей, сыпал сочинениями, как из чудесного мешка, а я в то время работал над Навои и Абул-Казими. Когда он умолкал, он был погружен в себя, поглощен своими мыслями. Он был совершенно одинок. Во время блокады для него много сделал В. В. Струве, очень о нем заботился, выхлопывал пайки. Обладал К. А. независимым характером и удивительно интересно писал! Это был ярчайший ученый! Когда он находился в самом расцвете сил, что-то острым ножом перерезало его жизнь. Трагическая судьба высокоталантливого человека. То, что им сделано, вошло в золотой фонд научного вклада в историю Средней Азии и Ирана. «Торжественный выезд фатимидских халифов» — классика! С научной точки зрения это высококачественное сочинение, написанное высокохудожественным научным языком³⁴.

Из-за отсутствия прописки К. А. остался в дни блокады без продуктовой карточки. Дважды, в октябре и ноябре 1941 г., В. В. Струве добивался для него пропуска в столовую АН СССР. Скончался К. А. от голода в декабре 1941 г. В январе 1942 г. Д. И. Тихонов, тогдашний директор Института востоковедения, исполнявший в дни блокады обязанности комиссара отряда обороны АН СССР стрелки Васильевского острова, с одним из сотрудников Института разыскал последнее место жительства К. А. Иностранцева; они собрали уцелевшие бумаги и библиотеку ученого, упаковали в коробки и на санках привезли в помещение Азиатского музея АН СССР. Ценнейшую и дорогостоящую «Энциклопедию ислама» Д. И. Тихонов собственноручно запер в надежном шкафу, и она пережила блокаду. Другие материалы разбирались уже в мирное время. Книги из библиотеки К. А. Иностранцева влились в фонд библиотеки Института, на форзаце каждой его книги в правом верхнем углу имеется надпись рукой владельца. Бумаги К. А. хранятся сейчас в архиве СПбФ ИВ РАН, ф. 105.

³² СПбФ Архива РАН, ф. 800, оп. 3, № 410, л. 1—10.

³³ Там же. Л. 12.

³⁴ Записано во время личной беседы с А. Н. Кононовым в 1986 г.

К. А. Иностранцев обладал независимостью взглядов и суждений, которые отстаивал как в научных трудах, так и на заседаниях Восточного отделения русского археологического общества и заседаниях совета этнографического отдела. Большую моральную поддержку в работе вплоть до своей внезапной кончины оказывал ему В. Р. Розен ценными советами и замечаниями. Благодарность и особое отношение к нему К. А. сохранял до конца своей жизни.

Труды К. А. Иностранцева вошли в фонд классического наследия отечественного востоковедения. Они выполнены с исключительной тщательностью и добросовестностью и до сих пор не утратили своего научного значения.

Список научных трудов Константина Александровича Иностранцева

1. Хунну и гунны. (Библиографический обзор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов) // Живая старина. Год X. Вып. III. СПб., 1900. С. 353—386; То же // Вып. IV. СПб., 1900. С. 525—564. Отд. отт.: СПб., 1900. 78 с. Рец. на эту работу см.: Бартольд В. В. [Рецензия] // ЗВОРАО. Т. XIII (1900). СПб., 1901. С. 0109—0113.
2. [Рецензия] // ЗВОРАО. Т. XIII (1900). СПб., 1901. С. 068—073. Рец. на кн.: Hirth F. Ueder Wolga-Hunnen und Hiung-nu. München, 1900. (Aus den Sitzungsberichten der philos.-philol. und histor. classe der k. bayer Akad. d. Wiss. 1899. Bd. II, Heft II. P. 245—278).
3. Из истории старинных тканей. Алтабас, Дорбги, Зендень, Миткаль и Мухояр // ЗВОРАО. Т. XIII (1900). СПб., 1901. С. 081—086. Отд. отт.: СПб., 1901. 6 с.
4. О двух древнерусских названиях драгоценных камней (Поправка к Описанию Савваитова. // ЗВОРАО. Т. XIV (1901). СПб., 1902. С. 022—023. Отд. отт.: СПб., 1902. 2 с.
5. К истории игры в поло // ЗВОРАО. Т. XIV (1901). СПб., 1902. С. 0108—0113.
6. [Рецензия] // ЗВОРАО. Т. XIV (1901). СПб., 1902. С. 060—062. Отд. отт.: СПб., 1902. 3 с. Рец. на кн.: Martin F. R.: 1) Moderne Keramik von Centralasien. Stockholm, 1897. 9 с.; 2) Thüren aus Turkestan. Stockholm, 1897. 13 с.; 3) Figurale persische Stoffe aus dem Zeitraum 1550—1650. Stockholm, 1899. 23 с.
7. [Рецензия] // ЗВОРАО. Т. XV (1902—1903). СПб., 1904. С. 069—076. Отд. отт.: СПб., 1904. 8 с. Рец. на кн.: Bode W. Vorderasiatische Knüpftteppiche aus älterer Zeit, Verlag von H. Seemann Nachfolger. Leipzig, 1902. 136 с., 8° (из серии: Monographien des Kunstgewerbes // Herausgeber Dr. Jean Louis Sponzel).
8. Древнейшие арабские известия о праздновании Науру́за в Сасанидской Персии // ЗВОРАО. Т. XVI (1904—1905). СПб., 1906. С. 020—046. Отд. отт.: СПб., 1904. 26 с.
9. *Иностранцев К. А., Смирнов Я. И.* Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг бар. В. Г. Тизенгаузена // ЗВОРАО. Т. XVI. (1904—1905). СПб., 1906. С. 079—0145, 0213—0416.
10. Торжественный выезд фатимидских халифов // ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907. С. 1—113. Отд. отт.: СПб., 1905. 113 с.

11. Отрывок военного трактата из сасанидской «Книги установлений» *أئين نامه* // ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907. С. 249—282. Отд. отт.: СПб., 1906. 33 с., 1 л. ил. Переведено, см.: Список... № 49.
12. К упоминанию *حيال* 'а в арабской литературе // ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907. С. 0164—0166.
13. Туркестанские оссуарии и остоданы // ЗВОРАО. Т. XVII (1906). СПб., 1907. С. 0166—0171. Отд. отт.: СПб., 1907. 6 с. Переведено, см.: Список... № 40.
14. К изучению оссуариев // ЗВОРАО. Т. XVIII (1907—1908). СПб., 1908. С. 064—067.
15. Соображения по двум вопросам мусульманской археологии, относящимся к России // ЗВОРАО. Т. XVIII (1907—1908). СПб., 1908. С. XVI—XVIII. (Реферат из протокола заседания общества 22 ноября 1907 г.).
16. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья. *باب العرافة وازوالفراسه على مذهب الفرس* // ЗВОРАО. Т. XVIII (1907—1908). СПб., 1908. С. 113—232. Отд. отт.: СПб., 1908. 119 с.
17. К вопросу о «басме» // ЗВОРАО. Т. XVIII (1907—1908). СПб., 1908. С. 0172—0179. Отд. отт.: СПб., 1908. 8 с.
18. [Рецензия] // ЖМНП. Н. серия. XV. 1908. № 6, отд. 2. С. 432—438. Отд. отт.: СПб., 1909. 26 с. Переведено, см. Список... № 48. Рец. на кн.: Ковровые изделия Средней Азии из собрания, составленного А. А. Боголюбовым. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1908.
19. О древнеиранских обычаях и постройках // ЖМНП. Н. серия. Ч. XX. 1909, март. С. 95—121. Отд. отт.: СПб., 1909. 26 с. Переведено, см. Список... № 48.
20. Обычай прикаспийского населения Персии в X веке // Живая старина. Год XVIII (1909). Вып. II—III. Книжки 70—71. СПб., с. 125—152. Отд. отт.: СПб., 1909. 28 с. Переведено, см. Список... № 50.
21. Венец индо-скифского царя, тюрбан индейцев в античном искусстве и женский головной убор Кафиристана // Известия АН. VI серия. Т. III, № I—II. СПб., 1909. С. 135—138. Отд. отт.: СПб., 1909. 4 с.
22. Об одной группе статуэток в мусульманской археологии и их возможной датировке // ИАК. Вып. 33. СПб., 1909. С. 33—40. Отд. отт.: СПб., 1909. 8 с. 2 л. ил.
23. Персидская литературная традиция в первые века ислама // ЗАНИФО. Т. VIII, № 13. СПб., 1909. Пересказано, см.: Список... № 45.
24. Сасанидские этюды. СПб., 1909. VI. 140 с. Отзыв на эту книгу см.: Доклад комиссии по вопросу о присуждении медали имени барона В. Р. Розена // ЗВОРАО. Т. XXII (1913—1914). Пг., 1915. С. XXV—XXVI.
25. Коркуд в истории и легенде // ЗВОРАО. Т. XX (1910). СПб., 1912. С. 040—046.
26. О «тереме» в древнерусском и мусульманском зодчестве // Записки Отд. русской и славянской археологии Русск. арх. общества. Т. IX. СПб., 1911. С. 35—38. Отд. отт.: СПб., 1909. 4 с.
27. О домусульманской культуре хивинского оазиса // ЖМНП. Н. серия. Ч. XXXI (1911). СПб., 1911. С. 284—318.
28. Парсийский погребальный обряд в иллюстрациях гузератских версий книги об Арта-Вирафе // Известия АН. VI серия. Т. V, № I—II. СПб., 1911. С. 557—560. Отд. отт.: СПб., 1911. 4 с., с ил. Переведено, см.: Список... № 47.
29. Переселение парсов в Индию и мусульманский мир в половине VIII века // ЗВОРАО. Т. XXIII (1915). СПб., 1916. С. 133—166. Переведено, см.: Список... № 46.
30. Бронзовый котелок 559 года хиджры // ИАК. Вып. 60. Пг., 1916. С. 48—62.
31. Харпутская надпись 561 года хиджры // Известия АН. VI серия, № 16. Пг., 1916. С. 1805—1808. Отд. отт.: Пг., 1916, 4 с.

32. О месте выдачи ярлыка Тимур-Кутлуга // Известия АН. VI серия. Т. XI, № I—II. Пг., 1917. С. 49—50. Отд. отт.: Пг., 1917. 2 с.
33. К истории домусульманской культуры Средней Азии // ЗВОРАО. Т. XXIV (1916), вып. I—IV. Пг., 1917. С. 133—144. Отд. отт.: Пг., 1917. 12 с.
34. Среднеазиатский термин в Сасанидском судебнике // ЗВОРАО. Т. XXIV (1916), вып. 1—4. Пг., 1917. С. 29—32. Отд. отт.: Пг., 1917. 4 с.
35. Река Иран-Вэджа в парсийской традиции // Известия АН. VI серия. Т. XI, ч. 2, № 12—14. Пг., 1917. С. 891—895. Отд. отт.: Пг., 1917. 5 с. Пересказано, см.: Список... № 52.
36. Несколько слов о верованиях турок // Сб. Музея антроп. и этнографии АН. Т. V, вып. I. Пг., 1918. С. 152—154.
37. К толкованию нижней надписи в Варухском ущелье // Сб. Музея антроп. и этнографии АН. Т. V, вып. 2. Л., 1925. С. 553—556.
38. Хунну и гунны. 2-е изд., доп. // Труды Тюркологического семинария. 13. Л., 1926. 152 с.
39. Географическая схема Востока // Известия гос. Географич. общества. Т. XV, вып. I. Л., 1933. С. 65—66. Отд. отт.: Л., 1933. 2 с. Переведено, см.: Список... № 53.
40. The ossuaries and astodans of Turkestan, with a few further observations on the astodan, by J. J. Modi // The journal of the anthropological society of Bombay/ Vol. VIII, N 5. 1909. P. 331—342.
41. Note sur un point de l'histoire ancienne du Kharezm // Journal Asiatique. T. XV. Janvier-Fevrier. Paris, 1910. P. 141—145.
42. Zur kritik des Kitab-al-Ain // ZDMG. Bd. 64. Leipzig, 1910.
43. Arabisch-persische Miscellen aus Bedeutung der Himmelsgegenden // WZKM. Bd. XXV, Heft 1. Wien, 1911. S. 91—97.
44. Note sur les rapports de Rome et du Califat Abbaside au commencement de X ème siecle // Rivista degli studi orientali, Anno IV. Vol. IV. Rome, 1911—12. P. 81—86.
45. Les traditions litterares de l'ancienne Perse dans le monde musulman // Revue du Monde Musulman. T. XIII. Paris, 1911. P. 109—127. (Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences. Saint-Petersbourg, 1909. Vol. VII. N 13).
46. The emigration of the Parsis to India and the musulman world in the middle of the 8th century. Prefatory note by G. K. Nariman // JCOI. N 1. Bombay, 1922. P. 33—70.
47. The Parsi funeral ceremony, as illustrated in the Gujarati versions of the book of Artâ-Virâf // JCOI. N 1. Bombay, 1922. P. 71—74. Note on this Paper: Modi J. J. Two miniatures, on the funeral ceremonies of the Parsis, in two mss. of the Gujarati Virâf-nâme // JCOI. N 2. Bombay, 1923. P. 101—118.
48. On the ancient Iranian burial customs and buildings // JCOI. N 3. Bombay, 1923. P. 1—28.
49. The sasanian military theory // JCOI. N 7. Bombay, 1926. P. 7—52.
50. The customs of the Caspian population of Persia in the tenth century // JCOI. N 7. Bombay, 1926. P. 53—82.
51. Zur Frage von dem Ursprung des Sultanats // Islamica. B. 6, Heft 4. Leipzig, 1934. P. 450—452.
52. The river of Iran-Vej in parsi tradition. (An abstract prepared by W. I. Ivanov from «Bulletin of the Russian Academy», 1917. P. 891—895) // JCOI. N 27. Bombay, 1935. P. 55—57.
53. The geographical scheme of the Orient // JCOI. N 27. Bombay, 1935. P. 58—60.
54. Some historical notes on the ethnography of southern Persia // JCOI. N 27. Bombay, 1935. P. 36—42.
55. A note on the history of the sacred fires // JCOI. N 27. Bombay, 1935. P. 43—47.

56. The views of Arabic authors on the sasanian alphabet // JCOI. N 27. Bombay, 1935. P. 48—54.
57. A cryptogram of Khayyam // JCOI. N 27. Bombay, 1935. P. 61—62. Note in the beginnings // JCOI. N 31. Bombay, 1937.
58. The «round dates» in the Narrative about Sanjan // JRAS. July. London, 1935. P. 509—513.
59. Balādūrī and Hamza Isfahānī on the Migration of the Parses. London, 1938. P. 84—87. (Note: JRAS, April. London, 1938. P. 84, see last line: for «seventh» read «eighth»; p. 86, line 22: for «eighth» read «seventh»).
60. Zarathushtra, Veihtaspa, and some Arabic archaeological Accounts // JRAS. January. London, 1938. P. 87—89.

Публикации о К. А. Иностранцеве

1. Отчет о деятельности Петербургского университета за 1898 год. СПб., 1899.
2. Библиографический словарь советских востоковедов / Сост. С. Д. Милибанд. М., 1975.
3. *Бартольд В. В.* // ЗВОРАО. Т. XIII (1900). 1901. С. 0109—0113.
4. *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. С. 16
5. Библиографический словарь советских востоковедов / Сост. С. Д. Милибанд. М., 1975.
6. *Васильева Н. Е.* Константин Александрович Иностранцев (1876—1941) // ПП и ПИКНВ. XX годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1985 г. Ч. I. М., 1986. С. 10—20.
7. *Васильева Н. Е.* К. А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея // ПП и ПИКНВ. XXIV годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1989. Ч. I. М., 1991. С. 114—126.
8. *Васильева Н. Е.* Константин Александрович Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея (1902—1908 гг.) // «Восток: прошлое и будущее народов» (новые подходы в теориях и методиках востоковедных исследований). IV Всесоюзная конференция востоковедов. Махачкала 1—5 октября 1991.: Тезисы докладов. М., 1991.
9. *Васильева Н. Е.* К. А. Иностранцев как сотрудник Этнографического отдела Русского музея. [Переработано и дополнено] // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX—XX вв.). СПб., 1992.
10. *Васильева Н. Е.* «Сасанидская военная теория К. А. Иностранцева». К 130-летию со дня рождения (1876—1941) // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция 4—6 апреля 2006 г.: Тезисы докладов. К 150-летию Восточного факультета Санкт-Петербургского университета. СПб., 2006.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ — ЗАЧИНАТЕЛЬ ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИИ XX В.

Н. Н. Негматов (Душанбе, Таджикистан)

Имя Александра Юрьевича Якубовского, одного из виднейших российских востоковедов, доктора исторических наук, профессора Санкт-Петербургского Государственного университета, члена-корреспондента АН СССР, академика АН Таджикской ССР, заслуженного деятеля наук Узбекской ССР и Таджикской ССР, лауреата Государственной премии СССР, заведующего сектором Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры СССР, заведующего Среднеазиатским отделом Государственного Эрмитажа, неразрывно связано со становлением и развитием науки Центральной Азии. Всю свою плодотворную научную деятельность, всю энергию и талант организатора науки он посвятил изучению истории и культуры Востока вообще и Средней Азии в частности.

А. Ю. Якубовский родился в 1886 г. в г. Самарканде. В 1913 г. он окончил историко-филологическое отделение Петербургского университета и более десяти лет преподавал историю в старших классах средней школы, а после Октябрьской революции читал лекции на рабочем факультете Электротехнического института и вел большую политико-просветительную работу.

В 1919 г. А. Ю. Якубовский вошел в состав членов Российской академии истории материальной культуры (РАИМК). В 1920 г. он поступил на Восточный факультет Петроградского университета и в 1924 г. получил второе высшее образование. Наставником его был академик В. В. Бартольд.

С 1925 г. А. Ю. Якубовский работает в Государственной академии истории материальной культуры — ГАИМК, ныне Институт истории материальной культуры — ИИМК, научно-техническим сотрудником, а с 1928 г. одновременно начинает свою деятельность в Государственном Эрмитаже. Вся его последующая жизнь была связана с этими центрами науки. От научного сотрудника он вырос до заведующего сектором Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры и заведующего среднеазиатским отделом Эрмитажа.

Круг интересов А. Ю. Якубовского как историка Востока (Кавказ, Центральная и Передняя Азия) был весьма широк. Больших успехов достиг он и в разработке проблемы взаимоотношений Древней Руси и Золотой Орды.

А. Ю. Якубовский был знатоком исторических письменных источников и, удивительно умело переплетая исторические и археологические материалы, превращал каждую свою работу в полноценное и глубокое исследование.

Первая работа — «Образы старого Самарканда» [Массон 1928] — была посвящена материальной культуре Средней Азии эпохи Тимура и Тимуридов, и он сразу же в 1926 г. отделом Средней Азии ГАИМКа, руководимым В. В. Бартольдом, был командирован на родину Тимура в город Шахрисабз. Здесь А. Ю. Якубовский сфотографировал, определил и описал все наиболее важные средневековые памятники города. Сделанный на основе добытых во время этой поездки материалов доклад ученого, к сожалению, не был опубликован, эти данные он использовал в последующих работах, посвященных истории Средней Азии эпохи Тимура и Тимуридов.

Следующие две работы А. Ю. Якубовского посвящены уже истории раннесредневековой Руси, в них дан подробнейший анализ двух малоизвестных, но весьма важных текстов [Якубовский 1926: 62—92; 1928: 53—76]. Эти исследования способствовали появлению ряда работ, посвященных раннесредневековой истории Восточной Европы.

Одна за другой появляются три его статьи [Якубовский 1929: 123—159; 1930а; 1930б: 551—581]. Основанные на результатах полевых работ, начатых автором еще в 1926 г., они дают полное описание развалин трех важных в историческом отношении городов Средней Азии: Сыгнака на Сырдарье, Ургенча и Миздахакана в Хорезме. Хотя эти работы нельзя назвать чисто археологическими, однако они (особенно статья, посвященная Ургенчу) явились важным этапом в развитии археологической науки Средней Азии.

В начале 30-х гг. А. Ю. Якубовский возвращается к своей излюбленной теме, касавшейся взаимоотношений Золотой Орды и Древней Руси, и пишет две работы, посвященные столице Золотой Орды — Сарая Берке и его промышленности [Якубовский 1931; 1932а]. Большой заслугой А. Ю. Якубовского является то, что он на анализе материалов раскопок из Сарая Берке, хранящихся в Эрмитаже, Ургенча и Миздахкана доказал паразитический характер золотоордынского государства и тот факт, что ремесленная промышленность Сарая Берке своим развитием и процветанием обязана иноземным мастерам, главным образом хорезмийцам, эксплуатируемым золотоордынской знатью. Эти работы до сих пор остаются лучшими исследованиями по изучению связей Хорезма и Восточной Европы.

Из работ, посвященных архитектурным памятникам Самарканда, следует отметить исследование «Самарканд при Тимуре и Тимуридах» [Якубовский 1933]. Несмотря на то что очерк написан в научно-популярной форме, он основан как на материалах полевых работ 1926—1929 гг., так и на исследованиях в области истории Золотой Орды и Средней Азии. Здесь автор на широком историко-культурном фоне показал среднеазиатские материалы XIV—XV вв., экспонируемые в залах Эрмитажа.

В 1932 г. была опубликована наиболее важная работа раннего периода научной деятельности А. Ю. Якубовского, помещенная в виде вводной

части к сборнику документов по торговле Средней Азии с Московским государством и по международному положению Средней Азии в XVI—XVII вв. [Якубовский 1932б: 1—60]. Эта статья, в которой пересмотрен и обобщен громадный фактический материал, собранный предшествующими востоковедами, явилась первой работой по истории феодальных отношений, развитию средневековых городов и торговых связей Средней Азии.

Не менее важное значение имеет другая его работа такого же характера, написанная по случаю юбилея великого Фирдоуси. В ней правильно разрешены вопросы, касающиеся понимания особенностей феодальных отношений не только в Средней Азии, но и на всем Среднем и Ближнем Востоке [Якубовский 1934: 51—96].

В 1935 г. А. Ю. Якубовскому без защиты диссертации была присуждена ученая степень доктора исторических наук и одновременно присвоено звание профессора Ленинградского государственного университета. К этому времени он достигает полной научной зрелости и становится одним из крупных востоковедов, ставших на твердую почву науки.

Александр Юрьевич Якубовский стоял у истоков советской науки Таджикистана. В январе 1934 г. Совнарком Таджикской ССР по поручению Бюро ЦК КП Таджикистана рассматривает вопрос о состоянии научно-исследовательских работ в республике. На этом заседании было решено при Совнаркоме Таджикской ССР создать Ученый совет и его президиум. В Ученый совет под председательством председателя Совнаркома Абдулло Рахимбаева вошли Е. Н. Павловский, А. Ю. Якубовский, А. А. Семенов, М. С. Андреев и другие ученые. Ученому совету было поручено совместно с Госпланом республики утвердить единый план научно-исследовательских работ, осуществить контроль над деятельностью научно-исследовательских учреждений, установить связи с центральными научно-исследовательскими учреждениями СССР и союзных республик, подготовить местные научные кадры [ЦГА Таджикской ССР, ф. 18, оп. 1, д. 576, л. 188—191]. В августе 1934 г. на заседании Совнаркома Таджикской ССР с участием членов Ученого совета был обсужден тематический план Таджикской базы АН СССР на 1935, 1936 и 1937 гг. и были даны указания Госплану и Наркомфину республики о выделении необходимых средств для обеспечения выполнения этих планов [Там же, ф. 18, оп. 1, д. 720, л. 29—32].

Ученый совет при Совнаркоме Таджикской ССР сыграл большую роль в постановке научно-исследовательских работ в республике, направляя особое внимание ученых на изучение истории таджикского народа, подземных богатств, экономики и производительных сил республики (см.: [Келдиев 1967: 217—218]).

В те же годы в ленинградских учреждениях АН СССР была начата подготовка национальных научных кадров для Таджикистана и других республик Центральной Азии. Одним из первых молодых специалистов-таджиков, прибывших на учебу в Ленинград, был З. Ш. Раджабов, впоследствии один из крупнейших историков Таджикистана. З. Ш. Раджабов имел счастье учиться, вступить в науку и стать кандидатом исторических

наук в Ленинграде под руководством таких маститых ученых-востоковедов, как С. Ф. Ольденбург, А. Н. Самойлович, П. П. Иванов, А. Ю. Якубовский, Е. Э. Бертельс и А. К. Боровков (см.: [Раджабов 1968: 93, 94]). В связи с этим хочется привести одно его высказывание об А. Ю. Якубовском: «Будучи в аспирантуре Института востоковедения АН СССР в 1933—1937 гг., я впервые познакомился с А. Ю. Якубовским. Он тогда читал нам, аспирантам, специальный курс по истории народов Средней Азии. Вплоть до своей кончины А. Ю. Якубовский был тесно связан с Таджикистаном — активно участвовал в археологических раскопках, проводимых в пределах республики, разрабатывал ряд тем большого научного значения из истории таджикского народа и был научным руководителем аспирантов-таджиков, специализировавшихся по археологии и истории Средней Азии. Я горд тем, что А. Ю. Якубовский был моим учителем и старшим другом в течение многих лет учебы и работы в Ленинграде, Ташкенте и Душанбе» [Раджабов 1964: 70].

В 30-х гг. А. Ю. Якубовский начинает интенсивную археологическую деятельность. В 1934 и 1939 гг. под его руководством были организованы две Зеравшанские экспедиции. Были обследованы и изучены все значительные археологические памятники вдоль дороги от Самарканда до Бухары, произведены раскопки на городищах Тали-Барзу и Кафыр-Кала, обследовано городище Пайкенда. В результате получен богатый и ценный вещественный материал [Якубовский 1940б: 113—164; 1940в: 51—69; 1940г: 48—52].

В 1940 г. А. Ю. Якубовский написал работу «Из истории археологического изучения Самарканда», в которой вновь обращается к древнему Афрасиабу и памятникам Самарканда [1940д: 285—336].

Путеводители, написанные А. Ю. Якубовским [Якубовский 1937; 1940е; 1940а: 7—24], имели ошутимое значение в популяризации выставок отдела Востока Государственного Эрмитажа.

Работы А. Ю. Якубовского «Восстание Тараби» и «Восстание Муканнь» являются лучшими исследованиями в области изучения антифеодальных войн в Средней Азии [Якубовский 1936: 101—135; 1948: 35—54].

В 1939 г. было широко отмечено 900-летие со дня рождения великого таджикского ученого-энциклопедиста Абуали ибн-Сины по григорианскому летосчислению, а в 1952 г. — его 1000-летие по хиджре — мусульманской лунной эре. В связи с этими юбилеями А. Ю. Якубовский пишет две работы: «Время Авиценны» и «Абу-Али ибн-Сина и его время» [Якубовский 1938: 93—108; 1952: 87—110]. В этих работах, особенно во второй, автор на фоне фактов жизни и деятельности прославленного философа и величайшего медика Абу-Али ибн-Сины сумел мастерски показать эпоху ученого, особенно городскую жизнь X—XI вв.

Перед самой Великой Отечественной войной А. Ю. Якубовским была написана работа «К вопросу об этногенезе узбекского народа» [Якубовский 1941], основные положения которой вошли в предисловие «Истории народов Узбекистана» [Тревер и др. 1950: 7—14]. В этой работе А. Ю. Якубовский нашел наиболее правомерное решение вопроса [Ахунова, Лунин 1970: 98]. По словам автора, история каждого народа нередко старше его

имени. Идя по этому пути, исследуя все известные исторические факты, он увидел в трех тюркоязычных племенах и народностях, которые обитали в Средней Азии начиная с VI в. н. э., основные компоненты, из которых впоследствии сложился узбекский народ.

Аналогичную работу проделал ученый и по этногенезу туркменского народа, опровергнув взгляды сторонников пантюркизма и паниранизма [Якубовский 1947].

В 1946 г. была опубликована работа А. Ю. Якубовского «Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои», приуроченная к 500-летию юбилею великого поэта, основоположника узбекской литературы [Якубовский 1946: 5—30]. На фоне фактов жизни и деятельности Алишера Навои дана яркая характеристика не только видных деятелей культуры современников поэта, но и социально-экономического и общественного строя его эпохи.

В годы Великой Отечественной войны А. Ю. Якубовский жил в Ташкенте и руководил находящейся здесь частью Института истории материальной культуры, кафедрой истории Средней Азии САГУ [Ковалев, Акопьян 1970: 8—9] и Среднеазиатским кабинетом Института востоковедения АН СССР. Наряду с преподавательской и научно-исследовательской работой он осуществлял общее руководство Фархадской археологической экспедицией. Инициатива написать трехтомную «Историю народов Узбекистана» также принадлежит ему. Самая объемистая, трудная и ответственная часть, охватывающая период с VII по XV в., была написана самим А. Ю. Якубовским [Ахунова, Лунин 1970: 46].

А. Ю. Якубовский много работал по вопросам, касающимся истории развития городов Средней Азии, но весь тот огромный материал, который ему удалось собрать, он, к сожалению, не успел опубликовать. Его работа «Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии» [Якубовский 1951а: 3—16] является незначительной долей всего накопленного им материала, но тем не менее важность и ценность этой работы трудно переоценить.

Написанная А. Ю. Якубовским совместно с академиком Б. Д. Грековым книга «Золотая Орда» [Греков, Якубовский 1937] выдержала три издания (1937; 1941; 1950), и к каждому изданию авторы заново перерабатывали и дополняли ее. За третье издание [Греков, Якубовский 1950], в которое был включен очень удачный раздел «Падение Золотой Орды», авторы книги были удостоены звания лауреатов Государственной премии СССР.

В 1945 г. Президиум АН СССР вынес решение об организации археологической экспедиции в Таджикистане, так как древнейшая история таджикского народа была еще мало изучена. В 1946 г. Институт истории материальной культуры АН СССР и Государственный Эрмитаж создали Согдийско-Таджикскую археологическую экспедицию (СТАЭ) во главе с А. Ю. Якубовским [Архив АН Таджикской ССР, ф. 1, оп. 1, св. 18, ед. хр. 164, с. 81, 82].

Успех экспедиции во многом был предрешен, так как во главе ее был поставлен видный историк-востоковед, автор ряда важных трудов по истории и культуре народов Средней Азии и зарубежного Востока, специа-

лист с большим опытом экспедиционных поездок в Хорезм, Туркмению и Зеравшанскую долину, ученый, который сочетал в себе широкий кругозор историка, занятого решением больших обобщающих проблем [Дьяконов].

За короткий срок А. Ю. Якубовский сумел создать дружный и работоспособный интернациональный коллектив. В работах СТАЭ принимали участие археологи, историки, этнографы, лингвисты, архитекторы, художники, работающие в различных научных учреждениях страны. Среди них были такие ученые, как М. М. Дьяконов, А. М. Беленицкий, А. И. Тереножкин, А. П. Окладников, Л. С. Бретаницкий, В. Л. Воронина, О. И. Смирнова, П. И. Костров и др. Старшим поколением ученых экспедиции были подготовлены впоследствии известные археологи А. М. Мандельштам, О. Г. Большаков, А. Д. Джалилов, Н. Н. Негматов, Б. Я. Ставицкий, Б. И. Маршак, И. Б. Бентович и многие другие.

Тогда же было решено начать систематические раскопки развалин древнего Пенджикента. Теперь все единодушны в том, что научное чутье А. Ю. Якубовского не обмануло его: развалины древнего Пенджикента дали богатейший материал по социально-экономической, ремесленно-торговой, материальной и духовной культуре Средней Азии в раннем Средневековье. Особенно славятся выдающиеся памятники живописи, деревянная и глиняная скульптура, а также резное дерево древнего Пенджикента, давшие яркое представление о развитии изобразительного искусства согдийцев в V—VIII вв. Кроме того, раскопки в Пенджикенте дали огромный материал по истории архитектуры и градостроительства, очень важный для изучения структуры раннесредневековых городов.

Широко используя материалы пенджикентских раскопок, А. Ю. Якубовский, помимо сообщений и отчетов [Якубовский 1947: 34, 35; 1949а: 48—53; 1950а: 13—50; 1950б: 50—55 и др.], написал ряд работ [Якубовский 1949б: 13—17; 1950в: 472—491; 1954: 7—24; 1951б: 209—270], среди которых весьма важное место занимает работа по истории развития раннесредневекового города [Якубовский 1951а]. В последней им дана не только историческая топография города, но и характеристика социально-экономического содержания городской жизни. Древний Пенджикент стал последним и самым любимым объектом исследования А. Ю. Якубовского.

Но заслуги А. Ю. Якубовского заключаются не только в открытии древнего Пенджикента. Благодаря кипучей энергии и глубокому пониманию состояния, задач и перспектив исторической науки Таджикистана, ему удалось превратить СТАЭ в крупную многоотрядную экспедицию и сразу же правильно определить основные направления деятельности и проблематику ее исследований. В первые же годы деятельности СТАЭ были начаты работы по исторической географии, топографии и топонимике, историко-археологические обзоры отдельных областей и регионов Таджикистана, изучение памятников эпохи первобытнообщинного строя, древних и средневековых памятников оседлого населения, средневекового города, ремесла и городской культуры, культуры кочевников, исследования по нумизматике, архитектурных памятников.

Этапу конкретных археологических раскопок городов предшествовал этап их комплексного историко-географического, топографического и топонимического изучения по письменным источникам и археолого-разведочным данным.

А. Ю. Якубовский оказался прозорливым и в постановке исследований Уструшанской историко-культурной области. Еще в конце XIX в. В. В. Бартольд, сделав краткую сводку данных письменных источников об Уструшане и осуществив специальное изучение некоторых ее археологических памятников, пришел к следующему выводу: «Исследование древностей этой области, менее всего затронутой арабскими элементами, вероятно, доставило бы нам драгоценные сведения об арийской культуре Туркестана» и поэтому «более подробное исследование Шахристана было бы крайне желательно» (см.: [Бартольд 1897: 75—76; 1896: 32]).

В 1949—1950 гг. по инициативе А. Ю. Якубовского был создан специальный Уструшанский отряд СТАЭ, которым руководила О. И. Смирнова, а с 1955 г. — автор этих строк. За более чем сорок полевых раскопочных сезонов вскрыты и изучаются многие объекты на комплексе городищ Калаи Кахкаха — развалины столицы Бунджиката, цитадель древнего и средневекового Ура-Тюбе — городище Мугтепа, городище Ширин, остатки замков и компактных селений — Чильхуджра, Уртакурган, Тирмизактепа, Хоняйлов, Актепа, Дунгчатепе, Тоштемиртепа, проведены сплошная фиксация древних ирригационных систем и выборочное изучение отдельных каналов, каризов и стоящих в зоне действия памятников. Изучены многие архитектурные памятники, крепостные сооружения позднего Средневековья и Нового времени.

Таким образом, проводится целый комплекс исследований на разнообразных и разновременных памятниках, в результате которых получен богатый материал по экономике и культуре, городскому и сельскому строительству. В этом отношении особенно результативными оказались раскопки развалин Бунджиката и ряда других памятников в районе Шахристана, где открыты великолепные памятники архитектуры, живописи, искусства резьбы по дереву, прикладных художественных ремесел, которые характеризуют город Бунджикат как один из крупных и выдающихся культурных центров средневековой Средней Азии. Как видим, высказывания В. В. Бартольда и ожидания А. В. Якубовского относительно древностей Шахристана оказались пророческими.

Постановлением Совета Министров СССР от 9 октября 1950 г. было решено образовать Академию наук Таджикской ССР. Вся подготовительная работа по созданию Академии велась под руководством авторитетной комиссии Президиума АН СССР в составе академика В. П. Никитина, членов-корреспондентов АН СССР Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского, профессоров О. К. Ланге и И. Н. Антипова-Каратаева, много лет тесно связанных с развитием науки в Таджикистане. Открытие АН Таджикской ССР состоялось 14 апреля 1951 г. Тогда же из числа кандидатов, выдвинутых научно-исследовательскими учреждениями и вузами республики, Совет Министров Таджикской ССР назначил 11 академиков и 14 членов-корреспондентов Академии [Раджабов 1964: 17, 18; 1968: 74, 75]. Б. Г. Га-

фуров, А. А. Семенов и А. Ю. Якубовский в числе других были утверждены академиками-учредителями АН Таджикской ССР и много сделали в определении структуры и направления научной деятельности молодой Академии, особенно в области исторических наук.

Деятельность А. Ю. Якубовского в 1951—1952 гг. была теснейшим образом связана с Академией наук Таджикской ССР и ее Институтом истории, археологии и этнографии. Последний раз он был в Таджикистане летом 1952 г. и по окончании полевого экспедиционного сезона сделал доклад на расширенном заседании Ученого совета института об итогах полевых исследований [Литвинский 1953: 157—161].

Литература

- Архив АН Таджикской ССР.
- Ахунова, Луний 1970: *Ахунова М. А., Луний Б. В.* История исторической науки в Узбекистане: Краткий очерк. Ташкент.
- Бартольд 1896: *Бартольд В. В.* Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии // *Среднеазиатский вестник*. Июнь.
- Бартольд 1897: *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. // *Зап. Импер. АН по ист.-филол. отд-нию*. Т. 1, № 4. СПб.
- Греков, Якубовский 1937: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. Л.
- Греков, Якубовский 1950: *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
- Дьяконов: *Дьяконов М. М.* Задачи и перспективы археологического изучения Таджикистана. Рукопись. — Архив АН Таджикской ССР, ф. 2, оп. 1, св. 10, ед. хр. 95.
- Литвинский 1953: *Литвинский Б. А.* Полевые археологические работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1952 году. (Отчет о заседании Ученого совета Института истории, археологии и этнографии) // *Изв. АН ТаджССР. Отд. обществ. наук*. Вып. 3.
- Келдиев 1967: *Келдиев И.* Абдулло Рахимбоев (Очерки хаёт ва фаъолият). Душанбе.
- Раджабов 1964: *Раджабов З. Ш.* Развитие науки в Таджикской ССР. (Краткий очерк). М.
- Раджабов 1968: *Раджабов З. Ш.* Навеки вместе с великим русским народом. Душанбе.
- Ковалев, Акоюн 1970: *Ковалев П. А., Акоюн Н. А.* Из истории исторического факультета Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина // *Материалы по истории и археологии Средней Азии*. Вып. 392. Ташкент.
- Массон 1928: *Массон М. Е.* [Рецензия] // *Изв. Средазкомстариса*. Вып. 3. Ташкент. Рец. на кн.: *Якубовский А. Ю.* Образы старого Самарканда.
- Тревер и др. 1950: *Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.* История народов Узбекистана. Т. 1. Ташкент.
- ЦГА Таджикской ССР.
- Якубовский 1926: *Якубовский А. Ю.* Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа в 332—943/4 гг. (Доклад, прочитанный в Подкомиссии для изучения связей Древней Руси с Византией и Востоком 17 февраля 1926 г.) // *Византийский временник*. Т. 24.
- Якубовский 1928: *Якубовский А. Ю.* Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) // *Византийский временник*. Т. 25.

- Якубовский 1929: *Якубовский А. Ю.* Развалины Сынака (Сугнока) // Сообщения ГАИМК. Т. 2. Л.
- Якубовский 1930а: *Якубовский А. Ю.* Развалины Ургенча // Изв. ГАИМК. Т. 6. Вып. 2. Л.
- Якубовский 1930б: *Якубовский А. Ю.* Городище Миздахкан // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской АН. Т. 5. Л.
- Якубовский 1931: *Якубовский А. Ю.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Изв. ГАИМК. Т. 8, вып. 2—3. Л.
- Якубовский 1932а: *Якубовский А. Ю.* Столица Золотой Орды Сарай-Берке. Гос. Эрмитаж. Серия Феодализм на Востоке. Л.
- Якубовский 1932б: *Якубовский А. Ю.* Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVIII вв. Тр. Историко-археогр. ин-та и Ин-та востоковедения АН СССР: Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Л.
- Якубовский 1933: *Якубовский А. Ю.* Самарканд при Тимуре и Тимуридах в XIV и XV вв. (Очерк). Л.
- Якубовский 1934: *Якубовский А. Ю.* Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства // Сб.: Фердовси. 934—1934. Л.
- Якубовский 1936: *Якубовский А. Ю.* Восстание Тараби в 1238 г. (К истории крестьянских и ремесленных движений в Средней Азии): Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. // Труды ИВ АН СССР. Т. 17. М.; Л.
- Якубовский 1937: *Якубовский А. Ю.* Культура и искусство Востока в памятниках Эрмитажа. Вып. 1. Л.
- Якубовский 1938: *Якубовский А. Ю.* Время Авиценны // Изв. АН СССР. Отделение обществ. наук. № 3.
- Якубовский 1940а: *Якубовский А. Ю.* Среднеазиатские собрания Эрмитажа и их значение для истории культуры и искусства Средней Азии до XVI в. // ТОВЭ. Т. 2. Л.
- Якубовский 1940б: *Якубовский А. Ю.* Археологическая экспедиция в Заравшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции) // ТОВЭ. Т. 2. Л.
- Якубовский 1940в: *Якубовский А. Ю.* Краткий полевой отчет о работах Заравшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. // ТОВЭ. Т. 2. Л.
- Якубовский 1940г: *Якубовский А. Ю.* Заравшанская археологическая экспедиция 1939 г. // КСИИМК. Вып. 4.
- Якубовский 1940д: *Якубовский А. Ю.* Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. Т. 2. Л.
- Якубовский 1940е: *Якубовский А. Ю.* Культура и искусство Средней Азии. Путеводитель по выставке Гос. Эрмитажа. Л.
- Якубовский 1941: *Якубовский А. Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент.
- Якубовский 1946: *Якубовский А. Ю.* Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои // Сб.: Алишер Навои. М.; Л.
- Якубовский 1947: *Якубовский А. Ю.* История этногенеза туркменского народа // Советская этнография. № 6—7.
- Якубовский 1948: *Якубовский А. Ю.* Восстание Муканны — движение людей в белых одеждах // Советское востоковедение. Т. 5. М.; Л.
- Якубовский 1947: *Якубовский А. Ю.* Согдийская экспедиция // КСИИМК. 21.
- Якубовский 1949а: *Якубовский А. Ю.* Работы Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ) в 1947 г. // КСИИМК. 28.

Якубовский 1949б: *Якубовский А. Ю.* Живопись древнего Пенджикента: Сообщ. ТФАН СССР. Вып. 20. Сталинабад.

Якубовский 1950а: *Якубовский А. Ю.* Итоги работ Согдийско-Таджикской экспедиции в 1946—1947 гг. // Труды СТАЭ. Т. 1; МИА СССР. № 15. М.; Л.

Якубовский 1950б: *Якубовский А. Ю.* Краткие итоги работ в Пенджикенте в 1948 г. // Труды СТАЭ. Т. 1; МИА СССР. № 15. М.; Л.

Якубовский 1950в: *Якубовский А. Ю.* Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-Согдийской экспедиции 1948—1949 гг. // Изв. Отд. истории и философии АН СССР. Т. 7, № 5.

Якубовский 1951а: *Якубовский А. Ю.* Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии // Труды ТФАН СССР. Т. 29. Сталинабад.

Якубовский 1951б: *Якубовский А. Ю.* Древний Пенджикент // Сб.: По следам древних культур. М.

Якубовский 1952: *Якубовский А. Ю.* Абу-Али ибн-Сина и его время (К 1000-летию со дня рождения по хиджре — мусульманской лунной эре) // Вопросы истории. № 9.

Якубовский 1954: *Якубовский А. Ю.* Вопросы изучения пенджикентской живописи // Сб.: Живопись древнего Пенджикента. М.

ОБ ИЗУЧЕНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Н. Я. БИЧУРИНА (1777—1853) В XX В.

И. Ф. Попова (Санкт-Петербург)

Изучение и освоение научного наследия основоположника научного китаеведения в России Никиты Яковлевича (о. Иакинфа) Бичурина осуществлялось по трем направлениям: 1) подготовка к изданию и переизданию его сочинений; 2) научное осмысление значения его трудов для мирового китаеведения; 3) изучение жизненного и творческого пути Н. Я. Бичурина, его непростой судьбы.

Рукописное наследие Н. Я. Бичурина, находящееся в архивах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани, было описано в целом ряде специальных обзорных статей отечественных исследователей [Любимов 1907—1908: 60—64; Козин 1929: 245—247; Петров 1937: 139—155; Тихонов 1954: 281—306; Горбачева 1954: 307—316; Скачков 1956: 198—206; Чугуевский 1959: 136—147; 1967: 127—130].

В 1950 г. Институт этнографии АН СССР (ныне Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН) переиздал труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Т. 1—3. М.; Л., 1950—1953), что было приурочено к столетнему юбилею выхода книги в свет и к столетию со дня смерти Н. Я. Бичурина. Коллектив, работавший над переизданием, тщательно выверил текст книги, исправил неточности и опечатки, вкравшиеся в первое издание. Всесторонняя научная оценка издаваемой книги содержалась во вступительных статьях А. М. Бернштама (1910—1956) и Н. В. Кюнера (1877—1955).

В 1960 г. было опубликовано «Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии», подготовленное Л. Н. Гумилевым (1912—1992) и М. Ф. Хваном [Бичурин 1960] на основании рукописей географических сочинений и переводов Н. Я. Бичурина, хранящихся в Центральном архиве Татарстана.

Сотрудники Института востоковедения АН несколько раз предпринимали усилия к изданию перевода «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» Н. Я. Бичурина. По данным Л. Н. Меньшикова и Л. И. Чугуевского (1926—2000), «в 1936 г. Л. И. Думан (1907—1979) начал готовить к печати выполненный Н. Я. Бичуриным перевод известного китайского исторического свода „Зерцало всеобщее, правительству помогающее“ („Цзы чжи тун цзянь“), в 1938 г. в эту работу включились В. Н. Кривцов (1914—1979) и З. И. Горбачева. Работа

по изданию труда Н. Я. Бичурина, однако, не была доведена до конца, и он доньше не опубликован»¹. З. И. Горбачева упоминает в своей автобиографии, что «с 1937 г. работала над подготовкой к печати переводов Бичурина»². Подготовка к печати бичуринского перевода «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» выполнялась затем в 1951—1953 гг. Сотрудники Сектора восточных рукописей Института востоковедения АН СССР (так назывался тогда СПбФ ИВ РАН) З. И. Горбачева (1907—1979), Б. И. Панкратов и Г. Ф. Смыкалов (1877—1955) при участии С. М. Кочетовой (1907—?) и Г. О. Монзелера (1900—1959) подготовили к изданию 16 томов «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му» и составили к ним примечания. Академическое издание произведений Н. Я. Бичурина планировалось осуществить под общей редакцией В. М. Алексеева (1881—1951), С. П. Толстова (1907—1976), Н. В. Кюнера и Б. И. Панкратова в 1953 г. — к столетию со дня смерти великого ученого³. Вступительную статью, по данным на 1952 г. (после смерти В. М. Алексеева в 1951 г.), должен был подготовить Н. И. Конрад (1891—1970)⁴.

Подготовка работы к печати неоднократно обсуждалась редакторским коллективом. В «Протоколе совещания в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР [от] 8 августа 1952 г. по вопросу о ходе работы над „Тун цзянь ган му“ И. Бичурина» можно найти следующие сведения о состоянии работы на данный срок: «Том I перерабатывается Б. И. Панкратовым и З. И. Горбачевой, в основном закончен и будет полностью готов в начале сентября. Том II перерабатывается Г. О. Монзелером и будет готов в начале октября. Том III (Б. И. Панкратов) будет готов полностью в октябре. Тома IV и V (З. И. Горбачева) уже закончены и могут быть сданы редактору. Том VI (З. И. Горбачева) в работе, будет закончен в октябре 1952 г. Том VII (З. И. Горбачева) будет закончен в декабре 1952 г. Том VIII (С. М. Кочетова) будет готов в начале сентября 1952 г. Том IX (Б. И. Панкратов) будет закончен к декабрю 1952 г. Тома X, XI, XII еще не распределены. Предполагается поручить С. М. Кочетовой и Г. О. Монзелеру. Согласие имеется на два тома, о третьем ведутся переговоры с Г. О. Монзелером. Будут закончены к концу года. <...> По плану Сектора на 1952 г. предусмотрена подготовка примечаний к первым пяти томам. Фактически примечания подготовлены ко всем томам (I, III, IV, V) за исключением II, который будет готов в октябре-месяце. Готовятся примечания к VI, VII, VIII и IX томам. <...> Редактирование является наиболее узким местом ввиду того, что один из редакторов Б. И. Панкратов занят авторской работой, а проф. Н. В. Кюнер загружен плановой работой по Институту этнографии. Академик В. М. Алексеев из состава редакторов выбыл. В настоящее время редактируется Б. И. Панкратовым I-й том. <...> Распределение томов для редактирования. 1. Б. И. Панкратов (свои I, III, IX) + 2 тома чужих = 5 томов. (IX без комм.).

¹ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (М., 1972); см. также: [Алексеев 1982: 405].

² АВ, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 169, л. 9.

³ АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1088, л. 16—17.

⁴ АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1110, л. 74.

2. З. И. Горбачева (свои IV, V, VI, VII) + 1 том чужой = 5 томов. 2 тома — остаются»⁵. К концу 1953 г. З. И. Горбачева подготовила к печати XIII, XIV и XVI (первую часть) тома, Б. И. Панкратов — XV и XVI том (вторую половину) переводов Н. Я. Бичурина «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му»⁶.

По неясным нам пока обстоятельствам труд этот не был опубликован. Возможно, общей причиной, повлиявшей на окончательное решение о невозможности издания, был известный критический отзыв самого Н. Я. Бичурина о своей работе: «„История“ была переведена для собственного употребления при справках, тот перевод вообще не полон, не обработан и без пояснений»⁷. Подготовленный к печати машинописный текст «Тун-цзянь ган-му», так же как и рукопись Н. Я. Бичурина, хранится в АВ СПбФ ИВ РАН.

Значительную работу по описанию научного наследия Н. Я. Бичурина и выявлению архивных материалов к его биографии проделал Петр Емельянович Скачков (1892—1964) [Скачков 1934: 79—90; 1962: 100—102; 1977]. Анализ творчества и ранее неизвестных фактов жизни о. Иакинфа был дан в статьях Л. В. Симоновской [Симоновская 1948: 46—61], Д. И. Белкина [Белкин 1974: 126—134], В. П. Козлова [Козлов 1979: 122—127], В. С. Мясникова [Мясников 1977: 168—177; 1985: № 1, 115—121, № 2, 131—138; 1996: 124—132]. По материалам конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н. Я. Бичурина, А. Н. Хохловым был составлен и отредактирован сборник «Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение» (Ч. I, П. М., 1977)⁸. Остался неизданным «Сборник памяти И. Бичурина» (объемом 8 а. л.), подготовленный к столетию со дня смерти великого ученого сотрудниками Сектора восточных рукописей ИВ АН СССР в 1953 г.⁹ Широкою известность приобрела на-

⁵ АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1110, л. 74—75.

⁶ АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1125, л. 14, 42—43.

⁷ Цит. по: [Скачков 1977: 94].

⁸ В сборник вошли следующие статьи: Ч. I. *Хохлов А. Н.* Н. Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае первых десятилетий XIX в. (с. 3—53); *Мункуев Н. Ц.* Вклад Н. Я. Бичурина в изучение истории монгольских завоеваний в Китае (XIII—XIV вв.) (с. 54—66); *Семенов А.* О «Китайской грамматике» Иакинфа (Н. Я. Бичурина) (с. 67—74); *Ивочкина Н. В.* Рукопись Н. Я. Бичурина «Описание китайских монет» и ее место в нумизматике» (с. 75—91); *Кобзев А. И.* О термине Н. Я. Бичурина «Религия ученых» и сущности конфуцианства (с. 103—115); *Белкин Д. И.* Китаевед Н. Я. Бичурин и русские писатели конца 20—начала 40-х гг. (с. 116—136); *Патрушева М. А.* О рукописи Н. Я. Бичурина «Реестр китайских и маньчжурских книг, находящихся в Императорской Публичной библиотеке» (с. 137—140). Часть II: *Думан Л. И.* О труде Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (с. 3—23); *Кожин П. М.* Некоторые данные о древних культурных контактах Китая с внутренними районами евразийского материка (с. 24—41); *Кучера С.* Некоторые проблемы истории Турфана в ханскую эпоху (III в. до н. э. — III в. н. э.); *Зотов О. В.* О политических и культурных контактах между Кашгарией и Китаем во II в. до н. э. — VIII в. н. э. (с. 66—78); *Васильев Д. Д.* К вопросу о культурно-письменных центрах тюркского каганата (с. 79—82); *Хафизова К. Ш.* Некоторые данные о расселении казахов в XVIII в. (с. 83—94); *Кузнецов В. С.* Джунгарское ханство в 1745—1755 гг. (с. 95—110); *Хохлов А. Н.* Новые материалы к биографии Н. Я. Бичурина (с. 111—132).

⁹ 20 мая 1953 г. в Секторе прошло заседание, посвященное памяти Н. Я. Бичурина. Были заслушаны следующие доклады: Н. В. Кюнер. «Значение И. Бичурина в истории

учно-художественная биография Н. Я. Бичурина «Отец Иакинф», написанная В. Н. Кривцовым (Л., 1978).

Н. Я. Бичурин был автором большого количества разносторонних работ справочного характера. Многие из них, и сейчас не утратившие научной ценности, остаются в рукописи, как, например, «Географический справочник по Китаю», содержащий наименования населенных пунктов Китая с указанием их широт и долгот¹⁰; «Изложение китайского законодательства»¹¹; «Описание китайских монет. Переведено с японского монахом Иакинфом»¹²; «О укреплении Желтой реки и канала подвздожного»¹³.

Вопрос об издании крупнейших переводов и научных работ Н. Я. Бичурина, неоднократно поднимавшийся в разные годы, и сегодня является весьма актуальным, поскольку связан с вопросом восстановления приоритета отечественного востоковедения в целом ряде его отраслей. Кроме того, будучи частью российской культуры, а также свидетельством высокого уровня ее развития, труды Н. Я. Бичурина сами по себе могут быть расценены как исторические источники и памятники переводной литературы. В связи с этим определенное значение в изучении наследия Н. Я. Бичурина приобретают вопросы практической текстологии и археографии, связанные с техникой издания, способами и методами научно-критической обработки и воспроизведения авторского текста. Издание и переиздание переводов и оригинальных работ Н. Я. Бичурина, прежде всего уже подготовленного отечественными востоковедами в 1950-е гг. к печати свода «Цзы-чжи тун-цзянь ган-му», важно не только для мирового китаеведения, но и для истории науки.

Литература

- Алексеев 1982: *Алексеев В. М.* Наука о Востоке: Статьи и документы. М. С. 405.
 Белкин 1974: *Белкин Д. И.* А. С. Пушкин и китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин) // НАА. № 6. С. 126—134.
 Бичурин 1960: *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Срединной Азии / Сост. Л. Н. Гумилев и М. Ф. Хван. Чебоксары.

русского китаеведения»; Д. И. Тихонов (1906—1987). «Жизнь и творчество И. Бичурина»; З. И. Горбачева. «Неопубликованные труды И. Бичурина»; Б. И. Панкратов. «И. Бичурин как переводчик с китайского языка»; Ю. В. Маретин (1931—1990, в ту пору студент). «Значение трудов И. Бичурина для изучения истории Китая»; Л. С. Пучковский (1897—1970) «Значение трудов И. Бичурина для изучения истории Монголии» [АВ, ф. 152, оп. 1а, ед. хр. 1124, л. 19—21]. Впоследствии, очевидно, именно эти доклады были переработаны в статьи для сборника. Со временем Д. И. Тихонов и З. И. Горбачева издали свои работы в «Ученых записках ЛГУ» (см. примеч. 32), статьи Б. И. Панкратова и Н. В. Кюнера, находившиеся до сего года в Архивах, соответственно, СПбФ ИВ РАН и МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, будут в ближайшее время изданы в «Проблемах Дальнего Востока». Остальные статьи нами не обнаружены.

¹⁰ АВ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 316 и 31в, 84+102 л.

¹¹ ОР РНБ, ф. 15, ед. хр. 34 (А-27—2), 1+147 л.

¹² АВ, ф. 7, оп. 1, ед. хр. 19, XXIX+200 л.

¹³ ОР РНБ, ф. 15, ед. хр. 33 (А-27), 60 л.

- Горбачева 1954: *Горбачева З. И.* Рукописное наследие Иакинфа Бичурина // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4: История и филология стран Востока. Л. С. 307—316.
- Козин 1929: *Козин С. А.* К вопросу о неизданных работах Иакинфа Бичурина // Доклады Академии наук СССР. Сер. В. № 3. С. 245—247.
- Козлов 1979: *Козлов В. П.* «Румянцевский кружок» и Н. Я. Бичурин // НАА. № 4. С. 122—127.
- Любимов 1907—1908: *Любимов А. Е.* О неизданных рукописях Иакинфа и проф. Ковалевского, хранящихся в Библиотеке Казанской Духовной академии // Зап. Вост. отд-ния Русского археологического общества. Т. 18. С. 60—64.
- Мясников 1977: *Мясников В. С.* Творческое наследие Н. Я. Бичурина и современность // Проблемы Дальнего Востока. № 3. С. 168—177.
- Мясников 1985: *Мясников В. С.* Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. № 1. С. 115—121; № 2. С. 131—138.
- Мясников 1996: *Мясников В. С.* Избрание Н. Я. Бичурина в Академию наук // Проблемы Дальнего Востока. № 5. С. 124—132.
- Петров 1937: *Петров А. А.* Рукописи по Китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном Архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета // Библиография Востока. Вып. 10 (1936). С. 139—155.
- Симоновская 1948: *Симоновская Л. В.* Бичурин как историк Китая // Докл. и сообщ. ист. ф-та Московского гос. ун-та. Вып. 7. С. 46—61.
- Скачков 1934: *Скачков П. Е.* Иакинф Бичурин (1777—1853): Архивные материалы к биографии // Библиография Востока. Вып. 2—4 (1933). Л. С. 79—90.
- Скачков 1956: *Скачков П. Е.* О рукописном наследии Н. Я. Бичурина (рукописи Н. Я. Бичурина, хранящиеся в Государственной ордена Ленина Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М. С. 198—206.
- Скачков 1962: *Скачков П. Е.* Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы // Народы Азии и Африки. № 1. С. 100—102.
- Скачков 1977: *Скачков П. Е.* Очерки истории русского Китаеведения. М.
- Тихонов 1954: *Тихонов Д. И.* Русский Китаевед первой половины XIX века Иакинф Бичурин // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 179. Серия востоковедческих наук. Вып. 4: История и филология стран Востока. Л. С. 281—306.
- Чугуевский 1959: *Чугуевский Л. И.* Бичуринский фонд в Архиве Института востоковедения // Проблемы востоковедения. № 5. С. 136—147.
- Чугуевский 1967: *Чугуевский Л. И.* Новое о рукописном наследии Н. Я. Бичурина // НАА. № 3. С. 127—130.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ В АШХАБАДЕ

Н. В. Алексанянц (Ашхабад, Туркменистан)

Туркменская земля является родиной древнейших быстроаллюрных коней. Конь для туркмен — священное животное. Гармоничная связь человека и коня ярко проявилась в идеологии, социальной психологии, искусстве народа. К сожалению, ахалтекинская лошадь, оказавшая влияние на многие чистокровные породы в мире, долгое время была предметом единичных исследований. В 1980 г. эта древнейшая порода вообще находилась на грани исчезновения. Сегодня вопросам коневодства в Туркменистане уделяется огромное внимание. В 1986 г. глава Туркменского государства Сапармурат Туркменбаши издал специальный Указ, запрещающий сдавать «небесных скакунов» на мясо. В 1990 г. для успешной селекционно-племенной работы было создано государственное республиканское объединение «Туркмен атлары» («Туркменские кони»). С 1992 г. в последнее воскресенье апреля в стране широко отмечается национальный праздник «День туркменского скакуна». В центре Государственного герба Туркменистана — лучший конь президентской конюшни по типу и экстерьеру — красавец Янардак. К проблеме происхождения туркменских коней и истории туркменского коневодства обратился Государственный институт культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока, созданный в апреле 2001 г. Возрос интерес к ахалтекинской породе ученых и иппологов разных стран мира. Знатоки, любители и владельцы ахалтекинцев объединились в Международную ассоциацию ахалтекинских коней (МААК), штаб-квартира которой находится в г. Ашхабаде. МААК имеет свой печатный орган — информационно-аналитический журнал «Ахалтеке атлары» («Ахалтекинские кони»), первый номер которого увидел свет в 2001 г.

Именно поэтому по рекомендации туркменского государственного лидера Сапармурата Атаевича Ниязова в Ашхабаде стали готовиться к международному форуму. Научное руководство конференцией было поручено академику В. М. Массону. Заявки на участие подали ученые из 15 стран мира. Международная научная конференция «Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства» прошла 22—23 октября 2001 г. в туркменской столице г. Ашхабаде. Ее организатора-

ми выступили Государственный институт культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока, Министерство иностранных дел Туркменистана и Государственное объединение «Туркмен атлары». В своем обращении к участникам конференции Президент Туркменистана Сапармурат Атаевич Ниязов отметил: «Ахалтекинские скакуны во все времена были национальной гордостью, украшением праздников и торжеств туркменского народа. Поэты посвящали им самые нежные, наполненные волшебными образами стихи. Чтобы продолжить и умножить эту славу, в годы независимости забота о развитии туркменского коневодства была поднята на государственный уровень».

Ашхабадский форум собрал ученых из Великобритании, Германии, Франции, России, Турции, Ирана, Китая, Армении и других стран мира. На пленарном заседании были заслушаны доклады: «Древние всадники Азии в контексте всемирной истории» (В. М. Массон, Россия), «Сквозь эпохи и тысячелетия» (Г. Кяризов, Туркменистан), «Быстроаллюрные боевые кони древности — ахалтекинцы» (В. Б. Ковалевская, Россия), «Конь без всадника — религиозный символ парфянского времени» (Д. Мецлер, Германия), «Письменные свидетельства о туркменских конях в Англии в XVIII веке» (К. Эннс-Белдок, Великобритания). В течение двух дней работали три секции: «Истоки коневодства. Кони в историческом процессе», «Конь и общество» и «Конь в художественной культуре», вместившие обширный спектр вопросов. Участниками конференции были представлены новые палеозоологические и антропологические данные о доместикации лошади в Южном Туркменистане, данные нумизматики древней Средней Азии, важные архивные материалы. Большой интерес вызвали выступления О. А. Гундогдыева (Туркменистан) на тему «О боевых качествах туркменских коней», А. А. Колесникова (Россия) «Туркменский аргамак по материалам русских путешественников и российской периодики конца XIX—начала XX в.», Д. Куигбо (Китай) «Лошадь в истории Квин», Л. Фейруз (Иран) «О происхождении азиатской лошади» и другие. Многие участники конференции сопровождали выступления показом разнообразного иллюстративного материала, что усилило и обогатило впечатление слушателей. Английская художница Бриджит Темпест привезла в Ашхабад свои удивительные работы — «портреты» ахалтекинских коней. Увидеть картины смогли не только участники и гости форума. Министерство культуры Туркменистана, Национальный музей и Посольство Великобритании организовали специальную выставку «Портреты небесных коней», где наряду с работами туркменских мастеров выставлялись картины Бриджит Темпест. Для участников конференции была подготовлена обширная культурная программа. На Государственном ипподроме прошла выставка ахалтекинских коней «Цветок султана», состоялись праздничное шествие «Тысяча всадников» и, конечно, захватывающие конные состязания на разные дистанции.

Накануне конференции был издан довольно обширный (более 250 страниц) сборник материалов¹, куда вошли все присланные в Ашхабад тези-

¹ См.: Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства: Материалы Междунар. науч. конф. Ашхабад, 2001.

сы докладов. Характеризуя сборник, В. М. Массон отметил: «В мире нет такого издания, которое бы столь масштабно и комплексно рассмотрело с научных позиций проблему „Конь и всадник“. Имеются интересные материалы о первых конях Новой Гвинеи, конях Южной Америки, Северной Европы, Дальнего Востока... уникальная информация из разных уголков планеты. Это и есть научный результат конференции». Все материалы, а их 120, распределены по семи разделам: «Истоки коневодства. Конь в эпоху бронзы», «Кони и всадники Азии», «Кони и всадники вне азиатского материка», «Кони и всадники в истории военного дела», «Конь в новое время», «Конь в идеологических представлениях», «Конь в художественной культуре». Первый раздел («Истоки коневодства. Конь в эпоху бронзы») включает материалы по истории доместикации, всадничества и эволюции конской упряжи. Второй раздел («Кони и всадники Азии») охватывает широкий круг вопросов: древние всадники Азии в контексте всемирной истории (В. М. Массон, Россия), конь как атрибут традиционной власти, знак должностного авторитета и престижа (О. А. Соловьева, Россия), изображения коня и всадника на древних монетах (В. Тюнибекян, Туркменистан), конское убранство (Д. Я. Ильясов, Узбекистан), лингвистические сопоставления слов с корневой основой «конь» (Х. Багхбиди, Иран), влияние ахалтекинской породы на другие восточные породы (А. С. Климук, Россия), роль коня и коневодства в исламе (Ш. Курт, Турция), лошадь в истории династии Квин (Д. Куингбо, Китай), традиционные конные игры у туркмен (А. Таджов, Туркменистан), а также кони и всадники в различных письменных источниках. «Кони и всадники вне азиатского материка» — третий раздел. Он представлен в основном исследованиями ученых из США (Г. Реджер. «Конь в войне и экономике эллинистического мира»), Германии (Г. Шульц. «Конь в ранней средневековой культуре Северной Европы»), С. Пеннер. «Псалми в погребениях микенской культуры») и России (В. А. Горончаровский «Седло в комплекте снаряжения верхового коня на Боспоре», Е. С. Соболева «Лошади на Тиморе»). В четвертом разделе («Кони и всадники в истории военного дела») можно познакомиться с материалами о происхождении аршакидской парфянской конницы (М. Ольбрых, Польша), об индоскифских конных воинах (Д. Лернер, США), о коннице в китайской армии начала ТАН (Н. Ф. Попова, Россия), о парфянских седлах (В. П. Никонов, Россия), о боевых качествах туркменских коней (О. А. Гундогдыев, Туркменистан). В центре внимания пятого раздела («Конь в Новое время») — туркменский аргамак (по материалам русских путешественников, российской периодики конца XIX—начала XX в., газеты «Асхабад» и др.), история коневодства в Закаспийской области в архивных документах. Есть интересные данные об ахалтекинцах на императорском кладбище лошадей в Санкт-Петербурге (А. Хисматулин, Россия), а также письменные свидетельства о туркменских конях в Англии XVIII в. (К. Эннс-Белдок, Великобритания). В шестой раздел («Конь в идеологических представлениях») вошли исследования на темы: «Конь и колесница в индоиранской и греческой религиях (А. Парпола, Финляндия), «Лошадь на Острове Сокровищ» (Н. Краснодембская, Россия), «Кони-боги в

Непале» (В. Мазурина, Россия), «Священные пятнистые кони» (Г. Аржент, США и Т. Лобанова, Россия), «Конь без всадника — религиозный символ парфянского времени» (Д. Мецлер, Германия), «Культовый конь у туркмен» (Г. Н. Ханмурадов, Туркменистан) и многие другие. Самый большой по объему — седьмой раздел. Он называется «Конь в художественной культуре». Образ коня в живописи, литературе, музыке — вот три основных направления, которые представлены в этом разделе. Отдельно можно выделить лингвистический аспект: туркменские пословицы и поговорки со стержневым словом «ат» («конь»), тюркизмы, обозначающие породы и масти лошадей, имена ахалтекинских коней, имена коней в тюркских языках, лингвокультурологический анализ смыслового поля с доминантой «ат» — «конь» в туркменском и русском языках.

Издание имеет еще одно достоинство — оно трехязычное (на туркменском, русском и английском языках), что значительно расширяет круг читателей и географию распространения.

Специально к конференции Государственное объединение «Туркмен атлары» («Туркменские кони») выпустило красочный буклет «Небесные кони», иллюстрированный каталог чистопородных ахалтекинских коней Туркменистана, а также сборник высказываний и поэтических произведений, посвященный этому благородному животному. Коллектив Туркменского национального института мировых языков имени Азади издал на туркменском, русском и английском языках краткий словарь коневодческих терминов «Райские кони», включающий в себя пословицы и поговорки туркменского народа, связанные с конем.

Участники конференции, подводя итоги на заключительном пленарном заседании, отметили высокий научный уровень докладов, замечательную организацию, а также выступили с рядом предложений. Они обратились к Правительству Туркменистана с просьбой рассмотреть вопрос об организации музея ахалтекинского коня и о регулярном (ежегодном) проведении международных конференций по проблеме «Конь и всадник». Было высказано также предложение о создании ассоциации любителей ахалтекинского коня на правах общественной организации.

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Е. А. Бондарь (Бишкек, Кыргызстан)

Начало XXI в. ознаменовано рядом концептуальных государственных мероприятий. Политика, проводимая Президентом Кыргызской республики А. Акаевым, направлена на преодоление кризисных ситуаций, происходящих в обществе, создание функционального государственного аппарата, претворение в жизнь концептуальных основ Программы «Комплексных основ развития Кыргызской республики на период 2010 г.». Анализ данной проблематики носил характер конструктивизма и взаимозависимости культурно-политических тенденций развития Центрально-Азиатского региона. Основной акцент при этом был сделан на молодые профессиональные кадры, воспитанные в стенах как республиканских вузов, так и ближнего и дальнего зарубежья. Значимую роль в решении данного вопроса сыграло и провозглашение Президентом Кыргызской республики А. Акаевым 2001 г. «Годом образования и молодежи», а 2003 г. — «Годом Кыргызской государственности».

Данная концепция не осталась незамеченной ученым миром Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ). Попытка ученых КРСУ исследовать геополитику евразийского пространства в культурном и историческом отношении в целом привела к созданию в КРСУ Кыргызско-Российского института исследований Центральной Азии (КРИИЦА). По инициативе академика доктора ист. наук Массона В. М., представляющего Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (Россия, г. Санкт-Петербург), совместно с ректором КРСУ академиком В. И. Нифадьевым и академиком доктором ист. наук проф. В. М. Плоских было принято решение совместить в новой структуре освещение принципов геополитики с анализом фактического материала, методических рекомендаций, исторического наследия Центрально-Азиатского региона, основанным на принципах научного исследования.

На первоначальном этапе деятельности Института, основанной на внебюджетном финансировании, была разработана программа научно-исследовательской деятельности и историко-археологических комплексных исследований Иссык-Куля на берегу и под водой. Решением учредителей директором КРИИЦА назначен видный ученый академик доктор ист. наук профессор В. М. Плоских, ученым секретарем — канд. полит. наук Е. А. Бон-

дарь. Разностороннюю поддержку при решении данного вопроса инициаторы КРИИЦА встретили и со стороны зарубежных партнеров. Учредителями Института выступают: Кыргызско-Российский Славянский университет; Институт истории материальной культуры Российской Академии наук; Восточное отделение Российского археологического общества Российской академии естественных наук. В областном центре Кыргызстана г. Ош открывается филиал КРИИЦА, который возглавляет доктор ист. наук А. А. Колесников, известный российский востоковед, ныне работающий в г. Ош.

В своей деятельности Институт ставит перед собой задачи, направленные на развитие научного сотрудничества между Кыргызской республикой, Российской Федерацией и государствами Центральной Азии; предоставление возможности зарубежным и отечественным исследователям осуществлять научно-исследовательскую деятельность; сбор научной информации и координацию ее иностранных и отечественных исследователей и организаций, работающих в данной области. Немаловажное место занимают вопросы, связанные с процессом получения должного профессионального образования, воспитания, развития культурного наследия и духовности молодежи на собственных национальных традициях народов Кыргызской республики и Центрально-Азиатского региона в целом посредством подготовки учительских и преподавательских кадров для школ и вузов.

Руководство Института не оставляет без внимания вопросы, связанные с проведением конференций, симпозиумов, семинаров и других мероприятий, реализация которых предоставит благодатную почву для расширения и развития культурных связей в Центрально-Азиатском регионе. Особое место занимал вопрос, связанный с осуществлением издательской деятельности. Сегодня и этот вопрос снят с повестки дня. Институт имеет современную типографическую базу, предусматривающую издание собственного научного журнала. На данном этапе функционирования Института руководящим составом запланировано создание научно-исследовательских лабораторий по направлениям: геополитика, геоэкономика, историческое наследие, лингвистика, изучение национальных традиций и культурного наследия всего Центрально-Азиатского региона. При этом основной упор делается на привлечение и активное участие в научно-исследовательской работе как студенчества КРСУ, так и вузовской молодежи.

Наиболее наглядно это отражается в процедуре подготовки и осуществления выставки под непосредственным руководством Генерального консула Российской Федерации в г. Ош Колесникова А. А., посвященной теме «Ош в истории российской науки». Выставка представляла собой собрание уникальных фотодокументов и архивных материалов из фондов архива и музея Российского географического общества, впервые представляющих деятельность русских ученых на юге Кыргызстана. Кроме того, сотрудниками Института ведется работа по созданию электронной страницы КРИИЦА в Интернете, а также деятельность, направленная на организацию работ по созданию электронного архива проведенных науч-

но-исследовательских работ для последующего обнародования перед научной интеллигенцией мирового сообщества.

В связи с провозглашением Президентом Кыргызской республики 2003 г. «Годом Кыргызской государственности», ученые Института ведут активную работу, направленную на создание информационной поддержки, исследовательских работ, научных публикаций, а также обеспечивают освещение исторических аспектов процесса построения Кыргызской государственности.

За период своей деятельности Институт заключил договора о сотрудничестве с рядом вузов Республики, а также с некоторыми вузами государств СНГ, ведется работа по взаимовыгодному научно-культурному сотрудничеству с родственными университетами государств Центрально-Азиатского региона.

В 2003 г. запланирован научный семинар представителей научной интеллигенции Кыргызстана и Российской Федерации. В программе обмен мнениями, заключение учебных и научных договоров.

Институт приветствует всесторонние контакты с различными неправительственными и общественными структурами и открыт для совместной деятельности, направленной на осуществление научно-исследовательских работ в Центральной Азии.

10 ЛЕТ КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКОМУ СЛАВЯНСКОМУ УНИВЕРСИТЕТУ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е. В. Носова (Бишкек, Кыргызстан)

В 1991 г. перед новыми независимыми государствами встала задача определения дальнейшего пути развития. Концепция развития демократического Кыргызстана как полиэтнического государства ставила своей главной задачей строительство общенационального дома, под сводами которого утверждались бы принципы межэтнического согласия и гражданского мира, а также приоритеты прав и свобод человека. И вот тут очень остро встали вопросы переустройства всех сфер материальной и духовной жизни общества, в том числе сокращение оттока части населения на историческую родину, в ближнее и дальнее зарубежье, что отрицательно влияло на становление нового независимого государства. Необходимо было сформировать гарантии интересов национальных меньшинств, утвердить в сознании их представителей уверенность в своем будущем, будущем их детей и внуков.

На фоне этих грандиозных событий произошло одно, казалось бы не столь заметное, но играющее исключительно важную роль в налаживании отношений между Россией и Кыргызстаном, — создание Кыргызско-Российского Славянского университета.

У истоков создания КРСУ стояли такие хорошо известные в республике и за ее пределами яркие личности, как проф. Лелевкин В. М., проф. Плоских В. М., проф. Орусбаев А. О., доктор физ.-мат. наук Слободенюк В. С., доктор физ.-мат. наук Нифадьев В. И., Вишневский В. В. — Президент Славянского фонда в Кыргызстане.

Идея учреждения Кыргызско-Российского Славянского университета (КРСУ) была одобрена Президентом Кыргызстана А. А. Акаевым и Президентом России Б. Н. Ельциным в ходе подготовки в 1992 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между двумя суверенными государствами. В результате общих усилий она нашла свое выражение в статье 22 межгосударственного Договора, где зафиксировано следующее: «Высокие Договаривающиеся Стороны, стремясь создать наиболее благоприятные условия для дальнейшего всестороннего взаимодействия и развития культур народов двух государств, учредят в Бишкеке Славянский университет. Условия его учреждения и деятельности будут определены отдельным соглашением Сторон».

Главными задачами КРСУ были удовлетворение языковых и культурных потребностей значительной части населения, возводящей свой род к славянским корням, формирование всесторонне развитой личности, способной найти свое место в сложном современном мире, а также решение проблемы дальнейшего укрепления исторических дружественных отношений между Кыргызстаном и Россией.

Сама идея создания Славянского университета в неславянской стране предопределяет его самобытность и конкурентоспособность, где система обучения должна быть ориентирована на приоритеты общекультурных, общечеловеческих ценностей.

Создание Славянского университета было необходимо и с точки зрения сохранения единого научного и образовательного пространства СНГ, оно продиктовано желанием помочь государствам-учредителям, в первую очередь Кыргызстану, приумножить интеллектуальный научный потенциал, подготовить первоклассных специалистов по различным отраслям знаний, обеспечить взаимообмен накопленным опытом, снять преграды на путях подготовки кадров и развития совместных научных исследований. Университет должен содействовать развитию высшего образования, культуры, науки не только русскоязычной части населения, но и всех граждан Кыргызской республики. Это очень четко оговорено в Уставе КРСУ:

«...Университет создается для удовлетворения языковых и культурных потребностей личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии посредством получения высшего и послевузовского профессионального образования;

подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников с высшим образованием и научно-педагогических работников высшей квалификации;

сохранения и приумножения нравственных, культурных и научных ценностей общества» и т. д.

10 июня 1992 г. Президент Кыргызской республики А. А. Акаев с Президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным вручили символический ключ будущего Университета президенту попечительского совета Университета академику Н. П. Лаверову, 28 сентября 1992 г. А. А. Акаевым был подписан Указ «Об учреждении в г. Бишкеке Кыргызско-Российского (славянского) университета», а через год, 9 сентября 1993 г. состоялась торжественная инаугурация Университета. Межгосударственный документ об открытии Университета был подписан министрами иностранных дел двух государств Козыревым А. В. и Карабаевым Э. О.

В церемонии приняли участие члены правительств обоих государств, дипломатический корпус Российской Федерации, аккредитованный в Бишкеке, деятели науки, образования и культуры.

Был создан попечительский совет, председателем которого стал академик Лаверов Н. П. Первым и ныне действующим ректором стал известный в стране ученый — проф. Нифадьев В. И.

Так были заложены основы деятельности уникального учебного заведения двойного межгосударственного подчинения, судьбы преподавательского состава и выпускников которого связаны с судьбами двух го-

сударств — России и Кыргызстана, на благо двух государств, на укрепление вечной дружбы между ними. Как сказал в своем выступлении Президент Кыргызской республики А. А. Акаев, «Славянский университет стал символом единения народов Кыргызстана!»

Наряду с традиционными высшими учебными заведениями, новые международные университеты, к которым относится и Кыргызско-Российский Славянский университет, определяют лицо образовательной системы Кыргызстана и служат реализации главной задачи — вхождения Кыргызстана в мировое сообщество.

На сегодня КРСУ стал одним из самых престижных высших учебных заведений Кыргызской республики и Российской Федерации, о чем свидетельствует высокий конкурс при поступлении на отдельные факультеты (до 20 человек на место). Если в 1993 г. на первый курс Университета приняли 156 человек, то в 2002 г. было уже 5000 студентов очного и дистантного обучения.

Сегодня в Университете успешно функционируют 8 факультетов (естественно-технический, экономический, гуманитарный, юридический, международные отношений, медицинский, архитектурный, дистантного обучения), Отдел науки, аспирантуры, докторантуры, открыты научно-исследовательские институты: регионального славяноведения, мировых культур, Кыргызско-Российский институт исследования Центральной Азии, культурно-методический отдел, студия эстетического воспитания, Артгалерея изобразительных искусств, историко-археологический музей, центры: довузовской подготовки, педагогической и психологической помощи, образования, науки и культуры, региональной переподготовки преподавателей, средняя общеобразовательная школа, имеется собственный пансионат на озере Иссык-Куль, где в летний период отдыхают студенты и сотрудники Университета, создается Медицинский центр с многопрофильной клиникой для обслуживания студентов, сотрудников Университета, а также жителей города и других регионов республики.

Высок профессиональный, интеллектуальный и творческий потенциал преподавателей КРСУ, осуществляющих учебный процесс. Об этом свидетельствует не только тот факт, что большая часть преподавателей имеют ученые степени докторов и кандидатов наук, звания профессоров и доцентов, но и то, что ректору КРСУ академику НАН Кыргызской республики Нифадьеву В. И. и возглавляемой им группе ученых была присуждена в 1998 г. Государственная премия Кыргызской республики за разработку, создание и внедрение новых взрывчатых веществ для высокоэффективных и безопасных технологий взрывных работ. В 2002 г. такая же премия была присуждена авторам учебника на кыргызском языке для вузов «История кыргызов и Кыргызстана», в написании которого принимали участие преподаватели КРСУ академик Какеев А. Ч.; чл.-кор. НАН Джунушалиев Д. Д.; акад. НАН Плоских В. М.; канд. ист. наук Воропаева В. А.; канд. ист. наук Горячева В. Д.; канд. ист. наук Харченко Г. В. и др. В этом же году за разработку мемориального комплекса «Ата Бейит» (посвященного жертвам сталинских репрессий) Государственной премии им. Токтогула был удостоен заведующий кафедрой изобразительных дис-

циплин и дизайна факультета архитектуры, дизайна и строительства проф. Шестопа В. А., а издание нового учебника и практического руководства проф. Соложенкина В. В. признано пионерским Всемирной психиатрической ассоциацией и Организацией «Женевские инициативы в психиатрии».

На факультетах и при кафедрах созданы учебно-научные лаборатории, оснащенные современной техникой и приборами.

В Университете успешно функционируют учебные кабинеты и культурные центры, созданные на средства грантодателей и способствующие гуманизации образования и развитию межгосударственных связей и межнациональных культурных контактов, такие как Центр и кабинет русской культуры, Центр американистики, Центр изучения еврейской культуры, кабинеты китаистики, иранистики, тюркологии, кафедра ЮНЕСКО.

Научно-исследовательскую деятельность подразделений Университета координирует научно-исследовательский центр. Существенные научные разработки имеют самое прямое отношение ко всем сторонам жизни Кыргызстана. Это участие преподавателей юридического факультета в разработке Уголовного, Уголовно-процессуального, Уголовно-исполнительного, Гражданского, Семейного кодексов Республики; помощь естественно-технического факультета в работе ОАО «Национальная электрическая сеть Кыргызстана», ТЭЦ г. Бишкек, АО «Кыргызпромпроект», АО «Кыргызский камвольно-суконный комбинат», Департамента водного хозяйства Республики, Компании Elkat, Департамента ЧС Минэкологии и ЧС Кыргызской республики; помощь экономического факультета Центру экономических исследований НАН Республики, Центру экономических и социальных реформ МФ Кыргызстана, Институту статисследований Нацстаткома Кыргызской республики.

И это лишь малая толика той огромной работы, которая ведется профессорско-преподавательским составом Университета во всех областях жизни Республики.

Широки и многогранны связи КРСУ с ближним и дальним зарубежьем. Сегодня факультеты Университета сотрудничают с вузами и научными учреждениями многих стран мира. Так, к примеру, кафедра ЮНЕСКО Института мировых культур и религий поддерживает научные связи с Международной академией развития (Казахстан), Бирмингемским университетом (Великобритания), кафедрой ЮНЕСКО по проблемам межрелигиозного диалога (Санкт-Петербург), Вестминстерским университетом (Великобритания), Институтом востоковедения РАН (Россия), Восточным институтом (Россия), высшими учебными заведениями; Экономический факультет — с российскими (гг. Москва и Санкт-Петербург), центрально-азиатскими (гг. Ташкент, Алматы, Ашгабат, Душанбе) и зарубежными (США — Бостон, Германия — Лейпциг, Кельн, Айштет, Ингольштат) высшими учебными заведениями, с Фондом Макаруров (США), Фондом Карнеги (США), Фондом ООН.

О высоком статусе КРСУ говорит и то, что его почетными докторами являются: Ельцин Борис Николаевич — первый Президент Российской Федерации, Акаев Аскар Акаевич — Президент Кыргызской республики,

Строев Егор Семенович — Председатель Совета Федерации России, Лавров Николай Павлович — вице-президент Российской Академии наук, Ким Кванг — Президент Kim Sung Environment College, Черномырдин Виктор Степанович — бывший премьер-министр Российской Федерации, Садако Огата — Верховный комиссар ООН по делам беженцев, Селезнев Геннадий Николаевич — Председатель Государственной думы России, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

На всех факультетах Университета защищаются кандидатские и докторские диссертации, пишутся статьи, перечень которых занял бы не одну страницу в данной статье.

Преподавательский коллектив КРСУ принимает самое активное участие как в республиканских, так и в международных конференциях, симпозиумах, семинарах, «круглых столах», на которых с докладами и сообщениями выступают не только преподаватели, но и студенты старших курсов Университета. В частности, преподаватели экономического факультета принимали участие в Международной конференции ЮНЕСКО «Идеи толерантности в Центральной Азии и проблемы раннего предупреждения конфликтов» (Бишкек, май 1997 г.), Международной конференции Фонда Макартуров «Репродуктивные права и репродуктивное здоровье в Центральной Азии» (Москва 12—19 апреля 1998 г.), Международной конференции «Внешняя миграция русскоязычного населения Кыргызстана» (Бишкек, 11 июля 2000 г.), а преподаватели кафедры ЮНЕСКО — в «круглых столах» — «О проблемах религиозного экстремизма в кыргызской части Ферганской долины», Международном круглом столе ЮНЕСКО «Межкультурный и межрелигиозный диалог как часть диалога цивилизаций» и во многих-многих других.

КРСУ является не только учебно-научным, но и культурным центром, в котором созданы все необходимые условия для гармоничного развития студенческой молодежи. В соответствии с Постановлением Правительства Кыргызской республики «О концепции „Образования через культуру“», в целях реализации президентской программы «Маданият» в Университете принята и осуществляется комплексная программа культурно-образовательной и воспитательной деятельности. Более 2500 студентов первого, второго и старших курсов всех факультетов занимаются в 22 студиях эстетического воспитания, среди которых вокально-хоровая, театральные, изобразительного и прикладного искусства, танцевальные, журналистики, вокально-инструментальные группы и т. д.

Университет живет активной общественной жизнью. За период со времени его образования проведено более 250 культурно-просветительных мероприятий. Это традиционные университетские праздники «Посвящение в студенты», «Праздник выпускников», «Праздники языков», шоу-программы, концерты, спектакли театральной студии, встречи, конкурсные просмотры, художественные и фотовыставки и т. д., издается молодежная газета «СТУДобоз». В течение трех последних лет Университет занимает командное первое место среди вузов города Бишкек в городских фестивалях студенческого творчества, а в 2000 г. занял первое место на республиканском фестивале «Студенческая весна Ала-Тоо».

Славянский университет стал популярным в республике местом проведения государственных праздников Кыргызстана и России, международных конференций, семинаров, симпозиумов, встреч с известными политиками, учеными, деятелями искусств. Неоднократно в стенах КРСУ выступал Президент Кыргызской республики А. А. Акаев, и именно здесь, со сцены КРСУ, им были впервые произнесены слова, ставшие знаменем времени для всех граждан Республики — «Кыргызстан — наш общий дом!» Здесь же состоялись встречи с Патриархом всея Руси Алексием II, председателем правительства России В. С. Черномырдиным, министром иностранных дел Российской Федерации Примаковым Е. М., спикером Государственной думы Селезневым Г. Н., вице-президентом Российской Академии наук Лаверовым Н. П., Чрезвычайными и Полномочными Послами Российской Федерации в Кыргызской республике.

Именно здесь ежегодно проводятся гала-концерты республиканского праздника славянской письменности и культуры, объединяющего всех любителей славянской культуры.

Можно еще много говорить о нашем Университете, о том, что сделано, а еще больше о том, что предстоит сделать в будущем. Но самое главное — это то, что 10-летний юбилей КРСУ «воплощает в себе важнейшие вехи двустороннего сотрудничества двух независимых государств — России и Кыргызстана. Стоящие перед ними сходные задачи национального и духовного возрождения служат мощным объединяющим началом для поиска и утверждения новых эффективных форм взаимодействия народов, укрепления плодотворных связей и контактов» (А. А. Акаев). И в соответствии с этим вырисовываются и перспективы дальнейшего развития Кыргызско-Российского Славянского университета и его все более активное вхождение в международное образовательное информационное пространство.

PERSONALIA

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ МЕНЬШИКОВ (1926—2005)

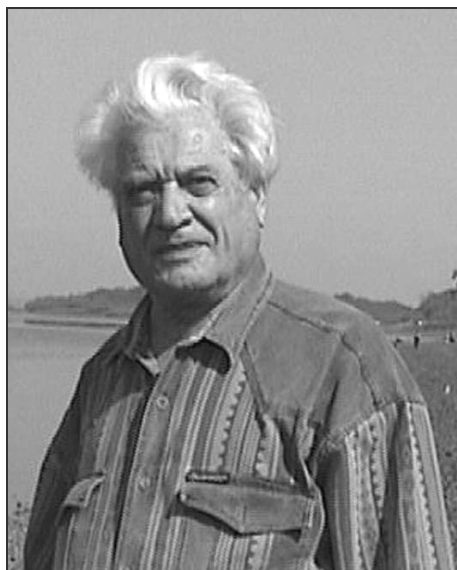
И. Ф. Попова (Санкт-Петербург)

29 октября 2005 г. скончался выдающийся отечественный китаевед главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН доктор филологических наук профессор Лев Николаевич Меньшиков.

Л. Н. Меньшиков родился 17 февраля 1926 г. в Ленинграде в семье Н. А. Меньшикова, геолога по специальности, и Р. Е. Нихамовской-Меньшиковой, работавшей учителем русского языка и литературы и директором школы рабочей молодежи № 94 Куйбышевского района Ленинграда. В 1947 г., окончив с золотой медалью школу, Л. Н. Меньшиков был без экзаменов принят на Восточный факультет Ленинградского государственного университета, Отделение китайской филологии. Его учителем был академик В. М. Алексеев (1881—1951), чувство глубокого уважения и благодарности к которому Л. Н. пронес через всю свою жизнь. Свою первую научную статью он опубликовал уже в студенческие годы (*Меньшиков Л. Н. Народные элементы в китайской драме // Китаист-филолог. № 1: Сборник студенческих научных работ. Л., 1951. С. 78—116*).

По окончании Университета в 1952 г. Лев Николаевич по представлению его преподавателей Б. И. Панкратова (1892—1979) и Г. Ф. Смыкалова (1877—1955) был рекомендован в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, которую он прошел в Москве под руководством Л. З. Эйдлина (1909—1985). В декабре 1955 г. Лев Николаевич досрочно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современная реформа китайской классической драмы», получившую высокую оценку коллег, и 31 декабря того же года был принят в штат Ленинградского отделения Института востоковедения АН, где и проработал всю свою жизнь.

В 1959 г. по материалам диссертации Лев Николаевич опубликовал свою первую книгу — «Реформа китайской классической драмы» (М., 1959), в которой впервые в отечественной литературе исследовал ряд важнейших драматических сюжетов традиционного китайского театра и их трансформацию в различные исторические периоды. Впоследствии изучению китайской классической, ортодоксальной и простонародной литературы Л. Н. Меньшиков посвятил большую часть своих научных

**Лев Николаевич
Меньшиков**

работ, которых им было написано свыше 200, включая 15 монографий и изданий больших переводов.

Л. Н. Меньшиков сыграл выдающуюся роль в изучении и описании рукописных китайских коллекций из собраний Санкт-Петербурга. Высочайшее признание во всем мире принесло Л. Н. Меньшикову описание и изучение дуньхуанского фонда СПбФ ИВ РАН. В мировом дуньхуановедении имя Л. Н. Меньшикова стоит в одном ряду с выдающимися учеными Чжэнь Чжэнь-до, Пань Чэн-гунем, Жэнь Ци-юем. В 1957 г. Л. Н. Меньшиков начал руководить группой по описанию дуньхуанского фонда ЛО ИВ АН. Первым результатом ра-

боты большой группы китаеведов стало «Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии» в 2 томах, охватывающее 2954 единицы хранения и изданное под общей редакцией и с предисловиями Л. Н. Меньшикова в 1963 и 1967 гг. В 1999 г. это описание вышло на китайском языке в Шанхае, в издательстве «Древняя книга». В ходе работы группы были отождествлены многие буддийские и небуддийские сочинения, выполнены сотни соединений, проведена огромная текстологическая, археографическая и палеографическая работа. При описании коллекции составители пользовались консультациями китайских коллег, посещавших Ленинград в 1950-х гг., — Чжэн Чжэнь-до, Лян Си-яня и Бао Чжэн-гу. Эта помощь значительно способствовала работе, поскольку после поездок У Ци-юя, Ван Чжун-миня и Пань Чэн-гуя в Европу и ознакомления их с европейскими коллекциями китайское дуньхуановедение сделало мощный рывок вперед, но далеко не все опубликованные работы доходили до Ленинграда. Публикации и результаты работы дуньхуанской группы вызвали широкий отклик за рубежом. О них писали П. Демьевиль, Канаока Секо, М. Долежелова-Венгерова, Дж. Дадбридж. Работе сотрудников дуньхуанской группы была присуждена премия имени Станислава Жюльена Французской академии надписей и изящной словесности за 1964 г.

Большую роль Л. Н. Меньшиков сыграл в восстановлении художественной части дуньхуанского фонда. В 1994—2002 гг. Л. Н. был ответственным редактором с российской стороны большого международного проекта по изданию рукописей дуньхуанского фонда, осуществлявшегося РАН совместно с издательством «Древняя книга». В итоге было опубли-

ковано 17 томов «Дуньхуанских рукописей, хранящихся в России», и 6 томов «Произведений искусства из Дуньхуана, хранящихся в России».

Имя Л. Н. Меньшикова занимает одну из первых позиций в мировой синологии в изучении *бяньвэнь*, жанра средневековой китайской простонародной литературы. В 1963 г., опубликовав работу «Китайские рукописи из Дуньхуана. Памятники буддийской литературы *сுவэньсюэ*», Лев Николаевич приступил к введению в научный оборот и исследованию уникальных дуньхуанских памятников буддийской простонародной литературы. Им были переведены, откомментированы и исследованы «Бяньвэнь о Вэймоцзе» (М., 1963), «Бяньвэнь Десять благих знамений» (М., 1963), «Бяньвэнь о воздаянии за милости» (Ч. 1. М., 1972), «Бяньвэнь по Лотосовой сутре» (М., 1984). В 1972 г. он защитил докторскую диссертацию по монографии «Бяньвэнь о воздаянии за милости». Благодаря этим и ряду других работ Льва Николаевича в мировой науке появилось ясное представление о роли разговорно-повествовательных, песенно-эпических и драматически-сказовых жанров в истории китайской литературы. Посетивший в 1960 г. Ленинград П. Демьевиль (1894—1979) восторженно оценил квалификацию Л. Н. Меньшикова и результаты работы дуньхуанской группы. В 1964 г. он опубликовал обзор 1-го тома «Описания рукописей из Дуньхуана» и двух работ Л. Н. о бяньвэнь — «Китайские рукописи из Дуньхуана» и «Бяньвэнь о Вэймоцзе» с множеством уважительных ссылок на выводы Л. Н. Меньшикова (*Demiéville P. Manuscrits Chinois de Touen-houang à Leningrad // T'P. Vol. 51/4—5. 1964. P. 355—376*).

Л. Н. Меньшиков блестяще исследовал и переводил произведения самых разных жанров китайской классической повествовательной прозы. При всей необъятности научных интересов текстология оставалась, наверно, главной его стихией. Остальные дисциплины китаеведения, которыми он одинаково блестяще владел, были в первую очередь орудием для критического прочтения, идентификации и изучения текста.

Важным событием, высоко оцененным мировой синологией, стало осуществленное Л. Н. Меньшиковым совместно с Б. Л. Рифтиным в 1964 г., описание рукописи «Записи о камне» («Ши тоу цзи») из коллекции СПбФ ИВ РАН (*Рифтин Б. Л., Меньшиков Л. Н. Неизвестный список романа «Сон в Красном тереме» // НАА. 1964. № 5. С. 121—128*).

Много сил Л. Н. отдал изучению китайских материалов из всемирно известной тангутской коллекции П. К. Козлова (1863—1935), доставленной экспедицией 1907—1909 гг. из мертвого города Хара-Хото в пустыне Гоби. Полное описание китайской части коллекции было опубликовано Л. Н. Меньшиковым в 1984 г. (*Меньшиков Л. Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (фонд П. К. Козлова) / Прил. сост. Л. И. Чугуевский. М., 1984*). Л. Н. Меньшиков писал и о китайских рукописях из других дальневосточных и центральноазиатских фондов СПбФ ИВ РАН, его знаниями и консультациями часто пользовались коллеги-рукописники из Российской национальной библиотеки и с Восточного факультета СПбГУ. Результатом многолетней практической работы Л. М. Меньшикова по описанию рукописных коллекций стали его статьи по палеографии и истории китайской рукописной книги.

Лев Николаевич отличался высочайшей культурой работы, его библиографическая и терминологическая картотеки производили ошеломляющее впечатление. Он блестяще знал синологическую справочную литературу — и китайскую и западную. Не одно поколение востоковедов научил Лев Николаевич пользоваться справочными изданиями.

Л. Н. Меньшиков — талантливый переводчик китайской поэзии, обладавший незаурядным поэтическим даром. Ему принадлежат замечательные по точности и выразительности стихотворные переводы около 1000 строк в «Антологии китайской поэзии» (1957), 3500 строк стихов в переводе романа «Сон в красном тереме» (1958), переводы стихов Лу Синя, поэтов Ван Си-чжи, Ван Цзи, Цэнь Шэня, Ван Вэя, Ду Фу, Гао Ши, Вэй Ин-у, Хань Юя и многих-многих других. Обладая истинной любовью и тонким вкусом к поэзии, Лев Николаевич в течение всей своей жизни выполнял поэтические переводы и публиковал их отдельными изданиями, в антологиях, а также в составе прозаических переводов своих коллег, которые, встречая в изучаемых ими памятниках стихотворные части, обращались к нему с просьбой перевести их. Особое место в его научном творчестве принадлежало исследованию наследия поэта VII в. Ван Фань-чжи, произведения которого были обнаружены в дуньхуанской библиотеке. Ученый планировал написать о нем большую работу, но успел опубликовать лишь краткий очерк (*Меньшиков Л. Н. Биография поэта VII в. Ван Фань-чжи (Опыт реконструкции)* // ПВ. Вып. 7. 1995. С. 523—550).

За долгие годы переводческой деятельности Лев Николаевич выработал собственные принципы перевода. Он стал первым в мире китаеведом, обратившимся к сложнейшей проблеме теории китайского стихосложения на примере произведений жанра *бяньвэнь*. Лев Николаевич выполнил множество переводов художественной прозы, что явилось большим вкладом в изучение китайской классической драматургии. В частности, им были выполнены переводы драмы Ван Ши-фу XIV в. «Западный флигель» с предисловием и комментарием (1960) и «Записок о поисках духов» Гань Бао (1963, переиздания 1994, 1999).

Данью памяти своему Учителю В. М. Алексею стало активное участие Л. Н. Меньшикова в издании трудов из его архива. В подготовке монографий В. М. Алексея «Китайская народная картина» (1966), «Китайская литература» (1978), «Наука о Востоке» (1982) есть доля труда Льва Николаевича. В последние годы своей жизни Л. Н. Меньшиков совместно с М. В. Баньковской и Б. Л. Рифтиным работал над подготовкой к публикации «Рабочей библиографии китаиста» и к переизданию «Китайской поэмы о поэте» В. М. Алексея.

Подтверждением научного значения работ профессора (с 1991 г.) академика РАН Л. Н. Меньшикова стало, в частности, присуждение ему премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга за 1991 г. Л. Н. Меньшиков был многолетним членом Ученого совета СПбФ ИВ РАН, членом диссертационного совета Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, входил в состав многих международных научных обществ и редакционных коллегий. 9 его аспирантов защитили кандидатские диссертации, а 4 из них стали докторами наук. Когда в 1998 г. в Санкт-Пе-

тербурге было восстановлено Восточное отделение Российского археологического общества (ВОРАО), Лев Николаевич был избран в его Правление, а также в редакционный совет его печатного органа — «Записок Восточного отделения Российского археологического общества» (ЗВОРАО).

Значение трудов Л. Н. Меньшикова в отечественном и мировом китаеведении огромно. За период своей творческой деятельности он выполнил исследование большого по объему, оригинального и совершенно не изученного материала, что способствовало коренному пересмотру существовавших в науке представлений о роли буддизма в традиционном Китае. Для нас он навсегда останется великим тружеником науки, настоящим и искренним китаеведом, любившим Китай и китайскую культуру, ученым широкой культуры и огромной профессиональной эрудиции, на трудах которого учились и будут учиться китаеведы многих поколений.

ПАМЯТИ БОРИСА ЯКОВЛЕВИЧА СТАВИСКОГО (1926—2006)

В. П. Никоноров (Санкт-Петербург)

8 января 2006 г. не стало Бориса Яковлевича Ставиского. Все знали о его тяжелом недуге, но смерть его все равно стала для всех друзей и коллег Бориса Яковлевича печальной неожиданностью... Трудно себе представить теперь без него нашу археологическую науку. Он принадлежал к той блестящей плеяде советских исследователей, труд которых, начиная с послевоенных лет, навсегда прославил отечественную науку о древностях Среднего Востока.

Еще в студенческие годы, учась на историческом факультете Ленинградского государственного университета (1945—1949), Борис Яковлевич начал изучение далекого прошлого Средней Азии, участвуя в раскопках Пенджикента (с 1946 г.). Ему исключительно повезло с преподавателями и старшими коллегами по профессии: его учителем стал А. Ю. Якубовский, имел он счастливую возможность общаться и с другими корифеями отечественной археологии и востоковедения — М. И. Артамоновым, А. Н. Бернштамом, М. П. Грязновым, А. М. Беленицким, К. В. Тревер, И. А. Орбели, Б. Б. Пиотровским и другими.

После окончания ЛГУ Борис Яковлевич начал работать в Отделе Востока Государственного Эрмитажа. Помню, как еще мальчишкой в 1960-х гг. я часто навещал Эрмитаж полюбоваться выставками древнего искусства, в том числе и среднеазиатского. Я скупал практически все книжки из серии «Путешествие в прошлое по залам Эрмитажа» (благо это было по карману даже школьникам, вернее, их родителям — стоили эти небольшие, но содержательные и хорошо проиллюстрированные брошюры копейки). Одной из самых интересных среди этих книг для меня была брошюра об искусстве и культуре Средней Азии, написанной как раз Борисом Яковлевичем Стависким (правда, обратил я на это внимание позднее, когда имя знаменитого археолога Ставиского было мне уже хорошо известно).

Работа Бориса Яковлевича в Пенджикентской экспедиции имела своим итогом написание им кандидатской диссертации «Пенджикентский некрополь как памятник культуры Согда VII—VIII вв.», защищенной в 1954 г. Помимо Пенджикента, он также проводил полевые исследования в верховьях Зеравшана (Таджикистана), на Кулдор-тепе и Яхшибай-тепе (Узбекистан), пока не начал главное дело своей жизни, а именно регу-

Борис Яковлевич Ставиский (третий слева) в кругу своих коллег
(слева направо: В. Г. Шкода, Т. И. Зеймаль, Г. Л. Семенов)

лярные раскопки на Кара-тепе в Старом Термезе (на самом юге Узбекистана) буддийского пещерного комплекса первых веков нашей эры. В результате многолетних работ на этом памятнике были получены чрезвычайно важные и интереснейшие материалы по истории среднеазиатского буддизма, а также по религии и культуре Бактрии эпохи Кушан. Именно эти два направления — история буддизма в Средней Азии и история и культура Кушанской Бактрии — стали основными в научном творчестве Бориса Яковлевича, прославив его имя в мировой науке.

После переезда в Москву в конце 1965 г. Борис Яковлевич сначала трудился в Государственном музее искусства народов Востока (ГМИНВ), а затем (с конца 1968 г.) — во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР, в настоящее время — Государственный научно-исследовательский институт реставрации), где он работал заведующим сектором в Отделе монументальной живописи. В 1979 г. Б. Я. Ставиский защитил докторскую диссертацию «Кушанская Бактрия—Тохаристан: Проблемы истории и культуры». За свою долгую и очень плодотворную научную жизнь он опубликовал в России и за рубежом более 460 научных работ, в том числе монографии, научно-популярные книги и учебные пособия, среди которых упомяну лишь некоторые:

Двадцать пять веков среднеазиатской культуры. Л., 1963.

Искусство Средней Азии. Древний период, VI в. до н. э.—VIII в. н. э. М., 1974.

Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977 (фр. изд.: *Staviskij B. Ja. La Bactriane sous les Kushans: Problèmes d'histoire et de culture.* Paris, 1986).

К югу от Железных Ворот. М., 1977.

[*Stawiski B.*] Kunst der Kuschan (Mittelasien). Leipzig, 1979.

Четверть века на Каратепе (Записки начальника археологической экспедиции). Ташкент, 1986.

Введение в историю культуры и искусств народов Средней Азии: Курс лекций. М., 1992.

История и культура Средней Азии в древности. VII в. до н. э.—VIII в. н. э. М., 1994 (в соавторстве с Б. И. Вайнберг).

Судьбы буддизма в Средней Азии (по данным археологии). М., 1998.

Искусство и культура древних иранцев: Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия: Учебное пособие. М., 2002 (в соавторстве с С. А. Яценко).

Выдающиеся профессиональные заслуги и исследовательский талант Бориса Яковлевича Ставиского в полной мере отражают те почетные звания, которых он был удостоен в России и за ее пределами: академик Российской Академии естественных наук (РАЕН), академик Российской Народной академии наук, вице-президент Российского археологического общества, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, член-корреспондент Итальянского института Африки и Востока, член «Азиатского общества» (Франция), член Международной ассоциации искусствоведов, член Российского географического общества. Он был награжден почетными знаками РАЕН, «За заслуги в развитии науки и экономики», «Рыцарь науки».

Борис Яковлевич достиг больших успехов и на педагогическом поприще. Он преподавал на Искусствоведческом отделении Московского государственного университета, затем (с 1995 г.) в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) — сначала в Учебно-научном центре реставрации и экспертизы факультета музеологии в качестве его директора, а с 1998 г. — на кафедре Всеобщей истории искусств факультета истории искусства. Профессор Ставиский был замечательным педагогом, умевшим пробудить в студентах самый неподдельный интерес к темам своих лекций.

Нельзя не упомянуть и прекрасные человеческие качества Бориса Яковлевича. Несмотря на свои впечатляющие профессиональные достижения и высокий научный авторитет, он был человеком предельно скромным, к тому же очень обаятельным, добрым, внимательным и чутким к окружающим его людям, невзирая на их возраст и заслуги. Вспоминаю такой случай. Во время нашего с ним разговора в 1992 г. в библиотеке Института истории материальной культуры РАН выяснилось, что через несколько дней мы оба едем на одну и ту же конференцию в Лондон. Поскольку в то время добраться из Санкт-Петербурга на берега туманного Альбиона можно было только самолетом через Москву, Борис Яковлевич (хорошо зная о трудностях пребывания в столице иногороднего транзитного пассажира, особенно если у него нет там близких родственников или друзей) запросто предложил мне: «А остановитесь у меня! Отдохнете, а потом вместе поедem в „Шереметьево-2“, это близко». Признаться, я был очень тронут и польщен этим неожиданным предложением.

ем и с благодарностью его принял. Принимали меня Борис Яковлевич и его супруга у себя дома по первому классу, и вместо мучительного многочасового ожидания рейса в аэропорту я получил приятнейшую возможность пообщаться с прекрасными людьми и попутно воспользоваться богатой научной библиотекой предупредительного и гостеприимного хозяина.

Надо также сказать, что Борис Яковлевич до последнего дня интересовался событиями научной жизни, причем не только в столице, но и в Питере, где начиналась его карьера ученого и где у него было много друзей. Не имея из-за болезни возможности приехать лично на Международную конференцию в честь 100-летия А. М. Беленицкого (прошла в начале ноября 2004 г.), с которым он вместе много лет проработал в Пенджикентской экспедиции и которого по-человечески очень любил, он прислал небольшой доклад мемуарного характера об Александре Марковиче¹. Откликнулся Борис Яковлевич и на юбилей В. М. Массона, прислав эссе о юбиляре, оно напечатано в этом томе ЗВОРАО, к сожалению, уже после кончины его автора.

Смерть Бориса Яковлевича Ставиского — это невосполнимая утрата для всей российской исторической науки. Его научные достижения принадлежат всему человечеству, а память о нем — блестящем ученом и замечательном человеке — навсегда останется в наших сердцах.

¹ См.: *Ставиский Б. Я.* Работа А. М. Беленицкого в Средней Азии // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2—5 ноября 2004 г.). СПб., 2005. С. 29—30.

**ПАМЯТИ ЭМИЛЯ МАСИМОВА
(1940—2006)**

***В. А. Алёшкин* (Санкт-Петербург)**

11 января 2006 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался крупный специалист по археологии Центральной Азии в эпоху бронзы Иминжан Сулейманович Масимов, более известный коллегам под именем Эмиль: именно так он представлялся нам, тогда еще молодым ленинградским археологам, в конце 1960-х гг. начавшим работать в подгорной полосе Копет-дага. Автор этих строк не представляет среднеазиатской части своей археологической жизни без Эмиля, который умел быть и другом и наставником молодого специалиста. Он всегда был полон творческих замыслов, подавленность или уныние были ему абсолютно не свойственны.

Эмиль был уроженцем уйгурского села Чилик Алма-Атинской области Казахстана. Высшее образование он получил в Ташкентском государственном университете, после завершения обучения его направили на работу в Туркменистан, с которым в дальнейшем он тесно связал свою жизнь и научную деятельность. С 1967 г. Эмиль работал в Отделе археологии Института истории АН Туркменистана, пройдя путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. Эмиль был представителем новой формации учёных Туркменистана. Будучи учеником В. М. Массона, он воспринял все приоритеты ленинградской/петербургской школы археологии. После обучения в аспирантуре Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Эмиль Масимов успешно защитил в 1973 г. диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук на тему «Керамическое производство Южного Туркменистана эпохи бронзы». Его первые систематические полевые исследования связаны с раскопками небольших поселений эпохи бронзы, видимо, составлявших сельскую округу крупнейшего центра Южной Туркмении в эпоху бронзы — Намазга-депе. Автор этих строк работал в экспедиции Масимова в 1968 г. и навсегда запомнил его обаяние, внимание, доброту и сердечность. Эмиль принимал участие и в исследованиях Алтын-депе, являясь участником одной из самых масштабных экспедиций советской эпохи по изучению комплексных обществ ближневосточного типа.

Что особенно важно, Эмиль был удачливым полевым исследователем. Достаточно вспомнить, что именно он, исследуя квартал ремесленников

на Алтын-депе, обнаружил богатое погребение 109, содержащее печати и уникальную булавку с изображением головы козла. Кроме того, Эмиль сделал два ярких открытия, которые, несомненно, останутся не только в анналах археологии Туркменистана, но и в археологической науке Советского Союза. Найденные им разветвленные поселения времени Намазга III в Мургабском оазисе изменили наши представления о пределах распространения раннеземледельческих культур эпохи энеолита в Средней Азии, а раскопки в Келлелинском оазисе показали, что долину реки Мургаб земледельцы Южного Туркменистана начали осваивать гораздо раньше, чем было принято считать, а именно в период средней бронзы (позднее Намазга V). Немалую лепту внёс он и в исследование мургабских памятников эпохи поздней бронзы.

**Иминжан Сулейманович
Масимов**

Эмилем Масимовым было опубликовано свыше 80 научных работ, в том числе монография «Керамическое производство эпохи бронзы Южного Туркменистана». Важной частью его трудовой деятельности было руководство студентами-историками Туркменского государственного университета. Очень скромный и добрый по натуре человек, он заслуженно пользовался большим авторитетом и уважением среди коллег.

После упразднения в 1997 г. Академии наук Туркменистана и создания Института истории при Кабинете министров Туркменистана, Эмиль продолжил там свою деятельность в качестве ведущего научного сотрудника. К сожалению, с годами к Эмилю стала подкрадываться страшная болезнь, ограничивая его возможности выезжать в поле и сужая круг исследований. Но он по-прежнему находил в себе силы работать, оставаясь одной из наиболее деятельных фигур в археологии Туркменистана.

В 2005 г., за несколько месяцев до кончины, Эмиль Масимов вышел на пенсию и уехал в Казахстан, на свою историческую родину. Смерть всегда нелепа, вдвойне неприемлема она, когда речь идет об очень не старом еще человеке, с которым ты когда-то начинал и от которого ждали еще многих открытий. Эмиль останется в памяти археологов Санкт-Петербурга как настоящий профессионал, сумевший добиться многих успехов на избранном поприще, как отзывчивый друг и добрый человек, совместную работу с которым невозможно забыть.

ПАМЯТИ КАРИНЭ ХРИСТОФОРОВНЫ КУШНАРЁВОЙ (1922—2006)

М. Б. Рысин (Санкт-Петербург)

20 февраля 2006 г. ушла из жизни Каринэ Христофоровна Кушнарёва. Несмотря на то что она уже давно и стойко боролась с тяжелым недугом, ее смерть оказалась внезапной и трагичной для всех ее друзей и коллег. Все мы знали и любили Каринэ Христофоровну за ее общительность, дружелюбие и поистине кавказское гостеприимство. Она обладала редким даром дружбы, умела разделять и горести и радости своих друзей и знакомых, всегда была готова поддержать друзей словом и делом.

Каринэ Христофоровна прожила долгую и наполненную событиями жизнь. Она родилась в Тифлисе в 1922 г. Отец Каринэ Христофоровны поступил в Консерваторию, и их семья переехала в Петроград. На формирование личности и характера Кушнарёвой, безусловно, оказало влияние окружение ее семьи — интеллигенты-гуманитарии Кавказа и Петрограда-Ленинграда. Каринэ Христофоровна очень высоко ценила и читала семейные ценности и традиции русской интеллигенции. Ей выпало учиться в Ленинградском государственном университете в трудные первые послевоенные годы. Ее учителями стали два выдающихся отечественных археолога — Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен. Об этих замечательных людях Каринэ Христофоровна всегда вспоминала с огромным уважением и любовью. У них она научилась работе с материалами из музейных коллекций, собиранию разрозненных фактов в цельную картину, реконструированию различных сторон жизни древних культур. После окончания ЛГУ и до конца своих дней К. Х. Кушнарёва трудилась в одном и том же научно-исследовательском учреждении, известном в советское время как ИИМК/ЛОИА АН СССР, а с 1991 г. как ИИМК РАН. Кандидатская диссертация К. Х. Кушнарёвой «Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам (конец III—середины I тыс. до н. э.)» явилась результатом изучения ею музейных коллекций и работы с материалами из собственных разведок.

Очень значительным научным достижением К. Х. Кушнарёвой было ее участие в раскопках экспедиции Б. Б. Пиотровского на городище Двин, в результате чего она подготовила и опубликовала монографию (Древнейшие памятники Двина. Ереван, 1977), в которой в полной мере проявилось умение автора разглядеть за скупым археологическим материалом реалии прошлой жизни. Конечно, особенно ярко Каринэ Христофоровне

удалось продемонстрировать свой талант при реконструкции святилища Двина.

Одной из важнейших страниц научной деятельности К. Х. Кушнарёвой стала ее работа в составе Азербайджанской экспедиции под руководством А. А. Иессена. Она участвовала в разведках и раскопках, а также редактировала и готовила к изданию труды экспедиции, в том числе после безвременной кончины ее руководителя А. А. Иессена. Особенно важным было исследование К. Х. Кушнарёвой многослойного поселения эпохи бронзы Узерлик-тепе, остающегося до сих пор эталонным и единственным раскопанным бытовым памятником этой эпохи во всем регионе.

Каринэ Христофоровной написано множество научных работ по археологии древнего Кавказа. Круг ее интересов был обширным. Сегодня следует вспомнить, что у истоков создания научных школ и академий в кавказских республиках стояли корифеи петербургского кавказоведения — востоковеды, историки и археологи. Продолжательницей их дела в полной мере явилась К. Х. Кушнарёва, лично помогавшая становлению многих кавказских археологов, не говоря уже о том, что еще большее число специалистов в буквальном смысле выросли и будут расти и далее на ее работах.

Венцом творческой деятельности Каринэ Христофоровны стала ее защищённая в качестве докторской диссертации монография «Южный Кавказ в IX—II тыс. до н. э.: этапы культурного и социально экономического развития» (СПб., 1993), которая затем была издана на английском языке в США (The Southern Caucasus in Prehistory: Stages of Cultural and Socioeconomical Developments from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia, 1997). Этот труд вместил в себя десятилетия поисков и размышлений автора над судьбами всего обширного и разнообразного Кавказского региона, представленного в нем, по меткому образному выражению В. М. Массона, с высоты птичьего полета. Только К. Х. Кушнарёва, опираясь на свой талант и научное наследие своих великих учителей, могла охватить и соединить в единую ткань отдельные и казалось бы разрозненные фрагменты древнейшей истории Кавказа.

**Каринэ Христофоровна
Кушнарёва**

Основным в характере Каринэ Христофоровны было умение дружить и хранить верность дружбе, а также чрезвычайно внимательное и доброе отношение к людям, независимо от их возраста и заслуг. Нам, более молодым сотрудникам Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, эти ее качества известны очень хорошо. Впрочем, все, кто хоть раз побывал в ее квартире у станции метро «Горьковская», посидел за ее знаменитым круглым столом, с первого же своего посещения знали, что они всегда могут прийти сюда снова и что они непременно найдут здесь самый радушный прием, помощь и участие.

Каринэ Христофоровна была и останется в нашей памяти образцом высочайшей порядочности и принципиальности, человеком исключительно добрым, оптимистичным и жизнелюбивым, умеющим как мало кто другой поддержать и внушить надежду.

НОВЫЕ КНИГИ (РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ)

НОВЫЙ ЗАРУБЕЖНЫЙ ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ИРАНА

А. А. Амбарцумян (Санкт-Петербург)

Nāme-ye Irān-e Bāstān (The International Journal of Ancient Iranian Studies). Vol. 1, No. 1. Spring and Summer. Iran University Press, 2001. (Editor: T. Daryaei (California State University, Fullerton, History Department)).

В 2001 г. вышел из печати новый научный журнал «Наме-йе Иран-е Бастан» («The International Journal of Ancient Iranian Studies»), посвященный исследованию древнего Ирана. Издание осуществлено издательством «Iran University Press» совместными усилиями американских и иранских ученых в лице главного редактора Т. Дарйаи (Калифорнийский университет, факультет истории, Фуллертон) и помощника редактора А. Хатиби (Академия персидского языка и литературы). В состав редакционной коллегии вошли такие известные ученые, как Ж. Амузгар, Б. Гариб, П. Крейенбрук, А. Панаино, Ж. Расселл, Г. Уиндфур и другие.

Новый журнал планируется издавать дважды в год, в сентябре и марте. Статьи будут публиковаться на конкурсной основе и могут быть связаны с разными аспектами древнеиранской цивилизации. Приветствуются также статьи о классической персидской эпической литературе, об иранских элементах в период раннего ислама, о зороастризме и манихействе. Основатели журнала сосредоточат внимание на новых открытиях, изданиях и переводах текстов и надписей. Все это, по их мнению, будет способствовать диалогу и установлению связей между иранистами, проживающими в Иране, Европе и Северной Америке. Основными языками журнала являются английский и персидский, хотя не исключается публикация статей и на других языках, к примеру, на арабском, французском, немецком и итальянском. Журнал читается с двух сторон: статьи на европейских языках — слева направо, статьи на персидском — справа налево.

Уже первая статья журнала привлекает своей добротностью и глубиной исследования (*Гейби Б.* Несколько критических замечаний по поводу «Арда Вираз Намаг». На англ. яз. С. 3—16). Немецкий исследователь иранского происхождения Бижан Гейби (Bijan Gheiby) из Билефельда, известный своими переводами пехлевийских зороастрийских сочинений, написал несколько критических замечаний по тексту пехлевийского апокалиптического сочинения «Арда Вираз Намаг» («Книга о путешествии праведного Вираз»).

В первой заметке автор обращает внимание читателей на странное изменение порядка следования сюжета в разделе описания путешествия Вираз в ад. На повторное описание ада в двух разных местах этого раздела обращали внимание в свое время Хауг и Уэст. Получается, что, находясь в потустороннем мире, Вираз

входит в ад дважды или входит в два разных ада (гл. 18—53 и 53—99 по изданию Хауга и Уэста). Автор статьи сравнивает пазендскую, санскритскую, старогуджаратскую и новоперсидскую версии текста и заключает, что речь идет об одном и том же аде. Гейби приходит к выводу о том, что в тексте оригинала оказалось два отличающихся друг от друга описания одного и того же ада в результате редакции, произведенной неким зороастрийским компилятором, пытавшимся сохранить две различные тенденции, бытовавшие в зороастрийских кругах. Наитягчайшим наказанием, судя по первому описанию ада, является наказание за гомосексуализм, возводимый к числу первых неискупимых грехов также и в других зороастрийских сочинениях (Меног-и храд, Сад-дар), в то время как во втором описании ада речь идет в первую очередь о наказаниях за грехи вообще и за отрицание бога и религии.

Во второй заметке Гейби обращает внимание на тот факт, что, согласно новоперсидской версии, путешествие Виразы инициируется царем царей Ардаширом, основателем династии Сасанидов, который созывает жрецов во дворец и приказывает им выбрать достойного посланника. В храме огня избранного жреца Виразы вводят в состояние транса. Семь дней и ночей его тело окружено жрецами, которые читают молитвы, и солдатами с обнаженными мечами. Царь Ардашир со своим войском, окружив храм, следят за тем, чтобы злые силы не смогли помешать церемонии. Пехлевийская версия не упоминает Ардашира. По мнению Гейби, новоперсидская версия содержит следы традиции более близкой к сасанидскому времени, в то время как пехлевийская содержит следы догматической жреческой традиции позднесасанидского времени.

Следующую заметку автор статьи посвящает составу наркотического напитка, предложенного жрецу Виразу. По пехлевийской версии «Арда Вираз Намаг» — это *mau ud mang ī wištāspān* ‘вино и наркотическое вещество Виштаспа’, а по новоперсидской — только *mau* ‘вино’. Аналогичные приемы галлюциногенных средств с целью получения божественного откровения или видения широко практиковались в древнем Иране: так, Заратуштра обретает мудрость всезнания, а его покровитель Виштаспа — божественное откровение. Согласно Пехлевийскому Риваяту, Виштаспа выпивает смесь вина с наркотическим веществом, а в Денкарде (7:4:85) *hōm ud mang* ‘хаому и наркотическое вещество (коноплю)’. Упоминание хаомы в качестве одного из компонентов напитка может свидетельствовать о том, что данный пассаж основывался на утерянном авестийском оригинале, а упоминание вина в персидской версии — о существовании сасанидской светской версии.

Еще одно интересное наблюдение Б. Гейби связано с сюжетом о семи сестрах Виразы. Согласно новоперсидской версии, узнав о том, что тяжкий жребий отправиться в иной мир выпал на их единственного брата, они обеспокоились за его жизнь и пришли просить за него не к жрецам, как в пехлевийской версии, а к царю, т. е. к Ардаширу. Такое расхождение в сюжете, по мнению автора (идея подсказана доктором Омидсаларом), еще раз свидетельствует о том, что персидская версия — светского эпического происхождения, в то время как пехлевийская версия основывается на жреческой традиции. В пехлевийской версии каждая из сестер была одновременно и женой Виразы (*har haft xwahān Wīrāz čiyōn zan būd hēnd*). Хауг и Уэст объясняли этот пассаж как особое проявление набожности Виразы (Вирафа) следованием древнему обряду *khvaētvadatha* ‘кровосмесительных браков’, это указывает на то, что сочинение было написано прежде, чем была упразднена практика браков между братьями и сестрами. Поздние пазендские и персидские рукописи опускают это место. Б. Гейби пытается дать иное объяснение данного факта. В частности, отсутствие этого места в пазендском и новоперсидском вариантах может свидетельствовать о том, что пехлевийская версия восходит к периоду, предшествовавшему распространению кровосмесительных браков саса-

нидами. Персидский вариант был впервые записан после XV или XVI в., когда практика кровосмесительных браков была прекращена зороастрийцами. Гейби сравнивает также вышеупомянутое выражение о том, что каждая из семи сестер Вираза являлась одновременно его женой, с аналогичным выражением из «Айдгар-и Зареран» (§ 68) о том, что жена Кай Виштаспы Хутос была ему одновременно и сестрой и женой (*kaū wištāsp šāh ud ān-iz hutōs ī-m xwah ud zan*). Гейби полагает, что в обоих случаях выражение полностью или частично является поздней интерполяцией, являющейся результатом попытки зороастрийского жречества эпохи сасанидов и раннеисламского периода наложить традицию кровосмесительных браков на представителей весьма отдаленного прошлого. Заключение такого рода, однако, может считаться довольно спорным. Пятая заметка Б. Гейби касается интерпретации места, в котором описаны наказания грешников, часто посещавших бани (гл. 41). Автор полагает, что пехлевийский фрагмент искажен (*garmābag ī was šud hēnd*), тогда как в персидском варианте правильно передано первоначальное значение оригинала: *они ходили в бани приверженцев злой религии*, т. е. мусульманской. Автор настаивает на том, что общественные бани существовали в сасанидское время и были заимствованы мусульманами у зороастрийцев. Зороастрийские бани строились обычно возле храмов огня и зданий-гаханбаров и использовались для очистительных обрядов (ср.: Риваят-и Эмед-и Ашавахистан, гл. 19). В шестой заметке Гейби указывает на различия между пехлевийской и персидской версиями. В пехлевийской версии Вираза сопровождают Срош и Адур, а в персидской — Срош и Ардавахишт. В седьмой заметке автор статьи обращает внимание на то, что в большей части раздела, посвященного аду, души не сгруппированы по характеру своих грехов.

Ученый Эрих Кеттенхофен (Erich Kettenhofen) из Трирского университета (Германия) посвятил свою статью исследованию даты пленения римского императора Валериана Шапуrom I. На основании детального анализа доступных хронологических сведений и гипотетических датировок других исследователей автор приходит к выводу о том, что Валериан мог быть пленен сасанидами летом 260 г. (*Кеттенхофен Э. Седьмой год кесаря Валериана*. На нем. яз. С. 17—22).

Махмуд Омидсалар (Калифорнийский университет, Лос-Анджелес) в своей статье о женщинах из «Шахнаме» подходит к рассмотрению некоторых философских и психологических проблем матриархата и господства женщин над мужчинами на примере образов нескольких женщин — Гульнар, Малика, Гордия — и сюжетов, связанных с женским началом. Внимательный анализ текста поэмы позволил Омидсалару опровергнуть старое утверждение Теодора Нелдеке о том, что женщины не играют в «Шахнаме» никакой *сверхактивной* роли и что они представлены в эпосе только как предмет страсти или любви (*Омидсалар М. Заметки о нескольких женщинах из «Шахнаме»*. На англ. яз. С. 23—48).

Статья Джеймса Расселла (Гарвардский университет) посвящена анализу содержания греческого папируса, обнаруженного в горном проходе Дервени, в 12 км к северо-западу от Салоники, в 1962 г. Документ, написанный в ахеменидской Ионии, представляет собой древнейшее и довольно подробное орфистическое описание одного из зороастрийских обрядов (Сатум) (*Расселл Дж. Р. Маги в деревенском папирусе*. На англ. яз. С. 49—59).

Шапуr Шахбази (Университет Восточного Орегона) представил статью, в которой детально проанализировал все упоминающие правление Ахеменидов в Иране среднеперсидские источники, среди которых «История Ардашира, сына Папака», «Письмо Тансара», а также «Хвадай-намак» как прототип эпоса «Шахнаме» и другие литературные и эпиграфические источники. Шахбази систематизирует аргументы, выдвинутые в свое время Э. Яршатером к тому, что Сасаниды не были прямыми преемниками Ахеменидов. Однако Шахбази обращает внимание на то, что ранние Сасаниды были знакомы с историей Ахеменидов, иллюстрируя это

многочисленными примерами из разных источников (*Шахбази А. Ш.* Притязание ранних сасанидов на ахеменидское наследие. На англ. яз. С. 61—73).

В журнале содержатся также и статьи на персидском языке. Турадждар Дарйаи (Калифорнийский университет, Фуллертон) издал персидский перевод надписи жреца Кердира (*Дарйаи Т.* Надпись Кердира в Накш-е Раджабе. На перс. яз. С. 3—10. Англ. резюме на с. 75); Хасан Резаи-Багбиди (Академия персидского языка и литературы) опубликовал перевод короткой среднеперсидской надписи на уникальной арабо-сасанидской медной монете (вторая половина I в. хиджры.), из собрания Национальной библиотеки (Париж). Курсивная пехлевийская надпись является переложением известного коранического изречения (*Резаи-Багбиди Х.* О пехлевийском переводе одной коранической цитаты. На перс. яз. С. 11—14. Англ. резюме на с. 76); Али Ашраф Садеги (Тегеранский университет) посвятил свою статью анализу позиции протетических согласных в современном персидском языке (*Садеги А. А.* Развитие группы начальных согласных в персидском языке. На перс. яз. С. 15—24. Англ. резюме на с. 76); Абульфазл Хатиби (Академия персидского языка и литературы) дал обзор компаративистских исследований о и вокруг «Шахнаме». Особое внимание уделено исследованиям Ольги Давидзон (*Хатиби А.* Новые дискуссии о Шахнаме в сравнительном литературоведении. На перс. яз. С. 25—37. Англ. резюме на с. 76—77).

В журнале помещена также рецензия Хосрова Асади на сборник статей, посвященный памяти Ахмада Тафаззоли (*Yādānā-ye doktor Ahmad-e Tafazzoli, be kušēš-e Ali Ašraf Sādeghi.* Tehrān: Sokhan, 1379. С. 38—48).

Авторами статей, включенных в этот сборник, являются: Хушанг Аэлам (Персидская медицинская терминология *Аграз ал-Таббия* Исмаила Джурджани), Франсуа де Блуа (Турфанский фрагмент M281), Роналд Э. Эммерик (Гора Эльбурс в хотанском?), Махмуд Джаафари-Дехги (Дадестан и Дениг XL-XLI), Филипп Жинью (Композиция Денкарда и содержание книги V), Жильбер Лазар (Стихосложение одной пехлевийской поэмы), Дж. Р. Расселл (Шараф-наме и Армения: несколько мифологических тем), Н. Симс-Уильямс (Среднеперс. *padisāy* и древнеперс. *vašnā*), В. Скалмовски (Заметка о древнеперс. *uvātaršiyu-* (DB I, 43), Вернер Зундерманн (Манихейская полемика против зороастрийской доктрины Ормазда-творца).

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АНТИЧНОЙ БАКТРИИ

Дж. Я. Ильясов (Ташкент, Узбекистан)

Б. А. Литвинский, И. Р. Пичикян. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. — М.: Восточная литература, 2000. — 504 с., 81 табл.

Рецензируемый труд, первый в серии фундаментальных публикаций, подводящих итог 15-летних раскопок знаменитого храма Окса на городище Тахти-Сангин и изучения материалов, полученных на этом памятнике, посвящен, как это явствует из подзаголовка, описанию стратиграфии и хронологии храма, подробному анализу его архитектуры, а также интерпретации культов и ритуалов, характеризовавших религиозную жизнь в данном храме. Определение «знаменитый» отнюдь не случайно — с первого же сезона раскопок, инициированных Б. А. Литвинским и проводившихся под непосредственным руководством И. Р. Пичикяна, памятник привлек самое пристальное внимание ученых всего мира. Далеко не

каждому из археологических объектов, изучавшихся в Средней Азии, посвящено столько разнообразных публикаций — от ежегодных археологических отчетов о раскопочных работах до анализа художественно-стилевых особенностей некоторых из великолепных произведений искусства, найденных в храме. Тем не менее подготовка и издание итоговой публикации, работа над которой была осложнена безвременным уходом И. Р. Пичикяна и в которой изложены проверенные временем идеи и интерпретации авторов, являются выдающимся вкладом в изучение Бактрии и всего Среднеазиатского региона.

Книга состоит из Предисловия, трех частей, составленных из семи глав, Заключения, двух приложений, иллюстративных таблиц и их списка на русском и английском языках, обширнейшего Перечня цитированных трудов, снабженного списком сокращений и насчитывающего 1227 наименований, именного и географического указателей, а также английского резюме на десяти страницах.

Первая часть книги — «Открытия и раскопки сокровищ Бактрии» — состоит из трех глав. Глава 1, названная «Три крупных открытия в Бактрии», значительно отличается от традиционной истории изучения и сразу развертывает перед читателем тот широкий историко-культурный фон, в контексте которого определяется выдающееся значение находки и изучения храма Окса. История обнаружения Клада Окса и его историческая интерпретация, сведения о греческом городе Ай-Ханум, открытом французскими археологами, изложенные авторами, логично предваряют историю открытия и раскопок городища Тахти-Сангин. Во второй главе подробно освещены раскопки и стратиграфия храма Окса, в третьей главе рассмотрены архитектура, строительные материалы и конструкции. Насколько можно судить по публикуемому стратиграфическим и другим данным (с. 54—55, 73, 81, 91, 97, 115—117, 179—184), храм, возведенный в эллинистический период, был подвергнут разгрому во время сако-юэчжийского штурма Греко-Бактрии во II в. до н. э. В период после разгрома окрестное бактрийское население восстанавливает алтари в почитаемой святыне, продолжавшей функционировать, вероятно, на протяжении юэчжийского и начала кушанского периодов, но постепенно храм теряет прежнее значение, подвергается забросу и запустению, и при кушанах происходит постепенная трансформация храма в почитаемое место, в котором священные манипуляции у греческих алтарей сменяются на приношение рогов жертвенных животных. Позволим себе высказать предположение, что причиной потери храмом прежнего значения могло быть возрастание при кушанах роли буддизма. Кушано-сасанидский материал представлен в ямах, вырытых после того, как храм полностью разрушился (с. 72, 120—121, 182), поэтому датировки III—IV вв. н. э. некоторых из находок, обнаруженных в коридорах № 1 и 2 на уровне полов 2 и 3, по-видимому, следовало бы пересмотреть в сторону их удренения (учитывая тот факт, что самый верхний пол 6 в коридоре 1, на котором найдены упомянутые рога, относится еще к кушанскому периоду).

Часть II также состоит из трех глав, в которых изучены иранские и восточно-эллинистические храмы огня и их генезис. Не останавливаясь подробно на содержании этой части, в полной мере демонстрирующей свойственный авторам феноменальный по широте охват литературы вопроса, отметим фундаментальный для анализа функциональной структуры иранских храмов огня вывод об атешгахах, расположенных на фасадной стороне зданий. Упомянем также ценное историко-архитектурное исследование храмов с двухчастным делением (храмов со статуей божества, или храмов айханумского типа), составляющее содержание главы 6. Хотя храмы этого типа не имеют прямого отношения к храму Окса, характеристика их важна для лучшего понимания эволюции храмового строительства в Бактрии в целом.

Часть III, посвященная исследованию религиозной жизни в храме Окса, целиком состоит из седьмой главы, в которой, с самым широким привлечением ис-

точников и научных публикаций, рассмотрены религиозно-культурный фон, культы огня и воды и их взаимосвязь, постэллинистические и современные храмы огня, проблемы ритуальной жизни в храме Окса. Анализируется культ водного божества Вахш — персонификации Вахша-Окса-Амударьи, а может быть, и других среднеазиатских рек — в Средней Азии, высказывается мнение, что в храме Окса, помимо Вахша, могло почитаться второе божество, и не исключено, что это была Ардвиг Сура Анахита. Важен основанный на найденных при раскопках материалах вывод о том, что и после прекращения функционирования храма, по-видимому в позднекушанский период, окрестное население продолжало почитать это место и приносило в качестве жертвований рога диких и домашних животных — бычий, сохранившийся в Средней Азии до наших дней.

Заключение посвящено определению места храма Окса в истории культуры Центральной Азии. Делается обоснованный вывод о том, что этот памятник, вместе с Ай-Ханум, является важнейшим в плане правильного понимания археологии, архитектуры, искусства и религии эллинистической Бактрии. Постройка храма связана либо с периодом деятельности Александра Македонского (мнение И. Р. Пичикяна), либо со временем Антиоха I, то есть с концом IV—началом III в. до н. э. (мнение Б. А. Литвинского). Важно наблюдение о принципиальных отличиях бактрийского храма Окса и греческого полиса Ай-Ханум и связанный с этим вывод о существовании в Бактрии нескольких зон, в которых процесс эллинизации проходил с различной степенью интенсивности. Подчеркивается вывод о том, что Клад Окса был храмовым сокровищем храма Окса. Высказывается предположение, что где-то недалеко мог находиться другой, более древний храм, посвященный божеству Вахш. Открытие и исследования храма Окса еще раз и со всей очевидностью показали, что античная культура не только была фундаментом западноевропейской цивилизации, но послужила также одной из мощных опор в основании цивилизации Центральной Азии (с. 374).

В приложении I, написанном П. П. Керзумом и А. П. Керзумом, описываются геоморфологические условия местности и реконструируется палеоэкологическая обстановка в районе расположения городища Тахти-Сангин. Подобный подход, позволяющий охватить самый широкий круг вопросов, — еще одно из достоинств рецензируемого тома, могущего служить образцом публикации материалов.

Приложение II — составленный Е. В. Зеймалем реестр монетных находок Тахти-Сангина, опубликованный в 1997 г. на английском языке. К 372 монетам, включенным в реестр, И. Р. Пичикяном добавлены описания еще семи монет.

Нельзя не отметить следующее. Сейчас, когда обмен научной литературой в пределах стран СНГ осуществляется лишь в виде актов доброй воли друзей и коллег, а зарубежные публикации традиционно труднодоступны во многих регионах, сложно переоценить значение работ, подобных рецензируемой. Для многих специалистов, самоотверженно работающих в области истории и археологии Средней Азии, книга Б. А. Литвинского и И. Р. Пичикяна дает прекрасную возможность познакомиться с огромным количеством разнообразных мнений самого широкого круга исследователей из многих стран, занимавшихся и продолжающих заниматься различными проблемами и вопросами истории культуры Востока.

Существует представление о чрезвычайной везучести некоторых исследователей, и это неоспоримый факт. Однако, по нашему глубокому убеждению, есть и обратное явление — не каждому, даже самому выдающемуся, памятнику «везет» с исследователями. Храму Окса, по счастью, в этом отношении выпала большая удача, результатами которой наука может по праву гордиться. Хотелось бы пожелать академику Б. А. Литвинскому крепкого здоровья и творческой энергии для успешного завершения остальных томов этого уникального издания.

**КНИГА ПО ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ АНТИЧНОЙ
ЭПОХИ, КОТОРУЮ ДАВНО ЖДАЛИ****В. П. Никоноров (Санкт-Петербург)**

Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 528 с.; 56 л. ил.

Речь в данной рецензии пойдет о следующем томе из серии публикаций материалов раскопок на Тахти-Сангине, который посвящен находкам вооружения. Удивительно, но в храме Окса было обнаружено очень значительное количество (около четырех тысяч, примерно половина всех находок!) принесенных в храм в качестве даров божеству предметов воинского снаряжения, которые включают в себя железные и бронзовые наконечники стрел; железные наконечники копий и дротов; железные подтоки; железные мечи и кинжалы; рукояти и части ножен (устья, пеналы и бутероли), изготовленные в своем подавляющем большинстве из слоновой кости; костяные накладки на лук; многочисленные фрагменты металлических панцирей, а также детали шлемов и щитов. По своему многообразию и обилию коллекция древнего оружия из Тахти-Сангина не знает себе равных в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Первоначально, по мере проработки этих материалов, в свет вышла целая серия статей, посвященных различным предметам вооружения из храма Окса: о ножнах акинака мидийского типа из слоновой кости [Литвинский, Пичикян 1981а: 87—100; Litvinskii, Pichikian 1982: 139—182]; о железных наконечниках стрел (в этой статье Б. А. Литвинский предложил идею их формализованного описания [Литвинский, Пичикян 1981б: 206—209]); о бронзовых наконечниках стрел [Литвинский 1984: 153—157]; об изготовленной из слоновой кости рукояти греческой махайры с изображением грифона [Литвинский, Пичикян 1993: 67—89; Litvinskij, Pičikjan 1995: 107—128]; о круглом эллинском щите с накладной бронзовой эмблемой в виде трех бегущих ног («трискеле») [Litvinsky, Pichikyan 1997b: 109—121]; о рукоятях и ножнах греческих мечей — ксифосов и махайр [Litvinskij, Pičikjan 1999: 47—104] (атрибуцию деталей ножен ранее осуществил И. Р. Пичикян, см.: [Пичикян 1980: 202—212; 1986: 264—272]); об овальном щите кельтского происхождения типа «тюреос» [Литвинский 2000б: 221—224].

В ходе работы над обобщающим трудом по вооружению из Тахти-Сангина Б. А. Литвинский написал также экскурсы по истории защитного доспеха на Ближнем Востоке во II тыс. до н. э. [Литвинский 2000а: 106—120], по истории и типологии шлемов в Бактрии и сопредельных областях [Litvinsky 2000: 64—95], см. также: [Pichikyan 2000: 62—63], о происхождении акинака [Литвинский 2001: 48—60] и о древнейших луках на Востоке [Литвинский 2002б: 216—226]. Касается он оружейведческой тематики и в своих интерпретациях сюжетных изображений на некоторых произведениях искусства из храма Окса, изготовленных из слоновой кости, — пенале ножен миниатюрной махайры со сценой боя [Litvinskij, Pichikjan 1997a: 5—18] и пластинах-обкладках стенки шкатулки (?) со сценой охоты [Litvinsky 2001: 137—166; 2002а: 181—213].

Итогом столь плодотворной подготовительной работы стало появление большого по объему тома, в который в той или иной мере вошли материалы из перечисленных выше статей. Выход этой монументальной монографии, несомненно, представляет собой выдающееся событие в истории изучения военного дела

не только Бактрии и Центральной Азии, но и всего Древнего мира. В научный оборот теперь полностью введена колоссальная коллекция разнообразных предметов вооружения из храма Окса. Автор этих строк еще в 1994—1995 гг., во время написания книги о военном деле древней Бактрии, которая была напечатана в 1997 г. в английской серии «Montvert Publications», сетовал на то, что находки оружия из Тахти-Сангина опубликованы далеко не полностью [Nikonov 1997: vol. 1, 14]. Разумеется, я прекрасно осознавал, что выполнение подобного замысла потребует поистине титанических усилий и большого времени. По правде говоря, я и предвидеть тогда не мог, что пройдет сравнительно немного времени, и эта задача будет так блестяще решена!

Книга включает в себя 528 страниц текста и 56 листов иллюстраций (111 таблиц). Ее текст состоит из каталогов и типологических классификаций отдельных категорий вооружения, найденных в храме Окса (костяных накладок на лук, бронзовых и железных наконечников стрел, наконечников копий, дротов и подтоков, мечей и кинжалов и деталей их ножен, фрагментов панцирных доспехов, шлемов и щитов), которые сопровождаются очерками истории соответствующих видов воинского снаряжения в Центральной Азии, степной зоне Евразии и Греции. Принятие во внимание последней исключительно важно, поскольку на Тахти-Сангине было выявлено значительное число предметов боевой экипировки греческого происхождения, относящихся в основном к эллинистической эпохе. В этой связи очень показателен, например, тот факт, что собранная там коллекция частей ножен греческих мечей (ксифосов и махайр) является самой большой для всей бывшей территории эллинского мира вообще. Эволюция бактрийского и центральноазиатского вооружения прослеживается в контексте развития древне-восточного и греческого оружия. Важно подчеркнуть, что Б. А. Литвинский в присущем ему стиле к каждой главе своей монографии приводит подробную историографическую справку и дает практически полный критический обзор основных мнений по рассматриваемым проблемам, ссылаясь при этом почти на 1300 статей и книг (раздел «Библиография» насчитывает у него 53 страницы!).

Хотя сам автор указывает, что его книга «не является историей вооружения ни Греции, ни Ближнего Востока, ни скифо-сарматских племен... основная ее задача — публикация оружейного комплекса из храма Окса и сопоставление его с комплексами других регионов» (с. 23), ее с полным правом следует рассматривать как научную энциклопедию по оружию всего Древнего мира — так много полезной информации могут почерпнуть из нее даже исследователи, изучающие военную историю государств и народов, территориально и хронологически весьма далеких от Бактрии и всего региона Центральной Азии. Вне охвата в монографии остались только те немногие виды оружия, которые не представлены в собственно тахтисангинском комплексе, а именно боевые топоры¹, булавы, праща, конский доспех.

Б. А. Литвинскому удалось в рамках своего исследования соединить лучшие традиции отечественной археологии и ориенталистики, базирующиеся на исчерпывающем знакомстве с источниками, глубоко продуманной методике и прекрасном знании историографии, с достижениями классической западной науки о военных греко-римских древностях. В этом смысле очень показательна другая, давно ожидавшаяся монография крупного английского специалиста по римскому вооружению С. Джеймса о находках предметов вооружения в крепости Дура-Европос на Евфрате, добытых американскими и французскими археологами в ходе ее исследования в 1920—1930-х гг. [James 2004]. Ни в коей мере не хочу ска-

¹ Впрочем, в конце книги, в Приложении 2, приводятся данные о железных боевых топорах памирских саков.

зять, что эта книга разочаровала: наоборот, это очень фундаментальное исследование, проливающее значительный свет на историю военного дела в сиро-месопотамском приграничье в эпоху противостояния Рима и иранских империй Аршакидов и Сасанидов. Однако ее автор демонстрирует прежде всего блестящее знание западных (римских) военных древностей, что свойственно всем представителям британской школы античного оружиеведения, тогда как обширная литература на русском языке по археологии и по военному делу оседлых и кочевых народов Центральной Азии, в которой С. Джеймс мог бы почерпнуть очень большое количество сопоставительных материалов, важных с точки зрения выявления точных элементов в предметах военного назначения и соответствующих изобразительных данных из Дура-Европос, осталась ему неизвестной (к сожалению, пресловутая поговорка «*Rossica non leguntur!*») все еще отражает отношение части наших западных коллег даже к необходимым им по тематике научным изданиям на русском языке).

Без какого-либо преувеличения следует сказать, что сейчас в мире нет другого такого специалиста, работающего в сфере археологии и истории древней Центральной Азии, который мог бы справиться с рассматриваемой темой на столь высочайшем научном уровне, как это сделал Б. А. Литвинский. Поэтому абсолютно закономерен тот факт, что за написание и издание двух первых томов полной публикации материалов из храма Окса он был удостоен очень престижной французской премии имени Романа Гиршмана, присуждаемой за выдающиеся достижения в области иранской археологии.

В связи с выходом тома «Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте» надо отметить, что за последние годы в отечественной исторической науке вообще значительно вырос интерес к изучению далекого военного прошлого. В 1998 г. в Санкт-Петербурге по инициативе В. М. Массона, А. Н. Кирпичникова и М. Б. Пиотровского состоялась международная конференция под заглавием «Военная археология: Вооружение и военное дело в исторической и социальной перспективе». В ней впервые после дореволюционных лет прозвучал термин «военная археология», введенный в научный обиход крупным российским археологом Н. И. Веселовским как обозначение особого направления в археологической науке, изучающего «материальные древности, связанные с военным делом, и иные следы былой военной активности» [Массон 1998: 6]. Б. А. Литвинский своими трудами прочно занимает ведущие позиции в современной российской военной археологии. В настоящее время он входит в состав Редакционного совета новой научно-популярной серии «*Militaria Antiqua*», созданной издательством «Петербургское Востоковедение» с целью донесения до широкого читателя объективной научной информации о военном деле народов и государств Евразийского материка в древности и Средневековье, причем в этой серии уже вышло 8 выпусков-монографий.

В высшей степени поразительно, но военная археология, сама по себе требующая от исследователя полной мобилизации всех его творческих и физических ресурсов, в научных изысканиях Бориса Анатольевича является лишь одним из многих других направлений, в которых он добился выдающихся результатов. Не менее впечатляющи его достижения в изучении религиозной жизни, материальной и музыкальной культуры, архитектуры и изобразительного искусства древних народов Центральной Азии. Сейчас он трудится над следующим, третьим томом серии «Храм Окса в Бактрии», посвященным произведениям искусства и художественного ремесла и ожидаемым нами с огромным нетерпением. Пожелаем же академику Борису Анатольевичу Литвинскому новых творческих успехов, в том числе и на поприще военной археологии!

Литература

- Литвинский 1984: *Литвинский Б. А.* Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Литвинский 2000а: *Литвинский Б. А.* Защитный доспех на Ближнем Востоке во II тыс. до н. э. (письменные источники и археологические данные) // «У времени в плену». Памяти Сергея Сергеевича Цельникера. М.
- Литвинский 2000б: *Литвинский Б. А.* Щит типа тюреос в Бактрии // Средняя Азия. Археология. История. Культура: Материалы международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной. М.
- Литвинский 2001: *Литвинский Б. А.* К проблеме происхождения акинака // Миф. 7. На акад. Дмитрий Сергеевич Раевски. 'Αλοῦεος, София.
- Литвинский 2002а: *Литвинский Б. А.* Бактрийцы на охоте // ЗВОРАО. НС. Т. I (XXVI).
- Литвинский 2002б: *Литвинский Б. А.* Заметки о древнейших луках на Востоке // Петербургский Рериховский сборник. СПб.
- Литвинский, Пичикян 1981а: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. № 3.
- Литвинский, Пичикян 1981б: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Литвинский, Пичикян 1993: *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса // ВДИ. № 4.
- Массон 1998: *Массон В. М.* Война как социальное явление и военная археология // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции (2—5 сентября 1998 г.). СПб.
- Пичикян 1980: *Пичикян И. Р.* Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии // СА. № 4.
- Пичикян 1986: *Пичикян И. Р.* Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М.
- James 2004: *James S.* The Excavations at Dura Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters, 1928 to 1937. Final Report VII: The Arms and Armour and Other Military Equipment. London.
- Litvinsky 2000: *Litvinsky B. A.* Helmets in Ancient Bactria and Adjacent Regions (typology and history) // IBASCCA. Issue 22.
- Litvinsky 2001: *Litvinsky B. A.* The Bactrian Ivory Plate with a Hunting Scene from the Temple of the Oxus // SRAA. 7.
- Litvinskii, Pichikian 1982: *Litvinskii B. A., Pichikian I. R.* An Akinak Scabbard from Bactria // SovAA. Vol. XXI/1—2.
- Litvinskij, Pičikian 1995: *Litvinskij B. A., Pičikian I. R.* An Achaemenian griffin handle from the temple of the Oxus. The makhaira in northern Bactria // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze (Monografie di Mesopotamia. V).
- Litvinskij, Pichikjan 1997a: *Litvinskij B. A., Pichikjan I. R.* Александр Македонский сражает персов (далекое эхо Сидонского саркофага в храме Окса — Северной Бактрии) // RANLCSMSF. Ser. IX. Vol. VIII/1.
- Litvinsky, Pichikyan 1997b: *Litvinsky B. A., Pichikyan I. R.* An Attic Shield with a Triskelion from the Temple of the Oxus (A Discovery of an Archaic Emblem from Athens in Northern Bactria) // ACSS. Vol. 4/2.
- Litvinskij, Pičikjan 1999: *Litvinskij B. A., Pičikjan I. R.* Handles and Ceremonial Scabbards of Greek Swords from the Temple of the Oxus in Northern Bactria // EW. Vol. 49/1—4.
- Nikonorov 1997: *Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria, 700 B. C.—450 A. D. Vol. 1—2. Stockport.
- Pichikyan 2000: *Pichikyan I.* The Description of the Finds of Helmet Parts at the Temple of Oxus // IBASCCA. Issue 22.

НОВЫЙ ПЕРЕВОД САСАНИДСКОЙ ЧАСТИ «ИСТОРИИ» АТ-ТАБАРИ

А. И. Колесников (Санкт-Петербург)

The History of al-Tabarī (*Ta'riḫ al-rusul wa'lmulūk*). Vol. V: The Sāsānids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen / Translated and annotated by C. E. Bosworth. — Albany: State University of New York Press, 1999 (Bibliotheca Persica / Ed. by E. Yar-Shater)

Группа известных ориенталистов из Европы, Америки и с Ближнего Востока, руководимая историком и филологом иранского происхождения Эхсаном Яршатером (Колумбийский университет, США) реализует грандиозный научный проект — полный аннотированный перевод многотомной «Истории пророков и царей» Абу Джафара Мухаммада ат-Табари (839—923). По общему признанию специалистов, хроника ат-Табари является наиболее важной всеобщей историей, когда-либо создававшейся в недрах мусульманского мира. Описание событий доведено в ней до 915 г. н. э. По замыслу инициаторов проекта, английский перевод текста вместе с подстрочными комментариями, пространной вводной статьей и завершающим обобщающим томом составит 39 томов. Разделение на тома по хронологическому и этнополитическому принципу предпринято таким образом, что каждый том в известной мере воспринимается как независимое целое. Очередность выхода томов зависит от степени их готовности к публикации и выделенных на эти цели финансовых средств.

Переводчиком V тома стал известный английский арабист Клиффорд Эдмунд Босворт из Манчестерского университета, занимающийся в основном политической историей и исторической географией стран мусульманского мира. Он автор многих статей по этим проблемам в многотомном издании «Encyclopaedia Iranica» (выходит с 1982 г., к настоящему времени издано 12 томов — до буквы «Н»). Его монография о мусульманских династиях служит надежным справочным пособием для исследователей истории стран Ближнего и Среднего Востока и переведена на русский язык. Обращение Босворта к домусульманскому Ирану не было случайностью — несколько его работ посвящено отношениям домусульманских арабов с сасанидской администрацией, и труд ат-Табари выступал в них как главный источник информации.

Настольной книгой по истории Ирана в эпоху Сасанидов (226—651) для нескольких поколений исследователей оставался аннотированный немецкий перевод «сасанидской» части «Истории» ат-Табари, выполненный ученым-энциклопедистом Теодором Нельдеке более 120 лет назад¹. Ценный сам по себе, перевод послужил основой (стержнем) монографии, дополненной размышлениями исследователя по поводу достоверности отдельных событий, этимологии имен и географических названий, терминологии, сопоставлениями с другими нарративными и эпиграфическими памятниками, ссылками на литературу и т. д. Достаточно сказать, что вся сопутствующая переводу информация — подстрочные примечания, таблицы и исследования, вынесенные в Приложение, — составляет три четверти объема книги Нельдеке. И до настоящего времени она не утратила научного значения, о чем свидетельствует ее персидский перевод, выдержавший два издания в

¹ См.: Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Aus der arabischen Chronik des Tabari / Übersetzt und mit ausführliche Erläuterungen und Ergänzungen versehen von Th. Nöldeke. Leiden, 1879.

Иране, — к 100-летию и к 120-летию работы Т. Нельдеке². В иранском издании переводчик обращался непосредственно к арабскому первоисточнику, сверяя свой вариант перевода с немецким Т. Нельдеке, а все примечания перевел с немецкого, опуская сложности этимологических трактовок.

Английский аннотированный перевод сасанидской части хроники ат-Табари, подготовленный Босвортом, тоже был издан к 120-летию немецкого перевода Нельдеке. Но кроме характерного для обеих книг обилия комментариев между ними мало общего. Не владеющий арабским может пользоваться немецким или английским переводом текста ат-Табари, арабист предпочтет обратиться к оригиналу, не пренебрегая ценными комментариями Нельдеке и Босворта. Положительной особенностью английского перевода является его точная постраничная привязка к классическому изданию «Истории» ат-Табари, осуществленному в 80-е гг. XIX в. под руководством голландского ориенталиста Де Гюе. Автор «Geschichte der Perser und Araber» был лишен этой возможности, так как подготовленный им к печати «сасанидский» том вышел через два года после издания книги.

У Нельдеке и у Босворта были разное отношение к тексту первоисточника и разные задачи. Первый не стал переводить те пассажи «Истории» ат-Табари, которые казались ему фантастическими, сомнительными либо не имели прямого отношения к поставленной задаче. Это коснулось отдельных сюжетов из доисламской истории Йемена, рассказов о чудесном рождении и юности пророка Мухаммада, хронологии мира от Адама до рождения Пророка. Арабист Босворт в соответствии с задачей издательского проекта дает полный перевод сасанидской части «Истории» ат-Табари. В подстрочных примечаниях Босворт не повторяет комментариев Нельдеке, а либо дополняет их с учетом новых достижений науки или новых источников, либо отсылает читателя к немецкому варианту. Список цитированных источников и литературы в монографии Босворта насчитывает около четырехсот наименований, из которых две трети опубликованы уже после выхода книги Т. Нельдеке.

Новый аннотированный перевод сасанидской части «Истории» ат-Табари, выполненный Босвортом, является очень важным изданием и ценным справочным пособием по истории домусульманского Ирана и его западных соседей.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА МОН РК

Т. Н. Лошакова (Алматы, Казахстан)

По результатам археологических исследований сотрудниками Института археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан были выпущены монографии:

Артюхова О. А., Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К. Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье). — Новосибирск, 2001. — 120 с.

В монографии продолжена публикация результатов исследования палеолитических памятников Северного Прибалхашья. Впервые представлены археологи-

² См.: History of the Persians and Arabs in the Sāsānid Period by T. Nöldeke / Transl. by Afibbās Zaryāb. Tehran, 1979 (1st ed.); 1999 (2nd ed.).

ческие материалы, позволяющие вплотную подойти к решению проблемы установления технико-типологического облика позднепалеолитических индустрий Казахстана. На основе анализа коллекций каменных артефактов местонахождения Семизбугу, пункт 4, относящихся к раннему, среднему и в основном позднему палеолиту, делается вывод о постепенной, эволюционной трансформации среднепалеолитических индустрий в позднепалеолитические, леваллуазской технологии — в параллельную (пластинчатую) систему расщепления. Издание содержит графические рисунки и расширенное резюме на французском языке.

Baipakov K. M., Chang C., Tourtellotte P., Grigoriev F. P. The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu). (The Kazakh—American Talgar Project 1994—2001). — Sweet Briar—Almaty, 2002. — 179 с.

Монография издана на английском языке. В издании содержатся некоторые результаты исследования и раскопок памятников разных эпох от эпохи бронзы до эпохи Средневековья Казахско-Американской археологической экспедиции. Обобщены накопленные материалы, сделана попытка воссоздать природно-климатические условия, изучить экономику и культурно-историческое развитие степных обществ, выявить роль кочевых племен в процессе урбанизации вдоль Шелкового пути в Юго-Восточном Казахстане. Приводятся результаты палеоботанических, зооархеологических и геоморфологических исследований, приведены абсолютные датировки по радиоуглеродному методу. На основании полученных данных делается вывод о том, что саки и усунь вели комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Издание содержит графические рисунки, карты, черно-белые фотографии, а также расширенное резюме на русском языке.

Досымбаева А. Мерке — сакральная земля тюрков Жетысу. — Тараз, 2002. — 108 с.

Издание содержит информацию о памятниках святилища тюрков Мерке. В монографии рассмотрена эколого-историческая ситуация территории святилища Мерке с описанием ландшафтно-топографической картины расположения памятников на местности, дано описание памятников тюрков, приведена статистика ритуальных конструкций с каменными изваяниями. Введены новые данные по искусству кочевников Казахстана: формирование образа женщины в искусстве средневековых номадов. Издание содержит цветные фотографии и графические рисунки, текст на казахском и русском языках, а также имеет расширенное резюме на английском языке.

Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Наскальные изображения Семиречья. — Алматы, 2002. — 264 с.

В книге подробно охарактеризованы наиболее значительные памятники наскального искусства Семиречья — урочища Тамгалы, Каракыр, Ой-Джайляу, Чокпар; ущелья Унгури, Теректы, Караиспе, Тайгак и т. д. Рассматриваются вопросы хронологии и семантики наскальных рисунков, выделяются различные типы святилищ с петроглифами и определяется их функциональное назначение. Исследуется вопрос об истоках возникновения и эволюции наскального искусства. Впервые прослеживается эволюция наскального искусства на территории Казахстана от эпохи энеолита до Средневековья. Книга содержит цветные фотографии и графические рисунки. Дано расширенное резюме на английском и немецком языках.

Новоженев В. А. Петроглифы Сары Арки. — Алматы, 2002. — 125 с.

Издание представляет собой полную публикацию результатов многолетних полевых исследований Археологической экспедиции Карагандинского государственного университета им. Е. А. Букетова на территории современной Карагандинской области. В книге представлена полная и комплексная информация о новых, малоизвестных и практически не изученных памятниках изобразительного творчества древнейших племен, живших на территории современного Центрального Казахстана. В научный оборот введены совершенно уникальные и не известные ранее научные материалы. Рассматриваются и анализируются петроглифические изображения повозок и «солнцеголовых» существ. Автор приводит многочисленные аналогии опубликованным материалам, предлагает серию датировок и исторических реконструкций. Книга содержит черно-белые фотографии и графические рисунки.

Байпаков К. М., Савельева Т. В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. — Алматы, 2002. — 212 с.

В монографии на основе материалов, полученных в ходе многолетних археологических исследований, дано представление о развитии городов и поселений Северо-Восточного Жетысу в эпоху Средних веков, о характере их застройки, росте транзитной торговли, распространении культурных традиций и религиозных воззрений по Великому Шелковому пути. В IX—XIII вв. формируются такие крупные ремесленные центры, как Талгар, Алматы, Чилик, Каялык. Раскопками выявлены остатки гончарного, медницкого, стекольного производств и особенно железодельного. Связанная Великим Шелковым путем с соседними странами и народами, городская культура представляла здесь один из своеобразных очагов цивилизации в системе культур и цивилизаций Евразии. Издание содержит технико-технологическую характеристику керамики, результаты ботанических, споропыльцевых, палеозоологических, антропологических и археосейсмологических исследований. Книга содержит цветные, черно-белые фотографии и графические рисунки. Дано расширенное резюме на английском языке.

НОВАЯ МОНОГРАФИЯ О РАННЕСРЕДНЕВЕКОМ САМАРКАНДЕ

Г. Мурадова (Самарканд, Узбекистан)

Ахунбаев Х. Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. — Самарканд: Международный институт Центральноазиатских исследований, 1999.

Среди историко-культурных областей Центральной Азии, безусловно, одно из первых мест принадлежит Согду и его столице Самарканду. Если говорить образно, Самарканд — это звезда первой величины в особом мироздании культурного наследия Центральной Азии.

История археологического изучения этого уникального города начинается с отсчета уже второго столетия с того времени, когда в далеких 1874—1895 гг. были заложены первые, тогда еще не обеспеченные надлежащей методикой раскопки, которые нередко характеризуются как раскопки, носившие сугубо кладоискательный характер.

Как и любой многослойный археологический памятник, Афрасиаб достаточно сложен для археологических исследований. Для их проведения необходимы четкая постановка целей, четкие и отработанные методики и приемы исследования многослойных памятников. Именно в силу этого многослойные памятники оказываются, как это ни парадоксально, наименее изученными. Примером тому могут служить два городища Парфавнисы — Старая и Новая Нисы. Старая Ниса, в основном однослойный памятник парфянского времени, изучена благодаря широкомасштабным раскопкам М. Е. Массона, В. М. Массона и др. достаточно хорошо. Что же касается Новой Нисы — памятника многослойного, то археологическое изучение её находится, не побоимся этого слова, на нулевом цикле. Её изучению много сил и энергии отдал М. Е. Массон. Но через полвека после его исследований практически ни один археолог так и не решился их продолжить. То же самое касается, например, Куняургенча (Гурганджа). Здесь относительно недавние раскопки Х. Юсупова на холме Кыркмолла дают датировку ранних культурных слоев античным временем, причем имеются материалы и более архаического периода. Но поразительнее всего то, что в современных изданиях традиционно наиболее древними памятниками называются памятники X в.

Эта закономерность отмечалась и в отношении городища Афрасиаб. Достаточно вспомнить, что после смерти В. Л. Вяткина в 1932 г. городище Афрасиаб надолго вышло из поля зрения археологов. В результате этого вплоть до конца 50-х гг. XX в., когда была образована специальная Афрасиабская археологическая экспедиция Института археологии АН УзССР, реконструкция раннесредневековой истории Самарканда была практически невозможна. Но теперь уже накоплен достаточно большой и разнообразный археологический материал, позволяющий проводить реконструкции как планировочной организации, городского благоустройства, так и отдельных градообразующих объектов и городских кварталов.

Реконструкции одного из центральных градообразующих объектов городища Афрасиаба посвящена монография Х. Г. Ахунбабаева «Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе», изданная в Самарканде Международным институтом Центральноазиатских исследований.

Книга открывается главой «Археологические данные о средневековом Самарканде». В ней дается обзор археологических исследований с конца XIX в. до конца 80-х гг. XX в.. Приходится сожалеть, что данная глава не очень велика по объёму и уже в силу этого не раскрывает всей полноты картины археологических работ в Самарканде за вековой период.

Очень скупо, к примеру, говорится о деятельности выдающегося археолога В. Л. Вяткина, который является основоположником археологического изучения Самарканда. Лишь упоминаются имена Ю. Ф. Ташходжаева, В. А. Шишкина, Г. В. Шишкиной и др., внесших неоценимый вклад в изучение Афрасиаба. Создается впечатление, что глава эта лишь подводит к основной теме, является своеобразным вторым предисловием к монографии (первое написано ответственным редактором монографии Ашрафом Ахмедовым).

Во второй главе — «К истории архитектуры раннесредневекового Самарканда» выделяется пять строительно-планировочных горизонтов, относящихся к раннесредневековой истории города с V в. до второй половины VII в. Нам представляется весьма важным, что в монографии прослеживаются уровни архитектурно-конструктивных и строительных приемов, исследуется строительный и облицовочный материал, при этом выделяются два типа пахсовой кладки — обычная и антисейсмическая, выделяются стандарты кирпича для различных строительных периодов.

Дворцовому комплексу в центральной части раннесредневекового Самарканда предшествовал строительно-планировочный период, архитектурные остатки которого сохранились в конструкциях дворца ихшидов. По этим остаткам Х. Г. Ахун-

бабаев предпринимает попытку проследить предысторию сложения дворца ихшидов Согда в Самарканде в отдельной главе своей монографии.

Он приходит к выводу, что здесь располагался известный тип раннесредневековых замков с донжоном и связывает это с историческим фоном V—первой половины VII в., насыщенных событиями, носящими характер этнических движений и военных экспансий. Он полагает, что появление на Афрасиабе в V—начале VI в. в пределах первой крепостной стены замка с донжоном обусловлено установлением в городе эфталитской гегемонии, о чем известно из письменных источников. Автор монографии делает вывод, что новые этнические доминанты стремились не только обезопасить себя, но и утвердить свое превосходство как складывающегося феодального класса. Он полагает, что здесь мы имеем дело с уникальным для центральноазиатского градостроительства явлением, когда городская территория, окруженная кольцами городских стен, имела не сплошную квартальную застройку, а отдельно стоящие замки.

Вывод этот достаточно интересен и важен как в теоретическом, так и в практическом плане. Такое явление, когда этнократические группы в завоеванных городах возводили замки или крепости, известно. Расширяя положение Х. Г. Ахунбабаева, можно вспомнить известное сообщение о построенных Александром Македонским в Маргиане шести крепостях, точное местонахождение которых неизвестно. Можно предположить, что эти крепости были потом перестроены, и нужны тщательные, прежде всего стратиграфические изыскания.

Большой материал в ходе археологических исследований был накоплен и по истории религии и культов раннесредневекового Согда, выделенного в монографии Х. Г. Ахунбабаева в специальную главу.

В ней приводятся данные о различных типах культовых построек, алтарях-очагах, предпринимается попытка их интерпретации. Х. Г. Ахунбабаевым выделяется два разделенных незначительным отрезком времени вида культовых сооружений, открытых на одном объекте. Первый тип — это дворцовый храм, второй — домашняя молельня аристократической согдийской семьи. Он полагает, что дворцовый храм связан с заупокойным культом, в котором большую роль играли Анахита и Митра, почитавшиеся одновременно и как астральные, и как хтонические божества. Что касается домашней молельни (называемой Ахунбабаевым также часовней или просто святилищем), то в монографии дается новый взгляд на нее.

В литературе такого рода молельни именуются домашними «капеллами», об их функциональном назначении имеется два основных положения. Согласно первому, помещения с очагом-алтарем не были специальными молельнями, хотя в них располагался, безусловно, почитаемый очаг, не использовавшийся для приготовления пищи. Они были основными помещениями в богатых домах. Согласно второму, «капеллы» были темными помещениями, иногда с шатровым перекрытием, и соединяли в себе функции родового культа предков и домашнего святилища огня с постоянным пламенем. Х. Г. Ахунбабаев приводит параллели с богатым пенджикентским домом, где его исследователь Л. Л. Гуревич выделяет парадно-культовую зону, состоящую из «капеллы», парадного зала и коленного коридора, и, применяя терминологию современных зороастрийцев Индии, отождествляет ее с типом «агиари» святилища огня. «Капелла» в таком случае играет роль «адурiana» — постоянного хранилища огня, а расположенный рядом парадный зал — роль «даре-мехр», где огонь возжигался для ритуала с большим числом участников.

Х. Г. Ахунбабаев полностью отказывается от положения о том, что помещения с очагом-алтарем являлись жилыми комнатами. Он пишет, что восстановление жилых комплексов, им исследованных, относится к началу 740-х гг., когда

арабские наместники разрешили согдийским дехканам, покинувшим Согд, вернуться на родину. В восстановленных домах согдийской знати Самарканда вновь отмечаются помещения с алтарями, но они резко отличаются от таковых доарабского Согда. Для них теперь отводится небольшой отсек помещения, т. е. эти помещения явно не могли служить «основными жилыми комнатами семьи». Вместе с тем, следуя традиции, они украшаются росписью, и особо выделяется алтарь — либо своими размерами, либо внешним оформлением.

Отсюда Х. Г. Ахунбабаев делает вывод, что помещения с алтарями, возводившиеся в период временного послабления со стороны мусульманской администрации, являются репликой с аналогичных помещений периода расцвета согдийской культуры.

В монографии Х. Г. Ахунбабаева для реконструкции религиозных верований населения раннесредневекового Согда приводится обширный этнографический материал, связанный с очагами-алтарями, их орнаментацией, с семантикой священного гранатового дерева.

В следующей главе автор на основе нумизматического материала приводит политическую и династийную историю Согда второй половины VII—начала VIII в. Бронзовые монеты этого периода с высшим в иерархии среднеазиатским титулом «царь» (MLK) являются политическим документом раннефеодального государственного образования. Далее дается краткая история изучения согдийских монет и упоминаются фамилии исследователей А. А. Фреймана, а также О. И. Смирновой и ее учеников Т. С. Эрнзаровой и Д. Давутова, которые являются основоположниками новой отрасли нумизматики — позднесогдийской нумизматики. Монеты ихшидов Согда и афшинов Панча пока остаются единственными монетами края, разновременные серии которых могут быть расположены в сравнительно твердо установленном хронологическом порядке от первой четверти VII в. до 50-х гг. VIII в. [Смирнова 1981: 631]. В изучении позднесогдийских монет еще достаточно нерешенных и спорных проблем. Автор отмечает, что в согдийской нумизматике не все монеты четко датированы, но детальная и хорошо разработанная стратиграфия культурных наслоений позволяет датировать сами монеты. Далее в главе на основе нумизматического материала разворачивается политическая и династийная история Согда второй половины VII—первой половины VIII в.

В VIII главе монографии дается более подробное описание согдийских монет из раскопок дворца ихшидов. Всего найдено 128 монет. Из них одна серебряная «драхма» с изображением лучника; две бронзовые анэпиграфные монеты раннего периода (V?—VI вв.) (Самарканд); одна согдо-китайская монета (VII в.); 107 монет относятся к царям (MLK) Согда, а также 13 монет не определенных, плохой сохранности (целых и обломков).

В последней главе приводятся археологические материалы, полученные в ходе раскопок дворца ихшидов, куда входят антропоморфная, зооморфная терракота, а также фантастические и сказочные персонажи. Более подробно дается описание керамического комплекса. В ходе раскопок были найдены и изделия из металлов — железа и цветных металлов, бронзовые, медные и свинцовые; из кости и рога; из камня.

В заключение, Х. Г. Ахунбабаев говорит о том, что комплексное изучение городских кварталов как сложных социальных организмов в Южном и Западном Согде, по существу, только разворачивается. Материалы древнего Самарканда имеют первостепенное значение в изучении общественного образа согдийского города. В силу ряда причин на Афрасиабе до последнего времени подвергся исследованию лишь один квартал, относящийся к доисламской поре, на топографической карте афрасиабского города это лишь $\frac{1}{400}$ часть площади преарабского Самар-

канда. Несмотря на это, проведенные исследования дали неоценимый материал для понимания социальной, экономической и политической истории города. В ходе раскопок получен обильный вещественный материал, освещающий все стороны культурной, хозяйственной, производственной деятельности населения Самарканда поры раннего Средневековья.

Все это в совокупности (по мнению автора) показывает актуальность и перспективность изучения городских кварталов раннефеодального Согда. Именно изучение градостроительной практики является определяющим фактором, стимулирующим научный поиск во всем многообразии проблем урбанизации, в том числе в области социальных процессов, протекавших в древнем обществе.

Литература

Смирнова 1981: *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	— Археологические вести. СПб.
АДСВ	— Античная древность и Средние века. Свердловск
АО	— Археологические открытия. М.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВВ	— Византийский временник. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ГВ	— Геологический вестник. Л.
ГИАЛО	— Государственный исторический архив Ленинградской области
ГЖ	— Горный журнал. СПб.
ГМЭ	— Государственный музей этнографии
ДАНСССР	— Доклады Академии наук СССР. М.
ДСИФМГУ	— Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета. М.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
Записки АН, ИФО	— Записки Академии наук, Историко-филологическое отделение. СПб.
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗКВ	— Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской АН. Л.
ИАНСССР	— Известия Академии наук СССР. М.
ИАНТаджССР	— Известия Академии наук Таджикской ССР. Душанбе
ИАНТуркмССР	— Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад
ИБМАЙКЦА	— Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
Известия арх. ком.	— Известия археологической комиссии. СПб.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд
ИОИФАНСССР	— Известия Отделения истории и философии Академии наук СССР
ИТОРГО	— Известия Туркестанского отдела Русского географического общества. Ташкент
ИЭСОЯ	— Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I—V. М.; Л., 1958—1995

- КИДУ — Культура и искусство Древнего Узбекистана: Каталог выставки. Кн. 1—2. М., 1991
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР. М.; Л.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МКА — Материальная культура Азербайджана. Баку
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
- НАА — Народы Азии и Африки. М.
- НАИИНАНАзерб — Научный архив Института истории Национальной Академии наук Азербайджана. Баку
- НС — Новая серия.
- НЦА — Нумизматика Центральной Азии. Ташкент
- ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
- ООН — Отделение общественных наук
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
- ПВ — Петербургское востоковедение. СПб.
- ПДВ — Проблемы Дальнего Востока. М.
- ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичная научная сессия ЛОИВ АН СССР (доклады и сообщения). М.
- ПрВ — Проблемы востоковедения. М.
- ПС — Палестинский сборник. Л.
- РА — Российская археология. М.
- СА — Советская археология. М.
- САИ — Археология СССР: Свод археологических источников. М.
- СВ — Советское востоковедение. М.; Л.
- СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
- СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
- СДГМ I — Согдийские документы с горы Муг. Вып. I: Фрейман А. А. Описание, публикация и исследование документов с горы Муг. М., 1962
- СДГМ II — Согдийские документы с горы Муг. Вып. II: Юридические документы и письма / Чтение, пер., коммент. В. А. Лившица. М., 1962
- СДГМ III — Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы / Чтение, пер. и коммент. М. Н. Боголюбова и О. И. Смирновой. М., 1963
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М.
- СВН — Серия востоковедческих наук
- СНВ — Страны и народы Востока. М.
- СОН — Серия общественных наук
- СТФАН СССР — Сообщения Таджикского филиала Академии наук СССР. Сталинабад
- СЭ — Советская этнография. М.
- ТАНТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад
- ТАЭ — Термезская археологическая экспедиция. Ташкент

ТИВ АН СССР	— Труды Института востоковедения Академии наук СССР. М.; Л.
ТИИАЭ АН ТуркмССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Туркменской ССР. Ашхабад
ТИЭ	— Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.
ТИЭАНСССР	— Труды Института этнографии АН СССР. М.
ТККАЭЭ	— Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.
ТОВЭ	— Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
ТСОЙКЭ	— Труды Советско-Йеменской комплексной экспедиции. М.
ТТАЭ	— Труды Таджикской археологической экспедиции. М.; Л.
ТТКАЭЭ	— Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. П. М.; Л.
ТТФАНСССР	— Труды Таджикского филиала Академии наук СССР. Сталинабад
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.
УЗГАНИИИЯЛ	— Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Горно-Алтайск
УЗИВ	— Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР. М.
УЗЛГУ	— Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л.
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ХЖ	— Химия и жизнь. М.
ЦГВИАРос	— Центральный Государственный военно-исторический архив России. М.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив
ЦГИААзерб	— Центральный Государственный исторический архив Азербайджана. Баку
ЭВ	— Эпиграфика Востока. М.; Л.
AAntASH	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AArchE	— Arabian Archaeology and Epigraphy. Oxford; etc.
AAAs	— Artibus Asiae. Ascona
ABSA	— The Annual of the British School at Athens. London
AcIr	— Acta Iranica. Téhéran; Liège
ACSS	— Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
ADAJ	— Annual of the Department of Antiquities of Jordan. Amman
AHistB	— Ancient History Bulletin. Calgary
AIUO	— Annali Istituto Universitario Orientale. Napoli
AJA	— American Journal of Archaeology. New York
AMI	— Archäologische Mitteilungen aus Iran. Berlin
ANP	— Antiquities of Northern Pakistan. Reports and Studies. Vol. 1 (Text). Rock Inscriptions in the Indus Valley / Ed. by K. Jettmar. Mainz

- AWb. — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. Berlin, 1961
- BAI — Bulletin of the Asia Institute. Bloomfield Hills; etc.
- BAOM — Bulletin of the Ancient Orient Museum. Tokyo
- BBAW — Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Berichte und Abhandlungen. Berlin
- BCorrH — Bulletin de Correspondance Hellénique. Athènes; Paris
- BMQ — The British Museum Quarterly. London
- BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London
- CACH — Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / Ed. by M. Alram and D. E. Klimburg-Salter. Wien, 1999 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 280; Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens. Nr. 31; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission. Bd. 33)
- CAJ — Central Asiatic Journal. Wiesbaden
- CHlr — The Cambridge History of Iran. Cambridge; etc.
- CHr — Coin Hoards. London
- CIr — Corpus Inscriptionum Iranicarum. London
- COWA — Chronologies in Old World Archaeology / Ed. R. W. Erich. Chicago; London
- CQ — Classical Quarterly. Oxford
- DKhS — *Bailey H. W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979
- DOP — Dumbarton Oaks Papers. Washington
- EIr — Encyclopaedia Iranica / Ed. by E. Yarshater. New York etc.
- EIsl — The Encyclopaedia of Islam. Leiden; London
- EW — East and West. Rome
- FO — Folia Orientalia. Wrocław; etc.
- GIPh — Grundriss der Iranischen Philologie. Strassburg
- GMS — *Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954
- HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies. Cambridge (Mass.)
- IAnt — Iranica Antiqua. Leiden; Gent
- IBIASCCA — Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Moscow
- IEJ — Israel Exploration Journal. Jerusalem
- IOS — Israel Oriental Studies. Tel-Aviv
- IsSt — Islamic Studies. Karachi
- JCOI — The Journal of the K.R.Cama oriental Institute. Bombay
- JHS — The Journal of Hellenic Studies. London
- JIT — The Journal of Indo-Turcica. Malatya
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago
- JNSI — The Journal of the Numismatic Society of India. Bombay; etc.
- JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
- MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris
- MDAI — Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran. Paris
- MRDTB — Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. Tokyo

MSS	— Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München
NEVP	— <i>Morgenstierne G.</i> A New Etymological Vocabulary of Pashto / Compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. Mackenzie and N. Sims-Williams. Wiesbaden, 2003
NF	— Neue Folge
NS	— New Series
PSAS	— Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. London
RA	— Revue Archéologique. Paris
RANLCSMSF	— Rendiconti dell'Accademia Nazionale dei Lincei. Classe di Scienze Morali, Storiche e Filologiche. Roma
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa. Stuttgart
RMPH	— Rheinisches Museum für Philologie
RSO	— Rivista degli studi orientali. Roma
SAA	— South Asian Archaeology
SIAL	— Studies on the Inner Asian Languages. Kobe
SovAA	— Soviet Anthropology and Archaeology. Selected articles from Soviet journals in English translation. New York
SPA	— A Survey of Persian art from Prehistoric Times to the Present / Ed. A. U. Pope. Vol. 1—6, London; New York, 1938—1939
SPI	— Stratum Plus. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест
SRAA	— Silk Road Art and Archaeology. Kamakura
StIr	— Studia Iranica. Paris
T'P	— T'oung Pao. Leiden
WZKM	— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien
ZArch	— Zeitschrift für Archäologie. Berlin

**ЗАПИСКИ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
(ЗВОРАО)**

Том II (XXVII)

Редактор и корректор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *М. В. Вялкина*

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18

Подписано в печать 10.09.2006
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90 ¹/₁₆. Объем 45,2 усл.-печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 468

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии СПБНИИ РАН «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7